

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

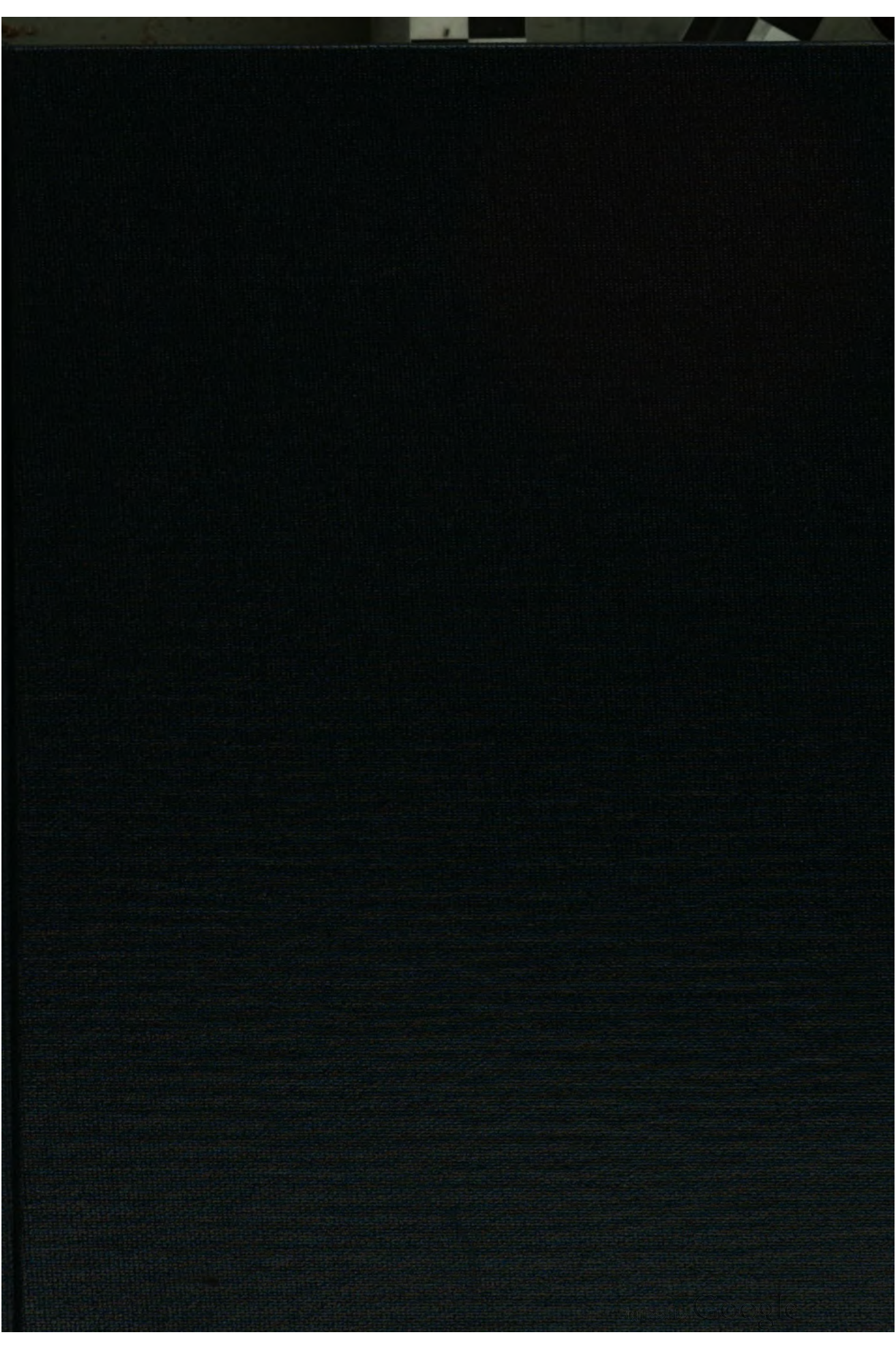
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНОВА.

Еваториппскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1883.

PSlav 318.10

~~XXXXX~~

~~PSlav 318.10~~

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Средняя Подъячская, № 1.
2386.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЬ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІІ.

223
1882

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Катерин. каналъ, между Вознес. и Маринскнхъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІИ.

Правительственные распоряженія.

О вліяніи германскаго и кельтическаго права на систему каръ и покаяній западной церкви. (Продолженіе) В. Сокольскаго.

Къ вопросу о древнихъ славянскихъ мягкихъ слогахъ въ произношеніи и на письмѣ А. Головачевскаго.

Гербордова біографія Оттона, епископа Вимбергскаго. (Продолженіе) А. Петрова.

Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу „пересмотра“ вопроса о происхожденіи Гунновъ. Н. Веселовскаго.

Вопросъ о Кельтахъ В. Васильевскаго.

Критика и библиографія:

Г. Н. Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1876—1877 годахъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Д. Анучина.

Исслѣдованія въ области русской грамматики. *А. Соболевскаго* В. Качановскаго.

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ *А. С. Архангельскаго*. Д. Б.

Новые журналы по народной словесности и мнѳологіи. А. Веселовскаго.

Наши коммерческіе учебники П. Колумбуса.

Общество любителей древней письменности въ 1881 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) высшія учебныя заведенія; б) педагогическіе курсы учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ въ гг. Миргородѣ, Гадячѣ и Кременчугѣ въ 1881 году.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (8-го іюня 1882 г.). Обь учрежденіи въ городѣ Гомелѣ (Могилевской губерніи) женской прогимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, обь учрежденіи въ городѣ Гомелѣ (Могилевской губерніи) женской прогимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія обь учрежденіи въ городѣ Гомелѣ (Могилевской губерніи) женской прогимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить, съ 1-го іюля 1882 года, въ городѣ Гомелѣ женскую прогимназію, на основаніи положенія и штата, Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 года, для женскихъ прогимназій юго-западнаго края.

2) Въ счетъ потребныхъ на содержаніе предложенной прогимназіи семи тысячъ двухсотъ тридцати руб., обратить съ 1-го

января 1883 г.: а) 700 руб., ассигнуемые по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія въ пособіе частному двухклассному женскому училищу въ городѣ Гомелѣ; б) 1,000 руб., отпускаемые на сіе училище мѣстнымъ городскимъ обществомъ; в) 500 руб., предложенныя означеннымъ обществомъ къ новому отпуску на содержаніе названной прогимназіи, и г) 3,000 руб.—изъ имѣющаго производиться въ оной сбора за ученіе, а недостающіе затѣмъ двѣ тысячи тридцать руб. отпустить, съ 1883 года, повымъ расходомъ изъ государственнаго казначейства.

3) На покрытіе необходимаго на содержаніе учреждаемой прогимназіи въ 1882 году расхода, въ количествѣ 3,615 руб., обратитъ означенныя въ пп. а—г предыдущей статьи суммы, въ половинномъ размѣрѣ, а недостающіе затѣмъ одну тысячу пятнадцать руб. отнести на остатки отъ назначеній по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія;

и 4) Возложить на гомельское городское общество, согласно постановленію онаго, обязательство, въ случаѣ недостатка специальныхъ средствъ Гомельской женской прогимназіи, покрывать могущій оказаться по содержанію оной, дефицитъ изъ своихъ средствъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генерал-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го іюля 1882 года, Динабургскую женскую четырехклассную прогимназію въ семиклассную гимназію, на точномъ

основаніи положенія и штата, Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 года для женскихъ гимназій юго-западнаго края.

2) На содержаніе означенной гимназій вносить, съ 1883 года, въ подлежація подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія по тринадцати тысячъ триста пятнадцати рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ счетъ этой суммы: а) 400 р.—изъ свѣчнаго съ Евреевъ сбора, б) 3,000 р., жертвуемыхъ мѣстною городскою думою, и в) 7,315 р.—изъ специальныхъ средствъ этого учебнаго заведенія. Потребную же на содержаніе V класса названной гимназій въ 1882 году сумму отнести на тѣ же спеціальныя средства;

и 3) Возложить на Динабургскую городскую думу, согласно постановленію ея отъ 9-го марта 1882 года, обязательство, въ случаѣ недостатка специальныхъ средствъ Динабургской женской гимназій на содержаніе трехъ высшихъ ея классовъ, покрывать этотъ дефицитъ изъ своихъ средствъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи С.-Петербургской V мужской прогимназій въ гимназію.

Его Императорское Величество вослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи С.-Петербургской пятой мужской прогимназій въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о преобразованіи С.-Петербургской пятой мужской прогимназій въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го іюля 1882 года, С.-Петербургскую пятую мужскую шестиклассную прогимназію въ гимназію, со внесеніемъ, на содержаніе оной и наемъ для нея помѣщенія, въ подлежація подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія: на 1883 годъ—тридцати шести тысячъ двухсотъ тридцати руб., а съ 1883 года—по тридцати семи тысячъ сто руб. въ годъ, и съ по-

казаніемъ, по тѣмъ же смѣтамъ, подлежащихъ отчисленію, въ счетъ платы за наемъ помѣщенія, изъ специальныхъ средствъ означенной гимназій, по четыре тысячѣ четыреста руб. въ годъ, пособіемъ государственному казначейству;

и 2) Потребныя въ 1882 году на содержаніе VII класса пазвапной гимназій 2,037 руб. 50 коп. и на наемъ для оной помѣщенія, въ добавокъ къ имѣющимся для сего средствамъ, 1,800 р., отнести на счетъ остатковъ отъ пазначеній по дѣйствующей смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (8-го іюня 1882 г.). Объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ спеціальныя средства сихъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ спеціальныя средства сихъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ спеціальныя средства сихъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

1) Плату за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа обратить, съ 1-го іюля 1882 года, въ спеціальныя средства каждаго изъ сихъ заведеній, въ отдѣльности, для употребленія, на точномъ основаніи существующихъ по сему предмету правилъ, преимущественно на пополненіе штатныхъ средствъ означенныхъ заведеній, на устройство параллельныхъ отдѣленій и на усиленіе учебныхъ пособій, а затѣмъ уже на вспоможеніе лицамъ, состоявшимъ или состоящимъ на службѣ при заведеніи и ихъ семействамъ, а равно на непредвидимые расходы;

я 2) Причитающіеся къ отпуску, во второй половинѣ 1882 года, изъ казны на содержаніе параллельныхъ отдѣленій, а равно на покрытіе сверхштатныхъ и хозяйственныхъ расходовъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа девяносто одну тысячу двѣсти восемьдесятъ руб. пятьдесятъ коп., за обращеніемъ этихъ расходовъ на спеціальныя средства означенныхъ заведеній, присоединить къ свободнымъ ресурсамъ государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

5. (8-го іюня 1882 г.). Объ увеличеніи оклада содержанія директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи оклада содержанія директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о повышеніи оклада содержанія директору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Должности директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ прислать окладъ содержанія, при казенной квартирѣ, въ четыре тысячи пятьсотъ рублей (въ томъ числѣ жалованья 2,500 руб. и столовыхъ 2,000 руб.), съ обращеніемъ изъ означеннаго оклада содержанія двухъ тысячъ рублей на спеціальныя средства гимназическихъ классовъ названнаго института и двухъ тысячъ пятьсотъ рублей—на суммы государственнаго казначейства.

2) Причитающіеся въ текущемъ году, по расчету съ 1-го іюля, на увеличеніе содержанія директору Лазаревскаго института, одну тысячу двѣсти пятьдесятъ руб., отнести на счетъ остатковъ отъ назначеній по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1882 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

6. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи Корочанской прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Корочанской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Корочанской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го іюля 1882 года, Корочанскую (Курской губерніи) мужскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію.

2) На содержаніе означенной гимназіи ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства: на 1883 годъ—двадцать пять тысячъ двѣсти тридцать руб., а съ 1884 года — по двадцати шести тысячъ сто руб. въ годъ, съ обращеніемъ въ счетъ этихъ суммъ: а) ассигнуемыхъ на тотъ же предметъ мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ на 1883 годъ, 12,809 руб. 10 коп. и съ 1884 года по 10,771 руб. 60 коп. въ годъ и б) подлежащихъ съ 1883 года отчисленію изъ специальныхъ средствъ означенной гимназіи на содержаніе оной по 1,478 руб. 40 коп. въ годъ.

3) Потребныя на содержаніе въ 1882 году VII класса названной гимназіи 2,037 руб. 50 коп. отнести на средства мѣстнаго уѣзднаго земства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

7. (10-го іюня 1882 г.). О присвоеніи начальному народному училищу въ м. Жагорахъ, Шавельскаго уѣзда, наименованія Александровскаго.

Государь Императоръ, по всенодданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 10-й день іюня 1882 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе существующему въ м. Жагорахъ, Шавельскаго уѣзда Ковенской губерніи, начальному народному училищу на-

именованія „Александровскаго“, въ память въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

8. (6-го іюля 1882 г.). О преобразованіи Златопольской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о преобразованіи Златопольской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта. Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по настоящему предмету, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го іюля 1882 года, Златопольскую (Кіевской губерніи) мужскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ, со внесеніемъ, на содержаніе оной, въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія: на 1883 годъ — двадцати одной тысячи четырехсотъ тридцати семи руб. пятидесяти коп., а съ 1884 года—по двадцати двѣ тысячи пятисотъ шестидесяти руб. въ годъ, и съ показаніемъ, по тѣмъ же смѣтамъ, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе названной прогимназіи жертвуемыхъ мѣстнымъ обществомъ 1,500 руб., а также подлежащихъ отчисленію изъ спеціальныхъ средствъ означеннаго заведенія 2,275 руб.

и 2) Потребную на содержаніе V класса упомянутой прогимназіи въ текущемъ году сумму, въ количествѣ двухсотъ сорока пяти руб., сверхъ жертвуемыхъ на этотъ предметъ мѣстнымъ обществомъ 1,500 руб., отнести на счетъ остатковъ отъ ассигнованій по дѣйствующей смѣтѣ того же министерства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

9. (8-го іюля 1882 г.). Объ учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ преміи имени умершаго учителя рисованія Пельхау.

Ученики Рижскаго городского реального училища представили

директору сего училища собранный ими, при содѣйствіи родителей, капиталъ въ сто рублей, для учрежденія, на счетъ процентовъ съ этого капитала, при названномъ училищѣ преміи имени умершаго учителя рисованія означеннаго учебнаго заведенія Оскара Пельхау.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 8-й день іюля 1882 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе помянутой преміи.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

14-го августа 1882 года (№ 12). Утверждаются на три года: тайный совѣтникъ Галаганъ, Лифляндскій ландратъ фонъ-Гротте канцлеръ Лифляндскаго обергофгерихта баронъ фонъ-дербъ-Брюггенъ и баронъ фонъ-ганъ-Шнепельпъ—почетными попечителями гимназій: первый—Прилуковской, второй—Рижской губернской, третій—Митавской губернской и послѣдній—Гольдингенской.

Исправляющій должность Калужскаго губернскаго предводителя дворянства Яповскій—почетнымъ попечителемъ Калужскаго реального училища.

Увольняются, согласно прошенію:—почетный попечитель Пермскаго Алексіевскаго реального училища, надворный совѣтникъ Любимовъ—отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го іюля 1882 г.). Положеніе о преміи имени бывшаго учителя рисованія Оскара Пельхау при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 8-й день іюля 1882 года, учреждается при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ процентовъ съ собраннаго учениками сего училища, при содѣйствіи родителей, капитала въ сто руб., премія имени бывшаго учителя рисованія названнаго училища, Оскара Пельхау.

2) Премія выдается одному изъ учениковъ Рижскаго городского реального училища, отличающемуся рвеніемъ и способностями въ

рисованіи, безъ различія вѣроисповѣдованія и національности, по назначенію учительской конференціи означеннаго учебнаго заведенія.

3) Въ случаѣ увеличенія обезпечивающаго премію отъ временной выдачи премія или могущихъ быть пожертвованій, по опредѣленію учительской конференціи училища могутъ быть выданы преміи нѣсколькимъ ученикамъ.

4) Завѣдываніе преміей лежитъ на обязанности учительской конференціи училища, которая въ концѣ каждаго года представляетъ отчеты по сему предмету Рижской городской училищной коллегіи.

2. (15-го іюля 1882 г.). Положеніе о шести стипендіяхъ имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Доминикии Андреевны Деменко при Александровской Старобѣльской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по положенію комитета министровъ въ 10-й день августа 1879 года, на проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовой дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. А. Деменко, учреждаются при Александровской Старобѣльской гимназіи шесть стипендій ея имени.

2) Капиталъ сей заключается: а) въ пяти тысячахъ руб., помѣщенныхъ на вѣчныя времена въ Харьковскій городской купеческій банкъ; б) въ 5% билетахъ восточныхъ займовъ, на нарицательную сумму пять тысячъ четыреста руб., въ Харьковскомъ отдѣленіи государственнаго банка; в) въ 18-ти государственныхъ 5% банковыхъ билетахъ 5-го выпуска, 4-хъ билетахъ 3-го восточнаго займа по 100 р. и 2-хъ билетахъ 1-го восточнаго займа по 50 руб. каждый на нарицательную сумму въ двѣ тысячи триста руб., хранящихся въ Старобѣльскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

2) Стипендіями могутъ пользоваться, начиная со 2-го класса включительно, представившіе свидѣтельство о бѣдности, примѣрные, способные и благоправные ученики Старобѣльской гимназіи, родители коихъ принадлежать къ числу жителей города Старобѣльска или его уѣзда.

4) Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или оставленія по лѣности и нерадѣнію въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендіатъ лишается права пользоваться стипендіей.

5) Право избранія стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Александровской Старобѣльской гимназіи, при чемъ, въ случаѣ большаго количества достойныхъ кандидатовъ на стипендію, вопросъ рѣшается жребіемъ.

6) Какіе-либо случайные остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ стипендіямъ слѣдующаго года.

3. (20-го іюля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени священника Александра Степурскаго при Александровской Сумской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго священникомъ Александромъ Степурскимъ капитала въ двѣ тысячи двѣсти руб., заключающагося въ облигаціяхъ восточнаго займа, учреждается при Александровской Сумской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

2) Обеспечивающей стипендію капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Александровской Сумской гимназіи.

3) Стипендіею пользуется одинъ изъ бѣдныхъ воспитанниковъ Александровской Сумской гимназіи, заслуживающей того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, преимущественно изъ дѣтей духовнаго званія, въ теченіи всего гимназическаго курса.

4) Выборъ стипендіата, а также лишеніе стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительнаго поведенія пользующагося оною, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи. Выдача стипендіи прекращается также и въ томъ случаѣ, когда матеріальныя средства стипендіата настолько улучшатся, что назначеніе ему пособій становится ненужнымъ.

5) Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу стипендіи.

4. (21-го іюля 1882 года). Положеніе о стипендіи имени ксендза Климентія Бальчевскаго при Виленской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 2,560 руб., завѣщаннаго бывшимъ настоятелемъ Интурскаго костела, ксендзомъ Климентіемъ Игнатъевичемъ Бальчевскимъ, учреждается при Виленской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка втораго выпуска, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ спеціальныхъ средствахъ Виленской гимназіи, и составляетъ неотъемлемую собственность оной, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Виленской гимназіи изъ достойнѣйшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ оной, дворянскаго происхожденія и римско-католическаго исповѣданія, изъ Патурскаго прихода, Виленскаго уѣзда.

4) Если въ Виленской гимназіи не окажется кандидата, отвѣчающаго условіямъ § 3, то проценты обращаются на приращеніе завѣщаннаго капитала.

5) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время пребыванія своего въ Виленской гимназіи.

6) Если окажется нѣсколько лицъ, имѣющихъ одинаковое право на полученіе стипендіи, то стипендія предоставляется одному изъ наличныхъ кандидатовъ по жребію.

7) Проценты со всего наличнаго капитала выдаются избранному стипендіату въ два срока, въ сентябрѣ и въ февралѣ мѣсяцахъ.

8) Стипендіатъ, выбывшій по какимъ бы то ни было причинамъ изъ Виленской гимназіи, лишается стипендіи и на его мѣсто избирается другой.

5. (3-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени умершаго генераль-маіора Дмитріева при Кронштадтской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, собраннаго полковникомъ Андреемъ Алексѣвичемъ Петровымъ по Высочайше разрѣшенпой во 2-й день іюня 1869 года подпискѣ между корабельными инженерами и мастерами Кронштадтскаго порта, учреждается при Кронштадтской мужской гимназіи одна стипендія имени умершаго генераль-маіора Дмитріева.

2) Обезпечивающій стипендію капиталъ заключается въ облигаціи восточнаго займа и хранится въ Кронштадтскомъ казначействѣ, въ числѣ стипендіальныхъ средствъ упомянутой гимназіи, составляя неотъемлемую ея собственность.

3) Проценты означеннаго капитала употребляются на плату въ

установленные сроки, за право ученія стипендіата, а могущіе оказаться остатки выдаются на руки родителямъ стипендіата или заступающимъ ихъ мѣсто на учебныя пособія.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Кронштадтской гимназіи. При выборѣ стипендіата полковнику Петрову предоставляется пожизненно право совѣщательнаго голоса въ упомянутомъ совѣтѣ.

5) Стипендіатъ избирается изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ Кронштадтской гимназіи, преимущественно изъ сыновей лицъ, исполняющихъ или исполнявшихъ техническія обязанности при мастерскихъ или судостроеніи Кронштадтскаго порта.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія только по особо уважительнымъ причинамъ, по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го іюля 1882 года (№ 10). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Васильевъ—вновь деканомъ факультета восточныхъ языковъ сего университета, на три года, съ 16-го іюня 1882 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, по 25-е марта 1885 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Карастелевъ—вновь сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета, по кафедрѣ аналитической механики, на пять лѣтъ, съ 10-го іюня 1882 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, надворный совѣтникъ Громека—ординарнымъ профессоромъ сего университета, по занимаемой имъ кафедрѣ аналитической механики, съ 28-го мая 1882 г.

Профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи, коллежскій ассессоръ Потылицинъ—

экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ химіи, съ 1-го іюля 1882 г.

Доцентъ Императорскаго Казаискаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Скворцовъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ гігіены и медицинской полиціи, съ 1-го іюля 1882 г.

Учители гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской Соколовъ и состоящей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Билибинъ — преподавателями сего института, первый—политической географіи и второй—математической географіи, оба съ 1-го іюля 1882 г., съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Директоръ С.-Петербургской пятой прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Моръ — директоромъ С.-Петербургской восьмой гимназіи, преобразованной изъ означенной прогимназіи, съ 1-го іюля 1882 г.

Лифляндскій лаудратъ, въ званіи камергера, статскій совѣтникъ фонъ-Рихтеръ — предсѣдателемъ училищной коллегіи мужской гимназіи Императора Александра II-го въ м. Биркенруэ, близъ Вендена, Лифляндской губерніи, съ 1-го іюля 1882 г.

Выдержавшій испытаніе на званіе старшаго учителя нѣмецкаго и древнихъ языковъ Кохъ—директоромъ мужской гимназіи Императора Александра II-го въ м. Биркенруэ, близъ Вендена, Лифляндской губерніи, съ 1-го іюля 1882 г.

Испекторъ Борисоглѣбской прогимназіи, коллежскій ассессоръ Посадскій-Духовской—директоромъ реального училища въ г. Изюмѣ, Харьковской губерніи, съ 1-го іюля 1882 г.

Исполняющій обязанности инспектора Елабужскаго реального училища, учитель сего училища, статскій совѣтникъ Ивановъ—директоромъ сего же училища.

Испекторы прогимназій: Московской первой—статскій совѣтникъ Кашкадамовъ и Сергіево-Посадской—статскій совѣтникъ Тихомировъ—директорами сихъ прогимназій, оба съ 1-го іюля 1882 г.

Потомственный почетный гражданинъ, купецъ Наставинъ—почетнымъ попечителемъ Касимовской прогимназіи, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Любомиръ Дымша, съ 27 іюня 1882 г., съ откомандированіемъ для занятій въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Костром-

ской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масленниковъ, съ 27-го марта 1882 г.

Командируется: помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій—на двадцать девять дней, въ Москву, С.-Петербургъ и Харьковъ.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на три недѣли: директоръ Кіевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Палиенко, въ Москву и Черниговскую губернію.

По 15-е августа 1882 года: ректоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Цѣхановецкій, въ Черниговскую, Кіевскую и Херсонскую губерніи.

На двадцать семь дней: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воронцовъ-Вельяминовъ, въ Московскую и Тульскую губерніи.

На двадцать восемь дней: директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства съ Новой Александріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бажаповъ, въ разныя губерніи, директоръ Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Виноградскій, въ Московскую и С.-Петербургскую губерніи, и дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Моревъ, въ Ярославскую губернію.

На мѣсяцъ: директора гимназій: Калинской мужской—статскій совѣтникъ Савицкій и Уфимской—статскій совѣтникъ Матвѣевъ, въ разныя губерніи, директоръ С.-Петербургской Введенской прогимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Груздевъ, во внутреннія губерніи, и директоръ Мпнской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Тимоѣевъ, въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и семь дней: директоръ Виленской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Балвановичъ, въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и десять дней: директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Добровторскій, въ Москву и С.-Петербургъ.

На мѣсяцъ и двѣнадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ Посяда, на Кавказъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: директоръ Скопинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Львовъ, въ Московскую, Тамбовскую и Калужскую губерніи.

б) за границу: на семь дней: чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Мипковъ.

На пятнадцать дней: исправляющій должность инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Вегеръ.

На двадцать дней: учитель Камратскаго двухкласснаго народнаго училища Кованжи.

По 15-е августа 1882 года: доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Зайкевичъ.

По 16-е августа 1882 года: врачъ Царпской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Браше, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: учитель Костромскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Фарваньи.

На два мѣсяца: лаборантъ химической лабораторіи Императорской академіи наукъ, коллежскій секретарь Кракау, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать девять дней: заслуженный сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Карастелевъ, по болѣзни.

Увольняются: а) за выслугою срока: директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Носовичъ—отъ службы, съ 1-го іюля 1882 г., съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

и б) Согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Вильгельмъ Стида—отъ сей должности, съ 1-го іюля 1882 г.

Директоры реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бордюговъ и Пермскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Залежскій—отъ службы съ 1-го іюля 1882 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Чебышевъ—отъ службы при университетѣ, съ 13-го іюля 1882 г.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному гражданину Бенедиктову—за пожертвованіе на устройство домовой церкви при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ.

Вышнему попечителю Бобруйской бесплатной жепской школы, часть ссхшн, отд. 1.

питану Соханскому—за весьма полезную дѣятельность по отноше-
нію къ означенному учебному заведенію.

Начальницѣ Новоторжской женской прогимназіи Ивковой — за продолжительную и примѣрно полезную дѣятельность въ упомянутой должности.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Учебникъ естествознанія“ для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Ботаника. Составилъ В. Э. Иверсенъ, преподаватель ремесленнаго училища Цесаревича Николая. С.-Петербургъ. 1882 г. цѣна 50 к.,—допустить какъ учебное пособие по ботаникѣ для среднихъ и низшихъ училищъ.

Книгу „Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique de lecture, de conversation, d'orthographe, de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures et moyennes, par Alphonse Rancy. 2-me partie. S.-Petersbourg. 1882. (Элементарное практическое руководство французскаго языка, постепенный систематическій курсъ чтенія, бесѣдъ, правописанія, грамматики и переводовъ для употребленія въ низшихъ и среднихъ классахъ, сост. Альфонсъ Ранси. Часть 2-я. С.-Петербургъ. 1882 г.). Цѣна 60 к.,—одобрить въ качествѣ руководства для женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія и въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ среднеучебныхъ заведеній министерства.

— Книги: „Этимологія русскаго языка“ для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили А. Кирпичниковъ и Ѡ. Гиляровъ. Изданіе 17-е, вновь пересмотрѣнное (тридцать девятый десятокъ тысячъ). Москва. 1882 г. Цѣна 40 коп.,—и „Синтаксисъ русскаго языка“, примѣнительно къ правописанію. Составилъ А. Кирпичниковъ. Изданіе 13-е, исправленное и дополненное согласно новому учебному плану. Москва. 1882 г. Ц. 40 к.,—одобрить: первую какъ учебное руководство по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а вторую какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій (мужскихъ и женскихъ) реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ.

— Книгу „Наука о богослуженіи православной церкви“. Въ двухъ частяхъ. Составилъ преподаватель Московской духовной семинаріи П. Лебедевъ. Москва 1881 г., одобрить для приобрѣтенія въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1, „Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи“. Курсъ младшаго возраста, изложенный по преимуществу въ чертахъ эпизодическихъ и біографическихъ. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе 13-е. Москва. 1881 г. Цѣна 75 к.—2) „Руководство ко всеобщей исторіи“. Средній курсъ. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе 16-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 руб.;—и 3) Руководство къ русской исторіи.—Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе 22-е. Москва. 1881 г. Цѣна 40 коп.“—одобрить: первую какъ руководство для младшихъ классовъ гимназій, вторую какъ учебное пособіе для мужскихъ гимназій и какъ руководство для женскихъ, и третью въ качествѣ учебника для двухклассныхъ училищъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Разказы изъ римской исторіи“, для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. Сост. г-жею Бизлей. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. Москва. 1880 г. Цѣна 45 коп.,—допустить въ бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Наталья, болгарская дочь“.—Повѣсть Карамзина.—Москва. 1880 г. (Цѣна не обозначена)—допустить въ бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ“.—Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г. (Цѣна не обозначена) допустить въ бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу „Св. Кириллъ и Меодій, просвѣтителі Славянъ“. П. Рогова.—Изд. второе. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 10 коп.,—допустить въ бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу „Боже! Царя Храпи!“ Бесѣда съ православнымъ русскимъ народомъ.—Изд. Православ. Вилен. Св. духов. братства.—

Вильна 1880 г.,—допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

Составленную А. Н. Анненскою книгу: „Аппа“. Романъ для дѣтей. Изд. кн. Макуловой. С.-Пб. 1881 г.,—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ.

— Книги: Пушкина „Мѣдный Всадникъ“. Изд. подъ ред. Стоюнина. Цѣна 20 коп. и Погоскаго. Старики, изд. „Досугъ и Дѣло“, цѣна 20 коп.,—допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Составленную В. Водовозовымъ Книгу: „Книга для первоначальнаго чтенія“, въ народныхъ школахъ. Ч. I. Изд. 15-е. С.-Пб. 1882 г. Ц. 45 коп.,—одобрить для класснаго употребленія во всѣхъ низшихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Механикъ-самоучка Иванъ Петровъ Кулибинъ. Е. Ф. Николаевой. Съ раскрашеною картинкою. Изданіе комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1882 г.“—допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Составленную I. А. Порчинскимъ книгу: „Краткія свѣдѣнія о насѣкомыхъ, наиболѣе вредящихъ русскому полеводству. Съ 10 политипажамъ въ текстѣ и 2 гравюрами. С.-Пб. 1882 г.“—признать заслуживающею особой рекомендаціи для учительскихъ библіотекъ народныхъ сельскихъ училищъ.

— Книгу „Опытъ образцовъ систематическаго диктанта. Составленъ комиссіею при Московской второй гимназіи. Изданіе 4-е. М. 1880 г. Ц. 30 к.“—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 30-й день іюля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе издательскаго общества при Высочайше учрежденной постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургъ и его окрестностяхъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) закрыть параллельное отдѣленіе при I классѣ Кіевскаго реальнаго училища и открыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, таковыя отдѣленія при IV и V классахъ названнаго училища, на счетъ спеціальныхъ средствъ училища, увеличивъ для сего, съ того же срока, плату за

ученіе въ означенномъ училищѣ съ сорока до пятидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика; 2) открыть, съ начала 1882 — 1883 учебнаго года, дополнительный классъ, съ общимъ отдѣленіемъ, при Влоцлавскомъ реальномъ училищѣ, съ отпесеніемъ потребнаго для сего ежегоднаго расхода на спеціальныя средства названнаго училища; 3) закрыть, съ 1-го сего августа, параллельныя отдѣленія при VII и VIII классахъ Виленской мужской гимназій и открыть, съ начала текущаго учебнаго года, параллельное отдѣленіе при V классѣ названной гимназій, съ отпесеніемъ содержанія сей параллели на счетъ суммы сбора за ученіе въ оной, въ размѣрѣ по шестидесяти рублей въ годъ съ каждаго ученика; 4) закрыть, съ начала сего 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Александровскаго Полтавскаго реальнаго училища, и открыть, взамѣнъ онаго, съ того же срока, таковое отдѣленіе при III классѣ названнаго училища; 5) открыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VIII классѣ Новочеркасской гимназій, съ отпесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства названной гимназій; 6) закрыть параллельныя отдѣленія при V и VII классахъ Полтавской гимназій и открыть, взамѣнъ оныхъ, съ начала 1882 — 1883 учебнаго года, таковыя отдѣленія при IV и VIII классахъ названной гимназій; 7) открыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Камонецъ-Подольской гимназій, съ отпесеніемъ потребнаго для сего расхода, въ количествѣ двухъ тысячъ трехъ сотъ двадцати рублей, на спеціальныя средства названной гимназій; 8) закрытое, согласно предположенію министерства народнаго просвѣщенія отъ 27-го мая сего года за № 6298, 2-е параллельное отдѣленіе при I классѣ Николаевской Александровской гимназій, вновь открыть при томъ же классѣ, съ обращеніемъ на содержаніе его 1,500 руб., назначенныхъ для сего Николаевскою городскою думою; 9) закрыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Могилевской гимназій и открыть, взамѣнъ онаго, таковое же отдѣленіе при V классѣ сей гимназій, съ отпесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства названной гимназій; 10) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Варшавскихъ первыхъ мужской и женской гимназійхъ, съ начала текущаго 1882—1883 учебнаго года, въ приготовительныхъ классахъ сихъ учебныхъ заведеній съ 10 до 15 руб. и въ основныхъ классахъ съ 20 до 30 руб. въ годъ.

О ВЛІЯНІИ ГЕРМАНСКАГО И КЕЛЬТИЧЕСКАГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯНІИ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ¹⁾.

III.

Ученіе объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ съ давнихъ поръ обращало на себя вниманіе ученыхъ. Въ литературѣ XVII столѣтія мы встрѣчаемся уже съ пространнымъ трактатомъ объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ, написаннымъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ Іоанномъ д'Авезаномъ (Jean d'Avezan) ²⁾, а въ повѣйшее время вопросъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ цѣлымъ рядомъ германскихъ ученыхъ, изъ сочиненій которыхъ въ особенности заслуживаетъ вниманіе монографіи Кобера ³⁾ и Кельпера ⁴⁾. Въ виду этого въ настоящемъ отдѣлѣ нашего труда мы не займемся самостоятельнымъ изслѣдованіемъ частности ученія объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ, а только выясненіемъ основнаго характера системы особенныхъ церковныхъ наказаній и того вліянія, которое эта система имѣла на

¹⁾ *Продолженіе*. См. июльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Трактатъ Іоанна Девезана помѣщенъ въ его сочиненіи «*Liber de censuris ecclesiasticis* (Первое изданіе: Aureliae 1654, перепечатанное потомъ въ *Meerman, Novus Thesaurus juris civilis et canonici*. Tom. IV. Hagae 1752) подъ заглавіемъ: *Tractatus de depositione, degradatione et suspensione*.

³⁾ *Ueber die Strafe der Suspension*. Tuebingen 1859, и *Die Deposition und Degradation*. Tuebingen 1867.

⁴⁾ *Das Buss- und Stravorfahren gegen Kleriker in den ersten sechs christlichen Jahrhunderten*. Trier 1863. Въ русской литературѣ очеркъ исторіи особенныхъ церковныхъ наказаній находимъ у *Суворова*, стр. 226 и слѣд.

систему общихъ церковныхъ взысканій. При этомъ считаемъ необходимымъ обратить наше вниманіе преимущественно на генезисъ и развитіе карательнаго элемента въ системѣ особенныхъ церковныхъ взысканій въ первые пять столѣтій по Р. Х.

Подъ особенными церковными наказаніями новѣйшая доктрина церковнаго права понимаетъ такіа взысканія, которыя налагаются на клириковъ и состоятъ въ лишеніи или ограниченіи присущихъ имъ особенныхъ церковныхъ правъ. Но при историческомъ изслѣдованіи системы особенныхъ церковныхъ наказаній, нельзя ограничиться разсмотрѣніемъ только что указаннаго цикла церковныхъ взысканій, а необходимо также заняться изученіемъ порядка наложенія на клириковъ и общихъ церковныхъ взысканій, такъ какъ первоначально всѣ взысканія, налагаемыя на клириковъ, въ чемъ бы они не состояли, противопоставались взысканіямъ, налагаемымъ на мірянъ. Въ такомъ смыслѣ и будетъ пониматься терминъ „особенныя церковныя наказанія или взысканія“ въ послѣдующемъ изложеніи.

Несомнѣнно, что съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на клириковъ налагались взысканія, состоявшія въ лишеніи или ограниченіи особенныхъ присущихъ клиру церковныхъ правъ¹⁾; по основаніе болѣе или менѣе опредѣленной системѣ особенныхъ церковныхъ взысканій положено было только въ III вѣкѣ. Почему именно въ означенное время возникла система особыхъ церковныхъ взысканій, объясняется обыкновенно слѣдующимъ образомъ: Полагаютъ, что различіе, установившееся въ составѣ церковнаго общества путемъ естественнаго внутренняго развитія между клириками съ одной и мірянами съ другой стороны, опредѣлилось окончательно подъ копецъ II и въ началѣ III столѣтія подѣ влияніемъ идей, заимствован-

¹⁾ *Кельмеръ* (р. 31) приводитъ одно мѣсто изъ сочиненія Тертуліана: *De Baptismo* (cap. 17), свидѣтельствующее о томъ, что уже апостолы прибѣгали къ изверженію, какъ къ средству наказанія для провинившихся клириковъ. Въ этомъ мѣстѣ говорится слѣдующее: *Quod si, quae Pauli perpetim scripta sunt exemplum Theclae ad licentiam mulierum docendi tinguendique defendunt, sciant, in Asia presbyterum, quia cum scripturam construxit, quasi titulo Pauli de suo cum muliere convictum apud Iouannem atque confessum, id se amore Pauli fecisse, loco decessisse.* Впрочемъ, какъ замѣчаетъ самъ Кельмеръ,—мѣсто это, въ виду того что подлинность словъ *apud Iouannem*, не доказана, нельзя проводить какъ неоспоримое доказательство. Тѣмъ не менѣе, что отрѣшеніе отъ должности практиковалось во времена апостольскія, несомнѣнно, ибо о немъ упоминается въ посланіи Климента I къ Коринтянамъ (гл. 44).

нихъ изъ римскаго государственнаго права ¹⁾ Думаютъ, что этому перенесенію идей римскаго государственнаго права въ сферу церковной жизни въ особенности способствовали Тертуліанъ, сочиненія котораго облачаютъ такое близкое знакомство съ римскимъ правовымъ и государственнымъ строемъ. Тертуліанъ де, первый изъ церковныхъ писателей, предлагаетъ къ клиру названіе „ordo“, заимствуя это названіе изъ римской юридической терминологіи. Онъ же, противопоставляя клиръ (ordo) мірянамъ, переноситъ въ сферу церковной жизни давно знакомое римской государственной жизни противоположеніе между ордо, подъ которымъ понималось сословіе сенаторовъ и всадниковъ въ Римѣ и сословіе декуріоновъ въ муниципіяхъ, и plebs, подъ каковое названіе подходили всѣ остальные граждане. Такимъ образомъ, согласно только что указанному воззрѣнію, уже подъ конецъ II столѣтія церковь стала разсматривать клиръ какъ нѣчто подобное сословію сенаторовъ, всадниковъ и декуріоновъ. Подобное сближеніе, въ частности, должно было связаться и на церковно-судебной практикѣ въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ. Для сенаторовъ и декуріоновъ существовали въ римскомъ правѣ, какъ наказанія, двѣ главныя мѣры: 1) *comotio, depositio, degradatio*, наказаніе, состоявшее въ исключеніи изъ сословія, въ потерѣ достоинства, и 2) *prohibitio, honoris s. suspensio*, наказаніе, состоявшее въ запрещеніи предпринимать какія-либо должностныя функціи, безъ исключенія изъ ордо, и назначавшееся на опредѣленный срокъ, или же неопредѣленно. Въ церковно-судебной практикѣ установились для клира, вслѣдствіе его сопоставленія съ римскими *ordines*, взысканія, во всѣхъ отношеніяхъ подобныя только что указаннымъ. Съ подобнымъ воззрѣніемъ, какъ намъ кажется, нельзя согласиться. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что и до Тертуліана церковные писатели употребляютъ для обозначенія различныхъ классовъ церковнаго общества термины, означавшіе у древнихъ сословныя подраздѣленія. Такъ въ посланіи Климента I къ Коринѳянамъ (гл. 44) читаемъ: "Ἐκαστος ὑμῶν, ἀδελφοί, ἐν τῇ ἰδίῃ τάγματι εὐχαριστεῖτω Θεῷ, ἐν ἀγαθῇ συνειδήσει ὑπάρχων, μὴ παρεχβαίνων τὸν ὄρισμένον τῆς λειτουργίας αὐτοῦ κανόνα, ἐν ζωνότητι. Хотя употребленный здѣсь терминъ *τάγμα* воиопнѣ соотвѣтствуетъ латинскому *ordo* или *status*, тѣмъ не менѣе никто не признаетъ возможнымъ предположить, что сближеніе между клиромъ и римскими сословіями началось уже во времена Климента I, то-есть,

¹⁾ Суворовъ. 227 и слѣд.

въ первое столѣтіе нашего лѣтосчисленія. Но—могутъ возразить намъ—отъ Тертуліана, котораго многіе считаютъ однимъ и тѣмъ же лицомъ съ Тертуліаномъ, фрагменты изъ сочиненій коего находятся въ Дигестахъ, мы можемъ ожидать большей точности въ употребленіи юридическихъ терминовъ, чѣмъ отъ Климента I, не получившаго юридическаго образованія и писавшаго еще при этомъ по гречески. Мы не споримъ, что всѣ сочиненія Тертуліана обличаютъ несомнѣнное знакомство съ наукой права и юридическою терминологіей, но въ то же время считаемъ себя въ правѣ утверждать, что въ данномъ случаѣ терминъ *ordo* употребленъ Тертуліаномъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употребляется въ современной ему римской юридической наукѣ. Терминомъ *ordo* обозначалось въ римскомъ государственномъ правѣ разсматриваемаго времени вполне обособившееся и обличенное особыми точно опредѣленными правами сословіе. Придать клиру подобное значеніе — не могъ желать Тертуліанъ, столь страстно отстаивавшій то воззрѣніе, по которому всѣ христіане считались членами всемірнаго *ordo sacerdotalis*¹⁾. Изъ чтенія 7-й главы его сочиненія „*de exhortatione castitatis*“ легко убѣдиться, что онъ не желалъ провести рѣзкаго различія между клириками и мірянами, подобнаго тому, которое существовало между римскими *ordines* и *plebs*. Онъ называетъ мірянъ простыми членами церкви, но единственно только для того, чтобъ отличить ихъ вообще отъ христіанъ, занимающихъ церковныя должности, а не для того, чтобъ отдѣлить ихъ вполне отъ клириковъ, какъ отъ высшаго, въ смыслѣ римскихъ *ordines*, сословія. Такимъ образомъ, мы утверждаемъ, что Тертуліаномъ не положено основаніе сближенію между клиромъ и сословіемъ сенаторовъ и декуріоновъ. Клиръ, по нашему мнѣнію, организовался въ христіанской церкви внѣ вліянія римскихъ государственныхъ идей. Уже если что вліяло на организацію христіанскаго клира, то никакъ не римскія воззрѣнія, а воззрѣнія древнееврейскаго права, относящіяся къ положенію и правамъ левитовъ. Это послѣднее вліяніе — неоспоримо. Подъ словомъ „клиръ“ стали

¹⁾ *Nonne et laici sacerdotes sumus?* восклицаетъ Тертуліанъ (*Exhort. Castit. cap. 7*). Здѣсь онъ очевидно примыкаетъ къ воззрѣніямъ св. Принца Ліонскаго (*Contra haeres. Lib. IV, 20*), утверждающаго, что *«omnes justi sacerdotalem habent ordinem»*. Замѣтимъ кстати, что въ приведенномъ изреченіи св. Принца терминъ *ordo* означаетъ организацію вообще, а не сословную организацію въ частности.

понимать особое сословіе духовенства, начиная со второй половины III столѣтія, то-есть, съ того времени, когда для разрѣшенія различныхъ вопросовъ, относящихся къ организаціи, управленію и дисциплинѣ церкви, вошло въ обычай дѣлать заимствованія изъ ветхаго завѣта ¹⁾. Подобно древнимъ левитамъ, которымъ, по словамъ Моисеева законодательства ²⁾, иѣсть жребіа въ братіи ихъ, но Господь самъ жребій ихъ, и христіанскій клиръ образуетъ подъ конецъ III столѣтія нѣчто отдѣльное отъ народа христіанскаго, особое высшее по своему призванію въ церкви сословіе. Напротивъ того, до означеннаго времени словомъ „клиръ“ обозначалось то положеніе, которое занимали отдѣльные члены церкви въ составѣ церковнаго общества, въ особенности же должностное положеніе, то-есть, занятіе кѣмъ-либо церковной должности. Поэтому клириками назывались не члены особаго духовнаго сословія, а лица, занимавшія извѣстныя опредѣленныя должности въ церкви ³⁾, которымъ посредствомъ совершенія надъ ними таинства священства сообщена была особая власть въ церковномъ обществѣ.

Наконецъ, если на основаніи только что приведенныхъ нами данныхъ признать, что организація клира совершилась внѣ вліянія римскихъ государственныхъ идей, то изъ этого необходимо будетъ вывести заключеніе, что и тѣ особенныя церковныя наказанія, которыя признаются учеными, придерживающимися противоположнаго нашему мнѣнія, за заимствованныя изъ римскаго государственнаго права, возникли совершенно самостоятельно и суть продуктъ своеобразнаго церковнаго правоваго творчества. Только впоследствии, послѣ установленія тѣсной связи между государствомъ и христіанскою церковью, сопоставленъ былъ клиръ съ римскими *ordines*, и пачала сравниваться система особенныхъ церковныхъ взысканій, палагаемыхъ на клириковъ, съ системой наказаній, которымъ подлежали за различныя преступленія свѣтскаго права сенаторы и декуріоны. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что когда произошло это сближеніе, клиръ вполне уже организовался, а система особенныхъ церковныхъ наказаній являлась уже опредѣлившееся въ своихъ основахъ.

¹⁾ Ср. *Neander, Allgemein. Geschichte der christl. Religion*, I, 247 ff.

²⁾ Второзк. X. 9. Ср. посланіе Кипріяна *ad clerum et plebem Furnitanorum* (Ер. 66).

³⁾ Это видно между прочимъ и изъ того, что въ первоначальной церкви съ посвященіемъ кого-либо во епископы или во пресвитеры неразрывно соединено было назначеніе его на извѣстную, опредѣленную церковную должность.

Указавъ такимъ образомъ на то, что намъ кажется невѣроятнымъ заимствование важнѣйшихъ изъ особенныхъ церковныхъзысканий изъ римскаго права, мы переходимъ къ исторіи постепеннаго развитія системы особенныхъ церковныхъзысканий въ III вѣкѣ нашего лѣтосчисленія.

Какъ мы замѣтили выше, основаніе болѣе или менѣе опредѣленной системѣ особенныхъ церковныхъзысканий было положено только въ III вѣкѣ. Въ посланіяхъ Кипріяна мы впервые встрѣчаемся съ опредѣленными указаніями на такую систему. Первое, что насъ поражаетъ при знакомствѣ съ относящимися сюда мѣстами посланій Кипріяна, это—то, что карательный элементъ въ тѣхъзысканіяхъ, которыя налагались во времена Кипріяна на клириковъ, гораздо сильнѣе развитъ, чѣмъ въ тѣхъ, которыя применялись къ мірянамъ. Такъ, въ посланіи къ Робаціану Киприанъ, разсуждая о томъ, какъ поступить съ діакономъ, оскорбившимъ Робаціана, полагаетъ, что этотъ діакономъ, въ воздаяніе за совершенное имъ тяжкое нарушеніе церковныхъ постановленій о необходимости подчиненія низшихъ чиновъ церковной іерархіи высшимъ, долженъ подвергнуться, по усмотрѣнію Робаціана, или изверженію, или запрещенію¹⁾. И въ другихъ посланіяхъ Кипріяна, гдѣ только говорится объ особенныхъ церковныхъзысканіяхъ, вездѣ они являются съ извѣстнымъ vindикативнымъ характеромъ. Подобный отгѣнокъ получаютъ даже и общія церковныязысканія, отлученіе и публичное покаяніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они налагаются на клириковъ²⁾. Въ только что указанномъ посланіи къ Робаціану читаемъ: „Et ideo oportet diaconum, de quo scribis, agere audaciae suae poenitentiam, et honorem sacerdotis agnoscere, et episcopo praeposito suo plena humilitate satisfacere“³⁾. Такимъ образомъ, при наложеніи общаго церковнагозысканія на клирика, видоизмѣнялся въ извѣстной степени самый характеръзысканія. А именно, между тѣмъ какъ въ отлученіи и публичномъ покаяніи міряны преобладали характеръ мѣры исправительной, разсматриваемой даже преимущественно какъ благотное средство, даруемое грѣшнику для примиренія съ Богомъ и церковью,

¹⁾ При этомъ дѣятельность епископа при наложеніи означенныхъзысканий подводится подъ понятіе vindicare, то-есть, причинять что-либо въ воздаяніе за содѣянное. Ср. *Mansi*, I, 901.

²⁾ Этими мы, впрочемъ, не желаемъ утверждать, чтобы характеръ исправительной мѣры былъ совершенно чуждъ отлученію и покаянію клириковъ.

³⁾ *Mansi*, I, 903 D.

въ отлученіи и публичномъ покаяніи клириковъ перевѣсь получилъ характеръ карательной мѣры, наказанія. Въ силу этого видоизмѣненія основнаго характера, отлученіе и покаяніе клириковъ и должны быть отнесены въ историческомъ изложеніи къ системѣ особенныхъ церковныхъ наказаній.

Впрочемъ, карательный элементъ не одинаково развитъ во всѣхъ особенныхъ церковныхъ взысканіяхъ. Въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться при болѣе близкомъ знакомствѣ съ тѣми видами особенныхъ церковныхъ взысканій, которые встрѣчаются у Кипріяна. Разсмотримъ эти взысканія.

Во главѣ всѣхъ особенныхъ церковныхъ взысканій стоитъ отлученіе клириковъ. Воссоединеніе съ церковью было для отлученныхъ клириковъ въ значительной степени затруднено, сравнительно съ мірянами, и обуславливалось строгимъ публичнымъ покаяніемъ¹⁾. Воссоединенные съ церковью клирики не возстановлялись въ своихъ прежнихъ особенныхъ церковныхъ правахъ, не допускались къ такъ называемому *communio clericalis*, а только къ такъ называемому *communio laica*, то-есть къ той степени общенія съ церковью, въ которой находились міряне²⁾. Такимъ образомъ, отлученіе, какъ высшее наказаніе, состоявшее въ лишеніи всѣхъ церковныхъ правъ, какъ общихъ, такъ и особенныхъ, заключало въ себѣ и лишеніе всѣхъ особенныхъ церковныхъ правъ, такъ-называемое изверженіе, обозначаемое у Кипріяна терминомъ „*depositio*“ и назначавшееся очень часто самостоятельно, внѣ связи съ отлученіемъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ наказуемый лишался только такъ-называемаго *communio clericalis*, а не церковнаго общенія вообще: въ отношеніи церковныхъ правъ онъ сравнивался съ мірянами. Такъ какъ изверженіе было пожизненнымъ, то карательный элементъ представляется въ немъ въ полномъ своемъ развитіи. За содѣянное имъ прегрѣшеніе клирикъ лишался всѣхъ присущихъ ему особенныхъ церковныхъ правъ, отрѣзался навсегда отъ занимаемой имъ должности, терялъ право на получение доходовъ отъ этой должности и не могъ уже пользоваться

¹⁾ Про испанскаго епископа Василіада Кипріяна говорятъ: *«ad agenda poenitentiam conversus sit, Deum deprecans, et satis gratulans, si sibi vel laico communicare contingeret (Mansi, I, 908 E)»*.

²⁾ Кипріяна упоминаетъ о декретѣ папы Корнелія (*Mansi, I, 909 A*), согласно которому *eiusmodi homines* (отлученныхъ клириковъ) *ad poenitentiam quidem agenda posse admitti, ab ordinatione autem cleri atque sacerdotali honore prohiberi*.

дѣлѣнн преимуществами такъ-называемой клирической чести. Такое усиленіе карательнаго элемента въ одномъ изъ церковныхъ взысканій не могло не повліять на характеръ всей системы. Такъ, только что указанное обстоятельство не могло не послужить къ усилению карательнаго элемента въ отлученіи отъ церкви клириковъ и въ налагаемомъ на нихъ публичномъ покаяніи. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ эти церковныя взысканія могли сохранить характеръ мѣръ, преимущественно дисциплинарно-исправительныхъ, когда низшее сравнительно съ ними церковное взысканіе усвоило себѣ вполне характеръ наказанія? А въ свою очередь, вслѣдствіе усиленія карательнаго элемента въ отлученіи отъ церкви клириковъ и въ налагаемомъ на нихъ публичномъ покаяніи, элементъ этотъ долженъ былъ получить большее противъ прежняго значеніе и въ отлученіи отъ церкви мирянъ, и въ налагаемомъ на нихъ покаяніи. И дѣйствительно мы встрѣчаемся съ подобнымъ явленіемъ подъ конецъ III и въ началѣ IV вѣка. Мы имѣли случай указать на это подробно во второмъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія. Мы только прошли тогда молчаніемъ одно изъ проявленій этого усиленія карательнаго начала въ отлученіи и покаяніи для того, чтобы рассмотреть оное здѣсь въ связи съ его непосредственною причиною. А именно, съ отлученіемъ отъ церкви и публичнымъ покаяніемъ мирянъ начинается соединяться извѣстное ограниченіе церковной правоспособности. За совершеніе грѣховныхъ дѣяній, влекущихъ за собою отлученіе и публичное покаяніе, миряне признаются неспособными къ приобрѣтенію извѣстныхъ особенныхъ церковныхъ правъ. Это начало опредѣленно высказывается въ посланіи Кипріяна къ клиру и народу въ Испаніи ¹⁾. Здѣсь же, равнымъ образомъ указано и основаніе, на которомъ, по мнѣнію Кипріяна, покоится это ограниченіе правоспособности совершившихъ тяжкій грѣхъ мирянъ. Основаніе это Кипріянь видитъ въ главѣ 28-й книги Исходъ и въ 21-й книги Левитъ, въ которыхъ подробно изложено, какіе недостатки, пороки и грѣховныя дѣянія дѣлаютъ человека неспособнымъ приносить жертвы Богу. Также положеніями ветхозавѣтнаго законодательства обосновываетъ Кипріянь и наказаніе клириковъ изверженіемъ ²⁾.

¹⁾ *Mansi*, I, 906.

²⁾ Сравни. указанное въ текстѣ посланіе (*Mansi*, I, 907): *Sicut in Numeris dominus Moysi praecepit, dicens: «Apprehende Aaron, fratrem tuum, et Eleazarum, filium ejus, ... et exue Aaron stolam ejus, et indue Eleazarum, filium ejus, et Aaron appositus moriatur illic».*

Гораздо слабѣе развитъ карательный элементъ въ такъ-называемомъ запрещеніи, то-есть, временномъ приостановленіи права осуществлять функціи, связанныя съ саномъ или должностью того или другаго духовнаго лица ¹⁾. Это изысканіе, выражаемое у Кипріана терминами *abstineri* и *prohiberi offerte* ²⁾, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи все болѣе и болѣе усваивало себѣ характеръ дисциплинарно-исправительной мѣры и все болѣе и болѣе утрачивало характеръ наказанія. По посланіямъ Кипріана трудно опредѣлить въ точности, каковъ былъ характеръ этого изысканія во второй половинѣ III вѣка. Все, что неоспоримо можетъ быть установлено, это то, что запрещеніе разсматривалось Кипріаномъ какъ смягченное изверженіе, а именно какъ изверженіе временное ³⁾. Впрочемъ у Кипріана встрѣчаются и такіе виды запрещенія, которые ни какимъ образомъ не могутъ быть признаны смягченнымъ изверженіемъ, ибо состоятъ не во временномъ лишеніи всѣхъ особенныхъ церковныхъ правъ, а въ приостановленіи пользованія только однимъ какимъ-нибудь правомъ. Такъ, Кипріанъ запрещаетъ нѣкоторымъ изъ своихъ клириковъ пользованіе доходами, которые, согласно тогдашнему церковному обычаю, ежемѣсячно получались клириками изъ общаго церковнаго имуществва, оставляя имъ при этомъ пользованіе всѣми остальными должностными правами ⁴⁾.

Въ заключеніе, для опредѣленія степени развитія карательнаго элемента въ системѣ особенныхъ церковныхъ изысканій времени Кипріана, укажемъ на содержаніе посланія этого отца церкви *ad clericum et plebem Furnitanorum de Victore qui Faustinum presbyterum tutorem nominavit* ⁵⁾. Епископъ Викторъ назначилъ въ своемъ завѣщаніи опекуномъ пресвитера Фаустина вопреки древнему церковному правилу, установленному предшественниками Кипріана по епи-

¹⁾ *Суворовъ*, 229.

²⁾ Терминомъ *abstineri* обозначалось также и отлученіе отъ церкви. Очень часто трудно бываетъ рѣшать, въ виду только что указаннаго обстоятельства, о чемъ говорится въ данномъ древнемъ церковномъ памятникѣ, о запрещеніи, или же объ отлученіи отъ церкви. Указанія на то, какъ поступать при истолкованіи термина *abstineri* въ сомнительныхъ случаяхъ, можно найти у *Кельера* (I. с., 60).

³⁾ Это можно заключить изъ словъ приведеннаго нами выше посланія къ *Рогатіану*: *tungeris circa eum potestate honoris tui, ut eum vel deponas vel abstineas*.

⁴⁾ *Epistola* 28 ad presbyteros et diaconos. *Nober*, Suspension. 3.

⁵⁾ *Mansi*, I. 904.

скопской кафедрѣ и запрещающему умирающимъ назначать клириковъ въ опекуны или попечители. За нарушение этого правила виновные могли подвергнуться лишенію права на поминование послѣ смерти въ молитвахъ церкви при принесеніи безкровной жертвы. Киприанъ повелѣваетъ примѣнить это наказаніе къ усопшему Виктору „Et ideo — читаемъ въ указанномъ посланіи — non est quod pro dormitione ejus apud vos fiat oblatio, aut deprecatio aliqua nomine ejus in ecclesia frequentetur. При этомъ Киприанъ приводитъ мотивы своего рѣшенія, изъ которыхъ явствуетъ, что означенная мѣра носить всѣ признаки наказанія. Викторъ лишается молитвъ церкви въ воздаяніе за нарушение церковнаго закона. На это опредѣленно указываютъ слѣдующія слова посланія: cum contra formam nuper in concilio a sacerdotibus datam Geminium Faustinum presbyterum ausus sit tutorem constituere“. Далѣе, имѣется въ виду и та цѣль, чтобы другимъ, въ виду наказанія, неповадно было нарушать законъ: „simul et ceteris fratribus detur exemplum, ne quis sacerdotes et ministros Dei, altari ejus et ecclesiae vacantes, ad saeculares molestias devocet: observari enim de cetero poterit, ne ultra hoc fiat circa personam clericorum, si quod nunc factum est, fuerit vindicatum“. Наконецъ, высказывавшееся въ посланіи воззрѣніе на наказаніе близко подходит къ ветхозавѣтному воззрѣнію на опое, какъ на роена talionis. „Neque enim, говоритъ Киприанъ, — apud altare Dei meretur nominari in sacerdotum prece, qui ab altari sacerdotes et ministros voluit avocare“¹⁾.

Такимъ образомъ, мы имѣли случай убѣдиться, что во времена Киприана положено было основаніе системѣ особенныхъ церковныхъ взыскацій, и что въ отдѣльныхъ взыскаціяхъ, входящихъ въ составъ этой системы, карательный элементъ получилъ преобладающее значеніе. Даже запрещеніе, которое впоследствии сдѣлалось мѣрой преимущественно дисциплинарно-исправительною, въ посланіяхъ Киприана является наказаніемъ, такъ какъ считается только смягченіемъ изверженія, этого несомнѣнно виждикативнаго взыскація.

Указавъ въ предшествовавшемъ положеніи на тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась во времена Киприана система особенныхъ цер-

¹⁾ Вообще все правило о запрещеніи назначать въ духовномъ завѣщаніи клириковъ опекунами или попечителями установлено подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ идей. Какъ на прямой источникъ, указывается на положенія, находящіеся въ 13-й главѣ книги Иова Навина.

ковныхъ взысканій, прослѣдимъ въ краткомъ очеркѣ дальнѣйшія судьбы этой системы вплоть до конца V столѣтія.

Въ древнѣйшемъ покаянномъ кодексѣ Западной церкви, а именно въ каюнахъ Эльвирскаго собора, карательное начало въ системѣ особенныхъ церковныхъ взысканій является еще болѣе развитымъ, чѣмъ во времена Кипріана. Мы видѣли выше, что и относительно взысканій, полагаемыхъ на мірянъ, кодексъ этотъ отличается особою, необычною въ первоначальной церкви строгостью. Еще строже наказываются клирики. Очень часто за тѣ грѣховныя дѣянія, за которыя міряне подлежатъ временному отлученію, клирики подвергаются изверженію и отлученію отъ церкви навсегда ¹⁾. Далѣе, изъ особенныхъ церковныхъ наказаній, въ тѣспомъ значеніи этого слова, встрѣчается только изверженіе (*degradari, ad honore clericatus extermi-pati*); запрещеніе же, какъ кажется, вовсе не было въ тогдашней практикѣ Испанской церкви. Изверженіе сопровождалось обыкновенно отлученіемъ отъ церкви (*degradari et abstineri*). Наконецъ, взысканіе налагается, по возрѣніямъ отцевъ Эльвирскаго собора, въ воздаяніе за грѣховное дѣяніе, совершеніемъ котораго виновный нарушилъ миръ церкви (*propter scandalum et propter profanum crimen*), и въ назиданіе остальнымъ членамъ церкви (кан. 65).

Соборъ въ Арлѣ, не установившій, какъ мы имѣли случай убѣдиться выше, подробной системы общихъ церковныхъ взысканій, не создалъ также и полнаго кодекса особенныхъ церковныхъ взысканій. Изъ 22-хъ канюновъ этого собора только два относятся къ занимающему насъ предмету. Это канювъ 12-й, грозищій отлученіемъ клирикамъ, взимающимъ лихву, и канювъ 21-й, повелѣвающій извергать пресвитеровъ и діаконовъ, покидающихъ церковныя общины, гдѣ они были рукоположены, и переселяющихся въ другія мѣстности (*Quid si relictis suis locis ad alium se locum transferre voluerint, de-ponantur*).

Прежде чѣмъ разсмотрѣть дальнѣйшія судьбы системы особенныхъ церковныхъ взысканій на Западѣ, намъ необходимо познаться съ соотвѣтствующею системой Восточной церкви, сложившеюся во второй половинѣ III и въ теченіе IV вѣка, такъ какъ памятники, въ которыхъ выразилась эта система, получили подъ конецъ IV вѣка важное значеніе и для Западной церкви.

¹⁾ Сравни. кан. 18 и 69.

Отъ III вѣка до насъ дошли только отрывочныя свѣдѣнія о примѣненіи особенныхъ церковныхъ взысканій въ отдѣльныхъ случаяхъ ¹⁾; но изъ того обстоятельства, что въ памятникахъ первой четверти IV вѣка мы уже встрѣчаемся съ подробными положеніями о занимающемъ насъ предметѣ, мы не безъ основанія можемъ заключать, что уже во второй половинѣ III вѣка положены были прочныя основанія системѣ особенныхъ церковныхъ взысканій.

Въ Анкирскихъ покаянныхъ канонахъ мы находимъ уже довольно развитую систему особенныхъ церковныхъ взысканій. Въ этой системѣ преобладаетъ карательное начало. Между налагаемыми на клириковъ взысканіями приводится отлученіе отъ церкви ²⁾ и два вида изверженія: одинъ—болѣе тяжкій, состоящій въ лишеніи всѣхъ клирикальскихъ правъ, и другой—менѣе тяжкій, влечущій за собою только лишеніе права приносить безкровную жертву, проповѣдывать и вообще священнодѣйствовать, съ оставленіемъ за провинившимся права на клирикальскую честь ³⁾. Сей послѣдній видъ изверженія считается Коберомъ видомъ запрещенія, почему онъ и предполагаетъ, что въ Анкирскихъ канонахъ между особными церковными взысканіями упоминается и о запрещеніи ⁴⁾. Но намъ кажется гораздо болѣе вѣрнымъ мнѣніе профессора Суворова ⁵⁾, согласно которому, установленное въ канонахъ 1-мъ и 2-мъ Анкирскаго собора особенное церковное взысканіе слѣдуетъ разсматривать какъ изверженіе, на томъ основаніи, что оно хотя и не поразило всей совокупности клирикальскихъ правъ, тѣмъ не менѣе заключало въ себѣ безповоротное лишеніе извѣстныхъ правъ, между тѣмъ какъ характеристическою чертою запрещенія было то, что оно состояло во временномъ лишеніи или, лучше сказать, пріостановленіи пользованія извѣстными правами.

Только что указанная особенная церковная взысканія приводятся и въ канонахъ Неокесарійскаго собора (кан. 1-й, 9-й, 10-й). Какъ новое, замѣчательно только постановленіе о низведеніи прегрѣшив-

¹⁾ *Kellner*, 32 и 31.

²⁾ Канонъ 18.

³⁾ Сравни. относительно полного изверженія кан. 10-й и ⁴⁾ 11-й, а относительно неполнаго — кан. 1-й—2-й.

⁴⁾ *Kober*, Suspension, 3, Ann. 1.

⁵⁾ *Суворова*, 216 и сл.

шаго діакона въ чинъ простаго служителя церкви. Такимъ образомъ установленъ былъ третій видъ изверженія.

Подробныя положенія объ особенныхъ церковныхъ взыскаціяхъ находятся въ канонахъ перваго вселенскаго собора. Положенія эти гораздо менѣ суровы, чѣмъ постановленія соборовъ Анкирскаго и Неокесарійскаго. Это видно, во первыхъ, изъ того, что изверженіе ни разу не соединяется въ нихъ съ отлученіемъ отъ церкви, а во вторыхъ, изъ того, что, кромѣ изверженія, этого по преимуществу vindикативнаго наказанія, Никейскимъ канонамъ извѣстно и запрещеніе ¹⁾, носящее, какъ указано было выше, характеръ мѣры по преимуществу дисциплинарно-исправительной. Тѣмъ не менѣ, и здѣсь преобладаніе карательнаго пачала несомнѣнно. Взысканіе является преимущественно воздаяніемъ за грѣховное дѣяніе, возмездіемъ за нарушеніе извѣстной церковноправовой нормы; оно налагается на провинившагося для поддержанія правоваго порядка въ церкви. Что это въ дѣйствительности такъ, на это указываютъ слѣдующія слова втораго канона Никейскаго собора: *ὁ δὲ παρὰ ταῦτα ποιῶν* (посвящающій лицъ, не могущихъ быть посвященными), *ὡς ὑπεραντία τῇ μετὰ τὴν συνόδον θρασυβόμενος, αὐτὸς κινδυνεύσει περὶ τὸν κλῆρον*. Въ заключеніе замѣтимъ, что Никейскіе каноны свидѣтельствуютъ и о томъ, что и на Востокѣ преобладаніе карательнаго элемента въ системѣ особенныхъ церковныхъ взысканій не осталось безъ вліянія на систему общихъ церковныхъ взысканій. И въ Восточной церкви совершеніе извѣстныхъ тяжкихъ прегрѣшеній влекло за собою извѣстное ограниченіе правоспособности, состоявшее въ томъ, что прегрѣшившій становился неспособнымъ къ приобрѣтенію правъ клира ²⁾.

Окончательно опредѣлившееся является система особенныхъ церковныхъ взысканій въ канонахъ Антиохійскаго собора *in spoliis* то-есть, *in dedicatione*). Во главѣ всѣхъ особенныхъ церковныхъ взысканій стоятъ *excommunicatio latae sententiae* ³⁾, которой угрожается

¹⁾ О запрещеніи упоминается въ канонѣ 16-мъ, согласно которому пресвитеры и діаконы, покинушіе свою церковь и удаляющіеся въ чужія діоцезы, подвергаются, въ случаѣ упорнаго исцеленія возвратиться къ своимъ мѣстамъ, запрещенію. *Leffele* (*Conciliengesch.* I, 420) думаетъ, что здѣсь говорится объ изверженіи, но изверженіе никогда не выражается употребленнымъ въ канонѣ греческимъ терминомъ *ἀποκρίσητος εἶναι*.

²⁾ Сравни. кан. 9. Подобный же взглядъ высказывается и въ 10-мъ канонѣ Никейскаго собора.

³⁾ Кан. 1: *τοῦτον ἡ ἀγία σύνοδος ἐντεῦθεν ἤδη ἀλλότρων ἔκρινε τῆς ἐκκλησίας*.

клирикамъ, празднующимъ Пасху одновременно съ Иудеями. Установленіе такого тяжкаго наказанія мотивируется соборомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *ὡς οὐ μόνον ἑαυτῶ ἀμαρτίας ἐπισωρεύοντα, ἀλλὰ πολλοῖς διαφθορᾶς καὶ διαστροφῆς γινόμενον αἴτιον*. Изъ этихъ словъ видно, что соображенія объ опасности, вытекающей изъ подобнаго упорнаго сопротивленія клириковъ предписаніямъ собора для всей вѣрнопой имъ паствы, руководили соборомъ при постановленіи настоящаго правила. За *excommunicatio latae sententiae* слѣдуетъ обыкновенное отлученіе отъ церкви, которое, какъ видно изъ канона 6-го, налагалось и на клириковъ. Далѣе, въ Антиохійскихъ канонахъ опредѣленно различается изверженіе отъ запрещенія. Такъ, канонъ 3-й грозитъ пресвитеру или діакону или кому бы то ни было изъ клира, покидающему свой приходъ и водворяющемуся въ чужомъ приходѣ, сперва запрещеніемъ, а затѣмъ, въ случаѣ упорнаго сопротивленія велѣніямъ епископа, изверженіемъ. Наконецъ, въ Антиохійскихъ канонахъ мы встрѣчаемся со стремленіемъ обезпечить исполненіе декретовъ церковныхъ властей, налагающихъ наказанія, примѣненіемъ принудительной силы со стороны свѣтской власти ¹⁾.

То же преобладаніе карательнаго начала ²⁾ встрѣчается и въ каноническихъ посланіяхъ Василия Великаго. Этотъ отецъ церкви разсматриваетъ особенныя церковныя взыскапія какъ наказанія въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему онъ запрещаетъ подвергать клириковъ за совершенныя ими смертныя грѣхи отлученію отъ церкви, ибо, если считать налагаемыя церковью взыскапія наказаніями, то при отлученіи отъ церкви, клирики подвергались бы за одно грѣховное дѣяніе двумъ наказаніямъ—изверженію и отлученію, а это противорѣчило бы основному правилу уголовного права: *non bis in idem* (кан. 3-й и 32-й). Изъ всѣхъ церковныхъ взысканій, налагаемыхъ на клириковъ, Василий Великій чаще всего упоминаетъ объ изверженіи. Ему извѣстно, какъ полное изверженіе, такъ и тотъ менѣе тяжкій видъ этого наказанія, который состоялъ, какъ мы видѣли, въ лишеніи

¹⁾ Кан. 5-й.

²⁾ Преобладаніе карательнаго начала въ системѣ особенныхъ церковныхъ наказаній, установленной Василиемъ Великимъ, несомнѣнно, хотя мы и не встрѣчаемъ у этого отца церкви той доведенной до крайности суровости, съ которою мы знакомимся въ Антиохійскихъ канонахъ. Впрочемъ, крайняя суровость Антиохійскихъ канонѣвъ объясняется обстоятельствами времени, а именно частыми смутами и замѣшательствами, которыя нерѣдко кончались схизмой.

всѣхъ священно-служебныхъ правъ съ оставленіємъ преимуществъ клирицкальпой чести и служивній переходною степеню къ запереченію. Такимъ образомъ, изверженіе является главнымъ изъ особенныхъ церковныхъ взысканій, о которыхъ упоминается въ каноническихъ посланіяхъ Василя Великаго. Можно даже сказать, что въ этихъ памятникахъ изверженіе угрожаетъ клирикамъ почти за всѣ грѣховныя дѣянія, и что ему подлежатъ всѣ клирики всѣхъ степеней, какъ рукоположенныя, такъ и занимающіе должность, не требующую рукоположенія ¹⁾. Остальныя особенныя церковныя взысканія практикуются весьма рѣдко. Такъ о запереченіи упоминается только въ канонѣ 69-мъ, палагающемъ на чтеца, находившагося въ связи съ своею псвѣтою до брака, запереченіе срокомъ на одинъ годъ, и въ канонѣ 70-мъ, грозящемъ запереченіемъ діакопу, прегрѣшившему устами, то-есть, сквернословившему ²⁾. Запереченіе носить на себѣ у Василя Великаго характеръ кары, вивдикативнаго наказанія. Оно соединяется съ извѣстнымъ оградиченіемъ церковной правоспособности. Такъ, чтець, подвергнувшійся запереченію, допускается, по истеченіи опредѣленнаго срока, къ чтенію, но становится неспособнымъ къ пріобрѣтенію высшихъ степеней церковной іерархіи.

Въ особенности подробно изложена система особенныхъ церковныхъ взысканій Восточной церкви въ правилахъ Апостольскихъ ³⁾. Здѣсь высшимъ ординарнымъ наказаніемъ для клириковъ признается, также какъ и въ каноническихъ посланіяхъ Василя Великаго, изверженіе, и заперещается соединять оное съ полнымъ отлученіемъ отъ церкви, дабы не было нарушено основное правило уголовного правосудія,

¹⁾ Кан. 51-й.

²⁾ Такъ мы объясняемъ выраженіе: *μανθεις ἐν χειλεσι*. Что касается объясненія Вальсамона, Зонары и Аристана (см. *Bezae Regii Synodicon* II, 222), то относительно ихъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Пунпы (*Juris Ecclesiastici Graecorum Monumenta*. I, 617, otatio 29), по которому «Balsamon, Zonaras et Aristenus varia (quae inepta alius dicat et putida) commentantur in hunc canonem, sed a mente Basilii multum abluentia. Liqueat, enim, hoc laborum peccatum, cui remissior poena indigitur, ipsa actione, quam Basilius minime ignoscendum esse judicat, levius existimari debere».

³⁾ При указаніи на систему особенныхъ церковныхъ взысканій, находящуюся въ правилахъ Апостольскихъ, мы имѣемъ въ виду только первыя 50 правилъ, такъ какъ остальные 35, не будучи переведены Діонисіемъ Малымъ, не имѣли вліянія на право Западной церкви.

призваніе равнымъ образомъ и Св. Писаніемъ: „не отмистиши дважды за единое“. Но въ чрезвычайныхъ случаяхъ изверженіе сопровождается и полнымъ отлученіемъ отъ церкви. Сюда относятся каноны 30-й и 31-й (28-й и 29-й), грозящіе отлученіемъ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, добившимся поспященія на эти должности посредствомъ симоніи или вмѣшательства свѣтской власти¹⁾. Изверженіе представляетъ всѣ признаки видикативнаго наказанія. Оно налагается на прегрѣшншаго какъ воздаяніе за содѣйнное нарушеніе закона Божія²⁾ и правилъ церкви. Такой же взглядъ опредѣленно высказанъ въ канонѣ 47-мъ (46-мъ): „Episcopus—говорится здѣсь,—aut presbyter, si cum qui secundum veritatem habuerit baptisma, denuo baptisaverit, aut si pollutum ab impiis non baptisaverit, deponatur tamquam deridens crucem et mortem Domini, nec sacerdotes a falsis sacerdotibus jure discernens“. Далѣе, изверженіе является не только высшимъ изъ особенныхъ церковныхъ взысканій, но и чаще другихъ примѣняемымъ³⁾. Что касается запрещенія, то хотя оно и разсматривается по прежнему какъ смягченный видъ изверженія⁴⁾, тѣмъ не менѣе ему начинаютъ придавать характеръ дисциплинарно-исправительной мѣры. Такъ канонъ 37-й (35-й) оно налагается на епископовъ, не желающихъ вступить въ управленіе вѣрною имъ паствы, и продолжается до тѣхъ поръ, пока они не согласятся подчиниться велѣніямъ церкви. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ правилахъ Апостольскихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы знакомимся съ ними по греческому тексту, мы находимъ установившуюся терминологию. Изверженіе обозначается терминомъ καθαρῆσαι ε, а запрещеніе терминомъ ἀφορίζεσθαι (то-

¹⁾ Что касается канона 31-го, то согласно греческому тексту, за упомянутое въ немъ преступленіе церковныхъ правилъ полагается изверженіе и отлученіе (καθαρῆσαι καὶ ἀφορίζεσθαι), а согласно латинскому переводу Діонисія Малаго, только изверженіе (deponatur).

²⁾ Кан. 3-й. Si quis episcopus praeter ordinationem Domini in sacrificio offerat super altare alia quaedam, id est aut mel, aut lac, aut pro vino siceram....., contra constitutionem Domini faciens,.... deponatur.

³⁾ Кан. 3-го, 7-го, 8-го, 15-го, 23-го, 25-го, 26-го, 28-го, 31-го, 32-го, 36-го, 42-го, 47-го, 49-го, 50-го (по переводу Діонисія Малаго).

⁴⁾ Кан. 6-й: Episcopus aut presbyter uxorem propriam sub obtentu religionis peccatam abjiciat; si vero ejecerit, excommunicetur (то-есть, подлежитъ запрещенію); et si perseveraverit, dejiciatur.

⁵⁾ Только въ кан. 15-мъ употребляется другой терминъ: τοῦτον. κελύεμεν μηκέτι χειροουργεῖν..... ὡς λαϊκός μεντοι τέχαισε χειρωνακίτω.

есть, подвергнуться отлученію отъ такъ-называемаго κοινωνία ἐκκλησιαστικῆ). Въ переводѣ Діонисія Малаго мы не находимъ такой опредѣленной терминологіи. Греческій терминъ Καταρεῖσθαι передается различно: *deponi*, *dejici*, *abjici*, *damnari*. Равнымъ образомъ, и греческій терминъ ἀφορίζεσθαι выражается не однимъ, а двумя латинскими: *communione privari*, *excommunicari*.

Вотъ тѣ памятники церковной дисциплины Восточной церкви, которые получили въ послѣдствіи громадное вліяніе на развитіе церковной дисциплины на Западѣ. Изъ памятниковъ законодательства Западной церкви мы остановимся на постановленіяхъ Кароагенскаго собора 419 года, представляющихъ собою полный кодексъ положеній о церковной дисциплинѣ, и содержащихъ въ себѣ подробныя постановленія объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ.

Во главѣ всѣхъ особенныхъ церковныхъ взысканій стоитъ отлученіе отъ церкви. Этимъ наказаніемъ угрожается пресвитерамъ, оказавшимъ открытое сопротивленіе своимъ епископамъ (кан. 10-й и 11-й), что представляло непосредственную опасность для всего церковнаго строя. Замѣчательно, далѣе, отлученіе отъ церкви послѣ смерти тѣхъ епископовъ, которые назначать наслѣдниками въ своемъ имуществѣ еретиковъ или язычниковъ (кан. 84-й *Anathema post mortem ei dicatur et nomen ejus inter Dei sacerdotes minime referatur*). За отлученіемъ, которое назначается только въ экстраординарныхъ случаяхъ, слѣдуетъ изверженіе. Наказаніе это назначалось клирикамъ, впадшимъ въ одно изъ тяжкихъ или такъ-называемыхъ смертныхъ прегрѣшеній. Клирики, разъ подвергнувшіеся изверженію, не могли быть снова допускаемы къ приобрѣтенію клирикальныхъ правъ. Кароагенскій соборъ подтверждаетъ это древнее церковное правило, и въ то же время выражаетъ его такъ, чтобъ изверженные клирики никоимъ образомъ и никакими ухищреніями не могли обойти оное. А именно, клирики, подвергнувшіеся изверженію, не подлежали *de jure*, не будучи отлучены отъ церкви, публичному покаянію, но они добровольно подвергали себя сему послѣднему съ слѣдующею цѣлю: За публичнымъ покаяніемъ, какъ извѣстно, слѣдовало торжественное примиреніе съ церковью (*reconciliatio*), имѣвшее, по воззрѣніямъ тогдашняго времени, касательно освобожденія отъ грѣха, равную силу съ крещеніемъ. И вотъ, клирики, добровольно подвергнувшіеся публичному покаянію и удостоившіеся этого торжественнаго примиренія съ церковью посредствомъ наложенія рукъ со стороны епископа, стали утверждать, что они, подобно новокрещеннымъ, омыты отъ всякаго грѣха и могутъ

снова быть принимаемы въ составъ клира. Дабы сдѣлать невозможнымъ подобный обходъ того церковнаго законоположенія, согласно которому изверженіе влекло за собою потерю клирикальннхъ правъ навсегда, Кароагенскій соборъ въ канонѣ 30-мъ постановилъ: „ut si quando presbyter vel diaconus alicujus gravioris criminis convicti fuerint, quod eos sacro ministerio necessarie movet, non esse eis manus imponendas, ut poenitentiam agentibus, vel ut fidelibus laicis; necque permitti eis tamquam rebaptizatis, ad cleri gradum promoveri“. Что касается запрещенія, то ученіе объ этомъ церковномъ взысканіи гораздо болѣе развито въ канонахъ Кароагенскаго собора, чѣмъ въ приведенныхъ нами выше памятникахъ права Восточной церкви. Различаются различные виды запрещенія, изъ которыхъ иные представляютъ весьма своеобразный характеръ. Сюда относится прежде всего такъ-называемое предварительное запрещеніе, о которомъ упоминается въ канонахъ 22-мъ, 82-мъ и 90-мъ. Оно, собственно говоря, не можетъ быть названо взысканіемъ, а скорѣе мѣрой предупрежденія того, чтобы недостойные не священнодѣйствовали. А именно, епископы, обвинявшіеся въ какомъ-нибудь церковномъ правонарушеніи и не явившіеся въ опредѣленные сроки къ суду, подвергались запрещенію, доколѣ не могли привести доказательствъ своей невинности. Такой же своеобразный характеръ носить и запрещеніе, установленное въ канонахъ 79-й и 83-й. Согласно этимъ канонамъ, епископы, нарушившіе извѣстныя, установленныя соборомъ правила объ управленіи церковномъ, должны были довольствоваться общеніемъ своей церкви, то-есть, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Суворовъ ¹⁾, они были исключаемы отъ всякаго общенія и всякаго личнаго обращенія съ другими епископами. Далѣе, что касается характера запрещенія, то взысканіе это въ канонахъ Кароагенскаго собора является еще болѣе, чѣмъ въ предшествующихъ памятникахъ, усвоившимъ себѣ характеръ мѣры преимущественно дисциплинарно-исправительной. Изъ цѣломъ рядѣ канонѣвъ оно налагается на клириковъ впредь до подчиненія ихъ церковнымъ постановленіямъ, а слѣдовательно, должно главнымъ образомъ служить побужденіемъ къ такому подчиненію, а не взысканіемъ или наказаніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Такъ, наприимѣръ, въ канонѣ 134-мъ постановляется относительно епископа, несправедливо отлучившаго кого-либо отъ церкви, слѣдующее: „Quandū segregato non communicat proprius episcopus, eidem

¹⁾ О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 235.

episcopo alii non committentur episcopi". Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить для полной характеристики Кароагенскихъ каноновъ, что, не смотря на то, что они содержатъ въ себѣ столь подробныя положенія объ особенныхъ церковныхъ взысканіяхъ, мы не находимъ въ нихъ точной и опредѣленной терминологіи. Такъ, изверженіе, напримѣръ, обозначается самыми разнообразными терминами: *honore privato se ipsum, locum amittere, ab ecclesiastico officio vel ordine moveri, jacturam clericatus sustinere*.

Результаты нашего изслѣдованія исторіи особенныхъ церковныхъ наказаній въ первыя пять столѣтій нашего лѣтосчисленія могутъ быть сведены слѣдующимъ образомъ: Въ III вѣкѣ, подъ преобладающимъ влияніемъ ветхозавѣтныхъ идей, совершилась правильная организація клира. Въ виду того, праца и обязанности клира точно были опредѣлены цѣлымъ рядомъ церковныхъ узаконеній. Эти узаконенія съ теченіемъ времени, въ особенности послѣ признанія христіанства со стороны римской государственной власти, получаютъ строго-юридическій характеръ, ибо на нихъ, главнымъ образомъ, покоится внѣшній строй церковнаго общества. Значеніе лицъ, занимающихъ высшія степени клира, какъ церковныхъ властей, все болѣе и болѣе выясняется. Отъ правильности дѣлствій этихъ властей, отъ того, на сколько они сообразуются съ законами церкви, зависятъ миръ и спокойствіе церковнаго общества, а потому является необходимость обезпечить правильное примѣненіе церковныхъ законоположеній церковными властями извѣстною санкціей, выражающеюся въ извѣстномъ наказаніи. Равнымъ образомъ, необходимо было обезпечить, въ свою очередь, церковно-уголовною санкціей точное исполненіе велѣній церковныхъ властей со стороны лицъ, занимающихъ низшія степени церковной іерархіи. Въ виду того и установленъ былъ цѣлый рядъ церковныхъ наказаній за сопротивленіе предписаніямъ высшихъ церковныхъ властей со стороны подчиненныхъ имъ клириковъ. Наконецъ, такъ какъ клиръ долженъ былъ руководить мірянами въ дѣлѣ спасенія, то необходимо было установить особыя наказанія за безправственное поведеніе клириковъ, такъ какъ подобное поведеніе служило источникомъ соблазна и разложенія для всего церковнаго общества. Вотъ почему съ самаго ранняго времени въ основу системы особенныхъ церковныхъ взысканій легло карательное начало, которое, какъ мы имѣли случай указать выше, вплоть до конца V столѣтія не могло пріобрѣсти преобладающаго значенія въ системѣ общихъ церковныхъ взысканій. Такимъ образомъ, особенныя церковныя наказанія очевидно имѣли

иную цѣль, чѣмъ общія церковныя взысканія. Налагая взысканія на мірянъ, церковь имѣла преимущественно въ виду ихъ исправленіе и обращеніе на путь спасенія; подвергая же взысканіямъ клириковъ, она желала обезпечить правильное примѣненіе церковныхъ законоположеній и правильное теченіе церковной жизни посредствомъ наказанія недостойныхъ и прегрѣшающихъ руководителей церковнаго общества. Однимъ словомъ, различіемъ цѣли объясняется и различіе характера обѣихъ системъ церковныхъ взысканій.

Такимъ образомъ, въ отдѣлахъ 2-мъ и 3-мъ настоящаго изслѣдованія мы разсмотрѣли элементы системы покаяній и каръ, какъ общихъ, такъ и особенныхъ, которыя были завѣщаны первоначальной церковью народамъ новой Европы. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію той новой формации карательнаго права церкви, которая создавалась посредствомъ своеобразнаго сочетанія указанныхъ элементовъ съ элементами права народовъ кельтическихъ и германскихъ.

IV.

При занятіи бывшихъ провинцій Западной Римской имперіи, варвары встрѣтились въ нихъ съ прочно сложившеюся церковною организаціей. Принявъ христіанство, они примкнули къ этой организаціи и подчинились древнему церковному праву. Вотъ почему, въ первыя времена существованія германскихъ государствъ, возникшихъ на развалинахъ Западной Римской имперіи, мы не находимъ рѣзкихъ измѣненій ни въ общемъ строѣ церкви, ни въ ея правѣ. Равнымъ образомъ, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ пришельцы приняли не господствовавшее въ римскомъ мірѣ католическое ученіе, а ученіе Арія, они не коснулись ни организаціи католической церкви, ни ея права. Въ новѣйшее время, благодаря изслѣдованіямъ Дана ¹⁾ и Лепинга ²⁾, окончательно выяснилось, что Вестготы, не смотря на враждебное положеніе, занятое относительно ихъ многими изъ католическихъ епископовъ, съ самаго начала своего господства въ Галліи и вплоть до временъ короля Эйриха отличались полною терпимостью относительно католической церкви и оставили неприкосновенною ея организацію. Чтожь касается бургундскихъ влестителей, то въ ихъ отношеніи къ католической церкви постоянно проявлялась не только терпимость, но

¹⁾ *Dahn*, *Koenige der Germaner*. 1872. Band VI, 369 и слѣд.

²⁾ *Loening*, *Geschichte des deutschen Kirchenrechts*. Band I, 510 и слѣд.

и глубокое расположеніе ¹⁾). Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что Вестготы и Бургунды, собственно говоря, не завоевали тѣхъ провинцій Римскаго государства, въ которыхъ они поселились: они явились туда съ согласія Римскихъ цезарей и въ качествѣ ихъ союзниковъ, для защиты этихъ провинцій отъ вторгавшихся туда враждебныхъ Риму другихъ варварскихъ племенъ. На первыхъ порахъ, предводители Вестготовъ и Бургундовъ являлись, такимъ образомъ, представителями власти Римскихъ цезарей, завѣдывавшими преимущественно военною частью управленія, военнымъ сословіемъ, которое въ свою очередь составилось изъ предводимыхъ ими Германцевъ, вступившихъ къ туземному населенію въ то же отношеніе, въ которомъ находилось прежде сословіе *militum* къ не-военному населенію имперіи. Въ то же самое время для завѣдыванія гражданскимъ управленіемъ продолжали назначаться *praefecti praetorio* и другіе гражданскіе правители, а церковь католическая продолжала управляться своими церковными властями. Равнымъ образомъ, Вестготы и Бургунды въ отношеніяхъ между собою руководствовались своимъ племеннымъ правомъ, а туземное населеніе запятыхъ ими провинцій въ дѣлахъ гражданскихъ—римскимъ правомъ, а въ дѣлахъ церковныхъ—древнимъ правомъ католической церкви. Такой порядокъ вещей продолжался и послѣ того, какъ верховная власть въ занятыхъ Германцами римскихъ провинціяхъ перешла въ руки германскихъ властей: Германцы продолжали жить по закону своего племени, а туземное населеніе—по своимъ законамъ.

Въ виду вышесказаннаго ясно, почему церковное право въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ не пропикнулось сразу, послѣ занятія этихъ провинцій варварами, элементами права сихъ послѣднихъ. Германскимъ племенамъ нечего было создавать новой церковной организаціи и новаго церковнаго права: они примкнули къ сложившейся уже церковной организаціи и подчинились сложившемуся уже церковному праву. Въ эту организацію и въ это право германскіе элементы въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ господства Германцевъ въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ проникли весьма медленно и повліяли скорѣе на частности, чѣмъ на общія начала. Все сказанное можетъ быть отнесено и къ системѣ каръ и покаяній церкви, непосредственному предмету нашего изслѣдованія. Покаянные каноны всѣхъ соборовъ, бывшихъ въ Галліи въ VI вѣкѣ, представляютъ тѣ же черты;

¹⁾ *Loening*, 548 и слѣд.

съ которыми мы познакомились при изложеніи исторіи покаянной системы первоначальной церкви. Въ своихъ взглядахъ какъ на существо грѣховнаго дѣянія, такъ и на существо церковнаго взысканія, церковная власть и церковное право остаются вполне самостоятельными и стоятъ внѣ вліянія свѣтской власти и свѣтскаго права¹⁾. Далѣе, съ увѣренностію можно сказать, что въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ на континентѣ Европы германскіе правовые элементы никогда не получили бы большаго значенія въ церковномъ законодательствѣ, если бы въ VI, VII и VIII вѣкахъ не принесена была извнѣ въ упомянутыя страны новая покаянная система, сложившаяся въ Ирландіи и Англіи при исключительныхъ условіяхъ и всецѣло проникнутая германскими и тождественными съ ними кельтическими правовыми элементами. Эта система гораздо болѣе соотвѣтствовала правовымъ воззрѣніямъ континентальныхъ Германскихъ племенъ, чѣмъ господствовавшая дотолѣ на западѣ покаянная система первоначальной церкви. Вотъ чѣмъ и объясняется ея повсемѣстный успѣхъ. Вступивъ въ борьбу съ древнею покаянною системою, новая система вездѣ осталась побѣдительницею. Тщетно боролись противъ нея соборы и церковныя власти, тщетно старались они замѣнить покаянныя сборники, въ основу которыхъ легли новыя воззрѣнія на церковныя взысканія, сборниками, составленными на основаніи ученія древнихъ отцевъ церкви и покаянныхъ капоновъ древнихъ соборовъ. Сборники покаяннаго права новой формации не могли быть вытѣснены сборниками древняго покаяннаго права.

Указавъ, такимъ образомъ, что основы новой покаянной системы были положены въ Ирландіи и Англіи, мы переходимъ къ разсмотрѣнію того, изъ какихъ элементовъ и при какихъ условіяхъ сложилась въ этихъ странахъ эта новая система церковно-уголовнаго права.

Организація Ирландской церкви вплоть до послѣдняго времени составляла загадку для ученыхъ. При первомъ же знакомствѣ съ этой организаціей изслѣдователи были поражены полнымъ несходствомъ ея съ организаціей остальныхъ церквей Запада. Центромъ этой организаціи было монашество, которому Ирландія, главнымъ образомъ, обя-

¹⁾ Сравн., напримѣръ, кан. 28-й собора въ Орлеанѣ 541 года, согласно которому всякій умышленно совершившій убійство можетъ быть подвергнутъ должному покаянію даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда государь или родственники убитаго освободятъ его отъ наказанія.

запа распространіемъ въ пей христіанства. Церковная юрисдикція въ отдѣльныхъ территоріяхъ принадлежала монастырямъ и отправлялась аббатами этихъ монастырей. При монастыряхъ, въ извѣстномъ подчиненіи онымъ, состояли епископы, жившіе въ монастырѣ или странствовавшіе по странѣ для отправленія сакральныхъ функцій. Епископы эти не имѣли церковной юрисдикціи. Иногда одинъ какой-нибудь монастырь получалъ главенство надъ значительнымъ числомъ другихъ монастырей, и тогда верховная юрисдикція въ территоріяхъ всѣхъ подчиненныхъ монастырей принадлежала аббату главнаго монастыря. Такъ, на примѣръ, монастырь Іова или Іона на островѣ Іона главенствовалъ надъ всю сѣверною Ирландіей и значительною частью Шотландіи, гдѣ ирландскіе монахи-миссіонеры ввели свою церковную организацію ¹⁾. Нѣмецкіе ученые, протестанты и католики, высказали не мало остроумныхъ гипотезъ, чтобы объяснить эти особенности Ирландской церкви, но всѣ эти гипотезы мало содѣйствовали къ окончательному разъясненію вопроса о причинахъ этихъ особенностей. Такъ, на примѣръ, взглядъ, высказанный Эббардомъ въ его сочиненіи „Die irisch-schottische Missionskirche des 6 bis 8 Jahrh“ (Guetersloh, 1873), имѣвшемъ большой успѣхъ въ ученomъ мірѣ, оказался основаннымъ на поверхностномъ изученіи фактовъ и невѣрномъ ихъ пониманіи, въ чемъ легко убѣдиться изъ данныхъ, приведенныхъ Левингомъ ²⁾. Эббардъ предполагалъ, что какъ ученіе, такъ и организація Ирландской церкви, принципиально противоположны ученію и организаціи церкви Римской. Онъ утверждалъ, что древняя Ирландская церковь являетъ характеръ тождественный съ характеромъ такъ-называемыхъ евангелическихъ или протестантскихъ церквей позднѣйшаго времени и покоится на тѣхъ основаніяхъ, которыя выработались въ первоначальной церкви въ тѣ времена, когда римскіе первосвященники не приобрѣли еще себѣ главенства надъ западною церковью. Подобный взглядъ не выдерживаетъ критики. Несомнѣнно, что Ирландская церковь, такъ же какъ и родственная ей церковь Британская ³⁾,

¹⁾ Сравни. *Herzog*, Abriss der gesammter Kirchengeschichte. Theil 1, 473 и 483 *H. J. Todd*; *St.-Patrick*, Apostle of Ireland. 1864, *Haddan* and *W. Stubbs*. Councils and ecclesiastical documents relat. to Great Britain and Ireland. II, P. 1, 106, и слѣд. *Loening*, II, 412 и слѣд.

²⁾ *Loening*, 412, Anmerk. 1, 423, Anmerk. 4.

³⁾ Британская церковь Валлиса, впрочемъ, хотя и выходила въ близкихъ отношеніяхъ съ Ирландскою церковью, тѣмъ не менѣе имѣла организацію не вполне тождественную съ организаціей сей послѣдней.

развились въ вліяніи Рима; но положительно было бы ошибочно предполагать, что ученіе Ирландской церкви въ чемъ-либо существенномъ принципиально отличалось отъ ученія современной ей церкви Римской ¹⁾). Ошибка Эббарда заключается въ томъ, что онъ сличаетъ ученіе Римской церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось впоследствии, съ ученіемъ древней Ирландской церкви. Чтожь касается организаціи церкви въ древней Ирландіи, то эта организація являетъ столь же мало тождественныхъ чертъ съ организаціей первоначальной церкви, сколько и съ организаціей церкви Римской. Ирландская церковь имѣла совершенно своеобразную, не сходственную ни съ какою другою, и объясняющуюся только особыми историческими судьбами этой церкви организацію. Организація эта была только описана нѣмецкими учеными, существо же ея осталось не выясненнымъ высказанными ими гипотезами. Гораздо болѣе пониманія древне-ирландскихъ церковныхъ отношеній высказалось въ сочиненіи англійскаго ученаго Тодда: *St.-Patrick, Apostle of Ireland* (1864), въ введеніи къ которому находится подробное описаніе древне-ирландской церковной организаціи на основаніи всего доступнаго автору матеріала. Но полное выясненіе существа древне-ирландской церковной организаціи сдѣлалось возможнымъ лишь съ тѣхъ поръ, когда, въ 1873 году, англо-ирландскимъ правительствомъ издана была въ свѣтъ послѣдняя часть Великой книги древняго закона ²⁾, заключающая въ себѣ такъ-называемый *Cogus Bescna*, то-есть, обычное право. Въ концѣ этого трактата древнихъ ирландскихъ вѣщателей права, брегоновъ, находится изложеніе нѣсколькихъ нормъ древне-ирландскаго обычнаго права, опредѣляющихъ положеніе церкви въ древней Ирландіи. Хотя по этимъ нормамъ мы и не можемъ составить себѣ полнаго представленія о всѣхъ частностяхъ древне-ирландской церковной организаціи, тѣмъ не менѣе знакомство съ ними даетъ намъ прочное основаніе для опредѣленія общаго характера этой послѣдней. Эти нормы ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что организація древней Ирландской церкви усвоила себѣ тѣ начала, которыя лежали въ основаніи организаціи самаго древне-ирландскаго общества: церковные союзы организуются въ древней Ирландіи на подобіе родовыхъ и племенныхъ союзовъ. А именно, когда христіанство проникло въ Ирландію, оно застало ирландское общество въ до-государственный періодъ. Ирландская нація не представ-

¹⁾ Сравн. *Herzog*, I, 482; *Loening*, II, 417.

²⁾ Въ III томѣ *Ancient laws of Ireland*.

ляла собою одного единого политическаго цѣлаго, а распадалась на значительное число небольшихъ родовыхъ и племенныхъ союзомъ. Вотъ почему не создалося одной общей національной церкви, а возникло множество независимыхъ другъ отъ друга мѣстныхъ церквей. Между нѣкоторыми изъ этихъ мѣстныхъ церквей установились съ теченіемъ времени союзныя отношенія, что имѣло своимъ послѣдствіемъ возникновеніе церковныхъ федерацій, подобныхъ федераціямъ родовъ и племенъ.

Для полнаго уразумѣнія древне-ирландской церковной организаціи необходимо уяснить себѣ прежде всего, какъ образовались эти мѣстныя родовыя и племенные церкви.

Въ большинствѣ случаевъ новообращенный глава рода или племени, съ согласія остальныхъ родичей, дозволялъ миссіонеру-монаху основать церковь въ предѣлахъ племенной территоріи. При церкви устраивался обыкновенно монастырь, въ пользованіе коего отдавалась часть тѣхъ земель, которыя до того времени находились въ общинно-племенномъ владѣніи ¹⁾. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ племенной территоріи, послѣ принятія даннымъ племенемъ христіанства, существовали обыкновенно двѣ общины: древняя племенная община, обозначаемая въ памятникахъ, какъ племя, которому принадлежитъ земля, и монашеская община, которую памятники называютъ „племенемъ святаго“, и которая получила въ пользованіе часть общинно-племенныхъ земель. Монашеская община управлялась аббатомъ, подобно тому, какъ свѣтская — родовымъ главою, и была организована на подобіе свѣтской родовой общины. Между обѣими общинами существовала весьма близкая связь. Монашеская община пополнялась обыкновенно изъ среды того племени, въ предѣлахъ территоріи котораго находился монастырь. Если кто-либо желалъ вступить въ монашество, то монастырь его племени могъ требовать, чтобы онъ сдѣлался монахомъ „своей церкви“, а не чужой. Такимъ образомъ, большинство членовъ монашеской общины были соплеменниками. Вотъ почему ихъ отношенія другъ къ другу и нормировались на основаніи родовыхъ началъ. Также и аббаты были въ большинствѣ случаевъ членами того племени, „которому принадлежала земля“.

¹⁾ Вся земля, входившая въ составъ территоріи известнаго ирландскаго племени, дѣлилась на наследственные участки и на такія, которые отдавались только въ пожизненное пользованіе и послѣ смерти владѣльца возвращались обратно общинѣ (Ancient Laws of Ireland, IV, Introduction, XXXIII—XXXIV).

Corus Bescna содержитъ въ себѣ пространныя положенія о замѣщеніи вакантной должности аббата. Положенія эти рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которыя дѣйствовали въ тогдашнее время на континентѣ Европы, и согласно которымъ аббатъ обыкновенно избирался самимъ монашескимъ обществомъ. Совсѣмъ иной способъ замѣщенія должности аббата предлагается въ Corus Bescna. Прежде всего право замѣщенія принадлежитъ тому племени, отъ котораго происходилъ святой основатель монастыря ¹⁾, затѣмъ—племени, на землѣ котораго построенъ былъ монастырь, и наконецъ,—уже самой монашеской общинѣ. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ монастырь основывался чужестраннымъ монахомъ-миссіонеромъ, то право замѣщенія должности аббата принадлежало обыкновенно племени, на землѣ котораго находился монастырь.

Между монастырями, какъ указано было выше, устанавливались извѣстныя союзныя отношенія. Нерѣдко эти отношенія являли характеръ подчиненія или зависимости, съ одной стороны, и преобладанія—съ другой. Въ особенности это имѣло мѣсто тогда, когда монастыри, находящіяся въ союзномъ отношеніи другъ къ другу, были, если можно такъ выразиться, колоніями одного главнаго монастыря, которому они въ силу того и подчинялись. Corus Bescna различаетъ главенствующія монастырскія церкви ²⁾, такъ-называемыя „*annoit eclais*“, отъ церквей подчиненныхъ, такъ-называемыхъ „*comraiche eclais*“. Союзные монастыри вообще назывались „*dalta eclais*“ и признавались состоящими какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу ³⁾.

Вотъ въ какомъ близкомъ отношеніи находилась организація Ирландской церкви къ организаціи ирландскаго общества. Поэтому не удивительно, что и церковное право древней Ирландіи, какъ видимъ ниже, прониклось элементами древне-ирландскаго обычнаго права. Въ заключеніе приведемъ весьма вѣрную характеристику церковныхъ от-

¹⁾ Это племя обозначается въ памятникахъ иногда тѣмъ же терминомъ, которымъ обозначалась монашеская община, то-есть, оно называется «племенемъ святого». Въ такомъ случаѣ монашеская община именуется «племенемъ монаховъ».

²⁾ Ancient laws of Ireland, III, 65, n. 3.

³⁾ Характеристика древне-ирландской церковной организаціи сдѣлана нами на основаніи данныхъ, находящихся въ послѣдней части Великой книги древняго закона (Senchus Mor), въ такъ-называемой Corus Bescna. Ancient L. of Ireland, III, 31—45—65—79.

ношеній древней Ирландіи, находящуюся въ предисловіи къ офіціальному изданію *Corus Bescna* ¹⁾). Ученые издатели древне-ирландскихъ правовыхъ памятниковъ выражаются здѣсь слѣдующимъ образомъ: „Первоначальные миссіонеры, вводя христіанство въ другихъ странахъ, лежавшихъ внѣ предѣловъ Римской имперіи, устанавливали одновременно и подобную латинской церковную организацію. Въ Ирландію принесено было только христіанское ученіе, организація же церкви развилась соотвѣтственно съ началами того гражданскаго общества, въ которомъ она была учреждена. Подобно тому, какъ вся нація дробилась на независимыя племена, и церковь состояла изъ независимыхъ монастырей. Хаосъ, изъ котораго не вышло еще общество, весьма вѣрно воспроизведенъ въ церкви, лишенной іерархическаго управленія, вполнѣ національной — въ томъ смыслѣ, что она вѣрно отражала въ себѣ національныя идеи, но отнюдь не національной въ томъ смыслѣ, который обыкновенно придаютъ этому слову, понимая надъ нимъ такую организацію церкви, которая распространяется на всю территорію, занимаемую націей“.

Вотъ та обстановка, при которой развилась древне-ирландская покаянная система. Она сложилась въ монастыряхъ подъ вліяніемъ совершенно своеобразныхъ условій и внѣ вліянія епископовъ, которые въ другихъ странахъ западной Европы являлись представителями и хранителями древняго церковнаго права. Въ Ирландіи епископы и пресвитеры не могли имѣть большаго вліянія на карательную систему церкви. Они въ большинствѣ случаевъ были монахами извѣстнаго монастыря, почему и подчинялись аббату, которому, а не имъ, и принадлежала церковная юрисдикція. Иногда самъ аббатъ былъ въ то же самое время и епископомъ.

Организація Британской церкви въ Валлисѣ представляетъ очень много схожихъ чертъ съ организаціей древней Ирландской церкви, хотя и не можетъ быть названа вполнѣ тождественной съ оною. И въ церкви Валлиса главную роль играютъ монастыри и ихъ аббаты. Такъ на примѣръ, на совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто въ 603 году между британскимъ духовенствомъ и англо-саксонскимъ архіепископомъ Августиномъ, отъ имени Британской церкви говорятъ главнымъ образомъ аббатъ и ученые мужи монастыря Бангоръ въ Кернарвонѣ. Но въ то же самое время, епископы не находятся въ Валлисѣ въ такой зависимости отъ

¹⁾ Ancient Laws of Ireland, III, LXXV—LXXVI.

монастырей, какъ въ Ирландіи. Епископы Валлиса имѣли опредѣленныя епархіи съ церковною юрисдикціей въ оныхъ ¹⁾).

Указавъ, такимъ образомъ, на ту церковную организацію, при которой возникла древне-ирландская и древне-британская покаянная система, мы переходимъ теперь въ послѣдующемъ отдѣлѣ къ подробному изложенію этихъ системъ.

¹⁾ Ср. статью *Шелла* «Culdeer» въ *Herzog's Encyclopaedie*, III, 196 и слѣд.

В. Соколевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ МЯГКИХЪ СЛОГАХЪ ВЪ ПРОИЗНОШЕНИИ И НА ПИСЬМЪ.

Особенности произношенія и правописанія шипящихъ слоговъ въ большей части славянскихъ нарѣчій позволяютъ дѣлать заключенія о значеніи нѣкоторыхъ гласныхъ буквъ въ тѣхъ изъ этихъ нарѣчій, которыя или уже больше не живутъ, или во многомъ измѣнили свой звуковой составъ. Я разумѣю здѣсь, вопервыхъ, то свойство славянскихъ шипящихъ согласныхъ, по которому они могутъ произноситься только однимъ способомъ, и именно мягко, тогда какъ большая часть другихъ мягкихъ согласныхъ представляютъ собою только видоизмѣненіе имѣющихся въ языкѣ на лицо имъ соответствующихъ твердыхъ и выражаются вмѣстѣ съ ними однѣми и тѣми-же буквами; а во вторыхъ, необозначеніе на письмѣ мягкости шипящихъ слоговъ, въ противоположность обыкновенному требованію правописанія выражать ее въ другихъ слогахъ выборомъ гласной буквы (это различіе именно тѣмъ и объясняется, что шипяціе здѣсь и не могутъ произноситься твердо). Напримѣръ, русскія *жа, жу, ча, чу* и т. д. всегда мягки, хотя правописаніе и не допускаетъ ставить въ нихъ *я, ю* вмѣсто *а, у*. Мяжки и старо-церковно-славянскія *жа, жоу, жѣ* и т. д.

Если въ извѣстной грамматической формѣ гласный звукъ окончаніа, все равно, предшествуетъ ли ему твердый согласный, или мягкій, одинъ и тотъ же, при чемъ однако гласная буквы обыкновенно различны,—то, въ согласіе со сказаннымъ, послѣ шипящей, хоть и всегда мягкой, стоитъ та гласная, которая принадлежитъ собственно

твердому окончанію этой формы. Такъ въ род. падежѣ ед. ч. муж. р. оканчивающемся и въ мягкомъ склоненіи, какъ въ твердомъ, на звукъ *а*, рядомъ съ коня, — *га*, правильно пишется *мужа*, *мѣжа*, какъ *раба*.

Если же гласный звукъ окончанія мѣняется, смотря по тому, за какимъ согласнымъ онъ слѣдуетъ, за твердымъ, или мягкимъ, то послѣ шипящей обыкновенно стоитъ гласная буква мягкаго окончанія данной формы (или же соответствующая ей такъ-называемая твердая гласная), во всякомъ случаѣ ужь не та, что здѣсь же послѣ согласной твердаго слога. Примѣры: *мужемъ*, *мѣжемъ*, *доушень*, по храмомъ, — *ь*, *водою*, — *нѣ*; зват. ед. *мѣжоу* съ тѣмъ же звуковымъ окончаніемъ, что и въ зват. коню, въ противоположность зват. *раба*.

Отсюда заключеніе, что если въ окончаніи данной формы пишется одна и та же гласная буква послѣ твердой согласной и послѣ шипящей, то звукъ этой буквы есть общій для обонхъ окончаній формы, для твердаго и для мягкаго, хотя по правилу и выражается здѣсь и тамъ различно. Въ *раба*, *мѣжа*, *коня*, — *га*, — *нѣ* конечный гласный звукъ одинъ и тотъ же, именно *а*.

Очевидно, что при помощи этого заключенія оказывается возможность опредѣлить искомое значеніе данной гласной мягкой не шипящихъ слоговъ, при чемъ найденный звукъ подтверждается и прямо, если имѣются на лицо описки, состоящія въ томъ, что, въ согласіе съ произношеніемъ и вопреки требованіямъ правописанія, и послѣ шипящей является та же гласная, что и въ другихъ мягкихъ слогахъ. Что глаголическое ѣ мягкихъ слоговъ звучало, какъ *а*, свидѣтельствуя примѣры, въ родѣ: *чъсь* Марк. XIV 35, *Зогр.*; *чъеть* Матѣ. XXIV 50, *Ассем.* ¹⁾. Еще гораздо раньше той поры, когда въ русскихъ рукописяхъ стало устанавливаться правописаніе нынѣшнихъ церковно-славянскихъ книгъ, когда, между прочимъ, послѣ согласныхъ *а* уже было почти что совсѣмъ вытѣснено буквой *ѣ*, послѣдняя понадевается иногда послѣ шипящихъ вмѣсто *а*, напримѣръ, *чѣшѣ* Ю. XVШ 11, *Остром. л.* 177 *γ*. До значенія (въ которомъ, впрочемъ, никто и не сомнѣвается) древне-русскаго *ѣ* (= *я*) можно было бы дойти и безъ такихъ описокъ, даже и не зная, какую букву въ извѣстныхъ случаяхъ заступилъ собой этотъ знакъ, единственно сли-

¹⁾ См. мою статью «Ueber den Lautwerth des glagolitischen ѣ» вл. *Ничесомъ Archiv. f. Slav. Philologie*, т. IV стр. 134 и слѣд.

чивъ позднѣе правильно писавшееся землѧ, им. ед., съ вода — доуша.

Гласная, значеніе которой опредѣляется описаннымъ приемомъ, будучи по звуку равною соотвѣтствующей гласной твердыхъ слоговъ, въ своемъ положеніи послѣ мягко произносимой согласной собственно къ тому и служитъ, чтобы выразить мягкость послѣдней. Въ приведенныхъ примѣрахъ, глаголич. конъ, род. ед., рус. землѧ, им. ед., для выраженія звука *a* выбраны ѣ, ѡ съ цѣлью обозначить тѣмъ мягкость предшествующихъ н, л. Послѣ же шипящихъ ставитъ такіа буквы, какъ эти ѣ, ѡ, правописание считаетъ излишнимъ вслѣдствіе всегда присущей этимъ согласнымъ мягкости, такъ что еще выражать ее чѣмъ либо не представляется необходимости. То же самое соблюдается и въ нынѣшнемъ русскомъ письменномъ языкѣ, и такіа ошибки, какъ продажа, зачастую попадающіяся на лавочныхъ вывѣскахъ, допускаются только лицами малограмотными, между тѣмъ какъ бана, вмѣсто баня, напишетъ развѣ Нѣмецъ, хотя въ концѣ слова и слышится дѣйствительно звукъ *a*.

Выясненный здѣсь приемъ легко примѣнять и къ такъ-называемому средне-болгарскому нарѣчію въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи въ немъ обоихъ юсовъ. Особенности средне-болгарскаго употребленія въ дѣло этихъ знаковъ—въ такой полнотѣ и съ такою точностью распределенныя Лескиномъ по согласнымъ и по памятникамъ въ статьѣ *Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler* ¹⁾, должны быть, по моему твердому убѣжденію, объяснены тѣмъ, что и здѣсь дѣйствовали, съ одной стороны, неразрывное свойство шипящихъ этого нарѣчія, ихъ мягкость, а съ другой—назначеніе буквы ѡ. Принявъ во вниманіе, что гдѣ въ старо-церковно-славянскомъ какая-либо грамматическая форма содержала въ своемъ окончаніи послѣ согласной одинъ изъ обоихъ юсовъ, все равно который, тамъ въ средне-болгарскомъ правильно тоже юсь, при чемъ однако выбравъ тотъ или другой, смотря по тому, за какою онъ слѣдуетъ согласною, за твердою, шипящею или другою мягкою (въ первыхъ двухъ случаяхъ правильно пишется ѧ, въ послѣднемъ — ѡ), я не могу, согласно со всѣмъ вышеизложеннымъ, не признать, что при тождествѣ звуковъ, выраженныхъ въ средне-болгарскомъ нарѣчіи обоими знаками, ѡ ставили послѣ мягкихъ согласныхъ именно затѣмъ, чтобы указать на мягкость ихъ произношенія.

¹⁾ *Archiv. f. Sl. Philologie*, II.

Правда, что этотъ мой выводъ въ разрѣзъ противоположенъ мнѣнію Лескина. Въ приведенной статьѣ (стр. 279) имъ утверждается: „Von da aus muss man weiter zu dem Resultat kommen, dass *ж*, wenn es nach *ш*, *ж*, *шт*, *жд* für urspr. *ж* steht, nichts anderes bedeuten kann, als das erweichte *ж*...“, а на предыдущей страницѣ говорится объ утраченномъ смягченіи конечнаго слога въ средне-болгарской формѣ *земѣ*, при чемъ въ скобкахъ прибавлено: „der Verlust der Erweichung nach *л*, *н*, *р* u. den Labialen in der Entwicklungsgeschichte des Bulgarischen ist überdies bekannt...“; наконецъ стр. 280: „Die Ansicht aber, dass *ж* ein passender Ausdruck dieses Lautes (то-есть, „der in dieser Periode durch das Zusammenfallen von altem *ж* und *ж* nach Palatalen ¹⁾ entstanden war“, какъ объяснено тамъ же выше) sei, konnte sich bei dem Schreiber dadurch herausbilden, dass..; dass er dabei gerade *ж* vorzog, ist Sache der Willkür, ebenso gut hätte *ж* genommen werden können..“.

При всемъ глубокомъ уваженіи къ авторитету профессора Лескина, я никакъ не могу согласиться съ нимъ и признать, что, напримѣръ, въ языкѣ Болонской Псалтыри такія формы, какъ *земѣ* и *землѣ*, вин. ед., или глагола, 1 ед. наст., совпали въ своемъ написаніи съ род. ед. и прич. им. ед. муж. тѣхъ же словъ именно вслѣдствіе утраты мягкости конечныхъ слоговъ: отчего бы тогда сохранилось правильное *водѣ*, вин. ед.? Вѣдь здѣсь мягкости окончанія никогда и не было. Желая помочь себѣ выйти изъ затруднительнаго положенія, Лескинъ (стр. 280) принужденъ принять два значенія для *ж*: „... so dass in diesem Denkmal das Zeichen *ж* zweierlei Geltung hat, einmal = altem *ж*, einmal = mittelbulg. *ж*“ (последнимъ знакомъ Лескинъ выражаетъ отъ себя звукъ, заступившій въ мягкихъ слогахъ мѣсто обоихъ старо-славянскихъ носовыхъ гласныхъ). Къ этому со всѣмъ ненужному предположенію не пришлось бы прибѣгать ученому автору, еслибы онъ назначеніе средне-болгарской буквы *ж* увидѣлъ въ выраженіи мягкости предшествующаго ея звуку согласнаго, въ выраженіи, которое при шипящихъ по неважности правильно опускалось, и еслибы онъ такимъ образомъ призналъ, что согласная смягчалась слѣдующимъ за ней — не *ж*, а *ж*. Къ оспариваемому мною взгляду Лескинъ былъ приведець, по видимому, впервыхъ, признаніемъ мягкости произношенія шипящихъ (не-славянину такое признаніе, само по себѣ, пока все еще можно вѣнчать въ заслугу), послѣ которыхъ

¹⁾ Этотъ терминъ въ статьѣ Лескина обозначаетъ мягкіе согласные звуки.

въ средне-болгарскомъ изъ обоихъ юсовъ по правилу стави́ я љ; во вторыхъ, такими написаніями, какъ моѡ, напимѡръ въ предпослѣдней строчкѣ 264 л. Погодинской Псалтыри (Срезп. Пам. юс. письма, 245); въ нихъ, конечно, послѣдній слогъ мягокъ, будучи образованъ изъ согласнаго j + гласный, выраженный юсомъ, но не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что написанія эти входятъ въ одинъ разрядъ съ совершенно такими же, гдѣ только вмѣсто юса другая неіотованная гласная, напимѡръ рѡѡа мов (тамъ-же, послѣднее слово 264 л.), заповѣдемъ Бѡѡам, страха, Бѡѡа (Болонск. Пс., Срезя., стр. 356), и легко объясняются тоже ненадобностью обозначенія мягкости вслѣдствіе необходимости здѣсь звука j въ произношеніи для избѣжанія зіянія. При паличномъ же письменномъ іотованіи тоже гораздо естественнѣе ожидать именно ту букву, которая и служитъ прямымъ выраженіемъ гласнаго звука, слѣдующаго въ произношеніи сейчасъ же за согласнымъ j. И дѣйствительно, позднѣйшее церковно-славянское правописаніе, чтобы выразить я, обыкновенно передаваемое знакомъ ѡ, въ началѣ слоговъ предписываетъ ставить іа, сложное изъ знаковъ j и а. То же самое мы видимъ и во многихъ изъ нашихъ средне-болгарскихъ рукописей, гдѣ, при такой же точно постановкѣ іа, за согласными обыкновенно слѣдуетъ ѡ; упомяну хоть объ Апостолахъ изъ Охрида, чтобы не говорить только о Болонской Псалтыри. Въ послѣдней иногда наблюдается и подобное же отношеніе ѡ и ѡ одного къ другому: за всякой (разумѣется, не шипящей) мягко произносимой согласной — ѡ, въ началѣ слога при слышимомъ j—ѡ, напимѡръ дшѡ моѡ, ѡзыкъ и под. (тамъ же стр. 365). Такимъ образомъ слѣдованіе знака ѡ за шипящими и за і (которое по большей части выпускалось) нисколько не говоритъ въ пользу Лескинова взгляда.

Правильность, взявъ вообще, отношенія ѡ: ѡ (болг.) = а: ѡ (болг. и глаг.) = а: ѡ (рус.) можно съ убѣдительною доказать попыткой примѣнить найденныя Лескиномъ правила, по которымъ древнія носовыя гласныя уступили свое мѣсто юсамъ въ среднеболгарскихъ рукописяхъ, къ разстановкѣ ѡ и а въ таковыхъ же и въ глаголическихъ, ѡ и а въ древне-русскихъ (болѣе позднихъ, съ правописаніемъ почти тѣмъ же, что въ пинѣшнихъ церковныхъ книгахъ).

Возьмемъ Болонскую Псалтырь. Для нея Лескинъ (стр. 270) такъ устанавливаетъ занимающія насъ теперь правила ¹⁾:

¹⁾ Въ слѣдующихъ затѣмъ выпискахъ устранены ц и з, по причинамъ, которыя выяснятся дальнѣйшимъ.

„1) Wenn dem *ж*, *ѣ*, wo dies altbulgarisch (то-есть, въ старо-церковно-славянскомъ) steht, keiner der Laute oder Lautverbindungen: *ј* im Anlaut, *ѡс+ј*, шт, жд, ч, ж, ш. . . vorangeht, so stehen *ж* und *ѣ* an ihrer alten Stelle“. Все это, съ подстановкой, конечно, вмѣсто *ж*, *ѣ* буквъ *а, ѣ*, respective *а, ѣ*, можно дословно повторить и о глаголическихъ и русскихъ рукописяхъ.

„2) Geht *ј* anlautend, *ѡс+ј*, шт, жд, ч, ж, ш. . . voran, so bleibt ursprüngliches *ж*, urspr. *ѣ* wird durch *ж* ausgedrückt“. Вторая часть этого правила, чтобы годиться и для глаголическихъ и русскихъ рукописей, приметъ слѣдующій видъ: „so bleibt ursprüngliches *а*; urspr. *ѣ*, resp. *ѣ* wird durch *а* ausgedrückt“. Въ первой части, въ перечислѣ звуковъ, предшествующихъ носовымъ гласнымъ, для глаголическихъ рукописей останутся только шишиціе. Рядомъ съ средне-болгарскимъ началомъ, часть я ставлю — не вдаваясь здѣсь въ подробности о глаголическихъ показате, иштате и под. ¹⁾—русскія начало, часть. Въ противоположность съ единичностью написанія твоѣ, вин. мн., (Срезн. 370) глаголицей правильно пишется твоѣ, им. ед. ж. и им. вин. мн. ср. Въ самой же нашей Псалтыри вмѣсто *ѣ* (стоящаго правильно послѣ согласныхъ) въ этомъ положеніи господствуетъ, какъ уже замѣчено и выше, *а*.

„3) Geht dem alten *ж*, *ѣ* voran *л, р, и, ѡ, б, в, м + ј*..., so bleibt *ѣ*, wo es ursprünglich stand, *ж* aber wird zu *ѣ*, wobei es gleichgültig ist, ob nach den labialen Consonanten das euphonische *л* geschrieben ist oder nicht“. Сдѣлавъ здѣсь для глаголическихъ рукописей двѣ замѣны: подставивъ *ѣ* вм. *ѣ* и *а* вм. *ѣ*, а для русскихъ—только одну, и именно послѣднюю, мы получимъ правила, какъ бы особо составленныя по даннымъ, почерпнутымъ прямо изъ соответствующихъ источниковъ. Въ рядъ съ средне-болгарскими написаніями землѣ, господьнѣ (вм. земля, господьнѣ—вин. ед.) идутъ совершенно такія же съ *ѣ* русскія (вм. земля, господьнѣ—им. ед. ж., род. ед. муж. и ср.) и съ *ѣ* вм. *а*—глаголическія (и средне-болгарскія): землѣ, господьнѣ.

Ни къ одному изъ трехъ выписанныхъ правилъ не подходитъ и прямо противорѣчить первому изъ нихъ, которое на стр. 276 распространяется вообще на все средне-болгарское нарѣчіе,—не отмѣченное Лескиномъ написаніе всѣ (Григоровичевъ Наремейникъ, Срезн. стр. 218, 262), всѣ (Погодинск. Пс. тамъ же 209) въ значеніи всѣхъ; въ согласіе же съ даннымъ мною объясненіемъ съ этимъ написаніемъ

¹⁾ См. мою упомянутую статью Ueber d. Lautwerth и т. д. стр. 138.

сличимы глаголич. (и болг.) в(ь)сь (вѣсь, всь), рус. всѣ, всѣ, то и другое вм. всѣ.

Для большей наглядности здѣсь сопоставляются въ достаточной полнотѣ образцы болгарскихъ склоненій. Примѣры взяты изъ Болонской Псалтыри, цифры указываютъ на страницы Пам. юс. письма Н. П. Срезневскаго.

род. (вин.) ед. м. и ср. Пѣль 368, морь 205. 369, лица гѣль 242; пив. мп. м. олтарѣ.—им. вин. мн. ср. полъ 205, прѣвѣншѣа 204.—им. ед. ж. зем(л)ь 205, 242, 365, воля 354, дѣа Адам(л)ь 203, дѣаволь крѣпость, — сила 357; род. ед. зем(л)ѣ 242, 243, два раза 367, рѣкѣ дѣаволь 243; вин. ед. зем(л)ѣ 204, 369; вин. мн. поустѣнѣ.—вин. ед. и им. мн. ж., вин. мн. м. и ж. в(ѣ)сѣ.

род. ед. м. и ср. гнѣва Бѣа 360, житѣа 353; вин. мн. м. ж (eos) 355, стѣль подвизавѣнѣа 204, нищѣа, горѣщѣа 360.—им. ед. ср. овчѣ 368, 380; им. вин. мн. ср. с(ѣ)вѣдѣнѣа твоѣа, часто, дѣа Бѣа.—им. ед. ж. дѣа моѣа 364; род. ед. рѣкѣ гнѣнѣа 243, прав(ѣ)ды твоѣа 377, 379; вин. ед. дѣа исповѣданѣа 368; им. вин. мн. сякъ Бѣа 204, заповѣди твоѣа, часто, нашѣ.

Изъ глаголическихъ и русскихъ источниковъ, чтобы только на помнитъ такое же отношеніе и въ нихъ, привожу слѣдующія извѣстныя формы:

род. ед. м. и ср., им. вин. дв. м., им. вин. мн. ср. црѣ гл.,—ѣ рус.; оучителѣ,—ѣ; морѣ,—ѣ.—им. ед. ж. зем(л)ь,—ѣ.—им. ед. ж. и им. вин. мн. сред. всѣ,—ѣ.

тѣ же падежи: мѣжа, ложа; только рус. обнчаѣа, житѣа. — душа; только рус. братѣа.

Во всемъ этомъ, вмѣстѣ взятомъ, на столько вѣсу, что, по моему мнѣнію, Лескину, еслибъ онъ захотѣлъ удержать свое предположеніе, оставаясь притомъ послѣдовательнымъ, пришлось бы и болг.-глаголическо-русскому *a* по отношенію къ *ь*, ѣ приписать назначеніе выражать мягкость звука предыдущей согласной; принятіемъ, какъ и при средне-бол. ѣ, двухъ значеній для *a* можно было бы избавиться отъ непріятной необходимости смотрѣть такъ на всѣ слоги съ этою буквою.

Отношеніе въ средне-болгарскомъ нарѣчїи ж: ѣ = а: ѣ нарушается только при *ц* и *с* (зѣло), послѣ которыхъ, въ противоположность исключительному употребленію ж на мѣстахъ обоеихъ старославян-

скихъ юсовъ (напримѣръ въ Болонской Пс. телць, вин. мн., Срезн., 364; Лескинъ изъ того же памятника приводитъ стьзѧ, тоже вин. мн.), наблюдается строго правильное различіе а—ѣ (срѣца—въ рѣцѣ 362, истъзѧмъ 354—сотврѣзъмъ 355). Несомнѣнно, сохраненіе на своемъ мѣстѣ каждой изъ этихъ обѣихъ гласныхъ послѣ ц и з должно быть объяснено двоякостью произношенія послѣднихъ въ среднеболгарскомъ нарѣчїи, вообще твердаго въ концѣ основы слова, мягкаго—только тамъ въ этомъ положенїи, гдѣ отвердѣніе не допускалось или нетронутымъ (по общему правилу) гласнымъ (небнымъ) звукомъ окончанія, или правиломъ въ данной формѣ смягчать слогъ и при другихъ твердыхъ согласныхъ: стьза, им. ед.; стьзѧ вин. ед., сохранили свои послѣднія гласныя, не перемеживъ ихъ на ѣ, ѡ, вслѣдствіе слоговой твердости; по той же причинѣ прежнее стьзѧ, род. ед. и им. вин. мн., перешло въ стьзѧ; буква и ставилась еще правильно (ѡзмици 359, срѣци 366), такъ какъ ѣ повлекло бы за собой и (гораздо болѣе замѣтное, чѣмъ, напримѣръ, въ русскомъ) измѣненіе самого гласнаго звука, ѣ же въ дат. или мѣстн. (какъ въ др. фф. и ѣи) обозначало бы, кромѣ того, еще переходъ въ другое склоненіе; рѣцѣ, носѣ, дат. мѣстн. ед. и им. вин. дв., не смотря на свое ѡ, а слѣдовательно, и мягкость конечнаго слога, принадлежать къ твердому склоненію, точно такимъ же образомъ, какъ и рыбѣ. Какъ извѣстно, отвердѣвшій конечный согласный основы въ дальнѣйшемъ развитїи языка обыкновенно обуславливаетъ собой переходъ въ твердую флексію съ перемежной самихъ гласныхъ звуковъ окончаній. Примѣръ съ старци людскими и съ кнѣзи ихъ (Григоровичевъ Парем., Срезн., стр. 265) окончательно доказываетъ отвердѣніе среднеболгарскихъ ц и з, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подкрѣпляетъ данное объясненіе исключительнаго употребленія послѣ нихъ ѡ вмѣсто прежнихъ обѣихъ носовыхъ гласныхъ.

Очевидная правильная послѣдовательность среднеболгарскихъ написаній тѣг (= тѣг-), имѣтъ, з мн., мн., имѣшт-, прич. фф., насколько не говоритъ противъ принятыхъ здѣсь значеній обѣихъ юсовъ. Подобные примѣры принадлежать къ одному разряду съ трѣва, тѣнѣтъ, топѣ и др. и являютъ дѣйствительный переходъ въ языкѣ согласныхъ опредѣленныхъ словъ изъ твердыхъ въ мягкіе или на оборотъ.

Равнымъ образомъ слѣдованіе за ч въ пѣкоторыхъ среднеболгарскихъ рукописяхъ буквѣ ѡ, ѡ, а не ѡ, ѡ свидѣтельствуетъ только о большей мягкости въ произношенїи писца этого согласнаго сравнительно съ другими пишущими. Это явленіе ни мало не противорѣчитъ тому, что было выше говорено объ обычѣ правописанія не вы-

ражать мягкости шипящихъ. Если писцу вообще было не трудно ошибиться, поставивъ—вопреки заученному, такъ-сказать, правилу— ѡ. ѣ послѣ какой бы то ни было шипящей, какъ мягкой, то тѣмъ легче такія ошибки при особенно мягко имъ произносимомъ ч могли для него стать частнымъ правиломъ, представляющимъ собою исключеніе изъ общаго. Лескинъ, занявшись въ своей статьѣ, согласно ея задачѣ, только юсами, не обратилъ вниманія на то, что именно въ тѣхъ же самыхъ рукописяхъ, въ которыхъ послѣ ч ставилось ѡ вмѣсто ѡ, замѣняетъ собою и ѣ букву а, чѣмъ только подтверждается правильность для средне-болгарскаго нарѣчія пропорціи ѡ : ѡ = а : ѣ. Въ Григоровичевомъ Паремейникѣ, напримѣръ, оба случая на одной строчкѣ (Срезв., стр. 267): въ печельехъ родиши члѣда; первое слово съ такимъ написаніемъ повторяется на той же страницѣ нѣсколько разъ, ѡ же послѣ ч въ этомъ памятникѣ и Лескинъ возводитъ въ правило; еще напримѣръ на стр. 263: начѣтъмъ и иста-чѣеть, близко одно къ другому. Въ томъ же памятникѣ и при звукѣ j (мягкомъ по преимуществу) всегда ѡ, а не ѡ. Привожу все идущее сюда изъ средне-болгарскихъ Евангельскихъ листовъ Ундольскаго (тамъ же, стр. 381—383), гдѣ въ противоположность другимъ шипящимъ ч требуетъ за собою ѡ и ѣ: начѣтъ, чѣсти, облачѣше, чѣющемъ, чѣс.

Опредѣленная въ началѣ статьи особенности произношенія и правописанія славянскихъ шипящихъ слоговъ проливаютъ свѣтъ и на ю, правильно замѣняющее собою оу послѣ шипящихъ и ц, з въ цѣломъ разрядѣ старо-церковно-славянскихъ рукописей (преимущественно глаголическихъ). Положеніе, что тожество гласнаго звука въ твердомъ и мягкомъ окончаніи формы влечетъ за собой и примѣненіе одной и той же буквы послѣ твердой согласной и послѣ шипящей, даетъ возможность заключить, что это ю не равняется по своему звуку соответствующему оу; отношеніе здѣсь уже не равняется глаголическому и болгарскому ѣ : а, или древнерусскому ѡ : а, или же болгарскому ѡ : ѡ; пными словами, ю, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ согласныхъ не указываетъ только на мягкость ихъ произношенія, при чемъ гласный звукъ былъ бы собственно тотъ же, чтó принадлежитъ и начертанію оу. Правильна будетъ пропорція оу : ю = о : е = ѡ (ст.-сл.): ѡ (тоже) = ѣ : ѣ и т. д.

Признавая вмѣстѣ съ г. Ягичемъ, который неустанно обращаетъ вниманіе ученаго міра на правильность написаній въ извѣстныхъ

древнѣйшихъ памятникахъ жю, чю, шю, штю и т. д. ¹⁾, что ю послѣ шипящихъ, точно такъ же, какъ и е, ъ, свидѣтельствуетъ о первоначальной мягкости славянскихъ шипящихъ согласныхъ, я никакъ не могу согласиться съ не совсѣмъ ясно выраженнымъ взглядомъ почтеннаго профессора (въ его *Studien über das Zographos-Evangelium*), заключающимся — если только мы его вѣрно понимаемъ — въ томъ, что шипящія слоги съ а, заступивъ собою первоначальные таковыя же, но произносившіеся приблизительно на манеръ малорусскаго *иъ*, свидѣтельствуютъ, въ виду правильныхъ цю, жю и т. д. и попадающихъ иногда *хождѣше* и т. под., о колебаніяхъ языка въ явленіи смягченія согласныхъ въ ту пору, когда на старо-славянскомъ начинали уже писать. Вотъ слова самого г. Ягича ²⁾: „Die Kleinrussen sprechen heutzutage *серця, серцю*; etwas ähnliches (очень осторожно!) muss schon im Altslovenischen der Fall gewesen sein, wie uns die... Beispiele, wie: *отъцю,.... събъништю, ништюмоу, хождѣше,.... etc., bestätigen*. Allerdings ist diese Eigenthümlichkeit (выше непосредственно передъ тѣмъ говорилось только объ одной особености, могущей относиться къ звуку, именно о малорусскомъ произношеніи слоговъ *иъ, цю*) auf den nachfolgenden Laut ю beschränkt (vergl. dennoch *хождѣше*); aber wenn man — — — so kommt man leicht zu dem Schluss, dass ursprünglich wohl auch ца in der Aussprache einem tsja, also ungefähr=*ца nahe kam*“. Нѣсколько далѣе въ отсутствіи ютаціи послѣ извѣстныхъ согласныхъ г. Ягичъ видитъ, что „das Altslovenische... auch hier im Stadium des Schwankens sich befand“, что еще далѣе выражается такъ: „Diese Inconsequenz beweist nur, dass gerade damals, als man das Altslovenische schriftlich zu fixiren begann, in dieser Erscheinung die Sprache manches Schwankende zeigte“. Отмѣченныя мною разрядкою мѣста обнаруживаютъ по крайней мѣрѣ въ которое желаніе г. Ягича ослабить смыслъ слѣдующаго, сдѣланнаго имъ же нѣсколько выше въ очень осторожной формѣ, утвержденія, въ которомъ ца и цю поставлены на одну доску и противополжены новѣйшимъ словенскимъ и сербскимъ тѣмъ же слогамъ: „Wenn man also im Altslovenischen *сръдъца, сръдъцоу... liest*,

¹⁾ См. напримѣръ, *Archiv*, III, 732, въ короткомъ сообщеніи о трудахъ Гебауера по вопросу о мягкихъ слогахъ въ древне-чешскомъ языкѣ; также въ латинскомъ предисловіи къ изданному *Ничемъ* же глаголическому Зографскому Евангелію, стр. XXVI.

²⁾ *Archiv*, II, 221.

so wird die echte altslovenische Aussprache nicht ganz dem heutigen slovenischen oder serbischen *srdca, srdcu* entsprochen, sondern etwas weicher geklungen haben". Какъ бы то ни было, думаетъ ли г. Ягичъ, что шипящiе согласные въ языкѣ, напримѣръ, писца Зографскаго Евангелiя (или его подлинники) произносились одинаково мягко, какая бы ни слѣдовала за ними гласная, или что слоги *жа, ча* и т. д., звучали уже тверже, чѣмъ *жю, чю* и т. д., — о природѣ звука, выраженного занимающимъ насъ теперь *ю*, въ статьѣ г. Ягича напрасно было бы искать разъясненiй, если только изъ словъ (въ концѣ сравненiя написаний *ца* и *цю*): „...dass ursprünglich auch *ца* in der Aussprache einem *tsja*, also ungefähr = *ца*, nahe kam" — не заключить прямо, что, по мнѣнiю г. Ягича, *ца* въ произношенiи приближалось къ первоначальному *ца* въ согласiе съ тѣмъ, какъ *цоу* еще не вытѣснило собою *цю*, то-есть, что, иными словами, г. Ягичъ признаетъ правильнымъ отношенiе *оу : ю = а : я*. Звуковая сторона этого отношенiя (а только она насъ здѣсь и можетъ занимать) положительно невѣрна. Еслибы чисто гласный элементъ звука, выраженного буквой *ю*, былъ точно также равенъ звуку *оу*, какъ *а* и *я* (глаголич. *ѣ*) выражаютъ въ сущности одинъ гласный звукъ, то послѣ шипящихъ, по вышеизложенному, должно было бы правильно писаться *оу*, а не *ю*, какъ это мы и дѣйствительно видимъ въ старославянскихъ же памятникахъ, но руки писцовъ другаго нарѣчiя

Такимъ образомъ, принимать разницу въ произношенiи (твердомъ или мягкомъ) шипящаго, слѣдовалъ ли за нимъ звукъ *а*, или звукъ *ю*, нѣтъ никакой необходимости. То же надобно сказать и о всѣхъ другихъ шипящихъ слогахъ, и не только въ болгарскомъ, но и въ другихъ славянскихъ нарѣчiяхъ, между прочимъ и русскомъ. Замѣчанiе г. Бодуэна-де-Куртенэ ¹⁾, что русскiе звуки *ш, ж, ч* передъ *а, о, у* и т. п. тверже тѣхъ же согласныхъ въ сочетанiи съ *е, и* и т. п. едва ли основано на томъ, что онъ слышалъ въ дѣйствительности. Г. Бодуэна-де-Куртенэ отъ этого едва ли правильнаго взгляда могли бы предостеречь хоть бы такiя ошибки малограмотныхъ лицъ, какъ, съ одной стороны, *жя, чя* и т. д., съ другой — *жы* и т. д., ошибки, противъ которыхъ борются всяческiе орфографическiе указатели, часто прилагаемые къ учебникамъ русской грамматики. Возможность

¹⁾ См. Опытъ фонетики рязанскихъ говоровъ § 6.

написанія въ русскомъ языкѣ жш и т. п., хотя бы и вопреки требованіямъ правописанія, свидѣтельствуетъ, что ш и ѡ послѣ согласнаго, если оставить въ сторонѣ смягченіе послѣдняго, произносятся нами гораздо ближе одно къ другому, чѣмъ въ старо-славянскомъ, въ болѣе чистыхъ памятникахъ котораго никогда не наблюдается ш въ шипящихъ слогахъ, такъ что для этого нарѣчія можно составить пропорцію ш : и = о : е = ѡ : ѡ и т. д.

А. Головачевскій.

ГЕРБОРДОВА БЮГРАФІЯ ОТТОНА БАМБЕРГСКОГО ¹⁾.

III.

Второе путешествіе Оттона въ Поморье.

(Herb. III, 1—31; Ebo III, 1—24; Prief. III, 4—15).

Событія, вызвавшія второе путешествіе Оттона въ Поморье, довольно подробно передапы у Эбона (III, 1, 3—4): „Вскорѣ послѣ удачнаго окончанія перваго путешествія Оттона, въ Поморьѣ случился голодъ и за нимъ—язва (постигшіе и Германію) ²⁾. Языческая партія, съ жрецами во главѣ, выставляя эти бѣдствія, какъ наказаніе за измѣну языческимъ богамъ, склонила многихъ къ отпаденію отъ христіанства. Это сказалося въ богатыхъ торговыхъ городахъ Штетинѣ и Волинѣ, въ первомъ съ особенною силою. При такихъ обстоятельствахъ Вратиславъ, князь Поморскій, побуждаемый какъ ревностію къ христіанству, такъ, вѣроятно, и политическими соображеніями, призвалъ Оттона въ Поморье. Оттонъ согласился, имѣя въ виду, кромѣ возвращенія отпадшихъ, еще проповѣдь въ западной части Поморья, не посѣщенной имъ въ первое путешествіе“.

Этотъ ясный и заслуживающій полнаго вниманія разказъ Эбона, бывшій у Герборда подъ руками, совершенно имъ выпущенъ. Причиной втораго путешествія Гербордъ выставляетъ только любовь Оттона къ своей недавно прибрѣтенной паствѣ — *amor novellae coloniae suae* ³⁾ (III, 1). Пропускъ столь важнаго извѣстія можно объяснить

¹⁾ *Продолженіе*. См. августовскую книжку *Ж. М. II. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Ekkeh. п. Anselm. Gemblacens., 1125 г.

³⁾ О возвращеніи Штетина п. Волина къ язычеству Гербордъ разказываетъ вкратцѣ далѣе въ III, 16, 25, 26.

только желаніемъ Герборда удалиться, въ своемъ изложѣніи, отъ Эбона.

Годъ путешествія у Эбона, здѣсь, да и въ другихъ мѣстахъ, прямо не обозначенъ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно съ точностію указать на 1127 годъ ¹⁾. Гербордъ же говоритъ: *Post quadriennium*— послѣ перваго путешествія (1124—1125), то-есть, въ 1128 или 1129, скорѣе въ 1129 году, ибо, судя по контексту — *post quadriennium*— послѣ окончанія перваго путешествія (мартъ 1125) ²⁾. Во всякомъ случаѣ годъ невѣрнъ. Гербордъ, вѣроятно, слѣдовалъ ошибочному показанію Прифлингскаго анонима III, 4: *jam vero quatuor annorum evoluto curriculo post eam (primam) peregrinationem*.

День отправления точно опредѣленъ у Эбона: *in sena Domini sacratissima*, то-есть, 31-го марта. Гербордъ о днѣ ничего не говоритъ.

Объ отправленіи изъ Вамберга и пути до Дымина, довольно подробно и обстоятельно описанныхъ у Эбона (III, 3, 4), Гербордъ говоритъ только въ нѣсколькихъ строкахъ 1-й главы.

Обозначивъ, что Оттонъ шель черезъ Саксонію, Гербордъ указываетъ и причину выбора этого пути: „чтобы не обременять князей Чехіи и Польши и другихъ лицъ, дружески принимавшихъ его во время перваго путешествія“ ³⁾. Но это, очевидно, произвольная догадка Герборда, основывающаяся на незнаніи географическаго положенія упоминаемыхъ имъ странъ. Она слишкомъ недостаточна, мало правдоподобна и даже совершенно излишня. Оттону и не было ни-

¹⁾ Это опредѣленіе года сдѣлано *Ибфе*, въ *Geschichte der deutschen Reichs unter Lothar d. Sachsen*, стр. 60—66, пр. 24, 32 и стр. 269, пр. 8. Яеое обращаетъ вниманіе на письмо Вигнанди, аббата Таризійскаго (Ево, II, 16), къ Оттону, гдѣ Вигнандъ проситъ Оттона вернуться изъ путешествія, описывая ему трудное положеніе Вамберга. Это письмо Эбонъ отнесъ къ первому путешествію (1124—1125), но въ немъ говорится о событіяхъ 1127 года. Слѣдовательно, Эбонъ ошибочно помѣстилъ его при первомъ путешествіи, тогда какъ оно написано во время втораго. Затѣмъ въ III, 22, Эбонъ говоритъ о чудѣ, бывшемъ въ Поморьѣ 15-го августа въ понедѣльникъ; 15-го августа было въ понедѣльникъ въ 1127 и въ 1130 г. Но къ послѣднему году нельзя отнести путешествія, значитъ, путешествіе было въ 1127 г.

²⁾ 2-я книга Герборда оканчивается словами: *ante diem Palmarum (1125) ad sedem suam reversus est*. Третья—начинается: *Post quadriennium vero*.

³⁾ Разказы біографовъ мы, для краткости, будемъ помѣщать не въ переводѣ, а въ свободной передачѣ своими словами, не опуская, конечно, ничего важнаго.

какого основанія выбирать такой далекій и обходный путь черезъ Чехію и Польшу, когда самая краткая дорога была черезъ Саксонію, тѣмъ болѣе, что въ это время, въ Чехіи и Мейсенѣ не улеглись еще волненія, вызванныя войною Германіи и Чехіи 1126 г. ¹⁾ Въ первое путешествіе Оттонъ только потому шель черезъ Польшу, что былъ приглашенъ Польскимъ княземъ; теперь же Оттонъ не имѣлъ никакого отношенія къ нему и призванъ Вратиславомъ, который условился встрѣтить его въ Дымпфѣ. „Отправляясь въ путь“, говоритъ Гербордъ,—„онъ взялъ съ собою много золота и серебра, также купилъ въ Галле порфира, виссона, драгоцѣнныхъ суконъ (раппі) и разнообразныхъ другихъ даровъ. Это все было сдѣлаво Оттономъ для того, чтобы не прійдти съ пустыми руками къ своей паствѣ, дабы не вознегодовали на него еще некрещенно, еслибъ увидѣли, что проповѣдуетъ, требуя вознагражденія, тотъ, кто прежде дѣлалъ это даромъ“.

Цѣль, съ какою Оттонъ бралъ съ собою цѣнныя вещи, указана не разъ у Эбона (III, 6, 9), а также у Герборда, при разказѣ о первомъ путешествіи—II, 7 (на которое здѣсь есть намекъ). Такимъ образомъ, здѣсь Гербордъ не прибавляетъ ничего новаго, а только повторяетъ уже извѣстное ему.

Что именно взялъ съ собою Оттонъ, у Эбона не сказано; Гербордъ же отчасти обозначаетъ порфиру, виссонъ и драгоцѣнныя сукна. Но это перечисленіе нельзя считать основаннымъ на дѣйствительномъ знаніи Герборда: здѣсь онъ упомянулъ, съ одной стороны, то, что самъ считалъ особенно дорогимъ — порфиру и виссонъ, съ другой—что, какъ ему извѣстно (I, 36), особенно цѣнилось въ Поморьѣ и посылалось туда рапѣ Оттона изъ Бамберга, для подарковъ знатнымъ лицамъ и для выкупа плѣнныхъ—драгоцѣнныя сукна ²⁾.

Гдѣ Оттонъ сдѣлалъ закупки—Эбонъ не говоритъ, по Герборду же—въ Галле. Конечно Гербордъ могъ это свѣдѣніе получить и отъ какого-нибудь слутника Оттона, напримѣръ, Зефрида ³⁾ (I, 36 см. 7); однако, скорѣе, это собственная догадка Герборда, знавшаго (I, 36

¹⁾ W. Giesebr., Kaiserzeit, IV, 18—21.

²⁾ Nobiles, puros et pretiosos pannos in terra Pomoranorum caros frugi mercatu Hallae inveniri (I, 36).

³⁾ Все, что Гербордъ могъ бы узнать отъ лицъ, сопутствовавшихъ Оттону въ путешествіи, мы будемъ, для краткости, приписывать Зефриду, въ уста котораго вложены всѣ разказы.

см. пр. 7), что въ Галле покупались предметы, особенно цѣнные Поморянами—сукна. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, нѣсколько выше, онъ прямо упоминаетъ о нихъ.

Всѣ подробности пути до Дымина, сообщенныя Эбономъ (III, 3—4), у Герборда пропущены (описаніе отношенія архіепископа Магдебургскаго Норберта къ Оттону, прибытіе Оттона въ Гавельбергъ, свиданіе съ Вирикиндомъ, пятидневное путешествіе чрезъ большой лѣсъ, встрѣча съ рыбаками на озерѣ, просьбы Морачанъ о крещеніи). Гербордъ говоритъ только: „Оттонъ прибылъ по рѣкѣ Эльбѣ, до р. Гаволи, и достигъ Лютицкой земли; нагрузивъ здѣсь все на 50 телегъ, съ большими затрудненіями, сухимъ путемъ доѣхалъ до Поморскаго города Дымина“ (Timina). Объ этомъ у Эбона почти то же самое: „Оттонъ приготовилъ въ Гавельбергѣ все нужное для пути съ 50-ю телѣгами“ (III, 3). У Герборда только не обозначено точно, гдѣ именно Оттонъ перегрузилъ на повозки свой багажъ (Гавельбергъ), затѣмъ число телегъ вмѣсто 30-ти поставлено 50, по это, конечно, произвольное измѣненіе Герборда, сдѣланное имъ съ цѣлю избѣжать сходства съ Эбономъ, и во всякомъ случаѣ, совершенно неважно. Трудно представить, чтобы кто-либо, по прошествіи 30-ти лѣтъ, могъ хорошо помнить такую мелочь, какъ число телегъ, и чтобы Гербордъ сталъ нарочно узнавать объ этомъ и исправлять ошибку Эбона.

О пребываніи Оттона въ Дыминѣ и о встрѣчѣ съ княземъ Поморскимъ Вратиславомъ Гербордъ говоритъ значительно короче, но, въ общихъ чертахъ, сходно съ Эбономъ; есть и прямыя слѣды заимствованія изъ Эбона ¹⁾. Поэтому едва ли этотъ разказъ самостоятеленъ.

„Когда Оттонъ прибылъ къ Дымину“, говоритъ Гербордъ (III, 1—2),— „жители Дымина были въ тревогѣ; князь Поморскій долженъ былъ придти туда для опустошенія Лютицкой земли; въ то же время и Лютичи готовились идти къ нему на встрѣчу“. То же и у Эбона, но яснѣе и подробнѣе (III, 5); кромѣ того, Эбонъ сообщаетъ и нѣкоторые до-

¹⁾ Herb. III, 1.
... aream juxta civitatem ... designavit,
in qua, fixis tentoriis... terroribus ..
agitabamur.

Herb. III, 2.
... utrum se hostes surpicati ... Ad
vesperum autem, dux ... multa onustus
praeda ... revertitur.

Ebo III, 5.
(Episcopus) ante portam fixis tentoriis
habitabat.

Ebo III, 5.
equestris exercitus suspicatus est hostile
cuneum se incurrisse. Ad vesperum vero
(dux), magna onustus praeda, rediens...
Otonem perduxit.

вольно важныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ обстоятельствахъ, выпущенныя Гербордомъ: „Лютичи хотѣли напасть на Дыминъ за то, что императоръ Лотарь предалъ ихъ городъ и храмы огню ¹⁾). Дымпичи, узнавъ о приготовленіяхъ Лютичей, просили помощи у Вратислава“.

Гербордъ опустилъ также и подробности прибытія Оттона въ Дыминъ, находящіяся у Эбона. По Эбону (III, 5), когда Оттонъ приближался къ Дымину, гдѣ Вратиславъ велѣлъ ему ожидать его, предъ воротами города лучшіе люди Дыминскіе держали совѣтъ; увидя спускающіяся съ горъ телеги, они сочли Оттона, съ его спутниками, за враговъ, и скрывшись въ городъ, стали готовиться къ сопротивленію. Но замѣтивъ, что они не вооружены и несутъ предъ собою лишь крестъ, успокоились. Узнавъ Оттона, очень извѣстнаго имъ по слуху (*fama apud eos celeberrima vulgatum*), вышли къ нему и просили вступить въ городъ. Епископъ отказался войти къ язычникамъ, разбилъ палатки подлѣ города, и призвавъ старѣйшинъ, проповѣдовалъ имъ Христову вѣру“.

Гербордъ вмѣсто всего этого сообщаетъ только, что Оттонъ и его спутники остановились на ночлегъ на площадкѣ (*area*) подлѣ города, но при этомъ прибавляетъ: „Жители Дымина язычники и враждебны къ христіанамъ, и мы пришли, какъ неизвѣстные, къ неизвѣстнымъ людямъ. Намъ былъ знакомъ только *praefectus urbis*, котораго мы узнали во время перваго путешествія. Къ нему мы обратились съ просьбой о гостепримствѣ. Префектъ, принявъ насъ дружески, назначилъ для нашей стоянки площадь подлѣ города, въ старомъ укрѣпленіи“ (*veteri castella*) (III, 1). Объ этомъ же префектъ Гербордъ говоритъ далѣе: „Когда произошло, слѣдующею ночью, смятеніе, при прибытіи войска Вратислава, то префектъ послалъ воина успокоить Оттона и спут-

¹⁾ Это извѣстіе Эбона очень правдоподобно, хотя и не совсемъ ясно; не извѣстно, одинъ ли Дыминъ помогалъ Лотарю, или и князь Поморскій Вратиславъ; не извѣстно также, какой это походъ Лотаря. Какъ императоръ, онъ, въ 1125 г. ходилъ на Лютичей, но походъ былъ неудаченъ. *Annal. Saxon. 1125: «Dux Liodericus contra Slavos trans Albiam ivit, sed inacte rediit» Бартольдъ (Gesch. von Rüg. u. Pomm., II, 161—162) думаетъ, что это относится къ походу его, еще какъ Герцога Саксонскаго. 1121 *Annal. Saxon. Collecto exercitu valido Slaviam invadit, terram cujusdam Zuentubaldi usque ad mane praedabundus perambulat, urbibusque in deditionem acceptis, quarum una kizun dicebatur famosior et opulentior ceteris; obsidibusque acceptis, cum pecunia non parva victor regreditur. Можеть быть, Удаляркъ смяшалъ оба похода.**

никовъ и объяснить имъ причину шума“ (III, 2). По Эбону же, самъ Оттонъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, посылаетъ толмача Альбина за рѣку, и тотъ узнаетъ, въ чемъ дѣло“ (III, 5).

Хотя эти извѣстія Герборда, сами по себѣ, и правдоподобны и могли быть переданы Зефридомъ ¹⁾, но по нѣкоторымъ соображеніямъ, должно скорѣе признать ихъ сомнительными и счесть за произвольный вымыселъ Герборда.

Во первыхъ, весь разказъ о пребываніи въ Дыминѣ вообще носитъ слѣды пользованія разказомъ Эбона, и потому можно скорѣе предположить, что здѣсь Гербордъ не обратился къ устнымъ разказамъ. Въ вторыхъ, какъ мы видѣли, Эбонъ, основываясь на разказѣ Удаляриха, иначе говоритъ о прибытіи въ Дыминъ и не упоминаетъ о префектѣ. Въ третьихъ, Гербордъ иногда прямо противорѣчитъ Эбону, при чемъ и правдоподобіе — не на сторонѣ Герборда: по Герборду, спутники Оттона никому не были извѣстны въ городѣ, кромѣ префекта. Но, какъ сказано у Эбона, Вратиславъ велѣлъ Оттону ожидать его въ Дыминѣ, и слѣдовательно, жители Дымина должны были знать о предполагаемомъ прибытіи Оттона, тѣмъ болѣе, что имя его, послѣ проповѣди въ Восточномъ Поморьѣ, должно было быть имъ хорошо извѣстно. Этимъ объясняется, что они, по Эбону, *Ottonem fama apud eos celeberrima vulgatum agnoscentes, alacri devotione occurrunt, meniaque civitatis intrare deposcunt.*

Создать такой вымыселъ о принятіи Оттона префектомъ Гербордъ могъ тѣмъ легче, что онъ, какъ видно изъ его II-й вѣпки, зналъ о существованіи въ Поморскомъ городѣ городскихъ начальниковъ, зависящихъ прямо отъ князя. Очень можетъ быть, что Гербордъ хотѣлъ здѣсь рѣше отгнать опасность положенія Оттона среди язычниковъ, *scudos, barbaros christianis*, и къ тому же, еще не знающихъ его.

Имѣя въ виду, такимъ образомъ, сомнительность вообще этого извѣстія Герборда, мы не можемъ также считать вѣрнымъ и самостоятельнымъ сообщеніе его о томъ, что Оттону была назначена стоянка именно *in veteri castella*. Какъ мы увидимъ далѣе, Гербордъ очень часто, для приданія своему разказу большей правдоподобности и обстоятельности, произвольно прибавляетъ мелкія опредѣленія мѣста и времени.

Прибытіе ночью Вратислава съ войскомъ разказано у Герборда гораздо короче и съ меньшею ясностію, чѣмъ у Эбона, по въ сущест-

¹⁾ См. выше III, пр.

ственнымъ одинаково съ нимъ. По Эбону, когда Оттонъ и его спутники расположились предъ городомъ, ночью произошло смятеніе. Войско Вратислава шло и сухимъ путемъ—на копахъ, и на судахъ. Конница должна была прійти раньше, но сильный вѣтеръ пригналъ корабли впередъ. Всадники, прибывъ послѣ и неожиданно найдя своихъ воиновъ, которыхъ никакъ тамъ не ожидали, сочли ихъ за враговъ; поднялся съ обѣихъ сторонъ крикъ и шумъ. Спутники епископа уже собирались бѣжать, особенно потому, что толмачъ Альбинъ говорилъ имъ, что это прибыли Лютичи и уже поражаютъ войско герцога. По Герборду, „ночью войско князя по отрядамъ сошло туда, и одинъ отрядъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, столкнувшись другъ съ другомъ и сочтя другъ друга за враговъ, долго сражались“. Отъ себя далѣе Гербордъ прибавляетъ подробность очень возможную, и очень неважную—что испуганные спутники Оттона, слыша шумъ и стукъ оружія, залили огонь въ лагерѣ у своихъ шатровъ. Другое отступленіе Герборда отъ разказа Эбона менѣе правдоподобно. По Эбону, когда два отряда приняли другъ друга за враговъ, поднялось смятеніе; по Герборду же, они долго сражались, не узнавая другъ друга, что, конечно, не такъ возможно.

Какъ былъ успокоенъ Оттонъ и его спутники—мы говорили выше: по Эбону, епископъ послалъ Альбина узнать, въ чемъ дѣло; по Герборду, префектъ самъ извѣстилъ обо всемъ епископа. Гербордъ не противорѣчитъ Эбону; могло быть и то, и другое. Но, при сомнительности всего этого разказа Герборда, разбираемый фактъ не можетъ считаться достовернымъ.

Далѣе Гербордъ прямо противорѣчитъ Эбону и менѣе правдоподобно представляетъ дѣло; поэтому его показаніе должно быть отвергнуто. По Эбону, „Вратиславъ, прибывшій съ войскомъ, обрадовался, когда узналъ о присутствіи Оттона, и просилъ его (тогда же ночью) тотчасъ перейти къ нему на другой берегъ, ибо иначе онъ подвергается большой опасности; удивительно, что онъ второй день оставался невредимымъ среди столь частыхъ набѣговъ враговъ“. У Герборда же, напротивъ, ночью Вратиславъ ничего не сообщил Оттону, „утромъ же, отправляясь съ войскомъ за добычей, не могъ видѣть Оттона, но чрезъ вѣстниковъ просилъ ожидать его на томъ мѣстѣ, и только къ ночи увидѣлся съ Оттономъ“. Конечно, какъ и сказано прямо у Эбона, Вратиславъ, зная объ опасности отъ Лютичей, скорѣе долженъ былъ сразу пригласить къ себѣ Оттона, чѣмъ,

какъ у Герборда, оставить его по другую сторону рѣки, вдали отъ себя, въ такое тревожное время.

О событіяхъ слѣдующаго дня Эбошъ говоритъ только: *ut terris dies est redditus, dux cum exercitibus suis rebellium Luticensium terras invadens, cuncta ferro et igni vastat. Ad vesperum autem, magna praeda onustus, rediens...* Гербордъ выписываетъ буквально послѣднюю фразу его ¹⁾; но къ разказу о возвращеніи Вратислава съ добычей прибавляетъ много своего.

Вотъ его разказъ: „Утромъ князь отправился противъ Лютичей. Около полудня былъ видѣнъ, въ разныхъ частяхъ Лютицкой земли, дымъ, знакъ опустошеній. Вечеромъ герцогъ вернулся съ добычей и дѣлилъ между своими dospѣхи, одежды, деньги, скоть и людей. Былъ большой плачь, скорбь и стоиъ плѣнныхъ, когда доставались разнымъ господамъ и разлучались другъ отъ друга мужъ и жена, дѣти и родители. Епископъ, сострадалъ имъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Герцогъ, желая сдѣлать угодное ему, многихъ слабыхъ велѣлъ освободить и прекратить раздѣленіе семей. Самъ епископъ тоже многихъ выкупилъ, и крестивъ, отпустилъ на свободу“.

Хотя все это очень возможно, однако, имѣя въ виду 1) зависимость даннаго разказа Герборда отъ Эбона, 2) слишкомъ, такъ-сказать, общій характеръ его, то-есть, отсутствіе такихъ подробностей, по которымъ можно было бы отнести данные факты именно къ этому времени и мѣсту, 3) какъ увидимъ далѣе, существованіе у Герборда другихъ, произвольно сочиненныхъ имъ, разказовъ,—имѣя въ виду все это, мы не считаемъ возможнымъ признать эти извѣстія Герборда исходными отъ Зефрида, а видимъ въ нихъ произвольный вымыселъ Герборда, съ цѣлію — оживить разказъ, произвести извѣстное впечатлѣніе на читателя, а также — выставить тѣ черты характера, которыя Гербордъ находилъ въ Оттонѣ, и показать влияніе Оттона на окружающихъ лицъ.

Далѣе у Герборда есть одно точное и вѣрное показаніе, не находящееся у Эбона и Прифлипскаго анонима, которое Гербордъ могъ получить отъ Зефрида: „Спутники Оттона нагрузили все на корабль въ Дыминѣ и ѣхали три дня до Узноима по рѣкѣ Шѣнѣ, а епископъ съ немногими шель сухимъ путемъ“. При этомъ Гербордъ прибавляетъ, что Вратиславъ, послѣ разговоровъ съ Оттономъ и обмѣна подарковъ,

¹⁾ См. выше III, пр. 9.

обратился къ своимъ дѣламъ, и слѣдовательно, не сопровождалъ Оттона въ Узноимъ. Но это послѣднее извѣстіе мы должны опровергнуть, въ виду прямого показанія Эбона, что Вратиславъ *carissimum sibi patrem Ottonem, debita cum reverentia Uznoim perduxit*. Да и гораздо правдоподобнѣе, чтобы Вратиславъ, встрѣтивъ имъ же приглашеннаго и уважаемаго епископа, торжественно проводилъ его въ тотъ городъ, гдѣ долженъ былъ собраться сеймъ для рѣшенія вопроса о принятіи крещенія. Притомъ же слова Герборда: *duce ad sua negotia digresso*—почти стереотипная фраза Герборда, когда онъ говоритъ о свиданіи его съ Оттономъ¹⁾, такъ что и тутъ онъ могъ прибавить это по аналогіи съ предыдущимъ его разказомъ.

О взаимныхъ подаркахъ хотя Эбонъ здѣсь и не говоритъ, но это само собою разумѣется, и Гербордъ могъ отъ себя добавить это.

Въ концѣ 2-й главы Гербордъ разказываетъ о прибытіи Оттона въ Узноимъ: „Въ Узноимѣ епископъ началъ тотчасъ проповѣдывать; достигнуть успѣха было не особенно трудно, потому что священники, оставленные Оттономъ въ той странѣ, обратили большую часть жителей Узноима; остальная же часть была привлечена къ Господу Оттономъ“.

У Эбона (III, 5) сказано только, что Оттонъ въ Узноимѣ „*oportunitatem manendi et praedicandi quietem habebat*“; о чьей-либо проповѣди до Оттона ничего не сказано, но Гербордъ могъ основываться на не особенно ясныхъ, словахъ Прифлингскаго анонима (III, 4): *in Uznoim, Chozgov et Ologost praedicavit. Baptisatis ut omnibus, quos invenit, maxime cum et plerosque eorum per internuncios jam antea convertisset ad fidem... (fabricavit ecclesias)*. Гербордъ, зная, что, во время перваго путешествія, Оттономъ были оставлены въ городахъ восточнаго Поморья священники, могъ къ нимъ приурочить извѣстіе Прифлингскаго анонима. Однако подѣ *internuncios* могутъ быть подразумѣваемы и тѣ спутники Оттона, которыхъ онъ разсылалъ по городамъ послѣ сейма въ Узноимѣ (Ebo, III, 7: *binos et binos e presbyteris sibi adhaerentibus ad alias urbes... permisit (Otto)*; Ebo III, 13: *Pius praedicator ad circumpositas civitates verbi ministros... dirigebat*). Другое основаніе для Герборда могли представить слова, вложенныя Эбономъ въ уста Вратислава (III, 6), гдѣ Вратиславъ упоминаетъ о проповѣди (хотя и неудачной), въ западной части Поморья, другихъ проповѣдниковъ до Оттона:

¹⁾ II, 12: *Dux vero a nobis ad sua negotia divellitur*. III, 4: *Dux ad sua negotia jam ab eo discesserat*.

(antea quidem multi verbum Dei his partibus annunciantes venerunt) здѣсь также не ясно сказано, кто были эти проповѣдники.

Итакъ въ разобранныхъ нами 1-й и 2-й главахъ только одно извѣстіе Герборда—о пути Оттона изъ Димина въ Узноимъ по р. Пѣвъ—можно приписать Зефриду; въ остальномъ же Гербордъ, въ главныхъ чертахъ, сходенъ съ Эбономъ, хотя разказываетъ короче и не такъ ясно; все же, о чемъ говорить онъ одинъ, очень сомнительно.

По окончаніи 2-й главы повѣствованіе прерывается разговоромъ Тимона и Зефрида. Тимонъ, видя, что Зефридъ желаетъ сократить разказъ, проситъ его не слѣшать, но разказывать подробнѣе. Зефридъ уступаетъ его просьбѣ.

Какъ мы уже сказали, Гербордъ съ 3-й главы, ближе держится своихъ источниковъ. Поэтому мы можемъ нагляднѣе выставить зависимость его отъ нихъ, сопоставляя рядомъ параллельныя и сходныя мѣста изъ біографіи Герборда, Эбона и Прифлигскаго анонима; при этомъ буквально-сходныя ихъ фразы и отдѣльныя слова мы будемъ отмѣчать курсивомъ.

Гл. 3 (Ebo, III, 6). Сеймъ въ Узноимѣ.

Herb. III, 3.

Igitur in hac civitate, quia prope fuit festum adventus Spiritus Sancti, dux terrae Wortizlaus toto corde Christianus, instinctu Ottonis, baronibus et capitaneis totius provinciae ac praefectis civitatum *in festo Pentecostes conventum indicit*; causam simul Christi mandans evangelium et evangelistam iterum advenisse Ottonem episcopum. Itaque statuto die congregatis omnibus, adducto in medio episcopo dux ait.

Ebo III, 6.

Statim *in festivitate Pentecostes* generale principum regni colloquium eodem loco *indicit*. Ubi convenientibus Timinensis civitatis aliarumque urbium primoribus eos ad suscipiendum Christi fidei provocabat... (Самъ онъ былъ, въ молодости, въ плѣну у Швъцевъ и крещенъ въ Мерзебургѣ, но среди язычниковъ не могъ исполнить обрядовъ христіанскихъ) *considentibus ergo principibus dux ita exorsus est*.

Здѣсь, какъ мы видимъ, Гербордъ, большею частію, только передаетъ своими словами разказъ Эбона. Одно важное извѣстіе Эбона—о крещеніи Вратислава въ Мерзебургѣ, Гербордъ выпустилъ, по той, вѣроятно, причинѣ, что, по строго-логическому плану, оно здѣсь совершенно неумѣстно и должно бы быть помѣщено еще при разказѣ о началѣ перваго путешествія Оттона, когда Вратиславъ въ первый разъ выступаетъ предъ читателями.

Для показанія же отношенія Вратислава къ христіанству, Гербордъ употребляетъ общее выраженіе: *toto corde Christianus*, можетъ

быть, нѣсколько намекая на слова Эбона,—*inter paganos vivens ritum christianae legis exsequi non poterat*.

Пропустивъ такое важное извѣстіе—о крещеніи Вратислава, Гербордъ привноситъ отъ себя нѣкоторыя, не находящіяся у Эбона, подробности:

1) Простое сообщеніе факта Эбономъ, что сеймъ былъ назначенъ на пятидесятницу. Гербордъ осмысляетъ—именно потому на Пятидесятницу, что она была вблизи, слѣдовательно, какъ бы желалось столь великое дѣло—крещеніе страны—начать именно въ торжественный день Христова праздника и этимъ осветить его и получить счастливое предзнаменованіе.

2) Эбонъ говоритъ, что Вратиславъ тогда-то назначилъ собраніе; Гербордъ прибавляетъ, что это слѣдено *instinctu Ottonis*.

3) вмѣсто неопредѣленнаго выраженія Эбона: *primores urbium*, Гербордъ перечисляетъ этихъ *primores*, употребилъ обычные термины Германіи: *barones, capitanei totius provinciae ac praefecti civitatum*.

4) Предъ началомъ рѣчи Гербордъ заставляетъ Вратислава выподить Оттона на средипу собранія, какъ бы представляя его знатнымъ лицамъ.

Еслибы Гербордъ всѣ эти подробности почерпнулъ изъ другаго разказа кромѣ Эбонова, и внесъ ихъ сюда въ дополненіе къ разказу Эбона, считая ихъ важными, то онъ остановился бы долѣе на нихъ (особенно при своей любви къ распространеніямъ), а не ограничился бы краткимъ упоминаніемъ, мимоходомъ, въ отдѣльныхъ словахъ и фразахъ, въ то время, какъ существенныя черты разказа очевидно взяты имъ отъ Эбона.

Уже это одно не внушаетъ особаго довѣрія къ этимъ извѣстіямъ. Всмотрѣвшись же въ характеръ ихъ, мы еще болѣе убѣдимся, что они суть произвольныя догадки Герборда. Вопервыхъ, они такъ маловажны ¹⁾, что едва ли могли сохраниться у кого-либо въ памяти такъ долго (32 года); вовторыхъ, они такъ возможны и вѣроятны, что ихъ могъ прибавить самъ Гербордъ, не зная о нихъ ничего отъ спутниковъ Оттона. Очень возможно, что Оттонъ просилъ назначить собраніе въ Духовъ день, какъ потому, что это былъ ближайшій праздникъ, такъ и потому, что считалъ приличнымъ начать свою апо-

¹⁾ То-есть, они не абсолютно маловажны, а только по отношенію къ разказу, въ которомъ помѣщены, ибо не измѣняютъ ни его сущности, ни главныхъ характеристикическихъ подробностей.

стольскую дѣятельность въ тотъ день, когда апостолы получили даръ Св. Духа и начали проповѣдывать. Возможно также, что Вратиславъ, предъ своею рѣчью, вывелъ Оттона на средину собранія. Возможно было и для Герборда, знакомаго съ устройствомъ и управленіемъ Германской имперіи, для большей точности, поставить, вмѣсто неопредѣленнаго *primogen*, названія разныхъ должностныхъ лицъ Германской имперіи.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду, что и въ другихъ мѣстахъ Гербордъ обнаруживаетъ стремленіе пополнить разказъ мелочными, очень возможными подробностями (хотя, конечно, отъ возможности до дѣйствительности далеко), мы то же должны видѣть и въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Эти догадки и добавленія Герборда могли бы имѣть цѣну въ томъ случаѣ, еслибъ онъ лично былъ знакомъ съ событіями. А такъ какъ этого не было, то изъ прибавокъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, на примѣръ, изъ словъ: *barones, capitanei etc.* заключать, что въ Поморьѣ были именно должностныя лица, соответствующія этимъ нѣмецкимъ терминамъ. (Мы не говоримъ вообще, что этого не могло быть, а только то, что этими выраженіями Герборда нельзя доказывать существованія чего-либо подобнаго).

Останавливаться такъ долго на этихъ мелочахъ мы сочли нужнымъ только потому, что нѣкоторые на эти фразы Герборда ссылались, какъ на положительныя свидѣтельства очевидца ¹⁾. При дальнѣйшемъ разборѣ мы будемъ только отмѣчать подобныя, легко выдѣлимья произвольныя добавленія Герборда, не останавливаясь на нихъ и не разбирая ихъ.

Далѣе у Эбона и Герборда слѣдуетъ рѣчь Вратислава къ собранію. У Эбона — это простой, вложенный въ уста Вратислава, пересказъ того, что говорилъ князь въ собраніи, на сколько могъ это знать и сообщить Эбону Удальрикъ: самое содержаніе рѣчи очень правдоподобно. У Герборда, прежде всего, замѣчаемъ искусственную обдѣлку рѣчи, обиліе риторическихъ фразъ и ненужныхъ распространеній. Уже этимъ самымъ уменьшается значеніе помѣщенной у него рѣчи. Вообще чѣмъ болѣе обработаны, въ историческихъ сочиненіяхъ, рѣчи разныхъ

¹⁾ На примѣръ, *Л. Гизебрехтъ*, *Wendisch. Gesch.* I, 19, желая подтвердить, что у Славинъ одежды мылись, приводитъ сказанную мимоходомъ фразу Герборда, что Поморцы должны были креститься *lotis albisque indutis vestibus*. Нельзя отрицать, что одежды мылись, но нельзя и подтверждать это подобными выраженіями Герборда.

лицъ, тѣмъ болѣе потрудился надъ ними писатель, болѣе внесъ въ нихъ субъективнаго и личнаго, часто для красоты слога; или по требованіямъ ораторскаго искусства. Подъ этою блестящею внѣшнюю оболочкою мысли, дѣйствительно высказанныя историческими лицами, могутъ затемняться и искажаться. При разборѣ такихъ рѣчей должно тщательно отвлекать всѣ ораторскія украшенія, пустыя, или не подходящія къ положенію говорящаго лица фразы ¹⁾, а придавать важность только главному содержанію рѣчи.

Разсмотримъ же содержаніе рѣчи Вратислава. Хотя Гербордъ, очевидно, имѣлъ предъ собою рѣчь Вратислава у Эбона и пользовался ею ²⁾, однако большую часть сочиненной имъ рѣчи основалъ не на этой рѣчи, а на разказѣ Эбона объ Испанцѣ Бернгардѣ (Ebo II, 1), проповѣдывавшемъ въ 1122 году, безуспѣшно въ Волынѣ. Возвратясь изъ Поморья, Бернгардъ приписывалъ всю неудачу тому, что явился туда, по слову Евангелія, нищимъ и бѣднымъ. Если же, говорилъ онъ Оттону,—проповѣдникъ будетъ блистать богатствомъ и внѣшнимъ великолѣпіемъ, то Поморяне охотно примутъ Христову вѣру. Воспользовавшись этимъ разказомъ, Гербордъ заставляетъ Вратислава указать Поморянамъ именно на Оттона, какъ проповѣдника, представляющаго полную противоположность прежнимъ проповѣдникамъ (то-есть, Бернгарду, котораго Гербордъ хотя и не называетъ по имени, но описываетъ событія, бывшія именно съ нимъ).

Послѣ риторическихъ восклицаній, Вратиславъ, у Герборда, сперва сообщаетъ вкратцѣ о первомъ путешествіи Оттона ante hoc quadriennium,

¹⁾ Таковы: напримѣръ, въ этой рѣчи выраженія: а) Гербордъ заставляетъ Вратислава говорить объ *alta, ut fide relatione didicimus avorum et proavorum ejus (Ottonis) linea natiuitatis*. Но Оттонъ не славился особенно знатностію происхожденія; по крайней мѣрѣ о родствѣ и происхожденіи его ничего точнаго не было извѣстно и въ Германіи; тѣмъ менѣе это могъ знать Вратиславъ; б) Вратиславъ говоритъ: *aurum et argentum et quaecumque hic mundus preciosa vocat* фраза очень приличная монаху, а никакъ не свѣтскому князю; в) неумѣстенъ также въ устахъ его текстъ изъ пророка Осіи и намекъ на исторію первыхъ временъ христіанской церкви (въ фразѣ: *in primitiva involvit*); такихъ знаній нельзя ожидать отъ Вратислава.

²⁾ Herb. III, 3.
(Ott). Homo religiosus, senis et canicie venerabilis est. Huc etiam opulentus advenit, vestrae salutis ministraturus... Laborem aggressus nec proprio corpori nec sumptibus parcens.

Ebo III, 6.
Pater hic beatissimus etiam canicie venerandus pro salute vestra gloria reliquerit... nec propriis sumptibus nec canis suis parcens.

когда Оттонъ былъ *in superioribus hujus terrae partibus* ¹⁾, и уже тогда хотѣлъ посѣтить эти страны, но вернулся по домашнимъ дѣламъ.

Далѣе словами, хорошо характеризующими постоянную заботу Герборда о правильной постройкѣ рѣчей и разказовъ, *quod in omni causa fieri solet, quis, quid, quare, quo modo agat, altius contemplemur*, Гербордъ переходитъ къ описанію значенія и богатства Оттона въ Германіи. Объ этомъ Эбоу говоритъ кратко: *omnem gloriam et magnificentiam reliquerit*.

Срвни. Ебо III,

Herb. III, 3.

Ебо III, 6.

6. Et ipse Romani imperii princeps et cuncti primates, loco patris eum venerantes, consiliis eius obaudire per omnia satagunt. Missus est Papae et dilectus Domini nostri Lotharii.

De cujus nobilitate opera testantur et virtutes et alta, ut fida relatione didicimus avorum et proavorum ejus lineae nativitatis. Porro, si dignitatem quaerimus, praesulari fulget officio, et universis Teutonici regni principibus speculum est et lucerna. Imperatori quoque Romano et apostolicae sedis pontifici gratus valde et unice familiaris, in auro quoque et argento, in ministerialibus et feodatis, in agris et possessionibus, et quaecunque hic mundus preciosa vocat, domi eum divitem novimus et gloriosum. Hinc etiam opulentus advenit ²⁾, vestrae salutis ministraturus, nec aliunde, quam de suis sumptibus apud vos vivere propositum habens. Sed rogo, quid intendit, ut quid tantae viae laborem aggressus, *nec proprio corpori nec sumptibus parcit*. Sed ut breviter dicam sicut et pridem, nihil aliud quaerit, nisi vos omnes separare a diabolo et per fidem Catholicam jungere Domino Jesu Christo. Sed quoniam modo? Non fraudulenter, non violenter, non lucri alicujus terreni, sed vestrae tantum salutis et Dei honoris gratia.

Pro salute vestra omnem gloriam et magnificentiam, quam apud vos habebat reliquerit.

Cum periculo capitis sui longin quas sibi-que ignotas adiit regiones, *nec propriis sumptibus nec canis suis pro Dei amore parcens* sed in morte animam suam ponens, ut nos a morte ad vitam revocaret arduum difficilem-que nimis hanc peregrinationem subire non dubitavit.

¹⁾ Это выраженіе принадлежитъ, конечно, Герборду, а не Вратиславу, и изъ него нельзя дѣлать вывода о формальномъ раздѣленіи Поморья. Словами: *superius* и *inferius* здѣсь обозначено положеніе земель по ту и другую сторону Одера по отношенію къ Германіи.

²⁾ Это подробное описаніе славы и богатства Оттона имѣетъ цѣлю показать исполненіе словъ Бернгарда: *sed si potens quisquam praedicator, cujus gloriam et divicias revereantur ad eos accesserit, spero illos jugum Christi, spontanea subituros* (Ебо II, 1).

Такимъ образомъ Гербордъ доселѣ только распространялъ слова Эбона. Далѣе Гербордъ, также какъ и Эбонъ, переходитъ къ указанію причинъ, почему собраніе должно было выслушать Оттона и не поступить съ нимъ, какъ съ другими проповѣдниками. Вѣроятно, Эбонъ говоритъ здѣсь о тѣхъ священникахъ, которыхъ онъ оставилъ въ Поморьѣ при первомъ путешествіи; по словамъ Эбона, они были убиты, а одинъ распятъ ¹⁾, Гербордъ же, говоря о прежнихъ проповѣдникахъ, имѣеть въ виду Бернгарда. Замѣтимъ при этомъ нѣкоторое неправдоподобіе, заключающееся въ такомъ извѣщеніи Герборда: врядъ ли могъ Вратиславъ въ своей рѣчи въ Узномьѣ намекать на Бернгарда. Бернгардъ не былъ въ этой западной части Поморья (онъ былъ только въ Волинѣ), да и о такомъ, въ сущности маловажномъ фактѣ, какъ изгнаніе Волинцами нищаго босоногого чужеземца, едва ли могли долго помнить даже въ самомъ Волинѣ, тѣмъ менѣе въ Узномьѣ.

Причина, почему съ Оттономъ нельзя поступить, какъ съ другими проповѣдниками, у Эбона показана очень понятная, существенная и убѣдительная для Поморянъ. „Онъ посланъ папой, любимъ императоромъ и всѣми князьями. Если съ нимъ будутъ дурно обращаться, то императоръ тотчасъ же, прійдя съ войскомъ, совершенно опустошитъ и уничтожитъ васъ и вашу землю“. Здѣсь даже намекается, что, для избѣжанія этого, нужно не только почтительно относиться къ епископу, но и повиноваться ему, *si quicumque molestie aut controversie ei a vobis irrogari dominus rex audierit*. Гербордъ же, не упоминая объ этой, такъ-сказать, политической причинѣ, выставляетъ только, что епископа нельзя подозрѣвать въ дурныхъ цѣляхъ, напримѣръ, обманѣ, коварствѣ и корысти. „Оттонъ пришелъ съ богатствомъ; прежнихъ проповѣдниковъ вы отвергали именно за бѣдность, считая, что пестрый Господь не послалъ бы нищихъ проповѣдниковъ; этотъ же видный блескомъ свидѣтельствуетъ о величій своего Бога“.

Все это есть перифразъ разказа Эбона о Бернгардѣ, что уяснится изъ сопоставленія Герборда и Эбона:

Herb. III, 3.

Neque enim is est, cui necem aut patibulum ob circumventionis vel imposturae culpam intentare conveniat, vel alterius generis

Это намекъ на слова Эбона о проповѣдникахъ, убитыхъ Поморянами (III, 6). Далѣе же говорить о Бернгардѣ.

¹⁾ Другихъ извѣстій объ этомъ нѣтъ, но фактъ очень возможенъ.

injuriae, quem admodum peregrinis et pauperibus Christi praedicatoribus paulo ante ¹⁾ fecistis suspicati dolo et fraude, quaestusque gratia, nudos homines et inopes rerum loqui verbum Dei. Sed illi quidem plagis et verberibus pro veritate subacti, a vestris finibus abscesserunt, vos autem hucusque in infidelitate perstitistis. Pudeat jam et poeniteat vos longi erroris et ignorantiae, et qui nolulistis audire mendicos evangelistas, audite opulentos. Dixistis namque et subsannando blasphemastis, quia Deus Christianorum omnibus diis vilior, esset atque inferior, qui suae doctrinae ministros habere non posset nisi tantum homines imperitos et rusticos mendicitati egestatique addictos. Et vos quidem in insania vestra haec dixistis, ille vero pius et misericors et praestabilis supermalitia quasi moram gerens insipientiae vestrae, de imperitia vel rusticitate, de inopia vel mendicitate legati, omnem vobis detrahendi abstulit occasionem.

Въ заключеніе Гербордъ, считая, что вышесказанное было уже довольно убѣдительно для старѣйшихъ, и забывъ, что изъ предыдущаго выходитъ только, что слѣдуетъ выслушать Оттона и хорошо обойтись съ нимъ, а не послѣдовать его проповѣди, вдругъ заставляетъ Братислава совѣтовать старѣйшинамъ какъ можно скорѣе принять христіанство, чтобъ ихъ въ этомъ не превзошелъ народъ—justius atque decentius autamo, ut a capite hoc in membra quam ut a membris derivetur in caput, ибо мы primi et majores dicimur et sumus. „Въ первоначальной церкви, какъ мы слышали ²⁾, христіанство, a plebe incipiens, ad mediocres progressa, etiam maximos hujus mundi principes involuit; reddamus vicem ecclesiae primitivae, ut a nobis incipiens—totum populum et gentem sanctificatio divinae religionis illustret“.

¹⁾ Paulo ante—совершенно понятно у Эбона, говорившаго о проповѣдникахъ, убитыхъ незадолго до втораго путешествія Оттона; но очень мало подходитъ къ Бернгарду, проповѣдывавшему въ 1121 году.

²⁾ У Эбона здѣсь та же фраза, только боже приличная въ устахъ Братислава: «Я слышалъ изъ устъ Оттона, non vult Deus coacta servicia, sed voluntaria.

Ево II, 1.

Жрецы говорятъ Бернгарду: Tu... pro sola tua mendicitatis inopia relevanda huc migrasti. Bernhardus... despecto habitu et nudis pedibus ingreditur... Pagani irruunt super Bernhardum crudeliterque cesum seminem reliquerunt... Bernhardus excusso in eos pulvere pedum ad ducem Poloni ac revertitur... «Summus Deus nunquam tam abjectum nobis legatum dirigeret; sed si revero conversionem nostram desiderat, per idoneum et dignum suae potestatis ministrum nos visitabit.

Бернгардъ говоритъ: Sed si potens quisquam praedicator, cujus gloriam et divitias reverentur ad los accesserit, spero illos jugum Christi spontaneo subituros.

У Эбона же Вратиславъ, хотя и привелъ болѣе вѣскіе доводы къ тому, чтобы выслушать Оттона и принять христіанство, по предлагаеъ собранію поговорить объ этомъ тайно, наединѣ. Потому ли Вратиславъ не потребовалъ немедленнаго рѣшенія и не оказывалъ своего давленія на старѣйшинъ, что слышалъ отъ епископа—*non vult Deus coacta servicia sed voluntaria*, или по другимъ причинамъ, по совершенно понятно, что принятіе христіанства не могло быть рѣшено сразу, а требовало обсуждения, и можетъ быть, бурнаго: ибо, какъ дальше видно у Эбона, жрецы сильно возставали противъ Оттона; за ними стояла, конечно, языческая партія.

Итакъ, рѣчь Вратислава у Герборда не только не самостоятельна и не имѣетъ никакого историческаго значенія, но въ своемъ заключеніи представляетъ и прямое противорѣчіе дѣйствительному смыслу словъ Вратислава, на сколько они переданы Эбономъ, у котораго они вполнѣ соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ дѣла. Что это искаженіе—не случайное, вызванное желаніемъ Герборда удалиться отъ Эбона, а напротивъ, преднамѣренное, исходящее изъ определенной мысли Герборда, это показываютъ дальнѣйшія измѣненія въ разказѣ Эбона сдѣланны Гербордомъ въ томъ же направленіи.

Гербордъ, послѣ этой рѣчи, ничего не говоритъ о долгомъ и бурномъ совѣщаніи старѣйшинъ, которое есть у Эбона, и на которомъ, болѣе всего, противились жрецы, и наконецъ, только здравомыслящая часть собранія одержала верхъ и рѣшено было принять христіанство. По Герборду, съ помощію Духа Святаго, рѣчь князя глубоко подѣйствовала на сердца старѣйшинъ, и всѣ единодушно общались сдѣлать все, что прикажетъ епископъ.

Такое стремленіе Герборда—сглаживать и опускать извѣстія о сопротивленіи язычниковъ, а напротивъ выставлать быстроту и искренность ихъ обращенія, а также иногда изображать Поморянъ склонными къ христіанству еще ранѣе проповѣди Оттона, а противодѣйствіе проповѣди приписывать наущенію корыстныхъ жрецовъ и дикости грубой черни, это стремленіе, какъ увидимъ далѣе, съ чрезвычайною послѣдовательностію выступаетъ въ разказахъ Герборда. Почему и для чего такъ поступалъ Гербордъ—трудно опредѣлить съ точностію. Можетъ быть, это происходило отъ того, что Герборду, лично не знавшему язычниковъ-Славянъ и ихъ отношеній къ Нѣмцамъ, представлялось страннымъ ихъ упорное сопротивленіе и привязанность къ своей вѣрѣ; онъ всегда приписывалъ это или невѣдѣнію христіанства, или недовѣрію къ проповѣдникамъ и старался пред-

ставить все въ болѣе смягченномъ видѣ. Но болѣе вѣроятно, что этимъ Гербордъ желалъ яснѣе выставить благодать Божію, почивающую, какъ въ этомъ были увѣрены монахи, сожители Герборда, на святомъ Оттовѣ, а также изобразить сильное вліяніе Оттона и его проповѣди на всѣхъ окружающихъ его.

Когда собраніе объявило о своемъ рѣшеніи, Оттонъ, по Герборду, воспользовавшись тѣмъ, что былъ праздникъ Св. Духа, началъ говорить съ ними о Его сошествіи, объ отпущеніи грѣховъ, о различныхъ дарахъ благодати, о благодати, и милости Божіей. У Эбона же епископъ сталъ на колѣни и со слезами возблагодарилъ Бога. Это отличіе разказа Герборда отъ Эбона хотя очень возможно, но совершенно неважно, и конечно, не основывается на показаніи Зеффрида, а есть произвольный вымыселъ Герборда.

Въ концѣ главы Гербордъ сообщаетъ фактъ, не находящійся у Эбона, но добавленный имъ, вѣроятно, на основаніи словъ Прифлипскаго анонима, 111, 4: *maxime cum et plerosque eorum per internuntios iam antea convertisset ad fidem*¹⁾. Нѣкоторыхъ, уже ранѣе крещенныхъ, но опять запятнавшихъ себя язычествомъ и теперь тронутыхъ его рѣчью, епископъ присоединилъ къ церкви чрезъ возложеніе рукъ. Остальные наперерывъ приходили къ епископу, получали отъ него наставленіе въ вѣрѣ и были крещаемы, такъ, что цѣлая недѣля¹⁾ была посвящена на это, и казалось, что самъ Духъ Св. присутствуетъ. Собраніе было распущено только тогда, когда всѣ старѣйшины и прибывшіе съ ними были крещены⁴⁾. Изображеніе общей готовности къ крещенію есть какъ бы дополненіе и продолженіе предыдущаго вымысла его о быстромъ рѣшеніи собранія и въ такой же степени не заслуживаетъ довѣрія.

Гл. 4. (Ево 111, 8). Хитрость жреца въ Волегощѣ.

Не упоминая раньше о сопротивленіи жрецовъ на сеймѣ, Гербордъ говоритъ теперь о волненіяхъ, произведенныхъ ими по всей области и приводитъ, какъ одинъ изъ многихъ, случай въ Волегощѣ, когда подверглись опасности прибывшіе туда Удалярникъ и Альбинъ. Уже въ порядкѣ разказа у Герборда видна искусственная обдѣлка. Эбонъ держится того порядка, въ которомъ могъ ему разказывать Удалярникъ—сперва о нападеніи на него, а потомъ о причинѣ нападенія, что

¹⁾ Срокъ пребыванія Гербордъ могъ опредѣлять на угадъ. Съ числами онъ вообще обращается свободно, какъ это видно будетъ изъ его опредѣленій времени въ 1-мъ путешествіи.

Удальрикъ узналъ послѣ; у Герборда же порядокъ хронологическій: сперва онъ сообщаетъ о причинѣ нападенія—возникъ жреца, а потомъ уже о нападеніи. Въ содержаніи разказа Герборда нѣтъ ничего новаго противъ Эбона, но по изложенію, эта глава есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его діалога. Изъ краткаго, сухаго разказа Эбона Гербордъ создаетъ оживленную, ясную картину. Какъ онъ достигаетъ этого здѣсь—очень ясно: онъ добавляетъ мелкія, возможные черты, даже происшествія ¹⁾, описываетъ душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ и ихъ пѣшнее обнаруженіе.

Herb. III, 4.

Porro fama facti repente in universam provinciam vulgatur, villas et vicos in studio diversa conscindens—*aliis dicentibus quae «bene est» aliis autem dicentibus, quia non sed magis seductio magnates apprehendit.*

Evangel. Ioan. VII, 43.

Itaque propter eum extitit in vulgo ditridium... ib. 12 Multusque de eo fremitus erat vulgo, partim Eum bonum esse dicentibus, partim negantibus, sed vulgus hominum ab eo decipi.

Хотя у Эбона здѣсь этого нѣтъ, но такое раздѣленіе мнѣній весьма вѣроятно и могло быть произвольно добавлено Гербордомъ; для описанія его, Гербордъ, какъ мы видѣли, воспользовался здѣсь евангельскимъ разказомъ о такомъ же колебаніи умовъ народа относительно Иисуса Христа.

Herb. III, 4.

Ipsi vero sacerdotes idolorum, non minus causa hujus conscissionis erant oppositi eis, quibus displicebat, quod factum fuerat, sua nimirum lucra cessatum, iri non ignorantes, si cultura daemonum illic aboleretur, unde modis omnibus rem praecipere moliti varia *calliditatis suae argumenta* visionibus, sompniis, prodigiis et variis terroribus confixerant.

Ebo III, 8.

Causa autem hujus inquisitionis et tumultus sacerdos quidam idolorum fuit.

III, 6.

praecipue sacerdotibus idolorum, questus sui gratia contradicentibus. Sacerdos ad *callida argumenta* conversus.

У Эбона то же самое; но Гербордъ произвольно обобщилъ этотъ единичный случай, говоря, что жрецы и единомышленники ихъ какъ бы составили себѣ опредѣленный планъ дѣйствія, и во многихъ мѣстахъ, подобнымъ же образомъ, возбуждали народъ.

Сдѣлавъ это общее замѣчаніе, Гербордъ разказываетъ о хитрости жреца:

¹⁾ Тутъ—поведеніе жреца, когда народъ узналъ о явленіи бога.

Herb. III, 4.

Quin etiam in Hologosta civitate, quo tunc proxime adventurus nuncupatur episcopus, sacerdos, qui illic idolo ministrabat, nocturno tempore *vicinam silvam* ingressus, et in loco ediciori secus viam inter condensa fruticum sacerdotalibus *indutus* astabat, et mane summo *quendam rusticum*, de rure ad forum gradientem, his alloquitur.

Самое важное произвольное измѣненіе у Герборда состоитъ въ томъ, что жрецъ одѣвается не въ *chlamis et exuviae fani* *cujusdam*, а въ жреческія одежды, хотя подобіе съ намѣреніемъ жреца было надѣть или одежду бога, или похожую на нее, а никакъ не жреческую, которую поселянинъ могъ узнать; у Эбона сказано: *vestibus ydoli*.

Другія произвольныя измѣненія Гербордъ сдѣлалъ для того, чтобы придать разказу большую живость и подробность. Жрецъ именно былъ тотъ, который *illic idolo ministrabat*; жрецъ стоялъ *in ediciori loco, secus viam, inter condensa fruticum*; крестьянинъ шелъ *de rure ad forum*. Такова же и дальнѣйшая прибавка: *respiciens in eam partem, unde vocem audierat, inter virgulta, personam candidis indutam videre cepit*.

Herb. III, 4.

«Deus tu», inquit, bone homo! At ille, *respiciens in eam partem, unde vocem audierat, inter virgulta, personam candidis indutam quamvis dubia luce videre cepit et timere*.

Слова Эбона: *deum suum principalem sibi apparuisse* послужили Герборду основаніемъ для составленія слѣдующей рѣчи бога, гдѣ выражается мысль: *omnia quaecumque usibus hominum serviant, in mea sunt potestate*. Уже и слова Эбона: *deum apparuisse principalem* нельзя принимать за вѣрный фактъ, то-есть, что поселянинъ принялъ жреца именно за главнаго бога, тѣмъ менѣе можно считать, какъ думалъ Гильфердингъ (IV, 168), что, судя по тѣмъ дарамъ природы, которыми, какъ сказано у Герборда, управляетъ этотъ богъ (то-есть, по тѣмъ фразамъ, которыя Гербордъ влагаетъ въ уста жреца, и которыя, конечно, выражаютъ только личный взглядъ Герборда на то значеніе и власть, которыя приписывали своимъ богамъ язычники),

Ebo III, 8.

Causa hujus inquisitionis et tumultus sacerdos quidam idolorum fuit. Qui, audita nove praedicationis opinione, ad callida argumenta conversus, *cujusdam fani chlamide et reliquiis indutus* exuviis, urbem clam egreditus *vicinamque* petens *silvam* pretereuntem, *quendam rusticum* insolito occurso perterruit.

Ebo III, 8.

Qui, videns eum, *vestibus ydoli amictum, deum suum principalem sibi apparuisse*, pre stupore exanimis in faciem corruit, eumque talia dicentem audivit.

поселянинъ призналъ явившагося, вѣроятно, за Святовита. Вѣдь никто изъ спутниковъ Оттона не слышалъ этихъ словъ жреца.

Herb. III, 4.

«*Sta*» inquit et accipe, quae dico. *Ego sum deus tuus*, qui vestio et graminibus campos et frondibus nemora; fructus agrorum et lignorum, foetus pecorum et omnia, quaecumque usibus hominum serviunt, in mea sunt potestate. Haec dare soleo cultoribus meis et his, qui me contempnunt auferre. Dic ergo ois, qui sunt in civitate Hologostensi, ne suscipiant deum alienum, qui eis prodesse non potest; mone, ut alterius religionis nuncios, quos ad eos venturos praedico, vivere non patiantur.

Ebo III, 8.

Ego sum deus tuus, quem colis.

Ne paveas, sed surge quantocius, urbemque ingrediens, legationem meam magistratibus omnique populo insinua, ut si discipuli seductoris illius, qui cum duce Wortizlao apud Uznoim moratur, illic apparuerint, sine dilatione morti acerbissime tradentur. Alioquin civitas cum habitatoribus suis peribit.

Кромѣ указанной рѣчи жреца, остальное у Герборда сходно съ Эбономъ.

Herb. III, 4.

Haec ubi attonito ruricolae daemon visibilis edixerat, ad densiora nemora se contulit impostor Rusticus vero, quasi de oraculo *stupidus*, *occurvens* pronus, adoravit in terra. Dein abiens in civitatem, coepit *annunciare* visionem.

Ebo III, 8.

Rusticus *pre stupore* exanimis in faciem *corrui*...

Quod cum rusticus... civibus *denunciasset*...

Послѣ этого, по Эбону cives unanimiter adunati mandatum dei sui peragere conabantur. Гербордъ, вмѣсто простаго заявленія факта, выдумываетъ цѣлый разговоръ о томъ, какъ было принято въ городѣ это приказаніе бога и какъ хитро поступалъ жрецъ ¹⁾: „Когда крестьянинъ возвѣстилъ приказаніе бога, ему повѣрили, и толпы народа, все прибывающія, заставляли его снова разказывать; напоследокъ, какъ будто ничего не зная, пришелъ жрецъ. Сперва онъ сталъ обвинять крестьянина по лжи; потомъ, вслушиваясь, велѣлъ еще разъ, безъ выдумокъ, разказать все, съ нимъ бывшее; тотъ, простирая

¹⁾ Этотъ разговоръ, очевидно, собственнаго произведенія Герборда, а не переданъ ему Зефридомъ: во первыхъ, потому, что никто изъ спутниковъ Оттона не могъ быть свидѣтелемъ описываемаго здѣсь происшествія; во вторыхъ, потому, что въ разговорѣ нѣтъ никакихъ чертъ, характеризующихъ время и мѣсто, и вѣрныхъ, потому, что онъ совершенно не важенъ.

руки и подыман очи къ небу, съ клятвою повторилъ, говоря, что готовъ показать и мѣсто, гдѣ явился богъ. Тогда жрецъ притворился увѣровавшимъ, и обратясь къ народу, потребовалъ, чтобы онъ, во избѣжаніе наказанія отъ боговъ, убилъ провозвѣстниковъ Христа. Тогда всѣ рѣшили, что, если Оттонъ, или кто-нибудь изъ его спутниковъ, явится къ нимъ

sine mora occideretur (Herb. III, 4). *sine retractatione occidamini* (Ево III, 7).

Гл. 5 (Ево III, 7). Удальрикъ и Альбицъ въ Волегощѣ.

„Когда все было окончено въ Узномѣ, князь, послѣ совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, сказалъ Оттону, что теперь, когда уже всѣ *maiores natu ac principes* приняли христіанскую вѣру, онъ можетъ свободно идти, куда хочетъ; нигдѣ въ странѣ не будетъ ему сопротивленія“. Этихъ словъ князя у Эбона пѣтъ, и Гербордъ произвольно вставилъ ихъ, для объясненія, почему Оттонъ рѣшился послать своихъ спутниковъ передъ собою—*qua securitate fretus binos et binos de discipulis suis praemittebat*.

Объ опасности, угрожавшей Удальрику и Альбину, Гербордъ говоритъ гораздо короче, чѣмъ Эбоцъ, и новаго ничего не прибавляетъ:

Herb. III, 5.

Ево III, 7.

Луки X, 1.

Antistes, quasi exemplo Domini Jesu Christi binos et binos de discipulis suis praemittebat ante faciem suam in omnem civitatem et locum, quo erat ipse venturus. Contigit ergo Udalricum et Albwinum, duos presbyteros simul pergentes, Hologostam intrare, ubi a matrona quadam, uxore videlicet praefecti hospicio suscepti atque satius humano tractati sunt. Nam haec, quamvis pagana multum hospitalitati dedita fuit ac divino timori ac religiosa valde, adeo ut esset eis admirationi.

«binos et binos e presbiteris sibi adherentibus ante faciem suam praemisit ut populo conversionem principum suorum adventum denuntiarent.

binos ante se premisit in omnes urbes et loca quo ipse venturus erat.

Quorum duo, id est Udalricus... et Albwinus, interpretis viri Dei. opulentissimam civitatem Hologost dictam adierunt. Ubi a matre familias, uxore scilicet praefecti honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humanitatis devotione lavaret, statimque mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret, mirantibus eis et admittum stupentibus, quod talem, in regno diaboli, humilitatis et hospitalitatis gratiam invenisset.

У Герборда внушено описаніе угроженія священниковъ. Тамъ только *Post refectionem* описаніе угроженія священниковъ. Тамъ

vero Albwinus, Sclavicae nus, matrem familias secrecius allo-
linguae gnarus, matrouae, quens, indicavit ei causam *adventus*
adhuc ignoranti rem om- sui, et qualiter ad colloquium Uznoim
nem *secreto* aperit, scilicet habitum, cuncti principes, abdicatis
quinam essent et quare ydolatriae sordibus, Christi gratiam
advenissent. induerint.

At illa vehementer atto- Hec illa audiens adeo expavit ut
nita «Me miseram, inquit, terro procumbens, diu semianimis re-
o domini mei, quare ad me mauserit. Quam aqua refecillatam dom-
intrastis? De vobis enim nus Albwinus requirere cepit, cur Dei
jam apud magistratus data gratiam adeo exhorruisset.
sententia est, et de me
queque, si vos non prodi-
dero».

Гербордъ, можетъ быть, считалъ извѣстіе объ обморокѣ женщины неправдоподобнымъ, и потому измѣнилъ показаніе очевидца Удальрика, заставляя ее только удивиться—*vehementer attonita*. Конецъ главы у Герборда короче, чѣмъ у Эбона:

Herb. III, 5.

Matrona illa, divinitus, ut puto, com-
monita, in superiori quodam coenaculo
eos *abscondit*, et quasi Raab Ierichou-

tina, ne proderentur, effecit. Equita-
turas etenim illorum et sarcinas et
quaecunque habere poterant, illa per
pueros suos, subito extra civitatem de-
duci et in praedio suo collocari fecit.
Quibus deductis, ecce gladiatores et
turba populi cum telis et fustibus, tecta
matronae *irrupunt*, cum tumultu et
clamore valido, illos ignotos homines
sibi exhiberi jubentes. At illa... «*Fateor*,
inquit «homines ignoti ac peregrini,
ut saepe solent, ad me declinaverant;
sed accepto prandio, mox in viam suam
abierunt».

At illi *scrutantes omnia* cum nec
jumenta, nec vestes, nec ulla signa iti-
nerantium invenissent, furere desierunt.

Porro illis per triduum *ibi latistan-*

tibus ... episcopus cum duce ab Uzno-
imia profectus, multa manu militum
et sociorum Hologstam intravit.

Ebo III, 7.

«Ascendite ergo in superiora domus
mei, ibique latitato»... Servi Dei, in
solario matrone illius, velut alterius
Raab, *absconditi*, latuerunt...

«Et ego ministros meos cum exuviis
vestris atque caballis ad remotiores
villas meas dirigam».

Post modicum plebs
furibunda
irrupit...

peregrinos illos ingressos violenter ad
mortem expetebant. Quibus mater fa-
milias: «*Fateor*», ait «domum meam
ingressi sunt, et sufficienter refecti
velocius *abierunt*... omniaque
scrutantes (ad mortem expetebant)...

ascendite in superiora domus meo *ibi-*
quo latitate...

sequenti die pius Otto episcopus, cum
duce superveniens, eos e latibulis pro-
duxit.

Вмѣсто sequenti die Гербордъ поставилъ per triduum, можетъ быть, для приданія разказу большаго интереса: цѣлыя три дня онъ скрывались, опасаясь за свою жизнь. Это измѣненіе ни на чемъ не основано, и конечно, Удальрикъ, самъ испытавшій это, передалъ вѣрнѣе. Извѣстіе Герборда, что князь пришелъ не одинъ, а съ отрядомъ войска, хотя не указано Эбономъ, но подразумѣвается само собою.

Гл. 6 (Ево III, 8). Нападеніе язычниковъ въ Волегощѣ.

Въ тотъ же день нѣкоторые изъ спутниковъ Оттона подверглись нападенію язычниковъ. Разказъ объ этомъ Эбона Гербордъ опять распространилъ и добавилъ произвольными подробностями: „Войдя въ городъ“, говоритъ Гербордъ,—„епископъ началъ проповѣдывать Евангеліе; въ это время нѣкоторые изъ клириковъ начали смѣяться надъ испугомъ Удальрика и Альбина, и какъ бы желая подразнить ихъ, стали держать себя слишкомъ безопасно, и удалившись отъ своихъ, шли осматрѣть храмы языческіе“. Эбонъ о насмѣшкахъ клириковъ ничего не говоритъ: по его словамъ, клирики ушли осматривать храмы просто изъ любопытства. Но Гербордъ не ограничивается этимъ: „Когда Дитрихъ“, говоритъ онъ далѣе,—„только по своей находчивости спасшійся отъ вѣрной смерти, вернулся къ епископу, то всѣ, и особенно князь и епископъ, всю ночь вели шутивья рѣчи (jocunda erat pagatio) по поводу страха, который испыталъ Дитрихъ и, ранѣе его, Удальрикъ и Альбинъ“. Этотъ вымыселъ Герборда не удаченъ и мало правдоподобенъ. Едва ли епископъ и его спутники могли отнестись со смѣхомъ къ такой серьезной опасности, особенно, когда вооруженное нападеніе этого дня показало, что даже присутствіе князя не вполне ограждаетъ отъ столкновеній съ язычниками.

Разказъ Герборда о самомъ нападеніи язычниковъ на Дитриха мало чѣмъ отличается отъ Эбонова:

Herb. III, 6.

Quidam de sociis nostris... securius sese habere coeperunt et, longius a suis digressi, fana etiam idolorum... speculatum vagabantur. Verum quidam maligni homines, apud quos radix paganismi adhuc valentius vigebat: «En, inquiunt, isti explorant quomodo templa nostra incendant».

Ebo. III, 8.

Advesperascente die, quidam ex comitibus domini episcopi, fanum in eadem urbe sitam considerare volentes minus caute pergebant.

Quod cernentes, aliqui de civibus, suspicati sunt, fanum ipsum igni eos tradere velle.

Здѣсь Гербордъ прибавляетъ только, понятное само собою, объяс-

неніе, кто именно напалъ на клириковъ—*quidam maligni homines — vicebat.*

Herb. III, 6.

Et congregantes se in platon, etiam arma portare ac fustes coeperunt, et qua transituri videbamur, nobis obviam stare.

Udalricus autem, intuens illos ominis et subsistens: «Non advertitis» inquit» hos *non sine causa convenire?* nam et turbulenter se habent et arma portant omnes», et prioris periculi recondens». Nolo «inquit» totiens temptare Deum meum.

Et conversus illo, ubi episcopum dimiserat, redire coepit, aliis omnibus eum sequentibus, praeter clericum quendam, nomine Theodoricum, qui, longius ante illos progressus, *jam fores delucris* tenebat. Videntes autem pagani qui convenierant, illos a coepta via reversos, persequi eos quidem non audebant, sed ad illum clericum interficiendum omnes occurrerunt. Quo viso, ille aliud, *quo declinaret*, non habens *fanum ipsum audacter*, quamvis exteritus, intravit.

Итакъ, здѣсь Гербордъ, шагъ за шагомъ, передаетъ мысли Эбона, распространяя ихъ возможными подробностями и не прибавляя ничего самостоятельнаго. Такую же амплификацію мы должны видѣть и въ описаніи щита бога Яровита, висѣвшаго въ храмѣ, и не можемъ считать, чтобы Гербордъ передавалъ здѣсь слова Зефрида, видѣвшаго щитъ; тогда Гербордъ не ограничился бы фразами, отрывочно вставленными въ заимствованное изъ Эбона описаніе щита, а далъ бы описаніе болѣе подробное и не заключающее въ себѣ слѣды заимствованія.

Herb. III, 6.

Erat autem illic *clipeus* pendens in *pariete*, mirae magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obtectus, *quem contingere nulli mortalium liceret*, eo, quod esset illis, nescio, quid in hoc sacrosanctum ac paganae religionis auspiciam, in tantum, ut nunquam, nisi belli solummodo tempore, a loco suo moveri deberet. Nam, ut postea comperimus, deo suo *Gerovito*, qui lingua latina Mars dicitur, erat *consecratus*, et in omni proelio victores sese hoc praevio confidebant.

Описывая щитъ, Гербордъ прибавилъ общее обозначеніе *mirae magnitudinis*, отд. 2.

Ebo. III, 8.

et *congregati* horrissono armorum strepitu eis occurrere gestiebant.

Tum religiosus presbyter Udalricus, ad socios conversus, ait: «*Non sine causa congregantur isti, sed sciatis, eos revera ad interitum nostrum festinare.*»

Quo audito, socii retrogradum iter secuti, fuga presidie petunt. Clericus autem, Dietricus nomine, qui *jam*, praecedens eos, portis *delubri* ipsius appropinquaverat, nesciens *quo diverteret audacter fanum ipsum* irrupit.

Ebo. III, 8.

Et videns aureum *clipeum*, *parieti* affixum... *quem contingere* apud eos *illicitum* erat...

videns *clipeum Gerovito* qui deus miliciae eorum fuit *consecratum*.

nitudinis, operoso artificio, и вмѣсто „золотой“, какъ у Эбона, выразился: „обитый золотыми пластинками“. Гербордъ желалъ здѣсь выразиться точнѣе, чѣмъ Эбонъ, который назвалъ щитъ золотымъ, и вѣроятно, не задавался мыслью, весь ли онъ былъ золотой или не весь. Гербордъ же сообразилъ, что Славяне не могли быть такъ богаты золотомъ, чтобъ имѣть въ своихъ храмахъ, да еще во второстепенныхъ городахъ, щиты боговъ всѣ изъ золота и къ тому же — *mirae magnitudinis* ¹⁾. Поэтому, чтобы не дать повода понять буквально слово „золотой“, Гербордъ пояснилъ это на основаніи своихъ соображеній, вставивъ догадку, что щитъ былъ только обитъ золотыми пластинками.

Передавъ, по Эбону, что щитъ принадлежалъ Яровиту, богу войны, и что его нельзя было трогать никому, Гербордъ выводитъ изъ этого, что его можно было выносить только во время войны, и Славяне, имѣя его съ собою, считали себя непобѣдимыми.

Произвольность добавленій Герборда о щитѣ тѣмъ несомнѣннѣе, что главная часть этой главы заимствована изъ Эбона (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально сходна съ его разказомъ).

Отнѣтимъ еще одну вводную фразу Герборда, которая легко можетъ ввести въ заблужденіе, какъ бы показывая ясно, что это все разказъ очевидца: „Подробности о щитѣ Яровита — *postea competimus*“. Это было ясно и безъ его фразы. Конечно, не во время нападенія враговъ клирики могли разузнавать, кому принадлежитъ щитъ и какое значеніе онъ имѣетъ; объ этомъ узнали послѣ; своею же фразой Гербордъ желаетъ показать, будто разказчикъ такъ хорошо помнить о событіи, что даже не забылъ, когда именно клирики узнали о щитѣ.

Herb. III, 6.

Clericus autem, vir acris ingenii, dum metu mortis in templo huc illicquo disflugoret, telum aliquod vel latibulum quaeritans, *clipeum corripuit* et a mento collo injecto, laevaquo loris inserta, in medium turbae furentis e janua prosiliit.

Rustici vero prodigialem armaturam videntes, partim in fugam conversi, partim etiam quasi inanimati facti, *in terram cadunt*; ille autem, *projecto clipeo*, versus hospicium, ad socios currere coepit et „pedibus timor addidit alas“.

Ebo. III, 8.

Dietricus... *arrepto eodem clipeo*, obviam eis processit. Illi autem, ut viri stulte *rusticitatis*, suspicati deum suum Gerovitum sibi occurrere, ob stupefacti abierunt retrorsum et *cecidere in terram*. Dietricus autem, videns amentiam eorum, *projecto clipeo* aufugit.

¹⁾ Такую величину Гербордъ могъ придать щиту, вида у Эбона (III, 10) *simulacra mirae magnitudinis*.

Здѣсь лишъ распространѣнь разказъ Эбона: „Послѣ этого случая епископъ совѣтовалъ своимъ спутникамъ вести себя осторожно, по причинѣ засадъ скрытаго врага“. Это вытекаетъ само собою изъ предыдущаго.

Herb. III, 6.

Tam diu ergo mansit in loco illo disputans et suadens de regno Dei, quo usque omnis populus, fidei sacramenta suscipiens, fana sua destrueret et ecclesiae sanctuarium cum altari praepararet. Quod episcopus consecrans, Iohannem presbyterum eis ordinavit et, ut reliquam basilicae fabricam post suum discessum promoveret, ammonuit.

Ebo. III, 9.

Apostolus itaque Pomeranorum, totam instantem hebdomadam, in eadem civitate, verbum fidei disseminans, baptismi gratias tradens, Iohannem religiosum presbyterum eis praefecit.

Здѣсь тоже Гербордъ не даетъ ничего новаго; хотя у Эбона прямо и не сказано о построеніи и разрушеніи языческихъ храмовъ, но первое подразумѣвается, когда говорится о назначеніи священника¹⁾; прежде же построенія церкви нужно разрушить языческіе храмы. Что при Оттонѣ освящены только sanctuarium cum altari, а остальное dokonчено послѣ него, понятно само собою, и Гербордъ повторяетъ это каждый разъ при разказѣ о построеніи церквей (напримѣръ въ первомъ путешествіи: II, 17; 22; 37; 39). Срокъ пребыванія въ Волегощѣ Гербордъ опустилъ.

Гл. 7 (Ебо. III, 9). Пребываніе Оттона въ Гостьковѣ и разрушеніе храмовъ.

Herb. III, 7.

In hac si quidem civitate mirae magnitudinis et pulchritudinis templum fuit, sed episcopus, cum de fide christianae religionis eos per interpretem alloqueretur—nam dux ad sua negotia jam ab eo discesserat—illi ad omnia se paratos asserebant, si modo fanum eorum intactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper *extructum* fuerat, multumque in illo gloriabantur, eo quod videretur magnum totius civitatis esse *ornamentum*.

Ebo. III, 9.

Episcopus urbem Chozegowiam expetiit, in qua magni decoris et *miri* artificii fana erant.

que cives ejusdem loci trecentis *extruxerant* talentis... pro *ornatu* loci reseraret.

Temptabant enim, occulte immittentes quosdam pontificis animum lenire muneribus pro aedis conservatione, tandem rogantes, ut vel in basilicam ordinaretur.

Sed et beato patri nostro maximum pecuniae quantitatem offerobant, ne ea deleret, sed pro ornatu loci integra et inconvulsa reseraret.

¹⁾ У Ирвингскаго анонима (III, 4) сказано: «Въ Дымнѣ, Волегощѣ, Гостьковѣ и Узнонѣ in civitatibus, singulis, singulas fabricavit ecclesias».

Здѣсь Гербордъ только распространилъ разказъ Эбона; измѣненіи очень маловажны: а) вмѣсто нѣсколькихъ храмовъ—*тана*, стоившихъ, по Эбону, 300 талантовъ, Гербордъ говоритъ объ одномъ храмѣ *mag-nis sumptibus purer exstructum*; *пurer* можетъ быть добавлено, чтобы болѣе выставить привязанность жителей къ храму; онъ построенъ недавно, съ большими издержками, и вдругъ его нужно разрушить; б) что епископъ говорилъ чрезъ переводчика, это Гербордъ зналъ изъ многихъ указаній Эбона и Прифлинскаго анонима; в) объ удаленіи Вратислава къ своимъ дѣламъ и о неприсутствіи его въ Гостьковѣ Гербордъ могъ заключить изъ того, что у Эбона не упоминается о немъ до возвращенія въ Узноимъ (гл. 13), такъ что, когда старѣйшими земли, услышавъ о нападеніи Болеслава, пришли просить помощи епископа, между ними не названъ Вратиславъ; г) у Эбона сказано только, что жители просили оставить храмъ и предлагали Эбону деньги; по Герборду же, они просили, если нельзя оставить храмъ, по крайней мѣрѣ обратитъ его въ церковь, за что предлагали ему тайно дары. Это очень возможное объясненіе словъ Эбона: жителямъ естественно было желать, если нельзя сохранить храмъ, то обратитъ его въ церковь. Кромѣ того, Гербордъ, видя по Эбону, что жители хотятъ подкупить Отгона и отвратитъ его отъ разрушенія храма, легко могъ сказать, что они предлагали дары тайно — прибавитъ черту, которая обыкновенно присуща подкупу.

Далѣе Гербордъ сочиняетъ рѣчь, которою Отгонъ отвѣтилъ на предложеніе жителей, въ видѣ притчи: „Не должно быть общенія Христа съ Веліаломъ, церкви съ языческимъ капищемъ, не прилично сѣять сѣмя Божіе на пленелахъ язычества“. По Эбону же, это гораздо правдоподобнѣе, епископъ указываетъ практическія неудобства сохраненія храма: „Храмъ языческой можетъ сдѣлаться поводомъ къ отступленію отъ христіанства“ (такъ было въ Волицѣ: скрытые идола боговъ, при удобномъ случаѣ, были вынесены на видъ, и это возбудило народъ къ язычеству. *Ево. III, 1*).

Herb. III, 7.

Sed episcopus, constanter agens, indignum esse dicebat, aedem sub titulo daemonis aedificatam, immundo-que ritu profanatam, divinis usibus mancipari «*Nam quae consentia Christi*

Ево. III, 9.

Quod vir domini penitus abdicavit, seque nullo jacto sacrilegas aedes reservare affirmabat, di-
cens: post discessum suum

2 Кор. VI, 15.

*Quae Christo cum Be-
liale concor-
dia, quae Dei
templo cum*

ad Belial, aut quae communicatio templo Dei cum templo idolorum». Dicebat autem illis et similitudinem: «Numdem generare; seque huius quid seminatis frumenta vestra super dumos aut spinas? Non puto. Sicut ergo de agris vestris spinas prius eradicatis ac tribulos, ut jactis bonis seminibus, optatas segetes ferro queant, ita ut hanc radicem idolatriae spinamque perditionis de medio vestrum funditus extirpari oportet, ut de bono evangelii semine corda vestra fructificent in vitam aeternam».

materiam apostasie caudeastris consanque ruine infirmis evenientia. dem generare; seque huius delicti reatu nolle apud Deum obligari.

Въ концѣ главы Гербордъ говоритъ, что жители, въ теченіе нѣсколькихъ дней, были до такой степени убѣждены такими и подобными рѣчами, что сами разрушили храмъ и сокрушили идоловъ. Объ этомъ разрушеніи Эбопъ въ гл. 10—11 разказываетъ со многими подробностями, напримѣръ, о сопротивленіи жрецовъ, о скорби язычниковъ при сожженіи идоловъ и т. п. Гербордъ это выпустилъ, а отъ себя, вѣроятно, для указанія трудностей дѣла, прибавилъ, что епископъ нѣсколько дней убѣждалъ разрушить храмъ и успѣлъ, наконецъ, до такой степени, что Поморяне сами стали разрушать храмы. Все это совершенно произвольная прибавка.

Гл. 8 (Ево III, 10). Прибытіе пословъ отъ Маркграфа Альберта Лужицкаго и изъ нмѣній епископа.

Начало главы почти буквально взято изъ Эбона.

Herb. III, 8.

Dum ea gerebantur (то-есть разрушеніе храма) *legati Marchionis Adalberti de Saxonia supervenere, opera et statum Episcopi studiose inquirentes.*

Ево III, 10.

Ео igitur tempore, quo fana haec mirandi operis in urbe Chozegowia destruebat, *legati honorabilis marchionis Adalberti, statum ejus curiose investigantes... supervenere.*

Эбопъ не говоритъ, почему и для чего Альбертъ послалъ къ епископу пословъ, а Гербордъ объясняетъ, что Альбертъ, какъ искренній другъ Оттона, боялся за него, и хотѣлъ узнать, не нужна ли ему помощь. *Marchio etenim, cum esset amicus valde ac familiaris episcopo in gente barbara hunc periclitari metuebat, unde, si opus haberet, praesidium ei et opem ferre cupiebat.* Это, конечно, самое поверхностное и недостаточное, объясненіе легче всего могло придти въ голову человѣку, не знавшему тогдашнихъ дѣлъ и желавшему все-таки объ-

яснить фактъ. (Что дѣло Оттона было важно для Альберта. см. Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pomm. II, 87).

Перехода опять къ Эбону, Гербордъ сообщаетъ, что, вмѣстѣ съ послами Альберта, пришли послы и отъ владѣтелей церковныхъ, принеся все необходимое. Затѣмъ онъ, дабы показать, какъ вообще держалъ себя Оттонъ въ Поморьѣ, беретъ фразу Эбона изъ предидущей главы (большую часть которой онъ выпустилъ).

Herb. III, 8.

Affuere simul ipsius episcopi economi et procuratorum nuntii, aurum et argentum, vestes quoque et alia necessaria ei deferentes; ut enim supra

dictum est (Herb. III, 1), licet evangelium annuncians de evangelio vivere deberet, ipse nihil horum uti volens, suis se tantum sumptibus transigebat.

Ebo III, 10.

Sed et nuntii de villis suis Mucheln et Seidingen, juxta condictum opportuna ei subsidia deferentes... super venere...

Ebo III, 9.

Cum dominus ordinasset 1 Кор. 9, 14. iis, qui evangelium annunciant, de evangelio vivere, ipse non est usus hęc potestate. quin immo propriis Dominus ut se comitesque suos transigebat sumptibus. Evangelium publicantibus mandavit Dominus ut evangelio viverent.

Сколько времени Оттонъ держалъ у себя пословъ—Эбонъ не говоритъ; это и понятно; Удальрикъ, сказавъ о ихъ приходѣ, имѣвшемъ значеніе для епископа, далѣе отвлеченный болѣе важными событіями, не счелъ нужнымъ или забылъ упомянуть объ ихъ уходѣ, какъ о фактѣ мало интересномъ въ какомъ-либо отношеніи и совершенно неважномъ. Гербордъ же, переработывая разказъ Эбона, всегда старается быть болѣе точнымъ. Выведши на сцену какое-либо лицо, онъ не оставляетъ его вдругъ, но досказываетъ, что съ нимъ было послѣ, и когда оно удалилось ¹⁾. Такъ и здѣсь онъ замѣчаетъ: legatos omnes apud se ibi tam diu retinuit, quousque videndo et audiendo discrent, quid de ipsius operibus aut statu referre deberent. Сказать о ихъ уходѣ онъ нашелъ болѣе приличнымъ послѣ путешествія Эбона въ Польшу, какъ событія, упрочившаго положеніе христіанства въ Поморьѣ и показавшаго вліяніе и значеніе Оттона въ Поморьѣ и въ Польшѣ, у Болеслава. Marchioni et Saxonibus gratias egit ²⁾ pro bona

¹⁾ Напримѣръ, выше говорилось объ удаленіи Вратислава къ своимъ дѣламъ (III, 7).

²⁾ Это выраженіе даетъ поводъ думать, что или тутъ были послы Саксонскихъ князей (какъ *W. Giesebr.*, *Kreiszeit* IV, 162), или Альбертъ владѣлъ Саксоніей

voluntate, de Dei operibus et de suo statu, mandans, quae audissent et vidissent, ad Dei gloriam, domi narrare, — слѣдовательно, тогда, когда окончилось тревожное состояніе, и они могли принести домой успокоительныя вѣсти.

Въ концѣ 8-й главы у Герборда—общія фразы о крещеніи жителей Гостькова, о началѣ построенія новой церкви и приготовленіи къ освященію ея. Тутъ Гербордъ произвольно прибавляетъ отъ себя: „Это празднество епископъ старался сдѣлать торжественнѣе, чтобы этимъ и постройкой лучшей церкви утѣшить жителей въ потерѣ ихъ храма“. У Эбона просто сказано: „По разрушеніи храма и крещеніи народа Оттонъ началъ строить новую церковь“.

Гл. 9 (Ево III, 12). Освобожденіе Мицлавомъ плѣнныхъ:

Herb. III, 9.

Ево III, 12.

Interagendum vero, quid ipsa dedicatio vel quid singula opera dedicationis significare haberent, rudi populo antistes exposuit, praecipue vero Mizlaum, ipsius civitatis principem, quem pridem in Pentecoste, cum aliis primatibus Uznoimiae baptisaverat, ut in eo ceteros erudiret, de omnibus his alloqueretur, sacramentum dedicationis ad animam cujusque fidelis pertinere sufficienti sermone demonstrans, quae sancti spiritus templum efficitur, vel in cujus corde *Christus per fidem inhabitat*.

Ad (basilicae) dedicationem cum loci ejusdem princeps, Mizlaus nomine venisset, qui dudum cum aliis primoribus ad curia colloquium in Pentecoste Uznoim habitum, baptismatis gratiam perceperat, An ignoratis vestrum corpus exterior interioremi cordis dedicationem futuram significat. tu enim es templum Dei, ubi *Christus per fidem inhabitare dignatur*.

1 Кор, 6, 19. An ignoratis vestrum corpus exterior interioremi cordis dedicationem futuram significat. tu enim es templum Dei, ubi *Habitabo et versabor apud eos.*

У Эбона Оттонъ обращается прямо къ Мицлаву; Гербордъ, безъ всякаго основанія, отступаетъ отъ Эбона; по его словамъ Оттонъ произ-

(то-есть, Саксонскою маркой); но о первомъ у Эбона не упомянуто, да и Гербордъ сказалъ бы прямо и ясно: пришли послы отъ Альберта и отъ Саксонскихъ князей; поэтому для насъ вѣроятнѣе второе предположеніе, можетъ быть, подтверждаемое выраженіемъ: *legati Marchionis Adalberti de Saxonia supervenisse*, которое значитъ—послы прибыли изъ Саксоніи, или отъ маркграфа Саксонскаго). Тогда ясно видны его анахронизмъ: сѣверную марку получилъ Альбертъ Ф. Балленштедтъ только въ 1134 (*W. Giesbr. Kaiserz. IV, 99*), послѣ умершаго въ римскомъ походѣ Лотаря—графа Конрада Ф. Плецке (*Plötske, Giesbr. IV 80*); во время же путешествія Оттона онъ владѣлъ Луижцкой и Восточной маркой. Такимъ образомъ Гербордъ перенесъ его позднѣйшія владѣнія на болѣе раннюю пору.

носить общее поучение народу (и только по преимуществу говорить съ Мицлавомъ, *ut in eo saeteros erudiret*), объясняя символическое значеніе, какъ отдѣльныхъ дѣйствій при освященіи церкви, такъ и всего чина освященія, хотя, конечно, естественнѣе было Оттову обратиться прямо къ Мицлаву, ибо цѣль его была не та, чтобы вообще наставить народъ въ вѣрѣ, а та, чтобы воспользоваться освященіемъ церкви, какъ поводомъ къ убѣжденію Мицлава отпустить узниковъ. Только уже послѣ общаго поученія Гербордъ заставляеть Оттона отнестись лично къ Мицлаву (*ex toto convertens*). Разговоръ Оттона съ нимъ есть только перифразъ словъ Эбона; Гербордъ прибавляетъ только выраженіе чувствъ, съ какими Мицлавъ принималъ слова епископа, обозначая усиливающееся постепенно впечатлѣніе словъ епископа: *ille hac exhortatione compunctus—parum haesitans—altius ingemiscens*.

Иерѣ. III, 9.

«Tu es, fili carissime, vera Dominus Dei. Tu ipse hodie dicandus et dedicandus es potenti Deo creatori tuo, ut emunis ab omni alieno possessore, ipsius tantum mansio fias atque possessio; non ergo impedias dedicationem tuam, illi carissime. Nichil enim prodest istam, quam cernis, domum foris dedicari, nisi etiam dedicatio ipsa ad cordis tui sanctificationem proficiat.

Ille vero, exhortatione *compunctus*, ait: *«Et quid, pater sancte, quod me jubes, facere, ut dedicatio ista in me compleatur?»* Episcopus autem, intoligens adesso Spiritum Sanctum: *«Ex parte»,* inquit *«fili, domus Dei esse coepisti; fac, ut ex toto sis. Iam enim idolatriam fide commutasti, baptismi gratiam consecutus, nunc sequitur, ut fidem operibus exornes. Impietates, violentias et crudelitates, oppressiones, rapinas, homicidia et fraudes ponitus evita, postremo quicquid, tibi ab alio non vis, alii ne feceris. Captivitates, quas habes, absolve omnes, quodsi non omnes, vel eos certe, qui Christiani sunt, tuae fidei consortes». Tum ille, parum haesitans: «Durum, in-*

Ебо. III, 12.

Fili carissime, quem ego Christo Domino per evangelium genui, dedicatio haec exterior interiorum tui cordis dedicationem significat. Tu enim es templum Dei, ubi Christus per fidem inhabitare dignatur; et si domum cordis tui sic ornare volueris, ut Deo, qui inspector ejus est, mansio illa placeat; cum gaudio spirituali hanc exteriorum peragere potero dedicationem». Qui, compunctus his beatis patris et apostolis sui verbis, flebili voce respondet. «Quid me pater sancte vis agere, ut Deus domum pectoris mei visitare dignatur?» At ille: «Hoc est», quod moneo: ut secreta conscientiae scruteris et, si quid aliquid per violentiam rapuisti, digne restituas: si quos causa pecunie, captivasti, pro honore Dei, absolvas. Christianos absolutos obtulit absolvas...

Ad quod servus: *«quia... cepisti... perfee, ut paganos etiam absolvas. Et ille: multorum criminum rei sunt isti, et damna mihi non ferenda intulerunt sed*

ne dedicationis hujus gaudia quolibet merore obnubilentur, iuxta ver-

quit, «michi est, pater, dimittere omnes, quia magnis rationibus ac debitis quidam ex eis michi detinentur». Tunc episcopus: «Debita», inquit, prodebitis demitti et sermo evangelicus et dominica suadet oratio; sic enim omnium debitorum apud Deum certam remissionem consequeris, si omnes debitores tuos in ejus nomine absolvis». At ille, altius ingemiscens: «En», inquit «in nomine Iesu omnes absolvo, ut secundum *verbum tuum*, dimissis peccatis meis, dedicatio ista hodie in me compleatur». Et vocans ministrum, qui super captivos erat, omnes dimitti praecepit.

dum tuum, pater amantissime, absolvantur.

Разница между Гербордомъ и Эбономъ та, что, по Эбону, сперва епископъ потребовалъ освобожденія христіанъ, потомъ, когда Мицлавъ отпустилъ многихъ Датчанъ, Оттонъ предложилъ, для полноты добраго дѣла, отпустить и язычниковъ. Мицлавъ, хотя и указалъ на трудность, но уступилъ и въ этомъ. У Герборда же епископъ легче достигаетъ цѣли. Онъ проситъ отпустить всѣхъ, и Мицлавъ сразу соглашается, ut ista dedicatio in me compleatur. Послѣ этого Гербордъ, какъ и Эбонъ, разказываетъ объ освобожденіи одного юноши Датчанина, котораго Мицлавъ не отпустилъ съ другими. Здѣсь ясно видно, какъ Гербордъ, въ противоположность Эбону, стремится дать всему характеръ естественности, устраняетъ вмѣшательство свыше и представляетъ происшествіе дѣломъ случая. У Эбона: „Наканунѣ былъ приготовленъ пепелъ у алтаря, по nutu Dei, ex improviso, cineres, mirum in modum, defecerunt. Когда стали искать ихъ, то Удальрикъ, spiritu Dei actus, прямо вошелъ въ то subterraneum habitaculum, гдѣ былъ юноша (дальше Удальрихъ говоритъ: non sine causa hoc impedimentum accedit, quia, nutu Dei, in reclusionem filium principis Danorum juveni)*. Гербордъ, опуская выраженіе: nutu Dei, ex improviso, spiritu Dei actus, заставляетъ Удальрика искать пепла въ двухъ-трехъ домахъ и только случайно замѣтить темницу юноши. Остальныя его вмѣшенія произвольны и не имѣютъ значенія.

Herb. III, 9.

Erat autem inter captivos adolescens nobilis, filius cujusdam potentis— de Dacia. Iste, absolutis aliis, in cavea quadam subterranea, vinctus cippo et

Ebo III, 12.

Ego sum filius nobilissimi «Danorum principis»... Udalricus ...ad subterraneum quoddam habitaculum abiit... Juvenis de cavea manum protraxit. Udal-

catenis tenebatur, eo, quod pater ejus 500 librarum debitor hunc vadem posuisset. Cumque de absolutione captivitatum, de obedientia et religione Mizlau principis multa esset tam populo quam episcopo et omnibus, qui aderant in Domino, exultatio et ad consummationem dedicationis ministri ac sacerdotes alacriter festinarent et necessaria praeepararent, habitis omnibus, vas cum cineribus, quod ad aram positum erat, *inveniri non potuit*. Cumque ministri commixtionem salis et vini et cinerum facturi, de non inventis cineribus turbarentur, Uodalricus sacerdos, correpta concha, vicinas domos unam vel duas scrutatus, eis cinerem non invenit. Deinde ad tertiam currens, criptam quandam subterraneam, in qua praedictus adolescens in abditiore parte claudebatur, intravit. Sed captivus, per fenestram manu porrecta et sonitu facto, currentem sacerdotem ad se vocat, rogans, ut pro sui liberatione episcopo significet.

ricus vidit juvenem miserabiliter collopectore ac pedibus ferro inclusum... «Dux Mizlaus pro quingentis marcis a patre meo sibi dandis, hic me inclusum retinet».

Nutu autem Dei ex improvise cineres deluerunt: et jurantibus ministris pridie se eos in circuitu altaris collocasse, mirum in modum *neque signum excussionis usquam inveniri potuit*.

Tunc religiosus presbyter Uodalricus, spiritu Dei actus, ad subterraneum quoddam habitaculum, pro cineribus colligendis, velocius abiit. Cujus introitu audito, captivus, illic latitans, vocem cum gemitu emisit, et manum de cavea protraxit... Uodalricus accersito interprete haec audivit (Разказъ юноши о своей судьбѣ).

Гдѣ заключался плѣнникъ—и у Эбона не сказано ясно: какъ будто онъ сидѣлъ въ клѣткѣ, въ оковахъ, въ подвальномъ помѣщеніи; у Герборда еще запутаннѣе: плѣнникъ находился in cavea subterranea, in abditiore parte, in cripta subterranea; при входѣ Удальрика онъ высунулъ руку изъ какого-то окошка.

Ходъ событія также измѣненъ у Герборда. Когда Удальрикъ вошелъ въ темницу, то, по Эбону, юноша, со стономъ, высунулъ руку изъ клѣтки. Удальрикъ, увидѣвъ его, позвалъ толмача, и при помощи его, узналъ исторію юноши, который просилъ освободить его. По Герборду, юноша, увидѣвъ Удальрика, рукой и голосомъ подозвалъ его и просилъ передать епископу просьбу объ освобожденіи. Здѣсь, прежде всего, та несообразность, что юноша представляется какъ бы знающимъ обо всемъ случившемся: о прибытіи епископа, о томъ что онъ освобождаетъ плѣнниковъ, что Удальрикъ принадлежит къ свитѣ Оттона; потому юноша и обращается прямо къ нему съ просьбою къ Оттону. Разказъ Эбона естественнѣе. Затѣмъ, по Герборду, Удальрикъ понимаетъ юношу безъ переводчика (юноша хотя Датча-

нинъ, по конечно, говорилъ по славянски, научившись этому во время плѣна), а изъ Эбона видно, что Удальрикъ по славянски не звалъ ¹⁾).

Herb. III, 9.

Sacerdos vero, correptis cineribus, properanter ad ecclesiam rediit et operienti episcopo aliisque fratribus de illo captivo insinuat. Episcopus vero, quamvis misericordiam moveretur: «*tanta, inquit, preestitit nobis, ut amplius cum rogando, gravare non audeam.*

Ebo III, 12.

Udalricus, concito gradu ad episcopum rediit, et secreto eum conveniens: «*Non sine causa hoc impedimentum dedicationi nostrae accidit, quia, nutu Dei, ego in reclusionem gravissima filium principis Danorum inveni, cum pro cineribus colligendis abyssum; et non poterit dedicatio rata esse, nisi hic cum reliquis absolvatur.*» Cui episcopus «*iam, ait, tanta preestitit nobis, quod non praesumo eum amplius interpellare, quoniam revera nec in teutonicis regionibus quisquam principum hoc facile ageret.*

Потомъ Гербордъ отъ себяставляетъ совершенно невѣроятную подробность, дабы показать благочестіе Оттона: „Оттонъ прерываетъ освященіе церкви и, conversus ad orientem, cum ministris suis quasi hora una (!), preces fudit ad Dominum“. Затѣмъ Гербордъ опять возвращается къ Эбону.

Dein sacerdotibus ait: seorsum accipite Mizraim et, quo modestius, super hoc verbo exhortamini

«*Sed si vultis, secreto eum per vos convenite; et forsitan acquiescet nobis, licet grave sit negotium.*»

Послѣ этого Эбонъ чрезвычайно живо и характеристично рассказываетъ, какъ Удальрикъ съ Адальбертомъ убѣдили Мицлава освободить плѣнника. Это ему передалъ самъ Удальрикъ: „Удальрикъ и Адальбертъ, вызвавши изъ толпы Мицлава, спрашиваютъ его, всѣхъ ли плѣнниковъ онъ отпустилъ; когда тотъ отвѣтилъ, что всѣхъ, они стали уличать его во лжи ²⁾ и говорили, что это препятствуетъ освященію храма, что самъ Богъ открылъ его ложь, приведши Удальрика въ темницу юноши. Мицлавъ проситъ прекратить это дѣло, ибо отецъ юноши слишкомъ много ему долженъ. Удальрикъ угрожаетъ ему тѣмъ, что отъ его упорства потеряютъ цѣну всѣ прежнія добрыя дѣла, и освященіе церкви не можетъ совершиться. На вопросъ Мицлава: что же будетъ тогда съ долгомъ, Удальрикъ отвѣтилъ, что Богъ воз-

¹⁾ Онъ пользуется переводчикомъ: III, 12 (два раза), III, 14; III, 7, съ женщиной говорить все только одинъ Альбинъ.

²⁾ Выраженія Эбона нѣсколько напоминаютъ исторію Ананія и Савитры (Дян. Ап. 7, 1—10).

дасть ему сторицею, и Мицлавъ, послѣ борьбы съ собою, согласился, говоря, что собственно ему легче было бы отдать жизнь, чѣмъ принести такую жертву, и выпустилъ юношу“. Такъ удалась попытка запугать Мицлава, предпринятая Удальрикомъ на свой страхъ, ибо епископъ только съ большимъ сомнѣніемъ позволилъ имъ переговорить съ Мицлавомъ. Гербордъ, вмѣсто этого очень характеристическаго разказа, влагасть въ уста священниковъ (не указывая—кого именно) безцвѣтную реторическую рѣчь въ похвалу Мицлаву. Она клонится къ тому, что если онъ еще болѣе сдѣлаетъ для Бога, то еще болѣе и получить отъ Него. Рѣчь, по Герборду, производитъ изумительное дѣйствіе: Мицлавъ *ingemit, tactusque ab intus spiritu pietatis, totus solvitur in lacrimas*. Соглашаясь отпустить юношу, онъ, по Герборду, идетъ съ клириками къ епископу, и въ противоположность тому, что сказано у Эбона, говоритъ: *pro nomine Domini Mei Jesu, corpus meum et omnia mea... devotus impendam*. Эта вымышленная Гербордомъ, рѣчь очень неудачна и мало правдоподобна. Хотя Гербордъ въ ней и удалился отъ Эбона, но есть въ ней мѣста, напоминающія послѣдняго.

Herb. III, 9.

Nec in longo tempore a christianis tale quid in terra nostra comperimus.

Miratur hoc Dominus Episcopus, miramur et nos...

unde... gratias tibi referunt et honori te habent...

ingemit homo, tactus ab intus spiritu pietatis, totus solvitur in lacrimas.

Quin imo pro nomine Domini mei Jesu... corpus meum impendam...

Ebo. III 11.

Quoniam revera nec in Teutonicis regionibus quisquam principum hoc facile ageret.

tante pietatis opera, quae Deo exhibuisti ita ut ipsi etiam domino meo Episcopo admirationi sis et honori.

Mizlaus Dei gratia compunctus, totus lacrimis est perfusus...

et si corpus meum pro nomine Esus martirio consecrarem.

Послѣ этого Гербордъ опять переходитъ къ Эбону, но въ концѣ главы произвольно обобщаетъ разказанный имъ фактъ, говоря, что и другіе жители послѣдовали примѣру Мицлава и возвратили все несправедно пріобрѣтенное.

Herb. III, 9.

Mizlaus, jubens adduci vinctum foro et catenis oneratum, stentibus omnibus, qui aderant, in hostiam et oblationem arae imposuit, petens sibi remissionem peccatorum a Domino pro ipso recomponari. Ita ergo, in plo-

Ebo. III, 12.

Statimque missis militibus, de ergastulo tenebroso eum produxit, et sic catenis undique astrictum, manibus suis altari consecrando superponens, holocaustum in odorem suavitatis obtulit Domino. Et mox vincula ejus

nitudine gaudii spiritualis, tota illa ecclesia fervente et laudes Deo super universis bonis ac donis ejus concinente, *dedicatio* consummatur, omnesque alii, exemplo Mizlai principis, vias suas correxerunt, unusquisque ab injustitiis et violentiis, seu oppressio- nibus sui temperando et ablata proxi- mis suis restituendo.

solvi damnavit. cunctis, qui aderant, *pre gaudio flentibus* pro tanta ejus devocione benedicientibus. Tunc de- mum venerabilis pontifex Christi so- lemnia *dedicationis* ecclesie letiori quam coperat, et diligentiori execu- tione adimplevit.

Гл. 10 (Ево. III, 13). Ходатайство Оттона за Поморянь • предъ Болеславомъ, княземъ Польскимъ.

Въ началѣ главы Гербордъ очевидно пользуется Эбономъ.

Herb. III, 10.

Ево III, 13.

Ecclesia igitur proficiebat et cres- cebat, et licet, invidente diabolo, am- bulans in timore Dei spiritu sancto replebatur. Sed hostis *antiquus* dampna sua non ferens, opera Dei *turbare mo- litus*, validis terroribus universam pro- vinciam concussit. Nam Boleslaus, dux Poloniorum invictissimus, in multa for- titudine et copioso militum apparatu, de terra sua veniens, jam in ipsis terminis Pomeraniae, castra metatus, ferebatur, in furore gravi terram ipsam ingressurus.

Sed hoc gaudia *antiquus* nostri ge- neris inimicus non equis aspiciens ocu- lis... omnibus modis hec leta christiane rationis semina zizaniis seditione et externorum incursu bellorum *turbare molitus* est. Dux enim Poloniorum expeditionem suam illo cum manu va- lida indixit.

Отступаетъ Гербордъ отъ Эбона въ слѣдующемъ: Гербордъ говоритъ, что Болеславъ, выйдя, съ большимъ войскомъ, изъ своихъ предѣловъ, расположился станомъ у границъ Поморья, намѣреваясь вступить въ него ¹⁾. Затѣмъ нѣсколько ниже: „Поморяне узнали, что войско неприятельское уже близко“ (iam in ipsis terminis Pomeraniae castra metatus Boleslaus ferebatur in furore gravi terram ipsam ingressurus). Между тѣмъ, по Эбону, Болеславъ не тронулся еще въ путь а только, собравъ войско, назначилъ походъ на Поморье (expeditio- nem cum manu valida indixit). Далѣе прямо говорится, что перего- воры шли въ Польшѣ (Удалырикъ и Вратиславъ trium dierum itinere confecto Poloniam venerunt).

¹⁾ По представлению Герборда (11, 10) между Польшей и Поморьемъ лежалъ большой лѣсъ на 7 дней пути (на самомъ дѣлѣ пространство это не такъ велико); слѣдовательно слова Герборда здѣсь имѣютъ тотъ смыслъ, что Болеславъ вы- шелъ изъ Польши, перешелъ этотъ лѣсъ и расположился у границъ Поморья.

Въ виду, съ одной стороны, прямого указапія Эбона, а съ другой— въ виду того, что, въ приведенной части разказа, Гербордъ не самостоятеленъ, а пользуется Эбономъ, а также, какъ увидимъ послѣ, въ виду того обстоятельства, что вся глава 10-я не обнаруживаетъ, чтобы Гербордъ пользовался какимъ-нибудь устнымъ разказомъ, мы должны признать это его извѣстіе за произвольный вымыселъ, съ цѣлію сильнѣе выставить затруднительность положенія Поморянъ, и такимъ образомъ, возвысить заслугу Оттона, отклонившаго отъ Поморянъ гнѣвъ Болеслава, и показать его вліяніе на послѣдняго, а также вѣроятно съ цѣлію придать больше интереса своему разказу.

Разсмотримъ теперь извѣстія Эбона объ отношеніяхъ Болеслава къ Поморянамъ.

Какія именно событія, совершившіяся между первымъ и вторымъ путешествіями Оттона въ Поморье, навлекли на Поморянъ гнѣвъ Болеслава, Эбонъ не сообщаетъ и выражается объ этомъ весьма неопредѣленно: (*Bolezlaim*) ante adventum patris nostri Ottonis graviter a gente Pomoranorum offensum (III, 13). Далѣе у Эбона Болеславъ также неопредѣленно говоритъ Оттону о Вратиславѣ: *Pomoranorum ducem tam graviter sibi obnoxium*; нѣсколько яснѣе указана причина гнѣва Болеслава на Поморянъ въ слѣдующихъ словахъ: *gentem illam (Pomoranorum) beluine ferocitatis immanitate terram populumque suum (Bolezlai) devastasse, adeo, ut etiam parentes suos ex sepulchris protraheret, et collis caputibus, dentes excuteret, ossaque eorum per publicum aggerem dispergeret*. По этихъ словъ нельзя понимать, какъ казалось бы съ перваго взгляда, въ томъ смыслѣ, что Поморяне, въ 1125—1127 гг. открыто возстали противъ Поляковъ, разбили ихъ и опустошили ихъ землю (поруганіе костей предковъ—вѣроятно только обычная фраза). Вопервыхъ, другихъ извѣстій объ этомъ мы не имѣемъ; во вторыхъ, при внутренней разъединенности Поморья (особенно теперь, когда часть Поморянъ приняла христіанство, а часть осталась въ язычествѣ), при слабости княжеской власти, нельзя и предположить такого дружнаго дѣйствія, а оно только и могло освободить Поморье отъ польскаго ига; втретьихъ наконецъ, еслибъ удалось такое возстаніе, и земля Польская была бы опустошена, то Поморяне должны бы были ждать близкой мести отъ Болеслава, готовиться къ отчаянному сопротивленію, такъ какъ Болеславъ не оставилъ бы Поморянъ безъ наказанія за то, что они вырвали изъ его рукъ плоды долгихъ стараній. Между тѣмъ мы не видимъ изъ разказа Удалярика, чтобы были замѣтны эти приготовленія Поморянъ

къ отпору, хотя, конечно, Удальрикъ долженъ былъ бы обратить на это вниманіе. Кромѣ того, Вратиславъ, какъ будто въ совершенно спокойное время, приглашаетъ къ себѣ для проповѣди Оттона, вошесть на западъ съ Лютичами, слѣдовательно, восточную границу Поморья считаетъ болѣе или менѣе безопасною. Изъ всего этого видно, что слова Эбона могутъ относиться не къ общему возстанію Поморянъ противъ Поляковъ, а лишь къ частнымъ отдѣльнымъ набѣгамъ, которыхъ, конечно, отрицать нельзя (напримѣръ, могли быть набѣги Штетинцевъ, мало зависѣвшихъ отъ Вратислава).

Что словамъ Эбона нельзя придавать точнаго смысла, въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, если обратимъ вниманіе на то, какое мѣсто они занимаютъ въ разказѣ. Эбоузъ не передаетъ здѣсь того, что прямо узвано Удальрикомъ или другими спутниками Оттона, а приводитъ только слова Болеслава, которыми онъ хотѣлъ убѣдить Оттона отказаться отъ ходатайства за Поморянъ. Для этого Болеславу, конечно, нужно было живѣе представить вину Поморянъ передъ нимъ, указать, что они—народъ свирѣпый, что они тяжело его оскорбили, и такимъ образомъ, болѣе яркими красками обрисовать ихъ злодѣйство, а вовсе не передать вѣрно, какъ было дѣло.

Въ виду такого характера рѣчи Болеслава, слова его даже вовсе могутъ не имѣть того значенія, что набѣги Поморянъ были дѣйствительно въ 1125—1127 г., а только передавать общій характеръ отношеній Поморянъ къ Полякамъ, намекая на ихъ набѣги еще до подчиненія Поморья Болеславу ¹⁾.

Другою, болѣе важною и касающеюся всего Поморья причиною, прямо у Эбона не указанною, могло быть постепенное ослабленіе подчиненія Вратислава Болеславу и сближеніе его съ Германіей, выразившееся въ призваніи Оттона, который отправился въ Поморье, имѣя поддержку въ императорѣ и папѣ, могшихъ, въ случаѣ нужды, помочь Вратиславу.

Такимъ образомъ, изъ всего этого видно, что разказъ Эбона не даетъ опредѣленнаго понятія о причинахъ разрыва Поморья съ Болеславомъ.

¹⁾ Притомъ же мы не можемъ ручаться, чтобы самое содержаніе словъ Болеслава было передано вѣрно; самъ Удальрикъ ихъ не слышалъ, находясь, въ это время, не съ Оттономъ, а въ Узномъ; можетъ быть, узналъ ихъ отъ лицъ, мало интересовавшихся политическими событіями, не касавшимися Оттона и главной цѣли ихъ путешествія (да и самъ Удальрикъ принадлежалъ къ подобнаго рода людямъ).

Обратимся теперь къ Герборду. Частныхъ фактовъ онъ не сообщаетъ, общій же ходъ событій онъ передаетъ слѣдующимъ образомъ: „гнѣвъ Болеслава Поморяне возбудили тѣмъ, что, послѣ перваго путешествія Оттона, съ одной стороны, нарушили условія мира (*pacis secum foederis*), а съ другой—отпали опять въ язычество. Забывъ об Оттонѣ, посредникѣ между ними и Болеславомъ, и о томъ снисхожденіи, которое, по ходатайству Оттона, оказалъ имъ Болеславъ, сбавивъ съ нихъ подать, города Поморья, какъ обращенные въ христіанство раньше, такъ и не обращенные, надѣясь на свои силы, по большей части, возобновили свои укрѣпленія и крѣпости, разрушенныя прежнею войной. Это послѣднее Болеславъ счелъ за открытое возмущеніе“.

Откуда Гербордъ могъ почерпнуть такія свѣдѣнія? У Эбона, какъ мы видѣли, ничего подобнаго нѣтъ; произвольнымъ вымысломъ Герборда, они, по ихъ важности и правдоподобности (сколько можно судить по разнымъ соображеніямъ), не могутъ быть.

Обратившись къ 2-й книгѣ Герборда, мы найдемъ у него такія извѣстія объ отношеніяхъ Поморья къ Болеславу, изъ сопоставленія которыхъ съ показаніями Эбона (III, 13) о разрывѣ Болеслава съ Поморьемъ, Гербордъ легко могъ вывести все то, что онъ передаетъ въ III, 10, какъ сообщенное Зефридомъ.

Условія мира Болеслава съ Поморянами, предъ первымъ путешествіемъ Оттона, ясныя всего переданы Гербордомъ во II-й книгѣ, гл. 30, въ разказѣ о подчиненіи Штетина Болеславу. Условія эти: признать власть Болеслава, платить ему дань и принять христіанство. Въ кв. II-й, гг. 5 и 38, Гербордъ передаетъ, что во время предыдущей войны Болеслава съ Поморянами многія поморскія крѣпости были разрушены. Теперь, во время втораго путешествія Оттона, Болеславъ, какъ знаетъ Гербордъ изъ Эбона, III, 13, идетъ войною на Поморьянъ. Отсюда Гербордъ заключаетъ, что Поморяне нарушили условіе мира—отпали отъ Болеслава и перешли въ язычество. О переходѣ нѣкоторыхъ Поморьянъ опять въ язычество онъ знаетъ также изъ Эбона, III, 1.

На основаніи такихъ же соображеній, Гербордъ могъ вывести и извѣстіе о возобновленіи крѣпостей: Поморяне нарушили условія мира, значитъ, должны были ожидать войны и готовиться къ ней. Приготовленія же къ войнѣ должны были заключаться въ возобновленіи крѣпостей, ибо у Герборда въ его же II-й книгѣ сообщено, что главную силу Поморьянъ составляли крѣпости: *At illi (Pomoranii), suis fisci*

viribus, eo, quod civitates et castra natura et arte in introitu terrae habebant quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt (II, 5).

Такимъ образомъ, все, что въ гл. 10 сообщаетъ Гербордъ, могло быть ямъ выведено съ помянутою различныя соображеній изъ извѣстнаго ему раньше. Что это дѣйствительно такъ и есть, что онъ здѣсь не пользуется разказомъ Зефрида, видно изъ слѣдующаго: вопервыхъ, онъ передаетъ здѣсь только общую характеристику отношеній Болеслава къ Поморью, а не сообщаетъ ни одного частнаго факта, случая, примѣра такихъ отношеній (последнее прямо доказывало бы, что Гербордъ пользовался разказомъ Зефрида); вовторыхъ, въ его разказѣ (III, 10) ясно видно, что онъ имѣлъ предъ глазами и пользовался 5-ю главою своей II-й книги: въ 10-й главѣ есть буквальное сходство отдѣльных словъ въ одинаковыхъ фразахъ съ кн. II-й, гл. 5, при чемъ въ III-й кн., гл. 10, эти слова повторяются съ прибавкою: *iterum, deinceps*.

Herb. III, 10.

viribus suis se deinceps tutos fore confiderent, munitionibus et castris, quae bellica vi complanata fuerant, ex magna parte hoc intervallo reparatis...
Bolezlaus iterum eos contereere veniebat.

Herb. II, 5.

At illi, suis fisci viribus eo, quod civitates et castra natura et arte firma haberent quam plurima...

Sed quia Deo placuit aliquos ex eis contereere...

Точно также выраженіе „*remissi tributi veniam aspernati sui que mediatoris obliti*“ прямо указываетъ на разказъ Герборда о ходатайствѣ за Штетинъ предъ Болеславомъ (II, 26, 30).

Изъ этого ясно, что здѣсь Гербордъ выдаетъ свои собственныя заключенія за дѣйствительно сообщенное Зефридомъ.

Далѣе видимъ то же самое. Сказавъ, что Болеславъ уже стоялъ на границѣ Поморья, Гербордъ произвольно дополняетъ, какъ эту вѣсть приняли Поморяне и какъ стали готовиться къ сопротивленію: «*Quod illi audientes, missisque saepius atque remissis exploratoribus, exercitum jam in proximo cognoscentes, multum ubique trepidare coeperunt, partimque fugere, ac res suas ad loca munita referre*». Что такое было способъ защиты Поморянъ, опять Герборду уже извѣстно (II, 5): «*Omnem substantiam suam in urbibus collocantes armorum praesidia praeparare moliantur*».

На этотъ разъ догадка Герборда менѣе удачна и правдоподобна. Во-первыхъ, самое извѣстіе о приближеніи Болеслава съ войскомъ мы должны были отвергнуть, а этимъ уничтожается значеніе и теперь

сообщаемаго Гербордомъ. Повторыхъ, если бы дѣйствительно были такія приготовленія Поморянъ къ отпору, то Удальрикъ, при которомъ все это происходило, и который, если не видѣлъ, то по крайней мѣрѣ, долженъ былъ слышать объ этомъ, конечно не умолчалъ бы о столь важномъ фактѣ, а у Эбона ничего этого нѣтъ.

Просьба Поморянъ о ходатайствѣ предъ Болеславомъ у Герборда и Эбона изложена почти одинаково:

Herb. III, 10.

In ipso tamen articulo, ut puto, a Deo inspirati, omnes, quasi oves ad pastorem, sic ad episcopum confugientes, quid facto opus esset, consilium quaerebant.

Ebo III, 13.

Quo nuncio gens illa, noviter fidei sacramentis iniciata, non mediocriter est perterrita. Et primates natuque maiores ad apostolum vel tutissimum confugientes asylum, ejus magnopere flagitabant consilium.

Гербордъ вмѣсто primates, natuque majores, поставилъ omnes, хотя, конечно, къ Оттону обращались старѣйшины и знатныя лица.

Herb. III, 10.

At illo, pietatis visceribus affluens, ecclesiam rudem et neophitam bellico tumultu vexari perniciosum sciens, de divina misericordia, simul etiam de Boleslai ducis amicitia, non vano praesumens, bellum simul et causam belli, si modo consiliis eius parere velint, dissolvere pollicetur.

Ebo III, 13.

«Tu domine Pater (говорятъ Поморяне)... libertatem, firmissimamque pacem, in verbo Dei promisiisti. Et ecce fratres nostri Polonienses bellum nobis indicunt. Sed absit, ut te presente, ecclesia Christi hic collecta dispergatur». Quibus auditis pater piissimus: «Nolite, ait, timere. Potens est Deus meus... causas belli hujus precipere, pacemque desideratam novo ovili restructuere.

Мысль объ опасности, угрожающей христіанству, если новая паства подвергнется нападенію Поляковъ, Гербордъ приписалъ не Поморянамъ, а епископу. Ему казалось естественнѣе, чтобы самъ епископъ наблюдалъ интересы христіанства. О дружбѣ Болеслава съ Оттономъ онъ знаетъ изъ 1-й книги.

Herb. III, 10

Quo audito illi prudentiam et sanctitatem doctoris sui attendentes nec sinistre casurum arbitrati negotium, quod illo in timore Domini suscepisset, communi decreto semet ipsos

Ebo. III, 13

At illi pedibus ejus provoluti, debitas gratiarum actiones exsolvebant.

Et confestim dispositis vie sociis, Udalricum religiosum presbiterum, vice sua ad confirmandam neophitam

et omnia consilia sua ejus sapientiae commiserunt.

Assumptis igitur clericis, pater venerabilis sarcinas quidem et omnem suppellectilem ibi relinuens, obviam se parat exercitui, junctis sibi viris honorabilibus de terra, qui a duce obiectis respondere et omnibus controversiis decidendis, hinc inde exortis, possent sufficere.

plemen Uznoim reliquit; ipse vero ad Ducem poloniorum impigre, ut considerat, ire cepit.

Гербордъ прибавилъ, что Оттонъ оставилъ багажъ и всю утварь „ibi“, то-есть, тамъ, куда пришло къ нему посольство Поморянъ (вѣроятно, или въ Гостыковѣ или въ Узноимѣ) ¹⁾. Это онъ могъ легко вывести изъ словъ Эбона *confestim dispositis vie sociis, impigre ire cepit*, слѣд. спѣшилъ и долженъ былъ идти налегкѣ.

У Эбона сказано вообще *dispositis vie sociis*, Гербордъ же произвольно различаетъ два рода *sociorum*—клириковъ и знатныхъ Поморянъ, указываетъ и цѣль, съ которою отправилъ послѣдніе; при разказѣ о первомъ путешествіи, именно о ходатайствѣ епископа за Штетинцевъ, Гербордъ упоминаетъ о томъ же: *cives rogabant, ut mitterentur legati, suos cum illis profecturos dicentes* (11, 26). По аналогіи случаевъ Гербордъ могъ заключить, что и теперь совершилось то же самое.

Переговоры Оттона съ Болеславомъ Эбонъ излагаетъ довольно подробно ²⁾. При разборѣ этого разказа должно все-таки помнить,

¹⁾ Гдѣ находился Оттонъ, когда къ нему обратились Поморяне, рѣшить навѣрно нельзя; судя по ходу разказа Эбона—въ Гостыковѣ, ибо Эбонъ, послѣ разказа о пребываніи Оттона въ Гостыковѣ (III, 9—12), не говоритъ о переходѣ его оттуда куда-нибудь; тогда извѣстіе Эбона (III, 13), что Удальрикъ, когда Оттонъ отправился въ Польшу, былъ оставленъ имъ въ Узноимѣ, можетъ быть понято такъ, что Оттонъ взялъ Удальрика изъ Гостыкова, и по дорогѣ въ Польшу, довезъ его съ собою до Узноима, желая, чтобы онъ, въ его отсутствіе, находился въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, въ городѣ значительномъ и центральномъ, гдѣ, можетъ быть, находился и Вратиславъ. Но, съ другой стороны, и Удальрикъ и Эбонъ могли пропустить этотъ неважный фактъ или забыть, что епископъ, разрушая храмы въ Гостыковѣ, перешелъ опять оттуда въ Узноимъ.

²⁾ Гдѣ велся разговоръ, опять нѣтъ вѣрныхъ данныхъ: врядъ ли въ Гнѣзпѣ; до него отъ Узноима около 250 верстъ. Это разстояніе нельзя пройти въ три дня, указанное у Эбона (да притомъ Удальрикъ упомянулъ бы, еслибы былъ въ Гнѣзпѣ). Но очевидно, въ Польшѣ, какъ указано у Эбона—до границы ея, чрезъ Пырицу и Сутокъ, около 140 верстъ—идя поспѣшно, Удальрикъ и Вратиславъ могли совершить этотъ путь въ три дня; притомъ же, какъ мы видѣли,

что Удальрикъ тутъ не присутствовалъ, во время переговоровъ Оттона съ Болеславомъ былъ въ Узноимѣ и прибылъ къ Болеславу лишь по ихъ окончаніи, вмѣстѣ съ Вратиславомъ, слѣдовательно, не могъ сообщить о нихъ Эбону во всей полнотѣ и ясности. Когда „епископъ прибылъ“, говоритъ Эбонъ,— „Болеславъ принялъ его съ почетомъ, но узнавъ, зачѣмъ онъ явился, нѣсколько былъ пораженъ, выставляя вину предъ нимъ Вратислава и неприятели, причиненныя Поморянами: они опустошили Польшу и нарушили неприкосновенность костей умершихъ предковъ. Это такой свирѣпый народъ, что удивительно, какъ самъ епископъ не пострадалъ отъ нихъ. Оттонъ отвѣчалъ, что огражденъ покровительствомъ Бога и римскаго императора и защитой Вратислава. Теперь онъ пришелъ просить за Поморянъ, принявшихъ христіанство; война помѣшала бы успѣху его проповѣди. Болеславъ указывалъ на то, что походъ противъ Поморянъ долго приготавлился и ему стыдно будетъ предъ народомъ не наказать Вратислава; онъ предлагалъ епископу не возвращаться въ Поморье, изъ-за опасности, тамъ ему угрожавшей. Но епископъ сказалъ, что не можетъ покинуть Удальрика, оставшагося тамъ, и готовъ умереть за новую свою паству. Этотъ рѣшительный тонъ, какъ видно, подѣйствовалъ. Неудобно было открыто враждовать съ Оттономъ, которому покровительствовалъ императоръ Лотарь; поэтому Болеславъ уступилъ, потребовавъ только, чтобы Вратиславъ явился къ нему съ просьбою о прощениі, то-есть, вѣроятно, возобновилъ бы свои подчиненныя отношенія. Послѣ этого были посланы почетныя лица за Вратиславомъ и Удальрикомъ; они въ три дня привели ихъ въ Польшу, два дня шли переговоры, на третій заключенъ миръ и Оттонъ возвратился въ Узноимъ. Благодарный Вратиславъ положилъ большую сумму денегъ на алтарь св. Адалберта.

Вмѣсто всего этого Гербордъ сочинилъ отъ себя такой обній ходъ переговоровъ, какой долженъ бы быть, еслибы причины войны были именно тѣ, которыя указалъ Гербордъ. При этомъ онъ представляетъ, что желаемый результатъ переговоровъ былъ достигнутъ весьма легко:—*mirumque dictu, quam facile divinis eloquiis, animi ejus (Bolezlai) feritate delenita, ad omne, quod volebat, principem inclinavit.* Переговоры шли, по Герборду, такъ: Болеславъ указывалъ на нарушеніе

показаніе Герборда, что Болеславъ выступилъ въ походъ изъ Польши, не заслуживаетъ вѣры. Извѣстіе Эбона (II. 13), что Вратиславъ возложилъ золото на алтарь св. Адалберта (то-есть, въ Гиванѣ), можно понять такъ, что онъ не самъ лично сдѣлалъ это, и только отдалъ для передачи въ Гивано.

договора и на отступленіе отъ христіанства; епископъ, признавая, что все это требуетъ исправленія, выговаривалъ за это посламъ, но призывалъ обѣ стороны къ возстановленію прежняго договора, выставляя, что и при заключеніи его онъ же былъ посредникомъ. Похвала вѣрн и преданности Вратислава особенно смягчила душу Болеслава, и онъ велѣлъ войску воротиться, чѣмъ оно было недовольно, такъ какъ лишалось ожидаемой добычи ¹⁾. Очевидно, что всѣ эти общія фразы не имѣютъ никакого историческаго значенія.

Далѣе Гербордъ, не сказавъ ранѣе ничего особеннаго объ отпадшии Штетина, нѣсколько неожиданно и безсвязно заставляеть Болеслава угрожать мщениемъ Штетинцамъ, если они не исправятъ тотчасъ своего отступничества. Понятно, почему Гербордъ влагаетъ эту угрозу въ уста Болеславу: изъ разказа Эбона о первомъ путешествіи онъ знаетъ, что Штетинцы были сами ревностными язычниками.

Разказавъ о возвращеніи Болеслава, Гербордъ выражаетъ въ общихъ чертахъ радость народа и смиреніе епископа, приписывающаго Богу успѣхъ дѣла. При этомъ, какъ мы уже сказали, помѣщаетъ и уходя пословъ маркграфа Альберта.

Гл. 11 (Ебо III, 14). Епископъ намѣревается идти на проповѣдь къ Украинамъ.

Herb. III, 11.

Erat autem Uznoimiae illis diebus dux pariter et episcopus. *Est autem insula quaedam, non longe a civitate illa, habens mare interiectum, quasi unius diei, Ucrania nomine. Sed loci hujus incolae duri essent et barbari singulari feritate crudeles. Illi predicatione beati viri dudum comperta, omnia, quae de illo dicebantur, aspernati, mortem ei, si ad eos veniret, minabantur.*

Ебо III, 13.

Dux Pomeraniae cum Ottono Uznoim reversus est.

Ебо III, 14.

Erat autem trans mare barbari crudelitate et sevicia singulares, qui Ucrani dicebantur. Hi, audita beati presulis opinione, cunctis legationibus mandaverant: quod si unquam terras eorum intrare presumeret, sine mora, cum omnibus suis morti acerbissime tradendum sciret.

Въ началѣ главы Гербордъ, какъ мы видимъ, довольно близко передаетъ слова Оттона. Но при этомъ онъ, невѣрно истолковавъ одно выраженіе Эбона, впалъ въ грубую ошибку ²⁾. Эбонъ говоритъ, что

¹⁾ Представляя, что войско было уже собрано и выступило въ походъ, Гербордъ, естественно, выводитъ отсюда, что войско было недовольно. У Эбона Болеславъ выставляетъ недовольство народа только какъ предлогъ: pro nichilo se deinceps ab omni populo suo habendum, если онъ не отмститъ Вратиславу.

²⁾ Она указана Лѳфе, V, 699.

Украине жили *trans mare*, разумѣя подъ моремъ большой лиманъ (*das Haff*) Одера, на южномъ берегу котораго жили Украинѣ. Гербордъ, не зная мѣстности Поморья, счелъ, что здѣсь говорится о морѣ въ собственномъ смыслѣ, и потому, желая выразиться точнѣе Эбона, представилъ, будто Украинѣ жили на островѣ (*insulo*) *Ucrania*, и такимъ образомъ превратилъ въ островъ часть твердой земли, часть Бранденбургской марки (*die Uckermark*). Чтобы придать еще болѣе определенность своему извѣстію, Гербордъ произвольно прибавляетъ, что *insula Ucraina* лежитъ на дѣсь пути отъ Узноима.

Эбонъ говоритъ далѣе: *Cumque vir Dei minas eorum (Ucranorum) postponeret sepiusque illo tendere disponeret, ab omnibus vitam ejus desiderantibus inhibebatur...* Гербордъ на основаніи этихъ словъ построилъ остальную часть 11-й главы ¹⁾. При этомъ онъ, съ одной стороны, до того преувеличилъ желаніе Оттона идти на встрѣчу опасностямъ, что оно можетъ быть объяснено только жаждой мученической кончины, а это совершенно противорѣчитъ практическому и разсудительному характеру Оттона, который могъ не дорожить жизнью, когда это было нужно, но никогда не терялъ изъ виду главной цѣли своего путешествія и не пожертвовалъ бы собою только ради мученическаго вѣнца въ то время, когда ему въ Поморьѣ еще очень много было дѣла, требовавшаго его личнаго присутствія. Точно также, съ другой стороны, онъ изображаетъ въ преувеличенномъ видѣ, какъ спутники Оттона противились его желанію идти къ Украинамъ и удерживали его.

Все это придаетъ его разказу совершенно неправдоподобный и даже нѣсколько комическій оттѣнокъ. Оттонъ, не смотря на сопротивление спутниковъ, рѣшается идти къ Украинамъ, и когда спутники его насильно удерживаютъ, онъ не можетъ ничего съ ними подѣлать, такъ слабъ пмѣеть такъ мало значенія, что не рѣшается явно уйти, хочеть отправиться тайно, а спутники, узнавъ объ этомъ, тщательно стерегутъ его.

¹⁾ Herb. III, 11.

Quo amplius duras (Ucranorum) *minas* audierat, eo amplius in animo suo fixum habebat *illo* ire, sperans ibi martirii coronam se adepturum. De hoc vero cum duce et aliis familiaribus suis dum consilium tractaret, *ab omnibus* dissuasus est.

Ebo III, 14.

Cumque vir Dei, fervens in spiritu, *minas* eorum postponeret, sepiusque *illo* tendere disponeret, *ab omnibus* vitam ejus desiderantibus, inhibebatur...

Глава заканчивается общими фразами. Онъ упрекаетъ спутниковъ въ малодушіи и т. п.

Когда такимъ образомъ Оттонъ отказался идти на проповѣдь къ Украинамъ, то Удальрикъ, въ угоду Оттону, рѣшается на это дѣло. Разказъ о неудачной его попыткѣ изложенъ въ слѣдующей главѣ Герборда.

Гл. 12 (Ево III, 14). Эбопъ разказываетъ сперва, какъ толмачъ Адальбертъ не соинтоналъ Оттону отпустить къ Украинамъ Удальрика, говоря, что, въ случаѣ смерти Удальрика, всѣ обвинять въ ней Оттона; затѣмъ, какъ Удальрикъ видѣлъ сонъ, истолкованный Адальбертомъ въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ Удальрику отправляться; наконецъ, уже говорится о самой попыткѣ Удальрика.

Гербордъ воспользовался, преимущественно, послѣднимъ разказомъ, сонъ Удальрика выпустилъ, а разговоръ Адальберта съ епископомъ помѣстилъ послѣ неудачи Удальрика. Черезъ это разговоръ этотъ потерялъ всякое значеніе, получивъ видъ пустой болтовни, (что выражаетъ и самъ Гербордъ: *de navigatione Udalrici jocari coeperunt*).

Разказъ объ отправленіи Удальрика передаетъ Гербордомъ въ довольно оживленномъ, но мало правдоподобномъ видѣ. Главныя черты разказа Эбона имъ сохранены. По Эбону, „Удальрикъ, исповѣдавшись, взялъ съ собою все нужное и вмѣстѣ съ толмачемъ и др. спутниками отправился въ путь, при хорошей погодѣ. Когда онъ довольно далеко отъѣхалъ отъ берега, поднялась страшная буря, пригнала его къ берегу и, продолжаясь семь дней, припудила его отказаться отъ своего намѣренія. Эту неудачу Оттонъ принималъ какъ знакъ того, что Богъ не желаетъ спасенія Украинамъ“.

Гербордъ преувеличилъ какъ отвагу Удальрика (до совершеннаго безразсудства), такъ и силу противодѣйствующей стихіи. Прежде всего Гербордъ только мимоходомъ упоминаетъ, что Удальрикъ проситъ *comitem tantum et viae ducem*. Во всемъ же разказѣ говоритъ объ одномъ Удальрикѣ, какъ будто никого съ нимъ не было. Самое отправленіе Гербордъ описываетъ такъ: „Принявъ благословеніе отъ епископа, Удальрикъ взялъ все, нужное для обѣдни и взоселъ на корабль, при чемъ всѣ его оплакивали, какъ идущаго на вѣрную смерть. Когда, послѣ трехъ часовъ плаванія, разразилась сильная буря и прогнала его назадъ, онъ, не выходя изъ лодки и обливаемый дождемъ, ожидаетъ улучшенія погоды, выкачиваетъ воду; когда вѣтеръ стихъ, онъ опять спустился въ море—опять буря усилилась

и угнала его домой; то же и въ третій разъ. Наконецъ, лишь наступленіе ночи заставило его отказаться отъ своего намѣренія“.

Хотя разказъ Эбона у Герборда и измѣненъ, но нѣкоторыя мѣста напоминаютъ гдѣ Эбона.

Herb. III, 12.

Udalricus autem, venerabilis sacerdos, constantior factus sciens hoc etiam seni placere, *huic se periculo intrepidus offerebat, comitem tantum et viae ducem postulans...*

Qui horis quasi tribus prosperis flatibus navigans, fore jam ab oculis nostris ablatum fuerat, et ecce, tempestas oritur, ventisque contrariis, ratem huc illucque pellentibus, viam tenere non potuit, sed ad *litus* unde exierat, post multam fatigationem *appulsus* est (Удальрикъ два раза еще пытается отправиться)

16.

tempestas vero infra 7 dies non cessavit. Intellexit ergo vir Dei *Ucranos* evangelicae gratiae *indignos*, currensque discipulum... de litore duxit ad tectum.

Ebo III, 14.

Quod (скорбь епископа) *sentiens Uodalricus.. sacerdos incunctanter se huic discrimini obtulit... navi cum comitibus et interprete quodam Poloniense... impositus.*

Tum vero magna celi serenitas et maris tranquillitas arridebat. Sed ubi longius a litore est remotus, subito fluctibus, vento validissimo concitatis, tempestas non modica ingruere cepit; que sine mora arreptam navem, *litatori*, quod reliquerat, *appulit*, servumque Christi Uodalricum loco suo restituit.

Ebo III, 15.

Que nimirum tempestas septem diebus continuis, mari imminens profectionis cassavit intentionem. Apostolus voluntatem Dei in hoc considerans nec *Ucranos* verbo salutis *dignos* judicans.. ad Stetinensci iter... direxit.

Далѣ Гербордъ передаетъ бесѣду братіи за ужиномъ по поводу происшедшаго событія; это мѣсто основано на разговорѣ Адалберта съ епископомъ, помѣщенномъ у Эбона раньше путешествія Удальрика (на разговоръ намекаетъ и Гербордъ, говоря: *episcopus ab Adalberto de hoc verbo ante pulsatus fuerit*). Адалбертъ говоритъ, что Оттонъ, пославшій Удальрика на вѣрную смерть, будетъ виновникомъ его гибели; Оттонъ, въ отвѣтъ на это, указываетъ на то, что Иисусъ Христосъ также посылалъ апостоловъ на опасности, какъ агнцевъ среди волковъ. По поводу этого Гербордъ заставляетъ епископа дать поученіе ученикамъ: *parabolam hanc facto suo coaptans, plena rationis doctrina discipulos animavit, dignisque exhortationibus... magnam partem noctis expendit.*

Въ концѣ главы Гербордъ говоритъ, что на слѣдующее утро посланы были клирики въ разные мѣста для проповѣди. Это осно-

вано на словахъ Эбона (III, 13) ¹⁾. Pius predicator ad circumpositas civitates verbi ministros, sicut et antea, pervigili sollicitudine dirigebat. Но эти слова можно приписать не за выражение дѣйствительнаго факта, а просто — за фразу, которою сдѣланъ переходъ къ разказу объ отправленіи Удальрика въ Украинамъ. Ибо сряду за этимъ слѣдуютъ слова: egant autem trans mare barbari и разказъ объ Удальрикѣ.

¹⁾ Могъ также Гербордъ обратить вниманіе на Приолингскаго анонима (III, 6): familiares... quorum *pertransi* in eodem urbe (Uznoim) remanserant. Слѣд. другіе разошлись.

А. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ „ПЕРЕ- СМОТРА“ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГУННОВЪ.

Славяне были Гуннами; но Гунны не были Славяне.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ“. Эта народная поговорка примѣнима не только въ житейской практикѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ дѣлѣ науки. Есть въ области исторіи такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ и очень заманчиво и очень желательно, но судьба которыхъ выходитъ довольно странно: чѣмъ больше стараемся мы разрѣшить ихъ, тѣмъ больше они запугиваются. Особенно сильно сказалось такое явленіе въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Можно ли еще сильнѣе запутать и затемнить, какъ запутали и затемнили его наши изслѣдователи? Къ такому же положенію путаницы грозятъ, по видимому, прійдти и разсужденія наши о народности Гунновъ. Около 130 лѣтъ уже ученые обсуждаютъ этотъ вопросъ и никакъ порѣшить не могутъ. А кто только ни рѣшалъ судьбу и происхожденіе этого загадочнаго народа! Съ легкой руки Дегины начинается цѣлый рядъ попытокъ выяснить народность Гунновъ, попытокъ, предпринятыхъ лучшими учеными Европы, въ числѣ которыхъ стоятъ: Палласъ, Энгель, Гунманъ, Бергманъ, Клапротъ, Абель-Ремюза, Неймагъ, Шмидтъ, Риттеръ, С.-Мартенъ, Вивьенъ де С.-Мартенъ, Вепелингъ, Шафарикъ, Кастренъ, Вельтманъ, о. Іакинѣвъ Вичуринъ, Беръ, Ам. Тьері, Уйфальви и другія, менѣе громкія извѣстности. Не удивительно, стало быть, что создалось нѣсколько теорій о происхожденіи Гунновъ. Въ Европѣ такихъ теорій три—монголь-

ская, финская и турецкая. Наши русскіе ученые создали еще четвертую—славянскую.

Творцомъ послѣдней теоріи является Юрій Венелинъ, издавшій въ концѣ 20-хъ годовъ обширное изслѣдованіе „Древніе и нынѣшніе Болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ“ (М. 1829), въ которомъ старался доказать, что Гунны были никто иные, какъ Славяне. Другіе или только вторгли ему, какъ А. О. Вельтманъ и Н. Е. Забѣлинъ, или просто принимали на вѣру, какъ Н. И. Костомаровъ, или наконецъ, старались подыскать новыя доказательства въ пользу славянства Гунновъ, какъ Д. П. Пловайскій. Въ послѣднее время г. Иловайскій съ особенною энергіей выступилъ въ защиту славянской теоріи и снова оживилъ этотъ вопросъ въ нашей литературѣ.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, наши историки могли не признать въ Гуннахъ Славянъ? Читайте сказанію Приска Ритора о посольствѣ его къ Аттілѣ, и васъ поразитъ необыкновенное сходство этихъ двухъ народовъ. Да, по нашему мнѣнію, описать древнихъ Славянъ иначе и нельзя, какъ описалъ Прискъ Гунновъ.

Но тѣмъ путемъ, какой избралъ г. Иловайскій для изслѣдованій, едва ли можно разъяснить дѣло: безъ Азіи мы тутъ никакъ не обойдемся. Волей-неволей, а заглянуть туда необходимо, какъ часто необходимо начинать исторію въкоторыхъ европейскихъ народовъ еще въ Азіи,—иначе не будетъ у насъ почвы подъ ногами, иначе мы будемъ строить зданіе, не возведя предварительно фундамента. До сихъ поръ на правильной дорогѣ стоялъ только знаменитый французскій оріенталистъ Дегинъ, который первый возбудилъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, вопросъ о народности Гунновъ, и славу котораго ни г. Пловайскому и никому другому затмить никогда не удастся. Дегинъ понималъ, что вопросъ о Гуннахъ можно разрѣшить только въ связи со всеобщимъ движеніемъ народовъ изъ Азіи въ Европу. И много уяснилось ему такого, чтò для другихъ и послѣ него, по захватывавшихъ лишь часть этого вопроса, оставалось непонятнымъ. Если же Дегинъ, по состоянію тогдашнихъ знаній въ Европѣ объ Азіи, задачи своей не рѣшилъ, за нимъ все-таки останется та заслуга, что онъ связалъ неразрывною цѣпью Хунъ-пу китайскихъ писателей съ Гуннами европейскихъ.

Но послѣдователи славянской теоріи отвергаютъ эту связь, которая прежде всего замѣчается въ имени этого народа: Хунну и Гунны. Чтобы подорвать эту связь, теперь стали даже искажать транскрип-

цію Хунъ-ну въ невозможное Хюнгну Нюнгнус ¹⁾. Затѣмъ, не хотятъ они принимать въ расчетъ постоянныхъ вторженій разныхъ народовъ изъ глубины Азіи въ Европу. Для нихъ ничего не значатъ движенія Скивовъ, Массагетовъ, народовъ Финскихъ, Тюркскихъ, и наконецъ, Монголовъ ²⁾.

Но можетъ быть, нѣтъ никакихъ извѣстій о движеніи Хунъ-ну изъ восточной Азіи на западъ? И такое указаніе, какъ оказывается, существуетъ, хотя только въ китайскихъ лѣтописяхъ, что ничуть не ослабляетъ его важности. Въ „Историческихъ Запискахъ“ Сы-ма-цянна, подъ 49, 48 и 47 годами до Р. Х. по нашему лѣтосчисленію, записано, что незадолго предъ тѣмъ начались у Хунновъ раздоры, междоусобія; появились у нихъ два шаньюя (хапа), одинъ другому враждебные, Чжичжи и Хуханье. Первый изъ нихъ, не надѣясь, по своей слабости, вернуться на прежнія мѣста (онъ удалился раньше на сѣверъ), „пошелъ со своимъ войскомъ на западъ, чтобы утвердить западную сторону подъ своею властію... и какъ онъ получилъ извѣстіе, что китайскій дворъ помогаетъ Хуханье шаньюю и войсками и хлѣбомъ, то и остался жить въ Западной сторонѣ. Расчисляя, что онъ собственными силами не въ состояніи утвердить спокойствіе во владѣніяхъ Хунновъ, подался далѣе на западъ къ Усуню“ (земля Усуней соотвѣтствовала тогда нынѣшней Джунгаріи). Разбилъ онъ Усунцевъ, Угъ, Гянь-гунь, на сѣверѣ покорилъ Дянлинъ. „Покоривъ три царства, онъ часто посылалъ войска на Усунь, и всегда одерживалъ верхъ... Гянь-гунь отъ Шаньюевой орды (то-есть, отъ

¹⁾ См. статью г. *Иловайскаго* «Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ», въ *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* 1881 г. кн. майская, стр. 31; «Размысканія о началѣ Руси» (М. 1882), стр. 520. Къ стыду нашему у насъ все еще держится иностранная номенклатура восточныхъ названій, номенклатура, которую мы къ тому же не всегда понимаемъ, какъ это доказываетъ настоящій случай. Въ китайскомъ языкѣ нѣтъ звука *и*; европейскіе же писатели приняли передавать чрезъ *ng* твердый *и* (напр. Thang—Танъ), а однимъ *n*—мягкій *и* (напр. tian—тянь), безъ всякаго уродованія въ произношеніи.

²⁾ Венеливъ положительно отвергалъ *migratio gentium*. Надо замѣтить, что Венеливъ задался прекрасною, но въ высшей степени трудною задачею распутать путаницу, дѣйствительно происходившую въ южной Россіи въ древности. Но самъ впалъ въ страшную крайность: онъ составилъ себѣ убѣжденіе и старался убѣдить въ этомъ другихъ, что никакіе народы изъ Азіи въ Европу никогда не переселились, что Скивы, Сарматы, Массагеты, Алане, Авары, Хазары, Гуны—все это одинъ народъ, Славяне, только выступившіи на сцену не подъ собственнымъ именемъ, а подъ нарицательными именами.

главнаго стойбища Хунновъ) на западъ отстоитъ на 7000 ли (ли=1/2 версты), отъ Чешы (въ Восточномъ Туркестанѣ) на сѣверъ 5000 ли. Здѣсь Чжичжи утвердилъ свое мѣстопребываніе... Случилось, что Кангюйскій владѣтель (Кангюй соотвѣтствовало Киргизскимъ степямъ), часто стѣсняемый Усуньцами, въ совѣтѣ съ своими старѣйшинами полагалъ: что Хунны составляли большое государство, а Усунь зависѣлъ отъ нихъ ¹⁾. Теперь Чжичжи шаньюй внѣ отечества, и находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ; можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь, и здѣсь поставить его владѣтелемъ; тогда не для чего опасаться Хунновъ... Чжичжи въ походѣ потерялъ много людей, погибшихъ отъ мороза; только 3000 человекъ пришли въ Кангюй ²⁾. Затѣмъ, вслѣдствіе отдаленности, эти подавшіеся на западъ Хунны вовсе исчезаютъ изъ виду Китайцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются у нихъ и свѣдѣнія о западныхъ Хуннахъ.

Такимъ образомъ, историческіе памятники сохранили намъ фактъ движенія Хунновъ отъ границъ Китая на западъ за три слишкомъ столѣтія до появленія ихъ въ Европѣ. Дальше, Хунны, по китайскимъ извѣстіямъ, тѣснятъ народъ Да-Юети, то-есть, Великихъ Юетей, которые, какъ доказалъ Сенъ-Мартенъ, въ передачѣ европейскихъ писателей приняли форму—Массагеты, то-есть, Великіе Геты или Готы. И въ Европѣ Хунны появляются послѣ Готовъ.

Что же касается до того явленія, что побитые и обращенные въ бѣгство кочевники сами являются насильниками и поработителями народовъ, стоящихъ на пути ихъ движенія, то оно вполнѣ удовлетворительно объяснено покойнымъ В. В. Григорьевымъ въ превосходной статьѣ его „Объ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдлымъ“ ³⁾.

Но возможно ли допустить, чтобы народъ съ далекихъ окраинъ Азіи, претерпѣвая на пути своемъ въ Европу всевозможныя измѣненія этнографическія и политическія, сохранилъ въ теченіи столѣтій свое имя въ неприкосновенности? Цѣлымъ рядомъ примѣровъ можно доказать, что имя народа, пока онъ не подвергся еще политической

¹⁾ Зависимость на Востокъ часто выражается одною только данью и ничѣмъ больше.

²⁾ *О. Дакимъ*, Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, ч. I, стр. 76—80. Ср. также въ переводахъ *Camille Imbault-Huart*, Recueil de Documents sur l'Asie Centrale. Publications de l'école des langues orientales vivantes, Paris, 1881. P. 136, 139, 140.

³⁾ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1875 г. кн. мартовская.

смерти, въ большинствѣ случаевъ удерживается или же подвергается незначительному измѣненію, получая какое-нибудь приращеніе. Такъ, Юети (Геты) двигаются на западъ подъ именемъ Да-Юети; но въ Европѣ они опять Геты. Кидане вторгаются въ Восточный Туркестанъ подъ именемъ Кара-Киданей (Кара-Хатайцы у мусульманскихъ писателей). Половцевъ (Комановъ) видимъ еще подъ Китаемъ. Случается, однакожь, что прежнее названіе совершенно измѣняется: народъ, заявившій о своемъ существованіи въ Азіи подъ именемъ Жужаней, наводитъ страхъ на юго-восточную Европу подъ именемъ Аваровъ. По такое явленіе происходитъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ томъ же самомъ народѣ получаетъ первенствующее значеніе одинъ какой-нибудь родъ, который распространяетъ свое названіе на весь народъ. На этомъ основаніи надо допустить, что и у Жужаней былъ родъ Авары, которые приобрѣли такое вліяніе, что затмили народное названіе и заставили его исчезнуть.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ нѣтъ, кажется, достаточныхъ основаній сомнѣваться въ тождествѣ Хунь-ну Китайцевъ съ европейскими Гуннами.

Гораздо труднѣе опредѣлить народность Гунновъ. Мы не беремъ рѣшать этотъ вопросъ, но думаемъ, что нѣкоторые наши соображенія по сему предмету не окажутся лишними для будущихъ изслѣдователей, и можетъ быть, сколько-нибудь поспособствуютъ къ уясненію дѣла.

Прежде всего необходимо замѣтить, что въ степяхъ южной Россіи продолжались всѣ тѣ же порядки, какіе имѣли мѣсто въ Азіи. Народы, переваливъ за Волгу, не превращались еще въ Европейцевъ, не создали у себя новаго строя, не измѣняли своихъ понятій и требованій, вѣками установившихся; а все продолжалось у нихъ до поры до времени по старому. Странно, казалось бы, высказывать такую простую вещь; но приходится это сдѣлать въ виду того, что это обстоятельство никогда въ расчетъ не принимается. Оттого мы такъ мало еще и уяснили себѣ положеніе древней Россіи до образованія Русскаго государства, что не хотимъ обратиться за разрѣшеніемъ нашихъ вопросовъ и сомнѣній къ Азіи, порядки которой намъ сравнительно хорошо извѣстны.

За разрѣшенія этихъ порядковъ мы больше всѣхъ обязаны о. Іакипоу Вичурину. Обратимъ вниманіе на одинъ случай, имѣющій теперь для насъ особенное значеніе. Въ предисловіи къ своему труду, „Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, онъ заявляетъ: „Мои-

гольскій народъ получалъ названіе отъ господствующаго дома. Симъ образомъ одинъ и тотъ же народъ подъ домомъ Хунну назывался Хуннами, подъ домомъ Дўлга Дўлгасцами, подъ домомъ Монголь Монголами, и будетъ дотолѣ носить сіе названіе, пока вновь усилившійся какой-либо домъ покорить его и сообщить ему свое, другое народное, названіе. Сія два обстоятельства не были извѣстны Грекамъ. Ученые западной Европы упустили изъ виду первое, и не обратили вниманіе на послѣднее; и потому попали на ложныя понятія о народныхъ именахъ. Принимая части за цѣлое, или одинъ народъ за другой, они видѣли какой-то непонятный для нихъ приливъ и отливъ народовъ.... При сбивчивыхъ понятіяхъ о древнихъ народахъ въ Средней Азіи, представляя себѣ вещи въ превратномъ видѣ, они (европейскіе ученые) находили въ Китайской исторіи много темноты и странности тамъ, гдѣ все было ясно и естественно; и наконецъ единогласно заключили, что Китайцы, по своему невѣжеству, перепутали древнюю исторію Средней Азіи“ (т. I, стр. III-IV).

И очень просто, и очень важно это открытіе. Побѣжденный народъ долженъ принять имя побѣдителя. И это явленіе въ Азіи видимъ на каждомъ шагѣ: сильный народъ поглощаетъ, такъ-сказать, слабого сосѣда. Да и вообще въ Азіи, у кочевниковъ по крайней мѣрѣ, усиленіе происходитъ на счетъ сосѣда. Модэ-шаньюй, побивая сосѣдей, накладывалъ на нихъ имя Хунновъ и образовалъ обширную Хуннскую монархію изъ такихъ народовъ, которые Хуннамъ до этого времени не назывались (а можетъ быть, Модэ-шаньюй имя одного только рода ¹⁾ распространилъ на весь народъ). Но затѣмъ, когда могущество Хунновъ стало расшатываться отъ разныхъ причинъ, выступилъ на сцену новый народъ Сянбійцы. По этому поводу у Китайцевъ записано: „Сѣверный Шаньюй (Хунновъ) бѣжалъ, 93 г. (по Р. Х.), и Сянбійцы, пользуясь симъ обстоятельствомъ, заняли земли его. Оставшіеся роды Хунновъ, простиравшіеся до 100,000 кибитокъ, сами приняли народное названіе Сянби“ ²⁾, то-есть, Хунны съ этого времени стали называться Сянбійцами, пока и эти, въ свою очередь, не должны были принять имя новаго народа, выступившаго на историческую сцену ³⁾.

¹⁾ На Востокаѣ «родъ» самая простая и самая распространенная политическая группа.

²⁾ Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, т. I, стр. 163.

³⁾ Бывали случаи и добровольнаго подчиненія слабого народа сильному съ принятіемъ имени послѣдняго; но это дѣлалось ради матеріальныхъ выгодъ, чтобы, такъ-сказать, войти въ долю относительно военной добычи.

Приведемъ еще примѣры. По завоеваніи Монголами Туркестана, населеніе его должно было назваться Монголами. II персидскіе писатели называли Джагатайскихъ Турокъ не иначе, какъ Монголами (собственно, Моголами), даже и въ то время, когда всякая зависимость Джагатайцевъ отъ Монголовъ, вмѣстѣ съ могуществомъ послѣднихъ, уже прекратилась; такъ что, когда султанъ Бабуръ, ничего общаго, по происхожденію, съ потомками Чингиса не имѣвшій, основалъ свою имперію въ Кабулистанѣ, персидскіе историки называли ее Монгольской; а затѣмъ и европейскіе, не разобравъ дѣла, окрестили ее имперіей Великаго Могола, то-есть, Великаго Монгола. На основаніи того же требованія и великій князь Московскій, во время татарскаго ига, долженъ былъ называться „татарскимъ человѣкомъ“; а равнымъ образомъ и Славяне назвались Русскими (прилагательнымъ именемъ, а не существительнымъ; существительное Россіининъ, въ родѣ Англичанинъ, сочинено было не такъ давно), то-есть, людьми подчиненными и поданными Руси, кто бы ни была эта Русь—пришлая ли династія, или свой же родъ, получившій преобладаніе надъ прочими. Слѣдственно, имя народа сохраняется, не смотря на этнографическое измѣненіе его состава.

Возразятъ, пожалуй, что одно дѣло Азія, и другое совсѣмъ Европа. Чтѣ происходило на глазахъ Китайцевъ, того не было на виду у Византійцевъ. Но въ томъ-то и дѣло, что мы многого не можемъ объяснить у послѣднихъ потому единственно, что относимся къ нимъ съ теперешнимъ взглядомъ на современныя имъ событія, и притомъ съ вѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Такъ, не замѣчали мы до сихъ поръ, что въ настоящемъ случаѣ византійскіе писатели вполне подтверждаютъ китайскихъ. Проконій прямо говоритъ, что „Массагетовъ нынѣ называемъ Уннами“ (то-есть, Гуннами) ¹⁾. А впоследствии, когда началось вторженіе въ Европу Тюркскихъ народовъ, Гуннскіе народы сдѣлались извѣстными у византійскихъ писателей (Феофилактъ Симоката) подъ именемъ Турокъ. Замѣтимъ еще, что съ появленіемъ Гунновъ имя народа Сарматовъ пропало у Византійцевъ.

¹⁾ См. у *Венелина*, «Древніе и нынѣшніе Волгаре», стр. 163. Отмѣтимъ, кстати, какъ ошибался Венелинъ, записывая, что «ни въ какомъ уголку міра цѣлый народъ не перемѣнялъ своего имени по именамъ царствующихъ лицъ. Народное имя, однажды вошедшее въ употребленіе никакими переворотами измѣнено быть не можетъ» (Тамъ же, стр. 160). Однако, европейскіе Турки называютъ себя *Османлы*, то-есть, Османовцами, по имени султана Османа.

Но затѣмъ слѣдуетъ вотъ какое явленіе: Какъ только политическая власть народа-побѣдителя падаетъ, происходитъ возрожденіе (впрочемъ, не всегда) прежнихъ народныхъ группъ, искусственная связь которыхъ поддерживалась лишь силою. Послѣ Монголовъ, на примѣръ, опять появляются Найманы, Керaitы, Кипчаки и другіе народы, которые были поглощены Монголами. Самымъ же поразительнымъ примѣромъ такого явленія можетъ служить возрожденіе въ названіи мѣстности Джетэ, имени народа Ыда, народа, изъ той мѣстности давно уже ушедшаго. А что касается до народа-побѣдителя, то овъ въ большинствѣ случаевъ теряетъ съ своимъ паденіемъ и свое имя, какъ потеряли его и Гунны. Имя это исчезло безъ всякаго слѣда, какъ исчезли имена Сяньбійцевъ, Киданей, Джурчженей, и проч. и проч.

Остановимся пока на этихъ явленіяхъ, постоянно имѣвшихъ мѣсто въ Азіи, а равнымъ образомъ и въ степяхъ южной Россіи, при наплывѣ туда кочевыхъ ордъ, и попробуемъ теперь примѣнить эти порядки къ Гуннамъ, двинувшимся отъ предѣловъ Китая въ Европу, въ чемъ какъ, замѣтили, никакого сомнѣнія быть не можетъ.

Изъ трехъ теорій монгольской, тюркской и финской только двѣ послѣднія заслуживаютъ вниманіе, и обѣ имѣютъ вѣскіе доводы въ свою пользу ¹⁾. Не признаемъ мы въ Хуннахъ Монголовъ собственно потому, что Монголы выступили на историческую сцену позже Финскихъ и Тюркскихъ народовъ, оттого и въ Европѣ могли появиться позже послѣднихъ, какъ дѣйствительно и случилось. Движенія народовъ происходили въ правильной системѣ. Сперва валили изъ Средней Азіи въ Европу Аріицы, затѣмъ Финны, спустившись съ сѣвера, образовали нѣсколько государствъ въ Европѣ. Почти въ то же время зашевелились и Тюркскіе народы, и много послѣ — Монголы. Все движеніе ихъ основано на томъ, что на дальнемъ Востокѣ усилившейся народецъ начиналъ тѣснить своего передоваго, по направленію къ западу, сосѣда; тотъ толкалъ слѣдующаго, и такъ далѣе. Слѣды такихъ толчковъ отражались черезъ нѣсколько времени и въ Европѣ. Никакихъ перескакиваній не было и быть не могло, какъ это ясно для насъ теперь. Вотъ почему неправъ нашъ молодой славистъ г. К. Гротъ, высказавшій мысль, что Славяне могли прійти въ Европу какъ

¹⁾ Не будемъ повторять доказательства въ пользу той и другой теорій, такъ какъ они достаточно уже извѣстны.

бы въ хвостѣ Гунновъ и другихъ народовъ ¹⁾. Народы никогда не тащились одинъ за другимъ, въ этомъ-то и вся суть. И если Славяне пришли въ Европу одновременно съ Гуннами (съ чѣмъ мы однако согласиться не можемъ), то не иначе, какъ въ головѣ ихъ, гонимые Гуннами. Это обстоятельство не говоритъ еще въ пользу слабости первыхъ, какъ не говоритъ и за силу послѣднихъ. Обращенные въ бѣгство, кочевники скоро образуютъ грозную силу по отношенію къ передовымъ сосѣдямъ. Кочевники слабы, пока они не замышляютъ никакого военнаго предпріятія; но когда соберутся они въ плотную массу, никакая сила остановить ихъ не въ состояніи. Тутъ происходитъ процессъ чисто-механической.

Но затѣмъ, кто правъ: тѣ ли, которые видятъ въ Хунну Тюрковъ, или тѣ, которые считаютъ ихъ Финнами, — рѣшить при настоящихъ свѣдѣніяхъ пока еще не можемъ. Лично мы стоимъ за турцизмъ Хунновъ, и какъ-нибудь выскажемъ свои соображенія на этотъ счетъ; теперь же мы преслѣдуемъ совсѣмъ другую цѣль.

Допустимъ, что Хунну были Тюрки. Часть ихъ подалась на западъ и наложила свою руку и свое имя на тѣ народы, которые стояли имъ на пути. На пути же имъ должны были стоять народы Финскаго племени, слѣды пребыванія которыхъ уже замѣтны на Алтаѣ въ то время. Горсть Тюрковъ — кочевники никогда не были многочисленны ²⁾ — растворилась въ финской народности, какъ преобладавшей своею численностью, хотя и составила въ немъ тюркскую закваску. Если это такъ, то съ Гуннами впервые проникъ въ Европу тюркскій элементъ. Дѣло еще упрощается въ томъ случаѣ, когда сами Финны (или одинъ родъ Финскаго народа) назывался Хуннами. Во всякомъ случаѣ, кто бы ни были первоначальные Хунны, подъ ихъ именемъ ввалились въ Европу Финскіе народы ³⁾.

¹⁾ Моравія и Мадьяры въ половинѣ IX до начала X вѣка. С.-Пб. 1881. Стр. 36, 56.

²⁾ Этою малочисленностью кочевниковъ (уже доказанною) и объясняется не нужная, на нашъ взглядъ, жестокость ихъ по отношенію къ побѣжденнымъ. Г. Иловайскій возстааетъ противъ малочисленности напиравшихъ кочевниковъ («Розысканія», стр. 503 — 504), не приводитъ однако убѣдительныхъ тому доказательствъ.

³⁾ Къ социальнѣю, миграція Финскихъ народовъ очень мало разработана, и дѣло это еще довольно темное, хотя нѣкоторыя точки уже обозначены, какъ напримеръ, переселеніе Угровъ.

Населеніе южной Россіи, принявъ на себя волну Хунновъ, должно было подчиниться имъ и принять ихъ имя, имя Хупповъ. Въ томъ числѣ, конечно, и Славяне, то-есть, бѣльшая или меньшая часть ихъ. Что Славяне были покорены Гуннами, это призналъ и Шафарикъ, признавали и другіе, такъ-сказать, инстинктивно, и признавали совершенно справедливо; по этого еще мало. Главная суть въ томъ, что Славяне, какъ ни назывались бы ихъ роды до этого времени, должны были, хотя бы только временно, назваться Гуннами. Потому же, на основаніи приведеннаго выше закона, съ паденіемъ могущества Гунновъ, возродилась и независимость Славянъ, и ихъ прежнія имена.

Вотъ почему мы говоримъ, что Гунны ни въ какомъ случаѣ не были Славяне, но Славяне временно были Гуннами.

Наша теорія основана исключительно на историческихъ явленіяхъ кочевой жизни въ Азіи. Никто въ своемъ дѣлѣ не судья, но намъ кажется, что она объясняетъ просто и ясно разнорѣчивыя извѣстія о Гуннахъ у византійскихъ писателей. Правы были Амміанъ Марцелинъ и Юрнадъ (правильнѣе: Юрданъ), когда изображали въ непривлекательномъ видѣ наружность дѣйствительныхъ Гунновъ, то-есть, Финновъ; правъ былъ и Прискъ, давая совсѣмъ другое описаніе Гунновъ, такъ какъ онъ ѣхалъ землею Славянъ, то-есть, поминальныхъ Гунновъ. Онъ не имѣлъ въ виду описывать самихъ Гунновъ, а лишь то, что встрѣчалъ на пути. Славяне, по своей численности, могли играть первенствующую роль, а то и вовсе составлять главную силу въ имперіи Аттилы. Затѣмъ понятно, какъ кажется, почему Саксы именовали Славянъ Гуннами; почему Беда Достопочтенный называлъ Гуннами Западныхъ Славянъ, а Семундова Эдда вообще разумѣла подъ Гуннами Славянъ ¹⁾.

Предоставляемъ другимъ разбирать выводы г. Иловайскаго и оцѣнивать въ цѣломъ его теорію ²⁾; но не можемъ отказаться отъ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній.

¹⁾ См. «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ», въ *Русской Старинѣ* 1882 г. кн. осярзальская, стр. 727—728, «Розысканія», стр. 535. Тамъ приведены и другіе случаи.

²⁾ Когда мы писали настоящую замітку, еще не появлялся въ печати разборъ этихъ выводовъ; сдѣланный *В. Г. Васильевскимъ*. (См. въ июльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* «О мнѣніи о славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ»). Разборъ этотъ, по нашему мнѣнію, совершенно разрушаетъ теорію г. Иловайскаго.

Скучно твердить одно и то же, а все-таки приходится еще разъ повторить, что терминъ „Туранцы“ употребляемъ мы совершенно неправильно. Онъ означаетъ чистѣйшихъ Арійцевъ, какъ это доказано, а не Урало-Алтайцевъ, какъ думаетъ г. Иловайскій. Нечего, стало быть, сочинять и „Туранскую расу“¹⁾,—иначе это будетъ бессмыслица. Не прочь онъ, по видимому, производить имя Гунновъ отъ нѣмецкаго Hund—„собака“²⁾; но и эта нелѣпность—изобрѣтеніе не г. Иловайскаго: она высказана была 40 лѣтъ назадъ однимъ очень извѣстнымъ ученымъ. Затѣмъ, у нашего изслѣдователя Турки и Татары одно и то же, упоминая Турокъ, онъ иногда прибавляетъ при этомъ. „то-есть, Татары“³⁾; но Турки еще не „то-есть“ Татары, хотя послѣдніе и говорятъ языкомъ, относящимся къ семьѣ турецкихъ языковъ. Въ статьѣ, „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ“ г. Иловайскій пишетъ: „Проконій между прочимъ сообщаетъ извѣстіе, что Бѣлые Гунны имѣли бѣлую кожу и были отнюдь не безобразны. Изъ этого извѣстія можемъ заключать, что не всѣ Гунны слѣдовали обычаю безобразить свое лицо, или что Бѣлые Гунны принадлежали къ иному племени“ (стр. 723 „Разысканія“, стр. 530—531). „Бѣлые Гунны“—это византійская кличка народа несомнѣнно Арійскаго и болѣе извѣстнаго подъ именемъ Эфталитовъ (у армянскихъ и персидскихъ писателей называемаго Теталы, Геятелы и Хоалиты). Да и сами византійскіе писатели замѣчаютъ, что Эфталитовъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Гуннами; но почему они придали имъ это имя съ эпитетомъ „бѣлый“—это ихъ секретъ. Да и вообще надо замѣтить, что эпитеты „бѣлый“ и „черный“ означаютъ на Востокѣ

¹⁾ См. «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ. Стр. 726. «Разысканія», стр. 535.

²⁾ Тамъ же, стр. 728 «Разысканія», стр. 535. По этому поводу намъ припоминаются другіе этимологическіе выводы г. Иловайскаго. Такъ, въ своихъ изысканіяхъ о началѣ Руси, онъ производилъ Волынянъ отъ Аланъ посредствомъ придыханія *σ*; прибавивъ къ этому имени еще одно придыханіе *χ*, онъ получилъ Хвалисовъ. Такимъ путемъ можно, кажется доказать что угодно. Увлечшись затѣмъ, союзомъ Росовъ и Алановъ (Роксолановъ), г. Иловайскій сталъ производить отъ послѣднихъ даже Улановъ—это татарскихъ-то Оглановъ! Квадратный верхъ монгольской шапки и до сихъ поръ удержался на каскахъ уланъ. Возстава—ж совершенно справедливо—противъ этимологическихъ увлеченій въ дѣлѣ исторіи г. Иловайскій и самъ далеко не избѣгъ въ этомъ упрека. Его производство словъ отъ *bois+туръ* отъ *Хазара*, и множество другихъ,—болѣе чѣмъ странно.

³⁾ См. «Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ», стр. 28.

не цвѣтъ, а происхожденіе: „бѣлая кость“ и „черная кость“. Въ при-
мѣненіи же къ народамъ служатъ для отличія „побѣдителей“ (бѣ-
лыхъ) отъ „побѣжденныхъ“ (черныхъ).

Въ той же статьѣ г. Иловайскій сообщаетъ: „По словамъ Юрнанда, скорбь свою о смерти Аттилы Гунны между прочимъ выразили тѣмъ, что по обычаю обрили часть волосъ на головѣ и сдѣлали свои лица еще болѣе безобразными посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ. Ибо „печаль о такомъ воителѣ они хотѣли выразить не женскими стена-
ніями и слезами, а мужскою кровью“. Но подобнаго рода выраженіе печали объ умершемъ вождѣ, именно царапаніе лба и носа и бритые волосъ вокругъ головы, по свидѣтельству Геродота, существовало еще у Царскихъ Скиновъ. А эти Скины, по всѣмъ даннымъ, были племя Арійское, отнюдь не Туранское“ (стр. 718 „Разысканія“ стр. 525). Выходитъ какъ будто, что это обычай только Арійскихъ на-
родовъ и говоритъ, слѣдовательно, въ пользу славянской теоріи на-
родности Гунновъ. Но г. Иловайскій забываетъ, что подобный же
обычай существовалъ и у Турокъ, какъ самъ же онъ и описалъ его
излагая посольство Валентина къ Туркамъ (Туранцамъ, по мнѣнію
г. Иловайскаго), когда Турксантъ потребовалъ отъ Грековъ почтить
память его отца, только что скончавшагося, турецкимъ обычаемъ:
изрѣзать себѣ лица. И Валентинъ не осмѣлился не исполнить этого
требованія: онъ и его свита изрѣзали себѣ лица острыми мечей ¹⁾.
Дѣло принимаетъ теперь нѣсколько иной оттѣнокъ.

Въ своихъ „Разысканіяхъ“ (стр. 539) г. Иловайскій заявляетъ
„Кромѣ первостепенной важности для исторіи славянства вообще,
гуннскій вопросъ имѣетъ и непосредственное отношеніе къ началь-
ной Русской исторіи. Роксаланы съ помощью Гунновъ освободи-
лись отъ готской зависимости и этотъ гунно-роксаланскій союзъ
собственно далъ толчекъ къ Великому переселенію народовъ“. Не
будемъ останавливаться на томъ, что терминъ „великое переселе-
ніе“ не совсѣмъ удачный—ибо и раньше происходили переселенія не
менѣе, если только еще не болѣе „великія“,—но замѣтимъ, что за-
родышъ и причина переселеній имѣли мѣсто въ Азіи, а не въ
Европѣ, какъ было и во время такъ-называемаго великаго переселе-
нія народовъ.

Замѣтимъ еще по адресу не одного только г. Иловайскаго, а и

¹⁾ См. «Болгары и Русь на Азовскомъ Поморьѣ», въ *Ж. Мин. Нар. Пр.*
1875 г. кн. январьская. «Разысканія», стр. 255.

многихъ другихъ, что никакихъ „Царскихъ“ Скивовъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики или издатели,—что все равно) выпустилъ одну только букву ρ послѣ α (Βασιλικί вм. Βαρσιλικί), то-есть, Скивы Барзильицы. А народъ Барзильицы извѣстны намъ и по армянскимъ источникамъ ¹⁾, какъ извѣстно и названіе страны Барзилии, или Берзилии.

Мы видѣли, какое значеніе имѣетъ на Востокѣ имя народное, какія происходятъ въ немъ измѣненія, и какъ оно исчезаетъ. Но исчезаютъ только имена, а не народы. То-есть народу приходится перемѣнить свое имя. Исключенія бываютъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда небольшая горсть какого-нибудь народа попадетъ въ массу чужеземнаго элемента и тамъ заглохнетъ. Гунны, вторгнувшіеся въ Европу, не на столько были малочисленны, чтобы потеряться среди Славянъ. Наконецъ, извѣстно, что послѣ смерти Аттилы Гуннская орда отхлынула обратно за Волгу. Двигаться на востокъ еще дальше Гунны не могли, потому что вскорѣ же затѣмъ начался оттуда, съ востока, напоръ разныхъ Тюркскихъ народовъ. Слѣдовательно, они затерялись гдѣ-нибудь между Волгою и Ураломъ, но исчезнуть не могли, хотя и должны были испытать на себѣ всѣ тѣ порядки, о которыхъ говорили мы въ настоящей замѣткѣ. Прежде всего пришлось имъ выдержать напоры Печенѣговъ, Гузовъ, Половцевъ, и вслѣдствіе того, подвергнуться вліянію турцизма въ сильной степени (мы допускаемъ тюркскую закваску у Гунновъ и раньше этого напора); а вмѣстѣ съ тѣмъ и принимать имя, того народа, который накладывалъ на нихъ свою руку.

Но гдѣ же, спрашивается, сидятъ средневѣковые Гунны теперь, и подѣ какимъ именемъ они скрываются? Намъ сдается, что наши Башкиры, являются представителями и потомками нѣкогда страшныхъ Гунновъ. Народъ этотъ не Тюркскаго племени, но долго находившійся подѣ тюркскимъ давленіемъ.

Впрочемъ, мы высказываемъ это предположеніе не болѣе, какъ въ видѣ вопроса.

¹⁾ У Моисея Хоренскаго. См. также «Армянскую географію. VII вѣка по Р. Х.». Текстъ и переводъ К. И. Патканова. Сиб. 1877, стр. 36—37.

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ.

1) Отношеніе Кельтовъ къ Иберамъ и Лигурамъ.—Родство Иберовъ съ Басками и Лигурійское племя.—Кельты и область, ими занимаемая въ III в. до Р. X.—Теорія Амедея Тьерри о двойственности внутри Кельтическаго племени; наблюденія В. Эдвардса.—Сочиненіе Беллоге и разрушеніе теоріи Ам. Тьерри; единство галльскаго или кельтическаго типа.—Исслѣдованія Брока и другихъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ; взгляды англійскихъ ученыхъ на родство съ Кельтами.—2) Помощь со стороны до-исторической археологіи, труды Ал. Вертрана.—3) Нравственный характеръ Галловъ по древнимъ и новымъ писателямъ. — 4) Религія Кельтовъ и трудности ея изученія; главные боги, друиды, ихъ вѣроученіе и ихъ значеніе.—5) Основныя черты соціальнаго быта и политическаго строя.—Уровень кельтской и галльской цивилизаціи.

I.

Въ историческое время главною этнографическою основою населенія Западной Европы представляются намъ Кельты; по уже прошло то время, когда Кельты считались единственнымъ, самымъ первичнымъ и основнымъ слоемъ племеннаго состава даже въ древней Галліи. Не говоря пока о до-историческихъ расахъ, изъ-за Кельтическаго племени выступаютъ два другихъ, болѣе древнихъ, Иберійское и Лигурійское. Для большаго удобства и ясности мы начнемъ свое изученіе, имѣющее въ виду преимущественно Кельтовъ, краткимъ ознакомленіемъ съ этими двумя послѣдними племенами. Нѣкоторые признаютъ Иберовъ и Лигуровъ за одно племя, но это мнѣніе, какъ сейчасъ увидимъ, не можетъ быть признано основательнымъ.

Память объ Иберахъ сохранилась въ названіи Иберійскаго полуострова; но первоначально они населяли не одну Испанію, а также

значительную часть южной Галліи между Пиринеями и Гаронною, что видно уже изъ словъ Цезаря о населеніи Аквитаніи, подтверждаемыхъ и разъясняемыхъ извѣстіями Страбона ¹⁾.

Страбонъ замѣчаетъ (Geogr. lib. IV cap. 4), что Аквитаны отличаются отъ прочихъ жителей Галліи не только языкомъ, но тѣлосложеніемъ и учрежденіями и болѣе похожи на Иберовъ (Испанскихъ), чѣмъ на Галловъ. Поэтому древнихъ жителей южной Галліи дѣйствительно должно отнести къ Иберійскому племени. Если мы далѣе обратимся къ Фукидиду и Тациту, то найдемъ у нихъ указанія и на другія мѣстности, также населенныя Иберами. По свидѣтельству Фукидида, Сиваны, занимавшіе съ древняго времени Сицилію, были собственно Иберы, прогнанные изъ восточной Испаніи Лигурами въ незапамятныя времена. По Тациту, Иберы жили также и въ Британіи: именно къ нимъ принадлежало племя Силуровъ, обитавшее въ Валлисѣ. Тацитъ сообщаетъ и внѣшнюю характеристику ихъ, по которой у нихъ оказываются темный цвѣтъ лица и курчавые волосы; это, впрочемъ, можетъ относиться не къ первоначальному Иберійскому, а къ тогдашнему Испанскому типу (см. ниже) „*Silurum colorati vultus, torti plerumque crines et posita contra Hispania Hiberos veteres trajecisse easque sedes occupasse fidem faciunt*“ (Agr. cap. XI). Иберійское племя древнѣе Кельтскаго, и уже позднѣе Иберы въ Испаніи подверглись воздѣйствію Кельтовъ и образовали смѣшанное племя Кельтиберовъ.

Итакъ, извѣстія древнихъ говорятъ о широкомъ распространеніи Иберовъ: Что же это за племя? Какое его происхожденіе и родство? Наука уже давно пришла къ заключенію, что до настоящаго времени существуютъ остатки Иберовъ и эти остатки нужно видѣть въ Баскахъ, небольшомъ племени, живущемъ по обоямъ склонамъ Пиренеевъ, въ глубокихъ долинахъ Наварры и Беарна. Во время Меровинговъ они населяли также пнѣшнюю Гасконь, которая тогда называлась Васконьею Vasconia, — слово, очевидно, тождественное съ именемъ Басковъ. Сами себя Баски называютъ теперь Эускарійцами (*Euskal dupak*), а свой языкъ эускарою. Племя, удѣльнѣе въ небольшомъ числѣ (около 600 тыс. душъ) въ отдаленномъ

¹⁾ «*Gallia est omnis divisa in partes tres*», говорилъ Цезарь (*De bello Gallico*, lib. I cap. 1), *quarum unam incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtae nostra Galli appellantur*, и далѣе: «*Aquitania a Garumna flumine ad Pyrenaeos montes et eam partem Oceani quae est ad Hispaniam, pertinet*».

захолустьѣ Европы, очевидно, представляетъ вымирающій остатокъ, постепенно исчезающій обломокъ какой-то глубокой древности. Особое вниманіе обращаетъ на себя именно его языкъ, своимъ строеніемъ отличающійся отъ всѣхъ индо-европейскихъ, и не смотря на большія заимствованія отъ сосѣдей, въ самомъ словарѣ сохраняющій много своеобразныхъ корней. Знаменитый Вильгельмъ Гумбольдтъ первый воспользовался этимъ языкомъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о первоначальныхъ жителяхъ Испаніи ¹⁾. Изучая географическія имена мѣстностей урочищъ, горъ, рѣкъ и городовъ древней Испаніи, онъ пришелъ къ слѣдующимъ важнымъ выводамъ. Именно: 1) названія мѣстностей Пиренейскаго полуострова принадлежатъ къ языкамъ совершенно различнымъ; 2) первая группа именъ относится къ мѣстностямъ, гдѣ жили Кельты, и легко объясняется языкомъ кельтскимъ (кимрскимъ, галльскимъ) и сходствомъ географическихъ названій другихъ кельтскихъ странъ; 3) другая группа, заключающая въ себѣ большинство именъ, принадлежавшихъ областямъ, которыя, по извѣстіямъ древнихъ писателей, были заняты Иберами, легко объясняется языкомъ Басковъ, такъ что нельзя и сомнѣваться въ тождествѣ нынѣшнихъ Басковъ съ древними Иберами; 4) иберійскія имена мѣстностей, кромѣ Испаніи, встрѣчаются на югѣ Галліи, въ Италіи и на островахъ Средиземнаго моря; 5) тамъ, гдѣ встрѣчаются иберійскія названія рядомъ съ географическими именами другихъ языковъ, ихъ можно считать древнѣйшими. Вотъ выводы Гумбольдта относительно языка и національности Басковъ. Правда, что въ недавнее время они подвергнуты были большому подозрѣнію относительно ихъ основательности; скептики встрѣчаются среди мѣстныхъ знатоковъ, занимающихся спеціальнымъ изученіемъ эускарійскаго языка. Таковы Французы Bladé (*Etudes sur l'origine des Basques*. Paris, 1869) и Vinson (*La Question iberienne*. Paris, 1873); изъ нихъ послѣдній пришелъ къ тому заключенію, что еще нельзя ничего сказать опредѣленнаго ни о происхожденіи Басковъ, ни объ языкѣ Иберовъ. Нужно думать, что, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ, разысканія Гумбольдта не чужды были увлеченій и ошибокъ; но за вѣрность основнаго положенія ручаются новѣйшія изслѣдованія, принадлежащія лицамъ, обладающимъ современнымъ строгимъ и точнымъ филологическимъ методомъ. Изъ Французовъ слѣдуетъ

¹⁾ Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens mittelst der baskischen Sprache. Berlin, 1821.

назвать Люшэра (Luchaire), изъ Нѣмцевъ Филиппса, помѣщавшаго свои изслѣдованія объ Иберахъ въ изданіяхъ Вѣиской академіи наукъ (Sitzungsberichte за 1875 г.). Продѣлалъ снзнова топонимическую работу Гумбольдта со всею строгостью истиннаго этимологическаго метода, то-есть, предварительно изучивъ добросовѣстнымъ образомъ, съ одной стороны, законы образованія современной географической номенклатуры, а съ другой—фонетическіе законы и словарь языка Басковъ, Люшэръ считаетъ себя въ правѣ выставить слѣдующее положеніе: „Во время Страбона, Пливія и Птолея, на обѣихъ склонахъ Пиренеевъ, на берегахъ Гвадальквивира, Тахо и Ебро уже существовали мѣстности съ наименованіями баскскими. Почему же нельзя будетъ допускать совершенно логическаго заключенія, что область еускары была нѣкогда болѣе обширна, чѣмъ нынѣ, что она обнимала по крайней мѣрѣ двѣ трети Испаніи и значительную часть южной Галліи? Замѣтимъ, что тутъ нѣтъ рѣчи ни объ Иберахъ, ни о Лигурахъ, ни объ иберійской нумизматикѣ, а дѣло идетъ объ одномъ простомъ фактѣ лингвистики, котораго не могутъ подвергнуть подозрѣніямъ (compromettre) ни увлеченія послѣдователей Гумбольдта, ни всѣ насмѣшки его болѣе или менѣе добросовѣстныхъ противниковъ“. Чтобы характеризовать методъ Люшэра, возьмемъ одно изъ несомнѣнныхъ воренныхъ словъ еускары, наиболѣе легко узнаваемое въ древней географической номенклатурѣ. На языкѣ Басковъ *iri* (съ переходомъ въ *ili*, *igi*) значить городъ, населенное мѣсто, *berri* значить новый. Затѣмъ въ области древнихъ Иберовъ мы находимъ города: *Illi-beris* въ Руссильонѣ (теперь *Elne*), *Elimberge* въ Гаскони (теперь *Auch*), *Illiberis* въ Андалузій, Римской Бѣтикѣ (теперь Грапада). Уже этихъ трехъ именъ, ради примѣра взятыхъ въ трехъ крайнихъ оконечныхъ пунктахъ господства древнихъ Иберовъ, достаточно для того, чтобы установить фактъ распространенія языка Басковъ въ Андалузій, Гаскони и Руссильонѣ. Нужно прибавить, что Филиппсъ такихъ Иберійскихъ пов-городовъ насчиталъ до 46-ти. По своему строю языкъ Басковъ принадлежитъ къ группѣ агглютинирующихъ языковъ, то-есть, онъ не имѣетъ ни родовъ, ни флексій, а образуетъ наклоненія и другія формы присоединеніемъ особыхъ служебныхъ словъ; онъ сходенъ съ языкомъ Финновъ и краснокожихъ племенъ Америки. Пораженный этимъ сходствомъ, Гумбольдтъ пошелъ далеко въ своихъ гипотезахъ; онъ думалъ объ американскомъ происхожденіи Басковъ, и такъ какъ ему нужно было построить какой-нибудь мостъ черезъ океанъ, то онъ вспомнилъ островъ Атлантиду, о которомъ

говорилъ еще Платонъ. Съ географической точки зрѣнія, очевидно, гораздо легче провести линію отъ Басковъ къ финскому сѣверу. Если мы вышеприведенныя данныя объ языкѣ нынѣшнихъ Басковъ перенесемъ на языкъ древнихъ Иберовъ, то окажется, что Иберы говорили агглютинирующимъ языкомъ. Затѣмъ, если мы допустимъ гипотетически тожество, или только родство, между Иберами и Лигурами, то выйдетъ, что значительная часть первобытнаго населенія южной Европы говорила не арійскимъ языкомъ и по всѣмъ признакамъ была происхожденія не индо-европейскаго, а можетъ быть, финскаго, то-есть, одинаковаго съ значительнымъ числомъ народовъ, населяющихъ и до сихъ поръ сѣверо-восточную Европу и уходящихъ далеко въ глубь Азіи. Въ распространенности Финскаго племени въ Средней Европѣ въ эпоху, предшествовавшую кельто-германскому періоду, теперь никто не сомнѣвается. Невадолго до послѣдней Франко-Прусской войны, знаменитый французскій натуралистъ Катрфажъ, изучая крапеологію (науку о строеніи череповъ), доказывалъ, что населеніе Пруссіи — финскаго и славянскаго происхожденія; перенося этотъ научный выводъ на политическую почву, онъ утверждалъ, что Пруссаки не могутъ претендовать на первенствующую роль въ Германіи, чѣмъ и привелъ въ негодованіе Нѣмцевъ. А теперь самыя серьезныя и притомъ патріотическія нѣмецкія ученые, — мы имѣемъ въ виду Вирхова, и его статью о первоначальномъ населеніи Европы (*Urbewölkerung Eurgoras*, переведена на русскій языкъ въ журналѣ Знаніе) — не только признаютъ за несомнѣнное, что въ Германіи жило нѣкогда Финнское племя, но и допускаютъ ту мысль, что оно не исчезло безслѣдно для настоящаго, что финская кровь остается въ жилахъ значительной массы Тевтоновъ. И такъ, мы можемъ провести линію отъ области нынѣшнихъ Финскихъ племенъ сѣверо-восточной Европы на юго-западъ и предположить, что область зукары распространялась въ отдаленныя времена на всю западную Европу до встрѣчи на востокъ съ Финскими племенами. Противъ родства Басковъ или древнихъ Иберовъ съ Финнами, которое отсюда слѣдовало бы совершенно логически, существовали нѣкоторыя сомнѣнія, сохранившія большое значеніе и для Вирхова. Дѣло въ томъ, что Баски, хотя и говорятъ агглютинирующимъ языкомъ, фізіологически представлялись имѣющими очень мало сходнаго съ Финнами: Финны до сихъ поръ признавались ярко обозначенными брахикефалами, а Баски — долихокефалы. Въ самое послѣднее время и на основаніи недавнихъ раскопокъ кургановъ въ сѣверныхъ русскихъ губерніяхъ, въ области распространенія финно-

угорской семьи, обнаружилась ошибочность представленій объ исключительной короткоголовости Финновъ. Оказывается, что напротивъ всѣ народы угорской семьи были длинноголовы, и что даже собственно Финны не принадлежатъ къ одному типу: если финляндскіе Финны короткоголовы, то другіе — настоящіе долихокефалы (см. статью Елисеѣва: „Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна“. Журн. Мин. Нар. Просв., апрѣль и май 1881 г.).

Обратимся теперь къ Лигурамъ. Этотъ народъ въ древніи времена, равнѣе утвержденія Кельтовъ, былъ распространенъ гораздо больше, чѣмъ мы можемъ заключить по названію одного Лигурійскаго берега. Западною границею ихъ въ эпоху вполнѣ историческую была рѣка Рона, но они заходили и на правый берегъ ея и образовали въ южной Галліи (въ Лангедокѣ) смѣшанное население Иберо-Лигуровъ. Сѣвѣрною ихъ границею были Севенны и Швейцарскіе Альпы, ватѣмъ они спускались въ Италію, жили по берегамъ Лигурійскаго залива, въ вышнемъ Пьемонтѣ, по склонамъ Аппенинъ, въ Сардиніи и даже по берегамъ Адриатическаго моря. На основаніи — правда, нѣсколько темныхъ — указаній Авіэна въ его сочиненіи: „Ora maritima“¹⁾, считается достовѣрнымъ, что въ глубокой древности, ранѣе прихода Кельтовъ, они жили въ средней Галліи, около Атлантическаго океана, занимая значительныя ея пространства; указаніе Авіэна подтверждается прямымъ и вполнѣ яснымъ свидѣтельствомъ Артемидора (около 110 г. до Р. Х.), которое сохранено Стефаномъ Византійскимъ, о жительствѣ Лигуровъ въ области рѣки Луари. Одинъ новый ученый Беллогге находитъ Лигуровъ и въ Британіи. Онъ сопоставляетъ названіе Лоэгры (такъ назывались у Кельтовъ Валлиса жители юго-восточной части острова) съ именемъ Лигуровъ; а съ другой стороны, тѣхъ же Лигуровъ онъ склоненъ видѣть и въ Силурахъ Тацита, предполагая, что подъ Иберами въ данномъ мѣстѣ біографіи Агриколы пужно разумѣть испанцевъ вообще, какъ жителей извѣстной страны, называемыхъ, правда, всего чаще по имени древнихъ Иберовъ, но по крови происходившихъ отъ нихъ только частію; напротивъ какъ у Авіэна, такъ и у другихъ писателей—есть указанія, что въ самой Испаніи въ древнѣйшія времена было распространено Лигурійское населеніе (припомнимъ

¹⁾ По изслѣдованію Мюлленгофа, это сочиненіе, по крайней мѣрѣ, по своей основѣ, заимствовано изъ египетско-вареагенскаго источника, относящагося къ VI вѣку до Р. Хр.

вышеприведенное извѣстіе Эукидида); оно-то, по мнѣнію Беллоге, и сообщило Испанцамъ (Иберамъ тожъ) ихъ типъ, знакомый Тациту; вообще по мнѣнію этого ученаго, Лигуры сугь настоящая южная раса, состоявшая таже въ родствѣ съ сѣверо-африканскими Гетулами.

Нѣкоторые ученые отождествляютъ Лигуровъ съ Иберами. Существенное возраженіе противъ этого мнѣнія находится уже въ томъ, что лучшіе писатели древности никогда не смѣшиваютъ двухъ сосѣднихъ племенъ, а наоборотъ постоянно и тщательно указываютъ ихъ границы; такимъ образомъ уже древнимъ бросалась въ глаза разница между обоими народами. Съ другой стороны замѣчено, что въ мѣстахъ кореннаго лигурійскаго населенія совсѣмъ не встрѣчается названій, напоминающихъ характеристическіе еускарійскіе корни *igi* и *berri*, что указываетъ на различіе языковъ, которыми говорили оба народа. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ различенія между Иберами и Лигурами высказываются и антропологи. Они сравниваютъ фізіологическій типъ сохранившихся доселѣ немногихъ представителей Лигурійскаго племени — Сардовъ (жителей Сардиніи) съ фізіологическимъ типомъ Васковъ, остатковъ племени Иберійскаго, и оказывается существенная разница: первые — короткоголовые, вторые — длинноголовые¹⁾. Къ сожалѣнію, о языкѣ древнихъ Лигуровъ не сохранилось почти никакихъ данныхъ (Сарды говорятъ на одномъ изъ италіанскихъ нарѣчій), и вопросъ о ихъ происхожденіи остается съ этой стороны совсѣмъ не разъясненнымъ. Попытка же сблизить Лигурійскій языкъ съ Кельтскимъ посредствомъ толкованія мѣстныхъ названій собственно Лигуріи (статья Куно въ *Rheinisches Museum* 1873 г.) должна быть признана совершенно неудачною, равно какъ неудовлетворительными представляются и вообще доказательства принадлежности Лигурійскаго языка къ индо-европейскимъ (статья Arbois de Jubainville о Лигурахъ въ *Revue archéologique* 1875, вошедшія потомъ въ его вѣягу „*les premiers habitans de l'Europe*). Ко-

¹⁾ Нужно, однако, замѣтить, что натуралисты (между прочимъ Вирховъ), по видимому, не знаютъ о прямыхъ указаніяхъ на существованіе собственно Иберійскаго населенія на островахъ *Сардиніи* и *Корсики*, находящихся у древнихъ писателей (у Сенеки, относительно Корсики, у Павзанія и блаженнаго Иеронима относительно Сардиніи). Жители Сардиніи уже въ египетскихъ памятникахъ извѣстны подъ именемъ Шардана (*Schardana*), что напоминаетъ Сордоновъ Иберійское племя, жившее въ восточныхъ Пиринсахъ. Впрочемъ на сѣверо-восточномъ берегу Сардиніи обитали *Корсы*, племя дѣйствительно лигурійское (ср. *Kiepert, Lehrbuch der alten Geogr.*, p. 477).

ренное различіе между Иберами и Лигурами предостерегаетъ насъ противъ излишняго увлеченія финскою теоріею, которая на первый разъ можетъ представляться самою подходящею для объясненія неарійскихъ элементовъ въ европейскомъ населеніи. Если бы можно было съ достаточною степенью достовѣрности принять Сардовъ за потомковъ предполагаемаго первоначальнаго населенія Европы Финско-Туранскаго племени, съ сохранившимся физиологическимъ типомъ предковъ, а Басковъ за ихъ потомковъ съ сохранившимся языкомъ, но измѣнившимся подѣ влияніемъ климата и смѣшенія съ Аріядцами физиологическимъ типомъ,—то эта теорія была бы гораздо прочнѣе. Впрочемъ, мы не должны ея пугаться; нѣкоторые даже французскіе ученые признаютъ, что въ жилахъ многихъ Французовъ течетъ не арійская, а туранская кровь, и типъ бретонскій, типъ національнаго героя, Бертрана Дюгесклена — есть типъ туранскій. Большое значеніе Лигурамъ въ вопросѣ о предкахъ Французскаго народа придаетъ Беллоге. Дальнѣйшія подробности для насъ разъяснятъ послѣ того, какъ мы ближе познакомимся съ отношеніемъ къ этому вопросу новѣйшихъ изслѣдованій о Кельтахъ, къ которымъ мы и обращаемся.

Вопросъ о Кельтахъ имѣетъ обширную и выдающуюся литературу. Поэтому укажемъ сперва на главнѣйшія изслѣдованія, сообщающія намъ свѣдѣнія о расселеніи и жизни этого народа.

1) Amédée Thierry: „Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la domination romaine“. Первое изданіе. 1829 г., четвертое—1857 г. (3 тома). Это сочиненіе между прочимъ развиваетъ теорію о двойственности Галло-Кельтскаго племени. По поводу новой теоріи Тьерри

2) Вильямъ Эдвардсъ написалъ: „Письмо къ Тьерри о физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи“. Оно переведено на русскій языкъ съ примѣчаніями Т. Н. Грановскимъ (въ I томѣ его сочиненій, первоначально въ Magazinѣ Землевѣдѣнія — Фролова, томъ I).

3) Belloguet: „Ethnogenie gauloise ou mémoires critiques sur l'origine et la parenté des Cimmériens, des Cimbres, des Ombres, des Belges, des Ligures et des anciens Celtes“ (3 тома, 4-й не оконченъ за смертью автора).

4) Первою частью этого сочиненія уже имѣлъ возможность пользоваться авторъ полезнаго и дѣльнаго русскаго труда: „Галлы въ эпоху Юлія Цезаря“. Соч. А. Георгиевскаго. Москва, 1865,

5) Henri Martin: „Études d'archéologie celtique“, Paris, 1872—

вышли тотчасъ послѣ появленія сочиненія Беллогэ, — рядъ статей довольно важныхъ и интересныхъ.

6) Desjardins: „Géographie administrative et historique de la Gaule romaine“; для насъ особенно важенъ 2-й томъ, вышедшій въ 1878 году, гдѣ разбирается вопросъ этнографическій и изслѣдуется религіозный бытъ Кельтовъ.

7) Bertrand: „Archéologie Celtique et Gauloise“. 1876 года.

8) Вальрожэ (Valroger): „Les Celtes — la Gaule Celtique“. Paris. 1879 г. Рассмотрѣнiе юридическаго быта Кельтовъ. Подробный и весьма сочувственный разборъ этого сочиненія, вообще хорошаго, но не имѣющаго самостоятельнаго значенія, помѣщенъ въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“.

Изъ англійскихъ сочиненій, трактующихъ о Кельтахъ въ отношеніи къ образованію англійской національности назовемъ:

9) Pike, the English and their origin. 1866.

10) Nicholas, Pedigree of the english people. Second edition. London, 1868.

11) Elton, Origins of english history. London. 1882.

12) Новѣйшая французская обширная книга: Lemiere, Etude sur les Celtes et les Gaulois (Paris, 1881) хотя и должна быть упомянута, но большой цѣны не имѣеть.

Кельтологія имѣеть во Франціи свой спеціальный органъ — журналъ: *Revue Celtique*, правда, выходящій довольно неаккуратно, но существующій уже нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того много статей по этому предмету помѣщается въ другомъ спеціальному изданіи: *Revue archéologique*.

Приступая къ рассмотрѣнію разселенія, характера, національнаго типа, жизни и нравовъ Кельтовъ, я отправляюсь отъ сочиненія Амѣдеэ Тиерри и его взглядовъ, подкрѣпленныхъ изслѣдованіями Эдвардса. Кельты жили въ Галліи, Британіи, Дунайскихъ странахъ — Редіи и Панноніи до древняго Syngidunum (нынѣшній Бѣлградъ), въ сѣверной Италіи — Цизальпинской Галліи и Умбріи. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они проникли въ Испанію и образовали въ соединеніи съ Иберами новый смѣшанный народъ Кельтиберовъ. Наконецъ, въ III в. до Р. Х., ордою завоевателей пройдя черезъ Македонію, они пробрались въ Малую Азію и образовали тамъ государство Галатовъ, раздѣленное на три народа—Толистобоевъ (съ главнымъ городомъ Пессинунтомъ), Тектосаговъ (съ главнымъ городомъ Анкирою) и Трокмовъ. Къ этому времени, къ 280 году до Р. Х., отно-

сится наибольшее могущество Кельтскаго племени. Господствующій языкъ во всей центральной и западной Европѣ былъ тогда языкъ кельтскій; онъ непосредственно соприкасался съ областью языка греческаго. Кельтская раса владѣла тогда наибольшею частію полуострова Иберійскаго, островами Британскими и обширною территорією, которая образуетъ теперь сѣверную и центральную Францію, Бельгію и Голландію; ей принадлежали западныя провинціи и южныя области нынѣшней Австро-Венгерской имперіи. Въ 281 году они утвердились въ Малой Азіи. Въ Европѣ Кельтская раса простиралась тогда отъ Атлантическаго океана до Чернаго моря, отъ Нѣмецкаго моря до Адриатики, и отъ Британскаго острова до сосѣдства съ Гибралтарскимъ проливомъ. На берегахъ Дуная, почти на всемъ его протяженіи, на берегахъ Рейна, верхней Эльбы, Темзы, Сены, Тахо и Ебро раздавался кельтскій языкъ если не исключительно, то какъ господствующій. Географическія названія еще въ римское время сохраняли память объ этомъ широкомъ распространеніи кельтскаго языка. На самомъ крайнемъ восточномъ пунктѣ кельтскаго господства мы находимъ городъ *Noviodunum* (около нынѣшней Исаки) — на правомъ берегу Дуная, близъ Чернаго моря въ Добруджѣ. Это названіе, въ которомъ латинскаго одно только окончаніе, тождественно съ именемъ, которое носилъ во время Цезаря одинъ городъ Трансальпінской Галліи въ странѣ Эдуевъ, которое носили въ эпоху Римской имперіи *Нуон* въ Швейцаріи, одинъ городъ въ средней Франціи (*Sublains* въ Мэнѣ, *Maupenne*), одна мѣстность въ Панноніи, одна волость общины Плацепціи (*Піаченчѣ*) въ сѣверной Италіи. Въ приведенныхъ географическихъ наименованіяхъ уже содержатся нѣкоторыя указанія на единство языка, которымъ говорило широко распространенное Кельтское племя. Тѣмъ не менѣе трудно предполагать, чтобы это единство исключало всякія діалектическія отличія и уже прямо доказывало полную этнографическую однородность состава. По мнѣнію Тьерри, оно распадалось на двѣ вѣтви съ существеннымъ различіемъ и въ языкѣ, и въ внѣшнемъ характерѣ, и въ нравахъ. Тьерри развилъ теорію о двойственности Кельтской расы. Точкою отпращленія для него служатъ слова Юлія Цезаря: не говори объ Аквитанахъ, еще раньше выдѣленныхъ нами, Цезаря различаетъ среди населенія Галліи собственныхъ Галловъ, которые сами называли себя Кельтами, отъ Белговъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Марны и на востокъ отъ Сены. Страбонъ подтверждаетъ слова Цезаря, но говоритъ, что поселенія Белговъ тянутся далѣе на югъ и на юго-западъ между Сеною и Луа-

рою. Эти замѣчанія древнихъ писателей Тьерри искусно иллюстрируетъ чертами различія между обѣими вѣтвями Кельтскаго племени, замѣчаемыми и теперь. Именно онъ обращаетъ вниманіе на двойственность кельтическаго населенія Британіи и видитъ подтвержденіе своей теоріи въ раздѣленіи ихъ на жителей Валлиса, называющихъ свое нарѣчіе кимраикъ (*langue cimraïque*), а самихъ себя Кимрами, и на жителей Шотландіи и Ирландіи, носящихъ названіе Гаэловъ (*Gaidheal*). Такимъ образомъ является въ Англіи двѣ вѣтви Кельтскаго племени. Какъ же перевести это дѣленіе на древній языкъ? Жители Валлиса и Корнуаллиса, отвѣчаетъ Тьерри,—Кимры—несомнѣнно тѣ же Белги, потому что у Цезаря и у Тацита есть прямые извѣстія, что Белги жили и въ Британіи, переходя туда изъ Галліи съ цѣлю войны или присканія новыхъ земель для поселенія. Остальные британскіе Кельты, то-есть, Гаэлы, соотвѣтствуютъ собственнымъ Кельтамъ или Галламъ Цезаря и вмѣстѣ съ ними составляютъ одну семью. Если обратить вниманіе на географическое распространеніе, то подобное расположеніе племенъ можетъ нуждаться въ объясненіи, и Тьерри, на основаніи соображеній географическихъ, восстанавливаетъ длинную исторію отношеній двухъ племенъ. Кимры явились позднѣе Гаэловъ, врѣзались въ ихъ середину и раздѣлили ихъ пополамъ. Отсюда понятно, что на сѣверѣ Франціи и на югѣ Британіи, то-есть, внутри помѣстились Кимры (Белги) и стали распространяться во Франціи по направленію къ югу отъ Сены, а Гаэльское (собственно Галльское) племя, разрѣзанное пополамъ, осталось въ Шотландіи и Ирландіи и въ восточной Франціи.

Теорія Амедея Тьерри, построенная на остроумномъ, но довольно произвольномъ сопоставленіи древнихъ извѣстій съ новыми наблюденіями, нашла себѣ неожиданное подкрѣпленіе изъ сферъ естественнонаучныхъ; она привлекла вниманіе извѣстнаго натуралиста Вильяма Эдвардса и вызвала появленіе вышеозначеннаго письма къ Тьерри о фізіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеній къ исторіи. Выходя изъ совершенно новыхъ основъ, именно изъ данныхъ фізіологіи, Эдвардсъ приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Тьерри, и тѣмъ подтверждаетъ его теорію. Эдвардсъ объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной Тьерри исторіи Галловъ. Отправляясь отъ того, всѣми теперь признаваемаго принципа, что антропологическіе характеристическіе признаки наследственны, и что, не смотря на всяческія иностранныя нашествія, туземная раса, почти всегда преобладающая численно, со-

храняетъ свой типъ, онъ отыскивалъ древнихъ Галловъ въ современныхъ населеніяхъ Франціи и нашелъ два отличные другъ отъ друга типа: съ одной стороны, обратило его вниманіе населеніе великорослое, съ овальною продолговатою головою и бѣлокурыми волосами, съ другой—средняго роста съ округленною головою и черными волосами. Настоящее заставило его сдѣлать заключеніе относительно существованія и въ прошломъ двухъ вѣтвей Кельтическаго племени, изъ коихъ одна, соотвѣтствующая первому типу, должна называться, какъ у Тьерри, Кимрскою, а другая, соотвѣтствующая второму типу,—Гаэльскою. Нужно признать, что наблюденія Эдвардса, дополненные потомъ имъ самимъ, фактически совершенно правильны; они были подтверждены позднѣйшими совершенно методическими и точными изслѣдованіями знаменитаго антрополога, недавно умершаго доктора Брокá (Paul Broca). Что касается роста, перваго и наиболѣе важнаго признака, выставленнаго Эдвардсомъ, то Брокá собралъ статистическія данныя, относящіяся къ рекрутскимъ наборамъ (конскрипціи) въ разныхъ департаментахъ Франціи за много лѣтъ, при чемъ оказалось, что случаи исключенія по малорослости въ однихъ встрѣчаются гораздо чаще и больше, чѣмъ въ другихъ. На картѣ, которая на этомъ основаніи была составлена, оказались два пояса: одинъ соотвѣтствовалъ Галліи Бельгійской или Кимрійской, а другой поясъ простирался отъ Альпъ къ Бретани и заключалъ въ себѣ всю центральную массу Франціи—съ отличительнымъ признакомъ низкаго роста; по срединѣ оставались нѣсколько департаментовъ съ населеніемъ посредственнаго роста вслѣдствіе, нужно думать, смѣшенія породъ. Виѣсть съ тѣмъ получила, по видимому, новое блистательное подтвержденіе и общая доктрина историка, за исключеніемъ его частнаго мнѣнія о принадлежности Армориканцевъ (Бретонцевъ) къ Кимрской вѣтви; Арморика прямо связывалась черною краскою, означающею малорослость, съ центральною массою, и оказывалась, слѣдовательно, не принадлежащею къ великорослому поясу. Кромѣ роста, Эдвардсъ указывалъ на форму головы, чтó въ сущности у него означало форму лица, но не черепа; наблюденіе основывалось на глазомѣрномъ сравненіи наибольшей ширины лица съ разстояніемъ между двумя пунктами, опредѣляющими его длину, то-есть, между мѣстомъ, гдѣ начинаются корни волосъ, и оконечностію подбородка: лицо Гаэловъ имѣло округленную форму, лицо Кимровъ—овальную. Это наблюденіе, хотя и важное, замѣняется теперь у антропологовъ болѣе точнымъ, но за то и болѣе затруднительнымъ измѣреніемъ собственно черепа, опредѣленіемъ такъ-на-

зывается головного указателя. Двѣ величины, входящія въ него, суть: а) передне-задній діаметръ, простирающійся отъ надпереносья къ самой выдающейся назадъ точкѣ черепа, къ наибольшей затылочной точкѣ, и б) поперечникъ наибольшей ширины, получающійся, какъ показываетъ названіе, на мѣстѣ наибольшей ширины, гдѣ бы оно ни пришлось. Отношеніе наибольшей ширины къ наибольшему переднезаднему поперечнику и есть головной указатель ¹⁾; онъ изменяется у человѣческихъ расъ отъ 71, 40 (у Гренландцевъ), до 85, 63 у Лапландцевъ (для отдѣльныхъ череповъ крайности больше); на основаніи его черепа раздѣляются на длинныя и короткія, и человѣческія породы — на долихокефаловъ (длинноголовыхъ) и брахикефаловъ (короткоголовыхъ), при чемъ допускаются еще средніе термины ²⁾.

Возвращаясь къ теоріи Амедея Тьерри и наблюденіямъ Эдвардса, мы опять должны признать, что за вышеозначеннымъ исключеніемъ, она сохраняетъ свое значеніе и въ виду этой новой, болѣе научной классификаціи. Формѣ лица соотвѣтствуетъ, конечно, извѣстная форма черепа; Кимры оказываются долихокефалами, а другіе Кельты, Гаэлы Тьерри — брахикефалами. Въ первомъ своемъ мемуарѣ „О физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ“, извѣстномъ намъ по переводу Грановскаго, Эдвардсъ не говорилъ ничего о цвѣтѣ волосъ, а только о ростѣ и чертахъ лица; но въ своемъ позд-

¹⁾ Его формула такая:

$$\frac{\text{Н. шир.} \times 100}{\text{Попер. пер.-зад.}}$$

См. Антропология *Топинара* (переводъ подъ редакціею *Мечникова*. С.-Петербургъ, 1879), стр. 224, 225.

²⁾ Для обозначенія среднихъ череповъ Брокъ ввелъ терминъ среднеголовыхъ, месатикефаловъ, который теперь и принятъ всѣми. Но такъ какъ область обихъ крайнихъ группъ оказывалась на практикѣ все-таки слишкомъ обширною, то Брокъ прибавилъ еще два обозначенія: *подъ-длинноголовые*, для менѣе длинныхъ череповъ, и *подъ-короткоголовые*, для наименѣе круглыхъ череповъ. Итакъ получилось пять подраздѣленій, границы которыхъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

длинноголовые: указат.	75,00
	и меньше
подъ-длинноголовые	. 75,01 — 77,77
среднеголовые	. . . 77,78 — 80,00
подъ-короткоголовые	. 80,01 — 83,33
короткоголовые	. . . 83,31 и большіе

См. Антропология *Топинара*, стр. 226.

нѣйшемъ трудѣ о Газлахъ онъ дополнилъ свое описаніе тѣмъ, что призналъ за ними, какъ отличительный признакъ, волоса темнаго цвѣта; въ отличіе отъ другихъ Французовъ потомки Газловъ суть черноволосые брюнеты; при этомъ само собою бросалось въ глаза преобладаніе этого типа на югѣ и значительная его распространенность даже на сѣверѣ, гдѣ встрѣчается бѣлокурый типъ. Брокъ, съ своей стороны, вполне признаетъ результатъ наблюденій относительно цвѣта волосъ; онъ несомнѣнно болѣе темный въ одной области, чѣмъ въ другой.

Теорія Ам. Тьерри о двойственности Кельтской расы, подкрѣпленная естественно-научными данными со стороны Эдвардса, долго считалась неопровержимой и была во Франціи общеприятнѣмъ, можно сказать, официальнымъ ученіемъ, хотя, помимо разныхъ частныхъ недостатковъ, она оставляла совершенно неразъясненными причины такой существенной и коренной разницы между вѣтвями одного и того же племени. Возраженія противъ нея дѣлались и раньше, но только въ шестидесятыхъ годахъ она нашла себѣ сильнаго и компетентнаго противника въ лицѣ Беллоге. Въ сочиненіи, которое было уже названо, „Ethnogénie Gauloise“, онъ самымъ тщательнымъ образомъ обработалъ вопросъ о Кельтской расѣ. Первый томъ занятъ филологическими изысканіями. Онъ собралъ древне-кельтскія слова, всѣхъ около 320, разобралъ, какъ они могутъ относиться къ языкамъ двухъ кельтскихъ народовъ—Ирландскаго и Валлійскаго, и нашелъ, что они могутъ быть объяснены и тѣмъ, и другимъ, при чемъ предположеніе двойственности племенъ является совершенно излишнимъ. Второй томъ посвященъ изслѣдованію фізіологическаго типа; въ обширномъ введеніи устанавливается основной анатомической и исторической принципъ постоянства типовъ и незначительнаго вліянія вѣшной среды на измѣненія въ нихъ: типы прочно измѣняются только при скрещиваніяхъ при томъ подѣ условіемъ ихъ многократнаго и послѣдовательнаго повторенія, иначе опять возвращаются къ своей первоначальной чистотѣ; доказавъ свои основныя положенія многочисленными историческими примѣрами, собранными въ первомъ отдѣлѣ тома (Section I) Беллоге переходитъ къ спеціальному своему вопросу, рассматриваетъ самымъ внимательнымъ образомъ всѣ дошедшія до насъ данныя о вѣшнихъ признакахъ древнихъ Галловъ и Кельтовъ, заключающіяся какъ въ литературныхъ извѣстіяхъ, постоянно указывающихъ на высокой ростъ, свѣтлые волосы и большіе суровые глаза Галловъ, просега согрота,

flava caesaries, truces oculi, — такъ и въ художественныхъ памятникахъ, и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые мы передаемъ его собственными словами:

„Мы можемъ резюмировать свѣдѣнія, говоритъ онъ, — нами собранныя о предметѣ нашего изученія, и должны представлять себѣ Галловъ первыхъ временъ ихъ исторіи людьми высокаго роста, съ очень сильными членами, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, съ волосами длинными и свѣтлыми, даже красными, хриплымъ и угрожающимъ голосомъ, страшнымъ взглядомъ и глазами, вѣроятно, голубыми. Одаренные большою мускульною силою и яростною стремительностію въ нападеніи, они не имѣли энергіи, чтобы выдержать долгій бой, имъ не доставало бодрости и терпѣнія, чтобы переносить утомленіе, или тяжелый трудъ. Конечно, съ точки зрѣнія антропологической это черты болѣе или менѣе поверхностныя, мѣняющіяся съ климатомъ, пищею и успѣхами цивилизаціи. Тутъ не оказывается никакого наблюденія остеологическаго, ничего такого, что касалось бы образованія черепа или даже чертъ и пропорцій лица. Однако эти черты достаточны въ нашихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ древнихъ, для того, чтобы отличить совершенно Галловъ отъ всѣхъ южныхъ народовъ; онѣ даютъ намъ право на слѣдующія весьма важныя заключенія:

1) Физическія черты, приписываемыя древними Галльской расѣ, вездѣ однѣ и тѣ же, въ Бельгіи, какъ и въ самомъ центрѣ Трансальпийской Галліи, при подошвѣ Аппенинъ, какъ и въ Бретани и въ Галатіи — онѣ обнаруживаютъ одинъ и тотъ же типъ; исторія не знаетъ въ немъ другаго измѣненія, кромѣ постепеннаго ослабленія, прогрессъ котораго мы прослѣдили отъ юга къ сѣверу, и которое сближало все болѣе и болѣе этотъ типъ съ южными населеніями. Это единство типа, не позволяющее отличить древняго Белга отъ собственнаго Галла, сѣверныхъ Галатовъ Діодора и Сеноновъ Италіи — отъ туземцевъ центральной Галліи, и которое потомъ обнаружится изъ знакомства съ произведеніями классической скульптуры — это единство имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ полное тождество расы. Итакъ, физиологія приводитъ насъ къ тому же, какъ и филологія; еще разъ сокрушается и падаетъ знаменитый дуализмъ галльскій Амедея Тьерри, и это знаменитое различіе между Климрами и Галлами, которое Эдвардсъ доказалъ открытіемъ ихъ соотвѣтственныхъ типовъ, — различіе, которое допущено было, какъ членъ символа вѣры (*article de foi*), всѣми нашими изслѣдователями,

хотя оно не было совсѣмъ извѣстно древности относительно Белговъ и Галловъ.

2) Но за то этотъ же результатъ находится въ прямомъ противорѣчій съ главными выводами, къ которымъ приходитъ филологическое изученіе. Языкъ доказываетъ совершенное различіе Германской расы и Галльской. Между тѣмъ не возможно отрицать сходства ихъ физическихъ типовъ: необходимо признать, что физиологія сближаетъ два племени, раздѣляемныя языкомъ. Все различіе состоитъ развѣ въ томъ, что наши свѣдѣнія даютъ Германской расѣ съ ея голубыми глазами и волосами еще болѣе свѣтлыми (различіе *flavus* отъ *rutilus*, *ξανθός* отъ *κροφόος*) ростъ еще болѣе высокій и мягкость, нѣжность фибръ меньшую, такъ что она дѣлала возможнымъ перенесеніе большихъ трудовъ. Итакъ, вотъ наши Галлы, къ великой радости Моке и Гольцмана (нѣмецкіе ученые, стремившіеся доказать принадлежность Галловъ къ германскому племени) готовы превратиться въ Германцевъ.

3) Наконецъ, третій выводъ, поразительный, есть только констатированіе факта, для всѣхъ очевиднаго, то-есть, что типъ галльскій, разсматриваемый въ своей совокупности такимъ, какъ его описали древніе, совершенно исчезъ въ трехъ четвертяхъ Франціи и въ видѣ рѣдкихъ исключеній встрѣчается развѣ только въ очень ослабленномъ видѣ, то въ Бретани, то въ нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ департаментовъ. Онъ лучше сохранился въ Бельгіи, особенно во Фландріи,—но чѣмъ это объясняется? Точно также, какъ и въ Нормандіи—это вліяніе многочисленныхъ германскихъ элементовъ. Къ этимъ послѣднимъ скорѣе, чѣмъ къ галльской крови, восходятъ, вѣроятно, высокій ростъ, бѣлокурые волосы и голубые глаза большей части этихъ населеній. Какимъ образомъ, исчезъ этотъ типъ столь замѣтный, бывший предметомъ постоянныхъ наблюденій древности, такъ что, не смотря на всяческую примѣсь, преобладаютъ все-таки физическіе признаки южныхъ народовъ даже и въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи? Какія причины вызвали такое удивительное превращеніе, которое началось, впрочемъ, еще раньше римскаго завоеванія и нѣсколько разъ останавливаемое германскими поселеніями, все-таки продолжало свой начатый процессъ?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, Беллогге дополняетъ наблюденія, переходя, какъ онъ говоритъ,—изъ академіи наукъ въ академію художествъ; онъ разсматриваетъ изображенія Галловъ на разнаго рода медаляхъ съ изображеніями символическими или даже пред-

ставляющими боговъ греческихъ, римскихъ и галльскихъ, изображенія разныхъ лицъ на галльскихъ или вообще кельтскихъ монетахъ: не смотря на заимствованія и подражательность, галльскіе рѣзчики и монетчики въ концѣ концовъ придавали своимъ фигурамъ національныя черты, изъ коихъ главными являются удлиненность головы и выдающійся изгибъ носа; головы лицъ, носящихъ извѣстныя исторически галльскія имена, вообще представляютъ длинноголовый типъ. Всего любопытнѣе и всего важнѣе изображеніе Галла на знаменитой бронзовой медали, найденной въ Римини (*Aes grave aëminium*). На этой медали, найденной въ той области, гдѣ ни Тьерри, ни Эдвардсъ никакъ не предполагали присутствія Кимровъ, а допускали однихъ только чистыхъ Галловъ, изображенія представляютъ ту же характерную выпъшность, тѣ же продолговатые лица и тѣ же признаки, о которыхъ свидѣлствуютъ авторы: длинная голова, лобъ, не много подающійся назадъ, соединяется сверху прямою линіей съ носомъ безъ замѣтнаго углубленія при его началѣ; самая форма носа представляется слегка изогнутою и конецъ его круто загнутымъ въ низу, губы—верхняя и нижняя—кажутся на одной линіи вслѣдствіе усовъ; наконецъ, подбородокъ круглый и рѣзко обозначенный. Это несомнѣнно тотъ самый типъ, который Тьерри и Эдвардсъ назвали кимрскимъ, и тотъ самый типъ, который у древнихъ считался принадлежностью Галловъ, единственный засвидѣлствованный историческимъ преданіемъ кельтскій типъ.

Выводъ Беллоге о единствѣ галльскаго или кельтскаго типа долженъ быть признанъ во всей силѣ. Уже и раньше нѣкоторые ученые находили противорѣчіе между описаніями Кельтовъ у древнихъ (большой ростъ, продолговатая голова, лимфатическое сложеніе, голубые глаза, бѣлокурые волосы) съ преобладающимъ типомъ новыхъ Французовъ (малый или средній ростъ, овальная голова, жилистое сложеніе, черные глаза и волосы). Беллоге принадлежит та заслуга, что онъ выставилъ противорѣчіе наиболѣе рѣзкимъ и научнымъ образомъ. Больше $\frac{2}{3}$ Французовъ, считающихся потомками Кельтовъ, не похожи на возстановленный наукой портретъ Галла, не обнаруживаютъ кельтскаго типа. Какъ же теперь объяснить, что этотъ сѣверный, чпто галльскій типъ исчезъ, и среди Французовъ преобладаетъ типъ южный? Беллоге утверждаетъ, что нынѣшніе Французы происходятъ въ массѣ, въ большинствѣ вовсе не отъ Кельтовъ, а отъ Лигуровъ и отчасти отъ Иберовъ. Замѣченная другими и отчасти при личныхъ наблюденіяхъ длинноголовость Басковъ, и соотвѣтствующій ха-

рактерь изображеній головъ на древнихъ испанскихъ монетахъ застави Беллоге усумниться въ значительномъ вліаніи иберійскаго элемента на образованіе преобладающаго французскаго типа, и обратиться къ Лигурамъ. Лигурійская раса когда-то населяла большую часть Франціи, и хотя была подчинена политическому господству позднѣе пришедшихъ Кельтовъ, но сохранила свое преобладающее этнографическое значеніе и повліяла на исчезновеніе сѣверно-Кельтскаго типа, который сохранился только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было сильное воздѣйствіе германскаго элемента. Къ подобному же выводу приходятъ и новѣйшіе натуралисты.

Взглядъ о не арійскомъ происхожденіи Французовъ очень не понравился кельтоманамъ, и самый видный ихъ представитель, Анри Мартэнъ, немедленно возсталъ противъ мнѣнія Беллоге. Зачѣмъ вводить въ вопросъ Лигуровъ, говоритъ онъ; — это, конечно, упрощаетъ дѣло, но за то увлекаетъ въ новое заблужденіе. Галлы, если разумѣть подъ этимъ названіемъ чистыхъ Кельтовъ, не одни прибыли въ западную Европу: они увлекли съ собою многія другія арійскія племена, а можетъ быть, и туранскія орды. Между Арійскими племенами были и Славяне: тутъ Мартэнъ сопоставляетъ названіе Венетовъ, которые жили въ обѣихъ Британіяхъ и на Адриатикѣ, съ Венедами (Вендами), прибалтійскимъ племенемъ славянскаго происхожденія, предками нѣкоторыхъ нынѣшнихъ Славянскихъ племенъ, въ особенности Поляковъ, и полагаетъ, что во французскомъ языкѣ можно найти гораздо больше словъ, родственныхъ съ языкомъ славянскимъ, чѣмъ съ бакскимъ или близкимъ къ нему языкомъ. Такимъ образомъ Мартэнъ предпочитаетъ родство со Славянами родству съ Лигурами. Но высказанныя имъ мнѣнія мало основательны и прямо направлены къ тому, чтобы отбиться отъ непріятной для кельтомана мысли о присутствіи, даже преобладаніи неарійской крови въ жилахъ французской націи.

Большая часть Французовъ — едва ли потомки древнихъ Галловъ или Кельтовъ. Во Франціи восторжествовалъ лигурійскій и иберійскій, или лигуро-иберійскій типъ, который и наложилъ яркую печать своихъ физиологическихъ признаковъ на современныхъ Французовъ. Если мы будемъ примѣнять выводъ этотъ дальше, относя его къ нравственной сторонѣ Французовъ, то замѣтимъ интересное противорѣчіе съ общепринятымъ мнѣніемъ объ унаслѣдованіи Французами главныхъ основъ своего нравственнаго характера отъ древнихъ Галловъ. Принято говорить, что пылкіе Французы по нравственному

типу и темпераменту напоминаютъ Галловъ: они подвижны, непостоянны, склонны къ быстро проходящимъ увлеченіямъ (*mobilitas animi*), пристрастны къ вѣшнему блеску и военной славѣ. Еще Катонъ Старшій говорилъ, что „*Peraque Gallia duas res industriosissime persequitur: rem militarem et argute loqui*“ (*Origines*, II, frag. 2), да и теперь во Франціи высоко цѣнятся *esprit* и *gloire militaire*. Самые основательные и серьезные писатели и мыслители Франціи, напримѣръ, Токвилль и Мишле, обращаютъ вниманіе на рѣшительное сходство Французовъ съ Кельтами по характеру. Странное явленіе, если посмотрѣть на него съ точки зрѣнія Беллоге: наслѣдственности физиологической отъ Кельтовъ нѣтъ, а нравственное сходство съ ними весьма значительно. Беллоге, конечно, не могъ не замѣтить этого противорѣчія, и онъ объясняетъ его съ своей точки зрѣнія довольно любопытнымъ и остроумнымъ образомъ. Соотвѣтственно съ своею теоріею онъ находитъ, что не всѣ черты нравственной природы Французовъ сходны съ чертами характера Кельтовъ; въ нравственномъ обликѣ Француза замѣчаются черты и другихъ прародителей. Но объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже, когда займемся характеристикой Кельтскаго племени; теперь же насъ главнымъ образомъ интересуется вопросъ объ его физиологическихъ признакахъ и физическомъ сродствѣ. Въ этомъ отношеніи книга Беллоге составляетъ эпоху, его основныя положенія въ сущности остаются весьма мало измѣненными, даже и послѣ блестящихъ изслѣдованій Брокѣ. Въ главной своей статьѣ, относящейся къ нашему вопросу, „Кельтическая раса древняя и новая“, помѣщенной во французскомъ Антропологическомъ обзорѣніи ¹⁾, этотъ знаменитый ученый, по видимому, опять сближается съ воззрѣніями Тьерри и приписываетъ двойственность Кельтскаго племени, замѣняя только неудачные термины „кирскій и галльскій“ болѣе древними и подлинными „Кельты и Белги“, при чемъ первое слово принимается совершенно въ томъ же смыслѣ, какой оно имѣетъ у Цезари („Галлы, которые на своемъ языкѣ называютъ себя Кельтами“), и сверхъ того, Бретонцы (древніе Арморикацы) относятся къ Кельтамъ, а не къ Белгамъ (Киирамъ). Кельты и Белги, по воззрѣнію Брокѣ, представляютъ двѣ главныя вѣтви галльской національности; антропологическіе характеристическіе признаки обѣихъ вѣтвей и теперь еще удерживаются, болѣе или менѣе измѣненныя вслѣдствіе скрещиванія: Белги имѣли вы-

¹⁾ *Race celtique ancienne et moderne: Revue d'anthropologie*, II, 577 — 628 (ann. 1873).

сокій ростъ, волосы и глаза свѣтлаго цвѣта и долихокефальный черепъ, Кельты были болѣе низкаго роста, имѣли болѣе темный цвѣтъ волосъ и черепъ брахицефальный. Горные Оверньянцы и въ меньшей степени Нижне-Бретонцы, а также Бритты Вельса (Валлиса), сохранили типъ Кельтской расы, къ которой въ древности принадлежали ихъ предки — Арверны, Армориканцы и пр. Но дѣло въ томъ, что собственно Кельтская порода Брокъ у него самаго является уже вторичною и сложною, совсѣмъ не первоначальною. О своихъ Кельтахъ Брокъ говоритъ слѣдующее. Брахицефалія ихъ весьма трудно объяснима. Правда, что въ послѣднія времена (до-исторической) палеолитической эпохи (см. объ этомъ ниже), рядомъ съ расою или расами долихокефаловъ, которые преобладали, существовала раса, которой черепъ былъ менѣе удлинень, но впрочемъ все-таки былъ месатикефальнымъ или подъ-брахицефальнымъ; еслибъ этотъ послѣдній типъ возобладалъ въ Кельтскомъ собственно племени, то не было бы необходимости для объясненія брахицефаліи Кельтовъ прибѣгать къ предположенію чуждыхъ пришлыхъ элементомъ. Но Кельты не только подъ-брахицефалы, они рѣшительно короткоголовы, въ такой степени короткоголовы, какой мы не находимъ ни въ расахъ палеолитическихъ, ни въ неолитическихъ кладбищахъ. Итакъ, пушно допустить, что послѣ эпохи отбывнаго камня, и вѣроятно, къ концу эпохи неолитической, какая-то раса, очень короткоголовая, смѣшалась на нашей почвѣ съ туземными расами, и что она была довольно многочисленна, такъ что могла значительно измѣнить головной типъ. Этотъ фактъ можно сблизить съ другимъ, уже прежде замѣченнымъ и выставленнымъ на видъ; именно, что бронзовый періодъ и сооруженіе такъ-называемыхъ круглыхъ дольменовъ (round-barrows) начались на островѣ Британіи съ появленіемъ короткоголовой расы. Откуда пришла эта раса, имѣвшая свою родину, очевидно, не на сѣверѣ? Прежде чѣмъ ступить на берега Британіи, она должна была пройти страну, которая тогда еще не имѣла имени, и которая послѣ назвалась Галлією. Она могла проникнуть въ Галлію только со стороны Альпъ. Тамъ мы находимъ на югѣ расу Лигурійскую, которую напрасно смѣшиваютъ съ Иберійскою, и которую новѣйшія изслѣдованія позволяютъ считать очень короткоголовою ¹⁾. Потомки древнихъ Лигуровъ въ сѣверной Италіи имѣютъ головной указатель болѣе 86. Именно эта брахице-

¹⁾ Брокъ имѣетъ въ виду и прямо ссылается на изслѣдованія *Nicolucci: La stirpe ligure in Italia ne' tempi antichi e moderni. Napoli, 1864.*

фація Лигуровъ, превосходящая короткоголовость Овернъятговъ, самыхъ короткоголовыхъ представителей Кельтской расы, и можетъ служить хорошимъ объясненіемъ головнаго указателя Кельтовъ—при предполагаемомъ, конечно, смѣшеніи расъ. Итакъ, вѣроятно, что чрезъ альпійскую границу, еще ранѣе первыхъ проблесковъ исторіи, на почву Галліи проникъ этническій элементъ, сдѣлавшій Кельтовъ болѣе короткоголовыми, чѣмъ ихъ туземные предки; это былъ элементъ лигурійскій. Значеніе его въ образованіи Кельтской расы имѣетъ перво-степенную важность; именно его вліяніе обособило Кельтовъ въ отдѣльную расу, совершенно отличную, по взгляду П. Брокъ, отъ Белговъ. Родство Кельтовъ съ Белгами или Кимрами, по этому взгляду, основывается только на позднѣйшемъ фактѣ завоеванія и политическаго подчиненія, и потомъ развѣ на сходствѣ еще болѣе первоначальнаго, до-историческаго племеннаго слоя. Кельтская раса во времена Юлія Цезаря простиралась на сѣверѣ только до Сены и Марны, но очень вѣроятно, говоритъ Брокъ,—что она нѣкогда занимала, по крайней мѣрѣ, южную часть Бельгійской Галліи; пришедшая позднѣе изъ-за Рейна, сѣверная и бѣлокурая Кимрская раса отгѣснила ее на югъ, отчасти покорила, отчасти поглотила; на сѣверѣ Галліи эта послѣдняя раса осталась преобладающею въ отношеніи этнографическаго состава; на югѣ бѣлокурый типъ, не смотря на политическое господство, не былъ достаточно многолюденъ, чтобы восторжествовать надъ образовавшимся изъ разныхъ элементовъ кельтскимъ. Такъ какъ Кельтская раса Брокъ въ физиологическомъ отношеніи сложилась ранѣе прихода бѣлокураго сѣвернаго элемента, соответствующаго нашему галльскому, подъ наибольшимъ вліяніемъ Лигуровъ, то собственно говоря, онъ могъ бы гораздо правильнѣе называть свою Кельтскую расу Лигурійскою, не отступая отъ Беллого и въ терминологіи, какъ онъ сходится съ нимъ въ существѣ дѣла. Названіе короткоголовой расы, утвердившейся въ центрѣ и на югѣ Франціи, Кельтами по своему происхожденію все-таки относится къ періоду позднѣйшему, къ періоду политическаго господства здѣсь сѣверной бѣлокурой или Кимрской расы, даже въ сущности выражаетъ фактъ этого господства, относится собственно къ пришлымъ побѣдителямъ. Напрасно Брокъ даетъ выраженію Кельтъ слишкомъ тѣсное и узкое значеніе. Онъ говоритъ, что отгѣснившіе черноволосую короткоголовую расу племена сами не были Кельты ни по имени, ни по племени; по его мнѣнію, совершенно напрасно и наперекоръ исторіи и антропологіи новые ученые простираютъ на-

именованія Кельты и Кельтская раса на население острововъ Британскихъ, Бельгійской Галліи, сѣверной Германіи до Балтійскаго моря, даже до Скиѳовъ; эти народы, будто бы, никогда не носили имени Кельтовъ и не имѣли физическихъ признаковъ этой расы (I. с. pag. 625). Не говоря уже о томъ, что Брокъ забываетъ о допускаемомъ имъ самимъ проходѣ черезъ Галлію въ Британію короткоголовой Лигурійской расы, собственно и сообщившей его Кельтамъ ихъ особенный физическій характеръ, онъ недостаточно принялъ въ разчетъ филологію. Изъ всѣхъ древнихъ писателей Брокъ признаетъ только Юлія Цезаря; въ извѣстной фразѣ его: „Галлы, которые называютъ себя Кельтами“, дѣйствительно слову Кельты придано спеціальное тѣсное значеніе; но есть цѣлый рядъ другихъ писателей, начиная съ Полибія, которые употребляютъ то же выраженіе въ обширномъ смыслѣ, прилагая его, какъ къ жителямъ сѣверной Италіи, такъ и другихъ частей Европы. Очень обычное явленіе, что народныя имена имѣютъ два значенія, частное и общее. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія мнѣніе, поддерживаемое однимъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ кельтологовъ (d'Arbois de Jubainville), что выраженіе Кельтъ, встрѣчающееся въ первый разъ у Гекатея (половина VI вѣка до Р. Х.), первоначально у самихъ Кельтовъ означало только одну вѣтвь племени, жившую между Гаронною, Сеною и Марною и прежде всѣхъ другихъ сдѣлавшуюся извѣстною Грекамъ, которые утвердились по сосѣдству—въ Массиліи (Марсели), но затѣмъ, разъ проникши въ языкъ греческій, оно получило болѣе обширное значеніе, было распространено на другія вѣтви той же національности, стало у Грековъ означать всѣхъ континентальныхъ Кельтовъ, хотя въ національномъ кельтскомъ языкѣ и были особыя наименованія для отдѣльныхъ вѣтвей. Точно такимъ же образомъ названіе Волковъ, Volcae, первоначально принадлежавшее одному небольшому племени на сѣверѣ Дуная, высланному впоследствии колонію въ южную Францію, получило у другихъ сосѣдей Кельтскаго племени общее значеніе, какъ названіе цѣлой расы: Volca соответствуетъ нѣмецкому Valah и славянскому Вѣлахъ. Соответствующее слову Кельтъ, собственно латинское выраженіе „Галль“ тоже употребляется для обозначенія всѣхъ континентальныхъ Галловъ; оно прилагается не только къ Галліи и сѣверной Италіи, но и къ Галламъ (Кельтамъ) Испаніи, Германіи и восточной Европы (напримѣръ, у Тита Ливія).

Нѣтъ необходимости разбирать другія теоріи, основываемыя на

призванія двойственности внутри самаго Кельтическаго племени или же на различеніи въ немъ двухъ совершенно отличныхъ составныхъ частей. Объ одной изъ этихъ теорій, связанной съ новыми открытіями до-исторической археологіи (теорія А. Бертрана), рѣчь будетъ ниже. Что же касается весьма обширнаго новѣйшаго труда въ этой области, именно книги Лемьера (*Etude sur les Celtes et les Gaulois*), то, не смотря на всю начитанность и ученость автора, мы не можемъ призвать его результатовъ достаточно серьезными ¹⁾. Въ вопросахъ подобнаго рода нельзя теперь ограничиваться подборомъ и простымъ сопоставленіемъ извѣстій, разныхъ случайныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ, оставленныхъ намъ древними, нельзя игнорировать данныхъ, сообщаемыхъ антропологіей и археологіей, измѣненіемъ череповъ старыхъ и новыхъ, изученіемъ кургановъ и находимой въ нихъ домашней утвари и оружія. Между тѣмъ именно таковъ методъ Лемьера. Да кромѣ того, и при оцѣнкѣ литературныхъ своихъ источниковъ, при выборѣ того, что нужно принять и что отвергнуть, онъ совсѣмъ не соблюдаетъ основныхъ законовъ критики; позднее и несамостоятельное извѣстіе имѣетъ для него такую же цѣну, какъ и то, которое идетъ отъ перваго свидѣтеля или изъ глубокой древности; показаніе Діодора или даже Полибія столько же вѣситъ, сколько какое-нибудь недоразумѣніе, либо искаженіе позднѣйшаго Византійца. Съ такими приемами онъ достигаетъ слѣдующихъ результатовъ: 1) Галлы и Кельты должны быть различаемы какъ два совершенно отличныхъ племени; 2) Кельты составляли первоначальное населеніе не только нынѣшней Франціи, но также Италіи, Балканскаго полуострова и даже западной Азіи; они тождественны съ Целазгами и древними Фракійцами; 3) Галлы же соотвѣтствуютъ древнимъ Скивамъ, жителямъ сѣверной Европы, и тождественны съ Германцами. Такимъ образомъ, сверхъ всего, прочаго здѣсь подновляется давно отвергнутая теорія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Гольцмана и др.) о принадлежности Галловъ къ Германскому племени, которую въ настоящее время даже опровергать было бы излишне. (См. Георгіевскаго, *Галлы*, стр. 38, 50 и сл.). Къ различенію же Галловъ и Кельтовъ, принимаемому хотя совершенно въ другомъ смыслѣ самимъ виднымъ представителемъ французской

¹⁾ Судя по отзывамъ французской критики, не отличается научнымъ характеромъ и другая книга о томъ же предметѣ, появившаяся въ послѣднее время: *Bosc et Bonnière, Histoire nationale des Gaulois sous Vercingetorix* (Paris, 1881). Мы поэтому не считали необходимымъ и обязательнымъ ознакомленіе съ нею.

археологій, мы еще возвратимся. Однако, заранѣе скажемъ, что мы не находимъ причинъ отказаться отъ высказаннаго нами предпочтенія къ выводамъ Беллогэ и Брокъ. Такимъ образомъ мы принимаемъ: 1) что Лигурійская короткоголовая раса представляетъ основной этнической элементъ населенія южныхъ и западныхъ странъ Европы; 2) что отъ него отлично Иберійское племя, также весьма распространенное и оставившее несомнѣнные слѣды своего существованія въ Испаніи, а также въ южной Франціи до Гаронны, и 3) что Галлы и Кельты, длинноголовая и бѣлокурая сѣверная раса, явились здѣсь, то-есть, въ Галліи и Британіи, сравнительно поздними завоевателями.

То или другое рѣшеніе вопросовъ о Галлахъ и Кельтахъ имѣетъ прямое отношеніе къ проблемѣ образованія нынѣшней Британской или Англійской націи. Недавнія воззрѣнія на этотъ предметъ англійской науки характеризуются достаточно сочиненіями Пайка (Pike) и Никелеса (Nicholas), и хотя эти воззрѣнія уже являются нѣсколько отсталыми, мы считаемъ великимъ съ ними познакомиться. Кто хочетъ лучше и живѣе понимать значеніе и важность, даже смыслъ новыхъ научныхъ положеній, тотъ долженъ интересоваться ихъ отношеніемъ къ недавно господствовавшимъ старымъ теоріямъ. Оба сочиненія одинаково направлены противъ крайностей тевтонизма, противъ увлеченія историческою системою, которая единственными предками Англичанъ считаетъ Германскихъ завоевателей V вѣка, то-есть, Англовъ и Саксовъ, и предполагаетъ, что все кельтическое населеніе въ первоначальной области завоеванія подверглось всецѣлому истребленію. Опровергая это положеніе при помощи всѣхъ относящихся сюда историческихъ и филологическихъ данныхъ, которые намъ здѣсь пока не мѣсто оцѣнивать,—замѣтимъ только, что по нашему мнѣнію, въ обоихъ трудахъ они толкуются не особенно строго и научно—Пайкъ и Никелесъ выставляютъ сверхъ того одинъ и тотъ же фізіологическій аргументъ, именно—существованіе среди современнаго англійскаго населенія на островѣ двоякаго типа людей, изъ коихъ только одинъ можетъ быть признанъ чисто германскимъ или англо-саксонскимъ, а другой, отличающійся самымъ нагляднымъ образомъ по цвѣту волосъ, будетъ, конечно, кельтскимъ. Для насъ очень любопытно, по какимъ именно признакамъ опредѣляется типъ кельтской или британской. Передаемъ вкратцѣ разсужденія втораго болѣе поздняго и болѣе обстоятельнаго изслѣдователя. Если наблюдатель, отказавшись отъ изслѣдованій въ самой столицѣ Великобританіи, гдѣ господствуетъ крайняя пестрота и разнообразіе пришлыхъ и чуждыхъ элементовъ,

обратится къ центру англійскаго населенія на островѣ, изберегъ пунктъ, менѣе подверженный чуждымъ вліяніямъ, и вслѣдствіе того, сохраняющій въ большей чистотѣ основной типъ Британскаго народа, соотвѣтствующій, положимъ, времени короля Альфреда, когда Бритты и Англо-Саксы сплавились въ одну твердую массу, однимъ словомъ, если наблюдатель отправится въ Винчестеръ, Лейчестеръ или Ланкастеръ, то онъ все-таки встрѣтится съ разнообразіемъ, однако не въ такой подавляющей и смущающей степени. Онъ замѣтитъ присутствіе двухъ расъ, Кельтской и Тевтонской, съ весьма ясно выраженными главными чертами, онъ замѣтитъ гораздо большее приближеніе къ единству и однообразію, чѣмъ это было бы на лондонскихъ улицахъ, хотя, конечно, чистую Кельтскую породу съ трудомъ найдешь теперь даже въ Вэльсѣ, а равнымъ образомъ нигдѣ на Британскихъ островахъ не отыщешь чистаго Тевтона. Мы должны довольствоваться описаніями древнихъ и результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Какія же, по свидѣтельству древнихъ писателей, были отличительныя физическія черты Кельтовъ и Тевтоновъ, и какія заключенія относительно ихъ сдѣлаемы наукою? Мы можемъ ограничиться только двумя существеннѣйшими и характеристичными признаками: цвѣтомъ волосъ и формою черепа. Что касается цвѣта волосъ у Тевтоновъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по мнѣнію греческихъ и римскихъ писателей, какъ историковъ, такъ и поэтовъ, древніе Германцы были свѣтловолосы или даже имѣли золотистый и рыжій цвѣтъ волосъ; Тацитъ говоритъ о *rutilae comae*. И въ настоящее время соотвѣтствующій цвѣтъ волосъ распространенъ среди Германцевъ гораздо болѣе, чѣмъ у Англичанъ, особенно если при сравненіи мы будемъ болѣе держаться Скандинавскихъ народовъ, представляющихъ болѣе свободную отъ примѣсей Германскую расу. Теперь спрашивается: Представляетъ ли Англійскій народъ, о которомъ говорится, что онъ происходитъ отъ Германцевъ, тѣ же самыя характеристическія черты? Преобладаютъ ли среди его голубые глаза и золотистые или свѣтлые волосы? Нужно только открыть глаза, чтобы убѣдиться въ противномъ. Леди, которыя ради моды прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ туалета, чтобы сдѣлать свои волосы рыжими, свидѣтельствуютъ о противномъ. Подлинный красный цвѣтъ составляетъ такую рѣдкость, что онъ обращаетъ на себя вниманіе въ толпѣ и на улицѣ. Въ двадцати большихъ собраніяхъ англійскихъ особъ обоюга пола и всѣхъ возрастовъ (а извѣстно, что въ дѣтствѣ многіе индивидуумы бываютъ болѣе свѣтловолосы, чѣмъ

внѣдствіи) сосчитано было 20,000 человѣкъ и отмѣченъ цвѣтъ волосъ на головѣ каждого. Оказалось, что только одна четверть изъ этого числа имѣла цвѣтъ волосъ, склоняющійся къ красному или желтому. Въ Лондонѣ, на 6000 человѣкъ оказывается 4,500 черно-волосыхъ и темноволосыхъ, 1,000 съ каштановымъ цвѣтомъ волосъ (light auburn), 350 бѣлокурыхъ и 150 рыжихъ (red). Подобныя наблюденія сообщаются намъ одинаково обоими авторами (см. Pike p. 134 и сл.), съ тѣмъ прибавленіемъ, что на сѣверѣ отношеніе нѣсколько измѣняется въ пользу свѣтловолосыхъ... Исторія и естественныя науки доказываютъ, что расы если и не абсолютно неизмѣнчивы, то вообще и въ цвѣтѣ, при отсутствіи посторонней примѣси, все-таки сохраняютъ постоянство въ своихъ характеристическихъ чертахъ. Слѣдовательно на тѣхъ, кто нѣритъ въ англо-саксонское происхожденіе Англійской націи, лежитъ обязанность объяснить это странное и далекое уклоненіе отъ первоначальнаго типа. Какимъ образомъ Англичане сдѣлались темноволосою расою? Сама собою представляется гипотеза, что англо-саксонская порода видоизмѣнилась подъ вліяніемъ кельтическихъ туземцевъ Британіи. Точная наука, по видимому, подтверждаетъ эту догадку. Но можно ли быть увѣреннымъ, что Кельты и между ними древніе Бритты были темноволосы?.. Къ сожалѣнію, отвѣтъ автора на этотъ послѣдній вопросъ, имъ самимъ поставленный, неудовлетворителенъ. Доводы его въ пользу утвердительнаго отвѣта заимствованы отъ настоящаго и прошедшаго. Нынѣшніе Валлисцы, хотя и не совсѣмъ свободны отъ примѣсей, въ цвѣтѣ суть все-таки наиболѣе чистые Кельты, какіе только существуютъ въ Британіи (за исключеніемъ, конечно, Ирландіи), а они народъ темноволосый. Если вникнуть въ дѣло, то этотъ аргументъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторый *circulum in demonstrando*. Нужно доказать, что нынѣшніе темноволосые Валлисцы—есть и свѣтловолосые—происходятъ отъ Кельтовъ, что возможно только при предположеніи темноволосости послѣднихъ, и опять предположеніе, что Кельты были темноволосы, доказывается тѣмъ, что таковы въ большинствѣ Валлисцы. Далѣе, Валлисцы были темноволосыми и въ средніе вѣка, и въ римское время. Относительно среднихъ вѣковъ это доказывается часто встрѣчающимися въ народной поэзіи и въ другихъ памятникахъ прозвищами, заимствованными отъ цвѣта лица и волосъ, и при томъ чаще всего отъ чернаго и рыжаго съ большимъ преобладаніемъ перваго. Доводъ сомнительный уже въ томъ отношеніи, что прозвища даются болѣе на основаніи выдающихся, рѣже встрѣчающихся признаковъ.

Наконецъ, что всего важнѣе, относительно древности приводимыя свидѣтельства оказываются неправильно истолкованными. Каледоняне тоже считаются теперь Кельтами, а Тацитъ прямо говоритъ, что волоса у нихъ были желтоокрасные (*gutilao*); этому противопоставляется показаніе того же Тацита о темномъ цвѣтѣ волосъ у Силуровъ, но хотя Силуры по географическому положенію и могутъ считаться отчасти предками Валлисцевъ, за то съ другой стороны самимъ Тацитомъ они исключены изъ числа прочихъ народовъ Британіи и отпесены къ Иберійскому племени. Объ этихъ прочихъ пародахъ тѣмъ же Тацитомъ замѣчено, что тѣ изъ нихъ, которые по положенію ближе къ Галліи, и внѣшнимъ своимъ видамъ похожи на Галловъ. Наши англійскіе изслѣдователи полагаютъ, что въ этомъ заключаются указаніе на черноволосость древнихъ Британцевъ, то-есть, другими словами они убѣждены, что континентальныя Галлы имѣли темный цвѣтъ волосъ. На чемъ же основывается такое мнѣніе, противорѣчащее общепринятому взгляду, вышеприведеннымъ соображеніямъ Беллоге и Брокъ? Не болѣе какъ на поверхностномъ и фальшивомъ объясненіи двухъ указаній, тоже идущихъ изъ древности, объясненія, принадлежащемъ первоначально одному ученому французскому доктору и пропикшемъ и въ нашу литературу (см. Сочиненія Ешевскаго, I, 75. 76). Римскія дамы временъ имперіи смотрѣли съ презрѣніемъ на свои великолѣпныя черныя волосы и за дорогую цѣну доставали себѣ для париковъ бѣлокурныя изъ Германіи: мы будто бы не видимъ, чтобы промышленники обращались для этого въ Галлію. Но именно въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Тертуліанъ обличаетъ римскихъ модницъ и для своего времени подтверждаетъ намъ любопытный фактъ, Галлія сопоставлена съ Германіей, какъ страна бѣлокурныхъ волосъ¹⁾; а римскіе поэты, какъ Проперцій (III, 18⁶), о выкрашенныхъ въ свѣтлую краску волосахъ прямо говорятъ, что постыдно видѣть белгійскій цвѣтъ (*belgicus color*) на римскомъ лицѣ и безумно подражать крашенымъ Бриттамъ. Если Проперцій разумѣетъ тутъ не природный цвѣтъ лица и волосъ, а знаменитое Галльское мыло (*sapo, savon*), то-есть, приготовляемую изъ козлинаго жира и буковаго пепла краску для окрашиванія волосъ, то все-таки Тибуллъ

¹⁾ De cultu femin II p. 157. Video quasdam capillum croco vertere. Pudet eas etiam nationis quod non Germaniae atque Galliae sint procreatae. Ita jam capillos transferunt... Въ другомъ мѣстѣ (pag. 178) Тертуліанъ, правда, говоритъ объ одной только Британіи. Ср. *Belloquet* II, 83. Ср. *Elton* p. 116, 241.

говорить о flavi Carnuti (Eleg. 1, 7) и Луканъ о flavi Britannii (III, 78). Еще менѣ заслуживаютъ вниманія подробности, сообщаемыя Светоніемъ о триумфѣ Калигулы, тѣмъ болѣе что изъ нихъ, можетъ быть вовсе и не слѣдуетъ тѣхъ заключеній, которыя выносятся нашими учеными, англійскими и русскими ¹⁾. Громадное большинство свидѣтельствъ во всякомъ случаѣ утверждаетъ противное, то есть, свѣтлый и блѣдный цвѣтъ волосъ у собственныхъ Галловъ или Кельтовъ: Flava Gallia sine fevox, говоритъ одинъ въ стихахъ; celsioris staturae et candidi раene Galli sunt omnes et rutili, пишетъ другой въ прозѣ, и т. д. Итакъ, съ точки зрѣнія первой основной характеристической черты родство черноволосаго англійскаго типа съ кельтскимъ, утверждаемое прежними англійскими изслѣдователями, представляется намъ не доказаннымъ. Что касается втораго признака, формы черепа, то авторъ „Родословной Англичанъ“ (the Pedigree of the English) утверждаетъ, ссылаясь на Ретціуса, что преобладающая форма головы въ Вельсѣ, въ Ирландіи и въ кельто-англійскихъ округахъ Кумберленда, Сомерсета, Девона и Корнуэльса, есть длинноовальная, и что такой же типъ господствуетъ и вообще въ Англіи— съ нѣкоторыми исключеніями отъ присутствія позднѣйшей датской и Норманской примѣси. Будучи, вообще говоря, короче древняго кельтскаго, и можетъ быть, въ цѣломъ нѣсколько короче новѣйшаго

¹⁾ Светоній разказываетъ, что Калигула, не рѣшившись пуститься въ опасный походъ въ самую Германію, а вѣсть съ тѣмъ желаніемъ получить триумфъ за мнимыя свои побѣды надъ Германцами, которыхъ онъ не видалъ въ глаза, придумалъ слѣдующее средство, чтобы обмануть римское народонаселеніе: Онъ велѣлъ набрать въ Галліи высокорослыхъ Галловъ и выкрасить имъ волосы въ рыжеватый цвѣтъ, чтобы придать имъ сходство съ Германцами и выдать ихъ за германскихъ пѣвниковъ... Если Галлы не отличались высокимъ ростомъ, и если нужно было красить имъ волосы, то они были малорослы и темноволосы... *Епископъ* I, 75. Но, впервые можетъ быть, британская экспедиція Калигулы вовсе не была такимъ фарсомъ, какимъ она представлена у Светонія, и сообщенныя подробности суть только отголосокъ городскихъ сплетенъ и зловѣчій, въ чемъ Римъ не уступалъ никакой другой столицѣ; Светоній же, какъ извѣстно, былъ большой до нихъ охотникъ (Ср. *Merival*, History of the Romans under the empire V, 449); и повторыхъ предположая даже полную достовѣрность извѣстія, слѣдовало бы для согласенія его съ другими свидѣтельствами о ростѣ и цвѣтѣ волосъ Галловъ понимать дѣло такъ, что Калигула выбиралъ изъ среды Галловъ высокорослыхъ для достиженія *полнаго* сходства съ Германцами, которые все-таки въ общемъ была еще болѣе высоки ростомъ, чѣмъ Галлы, и равнымъ образомъ для *довершенія* сходства, красилъ волосы свѣтлорослыхъ Галловъ въ желто-красный цвѣтъ.

вельскаго (валлійскаго), англійскій черепъ весьма мало похожъ на четверугольную (square), широкую или же сферическую (globular) скандинавскую или германскую голову. Относительно германскаго черепа можно принять за несомнѣнное слѣдующія два положенія: 1) типическій германскій черепъ широкій и коротко-овальный, и 2) существуетъ рѣшительное сходство между старыми англо-саксонскими черепами, находимыми на англійскихъ кладбищахъ, и типическимъ германскимъ черепомъ. Спрашивается: какъ же объяснить, что потомки квадратноголовыхъ воинственныхъ Саксовъ не только въ переносномъ смыслѣ, но и въ дѣйствительномъ физическомъ значеніи этого выраженія, сдѣлались „длинноголовыми“ (long-headed)? Мы рѣшаемся утверждать, заключаетъ Nicholas, на основаніи научныхъ (то-есть, естественно-научныхъ) и археологическихъ открытій, что они получили черепа кельтскаго типа вслѣдствіе смѣшенія и слянія (amalgamation) съ Кельтскою расой. Однако, мы знаемъ, что собственно галльскій или кельтскій типъ тоже былъ длинноголовый, и что брахикефальность первоначально принадлежала другому племени. Съ точки зрѣнія втораго основнаго признака происхожденія преобладающаго англійскаго типа отъ Кельтовъ представляется сомнительнымъ почти въ такой же степени, какъ и его происхожденіе отъ Англо-Саксовъ, или вообще отъ Германскихъ племенъ. Ясно, что помимо Кельтовъ и Германцевъ необходимо предположить вліяніе еще другихъ основныхъ элементовъ. Новѣйшіе англійскіе ученые обращаются къ Иберійскому племени, которое мы, слѣдуя Беллогу и Бровѣ, могли бы замѣнить Лигурійскимъ, а затѣмъ къ остаткамъ расъ до-историческихъ (Dawkins, *Early man in Britain*. London, 1880), или же къ финскимъ породамъ и равнымъ образомъ къ до-историческимъ расамъ, оставившимъ въ Британіи многочисленныя и разнообразныя слѣды своей каменной цивилизаціи (Елтонъ). Здѣсь опять выступаетъ на сцену до-историческая археологія, съ основными выводами которой, очевидно, и намъ необходимо хотя отчасти познакомиться.

II.

Вопросъ объ отношеніи Кельтовъ къ предшествовавшему имъ населенію другихъ расъ не остановился на послѣднихъ выводахъ Беллога. Оказалось, что рѣшить задачу о первобытныхъ обитателяхъ Европы не такъ-то легко, что при этомъ обнаруживается такая масса неясныхъ пунктовъ, что необходимо дѣлается предположить суще-

ствование нѣсколькихъ самостоятельныхъ, послѣдовательныхъ слоевъ населенія. Въ этой области изученія жизни народовъ Европы въ давноминувшія времена сѣдой древности на помощь филологіи и исторіи должна прійти наука, недавно еще родившаяся, юная, но внесшая уже въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній весьма цѣнные вклады: мы говоримъ о до-исторической археологіи, имѣющей своимъ предметомъ изученіе вещественныхъ памятниковъ исторической жизни народовъ съ цѣлію опредѣленія ихъ быта въ древнѣйшія времена. Изслѣдуя остатки жизни исчезнувшихъ, или переродившихся народовъ, археологія различаетъ три главныя періода или вѣка первобытной культуры человѣчества:

I) Каменный вѣкъ, предшествовавшій переселенію въ Европу Арійскихъ народовъ,—вѣкъ, когда люди не знали еще употребленія металловъ, а дѣлали себѣ оружіе защиты и орудія для домашняго обихода изъ камня и кости, то-есть, изъ самаго простаго и прочнаго матеріала, для обдѣлки котораго не требуется ни большаго искусства, ни знаній; этотъ обширный періодъ до-исторической жизни Европы распадается на два отдѣла: 1) самый древній — періодъ нешлифованныхъ или отбивныхъ орудій, и 2) позднѣйшій — періодъ шлифованныхъ орудій, при чемъ нужно замѣтить, что послѣднее выраженіе очень не точно, такъ какъ первоначальный способъ добыванія орудій посредствомъ простаго отбиванія и оббиванія употреблялся еще долго послѣ того, какъ появились первые шлифованные топоры; теперь чаще употребляютъ выраженія: палеолитическая и неолитическая эпоха. Остатки каменнаго вѣка находятя во множествѣ на прострѣствѣ большей части Европы: во Франціи, по южнымъ берегамъ Балтійскаго моря, въ Швейцаріи, Даніи, южной Швеціи и Россіи, а также въ Италіи и Испаніи.

II) Бронзовый вѣкъ, когда люди выковывали уже себѣ оружіе и орудія изъ сплава олова и мѣди.

Наконецъ, III) Желѣзный вѣкъ, наиболѣе близкій къ историческимъ временамъ (Арійцы, переселяясь въ Европу, уже знали употребленіе желѣза).

Во Франціи археологіи открыто блестящее поле для изслѣдованій; тамъ осталось много памятниковъ невѣрно называвшихся друидическими, памятниковъ, которые съ успѣхомъ изучаются археологами и проливаютъ новый свѣтъ на давнюю исторію Европы. Памятники эти принято въ наукѣ называть общимъ именемъ мегалитическихъ, такъ какъ они сдѣланы изъ огромныхъ дѣйстви-

ныхъ камней (piérges vicrges) и обломковъ скалъ, не отдѣлянныхъ человѣческою рукою, а оставленныхъ въ томъ видѣ, какъ они находились въ природѣ. Смотря по формѣ и расположенію мегалитическіе памятники дѣлятся на вѣскольکو группъ: 1) Менгиры (menhir)—огромные камни, помѣщенные на землѣ въ стоячемъ положеніи (piérges levées) и расположенные иногда такъ, что могутъ вращаться. 2) Дольмены (dolmen) — большія цѣльныя каменные плиты, сложенные такъ, что образуютъ подобіе стола или пещеры (4 камня) и гроты, иногда солидныхъ размѣровъ. Англичане отбрасываютъ названіе менгиръ и называютъ оба эти вида дольменами, но мы будемъ держаться французской терминологіи. 3) Кромлехи (Cromlech)—группы огромныхъ камней, расположенныхъ массами, кругами, длинными галереями, которыя тлнутся въ глубинѣ долинъ и производятъ оригинальное, волнующее впечатлѣніе. 4) Къ числу этихъ остатковъ древнѣйшихъ вѣковъ нужно отнести еще особый видъ памятниковъ — курганы, земляныя насыпи особаго вида безъ присутствія на нихъ мегалитическихъ памятниковъ. Такимъ образомъ матеріала для археологіи является много, ученые усердно принялись за его изученіе и пришли къ весьма важнымъ соображеніямъ. Они поколебали прежде широко господствовавшее убѣжденіе, что мегалитическіе памятники представляютъ остатки жизни Кельтскаго племени. Оказалось, что подобнаго рода памятники встрѣчаются не только въ Кельтическихъ земляхъ—Франціи и Великобританіи, но и въ Дакіи, южной Швеціи—въ большомъ количествѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ сѣверной и южной Америкѣ и Азіи, напримѣръ, въ Палестинѣ, на восточномъ берегу Индустана (Мартенъ говоритъ даже, что одно племя въ Индустанѣ до сихъ поръ возводитъ такіа сооружения), у подошвы Гималаевъ и центральной Татаріи¹⁾. Вслѣдствіе того въ настоящее время пришли къ заключенію, что это памятники не кельтическіе, а представляютъ остатокъ загадочной расы, прежде населявшей Европу. Съ другой стороны, послѣ многихъ споровъ водворилось общее убѣжденіе, что въ дольменахъ нужно видѣть не что другое, какъ именно погребальныя памятники.

¹⁾ Нужно однако замѣтить, что памятники, находящіеся въ Палестинѣ, при сходствѣ, представляютъ и значительное различіе отъ европейскихъ мегалитическихъ памятниковъ: дольмены европейскіе—погребальныя памятники, дольмены палестинскіе—алтари или собственно памятники, поставленные для воспоминавія о какомъ-нибудь событіи (monuments).

Хотя они и представляютъ извѣстное разнообразіе въ разныхъ странахъ, но, какъ уже сказано, всегда имѣютъ одинъ и тотъ же основной планъ: это всегда—большія каменныя плиты, покоющіяся на подставкахъ обыкновенно такого же матеріала и служащія кровомъ иногда для одной комнаты, иногда для нѣсколькихъ погребальныхъ камеръ; довольно часто — узкій корридоръ, построенный тѣмъ же способомъ, предшествуетъ этимъ помѣщеніямъ смертныхъ остатковъ. Что касается кромлеховъ и стоячихъ камней, то это суть остатки мегалитическихъ сооружений такого же назначенія, скрывавшіеся первоначально внутри кургановъ и потомъ обнаженные отъ покрывавшей ихъ земляной насыпи,—такъ какъ извѣстно, что курганы въ прежнія времена часто были тревожимы искателями кладовъ, а иногда даже просто фермерами, уносившими землю на свои поля, или добывавшими селитру. Со времени появленія книги Беллоге (въ 60-хъ годахъ) и до нашихъ дней во Франціи усиленно занимаются изслѣдованіемъ мегалитическихъ памятниковъ, и во главѣ французскихъ ученыхъ, изучающихъ до-историческую древность, стоитъ авторъ обозначеннаго выше сборника статей по „Археологін Кельтской и Галльской“, Александръ Бертранъ, издающій также журналъ, специально посвященный вопросамъ археологін *Revue archéologique* и завѣдующій специальнымъ археологическимъ музеемъ кельтскихъ древностей. Результаты своихъ и чужихъ изслѣдованій онъ самъ изложилъ, кромѣ своей книги, въ одной небольшой и общедоступной статьѣ, которая и послужитъ точкою отсчета для нашихъ разсужденій. Опираясь на археологическія данныя, Бертранъ принимаетъ не только двойственность первоначальнаго Кельтскаго племени, отличая Кельтовъ отъ Галловъ, но и два періода, принадлежащія, по видимому, двумъ его отдѣльнымъ вѣтвямъ. Приводимъ его собственныя слова, заимствованныя изъ упомянутой статьи, помѣщенной имъ въ августовскомъ номерѣ *Revue archéologique* 1878 г. (Alex. Bertrand: „Conférence sur les populations primitives de la Gaule“):

„Если провести линію отъ Марсели къ Брюсселю черезъ Дижонъ, то мы получимъ приблизительно вѣрную границу двухъ археологическихъ областей и двухъ цивилизацій. На востокѣ безраздѣльно царствуютъ курганы. Здѣсь же встрѣчаются большія кладбища, въ которыхъ трупы зарывали въ землю. На западѣ дольмены господствуютъ въ поразительной пропорціи. Очевидно, что такое рѣзкое разграниченіе памятниковъ, разнообразныхъ по своей формѣ,

но одинаковыхъ по назначенію, не можетъ быть дѣломъ случая. Мы должны видѣть въ немъ слѣды двухъ народностей, существенно отличавшихся другъ отъ друга нравами, обычаями, а вѣроятно, и происхожденіемъ.

„Начнемъ съ запада. Что находимъ мы подъ этими плитами, нагроможденными въ видѣ компаты? Смертные остатки предковъ, трупы въ спячемъ или лежачемъ положеніи (accroupis ou allongés). Около головы, въ ногахъ скелета, вокругъ него разбросана глиняная посуда (poteries), обдѣланные кремни, острія стрѣлъ, топоры полированного камня, иногда очень твердаго, иногда же сдѣланные изъ драгоценнаго восточнаго нефрита (о нефритѣ шла рѣчь на Тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ 1881 года). Иногда здѣсь же встрѣчаются жемчужныя ожерелья, особый видъ бирюзы (callaïs) и ожерелья изъ янтара, что можетъ служить доказательствомъ распространенности торговыхъ сношеній этихъ народовъ: извѣстно, что callaïs добывается съ Кавказа, а янтарь изъ Балтійскаго моря. Между этими каменными предметами иногда, но очень рѣдко, попадаются вещи изъ бронзы и золота; мы находимся въ присутствіи цивилизаціи, по справедливости заслуживающей названіе каменной.

„Обратимся теперь къ свайнымъ постройкамъ Цюрихскаго и Констанцскаго озеръ, гдѣ преобладаютъ тѣ же каменные орудія которыя мы видѣли въ дольменахъ. На ряду съ каменными топорами въ такомъ же пластѣ земли, какъ и во Франціи, здѣсь встрѣчаемъ мы остатки животныхъ, спутниковъ человѣка, остатки обуглившихся растеній, зерна и т. п. Эти растенія, эти зерна, эти остатки животныхъ показываютъ намъ, что человѣкъ каменной цивилизаціи держалъ возлѣ себя собаку, лошадь, свинью, козу, овцу, быка, то-есть, главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, что онъ охотился на ланя, косяку, оленя, кабана, лисицу, каменнаго барана и т. п. Глиняные сосуды, упавшіе въ воду въ ту эпоху, содержатъ въ себѣ пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ, чечевицу, вишни, яблоки, сѣмена земляники и малины. Итакъ, земля вокругъ озеръ обрабатывалась; люди каменной цивилизаціи были земледѣльцами и пастухами, выдѣлывали себѣ ткани изъ льна и коры, но вмѣстѣ съ тѣмъ не презирали и охоты.

„Перейдемъ теперь на востокъ, въ область кургановъ. Здѣсь, на ряду съ особымъ способомъ погребенія, мы встрѣчаемъ и новый родъ цивилизаціи, новую утварь. Каменный топоръ, ожерелье изъ callaïs и янтара исчезаютъ; вмѣсто ихъ мы находимъ бронзовые и желѣзные мечи, пояса и нагрудники изъ бронзы, остатки дере-

выпныхъ щитовъ, отдѣланныхъ бронзой и желѣзомъ, какъ и ожерелья изъ бронзы, желѣза и золота, ручные и ножные браслеты изъ тѣхъ же металловъ, булавки и шпильки, обломки колесницъ, иногда богато украшенные. Мы находимся въ области цивилизаціи индо-европейской.

„Важность этихъ фактовъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, очевидна для каждаго. Мы можемъ считать вполне вѣрными слѣдующіе выводы изъ вышеупомянутыхъ археологическихъ данныхъ: въ началѣ, и преимущественно, на западѣ, Галлію населяла группа народностей, достигшихъ извѣстной степени культуры, хотя еще не успѣвшихъ разрабатывать металлы. Впослѣдствіи, въ историческое время, явилась другая группа, обрабатывающая бронзу, желѣзо и золото; эта вторая группа сначала исключительно занимала восточную часть Франціи. Обѣ эти цивилизаціи существовали другъ подлѣ друга и имѣли происхожденіе различное; мы не можемъ никакъ считать вторую наслѣдницею первой.

„Эти два пояса, эти двѣ столь различныя археологическія области продолжаютъ и внѣ Франціи. Мегалитическіе памятники тянутся во всѣхъ сѣверныхъ странахъ: Ирландія, Англія, Шотландія, Данія, Швеція и южные берега Балтійскаго моря въ большомъ количествѣ обладаютъ ими. Курганы, аналогичные французскимъ, тянутся по ту сторону Рейна и занимаютъ часть древней Германіи, гдѣ никогда не встрѣчалось ни одного мегалитическаго памятника. И какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, эти два пояса сохраняютъ свое очевидное, рѣзкое различіе.

„Нѣтъ сомнѣній, что цивилизація желѣза и бронзы, эпоха кургановъ, есть эпоха галльская. Принесли ее съ собою и водворили въ самомъ сердцѣ Европы тѣ Галлы, или Галаты, которые въ III и IV вѣкахъ до-христіанской эры явились съ востока и вторглись въ Италію. Откройте Полибія, Страбона, Діодора, Тита Ливія, Плутарха, посмотрите на галльскія монеты, на статуи и памятники. Эти мечи и продолговатые деревянные щиты, эти каски и копыя, нагрудники изъ бронзы и золотые браслеты, находимые въ нашихъ курганахъ, не были ли они описаны древними авторами, какъ вооруженіе Галловъ? Итакъ, наши курганы суть курганы галльскіе“.

Бертранъ опредѣлялъ даже время, когда этотъ народъ, погребавшій своихъ умершихъ въ курганахъ, утвердился въ означенной выше странѣ. Въ курганахъ Вейссенкирхена (Weissenkirchen) на Саппѣ подлѣ Трира, Роденбаха (Rodenbach) и Дуркгейма (Dürkheim) близъ

Шнейера, говоритъ онъ, — найдены между прочими вещами, этрусскія вазы, золотыя драгоцѣнности артистической работы, на которую, конечно, сами варвары не были способны, словомъ, предметы, которые знатоками весьма легко отличаются отъ подобныхъ же произведеній мѣстнаго происхожденія. Эти вазы, эти драгоцѣнные золотые кольца и браслеты относятся къ періоду этрусскаго искусства III и преимущественно IV столѣтія до Р. Х., почти ко времени нашествія Галловъ на Римъ. Однако, наиболѣе архаическіе памятники классическаго искусства, паходимые въ курганахъ, принадлежатъ именно правому берегу Рейна, такъ что къ прежнимъ двумъ положеніямъ археологіи заставляеть присоединить еще третье, именно — что Галлы, прежде своего утвержденія въ Галліи, жили нѣкоторое время на востокъ отъ Рейна, и что нашествіе галльское, подобно другимъ, шло съ востока, двигалось со стороны Германіи. Предъ наступленіемъ седьмаго вѣка, по мнѣнію Бертрава, Галаты, вооруженные большимъ желѣзнымъ мечемъ, подвигаются впередъ малыми переходами. Въ IV вѣкѣ они вполне овладѣли восточными странами Галліи, а нѣкоторыя группы ихъ достигли Буржа и даже Дижона, иныя же заняли Овернь. Антропологія отчасти подтверждаетъ выводы археологіи о направленіи такого пути. Изученіе кургановъ Бургони показало, что скелеты, въ нихъ сохранившіеся, не имѣютъ никакого сходства по своимъ формамъ и пропорціональнымъ отношеніямъ со скелетами расъ, прежде обитавшихъ въ Галліи (раса дольменовъ, раса пещерная), а напротивъ тождественны со скелетами Германскихъ народовъ, во множествѣ выкапываемыми въ могилахъ Меровингскаго періода. Фактъ близкаго сходства между Галльскою или Кельтскаго расою, извѣстный уже древнимъ и ясно выставленный на видъ Страбономъ, находятъ здѣсь новое себѣ выраженіе, и въ то же время онъ свидѣтельствуетъ о направленіи, въ какомъ слѣдуетъ отыскивать родину Галловъ.

Но если цивилизація желѣза принадлежитъ Галламъ, то какому же племени принадлежитъ довольно развитая культура каменнаго неолитическаго періода съ дольменами и другими мегалитическими памятниками? Отвѣчая совершенно положительно и очень убѣдительно на вопросъ о представителяхъ желѣза, современная археологія не въ состояніи представить такого же точнаго и опредѣленнаго отвѣта на другой, сейчасъ нами выраженный, хотя она уже успѣла привести эпоху дольменовъ въ весьма близкое отношеніе и сосѣдство къ области чисто-исторической, поставитъ ту эпоху подъ ея почти полное освѣщеніе. Берт-

рапъ отчасти затруднилъ себя своею теоріей различія Кельтовъ отъ Галловъ, правда, очень пужною при его представленіи о позднемъ сравнительно приходѣ посителей желѣза въ Галлію, тогда какъ Греками гораздо рапѣ IV вѣка было замѣчено присутствіе Кельтовъ въ южной части страны, въ окрестностяхъ Марсели, и даже въ Испаніи. Такъ какъ этому второму, рапѣ пришедшему племени приходилось удѣлить какую-нибудь соотвѣтствующую эпоху, то Бертрапъ, болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовавшій къ устраненію прежде господствовавшаго возрѣвія о принадлежности дольменовъ Кельтамъ или ихъ друидамъ (см. его статью: *Les monuments dits celtiques* въ *Archéologie*, pag. 131—164), впоследствии склонялся нѣкоторое время на большія уступки своимъ противникамъ, защищавшимъ старое мнѣніе (Henri Martin, *De l'origine des monuments mégalithiques: Etudes*, p. 224—267). Съ самаго начала приисавъ постройку дольменовъ неизвѣстному племени, названному Гиперборейскимъ только для обозначенія его прибытія съ сѣвера, Бертрапъ готовъ былъ признать въ своихъ Гиперборейцахъ передовые отряды Кельтскаго племени, приписать Кельтамъ, предшественникамъ родственныхъ Галловъ, возведеніе мегалитическихъ памятниковъ вообще и въ частности самыхъ дольменовъ ¹⁾. Однако въ настоящее время онъ возвратился къ результатамъ своихъ первоначальныхъ изслѣдованій, поддерживая все-таки различіе между Галлами и Кельтами, но приписывая дольмены какому-то третьему племени. Мы не будемъ долго останавливаться на этнографическомъ различіи, подлежащемъ замѣнить предложенное Цезаремъ дѣленіе обитателей Галліи (за исключеніемъ Аквитаніи) на Белговъ и собственныхъ Галловъ, или — что тоже — Кельтовъ, при чемъ Белги, о которыхъ Бертрапъ не говоритъ ничего опредѣленнаго, по его мысли будутъ, конечно, относиться къ его Галламъ. (Ремп, несомиѣнные Белги, жили въ области кургановъ, приписываемыхъ Галламъ). Это различіе не находитъ себѣ опоры ни у Цезаря, ни у другихъ древнихъ авторовъ. Бертрапъ преимущественно опирается на Полибія, но всѣ его старанія доказать, что этотъ авторитетнѣйшій свидѣтель сознательно придаетъ различный смыслъ наименованіямъ „Кельты“ и „Галаты“, отзываются излишнею искусственностію и явными натяжками; для непредубѣжденнаго взгляда совершенно ясно, что въ первыхъ книгахъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ

¹⁾ См. *Robiou*, *Observations critiques sur l'archéologie dite préhistorique* (Paris 1879) pag. 95 (отрывокъ изъ письма Бертрапа къ автору).

Италіи, наименованія „Кельты“ и „Галаты“ суть для Полибія совершенно два безразличные синонима, такъ что одиный разъ оны можетъ выразиться „Римъ взяли Галлы“, а другой: „Римъ взяли Кельты“. Мы не имѣемъ возможности касаться споровъ, возбужденныхъ разными мемуарами и статьями Бертрана, и между прочимъ еще не оконченныхъ препирательствъ относительно знаменитаго разказа, сообщаемого Титомъ Ливіемъ (V, 34, 35) о переселеніи въ сѣверную Италію, страну собственно Кельтскую по Бертрапу, многочисленныхъ племенъ Галльскихъ, пришедшихъ подъ предводительствомъ Белловеса и Сиговеса около 600 года по Р. Х. именно изъ Галліи (теперешней Франціи), гдѣ, по теоріи Бертрана, въ данное время могли быть только Кельты. Достаточно сказать, что филологическіе и историческіе аргументы Бертрана успѣшно опровергаются французскимъ же учеными ¹⁾. Переходимъ опять къ археологіи. Послѣ того какъ неолитическая эпоха дольменовъ окончательно усвоена третьему безымянному племени, археологическое существованіе Кельтовъ представляется неослаемымъ и неуловимымъ; на ихъ долю можно отнести—да и то съ большимъ сомнѣніемъ—развѣ только бронзовую эпоху, тоже не имѣвшую въ Галліи ни самостоятельнаго значенія, ни значительной продолжительности во времени. Какъ мы видѣли, бронза постоянно встрѣчается въ восточныхъ курганахъ вмѣстѣ съ желѣзомъ, и только иногда сопровождается каменными орудіями въ дольменахъ западной полосы. Нѣтъ особенной нужды разрывать ради такой неопредѣленной эпохи собственно галльское единство; но можно признать то, что уже вытекаетъ изъ другихъ данныхъ, именно — что Кельтская раса, поглотившая туземныя предшествующія населенія пынѣшней Франціи, не вездѣ представляла одну и ту же степень безпримѣсной чистоты и не одинаково была распредѣлена на поверхности галльской почвы; на востокѣ и юго-востокѣ видимымъ образомъ преобладали Галлы, тогда какъ на западѣ и сѣверо-западѣ преобладали потомки расъ, ими покоренныхъ при помощи, какъ желѣза, такъ и бронзы. Оиѣ-то, эти старыя расы, и были строителями дольменовъ, имъ-то собственно и принадлежитъ мегалитическій періодъ, тогда какъ бронза уже служить указаніемъ галло-кельтскаго вліянія. Тамъ, гдѣ получили пре-

¹⁾ См. *Dejardins*, Géographie II, 193, 201; *Arbois de Jubainville*, Les Celtes les Gaulois: *Revue archéolog.* XXX (1875), pag. 12, A. *Mauroy*, *Journal des savants* 1877 (четыре критическія статьи на книгу Бертрана).

обладаніе Галлы, пѣтъ дольменовъ, или какъ болѣе осторожно выражаются другіе (Альфр. Мори), они очень рѣдки; причина тому заключается либо въ томъ, что самый обычай строить дольмены возникъ среди оттѣспенныхъ къ западу туземныхъ расъ позднѣе галльскаго нашествія, позднѣе утвержденія Галловъ на востокъ, либо въ томъ, что существовавшіе нѣкогда первоначальные образцы этого искусства были истреблены, уничтожены въ эпоху кургановъ, буквально закрыты ими. Авторъ спеціальнаго изслѣдованія о мегалитическихъ памятникахъ, Англичанинъ Фергюссонъ ¹⁾, идетъ, очевидно, слишкомъ далеко, доказывая, что дольмены и другія подобныя постройки изъ камня съ погребальными цѣлями, относятся къ сравнительно весьма намъ близкой эпохѣ, что онѣ строились въ продолженіе первыхъ десяти вѣковъ по Р. Х., и что самая мысль о такихъ зданіяхъ возникла у варварскихъ племенъ, благодаря, съ одной стороны, существовавшему у нихъ культу предковъ (ancestral worshipping), съ другой римскому архитектурному вліянію. Доказательства Фергюссона основываются на молчаніи древнихъ римскихъ писателей, нигдѣ не упоминающихъ о дольменахъ, и на томъ, что въ нѣкоторыхъ дольменахъ найдены монеты Римскихъ императоровъ отъ I до IV вѣка, что одинъ французскій дольмень утвержденъ на колонпахъ очень опредѣленнаго средневѣковаго стиля X вѣка; но такіе доводы отчасти могутъ быть обращены противъ него самого, такъ какъ и средневѣковые писатели, которыхъ было не мало, тоже не указываютъ строителей нашихъ памятниковъ,—отчасти посятъ слишкомъ явный характеръ быстрога заключенія отъ части къ цѣлому; дольмены строились и въ кельтскую эпоху, какъ, съ другой стороны, это доказывается посредствомъ бронзовыхъ предметовъ, въ нихъ иногда находимыхъ, а въ видѣ исключенія могли быть возводимы и въ позднѣйшія времена, даже въ римское время и т. п. Однако отсюда никакъ не слѣдуетъ, что мы должны признать теорію поздняго происхожденія всѣхъ вообще дольменовъ. Отсутствие металла въ громадномъ большинствѣ ихъ никакъ не можетъ удовлетворительно объясняться предположеніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ погребальномъ ритуалѣ, воспрещавшемъ употребленіе металла (къ чему прибѣгаетъ Апри Мартенъ, поддерживающій галльское ихъ происхожденіе). Ниже мы сейчасъ приве-

¹⁾ Rude stone monuments in all contries; their age and their uses. *James Ferguson*. Murray London 1872. Есть французскій переводъ (*Hamard*); и подробное обзоріе содержанія въ *Revue d'anthropologie* II, 509 и сл. 694 и сл. (1873 г.).

демъ осязательныя данныя, которыя сближаютъ пачало этого способа погребенія съ эпохою палеолитической, ведутъ его не къ верху въ галльскій или галло-римскій періодъ, а внизъ, къ періоду пещерныхъ людей, первобытныхъ до-историческихъ породъ. Теперь же, имѣя въ виду разъяснить вопросъ о принадлежности строителей дольменовъ къ той или другой расѣ, мы должны замѣтить, что даже и Фергюссонъ хотя относитъ происхожденіе всѣхъ вообще мегалитическихъ памятниковъ къ очень позднему времени, все-таки не считаетъ возможнымъ приписать ихъ Кельтамъ. Кромѣ тѣхъ аргументовъ, которые уже были указаны другими, именно—что дольмены находятся во многихъ иныхъ странахъ, гдѣ Кельтовъ никогда не было, Фергюссонъ приводитъ и то любопытное и важное наблюденіе, по опять, можетъ быть, нѣсколько преувеличенное въ его обобщеніи, именно—то обстоятельство, что дольменовъ нѣтъ въ странѣ древнихъ Белговъ (ему, однако, указываютъ на открытіе ихъ въ Люксембургскомъ герцогствѣ). Белги какъ будто раздѣлили на двое область дольменовъ на материкѣ Европѣ и въ Англіи; отсюда, по мнѣнію изслѣдователя, вытекаетъ заключеніе, что обычай строить дольмены возникъ тамъ и здѣсь послѣ нашествія Белговъ, ибо еслибъ онъ возникъ ранѣе, то памятники такого же рода непременно попались бы и на мѣстѣ позднѣйшаго жительства Белговъ и прежняго сплошнаго обитанія предшествовавшихъ имъ населеній; вполне истребить дольмены Белгамъ, конечно, не удалось бы. Какія же это населенія были раздѣлены нашествіемъ Белговъ? Изслѣдователь, въ виду весьма широкаго распространенія дольменовъ, не считаетъ возможнымъ остановиться на одномъ какомъ-нибудь племени, хотя и существуютъ замѣчательныя сходства между африканскими, наиримѣръ, дольменами и сѣверными; въ Испаніи это будутъ Иберы, отгнанные Кельтами внутрь полуострова, въ Британіи — родственные Иберамъ Силуры, тоже подъ давленіемъ Кельтовъ отступившіе изъ долины Северна въ пнѣвншій Валлисъ; для Ирландіи и Шотландіи предполагается другое теченіе племени отъ Скандинавіи и финнскаго сѣвера; во Франціи это суть, по мнѣнію Фергюссона, прямыя потомки пещерныхъ людей, остатки которыхъ открываются въ такомъ множествѣ на берегахъ Дордоны и другихъ рѣкъ южной Франціи. Полагаемъ съ своей стороны, что въ дѣлѣ возведенія мегалитическихъ памятниковъ нѣтъ нужды оспаривать участія населеній Иберійскаго племени, о которыхъ думали и другіе, съ одной стороны, сближая ихъ съ Берберами Африки, а съ другой — протягивая далеко на сѣверъ, на встрѣчу Финскимъ

племенамъ; но что касается Франціи, то вмѣсто прямыхъ потомковъ пещерныхъ людей слѣдуетъ назвать прежде всего Лигуровъ, на которыхъ указывалъ еще Беллогэ, считавшій ихъ настоящею южною расою, имѣвшею родичей въ самой Африкѣ въ лицѣ Гетуловъ, что равняется Гаделамъ. Однимъ словомъ, намъ кажется, что при настоящемъ положеніи вопроса, всего основательнѣе считать строителями дольменовъ въ Европѣ племена, предшествовавшія Кельтамъ, именно Иберовъ и особенно Лигуровъ. Эпоха дольменовъ опредѣляется, съ одной стороны, отсутствіемъ въ нихъ (въ большинствѣ случаевъ) металла, съ другой—преобладаніемъ орудій шлифованнаго камня; ясно, что ихъ строили населенія, которымъ употребленіе металловъ было неизвѣстно, между тѣмъ какъ сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ показываетъ, что предъ своимъ прибытіемъ въ Европу Аріицы были уже знакомы съ употребленіемъ металловъ; разрытыя во множествѣ могилы кельтскаго или галльскаго происхожденія свидѣтельствуютъ о томъ же знакомствѣ. Если Галлы тамъ и здѣсь возвели нѣсколько дольменовъ, въ которыхъ находятся слѣды ихъ болѣе развитой индустріи и металлическіе предметы, то это можетъ объясняться раздраженіемъ съ ихъ стороны покореннымъ ими племенамъ. Съ другой стороны, мегалитическіе памятники несомнѣнно позднѣе эпохи отбивнаго камня (палеолитической); въ нихъ нѣтъ слѣдовъ ни тѣхъ ископаемыхъ животныхъ, по которымъ узнается древнѣйшій возрастъ человѣка, ни отбивныхъ орудій изъ кремня. Наша мегалитическая эпоха, эпоха иберо-лигурийская, уже находится въ примомъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ послѣднимъ звеномъ въ ряду періодовъ, опредѣляющихъ исторію человѣческой цивилизаціи, уже касается собственнаго и настоящаго до-историческаго періода. Мы, конечно, не имѣемъ нужды заниматься вопросами о первобытной четверичной или даже третичной эпохѣ существованія людей, о допотопномъ человѣкѣ, по выраженію одного ученаго, когда онъ жилъ въ сообществѣ мамонта и сѣвернаго оленя. Намъ довольно знать, что и тамъ открываются двѣ послѣдовательныя расы: человѣка алялянаго или рѣчныхъ береговъ, населившаго всю западную Европу и оставившаго слѣды своего существованія въ орудіяхъ изъ кости и отбитаго камня, и пещернаго человѣка, отличавшагося довольно развитыми способностями, длинною формою черепа (долихокефальностію), обнаружившаго удивительные признаки артистическихъ способностей въ начертанныхъ имъ рисункахъ мамонта, но пользовавшагося только не шлифованными каменными орудіями. До послѣдняго времени думали,

что между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами существовать промежутокъ и перерывъ, hiatus, такъ что, напримѣръ, нынѣшняя Франція нѣкоторое время оставалась пустою безъ всякаго населенія: по это мнѣніе теперь оставлено. Брокъ, въ своемъ изслѣдованіи о пещерѣ мертваго человѣка показалъ, что въ устьяхъ рѣкъ Лозеры троглодиты, потомки охотниковъ на оленей, жили рядомъ со строителями дольменовъ. Новѣйшія открытія (Прюньера) еще болѣе убѣдительны. Въ другихъ, и притомъ не малочисленныхъ погребальныхъ пещерахъ Лозеры, открыто много человѣческихъ скелетовъ, раса которыхъ характеризуется постоянною долихокефаліей, и которыя навѣрно принадлежали къ такъ-называемой Кро-Маньонской породѣ. Важно для насъ то, что эти представители четверичныхъ населеній были въ постоянной войнѣ со строителями дольменовъ; доказывается это тѣмъ, что многіе скелеты еще сохраняютъ въ себѣ вонзенныя въ ихъ нѣкогда живныя кости каменные стрѣлы, неолитическое происхождение коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, обѣ породы жили рядомъ одна съ другою и нѣкогда вели между собою на равнинахъ Сенеппъ борьбу за жизнь и смерть. Впрочемъ, предполагается, что переходъ отъ ледянаго періода къ современной геологической эпохѣ, сопровождавшійся измѣненіями фауны, необходимо весьма тяжелый и трудный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождался гибелью палеолитическаго населенія; по въ другихъ—это населеніе удержалось. Изъ разныхъ наблюденій, говоритъ Катрфажъ,—явствуетъ, что въ области Лозеры, въ началѣ временъ неолитическихъ, долихокефалы еще занимали страну, что въ данный моментъ они были атакованы брахикефалами, и что вскорѣ потомъ между двумя расами появились союзы, обнаруживающіеся въ метизаціи, которая констатирована въ пещерѣ мертваго человѣка у Кро-Маньоновъ, у строителей дольменовъ въ ихъ гробницахъ, и что, наконецъ, раса короткоголовая взяла верхъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ пунктахъ. Но, по всѣмъ признакамъ, населеніе долихокефальное, занимавшее страну въ продолженіе вѣковъ, было гораздо болѣе многочисленно, чѣмъ вторгнувшіяся племена брахикефаловъ, и легко понять, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно совсѣмъ избѣжало нашествія. Съ другой стороны, это населеніе, принадлежавшее, вѣроятно, къ той расѣ, которая оставила столько слѣдовъ своего ума и способности къ цивилизаціи (въ остаткахъ весьма замѣчательной индустріи пожеи, щипцевъ, утвари, глиняныхъ горшковъ и вышеупомянутыхъ рисунковъ), вслѣдствіе соприкосновенія съ повопришедшими не замедлила усвоить себѣ искусства, составлявшія

ихъ превосходство. Итакъ, очень легко объяснить себѣ, почему на границахъ Лозеры и Авейрона открыта область великолѣпныхъ дольменовъ, заключающихъ въ себѣ только черна долихокефаловъ. Въ населеніи вѣковъ неолитическихъ замѣтно въ области Лозеры присутствіе двухъ расъ, изъ коихъ первая безспорно принадлежитъ временамъ четверичнымъ, а другая—первымъ днямъ настоящаго періода. Сліяніе на извѣстныхъ пунктахъ, заимствованіе на другихъ помогли обѣимъ стать на одинъ уровень; но древнѣйшая раса не сама собою поднялась до того, что можно назвать неолитическою цивилизаціей; первыми строителями дольменовъ были не долихокефалы, а брахикефалы; постройка ихъ особенно ревностно стала производиться послѣ окончанія борьбы и послѣ метизаціи. Однако, если такъ было на Лозерѣ, если честь введенія неолитической индустріи въ областяхъ пыпѣншей Франціи принадлежитъ брахикефаламъ—мы предполагаемъ Лигурамъ, такъ какъ Лигуры, какъ выше показано, были брахикефалы, — то нельзя ручаться, что такъ было вездѣ. На сѣверѣ Европы, въ Швеціи долихокефалы одни являются въ дольменахъ; то же — въ такъ-называемыхъ long-barrow's Англии, въ дольменахъ Германіи и Польши; но въ англійскихъ round-barrow's они всегда находятсѣ въ товариществѣ съ брахикефалами.

Съ положеніемъ вопроса во Франціи можно подробнѣе познакомиться изъ руководства де-Бэ (*L'archéologie préhistorique par le baron J. de Bye. Paris, 1880*) и статей Катрфажа (въ *Journal des savants* за декабрь 1881 г., за мартъ и апрѣль 1882 г.). Результаты англійскихъ изслѣдованій въ книгѣ Елтона (*Origins of english History by Ch. Elton. London, 1882*) передаются слѣдующимъ образомъ (стр. 124 и сл.):

Мы не имѣемъ нужды подробно описывать остатки палеолитическихъ племенъ, блуждавшихъ въ странѣ при господствѣ почти полярнаго климата и ведшихъ небезопасныя войны съ дикими животными четверичной эпохи. Изслѣдованіе ихъ пещеръ и убѣжищъ въ скалахъ, слоевъ и залежей ила и песчаника въ Англии и сосѣдственныхъ странахъ вывело на свѣтъ множество принадлежавшихъ имъ кремневыхъ пожей, молотовъ и топоришковъ, а также орудій для кожанныхъ работъ. Ихъ грубыя „выдолбленныя“ лодки находятсѣ въ мелкихъ бухтахъ рѣчныхъ заливовъ. Ихъ бусы и амулеты, а также рисунки мамонта и группы сѣверныхъ оленей, находимые во французскихъ отложеніяхъ, показываютъ, что имъ были нечужды нѣкоторыя начатки умственнаго развитія и искусства, и что во всякомъ случаѣ,

они умѣли ловить и убивать большихъ плотоядныхъ звѣрей. Наибольше ясное понятіе объ ихъ жизни можетъ сообщить намъ изображеніе Финскихъ племенъ у Тацита, достигшихъ, по его замѣчанію, того, что наибольше трудно—спободы отъ всякаго желанія... Нельзя доказать непрерывной связи между этими дикарями и какимъ-нибудь изъ племенъ или народовъ, существующихъ теперь на западѣ Европы. Мы переходимъ поэтому къ неолитическому вѣку, которымъ въ послѣдніе годы изслѣдователи занимались такъ пристально, что мы уже можемъ составить нѣкоторое ясное представленіе объ образѣ жизни тогдашнихъ людей, объ устройствѣ ихъ жилищъ, и равнымъ образомъ объ ихъ физическихъ признакахъ. Этому періоду принадлежатъ большіе курганы или „королевскія гробницы“ (tombs of the kings), не имѣющія внутри каменнаго свода, а также каменные своды и общія племенные гробницы, которыя остаются еще погребенными въ землѣ, или же обнажены въ видѣ „кромлеховъ“ и стоящихъ камней: сюда же принадлежатъ такъ-называемые длинные долмены. За исключеніемъ округовъ, гдѣ преобладалъ способъ сожиганія труповъ, эти гробницы обыкновенно заключаютъ въ себѣ обломки большого числа скелетовъ, нагроможденныхъ выѣстъ и безъ порядка, какъ будто существовали еще временныя или предварительныя могилы, пока строился памятникъ этого рода. Въ британскихъ дольменахъ (barrows) такого первоначальнаго типа (то-есть, длиннаго) рѣдко попадаются находки большой важности. Списокъ открытій заключаетъ въ себѣ нѣсколько пѣжихъ зубце-образныхъ (leaf-shaped) наконечниковъ стрѣлъ, и другіе предметы изъ роговой кости и полированнаго камня, а также обломки черной сдѣланной руками глиняной посуды; по временамъ попадаютъ остатки роговъ козули, зубы вепря, черепа быковъ и кости гусей или драхвы (bustard), которыя, по видимому, были оставлены гостями погребальнаго пиршества. Человѣческія кости, находимыя въ этихъ могильникахъ и въ кремневыхъ пріискахъ, оказавшихся въ Суссексѣ и Норфолькѣ, приводятъ анатомовъ къ заключенію, что неолитическіе Британцы были похожи на нынѣшнихъ Эскимосовъ. Они были малорослы и слабого сложенія, съ мускулами излишне развитыми для ихъ тонкихъ и тощихъ костей; замѣчается большая несоразмѣрность между ростомъ мужчины и женщины, что уже указываетъ на тяжелый и скудный образъ жизни, при которомъ слабѣйшая половина подвергается сверхсильной работѣ и осуждена на постоянныя лишения въ пищѣ. Лица были, по видимому, овальной формы съ мягкими, кроткими и правильными чертами; черепа, хотя

въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отличавшіея толщиною, были вообще длинной и узкой формы (доликокефальность), иногда сжатые на темени и отиѣченные выдающимся швомъ (ridges), подобнымъ килю на опрокинутой лодкѣ.... Остатки этого до-кельтическаго населенія неолитической эпохи, можетъ быть, существуютъ доселѣ. Елтонъ, вмѣстѣ съ другими, узнаеть его въ малоросломъ и черноволосомъ населеніи Ирландіи, горной Шотландіи (Scottish Highlands), а также многихъ частей Англійи и Вельса, гдѣ тоже нерѣдко встрѣчаются малорослые индивидуумы, отличающіеся смуглымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и такими же глазами, съ головами длинной и узкой формы. „Что касается одной изъ двухъ до-историческихъ расъ, пишетъ проф. Роллестонъ въ сочиненіи о британскихъ дольменахъ, — то мы въ нашей странѣ встрѣчаемъ весьма значительное число населенія, у котораго длинноголовость соединяется съ низкимъ ростомъ и темнымъ цвѣтомъ волосъ: въ немъ нужно видѣть или продолженіе существованія той расы, или же фактъ переживания (survivals) или новаго возвращенія (re-assertion) ея отличительныхъ признаковъ“ (см. Elton, pag. 141.)

Открытія въ гробницахъ показываютъ, что въ первоначальныя времена эти неолитическія племена одни владѣли Британіей, и что потомъ они подверглись нападению людей отличной расы, которые уже захватили власть надъ противоположными берегами отъ Швеціи до береговъ Атлантическаго океана. Народъ этой второй расы, которой принадлежатъ Британскіе круглые дольмены, достигъ до Финистерре, прежде чѣмъ научился употребленію какого-либо металла; его длинные скелеты и короткіе круглые черепа находятся вмѣстѣ съ остатками отъ древнѣйшей расы, въ снабженныхъ камерами дольменахъ (in chambered barrows) материка, въ которыхъ никогда не было видано бронзовыхъ предметовъ, хотя подѣски изъ бирюзы и зеленаго каллаиса, а равно и топоры, сдѣланные изъ ядеита и другихъ драгоцѣнныхъ восточныхъ камней, свидѣтельствуютъ о существованіи торговли съ націями, имѣвшими въ распоряженіи металлы. Но внезапно и безъ всякаго признака приготовительной попытки или же посредствующихъ формъ, открываются могилы, содержащія въ себѣ бронзовыя оружія изящной работы, какъ будто какой-то новый торговый путь направленъ былъ на сѣверъ. На сколько, впрочемъ, дѣло касается Британіи, мы ничего не знаемъ объ этой второй расѣ, прежде чѣмъ она привыкла къ употребленію бронзы. Появленіе людей этой расы въ сей странѣ совпадаетъ, по ви-

ликому, съ введеніемъ названнаго металла; потому что всѣ могилы, содержащія въ себѣ бронзовые остатки, въ то же время заключаютъ и остатки ихъ труповъ либо безъ всякой примѣси, либо вмѣстѣ съ остатками неолитической расы; а гдѣ кости людей каменнаго вѣка преданы погребенію этими людьми, тамъ никогда не было открыто никакого слѣда металлическихъ орудій.

Пришельцы были люди высокорослые бѣлокураго (?) финскаго типа, который въ широкихъ размѣрахъ еще преобладаетъ среди новѣйшихъ обитателей Даніи, странъ Вендскихъ и Славянскихъ. Они замѣтно отличались отъ людей съ прямымъ лицомъ и съ овальной головою, отождествляемыхъ съ Кельтами и Германцами; они были широкой кости и коренасты, жепщипы относительно высокорослы и сильны, какъ это бываетъ въ обществахъ, гдѣ жизнь легка и пища дешева. Мужчины, по видимому, имѣли грубыя черты лица, широкія скулы и выдающіеся подбородки, черепа круглой короткой формы, причемъ лбы во многихъ случаяхъ вдругъ отступаютъ назадъ, какъ будто нужно было возстановить равновѣсіе въ затылкѣ для поддержанія тяжести широкой нижней челюсти.

Мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на ходъ и способъ завоеванія. Въ окнахъ юркишскихъ полей находятся явные слѣды высадки и позднѣйшихъ операцій какого-то соединеннаго народа, простирающіеся на цѣлыя мили во внутренность страны. Въ этихъ мѣстахъ пришельцы, по видимому, смѣшались мирно съ людьми прежнихъ поселеній: круглые дольмены бронзоваго періода содержатъ здѣсь почти въ равной пропорціи черепа длинноголовыхъ и короткоголовыхъ; отсюда основательно заключаютъ, что пришельцы вступили въ мирное соглашеніе и сожителство, сопровождающееся взаимными браками, съ людьми другаго типа, тѣмъ болѣе, что перѣдко попадаются черепа, соединяющіе характеристичныя черты обоого рода людей. Въ другихъ мѣстахъ, и въ частности въ окрестностяхъ Стонегенджа (Stonehenge), старыя племена были прогнаны, потому что никакихъ смѣшанныхъ формъ не находится въ многочисленныхъ гробницахъ, окружающихъ развалины этого храма; не находится также, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, явнаго смѣшенія череповъ того и другаго типа.

Изслѣдованіе шарообразныхъ круглыхъ дольменовъ, находимыхъ почти повсюду въ Англіи, сообщаетъ богатое количество данныхъ для изображенія жизни Британцевъ бронзоваго вѣка. Ясно, что это уже не были дикари, нація охотниковъ и рыболововъ, или даже народъ на степенн пастушескаго и кочеваго быта. Эти племена знали уже

простѣйшія начала общественности и достигли знакомства съ нѣкоторыми утонченностями цивилизованой жизни ранѣе, чѣмъ они были покорены и поглощены господствующими породами Кельтскаго племени. У нихъ была собственность, состоявшая въ стадахъ скота; они умѣли ткать и приготовить одежду изъ льна и шерсти; каменные жернова или ручныя мельницы и грады на холмахъ Вельса и Юркшира доказываютъ ихъ знакомство съ нѣкоторыми родомъ хлѣбныхъ растений; есть явные слѣды ихъ поселеній, доказывающіе, что они уже имѣли привычку жить вмѣстѣ цѣлыми круглообразными деревнями; домашняя утварь разнообразнѣе и отличается гораздо болѣе тонкою работою и т. д.

Когда и какимъ процессомъ эти племена слились съ Кельтскими народами — это всегда останется неизвѣстнымъ. Велѣдствіе возобладавшаго обычая сжигать трупы, слѣлалось очень трудно различать ихъ украшенія и оружіе отъ позднѣйшаго кельтскаго типа; и если гдѣ это круглоголовое населеніе остается въ своихъ потомкахъ до настоящаго времени, представляется довольно труднымъ отличить его отъ массы позднѣйшаго датскаго элемента. Очевидно впрочемъ, что племена бронзнаго періода оставались въ нѣкоторыхъ частяхъ Британіи вплоть до времени римскаго завоеванія; вѣроятно, что со временемъ труды филологовъ подтвердятъ предположеніе, что языки Кельтовъ въ Британіи подверглись чувствительному вліянію отъ соприкосновенія съ Финнскими племенами, занимавшими раньше ея почву. Начало этого рода уже и положено: Въ „Чтеніяхъ о вельской (Валлійской) филологіи“ (Lectures on Welsh Philology. London, 1881), проф. Ризъ (Rhys) отмѣтилъ цѣлый рядъ явленій въ кельтскихъ языкахъ, не соотвѣтствующихъ законамъ обще-арійской филологіи и объяснимыхъ только путемъ означеннаго вліянія. Кромѣ такихъ мѣстныхъ географическихъ названій, какъ Мона, Мунувъ, Манавъ, Мишһайн, сюда относятся односложныя личныя имена, встрѣчаемая въ надписяхъ, въ спискахъ королей и въ разнаго рода повѣстьяхъ и сказкахъ — въ родѣ Conn, Gann, Grid, Ru, Wid, Nud. Личныя имена арійскихъ языковъ — всегда сложны по своему происхожденію и если когда появляются въ формѣ односложныхъ, то всегда можно возвести ихъ къ первоначальному сложному виду, между тѣмъ какъ безсмысленныя односложныя, подобныя вышеприведеннымъ, не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ существованія въ сложной формѣ и потому должны быть считаемы чуждыми арійскому источнику. Сверхъ того, въ древнемъ вельскомъ и ирландскомъ нарѣчій замѣчаются слѣды

агглютинаціи, состоящей въ томъ, что мѣстоимѣніе въ неизмѣненномъ видѣ приставляется къ глаголу или вставляется въ середину; такое соединеніе вельскихъ предлоговъ съ мѣстоимѣніями, какъ *ego* для меня, *ego* для тебя, напоминаетъ также мадьярскій языкъ и т. п. (Elton, pag. 167).

Къ какому же заключенію приводятъ насъ относительно нашего главнаго пункта данныя и результаты до-исторической археологіи? Изъ нихъ слѣдуетъ съ несомнѣнною ясностію, что Кельты вовсе не были первоначальными обитателями западной Европы, что имъ предшествовали, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, другія племена неарійскаго происхожденія, и что эти неарійскіе элементы, подчинившіеся Кельтамъ, смѣшались съ нами въ фізіологическомъ отношеніи и не только обусловили измѣненія въ первоначально единомъ галльскомъ типѣ; но отчасти сохраняютъ свое существованіе въ современныхъ намъ жителяхъ Франціи и Великобританіи, ихъ потомкахъ, и что именно тѣ малорослые черповолосые индивидуумы, которыхъ прежде считали настоящими и подлинными Кельтами, больше всего поддерживаютъ физическую традицію неарійской крови. Но если мы захотимъ археологическіе результаты сооставить и согласить съ чисто этнографическими, если захотимъ подъ различными періодами докельтской древности подписать опредѣленныя племенные названія классической географіи, то тутъ встрѣтимся съ большими затрудненіями и явными противорѣчіями. Узелъ вопроса заключается въ тѣхъ короткоголовыхъ людяхъ, которые во Франціи являются первыми соорудителями дольменовъ, а въ Англіи, сверхъ того, уже представителями бронзоваго періода. Не одинаковыми этнографическими терминами обозначаются они у приведенныхъ нами ученыхъ: одинъ считаетъ ихъ принадлежащими къ Лигурійскому племени, другой — къ Финпскому: противорѣчіе примирялось бы легко, еслибъ и всѣ дальнѣйшія черты помимо устройства черепа предполагались одинаковыми, но этого нѣтъ. Елтонъ своимъ брахикефаламъ приписываетъ высокій ростъ и бѣлокурные волосы, чего мы не можемъ признать за Лигурійцами, такъ какъ они должны раскрыть намъ происхожденіе, малорослаго и черповолосаго населенія во Франціи. Разъясненія этихъ и другихъ противорѣчій слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Но если бы здѣсь и тамъ это была бы одна и та же раса, то на основаніи всего предыдущаго мы должны были бы ходъ ея распространенія представлять себѣ такъ, что она съ начала восторжествовала надъ долихокефалами Франціи и положила здѣсь начало новому

развитію, въ которомъ приняли участіе и палеолитическіе долихокефалы, какъ материка, такъ и Британскихъ острововъ, начавшіе строить дольмены (длинные — на послѣднихъ), и что затѣмъ короткоголовое племя, уже познакомившись съ бронзою, перебралось само въ Британію, стало сооружать тамъ круглыя дольмены и открыло бронзовый періодъ на островѣ. При такомъ представленіи дѣла, очевидно, опять не остается спеціальнаго археологическаго періода для Кельтовъ, если мы будемъ мыслить ихъ какъ нѣчто отдѣльное отъ Галловъ, представителей желѣза. Въ сущности къ такому заключенію и приходитъ новѣйшій англійскій изслѣдователь, которымъ мы выше занимались. Кельты, которымъ принадлежитъ начало желѣзнаго вѣка, а въ то же время и чисто-историческаго, хотя и считаются у него отличными отъ Галловъ, но это различіе имѣетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ у Бертрана. Кельты у Елтона суть всѣ исконныя обитатели Великобританіи и Ирландіи, пришедшіе сюда тотчасъ послѣ до-исторической бронзовой расы, а Галлами онъ называетъ тѣхъ позднѣйшихъ пришельцевъ съ противоположнаго берега, о которыхъ говоритъ Юлій Цезарь, въ частности обозначающій эти колоніи какъ бельгійскія; основаніе здѣсь этихъ поселеній завоевательнымъ характеромъ относится къ очень сравнительно позднимъ временамъ: оно началось за нѣсколько поколѣній до Цезаря и едва закончилось къ эпохѣ римскаго завоеванія. Такимъ образомъ, здѣсь противопоставляются не Белги Галламъ, не Кимры Гаеламъ, а только материковые Кельты историческаго времени такимъ же островнымъ. Нужно замѣтить, что это дѣлается совершенно сознательно; опираясь на результатахъ новыхъ филологическихъ изслѣдованій, при чемъ главнымъ образомъ имѣются въ виду „Чтенія о вельской филологіи“ Риса, Елтонъ считаетъ возможнымъ совершенно устранить предположеніе объ исконномъ различіи кимрійскаго нарѣчія въ Вельсѣ отъ гаельскаго нарѣчія въ Ирландіи (ерзе), послужившее между прочимъ исходнымъ пунктомъ для теоріи Тьерри. Результаты новыхъ филологическихъ изслѣдованій приводитъ, если слѣдовать англійскимъ ученымъ, къ признанію первоначальнаго тождества между древнѣйшими формами обоихъ нарѣчій, кимрійскаго и ерзе, и большаго различія между ними обоими, съ одной стороны, и языкомъ континентальныхъ Галловъ—съ другой. Теперешнее различіе между гаельскимъ и кимрійскимъ есть явленіе не первоначальное, а позднѣйшее; ближайшее отношеніе кимрійскаго нарѣчія къ древнему галльскому нарѣчію материка утверждено было на томъ, что въ кимрійскомъ, какъ и въ древнемъ галль-

свомъ (судя по собственнымъ именамъ и надписямъ), одинаково встрѣчались звуки и буквы *p, th, s*, совсѣмъ изчезнувшіе въ ирландскомъ, а можетъ быть, и никогда въ немъ не существовавшіе. Но послѣ точнаго изслѣдованія сходство оказывается обманчивымъ, ибо его признаки относятся не къ одной эпохѣ для обоихъ сравниваемыхъ языковъ, а къ различнымъ. Въ вельскомъ означенные звуки появляются и наблюдаются послѣ V вѣка, когда уже прекратилось развитіе кельтскаго языка въ Галліи, а прежде того ихъ не было; такъ что въ періодъ дѣйствительной жизни кельтицизма въ Галліи существовало напротивъ различіе между островнымъ и галльскимъ нарѣчіемъ. Позднѣе, но вслѣдствіе самостоятельнаго развитія, кимрійское нарѣчіе Вельса достигло той же степени, на которой стоялъ прежде языкъ Галліи, и вслѣдствіе того разошлось съ галльскимъ, къ которому рапѣе того было гораздо болѣе близко. Это самое заставляетъ предполагать ближайшее племенное единство самого населенія западной Британіи и Ирландіи.

III.

Наблюденіе о близкомъ сходствѣ нынѣшнихъ Французовъ съ древними Галлами по темпераменту и характеру, даже по вкусамъ и стремленіямъ, давно уже высказанное историками и мыслителями, сдѣлалось, можно сказать, общимъ мѣстомъ, которое припоминается всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о судьбахъ и дѣяніяхъ великой и блестящей Французской націи. По общераспространенному убѣжденію, въ Галлахъ, какъ ихъ изображаютъ Цезарь и другіе древніе писатели, нельзя не признать современныхъ намъ Французовъ; не смотря на всѣ перевороты внѣшніе и внутренніе, совершившіеся въ теченіе двухъ тысячелѣтій въ предѣлахъ нынѣшней Франціи, основныя черты характера Галловъ сохранились и до нынѣ безъ всякаго измѣненія; Французы по своему характеру, по своей нравственной природѣ, остаются истыми Галлами. Это явленіе послѣдственности въ области нравственной должно представляться для насъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что мы только съ весьма большими ограниченіями можемъ допустить существованіе фізіологическаго родства между Галлами и Французами. Можетъ быть, старое наблюденіе требуетъ повѣрки и выведенное изъ него заключеніе—значительнаго видоизмѣненія или дополненія. Познакомимся, однако, поближе съ подлежащими изученію характерами, и воспользуемся для этого прежде всего характери-

кою современныхъ Французовъ у одного французскаго мыслителя, автора знаменитаго сочиненія „L'ancien régime et la révolution“ ¹⁾.

„Изъ всѣхъ явленій французской исторіи“, говоритъ Токвилль во введеніи къ своему труду, — „наиболѣе страннымъ и необыкновеннымъ кажется самъ Французскій народъ. Былъ ли когда на свѣтѣ народъ, болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способный вдаваться въ крайности, болѣе руководящійся чувствами, и менѣе принципами, стоящій то много выше, то много ниже общаго уровня челоѣчества, — народъ столь неизмѣнный въ главныххъ своихъ чертахъ, что легко его узнавать въ разказахъ Цезаря, и столь переменчивый въ своихъ ежедневныхъ помыслахъ и наклонностяхъ, что перѣдко онъ самъ для себя становится неожиданнымъ зрѣлищемъ, и самъ не менѣе иностранцевъ принужденъ изумляться при видѣ собственныхъ дѣлъ своихъ, — народъ, болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способный все измѣнять и идти на край свѣта, коль скоро онъ вышелъ изъ обычной колѣи, непокорный по самой натурѣ и уживающійся съ произвольнымъ и насильственнымъ правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ, никогда не свободный на столько, чтобъ нельзя было поработить его, и никогда не поработенный такъ, чтобъ онъ не могъ свергнуть съ себя яго, не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ, легко водимый на ничтожкѣ и неудобоуправляемый, какъ только поданъ ему примѣръ сопротивленія власти, годный на все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ военномъ дѣлѣ, народъ болѣе преклоняющійся предъ случаемъ, передъ силою, передъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ предъ истинною славой, болѣе способный къ геронизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ гениальности, чѣмъ къ здравомыслію, къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предпріятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, попеременно возбуждающая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушная“.

Если бы нужно было эту блестящую страницу замѣнить сухимъ перечисленіемъ основныхъ чертъ французскаго характера, мы должны

¹⁾ Сочиненіе Токвилля переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Старый порядокъ и революція», подъ редакціей Н. Кондырева. С.-Пб. 1861 г., а ниже слѣдующій отрывокъ — сверхъ того находится въ сочиненіи А. П. Гегоріевск «Галлы въ эпоху Юлія Цезаря», во введеніи, откуда онъ и заимствованъ.

были бы поставитъ впереди всего указаннаго и здѣсь подвижность и непостоянство, неустойчивость и наклонность къ массовымъ увлеченіямъ, *mobilité* и *sociabilité*, какъ выражаются Французы. Легко показать, что такія черты были уже старыми, исконными недостатками или качествами древнихъ Галловъ. Пользуясь русскою книгою о Галлахъ, въ которой очень полно и хорошо сведены относящіяся сюда тексты классическихъ писателей, предлагаемъ для сравненія нѣсколько отрывковъ о характерѣ древнихъ Кельтовъ. По замѣчанію Цицерона, Галлы такъ отличаются природою и обычаями отъ прочихъ народовъ, что древніе писатели безъ труда могли уловить всѣ особенности ихъ характера. Извѣстный римскій диктаторъ Камиллъ, какъ говоритъ Титъ Ливій, называлъ ихъ націей, которой природа дала и тѣло, и духъ болѣе великіе, чѣмъ крѣпкіе и сильныя („*Gens est, cui natura corpora animosque magna magis, quam firma, dederit*“). Эта великость духа пронесткала отъ необыкновенной горячности, воспримчивости, впечатлительности, которыя всегда были отличительными чертами ихъ характера. Но живая воспримчивость Галловъ нисколько не умѣрялась твердымъ храбреніемъ разъ воспринятыхъ впечатлѣній. „Всякій, кто только хочетъ“, говоритъ Страбонъ (Геогр. IV, 4),— „гдѣ бы, когда бы и подъ какимъ бы ни было предлогомъ, легко можетъ возбудить и воодушевить Галловъ, и тогда они готовы на всякую опасность“. Благодаря необыкновенной воспримчивости Галловъ, виновники повыхъ замысловъ всегда пользовались у нихъ великимъ авторитетомъ; у нихъ была какал-то особенная наклонность къ переменамъ и страсть къ политическимъ переворотамъ, *novis rebus student*. Цезарь называетъ Галловъ чрезвычайно любопытными и падкими до новостей; онъ описываетъ, какъ они останавливали всѣхъ прохожихъ и волею-неволею заставляли ихъ разказывать всевозможныя были и небылицы, какъ народъ окружалъ кушцовъ на рынкахъ и осматривалъ ихъ вопросами, откуда они, что видѣли и что слышали. Возбужденные такъ либо иначе добытыми перѣдко совершенно пустыми слухами, они принимали рѣшенія часто о весьма важныхъ дѣлахъ, въ которыхъ имъ приходилось сейчасъ же расказываться (B. G. IV, 5). Такимъ образомъ Цезарь обвиняетъ Галловъ въ необыкновенной быстротѣ и несомнательности рѣшеній (*Gallorum sunt subita et repentina consilia*). Поливій говоритъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Галлы руководствуются не столько разумомъ, сколько горячностью своего сердца (II, 35). Эта способность горячо увлекаться первымъ впечатлѣніемъ и подъ его непосредственнымъ влія-

пѣмъ немедленно приниматься за дѣло была тѣмъ болѣе опасна, что они обыкновенно сходились на совѣщанія цѣлыми массами, массами проникались однимъ и тѣмъ же чувствомъ, однимъ и тѣмъ же порывомъ (Страбонъ). Древніе писатели, напримѣръ, Цезарь и Поливій, указываютъ также на легковѣрность и легкомысліе, на необдуманность и безразсудство Галловъ, на ихъ неустойчивость въ намѣреніяхъ и слабодушность: *infirmitas, levitas et mobilitas animi*. Они легко переходили отъ одной крайности въ другую, такъ что все зависѣло отъ впечатлѣнія минуты. Какъ бодро и скоро они рѣшались на войну, также легко и падали духомъ при первой неудачѣ. „Трудно рѣшить“, пишетъ Цезарь (VIII, 3),— „болѣе ли надмеваются Галлы при малѣйшихъ успѣхахъ, или падаютъ духомъ при незначительныхъ неудачахъ. Они легко падаютъ духомъ при первой неудачѣ“ (В. G. III, 19). При способности увлекаться, Галлы прежде всего увлекаются собою—они заносчивы, тщеславны и хвастливы: это замѣчаетъ и Ливій, въ разказѣ о первомъ нашествіи Галловъ на Римъ, и Цезарь. Они склопны къ преувеличеніямъ и фразерству: Діодоръ указываетъ на ихъ обыкновеніе говорить темно, цвѣтисто и папыщенно. Въ Галлахъ развита страстная любовь къ военной славѣ, власти и внѣшнему блеску. Галлы по самой природѣ своей, говоритъ Страбонъ,—военная нація, и они обладаютъ нѣкоторыми качествами хорошаго солдата въ высокой степени; но и въ войнѣ они неустойчивы, неспособны, по словамъ Ливія, переносить продолжительный трудъ и зной, особенно жажду и бессонницу. Это подтверждаютъ и Цезарь, и Поливій. Война съ тѣми разнообразными и живыми ощущеніями, которыя она съ собою приноситъ, особенно привлекаетъ къ себѣ Галловъ; они любили войну для войны, а не ради ея результатовъ. Они дорожили не столько добычей, сколько военною славою и возможностью тщеславиться и хвастаться своими военными подвигами. Ливій разказываетъ, что „широкія раны, которыя они получали въ сраженіи, нисколько ихъ не смущали; иногда даже сами они разсѣкали кожу, чтобы рана казалась шире и была замѣтнѣе; но если рана была мала, а между тѣмъ глубока и опасна, тогда они приходятъ въ отчаяніе“. На равнѣ съ воспымъ дѣломъ, Галлы имѣли особенное пристрастіе къ остроумной и живой рѣчи, тонкимъ и замысловатымъ выраженіямъ: *Pleraque Gallia duas res industriosissime persequitur, rem militarem et argute loqui*, замѣтилъ старій Катонъ. Должно быть, замѣчаетъ современный Французъ,—римская важность (*gravitas*) такъ же трудно мирилась съ нашимъ насмѣшливымъ характеромъ и нашею

непреодолимую потребностью *de faire des mots*, какъ и нѣкоторая современная тяжеловѣсность нашихъ сосѣдей. Сверхъ того, Галлы имѣли несомнѣнную склонность и способность къ ораторскому краснорѣчію. Уже изъ Цезаря видно, что и ораторы у нихъ были не рѣдки, и сила слова имѣла большую власть надъ умами. Галльскій Геркулесъ въ мифологій выражаетъ эту идею.

Приведемъ теперь еще одну новую характеристику.

„Кельтская, иначе Галатская или Галльская нація“, пишетъ Моммсенъ, — „получила отъ общей матери иное приращеніе, чѣмъ Италійская, Германскія и Эллинскія сестры ея. При многихъ солидныхъ и еще болѣе блестящихъ достоинствахъ, у нея недостаетъ той глубокой нравственной и государственной основы, на которой выдѣтся все хорошее и великое въ человѣческомъ развитіи. Для свободнаго Кельта, говоритъ Цицеронъ, — считалось позорнымъ воздѣлывать поле собственными руками. Земледѣлію они предпочитали пастушескій образъ жизни, и даже въ плодородныхъ долинахъ По, промышленяли по преимуществу свиноводствомъ, питаясь мясомъ отъ своихъ стадъ и пребывая съ ними дивно и ночью въ дубовыхъ лѣсахъ. Той преданности родимой почвѣ, которая свойственна Италійцамъ и Германцамъ, у Кельтовъ недостаетъ, — между тѣмъ какъ, съ другой стороны, они любятъ селиться въ кучѣ, по городамъ и мѣстечкамъ, разрастающимся и приобрѣтающимъ у нихъ значеніе, какъ кажется, рарѣе, чѣмъ въ Италіи. Гражданское устройство ихъ очень несовершенно: не только единство народное выражается у нихъ слабою племенною связью, что можно, пожалуй, сказать въ началѣ и обо всѣхъ націяхъ, — но даже и въ отдѣльныхъ общинахъ у нихъ не хватаетъ единодушія и твердой организаціи власти, строгаго духа гражданственности и послѣдовательныхъ стремленій. Единственная организація, которой они подчиняются, — это военная, узамъ дисциплины своей избавляющая недѣлимаго отъ тяжелой заботы самообладанія. „Выдающіяся свойства Кельтскаго племенн“, говоритъ историкъ его Тьерри, — суть: личная храбрость, которую они превосходятъ всѣ народы, открытый, стремительный доступный всякому впечатлѣнію темпераментъ, — бойкій умъ, по при этомъ крайняя подвижность, отсутствіе выдержки, отвращеніе отъ подчиненности и порядка, хвастливость и пескончаемые раздоры, слѣдствіе безграничнаго тщеславія“. Короче говоритъ въ этомъ же смыслѣ старикъ Катонъ: „У Галловъ болѣе всего въ ходу двѣ вещи — военное дѣло и красное слово“. Такія свойства хорошихъ солдатъ и плохихъ гражданъ объясняютъ намъ историческій фактъ, что Кельты

поколебали всё государства, но сами не основали ни одного. Вездѣ мы ихъ видимъ готовыми странствовать, то-есть, предпринимать походы, предпочитая движимое добро клочку земли, и всему вообще—золото, и занимаясь войною, какъ организованнымъ разбоемъ, или даже какъ ремесломъ за плату, во всякомъ случаѣ, впрочемъ съ такимъ услѣхомъ, что даже римскій историкъ Саллюстій признаетъ превосходство Кельтовъ надъ Римлянами. Это настоящіе ландскнехты древности, какъ намъ представляютъ ихъ изображенія и разказы: большія, немускулистыя фигуры съ косматою головою и длинными усами, совершенно наоборотъ съ Греками и Италийцами, которые стригли усы и голову,—въ пестро-цвѣтныхъ и вышитыхъ платьяхъ, которыя въ битвѣ нерѣдко сбрасывались, съ широкимъ кольцомъ на шеѣ, безъ шлема и безъ какого бы то ни было метательнаго оружія, но за то съ необъятнымъ щитомъ и длиннымъ, дурно закаленнымъ мечомъ, съ кинжаломъ и пикой,—и все это въ золотыхъ украшеніяхъ, такъ какъ они вообще умѣли недурно выдѣлывать изъ металловъ. Для похвальбы служило все, даже рана, которую часто значительно расширяли, чтобы поцеголять болѣе широкимъ рубцомъ. Сражались они обыкновенно пѣшіе, но иные кланы, кромѣ того, и верхомъ, причемъ за каждымъ вольнымъ челоуѣкомъ слѣдовали два конные оруженосца; боевыя колесницы были у нихъ издревле въ употребленіи также, какъ у Ливіанъ и у Грековъ. Иныя черты напоминаютъ средневѣковое рыцарство, больше всего—чуждый Грекамъ и Римлянамъ обычай поедипковъ. Не на войнѣ только имѣли они обыкновеніе вызывать на бой отдѣльнаго непріятеля, сперва осмѣивъ его словами и тѣлодвиженіями,—и въ мирное время они не рѣдко бились между собою на смерть, въ блестящемъ вооруженіи. За этими подвигами слѣдовали, само собою разумѣется, попойки и пиршества. Такимъ образомъ подъ собственными или чужими знаменами, среди нескончаемыхъ битвъ и такъ-называемыхъ геройскихъ подвиговъ, вели они свой неусидчивый солдатскій родъ жизни, разсѣявшій ихъ отъ Ирландіи и Испаніи вплоть до береговъ Малой Азіи; но что бы они ни начинали, все расплывалось, какъ весенній снѣгъ, и нигдѣ ими не было основано большаго государства, нигдѣ не создали они своей культуры“ (Римск. исторія, т. I).

„Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалостно сокрушаетъ всё народы не крѣпкіе и не гибкіе подобно стали, Кельты не могли долго держаться. Достоинно и праведно заслужили они ту же долю отъ Римлянъ, которую ихъ соплеменники въ Ирландіи

испытываютъ отъ Саксовъ. Судьба ихъ — исчезнуть подобно дрожжамъ будущаго развитія въ политически превосходящей ихъ національности“.

„Разставаясь съ замѣчательною націей“, говоритъ далѣе Моммсенъ, — „мы позволяемъ себѣ еще напомнить, что въ извѣстіяхъ древнихъ о Кельтахъ на Луарѣ и Сенѣ, едва ли отсутствуетъ одна характеристическая черта изъ тѣхъ, по которымъ обыкновенно узнается паиди (ирландскій крестьянинъ). Все есть здѣсь: медленность въ обработываніи поля; страсть къ дракѣ или пьянству; хвастливость; рѣчь, полная сравненій и гиперболей; вабавный юморъ; глубокая любовь къ пѣснѣ и сагѣ о дѣлахъ прошедшаго и рѣшительный ораторскій и поэтическій талантъ; любопытство и безумное легковѣріе; дѣтская набожность и несравненная чуткость національнаго чувства“ (Римск. исторія, т. III).

Вотъ характеристика, начертанная рукою мастера, строгая и твердая. Однако, у насъ возбуждаются нѣкоторыя недоумѣнія и сомнѣнія; точкой отправленія для нихъ можетъ служить именно паиди. Мы не беремся здѣсь разсуждать, исполнѣ ли справедливъ упрекъ въ лѣности, брошенный въ лицо ирландскому крестьянину безъ приведенія всякихъ историческихъ смягчающихъ обстоятельствъ, — но только спрашиваемъ, почему въ данномъ случаѣ понадобился такой переходъ отъ Кельтовъ на Сенѣ и Луарѣ къ ирландскимъ ихъ соплеменникамъ. Конечно, потому, что французскій крестьянинъ никакъ не можетъ служить образцемъ лѣни и безпечности; онъ отличается совершенно противоположными качествами. Бережливость, доходящая до скупости и скряжничества, упорство въ преслѣдованіи цѣли, состоящей въ приобрѣтеніи завѣтнаго куска земли, — вотъ черты, характеризующія не только упрямаго Бретонца, но и Оверскаго крестьянина; трудолюбіемъ и тщательностію работы, отличается французскій мастеровой; нравы французской буржуазіи заставили признать бережливость французскою національною добродѣтелью. Во всемъ этомъ видна выдержка и предусмотрительность, находящаяся въ прямомъ противорѣчій съ легкомысліемъ и подвижностію кельтскаго характера. Только отчасти можно сказать, что это качества, привитыя культурой, ибо они обнаруживаются съ особенною силою даже въ тѣхъ слояхъ, которые всего менѣе подлежали ей дѣйствию.

Съ другой стороны при болѣе внимательномъ изученіи, если не тѣ же самыя, то подобныя противорѣчія замѣчаются и въ древнихъ

Галлахъ, какъ они описываются въ классическихъ источникахъ. Эти противорѣчія старается выставить на видъ Беллогэ въ третьей части своего сочиненія, посвященной Галльскому гению (*Le Génie gaulois*). Если мы отбросимъ, разсуждаетъ онъ, тѣ черты, которыя объясняются уровнемъ культуры и могутъ быть наблюдаемы у всѣхъ варваровъ, то у насъ останутся слѣдующіе безспорные признаки Галльскаго природнаго характера: страсть къ битвамъ, преувеличенная національная гордость, безмѣрная хвастливость, слѣпая шлкость и впечатлительность физическая и нравственная, вслѣдствіе которой они постоянно переходили отъ одной крайности къ другой—отъ крайней самонадѣянности къ унынію, и отъ которой происходили ихъ любопытство, легковѣріе и подвижность, вошедшія въ пословицу. Затѣмъ слѣдуютъ указанія, тоже сообщаемыя древними, на такія свойства, которыя взаимно противорѣчатъ одно другому: съ одной стороны крайнее непостоянство и недостатокъ энергіи, а съ другой твердая и героическая преданность своимъ вождямъ, и даже вѣрность и цѣломудріе женъ въ противоположность холодности и распутству мужчинъ; необыкновенная жадность къ золоту и въ то же время щедрое посвященіе его богамъ, тяжелая неподпкжность ума и страсть къ краспорѣчію, грубая и наивная простота и способность придумывать всяческія хитрости на войнѣ, лѣтливый, мало возбужденный интеллектъ и способность къ изобрѣтеніямъ; наконецъ замѣчательная воспримчивость Трансальпийскихъ Галловъ къ искусствамъ и цивилизаціи, тогда какъ ихъ братья въ Италіи долго оставались чуждыми самымъ простымъ удобствамъ жизни, съ которыми могли познакомиться отъ Этрусковъ и Римлянъ.— Всѣ такія противорѣчія Беллогэ объясняетъ, съ одной стороны, сосуществованіемъ на почвѣ Галльской двухъ или болѣе расъ, если не вездѣ, то въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще не достигшихъ полного сліянія, но уже не различаемыхъ писателями, отчасти самымъ послѣдовавшимъ сліяніемъ ихъ, которое могло совершиться и уже въ сущности ко времени Цезаря совершилось какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Онъ предполагаетъ возможность метизаціи не только физиологической, но и духовной, такъ что особенныя качества и способности разныхъ расъ—главнымъ образомъ Лигурійской и Кельтической—могли смѣшиваться и уравниваться, а отчасти переходить совмѣстно въ цѣлости къ позднѣйшему Галльскому потомству. Для большей ясности нужно припомнить себѣ довольно обыденное замѣчаніе объ отдѣльныхъ лицахъ, что такой-то отъ отца наследовалъ такімъ-то качества,

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ.

и отъ матери другія. Тѣ духовныя свойства, которыя одинаково были присущи обѣимъ расамъ, сохранились во всей силѣ и всецѣло перешли къ нынѣшнимъ Французамъ, сѣвернымъ и южнымъ. Особенныя спеціальныя качества отдѣльныхъ породъ выразились весьма не одинаковымъ образомъ въ различныхъ отрасляхъ Кельто-Лигурійскаго потомства; въ одномъ мѣстѣ возобладала одна рѣзкая черта, въ другомъ — иная, болѣе энергически выраженная въ которомъ-либо изъ предковъ. Беллогэ дѣлаетъ попытку распредѣлить вышеозначенныя противорѣчивыя черты, замѣченныя уже въ характерѣ Галловъ, а затѣмъ и нынѣшнихъ Французовъ, между племенными элементами, послужившими къ физическому образованію націи. Живость и подвижность темперамента онъ считаетъ общимъ наслѣдствомъ, но въ большей пропорціи отъ Лигуровъ, чѣмъ отъ Галловъ. Галлу чистой крови (*pur sang*) принадлежитъ дикое увлеченіе, необдуманность и звѣрская ярость, неуѣренность, страсть къ нарядамъ и украшеніямъ, излишнее тщеславіе своими подвигами и самымъ происхожденіемъ, откровенность, легковѣріе, пышное гостепріимство, простота и жесткость ума. Покоренной расѣ принадлежитъ живость ума, природное краснорѣчіе, насмѣшливость и то, что теперь называется *esprit gaulois*, безпокойное любопытство, хитрость и способность изобрѣтенія и подражанія и т. д. Намъ кажется, что ученый и проникательный авторъ входитъ въ излишнія подробности и тонкости, такъ что вслѣдствіе этого кое-что начинаетъ представляться невѣроятнымъ и натянутымъ. Для нашей цѣли было бы достаточно, если бы въ характерѣ нынѣшнихъ кельтическихъ племенъ намъ показали осязательные слѣды другаго вліянія. Какія черты отличали древнюю Лигурійскую расу? По описанію классическихъ авторовъ, Лигуры, отличаясь малымъ ростомъ, сухимъ и жилистымъ тѣлосложеніемъ, были націею трезвою, привычною къ труду, экономною, упрямою, переносившею всякія утомленія и лишения, *Ligures durī et agrestes* (Cicer.); *assuetus malo Ligur* (Vergil.). Самыя женщины, пользовавшіяся у нихъ большимъ почетомъ и вліяніемъ въ дѣлахъ общественныхъ, были чрезвычайно работящи и непославы до грубости, особенно когда дѣло шло о наживѣ (Strab. III, 4, 17). Кромѣ упрямства, составляющаго наиболѣе выдающуюся черту ихъ характера, Лигуры отличались хитростію и лживостію, *fallaces Ligures* (Auson.); политическіе и дипломатическіе таланты средневѣковыхъ Генуэзцевъ ведутъ отсюда свое начало. Но нельзя ли тутъ найдти и нѣкоторыя черты характера современныхъ Французовъ, начиная съ крестьянина и кончая еще и теперь играющими во Фран-

ціи важную роль хитрыми Генуэзцами, способными заслужить съ начала прозваніе *les furieux*, а затѣмъ обнаружить замѣчательную дальновидность и выдержку?

Беллоге дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ общихъ замѣчаній относительно передачи по наслѣдству племенныхъ духовныхъ качествъ— по поводу того соображенія, что Лигурійское племя легло въ основу не однихъ только собственно Французовъ, но также Бретонцевъ, Ирландцевъ, отчасти Испанцевъ. Пути природы бывають страннымъ образомъ медленны и таинственны; мы видимъ тому доказательство въ атавизмѣ, который часто проявляется въ нашихъ фамиліяхъ и нерѣдко послѣ многихъ поколѣній вдругъ возвращается дитяти тишъ его дѣда, либо еще болѣе отдаленнаго предка въ той или другой восходящей линіи. Повторныхъ, процессъ моральнаго сліянія, о которомъ была рѣчь выше, подверженъ большимъ колебаніямъ, смотря по разнымъ обстоятельствамъ и частнымъ условіямъ смѣшенія той или другой группы; эти колебанія даютъ результаты весьма различныя, которые иногда выражаются временною пріостановкою, возвращеніемъ назадъ, но въ концѣ концовъ уравниваются и сглаживаются въ совокупности населенія. Дѣйствіемъ силы еще болѣе таинственной, чѣмъ атавизмъ физическій, одно извѣстное качество, однихъ извѣстныхъ недостатковъ одной изъ расъ будетъ господствовать въ одной странѣ, а другое качество или недостатокъ возобладаетъ въ сосѣдственной провинціи. Такъ, во Франціи, проявляются живость ума Лигура въ Провансѣ и въ Бургони, его упрямство въ Бретани, старое галльское хвастовство въ Гаскони, а римскій духъ законности и порядка въ Нормандіи. Сверхъ того, населенія, долго жившія изолированно и потому оставшіяся позади движенія цивилизаціи, тѣмъ лучше сохраняютъ наиболѣе выдающіяся черты, наслѣдованныя отъ общихъ предковъ. Нижне-Бретонецъ, наприимѣръ, представляетъ болѣе вѣрно первоначальнаго Галла, только привычка къ труду и выдержка здѣсь привились *à la longue* къ запальчивости и тяжелому интеллекту Кельта. Напротивъ, Ирландецъ сближается съ старымъ человѣкомъ юга, природное буйство котораго (*turbulence*) и живое воображеніе были еще усилены лѣпностію, безпечностію и пьянствомъ Кельта. Беллоге думаетъ, что именно Ирландецъ всего болѣе похожъ на классическаго Галла Цезаря и Тита Ливія; тогда какъ житель Вельса, въ одно и то же время тревожно-безпокойный (*remuant*) и упрямый, подвижный тѣломъ и духомъ, представляетъ намъ лучшій портретъ Лигура чистой крови. Наконецъ, Галль Шотландіи, хитрый и хитрый, какъ его

братья въ Альпахъ, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ труду сохранилъ главнымъ образомъ гордость расы, и вздорливый, драчливый духъ (*esprit querelleur*) своихъ кельтскихъ предковъ. Беллогэ умолчалъ объ Англичанахъ, въ жилахъ которыхъ также предполагается многими значительная примѣсь кельтической крови, а это заставляетъ думать и о психологическомъ наслѣдствѣ. Здѣсь мы должны обратиться къ тѣмъ уже извѣстнымъ намъ ученымъ, которые объясняютъ особенности и отличія Британской націи въ сравненіи съ германскими вліяніемъ кельтическихъ элементовъ.

Свою систему Пайкъ и Никѣлесъ прилагаютъ одинаково какъ къ физической сторонѣ, такъ и къ нравственнымъ качествамъ англійскаго типа. Если отыскавъ синтезъ англійскаго характера, разсуждаетъ послѣдній, мы убѣдимся, что онъ не сходится съ древнимъ тевтонскимъ, то мы должны будемъ искать причину различія, и если причина откроется въ характерѣ древнихъ Бриттовъ (Кельтовъ), то намъ не будетъ болѣе пужды продолжать поиски. Какіи же отличительныя черты Кельтскаго и Германскаго племени? Одинъ англійскій ученый докторъ представилъ ихъ почти въ наглядной таблицѣ en regard. Кельтской расѣ принадлежатъ: живость воспріятія, большая способность комбинировать, прилежаніе, любовь къ равенству, къ обществу, къ увеселеніямъ, къ славѣ; недостатокъ осторожности и предусмотрительности, національное тщеславіе, утонченныя привлекательныя манеры, большая виѣшняя учтивость безъ внутренней симпатіи, раздражительность, отсутствіе готовности забывать обиду, явное нерасположеніе къ тяжелому труду, большой запасъ остроумія. Германская раса отличается медленностію, но точностію воспріятія и пониманія, медленностію, но глубиною и пронизательностію ума, отсутствіемъ блеска остроумія, отличающаго Кельтовъ, болѣею любовью къ независимости, чѣмъ ко виѣшнимъ призвакамъ ранга и достоинства, предусмотрительностію и осторожностію, сдержанностію, гостепріимствомъ, аристократическими консервативными стремленіями, уваженіемъ къ женщицѣ, искренностію, страстью къ приключеніямъ. Очевидно, однако, что у автора такой характеристики, съ одной стороны, былъ предъ глазами Французъ, какъ представитель кельтскаго типа, а съ другой какой-то слишкомъ отвлеченный идеальный Тевтонъ—повидимому, усовершенствованный въ англійской школѣ. Никѣлесъ не согласенъ допустить, чтобы, напримѣръ, виѣшняя учтивость, несопровождаемая внутреннимъ чувствомъ, могла характеризовать Кельтовъ Британіи,

а съ другой стороны онъ не видитъ причины отнести прилежаніе (хотя и не въ тяжелыхъ занятіяхъ) только на счетъ кельтическаго вліянія, отказавъ въ немъ Германцамъ. Намъ нужно, говорить авторъ Родословной Англійскаго народа,—отыскать отличія, *differentia*, подлиннаго Англичанина въ сравненіи съ подлиннымъ и настоящимъ Кельтомъ. Англичанинъ никакъ не есть вѣрная копія Германца древнихъ временъ. Онъ обнаруживаетъ интеллектуальныя и нравственныя черты, которыя не входятъ замѣтнымъ образомъ въ синтезъ стараго германскаго типа, именно: находчивость, живость, выжидательность или творчество (*constructiveness*), дѣятельность фантазіи (*imaginativeness*), ищѣмость, доброжелательство, щедрость, индивидуализмъ и религиозный идеализмъ. А что касается Кельта, то опять значительная доза тяжеловѣсныхъ, солидныхъ и здоровыхъ (*strong*) качествъ Англичанина кладетъ широкую раздѣлительную черту между обоими. Физиологія и психологія говорятъ, что главныя качества Кельтической расы суть блестящая копценція (*brilliance of conception*), пылкость темперамента, безотчетное стремленіе къ дѣйствию. Мы всѣ знаемъ, какъ они живы, прихотливы, капризны, впечатлительны, какъ неспособны къ разсудительному совѣту, къ дипломатіи, къ организаціи, терпѣливому труду и выжиданію благопріятнаго времени. (Авторъ имѣлъ въ виду ирландскую агитацію шестидесятихъ годовъ).—Затѣмъ Кельты характеризуются ихъ литературою, что уже ранѣе блестящимъ образомъ было сдѣлано Ренапомъ, правда, съ бѣльшимъ, можетъ быть, пристрастіемъ, чѣмъ у Англичанина, тоже расположеннаго къ Кельтамъ, тоже считающаго себя ихъ потомкомъ¹⁾.

¹⁾ Извлеченія изъ статьи Ренапа «*La poésie des races celtiques*», мы уже находимъ въ известномъ сочиненіи В. И. Ламанскаго: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра» (С.-Петербургъ, 1871), и заимствуемъ отсюда слѣдующіе два отрывка. «Безконечная тонкость чувства, отличающая Кельтскую расу, тѣсно связана съ ея потребностію въ сесрѣмъ лоченіи. Натуры, мало раскрывающіяся, всегда чувствуютъ наиболее глубоко, ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ оно меньше стремится къ обнаруженію. Отсюда эта прелестная скромность, какая-то прикрытость, сдержанность и изысканность, такъ живо проявляющіяся въ пѣсняхъ сборника «*Villemaque*» и столь далекая и отъ сродной племенамъ латинскимъ риторичности чувства, и отъ напускной наивности Нямцевъ. Наружная сдержанность Кельтовъ зависитъ отъ этой внутренней робости, заставляющей думать, что чувство высказанное теряетъ половину своей силы и что сердце не нуждается въ постороннихъ зрителяхъ. Если-бы было позволено означать полъ народамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ, то слѣдовало-бы не колеблѣсь сказать, что Кельтская раса, особенно въ Кимрской или Бретонской вѣтви, есть су-

Фантазія и воображеніе Кельта, выразившіяся въ средневѣковой литературѣ, никогда не были оцѣнены должнымъ образомъ. Ихъ созданія часто странны, грубы, безсвязны, негармоничны, но безъ сомнѣнія несутъ на себѣ печать подлинной поэзіи. Сѣмена поэтического

щественно женская. Полагаю, что ни одно племя человѣческое не внесло въ любовь столько таинственности. Ни одно не задумывало съ бѣльшимъ изяществомъ женскаго идеала и не находилось подъ столь сильнымъ его вліяніемъ... Женщина въ поэзіи Кельтской является какъ родъ неяснаго видѣнія, посредникомъ между человѣкомъ и міромъ сверхъестественнымъ... Сравните Женевру и Наолду съ этими скандинавскими феуріями Гудруною и Кримгильдою, и вы согласитесь, что рыцарскій идеалъ женщины, этотъ идеалъ нѣжности и красоты, какъ высшая цѣль жизни — не есть созданіе ни классическое, ни христіанское, ни германское, а чисто кельтское».

«Въ идеальныхъ созданіяхъ Кельтовъ сравнительно съ Германскими съ перваго раза поражаетъ та чрезвычайная мягкость нравовъ, которая въ нихъ скрывается. Тутъ нѣтъ страшныхъ мщеній, наполняющихъ Эдду и Нибелунги. Сравните кельтскаго и германскаго богатыря, на примѣръ, Передура и Беовульфа. Какое различіе! Здѣсь весь ужасъ отвратительно кроваваго варварства, опьяненіе убійствомъ, безкорыстный, если можно сказать, вкусъ къ разрушенію и смерти; тамъ, напротивъ, глубокое чувство справедливости, сильное, правда, увлеченіе индивидуальной гордостью, но вѣсть большая потребность въ самопожертвованіи, строгая законность. Человѣкъ тираническій, черный человѣкъ является тамъ, какъ у Омера Дестригоны и Циклопы, только для внушенія ужаса противуположностью нравамъ болѣе мягкимъ. Это почти то же, что злой человѣкъ въ нѣжномъ воображеніи ребенка, воспитаннаго матерью въ страхъ Божіемъ. Первобытный Германецъ возмущаетъ насъ своею безпредметною грубостью (*brutalité*), этою любовью ко злу, которая дѣлаетъ его умнымъ и сильнымъ только для ненависти и вреда. Богатырь кимрскій, напротивъ, въ своихъ странныхъ уклоненіяхъ всегда руководится привычками благоволенія и жвааго сочувствія къ существамъ слабымъ. Это чувство одно изъ самыхъ глубокихъ у народовъ кельтскихъ». Въ самомъ началѣ своей статьи, написанной въ 1854 году, Ренанъ, для предупрежденія недоразумѣній, замѣтилъ, что его характеристика относится не къ цѣлой кельтской расѣ, нѣкогда составлявшей все населеніе запада, а только къ четыремъ уцѣлѣвшимъ и нѣсколько забытымъ исторією группамъ: 1) Кимри Вельса, 2) Брстонцы французской Бретаніи 3) Галлы Шотландіи и 4) Ирландцы. Но другіе знатоки дѣла счтаютъ необходимыми еще дальнѣйшія ограниченія. Профессоръ поэзіи въ Оксфордѣ и поклонникъ Вельской литературы Матью Арнольдъ (*Matthew Arnold*), утверждаетъ, что такіа выраженія, какъ *douce petite race naturellement chrétienne, race fière et timide à l'exterieur gauche et embarrassée* — еще могутъ, пожалуй, идти къ Кимри, но ни какъ къ Галлу, ни подъ какимъ видомъ — къ типическому Ирландцу. Равнымъ образомъ *«infinie délicatesse de sentiment qui caractérise la race Celtique»* совсемъ не согласуется съ ходячимъ народнымъ предложеніемъ объ Ирландцѣ...

How little that accords with the popular conception of an Irishman who wants to

вдохновенія и генія, заложенныя въ Кимрскомъ духѣ — въ періодъ господства римской культуры и еще ранѣе,—оставались потомъ нѣкоторое время погребенными подъ тяжелою массою разнашлихъ варварской эпохи германскихъ завоеваній; но благодаря природной живучести кельтскаго темперамента, неблагопріятныя вліянія были мало по малу побѣждены; Кимрамъ Вельса принадлежитъ честь возбужденія, внесеннаго въ область мысли и литературъ европейскихъ; толчокъ, ими даный, сильнѣе, чѣмъ какой-либо другой, когда-либо пошедшій отъ другаго народа. Смѣшанныя расы, паселявшія Англію, были туги и медленны на развитіе какой бы то ни было литературы. Сравнительно болѣе чистыя и непримѣсныя кельтическія населенія Вельса и Арморики далеко опередили ихъ, и благодаря счастливому сочетанію способности къ построенію (constructiveness), любви къ чудесному, безграничной и плодovitой фантазій, успѣли создать тишь литературы, до тѣхъ поръ вѣроятно неизвѣстной въ Европѣ. Романтическая поэзія и проза, господствовавшія въ средніе вѣка и съ такимъ могуществомъ въ Бретани, Провансѣ, Италиі, Германіи и Англіи — получили свое начало, какъ основательно полагають, среди Кимровъ. Приключенія Мерлина, короля Артура, и рыцарей Круглаго стола, Ричарда Львиное Сердце и толпы другихъ занимають первенствующее мѣсто въ поэмахъ французскихъ труверовъ и въ итальянской эпической поэзіи. Вельсскій Мабиногіонъ (сборникъ сказокъ) заключаетъ въ себѣ остатки творчества, показывающіе воображеніе столь игривое и чувство столь деликатное и пѣжное, что въ этомъ отношеніи они не уступаютъ произведеніямъ никакого другаго вѣка. Какъ это случилось? Можетъ ли это быть объяснено иначе, какъ проявленіемъ наслѣдственныхъ качествъ характера? Культура и геній, обнаружившіе свои присутствіе и ранѣе, не смотря на небла-

borrow money! См. сочиненіе Арнольда: On the study of celtic literature, London, 1867, pag. 100 и сл. Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторыя признаки и оттѣнки племенной и провинціальной враждебности, не чуждыя отзывамъ Арнольда—Кимра объ Ирландцахъ — Гидедахъ, все-таки слѣдуетъ согласиться, что каковы бы ни были хорошія и дурныя стороны національнаго ирландскаго характера, робость, застѣнчивость и деликатность не входятъ въ разрядъ ни тѣхъ, ни другихъ. Что касается собственной посылки Арнольда найти общую характеристику, одинаково идущую къ Кимри и Гидедамъ, то въ сущности она близко сходится съ приводимыми нами взглядами автора «Родословной Англійскаго народа и его соперника, Пайка. Излишне было бы останавливаться здѣсь долѣе на этомъ, конечно, любопытномъ вопросѣ.

гопріятную обстановку и политическія бѣдствія, поднялись наконецъ изъ своего подавленнаго и темнаго положенія и распространили свѣтъ и животворную силу, которыхъ тевтонскій завоеватель не умѣлъ еще понять и оцѣнить, надъ многими странами запада. Во всякомъ случаѣ, романическая литература была слишкомъ легка и воздушна по натурѣ своей, чтобы она могла получить начало или даже найти первую поддержку въ подлинномъ тевтонскомъ умѣ, если мы и признаемъ за нимъ извѣстную долю поэтической воспримчивости и изобрѣтательности. Палѣрное такого тевтонскаго ума не существовало въ Британіи въ первые вѣка послѣ саксонскаго завоеванія. Новая смѣшанная раса—Бриттовъ съ Англами и Саксами, — названная Англійскою, была слишкомъ матеріальна и чувствевна, слишкомъ подчинена руководству ея теперешняго демона—здраваго смысла, чтобы имѣть вкусъ къ этимъ созданіямъ воображенія, гдѣ рѣчь идетъ о великансахъ, эльфахъ, волшебникахъ и феяхъ. Эти продукты кельтской фантазіи нашли себѣ сочувственный приѣмъ среди континентальныхъ націй — въ Бретани, Провансѣ, Нормандіи, гдѣ много было кельтской крови. Какими бы ни были достоинства романтической литературы, разсматриваемой въ себѣ самой, она несомнѣнно говоритъ въ пользу народа, который далъ ей существованіе. Въ ея произведеніяхъ выражается большая умственная сила и плодovitость воображенія. На сколько средневѣковые романы обнаруживаютъ эти качества, на столько они обнаруживаютъ геній и культуру кельтической расы.—Что же сказать о Шѣмцѣ и Тевтонѣ? Сколько его знаетъ исторія, это всегда былъ нѣсколько медленный, вдумчивый, разсудительный и осторожный индивидуумъ; однако, хотя медленно, но постоянно движущійся впередъ индивидуумъ. Можетъ быть, не слѣдуетъ ожидать ничего блестящаго, нѣжнаго, поэтическаго отъ подлиннаго типическаго Германца; но не будетъ ничего удивительнаго, если онъ совершитъ нѣчто поразительно великое—въ области мысли или дѣйствія,—ибо онъ владѣетъ ясною головою и твердою мыслию... Теперь что же остается сказать объ Англичанинѣ? Есть ли онъ вѣрное отраженіе кельтскаго или германско-тевтопскаго типа? Конечно, нѣтъ; оно не есть ни то, ни другое. Современный англійскій народъ есть точное изображеніе результата, какой долженъ былъ произойти отъ смѣшенія и соединенія двухъ элементовъ. Народъ въ одно и то же время высоко-честолюбивый и работающій; богато одаренный фантазією и практическіи; гордый и терпѣливый; энергическій и осторожный; религіозный и свободомыслящій, избивающій философиами

и куцами; изобрѣтательный, способный на открытія и любящій твердо держаться преданія—этотъ народъ на каждой страницѣ своей исторіи показываетъ, что онъ происходитъ ни отъ Тевтонской, ни отъ Кельтической націи, а отъ обѣихъ.

Недостатокъ этой попытки объяснить генезисъ англійскаго характера сліяніемъ двухъ нравственныхъ темпераментовъ, Кельтическаго и Германскаго, состоитъ опять-таки въ томъ, что авторъ совершенно опускаетъ изъ виду значеніе третьяго основнаго элемента, тѣмъ болѣе важнаго, чѣмъ онъ рѣзче отличался отъ первыхъ двухъ, элемента неарійскаго: о позднѣйшемъ норманскомъ можно и не говорить, такъ какъ въ данномъ вопросѣ никто не приписываетъ ему существеннаго значенія. Нужно припомнить, что въ фізіологическомъ отношеніи Англичане—суть, конечно, потомки Англо-Саксовъ, а затѣмъ—того смуглаго черноволосаго племени, которое только по ошибкѣ считалось кельтическимъ, и наконецъ,—уже на третьемъ мѣстѣ—потомки Кельтовъ, и что въ этомъ, то-есть, фізіологическомъ отношеніи различіе между Кельтами и Германцами было весьма незначительно. Не слѣдуетъ ли думать, что также не глубоки были и нравственныя отличія между обѣими бѣлокурными расами, и что причины отличія Англичанъ отъ Ирландцевъ заключаются не столько въ извѣстныхъ пропорціяхъ кельтической примѣси, сколько той другой—лигурійской или по инымъ, иберійской? Вопросу о „предкахъ и предшественникахъ Англійскаго народа“ посвятилъ нѣсколько лекцій и статей знаменитый англійскій натуралистъ Гѣксли; относительно наследственности характера онъ именно полагалъ, что не было никакого различія—ни физическаго, ни интеллектуальнаго, ни моральнаго—между расами кельтскою и германскою, и что сходству фізіологическому соответствовало здѣсь полное сходство психическое. Къ сожалѣнію, имѣя въ виду нѣкоторые политическіе выводы по отношенію къ Ирландіи, онъ вообще больше настаиваетъ на сходствахъ способностей и дарованій, чѣмъ на отличіяхъ, обусловливаемыхъ расою, и этимъ далъ поводъ обвинять себя въ полномъ отрицаніи какого-либо характеристическаго отличія между людскими породами, тогда какъ онъ именно заявляя общее убѣжденіе въ глубокомъ значеніи расы. Подобно другимъ антропологамъ настаивалъ на извѣстномъ намъ отличіи двухъ породъ—бѣлокурой и темноволосой, считая только первую арійскою, вторую неарійскою именуя иберійскою, и прямо провозглашая Пберовъ предками Британцевъ и въ частности Англичанъ, равно какъ и большинства Ирландцевъ, Гѣксли опять считаетъ нужнымъ дова

зать способность своихъ Иберовъ къ цивилизаціи, ихъ умственную и нравственную равноспособность съ Арійцами. Тождество и одинаковость даровитости всѣхъ трехъ основныхъ элементовъ, которые хотя и въ разныхъ пропорціяхъ вошли въ составъ англійской и ирландской націи, конечно, приводитъ къ необходимости признанія и политической ихъ равноспособности, и равноправности; но за то мало разъясненными остаются для насъ причины все-таки неподлежащихъ сомнѣнію особенностей темперамента и характера у разныхъ племенныхъ группъ Великобританскаго королевства ¹⁾). Для объясненія ихъ—хотя бы только приблизительнаго—мы опять должны будемъ возвратиться къ соображеніямъ историка и археолога, то-есть, въ данномъ случаѣ автора „Родословной Англійскаго народа“. Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на одну существенную ошибку и нѣкоторые частныя промахи, въ его разсужденіяхъ все-таки заключается значительная доля правды; и мы будемъ еще ближе къ истинѣ, если подъ его Кельтами будемъ понимать не первоначальную простѣйшую расу этого имени, а позднѣйшую сложную, образовавшуюся изъ ихъ смѣшенія съ покоренными неарійскими породами, которымъ Кельты сообщили и свой языкъ, и свое имл.

Можно замѣтить, что и древніе Галлы, какъ они описываются древними, все-таки имѣли отгѣнки, отличающія ихъ отъ Германцевъ; тѣмъ болѣе должны были развиться эти отличія при дальнѣйшихъ комбинаціяхъ, когда привазили новыя элементы. Мы не пытаемся опредѣлить таковыя отличія болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлано другими,—по только полагаемъ, что въ общемъ они приблизительно вѣрно обозначены у Беллоге, и у англійскаго автора.

IV.

Изученіе религіознаго быта древнихъ Кельтовъ представляетъ много трудностей, происходящихъ отъ качества самихъ источниковъ, изъ которыхъ мы можемъ почерпнуть о немъ свѣденія. Три главы у Цезаря, нѣсколько строкъ у Діодора и Страбона, нѣсколько стиховъ Лукіана, и отрывки Грека Тимогена, сохраненные Амміаномъ Марцеллиномъ — вотъ наши главныя источники. Они вообще сообщаютъ

¹⁾ Содержаніе публичной лекціи Гёксля и разборъ ея см. Англійскій *Athenaeum* 1870, 22-го и 29-го января. Затѣмъ: *Huxley, Critiques and Adresses*. Ср. *Revue critique* I, 175.

намъ не болѣе, какъ отрывочныя, недостаточныя и случайныя указанія. Даже Юлій Цезарь, имѣвшій всѣ побужденія ближе ознакомиться съ дѣломъ и не чуждый теоретическаго интереса къ религіознымъ вопросамъ, такъ какъ онъ писалъ о разныхъ способахъ гаданія не говоря уже о его первосвященническомъ санѣ,—все-таки ограничился общою характеристикю галльскаго вѣроученія и культа, приравливая ее къ невысокому уровню пониманія своихъ читателей. Самые умные люди древности мало заботились о постиженіи особенностей и точномъ уразумѣніи смысла чуждой миѳологии, а прежде всего хватались за сходства, хотя бы и совершенно вѣшнія ея образы съ божествами Греціи и Лаціума; они спѣшили приурочить чужихъ боговъ къ греческимъ и римскимъ, чтобы не сообщать варварскихъ и трудныхъ наименованій; довольствуясь однимъ или нѣсколькими пунктами подобія и тождества, они почти всегда предполагали полное совпаденіе функций тамъ, гдѣ могли быть существенныя и глубокія различія и т. д. Сверхъ того въ древности никакъ не менѣе, чѣмъ въ новыя времена была сильна склонность слѣдовать правилу: *omne ignotum pro magnifico*, т.-е. во всемъ отдаленномъ и мало извѣстномъ подозрѣвать нѣчто таинственное и глубокое; даже великій Аристотель не уберегся отъ этой слабости, говоря о друидахъ; и онъ готовъ былъ смотрѣть на ихъ ученіе, какъ на стройную философическую систему. Великую важность имѣютъ источники другого рода, оставшіеся также отъ древности—вещественныя памятники и надписи, воздвигнутыя и начертанныя хотя уже въ римское время и при римскомъ господствѣ въ Кельтскихъ странахъ, но еще ранѣе, чѣмъ угасли туземныя религіи, вѣрованія и культы, и сохраняющіе подлинныя имена и фигуры галльскихъ и британскихъ боговъ, иногда, вслѣдствіе особаго рода религіознаго синкретизма, почитаемыхъ подъ римскимъ именемъ и подъ туземнымъ прозваніемъ. Находки этого рода становятся все болѣе многочисленными и цѣнными, но до сихъ поръ онѣ еще не приведены въ порядокъ и не собраны въ одномъ изданіи. Мы знаемъ, что на надписяхъ С.-Жерменскаго музея въ Парижѣ насчитано 25 галльскихъ боговъ и 14 богинь, да сверхъ того еще 12 божественныхъ именъ, сохраняющихся только въ видѣ прозваній при римскихъ по наименованію богамъ. Такимъ образомъ надписи даютъ гораздо болѣе именъ, чѣмъ писатели, но зато почти однихъ только именъ; древніе авторы, особенно Цезарь, все-таки сообщаютъ нѣкоторыя данныя о характерѣ религіи Кельтовъ, объ основныхъ ея догматахъ, о суевѣріяхъ и обрядахъ, а здѣсь

мы имѣемъ одни сухія и голыя имена, и о значеніи ихъ можемъ судить — при томъ не всегда — только изъ сопоставленія кельтскаго названія рядомъ съ латинскимъ или вообще классическимъ — въ родѣ такихъ посвященій, какъ *Apollini Beleno*, *Minervae Belisamae*. Не слѣдуетъ пренебрегать этими односложными и безжизненными свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, они болѣе надежны и прочны, чѣмъ другія аналогіи и сравненія, вводимыя иногда слишкомъ поспѣшно въ изученіе галльской мифологіи. Мы приведемъ одинъ примѣръ, идущій прямо къ предмету нашей рѣчи. Въ русскомъ спеціальному сочиненіи о Галлахъ, которое мы уже нѣсколько разъ упоминали съ одобреніемъ, сдѣлана была весьма остроумная попытка построить и оживить зданіе галльской мифологіи при помощи аналогіи, систематически заимствуемыхъ изъ системы германскаго язычества, возстановленнаго въ привлекательной стройности трудами Гримма и его послѣдователей. Природа каждаго отдѣльнаго божества опредѣляется посредствомъ сравненія его съ германскимъ, причемъ римское названіе кельтскаго бога служитъ только ступеню для сближенія съ нѣмецкимъ. Всего лучше этотъ методъ характеризуется пространнымъ разсужденіемъ о Тейтатѣ, считаемомъ главнымъ божествомъ Галловъ; онъ совершенно совпадаетъ съ Вуотаномъ или Однимъ; все, что извѣстно объ одномъ, должно идти къ другому. Самое же тождество Вуотана и Тейтата въ сущности держится на томъ предположеніи, что галльскій богъ, какъ и германскій одинаково назывались Римлянами Меркуріемъ. Но вотъ, именно благодаря надписямъ, мы убѣждаемся, что у Галловъ Меркурію соответствовалъ вовсе не Тейтатъ, а какой-то другой богъ. Вся система русскаго автора, возведенная съ такимъ большимъ трудомъ и ученостію, оказывается потрясенною въ самомъ ее основаніи, благодаря открытію двухъ новыхъ односложныхъ надписей. Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ его сочиненіе всякому, кто желаетъ ближе познакомиться съ кельтскою мифологіею, паравѣсь съ новѣйшимъ болѣе краткимъ, но весьма разумнымъ и точнымъ изложеніемъ ея, принадлежащимъ одному изъ лучшихъ французскихъ кельтологовъ (*H. Gaidoz, Esquisse de la religion des Gaulois. Paris, 1879*).

Третьимъ источникомъ слѣдуетъ считать національные источники кельтской мифологіи, дошедшіе до насъ въ очень позднихъ и сомнительныхъ редакціяхъ, а также народныя повѣрья, преданія и суевѣрія, представляющія, конечно, весьма темный и смутный источникъ. Имслѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностію.

Въ своихъ комментаріяхъ о Галльской войнѣ (VI, 17) Цезарь говоритъ, что главный богъ Галловъ есть Меркурій, что его изображенія всего чаще встрѣчаются; Галлы почитаютъ его изобрѣтателемъ всѣхъ искусствъ, указателемъ путей и вождемъ путниковъ, наконецъ богомъ, имѣющимъ наибольшее вліяніе на денежную прибыль и на торговлю дѣла. Такимъ образомъ Галлы по Цезарю выше всѣхъ боговъ ставили того бога, который соотвѣтствовалъ латинскому Меркурію; отыскать настоящее галльское названіе этого бога, не указанное ни Цезаремъ, ни другими писателями, для насъ было бы очень важно; но въ то же время это оказывается наиболѣе труднымъ. Въ римское время ему поклонялись и самые Галлы подъ его латинскимъ названіемъ, такъ что Меркурій заставилъ позабыть туземное имя своего галльскаго собрата гораздо ранѣе, чѣмъ это случилось по отношенію къ другимъ богамъ, менѣе важнымъ. Къ сожалѣнію, и британская надпись 191 года (см. *Inscript. Britann. ed. Hübner, VII, N 271*), посвященная „богу, который изобрѣлъ пути и дороги“, *Deo qui vias et semitas commentus est*, не сообщила намъ его наименованія. О распространенности культа Меркурія въ Римское время свидѣлствуетъ большое количество надписей, посвященныхъ его имени, и множество статуэтокъ съ изображеніемъ этого бога; одна изъ нихъ массивнаго серебра была найдена въ Луксембургскомъ саду въ Парижѣ. Жертвенники Меркурію обыкновенно ставились на высокихъ мѣстахъ; такъ его храмъ стоялъ на вершинѣ Пюи-де-Дома (*Puy-de-Dôme*) въ Оверни; это такъ-называемый *Mercurius Dunias* или *Arvernus*, особенно почитаемый во всей Галліи; есть указанія на существованіе подобнаго храма и на Монмартрѣ. Множество названій различныхъ мѣстностей Франціи напоминаютъ культъ этого бога: *Mercœur*, *Montmercure*, *Mercurot*, *Mercury* и т. д. Иногда Меркурій является въ сопровожденіи женскаго божества, Росмерты (*Rosmerta*). Какъ сказано выше, отождествленіе Меркурія съ галльскимъ Тейтатомъ, считавшееся до послѣдняго времени несомнѣннымъ, не находитъ себѣ подтвержденія въ надписяхъ.

Изъ Лукіана мы узнаемъ, что Галлы почитали также Геркулеса подъ именемъ Огмія. Они изображали его въ видѣ дряхлаго, плѣшиваго старика; отъ его языка спускались и шли назадъ пряди золотыхъ нитей, которыя прикрѣплялись затѣмъ къ многочисленнымъ ушамъ влекомой этими узами толпы. Само собою разумѣется, что это есть аллегорическое и символическое изображеніе могущественнаго вліянія краснорѣчія, приковывающаго къ словамъ оратора вни-

мавіе слушателей. Но во всякомъ случаѣ отождествленіе дряхлаго старика, спялаго вовсе не физическою силою, съ Геркулесомъ представляется страннымъ; можно подумать, что оно принадлежитъ лично самому греческому остроумцу, не падившему въ своихъ насмѣшкахъ ни людей ни боговъ, и основано развѣ только на сходствѣ внѣшнихъ атрибутовъ, такъ какъ Огмій изображался съ палицею въ одной рукѣ, съ лукомъ въ другой и колчаномъ за плечами (по описанію слагаго Лукіана). Настоящая природа этого божества, нужно думать, ближе и точнѣе выражается самымъ значеніемъ слова, самымъ смысломъ его названія. Огміосъ значитъ знающій, ученый, чтѣ весьма идетъ къ богу краспорѣчія. Слово это до настоящаго времени сохранилось въ ирландскомъ Огам (ogham), которое означаетъ особый родъ древняго письма, употреблявшійся въ надписяхъ на камняхъ и извѣстный еще писателямъ IX вѣка (см. А. И. Георгіевскаго, Галлы, стр. 156). Самъ изобрѣтатель этихъ писемъ, идущихъ съ низу въ верхъ, назывался Огмою (Ogma). Соответствующимъ и совершенно синонимическимъ выраженіемъ является слово Visucius (отъ корня visu—vidtu—вѣдаю), вѣдающій, знающій, мудрый; а это послѣднее прямо присоединяется на надписяхъ въ видѣ прованія къ имени Меркурія. На этихъ основаніяхъ съ римскимъ Меркуріемъ всего естественнѣе было бы сопоставить Огмія или Огму, галльскаго бога краспорѣчія, тѣмъ болѣе, что Меркурій въ числѣ прочихъ искусствъ былъ также изобрѣтателемъ письма. Возможною представлялась догадка, что если Цезарь не даетъ мѣста на Галльскомъ Олимпѣ Геркулесу, то именно потому, что онъ держался другой системы приуроченія, болѣе соответствующей существу дѣла, чѣмъ остроумныя сопоставленія Лукіана. Таковы были предположенія, высказанія новѣйшими знатоками кельтической древности въ недавнее время ¹⁾. Къ этому можно было бы прибавить и то, что сказочный великанъ Г'аргантуа, Г'аргантъ или Гургунтъ, въ которомъ узнаютъ Геркулеса, не даетъ никакихъ чертъ сходства съ богомъ краспорѣчія, а напротивъ заставляетъ думать о солярномъ и плодотворящемъ значеніи соответствующаго кельтскаго бога (см. Gaidoz, Gargantua: *Revue archéolog.* 1868). Но теперь намъ указываютъ на другое кельтическое божество, еще болѣе подходящее по своимъ функциямъ къ Меркурію; это есть Луг или Lugus (род. Lugovas), имя кото-

¹⁾ См. статью *Arbois de Jubainville—Revue archéolog.* 1873. Ср. *Dejardins, Geogr. de la Gaule.* II, 505.

раго слышалось нѣкогда въ галльскомъ названіи Ліона—Lugu-dunum. Лугъ играетъ важную роль въ ирландскихъ преданіяхъ; тамъ онъ прозывается главою пли княземъ многообразныхъ ремеслъ пли занятій (sab iildáinach). Въ одной легендѣ онъ является на помощь богамъ неба и свѣта въ борьбѣ съ богами моря и смерти. Кто ты? спрашиваетъ Луга привратникъ. Я плотникъ, отвѣчаетъ Луга. У насъ уже есть искусный плотникъ, говоритъ привратникъ: ступай прочь. Но я хорошій кузнецъ, опять говоритъ Лугъ. Хорошій кузнецъ также есть на лицо. Лугъ предлагаетъ себя попеременно въ качествахъ опытнаго воина, игрока на арфѣ, поэта, законовѣда, врача, колдуна, и когда оказывается, что всѣ эти специальности уже заняты, то онъ заявляетъ себя такимъ мастеромъ на всѣ руки, какого уже конечно не могло быть: онъ способенъ былъ съ одинаковымъ знаніемъ и искусствомъ заниматься всѣми ремеслами, и на этомъ основаніи былъ прилитъ въ союзники; предъ сраженіемъ онъ дѣлаетъ смотръ всѣмъ людямъ ремесла, fer dána, въ числѣ которыхъ названы плотники, кузнецы, поэты, друиды, кудесники, врачи и проч. Вотъ настоящій богъ всѣхъ искусствъ, omnium inventor artium. Сверхъ того, онъ имѣлъ прямое отношеніе къ торговлѣ и барышамъ, такъ какъ каждый годъ въ день, ему посвященный (Lug—nasad), именно 1-го августа, бывали въ Ирландіи большія ярмарки (oenach), на которыхъ совершались всякаго рода сдѣлки, хотя эти собранія имѣли также религіозное и политическое значеніе. На его почитаніе въ другихъ мѣстахъ, кромѣ имени Лугудунима (Ліона), указываютъ двѣ надписи—одна испанская, другая швейцарская въ честь Lugoves (во множ.), изъ коихъ первая сдѣлана отъ имени ремесленниковъ, занимавшихся приготовленіемъ обуви ¹⁾. Лугъ, въ ирландскихъ мифологическихъ преданіяхъ, отличенъ отъ Огмы, изобрѣтателя огамического письма; когда Лугъ предлагаетъ себя какъ солдата, привратникъ ему отвѣчаетъ: намъ нечего съ тобою дѣлать, у насъ есть Огма. И такъ, Огма все-таки есть патронъ по преимуществу людей военнаго ремесла, а Лугъ какъ всѣхъ другихъ, такъ и этого...

Послѣ Меркурія, читаемъ мы у Цезаря, Галлы почитаютъ Аполлона и Марса, Юпитера и Минерву; объ этихъ богахъ они имѣютъ почти такое же представленіе, какъ и другіе народы. Аполлонъ про-

¹⁾ См. *Arbois de Jubainville*, *Etudes sur le droit celtique* pag. 83. Онъ, однако, не обратилъ вниманія на изображеніе генія Ліона на монетахъ; рогу изобилія въ его лѣвой рукѣ тоже напоминалъ бы Меркурія: *Revue celtique* IV, 26.

гопяетъ болѣзни, Минерва сообщаетъ начатки ремеслъ и искусствъ; Юпитеръ владѣетъ небеснымъ пространствомъ, Марсъ ведетъ войны весьма часто, принявъ рѣшеніе вступить въ битву, они заранѣе посвящаютъ сему послѣднему то, что будетъ взято на полѣ сраженія.

И такъ, второе мѣсто среди галльскихъ боговъ занимаетъ Аполлонъ. Онъ является на надписяхъ Галліи, Британіи и Норика съ весьма разнообразными прозваніями или эпитетами; изъ нихъ особенно часто повторяются Белепъ, *Belenus* или *Belinus*, Борвопъ, *Bovo* и Гранпъ, *Grannus*. Такъ какъ эти имена встрѣчаются также и отдѣльно, то слѣдуетъ полагать, что они обозначаютъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ боговъ, родственныхъ между собою и съ Аполлономъ. Изображеніе Белена въ видѣ свѣтлаго юноши, жертвы ему приносимыя, состоявшія изъ плодовъ и хлѣбныхъ колосьевъ (на барельефѣ, найденномъ въ Норикѣ близъ пынѣшняго Клагенфурта), обнаруживаютъ въ немъ божество солнечнаго происхожденія. Въ III вѣкѣ по Р. Х. Белепъ былъ почитаемъ въ совершенно римскомъ городѣ Аквилей и сопоставлялся прямо съ Аполлономъ. Римскій поэтъ IV вѣка по Р. Х. Авзоній упоминаетъ о существованіи такого же культа въ выѣшнемъ Вауехъ (въ Нормандіи). Въ собственной Галліи онъ, впрочемъ, былъ болѣе извѣстенъ подъ другими названіями въ качествѣ бога цѣлителя, прогоняющаго болѣзни. Ему принадлежали цѣлебныя источники и разнаго рода травы, которымъ приписывалась такая же сила. Какъ богъ теплыхъ ключей, онъ назывался Борвономъ и сообщилъ наименованіе нѣсколькимъ мѣстностямъ во Франціи: *Bourbon l'Archaubaut*, *Bourbon-Lancy*, *Bourbonne les Bains* первая изъ нихъ дала имя знаменитой французской династіи Бурбоновъ. Въ латинскомъ названіи Ахена, *Aquisgranum*, *Aquae Granni*, сохранилось третье наименованіе божества, приводимаго въ связь съ Аполлономъ. *Grannus*, какъ и Борвопъ, почитался въ мѣстностяхъ, славившихся цѣлительною силою своихъ водъ, при теплыхъ ключахъ, при мѣстахъ купаній, любимыхъ Галло-римлянами. Его почитали при истокѣ Граппа въ Вогезахъ, Гроны (*Grosne*) въ древней странѣ Одуевъ при городѣ Гранъ (*Gran*) въ Секваніи, въ Пломбьерѣ, въ мѣстностяхъ на Рейнѣ и Дунаѣ, во всей Галліи и въ Каледоніи. Слово Аполлонъ ясно видно въ такихъ названіяхъ, какъ *Poligny*, *Polignac*. Одна глосса, сохраняемая въ словарѣ Кормака (IX вѣка, см. ниже), сообщаетъ, что языческіе Прлапдцы имѣли бога, называемаго Біалъ, которому посвященъ былъ праздникъ Белтенъ, что значитъ огонь Біала. Въ этотъ день, говорится въ словарѣ Кормака, друиды громко распѣвали ма-

гическія пѣсни, зажигали два костра, между которыми должны были проходить стада животныхъ, и это предохраняло скотъ на цѣлый годъ отъ варазы.—О Белтиніихъ или Беалтиніихъ, праздновавшихся весною 1-го мая, сохранилась очень хорошая память въ народныхъ преданіяхъ, обрядахъ, суевѣріяхъ и поговоркахъ Ирландіи и вообще Кельтическихъ странъ острова. Отсюда видно, что это былъ торжественный праздникъ въ честь солнца и огня, соотвѣтствующій римскимъ Палиліямъ, отчасти нашему Юрьеву дню (см. Галлы А. И. Георгіевскаго, стр. 139; Elton, pag. 270, 294 и проч.). Въ центральномъ пунктѣ Ирландіи, въ городѣ Уизнекъ (Uisnech), въ этотъ праздникъ кельтскаго Волоса собиралась большая народная сходка, соединявшаяся вмѣстѣ съ ярмаркою; разбирались и рѣшались судебныя дѣла; женщины отыскивали себѣ жениховъ или лучше новыхъ мужей на предстоящій годъ, такъ какъ въ Ирландіи были въ обычаѣ браки, заключаемые на такой краткій срокъ ¹⁾. Если тутъ окажется какое сходство съ праздникомъ лѣтняго солнцестоянія въ другихъ мѣстахъ, то это сходство еще болѣе увеличивается принадлежностію Белену разныхъ цѣлебныхъ травъ и растений, собираемыхъ съ пріемами таинственности и волшебства въ опредѣленные для того сроки (Георгіев. Галлы 139. Elton p. 260 и пр.).

Спутницею Борвона часто является богиня Дамона, а спутницею Аполлона—богиня Сирона; послѣдняя встрѣчается и сама по себѣ, при чемъ изображалась съ такими атрибутами, какъ хлѣбные колосья и виноградная лоза, что заставляетъ считать ее богиней земледѣлія и плодородія.

Марсъ на надписяхъ является съ эпитетами Камула (Camulus), Сегомона (Segomo), Тейтата, Катурикса, Альбіорикса и т. д. Первые два названія встрѣчаются также самостоятельно, обозначая особыхъ галльскихъ боговъ. Имя Камула сохранилось въ названіи одного поселенія въ Британіи, Камуллодонуна, упоминаемаго Тацитомъ и превращеннаго въ первую римскую колонію (теперь Кольчестеръ, Coloniae castrum); оно читается также на британскихъ монетахъ, сопровождаемое воинственными эмблемами. Въ Британіи же найдена надпись, посвященная Марсу Тоутату, Marti Toutati; съ нею слѣдуетъ сопоставить ту, которая отыскана въ древнемъ Норикѣ въ нынѣшней Штиріи (близъ колоніи Flavia Solva, Seckau) и читается такъ: Marti Latobio Harmogio Toutati Sinati Mogenio ex

¹⁾ *Arbois de Jubainville. Etudes sur le droit celtique, p. 84.*

voto (Corpus inscript. III № 5320). Очевидно, что и во второмъ случаѣ подѣ разными названіями разумѣется одно и тоже божество. Нѣтъ никакого основанія отличать отъ этого Тоутата знаменитаго и сграшнаго Тейтата, о которомъ говоритъ Лукіанъ въ ниже приводимомъ мѣстѣ Фарсалиды. Отождествленіе Тейтата съ Меркуріемъ, основываемое сначала на неправильномъ чтеніи одного мѣста у Тита Лвія (XXVI, 44), затѣмъ поддерживаемое посредствомъ довольно произвольнаго сопоставленія съ германскимъ Вуотпомъ, должно быть оставлено ¹⁾. Спутница Марса есть богиня Неметона, извѣстная въ Ирландіи подѣ именемъ Немоны (Nemon), военной фурии, играющей важную роль въ народныхъ сказкахъ. Кромѣ вышеприведенныхъ названій, подѣ которыми Марсъ почитался по всей Галліи и другимъ Кельтическимъ областямъ, онъ послѣ нѣсколько чистомѣстныхъ названій, какъ это видно изъ надписей: Marti Randosati (Randaun въ Puy-de-Dôme), Sogomoni Cunctino (Contes въ округѣ Ниццы) и т. д. Минерву Галлы почитали подѣ именемъ Белизамы, такъ какъ есть надпись, дѣлающая такое сопоставленіе: Minervae Belisamae.

Теперь намъ нужно найти кельтическаго Юпитера. Въ надписяхъ встрѣчаются посвященія: Iovi Tarapiso; Deo Tarapiso; Iovi Optimo maximo Tarapo. Тотъ же богъ, очевидно, названъ у Лукіана Таранисомъ (Taranis) и поставленъ на ряду съ Тейтатомъ. Всѣ эти сходныя выраженія содержатъ въ себѣ кельтское коренное слово, обозначающее громъ. Тараниса, поэтому, узнаютъ въ статуэткахъ, представляющихъ человѣческую фигуру съ молоткомъ въ рукѣ, потому что молотокъ обычный символъ молніи; хотя другіе — на довольно слабыхъ, кажется, основаніяхъ — приписываютъ эти изображенія богу Диту или Плутону, о почитаніи котораго Галлами то же говорится у Цезаря (статья Barthelemy въ первомъ выпускѣ *Revue celtique*). Предполагаютъ, что въ ближайшей связи съ Таранисомъ находились нѣкоторыя растенія, какъ-то дубъ и рябина, въ частности тѣ вѣтви ея, которыя выросли на другихъ деревьяхъ, и особенно чужденное растеніе на дубахъ, знаменитая омела (qui, viscus), собиранію которой друидами придавалась прежде такая громадная важность (см. А. П. Георгіевскаго: Галлы, стр. 118—119).

¹⁾ Его, однако, держатся, кромѣ русскаго вышеупомянутаго ученаго, Беллогэ и даже Бергранъ (*Revue archéolog.* 1881 г. pag. 80). Гедозъ и Елтонъ, а также Арбуа-де-Жюбанвилль отказались отъ стараго мнѣнія.

У двухъ писателей и на одномъ любопытномъ памятникѣ встрѣчается названіе еще одного галльскаго бога, очевидно, занимавшаго первостепенное мѣсто въ кельтскомъ пантеонѣ, такъ какъ писатели сопоставляютъ его съ Тейтатомъ—Марсомъ и Таранисомъ—Юпитеромъ. Вмѣстѣ съ этими двумя богами онъ имѣлъ кровавую привилегію человѣческихъ жертвъ и назывался Езусомъ.

Въ 1711 году, когда производились раскопки подъ вѣпросомъ собора Парижской Богоматери, найдены были посвященные камни, поставленные еще при Тиберіи ассоціаціею перевозчиковъ черезъ Сену (Nautae Parisiaci). На этихъ каменныхъ плитахъ съ четырехъ сторонъ сохранились барельефы, изображающіе различныхъ галльскихъ боговъ. Фигура, вооруженная сѣкирою, находящаяся посреди лѣса, и совсѣмъ не имѣющая никакого сходства съ Аресомъ или Марсомъ, обозначена совершенно отчетливо надписью на верху Esus. Другія надписи гласятъ: Volcanus, Iovis, Tarvos Trigaranus, Castor, Сегниппос,—словомъ, тутъ смѣшаны имена туземныхъ и римскихъ боговъ. Переводъ словъ Tarvos Trigaranus облегчается изображеніемъ находящагося внизу барельефа: на немъ представленъ быкъ, на спинѣ котораго сидятъ три птицы; и такъ слова значатъ „быкъ съ тремя журавлями“; но самый смыслъ мифа или символа остается совершенно темнымъ. Сегниппосъ представленъ въ видѣ старика съ оленіими рогами на головѣ; значеніе этой фигуры тоже не разъяснено сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Но такъ какъ римскія названія указываютъ на боговъ, то и подъ галльскими изображеніями приходится разумѣть существа божественныя и слѣдовательно отвергнуть предположеніе, что фигура съ сѣкирою представляетъ друида, вышедшаго собирать омелу.

Такимъ образомъ, самыя выдающіяся, главныя, наиболѣе распространенныя фигуры галльскаго Олимпа—это Тейтатъ, Таранисъ и Езусъ. Мы можемъ предположить, что именно они изображаются на барельефахъ въ видѣ такъ-называемыхъ галльскихъ триадъ, встрѣчающихся довольно часто на памятникахъ. Триадами мы называемъ прежде всего изображенія трехъ боговъ вмѣстѣ; при чемъ главное божество представляется сидящимъ посрединѣ съ поджатыми на постычній манеръ и перекрещенными ногами; иногда встрѣчаются изображенія одного, по трехголоваго божества (трикефалія), или же наконецъ комбинація того и другаго—триады и трикефаліи, то-есть, изображеніе трехъ боговъ, изъ коихъ средній является съ тремя головами. По поводу одного недавняго открытія о трикефаліяхъ и триадахъ

помѣстилъ нѣсколько статей въ *Revue Archéologique* 1880 года А. Бертранъ. Онъ разсматриваетъ отдѣльно главные атрибуты фигуръ изображенныхъ на большомъ Святскомъ (*Saintes*) жертвенникѣ: 1) поджатая, сложенная на крестъ ноги сидячаго главнаго бога (*attitude ascotricie*) представляютъ поразительную аналогію съ обычною позою индійскихъ и буддійскихъ боговъ; 2) рога, украшающіе головы, какъ главнаго бога, такъ и другихъ, — тоже восточный символъ, отчасти, впрочемъ, свойственный и греческому Діонису; 3) ожерелье (*torques*) есть не только галльское украшеніе: на персидскихъ памятникахъ эпохи Ахеменидовъ такъ изображаются цари; 4) тровичность (тріада) и трехголовость напоминаетъ опять Индію, но встрѣчается и у другихъ арійскихъ народовъ; 5) кошелекъ въ рукахъ главнаго бога есть атрибутъ, свойственный Меркурію; 6) свастика опять указываетъ на восточное родство. Во всемъ этомъ еще много загадочнаго. Изображенія относятся къ римскому времени и нѣкоторыя сдѣланы римскими и греческими художниками, но идея ихъ, конечно, древняя, и будучи связана съ таинственными восточными культурами, принадлежитъ кельтской мифологіи. Прибавимъ, что въ средней главной фигурѣ Бертранъ признаетъ Езу са, который такимъ образомъ возводится на степень главнаго галльскаго божества, и слѣдовательно долженъ соотвѣтствовать Меркурію Юлія Цезаря: на ряду съ Огніемъ, котораго впрочемъ лучше оставить въ званіи Геркулеса, хотя и съ нѣкоторою двойственностію компетенціи (военное ремесло и огамическое письмо), это уже третій претендентъ на сдѣлавшійся вакантнымъ (послѣ Тейтата) главный тронъ кельтскаго Олимпа. Однако, совсѣмъ не будетъ удивительно, если окажется возможнымъ и нужнымъ признать Езу са и Луга за одно и то же лице, что повело бы къ окончательному соглашенію всѣхъ противорѣчій. Кромѣ трехъ главныхъ мужскихъ фигуръ на барельефахъ, изображающихъ тріады, встрѣчаются женскія, признаваемые за Росмерту и Эрекуру (*Aercurga*); послѣдняя соотвѣтствуетъ Прозерпинѣ.

Возвращаемся къ предполагаемымъ тремъ главнымъ богамъ. Известно, что и въ стихахъ Фарсалиды, гдѣ говорится о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, названы три бога (*I vers. 445*):

*Immitis placatur sanguine dro
Tentates, horrensque feris altaribus Hesus,
Et Taranis. Scythicae non mitior ara Dianae.*

Лактанцій называетъ только первыхъ двухъ, переставляя порядокъ: Галлы умилоствовали человѣческою кровію Езу са и Тейтата *Galli* часть ссххш, отд. 2.

Es um atque Teutatem humano cruore placabant. Весьма естественно предполагать, что здѣсь мы встрѣчаемся съ главными боже-ствами, съ тѣми, которыя должны были входить въ составъ триады, что ужасными жертвами умиловывали наиболѣе могущественныхъ и грозныхъ владыкъ. Самыя кровавыя жертвы, которыя съ такой мрачной стороны характеризуютъ религію древнихъ Кельтовъ, не всегда имѣли одинъ и тотъ же смыслъ и назначеніе, такъ что если одинъ видъ ихъ служилъ къ чтенію бога войны, то другой могъ быть угоднымъ болѣе кроткому галльскому Меркурію или даже неназванному у Лукана Аполлону-Белену. Приносили въ жертву, во-первыхъ, военнопленныхъ, иногда согласно съ обычаемъ, заранѣе давшимъ предъ сраженіемъ богу войны, Марсу—Тейтату. Суровый обычай—не чуждый, однако, и прочимъ индо-европейскимъ народамъ и между прочимъ Германцамъ. У Литовцевъ, которые долѣе всѣхъ своихъ собратій отстаивали свое язычество, онъ удерживался до второй половины XIV вѣка, когда они еще приносили въ жертву богамъ нѣмецкихъ рыцарей Тевтонскаго ордена. Было у Кельтовъ въ обычаѣ заколатъ предъ алтарями боговъ или же сожигать разнаго рода злодѣевъ и преступниковъ, какъ-то воровъ и разбойниковъ; такого рода жертвы считались угодными, между прочимъ, и тому богу, отъ котораго зависѣло плодородіе земли и урожай даннаго года; не слѣдуетъ ли дополнить и выгода земледѣльца? Этимъ объясняется неясное мѣсто Страбона, въ которомъ говорится, что чѣмъ больше у друидовъ было убитыхъ дѣлъ по смертоубійству, тѣмъ болѣе, по убѣжденію Галловъ, нужно было ожидать плодородія, то-есть, тѣмъ милостивѣе становилось божество. Цезарь, однако, дѣлаетъ замѣчаніе, что въ случаѣ недостатка преступниковъ закалывали и невинныхъ. Далѣе прямо сказано, что жертва иногда требовалась для отвращенія гнѣва боговъ выразившагося въ какомъ нибудь, насланномъ бѣдствіи. Позднѣйшія сказанія и легенды сообщаютъ объ избіеніяхъ плѣнниковъ для прекращенія болѣзни и заразы, о принесеніи въ жертву дѣтей для прекращенія засухи и неурожая (Elton, p. 272, 274). Но не только общественныя, и частныя бѣдствія и опасности могли вызывать такія крайнія мѣры. По словамъ Цезаря, Галлы, подвергнувшіеся тяжелой болѣзни или же угрожаемые опасностію смерти на войнѣ или какъ иначе, либо сейчасъ же прибѣгали къ человѣческой жертвѣ, либо давали въ этомъ обычѣ; впрочемъ, прибавляетъ нашъ авторъ, и этого рода жертвоприношенія имѣли публичный характеръ, т.-е. могли быть совершены только чрезъ посредство друидовъ.—Во всѣхъ странахъ Европы распространены пре-

данія и повѣрья, указывающія на необходимость человѣческой жертвы при постройкѣ новаго дома, только въ послѣдствіи замѣненной закланіемъ лошади, барана или пѣтуха: разказывается о кропленіи основанія кровью дитяти, о закладываніи въ стѣну живой дѣвушки и т. д. Въ ирландскихъ мифическихъ сказкахъ, а также въ исторіи Ненніа о королѣ Вортигернѣ сообщаются подобные случаи; домъ или замокъ не строится, собранные матеріалы безслѣдно исчезаютъ, пока, по совѣту мудрецовъ, основаніе не будетъ окроплено кровью невиннаго дитяти. Даже древнѣйшій кельтскій святой, именно Колумбанъ по легендарному изводу его житія, считаетъ необходимымъ для прочности здавія вызвать добровольное самопожертвованіе одного изъ своихъ учениковъ (Elton, p. 274). Наконецъ, говорится о добровольномъ принесеніи себя въ жертву родственниковъ умершаго и о саможиганіяхъ на одномъ кострѣ съ его трупомъ. Римлянамъ не чужды были воспоминанія о человѣческихъ жертвахъ, нѣкогда совершавшихся для спасенія государства и окончательно отмѣненныхъ только въ 97-мъ году до Р. Х.; но они особенно поражались многочисленностію ихъ въ Галліи и ужасными способами исполненія. Плѣнные и накопившіеся въ продолженіи извѣстнаго срока преступники сжигались цѣлыми массами. Изъ древесныхъ вѣтвей, либо изъ сѣна приготовлялись колоссальной величины фигуры; члены ихъ наполнялись живыми людьми, а также скотомъ и звѣрями; потомъ фигуры зажигались и охваченные пламенемъ люди и животныя погибали. Отдѣльныхъ лицъ закаляли съ разными приѣмами сами жрецы, пользуясь своею жертвою для разнаго рода гадапій о будущемъ по ея предсмертнымъ судорогамъ и т. д. Любопытны остатки ужаснаго обряда долго державшіеся во Франціи. Описанныя Цезаремъ чучела, сплетаемая изъ явовыхъ вѣтвей, употреблялись до нашего времени, только содержимое ихъ измѣнилось по обыкновенному приѣму замѣнять людей животными. Во многихъ мѣстностяхъ названной страны было обыкновеніе бросать въ купальскіе огни (*le feu de la Saint-Jean*) мѣшки или явовыя корзины, содержащія въ себѣ кошекъ, собакъ лисицъ, волчатъ. Въ прошедшемъ столѣтіи подобную церемонію исполняли въ городахъ мэръ и эшеваны, сжигавшіе въ корзинахъ по двѣ дюжины кошекъ. Въ Парижѣ это обыкновеніе было уничтожено въ началѣ царствованія Людвига XIV (Gaidoz, *Esquisse*, pag. 22). Можно думать, что и во времена Юлія Цезаря все сожженія людскія совершались въ тотъ именно праздникъ лѣтняго солнцестоянія, который потомъ превратился въ Ивановъ день.

Если культъ главныхъ боговъ съ его человѣческими жертвоприношеніями придавалъ религіи Кельтовъ суровый и мрачный характеръ, то въ ней была другая сторона, вполне ясная, свѣтлая и радостная. При сужденіяхъ о прирожденномъ гениі галльскаго или кельтскаго племени поступаютъ многіе несправедливо и неосторожно, обращая вниманіе только на одну темную сторону. Кромѣ общихъ боговъ племени, имѣвшихъ національное значеніе, у Кельтовъ было множество второстепенныхъ и мѣстныхъ божествъ; они наполняли воды, лѣса, долины и горы, и стояли гораздо ближе къ человѣку, находились къ нему въ болѣе постоянныхъ и въ тоже время болѣе интимныхъ отношеніяхъ; въ сущности характеръ религіозныхъ воззрѣній народа опредѣляется не столько тою высшею, сколько этою низшею міологіею. Какъ и другіе арійцы, Кельты съ большою легкостію превращали предметы и явленія природы въ нѣчто божественное и живое: каждая мѣстность и каждый источникъ получалъ своего гениа, одушевляющаго ихъ и господствующаго въ нихъ. Арденнскій лѣсъ былъ посвященъ богинѣ Ардуиннѣ (*dea Arduinna*); Черный лѣсъ (Шварцвальдъ) богинѣ Абнобѣ (*dea Abnoba*); есть надписи, свидѣтельствующія о почитаніи Вогезовъ — неизвѣстно лѣса или самихъ горъ; встрѣчаются благодарственные посвященія „шести деревьямъ“ (*sex arboribus*), и „феямъ дубовъ“ (*fatis dervonibus*). Рѣки тоже были предметомъ культа какъ свидѣлствуютъ надписи: *Deae Sequanae* (богинѣ Сены), *Deae Iouanni* (богинѣ Юнны). Озерамъ еще во время Григорія Турскаго въ Галліи приносили жертвы. Города и поселенія тоже наконецъ были божествами, то-есть, имѣли патроновъ, которые носили ихъ имена и были предметомъ почитанія. Наиболѣе было распространено почитаніе водныхъ источниковъ; водные духи—обыкновенно женскаго пола—считались благодѣтельными друзьями человѣка; они изцѣляли его болѣзни, облегчали страданія, избавляли отъ всякихъ бѣдъ. Культъ источниковъ близко граничилъ и, повиднмому, часто совпадалъ съ почитаніемъ топоческихъ божествъ; это особенно относится къ такъ называемымъ богинямъ (*deae*), родоначальницамъ позднѣйшихъ фей. Ихъ долго всѣ принимали за олицетвореніе извѣстныхъ городовъ и мѣстечекъ, имя которыхъ онѣ носятъ, за гениевъ мѣста. Но кажется, очень трудно допустить, чтобы въ римское время, къ которому относятся и надписи и самое начало существованія олицетворяемыхъ мѣстностей въ видѣ городовъ и значительныхъ поселеній, возможенъ былъ апофеозъ всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ, часто очень неважныхъ городовъ и общинъ: довольно было боготво-

ренія самаго города Рима вмѣстѣ съ Августомъ, и не было никакого основанія ставить на ряду съ ними какой нибудь Немаузъ (Нимъ) или Вазіонъ (Vaison). Въ настоящее время съ большими признаками основательности полагаютъ, что начало почитанія богинь относится къ до-Римскому времени, что въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ оно иногда предшествовало самому возникновенію городовъ и мѣстностей, и слѣдовательно относилось первоначально не къ нимъ, а къ источникамъ, отъ которыхъ по распространенному вездѣ обычаю получали потомъ наименованіе города и селенія, при нихъ возникавшія. Самый характеръ культа указываетъ больше на источники, чѣмъ на города; потому что даже олицетворенный въ видѣ генія городъ трудно себѣ представить въ роли врача и цѣлителя. Между тѣмъ многочисленныя памятники культа галльскихъ богинь суть просто посвященія, сдѣланныя по обѣту (ex voto) въ благодарность за исцѣленіе, или же другаго рода благодареніе; вообще это суть акты личной публичности, мало идущія къ холодному олицетворенію политическаго характера. Почти всѣ памятники такого рода происходятъ съ береговъ какого-нибудь источника, либо изъ сосѣдства съ нимъ, иногда изъ храмовъ, посвященныхъ этимъ благодѣтельнымъ божествамъ. Если слѣдить исторію и позднѣйшую филиацію этого культа богинь въ новѣйшихъ селеніяхъ и деревняхъ, то почти всегда его находятъ при священныя источники, еще до нынѣ посѣщаемыхъ поселянами съ цѣлію получить избавленіе отъ болѣзни, обезпечить здоровье дѣтей, благосостояніе скота и хорошую жатву. Мало источниковъ, посѣщаемыхъ пилигримами, гдѣ бы не нашлось старыхъ слѣдовъ культа геніевъ—или въ остаткахъ нѣкогда тутъ существовавшихъ алтарей или въ изображеніяхъ всякаго рода, находившихся поблизости, или въ обрядахъ, оставшихся неизмѣнными со временъ глубокой древности. На этихъ основаніяхъ полагаютъ, что даже богъ Vasio и богъ Немаузъ были собственно геніями источниковъ Увезы (Ouvéze) и Немозы (Nemause), а не олицетвореніемъ городовъ Вэзона и Нима, и тѣмъ болѣе богини Vesunna, Aventia, Divona, Bibracte не были олицетвореніями мѣстъ, гдѣ отыскиваются ихъ ex-voto. Источникъ предшествовалъ городу и не былъ обоготворенъ благодаря ему, но напротивъ, городъ принялъ имя обоготвореннаго источника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ его храмы стали поступать приношенія въ честь генія источника. Въ римское время Галлы продолжали воздавать источникамъ почитаніе, къ которому привыкли раѣе; чужая цивилизація измѣнила только вѣщія формы культа, не уничтожая сущности. Какъ и прежде,

они ходили къ источникамъ пить воду, чтобы прогнать лихорадку, приносили въ жертву богинѣ яйцо, монету, свой посохъ; но тогда какъ древніе Галлы мало заботились объ образахъ и ограничивались нѣсколькими суеверными дѣйствіями, ихъ потомки галло-римской эпохи заимствовали обычай дѣлать изображенія и фигуры богинь, сочинять и вырѣзывать на плитѣ благодарственные посвященія ¹⁾).

Не менѣе дружелюбный и свѣтлый характеръ имѣли другія женскія божества, извѣстныя подъ именемъ Богинь-матерей: *deae matrae*, *deae matronae*, *déeses mères*. Хотя и сомнительно, чтобы ихъ названіе происходило отъ Кельтскаго слова, заключающаго идею охраненія ²⁾, все-таки ихъ культъ явно былъ народнымъ кельтскимъ, и сопоставленіе ихъ съ классическими парками, встрѣчающееся на нѣсколькихъ памятникахъ (*Robert, Epigraphie de la Moselle*, p. 50), служить только новымъ тому доказательствомъ, такъ какъ паркн во всякомъ случаѣ имѣютъ развѣ какое отдаленное родство съ ними. Богини-матери, подобно паркамъ, изображаются втроемъ, и обыкновенно представляются на барельефахъ въ видѣ молодыхъ женщинъ съ выраженіемъ благосклоннымъ и серіознымъ, одѣтыхъ въ длинныя одежды съ широкими складками, средняя обыкновенно въ сидячемъ положеніи,—съ плодами или цвѣтами въ рукахъ, съ дитятею или нѣсколькими на колѣняхъ; впрочемъ есть памятникъ, на которомъ всѣ три стоятъ и держатъ въ рукахъ плоды или цвѣты. Означенные атрибуты даютъ право разсматривать „матерей“, какъ божества полевныя, приносящія обиліе и урожай, представляющія производительную силу природы. Онѣ заставляютъ созрѣвать жатву, онѣ также заботятся о продолженіи семьи и рода, о благостояніи городовъ и общинъ. Богини-матери, находящіяся въ очевидномъ родствѣ съ богинями источниковъ и часто приурочиваемыя подобно имъ къ извѣстному мѣсту—*Matribus Treveris* (въ Трирѣ), *Matrebo Namasicabo* (въ Нимѣ), были наиболѣе возлюбленными геніями Галльскаго народа; громадная популярность ихъ культа засвидѣтельствована числомъ па-

¹⁾ Наиболѣе подробное изслѣдованіе о богиняхъ въ статьяхъ *Bulliot, L'exvoto de la dea Bibracte-Revue celtique* I, 306. II, 21.

²⁾ Беллоге и другіе производили наименованіе отъ Кельтскаго *maer*, *mair*. охраняющій, надзирающій; но чтеніе *maigabus*, которое служило поддержкою такого производства, оишь отвергается новыми изслѣдователями и въ его возмѣсто возставляется *matrabus*. См. *Robert, Epigraphie gallo-romaine de la Moselle* pag. 45, 46.

мятниковъ, посвященныхъ имъ въ древности, и прочностію воспоминаній, сохраняющихся объ ихъ культѣ въ настоящемъ. Ихъ почитаніе было распространено въ римскую эпоху, не будучи уподоблено какому-нибудь латинскому культу. Въ средніе вѣка онѣ превратились въ добрыхъ госпожъ, въ бѣлыхъ женщинъ, *les bonnes dames, les dames blanches*, въ благодѣтельныхъ фей, живущихъ въ гротахъ, въ развалинахъ замковъ, покровительствующихъ слабому противъ несправедливыхъ притѣсненій сильнаго, наводящихъ страхъ своимъ появленіемъ на ночныхъ грабителей и злодѣевъ. До сихъ поръ народъ относится съ глубокимъ почтеніемъ къ „чернымъ дѣвамъ“ (*vierges noires*), къ деревяннымъ статуеткамъ, представляющимъ изображеніе сидящей женщины съ покрываломъ на головѣ и съ младенцемъ или нѣсколькими на колѣняхъ. Эти почернѣвшія отъ долгаго пребыванія въ землѣ изображенія древней богини, отчасти въ слѣдствіе сходства позы, принимались за чудотворныя вновь обрѣтенныя древнія изображенія - Богородицы, и такимъ образомъ Богини матери снова получали поклоненіе въ католическихъ церквахъ, основанныхъ часто на мѣстѣ ихъ языческаго почитанія ¹⁾).

Въ народныхъ повѣрьяхъ и древнихъ легендахъ Ирландіи и Шотландіи открываются слѣды почитанія многихъ боговъ и богинь, по видимому, неизвѣстныхъ на континентѣ, или же отличныхъ отъ болѣе намъ знакомыхъ Галльскихъ по своимъ названіямъ. Отецъ Ирландскаго Олимпа былъ духъ тепла и жара, завѣдующій всѣми огнями на землѣ и на небѣ. Онъ назывался Дагда, великій добрый огонь; онъ сѣрѣе самаго сѣраго тумана; его котелъ есть сводъ облачный, его молотъ—молнія; его сопровождаетъ толпа божественныхъ искусниковъ и работниковъ и одинъ врачъ, изцѣляющій всякіе недуги. Его сынъ Луга, олицетворенное пламя, есть господинъ всѣхъ наукъ и художествъ (Ср. выше, что сказано о Лугѣ); въ числѣ его сыновей находятся также кузнецъ Ангусъ (*Angus*) и солнцеобразный Огма, патронъ музыки и поэзіи. Айне или Ана, — луна, есть царица неба и мать боговъ; въ то же время вмѣстѣ съ сестрами *Badb* (*Cathubodua* латинскихъ надписей) *Macha, Nemain* и *Morrigan* она имѣетъ

¹⁾ «Plusieurs d'entre elles ont la même attitude que plus tard la Vierge tenant l'enfant Jésus, et les statues miraculeuses de la Vierge Marie trouvées dans la terre à diverses époques (telle est dans plus d'un cas l'origine de ce qu'on appelle les «Vierges noires» étaient sans doute des statues de déesses-mères gauloises où gallo-romaines». II. *Gaidoz*, Esquisse de la religion des Gaulois pag. 12.

отношеніе къ военному дѣлу, и является въ видѣ богини войны, въ сопровожденіи сейчасъ названныхъ сказочныхъ фурій ¹⁾. Иные британскіе боги испытали участь многихъ другихъ своихъ собратьевъ и были превращены народною поэзіею въ царей и героевъ, великановъ и волшебниковъ. Это отчасти касается уже самаго Велена — Аполлона; но особенное приложеніе имѣетъ къ тремъ божественнымъ фамиліямъ или группамъ: къ дѣтямъ Дона (Don), Нида (Nudd) и Лира. Первая группа состоитъ изъ небесныхъ силъ, жилища которыхъ находятся на звѣздахъ и въ созвѣздіяхъ; Гвидонъ (Gwidion) сынъ Дона прославляется въ Вельскихъ сказкахъ и въ поэмахъ, приписываемыхъ Таліезину, барду VI вѣка; ему принадлежитъ Млечный путь. Преданія Вельса и Британіи показываютъ, что Нидъ, иначе *Nodens*, былъ богъ глубокаго моря; въ Ирландіи онъ является королемъ съ серебряною рукою. Лиръ первоначально былъ тоже морскимъ божествомъ, почитаемымъ въ Ирландіи и Британіи; затѣмъ онъ является царемъ, котораго дочери были превращены въ лебедей; въ числѣ ихъ названа и Корделія, предавшая его по смерти погребенію на днѣ одной рѣки. Особенную важность въ ирландской поэзиі имѣетъ Манпачъ, играющій роль Меркурія.

¹⁾ *Hennessy*, The ancient irish goddess of war: *Revue celtique*, I, 32 II, 489. Elton pag. 287.

В. Васильевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. Н. Потанинъ. *Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1876—77 годахъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ I: Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи. Выпускъ II: Матеріалы этнографическіе.* С.-Пб. 1881.

Въ послѣднія десять лѣтъ наши свѣдѣнія о средне-азиатскихъ странахъ, соприкасающихся съ русскими владѣніями, подвинулись весьма замѣтно впередъ. Ознакомившись съ Туркестаномъ и прилегающими къ нему ханствами, русскіе изслѣдователи обратили свое вниманіе на области, лежація въ предѣлахъ Китая, посѣтили Монголію, западный Китай, сѣверный Тибетъ, проникнувъ въ такія мѣста, гдѣ ранѣе не бывала нога Европейца, по крайней мѣрѣ образованнаго. Въ большинствѣ случаевъ эти экспедиціи совершались по инициативѣ и при содѣйствіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которое, какъ извѣстно, поставило изслѣдованіе средней и сѣверной Азіи одною изъ главныхъ задачъ своей плодотворной дѣятельности. Его предствательству и содѣйствію обязана, между прочимъ, наука тремя замѣчательными экспедиціями полковника Пржевальскаго; по его же порученію было совершено и путешествіе Г. Н. Потанина въ сѣверо-западную Монголію. Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собою два выпуска, заключающіе въ себѣ результаты этого послѣдняго путешествія, — результаты, заслуживающіе вниманія, какъ обстоятельные матеріалы къ познанію малозслѣдованной страны, ея древностей, жителей, ихъ быта, преданій, вѣрованій и т. д.

Какъ пограничная область Китая, прилегающая къ русскимъ вла-

дѣніямъ, Монголія посѣщалась неоднократно Русскими, начиная еще съ прошлаго вѣка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ трудахъ Тимковскаго, о. Іакинфа и др. мы встрѣчаемъ уже обстоятельныя свѣдѣнія о настоящихъ Монголахъ-Халхасцахъ и занимаемой ими странѣ. Впослѣдствіи эти свѣдѣнія пополнились нѣскольکو данными, собранными членами нашей Пекинской миссіи, торговцами, консулами и др. Оріенталисты изучили монгольскій языкъ, составили словарь и грамматику, собрали данныя касательно исторіи Монголовъ; благодаря замѣткамъ путешественниковъ и наблюденіямъ топографовъ, можно было получить нѣкоторое представленіе о рельефѣ и характерѣ страны, ея климатѣ и производительности. Тѣмъ не менѣе всѣхъ этихъ данныхъ было еще далеко недостаточно для составленія нагляднаго и обстоятельнаго понятія о широкомъ поимѣ пустынь, степей и плоскогорій, прорѣзывающихъ среднюю Азію отъ Манчжуріи до Туркестана. Притомъ всѣ имѣвшіяся свѣдѣнія касались только восточной Монголіи и были собраны главнымъ образомъ по избитому пути отъ Кяхты чрезъ Ургу до Калгана, тогда какъ мѣстности, лежащія къ западу, то-есть, середина и западная часть Монголіи, оставались, можно сказать, совершенно не изслѣдованными. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ мы получили только въ послѣднія десять лѣтъ, благодаря особенно экспедиціямъ гг. Пржевальскаго, Пясеваго (Сосновскаго) и Потанина. Ставя рядомъ эти три имени, мы не имѣемъ въ виду приписывать имъ одинаковыя заслуги, не думаемъ утверждать, чтобы добытые ими результаты были одинаково важными для географіи и этнографіи. Тѣмъ не менѣе, каждому изъ этихъ путешественниковъ удалось посѣтить такія мѣстности, о которыхъ ранѣе имѣлись весьма скудныя свѣдѣнія, а потому и сообщаемыя о нихъ данныя являются единственными и цѣнными. Путешествія г. Пржевальскаго (особенно первое, результаты котораго болѣе обработаны) познакомили насъ съ физико-географическими условіями восточной и центральной Монголіи и странъ, лежащихъ по южной ихъ окраинѣ. Въ то же время они доставили богатыя естественно-историческія коллекціи и значительное число наблюдений надъ жизнью высшихъ животныхъ (звѣрей и птицъ). Населеніе страны также не могло не обратить на себя вниманіе энергическаго путешественника, и составленные имъ очерки быта Монголовъ и Тангутовъ читаются съ большимъ интересомъ. Г. Пржевальскій вообще обладаетъ талантомъ схватывать характеристичныя черты посѣщенныхъ имъ мѣстностей, комбинировать свои впечатлѣнія и передавать

ихъ въ привлекательной, научно-популярной формѣ, не теряясь въ мелочахъ и обобщая отдѣльныя наблюденія. Но выстѣ съ тѣмъ г. Пржевальскій большею частію бываетъ скулъ на подробности (за предѣлами непосредственно испытанныхъ приключеній), и что касается особенно до этнографіи, до типа, быта, обстановки вѣрованій, воззрѣній посѣщепныхъ имъ племенъ, мѣстныхъ древностей и т. п., онъ ограничивается большею частію только такими данными вѣшняго быта, которыя могутъ быть наблюдаемы путешественникомъ непосредственно, безъ особеннаго старанія пропикнуть глубже въ народное мировоззрѣніе, подмѣтить черты сходства и различій, сравнить и анализировать отдѣльныя подробности быта, обычаевъ, вѣрованій, легендъ и т. д. Что касается г. Пясецаго, то два объемистые тома его путешествія представляютъ собственно дневникъ любознательнаго туриста, старательно записывающаго все испытанное въ пути, безъ всякихъ претензій на обстоятельное изученіе страны и ея населенія. То обстоятельство однако, что автору пришлось посѣтить Лань-Чжоу на р. Хуанъ-хэ и пройти оттуда, почти совершенно неизвѣстнымъ до того путемъ, черезъ Су-чжею, Хами, Баркуль и Гучевъ къ Зайсанскому посту, придаетъ его описанію нѣкоторое значеніе, такъ какъ оно является первымъ, и по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ—единственнымъ, хотя и весьма поверхностнымъ источникомъ для познанія неизвѣстной страны. Какъ г. Пржевальскій, такъ и г. Пясецкій не останавливались однако на продолжительное время въ Монголіи; они только прошли черезъ нее болѣе или менѣе быстро и не имѣли потому ни времени, ни возможности для болѣе обстоятельнаго съ нею ознакомленія. Въ иныхъ условіяхъ находился Г. Н. Потанинъ, который могъ посвятить полтора года на переходы по сѣверо-западной Монголіи, собиравъ коллекціи и производя физико-географическія и этнографическія наблюденія. Послѣ г. Потанина тою же мѣстностью прошелъ отчасти г. Пржевальскій въ своемъ третьемъ путешествіи, именно черезъ Булунъ-тогой, вверхъ по р. Урунгу черезъ оазисъ Хами, но свѣденія собранныя имъ, еще не опубликованы, такъ что покуда трудъ г. Потанина является единственнымъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, какія бы достоинства не представляло новое сочиненіе г. Пржевальскаго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, что касается до этнографіи, древностей, изученія торговыхъ сношеній, оно, конечно, не въ состояніи будетъ замѣнить или сдѣлать излишнимъ почтенный трудъ г. Потанина.

Существуетъ, впрочемъ, одно условіе, которое, при проведеніи па-

раллели между сочиненіями г. Пржевальскаго и г. Потанина, можетъ служить не къ выгодѣ послѣдняго во мнѣніи большинства читателей. Сочиненіе г. Потанина, какъ это сознаетъ и самъ авторъ, слишкомъ сухо, заключаетъ въ себѣ только голые факты топографіи и этнографіи и не знакомитъ достаточно наглядно съ общимъ характеромъ страны, съ типичными явленіями мѣстной природы и туземнаго населенія. Въ предисловіи авторъ самъ сознаетъ необходимость и пользу составленія болѣе популярнаго сочиненія о Монголіи, которое познакомило бы съ этою страной по послѣднимъ результатамъ новѣйшихъ путешествій; но онъ заявляетъ, что чувствуетъ себя еще не въ силахъ выполнить такую задачу, которая требуетъ болѣе знакоства со страной и болѣе знанія литературы предмета. Авторъ разчитываетъ взяться за подобное предпріятіе впоследствии; покуда же онъ ограничивается изданіемъ „Дневника“ и „Матеріаловъ для этнографіи“. Намъ кажется однако, что и эти два болѣе спеціальныя выпуска могли бы заключать въ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній и выводовъ; но это касается уже скорѣе метода изложенія, что, въ спеціально-ученыхъ сочиненіяхъ, стоитъ на второмъ планѣ сравнительно съ фактами. Во всякомъ случаѣ, данныя, собранныя г. Потанинымъ въ двухъ выпускахъ его труда, даютъ весьма много матеріала для составленія себѣ понятія, какъ о характерѣ страны, такъ и объ этнографическихъ особенностяхъ ея населенія.

Подъ именемъ Монголіи разумѣется, какъ извѣстно, громадная полоса пустынь и степей, которая начинается на востокѣ отъ Хинганскаго хребта, отдѣляющаго Монголію отъ Манчжуріи, и тянется, на громадномъ протяженіи, по направленію на юго-западъ, къ подножію Куэль-Люна. Съ сѣвера и юга эта полоса ограничена горами, замыкающими ее и на большемъ протяженіи западной окраины, обусловливая этими естественными барьерами климатическій характеръ страны, почва которой представляетъ отчасти дно нѣкогда бывшаго ядѣсь водоема или внутренняго моря. Съ запада, въ предѣлы Монголіи входитъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, именно Танну-Ола, Хингапъ, Алтай и Тянь-Шань, вызывая этимъ большее разнообразіе, какъ въ рельефѣ страны, такъ и въ степени ея орошенія, а слѣдовательно, и въ характерѣ растительности и фауны. Заключенная между горными хребтами, Монголія представляетъ сама страну довольно возвышенную, средняя высота коей составляетъ около 3,000 футовъ, понижаясь въ котловинахъ до 2,000 и повышаясь на плоскогорьяхъ до 5,500 и болѣе. Восточная Монголія, страна Халха-Монголовъ, была

изслѣдована, какъ уже сказано, раньше другихъ частей. Она начинается на сѣверѣ гористою полосою, простирающеюся отъ Кяхты до Урги верстѣ на 300 и сохраняющею характеръ лучшихъ частей Забайкалья, съ богатымъ орошеніемъ и довольно обильною растительностью. За Ургою, къ юго-востоку, слѣдуетъ степная полоса, которая тянется верстѣ на двѣсти и затѣмъ, незамѣтно, переходитъ въ безплодную равнину пустынной Гоби, которая простирается до окраины собственнаго Китая, приблизительно верстѣ на девять-сотъ. Мѣстами здѣсь также встрѣчаются ряды горъ или холмовъ, возвышающихся на нѣсколько сотъ футовъ надъ окрестными равнинами, и ущелья коихъ заняты руслами потоковъ, существующихъ впрочемъ только лѣтомъ во время сильныхъ дождей. Почва Гоби состоитъ изъ крупнозернистаго красноватаго гравія и мелкаго галешника, а иногда и изъ сыпучаго песку, который одинокъ начинаетъ преобладать только въ южныхъ частяхъ пустыни, именно въ Ордосѣ, вдоль Желтой рѣки (Хуанъ-хэ), и особенно, западнѣе, въ Алашани. Ала-шаньская пустыня, составляющая самую южную часть Гоби, къ западу отъ средняго теченія Хуанъ-хэ, представляетъ, по мнѣнію г. Пржевальскаго, дно нѣкогда бывшаго внутренняго моря. На многіе десятки, даже сотни верстѣ, здѣсь тянутся голые сыпучіе пески, смѣняющіеся только кое-гдѣ площадями соленой глины или гальки. Крайне бѣдная растительность состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ видовъ уродливыхъ кустарниковъ и нѣсколькихъ десятковъ видовъ травъ; также бѣдна здѣсь и фауна, характеризующаяся между прочимъ изобиліемъ ящерицъ—фривожефаловъ. Алашань приходится приблизительно подъ тѣмъ же меридіаномъ, какъ и Урга съ ея окрестностями, но полоса, раздѣляющая ихъ, составляетъ самую дикую часть средняго Гоби. Пржевальскій, шедшій этимъ путемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, вынужденъ былъ сильно терпѣть отъ жаровъ, доходившихъ въ полдень до 45° С. въ тѣни, да и ночью иногда не падавшихъ ниже $23,5^{\circ}$ С. Почва накалялась до $63,0^{\circ}$ С., и сухость воздуха стоила страшная, за то вѣтры дули почти постоянно, способствуя днемъ еще усиленію жара и переходя иногда въ вихрь и бурю, наполнявшихъ воздухъ тучами соленой пыли и песка. Западная Монголія представляетъ меньшее развитіе пустынь, хотя между прорѣзывающими ее съ запада на востокъ горными хребтами и встрѣчаются мѣстности, на протяженіи нѣсколькихъ дней пути, могущія соперничать съ типичною Сахарою. Такими полосами пришлось проходить экспедиціи г. Сосновскаго, такія же мѣстности встрѣчалъ, въ своихъ переѣздахъ, и г. Потанинъ, напримѣръ,

при переходѣ отъ Сухайту до Сантаху, на протяженіи 65 верстъ. „Покрытая черною галькой“, говоритъ авторъ,—„Гоби представлялась темносѣрою ровною поверхностью болѣе темною на горизонтѣ, и еслибъ не два колоссальныхъ хребта спереди и сзади (Тянь-Шань и Алтай) путешественнику казалось бы, что онъ двигается въ серединѣ темносѣраго круга. Только караванная дорожка, которая прямою желтою тесемкой тянется поперекъ стени, да бѣлые остовы погибшихъ на этомъ мѣстѣ верблюдовъ прерываютъ ея однообразіе. Растительности на Гоби, кромѣ трехъ кустарниковъ на песчаныхъ холмахъ, никакой, изъ животныхъ встрѣтился только фринокефалъ, пронеслась надъ головами стая журавлей, направляясь на сѣверъ“.. Но бесплодная мѣстности въ западной Монголіи часто непосредственно граничатъ съ оазисами, а съ приближеніемъ къ горамъ, смѣняются въ долинахъ и ущельяхъ участками съ инымъ характеромъ флоры и фауны. Многочисленныя, часто обширныя озера, со вливающими въ нихъ свои воды рѣками, также разнообразятъ характеръ мѣстности, тѣмъ болѣе, что берега этихъ озеръ и рѣкъ обыкновенно заросли деревьями и кустарникомъ.

Изъ оазисовъ особенно замѣчательнъ Коми, населенный мусульманами, считающими себя за потомковъ выходцевъ изъ Бухары; Потанинъ называетъ ихъ Сартами, Пясецкій—Таранчами; сами они называютъ себя Хамылуки или Ганъ-тоу, что значитъ чалмоносцы. Но и вообще западная Монголія, во всѣхъ мѣстностяхъ, сколько-нибудь удобныхъ для скотоводства, населена относительно порядочно, чѣмъ и объясняется существованіе здѣсь многихъ торговыхъ городовъ—Кобдо, Уласутая, Баркуля, Гучена и др. Въ описаніи г. Потанина приведены интересныя свѣдѣнія объ этихъ городахъ и о характерѣ и размѣрахъ русской въ нихъ торговли. Особенно долго прожилъ г. Потанинъ въ Кобдо (5½ мѣсяцевъ), городѣ, ближайшемъ къ русской границѣ и ведущемъ торговлю преимущественно съ монгольскимъ простонародьемъ. Городъ лежитъ на правомъ берегу р. Буянту, недалеко отъ входа ея въ ущелье, и состоитъ изъ крѣпости и торговой слободы, гдѣ живутъ до 1000 душъ Китайцевъ торговаго сословія. Окрестности города безводны и безтравны; на тридцать верстъ кругомъ нѣтъ никакихъ поселеній. Несмотря на такое положеніе и небольшіе свои размѣры, Кобдо представляетъ важный торговый пунктъ. Здѣсь находятся подворья и склады пяти крупныхъ торговыхъ китайскихъ компаній, снабжающихъ своими товарами многочисленныя заимки, разбросанныя по монгольскимъ хошунамъ (кочевьямъ). Изъ хошунныхъ

займокъ товары раздаются въ долгъ подъ скотъ, который собирается весною и гонится въ г. Куку-хото. Для городскихъ жителей имѣется до 50 мелочныхъ лавочекъ, изъ коихъ въ иныхъ впрочемъ нѣтъ и на сто рублей товара. Русскихъ лавокъ въ городѣ, въ зиму 1876—77 года, было четыре, принадлежавшихъ бійскимъ и частью барнаульскимъ купцамъ; лѣтомъ число русскихъ лавокъ бываетъ больше. Товары для Кобдо закупаются на Ирбитской ярмаркѣ и на сибирскихъ заводахъ; доставляются они изъ Бійска до Ангудая на саняхъ, изъ Ангудая до Кошъ-агача на вьючныхъ лошадяхъ, а съ Кошъ-агача до Кобдо на верблюдахъ. Самая трудная часть дороги—отъ Ангудая до Кошъ-агача, въ тѣснѣнѣ рѣки Чуи, гдѣ мѣстами приходится идти по опаснымъ карнизамъ береговыхъ утесовъ или такъ-называемымъ „бомамъ“. Трудность этой дороги оказываетъ вліяніе на выборъ товаровъ и ихъ цѣны; многіе товары, какъ напримѣръ, стекло, стеклянную посуду, вино въ бутылкахъ, керосинъ, спички не везутъ вовсе или везутъ въ весьма маломъ количествѣ изъ опасенія разбить ихъ; другіе, напримѣръ, муку, желѣзо, везутъ тоже мало, изъ-за малаго барыша, вслѣдствіе дороговизны вьючной перевозки. Устройство тележной дороги въ долинѣ Чуи является поэтому настоятельною потребностью въ видахъ увеличенія вывоза русскихъ товаровъ и сокращенія монополіи двухъ-трехъ бійскихъ купцовъ. Другое обстоятельство, мѣшающее развитію русской торговли, заключается въ маломъ числѣ и однообразіи вывозныхъ статей. Монголы охотно покупали бы русскіе товары, но денегъ (серебра) въ краѣ мало, и мѣвною цѣвностью здѣсь служить скотъ да кирпичный чай. Но послѣдній требуется только для алтайскихъ инородцевъ; рогатый скотъ также сбывается только отчасти въ Иркутскѣ, другую же часть я овецъ приходится обмѣнивать на серебро въ лежащемъ южнѣе китайскомъ городѣ Гученѣ. Для развитія русской торговли, по мнѣнію г. Потанина, необходимо, чтобы русскіе купцы расширили свои торговые обороты и гнали бы полученный отъ Монголовъ скотъ, какъ это дѣлаютъ китайскіе купцы, въ Куку-хото или Калгань, обмѣнивая его тамъ на тѣ сорта чаевъ, которые могутъ имѣть обширный сбытъ въ Сибири и Россіи. Покуда русскіе купцы доставляютъ: въ небольшомъ количествѣ желѣзный товаръ; подносы (расходится до 1000 шт. ежегодно); мѣдные тазы, чайники и пуговицы (послѣднія встрѣчаютъ однако сильную конкуренцію въ англійскихъ); плизъ (около 600 кусковъ) и репсъ; немного сукна; бязь, тикъ, ситцы и другія бумажныя матеріи, встрѣчающія тоже конкуренцію въ англійскихъ; окованныя жестью шкатулки; спички; мыло;

спиртъ; сахаръ; часы и имѣющіе прочный сбытъ въ Китай маральи рога. Рога эти, добываемыя отъ сибирской породы благороднаго оленя, такъ-называемаго марала, собираются бійскими купцами у алтайскихъ охотниковъ и мараловодовъ. Пара роговъ продается отъ 8 до 40 рублей; Китайцы употребляютъ ихъ для какихъ то лѣкарственныхъ цѣлей, и кажется, вещество рога играетъ у нихъ роль комфортаивнаго средства. Ежегодно вывозится нѣсколько сотъ паръ, половина коихъ добывается теперь отъ одомашненныхъ мараловъ, разводимыхъ алтайскими крестьянами, особенно въ вершинахъ р. Бухтармы и въ Уймонскихъ деревняхъ. У г. Потапина приведены интересныя статистическія данныя объ исторіи и размѣрахъ мараловодства въ Алтаѣ. Кромѣ скота и кирпичнаго чая, вывозными статьями въ Кобдо служатъ: сурокъ (до 500,000 шкурокъ ежегодно), соболь (около 300 шт.), куница (200 шт.) и лисица (2,000—3000 шт.), а также въ небольшомъ количествѣ полось и шерсть. Русская торговля производится зимою изъ городскихъ лавокъ, лѣтомъ же товары рассылаются съ прикащиками по хошунамъ. Такихъ кочевыхъ лавокъ („палатокъ“ или „счетовъ“) насчитываютъ до 20; каждая изъ нихъ распродаетъ въ лѣто товару тысячи на двѣ. Значительную конкуренцію русскіе торговцы встрѣчаютъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ Китайцахъ, которые привозятъ товары часто болѣе по вкусу жителямъ и могутъ производить обмѣнъ на скоть и другіе продукты съ большею для себя выгодой.

Городъ Улясутай, лежащій верстъ на 400 къ востоку отъ Кобдо, больше и оживленіе послѣдняго. Торговля здѣсь болѣе розничная, чѣмъ оптовая, магазины обширнѣе кобдинскихъ и полнѣе; въ нихъ можно встрѣтить гораздо болѣе предметовъ прихоти и роскоши. Русскихъ торговцевъ, прежде, въ началѣ открытія русской торговли внутри Монголіи, здѣсь было больше; теперь число русскихъ лавокъ съ каждымъ годомъ уменьшается, и зимовать остается всего одна лавка.

Еще оживленіе Улясутая городъ Баркуль, находящійся на югѣ, у подножія Тянь-шани; магазины здѣсь обширны и полны разнообразными товарами; въ городѣ много „типовъ“ или постоянныхъ дворовъ, и имѣется нѣсколько красивыхъ зданій, украшенныхъ лѣпными работами или изваяніями чудовищъ. Превосходя другіе монгольскіе города бойкостью уличной жизни, Баркуль превосходитъ ихъ однако и своею грязью и черяшливостью, поражающею не только на лицахъ, но и въ домахъ.

Существованіе городовъ, подобныхъ только что упомянутымъ, и довольно значительной въ нихъ торговли, указываетъ на то, что населеніе страны обладаетъ извѣстною степенью культуры и благосостоянія. Подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи и ламаизма люди, даже въ такой пустынной и бѣдной странѣ, какова Монголія, могли создать себѣ условія мирной и культурной жизни. „Путешественника“, говоритъ г. Потанинъ,—поражаютъ эти кочующіе монастыри, кочующіе алтари съ своими многочисленными пантеонами, кочующія библіотеки, переносные войлочные храмы въ нѣсколько сажень высоты, школы грамотности, помѣщающіяся въ кочевыхъ палаткахъ, страждующіе медики, кочевые лазареты при минеральныхъ водахъ,—все это виды, которые никакъ не ожидаешь встрѣтить въ кочевой жизни; по развитію грамотности въ народной массѣ Монголы, безспорно, единственный кочевой народъ въ мірѣ. Это не дичь въ родѣ Туркменовъ или даже нашихъ Киргизовъ. Кто видѣлъ оба народа, Монголовъ и Киргизовъ, тому невольно приходитъ желаніе провести параллель между ними. Монгольскіе князья по азітски люди очень образованные; они часто умѣютъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ той имперіи, къ которой принадлежатъ, пишутъ по монгольски и тибетски, иногда даже изучаютъ санскритскій языкъ; многіе изъ нихъ жилали по году или и болѣе въ Пекинѣ, столицѣ своего государства; они соревнуютъ другъ передъ другомъ въ постройкѣ монастырей и кумиренъ, въ обогащеніи ихъ дорогою утварью и металлическими изображеніями божествъ, одна перевозка которыхъ стѣитъ большихъ денегъ; стараются приобрести книги. У нашихъ Киргизовъ султаны малограмотны, письменна дѣла ведутъ преимущественно черезъ наемныхъ секретарей изъ бѣглыхъ Татаръ или Туркестанцевъ, единственнымъ занятіемъ, достойнымъ своего высокаго званія, считаютъ охоту съ ястребами и беркутами; книгохранилецъ и школъ киргизскіе султаны не заводятъ. Жизнь Монголовъ приходитъ тихо, нравы ихъ мягки, преступленія рѣдки, о звѣрскомъ обращеніи съ женами или дѣтьми не слышно; преступленія, въ особенности убійство, случаются рѣдко.. Иностранецъ можетъ спокойно путешествовать по странѣ, русскіе прикащики въ одиночку разъѣзжаютъ по кочевьямъ съ товарами и не жалуются на обиды... Другіе нравы въ Киргизской степи: конокрадство—здѣсь обыкновенное явленіе, грабежи и убійства тоже не рѣдкость, и путешествовать въ странѣ безъ конвоя едва ли такъ безопасно, какъ въ Монголіи“.

Въ другомъ мѣстѣ, сравнивая монгольскую степь съ киргизскою, часть ссххш, отд. 2.

г. Потанинъ замѣчаетъ, что первая, {въ своихъ удобныхъ для чело-
вѣческой жизни мѣстахъ, представляется гуще населенною, чѣмъ по-
слѣдняя: „Земледѣліе здѣсь далеко болѣе развито; нѣтъ ни одного
незначительнаго участка не обработаннаго, коль скоро тутъ есть не-
обходимая для полива вода; по окраинѣ Гоби, гдѣ воды встрѣчаются
на значительныхъ разстояніяхъ, если только это не колодезь, а ключь,
то тутъ и пашня, хотя и не болѣе какъ въ 10, 20 десятинъ всего“. Раз-
витіе земледѣлія (сѣютъ болѣе всего ячмень, затѣмъ пшеницу и
проч.) естественно, вызываетъ болшую осѣдлость, которая усили-
вается еще существованіемъ ламайскаго духовенства. „Часть этого
сословія живетъ по хошупамъ, другая часть въ особыхъ монастыряхъ,
которые въ южной части халхасской Монголіи представляютъ скоища
войлочныхъ юртъ, въ сѣверной же имѣютъ видъ порядочныхъ город-
ковъ, составленныхъ изъ глиняныхъ или деревянныхъ домиковъ“. Со-
храняя обычай перекочевки, простые Монголы отходятъ отъ зимовокъ,
самое большее, на 20 верстъ; только ставки князей перемищаются
иногда верстъ на сто. Этимъ объясняется до известной степени, по-
чему юрта Монгола ставится прочѣе, чаще обвѣзана арканами сна-
ружи, и внутри болѣе наполнена громоздкою мебелью и утварью.
У каждой юрты есть деревянныя створчатыя двери, кромѣ войлочной
занавѣски, тогда какъ такихъ створокъ не бываетъ въ юртахъ кир-
гизскихъ султановъ. Отъ дверей на право этажерка для посуды, на
лѣво другая для бурдюковъ съ кумысомъ и айраномъ, тогда какъ у
Киргизовъ мелкая посуда просто валется въ особомъ углу, а бурдюки
привязываются къ юрточной рѣшеткѣ; вмѣсто киргизской кожаной
посуды у Монголовъ деревянныя, окованныя мѣдью высокія домбы
вмѣсто переметныхъ сумъ деревянныя сундуки, сверхъ того, въ
каждой юртѣ кровать и деревянная, часто значительныхъ раз-
мѣровъ божница“. Последняя представляетъ раскрашенный ящикъ
или шкатулку, поставленный на другой болѣе простой ящикъ и
нерѣдко драпированный шелковыми матеріями; на шкатулкѣ вы-
ставляются бурханы, преимущественно въ видѣ иконъ, писанныхъ
на бумагѣ или дабѣ; передъ иконами стоитъ рядъ мѣдныхъ ча-
шечекъ, „цокцо“, въ которыя наливается вода и кладутся части
нищи (сыръ, творогъ и проч.); тутъ же ставятся искусственныя
цвѣты, разныя фигуры и другія украшенія. „Вообще“, говоритъ
г. Потанинъ,—„потребленіе фабрикатовъ въ монгольской юртѣ гораздо
болѣе, чѣмъ въ киргизской, и разныхъ мелкихъ принадлежностей ком-
форта, въ родѣ щипцовъ, ножей, ножницъ, утюговъ (которыхъ Кир-

гизъ вовсе не знаетъ), уполовниковъ, курительныхъ трубокъ, кистей, табакерокъ, прижекъ), раскунается Монголами изъ китайскихъ лавокъ множество". Замѣчательно при этомъ, что ремесленности у Монголовъ нѣтъ никакой. „Монгольскія женщины хорошо вышиваютъ и вяжутъ, но не ткутъ даже самой простой матеріи на мѣшокъ; они не умѣютъ дѣлать мыла, какъ Киргизы (бѣлье не моютъ, также какъ и тѣла; бѣлье и верхнее платье не смѣшается, пока не износится; на оборотъ Киргизы стираютъ бѣлье и сами приготавливаютъ мыло); купцы у нихъ рѣдки; всѣ ткани на платье, посуда въ большинствѣ, мыло, сбруя съ насаѣчками получаютъ отъ Китайцевъ; даже рѣшетки для монгольской юрты и двери, не говоря о ящикахъ и божницахъ, приготавливаются китайскими плотниками въ мастерскихъ города Улусутая. Сапогъ и шапка также везутся для Халхасца изъ Куку-кото за 1000 верстъ". Только одна отрасль Монголовъ, Дюрбюты, отличаются въ этомъ отношеніи отъ остальныхъ своихъ сородичей; они сами себѣ шьютъ сапоги и дѣлаютъ желѣзные вещи. Въ другомъ мѣстѣ, однако, г. Потанинъ сообщаетъ, что Монголы сами вырѣзываютъ свои серебряныя украшенія, и что между ними есть очень хорошіе мастера серебряныхъ дѣлъ. Монголы вообще любятъ обвѣшивать себя украшеніями; носятъ разные придатки съ кораллами и серебряными блестками на шапочкѣ, серебряныя блески на косахъ и груди, при чемъ этотъ уборъ содержитъ иногда не менѣе двухъ фунтовъ серебра. Въ ушахъ Монголки носятъ серьги, на рукахъ серебряныя толстыя браслеты, а на пальцахъ—кольца. Обиліе этихъ украшеній, которыя встрѣчаются даже у самыхъ бѣдныхъ Монголокъ, свидѣтельствуетъ тоже о нѣкоторомъ достаткѣ и стремленіи къ роскоши.

Малое развитіе, почти отсутствіе всякихъ ремеселъ у Монголовъ заставило г. Потанина задать себѣ вопросъ: искони ли они были такими пещерами, или древняя ремесленность убитая у нихъ въ послѣдствіи китайскою торговлей. Авторъ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, по въ его сочиненіи приведены данныя, которыя заставляютъ склониться въ пользу послѣдняго предположенія. Въ своей параллели между Монголами и Киргизами г. Потанинъ замѣчаетъ между прочимъ, что у первыхъ національная жизнь отодвинута на второй планъ, интеллигенція запята исключительно религіозными вопросами, разрабатываемыми по тибетскимъ источникамъ; древній родовой бытъ почти совершенно изглаженъ. „Мы находимъ подраздѣленіе народа на административныя части, но о подраздѣленіи его на поколѣнія остались только слабыя воспоминанія; на вопросъ: ка-

кой ты кости? Монголь отвѣчаетъ: Монголь или Халха, или черной кости, бѣлой кости и далѣ этого не идетъ. Имена поколѣній, въ особенности у Халхасцевъ, позабыты, имена предковъ и легенды о нихъ тѣмъ болѣе. Другую картину представляетъ киргизскій народъ; родовой бытъ сохранился у него еще въ цѣлости; каждое поколѣніе живетъ въ одномъ мѣстѣ и общими интересами, которые сообщая и защищаетъ; браки внутри поколѣнія запрещаются, какъ между родственниками; каждое поколѣніе помнитъ своего предка, и если не всякій членъ поколѣнія, то многіе въ состояніи разказать всю генеалогію отъ родоначальника своего поколѣнія вплоть до своего отца. Никакое виѣшнее духовно-культурное вліяніе не отвлекло вниманіе Киргиза отъ своихъ національныхъ преданій, и національная жизнь въ этомъ народѣ бьетъ ключемъ. Въ то время какъ у Монголовъ национальной литературы почти не существуетъ, монгольскій языкъ употребляется только въ канцеляріяхъ при административныхъ сношеніяхъ, тибетская грамотность распространена между ламами значительно обширнѣе, чѣмъ монгольская, охота изучать свою отечественную исторію вовсе не развита, — Киргизы представляютъ совершенно другую стадію общественнаго развитія. Киргизскій народъ еще не затрогнутъ книжными спорами о религіи и нравственности, отодвигающими национальную жизнь на второй планъ; кодексъ нравственности и руководство къ практической жизни заключаются у него въ народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ, а не въ священныхъ книгахъ, написанныхъ на чужомъ языкѣ; идеалы свои онъ видитъ въ національныхъ богатыряхъ, родоначальникахъ и герояхъ, а не въ святыхъ, не имѣющихъ родины. Такое различіе между двумя народами, по мнѣнію г. Потанина, тѣмъ удивительнѣе, что оба они занимаютъ равнинную страну, притомъ также служившую ареной великихъ военныхъ и народныхъ передвиженій; это какъ будто намекаетъ, что Киргизы только недавно вступили въ эту страну изъ другаго отечества, гдѣ они жили въ болѣе уединеніи отъ исторической жизни.

Не смотря однако на извѣстный прогрессъ культуры, въ быту Монголовъ сохранились еще многіе слѣды первобытныхъ обычаевъ и вѣрованій. Такъ, Монголы ѣдятъ конину и верблюжатину отъ навшихъ животныхъ; ѣдятъ сурковъ, даже лисицъ. Мясо варятъ безъ приправъ, и варка продолжается не долго, такъ что мясо вынимается изъ котла полусырое, и пшаваръ получается невкусный (тогда какъ Киргизы довариваютъ вполне). „Эта особенность въ культурѣ сближаетъ Мон-

головъ", по замѣчанію г. Потанина, „съ Тангну-Урянхайцами, Алтайцами, а также другими болѣе типичными сыродцами Сибири. Копченіе мяса, столь употребительное у Киргизовъ, Монголамъ неизвѣстно“.

На ряду съ ламаизмомъ въ Монголіи сохранились еще остатки шаманства, точно также, какъ и у Киргизовъ, рядомъ съ начатками ислама. Но у Монголовъ и Урянхайцевъ шаманъ типичнѣе: онъ камласть почью, сопровождаетъ свое камлаше битьемъ въ бубенъ и пляской и имѣеть специальное одѣяніе, тогда какъ киргизскій шаманъ камласть днемъ и бубна не имѣеть, а аккомпанируетъ себя на струнномъ инструментѣ, который называется кобызъ; онъ не пляшетъ и не имѣеть специальной одежды. У Монголовъ есть также шаманки, которыхъ не встрѣчается у Киргизовъ, гаданье на лопаткѣ существуетъ одинаково, какъ у Монголовъ, такъ и Киргизовъ. Монголы поклоняются также огню, горамъ, озерамъ, и многі обряды этого поклоненія вошли уже въ составъ ламайскаго культа. Одна изъ характеристичныхъ особенностей этого послѣдняго заключается, какъ извѣстно, въ почитаніи, разомъ съ Шахіамуни и другими бурканами, живыхъ святыхъ или гыгэповъ, имѣющихъ свою резиденцію въ особыхъ монастыряхъ. Въ сѣверо-западной Монголіи гыгэповъ насчитывается восемь, и всѣ они имѣють церковныя земли съ приписанными къ нимъ людьми. По мнѣнію монгольскаго просто-пародья, гыгэпы по смерти вновь возрождаются путемъ чудескаго зачатія; юрта, гдѣ долженъ родиться святой мальчикъ, узнается ламами по появленію надъ ней особаго знаменія (радуги). Одни Монголы вѣрятъ, что гыгэпы не ѣдятъ ничего, кромѣ небольшого количества сахара и чая; другіе не только знаютъ, что они ѣдятъ и пьютъ, какъ и всѣ, но не отрицаютъ за ними пороковъ, которые впрочемъ не лишаютъ ихъ святости; такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ порочности и святости, по словамъ Монголовъ, превосходитъ человѣческое разумѣніе. Торгоуты вѣрятъ, что въ рукахъ одного изъ гыгэповъ, Цаганъ-гыгэна, находится ключъ отъ земли. Объ этомъ гыгэпѣ, доступъ къ которому весьма труденъ, въ книгѣ г. Потанина приведенъ разказъ г. Матусовскаго, которому удалось добиться съ нимъ свиданія. Это былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, средняго роста, крѣпкаго сложения, съ большимъ выпуклымъ лбомъ, толстымъ носомъ, небольшими черными глазами и длинными тонкими усами; въ общемъ выраженіе лица его было серьезное и умное, и въ разговорѣ онъ оказался не лишеннымъ остроумія и находчивости.

Для разъясненія вопроса о древнѣйшей первобытной культурѣ въ

Монголіи нѣкоторыя данныя могло бы дать изслѣдованіе мѣстныхъ древностей, которыхъ, какъ оказывается изъ наблюдений г. Потанина, имѣется тамъ не мало. Къ числу такихъ древностей принадлежать каменные насыпи или могилы (кэрексуръ Халхасцевъ, киргизинъ-юръ Урянхайцевъ),—круглыя или состоящія изъ центральной круглой насыпи и окружающей ее орбиты, которая иногда соединяется лучами съ насыпью, бываетъ четырехугольною, сопровождается добавочными каймами или насыпями и т. д. Центральная насыпь имѣетъ около 60 и болѣе шаговъ въ окружности; орбита около 200 шаговъ; вышиною насыпь можетъ быть до двухъ сажень; камни небольшіе, круглые не безъ острыхъ реберъ, величиною съ человѣческую голову и болѣе. Халхасцы считаютъ эти насыпи могилами нѣкогда жившихъ людей—великановъ; другіе признаютъ ихъ мѣстами, гдѣ было закопано имущество бѣжавшихъ во время войны народовъ. Г. Потанинъ приводитъ описанія и изображенія многихъ кэрексуровъ, но къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ возможности сдѣлать раскопку ни въ одномъ изъ нихъ. Между тѣмъ было бы интересно убѣдиться, есть ли это дѣйствительно могилы, и находится ли подъ этими каменными насыпями какіе-либо остатки древней культуры.

Другой родъ памятниковъ представляютъ такъ-называемыя кишачило Монголовъ,—каменные столбы, съ изображеніями или безъ нихъ и иногда значительно напоминающіе каменные бабы. Въ Западной Монголіи г. Потанинъ встрѣчалъ подобные столбы только къ сѣверу отъ Гоби, при чемъ между ними оказались какъ отесанные, такъ и неотесанные. Отесанные кишачило очень рѣдки, состоятъ по преимуществу изъ графита или гранитита и представляютъ обыкновенно разныя изображенія, болѣе или менѣе отдѣланную человѣческую голову и пр. Не отесанныхъ кишачило—безчисленное множество; они имѣютъ видъ столбовъ съ непараллельными гранями, очевидно выколотыхъ такъ самою природою и только отчасти обдѣланныхъ. Въ постановкѣ кишачило нельзя открыть какой-либо зависимости ихъ отъ кэрексуровъ. Лучшій по отдѣлкѣ кишачило находится близъ озера Даннь-гуля, съ двухскатною крышею и дверью. Представляетъ онъ столбъ съ человѣческою, мужскою головою на верху, довольно отчетливо обтесанною; видны уши, монгольскіе глаза, толстый носъ, губы и усы. Около этого истукана (вышиною 150 сантиметровъ) протянута веревка, на которой навѣшано много шелковыхъ лоскутковъ, конскихъ волосъ и деревянныхъ, крашенныхъ обручковъ. У большей части кишачило обдѣлка выражается однако только въ кружкахъ, изображенныхъ въ

верхней части той или другой изъ сторопъ четырехугольнаго столба и въ проведенныхъ поперекъ одной или нѣсколькихъ сторопъ линий или ряда точекъ. Сличая эти кишачило, именно болѣе обдѣланные изъ нихъ съ южно-русскими и особенно, сибирскими каменными бабами, можно подмѣтить между нѣкоторыми изъ нихъ извѣстное сходство, неволью наводящее на мысль о нѣкоторомъ племенномъ или культурномъ сходствѣ между воздвигавшими эти изваянія народностями. Съ другой стороны, болѣе грубыя кишачило въ формѣ четырехугольныхъ столбовъ папоминають скорѣе подобныя же группы каменныхъ менгировъ въ Восточной Индіи, именно на Khassia hills, между долиною Ассама и равнинами Силэта ¹⁾). Но конечно, подобное вышепее сходство само по себѣ еще ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что пространство между Монголіей и Индіей, въ археологическомъ отношеніи, еще совершенно не изслѣдовано. По всей вѣроятности, въ Монголіи найдутся внослѣдствіи и другія древности, а также будутъ открыты и остатки каменнаго вѣка. Что каменный вѣкъ здѣсь пѣкогда былъ, на это указываетъ тотъ фактъ, что и Киргизамъ, и Монголамъ извѣстны громовыя стрѣлки. Монголы называютъ ихъ лувъ-сумыпъ, при чемъ, по словамъ г. Потанина, этимъ же именемъ они зовуть и бронзовыя копьеца, выкапываемыя изъ земли. Было бы интересно собрать пѣкоторое число подобныхъ каменныхъ и бронзовыхъ стрѣлокъ для сличенія ихъ съ извѣстными европейскими и азіатскими формами.

Въ „Этнографическихъ матеріалахъ“ г. Потанинъ приводитъ подробныя свѣдѣнія о различныхъ народностяхъ Тюркскаго и Монгольскаго племена, населяющихъ сѣверо-западную Монголію, а также сообщаетъ данныя объ ихъ религіозномъ бытѣ (не особенно впрочемъ подробныя), о внѣшней обстановкѣ жизни, о семейномъ и общественномъ бытѣ. Семейная и общественная жизнь, впрочемъ, только затронута авторомъ; онъ говоритъ именно только о свадебномъ обрядѣ Монголовъ, о формѣ клятвы и объ играхъ. Заслуживаютъ вниманія еще собранныя авторомъ названія пальцевъ, созвѣздій и небесныхъ явленій (также повѣрья о нихъ), мѣстныхъ названій растений и животныхъ сказки и легенды. Всѣ эти данныя интересны какъ сами по себѣ, такъ, въ особенности, для изученія сходства между культурой и міровоззрѣніемъ Монголовъ, съ одной стороны, и Тюркскихъ, Финскихъ,

¹⁾ *Fergusson. Rude stone Monuments. L. 1872, стр. 462.*

даже Славянскихъ племень—съ другой. Въ многочисленныхъ приложенияхъ къ тексту примѣчаніяхъ, авторъ самъ приводитъ многія сопоставленія по этому поводу, выказывая при этомъ значительную начитанность. Остается пожалѣть, что авторъ не нашелъ возможнымъ сдѣлать болѣе подробныя наблюденія надъ физическимъ типомъ видѣнныхъ имъ племень, надъ физиологическими ихъ особенностями, надъ обрядами при рожденіи, болѣзняхъ, погребеніи и проч. Впрочемъ, для путешественника въ пустынной странѣ, притомъ мало знакомаго съ языкомъ населенія, собраніе антропологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній можетъ быть иногда сопряжено съ значительными затрудненіями. Мы вполнѣ увѣрены, что и собраніе приведенныхъ свѣдѣній, а также записываніе (въ переводѣ) легендъ, было по временамъ дѣломъ не совсѣмъ легкимъ. Будемъ надѣяться, что почтенный авторъ не оставитъ въ будущемъ излюбленнаго имъ края, и что ему удастся еще болѣе пополнить наши свѣдѣнія о тюркскихъ и монгольскихъ народностяхъ средней Азіи.

Д. Амучинъ.

Исслѣдованія въ области русской грамматики. 1. *Соболевскаго*. Варшава. 1881.

Предметъ монографіи г. Соболевскаго составляетъ уясненіе древнерусскихъ формъ въ именахъ и глаголахъ. Авторъ, впрочемъ, даетъ объясненіе не всѣхъ формъ, а лишь нѣкоторыхъ—именно: 1) окончанія родит. падежа, единств. числа и именительнаго и винительнаго падежей множеств. числа на *ь*; 2) именительнаго и винительнаго падежей ед. числа: мужеск. рода на *е*; 3) дательнаго и творительнаго падежей множ. числа на *мъ*; 4) дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей именъ съ основою *н*; 5) окончаніи членихъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; и 6) окончаній 2-го лица единств. числа настоящаго времени, 3-го лица единств. и множеств. чиселъ настоящаго времени безъ личнаго суффикса и 1-го лица множ. числа настоящаго времени на *мъ*.

При объясненіи этихъ формъ авторъ пользовался, какъ и слѣдуетъ, матеріаломъ древне-русскихъ памятниковъ; намъ кажется однако, что не всегда онъ дѣлалъ это съ полною научною тщательностію: было бы очень важно, если бы г. Соболевскій, указывая нахожденіе известной формы въ такомъ-то памятникѣ, отмѣтилъ, сколько разъ эта форма встрѣчается въ немъ—преобладаетъ ли она, или является только спорадически. Кроме того, мы рѣшаемся сказать что онъ не

воспользовался всѣмъ матеріаломъ, какимъ слѣдовало—хотя по смыслу нѣкоторыхъ его выраженій, какъ напримѣръ, на стр. 86: „у формы 2-го лица единств. числа настоящаго времени *ми* намъ не встрѣтилось въ древнихъ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера ни одной“,—можно бы предположить, что онъ имѣлъ въ виду весь матеріалъ. Если бы нашъ авторъ дѣйствительно воспользовался всѣми древнерусскими памятниками, мы нашли бы въ его монографіи большее число примѣровъ, нашли бы опредѣленіе взаимныхъ отношеній разныхъ памятниковъ. При всемъ томъ, монографія эта имѣетъ значительную научную цѣну: въ ней встрѣчаются нѣкоторыя новыя вѣрныя объясненія явленій древне-русскаго языка. Позволяемъ себѣ однако обратить вниманіе на нѣкоторыя толкованія, съ коими не можемъ согласиться.

Говоря объ окончаніи *e* для именительнаго и винительнаго падежей единств. числа, мужеск. рода въ древне-русскомъ языкѣ (какъ: „убьютъ поиъ повгороцкое или нѣмецкое“—Новгородская грамота 1189—1199 г.; „въдале Варламе“—вкладная Варлаама Хутыпскаго послѣ 1192 г.; „Игнатіе повелѣваетъ“—Златоструй XII в.; „Василіе, Давиле“—Пандекты Никона Черпогорца XII в.; „дворъ погорѣле“—Новгородск. грамота 1392 г.; „Савке рче, доселе Смене Почине“—Двинская ридная XIV в. и др., и въ современномъ русскомъ языкѣ былииъ (какъ: „Садке“—Рыбниковъ, III, 193, „целовѣко-тъ уцливше“—Кирѣевскій, II, 53 калика переходже—ib. II, 13, и др.), авторъ замѣчаетъ, что эта форма именительнаго и винительнаго пад. ед. числа существуетъ и въ современномъ сербскомъ языкѣ какъ напримѣръ, Павле, Ненаде, куме, царе (стр. 42). Это не вѣрно: сейчасъ упомянутые сербскіе примѣры представляютъ форму звательнаго падежа и не походятъ на древне-сербскую форму именит. падежа единств. числа, какъ напримѣръ, Корышиліе и др. ¹⁾, и современную сербскую форму: Макарие и т. п. Извѣстны объясненія этой формы, предложенныя А. А. Потебнею и М. А. Колосовымъ; первый въ формѣ „Варламе“ (=мъ) видѣлъ переходъ *ъ* въ *ь*, а этому послѣднему графическое соотвѣтствіе *e*; второй же видѣлъ здѣсь переходъ *o* (изъ *ъ*) въ *e*. Объясненія, правда, пеходныя, хотя одинаково заслуживающія вѣроятія. Но посмотримъ, какъ г. Соболевскій отнесся къ этимъ объясненіямъ. Онъ рѣшительно отвергаетъ ихъ, не приводя однако документальныхъ данныхъ: „изъ разсмотрѣнія данныхъ древнихъ памятниковъ и современнаго языка“, говоритъ онъ,—„можно

¹⁾ Daničić—Rad jugoslav. Akademije, кн. XXVI, р. 57.

видѣть, что перехода *ъ* въ *ь* въ русскомъ языкѣ никогда не существовало, и форма на *ь* вмѣсто *ъ* (въ родѣ Варламе) въ немъ не была извѣстна (нѣсколько описокъ въ счетъ не идутъ); вслѣдствіе этого въ *е* въ Варламе не слѣдуетъ видѣть графическаго изображенія *ь*. Что касается до перехода *о* въ *е*, то его не зналъ и не знаетъ русскій языкъ: *пенель* при *понель*, *ребенокъ* при *робенокъ* и т. п. объясняются инымъ путемъ" (стр. 43—44). Съ замѣчаніемъ этимъ согласиться нельзя. Аналогическіе примѣры, какъ *косматые*, по мнѣнію А. А. Потебни и М. А. Колосова, предполагаютъ вмѣсто конечнаго *е* и=іъ, то-есть, *косматыи=косматыіъ*, подобно тому какъ *Можаскъ=Можайскъ*, *троецкій=тройцкій*, *трее=трей*. Г. Соболевскій признаетъ это объясненіе невозможнымъ на томъ основаніи, что при немъ нужно допустить невозможный переходъ *и* въ *е* (стр. 45). Но, однако же, почему невозможенъ такой переходъ? Вѣдь, въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ иногда встрѣчается *е* тамъ, гдѣ мы ожидали бы *и*, какъ *напримѣръ*, *ракетонъ*(=*ракитовъ*) *кусть*, *вехоръ* = *вихоръ*) (см. Рыбникова, I, 134; II, 122). Объясненіе г. Соболевскаго, что сейчасъ приведенные примѣры вызваны чередованіемъ формъ *лесъ* и *лисъ*, а не фонетическимъ путемъ (стр. 45, пр. 6), слѣдуетъ признать натушутымъ. Приведенныя тамъ же другія комбинаціи тоже мало убѣдительны; но авторъ въ особенности налегаетъ на слѣдующее соотношеніе между формами Григоріе и Варламе; онъ упрекаетъ г. Даничича въ томъ, что этотъ послѣдній, объясняя форму Григоріе, не касается формы Варламе (хотя подобныя формы, по словамъ нашего автора, существуютъ въ сербскомъ языкѣ въ значительномъ числѣ), и что онъ дѣлаетъ невѣрное объясненіе формы Григоріе=Григоријо, какъ Вујо (стр. 46). Было бы желательно узнать отъ г. Соболевскаго это значительное число словъ въ сербскомъ нарѣчьи, подобныхъ формѣ Варламе, которая неупотребительна въ живомъ сербскомъ языкѣ; г. Даничичъ потому и не далъ объясненія формы Варламе, что она не употребительна въ сербскомъ нарѣчьи. Если въ Григоріе г. Даничичъ усмотрѣлъ форму звательнаго надежа, употребляемую вмѣсто формы именительнаго надежа, то естественно, можно бы дать точно такое же объясненіе и формѣ Варламе. Но, по нашему мнѣнію, это объясненіе не вполне достаточно; рождается вопросъ: какой смыслъ соединился съ подобнымъ употребленіемъ формы звательнаго надежа вмѣсто именительнаго? И могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, быть какой-нибудь смыслъ въ этомъ? На чемъ авторъ основываетъ свое мнѣніе, что формы именительнаго па-

дежа въ родѣ Варламе послужили въ русскомъ языкѣ къ образованію формъ именительнаго падежа — *тъ* (=те), *възале*, *дале* и др. (стр. 48)? Мнѣніе это слишкомъ смѣло; едва ли не вѣрнѣе въ формѣ *възале*, *дале* видѣть сочетаніе *възаль+е*, *даль+е*, очевидные примѣры чего можно еще найти въ современныхъ болгарскихъ говорахъ: „патоциле Марко Кралевичъ, паточиль *е* та златна здравица“ (Тренскій округъ, село Бабица), „пзлезналъ *е* тово витекъ Марко, пзлезналъ *е* вонка на двѣрове, искокналъ *е* вечеръ предъ вечера“ (Джумалийскій округъ, село Шапчерево), „закупиль *е* жълти еврештипа, закупиль *е* чиста света гора“ (Радомирскій округъ, село Верба), „испратиле (-лъ-|е) околни комшии, уловише Сьнка Дуковита, уловише негово-то любе, запалише то негово любе“ (Тренскій округъ, село Бабица), — и тутъ же на ряду: „пи *е* любиль Сьнко Дуковитъ“ (ibid.), и т. п. По аналогіи можно предположить формы Варламе, Григорье. Въ виду этого, мы находимъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Соболевскаго „что въ формахъ—Григоріе и Варламе слѣдуетъ видѣть древнѣйшія формы звательнаго падежа, съ давняго времени получившія значеніе именительнаго падежа“ (стр. 49).

Говоря о сохраненіи формы родит. падежа едпств. числа на *ъ* въ склоненіи личныхъ мѣстоименій (какъ напримѣръ: *отъ себѣ*, *отъ тебѣ* (Слова Григорія Богослова), *себѣ* самого (Шапдекты Аптіоха), *въ себѣ* мѣсто (Успенскій торжественникъ XII вѣка), *до тебѣ* (Евангелие 1361 г.), г. Соболевскій замѣчаетъ, что „въ малорусскихъ говорахъ эти формы, хотя и рѣдко, встрѣчаются“, и приводитъ слѣдующій примѣръ: „сами собі не пожните, не мене молодого, не коня вороного“ (Гродненской губ. Пружанскій уѣздъ). По нашему мнѣнію, въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ форму не родительнаго падежа, а дательнаго, форму, обычную въ малорусскомъ говорѣ упомянутой мѣстности, то-есть, смыслъ этого выраженія будетъ слѣдующій: „вы сами для себя не сожните ни меня молодца, ни коня вороного“; присутствіе *о* (собі) невозможно въ формѣ родительнаго падежа, но вполне уместно въ формѣ дательнаго падежа.

Въ подтвержденіе мнѣнія г. Соболевскаго (высказаннаго, впрочемъ, условно), что въ русскомъ языкѣ рядомъ съ формою родительнаго падежа едпств. числа на *ъ* нѣтъ формы на *я* (какъ: *ея*, *мося*—стр. 38), мы можемъ указать на рефлективную форму въ малорусскомъ нарѣчій, какъ: *моєі*, *твоєі*, *своєі*, *отъ моєі* сестры (Гродненской губ. Вресткаго уѣзда), которыя слѣдуетъ приравнивать къ *моєѣ*, *твоєѣ*, *своєѣ*. Для того же явленія въ именительномъ и винитель-

номъ падежахъ множеств. числа — моя, добрыя въ той же мѣстности малорусскаго нарѣчія удержаны формы—моі, твоі, свої.

Говоря о формѣ дательнаго и творительнаго падежей множественнаго числа на *мя* (дубовыми, гремучими, тѣми (=тѣмъ) и т. п., авторъ совершенно вѣрно сопоставляетъ ее съ сербскою формою на *ме*: *тимае*, *онимае*, *мпозијеме* для дательнаго падежа въ XV—XVI вв., *вашимае*, *злимѣ* для творительнаго падежа въ XVI—XVII вв. ¹⁾). Для болѣе ясности дѣла, слѣдуетъ указать на остатокъ этой предметственной связи: въ русскомъ нарѣчіи „намени“ скрывается сербская форма „онаме дни“. Было бы желательно найти въ монографіи г. Соболевскаго объясненіе этой формы—есть ли она первичная, или вторичная? За объясненіемъ не нужно было далеко ходить: результаты, добытые академикомъ Ягичемъ въ монографіи „*Podmladjena vocalizacija u hrvatskom jeziku*“ ²⁾ относительно сербско-хорватскаго языка съ большимъ успѣхомъ могутъ быть примѣнены и къ данному сейчасъ русскому примѣру, то-есть, форму эту слѣдуетъ считать повѣйшею.

Говоря объ окончаніи *мя*, авторъ замѣчаетъ, что оно извѣстно въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, напримѣръ, въ онежскомъ: дѣвушканы, малодушканы, городамы. Мы же, съ своей стороны, прибавимъ, что оно извѣстно и малорусскому нарѣчію: въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи говорятъ: „зѣ дѣвчатамы, зѣ молодухамамы, зѣ людѣмы, съ хоромамамы, съ пирогамамы, съ панамы, съ собаками, съ курицымамы“ и т. п.; въ малорусскомъ нарѣчіи это окончаніе употребляется и для прилагательныхъ: „съ хорошимамы, зѣ бридкими, зѣ злымамы, съ червошимамы“. Г. Соболевскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что между этими двумя окончаніями *мя* (= *ме*) и *мы* нѣтъ ничего общаго. Признавая вышеприведенное объясненіе формы *ме*, мы соглашаемся съ г. Соболевскимъ, что окончаніе *мы* явилось изъ формы на *ми*, подъ вліяніемъ формы творительнаго падежа множ. числа на *ми* (*снми*, *селми* и т. п.)

Въ заключеніе повторимъ, что трудъ г. Соболевскаго весьма пріятное явленіе въ русской лингвистической литературѣ, и что послѣдняя пріобрѣтаетъ въ лицѣ автора весьма полезнаго дѣятеля.

¹⁾ *Даничић*, *Историја облика*.

²⁾ *Rad jugoslav. Akademije*, кн. IX.

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ А. С. Архангельскаго.—Часть I-я Преп. Нилъ Сорскій.—Изданіе Общества любителей древней письменности. С.-Пб. 1882.

Книга эта составляетъ диссертацию на степень магистра русской словесности, полученную г. Архангельскимъ, въ маѣ нынѣшняго года, въ Казанскомъ университетѣ. Авторъ задался мыслию прослѣдить возникновеніе и развитіе отрицательнаго направленія, выразившагося въ русской духовной литературѣ въ XV и XVI вв., преимущественно въ писаніяхъ двухъ монаховъ—Нила Сорскаго и князя Вассіана Патрикѣва. Первая часть труда г. Архангельскаго посвящена Нилу Сорскому, вторая часть будетъ обнимать собою дѣятельность Вассіана Патрикѣва.

Личность и значеніе Нила вполне выяснены столь почтенными учеными, какъ А. С. Павловъ, П. И. Костомаровъ, пресв. Филаретъ Черниговскій и недавно скончавшійся, къ великой скорби русской исторической науки, Московскій митрополитъ Макарій. Вслѣдствіе того отъ новаго труда о Нилѣ Сорскомъ мы въ правѣ ожидать обобщенія всего высказаннаго названными учеными. Къ сожалѣнію, мы не находимъ этого въ книгѣ г. Архангельскаго. Г. Архангельскій задался а priori мыслию, что Нилъ Сорскій игралъ первенствующую роль, роль инициатора въ русскомъ умственно-религіозномъ движеніи XV—XVI вв., и на эту мысль, не вытекающую изъ реальныхъ явленій того времени, онъ напизываетъ все факты изъ жизни и писаній Нила. Онъ желаетъ видѣть въ воззрѣніяхъ Нила Сорскаго корень, основу воззрѣній не только Вассіана Патрикѣва, но и другихъ русскихъ мыслителей XVI в., каковы князь А. М. Курбскій, Матвій Башкивъ, игумень Артемій, Феодосій Косой. Вслѣдствіе такого приема изслѣдованія, который не можетъ быть признанъ приемомъ строго научнымъ, личность Нила и время, въ которое онъ жилъ, поняты авторомъ не совсемъ правильно. Личность Нила Сорскаго является въ изслѣдованіи г. Архангельскаго въ произвольномъ освѣщеніи, а послѣдняя глава книги—характеристика XV—XVI вв.—представляется какимъ-то случайнымъ прибавкомъ къ диссертациі, нисколько не выясняя существенныхъ явленій разсматриваемаго времени и отношеній къ нимъ Нила. При недостаточности научнаго обобщенія явленій, книга г. Архангельскаго изобилуетъ однако интересными деталями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто по справедливости должно быть отведено разсмотрѣнію литературныхъ источниковъ идей Нила

Сорскаго, вопросу впервые затропутому г. Архангельскимъ. Не лишены интереса извлеченныя изъ рукописей и напечатанныя впервые свѣдѣнія о Нилѣ Сорскомъ, которыя находятся въ концѣ книги въ особомъ приложеніи.

Отрицательное направленіе въ русской духовной литературѣ XV—XVI вв., къ которому принадлежали Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патриѣевъ, выросло среди борьбы съ официальными представителями московской церковной іерархіи и понимало задачи православія и монашества совершенно иначе, чѣмъ понимали ихъ современное имъ московское общество и официальные представители церкви. Отрицательное направленіе, возставъ противъ вѣшней-догматическаго и формальнаго пониманія православія, стремилось къ усвоенію и пропагандѣ духовныхъ, нравственныхъ основъ христіанскаго ученія любви и милосердія; въ монашествѣ видѣло оно прежде всего нестяжателей-подвижниковъ, отрехшихся отъ міра и всѣхъ его благъ. Два вопроса, весьма существенные въ церковно-общественной жизни Московскаго государства XV—XVI вв., были выдвинуты сильнымъ религиозно-соціальнымъ движеніемъ того времени, извѣстнымъ подъ именемъ жидовской ереси: 1) вопросъ о правѣ монастырей владѣть вотчинами и 2) вопросъ о вѣротерпимости и о милосердіи къ еретикамъ. При разрѣшеніи этихъ вопросовъ и столкнулись два враждебныя направленія—официальное и отрицательное. Воззрѣнія по этимъ вопросамъ у Нила и Вассіана были одинаковы; но если мы ближе вникнемъ въ особенности, какъ характера и жизни того и другаго, такъ и ихъ писаній, въ которыхъ отразились ихъ нравственные облики и ихъ жизнь,—то увидимъ весьма ясно, что воззрѣнія Нила и Вассіана слагались при совершенно различныхъ условіяхъ, и что непосредственной связи между ними нѣтъ никакой. Взаимныя отношенія писаній Нила Сорскаго и Вассіана мало изслѣдованы, вслѣдствіе чего установилось какъ бы обычаемъ считать послѣдняго ученикомъ перваго, то-есть, усвоившимъ созерцательно-аскетическое ученіе Сорскаго подвижника. Болѣе тщательный анализъ писаній Нила и Вассіана приводитъ однако къ иному выводу: Нилъ и Вассіанъ, будучи натурами совершенно противоположными, исходили въ своихъ воззрѣніяхъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Нилъ Сорскій былъ аскетъ-подвижникъ, человекъ не отъ міра сего. Его созерцательному, поэтически-мистическому настроенію были чужды интересы дѣя, жгучіе вопросы времени. „Простецъ“ по происхожденію и образованію, „книгописецъ“ по профессіи до своего по-

стриженія въ монашество, Нилъ не былъ подготовленъ живнію къ разрѣшенію серьезныхъ общественныхъ вопросовъ. Онъ вчитывался, вдумывался въ писанія св. отцевъ и подвижниковъ, и въ этихъ писаніяхъ стремился найти путеводную звѣзду для избѣжанія суеты міра сего и для исправленія пошатнувшихся монашескихъ правовъ. Все, что онъ высказывалъ въ своихъ собственныхъ писаніяхъ, не было оригинально: все почерпалось имъ изъ писаній св. отцевъ и афонскихъ скитниковъ. Его житейскимъ идеаломъ было истинно-монашеское подвижничество, и онъ является первымъ насадителемъ скитскаго типа монашества въ сѣверо-восточной Руси. Нилъ училъ собственнымъ примѣромъ своихъ учениковъ и окрестныхъ монаховъ; но кругъ его вліянія, его извѣстности былъ весьма ограниченъ. Его авторитетъ при жизни и его писанія послѣ смерти распространялись въ монашеской средѣ, въ которой онъ заслуженно пользовался большимъ уваженіемъ и извѣстенъ какъ образецъ ипока подъ именемъ „великаго старца“.

Совершенно иною личностью является князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣвъ, по прованію Косой. Монашество принялъ онъ не по внутреннему влеченію, а по поволѣ. Для него монахъ не былъ идеальнымъ олицетвореніемъ „вонна Христова“, и подъ клобукомъ и маптіей онъ продолжалъ оставаться княземъ и бояриномъ. Натура Вассіана всего менѣе была склонна къ созерцательному аскетизму. То не была поэтически-мистическая натура подвижника, а энергическая натура общественнаго дѣятеля. Привычки властвовать до постриженія, князь Патрикѣвъ отлячался рѣзкостью сужденій и строптивостью права; умъ его, топкій и анализирующій, былъ склоненъ къ насмѣлкѣ, сатиры, ироніи. Такой складъ ума Вассіана выразился вполнѣ въ тѣхъ немногихъ его писаніяхъ, которые дошли до насъ. Возрѣнія, выраженныя въ нихъ, сложились у Вассіана до его насильственнаго постриженія въ монашество; это насиліе надъ Вассіаномъ прибавило лишь нѣсколько новыхъ чертъ въ его отрицательномъ взглядѣ на современные ему монастыри и усилило рѣзкую форму его выраженій. Все, что говоритъ онъ, самостоятельно и ново. Такъ протестовать противъ монастырскаго крѣпостнаго права, противъ „любостыжательности“ монаховъ, противъ „новоявленныхъ“ чудотворцевъ и молить о милосердіи къ еретикамъ, какъ протестуетъ и молить Вассіанъ, могъ только энергическій бояринъ, а не уходявшій въ себя аскетъ-подвижникъ.

Вассіанъ происходилъ отъ князей Гедиминовичей литовскихъ и

состоялъ въ родствѣ съ Московскимъ великимъ княземъ Іоанномъ III и главнѣйшими его боярами; съ другой стороны, родствомъ и дружбой былъ онъ связанъ съ дьякомъ великаго князя Курицынымъ, привившимъ ученіе жидовской ереси. Князь Патрикѣевъ былъ для своего времени хорошо образованъ (между прочимъ онъ былъ знакомъ съ классическими писателями древней Греціи — Гомеромъ, Платономъ, Аристотелемъ) и по своему общественному положенію имѣлъ возможность наблюдать важныя явленія современной ему политической и общественной жизни Московскаго государства и сосѣднихъ земель. Онъ участвовалъ въ войнахъ Іоанна III, въ его походахъ и въ дипломатическихъ переговорахъ, и присматриваясь къ „земскимъ“ порядкамъ въ Новгородѣ, въ Швеціи и въ Литвѣ, сопоставлялъ ихъ съ тѣми, которые слагались въ Москвѣ у его двоюроднаго дяди, великаго князя Іоанна III, въ особенности со времени женитьбы послѣдняго на Софіи Палеологъ. Будучи по происхожденію человекомъ родовымъ, князь Патрикѣевъ склонялся своими симпатіями къ аристократическимъ учрежденіямъ названныхъ выше русскихъ земель и Швеціи. Извѣстно участіе его въ дѣлахъ о престолонаслѣдіи московскомъ. Онъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и своими свойственниками-боярами явился открытымъ противникомъ Софіи Палеологъ и ея сына Василия и сторонникомъ Дмитрія, внука Іоанна III. Боярская партія оплачивалась за свои симпатіи казнями, ссылками и насильнымъ постриженіемъ въ монашество. Послѣдняя кара постигла князя Василия Шаповяча Патрикѣева: онъ былъ удаленъ въ одну изъ бѣлозерскихъ пустыней. Здѣсь онъ познакомился съ Сорскимъ подвижникомъ Ниломъ и обратился къ нему за наставленіемъ въ безданный-негаданной для него ипоческой жизни. По отношенію съ Ниломъ были у Вассіана непродолжительны. Ссылка Патрикѣева произошла въ 1499 году, а черезъ четыре года, въ 1503 гуду (въ годъ смерти Софіи Палеологъ), Іоаннъ III снова вызываетъ его къ себѣ въ Москву. Въ какихъ пибудь четыре года Вассіанъ не могъ до такой степени проникнуться воззрѣніями Нила Сорскаго, чтобы стать его „ученикомъ“, то-есть, заимствовать его основныя идеи и развить ихъ далѣе. На дѣятельную патуру Вассіана не могъ имѣть такого всецѣлаго вліянія аскетъ-подвижникъ. Уже если возможно искать вліянія, то скорѣе на оборотъ: Нилъ Сорскій могъ быть подвигнутъ къ публичному заявленію своихъ воззрѣній на „пестяжательность“ монаховъ энергическимъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Въ годъ возвращенія Вассіана въ Москву былъ собранъ именно тотъ соборъ для разсужденія о вдовыхъ понахъ, на

которомъ Нилъ Сорскій „нача глаголати“ противъ монастырскихъ вотчинъ. Съ 1503 года для Патрикѣева возобновляется подъ монашескою рясою прежняя привычная ему жизнь царедворца-боярина, думца великаго князя. Его недавній политическій врагъ, великій князь Василій Іоанновичъ, по вокняженіи своемъ, не можетъ обойтись безъ Вассіана. Патрикѣевъ живетъ близъ великокняжескаго дворца, ежеминутно призывается великимъ княземъ на совѣщанія и приобручается рѣшающее вліяніе на дѣла, однимъ словомъ, становится временщикомъ. Но онъ гордо и самостоятельно ведетъ себя, не унижался предъ великимъ княземъ, а напротивъ рѣзко изобличая его въ неправыхъ дѣлїяхъ. Такъ, онъ открыто возсталъ противъ втораго брака Василя Іоанповича. Въ 1531 году онъ былъ сосланъ, на этотъ разъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Таково—по нашему мнѣнію—было различіе въ личныхъ характерахъ Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева, различіе, породившее мотивы для отрицательнаго отношенія къ официальному религіозному пониманію со стороны того и другаго.

Желаемъ отъ души, чтобы г. Архангельскій тщательнѣе обработалъ свое изслѣдованіе о Вассіанѣ Патрикѣевѣ. Если онъ покинетъ свой апіорный способъ изслѣдованія, то долженъ будетъ отказаться отъ общеприятаго мнѣнія, что Вассіанъ былъ ученикомъ Нила Сорскаго, мнѣнія, которое онъ въ настоящее время считаетъ вполне доказаннымъ.

Д. КБ.

Новые журналы по народной словесности и мѣстности.

Вопросы метода. — Сіагаиц и молитва апостола Павла отъ змія. — Иродіада и трясаицы. — Португальскій журналъ.

Гг. Питрѣ и Саломоне-Марино предприняли изданіе *Archivio per lo studio delle tradizioni popolari*, назначеннаго служить органомъ демоисихологіи. Имена издателей говорятъ сами за себя; остается пожелать, чтобы ихъ предпріятіе, въ пользу котораго нельзя сомнѣваться, было долговѣчнѣе, чѣмъ подобныя же, начатыя Гайдозомъ и Роллапомъ (*Mélusine*) и Сабатини (*Rivista di letteratura popolare*).

Цѣль подобнаго журнала, какъ она намъ представляется, не въ томъ, чтобы служить складочнымъ мѣстомъ для всякаго рода сказокъ, часть ссххш, отд. 2.

повѣрій, обрядовъ, и т. п., и даже не въ томъ, чтобы быть репертуаромъ работъ и фактическихъ наблюдений въ этой далеко еще не извѣданной области. Важно, чтобы было гдѣ помѣняться мыслями, сговориться относительно вопроса: какъ быть, что дѣлать съ тѣмъ, что уже собрано, записано, и покуда, объяснено неудовлетворительно и разнорѣчиво. Новый журналъ долженъ послужить вопросу демо-психологическаго метода.

„Въ наукѣ одинаково опасно: чрезмѣрное накопленіе матеріала, затрудняющее его обзорѣніе и классификацію, и увлеченіе мелочными различіями, слишкомъ мелкими, чтобы быть практичными“. Въ такой именно стадіи развитія находится теперь демопсихологія, по мнѣнію Макса Мюллера, въ его письмѣ къ Питрѣ, открывающемъ собою первую книжку новаго журнала. Письмо это высказываетъ нѣсколько идей относительно записыванія и выбора сказокъ, идей, далеко не новыхъ и не вызывающихъ особыхъ замѣчаній. Парадоксальною по своей общности можетъ показаться выписанная выше фраза. Обремененіе матеріаломъ дѣйствительно существуетъ, но не столько отъ чрезмѣрнаго его накопленія, сколько отъ отсутствія классификаціи собраннаго и обследованнаго раньше. Мюллеръ указываетъ на извѣстныя сказочныя схемы Гана, хотя самъ признаетъ ихъ недостаточными; необходима классификація болѣе точная и подробная, но она только и возможна при анализѣ мелочей, при раскрытіи тонкихъ отличій. Предположимъ, что такая классификація дана,—тогда накопленіе матеріала не возбудитъ излишнихъ опасеній: новыя данныя либо примкнутъ къ схемамъ, уже полученнымъ, либо видоизмѣнятъ ихъ и выдѣлятъ новыя. Необходимую представляется на первый разъ попытка систематической работы, о которой лѣтъ десять тому назадъ трудно было бы и говорить; не свода *en gros*, въ родѣ Гановскаго, не простаго сопоставленія разноязычныхъ сказокъ по ихъ главнымъ сюжетамъ, а именно аналитической работы, которая разобрала бы сказку (ее-то преимущественно и имѣетъ въ виду Максъ Мюллеръ) на ея составныя элементы, изучила бы повторяемость эпизодовъ, общихъ мѣстъ, стилистическую, виѣшнюю или внутреннюю законность ихъ сѣзпленія въ каждой сказочной особи и т. п. Подобную работу я считаю полезною и для народнои лирической пѣсни. Дѣло въ томъ, что наблюденіе надъ составомъ цѣлыхъ сказокъ и пѣсенъ нерѣдко ведетъ къ заключенію, что тѣ и другія—продуктъ разновременнаго склада: въ пѣснѣ сѣзпленіе образовъ представляется иногда виѣшнимъ, случайнымъ, въ сказкѣ ожидаемое нами развитіе даннаго положенія обрывается, и непосред-

ственно слѣдующій эпизодъ пристроивается къ предыдущему по какой-нибудь несущественной аналогіи. Очень можетъ быть, что это недоразвитое, виѣшнее, случайное кажется такимъ нашей, не народно-поэтической логикѣ, а изучить послѣднюю можно лишь въ морфологіи сказки и пѣсни, то-есть, аналитическимъ разборомъ ихъ формальной стороны. Лишь когда это будетъ сдѣлано, явится возможность сознательно поставить себѣ тѣ общіе вопросы, которые повторяются всѣми, какъ имѣющіе получить разрѣшеніе въ будущемъ, хотя пути къ этому рѣшенію никто не указалъ. Повторяетъ ихъ и Макс Мюллеръ: „Существенныхъ вопросовъ, которые можетъ освѣтить научное наблюденіе надъ сказками, немного. Намъ надо знать: 1) Существуютъ ли эти сказки повсюду (?), являясь естественнымъ продуктомъ человѣческаго ума въ его развитіи отъ состоянія дикости къ культурѣ? 2) Можемъ ли мы воссоздать ихъ исторіи отъ нашихъ дней до древности и прослѣдить ихъ переселеніе съ востока на западъ? 3) Можемъ ли мы объяснить ихъ происхожденіе и *raison d'être*, въ связи съ миоопеическимъ развитіемъ языка и человѣческой мысли“. Другими словами: 1) Зараждаются ли сказочныя схемы самостоятельно, и ихъ сходство слѣдуетъ объяснить тождествомъ психическаго акта, въ нихъ выразившагося? 2) Допустить ли въ объясненіе сходства гипотезу переселенія сказокъ изъ одной области въ другую, или 3) искать этого объясненія въ сохранности древнѣйшихъ типовъ миоопеическаго мышленія?

Несомнѣнна для меня связь перваго пункта съ третьимъ и необходимость восхожденія „отъ нашихъ дней къ древности“. Сказки, записанныя въ наши дни, представляютъ гораздо болѣе прочный и достовѣрный матеріалъ для характеристики миоопеической дѣятельности мысли, чѣмъ однородные или предполагающіеся таковыми памятники древности, какъ фонетическія показанія живаго нарѣчія важнѣе теоретическихъ соображеній о фонетическихъ процессахъ отжившаго языка. Отъ первыхъ вѣрнѣе заключить къ вторымъ, чѣмъ на оборотъ; миоопеическій процессъ не прекратился, повтореніе, усвоеніе сказки предполагаетъ его точно также, какъ и ея созданіе. Аналитическое изученіе современной сказки, на которомъ я настаивалъ выше, дастъ намъ рядъ обобщеній, которыя можно будетъ вмѣнить древнѣйшей стадіи миоопеическаго развитія. Значеніе странствующихъ сказокъ, какъ вообще вопросъ перенесенія, поставится самъ собою какъ относительно вѣрнѣйшій и не существенный, потому что чужое усвоится лишь въ формахъ туземной мысли. Собственно, странствую-

ція повѣсти, сказки, пѣсни — объектъ не для миѳолога, а для историка литературы, изслѣдующаго международныя теченія образованности и пути вліяній. Эти вліянія могли рѣзче опредѣлить извѣстные вкусы, дать болѣе яркую форму тому, что уже существовало въ поэтическомъ сознаніи народа, какъ невыясненное или только потепціальное. Народный эпосъ заповоленъ пришлыми сюжетами, оставаясь тѣмъ не менѣе народнымъ и по психическимъ послыкамъ усвоенія, и по вѣковой работѣ, неустанно претворяющей это усвоенное.

Для того, чтобы поднять вопросъ о перенесеніи повѣствовательныхъ сюжетовъ, необходимо, поэтому, занастись достаточными критеріями. Необходимо принять въ разчетъ фактическую возможность вліянія, и его вышшіе слѣды въ собственныхъ именахъ, въ остаткахъ чуждаго быта, въ союкупности подобныхъ признаковъ, потому что каждый въ отдѣльности можетъ быть обманчивъ. Труднѣе установить такой критерій для поэзіи народнаго обряда. Я имѣю въ виду главнымъ образомъ обрядность, привязавшуюся къ извѣстному времени года, къ поворотамъ солнца, къ началу и концу полевыхъ работъ; однимъ словомъ, къ народно-поэтическимъ обобщеніямъ природныхъ наблюденій и примѣтъ. Въ правѣ ли мы ожидать въ обрядности, сложившейся на мѣстѣ, выросшей, такъ сказать, изъ условій своей мѣстности и своего климата, соответствія между ея символизмомъ и дѣйствительностью, его вызвавшей? И что мы заключимъ изъ несоответствій символа и идущихъ съ нимъ объ руку климатическихъ и аграрныхъ условій? Я, разумѣется, не забываю обобщающую силу обряда, характеризующаго огуломъ, собирающаго въ праздниваніи геиварскихъ колядъ надежды будущаго урожая въ пѣсняхъ, въ актѣ обсѣванія и т. п. Я ограничиваюсь постановкой вопроса, вызванной небольшою замѣткой Хоакима Косты „О вліяніи лѣсовъ на народныя примѣты“ (*Influencia del arbolado en la sabiduria popular*). Крестьянинъ естественно извлекаетъ свою метеорологическую мудрость изъ мѣстныхъ наблюденій, тамъ и здѣсь приурочивая начало зимы и весны, появленіе морозовъ и дожди, къ тому или другому дню народныхъ свитцевъ, наконецъ къ условіямъ чисто топографическимъ. Примѣты, подобныя слѣдующимъ, всякій изъ насъ слышалъ въ деревнѣ: когда Граталь (гора) въ шапкѣ (изъ облаковъ), воды (дожди) будутъ по ротъ; когда Монкайо (гора) приближается (то-есть, ее яснѣе видно, вслѣдствіе прозрачности воздуха), дождь удаляется; когда пасмурно на Горгочѣ (гора) и просвѣтъ (сентапа: окно) на Монсопѣ (городъ), въ Арагонѣ дождь, и т. п. Эти наблюденія слѣданы давно, стали народнымъ знаніемъ и вѣроваіемъ. Съ

тѣхъ поръ цивилизація взяла свое, лѣсовъ поубавилось, горы оголились вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и метеорологическія условія. Испанскій крестьянинъ помнитъ старыя примѣты и не знаетъ какъ быть. Все стало не по старому: свѣжій южный вѣтеръ не приноситъ болѣе дождя, сѣверный не собираетъ облака, а разноситъ ихъ; дождь такой-то примѣты смѣнился градомъ; въ былое время, когда облака ползли по горамъ или вѣпчали ихъ, можно было ожидать скорого дождя; зарница, появлявшаяся въ извѣстномъ направленіи, предвѣщала черезъ три дня большое несчастіе и т. д. Примѣта осталась позади климата; интересно было бы перенести эту точку зрѣнія на изученіе обрядоваго календаря вообще; она могла бы выспитъ нѣкоторые вопросы хронологіи — и возможность перенесенія готоваго обряда изъ одной климатической среды въ другую.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ Архива, обратимъ вниманіе на очеркъ Питрѣ, посвященный сициліанскому *ciaràuli* или *ciaruli*. Названіе это дается человѣку, рожденному въ ночь на 29-е іюня или 25-е января, дни, посвященные памяти апостола Павла. Дѣлія апостольскія (гл. XXVIII) разказываютъ, что когда, брошенный на островъ Мальту апостоль клялъ сучья въ огонь, изъ нихъ вышла ехидна и укусила его въ палецъ, не причинивъ ему никакого вреда. Изъ этого разказа развилось вѣрованіе, распространенное въ Сициліи и виѣ ея, что родившійся въ одну изъ тѣхъ ночей обладаетъ эсобою силой и счастьемъ, можетъ предугадывать будущее, не бояться укушенія змѣи, которую свободно обвиваетъ вокругъ руки, либо кладетъ за пазуху; пакопецъ исцѣляетъ укушенныхъ, помазавъ рану своей слюною либо прикоснувшись къ ней языкомъ или рукою, причемъ произноситъ заклинанія, несообщаемыя никому другому; часто одно присутствіе или близость *ciaràuli* дѣйствуетъ спасительно. Въ XV вѣкѣ ихъ звали *secauli*; говорили, что даръ исцѣленія, въ началѣ личный, явился потомъ наследственнымъ въ цѣлыхъ семьяхъ и родахъ, передаваясь отъ одного члена къ другому, къ мужчинамъ и женщинамъ безразлично; отсюда фамилія *Secauli*, перѣдко встрѣчающаяся въ Сициліи; *Pitrè* сближаетъ изъ XVI вѣка еще и фамилію *Charedi*, члены которой обладали такимъ же даромъ врачеванія. Главнымъ центромъ сицилійскихъ *ciaràuli* явились теперь *Palazzolo Acreale*, въ провинціи Сиракузы; но они извѣстны въ Калабріи, *Terra d'Otranto* и далѣе, спустились къ значенію бродячихъ шарлатановъ-звачарей. Такими описываетъ ихъ Авольо, въ своихъ *Canti popolari di Noto*:

„Ciągaùli, какъ и цыгане, бродятъ по городамъ Сициліи, показывая ребятамъ на площадяхъ шкафикъ, такъ набитый образками, что любо посмотрѣть. Вотъ мадонна, проливающая слезы, толкуеть шарлатанъ; Спаситель, оттолкнувшій еретика, смѣявшагося передъ нимъ; св. Францискъ di Paola, поднявшій палку на шалуна мальчишку. При этихъ словахъ дѣти, собравшіеся поглазѣть, притихаютъ, словно боятся, что вотъ-вотъ снимутся съ мѣста эти фигуры, смотряція на нихъ своими огромными глазами. Тогда ciągaùli достаетъ изъ бапки змѣю, и прошептавъ на пей какой-то заговоръ, обвиваетъ ее вокругъ руки или шеи. Всѣ изумлены, а онъ пользуется моментомъ, чтобы пустить въ ходъ кружку для добродетельныхъ даяній; это такое же ремесло, какъ и всякое другое. Но главная дѣятельность этихъ общественныхъ паразитовъ не въ городахъ: въ деревнѣ они зарабатываютъ всего болѣе. Осель, на которомъ можно изучать остеологию, нагруженный таинственнымъ шкафомъ; полдюжина ребятъ, невзрачныхъ отъ природы и отъ привычнаго неряшества; жена въ засаленныхъ лохмотьяхъ, съ черными зубами — таковы спутники благочестиваго оборванца, бродящаго отъ мызы богатаго собственника къ лачужкѣ крестьянина. Его глубокаго взгляда, длинныхъ волосъ, спускающихся локонами съ висковъ, достаточно, чтобы составить ему репутацію колдуна; его легко узнать издалика. Простодушные крестьяне, наивные какъ дѣти, подаютъ ему мѣрку пшеницы либо овощей, не потому, чтобы онъ оказалъ имъ какую-либо услугу, а изъ боязни, чтобы, недовольный, онъ не наслалъ града на ихъ поля, муравьевъ на ихъ бобы; они издалика отъ убѣжденія, что, какъ Эоль, онъ можетъ разнудать вѣтры и всякія бѣды, какъ Папдора. Въ отплату за подаваніе они получаютъ образокъ св. Павла, черный, какъ уголь, съ вытаращенными, страшными глазами, огромнымъ мечемъ при бедрѣ и множествомъ драконовъ и змѣй, вьющихся по бокамъ и у ногъ, — точно апостоль жилъ въ періодъ каменпоугольной формациі! Крестьяне прикрѣпляютъ этотъ образокъ къ бочкѣ, въ которой вино до тѣхъ поръ кисло и портилось, либо къ деревьямъ, дающимъ цвѣтъ въ кои-то вѣки, по недостатку ухода“.

Типъ ciągaùli несомнѣнно древній и распространенный ¹⁾, напоми-

¹⁾ См. напримѣръ татарскихъ «авсунчи», *заклинателей змѣй* на Кавказѣ, показывающихъ, за чашку пшеницы, идовитыхъ змѣй и предлагающихъ «авсунъ» (талисманы) противъ ихъ ужаленія (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстно-

наущій агиртовъ временъ греко-римскаго упадка, если не Псилловъ и жрецовъ Сабазіи, какъ полагаетъ Питрѣ. Древнею, относительно, можетъ показаться и ихъ связь, какъ очарователей змѣй, съ легендой объ апостолѣ Павлѣ; въ миланскихъ статутахъ у Muratori (Ant. It. II, 845) я нахожу указаніе на шарлатановъ „dantes gratiam sancti Pauli, aut sanctae Apolloniae, aut praedicantes brevia pro febribus“, то-есть, заговаривающихъ змѣй, зубную боль и трясавицу. Дѣянія апостольскія приурочиваютъ чудо съ ехидной къ Мальтѣ; такъ и въ Апостольской исторіи Авдія, которою пользовался Яковъ de Vogadino, прибавивъ къ его разказу еще слѣдующее: „Наслѣдники человѣка, оказавшаго на Мальтѣ гостепримство апостолу Павлу, исполнѣ безопасны отъ укушенія ядовитыми животными. Когда въ этой семьѣ родится ребенокъ, отецъ кладетъ къ нему въ кровать змѣю, чтобы увѣриться, что онъ въ самомъ дѣлѣ его сынъ“. Стало быть, — такой же родъ *siagaulu*, какіе существуютъ въ Сициліи. Какимъ образомъ разказанное о Мальтѣ приурочилось къ Сициліи — я объяснить не могу. Замѣчу только, что въ церковно-славянской, очевидно переводной съ греческаго, „молитвѣ святаго апостола Павла отъ змій“ эта локализациа уже существуетъ ¹⁾. „Изыдохъ отъ обителяща моего въ Сикелію“, говоритъ апостолъ; слѣдуетъ пересказъ чуда съ ехидной и явленіе во спѣ архангела Михаила, указывающаго святому въ нѣкоей книгѣ молитву противъ змѣй: „василіискаа змїа рѣмь, змїа тетрахапиа, змїа додекахапиа, змїа лагодрома, змїа и ехидну иже имать въ десной странѣ тадъ“. Въ редакціи, напечатанной г. Ягичемъ, являются другія опредѣленія и гречизмы удалены: „змїю вѣдещую и василіиска, змїю облаковидную, змїю огневидную, змїю тричелюстную, змїю древосьходную, змїю слѣпую, змїю стрѣльную, змїю чрнпую, змїю троеглавную, змїю звѣра землянаго, змїю лютую имущую тадъ въ деснѣй челюсти, змїю непельпоую и мыша лукаваго и скорпію вѣдхновеніе дѣволю“. Тотъ же текстъ и съ такими же отиѣнами („змїю облаковидную, змїю огневидную, змїю влакновидную, змїю дубовсьходную, змїю враповидную, змїю слѣпую, змїю стрѣльную, змїю черную, змїю триглавную, змїю уядающую жены,

стей и племяъ Кавказа, изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, вып. II, отд. 2, стр. 48—49). Объ италянскихъ заклинателяхъ змѣй говоритъ *Fleck*, Reise, I, I, 505.

¹⁾ *Тихомировъ*, Пам., II, 353—5; *Јагичъ*, *Описі і izvodi*, IV, стр. 24 (отдѣльнаго оттиска).

ехидну морскую, имущую ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпію, духповеніе дьяволе“) напечаталъ съ поздняго списка Тихонравовъ. Накопленіе народныхъ, попятныхъ прозвищъ напоминаетъ такое же, въ позднихъ пересказахъ заговора отъ трясавицъ по отношенію къ ихъ древнему греческому оригиналу. Тѣмъ интереснѣе сохраненіе въ этихъ текстахъ сицилійскаго приуроченія: „плавающеу ми въ мори въ странамъ сикеліскимъ“; „въ странамъ ликинскимъ“ вм. сиплякнскимъ, сицилійскимъ.

Питрѣ объясняетъ сиц. *ciaraulu, coraulu* изъ греч. *χεράολη*—трубачъ. Очень вѣроятно, что эту этимологию онъ опираетъ на доводахъ реального характера; съ своей стороны, укажу на статью русскаго Азбуковника, заимствованную изъ какого-нибудь физиолога, объ „обояницахъ“—*ciaraulu*, чарующихъ, „обавающихъ“ змѣй трубнымъ звукомъ.

„Аспидъ есть змѣя крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчипитя, ту землю пусту чипитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на камни. Обояницы, пришедши обояти, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунглитомъ, и ставятъ у себя угліе горячіе и разжигаютъ клещи. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищеть, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, и другое замкнетъ хоботомъ, и пашедъ диру малу, начинаеть битися. Человѣци же, ухвативши ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же ея сокрушатся клещи не едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираетъ“¹⁾. Замѣтимъ въ этомъ разказѣ слѣды физиолога: „*Aspis—quilibet verbi Dei surdus auditor, ut in psalmo (Ps. LVII, 5): „Sicut aspidis surdae et obturantis aures suas“; unam quippe aurem terrae applicat, alteram oppilat cauda, ut posterioribus terrenis intentus, nec ad anteriora se extendat, nec coelestibus appetendis assurgat*“. *Aspis—diabolus: Super foramina aspidis (Is. XI, 8)*²⁾.

Я считалъ возможною для *ciaraulu* другую этимологию, по аналогіи съ сиц. *ciaratu*=*carum* (если первое—не съ французскаго): отъ *χεράολης*, среднелатин. *choraulus, chogaula, caraula*, которое сохранилось

¹⁾ *Буслаевъ, Истор. Оч.*, I, стр. 275—6.

²⁾ См. Григорія Великаго и Мелитона у *Pitra, Spicilegium Solesmense*, III, p. 92—93.

п въ личномъ значеніи: *princeps chori ludorum, jocolator*, почему—не *incantator, ciaraulu?*;—и въ значеніи пляски (старо-франц. *saole*, пров. *saola*), наиримѣръ, обрядовой, Ивановской, какъ въ проповѣди св. Ангиліа: *nullus in festivitate S. Iohannis . . . solstitia aut vallationes* (то-есть, *ballationes*) *aut saltationes aut cantica diabolica exerccat*. Я остановлюсь на Ивановской пляскѣ, тѣмъ болѣе, что каталонская легенда, сообщенная въ Архивѣ изъ *La Orientada Pelay Briz'a* даетъ къ тому поводъ съ другой стороны.

Греческая и западная церковь одинаково возставали противъ пляски, какъ дѣла грѣшнаго, скоморошняго, внушеннаго дьяволомъ, который самъ же нерѣдко является исполнителемъ кары надъ соблазнительными. Плясать въ большіе праздники было кощунствомъ, за которымъ неминуемо слѣдовало возмездіе: въ 9-мъ мытарствѣ испытуются: „буе слово, срамословіе, бестудныя слова и плясаніе еже въ пиру и на свадьбахъ и въ павечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ“¹⁾; дѣвицу, плясавшую „во дни святныя, егда паче слово Божіе проповѣдается“, бѣсы во время сна запесли въ геенну²⁾; трое молодыхъ людей и три дѣвушки плясали на площади въ праздничный день, не обращая вниманія на процессію, проходившую въ то время съ святыми дарами; въ наказаніе за то онѣ продолжали плясать въ теченіе цѣлаго года. не имѣя силъ остановиться³⁾ и т. п. Подобнаго рода благочестивыхъ разказовъ можно было бы привести нѣсколько. Типомъ грѣшной плясуньи являлась Продіада; не даромъ цѣной своего искусства она поставила требованіе—голову Іоанна Предтечи. Авторъ приписываемаго Златоусту слова *περί μετανοίας* говоритъ о пей въ связи съ осужденіемъ оркестовъ, плясцовъ и свѣтскихъ игрищъ⁴⁾; средне-вѣковыя миниатюры изображаютъ ее на пиру Ирода танцующею и кувыркающеюся, въ стилѣ скомороха⁵⁾. Ее постигла кара: каталонское преданіе, сообщенное Pelay-Briz'омъ, заставляеть ея и Ирода блуждать безъ устали по ночамъ, скрываясь въ пещерахъ съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ. Однажды разсвѣтъ засталъ ее на берегу замерза-

¹⁾ Памятники русс. словесности XII в., стр. 94.

²⁾ Нам. стар. русск. литературы, I, стр. 209; сл. *Whland, Schriften*, III, стр. 425—426.

³⁾ *Méusine*, № 17, р. 404.

⁴⁾ См. также приписанное Златоусту слово на усѣкновение главы Іоанна Предтечи, у *Migne, Patrol. Graec.*, t. LIX, 485—490.

⁵⁾ *Wright, History of domestic manners* и т. д., р. 167, 168.

нушнаго Sigre, а ей надо было перейти на ту сторону, чтобы укрыться въ находившейся тамъ пещерѣ. Только что она дошла до половины рѣки, какъ ледъ разступился и отрѣзалъ ей голову, когда она была въ его уровнѣ, заставивъ Иродіаду испытать страданія Іоанна Предтечи. Съ тѣхъ поръ, говоритъ преданіе, вокругъ шеи Иродіады остался знакъ, точно красная нитка ¹⁾.

Идея возмездія выразилась въ этой легендѣ не только усѣкновеніемъ головы, но и блужданіемъ, бѣгомъ, какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ преданій ²⁾, восходящихъ къ десятому вѣку и говорящихъ о ночныхъ скитаніяхъ Иродіады и ея демоническихъ спутниковъ. Согрѣшившая пляскою, она носится теперь въ бурной пляскѣ вихря; пляскою Иродіады объясняютъ себѣ вихрь саксонскіе крестьяне, тогда какъ въ Бретани и Пикардіи онъ вызываетъ память о Вѣчномъ жидѣ (Jacob le Bibliophile, *Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen âge*, 1859, p. 119). Интересна въ этомъ отношеніи легенда, сообщенная въ Reinardus, I, 1139—1164: будто-бы дочь Ирода любила св. Іоанна, отказываясь отъ всякаго другаго брака; когда разгнѣванный этимъ отецъ велѣлъ усѣчь святаго, и опечаленная дѣвушка хотѣла поцѣловать его голову, которую несли на блюдѣ, голова отшатнулась отъ поцѣлуя, и отъ ея дуновенія Иродіада понеслась по воздуху. Тамъ она будетъ носиться вѣчно;

mortuus infestat miseram, nec vivus amarat,
non tamen hanc penitus fata perisso sinunt,
lenit honor luctum, minuit reverentia poenam:
pars hominum moestae tertia servit herae.
quercubus et corylis a noctis parto secunda
usque nigri ad galli carmina prima sedet.
nunc ea nomen habet Pharaïldis; *Herodia ante*
saltria, nec subiens noc subounda pari.

Гриммъ приравнивалъ выраженіе: *pars hominum moestae tertia servit herae* къ словамъ Патерія противъ вѣровавшихъ, „*tertiam totius mundi partem illi (то-есть, Иродіадѣ) traditam*“. Что въ сущности онѣ означаютъ, мы не знаемъ; несомнѣнно лишь относительная древность преданія (X вѣкъ). Особо стоитъ разказъ Рейнарда о несчастной,

¹⁾ Сходное съ этимъ преданіе встрѣтилось мнѣ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; къ сожалѣнію, я не запомнилъ источника.

²⁾ О нихъ см. *J. Grimm, Deutsche Mythologie*, 4. Ausg. p. 234, 7 и III, стр. 282, прим. въ стр. 780.

непризнанной любви Иродіады къ Крестителю; я могу сопоставить его, разумѣется условно, лишь съ русскимъ (въ широкомъ смыслѣ слова) Купальскимъ повѣрьемъ, выразившимся и въ формахъ обряда: о любви Ивана и Маріи, или, какъ я толкую, Марини-Маргариты, которые у насъ являются братомъ и сестрою, въ австрійскомъ повѣрїи просто несчастными влюбленными, при чемъ тамъ и здѣсь происходитъ превращеніе въ цвѣты. Въ одной деревнѣ жилъ богатый, но скупой крестьянинъ, разказываютъ въ Австріи; у него была дочь, красавица Grete; а напротивъ жилъ бѣднякъ съ сыномъ Hans'омъ. Молодые люди влюбились другъ въ друга, но скупой старикъ не хотѣлъ и слышать о бракѣ. И вотъ Grete долго смотрѣла на Ганса изъ своего садика, а тотъ на Грету съ улицы, пока оба не обратились въ цвѣтки: Гретхень въ „Gretel in der Staude“ (Nigella), Гансъ въ „Hannsel am Wege (Vogelknöterich, Polygonum oviculare)“. Я сравниваю это преданіе съ слѣдующей малорусской купальской пѣсней:

Иване, Пвапечку,
Да не переходъ же да доріженьки,
Якъ перейдешъ, виновать будешъ.

Забвеніемъ первоначального смысла пѣсни отзываются слѣдующая за тѣмъ угроза дѣвушки: посѣчь Ивана „на дрібель макъ“, „на капусточку“, посѣять его въ трехъ огородахъ,

У трехъ городахъ, да трехъ зілечокъ:
Що перне зіле—рутка да м'ятка,
А друге зіле—да барвіночокъ,
А тре зілле—да василечка.
Барвіночокъ да для дівочокъ и т. д. ¹⁾.

Еслибъ оказалось возможнымъ поддержать сближеніе Иродіады — Марини, то названіе первой госпожей, hega, подтвердило-бы этимологию послѣдняго имени: hega, domina.

Иродіада плесунья осуждена на вѣчную пляску-вихорь; каталонское повѣрье, сообщенное Mila y Fontanals ²⁾, сдѣлало изъ одной Иродіады—пѣсколька Иродіадъ, дочерей Ирода; судя по присловью, вѣроятно, запѣву утраченной пѣспи, онѣ принуждены вѣчно пласать въ воздухѣ въ наказаніе за смерть Предтечи:

¹⁾ См. мой отчетъ о сборникѣ *Чубинскаго* въ 23-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, стр. 20—24; Разысканія въ области русск. духовн. стиховъ, II, стр. 77, 100, 101, 149; VI, 64—5; *Чубинскій*, Народный Дневникъ, стр. 483, № 2.

²⁾ *Mila y Fontanals*, Observaciones sobre la poesia popular, p. 95, прим. 6.

Las fillas del rey Herode
Ballan, que mes ballagan.

Вѣчно плещущія, сотрясающіяся въ порывистомъ движеніи, онѣ могли быть отождествлены съ „трясавицами“—лихорадками; въ этомъ сочетаніи дочери Ирода, трясавицы, вошли въ молитву св. Сисинія, въ греческомъ текстѣ которой говорится лишь о различныхъ именахъ одного-же того демона, Гилло; въ буслаевскомъ текстѣ заклинанія Невея названа „сестра имъ (т. е. трясавицамъ) старѣйшая плясавица, кая оуѣкнула главу Иоанну предтече; и та естъ всѣхъ проклятіе, поймаеть человѣка, неможетъ тотъ человѣкъ живъ быти“.

Подобнаго рода представленія могли отразиться и въ страстной до изступленія обрядовой пляскѣ въ ночь на св. Ивана, 24-го іюня. Вспомнимъ описанія игумена Памфила и Стоглава, Синопсиса и повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ: плесканіе и плясаніе, главами киваніе, хребтомъ выхляніе, скаканіе и топтаніе, послѣ чего плясуны падаютъ „аки мертвы“. Въ эпидеміи Иваповской пляски, обнаружившейся на западѣ въ концѣ XIV вѣка, тѣже характерныя черты: плещущіе подпоясываются платками и веревками, чтобы не разсѣяться въ бѣшеномъ порывѣ; съ той-же цѣлю они велѣли бить и топтать себя погами, когда падали въ изнеможеніи. Интересно при этомъ ихъ показанія: имъ милюсь, „quod in hora hujus chorizationis erant in fluvio sanguinis, et propterea sic in altum saltabant“; въ этой связи, вѣроятно, стоитъ ихъ отвращеніе къ красному цвѣту (spernit videre rubra, et personam fontem). Если это—цвѣтъ крови, пролитой Иоанномъ Предтечей, то изступленный тапецъ не представлялъ-ли мнимически пляску Иродіады-трясавицы? Съ точки зрѣнія церковной, всѣмъ этимъ дѣйствомъ заправлялъ дьяволъ; но вѣдь и Иродіада дѣйствовала по побужденіямъ вселившагося въ неѣ злаго духа. Καὶ εἰς τὸν ἕγῳ εἰς τὴν Ἰροδιάδα γυναῖκα, καλὴν καὶ ὑπουργόν μου καὶ συγχληρονόμον τῶν ἔργων μου, говоритъ дьяволъ у Евсевія Эмесскаго: καὶ δι' ἐκαίνης παρωξύνα βασιλέα καὶ τοῦτον ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμον, καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ δέδωκα τῷ χορασίῳ ἐπὶ πινάκι, καὶ ὡς μῆλῳ προσέπειξεν¹⁾. Последняя черта интересна по сравненію съ русскимъ суевѣріемъ, что не годится въ день уѣкновенія главы Иоанна Предтечи (29 Авг.) срубить кочапъ капусты или ѣсть что либо круглое, картофель, яблоко,

¹⁾ Eusebii Emeseni Or. I, у Migne Patrol. gr. t. 86, I p. 517. Для Ивановской пляски см. *Ulands*, *Schriften* III p. 399 слѣд. и прим., и указанный выше отчетъ о сборникѣ Чубинскаго.

потому будто-бы, что враги св. мученика, отсѣжши голову, катали ее на блюдѣ, какъ картофель, яблоки и т. п. ¹⁾). Подобное суевѣріе прижнуло и къ 25-го мая, къ памяти обрѣщенія главы св. Іоанна Предтечи (сажаютъ канусту); понятно поэтому, что праздникъ его рожденія (24-го іюня), могъ обставиться цѣлой группой воспоминаній, захватывавшихъ въ свою область и крещеніе имъ Спасителя (Ивана Купалы) и его усѣкновеніе (Продіада).

Черты христіанскихъ легендъ пропикли въ древнюю обрядность, сопровождавшую празднованіе лѣтняго солнцестоянія. Старые-ли боги прижнули къ именамъ христіанскихъ святыхъ или святые исказились до языческаго облика? Въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе будетъ рѣшить въ первомъ смыслѣ; по это опять одинъ изъ многихъ вопросовъ методологін, которые предстоитъ поднять повому журналу.

Въ заключеніе этого обзора укажемъ кстати еще на одинъ полный органъ для изученія народныхъ вѣрованій и словесности, о которомъ мы не успѣли дать отчетъ въ свое время: на *Rivista de ethnologia e de glottologia. Estudos e notas por F. Adolpho Coelho* (Lisbom, 1880 fasc. I—IV). Въ четырехъ выпускахъ, лежащихъ передъ нами, помѣщенъ рядъ статей, посвященныхъ народному календарю и миѳологін (*Materiaes para o estudo das festas, crenças e costumes populares portuguezes*), начало работы по исторіи традиціонныхъ сказокъ (*Estudos para a historia dos contos tradicionaes*), гдѣ разобрана сказка, отразившаяся въ Венеціанскомъ купцѣ Шекспира и уже разсмотрѣнная Бепфсемъ. Въ концѣ IV-го выпуска сообщена легенда о Соломонѣ и замѣтка о Вѣчномъ жидѣ въ испанскихъ повѣрьяхъ.

Мнѣ приходитъ въ голову странное сопоставленіе: крохотной Португалии, затѣввающей спеціальнй журналъ по своей этнологіи, миѳологіи и т. п., и нами, кичащимися свѣжестью нашихъ народныхъ основъ, разнообразіемъ и породческихъ элементовъ — и обходящимися безъ соответствующаго органа, у котораго, безъ сомнѣнія, не было-бы недостатка ни въ матеріалѣ, ни въ дѣлателяхъ.

¹⁾ Калнинскій, Церковно-народный ижецесловъ на Руси, подъ 29-яъ августа; Чубинскій, Народный дневникъ, подъ тѣмъ же днемъ.

НАШИ КОММЕРЧЕСКІЕ УЧЕБНИКИ.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденціи. Удостоенное преміи на конкурсѣ Варшавскаго коммерческаго училища. Составилъ *Никодимъ Краковскій*, бухгалтеръ Варшавскаго коммерческаго банка. Сочиненіе, переделанное специалистами подъ руководствомъ автора съ польскаго подлинника, примѣняясь къ русской коммерческой практикѣ. С.-Петербургъ. 1882.

Въ Россіи коммерческое образованіе распространено среди торговаго люда очень мало. До послѣднихъ лѣтъ обстоятельство это, конечно оправдывалось отчасти отсутствіемъ (не считая столицъ) подходящихъ учебныхъ заведеній. Съ открытіемъ при реальныхъ училищахъ коммерческихъ отдѣленій явилась возможность получать необходимое торговое образованіе, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что ученики упомянутыхъ отдѣленій считаются единицами, такъ что нерѣдко за отсутствіемъ таковыхъ приходится не увеличивать, какъ бы оно должно было быть, а закрывать даже имѣющіяся коммерческія отдѣленія. Понятно, что указанное обстоятельство есть одна изъ причинъ, почему почти совсѣмъ не является учебниковъ по спеціальнымъ предметамъ коммерческихъ отдѣленій. У насъ и вообще—то литература по коммерческимъ наукамъ совсѣмъ не развита: популярныя сочиненія по этой части—большая рѣдкость, такъ какъ въ обществѣ не придаютъ имъ значенія вслѣдствіе малаго распространія торговыхъ и промышленнымъ знаній и вообще экономическаго образованія.

Не смотря на сказанное, время отъ времени все-таки появляются попытки написать учебникъ по тому или другому коммерческому предмету. Къ сожалѣнію впрочемъ, попытки эти до сихъ поръ были

часть ссххн, отд. 3. 1

не совсѣмъ удачны по ихъ исполненію, хотя по замыслу и вполне цѣлесообразны. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ и книга, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, и которая представляетъ отчасти исключеніе среди подобныхъ произведеній.

Торговая корреспонденція имѣетъ для коммерсантовъ важное значеніе, почему даже и называется иностранцами „душею коммерціи“, такъ какъ только при ея помощи они совершаютъ всѣ свои сдѣлки другъ съ другомъ: она даже имѣетъ существенное вліяніе на благополучіе и преуспѣяніе дѣлъ торговаго дома. По ней можно узнать характеръ производимой торговли,—вотъ почему всякому поступившему въ торговую контору прежде всего даютъ познакомиться съ торговой корреспонденціей хозяина.

Путемъ вѣкового обычая выработался даже извѣстный характеръ торговаго письма, общій для всѣхъ народовъ, что обуславливается разумѣется космополитичностію самой торговли. Поэтому за-границею существуютъ прекрасные сборники торговыхъ писемъ, по которымъ съ успѣхомъ можно изучить всѣ роды и виды торговой корреспонденціи, при чемъ наиболее важною является переписка по вексельнымъ дѣламъ, какъ болѣе сложнымъ и требующимъ хорошихъ юридическихъ знаній: оттого и необходимо тщательное изученіе самой формы корреспонденціи, такъ какъ нерѣдко отъ одного неяснаго выраженія, при сложности и обширности терминологіи могутъ произойти весьма серьезные послѣдствія для участниковъ сдѣлокъ. У насъ же книга г. Краковскаго есть первый опытъ въ этомъ родѣ.

Книга распадается на двѣ части—теоритическую и практическую. Въ предисловіи составители, какъ видно спеціалисты по разнымъ отраслямъ коммерціи, говорятъ, что имъ пришлось преодолевать большія трудности при составленіи русскаго сборника вслѣдствіе слабаго развитія русской промышленно-коммерческой терминологіи. Намъ кажется это невѣроятнымъ. Трудностей этихъ и не могло быть, такъ какъ торговый миръ усвоилъ себѣ термины общіе для всѣхъ народовъ получившіе право гражданства на всѣхъ языкахъ, и замѣнить которые особыми русскими нѣтъ никакой надобности и даже было бы неудобно вслѣдствіе ихъ непонятности для иностранцевъ. Впрочемъ и сами же составители на страницѣ 7-й въ отдѣлѣ недостатковъ коммерческаго слога говорятъ: „Достоинно вниманія, что..... слогъ и основанія коммерческой корреспонденціи становятся все болѣе и болѣе общими и одинаковыми для всѣхъ народовъ“.

За симъ, предлагая различныя теоритическія правила, составители

ничего особеннаго, спеціально до коммерческаго письма касающагося не сказали, почему всю 1-ю главу руководства можно бы исключить безъ ущерба для цѣлей самой книги; къ тому же въ ней встрѣчаются даже противорѣчія, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ сказанное о „чистотѣ слога“ со сказаннымъ въ главѣ „о недостаткахъ“ его. Всякое дѣловое письмо, а въ томъ числѣ и коммерческое, должно быть ясно, сжато, кратко и въ то же время полно, разглагоствования же разныя и прикрасы сюда не идутъ, хотя надо замѣтить, что въ коммерческихъ письмахъ выработалъ своеобразный топъ въжливости, не рѣдко даже многосложный и цвѣтистый, что встрѣчаемъ даже и у самихъ составителей, напримѣръ, на страницѣ 11-й въ числѣ „вступленій“ § 32: „Давно уже я не имѣлъ пріятности писать вамъ, или читать вашихъ вѣстей“; или на страницѣ 14-й, въ „окончаніяхъ писемъ“, § 10: „Благодарю за ваши добрыя пожеланія и отвѣчая вамъ тѣмъ же пребываю“; или § 12: „Примите мое глубокое почтеніе и уваженіе, или прошу принять выраженіе моей благодарности и истиннаго почтенія“. Понятно, что при телеграфномъ сообщеніи всѣ эти почтительныя и вѣжливыя выраженія пропускаются.

Обращаясь теперь къ практической части руководства, мы тамъ встрѣчаемъ письмо подробный перечень всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ дѣловыхъ коммерческихъ писемъ, прекрасно знакомящихъ своимъ содержаніемъ съ характеромъ различныхъ торговыхъ операций. Содержаніе практической части руководства, мнѣ кажется, и не могло быть дурно, такъ какъ всѣ образцы писемъ могли быть взяты прямо изъ дѣйствительной торгово-промышленной жизни, что составителямъ легко было сдѣлать, какъ спеціалистамъ и служащимъ въ разныхъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторыя изъ писемъ снабжены примѣчаніями, имѣющими частный характеръ и вытекающими изъ случайныхъ причинъ происхожденія самого письма; безъ сомнѣнія, такіа примѣчанія полезны (напримѣръ, на стр. 450). Что же касается до примѣчаній, заключающихъ въ себѣ статьи законовъ или объясненіе этихъ самихъ законовъ, то это совершенно лишне, такъ какъ у всякаго ученика и служащаго въ конторѣ непременно имѣются томъ X, ч. 1, и томъ XI, ч. 2, Свода законовъ. Безполезны также и длинныя выписки изъ уставовъ разныхъ обществъ и банковъ, такъ какъ гораздо проще имѣть прямо уставъ, который достать вездѣ очень легко, да и наконецъ, изъ него получится болѣе полное понятіе о дѣятельности учрежденія. Не къ

мѣсту также и образцы фактуръ, конносаментовъ, желѣзнодорожныхъ квитанцій и другихъ документовъ, объясненія — что такое товаръ и его виды. Все это извѣстно ученикамъ изъ коммерческой экономіи и вычисленій, слѣдовательно, равнѣ чѣмъ они начнутъ писать письма. Тоже можно сказать и про приложенный къ книгѣ Словарь въ 15 страницъ, который къ тому же еще и не совсѣмъ точенъ, особенно въ монетахъ; наиримѣръ, что это за объясненіе: „Гульдентъ или флоринтъ — серебр. монета; или шиллинтъ показанъ = 29 к., а онъ ровенъ 31 к., и многое другое. Выѣсто словаря совершенно достаточно было бы коротенькаго списка сокращеній, употребляющихся въ торговыхъ корреспонденціяхъ.

Еслибы исключить изъ книги всѣ перечисленные излишки, она значительно уменьшилась бы въ объемѣ, который теперь очень великъ, а именно въ 476 стр. или 89 листовъ и 2 стр., не считая предисловія и подробнаго оглавленія въ 24 страницы или 1½ листа, а слѣдовательно и въ цѣнѣ, что особенно важно для учениковъ и небогатыхъ служащихъ. Настоящая же стоимость книги удержитъ многихъ отъ приобрѣтенія ея, что очень жаль, такъ какъ книга сама по себѣ весьма полезна, особенно для учениковъ, которые рѣшительно не имѣютъ доступа ни въ какія торгово-промышленныя учрежденія для нагляднаго, чисто практическаго ознакомленія, какъ съ веденіемъ разныхъ дѣлъ, такъ и съ корреспонденціей.

Разсматриваемая книга, какъ сказано въ заглавіи, передѣлана съ польскаго подлинника. Не зная польскаго языка, я ничего не могу сказать, на сколько передѣлка подходит къ оригиналу. Да это впрочемъ и не особенно важно, такъ какъ разбираемая книга и сама по себѣ составляетъ полезное явленіе въ нашей бѣдной коммерческой литературѣ.

Истръ Колумбусъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ ряду нашихъ ученыхъ учрежденій, посвящающихъ свою дѣятельность отечественнымъ древностямъ, Обществу любителей древней письменности принадлежитъ самостоятельное и видное мѣсто. Основанное всего пять лѣтъ тому назадъ и поддерживаемое исключительно матеріальнымъ содѣйствіемъ нѣсколькихъ просвѣщенныхъ частныхъ лицъ, которые дорожатъ памятниками русской старины, Общество это успѣло уже въ непродолжительное время своего существованія внести богатый вкладъ въ область изученія старой русской письменности. Въ настоящее время число его изданій достигаетъ почти сотни, и въ ряду ихъ находятся нѣкоторыя замѣчательнѣйшія произведенія древняго русскаго письма, миниатюры и словесности, воспроизведенныя въ точныхъ снимкахъ съ подлинниковъ. Учрежденное преимущественно съ цѣлью обнародованія памятниковъ, Общество мало по малу естественно расширяетъ свою дѣятельность и разностороннимъ изученіемъ произведшей отечественной словесности и искусства: объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ весьма интересныхъ сообщеній, которыя были сдѣланы въ послѣднее время въ засѣданіяхъ комитета Общества. Соответственно тому, предлагая обзоръ дѣятельности Общества за послѣдній, пятый годъ его существованія (съ 25-го апрѣля 1881 года по май текущаго года), мы скажемъ въ нашемъ очеркѣ, вопервыхъ,

собственно о новѣйшихъ изданіяхъ Общества, и воторыхъ, о тѣхъ ученыхъ сообщеніяхъ, которыя были сдѣланы въ его средѣ, какъ членами его, такъ и посторонними лицами.

Въ обозрѣваемый періодъ времени Обществомъ изданы въ свѣтъ, отдѣльными выпусками, слѣдующіе памятники ¹⁾:

1) „Житіе Александра Македонскаго“, извѣстная въ нашей старинной литературѣ сказочная повѣсть объ Александрѣ Великомъ, — по лицевой рукописи XVII в., въ сличеніи съ двумя другими (выпускъ 1-й).

2) „Описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ“, русская сокращенная передѣлка Космографіи бельгійскаго ученаго XVI вѣка Герарда Меркатора, — по рукописи 1670 года (3-й и послѣдній выпускъ).

3) „Лѣтовникъ Георгія грѣшнаго мниха“, древній славянскій переводъ византійскаго хрониста Георгія Амаргола — по рукописи XV в. (3-й выпускъ).

4) „Шестодпевецъ“ — по рукописи XVII вѣка.

5) „Стефанитъ и Ихнилать“, сборникъ басенъ восточнаго происхожденія, весьма распространенный въ средневѣковыхъ литературахъ, въ томъ числѣ и въ русской, — по рукописи XV вѣка въ сличеніи съ другими списками.

6) „Житіе Варлаама Хутынскаго“ — по рукописи XVI вѣка.

7) „Евангеліе отъ Луки“ — по рукописи XI вѣка, составляющей одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ глаголическаго письма.

8) „Снимки съ заставокъ и миниатюръ Четвероевангелія“ — по рукописи 1508 года, хранящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ и весьма замѣчательной по изяществу заставокъ и изображеніямъ евангелистовъ (2-й выпускъ).

9) „Факсимиле изъ слѣдованной Псалтыри“ — по рукописи Свято-Троицкой лавры 1430 года, также замѣчательной по изяществу письма и особенно по оригинальному рисунку заглавныхъ буквъ и украшеній (2-й выпускъ).

11) „Собравіе миниатюръ изъ славяно-русскихъ лицевыхъ Апока-

¹⁾ Нѣкоторыя изъ поименованныхъ здѣсь изданій уже были указаны, какъ приготовляемыя къ печати, въ обзорѣ дѣятельности Общества любителей древней письменности за 1880 годъ, помѣщенномъ въ июльской книжкѣ *Ж. М. Н. Пр.* 1881 года; нѣкоторыя составляютъ продолженіе уже прежде начатыхъ изданій.

липисовъ, съ XVI по XVIII вѣкъ, представляющее цѣлую исторію, такъ-сказать „въ лицахъ“, старинной русской миниатюрной живописи (2-й выпускъ).

12) „Записка по дѣлу Дмитрія Тверятинова“, составленная Леонтиемъ Магницкимъ и заключающая въ себѣ подробное изложеніе процесса московскихъ религіозныхъ вольподумцевъ пачала XVIII столѣтія.

Почти всѣ эти изданія снабжены болѣе или менѣе пространными предисловіями, объясняющими значеніе издаваемыхъ памятниковъ. Такъ, тексту сокращенной Меркаторовой Космографіи предпослано объемистое изслѣдованіе, составленное молодымъ любителемъ русской старины Н. В. Чарыковымъ и разъясняющее время происхожденія и составъ этой замѣчательной русской географической компиляціи. Къ факсимиле изъ Троицкой псалтыри 1430 года приложено изслѣдованіе академика Ф. И. Буслаева, въ которомъ указано, что ея заставки и заглавныя буквы изъ зеленой листвы съ оттушеванными тѣнями составляютъ исключительное явленіе въ исторіи русскаго орнамента, и вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельство о первыхъ попыткахъ къ воспроизведенію природы, не стѣсняемому уже приемами традиціоннаго стиля, который вообще господствуетъ въ украшеніяхъ нашихъ рукописей XV вѣка. Пространною объяснительною статьею, также составленною академикомъ Буслаевымъ, должно быть снабжено и собраніе миниатюръ изъ лицевыхъ Апokalипсовъ (нѣкѣ еще не законченное печатаніемъ). Просмотрѣвъ большое число лицевыхъ рукописей толковаго Апokalипсиса, за триста лѣтъ нашей письменности, почтенный ученый пришелъ къ убѣжденію, что эти памятники заслуживаютъ особеннаго вниманія для уразумѣнія духа и характера Русскаго народа, который предпочтительно предъ другими кнѣгами Священнаго Писанія и предъ другими произведеніями литературы находилъ для себя потребность снабжать лицевыми изображеніями Апokalипсиса, дабы этимъ нагляднымъ способомъ уяснить себѣ глубокія тайны и неудобопонятныя видѣнія Откровенія св. Іоанна Богослова. Въ исторіи нашихъ Апokalипсовъ съ XVI по XVIII вѣкъ г. Буслаевъ отмѣчаетъ два главныя теченія: одно — чистое и непримѣсное, восточное, греко-славяно-русское, съ непремѣннымъ удержаніемъ основныхъ преданій византійской иконографіи, и другое — помутнившееся западнымъ вліяніемъ, начиная отъ гравюръ Лютеровой Библии 1534 года и до позднѣйшихъ западныхъ лицевыхъ изданій. Подробному развитію этой основной мысли имѣетъ быть посвящено изслѣдованіе г. Буслаева, общающее пред-

ставитъ весьма большой интересъ для исторіи русскаго искусства. 9-го декабря минувшаго года академикъ Буслевъ имѣлъ счастье поднести Государю Императору экземпляръ снабженнаго его предисловіемъ собранія факсимиле изъ Троицкой Псалтыри 1430 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доложить о своемъ иконографическомъ трудѣ по славапо-русскому Апокалипсису.

Кромѣ поименованныхъ изданій, которыя, какъ по важности своего содержанія, такъ и по отличному выполненію, и наконецъ, по цѣнности, составляютъ главные плоды дѣятельности Общества, въ теченіе отчетнаго періода оно выпустило въ свѣтъ еще рядъ выпусковъ сборника Памятники древней письменности и искусства, въ коихъ помѣщены частію также произведенія старинной нашей литературы, до сихъ поръ оставшіяся не изданными, частію изслѣдованія и очерки изъ области древней русской образованности и искусства; сюда же вошли (или имѣютъ войти въ дальнѣйшіе выпуски Памятниковъ) и нѣкоторыя изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ комитета Общества любителей древней письменности. Поэтому очеркъ содержанія Памятниковъ мы съ полнымъ правомъ можемъ соединить съ обзорнѣмъ происходившихъ въ средѣ Общества устныхъ сообщеній,—къ чему теперь и переходимъ.

Сообщенія эти касались, какъ произведеній письменности и словесности, такъ и памятниковъ древней русской живописи и зодчества.

Во главѣ сообщеній изъ древняго періода русской словесности отмѣтимъ трудъ о. намістника Свято-Троицкой Сергіевой лавры, архимандрита Леонида: „Изслѣдованіе двухъ памятниковъ древней письменности: I. Жизнь и чудеса св. святителя и чудотворца Николая, иже въ Мурѣхъ.—II. Похвала на перенесеніе мощей св. Николая“. Почтенный о. архимандритъ пересмотрѣлъ все, что относится до св. Николая въ русской письменности, начиная съ древнѣйшихъ ея временъ до XVII вѣка, и убѣдился, что житіе Николая Чудотворца, открытое Николаемъ Фальконіемъ въ греческой рукописи Ватиканской бібліотеки и другимъ лицомъ въ бібліотекахъ Саввинскаго (св. Саввы Освященнаго въ Палестинѣ) и Синайскаго монастырей, было извѣстно у насъ съ XI вѣка и составляетъ первую половину той статьи, которая въ сборникахъ XV и XVI вѣковъ обыкновенно имѣетъ заглавіе: „Жизнь и чудеса св. святителя и чудотворца Николая, иже въ Мурѣхъ“. Вторая же половина этой статьи состоитъ изъ ряда помертвыхъ чудесъ того же самаго святителя, заимствованныхъ изъ гре-

ческой же литературы, преимущественно изъ сочиненій о св. Николаѣ святого Меѳодія (IX вѣка) и блаженнаго Симеона Метафраста (X вѣка), и изъ отдѣльныхъ греческихъ записей чудесъ святителя, съ присоединеніемъ трехъ чудесъ, записанныхъ самимъ русскимъ составителемъ свода сказаній о жизни, дѣланіяхъ и чудесахъ св. Николая Чудотворца. Изслѣдуя этотъ памятникъ древне-русской письменности и опредѣляя отношеніе его къ греческому подлиннику, о. Леонидъ приходитъ къ заключенію, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ точности опредѣленъ вѣкъ Ватиканскаго списка, по тѣмъ свидѣніямъ, которыя уже извѣстны въ литературѣ, нельзя считать его древнѣе X—XI вѣковъ; о. архимандритъ находитъ даже основаніе полагать, что это „ипое житіе“ въ IX и X вѣкахъ считалось агиографами св. Николая Чудотворца уже апокрифическимъ, почему св. Меѳодій вовсе умолчалъ о немъ, а Симеонъ Метафрастъ заимствовалъ изъ него лишь очень немногое. Извѣстно, что между апокрифическими житіями есть также и житіе св. Николая въ русскихъ спискахъ XV вѣка, по признакамъ перешедшее къ намъ отъ южныхъ Славянъ (Повѣсть о погребеніи св. Николая). Достоинно примѣчанія и то обстоятельство, что издатели первопечатнаго житія св. Николая (Москва, 1640), въ своемъ сводѣ всего, что имѣлось въ древне-русской письменности о семь святителѣ, не напечатали одного древняго перевода житія его, и конечно, не потому—замѣчаетъ о. архимандритъ Леонидъ—чтобы не знали о его существованіи, но по другимъ, и очевидно, немаловажнымъ причинамъ: изъ нихъ главною слѣдуетъ принять то, что издатели эти не могли не усмотрѣть, что Метафрастъ позаимствовалъ изъ него все, что считалъ подходящимъ, достойнымъ, и опустилъ все остальное. Въ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію о. архимандритъ даетъ первый отдѣлъ житія вполне, именно то, что содержится въ греческихъ спискахъ—Ватиканскомъ, Синайскомъ и Саввинскомъ, а въ русскомъ переводѣ XI вѣка составляетъ первую половину свода сказаній о св. Николаѣ Чудотворцѣ. Эта часть приводится съ древнѣйшаго списка пространной редакціи, находящагося въ пергаминаномъ сборникѣ бібліотеки Троице-Сергіевой лавры, № 9. Изъ втораго отдѣла (чудесъ святителя Николая посмертныхъ) приведены лишь три чуда, признаваемые всѣми за оригинальныя русскія произведенія XI вѣка, именно: „О коврѣ, его же купивъ и пакы возврати“; „О челоуѣцѣ, его же избави изъ желѣзъ и изъ темницы“; „О пѣкоемъ дѣтищѣ“ (кіевское). Эти три чуда приведены по списку XVI вѣка, изъ сборника бібліотеки Троице-Сергіевой лавры,

№ 788, какъ самаго исправнаго, и какъ оказалось по сличеніи, не имѣющаго почти никакой разницы со спискомъ, находящимся въ пергаминоу сборникѣ № 9, но за то безъ описокъ и опущеній, перѣдко встрѣчающихся въ этомъ послѣднемъ. Что касается второй статьи: „Похвала на перенесеніе мощей св. Николая“, то, по замѣчанію почтеннаго изслѣдователя, такъ озаглавивается въ большинствѣ списковъ похвальное слово святителю и чудотворцу Николаю, чѣмъ ясно и опредѣляется цѣль, происхожденіе и время написанія этого несомнѣнно древняго и оригинальнаго русскаго произведенія. Оно написано вслѣдствіе установленія на Руси праздника перенесенія мощей святителя Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ Варъ-градъ (въ 1087 году) и предназначено для церковнаго чтенія. Праздникъ перенесенія мощей установленъ у насъ при митрополитѣ Кіевскомъ Іоаннѣ II, въ 1089 году, а слѣдовательно, и слово для церковнаго чтенія „въ той же день“ (9-го мая) написано было или въ томъ же 1089 году, или по крайней мѣрѣ, между 1087 и 1089 годами, то-есть, въ періодъ между перенесеніемъ мощей Николая Чудотворца изъ Муръ Ликійскихъ въ Варъ и установленіемъ у насъ церковнаго праздника въ честь этого событія.

О. же архимандритомъ Леонидомъ доставлена въ Общество копія съ другаго весьма цѣннаго памятника нашей древней литературы, именно со сказанія XIII вѣка „о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго“; копія эта снята съ единственнаго отдѣльнаго списка этого сказанія XV в., притомъ первоначальной редакціи, хранящагося въ библіотекѣ Московской духовной академіи, № 206.

Къ среднему періоду русской литературы относится рефератъ магистранта (нынѣ магистра) Казанскаго университета А. С. Архангельскаго о найденныхъ имъ рукописяхъ Волоколамскаго монастыря, XVI вѣка, содержащихъ въ себѣ пять посланій преп. Нила Сорскаго (ум. 1508 г.), до сихъ поръ остававшихся неизвѣстными, и объ однеу сочиненіи также XVI вѣка, принадлежащемъ неизвѣстному автору и направленномъ противъ недостойной жизни современнаго иночества. По своему объему, вновь найденныя посланія преп. Нила не особенно велики. Одно изъ нихъ написано имъ въ отвѣтъ на письмо къ нему неизвѣстнаго инока, который, чувствуя на себѣ тяжкіе грѣхи и боясь покаяться въ нихъ своему игумену, спрашивалъ его, что ему дѣлать, прибавляя при этомъ, что онъ, съ отчаянія, хочетъ бѣжать изъ монастыря, „а може стопы моя Богъ направитъ“. Въ своемъ

отвѣтъ Нилъ замѣчаетъ: „Несладостно приѣмлю отъ твоихъ глаголъ, что нѣкая словеса изглаголаде еси отчаятельная и всякаго человѣка христіанска чужда. Глаголехи: будетъ ли озлобленіе отъ начальника пасомыхъ, яже о моемъ прегрѣшеніи? Аще исповѣмъ своя беззаконія на ся, той (игуменъ) въ заточеніе мя послеть и смерть моя тамо будетъ ми“. Далѣе Нилъ говоритъ иноку о важности покаянія и о необходимости человѣку прибѣгать къ нему: „Неправедно есть жгьтому недугомъ себе убити; тако же неподобно закалати себе ножемъ отчаянія“. Рѣзко нападаетъ онъ на мысль бѣжать изъ монастыря: „Самъ вѣси, яко Богъ не направляетъ стезь твоихъ окаянныхъ, и ты (если убѣжиши) ниже знаемъ буди отъ мене, ниже прощевъ“... И затѣмъ заключаетъ свое посланіе: „аще внемлещи, довольно ти прежеписанныхъ словесъ; аще ли же ни, — насъ убо да избавитъ Господь отъ сѣти вражія“. Другое посланіе преи. Нила интересно по тѣмъ редакціямъ, въ которыхъ оно дошло: найдено три списка одного и того же сочиненія, показывающіе наглядно, какъ постепенно обезличивались оригинальныя произведенія нашей древней письменности. Третье посланіе писано преи. Ниломъ, по видимому, уже въ глубокой старости; онъ замѣчаетъ здѣсь: „Лѣта уже къ старости приближишася, и смертная чаша уготавлиется; боюся пити ея... но пріидеть на мя, пріидеть, и убѣгнути не могу“. Изъ остальныхъ двухъ посланій одно — небольшая записка, гдѣ авторъ общается кому-то, при личномъ свиданіи, поговорить „обо всемъ, про вся“; въ другомъ, самомъ длинномъ, развивается мысль о томъ, что „никто не можетъ на семъ свѣтѣ радоватися, а ѡнамо со Христомъ царствовать“. Что касается до сочиненія, весьма большаго, неизвѣстнаго автора противъ недостатковъ русской иноческой жизни XVI вѣка, то содержаніе его, по мнѣнію г. Архангельскаго, особенно интересно. Сочиненіе это находится въ рукописи XVI вѣка. Авторъ указываетъ на противорѣчіе жизни современныхъ русскихъ иноковъ ихъ обѣщанію и званію. Нося черныя рясы иночества, говоритъ онъ, — мы всѣ работы полагаемъ только о богатствѣ, о собираніи имѣній, вирруемъ съ мірянами, угодничаемъ передъ богачами. Авторъ чрезвычайно ѣдко отиѣчаетъ нѣкоторыя слабыя стороны жизни современнаго ему иночества, касается, между прочимъ, и самаго щекотливаго вопроса того времени — монастырскихъ поминокъ и кормовъ, которые въ XV—XVI вв. были въ ходу болѣе, чѣмъ когда-либо. Мы съ большою охотой беремъ, говоритъ онъ, — за грѣхи мірянъ молиться, „егда бо (какъ будто) серафимы есмы и херулимъ...

Речено есть святыми книгами и отъ всѣхъ человѣкъ поругано и проклято, еже—мзды взимающе отъ человѣкъ—къ властемъ о нихъ глаголати; что же рекосте, о иноцы, взятія ради окушающесе (обязывающіеся) умолати неприступнаго небеснаго страшнаго небесе и земли Творца? Не запрещено намъ молиться другъ за друга, но безмздно: „не мздоимны бо суть дарове Божіи... Гнѣваетъ бо Господа молитвенникъ мзду пріемый“. Въ концѣ авторъ обращается къ „братіямъ“ и „другамъ“ и умоляетъ ихъ исправиться, пока еще есть время. По мнѣнію г. Архангельскаго, сочиненіе это принадлежитъ извѣстному стороннику Нила Сорскаго, князю-иноку Вассіану Патрикѣеву († ок. 1347), написано же имъ это произведеніе не безъ вліянія словъ Иларіона Великаго.

Всѣ пять посланій Нила Сорскаго изданы Обществомъ вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ г. Архангельскаго подъ заглавіемъ: „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Часть первая: Преподобный Нилъ Сорскій“¹⁾.

Явленія позднѣйшаго періода старинной нашей письменности и литературы были предметомъ нѣсколькихъ сообщеній и изслѣдованій, также нашедшихъ себѣ мѣсто въ издаціяхъ Общества, или же предназначенныхъ имъ къ напечатанію въ ближайшемъ будущемъ. Такъ, о. архимандритомъ Леонидомъ доставлено для напечатанія „Сказаніе о хожденіи въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго діакона Троице-Сергіева монастыря Іоны, по прозвищу Маленькаго, въ 1649—1652 годахъ“. Путешествіе это уже было напечатано два раза: сперва М. А. Коркуновымъ въ 1836 году, потомъ И. П. Сахаровымъ. Но эта изданія сдѣланы со списковъ неполныхъ и неисправныхъ. Въ изданіи Коркунова не достаетъ окончанія, а въ изданіи Сахарова, для скрытія неполноты списковъ, которыми онъ пользовался, придѣланъ къ сводному тексту конецъ, не принадлежащій перу стариннаго автора. Занимаясь объясненіемъ текста нашихъ древнихъ паломниковъ и убѣдясь по нѣкоторымъ признакамъ, что конецъ Сахаровскаго изданія — поддѣльный, о. архимандритъ Леонидъ предложилъ Обществу издать это хожденіе Іоны по списку, находящемуся въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, въ Императорской Публичной библиотекѣ. Изъ сличенія этого списка съ изданіями Коркунова и Саха-

¹⁾ Рецензія этого изслѣдованія помѣщена въ настоящей книгѣ Ж. М. Н. Пр.

рова оказывается, что въ обоихъ недостаетъ цѣлой большой главы, въ коей Иона повѣствуетъ о схожденіи св. огня на гробъ Господень п о своемъ благополучномъ возвращеніи на родину, въ свой Троице-Сергіевъ монастырь, послѣ годичнаго пребыванія въ Іерусалимѣ (съ 10-го мая 1651 по 10-е мая 1652 года). Весь же разказъ Ионы обнимаетъ собою пространство времени въ три года и восемь мѣсяцевъ— съ марта 1649 г. по ноябрь 1652, изъ коихъ два года онъ пробылъ на одномъ мѣстѣ, именно въ Терговищѣ (въ Молдавіи), при Іерусалимскомъ патріархѣ Паисіи, въ свитѣ котораго выѣхалъ изъ Москвы.

Два любопытныя сообщенія сдѣланы были въ Обществѣ относительно личности царя Алексѣя Михайловича. Одно изъ нихъ, также принадлежащее о. архимандриту Леониду, есть „Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, 1645 года сентября 28-го дня“. Этотъ чинъ заимствованъ изъ пространнаго рукописнаго русскаго лѣтописца конца XVII вѣка (библиотеки о. архим. Леонида), писаннаго, какъ можно заключить по нѣкоторымъ признакамъ, въ Славяно-греко-латинской (Законоспасской) академіи „съ древнихъ ветхихъ лѣтописцевъ, по велѣнію правительницы государства царевны Софіи Алексѣевны“. Выписка изъ „Чиновника Патріаршаго“ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Чиновникъ этотъ сохранился до нашего времени лишь въ отрывкахъ,— а въ цѣлостномъ видѣ только отъ временъ патріарха Іоакима. Особенно замѣчательны въ этомъ Чинѣ рѣчи царя и патріарха не лишены живаго интереса и остальные подробности. Въ приложеніи къ Чину сопоставлено съ нимъ извѣстное описаніе вѣнчанія Алексѣя Михайловича на царство, помещенное въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Чинъ уже отпечатавъ въ Памятникахъ древней письменности.

Другое сообщеніе, относящееся къ царю Алексѣю Михайловичу, сдѣлано академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ и касается духовнаго завѣщанія этого государя. До сихъ поръ не было извѣстно существованіе такого памятника. Г. же Бычкову духовная царя Алексѣя встрѣтилась въ спискѣ, который и приобрѣтенъ имъ. По характеру своему это завѣщаніе Алексѣя Михайловича значительно отличается отъ другихъ извѣстныхъ завѣщаній великихъ князей и царей: въ этой духовной нѣтъ никакихъ распоряженій касательно имущества, и вся она носитъ на себѣ своеобразный отпечатокъ, болѣе литературный, чѣмъ дѣловой. Трудно утверждать, что эта духовная есть произведеніе самого царя, хотя въ пользу такого предположенія и говорятъ нѣкоторыя мѣста ея, какъ напримѣръ, желаніе царя быть погребеннымъ въ Архангель-

скомъ соборѣ при главѣ св. царевича Дмитрія и въ ногахъ у царя Михаила Ѳедоровича, или испрашиваніе царемъ (въ концѣ завѣщанія) разрѣшенія и прощенія у служителей церкви, въ томъ числѣ у своего друга, бывшаго патріарха Никона, патріарха Іоакима, духовника своего протопопа Андрея Савиновича, и др. Но витѣсватость и особый складъ рѣчи завѣщанія, по мѣстамъ, въ обращеніи къ патрицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, принимающей видъ разговора, наконецъ—то обстоятельство, что царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ вездѣ въ завѣщаніи называется царемъ и всея Великіи и Малыи и Бѣлыи Россіи самодержцемъ, невольно наводятъ на мысль—не есть ли это скорѣе позднѣйшее сочиненіе какого-нибудь книжника, въ родѣ тѣхъ панегириковъ и похвальныхъ словъ, которыя въ старину писались на заданныя темы по какому-либо торжественному поводу ¹⁾. Во всякомъ случаѣ означенная духовная любопытна какъ литературный памятникъ конца XVII вѣка, сколько извѣстно, остававшійся до сихъ поръ не напечатаннымъ ²⁾.

Полнаго вниманія заслуживаютъ два сообщенія И. А. Шляпкина изъ небогатаго отдѣла старинной изящной словесности русской. Одно изъ нихъ имѣло предметомъ „Повѣсть о Василии Златовласомъ, королевичѣ Чешскія земли, и о Полимнестрѣ его, прекрасной королевнѣ Францюзской“. Произведеніе это, не издававшееся доселѣ изслѣдо-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что подобно сему, въ видѣ бесѣды съ близкими, описаны предсмертные часы царя Алексія Михайловича въ извѣстной, часто встречающейся въ рукописяхъ прошлаго вѣка «Лѣтописи о зачатіи и рожденіи Петра Великаго».

²⁾ Въ виду рѣдкости памятника здѣсь сообщается начало и конецъ его. Начало: «Дивное чудо по истиннѣ, яко человѣческая выспрь долу отстояти никакоже можетъ, якоже рече псалмїотъ, вкупѣ богатый со убогими ниществуеетъ; сице убо и чрезъ мене изъявляется міру. О, люте убо всегдашнему плачу виновна человеческая жизнь; все суета по писанному настоящаго вѣка сего краткость и мѣры несть; увы мнѣ, увы мнѣ, какову скорбь и убожество днесь достигваю и малости моеи величество причаститися неволь спѣшитъ»... Конецъ духовной: «Слугамъ же нашего величества, бояромъ, околичнымъ и думнымъ и ближнимъ людемъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и всякимъ людемъ миръ да умножится, мене же, своего государя, прощенія да сподобите, понеже въ необходимую бѣдность путемъ иду не волею; уже бо зрю страпную вещь—гровнаго и смертнаго ангела, предстонаща мнѣ, и умъ мой дучеве; но еще прииди, пресладкая жительница моя и любезнѣйшая мнѣ паче всеа твари сея, и воспринми на рудѣ свои взямогшее все тѣло мое, да помолюся останное Христу моему и препочію вѣчнымъ сномъ на рукахъ твоихъ».

вателямъ нашей старинной повѣствовательной литературы, встрѣтилось г. Шляпкину въ одной рукописи Погодинскаго древлехранилища (№ 1603), въ Императорской Публичной библиотекѣ. Списокъ его не старше XVIII в., но самая повѣсть несомнѣнно принадлежитъ къ числу произведеній предшествующаго столѣтія. Содержаніе ея слѣдующее:

У Чешскаго короля Мечислава былъ сынъ Василій, „и егда при-спѣ ему время женитвѣ, и начать его отецъ король Мстиславъ искати ему невѣсты дѣвицы въ жену, дабы была ему во всемъ подобна красотою и разумомъ сыну ево Василю“. Таковою оказалась Полимистра, „дщерь короля Карлуса во Франци“. Сварядили полномочныхъ „поклисарей“, дали имъ великіе дары, листъ написали въ королю Карлусу и велѣли поднести „королю Карлусу и кралевнѣ дщери его прекрасной Полиметрѣ отъ кралевича Василя драгоцѣнную чашу, и подписавъ на днѣ чашни тоя писаніе же сицево: Кралевна государыня прекрасная Полимистра, приѣмли сію чашу и поди за меня за кралевича Василя Златовласова“. При приѣмѣ пословъ Полимистра дивилась чашѣ, но, увидавъ на днѣ ея подпись, „велики гнѣва наполнися и ударил чашу о помость и расшибъ ея на мелкія штуки. И рекла выкладъ сице: „Не терть де калачъ, не мять де не ремень, не тотъ де сапогъ не въ ту де ногу обуть: садится лычко къ ремешку лпцомъ; понятъ де хочеть смердовъ сынъ кралевскую дщерь: никогда де того не будетъ еже смердову сыну кралевскую дщерь попать“. Послы разобиженныя вернулись въ Чешскую землю и разказали о сдѣланномъ имъ приѣмѣ. Тогда Василій, заручившись согласіемъ отца, набираеть себѣ тридцать отроковъ „доброродныхъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ“, называетъ ихъ всѣхъ Василями, сваряжаетъ корабль, сажаетъ на него „матрозами“ избранную дружину и отправляется во Францію. Съ этой минуты королевичъ Василій играетъ роль раба, а хозяиномъ своимъ дѣлаеть „гостя“ Василя, который впервые сообщилъ ему о красотѣ Полиметры. По прибытіи во Францію, Карлъ принялъ гостя Василя, и тутъ во время обѣда „королевичъ Василій на кораблѣ начать въ гусли играти отъ премудрости спосея зѣло дивно,... и какъ заигра въ гусли, то вси во градѣ и на дворѣ кралевскомъ танцовать стали. И сему король Карлусъ подивился, что предъ нимъ люди танцуютъ, и недоумѣвался, что есть сіе; и рече ему гость Василій: „Великій королю, о семъ не усомпѣвайся: для того люди во градѣ и предъ тобою танцуютъ, что рабъ мой Василій на кораблѣ въ гусли играетъ“. И рече ему король: „Любимый

мой гостю, повели ему да придетъ сѣмо и да играетъ предо мною". И рече ему гость Василий: „Великій королю, аще и рабъ мой, но азъ при твоёмъ королевскомъ величествѣ повелѣвати не смѣю о семъ. Да будетъ воля твоя: аще тебѣ угодно, изволь по него самъ послать да придетъ сѣмо"... Послѣ долгихъ отговорокъ королевичъ входитъ во дворець и тамъ играетъ, при чемъ и здѣсь повторяется сцена общей пляски. Между тѣмъ „и краевна прекрасная Полиестра изъ тайнаго мѣста зѣло игры ево смотрѣла и наипаче ево похвалила и глагола въ себѣ: „У насъ такова молодца умнаго въ царствіи пашемъ нѣту прекраснаго изъ сенаторскихъ и изъ рыцарскихъ дѣтей, какого гость Василий у себя имѣетъ раба". Игра Василия королевича до такой степени плѣнила Карла, что онъ покупаетъ его у гостя Василия: „И повелѣ (Карлъ) принести златый коверъ и повелѣ отрока поставить на немъ и осыпать его златыми съ головы до ногъ... Гость же Василий отдаде краевича Василия королю Карлусу, а червонцы у него принялъ и златый коверъ и поиде на корабль свой". Оставшись у Карла, королевичъ Василий строитъ себѣ дворець и однажды хитростію заманиваетъ къ себѣ въ домъ Полиестру и показываетъ ей свои богатства. „Она же хождаше съ нимъ по палатамъ, а сама внѣ ума своего". Королевичъ, пользуясь тѣмъ, соблазняетъ Полиестру, и затѣмъ, „вынявъ изъ ковчега златый вѣнокъ драгій, устроенный съ драгоцѣнными каменіи, и дарова ей, и отпусти ее отъ себе и велѣлъ честно проводитьи ее до дому ея. Самъ же краевичъ посла на корабль къ гостю Василию, и какъ пришелъ гость Василий, онъ же сказа ему вся подробно, что съ краевною чинилъ и свое безчестіе отомстилъ и смѣхъ ея: Понеже она краевна въ гостяхъ сама была у мене". Послѣ того королевичъ съ гостемъ Василиемъ и со всѣми своими людьми начинатъ собираться назадъ въ свою землю и велитъ перепоситъ свои вещи на корабль. Отсюда роли перемѣняются: теперь уже Карлусъ шлетъ своихъ поклисарей съ предложеніемъ Василию взять за себя дочь его. Послѣ долгихъ и упорныхъ пререканій со стороны королевича бракъ этотъ наконецъ устраивается къ общей радости, и королевичъ становится преемникомъ своего тестя на престолъ Франціи.

Повѣсть, очевидно, не оригинальная, а переводная, но во всякомъ случаѣ представляетъ интересъ, между прочимъ и по своему довольно живому изложенію и языку.

Предметомъ другаго сообщенія г. Шляпкина была вновь найденная имъ въ библіотекѣ Флорицева монастыря, доселѣ также неиз-

вѣстная русская школьная драма подъ заглавіемъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ“. Объ этой пьесѣ, содержаніе которой взято изъ евангельской притчи о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ, до сихъ поръ знали только по краткой программѣ, напечатанной въ Древней Россійской Вивліоѣикѣ Новикова (ч. IX, 1789). По мнѣнію г. Шляпкина, на пьесѣ этой яркимъ образомъ отпечатлѣлось вліяніе польскихъ литературныхъ образцовъ: дѣленіе на части, разиѣръ стиха, даже нѣкоторыя подробности въ изложеніи, все это взято прямо съ польскаго. На основаніи языка авторомъ драмы можно считать Южнорусса; драма по прямому указанію была представлена въ „повосіающихъ Московскихъ Аоинахъ благородными великороссійскими младенцами“, то-есть, питомцами Славяно-греко-латинской академіи; въ пайденомъ г. Шляпкинымъ спискѣ можно видѣть и фамиліи исполнителей—князей Барятинскаго, Хованскаго, Лобановыхъ, Лопухина, Апраксина, Бутурлина и рядомъ съ ними ихъ перодовитыхъ товарищей, большею частью изъ Южно-руссовъ. Тотъ же списокъ сообщаетъ свѣдѣнія и о костюмахъ, декорацияхъ и машинахъ, которыя требовались при представленіи. Пьеса эта въ настоящее время уже отпечатана въ Памятникахъ древней письменности, а „Повѣсть о Василии Златовласомъ“ имѣеть появиться тамъ же въ скоромъ времени.

Характерный памятникъ Петровской эпохи составляетъ одинъ рукописный сборникъ, съ содержаніемъ котораго познакомилъ Общество любителей древней письменности уважаемый предсѣдатель его князь П. П. Вяземскій. Сборникъ этотъ принесенъ въ даръ Обществу графомъ А. В. Бобринскимъ, который приобрѣлъ его въ Берлинѣ. Сборникъ, хотя и русскій, по составителю его Пѣмецъ, нѣкто Эрнстъ-Готлибъ фонъ-Берге. Онъ прибылъ въ Москву въ 1670 году, путешествовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Россіи, Украинѣ и сѣверной Татаріи, а въ 1678 году выѣхавъ въ Лондонъ, гдѣ и издалъ описаніе своего путешествія по Украинѣ. Въ 1680 году Берге приѣхалъ въ Берлинъ и опредѣленъ былъ курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ на должность переводчика съ русскаго языка. Берге, кромѣ того, извѣстенъ какъ переводчикъ на нѣмецкій языкъ Мильтонова „Потеряннаго Рая“. Сборникъ, составленный фонъ-Берге, въ пергаминахъ переплетѣ и содержитъ въ себѣ девять статей: 1) „Описаніе Новые земли, сврѣчь Сибирскаго царства, и Московскаго государства, въ которое время великій государь царь и великій князь Іоаннъ Ва-

силевичъ всеа Россіи самодержецъ, первый Россійскаго государства христіанскій царь, походомъ своимъ... царство Казанское... и цари Казанскаго Симеона жива взялъ". 2) „Описаніе Китайскаго государства“, приписываемое Спаарію. 3) Письмо дьяка разряднаго приказа Любима Домнина къ секретарю курфюрста Бранденбургскаго, Готфриду Вейсу (19-го февраля 1689 года). 4) Надгробное поученіе пастора Стумфіуса въ день погребенія Фр. Як. Лефорта (11-го марта 1696 года). 5) Нѣсколько стихотвореній силлабическаго размѣра. 6) Письмо Матвѣя Виніуса, присланнаго въ Берлипъ для изученія почтоваго устройства, къ Е. Г. Бергену (28-го апрѣля 1701 года), два письма къ нему же Мих. Ларіонова и одно письмо Ларіонова же къ своему сыну Петру (въ Берлинъ). 7) Сисокъ съ договорнаго письма, отданнаго великому визирю въ Константинополѣ на конференціи въ 1700 году 3-го іюля дьякомъ Чередѣевымъ. 8) Копія съ письма изъ Москвы неизвѣстнаго, между прочимъ съ увѣдомленіемъ о государевомъ указѣ, чтобы всѣ мужчины и женщины къ 25-му декабря 1700 года перемѣнили платье. 9) Проектъ дополнительныхъ статей къ договору съ курфюрстомъ Фридрихомъ, гдѣ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе пунктъ 2-й: „Торговать имъ (Нѣмцамъ) безо всякой зацѣпки и пренятія... до Искова, до Великаго Новагорода, до Смоленска и до Кіева и иныхъ. А если бы которые похотѣли съ товары жь своими въ Москвѣ до Астрахани, до Персиды и до Китайскаго государства“, и т. д. По мнѣнію кн. Вяземскаго, главный интересъ этого сборника состоитъ въ томъ, что онъ указываетъ, какими вопросами по отношенію къ Россіи интересовались въ Берлинѣ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ. Кромѣ того, въ этомъ сборникѣ попадаются и любопытныя бытовыя черты изъ той эпохи. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Мих. Ларіонова къ Бергену высказываются заботы объ ученіи сына. Ларіоновъ посылаетъ Бергену подарки: „Ншиѣ послалъ я къ милости твоей маленькой подарочекъ: ножичекъ китайской, да дѣтямъ твоимъ на галстуги турскаго полотна русскихъ шесть аршинъ съ поларшиномъ: прошу милости твоей благоволи хотя малое принять любовно и къ сыну моему пожалуй имѣй милостивое призрѣніе, чтобъ онъ дни свои не даромъ проводилъ... а я за твое благодареніе и впередъ долженъ платить и служить; да и о томъ изволь ко мнѣ отписать: сынъ мой по русски не забылъ ли писать и говорить и чытать, чтобъ того не потерять и о всемъ ко мнѣ писать"... Въ письмѣ неизвѣстнаго изъ Москвы читаетъ: „Два младые офицеры сюда въ сихъ дняхъ пріѣхали, которые были

съ полтора года ради всякаго ученія въ Берлинѣ, и зѣло предъ царскимъ величествомъ милость къ себѣ курфистрова пресвѣтлѣйшества и отъ всего дома его прославляли; также и отъ дву господъ младыхъ съ оамплен Головинныхъ тожде непрестанно обносятца, которые чрезъ два года будучи въ наукѣ въ Берлинѣ всякое милостивое охраненіе себѣ, какъ самого пресвѣтлѣйшаго курфистра, также и отъ дому его, видѣли. И правда, что здѣсь уже у всѣхъ поставлено за такимъ добропоказаніемъ не пнуды куды, токмо всѣ намѣрены младыхъ дѣтей своихъ отпущати ради ученія до Берлина^а. Одно изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ стпхотвореній—вакхическаго характера и замѣчательно по обращенію поэта къ князьямъ Голицынымъ, между прочимъ къ князю Борису, который, какъ извѣстно, былъ воспитателемъ Петра I. Приводимъ изъ него отрывокъ, напоминающій и даже намекающій на обычай самого царя:

Вамъ, Голицынымъ, скончати,
Князь Пванъ до тебе я пью,
Князь Борпсъ изволь насъ ждати,
Завтра я къ тебѣ приду;
Дружба наша такъ неплѣла,
Хлѣбъ да соль заемныя дѣла, и проч.

Къ сожалѣнію, сборникъ не даетъ указанія о томъ, кто авторъ этого стихотворенія.

Къ позднѣйшимъ годамъ Петровскаго времени принадлежит тотъ литературный памятникъ, на который обращенно было вниманіе Общества древней письменности Л. Н. Майковымъ. Онъ указалъ, что въ приложеніи ко второй части извѣстнаго сочиненія брауншвейгскаго посланника Фр.-Хр. Вебера о Россіи Петровскаго времени, которое называется: „Das veränderte Russland“, есть статья, озаглавленная: „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostjaken“, весьма цѣнная по своимъ этнографическимъ даннымъ. Это сочиненіе до сихъ поръ обыкновенно приписывалось офицеру шведской службы, взятому Русскими въ плѣнъ и сосланному въ Тобольскъ, І.-Б. Миллеру; между тѣмъ оказывается, что оно не болѣе какъ переводъ труда нѣкоего Григорія Новицкаго, родомъ Малороссіянина, сосланнаго въ Сибирь по дѣлу Мазепы. Въ подлинникѣ сочиненіе это называется такъ: „Краткое описаніе о народѣ Остицкомъ, иже въ предѣлахъ полноцпныхъ царства Сибирскаго обрѣтается, съ нѣкоторымъ того же государства особеннѣйшихъ вещей вѣдннѣмъ, а наипаче о житіи, обычаяхъ и пребываніи сего Остяцкаго народа, тожде ихъ

прежнемъ злочествіи кумирслуженія, о обращеніи въ православную благочестивую христіанскую вѣру". Подлинная рукопись этого сочиненія хранится въ ризницѣ Тобольскаго кафедральнаго собора, а копія—въ бібліотекѣ Русскаго Географическаго Общества, куда нинѣ присланъ на время и оригиналъ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ архивахъ Тобольска, выяснилось, что Новицкій съ нѣкоторыми изъ товарищей своей ссылки, по прибытіи въ Сибирь, поступилъ въ услуженіе къ митрополиту Филофею и сопутствовалъ ему въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанства; позже, при митрополитѣ Антоніи, Новицкій былъ сдѣланъ въ Кондинской волости наблюдателемъ за исполненіемъ новокрещенными Остяками христіанскихъ обязанностей и впослѣдствіи тамъ убитъ вмѣстѣ съ однимъ изъ священниковъ-миссіонеровъ. Новицкій былъ человѣкъ весьма образованный по своему времени, по всей вѣроятности—питомецъ Кіевской Могилянской коллегіи. Поставленный обстоятельствами въ такое положеніе, что онъ могъ близко ознакомиться съ бытомъ Остяковъ, народа въ то время весьма мало извѣстнаго, Новицкій написалъ любопытнѣйшее сочиненіе, которое по богатству этнографическихъ свѣдѣній и по матеріаламъ для сравнительной исторіи культуры, можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими подобными произведеніями западно-европейскихъ литературъ того времени, въ особенности съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, каковы Лафито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), а также съ русскимъ „Описаніемъ Камчатки“ Крашенинникова, которое впрочемъ принадлежитъ уже къ болѣе поздней эпохѣ. Относительно этнографіи сибирской „Описаніе“ Новицкаго есть первое по времени специальное сочиненіе, да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ Петровскаго времени. Общество опредѣлило издать это любопытное сочиненіе въ Памятникахъ древней письменности, вмѣстѣ со старинными изображающими Остяковъ рисунками, которые также хранятся въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Предметами ученыхъ сообщеній въ Обществѣ любителей древней письменности были памятники, относящіеся къ письменности не только русской, но и другихъ Славянскихъ народовъ. Такъ П. А. Ровинскій доставилъ Обществу снятую имъ въ бібліотекѣ Цетиньскаго монастыря копію съ записки венеціанскому сенату о заслугахъ Черногорцевъ предъ Венеціанскою республикой и о неправдахъ, которыя чинили имъ венеціанскіе комиссары въ пограничныхъ пунктахъ (1744 г.),—документъ весьма интересный для черногорской исторіи

и снабженный обширнымъ предисловіемъ и примѣчаніями г. Ровинскаго.

Г. Мартыновъ прислалъ описаніе одной замѣчательной южно-славянскаго рукописи, принадлежащей библіотекѣ Гентскаго университета. Это—сборникъ житій святыхъ женъ, писанный въ Бдинѣ (Видинѣ) въ 1360 году при Іоаннѣ Срацимирѣ, синѣ Болгарскаго царя Іоанна Александра, царствовавшемъ въ Бдинѣ. Къ житіямъ святыхъ женъ въ началѣ сборника присоединено апокрифическое сказаніе объ Авраамѣ, а въ концѣ — „Слово о мѣстѣхъ святыхъ иже въ Іерусалимѣ“.

Въ дополненіе къ описанію г. Мартынова, П. А. Сырку и В. Н. Хитрово также доставили Обществу съ своей стороны замѣчанія о Бдинскомъ сборникѣ. По опредѣленію г. Сырку, редакція рукописи сербская, но языкъ разказа о святыхъ мѣстахъ даетъ предположить, что это „Слово“ списано съ русскаго подлинника, хотя утвердительно о семъ сказать нельзя, не обследовавъ всей рукописи. Въ литературномъ отношеніи сборникъ представляетъ явленіе очень рѣдкое, почти не констатированное въ болгарской письменности: однородное содержаніе его выводитъ его изъ ряда обычныхъ въ ней сборниковъ съ смѣшаннымъ содержаніемъ. Замѣчанія г. Хитрово касаются исключительно послѣдней статьи сборника. Онъ указалъ на то, что вслѣдъ за окончаніемъ Крестовыхъ походовъ въ исходѣ XIII вѣка, начинаются съ XIV столѣтія паломничества отдѣльныхъ лицъ, особенно увеличившіяся въ послѣдніе годы этого вѣка, и что вслѣдствіе того западная литература насчитываетъ за это время болѣе сорока памятниковъ съ описаніемъ Святыхъ мѣстъ, да кромѣ того, изъ того же періода есть около восьми записей о Палестинѣ у писателей арабскихъ и еврейскихъ; между тѣмъ у насъ собственно извѣстенъ только одинъ памятникъ того же времени, именно путешествіе Игнатія (1389—1391 гг.); такимъ образомъ статья о Іерусалимѣ, помѣщенная въ Бдинскомъ сборникѣ, увеличиваетъ число славянскихъ источниковъ о Святыхъ мѣстахъ. Сравнивая эту статью съ Хожденіемъ Игнатія, г. Хитрово замѣтилъ, что въ „Словѣ“ Бдинскаго сборника гораздо болѣе легендъ, и притомъ нѣсколько отличныхъ, чѣмъ въ русскомъ Хожденіи. Въ этомъ отношеніи „Слово“ Бдинскаго сборника сближается съ западными описаніями паломничества въ Святую землю, въ которыхъ эти легенды образовались, и такъ-сказать, получали свое парощеніе подъ вліяніемъ и при участіи латинства именно въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Въ „Словѣ“ Бдинскаго сборника

между прочимъ замѣчательно одно отступленіе отъ извѣстныхъ памятниковъ этого рода: крестный путь Спасителя здѣсь описывается идущимъ съ юга на сѣверъ, а не съ востока на западъ. Интересно также описаніе мѣстъ внѣ Іерусалима, и въ особенности Тиверіады и ея окрестностей.

Въ числѣ сообщеній, поступившихъ въ распоряженіе Общества, есть также изслѣдованія касательно славянской старопечати; именно о. архимандритомъ Леонидомъ присланы записка о Службеникахъ виленской печати, XVI вѣка, и изслѣдованіе о томъ, гдѣ находится Евангеліе, которое, согласно показанію библиографовъ и свидѣтельству современника, было напечатано въ Москвѣ при царѣ Иваѣ Васильевичѣ Грозномъ между 1564—1568 годами. Въ этомъ послѣднемъ разысканіи авторъ, на основаніи цѣлаго ряда сопоставленій и хронологическихъ данныхъ, приходитъ къ выводу, что время печатанія сего Евангелія (№ 57 библиотеки Троице-Сергіевой лавры) должно быть ранѣе 1568 года, и слѣдовательно, это—одинъ изъ послѣднихъ трудовъ нашихъ первопечатниковъ, діакона Пвана Ѳеодорова и Петра Тимофеева Мстисланца. Различіе рамки (*passé partout*) въ изображеніяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ, а равно и то, что заставка передъ началомъ Евангелія отъ Іоанна взята готовая, изъ числа заставокъ Апостола 1564 года, суть признаки, которые, по мнѣнію автора, служатъ указаніемъ, что во время печатанія этого Евангелія случились обстоятельства, побудившія печатниковъ спѣшить окончаніемъ ихъ труда передъ бѣгствомъ ихъ за границу, гдѣ, именно въ Литвѣ, мы находимъ ихъ дѣйствующими уже въ 1568 году. Записка о виленскихъ Службеникахъ уже отпечатана въ Памятникахъ древней письменности.

Не входя въ подробности о прочихъ сообщеніяхъ, касавшихся памятниковъ письменности, каковы: докладъ А. Е. Викторова о государственномъ древлехрамилицѣ въ теремахъ Большаго дворца въ Московскомъ Кремлѣ, заявленіе академика Я. К. Грота о хранящихся въ Шведскомъ государственномъ архивѣ запискахъ капитана Эрика Пальмквиста о пребываніи его въ Москвѣ въ 1673 году ¹⁾, докладъ А. А. Титова о мѣстныхъ Ростовскихъ легендахъ, доклады П. П. Тиханова о Польскомъ Сонникѣ и объ изданномъ имъ по порученію Общества сочиненіи епископа Дамаскина Руднева „Краткое

¹⁾ Замѣтка г. Грота объ этихъ любопытныхъ запискахъ была напечатана въ октябрьской книжкѣ *Ж. М. И. Пр.* за 1881 годъ.

описание российской ученой исторіи" (иначе: „Библиотека Россійская или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ“) и проч., — мы должны упомянуть, что Общество не миновало своимъ вниманіемъ и произведеній древняго искусства; такъ въ одномъ изъ засѣданій Н. В. Султановъ предложилъ обзоръ трудовъ Тифлискаго археологическаго съѣзда по отдѣлу исторіи художествъ и напечаталъ въ Памятникахъ свое изслѣдованіе объ образцахъ древне-русскаго зодчества въ рукописныхъ миниатюрахъ¹⁾; П. Н. Тихановъ изложилъ данныя объ орнаментациі древнихъ нашихъ рукописей и печатныхъ книгъ, а Г. Д. Филимоновъ познакомилъ Общество съ ходомъ работъ по возстановленію фресковой живописи на стѣнахъ Московской Грановитой Палаты и представилъ снимки съ фресокъ XVI вѣка открытыхъ недавно на алтарныхъ столбахъ и боковыхъ простѣнкахъ Московскаго Успенскаго собора.

Въ заключеніе этого обзора рефератовъ, предложенныхъ въ засѣданіяхъ комитета Общества, и изслѣдованій и матеріаловъ, вошедшихъ или имѣющихъ войдти въ составъ издаваемыхъ имъ Памятниковъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изданіи Общества, которымъ оно оказало несомнѣнную услугу дѣлу изученія нашей старинной письменности: мы разумѣемъ отпечатанный по распоряженію Общества прекрасный трудъ Н. П. Барсукова: „Источники русской агиографіи“. Какъ извѣстно, житія русскихъ святыхъ составляютъ весьма богатый отдѣлъ нашей древней и старинной литературы, до сихъ поръ еще не достаточно изслѣдованный. Во всѣхъ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ разсѣяно множество рукописныхъ памятниковъ этого рода, и хотя у насъ издано, въ особенности въ послѣдніе годы, довольно много описаній рукописей, привести въ извѣстность весь рукописный матеріалъ русскихъ житій представляетъ значительную трудность. Исполненіе этой задачи припалъ на себя г. Барсуковъ. Его трудъ имѣетъ форму словаря русскихъ святыхъ, при чемъ подъ именемъ каждаго святаго упомянуты: день празднованія его памяти, мѣсто его погребенія, всѣ извѣстныя по разнымъ каталогамъ списки его житій, похвальныхъ словъ и служебъ ему, съ означеніемъ свѣдѣній о составителяхъ и вообще о происхожденіи этихъ произведеній, а также съ исчисленіемъ различныхъ редакцій житія, если таковыя уже

¹⁾ Изслѣдованіе это было увѣнчано отъ Русскаго Археологическаго Общества серебрянною медалью; разборъ труда г. Султанова, подавшій поводъ къ этой награды, см. въ августовской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

опредѣлены предшественными изслѣдователями; затѣмъ сообщается описаніе наружности святаго по иконописнымъ подлинникамъ, описываются церковные обряды, относящіеся къ памятованію его, и наконецъ, указываются тѣ изслѣдованія, которыя относятся къ личности святаго или къ каждому изъ названныхъ выше литературныхъ памятниковъ. Въ словарь вошли и подвижники не канонизованные, но чтимые мѣстно: для сего пособіемъ служила составленная въ XVIII столѣтіи, но не изданная „Книга о російскихъ святыхъ“. Для составленія такого богатаго свѣдѣніями указателя г. Барсукову пришлось пересмотрѣть всю нашу печатную церковную литературу и всѣ наши печатные каталоги рукописей; но сверхъ того, онъ постарался включить въ свой трудъ дажныя и изъ такихъ рукописныхъ собраній, которыя не имѣютъ печатныхъ каталоговъ, каковы бібліотеки Московскаго Чудова монастыря, Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, С.-Петербургской духовной академіи, Московскаго синодіальнаго, а также частныя коллекціи Е. В. Барсова, О. П. Буслаева, кн. П. П. Вяземскаго, П. И. Саввантова, Н. С. Тихонова и др. Такимъ образомъ г. Барсукову удалось достигнуть значительной полноты, составляющей одно изъ главныхъ достоинствъ въ трудахъ подобнаго рода. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ умѣлъ сдѣлать свой трудъ занимательнымъ и поучительнымъ, привелъ многочисленныя выписки изъ самыхъ памятниковъ. Вообще исполненный съ тѣмъ усердіемъ и тщательностію, которые всегда проявляются въ работахъ почтеннаго издателя дневника А. В. Храповицкаго и біографіи П. М. Строева, трудъ этотъ представляетъ весьма полезное пособіе для изученія одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ нашей старинной письменности.

Изданіе и разработка письменныхъ и художественныхъ памятниковъ отечественной старицы естественно привели Общество къ собранію рукописей, книгъ и художественныхъ предметовъ. Въ пятилѣтіе своего существованія Общество успѣло уже составить значительный музей и бібліотеку, которые и продолжаетъ обогащать постоянно. Въ теченіе отчетнаго періода коллекціи Общества умножились важными приобрѣтеніями, между которыми особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

1) Слѣдованная Псалтырь, рукопись XVI в., прекраснаго ровнаго письма, съ заставками и инициалами, расписанными золотомъ и красками (отъ Г. Θ. Карпова);

2) атласъ голландскаго географа XVII вѣка Ф. де-Витта, печат-

ный, но съ русскимъ писаннымъ переводомъ того же времени (отъ Г. А. Штендмана),

3) рукопись житія Василя Магазейскаго, XVII в. (отъ него же);

4) собраніе разныхъ документовъ XVI—XVII вѣковъ, съ замѣчательными автографами (отъ П. Я. Шибанова);

5) Люцидаріумъ, рукопись XVIII в. (отъ кн. П. П. Вяземскаго);

6) біографія Московскаго митрополита Иннокентія (Вспіамінова), весьма любопытная рукопись, съ помѣтами митрополита Филарета (Дроздова) (отъ П. Д. Дьяконова);

7) Листовой экземпляръ лубочнаго изображенія святышъ Іерусалима, XVIII в., весьма рѣдкій (отъ Н. П. Хруцова);

8) Картина, шитая шелкомъ по батисту и наклеенная на доску, представляющая планъ, или лучше сказать, видъ, съ птичьяго полета, какого-то города или посада, съ пятиглавою церковью, изъ которой идетъ народъ съ цвѣтами въ рукахъ; поселеніе расположено на берегу моря или озера, по которому плаваютъ суда съ людьми въ треугольныхъ шляпахъ; на второмъ планѣ, въ лѣвомъ верхнемъ углу двѣ церкви, далѣе кладбище и лѣсъ; кое-гдѣ среди воднаго пространства виднѣются небольшіе острова съ церквами на нихъ; контуры церквей сдѣланы шелкомъ, кровли же на нихъ и маковицы, а также часы на колокольшѣ, и кресты на церквахъ, все восьмиконечныя,—изъ фольги. Картина, по рисунку напоминающая старинныя лубочныя изображенія, нѣсколько потемнѣла отъ времени, но вообще сохранилась превосходно. Судя по тому, что возлѣ того мѣста на картинѣ, гдѣ вѣроятно долженъ находиться главный храмъ, обозначенный квадратнымъ кускомъ фольги, наклеена бумажка съ надписью: свят наволок, — можно предполагать, что картина изображаетъ Святонаволоцкій погостъ, Повѣнецкаго уѣзда Олопецкой губерніи, находящійся на берегу Вядлозера. По свидѣтельству Озерцовскаго, въ исходѣ XVIII в. тамошніе жители промышляли дѣланіемъ уклада изъ болотнаго желѣза и вообще жили весьма достаточно.

Заканчивая на этомъ обзоръ полезной дѣятельности Общества любителей древней письменности, нельзя не пожелать ему на будущее время процвѣтанія и полнѣйшаго успѣха въ его достойныхъ уваженія трудахъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

- а) Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ; б) Казанскій ветеринарный институтъ.

Составъ и дѣятельность названныхъ двухъ заведеній въ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ.

Наличный составъ учащихся въ институтѣ былъ слѣдующій: 1 законоучитель, 5 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ и 8 преподавателей. Такое же число положено и по штату института, за исключеніемъ преподавателей, число которыхъ не опредѣлено. Сверхъ того, при институтѣ состояли директоръ, инспекторъ и 3 наставника.

Преподаваніе въ институтѣ происходило по слѣдующему учебному плану: Законъ Божій былъ преподаваемъ въ трехъ первыхъ курсахъ. По греческому языку и словесности изъ авторовъ были читаны: въ I курсѣ—Одиссея и Федонъ Платона; во II курсѣ—Иліада, Медея Еврипида, Геродотъ; въ III курсѣ—Антигона Софокла съ переводомъ на латинскій языкъ, Миръ Аристофана; на разрядѣ древнихъ языковъ, сверхъ того, Исторія императоровъ, Геродіана; въ IV курсѣ—Прометей Эсхила и басни Бабрія съ переводомъ на латинскій языкъ. Безъ руководства преподавателей студенты прочитали нѣсколько рапсодій Иліады и Одиссеи и третью Филиппику Демос-

еена. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго и (въ старшихъ курсахъ) съ латинскаго языка на греческій, соотвѣтственно степени познаній каждаго курса. По исторіи греческой литературы во II курсѣ была прочитана исторія поэзіи эпической и лирической и начала трагедіи; въ III курсѣ—исторія трагедіи, комедіи и прозы исторической, ораторской и философской. Для студентовъ разряда древнихъ языковъ были прочитаны курсы греческихъ древностей: въ III—государственныхъ, въ IV—религіозныхъ. Студенты того же разряда IV курса слушали греческую метрику. Во всѣхъ четырехъ курсахъ студенты слушали грамматическіе курсы соотвѣтственно степени своихъ познаній. По латинскому языку и римской словесности были читаны слѣдующіе авторы: въ I курсѣ—Цицерона рѣчь *pro Sestio* и Энеида; во II курсѣ—Цицерона *de senectute* и четвертая книга Энеиды съ объясненіями на латинскомъ языкѣ; въ III курсѣ—оды Горація, Авла Тацита и на разрядѣ древнихъ языковъ, сверхъ того, Тибуллѣ; въ IV курсѣ—сатиры и эпистолы Горація, Проперцій, Триппиуса Плавта. Безъ руководства преподавателей студенты читали Цезаря, Цицерона, Саллюстія, Тита Ливія; въ старшихъ курсахъ выборъ писателей для домашнихъ чтеній по латинскому языку былъ предоставленъ на второе полугодіе студентамъ. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Студенты разряда древнихъ языковъ слушали курсы исторіи римской литературы и римскихъ государственныхъ древностей. Въ частныхъ занятіяхъ съ профессоромъ Шеборомъ спеціалисты IV курса прочитали и провѣрили по тексту древнихъ авторовъ сочиненія: Шпенгеля—„*T. Maccius Plautus*“, Мейснера—„*Die Cantica des Terenz und ihre Eurythmie*“, разобрали фотографическій снимокъ съ рукописи Е отрывка комедіи Сажига и прочитали нѣкоторыя статьи, касающіяся Плавта, изъ *Opuscula Philologica* Ричля. По философіи въ I курсѣ были прочитаны логика и психологія, во II и въ III—исторія философіи и въ IV читана въ подлинникѣ первая книга *Метафизики* Аристотеля. По русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ въ I курсѣ было изложено ученіе о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Студенты первыхъ двухъ курсовъ представляли письменныя работы, состоявшія: въ I курсѣ—въ разборѣ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ памятниковъ древней церковно-славянской письменности, во II

курсѣ—въ разборѣ отрывковъ и небольшихъ полныхъ памятниковъ русской древней письменности и въ сочиненіяхъ о языкѣ нѣкоторыхъ русскихъ писателей новаго времени. Въ III и IV специальныхъ курсахъ излагалось сравнительное ученіе о звукахъ и формахъ юго-славянскихъ нарѣчій. Практическія занятія студентовъ состояли въ чтеніи и разборѣ памятниковъ юго-славянской письменности: хорватской, сербо-хорватской и болгарской. По русской словесности на специальномъ разрядѣ въ III курсѣ была читана исторія древне-русской словесности и изъ теоріи словесности стилистика и теорія прозы. Въ IV курсѣ окончаніе исторіи новой русской словесности: періоды Карамзинскій и Пушкинскій, изъ теоріи словесности—главнѣйшіе роды и виды поэзіи. Студенты давали пробныя чтенія по теоріи словесности, то-есть, разборы литературныхъ образцовъ, съ объясненіемъ отличительныхъ свойствъ того прозаическаго или поэтическаго рода, къ которому относится разбираемый образецъ. Студенты III и IV курсовъ разряда русской словесности писали годовыя сочиненія. Въ III курсѣ представлено 15 сочиненій, въ IV—16, всѣ на различныхъ темы. Лучшія изъ сочиненій представлены были студентами: III курса—Серг. Воскресенскимъ на тему „Преслѣдованіе галломаніи въ сатирическихъ журналахъ времени Екатерины II“ и IV курса—Евг. Воскресенскимъ на тему „Литературная критика 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія“. По всеобщей исторіи въ I курсѣ была прочитана древняя исторія, во II—средняя и въ III—новая. Русская исторія была прочитана въ двухъ первыхъ курсахъ. Въ I курсѣ былъ прочитанъ повторительный курсъ географіи. Лекціи по новымъ языкамъ были раздѣлены на два отдѣленія, низшее и высшее, по познаніямъ студентовъ, желающихъ заниматься французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ.

Студенты разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. Такихъ сочиненій представлено было 11. На тему „перевести сатиру Юліана Сорбослов ѣ Крѳма и сдѣлать необходимыя примѣчанія“ хорошія работы представили студенты III курса Гинтовтъ и Стефановъ. Сочиненіе перваго изъ нихъ можно считать вполне удовлетворительнымъ. Гинтовтъ вездѣ понялъ подлинникъ и передалъ его правильно и отчетливо. Встрѣчающіеся въ этой сатирѣ анапестическіе монометры онъ довольно удачно перевелъ стихами на русскій языкъ. Примѣчанія всѣ историческаго характера и состоятъ

изъ переведенныхъ на русскій языкъ разныхъ мѣстъ изъ Діона Кассія, Геродіана, Светонія и такъ-называемыхъ *Scriptores historiae Augustae*. Объемистое сочиненіе студента Стефанова, кромѣ перевода (хорошаго, но уступающаго переводу Гиптовта въ легкости слога) и двухъ пространныхъ комментаріевъ, грамматическаго и историческаго, имѣло предисловіе, въ которомъ говорится объ изданіяхъ сочиненій Юліана; затѣмъ вкратцѣ излагается жизнь императора, и наконецъ, авторъ даетъ литературную оцѣнку сатиры. Изъ сочиненія Стефанова видно, что онъ основательно ознакомился съ предметомъ, который очевидно заинтересовалъ его. Сочиненіе это, далеко выходящее за рамки предложенной темы, можно считать вполне удовлетворительнымъ; нѣкоторые недосмотры и шероховатости въ изложеніи слѣдуетъ приписать продолжительной болѣзни Стефанова, лишившей его возможности окончательно пересмотрѣть и исправить свою работу. На темы, предложенныя профессоромъ всеобщей исторіи, представили сочиненія студентъ IV курса Никитскій и три студента III курса. Никитскій написалъ большое сочиненіе на тему: „Мнѣрадаты Великій: очеркъ жизни и царствованія его по древнимъ авторамъ и надписямъ“. Исторія Мнѣрадаты доведена Никитскимъ приблизительно до 79 года до Р. Х. Это сочиненіе представляетъ полный шагъ Никитскаго въ научной подготовкѣ, сравнительно съ прекрасною работою его, представленною въ прошломъ году. Съ большимъ стараніемъ молодой авторъ собралъ все извѣстія древнихъ писателей, воспользовался всеми надписями, имѣющими отношеніе къ его предмету, изучилъ главныя пособія. Извѣстія древнихъ авторовъ о первой половинѣ царствованія Мнѣрадаты, до начала борьбы его съ Римлянами, чрезвычайно скудны и имѣютъ по мѣстамъ совершенно сказочный характеръ. Никитскій сдѣлалъ все что могъ изъ этихъ извѣстій, разобралъ ихъ съ большою тщательностію. Онъ остроумно объясняетъ нѣкоторыя странности въ разказѣ Юстина. Напримѣръ, разказъ о томъ, что Мнѣрадаты семь лѣтъ скрывался въ лѣсахъ и горахъ, такъ что никто не зналъ, гдѣ онъ находится, Никитскій объясняетъ стараніями придворной партіи, преданной молодому царю, спасти его жизнь отъ грозившихъ покушеній. Авторъ показываетъ, что у Юстина преувеличена продолжительность времени, когда были принимаемы такія предосторожности. Замѣчательнѣе всего въ трудѣ г. Никитскаго то, какъ онъ хронологически распредѣляетъ таврическіе походы Діофанта, которые обратили на себя вниманіе ученаго міра, благодаря прекрасному открытію Одесскаго Общества исторіи и древностей. Никит-

скій помѣщаетъ первый походъ Діофанта и покореніе Крыма Миерадатомъ гораздо раньше, чѣмъ всѣ ученые, а именно раиѣ 104 года, то-есть, до вмѣшательства Миерадата въ дѣла Великой Каппдоакіи. По мнѣнію Никитскаго, переправа небольшого войска моремъ изъ Синопы въ Херсопсисъ подѣ начальствомъ Діофанта была первою войною царствованія Миерадата; завоеваніе Колхиды и восточнаго берега Чернаго моря произошло послѣ покоренія Крыма. Доводы молодаго автора весьма разумны и основательны, и кажется, съ нимъ должно согласиться. Такимъ образомъ мы приобретаемъ болѣе вѣрное и ясное понятіе о всемъ ходѣ царствованія Миерадата. Это большая похвала для студенческой работы, но всякій, кто прочтетъ трудъ Никитскаго и сравнитъ съ существующими въ наукѣ изложеніями того же предмета, согласится, что такая похвала не преувеличена. Въ подробностяхъ объясненія дѣйствій Діофанта г. Никитскій принимаетъ мнѣніе г. Бурачкова, помѣстившаго статью объ этомъ предметѣ въ XII томѣ Записокъ Одесскаго Общества; противъ топографическихъ объясненій г. Бурачкова можно возражать; можно, конечно, не соглашаться и съ разными замѣчаніями Никитскаго касательно тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ, по всюду въ сочиненіи видно самое старательное отношеніе къ дѣлу, внимательная обработка всего матеріала. Надпись въ честь Діофанта и большая эфесская надпись времени Миерадата разобраны почти во всѣхъ подробностяхъ. Студентъ III курса Новосадскій написалъ весьма дѣльную работу на тему: „Помпей на Востокѣ“. Поставивъ точность первымъ себѣ правиломъ, что выражено и въ девизѣ сочиненія, взятомъ изъ Юсіфа Флавія, авторъ воздерживается отъ рѣшительнаго опредѣленія въ такихъ фактическихъ вопросахъ, о коихъ мы имѣемъ нѣсколько различныхъ показаній у древнихъ. Заслуживаетъ похвалы и то, что авторъ не повторяетъ общихъ сужденій знаменитыхъ новыхъ ученыхъ о политическомъ положеніи Рима, о дѣятельности и характерѣ Помпея и другихъ выдающихся лицъ. Новосадскій въ изложеніи событій держится, такъ-сказать, на официальной почвѣ: у него и трибуны А. Габиній остается безъ порицаній и обличеній; для Новосадскаго не столько важны честолюбіе и тайные замыслы Помпея, сколько то, что Помпей не обманулъ ожиданій народа, но блестящимъ образомъ выполнилъ лежавшую на немъ задачу. Авторъ отстраняетъ борьбу политическихъ партій въ Римѣ и ограничивается изложеніемъ военныхъ событій на Востокѣ, прямою своею темою. Онъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ событія 67-го и слѣдующихъ годовъ и оканчи-

ваетъ триумфомъ Помпея въ 61-мъ. Всѣ отдѣльные пункты обработаны съ большимъ стараніемъ, по всѣмъ существующимъ указаніямъ у древнихъ авторовъ. Весьма хорошо и самостоятельно разобрана битва при Никонолѣ. Дѣльно замѣчаніе о Бругитарѣ, вятѣ Дейотара. При этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ пунктахъ, обращено вниманіе и на варианты чтеній. Хорошо также и то, что авторъ, для уясненія дѣла, пользуется такими источниками, въ которыхъ излагаются событія или учрежденія, аналогичныя съ дѣлами Помпея, напримѣръ, *monumentum Anserianum*, изъ котораго удачно и кстати приводятся цитаты; пользуется авторами въ родѣ Амміана Марцеллина, изображающими тѣ страпы, гдѣ дѣйствовалъ Помпей. Проникшись уваженіемъ къ личности Помпея, Новосадскій отказывается вѣрить древнимъ авторамъ тамъ, гдѣ они сообщаютъ содержаніе непомѣрно хвастливыхъ *tabulae votivae* Помпея. Удовлетворительныя работы подали студенты III курса: Якушевичъ — на тему „Событія греческой исторіи отъ смерти Епаминонда до начала Филиппа“ и Островъ, на тему „Виріатъ“. На тему, предложенную профессоромъ греческой словесности „*ex Niadis carminibus IX, X, XI hiatus exempli colligantur*“ представилъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ студентъ III курса Рустъ. На темы, предложенныя профессоромъ латинскаго языка, сочиненія представили студенты IV курса Томасовъ и Тубасовъ. Первый изъ нихъ написалъ работу на тему: „Художественная сторона языка Плавта въ комедіи *Pseudolus*“. Авторъ поставилъ себѣ задачу прослѣдить въ языкѣ Плавта выраженіе душевныхъ состояній дѣйствующихъ лицъ и разобрать, на сколько въ формѣ оборотовъ и подборѣ словъ отражаются вызвавшіе ихъ аффекты. Держась строго-психологическаго принципа, авторъ высказываетъ похвальное стремленіе придать болѣе жизненности той части интерпретаціи древняго автора, которая обыкновенно сводится къ мертвой терминологіи. Томасовъ основательно изучилъ разбираемую имъ комедію Плавта съ примѣчаніями Лоренца и сочиненіе Гербера „*Die Sprache als Kunst*“, теорію котораго онъ однако отвергаетъ, въ чемъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, нельзя не согласиться. Недостатокъ сочиненія Томасова состоитъ въ томъ, что въ немъ разобрать только первый актъ комедіи. Работа Тубасова на тему: „Авлъ Геллій, какъ источникъ для исторіи римской литературы“, представляетъ собою тщательное собраніе встрѣчающихся у Геллія отрывковъ памятниковъ римской литературы, классификацію ихъ по рядамъ и періодамъ, подборъ сообщаемыхъ Гелліемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и довольно удачную попытку свя-

зять ихъ между собою съ цѣлью опредѣлить значеніе Геллія, какъ источника для исторіи римской литературы. Изъ сочиненія Тубасова видно, что онъ близко ознакомился съ Гелліемъ, и кромѣ того, основательно изучилъ исторію римской литературы по лекціямъ профессора Миллера и по книгѣ Тейфеля. По исторіи греческой литературы представили сочиненія студенты III курса Шпигановичъ и Поляковъ, первый—на тему „Приемы характеристики дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ Софокла“, второй—на тему „Киклопъ Гомера и Киклопъ Еврипида“.

Студенты IV курса, какъ и прежде, занимались въ гимназіи при институтѣ. Занятія эти состояли въ томъ, что студенты посѣщали даваемые наставниками-руководителями уроки, преподавали сами подъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ вечернихъ бесѣдахъ съ ними разбирали свои уроки и знакомились съ учебниками, принятыми въ гимназіяхъ, или вновь вышедшими. По греческому языку студенты упражнялись въ VIII и V классахъ, гдѣ читались Софоклъ (Аяксъ), Демосеена Олинскія рѣчи, Одиссея и Анабазисъ Ксенофонта. Большинство данныхъ студентами уроковъ приходилось на объясненіи Демосеена, при чемъ было обращено особое вниманіе на правильный и точный переводъ текста, и Ксенофонта, дающаго обильный матеріалъ для синтаксическихъ объясненій и повторенія этимологіи. Кромѣ того, въ VIII классѣ студенты разбирали письменныя упражненія, а въ V, въ концѣ каждаго урока, предлагали небольшія фразы для письменнаго перевода съ русскаго на греческій. Бесѣды состояли въ разборѣ данныхъ уроковъ, иногда въ подготовленія къ урокамъ, и наконецъ, въ разборѣ учебныхъ книгъ. На бесѣдахъ по русскому языку и словесности, кромѣ обсужденія данныхъ студентами уроковъ, что въ первое полугодіе, когда студенты лишь приступили къ преподаванію, было главнымъ занятіемъ,—выяснена была цѣль и послѣдовательность преподаванія русскаго языка и словесности и были разобраны различныя учебники по этому предмету.

Вслѣдствіе ходатайства конференціи института, министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено снова открыть въ институтѣ, съ начала 1882—1883 учебнаго года, спеціальнй разрядъ исторіи, закрытый въ 1874 году, и ввести на этомъ разрядѣ преподаваніе географіи. Со введеніемъ на историческомъ отдѣленіи спеціальныхъ курсовъ по географіи, институту открывается возможность готовить учителей не только исторіи, но исторіи и географіи, что требуется гимназическимъ уставомъ. Конференціей составлено и министерствомъ

утверждено слѣдующее распредѣленіе преподаванія въ двухъ высшихъ курсахъ на разрядѣ исторіи и географіи: Въ третьемъ курсѣ студенты разряда исторіи и географіи, кромѣ общихъ лекцій для всѣхъ трехъ разрядовъ, будутъ слушать курсъ всеобщей исторіи со студентами русской словесности и курсы греческихъ и римскихъ древностей со студентами разряда древнихъ языковъ, а сверхъ того, будутъ имѣть двѣ спеціальныя лекціи для изученія источниковъ русской исторіи, одну для изученія источниковъ древней всеобщей исторіи, двѣ по математической географіи, итого семь спеціальныхъ лекцій, всего же 26 лекцій въ недѣлю. Въ четвертомъ курсѣ, кромѣ общихъ лекцій по древнимъ языкамъ для всѣхъ разрядовъ, студенты разряда исторіи и географіи будутъ имѣть двѣ спеціальныя лекціи для изученія источниковъ русской исторіи, двѣ для изученія источниковъ всеобщей исторіи (средней и новой), двѣ по физической географіи, двѣ по политической географіи, итого восемь спеціальныхъ лекцій, а съ общими 16 лекцій въ недѣлю и 9 часовъ въ недѣлю практическихъ занятій въ гимназіи.

Студентовъ состояло въ институтѣ въ 1-му января 1881 года 117, въ теченіе 1881 года вновь поступило 14, въ томъ числѣ: изъ гимназій 8, изъ духовно-учебныхъ заведеній 6; въ 1881 году вышло 42, изъ нихъ до окончанія курса 15, по окончаніи курса 27; затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 89. Изъ числа окончившихъ курсъ 7 опредѣлены на имѣвшіяся учительскія вакансіи, одинъ, какъ стипендіатъ духовнаго вѣдомства, переданъ въ распоряженіе сего вѣдомства, остальные не получили немедленно назначенія, но для большинства изъ нихъ имѣлись уже въ виду вакансіи. Трое изъ студентовъ прежнихъ выпусковъ были командированы за границу съ ученою цѣлію. Одинъ изъ нихъ, Шмидтъ фонъ-дёръ Лауницъ, какъ видно изъ присланныхъ имъ отчетовъ, прилежно занимался изученіемъ древнихъ языковъ въ Боннскомъ и Страсбургскомъ университетахъ и въ скоромъ времени долженъ возвратиться въ Россію. Другой, Корольковъ, командированъ въ Грецію для изученія эпиграфики и ознакомленія на мѣстѣ съ памятниками древняго міра. Въ этихъ занятіяхъ Корольковъ смѣнилъ недавно возвратившагося изъ Аѳинъ, бывшаго студента института Вас. Латышева. Императорское Русское археологическое Общество, уже давно желавшее заняться собраніемъ древнихъ греческихъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, рѣшило поручить списываніе и сличеніе копій съ этихъ надписей г. Латышеву. Въ продолженіе двухлѣтняго пребыванія

въ Греціи г. Латышевъ, быстро совершенствуясь, достигъ рѣдкаго искусства въ списываніи и чтеніи надписей, приобрѣлъ глубокія познанія въ греческихъ древностяхъ и написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ работъ. Ему удалось открыть нѣсколько интересныхъ греческихъ надписей, изъ которыхъ особенно важны сенатусконсультъ средины II вѣка до Р. Х.

Денежныя средства института состояли изъ штатныхъ суммъ, которыхъ отпущено было изъ государственнаго казначейства 99,012 руб.; изъ нихъ израсходовано было 95,543 руб.; въ 1-му января 1882 года имѣлось въ остаткѣ 3,469 руб. Библіотека института къ 1-му января 1882 года заключала въ себѣ книгъ 9,208 названій 17,952 тома.

Казанскій ветеринарный институтъ.

Въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1882 года состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ томъ числѣ директоръ института), экстраординарныхъ 1, доцентовъ 2, прозекторъ 1, учений кузнецъ 1. Сверхъ того, имѣлись 13 преподавателей по пайму. Въ состоящей при институтѣ ветеринарно-фельдшерской школѣ состояли 1 законоучитель и 2 преподавателя.

Совѣтъ института въ 1881 году имѣлъ 29 засѣданій, на которыхъ обсуждены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: а) Вслѣдствіе отиѣны издавшой въ 1879 году временной инструкціи для инспекціи за студентами института и временныхъ правилъ для студентовъ онаго, совѣтомъ пересмотрѣны институтскія правила для студентовъ, имѣвшія силу до 1879 года, и составлены, согласно требованіямъ и указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія, новыя правила для студентовъ и инструкціи инспектору, которыя, по утвержденіи ихъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, введены въ руководство. б) Директоръ института, на основаніи данныхъ, добытыхъ комиссіею по дѣлу о бывшихъ въ институтѣ безпорядкахъ, заявляя, что первою и главною причиною оныхъ оказывается недостаточное развитіе студентовъ и вообще извращенныя понятія о долгѣ, чести и проч., и что невысокій уровень общеобразовательной подготовки ихъ позволяетъ заключить, что многіе изъ нихъ едва ли будутъ достойными представителями ветеринарной медицины и полезными общественными дѣятелями, — предложилъ ходатайствовать объ отиѣнѣ приема въ институтъ лицъ, не окончившихъ гимназическаго курса. Совѣтъ, раздѣляя это заключеніе, опредѣлилъ представить записку директора на усмотрѣніе высшаго начальства. в) Убѣдившись лично, что состояніе нашихъ ветеринарныхъ институтовъ представляется неудовлетвори-

тельнымъ, и что лица, окончившія въ нихъ курсъ, находятъ съ большимъ затрудненіемъ соотвѣтствующую дѣятельность, что отчасти объясняется несоотвѣтствіемъ полученнаго ими образованія съ потребностями земства и общества, г. министръ народнаго просвѣщенія, признавая коренное измѣненіе ненормальнаго положенія ветеринарныхъ институтовъ настоятельно необходимымъ, предложилъ войти въ обсужденіе вопроса: признается ли болѣе удобнымъ возвысить уровень научной подготовки ветеринарныхъ студентовъ посредствомъ установленія требованія отъ нихъ аттестатовъ зрѣлости, или же возможно оставаться при нынѣшней научной подготовкѣ лицъ, поступающихъ въ институты, но вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться возможнымъ приспособленіемъ институтовъ къ чисто-практическимъ потребностямъ земства и общества. Совѣтъ института, обсудивъ вышеизложенное, призналъ необходимымъ увеличить образовательный цензъ молодыхъ людей, поступающихъ въ ветеринарные институты, требованіемъ объема научной подготовки, установленной для поступающихъ на медицинскіе факультеты университетовъ. Независимо отъ сего, находя нынѣшнюю подготовку въ институтѣ дѣйствительно недостаточною, совѣтъ постановилъ: для основательнаго и всесторонняго обсужденія существующаго строя учебныхъ занятій составить комиссію изъ членовъ совѣта и нѣкоторыхъ преподавателей ветеринарныхъ предметовъ, поручивъ ей выработанныя ею заключенія представить совѣту.

г) Въ видахъ предоставленія студентамъ института большаго удобства для занятій внѣ-лекціонныхъ часовъ, совѣтъ призналъ возможнымъ ходатайствовать объ учрежденіи при институтѣ читальной комнаты для студентовъ на основаніяхъ, проектированныхъ для читальни студентовъ Казанскаго университета. На ходатайство это послѣдовало разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе чего и согласно принятымъ основаніямъ, избранъ завѣдующій читальнею и составлены правила для пользованія ею; по утвержденіи этихъ правилъ они введены въ руководство и читальня открыта.

д) Имѣя въ виду, что сборъ за лѣченіе животныхъ въ постоянныхъ клиникахъ института производится по таксѣ, утвержденной въ 1876 году, и что въ настоящее время цѣны на продовольственные припасы значительно возвысились, такъ что содержаніе больныхъ животныхъ, не считая лѣкарственныхъ припасовъ, обходится дороже взимаемой платы,—совѣтъ призналъ справедливымъ таксу сбора возвысить, назначивъ за содержаніе и лѣченіе лошади 35 коп. и коровы 25 коп., вмѣсто взимавшихся доселѣ 25 и 15 коп. въ день, что и утверждено попечи-

телемъ Казанскаго учебнаго округа. е) Вслѣдствіе заявленій преподавателей химіи о необходимости имѣть лаборанта при химической лабораторіи, совѣтъ вошелъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи штатной должности лаборанта; до разрѣшенія же этого представленія испросилъ разрѣшеніе имѣть лаборанта по найму съ вознагражденіемъ по 500 руб. изъ суммъ университета; сверхъ того, испросилъ разрѣшеніе на наемъ добавочныхъ служителей для вновь-сформированныхъ кабинетовъ по естественно-историческимъ предметамъ.

Въ 1881 году профессора и другіе служащіе института издали въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: профессоръ Ланге напечаталъ „Отчетъ о командировкѣ на Маринскую водяную систему“. Преподаватели: Леваковскій помѣстилъ въ Протоколахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ двѣ статьи: „Къ вопросу объ измѣненіи клеточной оболочки“ и „О влияніи свѣта на число устьицъ“; Догель напечаталъ въ томъ же изданіи статью „Исслѣдованіе инервации сердца костистыхъ рыбъ“; Залепскій помѣстилъ въ *Zoologischer Anzeiger* статью „*Neue Untersuchungen über die Entwicklungsgeschichte der Salpen*“ и напечаталъ „Отчетъ объ ученыхъ занятіяхъ въ заграничной командировкѣ въ 1880—1881 г.“ Ассистентъ Львовъ помѣстилъ въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ статью „Строеніе новообразованія при такъ-называемой жемчужной болѣзни“. Магистры ветеринарныхъ наукъ: Клеверъ, Леманъ и Чуловскій напечатали: первые двое—„Ветеринарную фармакопею“, послѣдній—„Матеріалъ для сравнительной анатоміи груднаго, брюшнаго и тазоваго отдѣловъ симпатической нервной системы у цѣкотныхъ домашнихъ животныхъ“.

Студентовъ къ 1-му января 1881 года состояло 161, въ теченіе 1881 года вновь поступило 20 (16 изъ гимназій, 1 изъ Дерптскаго ветеринарнаго института, 1 изъ военно-медицинской академіи, 1 бывший студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института и 1 изъ Варшавской ветеринарной школы); въ теченіе года вышло 73, въ томъ числѣ: по окончаніи курса 41, до окончанія курса 32 (4 по прошеніямъ, 7 за невзносъ платы, 20 исключено за безпорядки, 1 умеръ); затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо студентовъ 108, которые распредѣлены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ I-мъ курсѣ—18, во II-мъ—20, въ III-мъ—28, въ IV-мъ—42. Изъ числа 108 студентовъ 15 пользовались казенными стипендіями на сумму 3.000 руб., стипендіатовъ земскихъ было 3. Освобождено отъ платы 35, вносящихъ половинную плату было 2, пользовались разсрочкою

платы 47. Единовременныхъ пособій студентамъ, изъ суммъ института, выдано было на 828 руб., на продовольствіе дневныхъ дежурныхъ при клиникѣ студентовъ 90 руб. Окончившіе курсъ института 41 студентъ удостоены степени ветеринара, изъ нихъ 7 съ отліченіемъ (*suii eximia laude*). Учениковъ въ ветеринарно-фельдшерской школѣ состояло къ 1-му января 1881 года 15, къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 17, которые были распределены по классамъ такъ: въ I-мъ классѣ 5, во II-мъ—6, въ III-мъ—6.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ къ 1-му января 1881 года имѣлось 6,810 р., въ 1881 году ассигновано изъ государственнаго казначейства 50,841 р. (на содержаніе личнаго состава 28,941 руб., на хозяйственныя расходы 18,900 руб., на стипендіи 3,000 руб.), въ теченіе года израсходовано 52,625 руб. 57 коп., затѣмъ къ 1-му января 1882 года имѣлось остатка 5,026 руб. 16 коп. Спеціальныя средства: а) сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1880 года имѣлось 619 руб. 64 к., въ 1881 году поступило 2,829 руб. 17 коп., въ теченіе года израсходовано 2,480 руб. 23 коп., къ 1882 году состояло на лицо 968 р. 58 коп.; б) сбора за леченіе животныхъ въ клиникахъ: къ началу 1881 года имѣлось остаточныхъ 343 руб. 20 коп., въ теченіе года поступило 259 руб. 20 коп., израсходовано 308 руб. 1 коп., къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 294 руб. 39 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института къ 1-му января 1882 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ библиотекѣ числилось: книгъ, періодическихъ изданій, плановъ, гравюръ и эстамповъ 2,339 названій 3,717 томовъ на сумму 9,948 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ и приборовъ 245 номеровъ на 3,069 руб.; въ химическомъ кабинетѣ — 424 номера на 3,392 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ—1,232 номера на 4,082 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 598 номеровъ на 1,384 руб.; въ ботаническомъ кабинетѣ и гербаріѣ—109 номеровъ на 1,431 руб.; въ зоологическомъ собраніи—344 номера на 2,282 руб.; въ музей анатомическаго театра—576 номеровъ на 4,409 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 1,012 номеровъ на 3,702 руб.; въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ—127 номеровъ на 663 руб.; въ кузницѣ—206 номеровъ на 662 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ—142 номера на 964 руб.; въ физиолого-химическомъ кабинетѣ—2,502 номера на 10,529 руб.; въ аптекѣ—983 номера на 2,711 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода копытъ—113 номеровъ

на 381 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ— 22 номера на 63 р.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ — 491 номеръ на 1,369 руб.; въ клиникѣ — 979 номеровъ на 6,073 руб.; итого въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ находилось 11,341 номеръ на сумму 57,114 руб.

Большая часть поименованныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений служили для практическихъ занятій студентовъ института. Занятія эти въ 1881 году состояли въ слѣдующемъ: по анатоміи студенты II-го курса, въ назначенные росписаніемъ часы, ежедневно занимались по группамъ приготовленіемъ и изученіемъ назначенныхъ имъ препаратовъ мышечной, нервной и сосудистой системъ, а также препаратовъ внутренностей. По изготовленнымъ препаратамъ студенты, въ назначенные дни, демонстрировали ихъ по группамъ, причемъ результаты такихъ демонстрацій заносились въ особо-заведенную для того книгу отъѣтокъ по занятіямъ практическою зоотоміей. Для практическихъ занятій приобрѣтено было различныхъ животныхъ, а также и органовъ и частей тѣла на 202 руб.; кромѣ того употреблялись трупы животныхъ, доставляемыхъ городскими ветеринарами. Студенты I-го курса въ первомъ полугодіи преимущественно занимались изученіемъ остеологіи и синдесмологіи, а во второмъ — изученіемъ препаратовъ внутренностей. Завѣдующимъ кабинетомъ приготовлены къ печати два сообщенія: „Къ казуистикѣ внутреннихъ грыжъ у собакъ“ и „Аномаліи почечныхъ артерій у собакъ“. Въ физиолого-гистологическомъ кабинетѣ, кромѣ демонстрацій препаратовъ, схемъ и моделей по общей и частной гистологіи и эмбриологіи и демонстраціи опытовъ по экспериментальной физиологіи, имѣли постоянныя мѣста для ежедневныхъ занятій 8 студентовъ I-го курса, 10 студентовъ II-го курса, 2 студента III-го курса и 1 ветеринарный врачъ. Въ кабинетѣ сдѣланы и подготавлиются преподавателемъ къ печати работы: „О зарожденіи мышечныхъ волоконъ, ростъ и смерти ихъ у взрослыхъ животныхъ“ и „Лимфатическая система сердечной мышцы“. Занятія по патологической анатоміи заключались въ вскрытіи студентами IV-го курса труповъ животныхъ съ составленіемъ о томъ протоколовъ; матеріаломъ для этого служили 38 различныхъ животныхъ. Студенты III-го курса еженедѣльно по 6 часовъ занимались по патологической гистологіи. Въ фармакологическомъ кабинетѣ практическія занятія студентовъ III-го курса состояли въ повѣркѣ на практикѣ (экспериментально) всего заслушаннаго по теоретическимъ лекціямъ. Магистрантъ Гумилевскій работалъ

въ фармакологической лабораторіи надъ вліявіемъ сокращенія мышць заднихъ конечностей на кровообращеніе послѣднихъ. Въ кабинетѣ частной патологійи и эпизоотіи студенты IV-го курса, совместно съ ассистентомъ терапевтической клиники, производили экспериментальныя и патолого-анатомическія изслѣдованія надъ инфекціонными болѣзнями домашнихъ животныхъ, а одинъ студентъ— надъ культуривировкой пилдѣ еще не описанной глисты, найденной имъ въ крови лошади. Для объясненной пѣли было пріобрѣтено и содержимо при клиникѣ заразительныхъ болѣзней 43 животныхъ; кромѣ того пѣкоторые студенты IV курса, для изученія дифференціальной діагностики внутреннихъ болѣзней занимались микроскопическимъ и химическимъ изслѣдованіемъ экскрементовъ (преимущественно мочи) больныхъ животныхъ. Въ первомъ полугодіи постоянно работали по патологической гистологійи два студента II курса, причемъ одинъ изъ нихъ подалъ работу на заданную совѣтомъ тему: „Строеніе новообразования при такъ-называемой жемчужной болѣзни“. Въ аптекѣ и фармакогностической лабораторіи студенты IV курса, подъ руководствомъ доцента и лаборанта, подобно предшествующимъ годамъ, упражнялись въ составленіи лекарствъ и фармацевтическихъ препаратовъ. Въ химической лабораторіи студенты III курса, два раза въ недѣлю, занимались практически по аналитической химіи. По судебной ветеринаріи студенты IV курса занимались вскрытіемъ труповъ и составленіемъ судебно-ветеринарныхъ протоколовъ, для чего пріобрѣтено было 20 труповъ животныхъ. Въ ветеринарной кузницѣ студенты IV курса и ученики ветеринарно-фельдшерской школы практиковались въ выдѣлкѣ подковъ сначала изъ свинца, а потомъ изъ желѣза, а также расчисткой мертвыхъ копытъ. Кромѣ того, трое студентовъ III курса занимались выдѣлываніемъ подковъ. По ботаникѣ студентъ I курса, подъ руководствомъ профессора университета, упражнялись въ приготовленіи гистологическихъ препаратовъ и въ постановкѣ физиологическихъ опытовъ. Въ терапевтической и хирургической клиникѣхъ, въ назначенныя на то ежедневно часы, завѣдующіе клиниками знакомили студентовъ III и IV курсовъ съ методами распознаванія и леченія животныхъ, состоявшихъ въ стаціонарной клиникѣ и представленныхъ въ оную, какъ амбулаторныхъ. Для дифференціальной діагностики внутреннихъ болѣзней профессоръ обратилъ особенное вниманіе студентовъ на важность микроскопическихъ и химическихъ изслѣдованій экскрементовъ (главнымъ образомъ мочи больныхъ живот-

ныхъ), что въ болѣе важныхъ случаяхъ — производилось студентами IV курса въ терапевтическомъ кабинетѣ подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Для наблюденія за ходомъ болѣзней животныхъ въ стаціонарной клиникѣ студенты IV курса назначались кураторами; имъ же въ помощь даваемы были ученики ветеринарно-фельдшерской школы, съ цѣлію пріученія послѣднихъ къ правильному уходу за больными животными. Сверхъ того студенты III и IV курсовъ исполняли ежедневно въ клиникахъ по очереди дежурство, примѣняли, подъ руководствомъ ассистентовъ, врачевныя мѣры, предложенныя завѣдующими клиниками. Въ теченіе года въ терапевтическую и хирургическую клиники доставлено было животныхъ 707. Изъ этого числа поступило: въ стаціонарную клинику 101, представлено какъ амбулаторныхъ животныхъ 592, лечимо было полуклинически 14, больныхъ съ внутренними болѣзнями 261, съ наружными болѣзнями 446. Изъ 101 животныхъ, пользовавшихся въ стаціонарной клиникѣ, выздоровѣло и получило облегченіе 63, пало 25, осталось на излеченіи къ 1882 году 7. Кроме того въ клиникѣ заразительныхъ болѣзней для производства опытовъ прививанія сапа, сибирской язвы, жемчужной болѣзни, бугорчатки человека, оспы, а также для культивировки глисть, находимыхъ въ крови лошади, страдающей желтухой и гематуріею, находилось 42 различныхъ животныхъ. Для ознакомленія студентовъ III и IV курсовъ съ чумою рогатаго скота, подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ и ассистента клиники, было предпринято нѣсколько экскурсій въ ближайшія деревни, гдѣ чума развилась эпизоотически. При этихъ экскурсіяхъ было обращено вниманіе на этиологію, симптомы и въ особенности на патолого-анатомическую картину этой болѣзни, для чего и было произведено нѣсколько вскрытій труповъ павшихъ отъ чумы животныхъ.

— — — — —

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ въ г. МИРГОРОДѢ, ГАДІЧѢ и КРЕМЕНЧУГѢ въ 1881 году.

На педагогическіе курсы въ г. Миргородъ приглашены были учителя и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ трехъ уѣздовъ: Миргородскаго, Полтавскаго и Зеньковскаго. Всѣхъ учителей и учительницъ, занимавшихся на курсахъ отъ начала до конца, было 36. Изъ этого числа Миргородскаго уѣзда 20 учителей и 2 учительницы,

Полтавскаго уѣзда 6 учителей и 1 учительница, Зеньковскаго уѣзда 6 учительницъ и 1 учитель. Большинство учителей получили свое образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, а именно 16, остальные же въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: 6 въ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ и 3 въ духовной семинаріи, два изъ нихъ не окончили полного курса. Изъ 9 учительницъ, приглашенныхъ на курсы, 5 получили образованіе въ Полтавскомъ епархіальномъ училищѣ; одна изъ нихъ не окончила полного курса, 3 въ женскихъ прогимназіяхъ, одна домашняго воспитанія.

Общее и педагогическое образованіе значительнаго большинства учителей и учительницъ удовлетворяетъ только самымъ свисходительнымъ требованіямъ. Къ самымъ важнымъ пробѣламъ въ ихъ общемъ образованіи должны быть отнесены: неумѣнье говорить просто, ясно, связно и правильно, недостаточность и поверхность тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, передача которыхъ составляетъ прямую обязанность учителя народнаго школы, неподготовленность пользоваться книгою, какъ источникомъ знанія.

Такая недостаточность общаго образованія вполне отвѣчаетъ отсутствію въ нихъ и основательнаго образованія педагогическаго. Въ послѣднемъ отношеніи очень значительное большинство учителей и учительницъ безошибочно могутъ быть названы совсѣмъ неподготовленными. Звуковой способъ обученія грамотѣ-письму они превращаютъ въ звукочитательный, объяснительное чтеніе—въ безсвязное толкованіе нѣкоторыхъ словъ читаемаго текста, заканчивая это толкованіе лишеннымъ всякой послѣдовательности пересказомъ прочитанной статьи. Въ преподаваніи ариметики рѣзко выдается тотъ же недостатокъ цѣлесообразной системы, примѣнительно къ характеру и постепенности дѣтскаго развитія. Всѣ занятія по этому предмету, какъ они велись учителями и учительницами въ ихъ школахъ, должны быть названы безсистемнымъ производствомъ четырехъ ариметическихъ дѣйствій надъ цифрами, съ прибавкою рѣшенія задачъ, безъ опредѣленнаго плана. О выводахъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ въ общихъ чертахъ та незавидная подготовка, съ которою очень значительное большинство учителей и учительницъ явились на кратковременные педагогическіе курсы въ г. Миргородъ. Конечно, было бы несправедливо утверждать, что это большинство совсѣмъ не имѣетъ никакой педагогической опытности; отрицать опытность у него нельзя; но нельзя, съ другой стороны, не замѣтить, что это опытность какая-то случайная, результатъ счастливаго выхода изъ

какого-нибудь ужь слишкомъ крупнаго частнаго затрудненія, а не система выводовъ изъ послѣдовательныхъ наблюденій надъ жизнью школы. И самая жизнь школы для значительнаго большинства учителей и учительницъ представляется очень темною и мало понятною. Задачу школы это большинство видѣло въ томъ, чтобъ научить школьника только механизму чтенія, письма и счисленія.

Понятно, что планъ, выборъ предметовъ и характеръ занятій на педагогическихъ курсахъ рассчитаны были на устраненіе указанныхъ недостатковъ общаго и педагогическаго образованія учителей и учительницъ. Впрочемъ, въ постановкѣ практической части занятій встрѣтились большія затрудненія со стороны личнаго состава примѣрной школы. Ученики средней и старшей группы по своему развитію и навыкамъ почти не отвѣчали цѣлямъ примѣрной школы при кратковременныхъ педагогическихъ курсахъ. За весьма немногими исключеніями, они не владѣли привычкой читать бѣгло и правильно. Особенно трудно было подбирать для нихъ самостоятельныя работы, назначаемыя ученикамъ старшихъ группъ толково поставленной народнои школы. Приходилось ограничиваться самыми простѣйшими видами работъ, а всѣ остальные отнести къ теоретической части занятій, выяснить ихъ учителямъ и учительницамъ на примѣрахъ.

Весь личный составъ примѣрной школы, состоявшій изъ 22 чловѣкъ, дѣлился на три группы: въ младшей 8, въ средней 10, въ старшей 4. Распредѣленіе сдѣлано было на основаніи предварительнаго экзамена изъ довольно большого количества желающихъ обучаться въ примѣрной школѣ.

Экзаменъ производилъ руководитель въ присутствіи всѣхъ учителей и учительницъ, которые потомъ, по окончаніи экзамена, дѣлили учащихся на группы, выбирая изъ всего числа желающихъ наиболѣе подготовленныхъ. При этомъ учителя и учительницы практически ознакомились съ системою, постановкою и характеромъ предварительныхъ вопросовъ и съ основаніями распредѣленія на группы. Вопросъ о распредѣленіи учащихся на группы сильно занимаетъ всѣхъ учителей и учительницъ. По всему замѣтно, что удовлетворительное практическое рѣшеніе этого вопроса составляетъ прямой интересъ ихъ; не было необходимости долго толковать о томъ, что больше трехъ группъ нельзя допустить въ школѣ; учителя и учительницы, безъ всякихъ объясненій, по собственному опыту, очень хорошо знали, какое непреодолимое препятствіе усилію школьнаго дѣла представляетъ распаденіе школы на большое количество группъ, и если допускали въ

своихъ школахъ больше трехъ группъ, то по познанію средствъ поддерживать дѣленіе школы на три группы, при разноновременныхъ поступленіяхъ въ школу и неаккуратныхъ посѣщеніяхъ ея учениками. Въ бесѣдѣ съ руководителемъ по этому вопросу учителя и учительницы пришли къ необходимости приять слѣдующія мѣры: поступившихъ въ началѣ учебнаго времени подольше задерживать на подготовительныхъ занятіяхъ, каковы, на примѣръ, предметныя бесѣды въ связи съ упражненіями въ черченіи и письмѣ, наглядно и просто выяснить родителямъ учениковъ и самимъ ученикамъ необходимость своевременнаго поступленія въ школу и аккуратнаго ея посѣщенія. Для занятія въ примѣрной школѣ съ двумя старшими группами избраны были слѣдующія книги: Родное Слово ч. 1 и 2, Нашъ Другъ, Корфа и Дѣтскій Міръ, Ушинскаго. Послѣдній выбранъ былъ по недостатку другихъ наиболѣе употребительныхъ книгъ для чтенія въ школѣ, на примѣръ книги Водовозова.

Приступая къ самымъ занятіямъ въ примѣрной школѣ съ тремя группами по всѣмъ предметамъ курса народнаго школы, руководитель прежде всего изложилъ планъ, которому эти занятія должны слѣдовать, сообразно задачѣ начальной народнаго школы и кратковременности педагогическихъ курсовъ. Занятія съ младшею группою должны, по этому плану, практически раскрыть сущность и характеръ всѣхъ тѣхъ упражненій, изъ которыхъ слагается обученіе грамотѣ по звуковому способу въ связи съ письмомъ и черченіемъ, начиная отъ предметныхъ бесѣдъ и оканчивая письмомъ и сознательнымъ чтеніемъ фразы. Уроки по ариметикѣ въ этой группѣ представляли образцы изустнаго счисленія въ предѣлахъ 10 и письма цифръ.

Матеріалъ для уроковъ объяснительнаго чтенія въ средней группѣ брался изъ книги Ушинскаго Родное Слово г. 1-й и 2-й. Чтеніе книжки Родное Слово годъ 1-й устанавливало естественный переходъ отъ обученія грамотѣ-письму къ обученію чтенію книги, какъ посредственнаго источника знанія. При этомъ учителя и учительницы практически знакомились съ тѣми первоначальными приѣмами, при помощи которыхъ дѣти достигаютъ навыка читать небольшія статьи правильно, бѣгло, выразительно и сознательно. На урокахъ по той же самой книгѣ учителя и учительницы имѣли возможность прослѣдить главные виды первоначальныхъ устныхъ и письменныхъ упражненій, сопровождающихъ и дополняющихъ объяснительное чтеніе, каковы, на примѣръ, перечисленіе названій предметовъ одной группы, наименованіе признаковъ или дѣйствій, какіе можно приписать тому или дру-

тому предмету, выписываніе словъ съ извѣстнымъ звукомъ, письменное изложеніе отвѣтовъ на поставленные учителемъ вопросы и записанные дома. Польза не замѣтить, что подборъ самостоятельныхъ работъ для учениковъ составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ видовъ занятій учителя народной школы. Въ бесѣдѣ съ руководителемъ по этому вопросу учителя и учительницы не высказались опредѣленно. Нѣкоторые, правда, заявили, что они въ своихъ школахъ даютъ ученикамъ разнообразныя самостоятельныя письменныя работы, но указать точно, какія именно, не могли. Но навыкамъ учениковъ примѣрной школы также трудно было догадаться, въ какихъ изустныхъ и особенно письменныхъ самостоятельныхъ работахъ они чаще всего упражнялись, такъ какъ никакихъ въ этомъ отношеніи навыковъ у нихъ не оказалось. Ясно было только одно, что самостоятельныя устные и особенно письменныя занятія учениковъ составляютъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ школьнаго дѣла. Необходимо было на нее обратить побольше вниманія, поподробнѣе прослѣдить существенныя виды этихъ важныхъ занятій. Матеріалъ для послѣдующихъ уроковъ объяснительнаго чтенія въ этой группѣ избранъ былъ изъ всѣхъ трехъ отдѣловъ Роднаго Слова г. 2-й. Такой переходъ отъ одной книги къ другой, а также къ разнымъ отдѣламъ одной и той же книги сдѣланъ на томъ основаніи, что представлялъ учителямъ и учительницамъ возможность практически отъ начала чтенія книги прослѣдить тѣ пути, по которымъ должно идти приобрѣтеніе знаній учениками начальной народной школы. Въ то же время, при такой постановкѣ занятій въ примѣрной школѣ, учителя и учительницы могли наглядно прослѣдить тѣ измѣненія и дополненія, которыя дѣлаются въ приемахъ преподаванія, когда предметомъ его становится болѣе сложный и разнообразный учебный матеріалъ. Помимо методическихъ цѣлей, такимъ порядкомъ практическихъ занятій достигались и другія, не менѣе существенныя цѣли: учителя и учительницы, подъ руководствомъ руководителя, основательнѣе изучили книжки Ушинскаго: Родное Слово г. 1-й и 2-й. Многія мѣста въ этихъ книжкахъ были для нихъ непонятны. Такъ, они не понимали поговорки: „малъ, да конопливникъ, велика, да маховина“. Вообще третій отдѣлъ Роднаго Слова годъ 2-й почему-то не пользовался вниманіемъ учителей и учительницъ и не разучивался въ школахъ.

Кромѣ объяснительнаго чтенія, по книжкамъ Ушинскаго дано нѣсколько уроковъ церковно-славянскаго чтенія.

По ариметикѣ средняя группа начала свои занятія съ изученія

числа 10, слѣдовательно, курсомъ младшей группы. Такъ сдѣлано было на томъ основаніи, что средняя группа оказалась неподготовленною къ прохожденію своего курса. Сущность и характеръ самыхъ начальныхъ занятій по ариметикѣ выяснены были на занятіяхъ съ младшею группою, уроками изустнаго счисленія въ предѣлахъ 10. Средняя группа, начиная изученія числа 10, связывала такимъ образомъ самыя начальные занятія по ариметикѣ съ послѣдующими и совмѣщала два курса: курсъ младшей группы и отчасти свой собственный. Выработка общихъ положеній, ясное и точное выраженіе ихъ и подготовка учениковъ къ самостоятельнымъ работамъ оказались самымъ труднымъ дѣломъ для учителей и учительницъ, а слѣдовательно и для учениковъ. На этой-то сторонѣ преподаванія ариметики и пришлось останавливать преимущественное вниманіе учителей и учительницъ.

Старшая группа начала свои уроки по объяснительному чтенію чтеніемъ книги: Нашъ Другъ, Корфа. Прочитано было два отдѣла. Книга: Нашъ Другъ написана въ дополненіе къ книжкамъ Родное Слово, и во многихъ школахъ служитъ книгою для класснаго чтенія. Не смотря на то, что способъ объяснительнаго чтенія по этой книгѣ подробно указалъ самъ авторомъ, практическіе уроки по ней въ примѣрной школѣ оказались не только не лишними, но существенно необходимыми. Въ дальнѣйшихъ занятіяхъ объяснительнымъ чтеніемъ въ этой группѣ необходимо было показать учителямъ и учительницамъ способъ разучиванія болѣе сложныхъ статей, чѣмъ тѣ, которыя помѣщены на первыхъ страницахъ книги: Нашъ Другъ. Но такъ какъ книга не допускаетъ пропусковъ, а послѣдовательно добраться до такихъ статей не позволяло время курсовъ, то вмѣсто Нашъ Другъ выбрана книга Ушинскаго Дѣтскій Миръ. Въ урокахъ объяснительнаго чтенія по той и другой книгѣ преимущественное вниманіе обращалось на тѣ упражненія, практика въ которыхъ оказывалась особенно необходимою для учителей и учительницъ. Такъ, раздѣленіе статьи на части, общая катехизація статьи, выясненіе идеи статьи и письменныя работы—самыя трудныя занятія для учителей и учительницъ. Они откровенно заявили, что въ своей школьной практикѣ вели объяснительное чтеніе довольно однообразно и односторонне во всѣхъ группахъ. Оно состояло у нихъ изъ чтенія съ логическимъ и вещественнымъ разборомъ и пересказа прочитанной статьи, изъ котораго преподаватель удостовѣрялся, что ученики усвоили ея содержаніе. Что касается письменныхъ работъ, связан-

ныхъ съ объяснительнымъ чтеніемъ, что они ограничивались изложеніемъ содержанія прочитаннаго, да диктовками. Каково это изложеніе, можно было судить по навыкамъ къ этимъ работамъ учениковъ примѣрной школы.

По ариметикѣ старшая группа начала свои занятія съ изученія числа 20 до 100 и выше 100. Уроки по этому предмету въ старшей группѣ дополняли то, что нельзя было сдѣлать на урокахъ въ средней группѣ, и такимъ образомъ оказывалась возможность выяснить связь и послѣдовательность въ пріемахъ занятія этимъ предметомъ во всѣхъ трехъ группахъ пародной школы. При изученіи чиселъ до 100 не всѣ числа изучались въ послѣдовательномъ порядкѣ, а только нѣкоторые, наир., 24, 36, 60 и друг. По упражненіямъ надъ этими числами учителя и учительницы наглядно видѣли постепенное пополненіе и расширеніе учебнаго матеріала ариметики. Изученіе составныхъ именованныхъ чиселъ въ предѣлѣ числа до 100, представляя матеріалъ для примѣненія и обобщенія всего прежде изученнаго, выяснило учителямъ способъ видѣнія самыхъ пріемовъ совершенія дѣйствій съ числами. На числахъ свыше 100 сдѣлано было окончательное установленіе механическихъ правилъ и пріемовъ для письменнаго вычисленія съ большими числами.

Распредѣленіе занятій между всѣми тремя группами въ каждый учебный часъ слѣдовало тремъ способамъ. Смотря по содержанію уроковъ и степени подготовки къ нимъ учениковъ, учителя и учительницы занимались или со всѣми тремя группами, удѣляли каждой столько времени, сколько нужно, или съ двумя, а остальной назначали самостоятельныя работы, или, наконецъ, съ одной, а другимъ двумъ давали на это время самостоятельныя занятія. Такъ какъ удовлетворительное практическое рѣшеніе вопроса о распредѣленіи учебнаго времени между тремя группами представляетъ интересъ большой важности для учителей и учительницъ, то руководитель не пропускалъ случаевъ приложенія всѣхъ трехъ способовъ въ примѣрной школѣ. При этомъ учителямъ и учительницамъ выяснено было, что цѣль употребленія всѣхъ трехъ способовъ одна—внимательная и сосредоточенная впродолженіе всего урока работа учениковъ всѣхъ трехъ группъ, что оставлять учениковъ безъ работы, не занятыми, хоть бы на непродолжительное время, весьма не выгодно какъ для учениковъ, такъ и для самого учителя. Ученики въ эти непродолжительныя промежутки ничего—недѣлающа привыкаютъ къ разсѣянности, изобрѣтаютъ разнаго рода шалости, отъ которыхъ потомъ имъ уже трудно бываетъ удержаться и во время

занятій съ ними учителя, однимъ словомъ, умѣлымъ, цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ занятій между всѣми тремя группами учитель долженъ предупреждать праздность учениковъ, и такимъ образомъ отнимать у нихъ поводы наживать дурныя навыки. Учитель, позволяющій ученикамъ ничего не дѣлать, оставляющій ихъ на произволь случайности, теряетъ свою власть надъ ними, обрекаетъ себя на бесплодную борьбу съ ихъ разсѣянностью и шалостями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель находитъ наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ держаться третьяго способа распредѣленія занятій между тремя группами, т.-е. самому заниматься съ одною группою, а остальнымъ двумъ назначать самостоятельныя работы, онъ долженъ вести дѣло такъ, чтобы каждая группа имѣла свой часъ занятія съ нимъ. Въ примѣрной школѣ при краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ каждый учебный день было три урока, и когда практиковался этотъ послѣдній способъ распредѣленія учебного времени между тремя группами, каждая группа имѣла свой часъ занятій съ учителемъ, а остальные два часа занимались въ этомъ случаѣ самостоятельно. Впрочемъ, и самостоятельно занимающіяся группы не остаются совсѣмъ безъ надзора учителя; занимаясь исключительно съ одною группою, онъ всегда найдетъ время и возможность паблудити и за другими, даже и поруководитъ ихъ работами; во всякомъ случаѣ ученики должны быть увѣрены, что, назначивъ имъ самостоятельныя работы, учитель не оставитъ ихъ безъ своего надзора.

Ежедневныя практическія занятія оканчивались уроками пѣнія, которые преподавалъ г. Ризенко, учитель этого предмета въ Полтавской гражданской гимназій.

Теоретическія занятія съ учителями и учительницами состояли изъ трехъ частей: изъ разбора практическихъ уроковъ, читанныхъ въ примѣрной школѣ, изъ разбора наиболѣе употребительныхъ руководствъ и книгъ для класснаго чтенія и, наконецъ, изъ изложенія тѣхъ выводовъ, которые сами собой вытекали изъ положеній, добытыхъ посредствомъ первыхъ двухъ видовъ занятій.

Такъ, путемъ разбора руководствъ къ обученію грамотѣ-письму, въ связи съ разборомъ уроковъ, выясненъ былъ характеръ первоначальнаго обученія, связь его съ до-школьнымъ опытомъ и развитіемъ учащихся, виѣшня и внутренняя стороны методы начального преподаванія, и въ частности сущность методы обученія письму-чтенію.

Наглядное обученіе, какъ особый предметъ, признано необходимымъ на столько, на сколько оно пополняетъ, исправляетъ и расши-

ряетъ основныя представленія вообще, и въ области каждаго предмета курса народной школы въ частности. Въ бесѣдахъ учителей и учительницъ съ руководителемъ по вопросу о характерѣ и достоинствахъ обученія, весьма замѣтно проглядывалъ тотъ фактъ, что существенно отличительною чертою хорошаго обученія они считали скорость, вмѣсто самостоятельности учащихся, прочности приобретенныхъ ими знаній и умѣній. Разъясненіе цѣли, характера и объема общепринятыхъ уроковъ не только разсѣяло заблужденія учителей и учительницъ относительно достоинства хорошаго обученія, но и раскрыло имъ смыслъ и значеніе самостоятельности учениковъ. Оно показало учителямъ и учительницамъ, какъ необходимо для преподавателя, чтобы не дѣлать ничего лишняго и не упускать ничего существенно важнаго, прежде всего ознакомиться съ умственнымъ уровнемъ своихъ учениковъ какъ вообще, такъ и относительно отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ. Далѣе, оно установило внутреннюю связь между отдѣльными уроками по предметамъ курса школы, указавъ на обязанность преподавателя при каждомъ урокѣ заранее дать себѣ отчетъ, на какія прежнія знанія учениковъ онъ опирается и къ какимъ новымъ знаніямъ ведетъ ихъ. Вообще, разъясненіе значенія, характера и объема предметныхъ уроковъ раскрыло учителямъ и учительницамъ тѣ несомнѣнныя положенія, что въ народной школѣ ни въ какой группѣ, ни въ какомъ предметѣ нельзя обойтись безъ того, чтобы не возвращаться къ непосредственнымъ воспріятіямъ, что природа ученія требуетъ, чтобы воспріятія, приобретенныя ребенкомъ еще до поступленія въ школу, или приобретаемыя имъ внѣ школы, живо воспроизводились и надлежащимъ образомъ сознавались, сравнивались и выдѣлялись, а въ случаѣ надобности дополнялись и исправлялись; что, наконецъ, образованіе ясныхъ понятій у дѣтей невозможно, если у нихъ нѣтъ нужнаго количества опредѣленныхъ частныхъ представленій. Изъ этихъ положеній само собою слѣдовалъ тотъ выводъ, что всякое обученіе необходимо начинать наглядными или общепредметными уроками, которые состоятъ во всестороннемъ ознакомленіи съ обиходными предметами и служатъ для упражненія не только внѣшнихъ чувствъ и наблюдательности, но и для развитія мышленія и дара слова.

Разборъ основаній подбора и распредѣленія учебнаго матеріала изъ всѣхъ предметовъ курса между тремя группами, примѣнительно къ степени развитія и потребностямъ каждой группы учащихся, а также и къ внѣшнимъ условіямъ преподаванія, далъ возможность ру-

ководителю выяснить учителямъ и учительницамъ сущность и значеніе плана преподаванія, начиная съ самыхъ общихъ чертъ его, какъ совокупнаго учебнаго распорядка, и оканчивая такими подробностями, какъ распределеніе или росписание уроковъ. При этомъ особое вниманіе обращено было на концентрическую систему, по которой одинъ и тотъ же кругъ знанія повторяется на нѣсколькихъ ступеняхъ, постепенно расширяясь и развиваясь въ подробностяхъ. Выгоды этой системы передъ другими несомнѣнны и очевидны: ученикъ постоянно стоитъ на твердой почвѣ прежде усвоенныхъ знаній; развитіе его идетъ въ непрерывной связи, такъ какъ его новыя знанія присоединяются къ прежнимъ, какъ ихъ естественное дополненіе и расширеніе, а всѣ вмѣстѣ на каждой ступени составляютъ одно относительное цѣлое. Выставляя выгоды концентрической системы, руководитель счелъ своимъ долгомъ предостеречь учителей и учительницъ отъ тѣхъ увлеченій этою системою, при которыхъ она обращается въ безсвязную передачу свѣдѣній по всевозможнымъ предметамъ, порождая въ ученикахъ спуганность, поверхностность и пустое резонерство: каждый предметъ долженъ опираться на свои собственные элементы.

Оцѣнка упражненій, изъ которыхъ слагается каждый урокъ обученія письму-чтенію, и приемовъ, посредствомъ которыхъ преподаватель доводитъ учениковъ до сознательнаго усвоенія передаваемыхъ имъ знаній и умѣній, раскрыла учителямъ и учительницамъ внутреннюю сторону метода вообще, то-есть тотъ способъ, посредствомъ котораго, согласно съ психологическими данными, возбуждается, направляется и усиливается познавательная дѣятельность ученика. Однимъ словомъ, учителя и учительницы ознакомились съ сущностію, взаимнымъ отношеніемъ и случаями приложенія основныхъ приемовъ мышленія—анализа и синтеза, индукціи и дедукціи.

Обученіе письму-чтенію бываетъ всегда успѣшнѣе, когда оно ведется въ связи съ черченіемъ. По своему образовательному значенію и практическому приложенію, черченіе имѣетъ право на почетное мѣсто въ кругу предметовъ курса народной школы. Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующаго, не лишенаго значенія факта. Большинство учителей, какъ выше сказано, получили свое образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ черченіе составляетъ обязательный предметъ обученія. Казалось бы, что они преимущественно предъ другими учителями займутся въ своихъ школахъ обученіемъ этому предмету, такъ какъ онъ очень интересуется учениковъ и даетъ

учителю возможность удобнѣе и цѣлесообразнѣе распредѣлить занятія между тремя группами. На дѣлѣ, однако, выходитъ не такъ: они почти совсѣмъ не обучаютъ въ своихъ школахъ черченію, по той простой причинѣ, что сами не владѣютъ этимъ искусствомъ даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Каждый урокъ обученія грамотѣ и письму въ связи съ черченіемъ по звуковому способу состоитъ изъ слѣдующихъ упражненій. Черченіе простѣйшихъ формъ предметовъ и письмо тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ буквы подлежащихъ изученію звуковъ; бесѣда о предметѣ, названіе котораго избрано для разучиванія; письмо выдѣленныхъ изъ слова звуковъ, письмо всего слова и слоговъ; письмо и чтеніе словъ и фразъ, какія только можно составить изъ разученнаго количества звуковъ, строго придерживаясь, конечно, степени пониманія учениковъ. Составленіе словъ и фразъ изъ подвижныхъ буквъ печатнаго шрифта, отнесенное къ концу изученія всей азбуки, не представляетъ для дѣтей никакихъ трудностей, и вмѣстѣ съ чтеніемъ словъ и фразъ, помещенныхъ въ руководствахъ къ обученію грамотѣ, служитъ хорошимъ подготовленіемъ къ чтенію книги.

Переходъ къ чтенію книги опредѣленъ навыкомъ учениковъ правильно и довольно свободно писать и читать слова и небольшія, состоящія изъ двухъ-трехъ словъ фразы.

При переходѣ къ чтенію книги весьма умѣстно было указать учителямъ и учительницамъ на признаки хорошаго чтенія: бѣглость, правильность, выразительность и сознательность, и на тѣ средства, съ помощію которыхъ дѣти пріобрѣтаютъ навыкъ хорошо читать. Выяснить сущность первыхъ двухъ признаковъ не было никакой необходимости; они понятны каждому, безъ всякихъ объясненій. Гораздо цѣлесообразнѣе было остановиться на тѣхъ упражненіяхъ, посредствомъ которыхъ достигается правильное и бѣглое чтеніе совместно съ другими признаками хорошаго чтенія: выразительностью и сознательностью. Такими упражненіями признаю чтеніе одного и того же нѣсколько разъ, но съ различными цѣлями. Болѣе подробныхъ объясненій потребовалъ послѣдній признакъ хорошаго чтенія—сознательность. Сознательность чтенія достигается посредствомъ объяснительнаго чтенія, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ чтеніе, сопровождаемое бесѣдою преподавателя съ учениками по поводу читаемаго. Сущность и цѣли объяснительнаго чтенія раскрыты были на основаніи понятія о задачѣ народной школы. Послѣдняя не должна ограничиваться одною грамотностію своихъ учениковъ, то-есть, умѣньемъ

читать, писать и считать. Задача ея гораздо шире: она должна сообщить своимъ ученикамъ важнѣйшія, элементарныя свѣдѣнія о физической природѣ и нравственной жизни человѣка и дополнить эти свѣдѣнія основами лучшихъ, обогороженныхъ навыковъ жизни—однимъ словомъ, школа должна не только учить, обогащать умъ полезными свѣдѣніями, но развивать и облагораживать чувство, вкореняя въ дѣтихъ въ то же время добрыя привычки жизни. Такая задача народной школы уже сама собою указывала и на матеріалъ для объяснительнаго чтенія, съ подраздѣленіемъ этого матеріала на виды, то-есть, на статьи дѣловыя, бытовыя и статьи, назначенныя собственно для изученія языка, какъ со стороны практической, такъ и теоретической. Цѣль объяснительнаго чтенія дѣловыхъ статей — сообщить дѣтямъ важнѣйшія элементарныя свѣдѣнія о природѣ видимой въ связи съ тѣми умственными навыками и чувствами, которые развиваются подъ вліяніемъ разумнаго отношенія къ предметамъ и явленіямъ природы. Объяснительное чтеніе бытовыхъ статей преслѣдуетъ хотя другія цѣли, но тѣсно связанныя съ цѣлями объяснительнаго чтенія статей дѣловыхъ; оно развиваетъ и насаждаетъ въ дѣтяхъ нравственныя понятія высшаго порядка.

Переходя къ раскрытію сущности объяснительнаго чтенія, руководитель прежде всего выяснилъ учителямъ и учительницамъ общій характеръ бесѣды преподавателя съ учениками по поводу читаемаго и основныя приемы, которыхъ онъ при этомъ долженъ держаться. Первымъ упражненіемъ поставлена была предметная бесѣда, цѣль которой подготовить учениковъ сознательно относиться къ содержанію читаемой статьи. При этомъ изложенъ былъ и способъ веденія бесѣды. За предметною бесѣдою слѣдуетъ чтеніе статьи. Смотря по объему и содержанію статья читается или вся цѣликомъ, безъ перерывовъ, или раздѣляется на части. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ преподаватель пользуется остановками для вещественнаго и логическаго разбора. Но какъ бы ни читалась статья, она должна быть послѣ прочтенія раздѣлена на части, чтобы быть понятною въ цѣломъ. Послѣ изученія статьи по частямъ естественно перейти къ изложенію ея содержанія, къ плавному, ясному и послѣдовательному пересказу прочитаннаго. Для передачи статей, содержаніемъ которыхъ служатъ естественныя или искусственныя предметы, выработаны были примѣрные плаши. Въ началѣ упражненія дѣтей въ пересказѣ прочитаннаго, плаши эти рекомендовано было записывать на доскѣ, а впоследствии ученики безъ труда могутъ удерживать ихъ въ памяти.

Послѣ пересказа статьи учитель приступаетъ къ выясненію идеи ея и къ характеристикѣ главныхъ предметовъ. Послѣднее упражненіе, которымъ заканчивается каждый урокъ объяснительнаго чтенія дѣловой статьи, составляютъ устные или письменныя задачи, которыя учитель предлагаетъ ученикамъ по поводу прочитаннаго. Съ содержаніемъ такихъ задачъ и съ способами провѣрки письменныхъ отвѣтовъ учениковъ учителя и учительницы ознакомились на урокахъ объяснительнаго чтенія дѣловыхъ статей въ примѣрной школѣ. Оставалось различныя виды задачъ изложить въ опредѣленномъ порядкѣ, начиная съ простыхъ до самыхъ сложныхъ, что и сдѣлано на теоретическихъ занятіяхъ.

Изложивши воспитательно-образовательное значеніе бытовыхъ статей съ ихъ раздѣленіемъ на виды, руководитель перешелъ къ изложенію тѣхъ особенностей, которыми отличается объяснительное чтеніе этого рода статей отъ объяснительнаго чтенія статей съ дѣловымъ содержаніемъ. Къ такимъ особенностямъ отнесены были: а) бесѣды по картинкамъ, вести которыя рекомендовано было по прочтеніи статьи; б) смысловой разборъ, какъ особый видъ вещественнаго разбора, примѣннаго къ изученію языка на литературу изложенныхъ статьяхъ, и такимъ образомъ подготовляющаго дѣтей къ изученію грамматики; в) упражненіе въ выразительномъ чтеніи; г) сущность катехизаціи, рассчитанной на усвоеніе дѣтьми идеи бытовой статьи или на развитіе у нихъ соответствующаго чувства, и, наконецъ, е) содержаніе и характеръ устныхъ и письменныхъ самостоятельныхъ задачъ, задаваемыхъ дѣтямъ въ связи съ содержаніемъ прочитанной статьи.

Раздѣляя статьи бытовыя на виды, руководитель съ особыми подробностями изложилъ способъ и приемы объяснительнаго чтенія по словицъ и стихотвореній.

Предметомъ послѣдней бесѣды руководителя съ учителями и учительницами объ объяснительномъ чтеніи было выѣклассное самостоятельное чтеніе учениковъ. Оно рассмотрѣно было со стороны отношенія къ классному объяснительному чтенію, со стороны порядка, въ которомъ должно производиться, и способа провѣрки учителемъ.

Уроки церковно-славянскаго чтенія, данныя въ средней и старшей группахъ, послужили поводомъ къ раскрытію воспитательнаго значенія этого предмета; далѣе указано было время обученія ему въ народной школѣ, способъ и приемы обученія.

Посредствомъ разбора уроковъ по ариметикѣ и общеупотреб-

тельныхъ руководствъ сообщены были подробныя свѣдѣнія относительно преподаванія этого предмета.

Въ заключеніе отдѣла теоретическихъ занятій въ формѣ вывода изъ всего сказаннаго и видѣннаго въ примѣрной школѣ, изложено было значеніе начальной народной школы для крестьянскихъ дѣтей, выяснены основанія вѣншияго и внутренняго устройства ея, сообщены важнѣйшія свѣдѣнія изъ школьной гигиены, изображено значеніе личности учителя въ жизни народной школы и доказана необходимость для него самообразованія.

На педагогическихъ курсахъ въ г. Гадячѣ присутствовало 27 учителей и учительницъ и 11 кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія должности изъ уѣздовъ Гадичскаго, Лохвицкаго и Роменскаго.

Письменные работы прибывшихъ на курсы учителей и учительницъ и указанія г. инспектора народныхъ училищъ Полтавской губервіи 2-го района служили основаніемъ при составленіи подробной программы и распредѣленія занятій на курсахъ.

Всѣ занятія на курсахъ были раздѣлены на 1) практическія занятія въ образцовой школѣ и 2) занятія теоретическія.

Для практическихъ занятій была образована примѣрная школа изъ учениковъ, которые руководителемъ совмѣстно съ учителями, послѣ испытанія въ степени знанія и развитія были раздѣлены на три группы. Причемъ предварительно учителямъ было указано, какія требованія въ степени знанія курса народной школы могутъ быть предъявлены ученикамъ, зачисляемымъ въ ту или другую группу правильно организованной нашей сельской школы.

Такимъ образомъ временная образцовая школа представляла собою сельскую школу, посѣщаемую дѣтьми, обучающимися въ ней три курсовые года.

Занятія въ образцовой школѣ начинались съ 9-ти часовъ утра и продолжались до 1 часу и 30 минутъ пополудни. Въ теченіе этого времени давалось 5 уроковъ, включая сюда и получасовые уроки пѣнія и гимнастики.

Впрочемъ, учепики первой [младшей] группы имѣли только три урока въ день. Такое исключеніе первая группа составляла потому, что на первыхъ порахъ новичкамъ вообще нельзя предложить сильной для нихъ самостоятельной работы на довольно продолжительное время, между тѣмъ какъ сидѣніе безъ дѣла въ теченіе двухъ-трехъ часовъ можетъ породить въ дѣтяхъ привычку сидѣть разсѣянно

часть ссххш, отд. 4.

въ классѣ и невнимательно отпоситься къ уроку, и убѣжденіе, что во время уроковъ въ классѣ можно сидѣть, ничего не дѣлая.

Руководитель, имѣя цѣлію указать правильную учебную организцію школы съ трехгодичнымъ курсомъ при совмѣстномъ занятіи одного учителя съ тремя группами, распредѣлялъ матеріалъ занятій въ образцовой школѣ такъ:

Въ первой (младшей) группѣ: 1) подготовительныя занятія, цѣль которыхъ познакомить учениковъ, еще не бывшихъ въ школѣ, съ классной обстановкой, съ предметами, которыми прійдется пользоваться какъ учителю, такъ и ученикамъ при дальнѣйшемъ обученіи; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было познакомить учениковъ съ дисциплинарно-школьными требованіями, обусловливающими усилъ въ дальнѣйшемъ обученіи. Подготовительныя занятія велись катехизическимъ способомъ.

При веденіи подготовительныхъ занятій требовались громкіе и полныя отвѣты, изрѣдка отвѣты хоромъ. Запятія эти продолжались три дня. Послѣ каждаго урока занятій съ учителемъ, на слѣдующій затѣмъ урокъ пріобрѣтенныя дѣтymi свѣдѣнія служили матеріаломъ для ихъ самостоятельныхъ работъ. Давши ученикамъ самостоятельную работу, учитель приступалъ къ занятіямъ со второй или третьей группой; 2) послѣ подготовительныхъ занятій, когда дѣти успѣли освоиться съ новой для нихъ обстановкой, съ новыми школьными порядками, болѣе или менѣе овладѣли письмомъ элементовъ буквъ, начались уроки письма-чтенія.

При обученіи письму-чтенію соблюдался слѣдующій порядокъ: а) краткая бесѣда о предметѣ, б) разложеніе слова, означающаго предметъ, на звуки, в) нахожденіе въ данномъ словѣ извѣстныхъ звуковъ, д) письмо слова и чтеніе написаннаго, е) составленіе при помощи разнѣной азбуки словъ и чтеніе ихъ.

На первомъ же урокѣ письма-чтенія, то-есть, на 4-й день поступленія въ школу, дѣти могли писать буквы, написанное прочесть, составленныя изъ этихъ печатныхъ буквъ слоги и слова тоже читали. Въ теченіе мѣсячнаго срока курсовъ, включая сюда и время на подготовительныя занятія, ученики, составлявшіе первую группу, поступившіе неграмотными, могли читать и писать слова и предложения; конечно, какъ чтеніе, такъ и письмо не отличалось бѣгlostію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно при сочетаніи двухъ согласныхъ съ гласною, работа эта давалась послѣ значительныхъ усилій, что объясняется не столько непосильностью для дѣтей самой работы,

сколько малоопытностью практиковавшихъ въ школѣ учителей, недостаточно усвоившихъ сущность звуковаго метода и тѣхъ разнообразныхъ приемовъ, которыми приходится пользоваться при звуковомъ обученіи грамотѣ; но къ концу курсовъ, послѣ достаточнаго ознакомленія учителей съ приемами при обученіи по звуковому методу, работа по обученію грамотѣ пошла быстрѣе.

По ариѳметикѣ запитія съ учепиками первой группы начались съ изученія чиселъ одинъ, два и три, причемъ съ помощью наглядныхъ пособій кубиковъ ариѳметическаго ящика и предметовъ, находящихслѣ въ классной комнатѣ, было дано понятіе объ „одинъ“, „много“, „нѣсколько“. При рѣшеніи задачъ въ предѣлахъ указанныхъ чиселъ учепики были ознакомлены съ лотомъ и его единицами меньшаго наименованія (три золотника), съ алтыномъ, равняющимся тремъ копейкамъ, съ саженью, заключающею въ себѣ три аршина, и въ предѣлахъ этихъ изученныхъ мѣръ предлагались для рѣшенія практическія задачи.

Для самостоятельныхъ занятій дѣтямъ первой группы предлагались слѣдующія работы: 1) письмо элементовъ буквъ, 2) рисованіе по клеткамъ рисунковъ, составленныхъ изъ прямыхъ линий, 3) составленіе словъ изъ разрывной азбуки, 4) письмо буквъ и словъ. Въ степени трудности предлагаемыхъ самостоятельныхъ работъ соблюдалась послѣдовательность, а также наблюдалась связь между самостоятельными работами и уроками съ учителемъ—первыя служили результатомъ и дополненіемъ послѣднихъ.

Со 2-й (средней) группой занятія состояли въ слѣдующемъ: 1) объяснительное чтеніе. Для занятій по объяснительному чтенію въ этой группѣ была избрана книга Ушинскаго „Родное слово“ годъ 2-й, изъ которой читались параллельно статьи изъ 1-го отдѣла „Вокругъ да около“, а изъ 2-го отдѣла „Времена года“ (Лѣто и др.). Было прочитано изъ указанной книги нѣсколько дѣловыхъ статей, бытовыхъ стихотвореній, пословицъ, поговорокъ и загадокъ. Объяснительному чтенію дѣловыхъ статей предшествовала бесѣда о предметѣ статьи, и самое чтеніе сопровождалось вещественнымъ разборомъ, чтеніе бытовыхъ статей—логическимъ разборомъ, чтеніе же стихотвореній, пословицъ, поговорокъ и загадокъ—логическимъ и смысловымъ разборомъ. Чтеніе статей сопровождалось также дѣленіемъ статьи на части и передачей ученикамъ содержанія статьи сначала по частнымъ вопросамъ, а затѣмъ по вопросамъ обобщеннымъ, обнимающимъ или извѣстную часть статьи, или всю статью. Для занятій по церковнославянскому языку,

во 2-й группѣ была избрана „Первая учебная книга церковнославянскаго языка“ С. Грушевскаго.

Занятія по ариметикѣ со второй группой начались бѣглымъ изученіемъ чиселъ первыхъ двухъ десятковъ, съ подробнымъ изученіемъ только нѣкоторыхъ чиселъ втораго десятка, въ виду того, что изученіе чиселъ первыхъ двухъ десятковъ составляетъ курсъ перваго года народной школы съ трехгодичнымъ курсомъ. Подробное изученіе нѣкоторыхъ чиселъ 2-го десятка обуславливалось необходимостью практически познакомить учителей съ приемами изученія чиселъ въ указанномъ предѣлѣ и подготовить учениковъ къ изученію чиселъ на дальнѣйшей ступени. При изученіи чиселъ 3, 4, 5 и т. д. десятковъ соблюдался слѣдующій порядокъ:

А. Знакомство съ цѣлымъ десяткомъ. 1, прямой счетъ постепеннымъ прибавленіемъ по единицѣ въ предѣлахъ десятка; 2, обратный счетъ постепеннымъ отниманіемъ по единицѣ; 3, постепенное увеличеніе даннаго числа прибавленіемъ къ нему другаго даннаго числа до тѣхъ поръ, пока получится то или другое число изучаемаго десятка; 4, постепенное уменьшеніе какого-либо изъ чиселъ десятка отниманіемъ даннаго числа; 5, писаніе чиселъ десятка при прямомъ и обратномъ порядкѣ счета и въ разбивку подъ диктовку учителя.

В. Разложеніе изучаемаго числа на слагаемыя и множители: 1) устное разложеніе на слагаемыя, 2) письменное разложеніе на слагаемыя, 3) устное разложеніе на множители, 4) письменное разложеніе на множители.

С. Выводы, какъ результатъ разложенія чиселъ десятка и провѣрка степеніи усвоенія изученнаго при различныхъ комбинаціяхъ чиселъ десятка, что служило также подготовкой къ быстрымъ вычисленіямъ при рѣшеніи практическихъ задачъ.

Д. Задачи. При рѣшеніи задачъ главнымъ образомъ было обращено вниманіе на то, чтобы вычисленія для отысканія неизвѣстныхъ второстепенныхъ и главныхъ производились на основаніи послѣдовательнаго отысканія связи между данными извѣстными и неизвѣстными, почему на первыхъ порахъ ученикамъ предлагались наводящіе вопросы, служившіе къ объясненію этой связи, переходя въ этомъ случаѣ отъ общаго главнаго неизвѣстнаго къ частнымъ второстепеннымъ или, такъ называемымъ, вспомогательнымъ неизвѣстнымъ, отъ ближайшихъ къ главному, къ отдаленнѣйшимъ, и затѣмъ самыя вычисленія производились въ обратномъ порядкѣ, доходя послѣдовательно, начиная съ послѣдняго частнаго неизвѣстнаго отдаленнѣйшаго, до

рѣшенія главнаго вопроса задачи. Для самостоятельныхъ работъ во 2-й группѣ по ариметикѣ предложено было ученикамъ письменное вычисленіе строчекъ и рѣшеніе задачъ по плану; образцомъ для послѣдней работы служили задачи, дѣланныя учениками подъ руководствомъ учителя.

Во 2-й группѣ, въ связи съ черченіемъ, велись уроки по родино-вѣдѣнію: ученики чертили планъ классной комнаты, дома, двора, постепенно уменьшая масштабъ, при чемъ указано различіе между рисункомъ и планомъ, и ознакомились съ странами свѣта — сѣверъ, югъ, востокъ, западъ, съ компасомъ и его назначеніемъ.

По письму ученикамъ 2-й группы были предлагаемы письменныя упражненія изъ „Практической грамматики“ Пуциковича (кругъ 1-й).

Для третьей группы книгой для чтенія была избрана „Нашъ Другъ“ Корфа, изъ которой были прочитаны нѣкоторыя статьи дѣловаго содержанія и нѣкоторыя стихотворенія. Грамматическія письменныя упражненія велись въ формѣ диктовки по книгѣ „Уроки правоисанія“ Пуциковича годъ 1-й и 2-й въ первую половину мѣсячнаго срока курсовъ и годъ 3-й во вторую половину того же срока, и для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій въ этой группѣ ученикамъ предлагались образцы изъ той же „Практической грамматики“ Пуциковича (кругъ 1-й и 2-й).

Занятія съ 3-й группой по родино-вѣдѣнію шли тѣ же, что и во 2-й, въ виду незнакомства учениковъ съ этимъ предметомъ.

По ариметикѣ въ этой группѣ были пройдены выводы и опредѣленія 4-хъ ариметическихкихъ дѣйствій, рѣшено было нѣсколько задачъ на составныя именованныя числа.

Обученіе пѣнію въ образцовой школѣ велось по цифирной методѣ. Послѣ упражненій учениковъ въ умѣннѣ различать высшій и низшій тоны голоса и инструмента (скрипки), руководитель приступилъ къ ознакомленію учениковъ съ первыми 5-ю тонами: 1 (до), 2 (ре), 3 (ми), 4 (фа), 5 (соль), а затѣмъ къ знакомству съ цѣлой октавой и съ полутонами между 3 и 4, 7 и 1. По изученнымъ потамъ ученики пѣли на 2 голоса „Господи помилуй“, молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, „Отче нашъ“ и другія. Изъавившихъ желаніе давать уроки пѣнія во временной образцовой школѣ было 8 учителей и столько же учительницъ.

Уроки гимнастики даваемы были приглашеннымъ для того учителемъ Рашевскаго двухкласснаго училища.

Занятія по гимнастикѣ преподаватель раздѣлялъ на занятія съ

командированными учителями и учениками образцовой школы. Они состояли въ упражненіяхъ шейныхъ, ручныхъ, ножныхъ и др. мускуловъ и въ маршировкѣ, согласно указаніямъ Шмидта въ его „Руководствѣ“ для сельскихъ школъ.

Въ первые четыре дня всѣ уроки были даны руководителемъ по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ курсъ народной школы; затѣмъ занимались учителя и руководитель, послѣдній въ срединѣ курсовъ давалъ уроки въ то время, когда на очереди была поставленъ отдѣлъ предмета, требующій при разработкѣ его съ учениками пріемовъ, отличающихся чѣмъ бы то ни было отъ пріемовъ прежде указанныхъ. Такъ руководителемъ были ведены предварительныя занятія, предшествующія обученію грамотѣ, были даны уроки по обученію нисмычтенію, объяснительному чтенію, по ариѳметикѣ, всѣ ступени изученія чиселъ и рѣшенію задачъ, первые уроки бесѣдъ по родиновѣдѣнію и по отечествовѣдѣнію, уроки диктанта.

Каждымъ изъ учителей, учительницъ и кандидатовъ было дапо по два, а нѣкоторыми по три урока совмѣстнаго занятія съ тремя группами, при чемъ всѣми учителями было дано по уроку въ первую половину того же срока.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, въ чемъ состояли практическія занятія на краткосрочныхъ курсахъ въ образцовой школѣ.

Теоретическія бесѣды ежедневно продолжались отъ 5-ти часовъ до 7-ми пополудни. Предметомъ этихъ бесѣдъ было: 1) распредѣленіе учебнаго матеріала (въ частности по каждому предмету) въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и какія свѣдѣнія по родиновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію должны быть сообщаемы ученикамъ народной школы; 2) разборъ и изученіе учебниковъ и руководствъ, обнимающихъ матеріалъ учебнаго курса начальной школы, въ связи съ изученіемъ главнѣйшихъ положеній методики предметовъ народной школы; 3) обсужденіе уроковъ, данныхъ въ образцовой школѣ какъ руководителемъ, такъ и учителями; 4) школьная дисциплина, и 5) разсмотрѣніе письменныхъ работъ учителей.

При распредѣленіи учебнаго матеріала, соответствующаго трехгодичному курсу народной школы, главнымъ образомъ имѣлась въ виду программа для одноклассныхъ образцовыхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Что касается учебниковъ и руководствъ, то изъ нихъ подробно были изучены тѣ, которыми съѣхавшимся учителямъ главнымъ образомъ приходилось пользоваться въ своей школьной практикѣ. Такъ были изучены: предназначенная для 1-й группы

учениковъ книга „Родное Слово“ годъ 1-й; для 2-й группы „Родное Слово“ годъ 2-й, для третьей группы „Нашъ Другъ“, „Уроки правописанія“ Пуциковича для учителя (2 книги) годъ 1-й и 2-й и годъ 3-й, „Практическая русская грамматика“ его же, „Руководство къ обученію письму“ Гербача, „Руководство къ преподаванію начальной арифметики“ Евтушевскаго; разсмотрѣны также „Географія“ и „Русская исторія“ Пуциковича; указы учителямъ руководства къ обученію пѣнію по цифрамъ. Бесѣды по методикѣ велись въ связи съ изученіемъ перечисленныхъ руководствъ и съ обсужденіемъ уроковъ, данныхъ въ образцовой школѣ. Въ бесѣдахъ о школьной дисциплинѣ были выяснены тѣ правила и положенія, которыми учитель долженъ руководиться какъ по отношенію къ себѣ, такъ и по отношенію къ ученикамъ, чтобы школьное обученіе имѣло характеръ воспитательный. При этомъ было сказано о важности и необходимости приготовления учителя къ уроку и о выработкѣ приѣма, которымъ учитель въ своей школьной практикѣ долженъ руководствоваться при провѣркѣ и оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ своихъ уроковъ, при отысканіи причинъ успѣшности и безуспѣшности въ ученіи порученныхъ ему учениковъ. Въ связи съ изложеніемъ главныхъ методическихъ положеній, въ связи съ критическимъ разборомъ уроковъ по отношенію къ ясности и наглядности въ изложеніи послѣднихъ, было указано: когда и какъ пользоваться наглядными пособіями при обученіи тому или другому предмету, и между прочимъ было указано, когда и какъ учитель долженъ пользоваться картинками, географическими картами, русскими торговыми и шведскими счедами, русскими мѣрами длины, емкости и пр.; указана была необходимость составленія коллекцій мѣстныхъ произведешій, что составляетъ пезамѣнимое подспорье для уроковъ родиновѣдѣнія и объяснительнаго чтенія. Въ заключеніе учителямъ и учительницамъ были рекомендованы руководства, необходимыя для ихъ самообразованія.

16-го августа 1881 года, въ г. Кременчугѣ, въ зданіи городского трехкласснаго училища, инспекторомъ народныхъ училищъ 6-го района открыты были временные педагогическіе курсы для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ Кременчугскаго и Золотоношакаго уѣздовъ. Послѣ обычнаго молебствія, сказано было о. законоучителемъ училища приличное случаю назидательное слово, въ которомъ указаны тѣ высокія задачи, которыя возлагаются на народныхъ учителей, указана важность для учебнаго дѣла того живаго, братскаго единенія, въ какомъ живутъ учителя въ продолженіе

курсовъ, составляя одну дружную семью и преслѣдуя одну цѣль — усвоеніе лучшихъ, легчайшихъ и вѣрвѣйшихъ способовъ къ умственному развитію и нравственному усовершенствованію народныхъ массъ; указана, наконецъ, необходимость въ дѣятельности учителей того истиннаго свѣта, который одинъ можетъ просвѣтить умъ и сердце, не извращая ихъ какими-либо ложными внушеніями, а развивая и направляя ихъ въ духѣ единой вѣчной истины, данной человечеству Просвѣтителемъ міра. Затѣмъ, инспекторомъ выиспены были основанія правилъ о курсахъ и, согласно этимъ правиламъ, немедленно начаты работы.

Курсы открылись вмѣстѣ съ началомъ годовыхъ запятій въ училищѣ, при которомъ они состояли; такимъ образомъ слушатели курсовъ должны были видѣть и поступленіе новыхъ учениковъ, и распределеніе ихъ по группамъ, и вообще все, что обыкновенно бываетъ въ школѣ при началѣ учебнаго года. Первые уроки даны были учителемъ группъ, служившихъ образцовой школой, и на эти первые уроки обращено было особое вниманіе слушателей курсовъ, потому что, какъ показалъ опытъ, неумѣніе правильно и твердо поставить школьное дѣло въ самомъ началѣ ведетъ обыкновенно къ неправильностямъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, и такимъ образомъ получаются нерѣдко далеко не тѣ результаты, которыхъ ждетъ учитель, даже способный и усердный. Затѣмъ даны были уроки всѣми приглашенными на курсы учителями, учительницами и кандидатами учителей—такимъ образомъ, что при переходахъ къ новымъ отдѣламъ принятыхъ руководствъ, гдѣ требовалась особенная точность и правильность въ дѣлѣ, одинъ или два урока давались лучшимъ, болѣе опытнымъ учителемъ; такой же приемъ практиковался и въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось поправить дѣло, нѣсколько испорченное неопытнымъ учителемъ. Этимъ достигалась возможность вести школу правильно и точно выполнять намѣченный планъ. Основными источниками для работъ во всѣхъ трехъ группахъ образцовой школы при курсахъ служили два методическія руководства, по двумъ главнымъ предметамъ курса начальной народной школы: „Родной языкъ“ Бунакова и „Методика“ Егугушевскаго. Изъ 50-ти прибывшихъ на курсы учителей (большею частію помощниковъ учителей) и кандидатовъ, только нѣсколько человекъ знакомы были, болѣе или менѣе, съ необходимыми методическими положеніями и вообще съ правильнымъ порядкомъ веденія учебнаго дѣла; всѣ остальные, большею частію окончившіе, или даже неокончившіе курса уѣздныхъ и духовныхъ

училищъ и женскихъ прогимназій, не имѣли самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по методикѣ предметовъ, входящихъ въ курсъ начальной народной школы. Уроки, даваемые въ известный день, разбирались на вечернихъ занятіяхъ, при чемъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду опредѣлить, на сколько дававшій урокъ приблизился къ своему источнику, или отступилъ отъ него, самостоятельно ли онъ отнесся къ образцовому уроку въ руководствѣ, или пассивно слѣдовалъ ему и т. д. Общій планъ, которому слѣдовали учителя, какъ при разработкѣ урока, конспектъ котораго каждый изъ нихъ долженъ былъ представить прежде исполненія его въ образцовой школѣ, такъ и при разборѣ исполненнаго уже въ школѣ урока примѣнительно къ методическимъ руководствамъ, заключалъ въ себѣ слѣдующія положенія: а) связь урока съ предыдущимъ, б) цѣль и планъ урока, в) выполнение плана, г) языкъ учителя, д) на сколько самостоятельно работали ученики во время урока, — достигнута ли цѣль урока, е) каковы были отношенія учителя къ ученикамъ, — дисциплина на урокѣ. Послѣ практической разработки каждаго отдѣла методическаго руководства въ образцовой школѣ, слушатели курсовъ должны были дать устный и письменный отчетъ по этому отдѣлу, во время вечернихъ занятій. Въ бесѣдахъ по поводу отчета по отдѣлу сравнивались уроки, даваемые учителями, съ образцовыми уроками, помѣщенными въ изучаемомъ отдѣлѣ руководства, указывались недостатки первыхъ сравнительно съ послѣдними, уклоненія отъ образцовъ или слишкомъ пассивное слѣдованіе образцамъ, препятствовавшія успѣху дѣла; указывались достоинства уроковъ, содержавшихъ самостоятельное и толковое отношеніе къ источнику, и потому давшихъ положительныя, для всѣхъ очевидныя результаты, и наконецъ изученіе отдѣла завершалось правильнымъ и связнымъ изложеніемъ его въ цѣломъ, а письменныя работы по отдѣлу, которыя обязательно должны были исполнить всѣ слушатели курсовъ, закрѣпляли въ ихъ памяти какъ общій планъ, такъ и подробности выполненія работъ по изученному отдѣлу.

Успѣшному выполненію курсовыхъ работъ, при такомъ значительномъ количествѣ слушателей, много помогало то, что всѣ они жили, въ продолженіе мѣсяца, на общихъ квартирахъ. На деньги, ассигнованныя Кременчугскимъ и Золотоношскимъ земствами, приисканы были три большія квартиры: на одной изъ нихъ помѣщены были учительницы и кандидатки, а на двухъ учителя и кандидаты. Квартиры эти находились подъ непосредственнымъ и постояннымъ наблюденіемъ

мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ. Помимо прямыхъ хозяйственныхъ выгодъ такого устройства жизни учителей, оно оказалось въ высшей степени удобнымъ, какъ показалъ уже двухгодичный опытъ, въ педагогическомъ отношеніи. Однимъ изъ самыхъ важныхъ, по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ, условій учрежденія временныхъ педагогическихъ курсовъ является, безспорно, то, что учителя самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой сельскихъ школъ, служа одному и тому же дѣлу, на курсахъ знакомятся между собою, узнаютъ одинъ у другаго условія жизни и порядки, заведенные въ различныхъ школахъ, обмѣниваются взглядами на дѣло, одинаково всѣхъ ихъ интересующее, и такимъ образомъ хоть немного расширяютъ своей узкій, обусловленный въ большинствѣ нашихъ селъ и деревень крайне тѣсными условіями жизни, умственный кругозоръ. Живое братское единеніе и солидарность учителей на курсахъ нравственно освѣжаетъ и возвышаетъ многихъ изъ нихъ; а польза совмѣстной работы, имѣющей одну цѣль и хорошо направленной, вполне очевидна.

Полученные на курсахъ результаты могутъ быть названы удовлетворительными. Курсовыя занятія, исполненные всѣми слушателями сознательно и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, заключались въ слѣдующемъ: прежде всего учителямъ были сообщены элементарныя свѣдѣнія о необходимыхъ педагогическихъ приемахъ, вызываемыхъ самою задачей народной школы. Школа должна не только научить дѣтей грамотѣ и сообщить имъ кое-какія практическія знанія и умѣнія, но также развить душевныя силы ребенка-ученика, чтобы онъ ясно повилъ впоследствии значеніе знаній, полюбилъ ихъ, научился сознательно пріобрѣтать ихъ и пользоваться ими для своего и общаго блага. Но чтобы выполненіе такой задачи было для школы возможно, необходимо, чтобы народный учитель зналъ природу своихъ учениковъ, зналъ тѣ пути, по которымъ идетъ развитіе ума ребенка. Незнаніе этого составляло большой недостатокъ нашей старой школы. Отсутствие, на примѣръ, вниманія со стороны дѣтей, разсѣянность, разговоры одного ученика съ другимъ во время уроковъ, зависятъ часто отъ неумѣнія привлечь всѣхъ къ общей работѣ, заинтересовать ихъ дѣломъ, и такимъ образомъ не дать имъ возможности придумывать что нибудь, не идущее къ дѣлу и мѣшающее общей работѣ. Школа не знала, что умъ ребенка не можетъ долго оставаться въ бездѣятельности, и что если ему дѣятельности не даютъ, то онъ самъ ее изобрѣтаетъ помимо учителя. Необходимы педагогическія свѣдѣнія,

выведенныя изъ практики во время курсовыхъ работъ, изложены были, въ концѣ курсовъ, въ опредѣленной системѣ и записаны учителями въ свои тетради.

Далѣе были изложены программы и значеніе каждаго изъ предметовъ, входящихъ въ курсъ начальной народной школы. При преподаваніи Закона Божія, указано было на важность правильнаго усвоенія дѣтьми главнѣйшихъ религіозныхъ истинъ, служащихъ основными руководителями въ жизни нашего простаго народа; заботиться о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своихъ учениковъ составляетъ прямой долгъ и обязанность учителя, потому что только при такомъ направленіи школы она будетъ наиболѣе близка сердцу народа, въ наилучшемъ смыслѣ будетъ „народной“ школой. Отсюда необходимость для учителя сообщать дѣтямъ простыя религіозно-нравственныя истины въ общедоступной формѣ и объяснять главнѣйшія молитвы.

Точно также выяснены были значеніе и способы преподаванія въ народной школѣ русскаго языка, ариѳметики, пѣнія и гимнастики.

Въ концѣ курсовыхъ занятій выяснено было, что личность учителя какъ въ зеркалѣ отражается на его ученикахъ, что чѣмъ способнѣе, усерднѣе и преданнѣе своему дѣлу учитель, чѣмъ тверже, опредѣленнѣе, настойчивѣе относится онъ къ дѣлу, тѣмъ лучше идетъ дѣло, тѣмъ менѣе чувствуется потребность въ какихъ либо искусственныхъ мѣрахъ для сдерживанія класса во время работъ, и тѣмъ лучшіе получаютъ результаты; напротивъ, чѣмъ учитель слабѣе, чѣмъ равнодушнѣе онъ къ дѣлу и дальше отъ дѣтей, чѣмъ менѣе у него энергіи, преданности и любви къ дѣлу, тѣмъ неизбѣжнѣе становится потребность во внѣшнихъ, искусственныхъ мѣрахъ для достиженія какихъ либо результатовъ. Подтвержденіемъ этого педагогическаго положенія послужило сравненіе состоянія школъ, которыми завѣдываютъ прибывшіе на курсы учителя. Отсюда было выведено понятіе о дисциплинѣ, какъ живой системѣ нравственно-воспитательнаго вліянія учителя и всего строя школы на учащихся. Школа должна имѣть цѣлю образованіе въ учащихся нравственной выдержки, устойчиваго характера, сознательнаго подчиненія закону, навыка разумно трудиться и испытывать наслажденіе въ трудѣ, въ побѣдѣ надъ трудностями. А потому школьная дисциплина должна избѣгать всего давящаго, мрачнаго, устрашающаго, а напротивъ, заботиться о свѣтломъ, живомъ настроеніи учащихся, о непринужденномъ отношеніи

ихъ къ учителю, о взаимномъ довѣрїи, уваженїи къ личности и откровенности.

Курсы закончились молебствїемъ съ паиздательнымъ словомъ законоучителя училища. Затѣмъ былъ исполненъ всеми слушателями курсовъ и дѣтьми образцовой школы народный гимнъ и розданы слушателямъ курсовъ свидѣтельства объ ихъ занятїяхъ на курсахъ.

ВОЗЗРѢНІЯ ЕВРИПИДА НА СОСЛОВІЯ И СОСТОЯНІЯ, ВНУТРЕННЮЮ И ВНѢШНЮЮ ПОЛИТИКУ АѢИИЪ.

I, Богатые и бѣдные, благородные и неблагородные, рабы и свободныя.

Извѣстно, что самыя знатныя и аристократическія роды у Эллиповъ вели свое происхожденіе отъ разныхъ мифическихъ героевъ, ἀνδρῶν ἠρώων; а эти послѣдніе, по словамъ Исіода (Op. et D., 157), были θεῶν γένος, слѣд. и аристократы такъ или иначе, чрезъ болѣе или менѣе длинный рядъ предковъ, происходили отъ самихъ боговъ и богинь, или по крайней мѣрѣ отъ полубоговъ. Такимъ образомъ уже самое происхожденіе аристократовъ отличало ихъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ, не имѣвшихъ чести быть въ родствѣ съ богами, и окружало ихъ какъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ толпы ореоломъ величія и превосходства, независимо отъ ихъ богатства, личныхъ достоинствъ и значенія въ государствѣ.

Во времена Еврипида, въ его отечествѣ, благодаря полному развитію демократическихъ принциповъ, безусловнаго уваженія и преклоненія предъ аристократіею, конечно, уже не могло быть. Хотя аѢинская аристократія не утратила еще своей жизненности и временами весьма энергически проявляла свою силу, однакожъ демократическое государственное устройство съ одной стороны и развитіе торговли и промышленности съ другой позволили и лицамъ, неимѣвшимъ за собою длиннаго ряда знатныхъ предковъ, выдвигаться своими талантами и богатствомъ и даже затмѣвать славу и значеніе чистокровныхъ ари-

стократовъ ¹⁾, изъ которыхъ къ тому же многіе, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, обидѣли и утратили свое политическое и общественное значеніе тѣмъ скорѣе и легче, что нѣкоторые изъ нихъ считали несовмѣстнымъ съ своимъ аристократическимъ происхожденіемъ заниматься, для поправленія своихъ дѣлъ, какими нибудь ремеслами и мелкими промыслами ²⁾.

Потому въ трагедіяхъ Еврипида, которыя, кромѣ взглядовъ самаго автора, представляютъ вѣрное отраженіе разнообразныхъ мнѣній тогдашняго общества, находится сравнительно мало заявленій и выраженій, въ которыхъ аристократическое происхожденіе выхвалялось бы само по себѣ, независимо отъ личныхъ достоинствъ и богатства ³⁾, хотя при этихъ послѣднихъ качествахъ благородное происхожденіе и не считалось лишнимъ ⁴⁾.

¹⁾ См. рѣчь Перикла, *Θυκ.* II, 37.

²⁾ Eurip. fr. 287. ὄστις δὲ γαῦρον σπέρμα γενναίων τ' ἔχων
βίου σπανίζει, τῷ γένει μὲν εὐτυχεῖ,
πενία δ' ἐλάσσων ἐστίν, ἐν δ' ἀλγύεται
φρονῶν, ὅπ' αἰδοῦς δ' ἔργ' ἀπωθεῖται χερῶν.

³⁾ Къ такимъ заявленіямъ можно отнести вмѣстѣ съ Шенклемъ (*Polit. Ansch. d. Eurip. v. 38*) fr. 409, 234, 1051, 602, 739. Впрочемъ, и эти немногія мѣста не могутъ считаться несомнѣнными: отрывочность этихъ строкъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ, не позволяетъ заключать навѣрно, о какомъ благородствѣ предковъ идетъ въ нихъ рѣчь, о родовитости ли только или благородствѣ личномъ, какъ понималъ благородство самъ Еврипидъ, или, наконецъ, о томъ и другомъ вмѣстѣ.

fr. 409. τὴν εὐγένειαν, κἄν ἀμορφος ἢ γάμος
τιμῶσι πολλοὶ πρὸς τέκνων χάριν λαβεῖν
τό τ' ἀξίωμα μᾶλλον ἢ τὰ χρήματα.
γάμος | γυνή Nauck. τιμῶσι | θηρῶσι Herwerden p. 51.

fr. 234. ἐν τοῖς τέκνοις γὰρ ἀρετὴ τῶν εὐγενῶν
ἔλαμψε, κρείσσόν τ' ἐστὶ πλουσίου γάμου
γένος· πένης γὰρ οὐκ ἐκείν' ἀπόλεσεν
τὸ τοῦ πατρὸς γενναῖον.

fr. 1051. εἰ τοῖς ἐν οἴκῳ χρήμασιν λελεῖμμεθα,
ἢ δ' εὐγένεια καὶ τὸ γενναῖον μένει.

fr. 739. φεῦ φεῦ, τὸ φῦναι πατρὸς εὐγενοῦς ἀπο
δοσὴν ἔχει φρόνησιν ἀξιώμα' τε.
κἄν γὰρ πένης ὦν τυγχάνῃ, χρηστὸς γεγώς
τιμὴν ἔχει τιν', ἀναμετρούμενος δὲ πως

5 τὸ τοῦ πατρὸς γενναῖον ὠφελεῖ τρόφῳ.
⁴⁾ ndr. XO. ἢ μὴ γενοίμαν στρ.

Гораздо болѣе и рѣшительнѣе однакоже выступаетъ значеніе богатства; благородство, какъ по происхожденію, такъ и по личнымъ достоинствамъ, отступаетъ въ глазахъ людей на задній планъ предъ богатствомъ. Всякій почетъ, уваженіе и значеніе въ обществѣ доставляетъ уже богатство, а не благородное происхожденіе, въ которомъ безъ богатства стало уже мало толку ¹⁾). Въ глазахъ массы благороденъ сталъ тотъ, въ чьихъ рукахъ долѣе сохраняется богатство, благодаря которому самые ничтожные люди дѣлались самыми важными и могущественными ²⁾). Богатый человѣкъ, будь онъ даже рабъ по своему происхожденію, пользуется гораздо бѣльшимъ почетомъ и уваженіемъ, чѣмъ благородный бѣднякъ (fr. 143 ³⁾). Потому Полиникъ, на вопросъ матери, „неужели и твое знатное происхожденіе не дало тебѣ высокаго общественнаго положенія“? печально отвѣчаетъ: Плохо не имѣть ничего; знатное происхожденіе не доставляло мнѣ средства къ жизни (Phoen. 404 ch.). Естественно, что при такомъ поклоненіи золотому тельцу, богатство, какъ всегда и вездѣ, предпочиталось благородному происхожденію и въ брачныхъ союзахъ; даже и тѣ, которые

-
- ἢ πατέρων ἀγαθῶν
εἶην πολυκτῆτων τε δόμων μέτοχος.
- 770 εἴ τι γὰρ πάσχοι τις ἀμήχανον, ἀλκᾶς
οὐ σπάνις εὐγενείαις,
κηρυσσομένοισι δ' ἀπ' ἐσθλῶν δωμάτων
τιμὰ καὶ κλέος·
- ¹⁾ Phoen. Πο. 440 τὰ χρήματ' ἀνθρώποισι τιμιώτατα
δύναμιν τε πλείστην τῶν ἐν ἀνθρώποις ἔχει.
ἀγῶ μεθήκω δεῦρο μυρία ἀγων
λόγγην· πένης γὰρ οὐδὲν εὐγενῆς ἀνὴρ. Ср. fr. 327.
- ²⁾ fr. 22. τὴν δ' εὐγένειαν πρὸς θεῶν μὴ μοι λέγε·
ἐν χρήμασιν τόδ' ἐστὶ, μὴ γαυροῦ, πάτερ.
κύκλι γὰρ ἔρπει· τῷ μὲν ἐσθ', ὃ δ' οὐκ ἔχει·
κοινοῖσι δ' αὐτοῖς χρώμεθ'· ᾧ δ' ἂν ἐν δόμοις
5 χρόνον συνοικῆ πλείστον, οὗτος εὐγενῆς.
fr. 96. ἀλλ' οὐδὲν ηὐγένεια πρὸς τὰ χρήματα·
τὸν γὰρ χάριστον πλοῦτος εἰς πρώτους ἀγει.
- ³⁾ fr. 143. χρυσὸν μάλιστα βούλομαι δόμοις ἔχειν·
καὶ δοῦλος ὢν γὰρ τίμιος πλουτῶν ἀνὴρ,
ἐλεύθερος δὲ χρεῖος ὢν οὐδὲν σθένει.
χρυσοῦ νόμιζε σαυτὸν εἶνεχ' εὐτυχεῖν.
fr. 327. κρείσσων γὰρ οὐ τις χρημάτων πέφυκ' ἀνὴρ,
πλὴν εἴ τις· ὅστις δ' οὗτός ἐστιν οὐχ ὀρῶ.

повидимому цѣннѣе и восхваляютъ благородство, все-таки предпочитаютъ породниться съ богатыми, а не съ благородными ¹⁾). Въ друзьяхъ, само собою разумѣется, богатые также не имѣютъ недостатка; напротивъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ ихъ бываетъ обыкновенно слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что счастливые и богатые мало имѣютъ нужды въ друзьяхъ ²⁾). Такимъ образомъ, въ глазахъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ богатствомъ соединяются всѣ блага земныя: оно открываетъ доступъ къ удовольствіямъ и спасаетъ отъ бѣды ³⁾; оно есть высшее благо и счастье, къ которому всѣ стремятся или, выражаясь словами циника-скептика Киклопа, благоразумные и практическіе люди должны почитать одно богатство, а все остальное, въ томъ числѣ и боги,—вздоръ и пустая болтовня ⁴⁾).

Философъ Еврипидъ, какъ человѣкъ мыслящій, понятно не могъ раздѣлять этихъ воззрѣній массы ⁵⁾, а какъ поэтъ—учитель взрослыхъ считалъ долгомъ протестовать противъ слѣпаго поклоненія золотому тельцу и увлеченія богатствомъ, которое по его словамъ такъ

-
- ¹⁾ fr. 328. ἀρ' οἷσθ' ὀθούνεχ' οἱ μὲν εὐγενεῖς βροτῶν
 πένητες ὄντες οὐδὲν ἀλφάνουα' ἐτι,
 οἳ δ' οὐδὲν ἦσαν πρόσθεν, ὀλβιοὶ δὲ νῦν,
 δόξαν φέρονται τοῦ νομίσματος χάριν
 5 καὶ συμπλέκοντες σπέρμα καὶ γάμους τέκνων;
 δοῦναι δὲ πᾶς τις μᾶλλον ὀλβίῳ κακῷ
 πρόθυμός ἐστιν ἢ πένητι κάγαθῷ·
 κακός δ' ὁ μὴ ἔχων, οἳ δ' ἔχοντες ὀλβιοί.
 fr. 399. πλοῦτου δ' ἀπορρυέντος ἀσθενεῖς γάμοι·
 τὴν μὲν γὰρ εὐγένειαν αἰνοῦσιν βροτοί,
 μᾶλλον δὲ κηδεύουσι τοῖς εὐδαίμοσιν.
²⁾ fr. 465. ἐπίσταμαι δὲ καὶ πεπεῖραμαι λίαν,
 ὡς τῶν ἐχόντων πάντες ἄνθρωποι φίλοι.
 fr. 611. ἐν τοῖσι μὲν δεινοῖσιν ὡς φίλοι φίλων·
 ὅταν δὲ πράξωσ' εὖ, διωθεῖνται χάριν
 αὐτοὶ δι' αὐτοὺς εὐτυχεῖν ἡγοῦμαι.
³⁾ fr. 643. οὐ γὰρ παρὰ κρατῆρα καὶ θοῖνην μόνον
 τὰ χρήματ' ἀνθρώποισιν ἡδονὰς ἔχει,
 ἀλλ' ἐν κακοῖσι δύναμιν οὐ μικρὰν φέρει.
⁴⁾ Cycl. KY. ὁ πλοῦτος, ἀνθρωπίσκα, τοῖς σοφοῖς θεός·
 τὰ δ' ἄλλα κόμποι καὶ λόγων εὐμορφία.
⁵⁾ fr. 20. μὴ πλοῦτον εἵπης· οὐχὶ θαυμάζω θεόν,
 ὃν χῶ κάκιστος ραδίως ἐκτίσαστο.

же какъ и бѣдность бываетъ нерѣдко причиною многихъ золъ ¹⁾; потому въ его трагедіяхъ очень часто встрѣчаются жалобы на чрезмѣрное и безотчетное преклоненіе предъ богачами и презрѣніе къ бѣднякамъ. Теперь считается первымъ тотъ, кто богатъ; личныя достоинства и заслуги отходятъ уже на второй планъ ²⁾. Люди имѣютъ обыкновеніе считать мудрыми рѣчи богатыхъ людей и смѣяться, когда дѣльно говорить бѣдный человѣкъ; я же напротивъ нерѣдко замѣчаю, что бѣдные бываютъ мудрѣе богатыхъ, точно также, какъ бываютъ и благочестивѣе богатыхъ, хотя приносятъ очень скромныя жертвы ³⁾, сравнительно съ богачами, которые часто бываютъ умны только относительно приобрѣтенія богатствъ, но такіе мудрецы заслуживаютъ скорѣе презрѣнія, чѣмъ уваженія ⁴⁾. Не золото и серебро должно имѣть цѣну у людей, а добродѣтель, потому что богатый, но невѣжественный и лишенный добродѣтели человѣкъ, бесполезенъ ⁵⁾. Мало

- 1) fr. 810. ὦ πλοῦθ', ὅσφ μὲν ῥᾶστον εἰ βάρος φέρειν,
πόνοι δὲ κἀν σοὶ καὶ φθοραὶ πολλαὶ βίου
ἔνειο· ὁ γὰρ πᾶς ἀσθενὴς αἰὼν βροτοῖς.
- 2) fr. 633. πολλῶν τὰ χρήματ' αἰτί' ἀνθρώποις κακῶν.
fr. 379. νῦν δ' ἦν τις οἴκων πλουσίαν ἔχῃ φάττην,
πρῶτος γέγραπται τῶν τ' ἀρειόνων κρατεῖ.
τὰ δ' ἔργ' ἐλάσσω χρημάτων νομίζομεν.
- 3) fr. 329. φιλοῦσι γάρ τοι τῶν μὲν ὀλβίων βροτοὶ
σοφοῦς ἠγεῖσθαι τοὺς λόγους, ὅταν δὲ τις
λεπτῶν ἀπ' οἴκων εὐ λέγῃ πένης ἀνὴρ,
γελᾷν· ἐγὼ δὲ πολλάκις σοφωτέρους
5 πένητας ἀνδρας εἰσορῶ τῶν πλουσίων
καὶ θεοῖσι μικρὰ χειρὶ θύοντας τέλη
τῶν βουθυτούντων ὄντας εὐσεβεστέρους.
Cp. fr. 584. Ἀγάμεμνον, ἀνθρώποισι πᾶσι χρήματα
μορφὴν ἔχουσι, συντρέχει δ' εἰς ἓν τόδε·
τούτων δὲ πάντες, οἳ τε μουσικῆς φίλοι
ἄσοι τε χωρὶς ζῶσι, χρημάτων ὑπερ
5 μοχθοῦσιν, ὅς δ' ἂν πλείστ' ἔχῃ σοφώτατος.
- 4) fr. 250. οὐκ ἔστι πενίας ἱερὸν αἰσχίστης θεοῦ.
μισῶ γὰρ ὄντως οἵτινες φρονοῦσι μὲν,
φρονοῦσι δ' οὐδενός γε χρημάτων ὑπερ.
- 5) fr. 546. οὔτοι νόμισμα λευκὸς ἄργυρος μόνον
καὶ χρυσός ἐστιν, ἀλλὰ χάρετὴ βροτοῖς
νόμισμα κείται πᾶσιν, ἣ χρῆσθαι χρεῶν.
fr. 163. ἀνδρὸς φίλου δὲ χρυσὸς ἀμαθίας μέτα
ἄχρηστος, εἰ μὴ χάρετὴν ἔχων τύχοι.

того, въ рукахъ подобныхъ людей богатство даже вредно: богатство и жадность къ приобрѣтенію дѣлають ихъ несправедливыми, надменными, недоступными для друзей и бесполезными для государства ¹⁾, а привычка къ роскоши дѣлають ихъ извѣженными и лишаетъ энергии и мужества; въ этомъ отношеніи богатство значительно уступаетъ бѣдности, такъ какъ эта послѣдняя приучаетъ людей къ умѣренной и дѣятельной жизни ²⁾. Потому оцѣнивать людей сообразно съ ихъ состояніемъ и считать богачей добродѣтельными и честными только ради ихъ богатства точно также не справедливо, какъ порицать и считать человѣка дурнымъ потому только, что онъ бѣденъ; это значитъ пользоваться плохимъ критеріемъ. Хотя бѣдность сама по себѣ есть несчастье и нерѣдко увлекаетъ человѣка къ дурнымъ поступкамъ, заставляя его стремиться къ присвоенію чужаго, однакожь презирать человѣка за бѣдность и считать его ничего нестоящимъ по меньшей мѣрѣ несправедливо, тѣмъ болѣе, что бѣдняки часто бы-

- fr. 1054. χρυσὸν σὲ πλῆθει, τοῦσδε δ' οὐ χαίρειν χρεῶν;
σκαῖον τὸ πλουτεῖν κάλλο μῆδ' ἐιδέναι.
- ¹⁾ fr. 440. ὀρῶ δὲ τοῖς πολλοῖσιν ἀνθρώποις ἐγὼ
τίκτουσαν ὕβριν τὴν πάροιθ' εὐπραξίαν.
- fr. 441. ὕβριν τε τίκτει πλοῦτος, οὐ φειδῶ βίου.
- fr. 93. ἴστω τ' ἄφρων ὦν ὅστις ἀνθρώπος γεγώς
δῆμον κολοῦει χρήμασιν γαυρούμενος.
- fr. 429. ὅστις γὰρ ἀστῶν πλέον ἔχειν πέφυκ' ἀνὴρ,
οὐδὲν φρονεῖ δίκαιον οὐδὲ βούλεται
φίλοις τ' ἄμικτός ἐστι καὶ πάσῃ πόλει.
- Herc. Fur. 775 ὁ χρυσὸς ἄ τ' εὐτυχία
φρενῶν βροτοῦς ἐξάγεται,
δύνασιν ἀδικῶν ἐφίλων.
- ²⁾ fr. 642. πλουτεῖς, τὰ δ' ἄλλα μὴ δόκει ξυνιέναι·
ἐν τῷ γὰρ ὄλβῳ φαυλότης ἔνεστί τις,
πενία δὲ σοφίαν ἔλαχε διὰ τὸ συγγενές.
- fr. 55. κακόν τι παιδεύμ' ἴν' ἄρ' εἰς εὐανδρίαν
ὁ πλοῦτος ἀνθρώποισιν αἴ τ' ἄγαν τρυφαί·
πενία δὲ δύστηνον μὲν, ἀλλ' ὄμως τρέφει
μοχθοῦντ' ἀμείνω τέχνα καὶ δραστήρια.
- fr. 237. πλουτεῖς· ὁ πλοῦτος δ' ἀμαθία δειλόν θ' ἄμα.
- fr. 773. δειλόν γε, τοῖς πλουτοῦσι τοῦτο δ' ἔμφοτον,
σκαίοισιν εἶναι· τί ποτε τοῦδε γ' αἴτιον;
ἄρ' ὄλβος αὐτοῖς ὅτι τυφλὸς συνηρετεῖ,
τυφλὰς ἔχουσι τὰς φρένας καὶ τῆς τύχης;

вають добродѣтельнѣе, честнѣе и мужественнѣе родовитыхъ и неродовитыхъ богачей ¹⁾).

Изъ всѣхъ этихъ протестовъ противъ поклоненія богатству нельзя однакожъ заключать, что Еврипидъ былъ врагомъ богатства и поклонникомъ бѣдняковъ. Нѣтъ, онъ протестуетъ только противъ преклоненія предъ богатствомъ и презрѣнія къ бѣднякамъ на основаніи ихъ имущественнаго положенія. Тѣмъ, которые желаютъ занимать высокое общественное положеніе, играть роль въ государствѣ и заниматься государственными дѣлами, онъ даже совѣтуетъ заботиться о приобрѣтеніи богатства; но это стремленіе къ богатству не должно доходить до забвенія ради наживы правды и справедливости, тѣмъ болѣе, что богатство, нажитое неправдою, непечно и, увлекшись страстью къ наживѣ, легко можно потерять и то, что имѣешь ²⁾).

¹⁾ Такимъ добродѣтельнымъ бѣднякомъ представляется у Еврипида между прочимъ мнимый мужъ Электры въ трагедіи того же имени; его честность относительно Электры вызываетъ Ореста на слѣдующія размышленія:

ОР. φεύ

οὐκ ἔστ' ἀκριβές οὐδὲν εἰς εὐανδρίαν
ἔχουσι γὰρ παραγμὸν αἱ φύσεις βροτῶν.

370 ἤδη γὰρ εἶδον ἄνδρα γενναίου πατρός
τὸ μηδὲν ὄντα, χρηστὰ δ' ἐκ κακῶν τέκνα,

λιμὸν τ' ἐν ἀνδρὸς πλουσίου φρονήματι,
γνώμην δὲ μεγάλην ἐν πένητι σώματι.

375 πῶς οὖν τις αὐτὰ διαλαβῶν ὀρθῶς κρινεῖ;
πλούτῳ; πονηρῶ γ' ἄρα χρήσεται κριτῇ·

375 ἢ τοῖς ἔχουσι μηδέν; ἀλλ' ἔχει νόσον
πενία, διδάσκει δ' ἄνδρα τῇ χρεῖζ κακόν.

ἀλλ' εἰς ὄπλ' ἔλθω; τίς δὲ πρὸς λόγῃν βλέπων
μάρτυς γένοιτ' ἂν, ὅστις ἐστὶν ἀγαθός;

κράτιστον εἰκῆ ταῦτ' ἔαν ἀφειμένα.

380 οὗτος γὰρ ἀνὴρ οὗτ' ἐν Ἀργείοις μέγας

οὗτ' αὖ δοκῆσει δωμάτων ὠγκωμένος,
ἐν τοῖς τε πολλοῖς ὦν ἄριστος εὐρέθη.

fr. 393. ἀνὴρ γὰρ ὅστις χρημάτων μὴν ἐνδεής,
δραῶσαι δὲ χειρὶ δυνατός, οὐκ ἀνέξεται,
τὰ τῶν δ' ἐχόντων χρήμαθ' ἀρπάζειν φιλεῖ.

fr. 531. μόνον δ' ἂν ἀντὶ χρημάτων οὐκ ἂν λάβοις
γενναιότητα κἀρετήν· καλὸς δὲ τις
κἂν ἐκ πενήτων σωμάτων γένοιτο παῖς.

²⁾ fr. 305. οὐδέποτ' εὐτυχίαν κακοῦ ἀνδρὸς ὑπέρφρονά τ' ὄλβον
βέβαιον εἰκάσαι χρεῶν,

Хотя человѣку, строго говоря, необходимы только пища и питье, а все прочее—уже роскошь, тѣмъ не менѣе тотъ, кто уже имѣеть состояніе, долженъ умѣренно и благоразумно пользоваться имъ для наслажденія удобствами и благами жизни и употреблять его на пользу гражданъ и государства, а богача, не пользующагося своимъ богатствомъ, нельзя даже назвать счастливымъ обладателемъ его; жадный скупецъ—не болѣе, какъ сторожъ своихъ сокровищъ, врагъ боговъ и людей ¹⁾).

- οὐδ' ἀδίκων γενεάν· ὁ γὰρ οὐδενὸς ἐκφύς
 χρόνος δίκαιους ἐπάγων κανόνας
 5 δείκνυσιν ἀνθρώπων κακότητας ἔμοι.
- Stob. Flor. 2, 15 et Theophilus ad Autol. 2, 37 p. 180.
- fr. 364. ἀδίκως δὲ μὴ κτῶ χρήματ', ἣν βούλη πολὺν
 χρόνον μελᾶθροισ ἐμμένειν· τί γὰρ κακῶς
 οἴκους ἐσελθόντ' οὐκ ἔχει σωτηρίαν.
 ἔχειν δὲ πειρῶ· τοῦτο γὰρ τό τ' εὐγενίς
 15 καὶ τοὺς γάμους δίδωσι τοὺς πρώτους ἔχειν.
 ἐν τῷ πένεσθαι δ' ἐστὶν ἢ τ' ἀδοξία,
 κᾶν ἢ σοφός τις, ἢ τ' ἀτιμία βίου.
- fr. 356. τὰς οὐσίας γὰρ μᾶλλον ἢ τὰς ἀρπαγὰς
 τιμᾶν δίκαιον· οὔτε γὰρ πλοῦτός ποτε
 βέβαιος ἀδικος.
- fr. 421. κέκτησο δ' ὀρθῶς· ἂν δ' ἔχῃς ἀνευ φόγου,
 κᾶν σμικρὰ σφῶου, τοῦνδικον σέβουσι· ἀεὶ,
 μὴ δ' ὡς κακὸς ναύκληρος εὐ πράξας ποτὲ
 ζητῶν τὰ πλείον'· εἶτα πάντ' ἀπώλεσεν.
- ¹⁾ fr. 884. ἐπεὶ τί δεῖ βροτοῖσι πλην δυοῖν μόνον,
 Δήμετρος ἀκτῆς πάματός θ' ὕδρηχόου,
 ἅπερ πάρεστι καὶ πέφυχ' ἡμᾶς τρέφειν;
 ὧν οὐκ ἀπαρκεῖ πλησμονή· τρυφή δὲ τοι
 5 ἄλλων ἔδεστων μηχανὰς θηρεύομεν.
- fr. 707. . . τί γὰρ με πλοῦτος ὠφελεῖ νόσον;
 σμικρ' ἂν θέλοιμι καὶ καθ' ἡμέραν ἔχων
 ἄλυπος οἰκεῖν μᾶλλον ἢ πλουτῶν νοσεῖν.
- fr. 198. εἰ δ' εὐτυχῶν τις καὶ βίον κεκτημένος
 μηδὲν δόμοισι τῶν καλῶν πειράσεται,
 ἐγὼ μὲν οὐποτ' αὐτὸν ὄλβιον καλῶ,
 φύλακα δὲ μᾶλλον χρημάτων εὐδαιμόνα.
- fr. 330. ὅστις δόμους μὲν ἤδεται πληρουμένους,
 γαστρὸς δ' ἀφαιρῶν σῶμα δύστηνος κακοῖ,
 τοῦτον νομίζω κᾶν θεῶν σὺλᾶν βρέτη
 τοῖς φιλτάτοις τε πολέμιον πεφυκέναι.
- fr. 441. ἀμουσία τοι μῆδ' ἐπ' οἰκτροῖσιν δάκρυ

Также мало, какъ богатство, имѣло значенія въ глазахъ Еврипида благородное происхожденіе само по себѣ, когда оно не соединялось съ личными достоинствами. Любовныя связи боговъ съ смертными красавицами онъ признавалъ не только невѣроятными, недѣльными, но и оскорбительными для божества, слѣдовательно, и божественное происхожденіе разныхъ аристократическихъ родовъ было не болѣе, какъ αἰδῶν δούτηναι λόγοι (см. Pers. furores ст. 1327 и слѣд.). Съ другой стороны его космологическія воззрѣнія не позволяли ему различать людей по происхожденію: не только всѣ люди, но даже животныя и растенія одинаковаго происхожденія и обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ одному общему отцу и одной общей матери: зену и землѣ (см. fragm. 836). „И благородные и неблагородные одинаково происхожденія, разсуждаетъ хоръ въ „Александрѣ“ (см. Welcker, Griech. Trag. 471, Hartung Eurip Restit. II, 240); въ самомъ началѣ, когда мы появились на свѣтъ, мать земля дала всѣмъ намъ одинаковъ видъ; ничего такого, что бы насъ отличало другъ отъ друга, мы не получили отъ природы. Только время и обычай сдѣлали различіе между людьми и возвеличили благородное происхожденіе 1)“.

Въ глазахъ Еврипида цѣну имѣли только личныя достоинства и добродѣтель и въ этомъ по его мнѣнію состоитъ истинное благородство, а не въ происхожденіи отъ знатныхъ предковъ. По моему мнѣнію, говоритъ Еврипидъ, благородный человѣкъ тотъ, кто честенъ и

- σταζειν κακὸν δέ, χρημάτων ὄντων ἄλις,
φειδοῖ πονηρᾷ μηδέν' εὖ ποιεῖν βροτῶν.
- Herasl. 10. Πάλαί ποτ' ἐστὶ τοῦτ' ἐμοὶ δεδογμένον·
ὁ μὲν δίκαιος τοῖς πέλας πέφυκ' ἀνὴρ,
ὁ δ' εἰς τὸ κέρδος λῆμ' ἔχων ἀνειμένον
πόλει τ' ἄχρηστος καὶ συναλλάσσειν βαρῦς,
5 αὐτῷ δ' ἄριστος· οἶδα δ' οὐ λόγῳ μαθῶν.
- 1) fr. 53. περισσόμευθος ὁ λόγος, εὐγένειαν εἰ
βρότειον εὐλογήσομεν.
τὸ γὰρ πάλαί καὶ πρῶτον ὅτ' ἐγενόμεθα,
ὁμοίαν χθὼν ἅπασιν ἐξεπαίδευσεν ὄψιν·
5 διὰ δ' ἔκρινεν ἅ δόκησις βροτούς.
ἴδιον οὐδὲν ἔχομεν· μία δὲ γονὰ
τό τ' εὐγενές καὶ τὸ δυσγενές·
νόμῳ δὲ γαῦρον αὐτὸ κραίνει χρόνος.
τὸ φρόνιμον εὐγένεια, καὶ τὸ συνετόν
10 ὁ θεὸς δίδωσιν, οὐχ ὁ πλοῦτος.

мужественъ, а чловѣкъ безчестный, будь его отецъ хоть знатнѣе самаго Зевса, не благороденъ ¹⁾). Наоборотъ, мужественныхъ и честныхъ людей, хотя бы они происходили отъ рабовъ, поэтъ нашъ считалъ болѣе благородными, нежели тѣхъ, которые могли похвастаться рядомъ знатныхъ предковъ, потому что честный и благородный образъ жизни въ его глазахъ былъ выше всякаго благороднаго происхожденія ²⁾). При такомъ понятіи о благородствѣ Еврипидъ, разумѣется, не могъ сочувствовать тому воинскому закону, который признавалъ полноправными гражданами только тѣхъ, которые родились въ законномъ бракѣ отъ аѣннина и аѣнники; въ его трагедіяхъ встрѣчаются очень энергическіе протесты противъ униженія такъ называемыхъ нововъ (νόθοι), то-есть побочныхъ сыновей ³⁾). По словамъ трагедій Еврипида, νόθοι по своимъ природнымъ качествамъ и достоинствамъ не только не хуже законнорожденныхъ дѣтей, но нерѣдко бывають

¹⁾ fr. 345. εἰς δ' εὐγένειαν ὀλίγ' ἔχω φράσαι καλά.
ὁ μὲν γὰρ ἑσθλὸς εὐγενὴς ἔμοιγ' ἀνὴρ,
ὁ δ' οὐ δίκαιος κἄν ἀμείνωνος πατρὸς
Ζητὸς πεφύκη, δυσγενὴς εἶναι δοκεῖ.

²⁾ fr. 514. ἐγὼ μὲν οὖν οὐκ οἶδ' ὅπως σκοπεῖν χρεῶν
τὴν εὐγένειαν· τοὺς γὰρ ἀνδρείους φύσιν
καὶ τοὺς δικαίους τῶν κενῶν δοξασμάτων,
κἄν ὡς δούλων, εὐγενεστέρους λέγω.

Versus corruptissimos sic corrigit Heimsoethius in Prooemio Lect. Bonn. aestiv. a. 1867. p. XV. ἐγὼ μὲν οὐκ οἶδ' ὅπως σκοπεῖν χρεῶν | τὴν εὐγένειαν· τὰς γὰρ ἀνδρείας φύσεις | καὶ τὰς δικαίας καὶ κενὰς δοξασμάτων, | κἄν ὡς δούλων, εὐγενεστέρους λέγω. Dind.

fr. 530. τό τοι κράτιστον, κἄν γονῆ κακός τις ἦ,
τοῦτ' ἔστιν ἀρετή· τὸ δ' ὄνομ' οὐ διαφέρει.

fr. 9. ἦ που κρεῖσσον τῆς εὐγενίας
τὸ καλῶς πράσσειν.

³⁾ Судя по этимъ протестамъ, можно думать, что Еврипидъ признавалъ вполне справедливою отаѣну по предложенію Перикла имъ же раньше проведеннаго или по крайней мѣрѣ подтвержденнаго преннаго закона о гражданскомъ безправіи побочныхъ дѣтей. Plut. Pericl. 37: (ὁ Περικλῆς) στρατηγὸς αἰρεθεὶς εἰσηγήσατο λυθῆναι τὸν περὶ τῶν νόθων νόμον, ὃν αὐτὸς εἰσενενηνόχει πρότερον... Ср. *Hermann, Griech. Staatsalterth.*, herausg. v. Stark, стр. 449 сл. На неблагопріятныя отношенія къ νόθοι общества и государства указываютъ повидимому и опасенія Иона, что его положеніе въ Аѣнияхъ, какъ сына неизвестной матери, будетъ незавидно (Ion, 590 сл., 670 сл.). Ср. Жалобы Иокасты на γάμων ἐπακτὸν ἄταν (Phoen. 337).

и гораздо лучше ихъ, какъ замѣчаетъ многоопытный и почтенный старецъ Пелей въ „Андромахѣ“¹⁾.

Точно также и рабы въ глазахъ Еврипида, согласно съ его возрѣніями на происхожденіе людей, по своей природѣ нисколько не хуже и не ниже свободныхъ, только поворное имя ставитъ рабовъ гораздо ниже свободныхъ, а по своимъ природнымъ качествамъ, умственнымъ и нравственнымъ личнымъ достоинствамъ, рабы часто бываютъ не только не ниже свободныхъ людей, но нерѣдко и гораздо выше и лучше ихъ²⁾. Согласно съ этимъ взглядомъ на рабовъ, какъ на людей, по своему первоначальному происхожденію нисколько не уступающихъ свободнымъ, поэтъ-философъ и въ своихъ трагедіяхъ отводитъ рабамъ весьма видную роль. Наравнѣ съ свободными и даже царями и царицами рабы нерѣдко рассуждаютъ о разныхъ вопросахъ религіи, политики и нравственности въ духѣ скептической философіи и какъ бы въ подтвержденіе взгляда на рабовъ самаго поэта, представляются часто высоконравственными и достойными всякаго уваженія и почтенія людьми, за что, какъ извѣстно, Еврипидъ подвергался порицанію со стороны Аристофана, видѣвшаго въ такой важ-

- 1) fr. 168. ὀνόματι μεμπτόν τὸ νόθον, ἢ φύσις δ' ἴση.
fr. 142. ἐγὼ δὲ παῖδας οὐκ ἐὼ νόθους λαβεῖν
τῶν γνησίων γὰρ οὐδὲν ὄντες ἐνδεεῖς
νόμφ νοσοῦσιν· ὃ σε φυλάξασθαι χρεών.
fr. 378. μάτην δὲ θνητοὶ τοὺς νόθους φεύγουσ' ἄρα
παῖδας φυτεύειν· ὅς γάρ ἂν χρηστός φύη,
οὐ τοῦνομ' αὐτοῦ τὴν φύσιν διαφθερεῖ.
Andr. Πη. κᾶπειτ' ἐς οἶκους τῶν ἐμῶν ἐλλθῶν τέκνων
πορθεῖς ἀπόντων καὶ γυναῖκα δυστυχῆ
κτείνεις ἀτίμως παῖδά θ' ὅς κλαιοντά σε
635 καὶ τὴν ἐν οἴκοις σὴν καταστήσει κόρην,
καὶ τρεῖς νόθος πέφυκε. πολλάκις δέ τοι
ἔηρά βθεῖαν γῆν ἐνίκησε σπορᾶ,
νόθοι τε πολλοὶ γνησίων ἀμείνονες.
ἀλλ' ἔκχομιζου παῖδα. κούδιον βροτοῖς
640 πένητα χρηστόν ἢ κακὸν καὶ πλοῦσιον
γαμβρόν πεπᾶσθαι καὶ φίλον· σὺ δ' οὐδὲν εἶ.
2) fr. 828. πολλοῖσι δούλοισι τοῦνομ' αἰσχρόν, ἢ δὲ φρῆν
τῶν οὐχὶ δούλων ἔστ' ἐλευθερωτέρα.
Ion. Παιδ. ἐν γάρ τι τοῖς δούλοισιν αἰσχρόν φέρεται,
855 τοῦνομα. τὰ δ' ἄλλα πάντα τῶν ἐλευθερῶν
οὐδὲν κακίων δούλος, ὅστις ἐσθλός ἢ.

ной роли рабовъ профанацію героически-аристократической трагедіи¹⁾. Не говоря уже о рабахъ и рабыняхъ знатнаго происхожденія, такъ или иначе отданныхъ судьбою въ рабство, но сохранившихъ свои благородныя качества и достоинства, какъ Андромаха, Экава, Поликсена и др., несчастную судьбу которыхъ Еврипидъ дѣлаетъ предметомъ дѣйствъ трагедій²⁾, и рабы исконныя нерѣдко играютъ у Еврипида столь же видную, сколько и потченную роль. Особенно часто фигурируютъ въ трагедіяхъ „демократическаго“ поэта воспитательницы и воспитатели изъ рабовъ и рабынь и представляются такими преданными и привязанными къ своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, что, подобно матерямъ и отцамъ, готовы для нихъ на всякое самопожертвованіе. Потому и въ разговорахъ съ своими питом-

fr. 515. δοῦλον γὰρ ἐσθλὸν τοῦνομα οὐ διαφθερεῖ,
πολλοὶ δ' ἀμείνους εἰσὶ τῶν ἐλευθέρων.

Ср. Zeller, Phil. d. Griech. I, s. 1008, Anm.: Aristot. Pol. с. 3 fasst die Anklage gegen die Slaverie (wie der Trimeter νόμῳ γὰρ ὅς μὲν δοῦλος ὅς δ' ἐλεύθερος zeigt, der auch cap. 6, 1255, b, 5 noch durchklingt) in die Worte eines Tragiclers, möglicher Weise des Euripides oder des Gorgias-Schülers Agathon. Ср. также Philemon. fragm. XXXIX (Meineke, IV, p. 47): Κἂν δοῦλος ἢ τις, σάρκα τὴν αὐτὴν ἔχει, φύσει γὰρ οὐδεὶς δοῦλος ἐγενήθη ποτέ, ἢ δ' αὐ τὴν τὸ σῶμα κατεδουλώσατο.

¹⁾ Arist. Ranae, ст. 948 сл.

ἔπειτ' ἀπὸ τῶν πρώτων ἐπῶν οὐδὲν παρῆκ' ἂν ἀργόν, ἀλλ' ἔλεγεν ἢ γυνὴ τέ μοι
χὼ δοῦλος οὐδὲν ἤττον χὼ δεσπότης χῆ παρθένος χῆ γραῦς ἂν Αἰσχ. εἶτα δῆτα οὐκ
ἀποθανεῖν σε ταῦτ' ἐχρῆν τολμῶντα; Εὐρ. μὰ τὸν Ἀπόλλω δημοκρατικὸν γὰρ αὐτ'
ἔδρων.....

Ἐπειτα τουτουοῖ λαλεῖν εἰδίδαξα. Αἰσχ. φημί κάγω. ὡς πρὶν διδάξαί γ' ὄφελος
μέσος διαρραγῆναι.

Согласно съ философскимъ направленіемъ нѣкоторыхъ рабовъ трагедій Еврипида Аристофанъ въ «Ахарниихъ» 395 сл. изображаетъ соеиствомъ и собственнаго раба Еврипида. Рабъ этотъ, на вопросъ Дикеопола, дома ли хозяинъ, отвѣчаетъ: οὐκ ἔνδον ἔνδον ἐστίν. Дикеополъ сначала не понялъ отвѣта, а потомъ, когда получилъ разъясненіе, воскликнулъ: ὦ τρισμαχάρ! Εὐρίπιδῃ, δὴ ὁ δοῦλος οὕτω σοφῶς ὑποκρίνεται.

²⁾ Къ такого рода трагедіямъ можно, кажется, отнести и недошедшую до насъ трагедію «Александръ», гдѣ, судя по сохранившимся отрывкамъ, вопросъ о происхожденіи людей вообще и о рабахъ въ особенности подвергался подробному обсужденію, въ которомъ съ одной стороны принимали участіе представители общераспространенныхъ возрѣній на рабовъ, и съ другой рабы, какъ представители новыхъ взглядовъ, отстаивали свои человѣческія права. См. Wilcker, Griech. Trag. II, 461. Къ этой трагедіи принадлежатъ отрывки 43—65 въ изданіяхъ Nauck'a и Dindorf'a.

цами обыкновенно обращаются къ нимъ, какъ въ своимъ дѣтямъ, называя ихъ: ὦ παῖ, ὦ τέκνον (Hipp. 195, Androm. 826 ch. Phoen. 201 и пр.). Питомцы—господа не остаются въ долгу, платяты имъ также взаимной любовью и полнѣйшимъ дѣтскимъ довѣріемъ (Ion, 723, 733) и относятся къ нимъ не какъ господа ¹⁾ къ своимъ рабамъ, а какъ дѣти къ своимъ родителямъ ²⁾, почему въ обращенія къ нимъ величаютъ ихъ вѣжно-ласковыми и почтительными именами (напр. μαῖα, Hipp. 311, ὦ φίλτατε γέρον Phoen. 156 и т. п.).

Такіе воспитатели и воспитательницы, а равно и другіе старые и преданные рабы и рабыни (θεράποντες и θεράπωναι) являются почти въ каждой изъ дошедшихъ до насъ трагедій Еврипида, и поэтъ перѣдко очень обстоятельно рисуетъ картины преданности рабовъ и рабынь съ одной стороны и человѣчности господъ съ другой, желая какъ бы показать, какъ слѣдуетъ обращаться съ хорошими и честно-преданными рабами, хотъ они и рабы, или говоря словами самаго поэта, какъ хорошо и пріятно рабамъ имѣть добрыхъ господъ, а господамъ преданныхъ и вѣрныхъ рабовъ ³⁾. Такъ напр. „Мидія“ открывается извѣстнымъ монологомъ няни, въ которомъ она оплакиваетъ судьбу своей несчастной госпожи, эта няня—единственный вѣрный и преданный другъ, который не оставляетъ всѣми покинутую Мидію и, стараясь утѣшить ее, въ тоже время принимаетъ мѣры къ избавленію дѣтей отъ необузданнаго гнѣва матери ⁴⁾.

¹⁾ Ion. Кр. ἐγὼ δὲ σ' ὡσπερ καὶ σὺ πατέρ' ἐμὸν ποτε,
δέσποιν' ὅμως οὐσ' ἀντικηδεύω πατρός.

735 ΠΑΙ. ὦ θύγατερ, ἄξι' ἀξίων γεννητόρων
ἤθη φυλάσσεις καὶ κατασχόνας' ἔχεις
τοὺς σοὺς παλαιούς ἐχθόνους αὐτόχθονας.

ἔλχ' ἔλκε πρὸς μέλαθρα καὶ κόμιζέ με.
αἰπεινά τοι μαντεῖα τοῦ γήρω· δέ μοι

740 συνεχπονοῦσα κῶλον ἰατρὸς γενοῦ.

²⁾ Ion. Κρέουσα. ἐγὼ δὲ σ', ὡσπερ καὶ σὺ πατέρ' ἐμὸν ποτε,
δέσποιν' ὅμως οὐσ' ἀντικηδεύω πατρός.

³⁾ fr. 533. ὡς ἤδ' οὐλοῖς δεσπότης χρηστοὺς λαβεῖν
καὶ δεσπότηται δοῦλον εὐμενῆ δόμοις.

⁴⁾ Нельзя также не обратить вниманія на вѣжность, съ которою рабы относятся къ маленькимъ дѣтямъ своихъ господъ: напримеръ когда дѣти Мидіи пошли съ подарками къ ея соперницѣ, рабы, узнавъ о (мнимомъ) примиреніи Мидіи ласкали дѣтей и цѣловали, кто голову, кто руку. Med. 1136 сл.

Въ Іонѣ, какъ хоръ, состоящій изъ рабынь, такъ и старый педагогъ отца Креусы, въ виду опасности, угрожавшей Креусѣ отъ Іона, какъ имъ сначала показалось, готовы были раздѣлить участь своей госпожи: или погибнуть вмѣстѣ съ нею, или вмѣстѣ съ нею наслаждаться счастьемъ ¹⁾. Такія же чувства преданности выражаетъ рабъ Менелая въ „Еленѣ“; плохой тотъ рабъ, который не радуется радостями своихъ господъ и не скорбитъ ихъ скорбями, говоритъ онъ. Что касается до меня, то я желалъ бы принадлежать къ числу благородныхъ рабовъ; хотя я и не называюсь свободнымъ, но за то имѣю образъ мыслей, вполне достойный свободнаго человѣка ²⁾. И дѣйствительно, его благородную преданность тотчасъ подтверждаетъ Менелай, а его умъ и разсудительность видны изъ философски-скептическихъ размышленій о тщетности и обманчивости предсказаній и предсказателей ³⁾. Не менѣе достойными и преданными своей госпожѣ оказы-

1) Ion. 850 Παῖδ. ἐγὼ μὲν οὖν σοὶ καὶ συνεκπονεῖν θέλω,
καὶ συμφρονεῦειν παῖδ' ἐπεισελθὼν δόμοις
οὐ δαῖθ' ὀπλίξει, καὶ τροφεία δεσπότηαις
ἀποδοῦς θανεῖν τε ζῶν τε φέγγος εἰσορᾶν.

ΧΟ. κάγω, φίλη δέσποινα, συμφορὰν θέλω
κοινομένη τήνδ' ἢ θανεῖν ἢ ζῆν καλῶς.

2) Hel. 736 Ἀγγ. κακὸς γὰρ ὅστις μὴ σέβει τὰ δεσποτῶν
καὶ συγγέγηθε καὶ συνωδῖνει κακοῖς.

ibid. ἐγὼ μὲν εἶην, κεῖ πέφυχ' ὅμως λάτρις,
ἐν τοῖσι γενναίοισιν ἠριθμημένος

730 δούλοισι, τοῦνομ' οὐκ ἔχων ἐλεύθερον,
τὸν νοῦν δέ κρείσσον γάρ τὸδ' ἢ τοῖν κακοῖν
ἐν' ὄντα χρῆσθαι, τὰς φρένας τ' ἔχειν κακάς
ἄλλων τ' ἀκούειν δούλον ὄντα τῶν πέλας.

Ср. Iph. Aul. ME. ἀπελθε· λίαν δεσπότηται πιστὸς εἶ.

305 ΠΡ. καλὸν γέ μοι τοῦνειδος ἐξωνειδισας.

fr. 376. πιστὸν μὲν οὖν εἶναι χρὴ τὸν διακνον
τοιούτου εἶναι καὶ στέγειν τὰ δεσποτῶν.

Med. Tr. χρηστοῖσι δούλοισι συμφορὰ τὰ δεσποτῶν
55 κακῶς πίτνοντα καὶ φρενῶν ἀνθάπτεται.

fr. 861. μέτεστι τοῖς δούλοισι δεσποτῶν νόσου. ср. fr. 775.

3) Hel. ME. ἄγ' ὦ γεραῖέ, πολλὰ μὲν παρ' ἀσπίδα
735 μοχθήματ' ἐξέπλησας ἐκπονῶν ἐμοί,
καὶ νῦν μετασχὼν τῆς ἐμῆς εὐπραξίας
ἄγγελιον ἐλθὼν τοῖς λελειμμένοις φίλοις
τάδ' ὡς ἔχονθ' εὐρηχας οὐ τ' ἐσμέν τυχης.

Относительно предсказателей и гадателей см. ст. 725 и сл.; ср. Записки Каз. Унив. 1877.

ваются рабыни въ концѣ трагедіи, гдѣ онѣ изъясляютъ готовность скорѣе умереть, чѣмъ допустить Эеоклимена убить свою сестру, и на угрозы его смертью отвѣчаютъ: умереть за своихъ господъ—наивысшая честь и слава для благородныхъ рабовъ ¹⁾.

Въ Плектрѣ такимъ вѣрнымъ и неизмѣнно преданнымъ несчастнымъ дѣтямъ Агамемнона рабомъ является старшій воспитатель этого послѣдняго; этотъ старикъ, съ рискомъ для себя, навѣщаетъ дочь своего воспитанника и господина и тайкомъ приноситъ ей кое-что въ бѣдпос, недостойное царской дочери жилище ея мужа-земледѣльца ²⁾. Не менѣе вѣрнаго и преданнаго Агамемнону и его семейству раба мы встрѣчаемъ въ Ифигеніи въ Авлидѣ, ему одному Агамемнонъ повѣряетъ свои колебанія и свои пѣжныя отеческія чувства; предъ нимъ однимъ онъ соглашается, что, несмотря на весь блескъ и могущество, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ и завидуетъ положенію простаго человѣка, чѣмъ вызываетъ умнаго раба на разныя философскія размышленія о необходимости для всякаго человѣка испытать горе. И Агамемнонъ не ошибся въ своемъ довѣрїи: вѣрный рабъ-философъ готовъ скорѣе заплатить жизнью, чѣмъ выдать ввѣренную ему тайну, потому что за интересы своего господина умереть славно и почетно ³⁾.

Въ „Андромахѣ“ на сценѣ дѣйствуютъ двѣ рабыни: одна—Андромахина старая служанка, которая вмѣстѣ съ своею госпожею попала въ рабство къ Неоптолеу и, несмотря на то, что паденіе Трои уравнило ее съ госпожею, осталась вѣрною и преданною своей госпожѣ-сорабыннѣ; попрежнему называетъ ее своею госпожею и готова для спасенія ея пожертвовать своею жизнью ⁴⁾; другая—няня Эрмі-

¹⁾ Hel. ЭЕОК. 1640 κατθανεῖν ἐρᾶν εἰσικας. ΧΟ. κτείνε' αὐγγονον δὲ σὴν οὐ κτανεῖς ἡμῶν ἐχόντων, ἀλλ' ἐμ' ὡς πρὸ δεσποτῶν τοῖσι γενναίοισι δούλοισι εὐκλειέστατον θανεῖν.

²⁾ Electra, ст. 386 и сл.

³⁾ Iph. A. Мев. 312 σκήπτρῳ τάχ' ἄρα σὸν καθαιμάξω κάρα.
Пр. ἀλλ' εὐκλείε' τοι δεσποτῶν θνήσκειν ὑπερ.
Мев. μέθετε μακροῦς δὲ δούλος ὦν λέγεις λόγους.

Еще болѣе вѣрнымъ и преданнымъ оказался этотъ рабъ относительно Кли-темнестры, какъ своей семейной госпожи, которая привела его вмѣстѣ съ собою въ домъ Агамемнона, въ качествѣ преданнаго (см. ст. 868 и сл.).

⁴⁾ Andr. ЭЕР. 56 δέσποιν', ἐγὼ τοι τοῦνομ' οὐ φεύγω τόδε καλεῖν σ', ἐπεὶ περ καὶ κατ' οἶκον ἤξιον τὸν σόν, τὸ Τροίας ἠνίκ' ἤκοῦμεν πέδον, εὐνοὺς δὲ καὶ σοὶ ζῶντί τ' ἦν τῷ σφ' ποσει·

опы,—рабыня, которая оказалась гораздо благоразумнѣе своей госпожи и которая, не раздѣляя желанія Эрміоны погубить Андромаху, спасла отъ смерти Эрміону, когда эта послѣдняя, послѣ неудачи своего преступнаго покушенія на жизнь ни въ чемъ не повинной и несчастной Андромахи, хотѣла удавиться (ст. 865.) ¹⁾.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ рабы были такими преданно-вѣрными друзьями своихъ господъ и мудрыми философами,

¹⁾ Рядомъ съ такимъ поведеніемъ рабынь тѣмъ болѣе рѣзко бросается въ глаза возмутительный образъ дѣйствій господъ, Менелая и Эрміоны, относительно рабынь Андромахи. Въ этихъ грубыхъ и жестокихъ спартиатахъ постъ очевидно хотѣлъ представить образецъ несправедливаго и безчеловѣчнаго обращенія съ рабами и, обрисовывая жестокихъ господъ въ самыхъ непривлекательныхъ, отталкивающихъ краскахъ, имѣлъ въ виду показать, какъ слѣдуетъ обращаться съ рабами. Ревнивая и мстительная Эрміона въ любви Неоптолема къ Андромахѣ видитъ коварство этой послѣдней и къ мученіямъ Андромахи, принужденной быть наложницею сына убійцы своего мужа, присоединяетъ новыя, еще болѣе ужасныя мученія и даже грозитъ ей смертію, заявляя, что отъ смерти ее можетъ избавить только самое полное униженіе и совершенное забвеніе о своемъ прежнемъ положеніи.

См. Andr. 'Ερμ. *καὶ δὲν σ' ὀνήσει δῶμα Νηρηΐδος τόδε,
οὐ βωμός οὐδὲ ναός, ἀλλὰ κατθανεῖ.
ἦν δ' οὖν βροτῶν τίς σ' ἢ θεῶν σῶσαι θέλη,
δεῖ σ' ἀντὶ τῶν πρὶν ὀλβίων φρονημάτων*
165 *πτῆξαι ταπεινὴν προσηκεῖν τ' ἐμὸν γόνυ,
σαῖρειν τε δῶμα τοῦμόν ἐκ χρυσηλάτων
τευχέων χαρὶ σπεύρουσαν Ἀχελφῶος ὄρσοον,
γυνῶναι δ' ἴν' εἰ γῆς. οὐ γάρ ἐσθ' Ἐκτωρ τάδε,
οὐ Πρίαμος οὐδὲ χρυσός, ἀλλ' Ἑλλάς πόλις.* Ср. ст. 433 сл.

Рѣзкую противоположность съ этою жестокою, безчеловѣчною спартиаткою представляетъ гуманная и какъ мать ласковая Алкестида, которая по заявленію рабовъ не только сама обращалась съ ними по матерински, но и нерѣдко укрощала гнѣвъ своего мужа на рабовъ, образецъ милостивой и доброй госпожи. И рабы оказались вполне достойными такого обращенія; они вполне оцѣнили челоуѣчность своей госпожи и платили ей полною прривязанностію и искреннею любовью, выражавшеюся въ безконечныхъ сожалѣніяхъ и плачъ по своей доброй госпожѣ, когда она рѣшилась умереть за своего мужа. Эту любовь рабовъ къ своей милостивой госпожѣ всего лучше выражаетъ рабъ, которому было приказано прислуживать неожиданному гостю хозяина и который потому лишенъ былъ возможности оказать послѣдніе знаки любви и преданности своей кроткой госпожѣ. Ее вынесли, говоритъ онъ, а я не проводилъ ее, не простирая своихъ рукъ, не оплакивая госпожу, которая была настоящею матерью для насъ и всѣхъ другихъ рабовъ и успокоивая гнѣвъ мужа, спасала насъ отъ множества бѣдъ. ст. 761 и сл.

какъ рабы Менелая и Агамемнона. Было безъ сомнѣнія гораздо болѣе такихъ, которые вполне заслуживали общепринятое весьма невыгодное и презрительное мнѣніе о рабахъ; многіе изъ рабовъ безъ сомнѣнія по всей справедливости считались никуда негодными людьми, неизмѣнными, подобно животнымъ, другаго интереса, кромѣ своего чрева ¹⁾; было безъ сомнѣнія множество и такихъ рабовъ, на которыхъ никакимъ образомъ нельзя было положиться ²⁾ и которые при малѣйшей опасности, угрожавшей ихъ господамъ, готовы были ихъ бросить и оставить на произволъ судьбы, подобно трусливымъ рабамъ Елены, изображеннымъ въ „Орестѣ“ (см. ст. 1506 сл.). Совершенно естественно, что многіе изъ рабовъ, за постоянно враждебныя и безчеловѣчныя отношенія къ нимъ господа, платили имъ также враждою, считали противоположно своимъ интересамъ преданность интересамъ своихъ господъ ³⁾ и, сдѣлавшись равнодушными къ тому, кто былъ ихъ господиномъ, готовы были служить и рабствовать предъ тѣмъ, кто въ данную минуту обладаетъ силою ⁴⁾.

Что было много такихъ рабовъ, и самъ Еврипидъ, конечно, отрицать не могъ. Но между тѣмъ какъ его соотечественники, и въ томъ числѣ такіе великіе умы, какъ Аристотель, приписывали эти низкія и дурныя качества рабовъ тому, что рабы созданы такими самою при-

¹⁾ fr. 50. ἤλεγχον. οὕτω γὰρ κακὸν δούλων γένος·
γαστήρ ἅπαντα, τοῦπίσω δ' οὐδὲν σκοπεῖ.

fr. 216. — — τὸ δούλον οὐχ ἥρας ὕσον κακόν;

²⁾ fr. 87. ὅστις δὲ δούλω φωτὶ πιστεύει βροτῶν,
πολλὴν παρ' ἡμῖν μοῖραν ὀφλισχάνει.

Этотъ отрывокъ очень напоминаетъ приводимое Plat. de legib. 776 E мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, ѡς ὑγιές οὐδὲν ψυχῆς δούλης οὐδὲ πιστεύειν οὐδέποτε' οὐδὲν τῷ γένει δεῖ τὸν νοῦν κεκτημένον, и которые на этомъ основаніи κατὰ θηρίων φύσιν κέντροις καὶ μάστιξιν οὐ τρίς μόνον, ἀλλὰ πολλάκις ἀπεργάζονται δούλας τὰς ψυχὰς τῶν οἰκετῶν.

³⁾ fr. 51. δούλων ὅσοι φιλοῦσι δεσποτῶν γένος,
πρὸς τῶν ὁμοίων πόλεμον αἴρονται μέγαν.

⁴⁾ Orest. 1510 Or. οὔτι που κραυγὴν ἐθήκας Μενελέω βοηδρομεῖν·

Φρ. σοὶ μὲν οὖν ἔγωγ' ἀμύνειν ἀξιώτερος γὰρ εἶ.

Θρ. θειλίᾳ γλώσση χαρίζει τάνδρον οὐχ οὕτω φρονῶν.

Electr. 631 Πρ. ἡμῶς μὲν εἰσιν, οἱ σέ γ' οὐκ εἶδόν ποτε.

Ορ. ἡμῖν ἂν εἶεν, εἰ κρατοῖμεν, εὐμενεῖς;

Πρ. δούλων γὰρ ἴδιον τοῦτο, σοὶ δὲ σύμφορον.

Orest. 1115 Πρ. οὐδὲν τὸ δούλον πρὸς τὸ μὴ δούλον γένος.

⁵⁾ fr. 217. φεῦ φεῦ, τὸ δούλον ὡς ἅπανταχῆ γένος
πρὸς τὴν ἐλάττω μοῖραν ὤρισεν θεός.

родою и отъ природы (φύσιν) надѣлены осыбymi рабскими свойствами. Еврипидъ училъ, что природа ничѣмъ не отличила рабовъ отъ свободныхъ, и потому рабы могутъ быть по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ не только не хуже, но и лучше свободныхъ. Если же рабы въ общей массѣ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ стоятъ ниже свободныхъ, то въ этомъ виновата не природа, а люди и обстоятельства, создавшіе рабовъ и поставившихъ въ такое положеніе, въ которомъ хорошія качества рабовъ, данныя имъ природою наравнѣ съ свободными, не могутъ развиваться и совершенствоваться такъ легко и свободно, какъ у ихъ господъ. Чтобы показать своимъ соотечественникамъ, что вслѣдствіе этого даже и дурные рабы скорѣе заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія, Еврипидъ очень часто въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуетъ несчастное положеніе рабовъ, которые, несмотря на всѣ свои тяжелые и безконечные труды, избавляющіе господъ отъ личнаго труда и позволяющіе имъ наслаждаться жизнью, развивать свои умственныя способности и нравственныя качества, вѣчно осуждены оставаться въ безправномъ положеніи рабочаго скота ¹⁾. Не говори уже о томъ, что рабы, находясь въ полной власти своего господина, должны были безусловно и безропотно подчиняться его волѣ, не смѣть своего сужденія имѣть ²⁾, а стараться единственно объ угожденіи своему господину

¹⁾ Aristot. Polit. I, 1254 b. ἔστι γὰρ φύσει δούλος ὁ δυνάμενος ἄλλου εἶναι: . . . καὶ κοινωνῶν λόγῳ τοσοῦτον ὕσιν αἰσθάνεσθαι ἀλλὰ μὴ ἔχειν· τὰ γὰρ ἄλλα ζῷα οὐ λόγῳ αἰσθανόμενα ἀλλὰ παθήμασιν ὑπηρετεῖ. καὶ ἡ χρεῖα δὲ παραλλάττει μικρόν· ἡ γὰρ πρὸς ἀναγκαῖα τῷ σώματι βοήθεια γίνεται παρ' ἀμφοῖν, παρὰ τε τῶν δούλων καὶ παρὰ τῶν ἡμέρων ζῶων.

Ср. Wallon, Esclavage dans l'antiquité I, 372 сл.; 287 сл. (de la condition des esclaves), la loi suprême des esclaves, c'est de n'être rien: rien qu'une chose sous la main du maître (p. 288).

²⁾ Γг. 94. ἀεὶ δ' ἀρέσκειν τοῖς κρατοῦσι· ταῦτα γὰρ
δούλοις ἀρίστα· κάψ' ὅτψ τεταγμένους
εἶη τις, ἀνδάνοντα δεσπότης ποιεῖν.
Ion. 670 ἀβίωτον ἡμῖν· εἰ δ' ἐπέυξασθαι χρεῶν,
ἐκ τῶν Ἀθηνῶν μ' ἡ τεκοῦσ' εἶη γυνή,
ὡς μοι γένηται μητρόθεν παρρησία.
καθαρὰν γὰρ ἦν τις εἰς πόλιν πέσῃ ξένος
κἂν τοῖς νόμοισιν ἀσπός ἦ, τὸ γε στόμα
675 δούλον πέπαται· κοῦκ ἔχει παρρησίαν.
Phoen. Io. 390 τί φυγᾶσιν τὸ δυσχερές·

безъ возраженій и разсужденій о качествѣ его приказаній съ точки зрѣнія правды ¹⁾),—рабы лишены было не только всякой опоры и защиты со стороны своихъ сотоварищей, но даже и возможности услышать отъ нихъ выраженіе сочувствія, такъ какъ это сочувствіе могло на нихъ привлечь гнѣвъ господина ²⁾). Не мало было и такихъ господъ, которые шли еще далѣе въ своихъ отношеніяхъ къ рабамъ и старались совершенно стереть человѣческую личность въ рабахъ. уничтожить въ нихъ всякія возвышенныя чувства и стремленія, достойныя свободныхъ людей, на томъ основаніи, что рабъ, думающій болѣе, чѣмъ слѣдуетъ рабу, не только бесполезенъ, но даже и очень вреденъ,

По.	ἐν μὲν μέγιστον, οὐκ ἔχει παρρησίαν....
Is.	δούλου τόδ' εἶπας, μὴ λέγειν ἄ τις φρονεῖ.
Нес. 'Ех.	εἰ δ' ἔστι τοῖς δούλοισι τοὺς ἐλευθέρους
235	μὴ λυπρὰ μηδὲ καρδίας δηκτῆρια
	ἐξιστορῆσαι, σοὶ μὲν εἰρήσθαι χρεῶν,
	ἡμᾶς δ' ἀκοῦσαι τοὺς ἐρωτῶντας τάδε.
1)	fr. 315. δούλῳ γὰρ οὐχ οἶόν τε τάληθῆ λέγειν.
	εἰ δεσπόταισι μὴ πρέποντα τυγχάνοι.
Andr. Av. 186	'Εγὼ δὲ παρβῶ μὴ τὸ δουλεύειν μέ σοι
	λόγων ἀπόσῃ πάλλ' ἔγουσαν ἔνδικα.
Iph. Aul. III. 312	ἀλλ' εὐκλεές τοι δεσποτῶν θνήσκειν ὕπερ.
Anl. ME.	μέλλες· μακρὸς δὲ δούλος ὦν λέγεις λόγους.
На скромныя и	справедливыя возраженія Андромахи Менелай отвѣчаетъ:
Andr. 333	ἀλλ' ἔρπε' ἐς οἶκους τοῦσδ', ἵν' εἰς ἐλευθέρους
	δούλη γεγῶσα μήποθ' ὕβριζεῖν μάθης.
2)	Andr. Av. 79 οὐδ' ἀμφὶ Πηλέως ἦλθεν, ὡς ἦξοι, φάτις.
	Θερ. γέρων ἐκεῖνος ὥστε σ' ὠφελεῖν παρών.
	Av. καὶ μὴν ἔπεμψ' ἐπ' αὐτὸν οὐχ ἄπαξ μόνον.
	Θερ. μῶ. οὐν δοκεῖς σοῦ φροντίσαι τιν' ἀγγέλων;

Въ этомъ отношеніи весьма характерна рѣчь рабынь, составляющихъ хоръ въ «Андромакѣ». Вместо того, чтобы помочь Андромакѣ, соравныи ея боятся даже выразить ей свое сочувствіе и совѣтуютъ оставить убѣжище и отдаться въ полное распоряженіе Эврипиону и Менелая. Andr. ст. 126 и сл.: γυνῶθι τύχαι, λογίσαι τὸ παρὸν κακὸν, εἰς ὅπερ ἦκεις· δεσπόταις ἀμίλλα 'Ιλιάς οὐσα κόρα Λακεδαιμόνος ἐκγενέταισι; λείπε δεξιμητὸν δόμον τὰς ποντίας θεοῦ. τί σοι καιρὸς ἀτυχομένην δέμας αἰκέλιον καταλείβειν δεσποτῶν ἀνάγκας. τὸ κρατοῦν δὲ σ' ἔπειαι, τί μόχθον οὐδὲν οὐσα μοχθεῖς; ἀλλ' ἴθι λείπε θεᾶς Νηρηίδος ἀγλαὸν ἔδραν, γυνῶθι δ' οὐσ' ἐπὶ ξένας θυμῶις, ἐπ' ἄλλοτριεὶς πόλιος, ἐνθ' οὐ φίλων τιν' εἰσορᾶς σῶν, ὧ δυστοχεστάτα, ὧ παντάλανα νόμφα. οἰκτροτάτα γὰρ ἐμοιγ' ἐμολες, γύναι 'Ιλιάς, οἶκους· δεσποτῶν δ' ἐμῶν φάρβῳ ἀσυχίαν ἄγομεν· τὸ δὲ σὸν οἶκτῳ φέρουσα τυγχάνω, μὴ παῖς τὰς Διὸς κόρας σοὶ μ' εὐ φρονοῦσαν εἶδῃ.

особенно если онъ сильнѣе и мужественнѣе своего господина ¹⁾. Естественно, что рабы, неутратившіе еще сознанія своего человѣческаго достоинства, и не превратившіеся въ идеалъ раба—понятливый рабочій скотъ—не могли выносить безропотно своего положенія и не только жаловались на свою судьбу, но и нерѣдко желали лучше умереть, чѣмъ постоянно терпѣть страданіе, униженіе и позоръ. Если уже рабы, родившіеся рабами, весьма часто могли желать смерти, то для рабовъ, сдѣлавшихся таковыми благодаря какому нибудь несчастію, постигшему ихъ лично или все ихъ отечество, понятно, рабская жизнь

- ¹⁾ fragm. 215. οὐ χρὴ ποτ' ἄνδρα δούλον ὄντ' ἐλευθέρας
γνώμας διώκειν οὐθ' ἐς ἀργίαν βλέπειν.
fr. 49. σφοδρὸς μὲν οὖν εἶ, Πρίαμ', ὅμως δὲ σοι λέγω·
δούλου φρονοῦντες μᾶλλον ἢ φρονεῖν χρεῶν
οὐκ ἔστιν ἄλθος μείζον οὐδὲ δώμασι
κτῆσι κακίων οὐδ' ἀνωφελεστέρα.
fr. 690. οὐδεὶς δ' ἐς οἴκους δεσπότης ἀμείνωνας
αὐτοῦ πρίασθαι βούλεται· σὲ δ' εἰσορῶν
πᾶς τις δέδοικεν· ὄμμα γὰρ πυρὸς γέμεται,
ταῦρος λέοντος ὡς βλέπων πρὸς ἐμβολήν.
fr 52. Stob. 62, 19. δούλους γὰρ οὐ
καλὸν πεπᾶσθαι κρείσσονας τῶν δεσποτῶν.
fr. 253. κρείσσω γὰρ οὔτε δούλον οὔτ' ἐλευθέρον
τρέφειν ἐν οἴκοις ἀσφαλές τοῖς σώφροσιν.

Такой принципъ часто проводился не только въ частной жизни, но и возводился иногда въ постоянную государственную систему, какъ, на примѣръ, въ Спартѣ, гдѣ, какъ извѣстно, весьма косо смотрѣли на выдающихся физическими и нравственными достоинствами илотовъ и для уничтоженія такихъ опасныхъ рабовъ безъ зазрвннхъ совѣсти нарушали самыя священные божескіе и человѣческіе законы.

Въ АѢидахъ положеніе рабовъ, правда, было несравненно лучше, чѣмъ въ Спартѣ и нѣкоторые изъ другихъ государствъ; рабъ въ случаѣ крайне жестокаго обращенія съ нимъ могъ спастись подъ защитою алтара какъ преслѣдуемый звѣрь подъ защиту камня (Eurip. Suppl. 267); авторъ сочиненія de rep. Atheniens. жалуется даже на κλειστή ἀχολασία аѢискихъ рабовъ (cap. I, 10, ср. *Hermann*, Staatsalterth. § 114, Anm. 3 и 4); однакожъ эта гарантія противъ жестокости, равно какъ и то, что казнить смертію раба можно было только по суду (*Hermann*. *ibid*, Anm. 7—10) предоставляли еще слишкомъ много на произволъ господина для того, что бы сдѣлать положеніе раба, особенно сознающаго свое человѣческое достоинство, въ высшей степени тяжелымъ и невыносимымъ (*Becker*, *Charicles*. 2 Aufl. III, 34 и сл.). На законъ, nepoзвoляющій безънаказанно убивать рабовъ, намекаетъ очевидно и Эсхила въ трагедіи того же имени ст. 291.

Ἐκ. νόμος δ' ἐν ὑμῖν τοῖς τ' ἐλευθέροις ἴσος
καὶ τοῖσι δούλοις αἵματος κεῖται πέρι.

была и совсѣмъ уже невыносима ¹⁾), если ихъ не поддерживала надежда на освобожденіе.

Влагая въ уста рабовъ всѣ эти жалобы на свое положеніе и протесты противъ огульнаго презрѣнія къ нимъ, какъ рабамъ, Еврипидъ,

- 1) Andr. Av. 87 ὄρᾳς, ἀπαυδᾶς ἐν κακοῖς φίλοισι σοῖς.
 Θερ. οὐ δῆτα· μηδὲν τοῦτ' ὀνειδίσῃς ἐμοί.
 ἀλλ' εἰμ'. ἐπεὶ τοι κοῦ περίβλεπτος βίος
 δούλης γυναικὸς, ἣν τι καὶ πάθω κακόν.
 Nec. Ps. 315 ἤαρται· πέφευγας τὸν ἐμὸν ἰκέσιον Δία.
 ὡς ἔψομαι γε τοῦ τ' ἀναγκαίου χάριν
 θανεῖν τε χρῆζουσ'· εἰ δὲ μὴ βουλήσομαι,
 κακὴ φανούμαι καὶ φιλόψυχος γυνή.
 τί γάρ με δεῖ ζῆν; ἢ πατὴρ μὲν ἦν ἀναξ
 350 Φρυγῶν ἀπάντων· τοῦτό μοι πρῶτον βίου.
 ἔπειτ' ἐθρέφθην ἐλπίδων καλῶν ὑπο
 βασιλευσὶ νόμφῃ, ζῆλον οὐ σμικρὸν γάμων
 ἔχουσα, ὅτου δῶμ' ἐστὶν τ' ἀφίξομαι·
 355 δεσποινὰ δ' ἢ δύστηνος Ἰθαΐαισιν ἦν
 γυναιξὶ παρθένους τ' ἀπὸβλεπτος μέτα,
 ἴση θεοῖσι πλήν τὸ κατθανεῖν μόνον·
 νῦν δ' εἰμὶ δούλη. πρῶτα μὲν με τοῦνομα
 θανεῖν ἐρᾶν τίθησιν οὐκ εἰωθὸς ὄν·
 360 ἔπειτ' ἴσως ἂν δεσποτῶν ὤμῶν φρένας
 τύχοιμ' ἂν, ὅστις ἀργύρου μ' ὠνήσεται
 τὴν Ἐκτορὸς τε χιτῶν κασίην,
 προσθεῖς δ' ἀνάγκην σιτοποιὸν ἐν δόμοις,
 σαίρειν τε δῶμα κερκίσιν τ' ἐφεστάναι
 365 λυπρὰν ἄγουσαν ἡμέραν μ' ἀναγκάσει·
 λέχη δὲ τὰμὰ δοῦλος ὕνητός ποθεν
 γρανεῖ, τυράννων πρόσθεν ἤξιωμένα.
 οὐ δῆτ' ἀφίημι ὀμμάτων ἐλευθέρον
 φέγγος τόδ', Ἄϊδη προστιθεῖσ' ἐμὸν δέμας.
 Troad. 'Εκ. τὸ λυσιπθιον δὲ θριγκὸς ἀθλίων κακῶν,
 490 δούλη γυνὴ γραῦς Ἑλλάδ' εἰσαφίξομαι.
 ἂ δ' ἐστὶ γῆρα τῶδ' ἀσυμφορώτατα,
 τούτοις με προσθήσουσιν, ἢ θυρῶν λάτρην
 κληῖδας φυλάσσειν, τὴν τεκοῦσαν Ἐκτορα,
 ἢ σιτοποιεῖν, κἴν πέδῳ κοίτας ἔχειν
 495 ῥυσοῖσι νώτοις βασιλικῶν ἐκ δεμνίων,
 τρυχηρὰ περὶ τρυχηρὸν εἰμένην χροῖα
 πέπλων λακίσματ', ἀδόκιμ' ὀλβίοις ἔχειν.

Ср. подобныя же разсужденія Андромачи (Andr. 315 сл.), fragm. 247 и Troad. 298 сл.

безъ сомнѣнія, желалъ, возбуждая состраданіе къ жалкому положенію рабовъ и доказывая, что рабы такіе же люди, какъ и господа ихъ, внушить своимъ согражданамъ, что и рабы имѣютъ право на человѣческія отношенія къ нимъ, и такимъ образомъ улучшить положеніе ихъ по крайней мѣрѣ фактически, если не юридически (Ср. Goebel, Eurip. de vita priv. ac dom. p. 59. sq., Schenkl, Polit. Ansch. d. Eurip. s. 14). Но въ своихъ сужденіяхъ о рабахъ поэтъ нашъ, очевидно, шелъ гораздо дальше этихъ гуманныхъ, но не противорѣчащихъ существовавшему строю жизни пожеланій. Признавая, что всѣ люди одинаковаго происхожденія и что природа не сдѣлала разницы между рабами и свободными, Еврипидъ, какъ это ясно видно изъ приведеннаго выше отрывка изъ „Александра (fr. 53), полагалъ, что отъ природы (φύσει) нѣтъ ни рабовъ, ни свободныхъ, и что существующее между ними различіе основывается не на прочныхъ законахъ природы, а на обычаяхъ и переменчивыхъ законахъ (νόμῳ), установленныхъ людьми. Поэтъ нашъ такимъ образомъ принадлежалъ къ числу первыхъ сторонниковъ и проповѣдниковъ того мнѣнія, по которому „различіе между рабами и свободными существуетъ только по закону, а по природѣ они ни мало не отличаются другъ отъ друга“, и которое такъ усердно старается опровергнуть Аристотель, признававшій рабство необходимымъ элементомъ общества и государства¹⁾. Но сторонники мнѣнія, что рабство—неестественно, какъ извѣстно, на основаніи его неестественности, возставали противъ самаго существа рабства и утверждали, что оно несправедливо, ибо представляетъ собою насиліе. Хотя ни въ дошедшихъ до насъ трагедіяхъ Еврипида, ни въ отрывкахъ дошедшихъ такихъ прямыхъ протестовъ противъ рабства нѣтъ, тѣмъ не менѣе изъ вышеприведенныхъ мѣстъ и особенно изъ fr. 53 можно заключать, что поэтъ-философъ доходилъ и до этого конечнаго логическаго вывода относительно рабства. Очень можетъ быть, что высказываться противъ рабства прямо и такимъ образомъ открыто подрывать одинъ изъ самыхъ важныхъ устоевъ соціальной жизни было невозможно, по крайней мѣрѣ не безопасно, особенно во времена Пелопоннесской войны, когда рабы и безъ того уже позволяли себѣ многое безнаказанно и когда даже въ защиту союзниковъ, какъ показываетъ примѣръ Аристофана, говорить было далеко не-

¹⁾ Arist. Polit. I, 1253 b. οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων. *ibid.* τοῖς δὲ δοχεῖ εἶναι παρὰ φύσιν τὸ δεσπόζειν. νόμῳ γὰρ τὸν μὲν δούλον εἶναι, τὸν δ' ἐλεύθερον, φύσει δ' οὐδὲν διαφέρειν. διόπερ οὐδὲ δίκαιον βίαιον γάρ.

безопасно (Aristoph. Nub. 1 ch.; Acharn. 465 сл.). Для поэта время Пелопоннесской войны достаточно уже и того, что, признавая въ рабахъ людей, по природѣ равныхъ съ свободными и даже способными превосходить ихъ, онъ выступилъ такимъ смѣлымъ защитникомъ челоѣческаго достоинства рабовъ и, несмотря на нападки и порицанія современниковъ, отпоядилъ имъ такую видпую роль въ героической трагедіи, поставивъ предъ лицомъ публики рядомъ съ царями и родовитыми героями миѣнческой древности „благородныхъ рабовъ“, δοῦλους γενναίους, ἐσθλοὺς, эпитеты, безъ сомнѣнія сильно поражавшіе слухъ многихъ жителей, тѣмъ болѣе, что Еврипидъ въ такихъ благородныхъ рабахъ видѣлъ не ошибку природы, какъ впоследствии Аристотель, а совершенно естественное явленіе, основанное на томъ, что рабы—такіе же люди, какъ и свободные и, слѣд., также, какъ и свободные, могутъ быть благородны въ томъ смыслѣ, какъ понималъ благородство поэтъ, т. е. добродѣтельны. Добродѣтель—вотъ единственно вѣрный критерій, по ученію Еврипида, для правильной оцѣнки людей, а не принадлежность къ тому или другому сословію или состоянію ¹⁾).

¹⁾ Electra, 'Ореест. οὐ μὴ φρονήσῃ', οἱ κενῶν δοξασμάτων
 πληρεῖς πλανᾶσθε, τῇ δ' ὀμιλίᾳ βροτοῦς
 κρινεῖτε καὶ τοῖς ἡθεσιν τοὺς εὐγενεῖς;
 οἱ γὰρ τοιοῦτοι τὰς πόλεις οἰκοῦσιν εὖ
 καὶ δῶμαθ', αἱ δὲ σίρκες αἱ κεναὶ φρενῶν
 ἀγάλματ' ἀγορᾶς εἰσιν.

Д. В-въ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О РАСКОПКАХЪ ВЪ ОЛИМПИИ, ПЕРГАМЪ И ЮЖНОЙ РОССИИ.

Занятія умственною жизнью культурныхъ народовъ древности ограничивалось въ прежнія времена почти исключительно изученіемъ сохранившихся сочиненій великихъ ихъ писателей. Безъ сомнѣнія, эти произведенія составляютъ для насъ важнѣйшій источникъ для ознакомленія съ тѣмъ, что создано этими народами; тѣмъ не менѣе чтеніе писателей остается одностороннимъ, если оно не идетъ рука объ руку съ точнымъ знаніемъ мѣстожителства ихъ и съ изученіемъ произведеній искусства.

Въ наше время усиленно стараются и съ этой точки зрѣнія расширить наше знакомство съ состояніемъ культуры прежнихъ столѣтій. Съ помощью повѣйшихъ путей сообщенія предпринимаются многочисленные путешествія въ Италію и Грецію, въ Египетъ и Ассирію, результаты которыхъ обогащаютъ топографію и географію и совершенствуютъ наше пониманіе, какъ историческихъ событій, такъ и развитія міровъ.

Кромѣ того, предпринимаются съ затратою большихъ суммъ и въ небываломъ до сихъ поръ объемѣ раскопки въ мѣстахъ древней культуры. Въ особенности за послѣдніе семь лѣтъ сдѣланы въ различныхъ мѣстахъ весьма интересныя открытія. Попытаюсь дать здѣсь обзоръ произведеній греческаго народа, обнаружившихся въ трехъ различныхъ мѣстахъ греческой культуры: въ Целоношесѣ, Малой Азійи и Южной Россіи. Раскопки, во всѣхъ трехъ мѣстахъ предпринятія систематически, привели къ такимъ находкамъ, которыя чрезвычайно важны при изученіи греческихъ древностей.

Знаменитое мѣсто празднествъ Олимпія въ Элидѣ, куда въ продолженіе многихъ столѣтій Греки черезъ каждые 4 года изъ всѣхъ странъ древняго міра стекались для празднованія національныхъ игръ, съ давнихъ поръ уже обратило на себя вниманіе любителей древности. Въ священной области, Альтисѣ, не только находилось, какъ разказываетъ Павзаній въ 5-й и 6-й книгахъ, нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ, но и много другихъ зданій; она была наполнена статуями побѣдителей, изображеніями боговъ, разнаго рода жертвовавіями и надписями, и обѣщала поэтому богатую добычу для ознаменія съ греческой архитектурой, исторіей и топографіей.

Въ 1766 году Англичанинъ Чандлеръ, путешествуя по Греціи, посѣтилъ также мѣстность Олимпіи, гдѣ въ то время лишь тамъ и сямъ выглядывали изъ-подъ травы незначительныя развалины. Еще въ январѣ 1768 года, незадолго до смерти, Винкельманъ обратилъ вниманіе на сокровища, которыя, по его предположенію, должны были таиться въ Олимпіи. Но уже въ текущемъ столѣтій Англичанинъ Стэнгопъ предпринялъ изслѣдованіе Олимпіи. Однако, изданная имъ въ 1824 г. въ Лондонѣ великолѣпная книга ¹⁾, представляющая въ красивыхъ гравюрахъ различныя виды мѣстности, очень мало подвинула впередъ наше знакомство съ древней Олимпіей. Съ большей осмотрительностью предприняла свои работы одна французская ученая экспедиція, которой было поручено изслѣдовать острова Архипелага и Пелопоннеса. Раскопки были начаты въ маѣ 1829 года, и совершенно удачно выбрали именно мѣсто, гдѣ прежде гордо возвышался великолѣпный храмъ Зевса. Хотя вскорѣ трудъ и былъ вознагражденъ находкой нѣкоторыхъ рельефовъ ²⁾, тѣмъ не менѣе удачно начатое предпріятіе пріостановилось и оставило только несомнѣнное убѣжденіе, что тамъ, гдѣ были прекращены раскопки, могло бы быть найдено еще очень многое.

Но разъ зародившаяся мысль, успѣвшая уже принести кой-какіе плоды, не прошла безслѣдно. Въ Германіи этою же мыслью задался Эрнстъ Курциусъ. Онъ сумѣлъ заинтересовать своимъ планомъ Германскаго наслѣднаго принца и ему удалось получить изъ государственныхъ источниковъ большую сумму для раскопокъ и выхлопотать отъ греческаго правительства дозволеніе для производства ихъ.

¹⁾ Olympia, or Topography illustrative of the actual state of the plain of O. by G. S. Stanhope.

²⁾ Expedition scientifique de la Morée. Paris, 1832.

По заключеніи договора, дававшего Нѣмцамъ право покупать въ области Олимпіи воздѣланную и не воздѣланную землю и предпринимать тамъ раскопки, между тѣмъ какъ всѣ найденные предметы должны были принадлежать греческому правительству, начались въ октябрѣ 1875 г. работы. Руководство надъ ними было ввѣрено сперва гг. Гиршфельду и Бѣтхеру, а впоследствии гг. Трей и Дѣрпфельду. Число рабочихъ, состоявшее обыкновенно изъ 120 — 160 человѣкъ, доходило иногда до 300 и даже до 500 человѣкъ, особливо въ то время, когда хотѣли достигнуть извѣстной цѣли до наступленія жаркаго времени года, въ которое, какъ рои комаровъ, такъ и лихорадки, дѣлають работу невозможною.

Въ прошломъ году (1881) работы были окончены въ виду того, что была вскопана не только вся поверхность Альтиса, но даже и часть смѣжной мѣстности. Количество найденнаго чрезвычайно велико и изученію находокъ едва теперь положено начало ¹⁾.

Предполагая дать краткій обзоръ о результатахъ Олимпійскихъ раскопокъ, мы скажемъ сперва о топографіи и расположеніи важнѣйшихъ зданій, далѣе объ ихъ архитектурѣ и о скульптурной отдѣлкѣ, а затѣмъ обратимся къ замѣчательнѣйшимъ изъ уцѣлѣвшихъ статуй ²⁾ и наконецъ, къ надписямъ.

Начиная съ того года, въ который одержалъ побѣду Коребъ и съ котораго началось счисленіе по Олимпіадамъ, и самое празднество и мѣсто его сохранили свое значеніе въ продолженіе болѣе тысячи лѣтъ: они не утратили его даже при римскихъ императорахъ. Неронъ, напримѣръ, принималъ участіе въ состязаніяхъ и былъ награжденъ вѣнкомъ. При Юліанѣ игры справлялись съ величайшей торжественностью, и Элейцы были освобождены отъ новинностей; только послѣ 394 г. прекратилось празднованіе совершенно. Зданія начали разрушаться и набѣги Готовъ (396 г.) и Аваровъ (589 г.) достигли, кажется, и той части Пелопоннеса, гдѣ лежитъ Олимпія. До сихъ поръ

¹⁾ Отчеты о раскопкахъ и публикація надписей помѣщены въ *Archaeologische Zeitung. Neue Folge. XXXIII—XXXVIII*. Berlin, 1876—1881; списки же произведеній искусства и толкованіе ихъ, равно какъ и планы раскопанной мѣстности помѣщены въ книгѣ, озаглавленной: «*Die Ausgrabungen zu Olympia*». I, II, III, IV fol. Berlin. 1877—1880.

²⁾ У кого не имѣется подъ рукою вышеназваннаго сочиненія, тотъ найдетъ планъ раскопанной мѣстности въ *Meyers Konversationslexicon*, 17. Supplement—Band. Leipzig, 1880, стр. 652, а изображенія нѣкоторыхъ произведеній искусства тамъ же на стр. 654.

предполагали, что священная область, по прекращеніи игръ, была совершенно пуста и необитаема. Раскопками однако доказано, что это предположеніе ошибочно. Въ V и VI столѣтіяхъ послѣ Р. Х. на мѣстѣ покрытаго развалинами Альтиса поселилось бѣдное варварское племя. Поселенцы эти выстроили себѣ жалкія хижины изъ дерева и глины, и чтобы защищаться отъ непріятельскихъ нападений, воздвигли укрѣпленную стѣну изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, взятыхъ или изъ развалинъ храмовъ, или отъ развалившихся мраморныхъ статуй, или наконецъ изъ числа каменныхъ плитъ съ надписями. Къ счастью, они вовсе не обтесывали этого матеріала и не скрѣпляли его известкой, такъ что повредили его очень мало. Въ хижинахъ этихъ земледѣльцевъ, занимавшихся земледѣіемъ и винодѣіемъ, притомъ очень первобытными способами, найдены были мѣдныя монеты временъ Льва I-го (457—474) и Юстиніана (527 — 565). Одна монета, найденная въ храмѣ Геры, отчеканена при императорѣ Маврикіѣ (592—602).

Въ VII столѣтіи послѣ Р. Х. это заселеніе Альтиса прекратилось, и мѣстность обращается въ пустыню, какъ бы для охраны того, что до тѣхъ поръ не подверглось разрушенію.

Остатки древностей обязаны своимъ спасеніемъ главнымъ образомъ рѣкѣ Альфею. Имѣя свое начало на возвышенностяхъ Аркадіи, рѣка эта быстро протекаетъ мимо южной стороны Альтиса по направленію къ Ионическому морю. Ежегодно при таяніи снѣга въ горахъ, она выступаетъ изъ своихъ береговъ и наводняетъ часть долины. Однако еще сильнѣе замѣтно дѣйствіе рѣки, когда воды одного изъ горныхъ озеръ Аркадіи, находящихся въ связи съ Альфеемъ, вслѣдствіе засоренія истока, поднимаются въ берегахъ своихъ. Страшное давленіе воды открываетъ себѣ наконецъ проходъ и каскадами низвергаетъ потокъ воды въ долину. Вслѣдствіе того надъ развалинами образовался слой песка и глины, который на югѣ около берега рѣки имѣетъ толщину въ 2 сажени; по направленію же къ сѣверу толщина этого слоя уменьшается. На западѣ Альтиса такимъ же образомъ напесенъ песокъ притокомъ Альфея—Кладеемъ, текущимъ съ сѣвера и защищающимъ эти части священной области отъ рукъ варваровъ-грабителей.

Обѣ названныя рѣки составляютъ на югѣ и на западѣ границы Альтиса. Еще рѣзче обозначена граница на сѣверѣ посредствомъ склона холма Крона. Восточную же границу четырехугольной площади предстояло еще опредѣлить. Такъ какъ съ холма на сѣверѣ также

обрушилось въ долину довольно большое количество земли, то древнія постройки были совершенно засыпаны. На полѣ видѣлись лишь незначительныя кирпичныя стѣны временъ Византійцевъ, да нѣкоторые остатки храма Зевса, около котораго еще въ 1829 г. Французы производили раскопки. Съ этого храма и его ближайшей окрестности Нѣмцы и начали свои раскопки; для дальнѣйшаго ознакомленія съ мѣстностью они провели рвы, а затѣмъ раскопали и остальную площадь.

Границы Альтиса на югѣ и западѣ составляли двѣ стѣны, образывавшія прямой уголъ. На сѣверѣ границы Альтиса заканчивались холмомъ Крона, а на востокѣ портикомъ, направляющимся къ югу.

Мы начнемъ перечисленіе значительнѣйшихъ зданій съ сѣверо-запада, а оттуда направимся къ востоку, по склону холма Крона.

Въ означенномъ мѣстѣ священной области, тамъ, гдѣ дорога вела въ Элиду, находился (Paus. V, 15, 8) Пританей, который теперь раскрытъ, благодаря раскопкамъ; по точному изслѣдованію выяснилось, что всѣ его стѣны и мозаичныя полы относятся къ времени Римлянъ. Этимъ открытіемъ однако не ограничились; при дальнѣйшихъ раскопкахъ обнаружались не только древне-дорическія капители колоннъ, но и хорошо сохранившіяся стѣны, по которымъ можно ясно воспроизвести изображеніе греческаго Пританея. Внутренній дворъ окруженъ нѣсколькими комнатами; большая зала, изъ которой, сквозь ряды колоннъ, можно было видѣть дворъ, служила вѣроятно столовою, гдѣ побѣдители были угощаемы во время игръ. Въ среднѣй дворѣ находился алтарь Гестіи, на которомъ непрерывно поддерживался огонь.

Круглое зданіе, котораго фундаментъ и стѣны обнаружались на югѣ отъ Пританея, есть Филиппей ¹⁾).

Зданіе это интересно и важно для насъ по разнымъ причинамъ. Время возникновенія его извѣстно намъ въ точности. Царь Филиппъ Македонскій велѣлъ выстроить его послѣ того, какъ онъ сдѣлался властителемъ Греціи вслѣдствіе побѣды при Хероней. Филиппей этотъ составляетъ для насъ древнѣйшій и величайшій (діаметръ равняется 3 1/2 саженимъ) образецъ греческаго круглаго храма, и такъ какъ открыты всѣ важнѣйшія части зданія, то-есть возможность реставрировать красивое, окруженное стройными мраморными колоннами

¹⁾ Paus. V, 20, 5 οἴκημα περιφέρει, ὀνομαζόμενον Φιλίππειον· ἐπὶ κορυφῇ δὲ ἔσται τοῦ Φιλίππειου μύκων χαλκῆ σύνδεσμος ταῖς δοκοῖς.

зданіе, возвышавшееся на базисѣ, который состоялъ изъ трехъ ступеней.

Въ храмѣ когда-то помѣщались статуи Аминта, Филиппа, Александра, Олимпіады и Евридики, сдѣланныя Леохаромъ изъ золота и слоновой кости. Красивыя мраморныя основанія статуй этихъ найдены.

На востокъ отъ Филиппея находится очень большой дорическій храмъ (19 сажень въ длину и $9\frac{1}{2}$ въ ширину). Храмъ этотъ, окруженный 44 колоннами (6: 16), есть Герей¹⁾. Внутренность его раздѣлена на три отдѣленія, и архитектура его совершенно соотвѣтствуетъ описанію Павзанія, которому удалось еще видѣть въ этой очень древней постройкѣ деревянную колонну, уцѣлѣвшую не смотря на частыя исправленія, какъ остатокъ первоначальной постройки.

Во времена Римлянъ вмѣсто дорическихъ колоннъ были поставлены внутри храма іоническія. Храмъ этотъ, подобно музею, содержалъ въ себѣ богатое собраніе пожертвованій, мѣдныхъ плитъ съ надписями, слѣды которыхъ еще видны на колоннахъ, и замѣчательный ящикъ Кипсела. О двухъ мраморныхъ статуяхъ этого храма, найденныхъ при раскопкахъ, мы поговоримъ ниже, чтобы не прерывать обзоръ построекъ.

Къ Гереею примыкаетъ на востокѣ постройка, о которой до сихъ поръ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній, потому что она не существовала въ томъ году, когда Павзаній посѣтилъ Олимпію. Иродъ Аттический, цѣнитель и покровитель греческаго образованія, увѣковѣчившій, благодаря своему громадному богатству, какъ свое имя, такъ и имя супруги своей Региллы постройками и надписями, пожелалъ также сдѣлаться покровителемъ бойцовъ и зрителей Олимпійскихъ игръ²⁾.

При удручающей жарѣ, господствовавшей по время игръ, чувствовалась сильнѣйшая потребность въ свѣжей водѣ; поэтому большое число водопроводовъ, относящихся къ болѣе раннему времени, впоследствии, во времена Римлянъ, было еще увеличено. Тогда же былъ устроенъ передъ Гереемъ и фонтанъ. Самая красивая постройка этого рода есть Экведра Ирода Аттического. На скатѣ холма Крона вырѣзана въ видѣ полукруга терраса, состоящая какъ бы изъ двухъ ступеней. На верхней ступени красовалась 21 статуя, изображающія

¹⁾ Paus. V, 16, 1.

²⁾ Philostrat. Vit. Sophist. II, 1, 5. Lucian. Peregr. 19, 20. Иродъ умеръ въ Маравонѣ въ 177 г. по Р. Х.

Ирода и Региллу, равно какъ и членовъ и друзей императорской фамиліи. Благодаря раскопкамъ, вновь открыты статуи Марка Авреліи въ великолѣпно украшенномъ панцирѣ и Фаустины, супруги Антоніи Піа, съ тщательно отдѣланною головою, равно какъ и цѣлый рядъ красивыхъ статуй въ одѣяніи, но безъ головъ. У переднихъ угловъ полукруглой террасы помѣщаются два маленькихъ полукруглыхъ храма. Рядомъ съ ними черезъ двѣ мраморныя львиныя головы ниспадающая сверху вода струилась въ большой бассейнъ, лежащій между двумя храмиками. На передней сторонѣ обложеннаго мраморными плитами бассейна стоялъ быкъ изъ мрамора, наклоняющій голову, какъ бы собираясь взрывать землю и бьющій хвостомъ о бока. На правомъ боку этого быка находится надпись ¹⁾, по которой видно, что водопроводъ посвященъ Региллою Зевсу. Если мы представимъ себѣ эту террасу во всей ея полнотѣ, съ ея архитектурными украшеніями, съ ея статуями, оживленную блестящимъ зеркаломъ бассейна и плескомъ вытекающей воды и окруженную высокими дубами и соснами, растущими на холмѣ Крона — то несомнѣнно должны воздать дань удивленія фантазіи художника, создавшаго все это.

Какъ для Экзедры, ради выигрыша мѣста, была сдѣлана вырѣзка въ холмѣ, такъ и для построенныхъ около Экзедры сокровищницъ пришлось сдѣлать то же на скатѣ холма Крона террасу, которая соединялась съ Альтисомъ нѣсколькими ступенями, и у задней стороны которой была возведена крѣпкая стѣна, чтобы сдерживать землю, могущую сползать съ холма Крона. Первая сокровищница во времена Павзанія ²⁾ (около 140 года) принадлежала Сикіонцамъ. Она то и должна была уступить мѣсто Экзедрѣ Ирода. Теперь первую занимаетъ сокровищница Гелона и Сиракузянъ, построенная послѣ побѣды его надъ Карфагенянами при Гимерѣ. Сокровищницы эти имѣютъ фасады маленькихъ храмовъ и состоятъ изъ одной или двухъ комнатъ, въ которыхъ были выставлены подарки изъ золота и серебра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что другая отрытая сокровищница, предпоследняя съ востока, принадлежала Мегарейцамъ: на одномъ камнѣ архитрава видѣются буквы ΜΕΓ. Въ треугольникѣ фронтона, какъ

¹⁾ Olympia II, Taf. 29; III, Taf. 27; Arch. Zeitung, 1878. S. 94. № 149. Πήγυλλα, ἱέρεια Δήμητρος, τὸ ὕδωρ καὶ τὰ περὶ τὸ ὕδωρ τῷ Διί.

²⁾ Paus. VI, 19, 1. ἐπὶ ταύτης τῆς κρηπίδος εἰσὶν οἱ θησαυροί. ἔστι δὲ θησαυρὸς ἐν Ὀλυμπίᾳ Σικωνίων καλοῦμενος.

неточно выражается Павзаній ¹⁾, изображена борьба гигантовъ съ богами. Раскопки здѣсь дали намъ немаловажныя дальнѣйшія свѣдѣнія. Борьба гигантовъ была изображена на фронтопѣ не посредствомъ цѣлаго ряда статуй, какъ это обыкновенно дѣлается, а на плитахъ съ рельефами ²⁾. Это древнѣйшій извѣстный намъ примѣръ связной группы статуй на фронтопѣ, ибо онъ относится приблизительно къ половинѣ VI столѣтія. Въ серединѣ фронтона стоялъ Зевсъ; передъ нимъ, на колѣняхъ, раненый гигантъ въ полномъ вооруженіи. Справа находятся Аресь и Геркулесь, сражающіеся съ гигантами; слѣва, вполне симметрично,—Аэина и Посейдонъ. Къ послѣднимъ идетъ на помощь помѣщенное въ углу фронтона морское чудовище. Искусство здѣсь находится еще въ отрочески зрѣломъ возрастѣ, движенія порывисты, выраженіе лицъ неподвижно, но тѣмъ поучительнѣе имѣтъ передъ глазами первые образы, изъ которыхъ мало по малу развилась полная красота изображенія тѣлъ и композиціи.

Передъ террасою, на которой находились сокровищницы, были поставлены мѣдныя статуи Зевса, воздвигнутыя на тѣ деньги, которыя взымались, какъ штрафъ, за нарушение законовъ при состязаніяхъ. Пьедесталы почти всѣ найдены на прежнихъ своихъ мѣстахъ, статуи же исчезли, такъ какъ онѣ были слѣваны изъ драгоценнаго матеріала; подобно тому почти ни одна изъ остальныхъ бронзовыхъ статуй (числомъ около 200, по Павзанію) не уцѣлѣла отъ рукъ грабителей-варваровъ. Отъ названныхъ статуй Зевса, по странной ироніи судьбы, сохранилась лишь одна молнія, да огромная нога изъ бронзы. Въ концѣ этого ряда статуй, стало быть, въ сѣверо-восточномъ углу Альтиса, находился „тайный входъ“ ³⁾ въ стадій, которымъ пользовались судьи и состязующіеся. Входъ этотъ отрытъ; онъ состоитъ изъ свода въ 15 сажень длины, 1³/₄ саж. ширины, и при выходѣ онъ украшенъ мраморною статуей Немезиды. Богиня держала въ правой рукѣ руль, опирающійся на колесо, а въ лѣвой—аршинъ, и имѣла назначеніе предостерегать входящихъ отъ надменности и несправедливости.

¹⁾ Paus. VI, 19, 13. Τοῦ θησαυροῦ δὲ ἐπείραστα: τῶ ἀετῶ, ὁ γιγάντων καὶ θεῶν πόλεμος.

²⁾ Arch. Zeitung. 1880. стр. 50. Olympia IV, табл. 18, 19, 20.

³⁾ Paus. VI, 20, 8. Ἔστι δὲ ἐπὶ τῶ πέρατι τῶν ἀγαλμάτων, ἃ ἐπὶ ζημίᾳ ἐποιήσαντο ἀθλητῶν, ἣν Κροπτήν ὀνομάζουσιν ἔσοδον.

Передъ тайнымъ входомъ, по направленію къ востоку, простирался Стадій. Длина его равняется 190,15 метрамъ=90 саженьмъ. На югѣ, по направленію къ Альфею, была высокая насыпь для зрителей; на сѣверѣ склонъ холма по обширности своей давалъ возможность тысячамъ зрителей смотрѣть на состязанія.

Вернемся теперь къ Альтису. Павзаній ¹⁾ упоминаетъ о какой-то галлерей, называвшейся пестрою, такъ какъ ее украшали картипы, или же галлерей эхо, потому что каждый звукъ отдавался въ этой галлерей семь разъ. Гдѣ находилась эта галлерей—изъ его словъ не ясно. Раскопки доказали, что галлерей эхо замыкала священную площадь на востокѣ. Простираясь на разстояніи 44 сажень отъ сѣвера на югъ, названная галлерей заднею своею стороною была обращена къ Стадію, между тѣмъ какъ по направленію къ Альтису онъ была открыта. Потолокъ галлерей, имѣвшій 4 сажени ширины, былъ сдѣланъ въ древнія времена изъ изящной деревянной обшивки, а передній край его былъ украшенъ красивымъ карнизомъ. Потолокъ этотъ поддерживался 46 стройными іоническими колоннами; три мраморныя ступени соединяли эту галлерей съ Альтисомъ.

На югѣ и на западѣ границы священной области составляли стѣны, которыя въ древнія времена были украшены статуями.

Южная стѣна имѣла большія ворота, черезъ которыя во время празднествъ проходила процессія; позднѣе ворота эти были перестроены на подобіе римской триумфальной арки.

Приблизительно въ серединѣ къ южной сторонѣ примыкаетъ съ наружной стороны зданіе, въ которомъ сохранился Олимпійскій софитъ, *βουλευτήριον* ²⁾). Большой квадратный залъ, стѣны котораго имѣютъ 7 сажень длины, составляетъ центръ этого зданія; съ двухъ сторонъ прилегаютъ къ нему два дѣльных, узкихъ строенія, образующія по направленію къ западу полукругъ; мы имѣемъ тутъ планъ, составляющій древнѣйшій образецъ для христіанскихъ базиликъ и церквей среднихъ вѣковъ.

Изъ всѣхъ зданій, красовавшихся на площади Альтиса, самый знаменитый былъ храмъ Зевса. Въ этомъ святилищѣ находилось нѣкогда исполинское изображеніе бога, сдѣланное изъ золота и слоновой кости рукою Фидія. Спокойная величавость бога производила впечатлѣніе даже на Римлянъ, менѣе чувствительныхъ къ пониманію

¹⁾ Павс., V, 21, 17.

²⁾ Olympia. IV, таб. 35.

художествъ. Это великолѣпное произведеніе искусства увезено было, до вторженія Готовъ въ Грецію, въ Константинополь, гдѣ оно и подверглось уничтоженію.

Отъ самаго храма и его скульптурныхъ украшеній, благодаря раскопкамъ, найдены столь значительные остатки, что мы въ состояніи почти въ точности воспроизвести его первоначальный видъ.

Храмъ, расположенный на площадкѣ внутри Альтиса, возвышается на трехъ ступеняхъ. Самая высокая изъ нихъ имѣетъ длину 200 олимпійскихъ футовъ (=64,10 метрамъ), ширину—85 футовъ (=27 метрамъ). Короткія стороны имѣли по шести, а длинныя по тринадцати дорическихъ колоннъ, значительный діаметръ которыхъ придавалъ зданію характеръ чрезвычайно величавый. Постройка его была окончена около 480 года. Метопы окончены около 450 года, а группы статуй въ фронтонахъ сдѣланы между 430 и 422 годами¹⁾.

Два алтаря въ боковыхъ отдѣленіяхъ храма и третій передъ восточнымъ входомъ его доказываютъ, что храмъ не служилъ исключительно, какъ утверждали, мѣстомъ для уиѣщанія побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, но также и для культа богу. Огромное изображеніе Зевса, базисъ котораго еще отчасти сохранился, не былъ помѣщенъ въ нишѣ; не было также особаго помѣщенія для храмовой утвари и сокровищъ, которыя, вѣроятно, сохранялись въ *βουλεутήριον*. На капителяхъ колоннъ и другихъ частяхъ постройки уцѣлѣли явные слѣды краски.

Подробное описаніе Павзація и найденные остатки наилучшимъ образомъ пополняютъ другъ друга, такъ что мы въ состояніи представить себѣ украшенія храма посредствомъ скульптуры во всѣхъ его частяхъ.

Надъ входомъ храма, на восточной сторонѣ и на противоположной сторонѣ подъ западнымъ фронтономъ, какъ повѣствуетъ Павзавій²⁾, были изображены на метонахъ подвиги Геркулеса. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, представляющіе Эриманойскаго кабана, коней Діомеда, исполина Геріона, были найдены уже французскими изслѣдователями и находятся теперь въ Парижѣ³⁾. Отъ всѣхъ остальныхъ

¹⁾ Ср. Schubring, Archäol. Zeit., 1877, стр. 66 сл.

²⁾ Paus. V, 10, 9.

³⁾ Expedition Scientif. I, 75, 1. 4. 6; 78, 2. Clarac, Musée de Sculpture pl. 195 B. 211 A. C. H. Müller-Wieseler, Denkmäler d. a. Kunst. Taf. XXX, n. 128.

метоповъ найдены теперъ обломки. По нимъ мы видимъ, что не упомянутое Павзаниемъ доставленіе Цербера изъ ада не было забыто. Лернейская гидра была изображена въ видѣ многоглаваго огромнаго чудовища, занимающаго болѣшую часть плиты. Въ этомъ мы узнаемъ еще манеру болѣе древняго искусства изображать фантастическія фигуры животныхъ въ огромныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего для героя остается мало мѣста. Дстанка Эриманойскаго кабаиа изображена такъ, какъ мы это видимъ на вазахъ древняго стиля: Геркулесъ несетъ пойманное животное на плечѣ, а царь Еврисоей спрятался въ бочкѣ со страха. Какъ видно, даже при украшеніяхъ храма допускается юмористическій взглядъ на мифъ ¹⁾. Почти сполна мало по малу открыты теперъ всѣ фигуры фронтона—отчасти около ступеней храма, отчасти занесенныя далѣе.

Въ восточномъ фронтонѣ былъ изображенъ моментъ передъ началомъ состязанія Пелопса съ Эномаемъ, ибо это состязаніе, доставившее Пелопсу господство надъ полуостровомъ, считалось за мифическій прототипъ Олимпійскихъ состязаній.

Въ серединѣ помѣщенъ Зевсъ, принимающій здѣсь на себя роль посредника. Моцная обнаженная грудь, хотя и въ обломкѣ, даетъ возможность замѣтить, что богъ ростомъ своимъ превосходитъ смертныхъ. Слѣва стоитъ Пелопсъ безъ бороды и съ скромнымъ выраженіемъ лица; съ нимъ рядомъ стоитъ Гипподамія, его невѣста. Угрюмо и прямо смотритъ бородатый Эномай, стоящій по другую сторону. Рядомъ съ нимъ находится его жена. Къ этимъ пяти помѣщеннымъ въ серединѣ фигурамъ примыкаютъ съ двухъ сторонъ лошади, впряженныя въ колесницы и сдерживаемыя сидящими возницами. Справа въ сѣверномъ углу лежитъ юноша, опирающійся руками на землю и смотрящій съ наивнымъ выраженіемъ любопытства на то, что происходитъ въ серединѣ. Въ южномъ углу распростертъ среднихъ лѣтъ мужчина, опирающійся на лѣвый локоть. Это богъ рѣки Альфей, рядомъ съ которымъ помѣщенъ болѣе молодой его товарищъ Кладей. Оба они въ продолженіе многихъ вѣковъ были свидѣтелями Олимпійскихъ празднествъ, ибо они окружаютъ мѣсто празднествъ, Кладей на сѣверѣ, а Альфей—на югѣ Алтиса.

Группа эта есть работа Пеонія изъ Менды ²⁾ во Фракии, совре-

¹⁾ Ср. Olympia IV, стр. 26—30. *Treu, Archaeolog. Zeitung*, 1877. стр. 171—189, табл. 13.

²⁾ Paus. V, 10, 8.

менника Фидія. Степень его искусства мы теперь можемъ видѣть наглядно по его творенію.

Въ противоположность съ только что описанной спокойной сценой, Алькаменемъ ¹⁾, также соперникомъ Фидія, изображена неистовая борьба. На свадьбѣ Пиріооя съ Гипподаміей, кентаврѣ Евритіонѣ, опьянѣвши, похитилъ невѣсту; Корипей и Ѳезей спасаютъ ее, и при этомъ происходитъ сильная суматоха, такъ какъ чудовища съ жадностью кидаются на женщинъ, а Лапионы храбро сопротивляются дерзкимъ похитителямъ. Не смотря на всю разнузданность борьбы, художникъ сохранилъ и здѣсь симметрическій порядокъ. Рядомъ съ среднею фигурой справа и слѣва стоятъ два кентавра, похищающіе каждый сильно сопротивляющуюся женщину. Мы видимъ, какъ одна изъ двухъ похищаемыхъ женщинъ хватается за бороду своего похитителя съ намѣреніемъ оттолкнуть его. Затѣмъ слѣдуютъ упавшіе на колѣни кентавры, побѣжденные Лапионами. Мѣстныя нимфы, расположившіяся въ углахъ на землѣ, какъ бы замыкаютъ эту группу. Насколько возможно судить по уцѣлѣвшимъ головамъ, художникъ съ удивительнымъ мастерствомъ передалъ звѣрскую необузданность кентавровъ, мужественную рѣшительность на лицахъ Лапионовъ, страхъ и испугъ на лицахъ похищаемыхъ женщинъ и любопытное удивленіе нимфъ, смотрящихъ на борьбу съ полуоткрытымъ ртомъ.

Въ среднѣй фронтонѣ, прямо вытянувшись, стоитъ мужская фигура, ростомъ превосходящая всѣхъ другихъ. Лѣвая рука фигуры этой опущена, правая же горизонтально вытянута. Павзаній ²⁾ называетъ фигуру эту Пиріооомъ; но это, безъ сомнѣнія, ошибочно. Онъ просто передаетъ то, что слышалъ отъ одного изъ Олимпійскихъ чичероне, которые такъ же мало были образованы, какъ и чичероне нашихъ теперешнихъ художественныхъ коллекцій. Фигура, составляющая центръ фронтонѣ, есть божество, равно какъ въ западномъ фронтонѣ этого храма и въ группѣ фронтонѣ Эгипейскаго храма, которая изображаетъ борьбу изъ за трупа Патрокля. Что фигура эта есть божество—видно по сверхчеловѣческой необычайной величинѣ, по спокойной позѣ и невозмутимому выраженію лица. Обращаясь съ строгимъ взглядомъ направо и спокойно протягивая руку по направленію къ страстному кентавру, божество приостанавливаетъ звѣрскую дикость его и тѣмъ спасаетъ застигнутую врасплохъ женщину. Въ этой фигурѣ слѣдуетъ

¹⁾ Paus. *ibid.*

²⁾ Paus. V, 10, 8 κατὰ μὲν δὴ τοῦ ἀετοῦ τὸ μέσον Περιόου ἐστὶ.

признать Аполлона. Изображенъ онъ безъ бороды, съ строгимъ выраженіемъ лица; голову его покрываютъ правильно расположенные кудри, схваченные повязкой. Можетъ быть, въ этой немного неуклюжей фигурѣ художникъ хотѣлъ сохранить воспоминаніе объ изображеніяхъ боговъ древнѣйшихъ временъ. Богъ является здѣсь въ качествѣ устранителя бѣды ¹⁾, защитника невинности и права. Поза его походитъ немного на позу тѣхъ статуй позднѣйшихъ временъ, которой мы удивляемся въ статуѣ Аполлона графа С. Г. Строгонова ²⁾ и въ статуѣ Аполлона Бельведерскаго.

¹⁾ Αλεξίχαος Paus. VI, 24, 5; VIII, 41, 8; ἀποτρόπαιος Aristoph. Plut. 859. Βοηδρόμιος Paus. IX, 17, 2. Kallimach. Hymn. in Del. 27.

²⁾ 'Apollon Boedromios von L. Stephaui. St.-Petersburg, 1860.

Э. Шульце.

(Окончаніе будетъ).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радомскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену и К°*

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наследниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ *Фену* и К^о.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

„УКАЗКА“

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка. Сост. А. Радонежскій. Цѣна 50 к., продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Съ требованіями просятъ обращаться въ типогр. «Товар. Обществен. Польза», В. Подъяч., № 39, къ В. И. Вишнякову.

Въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. Фену и К°, братьевъ Сала-
свыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ
можно получить:

1. Начальныя основанія прямолинейной тригонометрiи, по пору-
ченію начальства Морскаго училища сост. А. Дмитріевъ. Съ двумя
таблицами чертежей и съ четырьмя политипажамъ (Руководство это
одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и
учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ). Изданіе 5-е. С.-Пб.
1876 г. Цѣна 75 к., вѣсовыхъ за 2 ф.

2. Начальныя основанія сферической геометрiи и сферической
тригонометрiи, по порученію начальства Морскаго Училища состав.
А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ тремя политипа-
жами. Принято за руководство въ учебныхъ заведеніяхъ морскаго въ-
домства и министерства народнаго просвѣщ. (циркул. 7-го августа
1872 г.). Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб.
1879 г. Цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 ф.

3. Практическія упражненія въ геометрiи, или собраніе геометри-
ческихъ задачъ, по Вѣкелю, Шпицу и друг., составл. А. Дмитріе-
вымъ. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ:

Книга I — Планиметрiя, заключающая въ себѣ 860 задачъ на
построенія и 460 зад. на вычисленія. С.-Пб. 1875 г. Одобрено
учебн. комит. при святѣйшемъ синодѣ, а также и учен. комит.
мин. нар. проsv. какъ весьма полезное учебное пособие для гимназій
и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособие это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1. Какъ учебный матеріалъ для изученія курса теоретической геометрiи
а) даетъ учащимся возможность испытать свои силы въ примѣненіи общихъ гео-
метрическихъ истинъ къ частнымъ случаямъ, а чрезъ то способствуетъ развитію
и укрѣпленію въ учащихся геометрическаго соображенія. б) Даетъ возможность,
въ многочисленныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силъ и способно-
стей каждаго, разнообразя эти упражненія, какъ приложеніемъ ариметики,
такъ и обобщеніемъ геометрическихъ результатовъ при помощи начальныхъ
свѣдѣній изъ курса элементарной алгебры.

2) Учащіеся найдутъ въ этомъ собраніи задачъ обильныя, систематически
расположенныя матеріалы для геометрическаго черченія, въ объемъ курсовъ VI
и V классовъ реальныхъ училищъ. „Практическія упражненія въ геометрiи“

даютъ возможность учащимся основательно усвоить себѣ столь необходимое для реалистовъ употребленіе циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при графическомъ рѣшеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будутъ способствовать развитію *техники геометрическаго черченія* (см. Учебные планы реальныхъ училищъ, утвержденные г. министромъ народн. просв. 1872—1875 г.).

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, б) задачи о наибольшихъ и наименьшихъ (maxima и minima) для реальныхъ училищъ, и с) группу задачъ для окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна II книги, вмѣстѣ съ „Отвѣтами и рѣшеніями“, — 80 к.

Обѣ книги „Практическія упражненія въ геометріи“ одобрены ученымъ комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезныя учебныя пособія; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Салаевыхъ.

Главные склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К^о, противъ гостиннаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора на Вас. Остр. по 12 линіи, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродавцамъ обычная уступка; на число экз. свыше 100—по взаимному соглашенію.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ

РУКОВОДСТВО КЪ ЧИСТОПИСАНІЮ

по счету и по сѣткѣ, съ прописями русскими, латинско-французскими, нѣмецкими и греческими. Составилъ Г. И. Тороповъ, классный художникъ, преподаватель чистописанія и рисованія. Продается въ Петербургѣ у автора (адр. въ Спб. 3 гимназію) и въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Новаго Времени, Фену, Исажова, Вольфа, Попова и др., а въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Новаго Времени и Фену.

Цѣна 1 руб. (съ пересылкою, если выписывается отъ автора).

1-го СЕНТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ IX-я,
СВЯТАБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Судь надъ русскимъ писателемъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Къ биографіи А. Н. Радищева. Исслѣдованіе В. Е. Якушкина. — II. Масонство въ Россіи въ XVIII и XIX вв. — III. Ириней Нестеровичъ, архіепископъ Иркутскій: дѣло о его „бунтѣ“ въ 1831 г. въ Сибіри. — IV. Священникъ Θεодосій Левицкій въ 1815—1845 гг. V. Очерки и замѣтки къ исторіи художествъ въ Россіи. И. П. Божорлянова. — VI. М. Ю. Лермонтовъ въ разсказѣ о немъ графини Е. П. Ростовичевой. — VII. Разсказы, замѣтки, письма: Самозванецъ Медоксъ. — Гр. Аракчеевъ. — Декабристъ Фаленбергъ. — Императоръ Николай въ первой Харьковской гимназій. Разсказъ Д. В. Ильченко. — Вас. Ив. Кельсievъ въ 1861 г. Сообщ. Д. В. Аверкiевъ. — Вомбариръ Агафонъ Пикитинъ. Сообщ. баронъ Остенъ-Сакенъ. — Шеншинъ и Рутценъ. — Петербургская старина. — Памяти В. Н. Лешкова. Сообщ. В. А. Гольцевъ. — VIII. Къ вопросу о генералъ-губернаторахъ въ Россіи. Записка 1858 г. — IX. О книгѣ: Обзоръ-Указатель „Русской Старины“ изд. 1870—1882 гг. — X. Библиографическій листокъ.

Приложеніе: Портретъ императора Петра III Ѳеодоровича, гелиографическій, съ современной гравюры, снимокъ, исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ:

„Русская Старина“ выходитъ въ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія) ежемѣсячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Открыта подписка на 1883-й годъ „Русская Старина“ въ 1883 г.—двѣнадцать книгъ, съ гравированными портретами, цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Спб., Больш. Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной библиотеки, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ — на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г., 1880 г. (второе изданіе), изд. 1881 г. всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами русскихъ дѣятелей.

Цѣна каждого изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. „Русской Старины“ М. И. Семеvскій.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ
СЛОВАРЬ КЪ ПОВОЖИЮ ЗАВѢТУ

Пять книгъ.

Первая книга „Словаря“ вышла, и разсылается подписчикамъ.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 125-ти печатныхъ листовъ большаго формата, раздѣленныхъ на пять книгъ, такъ, что во всемъ „Словарѣ“ будетъ не менѣе 2000 страницъ, или 4000 столбцовъ. Подписная цѣна на всѣ пять книгъ „Словаря“: на обыкновенной бумагѣ восемь (8) рублей, на веленовой — двѣнадцать (12) рублей. Пересылка 2 р. 50 к.

Подписка принимается у издателя: Петра Андреевича Гильтебрандта, С.-Петербургъ, Надеждинская, 36.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ...

Возрѣнія Еврипида на сословія и состоя-
нія, внутреннюю политику Аѳинъ . . . Д. Б—РА

О раскопкахъ въ Олимпіи, Пергамѣ и
южной Россіи Э. Шульце.

Редакторъ Е. Фектисовъ.

(Въшла 1-го сентября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогиче и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналь Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

51072

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Волгос. и Маріинскихъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Занятіе Русскими Сибири. Е. Замысловскаго.

Обитатели Каменистой Аравіи. (Продолженіе). А. Елисѣева.

О вліяніи германскаго и кельтическаго
права на систему каръ и покаяній ва-
падной церкви. (Продолженіе) В. Сокольскаго.

Критика и библиографія:

Русскія народныя картинки. Собрали и описали
Д. Ровинскій В. Стасова.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ И. Минаева.

Прочитанія Сѣвернаго края, собранныя Е. В. Бар-
совымъ. Часть II. Плачи завоенные, рекрутскіе
и солдатскіе. Изданы при содѣйствіи Общества
любителей Россійской Словесности Л. Майкова.

Николаевская главная астрономическая об-
серваторія въ 1881 году.

Юбилей академика Я. К. Грота.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университеты;
б) Сѣздъ учителей и учительницъ
земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда
въ 1881 году.

Н. Я. Аристовъ. (Некрологъ).

Л. Воткинъ, французскій переводчикъ Вео-
ульфа (Некрологъ) А. В.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Внатоваринскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1882.

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Средняя Подъячская, № 1.
2895.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (8-го іюля 1882 г.). Обь учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ преміи имени умершаго учителя рисованія Пельхау.

Ученики Рижскаго городского реального училища представили директору сего училища собранный ими, при содѣйствіи родителей, капиталъ въ сто рублей, для учрежденія, на счетъ процентовъ съ этого капитала, при названномъ училищѣ, преміи имени умершаго учителя рисованія означеннаго учебнаго заведенія Оскара Пельхау.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе помянутой преміи.

11. (13-го августа 1882 г.). Обь уставѣ Коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ утвердить уставъ коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденной Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ.

На подлинномъ написано: „Государь Императоръ Уставъ сей

разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ Петергофѣ, въ 13-й день августа 1882 года“.

Подписалъ: Помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ Шольцъ.

УСТАВЪ

Коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденной Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ.

§ 1. Въ память достославнаго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II и въ память пребыванія Его Величества на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи, во время минувшей Восточной войны, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. С. Поляковъ учреждаетъ коллегію, которой присвоится наименование: „Коллегія Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденная С. С. Поляковымъ“.

§ 2. Для учрежденія Коллегіи С. С. Поляковъ пожертвовалъ единовременно 200,000 р. Зданіе Коллегіи, построенное на эту сумму на мѣстѣ, отведенномъ изъ принадлежащей университету земли при самомъ университетѣ, а равно и могущій оказаться остатокъ отъ 200,000 р., пожертвованныхъ на постройку, не могутъ быть отчуждаемы или употреблены для другаго назначенія, безъ согласія на то учредителя или старшаго въ родѣ его наследника. Могущій оказаться остатокъ отъ строительнаго капитала 200,000 руб. хранится на вѣчныя времена въ государственномъ банкѣ въ процентныхъ бумагахъ, и проценты, ежегодно получаемые, употребляются на содержаніе зданія Коллегіи.

§ 3. Коллегія учреждается съ цѣлью предоставить удобнѣйшіе и надежнѣйшіе способы къ научнымъ занятіямъ тѣмъ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые удостоятся за свои усилія и поведеніе помѣщенія въ общежитіи по рекомендаціи университетскаго начальства.

§ 4. Коллегія назначается для общежитія ста студентовъ-стипендіатовъ, которые поступаютъ на общихъ основаніяхъ существующихъ правилъ о назначеніи стипендій, и пятидесяти своекоштныхъ студентовъ, безъ различія факультетовъ и курсовъ.

Примѣчаніе. Къ тѣмъ и другимъ студентамъ отпосытаются и правила, указанныя въ § 7.

§ 5. Для содержанія ста студентовъ-стипендіатовъ отчисляются изъ стипендіальныхъ суммъ С.-Петербургскаго университета въ распоряженіе комитета Коллегіи сто Императорскихъ стипендій, по 300 р. каждая, учрежденныхъ по Высочайшей волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II по случаю 50-лѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета.

Примѣчаніе. Стипендіи эти отчисляются въ комитетъ Коллегіи по мѣру освобожденія ихъ, за чѣмъ имѣетъ особое наблюденіе попечитель учебнаго округа.

§ 6. Своескотные студенты вносятъ за помѣщеніе въ Коллегію по 300 р. въ годъ, пополюгдно впередъ, къ 1-му сентября и къ 1-му января каждаго года.

Примѣчаніе. Внесенная плата ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

§ 7. Для поступленія въ Коллегію студенты какъ стипендіаты, такъ и своескотные, должны подавать прошенія инспектору, который представляетъ оныя, чрезъ ректора, въ правленіе университета. Правленіе, провѣривъ всѣ данныя о просителяхъ и избравъ лучшихъ изъ нихъ, представляетъ свое заключеніе на утвержденіе попечителя.

§ 8. Право удаленія студентовъ изъ общежитія принадлежитъ попечителю округа, по представленію правленія, а въ экстренныхъ случаяхъ—и по непосредственному усмотрѣнію.

§ 9. Поступающіе въ Коллегію студенты пользуются помѣщеніемъ, прислужкой, освѣщеніемъ, столомъ и вообще полнымъ содержаніемъ отъ комитета. Способъ, которымъ удовлетворяются эти потребности, зависитъ отъ усмотрѣнія комитета (§ 13).

§ 10. Студенты, живущіе въ Коллегіи, подчиняются во всѣхъ отношеніяхъ всѣмъ органамъ университетскаго начальства, на общихъ, установленныхъ для университета, основаніяхъ.

§ 11. Студенты, живущіе въ Коллегіи, обязуются соблюдать порядокъ, не нарушать спокойствія своихъ товарищей и вообще исполнять правила, установленныя для Коллегіи.

§ 12. Для завѣдыванія Коллегіей и для ближайшаго наблюденія за порядкомъ и за студентами, живущими въ ней, попечитель округа, по представленію инспектора студентовъ, назначаетъ одного изъ штатныхъ помощниковъ инспектора, который имѣетъ квартиру въ зданіи Коллегіи. Этотъ помощникъ инспектора освобождается отъ дежурства въ университетѣ во время лекцій, но подчиняется, на общихъ основаніяхъ, инспектору, которому принадлежитъ главный надзоръ надъ

общежитіемъ. Помощникъ инспектора, завѣдующій Коллегіей, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствуется инструкціей, составляемой правленіемъ университета и представляемой попечителемъ округа, съ его заключеніемъ, на утвержденіе министра.

Примѣчаніе. При очевидной недостаточности одного лица, начальству округа и университета предоставляется право ходатайствовать объ увеличеніи числа помощниковъ инспектора студентовъ, для дежурства въ Коллегіи, на средства изъ государственнаго казначейства.

§ 13. Для завѣдыванія Коллегіей въ хозяйственномъ отношеніи, для сбора пожертвованій и проч., учреждается попечительный комитетъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ попечителя округа, изъ: 1) членовъ правленія университета; 2) непремѣннаго члена комитета, попечителя Коллегіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Полякова или старшаго въ родѣ его наслѣдника; 3) четырехъ лицъ, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, избираемыхъ на три года, на первый разъ вышепоименованными членами комитета, а затѣмъ—комитетомъ въ полномъ его составѣ; 4) почетныхъ членовъ, избираемыхъ, по предложенію попечителя Коллегіи, комитетомъ, въ числѣ трехъ лицъ, оказавшихъ особое содѣйствіе Коллегіи значительными матеріальными взносами, не менѣе какъ 6,000 руб. одновременно и 300 руб. ежегодно.

Члены комитета, избираемые комитетомъ (п. п. 3 и 4), представляются, чрезъ попечителя округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

§ 14. Въ случаѣ отсутствія попечителя округа или управляющаго округомъ, въ комитетѣ предсѣдательствуетъ ректоръ университета. Всѣ вопросы въ засѣданіяхъ рѣшаются большинствомъ голосовъ, и въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну—голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 15. Средства попечительнаго комитета и вообще Коллегіи образуются: а) изъ стипендій, отчисленныхъ отъ стипендіальныхъ суммъ, согласно § 5 сего устава; б) изъ платы за своекоштныхъ студентовъ (§ 6); в) изъ могущихъ поступить пожертвованій частныхъ лицъ, обществъ и учреждений, и д) изъ $\%$ на неприкосновенный капиталъ, оставшійся отъ 200,000 руб., пожертвованныхъ учредителемъ Коллегіи (§ 2).

§ 16. Завѣдуя Коллегіей въ хозяйственномъ отношеніи, комитетъ: а) издаетъ правила для прислуги, б) дѣлаетъ объявленія, касаю-

піяся внутренняго порядка въ Коллегіи и имѣющія отношеніе только къ хозяйственной сторонѣ.

Комитетъ избираетъ изъ своей среды казначея на три года.

Комитетъ собирается въ очередныя засѣданія, по приглашенію предсѣдателя, или по заявленію попечителя Коллегіи, или трехъ членовъ.

Для дѣйствительности собранія необходимо присутствіе, кромѣ предсѣдателя, казначея, инспектора студентовъ и, по крайней мѣрѣ, трехъ членовъ правленія.

Дѣла комитета, книги, журналы, денежные документы и проч. хранятся въ самомъ зданіи Коллегіи, гдѣ собирается комитетъ.

Капиталы и вообще денежные суммы, принадлежащія комитету, помѣщаются казначеемъ онаго въ государственныя учрежденія изъ процентовъ, или въ государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ.

Комитетъ имѣетъ печать со своимъ наименованіемъ.

§ 17. Отчетъ о результатахъ дѣятельности комитета подлежитъ дѣйствію правилъ, установленныхъ для отчета университета.

§ 18. Учредителю Коллегіи предоставляется званіе почетнаго попечителя ея, каковое и переходитъ къ старшему въ родѣ его наследнику. Почетный попечитель Коллегіи утверждается Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Деляновъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

30-го августа 1882 года (№ 13). Производится за отличіе: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Александръ Вейсманъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

3-го сентября 1882 года (№ 14). Назначается: Егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, почетный опекунъ опекунскаго совѣта учреждений Императрицы Маріи, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ князь Волконскій— товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ егермейстеромъ и почетнымъ опекуномъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (13-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи полковника Іосифа Михайловича Назарова при Новочеркасской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго полковникомъ Іосифомъ Михайловичемъ Назаровымъ, по духовному завѣщанію, капитала въ шесть тысячъ руб., состоящаго въ государственныхъ 5% билетахъ, и съ наростей на этотъ капиталъ по 1-е мая 1882 года прибыли — одной тысячи восьмидесяти восьми руб. 28 коп., учреждается стипендія при Новочеркасской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ, съ наименованіемъ „стипендіею полковника Іосифа Михайловича Назарова“.

2) Право избранія стипендіата, согласно волѣ завѣщателя, предоставляется педагогическому совѣту Новочеркасской гимназіи при участіи душеприкащиковъ, назначенныхъ покойнымъ: подполковника Льва Львовича Матвѣева и казака торговаго общества Ивана Семеновича Масленникова.

3) Стипендіатами могутъ быть только бѣднѣйшіе изъ уроженцевъ войска Донскаго, обучающіеся въ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и лучшіе по успѣхамъ и поведенію.

4) Пока стипендіатъ обучается въ Новочеркасской гимназіи, ему должно быть выдаваемо по 200 руб. въ годъ, по поступленіи же въ Харьковскій университетъ, онъ получаетъ по 300 руб. въ годъ.

5) Изъ остатковъ отъ процентовъ въ бытность стипендіата въ гимназіи и изъ текущихъ процентовъ на капиталъ одновременно выдается стипендіату на обмундированіе по окончаніи курса въ гимназіи 100, а по окончаніи курса въ университетѣ 300 руб.

6) Остающаяся за всѣми расходами отъ процентовъ сумма служить на усиленіе капитала для открытія современемъ новыхъ стипендій имени Назарова.

7) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе, во время прохожденія какъ гимназическаго, такъ и университетскаго курсовъ, стипендіатъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта Новочеркасской гимназіи.

8) Университетское начальство сообщаетъ педагогическому совѣту

Новочеркасской гимназій свѣдѣнія о поведеніи и результатѣ повѣрочныхъ испытаній стипендіата.

9) Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ томъ же курсѣ или классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только въ виду особо уважительныхъ причинъ, какъ на примѣръ, тяжелой продолжительной болѣзни и при томъ во время университетскаго курса лишь одинъ разъ.

10) Деньги выдаются стипендіату, обучающемуся въ гимназій, помѣсячно, за мѣсяць впередъ, а во время нахождения его въ университетѣ высылаются, по полугодно, въ правленіе Харьковскаго университета, которое выдаетъ ихъ стипендіату за мѣсяць впередъ.

7. (14-го августа 1882 г.). Уставъ издательскаго Общества при Высочайше учрежденной постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Цѣль Общества.

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью издавать одобренныя постоянною комиссіею по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ и избранными Обществомъ редакторами, книжки и статьи для народныхъ чтеній и распространять эти книжки и статьи въ народѣ по возможно дешевой цѣнѣ.

§ 2. Сверхъ того, Обществу предоставляется издавать книги для народа, не ограничиваясь объемомъ тѣхъ книжекъ и статей, которыя предназначаются для публичныхъ народныхъ чтеній.

Составъ Общества.

§ 3. Общество имѣетъ своего предсѣдателя, избираемаго на три года, или изъ числа членовъ Общества, или же изъ лицъ, входящихъ въ составъ комиссіи, причѣмъ предсѣдатель комиссіи можетъ быть также и предсѣдателемъ Общества.

§ 4. Сверхъ того, въ составъ Общества входятъ: а) члены-учредители, положившіе основаніе Обществу единовременнымъ пожертвованіемъ; б) дѣйствительные члены, вносящіе по 50 р. въ годъ, и в) члены-сотрудники, трудомъ своимъ содѣйствующіе успѣху дѣятельности Общества.

§ 5. Секретарь Общества избирается, по предложенію предсѣ-

дателя, изъ членовъ Общества, или же изъ лицъ, не входящихъ въ составъ Общества.

§ 6. Изъ среды всѣхъ членовъ Общества избираются на одинъ годъ два или нѣсколько редакторовъ, обязанность которыхъ состоитъ въ ближайшемъ надзорѣ за издательскою дѣятельностью Общества.

§ 7. Всѣ поименованныя въ §§ 3—6 должностныя лица и члены Общества избираются по баллотировкѣ, простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ членовъ.

§ 8. Предсѣдатель Общества утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

Права членовъ.

§ 9. Члены-учредители и члены дѣйствительные имѣютъ одинаковое право голоса въ дѣлѣ избранія должностныхъ лицъ и членовъ всѣхъ категорій.

§ 10. Члены-сотрудники имѣютъ одинаковое съ членами-учредителями и дѣйствительными право голоса въ рѣшеніи вопросовъ редакціонныхъ и хозяйственныхъ.

Собранія Общества.

§ 11. Собранія Общества бывають не рѣже шести разъ въ годъ. На нихъ обсуждаются всѣ вопросы, касающіеся разбора и оцѣнки сочиненій и выбора темъ, равно какъ и всѣ вопросы по храненію, распространенію и печатанію книгъ.

§ 12. Собраніе утверждаетъ расходы Общества и избираетъ должностныхъ лицъ и членовъ.

§ 13. Для дѣйствительности постановленій собранія, въ немъ должно участвовать не менѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ членовъ Общества, пользующихся въ подлежащимъ вопросѣ правомъ голоса (§§ 9 и 10); въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Отношенія Общества къ комиссіи.

§ 14. Избранные Обществомъ редакторы присутствуютъ съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ постоянной комиссіи и въ редакціонномъ ея комитетѣ.

§ 15. Предсѣдатель Общества ежегодно представляетъ отчетъ о дѣятельности Общества министру народнаго просвѣщенія.

8. (18-го августа 1882 года). Положеніе о преміи имени надворнаго совѣтника Густава Матвѣевича Блумберга при приготовительныхъ классахъ Дерптской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 14-й день августа 1882 года, учреждается при Дерптской гимназіи, на счетъ процентовъ съ собраннаго, по добровольной подпискѣ, капитала въ сто руб., премія имени учителя приготовительныхъ классовъ при сей гимназіи, надворнаго совѣтника Густава Матвѣевича Блумберга, въ память совершившагося 10-го января 1880 г. 25-ти лѣтія полезной службы его при названныхъ классахъ.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціи восточнаго займа, составляетъ неприкосновенную собственность Дерптской гимназіи и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

3) Премія выдается одному изъ отличнѣйшихъ по поведенію и успѣхамъ воспитанниковъ приготовительныхъ классовъ Дерптской гимназіи.

4) Право назначенія преміи предоставляется педагогическому совѣту Дерптской гимназіи.

5) Могущіе оказаться остатки отъ ежегодныхъ процентовъ, а равно и деньги, могуція еще быть собранными по добровольной подпискѣ, причисляются къ основному капиталу.

9. (20-го августа 1882 года). Уставъ эпидемиологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, съ институтомъ для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій чловѣка, животныхъ и растений, учреждается, на основаніи устава университетскаго 1863 г., §§ 119 и 120, при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ эпидемиологическое Общество.

§ 2. Предметами научной разработки обществомъ могутъ быть:

а) исторія вышеприведенныхъ болѣзней и ихъ эпидемій и эндемій;

б) статистика ихъ;

- в) вліяніе ихъ на движеніе населенія, его здоровье и экономическое положеніе;
- г) этиологія: а) внутренняя и б) вѣшняя въ связи съ условіями быта, мѣстности и климата;
- д) патологія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней;
- е) осложненія инфекціонныхъ болѣзней;
- ж) сочетанія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій;
- з) мѣры помощи при инфекціонныхъ болѣзняхъ, эпидеміяхъ и эндеміяхъ;
- и) мѣры предупрежденія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней.

§ 3. Способы и разработка задачъ Общества:

а) сношенія съ врачебными Обществами, земствами, городскими и административными учрежденіями и ихъ органами, а также съ частными лицами, могущими доставить какъ необходимыя свѣдѣнія, такъ и матеріалы для разработки вышеназванныхъ задачъ Общества;

б) изслѣдованія: морфологическія, фізіологическія, экспериментальныя, статистическія и историческія по вопросамъ, касающимся инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій.

§ 4. При Обществѣ имѣется институтъ для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій. При институтѣ же, по мѣрѣ надобности и средствъ, учреждаются:

1) Собраніе предметовъ, могущихъ подлежать изученію, а равно инструментовъ и приборовъ для этого.

2) Отдѣленія (временныя или постоянныя) для клиническаго или экспериментальнаго изученія паразитныхъ, инфекціонныхъ и эпидемическихъ болѣзней на простыхъ и сложныхъ организмахъ.

3) Собранія спеціальныхъ книгъ и брошюръ, картъ, рисунковъ и прочихъ научно-литературныхъ пособій по эпидемиологіи.

Примѣчаніе. Институтъ и его части, находясь въ постоянномъ или временномъ завѣдываніи эпидемиологическаго Общества, составляютъ собственность тѣхъ учреждений и лицъ, желающихъ пользоваться силами Общества, которыя примутъ участіе въ устройствѣ и содержаніи института или его частей.

§ 5. Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, членовъ корреспондентовъ и членовъ-распорядителей. Дѣйствительными членами считаются тѣ, которые представляютъ нигдѣ

не напечатанный научный трудъ въ распоряженіе Общества и затѣмъ принимаютъ личное участіе въ его работахъ. Члены-корреспонденты находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Обществомъ, и доставляютъ ему необходимыя свѣдѣнія и матеріалы для научной обработки.

Въ члены-распорядители принимаются представители университета, а также городскихъ и земскихъ учреждений, принимающіе участіе въ устройствѣ института или его частей, и частные жертвователи, принятыя въ общество по предложенію городскихъ и земскихъ учреждений.

На членахъ дѣйствительныхъ и корреспондентахъ лежатъ всѣ научныя запятія Общества.

На членахъ-распорядителяхъ лежатъ обязанности по управленію дѣлами въ экономическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, а также по контролю надъ употребленіемъ суммъ Общества.

§ 6. Обыкновенныя собранія Общества бываютъ двухъ родовъ:

а) собранія членовъ спеціальнаго знанія (дѣйствительныхъ и корреспондентовъ) и

б) собранія членовъ-распорядителей.

1) Собранія членовъ спеціальнаго знанія, подъ предсѣдательствомъ очереднаго дѣйствительнаго члена, занимаются: а) разработкою, въ своихъ засѣданіяхъ, научныхъ вопросовъ по эпидемиологін; б) чрезъ своихъ членовъ, путемъ общедоступныхъ бесѣдъ, лекцій и брошюръ, распространеніемъ свѣдѣній о паразитныхъ, инфекціонныхъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, ихъ эпидеміяхъ и эндеміяхъ, согласно правиламъ университетскаго устава, и в) печатаніемъ трудовъ Общества и его членовъ, также согласно правиламъ университетскаго устава.

2) Собранія членовъ-распорядителей, подъ предсѣдательствомъ выбрапнаго на общемъ собраніи изъ ихъ среды особаго предсѣдателя, занимаются вопросами по управленію дѣлами въ экономическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, а также по контролю надъ употребленіемъ суммъ Общества.

3) Собранія, поименованныя въ пунктахъ а и б сего параграфа, сносятся между собою по дѣламъ Общества письменными или словесными предложеніями чрезъ одного изъ своихъ членовъ.

4) Правила о порядкѣ засѣданій каждое изъ упомянутыхъ собраній составляетъ само для себя, согласно общимъ на сей предметъ узаконеніямъ.

§ 7. Очередныя общія публичныя собранія всѣхъ членовъ Общества бывають одинъ разъ въ годъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, созываются особымъ предсѣдателемъ изъ числа членовъ - распорядителей, избирають правленіе Общества и ревизіонныя комиссіи и разсматривають отчетъ за истекшій годъ.

Примѣчаніе. Годовой отчетъ Общества представляется, для свѣдѣнія, въ министерство народнаго просвѣщенія.

10. (31-го августа 1882 г.). Правила для стипендіи имени коллежскаго ассесора Ефима Андреевича Велигорскаго, учрежденной въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію коллежскаго ассесора Ефима Андреевича Велигорскаго, учреждается въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ одна стипендія, его имени, изъ процентовъ съ капитала въ 3,900 р., съ нарощенными на оный процентами, заключающагося въ государственныхъ процентныхъ билетахъ и въ томъ числѣ въ девяти билетахъ внутренняго пятипроцентнаго займа, съ выигрышами, 1866 года.

§ 2. Въ случаѣ, если на какой-либо изъ пожертвованныхъ Казанскому университету завѣщателемъ выигрышныхъ билетовъ падеть выигрышъ, то этотъ выигрышъ присоединяется къ основному капиталу, при чемъ совѣту Казанскаго университета предоставляется, смотря по суммѣ выигрыша, или увеличить учрежденную уже стипендію, или образовать на счетъ выигрыша новыя стипендіи имени Е. А. Велигорскаго.

§ 3. По мѣрѣ выхода выигрышныхъ билетовъ въ тиражъ правленіе Казанскаго университета замѣняетъ ихъ другими государственными процентными билетами.

§ 4. Если въ теченіе какого-либо времени стипендіею коллежскаго ассесора Велигорскаго никто изъ студентовъ не будетъ пользоваться, то избытки вслѣдствіе того остаются свободными деньги присоединяются къ основному стипендіальному капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 5. Стипендія коллежскаго ассесора Е. А. Велигорскаго выдается бѣднѣйшимъ студентамъ Казанскаго университета и при томъ, при одобрительномъ поведеніи, доказавшимъ репетиціями или переводомъ

ными экзаменами не менѣе какъ хорошую успѣшность въ занятіяхъ всѣми факультетскими предметами.

§ 6. Стипендія сія назначается съ утвержденія совѣта Казанскаго университета факультетами по очереди.

§ 7. Полученіе сей стипендіи не влечетъ за собою для получающаго оную студента, по выходѣ его изъ университета или по смѣщеніи его со стипендіи, какой-либо обязательной службы.

§ 8. Выдача стипендіи удостоенному ею совѣтомъ университета производится со дня опредѣленія совѣта о семъ удостоеніи.

§ 9. Относительно сохраненія стипендіи за получившими ее студентами въ теченіе учебнаго курса и смѣщенія ихъ съ оной совѣтъ руководствуется правилами, постановленными для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

11. (8-го сентября 1882 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Андреевича Буха.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На процепты съ пожертвованнаго чинами Самарскаго акцизнаго вѣдомства капитала въ десять тысячъ руб., составившагося изъ причитавшихся изъ суммъ за открытіе нарушеній устава о питейномъ сборѣ, учреждаются двѣ стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Андреевича Буха на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

2) Ежегодные проценты на стипендіальный капиталъ, въ количествѣ пятисотъ рублей, употребляются на двѣ стипендіи, по 250 р. каждая, для воспитанія дѣтей чиновъ Самарскаго акцизнаго управленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Одна изъ стипендій предназначается для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ.

Примѣчаніе. За неимѣніемъ въ виду стипендіата одного пола, стипендія можетъ быть выдаваема лицу другаго пола.

3) Избраніе лицъ, коимъ назначаются стипендіи, предоставляется управляющему акцизными сборами Самарской губерніи, который отдаетъ предпочтеніе сиротамъ, затѣмъ дѣтямъ лицъ, которые, оставивъ добровольно акцизную службу, впали въ бѣдность и, вслѣдствіе того, лишились средствъ къ образованію дѣтей и, наконецъ, за неимѣніемъ въ виду стипендіатовъ первыхъ двухъ разрядовъ, дѣтямъ лицъ, со-

стоящихъ на службѣ и обремененныхъ семействомъ, но не имѣющихъ возможности дать дѣтямъ своимъ воспитаніе.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отказа управляющаго акцизными сборами Самарской губерніи, право избранія стипендіатовъ предоставляется тому изъ состоящихъ на службѣ по акцизному вѣдомству лицъ, которое будетъ назначено управляющимъ.

4) Стипендіальный капиталъ состоитъ въ вѣдѣніи департамента народнаго просвѣщенія, который и имѣетъ выдавать изъ процентовъ съ онаго суммы, назначенныя для стипендій.

5) Ежегодно къ іюлю мѣсяцу управляющій акцизными сборами Самарской губерніи избираетъ лицъ, коимъ назначаются стипендіи К. А. Буха, и уведомляетъ о томъ начальство тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ коихъ назначенныя въ стипендіаты лица будутъ получать воспитаніе.

6) Начальство означенныхъ учебныхъ заведеній представляетъ за тѣмъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія списокъ избранныхъ въ стипендіаты лицъ.

7) Департаментъ народнаго просвѣщенія, чрезъ главное казначейство, въ коемъ хранится въ депозитахъ департамента стипендіальный капиталъ, дѣлаетъ распоряженіе объ открытіи стипендіатамъ кредита въ казначействахъ тѣхъ городовъ, въ учебныхъ заведеніяхъ коихъ стипендіаты будутъ получать воспитаніе.

8) Суммы, назначенныя стипендіатамъ, получаютъ за нихъ родителями или опекунами пополугодно 1-го іюля и 1-го января.

9) Тѣмъ же порядкомъ, какой указанъ въ пунктѣ 5-мъ, управляющій акцизными сборами Самарской губерніи сноситъ съ начальствующими лицами тѣхъ учебныхъ заведеній, куда впоследствии по какому-либо обстоятельству перейдутъ для продолженія ученія, стипендіаты.

10) Въ случаѣ образованныхъ остатковъ отъ процентовъ съ капитала, вслѣдствіе некомплекта стипендіатовъ, выдаются пособія бывшимъ стипендіатамъ К. А. Буха, продолжающимъ ученіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Избраніе лицъ, которымъ назначается пособіе, и опредѣленіе размѣра самаго пособія, въ суммѣ не болѣе 300 р., предоставляется управляющему акцизными сборами Самарской губерніи, руководствующемуся указанными въ пунктѣ 3 соображеніями. Отпускъ пособій производится порядкомъ, установленнымъ для выдачи стипендій въ пунктѣ 7-мъ настоящаго положенія.

11) Въ видахъ назначенія стипендій и пособій однимъ достойнымъ лицамъ, управляющимъ акцизными сборами Самарской губерніи сносится съ начальствомъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ стипендіаты и лица, коимъ назначено пособіе, обучаются, для полученія свѣдѣній какъ о нравственныхъ качествахъ, такъ и объ учебныхъ успѣхахъ сихъ послѣднихъ.

12) Если бы отъ остатковъ, вслѣдствіе невыдачи стипендій или отъ пожертвованій, стипендіальный капиталъ значительно увеличился, то на проценты съ суммы свыше 10,000 руб. могутъ быть учреждаемы, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ указано выше, новыя стипендіи имени К. А. Буха.

13) Въ случаѣ закрытія акцизнаго управленія, разсмотрѣніе правъ стипендіатовъ и лицъ, ходатайствующихъ о пособіяхъ для продолженія воспитанія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, переходитъ на представителя того финансоваго управленія, въ вѣдѣніе котораго поступаютъ дѣла сего управленія.

14) Въ случаѣ, указанномъ въ § 13, преимущественное право пользованія стипендіями и пособіями принадлежитъ дѣтямъ бывшихъ должностныхъ лицъ Самарскаго акцизнаго управленія, а затѣмъ переходитъ на дѣтей должностныхъ лицъ того финансоваго управленія, въ вѣдѣніе котораго перейдутъ дѣла акцизнаго управленія.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

7-го сентября 1882 года (№ 11). Утверждаются: прозекторъ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарной медицины Чуловскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего института по предмету зоотоміи, съ 27-го апрѣля 1882 г.

Окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Фелицынъ—директоромъ Витебской гимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Семеновичъ—директоромъ Калишской мужской гимназіи.

Директоръ Гомельской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Смордскій—директоромъ Слуцкой гимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Инспекторъ Екатеринбургской гимназіи, статскій совѣтникъ Дмитриевъ—директоромъ сей гимназіи, съ 24-го августа 1882 года.

Исправляющій должность инспектора Люблинской мужской гимназіи Андреевскій—директоромъ Уральской войсковой гимназіи, съ 22-го августа 1882 года.

Директоръ Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Θεоктистовъ—директоромъ Гомельской прогимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Инспекторъ Благовѣщенской мужской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Васильевъ—директоромъ этой прогимназіи, съ 1-го іюля 1882 года.

Исполняющій обязанности инспектора, преподаватель Московскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ Муромцевъ — директоромъ Иваново-Вознесенскаго реального училища, съ 1-го августа 1882 года.

Заслуженный преподаватель Виленской прогимназіи, статскій совѣтникъ Бѣльковичъ — директоромъ Пиискаго реального училища, съ 1-го августа 1882 года.

Преподаватель Казанскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ Дмитріевскій — директоромъ Пермскаго Алексіевскаго реального училища, съ 24-го августа 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Патлаевскій—директоромъ Одесскаго коммерческаго училища, съ оставленіемъ въ должности профессора, съ 1-го августа 1882 г.

Исправляющій должность директора Благовѣщенской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Поповъ — директоромъ сей семинаріи.

Преподаватель Кіевской 1-й гимназіи, статскій совѣтникъ Синицкій — инспекторомъ народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волинской, съ 1-го сентября 1882 года.

Отставной генералъ-маіоръ Зеленскій и купцы Поповъ и Калябуховъ — членами попечительства Александровскаго Полтавскаго реального училища, на три года, съ 20-го мая 1882 года.

Статскій совѣтникъ Кузонииковъ, надворный совѣтникъ Давыдовскій, почетный гражданинъ Кузнецовъ и купцы Воиновъ, Игнатовъ, Колокольниковъ, Колмогоровъ, Рѣшетниковъ 2-й, Трусозъ и Тюфинъ — членами попечительства Александровскаго Тюменскаго реального училища, на три года, съ 1-го іюля 1882 года.

Назначаются: инженеръ-механикъ Хвастуновъ—директоромъ Купгурскаго технического Губкина училища, въ 1-го августа 1882 г.

Воспитатель-преподаватель ремесленного училища Цесаревича Николая въ С.-Петербургѣ, губернской секретарь Доброхотовъ — директоромъ Омскаго технического училища, съ 24-го августа 1882 г.

Переменяется: Директоръ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Шокальскій — директоромъ Ковенской гимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія съ причисленіемъ къ оному: причисленный къ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи сверхъ штата, статскій совѣтникъ Шрейеръ, съ 15-го августа 1882 года.

Оставляются на службѣ на два года: директоръ Поневѣжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Боричевскій, съ 1-го іюля 1882 года.

На пять лѣтъ: Директоръ Казанской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильменскій — съ 16-го іюля 1882 года.

Директоръ Немровской гимназіи, статскій совѣтникъ Кизимовскій—съ 2-го августа 1882 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: Директору Варшавской IV мужской гимназіи, коллежскому совѣтнику Бульмерингу— по 10-е сентября 1882 г., по болѣзни.

Главной воспитательницѣ Варшавской I женской гимназіи Буссе— на двадцать восемь дней и классной дамѣ Варшавской II женской гимназіи Щебальской — по 20-е сентября 1882 года, обѣимъ по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на шестнадцать дней: директоръ Варшавской I мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крыжановскій—въ С.-Петербургѣ.

На двадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, статскій совѣтникъ Шишонко — въ Москву и Казань, по болѣзни.

На двадцать восемь дней: директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ— въ Москву, и директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій—въ разныя губерніи; первый по болѣзни.

На одинъ мѣсяцъ: директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій—въ разныя губерніи.

На два мѣсяца: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ—въ Воронежскую губернію и на южный берегъ Крыма, и дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскіе секретари: Гусаковскій и Бородинъ—оба, по болѣзни, въ разныя губерніи.

в) Въ Россіи и за границу: на мѣсяцъ и двадцать девять дней: преподаватель Тульской гимназіи, коллежскій ассесоръ Петрученко, по болѣзни.

с) За границу на семнадцать дней: лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Танатаръ—по болѣзни.

На двадцать шесть дней: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Бодуэнъ-де-Куртенэ, по болѣзни.

На двадцать восемь дней: лекторъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Леженъ.

На два мѣсяца: Врачъ Елисаветградской прогимназіи Цеткинъ, по болѣзни.

Увольняются: а) согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Таганцевъ, отъ сей должности, съ 1-го сентября 1882 года.

Директоры гимназій: Калишской мужской, статскій совѣтникъ Савицкій, и Вологодской, статскій совѣтникъ Гаазе, отъ службы—оба съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный; Гаазе съ 31-го августа 1882 года.

Директоръ Кунгурскаго техническаго Губкина училища Ивановъ, отъ должности, съ 1-го августа 1882 года.

Директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Сербуловъ, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, съ 2-го августа 1882 года.

б) За выслугою срока: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Зелинскій, отъ сей должности, съ 1-го августа 1882 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Тульской мужской гимназіи

князю Голицыну — за значительное пожертвованіе на производство ремонтныхъ работъ въ зданіи сей гимназій.

Директору Новоторжской учительской семинаріи Баранову—за исполнѣ правильное и полезное руководство съѣздомъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда, происходившимъ въ 1881 году.

Городскому головѣ г. Троицка Оренбургской губерніи Дмитріеву—за пожертвованіе его въ пользу мѣстныхъ городскихъ приходскихъ училищъ и усердіе въ дѣлѣ народнаго образованія.

Потомственному почетному гражданину Хлудову—за обезпеченіе имъ въ матеріальномъ отношеніи Ярцевскаго начальнаго училища.

V ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги: 1, „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій“. Составилъ преподаватель нѣмецкаго языка при IV Московской гимназій О. Кейзеръ. Изданіе 9. Москва. 1882 г. Цѣна 1 руб., и 2) „Краткая нѣмецкая грамматика“. Составилъ преподаватель нѣмецкаго языка при IV Московской гимназій О. Кейзеръ. Часть I: „Этимология“. Изд. 15. Москва. 1882 г. Цѣна 30 коп. и часть II: „Нѣмецкіе примѣры и русскія упражненія на правила этимологій“. Изданіе 7. Москва. 1881 г. Цѣна 1 руб., — первую допустить къ употребленію въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а вторую одобрить въ качествѣ руководства для II, III и IV классовъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу Ф. Ратцеля „Земля. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему земледѣвію“. Географическая книга для чтенія. Москва 1882 г. Цѣна 2 руб.,—рекомендовать для приобрѣтенія въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ“. Г. Тиме, профессора горнаго института и Николаевской академіи. Съ тремя таблицами чертежей. С.-Петербургъ. 1881 года,—одобрить какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу „Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten, von Brehme, Grieser und Masing. S.-Petersburg. 1882 г.“,—допустить, какъ руководство, въ нѣмецкихъ училищахъ, мужскихъ и женскихъ.

— Изданный Н. Фену и К^о „Картинный учебный атласъ, при-мѣненный къ краткой отечественной географіи, составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.“,—одобрить въ видѣ пособія для гимназій мужскихъ и женскихъ и для библиотекъ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу „Дополнительныя статьи алгебры. Курсъ VII класса реальныхъ училищъ. 2-е изданіе. Составилъ Я. Блюмбергъ. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 1 руб.“.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: брошюру „Школы и заразительныя болѣзни. Статья Н. И. Григорьева. Ярославль, 1882 г. Цѣна 15 к.“,—допустить въ учительскія библиотеки городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Изданныя Г. Ф. Павленковымъ, книги барона Н. А. Корфа: 1) „Первоначальное правописаніе“. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 12 к. и 2) „300 письменныхъ работъ“. Задачи для самостоятельныхъ упражненій въ письмѣ учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій начальной школы. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 12 коп.,—одобрить: первую для учительскихъ библиотекъ городскихъ и народныхъ училищъ, и вторую для употребленія въ городскихъ и народныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособия по русскому языку.

— Составленную П. Кошкарковымъ книгу, подъ заглавіемъ: „Сборникъ диктантовъ для городскихъ и сельскихъ училищъ. Выпускъ 1-й. Курсъ 3-го и 4-го года городскихъ училищъ. Вятка 1880 г.“,—допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Составленную В. А. Воскресенскимъ книгу, подъ заглавіемъ: „Первоначальные уроки русской грамматики. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 40 коп.“,—допустить въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ.

— Брошюры, издавныя постоянной комиссіей народныхъ чтеній: 1) Александръ I Благословенный. Цѣна 8 коп. Съ двумя картинами. 1881 года, 2) Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. 1880 г. Цѣна 5 коп., 3) Чтеніе для народа о Суворовѣ. С. Рождественскаго, съ одною раскрашеною картиною и съ портретомъ Суворова. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 15 коп., 4) Разказы о Севастопольцахъ А. Н. Сулопева. Съ двумя раскрашенными картинками. Изданіе второе, исправленное по замѣчаніямъ ученаго комитета. 1882 г. Цѣна 15 к., и 5) Двѣнадцать мудрыхъ басенъ, а) въ обложкѣ съ портретомъ цѣна 5 к. 1882 г. и б) въ обложкѣ простой 2 коп. 1882 г.,—одобрить для библіотекъ городскихъ и народныхъ сельскихъ школъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Лиса-Патрикѣевна, сказка-пѣсня. Составилъ А. Можаровскій. Изданіе 2-е съ перемѣнами. Казань, 1882 г. Ц. 75 к.“,— допустить въ библіотеки городскихъ и сельскихъ училищъ мужскихъ и женскихъ.

— Составленное И. Малиновскимъ руководство къ изученію письма, подъ заглавіемъ: „Чистописаніе и скдрописаніе. Русскія прописи“. Изд. 2-е. Рига, 1881 г. Ц. 30 к., —а) одобрить какъ пособіе для учащихся въ народныхъ училищахъ, и б) разрѣшить напечатать заключеніе компета на оберткѣ 3-го изданія ихъ, которое печатается со втораго изданія безъ всякихъ перемѣнъ.

— Книги: 1) „Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Составлена по Бауману. Изд. 9-е. С.-Пб., 1881 г. Ц. 1 руб.; 2) „Весѣда о природѣ“. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой разказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Составилъ Н. Зобовъ. Изданіе 9-е. С.-Пб., 1880 г. Ц. 50 коп.; 3) „Наши богатыри“. Сост. А. Погосскій. Книга 2-я. Изданіе 2-е. С.-Пб., 1875 г.; 4) „Разказы изъ русской исторіи. „Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ“. И. Фурмана. Изд. 2-е, общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1880 г. Ц. 40 коп. и 5) „Какъ развивались наши понятія о глазѣ“. Научно-популярная лекція д-ра Рейха. Тифлисъ, 1880 г. Ц. 30 к., для учащихся 20 коп., „Естественная исторія по Бауману, Весѣды о природѣ Зобова“, „Наши богатыри“, А. Погосскаго и „Разказъ изъ русской исторіи, Фурмана — допустить въ библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ, а книгу „Какъ развивались наши понятія о глазѣ“, Рейха — допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Біографіи замѣчательныхъ людей I. Джорджъ Вашингтонъ. Составилъ А. П. Мунтъ. Изъ журнала „Дѣтское Чтеніе“. Съ 8-ю рисунками. С.-Пб., 1880 г. Ц. 30 коп., — допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Какъ освободилась Русь изъ-подъ татарскаго ига въ 1480 году. М., 1880 г. Ц. 7 коп., — допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

— Составленную Д. Кайгородовымъ книгу: „О нашихъ перелетныхъ птицахъ“. Чтеніе для народа. С.-Пб., 1882 г. Ц. 20 коп., — признать заслуживающею одобренія для ученическихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для народныхъ чтеній (публичныхъ).

— Книгу: „Осмысленная грамотность“. Практическій курсъ обученія грамотѣ. Руководство для родителей и учителей А. И. Николаева. Москва, 1882 г. Ц. 2 руб., — допустить въ учительскія бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книги: 1) „О лѣченіи дифтерита молокомъ“. Д-ра Карницкаго (безъ заглавнаго листа), 2) „Дифтеритъ и лѣченіе его домашними средствами“. Общедоступное изложеніе И. С. Евсѣенко. Кіевъ, 1880 г. Ц. 30 коп., 3) „Вѣсѣды о здоровьи и болѣзняхъ“. I. Борьба съ дифтеритомъ. Д-ра Капустина. С.-Пб. 1880 г. Ц. 25 коп., 4) „Сбереженіе здоровья“ (гигіена). Составлено для полковыхъ учебныхъ командъ, ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ школъ. С.-Пб., 1881 г. Ц. 10 коп. и 5) „Физическое развитіе въ школахъ“. Сост. П. Лесгафтъ. С.-Пб., 1880 г., — одобрить для бібліотекъ городскихъ и народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 13-й день сего августа Высочайше соизволилъ на перенесеніе срока засѣданій VII-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ городѣ Одессѣ съ августа сего года, на тѣхъ же основаціяхъ, на августъ 1883 года.

Вслѣдствіе представленій попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 5-го мая и 3-го сентября сего года за №№ 5146 и 9112, министерство народнаго просвѣщенія предложеніями отъ 6-го іюня и 14-го сентября сего года за №№ 6754 и 10834 утвердило, съ ограж-

деніемъ правъ третьихъ лицъ, отказы: 1) Іоанны Францовны Пржилуской и совершеннолѣтней дѣвицы Бенигны Францовны Савицкой по дарственному акту, въ суммѣ 3,000 руб., въ закладныхъ листахъ города Варшавы, на учрежденіе стипендій для одного изъ слѣпыхъ мужскаго или женскаго пола воспитывающагося въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и 2) Либераты Кохановской по духовному завѣщанію отъ 4-го марта 1882 года—3,000 руб. въ пользу начальнаго училища въ Венгешинѣ, Кѣлецкой губерніи и 4,000 р. на стипендіи имени Казимира Быстржановскаго для учениковъ пяти низшихъ классовъ реальныхъ школъ, римско-католическаго исповѣданія, дворянскаго происхожденія, по преимуществу изъ семьи Быстржановскихъ, Кохановскихъ и Радоминскихъ:

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) открыть при III классѣ Слуцкой гимназіи, съ начала нынѣшняго 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе съ платою за ученіе по 40 р. въ годъ съ каждаго ученика и съ отнесеніемъ расхода по содержанію означенной параллели на спеціальныя средства названной гимназіи; 2) закрыть параллельныя отдѣленія при II и V классахъ Новгородсѣверской гимназіи и открыть, взамѣнъ оныхъ, съ начала 1882—1883 учебнаго года, таковыя же отдѣленія при III и VI классахъ названной гимназіи.

— 31-го минувшаго августа открыта въ г. Биркенрузъ, близъ Вендена, Лифляндской губерніи, гимназія Императора Александра II, въ которую приято 99 учениковъ.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа 15-го августа сего года послѣдовало открытіе Изюмскаго реального училища, въ составѣ двухъ первыхъ классовъ, изъ коихъ въ I-й классъ приято 30, а во II-й классъ—19 учениковъ.

ЗАНЯТІЕ РУССКИМИ СИБИРИ.

(Рѣчь, читанная на актѣ Императорскаго Историко-эпологическаго Института
3-го іюня 1882 года).

Триста лѣтъ тому назадъ Русскіе утвердились въ долину великой рѣки Оби, завоевали находившееся здѣсь Сибирское царство. Это увѣковѣченное нами народомъ въ его историческихъ пѣсняхъ завоеваніе велеунаго вождя Ермака Тимофеевича и его товарищей, стяжавшихъ себѣ безсмертную славу, является событіемъ знаменательнымъ по своимъ послѣдствіямъ и находится въ тѣсной связи съ колонизаціоннымъ движеніемъ Русскихъ на сѣверѣ и востокѣ великой европейской равнины.

Сибирь, какъ географическое имя, впервые упоминается въ нашихъ источникахъ во второй половинѣ XV вѣка, но задолго до появленія этого имени Русскіе открыли путь къ Уральскимъ горамъ; а затѣмъ проложили путь и черезъ эти горы, изъ области р. Печоры въ область р. Оби. Еще въ XI вѣкѣ дошелъ до Уральскихъ горъ слуга (отрокъ) Новгородца Гюряты Роговича; а въ 1364 году Новгородцы совершили походъ на Обь ¹⁾.

Объ этой рѣкѣ они могли слышать отъ Югричей, обитавшихъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Европы и платившихъ Великому Новгороду

¹⁾ О происхожденіи имени Сибирь см. «Описаніе Сибирскаго царства», Г. Ф. Миллера. С.-Пб. 1750 г., стр. 48, стр. 70. Лѣтописецъ, отъ 6360—7106 г., М. 1781 г. (Арханг. лѣт.), стр. 161, 6991 г. (1483 г.) упоминается Сибирь. «Истор.-геогр. изв. Герберштейна», Ж. М. Н. Ир., 1879 г., ноябрь, стр. 12.

данъ мѣхами и серебромъ. Серебро это они получали или съ Урала, или изъ Сибири, точно такъ, какъ и то серебро, которое великій князь Московскій Иванъ Даниловичъ требовалъ отъ Новгородцевъ и называлъ Закамскимъ и которое въ одномъ изъ списковъ нашей лѣтописи называется Закаменскимъ, то-есть, получаемымъ изъ-за Урала ¹⁾.

Замѣчательно, что не только на склонахъ этого хребта, но и въ горахъ Сибири, находятъ во множествѣ слѣды древнихъ рудныхъ работъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Чудскихъ копей, по которымъ открыты были многія руды и на Уралѣ, и на Алтаѣ, и въ горахъ Нерчинскихъ. Эти работы, какъ полагаютъ, принадлежали племени, незнакому съ употребленіемъ желѣза и добывавшему руду на поверхности съ помощію орудій, сдѣланныхъ или изъ камня, изъ котораго складывались плавильные горны, или изъ мѣди. Племя это, хорошо знавшее рудныя мѣстопахожденія въ Сибири, было, вѣроятно, или истреблено, или изгнано отсюда задолго до покоренія ея Русскими ²⁾.

Съ того времени, какъ земли Великаго Новгорода, находившіяся на сѣверѣ восточно-европейской равнины, стали зависѣть отъ Москвы, она также, какъ и Новгородъ, стремилась къ тому, чтобы расширить и упрочить русское владѣтельство на дальнемъ сѣверо-востокѣ, и въ 1483 году великій князь Иванъ Васильевичъ послалъ на Вогульскаго князя Асыку въ Югру и на великую рѣку Обь войско, подъ начальствомъ князя Феодора Курбскаго Чернаго и Ивана Ивановича Салтыка Травина. Они перешли Уральскій хребетъ и по рѣкѣ Тавдѣ, изливающейся въ Тоболъ — притокъ Иртыша, достигли Сибирской

¹⁾ П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 21. 76; V (Соѡ. 1), 169, 220; VII (Воскр.), 203; Никон., II, 259, III, 160; Ист. гос. Росс. *Карамзина*, VI, стр. 140: въ XV в. Русскіе, вѣроятно, перестали получать драгоценные металлы изъ Сибири, «ибо въ лѣтописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣтъ ни слова о серебрѣ Закамскомъ».

²⁾ *Сибирскій Вѣстникъ*, изд. *Гр. Спасскимъ*, 1819 г., ч. 7: «О Чудскихъ копейхъ въ Сибири», стр. 124, 129, 135 — 136, 140. «О курганныхъ раскопкахъ въ Нерчинскомъ округѣ—*Павлуцкаго*, см. «Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1866 г.» сост. *А. Ф. Усольцевымъ*, напеч. въ *Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ.* за 1867 г., т. III, отд. 2 стр. 42 и сл. Рефератъ *В. В. Радлова* «о Сибирскихъ курганахъ», напеч. въ *Извѣстіяхъ 4-ю археологическаго съѣзда въ Казани*, 1877 г., № 7, стр. 101—102. «Заслуживаютъ ли и въ какой мѣрѣ заслуживаютъ научнаго изслѣдованія сибирскіе курганы вообще, и тобольскіе въ особенности?», напеч. въ *Тобольскихъ извѣстіяхъ*, 1878 г. №№ 39, 40, 41, 44, 46, 47.

земли, взяли здѣсь много добра и полону, а отъ Сибири шли по Иртышу внизъ, а затѣмъ на Обь, въ Югорскую землю. Вѣроятно, по требованію русскихъ воеводъ, князя Вогульскіе и Югорскіе, и вмѣстѣ съ ними и Сибирскій князь Лятивъ, отправились въ Москву. Они прибыли сюда весною 1484 года, и великій князь—замѣчаетъ лѣтописецъ—„за себя ихъ привелъ, и дань на нихъ уложилъ“, затѣмъ пожаловалъ, отпустилъ ихъ во свояси. Долго ли платили новую дань князья Югорской земли—мы не знаемъ, но вѣроятно, нарушеніе съ ихъ стороны требованій великаго князя побудило его въ 1499 году вновь отправить на Югорскую землю войско, подъ начальствомъ кв. Петра Ушатаго. И этотъ походъ былъ удаченъ: изъ области Печорской Русскіе проникли въ область рѣки Оби и повоевали обитавшихъ здѣсь инородцевъ¹⁾. Но какихъ либо другихъ существенныхъ послѣдствій этотъ походъ не имѣлъ, и русское колонизаціонное движеніе проникло въ долину великой рѣки Оби только въ концѣ XVI в. не изъ области Печорской, которая могла привлекать только русскихъ промышленниковъ, а изъ области при-Камской, послѣ того, какъ здѣсь упрочилось русское населеніе, занимавшееся и весьма выгодными промыслами, и земледѣіемъ. Колонизаціи этого богатаго края не мало содѣйствовала разумная и энергическая дѣятельность Строгановыхъ.

По челобитью Григорія Аникіева Строганова, въ 1558 году апрѣля 4-го была дана ему царемъ Иваномъ Васильевичемъ жалованная грамота на владѣніе тѣми же въ писцовыхъ кнѣгахъ, и въ купчихъ, и въ правящихъ не написанными, пустыми мѣстами, лѣсами черными, рѣчками и озерами дикими, островами и поемными лугами (наволоками), которые лежали по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы, въ 88 верстахъ отъ Великой Чермы, отъ устьевъ рѣчки Лысвы до устья Чусовой и занимали пространство въ длину около 150 верстъ. Новому владѣльцу этихъ пустыхъ мѣстъ велѣно было поставить городокъ, гдѣ бы было крѣпко и усторожно, учинить на немъ пушки и пищали, для береженья отъ Нагайской и другихъ ордъ, и эта обязанность давала ему слѣдующія права: право рубить лѣсъ, пашни пахать, дворы ставить, призывать нетяглыхъ людей, которые освобождались отъ всякихъ податей и оброковъ; съ людьми, которые пріѣдутъ въ новый городъ, вести торговлю безошлинно, по рѣкамъ и озерамъ

¹⁾ Лѣтописецъ отъ 6360 до 7106 г., М. 1781 г. (Арханг. лѣт., стр. 160—161 «Истор.-геогр. извѣстія Герберштейна», Журн. Мин. Нар. Пр., 1879 г., ноябрь, стр. 4 и сл.

рыбу ловить бозоборочно; гдѣ будетъ найденъ разсолъ, ставитъ варницы и соль варить; но гдѣ найдутъ руду серебрянную или мѣдную, или оловянную, тотчасъ объ этомъ писать въ Москву къ царскимъ казначеямъ, а самому Григорію Строганову разрабатывать имъ найденныя руды было запрещено. Ему же было даровано право во всемъ судить своихъ слобожанъ.

Въ 1568 году тѣ же права и льготы, которыя были пожалованы Григорію Строганову въ 1558 году, были даны на десять лѣтъ и брату его Якову на земли отъ устья Чусовой внизъ по Камѣ до Ласвинскаго бору, всего на 20 верстъ, и этими пожалованіями Строгановы сужьбли искусно воспользоваться ¹⁾. Около 1578 г., слѣдовательно, всего только черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой жалованной грамоты Строгановымъ, на земляхъ, имъ пожалованныхъ, возникли слѣдующіе городки: Канкоръ, Кергедавъ, называвшійся также слободою Орель; слободы съ острогами: Яйва, Чусовая и Сылва. Въ слободѣ Орель было 90 дворовъ крестьянскихъ, и въ ней танули 3 деревни; къ остальнымъ тремъ помянутымъ слободамъ тануло 8 деревень, 24 починка, и въ нихъ было 113 дворовъ крестьянскихъ ²⁾.

¹⁾ *Миллеръ*, стр. 76—80, жалованная грамота Григорію Анкиеву Строганову, 1558 г. апрѣля 4-го; стр. 80—84, жалованная грамота Якову Анкиеву Строганову, 1568 г. марта 25-го (она же напеч. въ Доп. къ А. II., I, № 119, стр. 172—175). Лѣтопись Сибирская, С.-Пб. 1821 г., стр. 3—4, 6—7. «Именитые люди Строгановы», С.-Пб. 1842 г., стр. 33—35, 36. «Матеріалы для геогр. и статистики Россіи», Пермская губ., сост. Х. Мола, ч. I, С.-Пб. 1864 г., стр. 12: первыя русскія поселенія на Камѣ, на впадающей въ нее рч. Усолкѣ, относятся къ 1430 году. См. насел. мѣсть, Пермская губ., сост. Н. Штумлицъ, С.-Пб. 1875 г., стр. CLX: р. Лысва, правый притокъ Камы, въ Оханскомъ уѣздѣ.

²⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ жалованной грамоты 25-го іюля 1693 г., напеч. *Устряловымъ*. Именитые люди Строгановы, С.-Пб. 1842 г., стр. 37—41. *Миллеръ*, стр. 92, пр. 2. Лѣтопись Сибирская, С.-Пб. 1821 г., стр. 3—9. Извѣстія о Строгановыхъ находятся также въ Соликамскомъ лѣтописцѣ: 1563 г. «По указу великаго государя отдано именованному человеку Григорію Строганову крестьянъ Соликамскихъ, Обвинскихъ и Косвенскихъ 2322 двора во владѣніе»; 1564 г., «Максимъ Строгановъ началъ строить, по царской грамотѣ, на Камѣ рѣкѣ городъ въ Орлѣ и искалъ соляныхъ жилъ»; 1570 г., онъ же построилъ монастырь Преображенскій на Пыскорѣ. «Путешествіе въ города Чердынъ и Соликамскъ», *Василія Берха*, С.-Пб. 1821 г., стр. 203—204. Гор. Канкоръ, «на Пыскорскомъ мысу», и гор. Кергедавъ, «на Орловскомъ наволокъ», упоминаются въ грамотѣ Анкию Строганову 1566 г. (?) августа 16-го. Доп. къ А. II., I, № 116, стр. 172. Пермскій сборникъ, кн. I, М. 1859 г., «Краткій историческій очеркъ

Значительныя льготы, данныя Строгановымъ, соответствовали важнымъ, почетнымъ обязанностямъ, которыя они должны были принять на себя, и тѣмъ самымъ еще болѣе упрочить свои отношенія къ московскому правительству. Эти обязанности вызывались необходимостью защищать новыхъ поселенцевъ въ при-Камскомъ краѣ отъ нападений со стороны сосѣднихъ ивородцевъ, какъ тѣхъ, которые признали себя данниками царя Московскаго, такъ и тѣхъ, которые считали себя независимыми, и такъ какъ московское правительство пуждалось въ средствахъ для защиты государственной границы, имѣвшей столь значительное протяженіе, то новымъ владѣтелямъ при-Камской области и были даваемы порученія, которыя приравнивали положеніе ихъ къ положенію полунезависимыхъ удѣльныхъ князей татарской эпохи. Такъ, когда узнали въ Москвѣ о томъ, что лѣтомъ 1572 года Черемисы, Остяки, Ванкирцы и Буинцы (?) приходили войною на Каму, то къ Строгановымъ отъ имени царя была отправлена грамота, въ которой имъ предписывалось жить съ великимъ береженьемъ, и выбравъ голову добраго, собрать стрѣльцовъ и охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, да Остяковъ и Вогуличъ, оставшихся вѣрными присягѣ, написать всѣ имѣна ихъ въ списокъ, который слѣдовало отослать въ приказъ Казанскаго дворца, и отправить ихъ всѣхъ войною на измѣнниковъ ¹⁾.

На безопасность Строгановскихъ владѣній московское правительство обращало вниманіе также и потому, что черезъ эти владѣнія шель путь изъ Перми въ Казань и изъ Москвы въ Сибирь, и въ первой же жалованной грамотѣ Григорію Строганову упоминалось о томъ, что въ новомъ городкѣ, который онъ построилъ, торговые люди должны держать хлѣбъ, и соль, и „вслибой запасъ“, и посламя, и про-

заселенія и цивилизаціи Пермскаго края» *Александра Крученина*, стр. 15: Остатки городковъ, основанныхъ Строгановыми послѣ 1568 г.: «и теперь еще сохранились и нынѣ извѣстны подъ именемъ Чусовскихъ городковъ». Сп. насел. мѣстъ, Пермская губ., сост. *Н. Штилицъ*, С.-Пб. 1875 г., стр. CLVIII: земли, пожалованныя Строгановымъ въ 1558 г., были не обитаемы. «При этомъ рождается вопросъ: куда же дѣвались тѣ ивородцы, которые оставили по себѣ разные древніе памятники? По всей вѣроятности, Чудь этихъ мѣстъ, утраченная появленіемъ Русскихъ, отодвинулась къ Уральскому хребту, въ мѣста болѣе глухія и необитаемыя».

¹⁾ Доп. къ А. И., I, № 120, 1572 г. августа 6-го, стр. 175—176; эта же грамота была напечатана у *Миллера*, стр. 85—86.

Ѣзжимъ людямъ должны продавать кормъ по тѣмъ самымъ цѣнамъ, по какимъ покупаютъ и продаютъ сами жители этого городка.

Этимъ требованіемъ опредѣляется то государственное значеніе, какое получилъ путь изъ Москвы въ Сибирь, вѣроятно, съ того времени, когда Сибирскій князь Едигеръ призналъ себя данникомъ царя Ивана Васильевича. Послы Едигера явились въ Москву въ январѣ 1555 г., и поздравивъ царя со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, били ему челомъ отъ имени своего князя и всей Сибирской земли, чтобы царь Иванъ Васильевичъ ихъ князя и всю землю Сибирскую взялъ на свое имя, защищалъ отъ всѣхъ непріятелей и наложилъ на нее дань, за сборомъ которой прислалъ бы своего человека. Царь пожаловалъ пословъ, взялъ ихъ князя и всю землю Сибирскую „въ свою волю и подъ свою руку“. Послы сказали, что черныхъ людей въ Сибирской землѣ 30,700 человекъ, и царь наложилъ на нихъ дань: въ годъ по тысячѣ соболей, да посланнику царскому, который пріѣдетъ по дань, тысячу бѣлокъ. Съ послами Сибирскаго князя царь отправилъ къ нему и своего посла Дмитрія Непейцина, которому велѣлъ привести къ присягѣ всю землю Сибирскую, переписать черныхъ людей и взять съ нихъ всю дань сполна ¹⁾).

Такъ совершилось это мирное, добровольное присоединеніе къ Московскому государству небольшой области, лежавшей по теченію рѣкъ Тура, Тобола и Иртыша и носившей въ то время названіе Сибирской земли ²⁾. Въ этомъ явленіи сказалась та существенная перемѣна, которая произошла въ отношеніяхъ Московскаго государства

¹⁾ Никон. лѣт., VII, 228. Послы Сибирскіе—сообщаетъ лѣтописецъ—добили челомъ о дань «и правду за князя и за всю землю свою дали на томъ, что имъ давати государю со всякаго чернаго человека по соболю да по бѣлкѣ съ человека по Сибирской, а черныхъ людей у себя сказали 30 тысящъ семьсотъ человекъ». Но въ той же лѣтописи, стр. 291, находится слѣдующее свидѣтельство подъ 1557 г.: «привезали дань Сибирскіе земли сполна тысячу соболей, да дорожской пошлины сто да шесть соболей за бѣлку», и это свидѣтельство должно считать вѣрнымъ, такъ какъ въ «Выпискѣ изъ старинной государственной книги, Титулярникомъ названной», напечат. въ Собр. госуд. гр. и дог., II, № 45, стр. 63 и сл., 1571 г., упоминается о томъ, что Кучумъ просилъ царя имать дань со всей Сибирской земли по прежнему, и царь на него дань положилъ, «на годъ по тысячу соболей, да посланнику государскому, которой по дань пріѣдетъ, тысячу бѣлокъ». Въ жалованной грамотѣ царя Феодора Ивановича, 1597 г., упоминается о томъ, что Сибирская земля уже платила дань великому князю Василю Ивановичу. Собр. гос. гр. и дог., II, № 68, стр. 132 сл.; *Дрицбышевъ*, II, 231.

²⁾ *Миллеръ*, стр. 53—54.

въ государствамъ восточнымъ со времени паденія Казанскаго царства, этого въ XVI вѣкѣ крѣпчайшаго оплота Татаръ на востокѣ Европы. Съ этого именно времени независимые владѣтели татарскихъ ордъ, легко преклонявшіеся передъ всякою новою силою, спѣшили заручиться дружбой и покровительствомъ Московскаго царя. Нагайскіе мурзы въ 1553 году били челомъ государю, чтобъ онъ пожаловалъ, оборонилъ ихъ отъ Янгурчей, царя Астраханскаго, и на его мѣсто посадилъ Дербыша. Послы царя Хивинскаго, прибывшіе въ Москву въ октябрѣ 1558 г., били челомъ о томъ, чтобы царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ дать дорогу гостямъ; о томъ же просили его и послы царя Бухарскаго и Самаркандскаго. И Сибирскій князь Едигеръ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ новыхъ отношеній на востокъ: отъ хановъ Казанскихъ нѣкогда зависѣла и Сибирская земля ¹⁾, и потому, послѣ паденія Казанскаго царства, на нее могъ простирать свои виды и царь Московскій. Сила была на его сторонѣ, а понятія о союзѣ, въ особенности о равноправіи отношеній между сильнымъ и слабымъ, были совершенно чужды государямъ азіатскаго востока.

Димитрій Непейцынъ, посланный для приведенія къ присягѣ людей Сибирской земли, возвратился въ Москву въ ноябрѣ 1556 г. Съ нимъ пріѣхалъ и посоль отъ Сибирскаго князя Едигера Боянда и привезъ царю дань, но не всю сполна, всего 700 соболей, а по договору Сибирская земля должна была платить ежегодно тысячу соболей, да посланнику царскому, который пріѣдетъ за данью, тысячу бѣлокъ. Правда, князь Едигеръ писалъ царю, что землю Сибирскую воевалъ царевичъ Шибанскій и многихъ людей увелъ въ плѣнъ; но, по свидѣтельству Непейцына, могла быть собрана и вся дань, которую должна была платить Сибирь. Тогда царь Иванъ Васильевичъ положилъ опалу на сибирскаго посла, велѣлъ взять на себя все его имущество, а самого посадить подъ стражу, въ Сибирь же послалъ служилыхъ Татаръ, „Девлетъ Хосю“ и „Собаню Рязановыхъ“, съ увѣщательною грамотой о томъ, чтобы люди Сибирской земли исправились, и это требованіе было исполнено. Посланные въ Сибирь служилые Татары возвратились въ сентябрѣ 1557 года въ Москву, и съ ними пріѣхалъ посланникъ Едигера Ивтемиръ съ товарищами, которые привезли дань сполна. Они привезли также и грамоту шертную съ печатью, то-есть, ту грамоту, по которой князь Сибирскій шертовалъ,

¹⁾ Никон. лѣт., VII, 208; Карамзинъ, VIII, пр. 415; Миллеръ, 47.

приносилъ присягу, „учинился“, по выраженію лѣтописца, „въ холопствѣ“ и обязался ежегодно платить дань. Тогда царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ выпустить Боянду, велѣлъ ему видѣть свои очи и пожаловалъ, отпустилъ его въ Сибирь ¹⁾).

Послѣ смерти Едигера вокняжился Кучумъ, и вѣроятно, къ началу его царствованія относятся дошедшія до насъ свѣдѣнія о сношеніяхъ его съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ 1571—1572 годовъ. Съ гонцомъ Аисою царь отправилъ къ Кучуму грамоту, въ которой, именуя себя царемъ всея Сибирскія земли, напоминалъ о томъ, что Едигерь платилъ ему дань. Кучумъ не замедлилъ отвѣтомъ и отправилъ въ Москву посла Таймаса и Аису. Они повезли съ собою сибирскую дань въ тысячу соболей и грамоту, въ которой Кучумъ просилъ, чтобы царь взялъ его въ свои руки и ималъ дань по прежнему.

По прибытіи въ Москву, Кучумовы посланцы исполнили возложенное на нихъ порученіе, принесли присягу за государя своего и всѣхъ его лучшихъ людей и за всю Сибирскую землю, но къ шертной (присяжной) записи не могли приложить ни печатей, ни рукъ своихъ, потому что ни читать, ни писать не умѣли. Съ этою записью царь отправилъ къ Кучуму сына боярскаго Третьяка Чабукова, который и привелъ его къ присягѣ и его шертную грамоту привезъ въ Москву. На этой грамотѣ находились печати — Кучумова и его лучшихъ людей ²⁾).

Но присяга Кучума, которому преданіе приписываетъ введеніе нагометанства въ Сибирской землѣ, не могла удержать его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Въ 1573 году Маметкулъ (по однимъ источникамъ—сынъ Кучума, по другимъ—его братъ) побилъ платившихъ дань царю Остяковъ, полопилъ ихъ женъ и дѣтей, побилъ также посланника Третьяка Чабукова и фханшихъ съ нимъ служившихъ Татаръ. Но узнавъ отъ русскихъ плѣнныхъ о томъ, что русскіе ратные люди собрались въ Чусовскіе городки, за 5 верстъ до нихъ остановился и отправился въ обратный путь ³⁾).

¹⁾ Никон. лѣт., VII, стр. 274—275, 291; Собр. гос. гр. и дог., II, № 45, стр. 63 и сл.; Книга степенная, ч. II, М. 1775 г., ст. 17 гл. 21, стр. 286.

²⁾ Собр. гос. гр. и дог., II, № 45, стр. 63 и сл.; *Миллеръ*, 50. По преданію, Кучумъ былъ сынъ Бухарскаго хана.

³⁾ Лѣтопись Сибирская, 1821 г., стр. 10; *Миллеръ*, 51, 113: въ лѣтописцахъ Сибирскихъ Маметкулъ низывается сыномъ хана Кучума. Но въ жалованной грамотѣ Строгановымъ, 1576 г. мая 30-го, онъ названъ братомъ Кучума, см. стр. 87.

Это нападеніе должно было побудить Строгановыхъ въ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ дальнѣйшихъ нападеній со стороны Кучума, и раньше или позже къ такимъ же мѣрамъ обратилось бы и московское правительство, такъ какъ оно, конечно, не оставило бы безнаказанными дѣйствія Кучума, не дозволило бы ему собирать дань съ Остяковъ Тахчевыхъ, желавшихъ платить дань не ему, а Русскому государю. Занятый дѣлами на Западѣ, послѣ паденія Казани сосредоточивая по преимуществу на этихъ дѣлахъ свое вниманіе, въ особенности послѣ смерти польскаго короля Сигизмунда-Августа, когда выборъ новаго короля въ Польшѣ долженъ былъ имѣть столь значительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ Ливонской войны, царь Иванъ Васильевичъ рѣшилъ предоставить Строгановымъ исполнить то, чего требовали ясно понимаемые имъ интересы Московскаго государства, и не поскупился на новыя щедрыя пожалованія владѣтелямъ Камскихъ земель, съумѣвшимъ пріобрѣсти и поддержать его довѣріе.

По дарованной въ 1574 г. мая 30-го жалованной грамотѣ Якову и Григорію Аникиевымъ дѣтямъ, Строгановымъ дозволено было на Тахчей и на Тоболѣ строить крѣпости, имѣть огненный снарядъ, пушкарей, пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ и Нагайскихъ людей держать, и около крѣпостей у желѣзнаго промысла, у рыбныхъ ловель и у пашень, по обѣ стороны рѣки Тобола и по окрестнымъ рѣкамъ и озерамъ, дворы ставить, лѣсъ сѣчь, пашни пахать и угодами владѣть, людей нетяглыхъ призывать, по только не бѣглыхъ, ни татей, ни разбойниковъ. Всельники на этихъ земляхъ юго-западной Сибири освобождались отъ всякой службы и всякихъ повинностей. Не только на Тоболѣ, но и на Иртышѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, дозволено было строить крѣпости, вездѣ въ предѣлахъ Сибирской земли, гдѣ понадобится для береженья, и ратные люди, которые будутъ подворены въ этихъ крѣпостяхъ могли рыбу и звѣря ловить безбродно. Всѣ эти пожалованія, имѣвшія силу на двадцать лѣтъ, налагали важную обязанность оберегать инородцевъ и русскихъ всельниковъ отъ нападенія со стороны ратныхъ людей Кучума, и

Въ грамотѣ 1597 г., напеч. въ Собр. год. гр. и дог., II, № 68, упоминается Кучумовъ племянникъ Магметъ Кузь царевичъ. Любопытно слѣдующее извѣстіе въ Соликамскомъ лѣтописцѣ, 1572 г., «сходилъ воевать царя Кучума князь Леонасій Дыченицынъ, точю безъ удача; потерялъ много народу, всѣ пушки и зелье». «Путешествіе въ гг. Чердынь и Соликамскъ» *Василія Берха*, С.-Пб. 1821 г., стр. 204.

мало того, Строгановы были обязаны вести съ нимъ войну наступательную, посылать на него охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличей, Югричей и Самоѣдовъ съ наемными казаками и нарядомъ, имать въ плѣнъ Сибирцевъ и приводить ихъ въ дань за царя ¹⁾).

По полученіи этой грамоты, Строгановымъ было необходимо воспользоваться, по возможности скорѣе, вновь дарованными царемъ правами, воспользоваться не ради разчетовъ на какія-либо сомнительныя пріобрѣтенія въ будущемъ, а для огражденія своихъ ближайшихъ интересовъ, но Камская украинна не располагала такими военными средствами, которыя дозволили бы осуществить предрѣшенный ходомъ событій походъ русской рати въ Сибирь съ цѣлюю завоеванія Кучумова царства, и потому приходилось, по неволѣ, ожидать благопріятнаго случая, искать этихъ средствъ за предѣлами Строгановскихъ владѣній.

Въ 1579 г. Семенъ, Максимъ и Никита Строгановы, услышавъ отъ достовѣрныхъ людей о томъ, что волжскіе казаки съ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ и его товарищами побиваютъ Нагайцевъ на волжскихъ перевозахъ, отправили къ нимъ посланцевъ со многими дарами и грамотою, въ которой просили прославившихся своею храбростію казаковъ прибыть въ Чусовскіе городки и острожки на помощь. Казаки обрадовались этому предложенію, и Ермакъ Тимофеевъ и его товарищи Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ „съ единомысленною и предоброю“ дружиною, состоявшею изъ 540 человекъ, отправились къ Строгановымъ и прибыли къ нимъ 28-го іюня. Строгановы съ честію приняли казаковъ и поселили ихъ въ своей вотчинѣ. Здѣсь они и пребывали два года и два мѣсяца, на стражѣ противъ хищническихъ набѣговъ иноподческихъ племенъ. Когда вогульскій мурза Бегбелій Агтаковъ съ Вогуличами и Остяками, число которыхъ простиралось до 680 человекъ, неожиданно подошелъ къ Чусовскимъ городкамъ, 22-го іюля 1581 г., пожегъ окрестныя села и деревни и захватилъ въ плѣнъ многихъ людей, то противъ него выступили изъ этихъ городковъ ратные люди и одержали надъ нимъ побѣду, многихъ взяли въ плѣнъ, и въ томъ числѣ самого мурзу Бегбелія Агтакова.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого неудачнаго нападенія Во-

¹⁾ Лѣтопись Сибирская, С.-Пб. 1821 г., стр. 9—13. Стр. 10, 1573 г., «а Яковъ и Григорей за Сибирскою ратью (Маметкула), безъ указа государева, своихъ наемныхъ казаковъ послать не посмѣли». *Миллеръ*, стр. 87—90.

гуловъ Строгановы сочли наконецъ возможнымъ осуществить то, что уже давно было ими задумано, и 1-го сентября 1581 г. Ермакъ Тимофеевичъ выступилъ въ дальній походъ противъ непокорнаго Кучума съ войскомъ, которое вотчинники камскіе снабдили пушками, пищалами и провіантомъ. Оно состояло изъ 540 казаковъ и 300 ратныхъ людей изъ Чусовскихъ городковъ, и въ числѣ этихъ ратниковъ были не только Русскіе, но и Литовцы, и Нѣмцы, и Татары; съ ними были и проводники, знавшіе Сибирскій путь, и толмачи, всего 840 человекъ ¹⁾).

Войско отправилось вверхъ по р. Чусовой, затѣмъ по р. Серебренной достигнувъ волока, который отдѣлялъ воды двухъ великихъ рѣчныхъ системъ Камской и Обской, поставило городокъ при устьѣ небольшой рѣчки Кокуя, названный Ермакомъ Кокуемъ городкомъ, переправилось черезъ этотъ волокъ и поплыло по рр. Жаравлѣ, Баранчѣ, Тагилу и Турѣ, на берегахъ которой начинались необширныя владѣнія Сибирскаго царя, простиравшіяся далѣе на востокъ по Тоболу и низовьямъ Иртыша ²⁾.

На берегахъ Туры Ермакова дружина повоевала много татарскихъ селеній, взяла городокъ Цямги или Тюмень, и первыя вѣсти о столкновеніяхъ Русскихъ съ Татарами сильно опечалили Кучума. Ружья, которыми были вооружены русскіе ратники, казались Кучумовымъ Татарамъ необыкновенными луками, изъ которыхъ во время стрѣльбы исходитъ огонь и дымъ и раздается громъ, подобный небесному, а между тѣмъ, стрѣлы, наносящей смертельную рану и пробивающей и татарскіе кюлки и бахтерцы, и папцыри, и колчуги,—не видно. Не смотря однако на недобрныя вѣсти, Кучумъ не терялъ бодрости и готовился къ дѣятельной оборонѣ. Свою столицу Сибирь и другіе ему подвластные города велѣлъ укрѣпить рвомъ, на берегу Иртыша засѣчь дороги, на устьѣ Тобола поставилъ крѣпкій караулъ и отпра-

¹⁾ Лѣтопись Сибирская, 1821 г. стр., 13—18. Критическія замѣтки о Сибирскихъ лѣтописяхъ см. въ Исторіи Россіи, С. М. Соловьева, т. VI, М. 1856 г., стр. XVI—XXVI, «Замѣтка относительно завоеванія Сибиря»; «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибиря къ Русской державѣ», Л. Майкова, Ж. М. Н. Пр., 1881 г., № 9.

²⁾ Р. Жаравля—притокъ р. Баранчи (длина теченія 65 вер.), впадающей съ западной стороны въ р. Тагиль (длина теченія, по однимъ 320 вер., по другимъ—222 вер.). Р. Тагиль—притокъ р. Туры, впадающей въ р. Тоболъ. *Millers*, 106, 104—108; *Stuckenberg*, *Hydrographie d. Rus. Reiches*, II, 436, 434; Лѣт. Сиб., 1821 г., 18—19; Лѣт. Кунгурск., 1880 г., стр. 5, ст. 11.

вилъ противъ Ермака Татаръ, Остяковъ и Вогуличей, подъ начальствомъ Маметкула. Близъ Бабасапскихъ юртъ, на р. Тоболѣ, это войско въ продолженіе нѣсколькихъ дней вступало въ ожесточенные бои съ дружиною Ермака, но наконецъ должно было уступить. Сохранилось преданіе о томъ, что въ это именно время русскимъ ратникамъ являлся св. Николай Чудотворецъ и ободрялъ ихъ мужественно сражаться ¹⁾.

Послѣ этой побѣды русскіе ратники отправились далѣе по р. Тоболу, взяли Карачинскій улусъ и поплыли по р. Иртышу ²⁾. Здѣсь Кучумово войско снова пыталось остановить движеніе Ермаковой дружины, но во время нападенія потерпѣло значительный уронъ и обратилось въ бѣгство. Русскихъ, убитыхъ въ этомъ бою, замѣчаетъ лѣтопись,—было мало, но за то каждый изъ оставшихся въ живыхъ былъ уязвленъ. Взявъ затѣмъ городокъ мурзы Атика, русскіе ратники сложили въ этомъ городкѣ все, что находилось на ихъ судахъ, и стали готовиться къ новому бою, который долженствовалъ быть рѣшительнымъ, такъ какъ близъ этого городка собирались всѣ ратныя силы Кучума. Тогда—разказываетъ одна изъ достовѣрнѣйшихъ сибирскихъ лѣтописей—страхъ напалъ на русскихъ воиновъ, и они собрались на совѣтъ, учинили кругъ. Одни полагали, что лучше оставить городокъ Атика и двинуться въ отходъ; но другіе твердо стояли на томъ, чтобы не избѣгать предстоящаго боя, указывали на неудобное для отступленія время позднею осенью, когда на рѣкахъ уже появился ледъ, самое отступленіе называли бѣгствомъ и увѣщевали своихъ сотоварищей не полагать на себя худой славы и укоризны, но возложить упованіе на Юга. Это мнѣніе взяло верхъ, и атаманы, и казаки всѣ единодушно положили умереть за святыи Божіи церкви, за истинную православную вѣру пострадать и благочестивому госу-

¹⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., стр. 19, 26 — 31; Лѣт. Кунг., 1880 г., стр. 5, ст. 15: «И августа въ 1-й день взяша градъ Тюмень, еже Чинида»; стр. 10, ст. 40, стр. 11, ст. 43 («срѣтоша Ермака, іюля въ 21-й день, въ Бабасанахъ, на усть озера на Тоболѣ.... и билися 5 дней»); *Миллеръ*, 106—108, 113—115.

²⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., стр. 32. Лѣт. Кунг., 1880 г., стр. 12, ст. 48 и 49: городъ Карачинъ былъ взятъ 1-го августа; стр. 15, ст. 58: «Ермаку же пребывающу въ Карачинскомъ городкѣ во всегданнемъ постѣ и съ дружиною сентября до 40 дней 7090 году и съ Воздвиженьева дни пустишася по явленію на градъ Кучумовъ»; *Миллеръ*, стр. 116. Оз. Карачинское (Карача-муль) находится на правой сторонѣ р. Тобола. въ 16 верстахъ отъ устья. Близъ этого озера и находился Карачинскій улусъ.

дарю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси послужить, постоять противъ поганыхъ твердо, до крови, до самой смерти. 23-го октября 1581 г. Русскіе выступили изъ городка Атика и пошли на приступъ къ засѣкѣ, за которою укрывались Кучумовы ратники. Они встрѣтили Русскихъ тучами стрѣлъ, пущенныхъ сверху засѣки и изъ бойницъ, и причинивъ осаждавшимъ не малый уронъ, пріободрились, разломали засѣку въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Тогда начался ожесточенный, рукопашный бой. Маметкулъ былъ раненъ и въ небольшой лодкѣ увезенъ за р. Иртышъ; Русскіе пробились къ засѣкѣ и водрузили на ней свои знамена. Кучумъ съ высокаго мѣста слѣдилъ за битвою, и замѣтивъ, что его войско начинаетъ уступать непріятелю, велѣлъ мулламъ громко читать молитвы. Но въ это время остяцкіе князья и ихъ люди обратились въ бѣгство, а вслѣдъ за ними и Кучумъ побѣжалъ въ свою столицу, захватилъ здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ сокровищъ и навсегда ее покинулъ. Ее занялъ Ермакъ и нашелъ здѣсь много цѣнной добычи: золото, серебро, паволоки золотныя, драгоценныя каменья, множество мѣховъ собольихъ, куньихъ и лисьихъ, и всю эту добычу русскіе ратники подѣлили между собою. Вскорѣ затѣмъ пришелъ къ Ермаку остяцкій князь и привезъ много даровъ и запасовъ, а за нимъ стали приходить въ Сибирь и многіе Татары съ женами и дѣтьми. Достойно—замѣчаетъ одинъ изъ составителей Сибирской лѣтописи—прославить Бога за дарованную Имъ побѣду русскимъ воинамъ; на каждаго изъ нихъ, во время войны, приходилось по 10, по 20 и по 30 поганыхъ ¹⁾).

Послѣ занятія Сибиріи Ермакомъ Кучумъ, однако, не считалъ себя вполне побѣжденнымъ. Степь, простиравшаяся на югъ отъ Иртыша, давала Кучумовымъ Татарамъ безопасное убѣжище, и отсюда они могли тревожить малочисленную русскую дружину непрерывными набѣгами. Въ концѣ 1581 г. царевичъ Маметкулъ неожиданно напалъ на отрядъ казаковъ, занимавшихся рыбною ловлею близъ урочища Аболакъ (Аболакъ), и побилъ ихъ ²⁾. Узнавъ объ этомъ, Ермакъ не

¹⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., 32 — 41; Лѣт. Кунг., 1880 г., ст. 16 — 17; *Миллеръ*, 124, 126; городъ Атика находится на мѣстѣ татарской деревни Заостровныя юрты. Сибирск. Лѣт. Есппова, *Сиб. Вѣстн.*, 1824 г., ч. I, стр. 136.

²⁾ Это побойще происходило по Лѣт. Сибир. (изд. въ 1821 г.), стр. 41, декабря 5-го; по лѣт. Кунгурской (изд. въ 1880 г.) стр. 19, ноября 5-го; по лѣт. Есппова, стр. 141, декабря 5-го (*Сиб. Вѣстн.*, 1824 г., ч. 1); *Миллеръ*, стр. 138; ноября 5-го (оз. Аболацкое находится близъ р. Иртыша).

замедлилъ выступить въ походъ противъ хищниковъ, настигъ ихъ бливъ этого же урочища и обратилъ въ бѣгство.

Весною 1582 г. Маметкулъ снова появился на р. Вагаѣ. Здѣсь ночью напали на него казаки, взяли въ плѣнъ и привели въ Сибирь ¹⁾.

Съ донесеніемъ о завоеваніи Сибирскаго царства, новой, благодатной земли, по выраженію одного изъ составителей Сибирской лѣтописи, Ермакъ отправилъ своего сотоварища, атамана Ивана Кольцо. Царь за службу и радѣнье послалъ казакамъ свое государево большое жалованье, въ сибирскіе города назначилъ воеводъ князя Семена Болоховскаго и Ивана Глухова, и съ ними служилыхъ людей; а царевича Маметкула указалъ привести въ Москву. Атаманы и казаки приняли воеводъ съ великою честію, съ радостію приняли и государево жалованье и поднесли воеводамъ дорогихъ соболей, лисицъ и всякой мягкой рухляди ²⁾.

Теперь, по видимому, завоеватели Сибирскаго царства могли успокоиться, могли бы, казалось, пользоваться плодами своихъ побѣдъ, и если не совсѣмъ сложить съ себя тяжелое бремя охраны этого царства, то по крайней мѣрѣ, быть только участниками въ дѣлѣ этой охраны. Но не такъ было въ дѣйствительности. Первые мѣры, принятія московскимъ правительствомъ для обороны и окончательнаго утвержденія русской власти въ странѣ, только что завоеванной, въ которой были неизбѣжны враждебныя дѣйствія со стороны иноподданныхъ, еще не успѣвшихъ свыкнуться съ новыми пришельцами, ока-

¹⁾ Лѣт. Сиб. 1821 г., стр. 42—43. Лѣт. Кунг., 1880 г., стр. 23; ст. 87: царевича привелоша къ Ермаку во градъ оевраля въ 23-й день. Лѣт. Еспова, стр. 144—145 (*Сиб. Вѣстн.*, 1824 г., ч. I); *Миллеръ*, 149—150: р. Вагай впадаетъ въ р. Иртышъ, «въ разстояніи отъ города Сибири около 100 верстъ». *Hydrogr. d. Russ. Reiches v. Stuckenberg*, II, 400, 401: zu beyden Seiten des Wagai dehnt sich die... Steppe aus, mit vielen Salz—und Bitterseen bedeckt.

²⁾ Лѣт. Сиб. 1821 г., стр. 50, 46—47, 49. Лѣт. Кунг., по изд. 1880 г., стр. 22—23: Ермакъ отиравилъ посланіе къ царю 22-го декабря съ атаманомъ Иваномъ Кольцовымъ; марта 1-го 90 году (1582 г.) «варный человекъ царевъ принесе отъ государя радосные и похвальныя грамоты Ермаку.... Сп. писемъ мѣст. Перм. губ., сост. *И. Штилицъ*, С.-Пб., 1875 г., стр. CLXIII: «Строгановы, какъ кажется, не воспользовались дарованною имъ грамотою на обладаніе землями по ту сторону Урала; по крайней мѣрѣ, тамъ не осталось слѣдовъ ихъ неутомимой дѣятельности и предпримчивости. Въ вознагражденіе за понесенную ими потерю земель за Ураломъ, въ 1597 году Строгановы получаютъ новую грамоту на обладаніе чуть ли не всѣмъ теченіемъ Камы въ предѣлахъ нынѣшней губерніи» (эта грамота напечатана въ *Пермск. Губ. Вѣд.*, 1862 г., № 26, стр. 383).

зались слишкомъ недостаточными и знаменитой „единомысленной и предоброй“ дружинѣ пришлось испытать новыя, тяжкія бѣдствія. После того, какъ Маметкулъ со многими его людьми былъ отправленъ въ Москву, по распоряженію воеводы Ивана Глухова, который заступилъ мѣсто князя Семена Болховскаго, скончавшагося вскорѣ по прибытіи въ Сибирь, сюда явились послы отъ Карачи съ просьбой оборонить его людей отъ Нагайской орды и шертвовали не чинить никакого зла Русскимъ ¹⁾).

Казаки повѣрили этой присягѣ, и на помощь Карачѣ отправился атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною въ 40 человекъ. Всѣ они были вѣроломно убиты Карачею и его сообщниками, и когда объ этомъ узнали казаки, оставшіеся въ Сибири, они горько плакали о своихъ сподвижникахъ. Мстить за нихъ отправился атаманъ Яковъ Михайловъ съ своею дружиною, но тоже былъ убитъ. Ободренный успѣхомъ, и вѣроятно, имѣя свѣдѣнія о томъ, что въ столицѣ сибирской находится незначительная числомъ русская рать, Карача задумалъ погубить и ее. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 г. онъ подступилъ къ Сибири съ значительными силами, поставилъ обозы вокругъ всего города, и самъ сталъ въ мѣстечкѣ Саусканъ, въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Карача не отступалъ и въ его намѣреніи выморить Русскихъ голодомъ уже нельзя было сомнѣваться. Тогда ночью ²⁾ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ Матвѣй Мещерякъ прокрался къ непріятельскому стану, напалъ на сонныхъ Татаръ и сталъ ихъ побивать. Двое сыновей Карачи были убиты, а самъ онъ бѣжалъ. Съ наступленіемъ утра Татары, находившіеся въ обозахъ, побѣжали къ своимъ на выручку, но были обращены въ бѣгство. Эта побѣда была послѣднимъ радостнымъ событіемъ въ исторіи борьбы Ермаковой дружины съ сибирскими инородцами. Въ началѣ августа 1584 г. Ермакъ былъ убитъ, и когда роковая вѣсть объ этомъ достигла Сибири, сподвижники велеумнаго атамана горько плакали ³⁾).

Всѣ дошедшія до насъ извѣстія о немъ, и многія народныя преданія, и данныя достовѣрныя свидѣтельства о томъ, что онъ вполне заслужилъ названіе велеумнаго атамана, какъ величаетъ его одна изъ древнѣйшихъ сибирскихъ лѣтописей. Доблести, которыми

¹⁾ 92 г., сентябрь 10-го (1583 г.), по Лѣт. Кунг., стр. 25, ст. 93.

²⁾ 12-го іюня, по Лѣт. Сиб. (изд. въ 1821 г.), стр. 54; 9-го мая, по Лѣт. Кунгурской, стр. 25, ст. 95.

³⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., стр. 56—58. Лѣт. Кунг., стр. 26—29.

онъ отличался, его отвага, и энергія, осторожность и расчетливость, умѣніе начальствовать надъ ратными людьми, не привыкшими къ строгой дисциплинѣ, умѣніе поддерживать въ нихъ полное довѣріе къ себѣ въ самыя тяжелыя минуты походной жизни — давали ему замѣтное, неоспоримое преимущество предъ всѣми находившимися подъ его начальствомъ атаманами-предводителями отдѣльныхъ дружинъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ его многоотрудной, завоевательной дѣятельности мы не находимъ въ источникахъ ни одного извѣстія о какомъ-либо возмущеніи противъ него, которое имѣло бы серьезныя послѣдствія, помѣшало бы достиженію главной цѣли. Не ему, правда, принадлежитъ мысль о завоеваніи Сибирскаго царства; но онъ осуществилъ ее, и въ этомъ его главная историческая заслуга. Онъ, конечно, могъ бы исполнить возложенное на него Строгановыми порученіе такъ, какъ исполнилъ бы его менѣе даровитый казацкій атаманъ, ограничился бы набѣгомъ на землю Сибирскихъ Татаръ, разореніемъ ихъ, сулившимъ богатую добычу. Но не такъ понялъ свое дѣло Ермакъ. Извѣстія о походѣ его ясно указываютъ на то, что онъ съ самого вступленія своего въ предѣлы Сибирскаго царства имѣлъ въ виду не хищнической набѣгъ, а прочное завоеваніе этого царства. Цѣль эта могла казаться достижимою только потому, что казаки, какъ и Европейцы въ Америкѣ, въ эпоху ея завоеванія, имѣли великое преимущество предъ Татарами, Остяками и Вогуличами—огнестрѣльное оружіе. Но числомъ своихъ ратныхъ людей эти инородцы далеко превосходили казаковъ, лучше ихъ знали мѣстность, могли пользоваться выгодными для нихъ условіями, занимать по воднымъ путямъ, по которымъ двигалась Ермакова дружина, возвышенные пункты, удобныя для обороны, тревожить ее неожиданными нападеніями, оборонять свои укрѣпленные городки, мѣшать добычѣ продовольствія—и ко всѣмъ этимъ средствамъ обороны и прибѣгали Кучумовы Татары. Но Ермакова дружина ихъ поборола, и этимъ торжествомъ была въ значительной степени обязана своему вождю, неустанно бодрому, глубоко вѣровавшему въ успѣхъ своего важнаго дѣла.

По историческому значенію своему, завоеваніе Сибирскаго царства Ермакомъ находится въ тѣсной связи съ тѣми событіями XVI в., которыя знаменуютъ наше поступательное движеніе на востокъ. Оно началось со времени паденія Казанскаго царства и затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій ограничивалось областью рѣки Волги, запятіемъ ея устьевъ и заселеніемъ области Камской. Затѣмъ новая эпоха въ исторіи этого движенія начинается съ завоеванія той об-

ласти на востокъ, которая прилегаетъ къ области Камской, составляетъ часть великой азіатской равнины и представляетъ благопріятныя условія для дальнѣйшаго движенія съ цѣлію занятія этой равнины. Этими условіями Русскіе не замедлили воспользоваться и въ XVII столѣтіи достигли крайнихъ предѣловъ ея на востокъ.

Послѣ смерти Ермака, его дѣлу грозила, по видимому, конечная гибель. Кучумовы Татары, а за ними и Остяки, и Вогуличи, съ увѣренностью въ успѣхъ, бодро возстали противъ русскихъ ратниковъ, истомленныхъ лишеніями и борьбой, и заступившій мѣсто воеводы въ городѣ Сибири Иванъ Глуховъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ всего только полтора ста человекъ, долженъ былъ покинуть столицу Кучумова царства. Онъ выступилъ отсюда 15-го августа 1584 года, и опасаясь преслѣдованія со стороны враговъ, не посмѣлъ возвратиться въ Россію тѣмъ путемъ, которымъ шель покоритель Сибири, и избралъ другой путь: спустился внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби и отсюда переправился въ область рѣки Печоры ¹⁾. Сибирское царство вернуло свою независимость; въ его столицѣ вокняжился Кучумовъ сынъ Алей, скоро затѣмъ изгнанный Сейдякомъ, потомкомъ Едигера. Но не смотря на чувствительныя потери, не смотря на всеобщее возстаніе не только Татаръ, но и Остяковъ, и Вогуличей, московское правительство обнаружило твердое намѣреніе удержать завоеванія Ермака и поторопилось принять мѣры къ тому, чтобъ осуществить это намѣреніе.

Въ началѣ 1586 г. въ городъ Сибирь было отправлено войско, состоявшее изъ 300 человекъ, стрѣльцовъ и казаковъ, подъ начальствомъ двухъ воеводъ: Василя Борисовича Сукина и Ивана Мясного, и съ ними — письменный голова Даниль Чулковъ. Этому войску, въ числѣ уступавшему Ермаковой дружинѣ, предстояло новое завоеваніе Сибири. Въ іюль 1586 г. воевода Сукинъ прибылъ къ рѣкѣ Турѣ, на возвышенномъ берегу ея избралъ мѣсто, весьма удобное для защиты, и на немъ построилъ городокъ Тюмень. Продолжать далѣе походъ къ городу Сибири русскіе воеводы не рѣшались, но, по прибытіи въ Тюмень посланнаго, по царскому указу, отряда изъ 500 человекъ казаковъ, письменный голова Даниль Чулковъ отправился на р. Иртышъ и вблизи города Сибири основалъ Тобольскъ, на высокомъ восточномъ берегу р. Иртыша, противъ устья Тобола, и немедленно же приступилъ къ постройкѣ двухъ церквей. Съ основаніемъ этого го-

¹⁾ Длт. Кунг., стр. 29, ст. 107; *Миллеръ*, стр. 197.

рода, находившагося въ центрѣ Сибирской земли и представлявшаго весьма выгодныя условія для сношеній по р. Иртышу и его притокамъ, Русскіе вновь и уже болѣе прочно, чѣмъ въ эпоху перваго завоеванія Сибирскаго царства, утвердились въ его области. Выгодныя послѣдствія основанія Тобольска не замедлили обнаружиться. Въ 1588 году Сейдякъ былъ схваченъ и отправленъ въ Москву; съ этого времени городъ Сибирь опустѣлъ на всегда.

Затѣмъ, еще долго продолжалась упорная борьба съ кочевавшими въ плодородной Барабинской степи Татарами, которыми предводительствовалъ Кучумъ, и окончилась только въ 1598 году, черезъ четыре года послѣ основанія Тары, построенной съ цѣлію обезопасить русскія владѣнія на р. Иртышѣ отъ нападеній со стороны Барабинскихъ кочевниковъ ¹⁾.

Во время этой борьбы Русскіе успѣли прочно и окончательно утвердиться въ области рѣки Оби. Важнѣйшими центрами ихъ власти здѣсь явились слѣдующіе, ими построенные города: на крайнемъ сѣверѣ, въ центрѣ вогульскихъ и остяцкихъ владѣній, въ 20 верстахъ отъ устья рѣки Созвы, впадающей въ Обь—Березовъ; на р. Кети—Кетскій острогъ; на западномъ предѣлѣ Обской долины, на р. Турѣ, впадающей въ Тоболь, Верхотурье, чрезъ который шла дорога изъ Европейской Россіи въ Азіатскую. Въ началѣ XVII столѣтія стали строить города и на восточной сторонѣ той же рѣчной долины: на славящихся своимъ плодородіемъ берегахъ р. Томи были основаны въ 1604 году Томскъ и южнѣе его, въ 1618 году—Кузнецкъ ²⁾.

Съ первыхъ же годовъ XVII вѣка началось движеніе Русскихъ изъ Обской долины далѣе на востокъ въ область рѣки Енисея, и сюда проникли и съ юга, и съ сѣвера (изъ Мангазеи), но это движеніе было остановлено событіями Смутнаго времени. Съ 1618 г. оно снова получаетъ силу и уже не прекращается до окончательнаго занятія Сибири въ XVII вѣкѣ. Послѣ построенія Енисейска, а затѣмъ Красноярска (1627—1628 гг.), усилія Русскихъ были направлены въ 30-хъ и 40-хъ годахъ на покореніе земель, лежащихъ на юго-восточной

¹⁾ Лвт. Кунг., по изд. 1880 г., стр. 29, 33—35; *Миллеръ*, стр. 197, 170, 174, 197, 56, 212, 216—218, 220, 225, 303; Лттоп. Сиб., 1821 г., стр. 59, 63. Никон. лвт., VIII, стр. 3, 38. А. И., II, № 1 (1598 сентябри 4-го), стр. 1—4, отписка царю Тарскаго воеводы Андрея Воейкова о пораженіи имъ Сибирскаго царя Кучума на берегахъ Оби; см. также №№ 4, 5, 7, 11—23.

²⁾ *Миллеръ*, стр. 248—249, 311, 330—331, 392, 396, 430—433.

сторонѣ Енисей. Обитавшіе здѣсь инородцы, и въ томъ числѣ Буряты, оказали упорное сопротивленіе, вслѣдствіе чего явилась необходимость укрѣпить русскую власть построениемъ нѣсколькихъ остроговъ — Братскаго, Канскаго, Удинскаго и наконецъ въ 1654 году — Балаганскаго ¹⁾).

Съ Енисея по Нижней Тунгускѣ, впадающей въ него съ правой стороны, казаки пробѣжали на р. Вилюй и по ней добрались до Лены. Здѣсь въ 1632 году былъ построенъ Якутскъ, важное значеніе котораго скоро опредѣлилось. Онъ сталъ центромъ обширной области, славившейся лучшими соболями, и въ Якутскѣ, первоначально завѣснѣишій отъ Енисейска, стали назначать особыхъ воеводъ ²⁾).

Пустынный, представляющій величайшія затрудненія для мореплавателей сѣверный берегъ Сибири, отъ устья Лены до Берингова пролива, былъ также открытъ сибирскими землеискателями въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVII вѣка, и инородческія земли, находившіяся на этомъ берегу, вошли въ составъ Московскаго государства. Казачій десятникъ Елисей Буза открылъ рѣки Яну и Чендонъ; затѣмъ далѣе къ востоку отъ нихъ послѣдовало открытіе двухъ значительныхъ рѣкъ Индигирки и Колымы, а въ 1648 году казакъ Семешъ Дежневъ достигъ сѣверо-восточной оконечности Сибири, открылъ Беринговъ проливъ и собралъ ясакъ съ инородцевъ, обитавшихъ на р. Авадырь ³⁾).

¹⁾ *Миллеръ*, стр. 390—391, 441—444; стр. 373: первый ясакъ съ инородцевъ, обитавшихъ при р. Енисей, былъ собранъ въ 1598 г.; *Сибирская исторія*, *Иоганна Эбергарда Фишера*, С.-Пб. 1774 г., стр. 400, 540; *Собр. гос. гр. и дог.*, III, № 78, стр. 299; *Никон. лѣт.*, VIII, стр. 39, о поставленіи Мангазея *Сибир. Вѣстникъ*, 1821 г., ч. XV: «Исторія плаванія Россіяняъ изъ рѣкъ сибирскихъ въ Ледовитое море», стр. 8—9; 1824 г., ч. I, «Буряты», стр. 26—28.

²⁾ *Фишеръ*, 358—360, 528; *Сибирскій Вѣстникъ*, 1824 г., ч. III, кн. 13 и 14: «Якуты», стр. 130; 1821 г., ч. XV, «Исторія плаванія Россіяняъ изъ рѣкъ сибирскихъ въ Ледовитое море», стр. 14—16.

³⁾ *Фишеръ*, 372—374; 385—387; *Доп. къ А. И.*, III, № 24 (1647 апрѣля 22-го), распросныя рѣчи служилаго челоуѣка Михаила Стадухина, стр. 99: «въ прошломъ во 154 году (1645 г.), ноября въ 23-й день, въ Якутской острогѣ... съ Колымы рѣки съ государевымъ съ ясачнымъ сборомъ пришлоу Михаилко Стадухинъ, въ распросѣ сказалъ: на Колымѣ де рѣкъ былъ онъ для государева ясачнагобору два годы»... Тамъ же, IV, № 47 (1658 марта 11-го), отписка вазачьяго десятника Михаила Стадухина, стр. 120—122; № 7 (1655 апрѣля 4-го и послѣ 15-го), отписка Якутскому воеводѣ Семену Дежневу и Никиты Семенова, стр. 25—26: «въ прошломъ же во 157 году, мѣсяца сентября въ 20 день, вдуци

Почти одновременно съ открытіями Русскихъ на сѣверо-востокѣ постепенно была занимаема и Забайкальская область, послѣ того какъ въ 1643 году Курбатъ Ивановъ предпринялъ первое путешествіе по Байкальскому озеру. На сѣверо-востокѣ этой области былъ основанъ въ 1647 году острогъ Ангарскій, а на крайнемъ югѣ, въ 1648 г.— Баргузинскій, отъ котораго въ продолженіе довольно значительнаго времени зависѣли вновь покоряемыя внородческія земли¹⁾.

Въ Забайкальской области сибирскіе служилые люди впервые въ концѣ 30-хъ годовъ услышали о рѣкѣ Шилкѣ, на которой много серебряной, мѣдной и свинцовой руды, и на устьѣ которой живутъ Килорцы (Гиляки), занимающіеся земледѣліемъ; услышали также и о р. Амурѣ, и съ этихъ поръ является рядъ настойчивыхъ попытокъ проникнуть въ богатѣйшую изъ всѣхъ областей Сибири, область Амурскую²⁾.

Еще не имѣя обстоятельныхъ свѣдѣній о путяхъ къ р. Амуру, отправленный сюда въ 1643 году для открытія серебряной руды Василій Поярковъ избралъ путь, представлявшій неимоверныя препятствія для движенія; но опъ преодолѣлъ ихъ, и первый изъ Русскихъ достигъ этой славной рѣки³⁾.

Другимъ, болѣе удобнымъ путемъ добрался до нея Хабаровъ, и

съ Ковыми рѣки моремъ, на пристанищѣ торговаго человека Федота Алексѣева Чучочи люди на дракѣ ранили, и того Федота со мною Семейкою на моря разнесло безъ вѣсти, и носило меня Семейку по морю послѣ Покрова Богородицы вездѣ неволею, и выбросило на берегъ въ передней конецъ за Анадырь рѣку... А съ Ковыми рѣки итти моремъ на Анадырь рѣку есть нось, вышелъ въ море далеко... *Сибирскій Вѣстникъ*, 1821 г., ч. XV: «Исторія плаваній Россіянъ изъ рѣкъ сибирскихъ въ Ледовитое море», стр. 16—19, 26 и сл.

¹⁾ *Финскій Вѣстникъ*, 517, 551—552, 554, 557: въ 1661 г. основанъ острогъ Иркутскій. Доп. къ А. И., III, № 28 (1647 г., августа 25-го), стр. 106 и сл., о построеніи острога на р. Удѣ въ Братской землѣ; IV, № 104 (1661 г., послѣ 6-го іюля), стр. 249 и сл., о строеніи Иркутскаго острога. *Сиб. Вѣстникъ*, 1821 г., ч. XIII, «Описаніе Байкала», стр. 7—8, 1824 г., ч. I, «Буряты или Братскіе», стр. 33—34,

²⁾ Доп. къ А. И., II, № 96, стр. 258—259; «Reisen und Forschungen im Amur Lande in den Jahren 1854—1856» von Dr. *Leopold v. Schrenk*, B. III, L. 1, St.-Peterab. 1881, стр. 145, 99.

³⁾ *Финскій Вѣстникъ*, 571 и сл.; Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, А. Миддендорфа, ч. I, С.-Пб. 1860 г., стр. 96, 140—141; *Сиб. Вѣстникъ*, 1824 г., ч. 1: «Историческія и статистическія записки о мѣстахъ, лежащихъ при р. Амурѣ», стр. 175 и сл. *Schrenk*, 112—113.

въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, Русскіе уже владѣли двумя крѣпостями на юго-востоку Сибиря—Албазиною и Нерчинскомъ ¹⁾).

Съ занятіемъ Русскими Амура новая область на сѣверѣ Азіи, вошедшая въ составъ Московскаго государства подъ общимъ названіемъ Сибиря, почти достигла своихъ естественныхъ предѣловъ; исторической дѣятельности Русскаго народа открылось новое великое поприще, явились новыя, неизсякаемыя источники матеріальныхъ средствъ, и еще невѣдомая образованному міру значительная часть азіатскаго материка выступила изъ мрака неизвѣстности. Сибирь стала частію всемірной, культурной области, и это событіе имѣетъ такое же всемірно-историческое значеніе, какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка.

Занятіе Русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земнаго шара, совершившееся въ продолженіе всего только семидесяти лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать — безпримѣрное, если мы приѣмемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ Смутную эпоху и долгое время послѣ того, если приѣмемъ далѣе во вниманіе тѣ по истинѣ ничтожныя средства, какими могла располагать Московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востоку. На занятіе сѣверной Америки культурныя народы Западной Европы должны были употребить больше времени ²⁾.

Не только не стѣсня, а напротивъ поощряя дѣятельность развѣдчиковъ, искателей новыхъ земель, служилыхъ людей и казаковъ, а также охотихъ и промышленныхъ людей, Московское правительство черезъ посредство своихъ воеводъ съ большою послѣдовательностію руководило, на сколько могло, дѣломъ покоренія Сибиря, и никогда завоеванія сибирскихъ ратныхъ людей, которые съ такою безпримѣрною въ исторіи ревностію искали государевой прибыли, не имѣли бы такихъ значительныхъ послѣдствій, какія являлись въ дѣйствительности, если бы дѣлу новыхъ русскихъ дружинъ XVII вѣка не оказывало помощи правительство.

¹⁾ Допол. къ А. И., III, 72, стр. 258 и сл., № 95, стр. 346 и сл., №№ 99—103; *Сиб. Вѣстникъ*, 1824 г., ч. 1, стр. 176 и сл.; *Фишеръ*, 584 — 604, 626 — 567; *Schrenk*, 190, 106, 113, 115, 156.

²⁾ *Geschichte der Erdkunde* v. *Oscar Peschel*, München 1865, стр. 303: «Während in Nordamerika die Ansiedler nach dritthalb Jahrhunderten noch nicht völlig die Felsengebirge erreicht haben, bedurften die Kosaken nur ein halbes Jahrhundert vom Ob nach dem Ostrande Asiens». Ср. стр. 244 и сл.

Строеніе зимовьевъ, остроговъ и городовъ, проведеніе дорогъ, устройство ямовъ, собраніе необходимыхъ географическихъ свѣдѣній о мѣстожителствѣ инородческихъ племенъ, о томъ, чтобы на нихъ налагаемый ясакъ не былъ обременительнымъ, постоянное увеличеніе числа казаковъ и служилыхъ людей, все это было предметомъ дѣятельныхъ заботъ со стороны московскаго правительства. Оно умѣло также пользоваться природною Русскому народу способностію къ колонизаціонной дѣятельности, на пашенныя мѣста дѣвственной сибирской почвы поселяло крестьянъ сѣверо-восточной Руси, и это дѣятельное крестьянское населеніе послужило одною изъ прочныхъ основъ русскаго владычества въ Сибири ¹⁾. За одно съ московскимъ правительствомъ, которое было глубоко проникнуто народнымъ духомъ, дѣйствовала и церковь и принимала мѣры, направленныя къ поддержанію благочестія въ средѣ русскаго населенія и распространенію христіанства между инородцами.

Являясь въ Сибири не только завоевателями-господами, новыми властителями, но и колонизаторами, Русскіе, однако, не избѣгли тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія обыкновенно бывали при занятіи новыхъ странъ европейскими народами, какъ это случилось въ Африкѣ, въ Америкѣ, въ Индіи и на островахъ Великаго океана. Злоупотребленія со стороны правителей, хищническое пользованіе имуществомъ инородцевъ, произволъ и насиліе, столь обычныя въ начальную эпоху отношеній завоевателей къ завоеваннымъ, имѣли слѣдствіемъ обѣдненіе послѣднихъ, нерѣдко вынуждали ихъ къ отчаянному сопротивленію, къ бесплодной тратѣ силъ во время возстаній, которые только усугубляли разореніе, и въ то же время вмѣстѣ съ паденіемъ патріархальныхъ обычаевъ и условій жизни появлялись и новыя, пагубныя, порочныя наклонности.

Эти роковыя послѣдствія совмѣстной жизни такъ-называемыхъ культурныхъ и некультурныхъ племенъ имѣли мѣсто и въ Сибири, но не въ такихъ размѣрахъ, какихъ они достигали во многихъ другихъ внѣ-европейскихъ странахъ. Московская Русь не обратила сибирскихъ инородцевъ въ рабовъ, заботилась о томъ, чтобы правители

¹⁾ «Сибирь, какъ колонія», *Н. М. Ядринцева*, С.-Пб. 1882 г., стр. 75: «Русская поземельная крестьянская община не разлагается за Ураломъ, какъ думаютъ, а только слагается». Стр. 80: «Изученіе жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнѣнію, должно привлечь по преимуществу пытливость и силы молодого поколѣнія въ Сибири».

обращались съ ними съ ласкою и бережью, налагали на нихъ ясакъ сообразно съ ихъ имуществомъ, и на помощь этимъ заботамъ являлась и церковь. Духомъ нетерпимости по отношенію къ инородцамъ русскіе поселенцы въ Сибири ликогда не были проникнуты, и любопытнѣйшую и поучительную часть этнографическихъ наблюдений, произведенныхъ въ Сибири, составляютъ тѣ особенности ея русскаго населенія, которыя явились подъ вліяніемъ смѣшенія съ инородцами¹⁾.

Но не смотря на нѣкоторыя, несомнѣнныя преимущества въ отношеніяхъ Русскихъ къ инородцамъ, сравнительно съ подобными же отношеніями другихъ культурныхъ народовъ, высказывали и высказываютъ сожалѣніе относительно несчастной судьбы тѣхъ сибирскихъ инородцевъ, которые, по видимому, обречены на то, чтобъ окончательно утратить свою самобытность и исчезнуть, если не совсѣмъ, то при условіяхъ болѣе благоприятныхъ, сдѣлаться составною частью другой народности, болѣе способной къ самостоятельному существованію. Такъ извѣстный, талатливый ученый изслѣдователь финскихъ языковъ Кастрепъ, которому мы такъ много обязаны, который трудился съ истиннымъ, научнымъ самоотверженіемъ, питалъ особенную любовь къ Остякамъ, восхвалялъ ихъ добродѣтели и извинялъ ихъ недостатки. Но я не видѣлъ, замѣчаетъ А. Миддендорфъ, — „болѣе жалкаго и испорченнаго Сибиряка туземца, какъ Остяка, и не знаю другаго спасенія для этого народа, какъ сглаженія его національности, сліянія съ Русскими, и полнаго поглощенія его послѣдними“. Есть, впрочемъ, въ числѣ инородческихъ племенъ Сибири такія, относительно которыхъ не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что ихъ не коснется процессъ вымиранія, и что имъ предстоитъ мѣсто и въ будущихъ судьбахъ ея. Къ такимъ, напримѣръ, относятся предпримчивые, хитрые, необыкновенно склонные къ торговлѣ Якуты. „Якутъ“, говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, — „въ состояніи подвизаться съ любымъ кочевникомъ въ необыкновенной сдержанности, когда этого требуетъ необходимость, въ умѣніи терпѣливо, даже весело, переносить ужаснѣйшія невзгоды, которымъ его подвергаютъ климатъ и первобытная природа, въ самой напряженной дѣя-

¹⁾ «Сибирь какъ колонія», *И. М. Ядринцева*. С.-Пб. 1882 г., ст. 10 и сл. Стр. 22: «Смѣшанный типъ такъ распространенъ въ Сибири, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при недостаткѣ великорусскаго чистаго населенія, достигъ даже такого господства, что чистый великорусскій типъ считается за ничто исключительное и также получилъ мѣстную кличку «маганый».

тельности, когда приходится преодолевать тысячи разныхъ трудностей и опасностей, которыя ему противопоставляетъ суровый, первобытный характеръ непріятныхъ горъ. Онъ не страшится никакой опасности.... „Ассимиляціонная сила этого татарскаго смѣшаннаго народа такъ велика, что при нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ онъ оякучививаетъ даже русскихъ поселенцевъ, главнымъ образомъ, конечно, по части языка, образа мыслей и направленія склонностей“ ¹⁾.

Открывъ Сибирь образованному міру, Россія не жалѣла средствъ на ученныя экспедиціи въ эту страну чудесъ и рѣзкихъ противоположностей, и изученіе ея обогатило и естествознаніе, и землевѣдѣніе, и этнографію новыми неоцѣненными сокровищами.

Наблюденія въ Шергинской шахтѣ близъ Якутска, имѣющей 384 англ. фута глубины, оказались „надежнѣе почти всѣхъ лучшихъ наблюдений температуры внутри земли, произведенныхъ съ наибольшею точностію въ Европѣ“, и эта знаменитая шахта стала „исходною точкою для ученія о теплотѣ земли на глубокомъ сѣверѣ“. Путешествіе академика Миддендорфа доставило ему, какъ онъ говоритъ,— „самыя несомнѣнныя доказательства“ того, что Таймырскій край былъ дномъ моря и поднялся на цѣлыя сотни футовъ, и не только этотъ край, но и весь сѣверный берегъ Сибири постепенно поднимается. Частыя измѣненія, которымъ подвергаются русла ея великихъ рѣкъ, ихъ, такъ-сказать, подвижность, ихъ ежегодныя значительныя наводненія, имѣющія сходство съ дѣйствіями тропическимъ вѣдъ, замерзаніе рѣки Ангары, накопленіе отдѣляющихся отъ подводныхъ камней легчайшихъ ледяныхъ иглъ—эти особенности сибирской природы послужили предметомъ новыхъ, любопытныхъ наблюдений.

По метеорологическимъ изысканіямъ, Якутскъ оказался гнѣздомъ стужи, самымъ холоднымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ, и вообще въ климатическомъ отношеніи Сибирь, замѣчасть Миддендорфъ,— „все еще остается странною чудесъ, которыя повергаютъ насъ въ изумленіе. Все вповѣ должны были обращаться къ климату Сибири первостепенные натуралисты, и не смотри на скудость наблюдений, искать ключа къ лучшему уразумѣнію метеорологическаго вращенія вокругъ земнаго шара. Нигдѣ также во всемъ нашемъ мірѣ климатъ не дѣйствуетъ такъ враждебно, какъ въ Сибири, на растительную и животную жизнь, не исключая и человѣка; нигдѣ, стало быть, какъ тамъ,

¹⁾ Путешествіе на с. и в. Сибири, *Миддендорфа*, II, 623, 774—775, 767.

характеръ страны до самыхъ мелкихъ особенностей не обуславливается въ такой степени климатомъ, и нигдѣ торжество жизненной силы надъ непріязнью вѣшняго міра такъ не велико, какъ въ Сибири“¹⁾.

Еще очень недавно считали весьма вѣроятнымъ, что жизнь растительная и животная на крайнемъ сѣверѣ сибирскаго материка и въ водахъ, омывающихъ его сѣверные берега, отличалась крайнею скудностію. Но это предположеніе оказалось невѣрнымъ.

Тундра, окружающая сѣверные берега Енисея, мѣстами обилуетъ такою растительностію, какую, по замѣчанію проф. А. Е. Норденшельда, ему рѣдко приходилось видѣть, и одинъ изъ его спутниковъ съ завистію говорилъ о томъ, что Господь отдалъ эту прекрасную страну Русскому.

По изслѣдованіямъ Лундстрема, оказалось, что сѣверная граница многихъ растений въ Сибири достигаетъ болѣе значительной географической широты, чѣмъ въ Швеціи. „Въ значительной степени это зависитъ“, по словамъ Норденшельда,—„отъ перенесенія сѣмянъ съ юга большими рѣками, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что суровая зима Сибири не такъ вредно дѣйствуетъ на лѣтнюю растительность, какъ можно было предполагать“²⁾.

Какъ область зоологическихъ открытій и изслѣдованій, Сибирь является страной во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательною. Постоянно ледяная почва ея въ продолженіе тысячелѣтій сохранила въ своихъ природныхъ погребкахъ мягкія части мамонта, не смотря на то, что „надъ этою почвой въ лѣтніе мѣсяцы солнце не сходитъ

¹⁾ Путешествіе на с. и в. Сибири, А. Миддендорфа, ч. 1, С.-Пб. 1860 г., стр. 394, 392, 235, 223 и сл., 318, 316—317. *Вѣстникъ Импер. Русск. Геогр. Общ.*, 1857 г., ч. XXI, отд. 1, «Дѣйствія Сибирской экспедиціи отъ 1-го февраля 1856 г. по 1-е февраля 1857 г.» Отчетъ о занятіяхъ главнаго астронома экспедиціи Шварца, стр. 77—78; тамъ же, отд. II, «Озеро Байкаль», Радде, стр. 115.

²⁾ «Экспедиціи къ устьямъ Енисея 1875 и 1876 годовъ», А. Э. Норденшельда. С.-Пб. 1880, стр. 81, 84. Глинисто-песчаное дно Карскаго моря, сообщаетъ тотъ же ученый путешественникъ,—«служитъ обиталищемъ для громаднаго числа морскихъ животныхъ, которыя, количествомъ видовъ, можетъ быть, уступаютъ находящимся въ южныхъ моряхъ или даже въ морѣ на западномъ берегу Шпицбергена: но вѣрно то, что, по численному богатству, они могутъ быть сравнены съ наилучше надѣленными въ этомъ отношеніи частями океана». Мы получили, говоритъ онъ далѣе,—«явные доказательства» того, что въ этомъ морѣ не отсутствуютъ и высшіе виды водорослей, «какъ многіе изслѣдователи склонны предполагать». Стр. 37, 53, 138.

съ небеснаго свода". А ископаемая слововая кость, находимая на сѣверѣ Сибири, составляющая ея исключительное достоинствѣ и издавна бывшая предметомъ значительной торговли, свидѣтельствуесть о томъ, что число допотопныхъ исполинскихъ звѣрей въ Сибири было огромно. Какъ полагають, эти звѣри, мамонты и носороги, жили въ средней и южной Сибири еще въ то время, „когда тамъ климатъ былъ почти таковъ же или совсѣмъ такой, какъ теперь. Трупы звѣрей были уносимы половодьемъ (вѣроятно, вмѣстѣ со льдомъ) и заносимы были иломъ на глубокомъ сѣверѣ, гдѣ эти звѣри не жили“.

По вопросу о кочеваніи животныхъ, сибирская фауна представляетъ любопытныя данныя, Здѣсь это кочеваніе проявляется „въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какіе вѣдѣ Сибири, на всемъ земномъ шарѣ, можно встрѣтить только еще въ Сѣверной Америкѣ. Континентальный сѣверъ Сибири оказывается такою мѣстностію, гдѣ кочеваніе животныхъ можно видѣть въ самомъ полномъ развитіи“. Недостатокъ пищи, измѣненія температуры, страданія отъ насѣкомыхъ, борьба за существованіе, стремленія сохранить потомство, всѣ эти разнообразныя причины объясняютъ намъ далекія странствованія сибирскихъ животныхъ, но далеко не всѣ факты, сюда относящіеся, и тотъ, „кому привелось видѣть“, замѣчаетъ Миддендорфъ, — „какъ первыя птицы, прилетающія въ безпріютную тундру глубокаго сѣвера, съ величайшимъ самоотверженіемъ подвергаются всѣмъ возможнымъ лишеніямъ и опасностямъ“, тотъ не можетъ удовольствоваться вышеуказанными причинами.

И не только наблюденія надъ птицами, но и надъ животными другихъ классовъ, убѣдили нашего талаптливаго ученаго путешественника въ томъ, что у животныхъ существуетъ прирожденная страсть къ кочеванію, „сила какого-то одолевшаго внутренняго влеченія“ къ тому, чтобы предпринимать опасныя, далекія странствованія ¹⁾).

Этнографія сибирская, первоначально имѣвшая задачей только собраніе матеріаловъ, въ настоящее время, когда на помощь ей явились антропологическія и филологическія изысканія, пришла къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя возбуждаютъ живой интересъ къ

¹⁾ Путешествіе на с. и в. Сибири, А. Миддендорфа, I, 255, 261, 263, 272; II, 333, 347.

новымъ тщательнымъ наблюденіямъ и изысканіямъ и бросаютъ свѣтъ на загадочное прошлое Сибири до появленія здѣсь Русскихъ.

Великіе, періодически повторявшіеся съ древнѣйшаго времени перевороты въ центральной Азіи давали чувствовать себя на очень далекое пространство и вызывали сильное движеніе въ средѣ народовъ, обитавшихъ за предѣлами средне-азиатскаго плоскогорья, этой главной материковой части Стараго Свѣта. На историческія судьбы племенъ, обитавшихъ въ Сибири, эти же движенія оказывали значительное вліяніе: уступалъ мѣсто новымъ выходцамъ изъ Средней Азіи, племена, вздремле обитавшія на югѣ Сибири, подвигались далѣе на сѣверъ и тѣмъ самымъ заставляли и другія племена уходить еще далѣе на край сѣвера, который, такимъ образомъ, не смотря на тяжелыя, неблагоприятныя условія жизни, становился второю, болѣе счастливою родиною новаго племени. Какъ полагаютъ, съ сѣверо-востока Азіи выселились въ Америку Эскимосы и Алеуты ²⁾.

Самоѣды нѣкогда обитали на Алтаѣ и отсюда устремились на крайній сѣверъ, гдѣ тундра стала ихъ повою родиною. Средне-азиатскими народами были вытѣснены съ юга Сибири на сѣверъ и Якуты. Здѣсь, приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни, усвоивая себѣ нравы и обычи болѣе простодушныхъ туземцевъ, Якуты не утрачивали своего превосходства надъ ними и стали подчинять своему вліянію и тунгусскія, и самоѣдскія племена.

Кромѣ внѣшнихъ причинъ, и физическія условія, и насущныя потребности звѣролововъ-кочевниковъ содѣйствовали тому, что въ природѣ сибирскихъ кочевниковъ глубоко укоренилась страсть къ передвиженію. Поэтому у нихъ и преобладаетъ сухое, мускулистое, жилистое тѣлосложеніе; поэтому и племена сибирскія являются не чистокровными, а смѣшанными: въ языкѣ одного племени встрѣчаются слова, очевидно заимствованныя изъ языка чужаго, и у индивидуумовъ одной вѣтви встрѣчаются весьма различныя формы головъ ³⁾.

По современнымъ наблюденіямъ этнографовъ, ивородцы Сибири обладаютъ нѣкоторыми цѣнными достоинствами, которыя обыкновенно не обращаютъ на себя вниманіе поверхностныхъ наблюдателей. Способность переносить всевозможныя лишения, которыя бываютъ неразлучными спутниками жизни на крайнемъ сѣверѣ, умѣнье бороться

¹⁾ «Reisen und Forschungen im Amur Lande in den Jahren 1854—1856», v. Leopold v. Schrenk, St.-Petersb., 1881 г., III, В., 1 L., стр. 249—252.

²⁾ Путешествіе на с. и в. Сибирь, А. Миддендорфа, II, 642, 638—640.

и преодолевать такъ часто встрѣчающіяся въ бытѣ звѣролововъ препятствія для обезпеченія своей жизни, и не смотря на тяжкія условія матеріальнаго быта, непреодолимыя для человѣка культурнаго, извѣстное довольство, честность, правдивость и откровенность въ взаимныхъ отношеніяхъ, всѣ эти особенности сибирскихъ инородцевъ, возбуждавшія къ нимъ столь справедливое сочувствіе со стороны образованныхъ наблюдателей, поддерживаются преданностію старымъ обычаямъ, языческой старинѣ ¹⁾. Но конечно, близко то время, когда эта завѣтная старина должна окончательно уступить мѣсто роковому вліянію Русскихъ, и относительно этого вліянія исторія налагаетъ на насъ великую отвѣтственность. Такого же рода отвѣтственность налагаетъ на насъ историческое откровеніе и за всѣ другія, болѣе существенныя и важныя условія жизни нашей великой сѣверо-восточной окраины, составляющей неотъемлемую часть нашего государственнаго организма. Чтобы понимать эти условія, чтобы сознать потребности и русскаго, и инородческаго населенія Сибири, благо которой есть въ то же время и наше общее благо, необходимо всестороннее изученіе ея и бдительное вниманіе къ тѣмъ важнымъ вопросамъ, которые стоятъ на очереди и требуютъ рѣшенія ²⁾.

¹⁾ «Очерки изъ быта нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ», *Спасскій — Вѣстн. Геогр. Общ.*, 1857 г., ч. XX, стр. 113—132; Путешествіе на с. и в. Сибири, *А. Миддендорфа*, II, 641 и сл., 654: у Самоѣдовъ, предающихся необузданно сыномъ страстямъ и алчности, является, однако, п «образцовая честность», самообладаніе рядомъ съ дѣтскими выходками, правдивость, довѣріе, «точное выполненіе даннаго обѣщанія»; 827: всякое слово старшаго «считается обязательнымъ и быстро выполняется» и у Самоѣдовъ, и у Тунгусовъ, и у Якутовъ.

²⁾ Объ этихъ вопросахъ см. замѣчательное сочиненіе *Н. М. Ядринцева*: «Сибирь какъ колонія», С.-Пб. 1882 г. Стр. 221: «Современное положеніе раскрываетъ самый печальный и растлѣнный бытъ ссыльнаго населенія; ссыльные бдствуютъ, и Сибирь, вмѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомнаго и празднаго пролетаріата»; ссылка «наводнила Сибирь преступленіями, годъ отъ году увеличивающимися въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мѣстность лишилась безопасности»....

Е. Замысловскій.

ОБИТАТЕЛИ КАМЕНИСТОЙ АРАВИИ ¹⁾.

IV.

Географическія данныя привели насъ къ предположенію, что обиталищами первобытныхъ обитателей Синайскаго полуострова были, по преимуществу, окрестности постоянныхъ источниковъ, плодородныя уади и подножія горъ Синайскаго горнаго узла. Перечисленіе нашихъ находокъ подтверждаетъ эту догадку. Но кромѣ того, и нѣсколько памятниковъ неолитической эпохи приводятъ къ тому же выводу, хотя и не на столько рельефно, такъ какъ до сихъ поръ извѣстно очень немного памятниковъ этого рода.

Въ описаніяхъ путешествій по Каменистой Аравіи уже давно упоминалось о камняхъ болѣе или менѣе значительной величины, порававшихъ глаза наблюдателей или своею особенною формою, или тою славою, которая придавалась имъ въ разказахъ туземцевъ. Эти камни въ огромномъ большинствѣ представляютъ слѣды неолитической эпохи каменнаго періода въ разсматриваемой нами странѣ. Главнѣйшіе изъ этихъ камней описываются и въ русскихъ сочиненіяхъ о Синаѣ—г. Уманца и преосв. Порфирія. Мы начнемъ съ нихъ пашъ перечень, и затѣмъ перейдемъ къ памятникамъ болѣе сложнымъ, носящимъ на себѣ слѣды ббльшаго человѣческаго искусства, каковы кромехи, дольмены и каменные домики.

¹⁾ *Продолженіе. См. іюньскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.*

Таковъ, напримѣръ, камень, извѣстный всѣмъ паломникамъ, по-сѣщавшимъ Синайскій монастырь, подъ именемъ камня Моисеева. Преданіе говоритъ, что отсюда Моисей, воздѣвъ руки свои, способствовалъ Евреямъ одержать побѣду надъ Амалекитянами. Этотъ камень довольно правильной формы, расположенный на скалѣ по пути на Джебель-Муса, очевидно, не могъ быть занесенъ туда естественнымъ путемъ, что дѣлается понятнымъ съ перваго взгляда всякому. Представьте себѣ болѣе или менѣе изолированную скалу, на которую едва доступны всходы, при томъ скалу съ самой неровною поверхностью, и на ней довольно округлый камень значительной величины. Даже съ перваго раза такъ и кажется, что камень этотъ поставленъ нарочито съ особою цѣлю на самомъ выдающемся пунктѣ пути.

Другимъ, не менѣе знаменитымъ камнемъ въ окрестностяхъ Синайскаго монастыря является камень, изъ котораго, по мѣстному преданію, Моисей извлекъ воду въ пустынѣ ударомъ своего жезла. Этотъ камень описанъ во всѣхъ путешествіяхъ на Синай; г. Уманецъ и преосв. Порфирій также посвящаютъ нѣсколько строкъ его описанію. Высота этого камня около 6 аршинъ, длина—5 арш., ширина—почти столько же. Формою своею онъ напоминаетъ грибокъ съ толстою ножкою и не ясно выступающею шляпкою ¹⁾). Находится онъ въ уади Леджа на разстояніи около версты отъ монастыря, у подножія Хорива. Самую характерную особенность его составляетъ желтоватая лента, шириною до 5 вершковъ, обходящая камень снаружи нѣсколько паясь сверху внизъ. По всей длинѣ ся замѣчаются поперечныя углубленія различной величины, сдѣланныя, очевидно, рукою человѣка, такъ какъ мѣстами остались даже слѣды разрѣзовъ, сдѣланные рѣзущими инструментами, по всей вѣроятности, кремневыми долотами. Нѣсколько небольшихъ аморфныхъ кремней, поднятыхъ нами у подножія этого камня, какъ бы подтверждаютъ это предположеніе. Углубленій этихъ на южной сторонѣ камня—восемь, на сѣверной—семь; безперерывное обращеніе съ ними нѣкоторыхъ путешественниковъ довольно сильно испортило эту характерную ленту

¹⁾ Уманецъ въ своей «Повздкѣ на Синай» говоритъ, что форма его неправильная, нѣсколько приближающаяся къ октаэду. По его словамъ, углубленія эти или зарубины, числомъ 16, по преданію, соответствуютъ числу 12 копей Израильскихъ (по невѣрному счету зарубинъ въ 12). Преосв. Порфирій и Робинсонъ то же говорятъ о 16 углубленіяхъ.

камня Моисеева, пользующагося уваженіемъ даже со стороны кочующихъ бедуиновъ. Преосв. Порфирій разказываетъ, что Арабы пустыни кладутъ въ эти углубленія „язвны, подобныя львинымъ пастьямъ“, траву, которою лѣчатъ заболѣвшихъ верблюдовъ. Намъ разказывали объ этомъ камнѣ цѣлую мусульманскую легенду, связывающую его основаніе на этомъ мѣстѣ съ путешествіемъ Магомета въ рай. На немъ, по другому преданію, издревле осыяцали талисманы, получавшіе чудодѣйственную силу отъ соприкосновенія со святымъ камнемъ.

По нашему мнѣнію, этотъ камень составляетъ несомнѣнно одно изъ сооруженій мегалитической эпохи; во всѣхъ странахъ эти послѣднія пользовались суевѣрнымъ уваженіемъ со стороны настоящихъ обитателей, которые видѣли въ нихъ памятники людей необыкновенныхъ или существъ полумифическихъ. Моисееву камню у подножія Хорива выпала особенная доля уваженія, такъ какъ форма его и внѣшній видъ дѣйствительно напоминаютъ слова арабской легенды, гласящей, что пророкъ обвилъ вокругъ этого камня поводъ кобылицы, и этотъ ремень проѣлъ камень въ 16 мѣстахъ по числу дней, проведенныхъ Магометомъ на небѣ. Этотъ мегалитическій памятникъ составляетъ среднее между монолитами Сѣверной Африки, Моавія и Палестины.

Пригорокъ Моисеевъ, нагроможденный изъ солидныхъ камней, съ котораго пророкъ, по преданію, впервые увидѣлъ Неопалимую Купину, по нашему мнѣнію, также долженъ быть отнесенъ къ числу мегалитическихъ памятниковъ. Природа не могла съ такою правильностію нагромоздить эти камни въ холмѣ на такомъ мѣстѣ, куда, по топографическимъ условіямъ, не могли даже скатываться камни съ окружающихъ вершинъ. Присутствіе морскихъ раковинъ между камнями и цѣлой кучи смѣшанныхъ со щебнемъ углей на этомъ холмикѣ подтверждаютъ предположеніе.

Камень Скинія, огромной величины, также носитъ на себѣ слѣды обработки, и хотя по своей величинѣ не можетъ быть причисленъ къ монолитамъ, воздвигнутымъ рукою челоуѣка, тѣмъ не менѣе нѣсколько плоскостей на его бокахъ невольнo намекаютъ на то, что рука челоуѣка прикасалась къ нему.

Знаменита также, по синайскимъ преданіямъ, такъ-называемая „голова золотого тельца“. Это—углубленіе въ камняхъ, очевидно, сдѣланное рукою челоуѣка, по всей вѣроятности, для цѣлей погребенія

Преданіе повѣствуетъ, что оно послужило для отливки головы золотого тельца, но по одной уже величинѣ этого углубленія нельзя признать достовѣрности этого преданія. Мѣстами на стѣнахъ углубленія можно видѣть даже слѣды орудій, употреблявшихся для его высѣченія. Если можетъ быть песомѣнно доказано, что описываемая нами „голова тельца“ есть дѣйствительно остатокъ мегалитической эпохи, то надо признать его оригинальнѣйшимъ памятникомъ въ своемъ родѣ.

Описываемый преосв. Порфиріемъ на вершинѣ горы, противоположной Эль-Фрейѣ, у начала ущелья Нукбъ-Хеу камень средней величины, похожій на лежащую большую собаку, по всей вѣроятности, составляетъ также мегалитическое сооруженіе. Такъ какъ мы не поднимались къ нему и не осматривали его основаніе, то и не можемъ сказать ничего утвердительнаго, хотя Уельксъ и утверждаетъ, что это—настоящій менгиръ.

Настоящими сооружениями неолитической эпохи должно признать лежащіе камни, покрытые множествомъ гіероглифическихъ надписей, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго времени, которыхъ форма и плоскости, очевидно, сдѣланыя рукою человѣка, напоминаютъ вполнѣ менгиры Карнака, о которыхъ мы уже говорили. Между ними есть камни въ формѣ параллелепипеда, осмиугольной призмы и другихъ очертаній. Расположеніе ихъ также напоминаетъ расположеніе менгировъ Карнака, Алжира и Палестины. О нихъ упоминаетъ также и преосв. Порфирій. Какъ мегалитическое сооруженіе, надо разсматривать и упоминаемую Каминскимъ небольшую пирамиду въ долинѣ Таибѣ. Хотя наружная часть ея образовалась дѣйствительно изъ небольшихъ камней, набрасываемыхъ, по словамъ Каминскаго, въ честь жены Θεмина, внука Исавова, но внутри ея находятся камни болѣе солидной величины.

Какъ остатокъ мегалитической эпохи, Уельксъ разсматриваетъ и всходъ на гору Сидыръ, обдѣланный, очевидно, рукою человѣка. Неправильная высѣчка камней съ одной стороны, и грубость работы—съ другой, подтверждаютъ предположеніе, что строители этого всхода не обладали хорошими инструментами; доказательствомъ древности этого сооруженія можетъ служить также и то обстоятельство, что подножія горы Сидыръ необитаемы нынѣ, и что вообще настоящему номаду Синайской пустыни нѣтъ никакой нужды дѣлать такіе всходы на гору, ничѣмъ не замѣчательную. Преосв. Порфирій, по видимому, держится того же мнѣнія, говоря, что этотъ „всходъ на хребетъ горы Сидырской обдѣланъ древнимъ человѣкомъ“.

Мы не осмѣливаемся приписать къ мегалитическимъ сооруженіямъ огромный гранитный камень въ формѣ пирамиды, лежащій въ уади Селегъ, у подножія края Ротебъ, хотя мѣстное преданіе и приписываетъ его сооруженіе великанамъ, обитавшимъ до прихода „сыновъ пустыни“ на вершинахъ горъ Синайскихъ.

Преосв. Порфирій описываетъ также въ ложбинѣ, дѣлящей пустыню Рамле, недалеко отъ подножія горы Гарабъ, „налѣво отъ дороги среди желтаго песку большой камень съ уступами въ родѣ діаконскаго амвона“. Судя по этому краткому описанію, можно вполнѣ предполагать, что этотъ монолитъ тоже относится къ эпохѣ мегалитическихъ сооруженій.

Еще бѣльшую вѣроятность быть причисленнымъ къ мегалитическимъ постройкамъ даетъ другое сооруженіе, также описываемое преосв. Порфиріемъ и находящееся въ долинѣ Маада у края Оджме. Это—„одинокій пирамидальный бугорокъ ослѣпительной бѣлизны. На самомъ темени его торчитъ равносторонній камень того же цвѣта. Онъ придаетъ своею правильностью бугорку видъ надгробнаго памятника“. Преосв. Порфирій правъ вполнѣ, дѣлая это послѣднее замѣчаніе: мы изслѣдовали точно такой же бугорокъ съ торчащимъ на вершинѣ его камнемъ въ уади Эль-Солеихъ на границѣ Каменистой Аравіи и Палестины, и недалеко отъ поверхности нашли человѣческія кости.

Переходимъ теперь къ описанію такихъ остатковъ мегалитической эпохи, о которыхъ слишкомъ коротко или вовсе не упоминаютъ другіе наблюдатели. Быть можетъ, относя къ числу ихъ нѣкоторые камни, мы и ошибаемся въ иныхъ случаяхъ; но тѣмъ не менѣе полагаемъ, что указаніями своими на тѣ или другія мѣста, каково бы ни было ихъ значеніе, мы облегчимъ работу другихъ изслѣдователей, направивъ ихъ вниманіе на находящіеся подъ сомнѣніемъ предметы.

Мы паходили, хотя въ ограниченномъ количествѣ, различные памятники мегалитической эпохи въ пустыняхъ Каменистой Аравіи, извѣстные и въ другихъ странахъ міра. О нихъ упоминаютъ, впрочемъ, въ общихъ словахъ Кистъ-Лордъ и Надалякъ¹⁾; а еще болѣе говорить о нихъ Пальмеръ, описывая даже различныя формы ихъ. Самую значительную часть этихъ мегалитическихъ сооруженій составляютъ менгиры, кромлехи, дольмены и каменные домики.

¹⁾ *Nadaillac. Les premieres Hommes; Keast Lord. The Peninsula of Sinai (Leisoure hour 1870).*

Менгирами, какъ извѣстно, называются одиночные монолиты, поставленные вертикально и достигающіе иногда до весьма крупныхъ размѣровъ. На нихъ бывають иногда плоскости, сдѣланныя рукою человѣка, а также различныя изображенія, но могутъ и не быть, какъ это и замѣчается на огромномъ большинствѣ менгировъ Стараго и Новаго Свѣта. Многіе изъ камней, видѣнныхъ нами, вполне подходятъ къ такому опредѣленію.

Недалеко отъ Тора, у подножія знаменитой звучащей горы Накусъ¹⁾, мы видѣли два монолита, на половину засыпанные пескомъ, въ которыхъ признали менгиры. Плоскостей и надписей мы не замѣтили на ихъ бокахъ довольно неправильной формы, хотя сопровождавшій насъ Арабъ изъ туземцевъ Раионъ и утверждалъ, что на нижнихъ частяхъ этихъ камней замѣчаются какія-то изображенія, подобныя гіероглифамъ синайскихъ надписей. Въ долину Моккатебъ, знаменитой своими надписями, кромѣ камней, покрытыхъ гіероглифами, есть также и настоящихъ два менгира, на которыхъ замѣтны слѣды обдѣлки. Одинъ изъ этихъ монолитовъ имѣетъ болѣе трехъ аршинъ высоты. По словамъ моихъ проводниковъ, въ сосѣднихъ уади есть и другіе подобные этимъ камни.

Менгирами мы считаемъ также и нѣкоторые изъ камней, стоящихъ вдоль русла потока въ уади Солеифъ, признавая впрочемъ, что здѣсь возможно и сомнѣніе. Форма нѣкоторыхъ монолитовъ, по нашему мнѣнію, даетъ право однако предполагать за ними значеніе менгировъ. Одинъ изъ этихъ камней имѣетъ даже довольно правильную форму параллелепипеда, а другой сходенъ съ усѣченною пирамидою.

По словамъ Уелькса, есть цѣлый рядъ менгировъ у подножія Этъ-Тиха въ пустынѣ, идущій къ сѣверу; но такъ какъ мы ихъ не видали сами, то и не будемъ о нихъ распространяться.

Среди дикаго безпорядка, царствующаго въ мрачномъ ущельѣ Нукъ-Хеви, ужаснѣе котораго, по словамъ Робинзона, нѣтъ мѣста въ мірѣ, среди нагроможденныхъ скалъ и массы скатившихся съ горныхъ вершинъ камней можно найти и одинокостоящіе камни, ко-

¹⁾ Гора Накусъ находится къ сѣверу отъ г. Тора; она известковопесчаная и полна вертепами; средняя часть этой горы имѣетъ разщелины и пустоты, въ которыхъ звукъ, усиливаясь и консонирясь, получаетъ металлическій оттънокъ.

торые однако едва ли могли быть поставлены вертикально без помощи человека. Разсматривая со вниманіем нѣкоторые изъ нихъ, мы замѣтили таинственный знакъ, похожій на арійскую sawastika, что и вывело насъ изъ сомнѣнія. Этотъ знакъ носилъ на себѣ одинъ изъ вертикально стоящихъ камней, имѣющій форму, которая напоминаетъ знаменитые менгиры Оркнейскихъ острововъ. Если ѣхать изъ уади Соленфъ и войдти въ Проходъ Вѣтровъ (Нукбъ-Хеви), то пройдя около версты по пути, усыпанному множествомъ камней, надо брать лѣвою стороною до самаго большого камня, лежащаго почти на пути. За этимъ камнемъ и представится монолитъ, обратившій на себя наше вниманіе по своей оригинальной формѣ.

Два менгира мы видѣли также, пробираясь дикою уади Цугерахъ къ берегу Акабинскаго залива, недалеко отъ впаденія въ нее уади Назбъ. Отъ монастыря это будетъ приблизительно на 18 часахъ пути. Типъ ихъ сходенъ съ менгирами Карнака; около одного изъ нихъ лежитъ куча камней, среди которыхъ мы нашли жженыя кости и угли.

У западнаго внутренняго склона Акабинскихъ альпъ насъ постигъ солнечный ударъ, и кромѣ того, въ продолженіе шести дней, мы шли до Акабы, страшно страдая отъ 40 градусныхъ жаровъ и отъ абсолютнаго недостатка въ пищѣ и питьѣ; поэтому мы не могли достаточно изслѣдовать то, что видѣли на пути отъ параллели уади Цугерахъ почти до самой Акабы. Въ продолженіе этого пути, пробираясь по самымъ ужаснымъ крутизнамъ, по словамъ нашихъ проводниковъ, еще не посѣщенныхъ ногою Европейца, мы замѣтили нѣсколько камней, какъ по расположенію, такъ по изолированности и по формѣ, сильно напоминающихъ менгиры, и провожавшіе насъ Арабы называли ихъ djouhala, какъ они называютъ вообще мегалитическія сооруженія.

Намъ говорили также, что существуютъ менгиры и въ горныхъ Уади Терабинъ, и около Акабы, но мы не видѣли ихъ. Только издали, на вершинѣ одной скалы, принадлежащей къ Гелатскимъ горамъ, одинъ видѣнный нами менгироподобный камень, стоявшій какъ надгробный памятникъ, подтверждалъ слова Арабовъ, разказывавшихъ, что великаны, жившіе до мусульманъ около Акабинскаго залива (Биръ-ель Акаба), громовали большіе камни на скалахъ, на дорогахъ и въ уади, чтобъ оставить по себѣ память.

Сѣвернѣе Акабы мы не встрѣчали менгировъ, хотя одиноко стоя-

щіе камни по обѣимъ сторонамъ уади, ведущихъ въ Палестину, сильно напоминали эти послѣдніе; форма ихъ, широкое основаніе и другія причины обыкновенно не позволяли причислять ихъ къ памятникамъ доисторической эпохи, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ по арабски зовутся djouhala, kobeur el djouhala, beni djouhala и т. д.

Гораздо менѣе встрѣчали мы въ Каменистой Аравіи дольменовъ. Собственно говоря, если понимать подъ дольменомъ одну или двѣ могилы, образованныя изъ нѣсколькихъ не обдѣланныхъ камней, которые поддерживаютъ покрывающій ихъ въ видѣ крышки стола и лежащій горизонтально другой, болѣе солидный камень, то такихъ дольменовъ мы встрѣтили только два. Одинъ изъ нихъ мы видѣли въ дикомъ ущельѣ уади Рихи, недалеко отъ берега Акабинскаго залива; онъ извѣстенъ у Арабовъ подъ именемъ гроба. Этотъ дольмень составляютъ четыре огромныхъ камня, не вполне ограничивающихъ данное пространство, такъ что въ него можно легко влѣзть, и пятый, большихъ размѣровъ и нѣсколько уплощенный, покрывающій ихъ. Внутри этого „гроба“ мы нашли кучку углей, женныя кости и египетскую монету. Другой дольмень мы видѣли мелькомъ недалеко отъ Терабина въ уади Энъ-Наръ; его составляютъ три поддерживающіе и одинъ покрывающій камень. Размѣрами онъ сильно уступаетъ предыдущему.

Въ странѣ, столь богатой каменными глыбами, часто нагроможденными безъ всякаго порядка въ огромныя кучи самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ,—странѣ, какова Каменистая Аравія, можно встрѣтить и такія природныя сочетанія камней, которыя легко принять за дольмены, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе бываютъ самыхъ разнообразныхъ видовъ. Такъ какъ обстоятельное изученіе этихъ каменныхъ сложеній можетъ выяснить настоящую природу ихъ, то мы, не входя въ особенныя разсужденія, укажемъ лишь мѣста, гдѣ эти сложенія встрѣчались намъ на пути.

На подножіяхъ Джебель-эръ-Раха, недалеко отъ уади Варданъ, мы встрѣтили груду камней, которыхъ сложеніе напоминало дольмень. Пять или шесть каменныхъ глыбъ образовывали не полную стѣнку, заключающую въ себѣ полукружное пространство, покрытое сверху, впрочемъ не вполне, отломкомъ скалы. На сѣверномъ склонѣ Джебель Ваты подобное дольменообразное сооруженіе составляли двѣнадцать камней; ихъ сочетаніе образовывало внутри кучи пространство, достаточное для помѣщенія пяти человѣкъ; имъ воспользовались въ наше время пастухи. Кучу камней подозрительнаго вида

видѣли мы въ уади Феранъ и особенно у подножія Сербалъ; въ одномъ мѣстѣ на восточномъ скатѣ послѣдняго четыре камня были покрыты пятныъ довольно правильно, но возможность образования этого сложенія отъ естественныхъ причинъ при скатѣ камней съ горы не позволяло намъ признать эту группу камней за несомнѣнную мегалитическую постройку.

Точно также въ уади Могара, у южнаго склона Хорива, въ уади эръ-Раха, среди нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ каменныхъ глыбъ, наше вниманіе привлекли къ себѣ довольно выдающіяся сложенія, въ которыхъ мы готовы были бы признать дольмены, если бы близость горъ не допускала возможности естественнаго ихъ образования. Нѣсколько болѣе вѣроятнымъ представляется признать за мегалитическія сооруженія группы камней, встрѣчающіяся въ уади Цугерахъ и уади Назбъ, а также одну дольменообразную группу камней на берегу Акабинскаго залива.

Но, какъ мы уже сказали, разнообразной формы каменные сложенія встрѣчаются путешествующему въ Синайскомъ полуостровѣ на каждомъ шагу и представляютъ такъ много сходства съ сооружениями мегалитической эпохи, что требуется много навыка и изученіе всѣхъ данныхъ на мѣстѣ, чтобы не смѣшать естественныхъ образованій съ сооружениями рукъ человѣческихъ; между послѣдними надо различать также отъ построекъ мегалитической эпохи каменные сложенія недавнихъ временъ, выстроенныя для специальныхъ цѣлей въ разное время. Таковыми, на примѣръ, являются множество каменныхъ кучъ, встрѣчающихся на всѣхъ дорогахъ полуострова. Во многихъ описаніяхъ путешествій даже упоминается вскользь объ этихъ сложеніяхъ, въ нѣкоторыхъ даже приводится объясненіе ихъ происхожденія, какъ знаковъ, указывающихъ дорогу или обозначающихъ мѣста, чѣмъ-либо замѣчательныя. Но, во первыхъ, многія изъ этихъ кучъ стоятъ на такихъ пунктахъ, гдѣ онѣ ровно ничего обозначать не могутъ; во вторыхъ, ихъ нѣтъ даже тамъ, гдѣ подобныя знаки были бы крайне необходимы для обозначенія кроющихся въ горахъ прѣсныхъ источниковъ и колодезѣвъ; третьихъ, около нѣкоторыхъ изъ нихъ находятъ каменные орудія, раковины и даже кости человѣка и животныхъ, и наконецъ, въ четвертыхъ, много кучъ, составленныхъ изъ камней различной величины, встрѣчаются рядомъ или неподалеку отъ несомнѣнныхъ мегалитическихъ сооружений, о которыхъ мы еще поговоримъ впередъ. Все это заставляеть думать, что далеко не всѣ кучи камней, встрѣчающіяся въ горахъ и пустыняхъ

Каменистой Аравіи, суть: простыя сложенія, сооруженныя въ различное, даже недавнее время для специальныхъ цѣлей, и что многія изъ нихъ могутъ быть разсматриваемы, какъ сложенія, имѣющія высокій научный интересъ, какъ сложенія мегалитической эпохи. Нахожденіе около нихъ кремневыхъ орудій, кухонныхъ остатковъ и костей, а также ихъ присутствіе рядомъ съ неолитическими сооруженіями, прямо подтверждаетъ наше предположеніе. Такъ ихъ, по видимому, разсматриваетъ и Пальмеръ ¹⁾, описывая каменные кучи въ уади Rutiy и Rahabeh, которыя Арабы называютъ „каменными кучами сторожей“.

Указанное нами несовершенство въ сооруженіи дольменовъ первобытными обитателями Синайскаго полуострова покажется однако тѣмъ болѣе страннымъ, что они умѣли сооружать постройки гораздо болѣе сложныя, чѣмъ дольмены. Это такъ-называемыя „домики и гробницы“—*naḥámis* (мн. ч. *naḥámis*) Арабовъ западной части полуострова и *gúsiq* восточныхъ синайскихъ Арабовъ. На сколько намъ извѣстно, нѣкоторые путешественники вскользь упоминали объ этихъ *naḥámis*, считая ихъ за могилы шейховъ арабскихъ. Человѣка, незнакомаго съ сооруженіями неолитической эпохи, въ самомъ дѣлѣ могутъ обманывать эти изящныя съ виду и прочно устроенныя *naḥámis*, особенно, когда онъ прислушивается къ преданіямъ бедуиновъ, повѣствующихъ о погребенныхъ въ этихъ домикахъ шейхахъ и съ ними великихъ сокровищахъ, на которыя такъ надки дѣти пустыни. Арабъ разкажетъ путешественнику о томъ, какіе шейхи удостоились этой чести, какъ много съ ними погребено добра, разкажетъ и о томъ, какъ нѣкоторые охотники пытались раскапывать и добывать эти клады, и какъ они не могли достигнуть очарованныхъ сокровищъ, стерегомыхъ могучимъ джиномъ (злымъ духомъ) пустыни, находи вмѣсто золота человѣческія кости и вмѣсто драгоценныхъ камней—одни кремни. „Золото рассыпается въ золу, серебро становится углемъ, блестящій камень кремнемъ, цѣлы остаются одни страшныя кости погребеннаго, чтобы мстить нарушителю покоя могилы“. Благодаря этимъ кладонсканіямъ, не смотря даже на постоянный его неуспѣхъ, большая часть *naḥámis* болѣе или менѣе пострадала отъ насилій Арабовъ, хотя эти послѣдніе и уважаютъ гробницы, боясь мщенія усопшихъ. Тѣмъ не менѣе огромное количество этихъ *naḥámis*, встрѣчающихся

¹⁾ *Palmer*, Der Schauplatz der vierzigjährigen Wüstenwanderung Israels.

повсюду на Синайскомъ полуостровѣ, даетъ возможность изучить ихъ, какъ остатки доисторическихъ временъ, интересныя уже потому одному, что аналогичныя сооруженія встрѣчаются не только въ сѣверной Африкѣ, Палестинѣ, Петрѣ, но и въ Европѣ.

Типъ этихъ сооруженій вообще изученъ нынѣ хорошо; археологи признаютъ, что это — остатки неолитической эпохи каменнаго вѣка, какъ это показываетъ ихъ сложеніе изъ монолитовъ значительныхъ размѣровъ, обыкновенно безъ всякаго связующаго цемента. Въ Каменистой Аравіи эти сложенія, достигающія извѣстнаго совершенства, почти всѣ—одного типа; мы говоримъ, разумѣется, только о постройкахъ въ формѣ домиковъ, замковъ, такъ какъ Арабы полуострова именовъ *nawāmis* или *gūsūr* называютъ безразлично, какъ эти послѣднія, такъ и сооруженія въ формѣ кромлеховъ, которыми также богата Каменистая Аравія.

Опишемъ сперва настоящія *nawāmis*, соответствующія европейскимъ *bathan*, *talayot* и *Vienekorbhütten*. Такъ какъ о нихъ впервые обстоятельно упоминаетъ Пальмеръ, то мы и повторимъ его слова, а потомъ уже дополнимъ его описаніе. Эти домики, „kreisförmige Häuser, говоритъ Пальмеръ, von ungefähr zehn Fuss Durchmesser, aus unbehauenen Steinen errichtet und mit einem sorgfältig gebauten kuppelförmigen Dach versehen, das mit einer grossen Steinplatte schliesst und dessen Seiten, um ein Nachgeben zu verhüten, belastet sind. Den Eingang bildet eine niedere, ungefähr zwei Fuss weite Thüre“... Эти маленькіе круглыя домики, столь схожіе съ аналогичными постройками въ Европѣ, сложены безъ всякаго цемента изъ хорошо пригнанныхъ и обтесанныхъ камней, ловко и симметрически подобранныхъ. Ихъ окружность и разрѣзы имѣютъ обыкновенно форму, близко подходящую къ геометрическимъ; куполы выведены правильно, плиты обтесаны такъ хорошо, что мѣстами кажутся отполированными. Основаніе выведено изъ камней большихъ и лучше пригнанныхъ. Не хочется даже вѣрить, чтобы такъ хорошо можно было устроить только при помощи каменныхъ орудій. Удивленіе возрастаетъ еще болѣе, если обратить вниманіе на тѣ прибавленія, которыя встрѣчаются при этихъ *nawāmis*. Къ нимъ часто ведутъ особенныя, какъ бы высѣченныя въ каменномъ ложѣ дорожки; входное отверстіе квадратной формы въ нѣсколько квадратныхъ футовъ снабжено каменными косяками и порогами, какъ у *nawāmis* *Ain el Elva*, описанныхъ и Пальмеромъ и сохранившихся лучше всѣхъ на полуостровѣ.

Величина этихъ домиковъ различна: отъ 6 фут. въ діаметрѣ она

доходить до 12 фут., какъ въ *nawāmis* Акабинскихъ альпъ; окружность—отъ 13,5 фут. до 20 фут. и даже болѣе; высота — отъ 5 до 8 фут., какъ въ *nawāmis Ain el Elva*. По наружной поверхности нѣкоторыхъ *nawāmis*, какъ напримѣръ, домика на западномъ склонѣ Сумги, идетъ спиралью дорожка, чтò дѣлаетъ ихъ вполне схожими съ *talayot* Балеарскихъ острововъ и сторожевыми башнями другихъ странъ. Около другихъ *nawāmis*, какъ напримѣръ, въ уади *Um Dhelleh*, выстроены цѣлыя стѣны изъ необдѣланныхъ камней и нѣчто среднее въ родѣ *avenue* или крытаго хода. Подобныя стѣны встрѣчаются и отдѣльно или вмѣстѣ съ менгирами; на склонахъ Синайскихъ горъ и у подножья Этъ-Тиха можно видѣть множество остатковъ этихъ стѣнъ. Въ уади *Ibu Sakkar*, около большого разрушающагося *nawāmis*, сохранилась доселѣ часть стѣны изъ огромныхъ камней. То же и при *nawāmis* уади *Hudheghah*. Нѣкоторые *nawāmis* имѣютъ видъ настоящихъ замковъ, и Арабы восточной части полуострова не безъ основанія зовутъ ихъ *gusūr* (замокъ). Такъ развалины *nāmis* въ уади *Ajeleh*, со стѣнами и рядомъ другихъ сложений, вполне напоминаютъ разрушенный фортъ. Другіе домики имѣютъ связь съ пещерами и другими жилищами человѣка. Описанные Пальмеромъ два хорошо сохранившіеся *nawāmis* при входѣ въ уади *Wutah* соединяются посредствомъ зигзагообразной дорожки по склону горы съ пещерою, въ которой Арабы помѣщаютъ сѣдалище вѣтровъ.

Въ большинство этихъ *nawāmis* влѣзть трудно по незначительной величинѣ ихъ входнаго отверстія; но побывать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ человѣку достаточно ловкому всегда удастся. Мы посѣтили два такіе домика, изучили нѣсколько развалившихся наполовину; на основаніи этихъ наблюденій и описанія Пальмера, можно сказать слѣдующее о внутреннемъ устройствѣ этихъ *nawāmis*: въ самой срединѣ круглаго домика устроено гнѣздо въ родѣ гробницы и выкопана небольшая яма; та и другая искусно выложены изъ хорошо пригнанныхъ камней и покрыты ровнооббитыми плитами, на которыхъ въ дѣвственныхъ гробницахъ насыпана земля. Въ отверстіи помѣщается на каменномъ ложѣ земля, уголья, пепелъ и иногда кости, какъ жженныя, такъ и цѣлыя, очевидно, человѣческія. Кости мы нашли въ *nawāmis Dj. Nadid*, Сумги, *Dj. Edjmei* и у подножья Сербала; въ одномъ изъ *nawāmis* Гибрана мы нашли цѣлую нижнюю челюсть человѣка, повидимому юности (безъ зубовъ мудрости), безъ слѣдовъ сожженія. Пальмеръ находилъ кости скелета въ *nāmis Ain el Elva* вмѣстѣ съ землею, пострадавшею отъ огня, жженными костями, угольями, кусоч-

ками дерева, раковинами и каменными орудіями. Этнх послѣднихъ мы не встрѣтили около *nawâmis*, хотя Пальмеръ находилъ ихъ около нѣсколькихъ подобныхъ гробницъ. При видѣ небольшой ямки, встрѣчающейся внутри *nawâmis*, въ которой не можетъ помѣститься цѣлый скелетъ, Пальмеръ не угадываетъ, считая ихъ гробницами. Это недоумѣніе переходитъ иногда въ увѣренность, что нѣкоторые *nawâmis* служили для обитанія ихъ строителямъ. „Очевидно, они были нѣкогда человѣческими жилищами“, говоритъ Пальмеръ, описывая *nawâmis* вообще, — „и яма, выложенная камнями, находящаяся въ нихъ, служила очагомъ, когда въ ней находятся уголья, пепель и обожженная земля“. Не раздѣляя этого мнѣнія, мы думаемъ, что *nawâmis* употреблялись ихъ строителями все-таки въ качествѣ гробницъ, хорошо защищавшихъ дорогіе остатки. Незначительная величина указательныя костей, весьма впрочемъ колеблющаяся, объясняется тѣмъ, что погребались только останки трупа послѣ сожженія, которое вообще, какъ мы увидимъ далѣе, практиковалось на полуостровѣ, а присутвіе немногихъ цѣлыхъ костей объясняется простою случайностью.

Эти могильные домики или гробницы мы разсматриваемъ также какъ аналогичныя великолѣпнымъ гробницамъ Петры, въ которыхъ помѣщались цѣлыя десятки труповъ, и монолитамъ Палестины въ родѣ памятника Захаріи, Авессалома и др. на восточномъ некрополѣ Иерусалима.

Nawâmis очень много на Синайскомъ полуостровѣ; располагаются они или одиночно, или группами. У подножья Dj. Haddid, въ уади Гибранъ, уади Ain Hudherah, въ уади Ферана, у подножія Терабина, въ уади Эль-Арипъ, у Ain el Elva и другихъ мѣстахъ находятся цѣлыя группы этихъ *nawâmis* или *gûsur'ovъ*. *Nawâmis* Ain el Elva, хорошо, описанные Пальмеромъ, состоятъ изъ двухъ группъ круглыхъ домиковъ, вполне сходныхъ съ *Bienenkorbhütten*. Два одиночные домика стоятъ на возвышеніяхъ, а пять другихъ расположены на скатѣ горы.

Не распространяясь болѣе о расположеніи *nawâmis*, которые встрѣчаются во всѣхъ частяхъ полуострова, и которыхъ мы на пути насчитали около тридцати или сорока, замѣтимъ лишь, что въ Каменистой Аравіи есть такія области, гдѣ число этихъ гробницъ чрезвычайно велико. Таковы подножья Dj. Hadid, окрестности Синайскаго монастыря, включая Феранъ, Гибранъ и область Сербаль и подножія

Dj. et Tich и Dj. Edjmeb ¹⁾). Въ долинахъ сѣверной пустынной части полуострова павѣтис гораздо менѣе; немного ихъ и по берегамъ Суэцкаго и Акабинскаго залива. Расположеніе павѣтис, какъ и другихъ остатковъ каменнаго вѣка, стоитъ въ связи съ географическими и топографическими условіями страны.

Въ заключеніе замѣтокъ о павѣтис Синайскаго полуострова еще упомянемъ о томъ, что Пальмеръ склоненъ разсматривать какъ эти памятники, такъ и кромлехи (о коихъ мы скажемъ далѣе), какъ остатки временъ странствованія Израильтянъ по пустынѣ. Почтенный изслѣдователь, спеціально изучившій на мѣстѣ путь, которымъ слѣдовали Евреи по исходѣ изъ Египта, не могъ равнодушно отнестись къ древнему преданію Синайскихъ Арабовъ, разказывавшихъ о томъ, что круглые домики — павѣтис, иначе называемые Арабами пустыни „мускитовыми домиками“, были строены Израильтянами въ защиту отъ мускитовъ, посланныхъ Богомъ въ наказаніе за ихъ грѣхи. Точно также, не въ упрекъ будь сказано почтенному изслѣдователю, напрасно онъ считаетъ множество маленькихъ павѣтис, раскинутыхъ по вершинамъ холмовъ Ферана, этого „перла Синайскихъ горъ“, за могилы монаховъ. Капитанъ Пальмеръ, изслѣдуя во множествѣ погребальныя пещеры Ферана, въ которыхъ онъ находилъ деревянныя гробы и куски грубой матеріи, не говоря уже о костяхъ человѣческихъ, принадлежащихъ отчасти монахамъ, избитымъ въ Феранѣ, перенесъ мѣсто погребенія ихъ изъ пещеръ, мѣста ихъ обитанія, въ павѣтис—сооруженія мегалитическаго вѣка.

Обращаемся къ кромлехамъ Синайскаго полуострова. Принимая во вниманіе сказанное выше, легко можно понять, что найти кромлехи въ каменистыхъ уади Синайскаго полуострова еще болѣе трудно, чѣмъ дольмены и менгиры, если они не представляютъ типическихъ сложений и состоятъ изъ простаго круга камней. Кромлехами, какъ извѣстно, принято называть рядъ камней, расположенныхъ въ одинъ или нѣсколько круговъ вокругъ дольмена или другой гробницы; кромѣ того, и простыя круги камней разсматриваются какъ мегалитическія сооруженія, если будетъ доказано ихъ искусственное происхожденіе. Поэтому, для опредѣленія этого рода остатковъ неолитическихъ по-

¹⁾ Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ Пальмера, окрестности вездѣ покрыты павѣтис; на каждомъ скатѣ находятъ ихъ слѣды; по всей Синайской пустынѣ встрѣчается ихъ такъ много, что надо допустить, что строившій ихъ народъ былъ очень многочисленъ.

строекъ, надо быть осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что при той неравно-мѣрности формъ и расположенія камней, которые встрѣчаются тысячами въ уади Каменистой Аравии, во многихъ мѣстахъ одинъ или нѣсколько огромныхъ камней окружаются болѣе или менѣе правильнымъ кругомъ камней меньшихъ. Иногда, рассматривая эти сложенія нѣсколько болѣе внимательно, можно замѣтить, что ихъ образованіе могло быть чисто-случайнымъ, такъ какъ тому иногда благопріятствуютъ склоны и скаты, обуславливающіе направленіе падающихъ камней, а также и теченіе весеннихъ потоковъ. Но въ другихъ случаяхъ послѣднія условія мало и даже совершенно не замѣтны, и тогда является возможность, особенно въ мѣстахъ ровныхъ, признать эти сложенія въ видѣ круговъ за неполные кромлехи. Образованія эти тогда будутъ вполне аналогичными съ „колами“ новгородскихъ сопокъ, то-есть, съ кругами камней, вѣнчающихъ основаніе кургановъ, но встрѣчающихся также и не у кургановъ ¹⁾. Подобныхъ круговъ встрѣчается очень много во всѣхъ уади и пустыняхъ Синайскаго полуострова, и большинство ихъ надо признать за настоящія мегалитическія сооруженія, особенно если они составлены изъ менгировъ и образуютъ сложенія высшаго порядка. Безъ сомнѣнія, эти образованія мозолили глаза всякому путешественнику, но только Пальмеръ обратилъ на нихъ вниманіе, какъ на постройки, принадлежащія древнему человѣку и служившія ему въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ гробницъ, на что отчасти намекаетъ и арабское названіе этихъ сложеній—*nawámis*, общее для всѣхъ мегалитическихъ гробницъ полуострова. *Nawámis* у Пальмера, такимъ образомъ, являются двухъ видовъ: одни въ видѣ круглыхъ домиковъ, и другіе въ видѣ круговъ (*Steinenkreise*); число послѣднихъ превосходитъ число первыхъ. Круги эти имѣютъ отъ 10 до 100 ф. въ поперечникѣ и составлены изъ ряда камней, почти необдѣланныхъ рукою человѣка, что отличаетъ ихъ отъ *nawámis* первой категоріи и заставляеть относить ко временамъ болѣе отдаленнымъ (хотя вообще большее или меньшее совершенство, какъ каменныхъ орудій, такъ и построекъ, не служатъ вообще вѣрнымъ мѣриломъ древности тѣхъ и другихъ. Тѣмъ не менѣе, есть и болѣе совершенныя формы этихъ круговъ, прибли-

¹⁾ См. нашу статью «Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна». *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1881 г., апрѣль и май. Каменныя гробницы внутри послѣднихъ замѣняютъ у первыхъ насыпь кургана, вѣнчающая могилу; коло кургановъ вполне соответствуетъ кругамъ кромлеховъ.

жающія ихъ къ типическимъ кромлехамъ. Такъ есть круги, составленные изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ камней, другіе *Steinkreise* образованы изъ менгировъ, третьи имѣютъ въ срединѣ углубленія, иногда прикрытыя плитами, четвертые вмѣсто углубленія—новое каменное сложеніе, подходящее близко къ каменнымъ вмѣстелищамъ настоящихъ кромлеховъ. Есть, наконецъ, въ Каменистой Аравіи и такіе круги, которые замыкаются отвсюду грубыми, примитивно сложенными, каменными стѣнами.

Не приводя примѣровъ для круговъ перваго порядка, то-есть, составленныхъ изъ одного ряда простыхъ камней, „коло“, которыхъ можно встрѣтить очень много вездѣ и даже смѣшать съ образованными естественнымъ путемъ, мы укажемъ на типическіе круги другихъ категорій. Какъ круги сложные, то-есть, составленные изъ двухъ или нѣсколькихъ концентрическихъ, укажемъ на *pawamis* Эль Аришской долины и уади Эль-Гаръ; круги, составленные изъ менгировъ, встрѣчаются во множествѣ въ уади *Melezz* и уади *Waaga*; круги съ углубленіями—большая часть коло у подножья Этъ-Тиха; круги съ каменными сложеніями въ центрѣ составляютъ переходъ къ кромлехамъ, а потому опишемъ одинъ кругъ, который доставилъ намъ множество человѣческихъ костей.

Это сложеніе находится въ уади Эль-Гаръ (въ восточной части Каменистой Аравіи) и послужило для насъ мѣстомъ лагерной стоянки. Это былъ кругъ, составленный изъ двѣнадцати камней, тщательно подобранныхъ по отношенію къ формѣ и величинѣ. Они замыкали собою пространство, имѣющее около двухъ сажени въ радиусѣ. Въ срединѣ этого круга лежала на нѣсколькихъ камняхъ болѣе или менѣе правильной четырехугольной формы каменная плита, вокругъ которой было пабросано множество небольшихъ камней и голышей. Копаясь около центральной плиты, служившей для насъ ложемъ, и разгребая камешки, ее окружающіе, мы нашли человѣческіе останки, цвѣтной камешекъ красноватаго цвѣта съ бѣлою прослойкою, употребляемый и донинѣ въ качествѣ талисмана у Арабовъ Терабана, и египетскую монету. Присутствіе этой послѣдней даетъ, повидимому, указанія на древность сооруженія даннаго кромлеха, но мы не думаемъ основываться на ней. Правда, весьма возможно, что каменный вѣкъ существовалъ у обитателей Синайскихъ горъ въ то время, когда въ Египтѣ уже чеканили монету, но съ другой стороны, не должно забывать, что римскія монеты времени Тиберія, Константина II, Θεодосіа, а также монеты Арабскихъ калифовъ, встрѣчались въ долѣ-

менахъ Англiи, и что этимъ вовсе не доказывается, что эти послѣднiя были сооружены въ царствованiя тѣхъ императоровъ ¹⁾).

Другой кромлехъ съ центральною плитою надъ костями погребенными мы встрѣтили въ Рамлiйской пустынѣ. Типъ его еще больше приближался къ настоящимъ кромлехамъ съ болѣе или менѣе совершенно устроенною въ центрѣ его каменною гробницею. Пальмеръ приравниваетъ *hawâmis* послѣдняго рода къ *Druidenkreise* Англiи и относитъ ихъ сооруженiе народу, отличному отъ соорудившаго круглые домики. Самая совершенная форма *hawâmis* этого рода будетъ каменная гробница (*Behältniss*), устроенная болѣе или менѣе совершенно изъ камней, тщательно подобранныхъ, крытая плитою, и окруженная двумя или нѣсколькими концентрическими кругами прямостоящихъ камней-менгпровъ. Въ гробницѣ обыкновенно можно найти нѣсколько костей человѣческихъ, уголь, землю и обожженные камни, ради чего даже не стоитъ трудиться разрушать остатокъ мегалитической эпохи. Пальмеръ же, кромѣ отдѣльныхъ костей, въ одной изъ гробницевъ *Steinkreise*, описанныхъ имъ, нашелъ цѣлый скелетъ, а также пепель, угли и жженыя кости. Въ другой гробницѣ *hawâmis* въ уади Ваага онъ нашелъ также могилу, въ коей лежалъ покрытый огромнымъ камнемъ (который могли сдвинуть едва пять человѣкъ) цѣлый скелетъ въ согнутомъ положенiи рядомъ съ раковинами и каменными орудiями (*bearbeitete Kieselssteine*). Кремни, служившiе, по всей вѣроятности, орудiями строителей кромлеховъ, мы встрѣчали около нѣсколькихъ круговъ; особенно много ихъ было въ кромлехѣ Эль-Гарской котловины.

Не всѣ однако кромлехи, даже типическiе, заключаютъ въ себѣ человѣческiя кости. Положимъ, наши попытки отыскивать кости въ кромлехахъ могли быть неуспѣшны, такъ какъ, при ограниченности нашихъ средствъ, мы не могли производить раскопки; но мы знаемъ, что и Пальмеръ, раскапывавшiй на 5 ф. глубины до самаго каменнаго слоя кромлехи уади *El Ahaba* (гдѣ они встрѣчаются цѣлыми десятками), ничего не нашелъ въ нихъ. То же самое было и при раскопкѣ круговъ въ уади *Biyaq*. Это заставляетъ думать, что кромлехи, или вѣрнѣе сказать, круги не всегда сооружались съ цѣлю погребенiя. Другое назначенiе ихъ мы увидимъ, когда будемъ говорить о сложныхъ сооруженiяхъ.

Круги и настоящiе кромлехи встрѣчаются, какъ одиночно, такъ

¹⁾ *Fergusson. Monuments megalithiques.*

и группами; эти послѣдніе можно раздѣлить на двѣ категоріи: одна состоитъ только изъ кромлеховъ, расположенныхъ одинъ недалеко отъ другаго и не связанныхъ между собою, а другая—изъ *nawāmis* различныхъ родовъ (кучь, круговъ, домыковъ, кромлеховъ), находящихся въ связи между собою. Эти послѣдніе представляютъ собою уже типъ мегалитическихъ сооружений высшаго порядка.

Круговъ и кромлеховъ или *nawāmis* второй категоріи Пальмера гораздо болѣе на полуостровѣ, чѣмъ куполообразныхъ домыковъ. Они встрѣчаются во всѣхъ частяхъ полуострова, часто въ совокупности съ другими мегалитическими сооружениями. Тѣ области Каменистой Аравіи, въ которыхъ встрѣчается множество *Bienenkorbhütten*, богаты и этими *nawāmis* второго порядка. Очень много ихъ также въ уади *Waaga*, *Mellez*, *Hebeibeh*, у подножья Сербали, Этъ-Тиха, Эль-Оджме, въ уади *El Ahaba*, *Biyağ* и въ уади Акабинскихъ альпъ.

Группы кромлеховъ, находящіяся въ уади *Mellez*, *Biyağ*, *El Ahaba*, *Bigein*, принадлежатъ уже къ мегалитическимъ сооружениямъ высшаго порядка. Среди этихъ остатковъ перемѣшиваются сооружения различныхъ типовъ—круглыхъ куполообразныхъ домыковъ, кромлеховъ, круговъ; кучь камней, стѣнъ, сложенныхъ изъ грубыхъ камней, и развалинъ другихъ сложений неопредѣленнаго типа. Такихъ сложений высшаго порядка, въ которыхъ отдѣльныя звенья соединяются другъ съ другомъ органически, извѣстно пока очень немного. Самыми замѣчательными сооружениями этого рода, которыя можно признать мѣстомъ стоянки первобытнаго человѣка, въ Каменистой Аравіи нужно считать открытую Пальмеромъ стоянку въ уади *Biyağ*. Къ сожалѣнію, мы не посѣтили этого мѣста, и потому теперь принуждены о немъ говорить только съ чужихъ словъ. При входѣ въ уади *Biyağ* у подножія Дж. Оджме, по словамъ англійскаго изслѣдователя, на ровной, покрытой камнями поверхности находится множество всевозможныхъ *nawāmis*, которые всѣ вмѣстѣ представляютъ цѣлую стоянку первобытныхъ людей, а не одни только мѣста погребенія. Главную часть этого сложнаго мегалитическаго сооруженія составляютъ группы кромлеховъ и круговъ, которые связаны другъ съ другомъ посредствомъ ходовъ изъ менгироподобныхъ камней. Цѣпь этихъ каменныхъ круговъ въ срединѣ образуетъ значительное пространство, ничѣмъ не занятое. Мѣстами видѣются каменные кучи; все пространство, занятое группами каменныхъ круговъ, охвачено мегалитическою стѣною, недоходящею нигдѣ выше трехъ футовъ и сложенною изъ хорошо приготовленныхъ большихъ камней. Изслѣдуя отдѣльные круги, Пальмеръ пришелъ къ

убѣжденію, что нѣкоторые изъ нихъ служили для обитанія, другіе же—только какъ кучки, гдѣ готовилась пища, ибо на нихъ находились слѣды очаговъ и кухонные остатки. Предполагая уже съ перваго взгляда, что эти остатки принадлежатъ къ мегалитической эпохѣ, Пальмеръ недоумѣвалъ о значеніи, какъ серединаго пространства, такъ и незначительной стѣны, окружающей стоянку и не могущей представить никакой защиты ни отъ враговъ, ни отъ дикихъ звѣрей. Сравненіе этой стоянки съ стоянками марокканскихъ Арабовъ—*maghabin*, сдѣланное спутникомъ Пальмера Дрекомъ, разъяснило значеніе такого рода сооружений. По словамъ Дрека, Арабы въ Марокко доселѣ устраиваютъ свои лагеря подобнымъ образомъ; отдѣльные круги, соотвѣтствующіе палаткамъ, располагаются вокругъ; незанятая же середина предназначается для скота и другаго имущества. Весь лагерь окружается небольшою каменною стѣною, около которой садятъ колючіе кусты акацій, которые, разрастаясь, образуютъ такимъ образомъ живую непроницаемую изгородь.

Точно также второю лагерною стоянкою будетъ группа *hawāmis*, находящаяся въ уади *Melezz*. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, менгировъ; не представляя особой обдѣлки, они образуютъ круги, соединяющіеся между собою ходами или просто рядами камней. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ряды камней образуютъ особыя загороженные пространства, въ другихъ они разбросаны такъ неправильно, что трудно угадать ихъ значеніе. Есть загородки футовъ 20 въ квадратѣ. Пальмеръ, видѣвшій и это мегалитическое сооруженіе, считаетъ его за древнее укрѣпленіе.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ остатковъ доисторической эпохи найденъ въ уади *Nebsibeh*. Мы опишемъ его также со словъ Пальмера, потому что сами не видѣли его. Часть возвышенія, находящагося въ этомъ уади, какъ бы обдѣлана небольшими камнями, которые въ огромномъ количествѣ лежатъ на этомъ мѣстѣ. Ихъ расположеніе существенно отличается отъ всѣхъ другихъ остатковъ этого рода, встрѣчающихся на Синаѣ и въ Аравіи. На вершинѣ большаго холма воздвигнуты рядами одинъ за другимъ огромные камни; почти не обдѣланные рукою человѣка: среди нихъ возвышается огромная бѣлая глыба. Эти остатки расположены вокругъ на нѣсколько миль. Пальмеръ считаетъ ихъ за остатки лагерной стоянки. Маленькіе камни употреблялись какъ очага, мѣстами на нихъ замѣтны слѣды огня; въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ найденъ уголь. Недалеко отъ этой стоянки находится множество кучъ, сложенныхъ изъ боль-

шихъ камней, которыя, по всей вѣроятности, воздвигались надъ могилами усопшихъ. Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что остатки въ уади Небеівеі служили лагерною стоянкою огромнаго количества людей, также какъ и въ окрестностяхъ Ain el Elva. Пальмеръ описываетъ кратко еще остатки обиталища первобытнаго человѣка въ уади Вігеіп—останки rawānis, въ формѣ домиковъ и другихъ строеній и большой кромлехъ.

Мы разсматриваемъ какъ лагерную стоянку также группу кромлеховъ (называемыхъ здѣсь inabatlat) и каменныхъ кучъ, находящуюся въ уади El Ahaba. Огромное количество этихъ круговъ, менгироподобныхъ камней и кучъ, разнообразно сложенныхъ и расположенныхъ на значительномъ пространствѣ, подтверждаетъ наше предположеніе. Кремни, кости различныхъ животныхъ, даже рыбъ (въ сотняхъ верстъ отъ моря), раковины, угли подтверждаютъ это также. Пальмеръ, выкопавшій здѣсь угли и жженую землю, не упоминаетъ однако о костяхъ.

Если прибавить къ описаннымъ нами лагернымъ стоянкамъ, открытыя Кистъ-Лордомъ на холмѣ въ уади Магара остатки обиталища древняго человѣка, сложенные изъ огромныхъ необдѣланныхъ камней, только пригнанныхъ одни къ другимъ, и въ которыхъ онъ нашелъ орудія каменнаго вѣка, то мы исчерпаемъ все, что извѣстно до сихъ поръ о мегалитическихъ сооруженіяхъ въ Каменистой Аравіи. Остатки на горѣ Сурабитъ эль-Кадимъ, какъ представляющіе слѣды высшей цивилизаціи, обозначаемой даже египетскими іероглифами, мы не считаемъ за остатки каменнаго вѣка, а причисляемъ ихъ къ развалинамъ, которыхъ еще много не описано на Синайскомъ полуостровѣ, начиная отъ городовъ и кончая древними храмами.

Къ числу сооружений, которыя могутъ быть отнесены какъ къ доисторическому, такъ и къ историческому періоду жизни человѣчества, надо отнести курганы, встрѣчающіеся въ пустыняхъ Каменистой Аравіи. Число ихъ гораздо болѣе въ пустыняхъ перешейка, чѣмъ въ уади южной части полуострова. На нѣкоторыхъ изъ нихъ можно замѣтить камни, у другихъ кургановъ, по дорогѣ между Акабою и Газою, мы замѣчали основаніе, уложенное вѣнцомъ камней, что напоминаетъ вполне коло новгородскихъ и южнорусскихъ кургановъ.

Перечисливъ такимъ образомъ формы мегалитическихъ сооруженій неолитической эпохи, мы теперь можемъ обратиться къ тому, что было найдено около этихъ памятниковъ доисторическаго человѣка; но въ виду того, что много данныхъ этого рода доставили намъ и не-

щеры Синайскаго полуострова, мы должны сказать нѣсколько словъ и объ этихъ послѣднихъ. Пещеръ очень много въ горахъ Каменистой Аравии; песчаниковая и известняковая формации многихъ изъ ея горъ представляютъ всѣ условія для ихъ естественнаго образованія. Первоначальному человѣку пришлось едва-ли много выкапывать пещеръ своими руками, когда ихъ такъ много приготовила природа. Выкапывать себѣ жилища человѣку приходилось только въ горахъ, окружающихъ уади, богатныя зеленью и водою, и представляющихъ мало естественныхъ углубленій. Поэтому пещеръ, которыя можно было бы причислить къ неолитическимъ сооруженіямъ, по всей вѣроятности, вообще не много, особенно сравнительно съ вертепами, уготованными самою природою.

Самыми богатыми естественными пещерами являются хребты Эр-Раха, Этъ-Тиха и Джебель-этъ-Оджмехъ, отдѣляющіе пустыни перешейка отъ собственно Каменистой Аравии. Ихъ известково-песчаная природа представляетъ много условій для естественнаго образованія пещеръ при размывкѣ водою и при обсыпаніяхъ; между этими пещерами встрѣчаются и искусственныя, образованныя рукою человѣка. Прибрежныя скалы Акабинскихъ альпъ имѣютъ также не мало пещеръ, изъ которыхъ пещера Судебъ (Назбъ), находящаяся недалеко отъ родника сладкой воды, неизвѣстной даже многимъ Арабамъ Синайскаго полуострова, по нашему мнѣнію, представляетъ самую замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Она находится въ дикой, едва доступной для человѣка мѣстности, въ углу, образуемомъ горами уади Назбъ. Не имѣвъ съ собою никакихъ топографическихъ приборовъ, мы не можемъ точнѣе опредѣлить это мѣсто. Отъ уади Цугерахъ мы поднимались около полутора часа прежде, чѣмъ добрались до пещеры Судебъ. Образовалась она изъ расщелины скалы и изъ размывки глинистаго слоя, котораго остатки замѣтны и доселѣ. Длина ея — около 4 сажней, ширина — около трехъ. Въ стѣнахъ ея сдѣланы, по видимому, рукою человѣка маленькія ниши, подобныя нишамъ древнихъ еврейскихъ усыпальницъ (гробницы Царей, Осии, Пророковъ) около Иерусалима. Стѣны пещеры вообще носятъ на себѣ слѣды человѣческой обработки въ видѣ полостей, желобовъ, плоскостей, образованныхъ съ помощью орудій. Въ этой пещерѣ мы нашли довольно много интереснаго, о чемъ и скажемъ впоследствии. Входъ въ нее, по видимому, прежде запирался камнями, лежащими теперь возлѣ него и нѣсколько отличающимися отъ грунта окружающихъ скалъ.

Много пещеръ также въ уади Леджа, которыя въ первые вѣка христіанства служили келіями отшельниковъ; между ними очень много

искусственныхъ, чему, безъ сомнѣнія, способствуетъ грунтъ, чрезвычайно легко уступчивый обработкѣ. Много такихъ вертеповъ во всѣхъ утесахъ, идущихъ отъ Равенъ до Накуса; богатъ ими и самъ знаменитый звучащій Накусъ. Не мало ихъ въ известковыхъ горахъ уади Тайбэ. Въ знаменитыхъ порфировыхъ каменоломняхъ уади Магара, откуда доставлялся камень для обшивки большой пирамиды Хеопса, мы видѣли вертепы, и въ одномъ изъ нихъ нашли кости, уголья и раковины. Въ горахъ, окружающихъ Феранскую долину, извѣщено много пещеръ, что и не мудрено, такъ какъ Феранъ издавна считался раемъ полуострова. Въ одной изъ нихъ мы нашли кости различныхъ животныхъ и куски аморфныхъ кремней.

Не мало пещеръ во всѣхъ горахъ, составляющихъ Синайскій горный узелъ. Пещеры Моисееву, Іоанна и другихъ отшельниковъ на главныхъ Синайскихъ горахъ показываютъ всѣмъ путешественникамъ. Въ пустыняхъ же Этъ-Тиха и перешейка въ горахъ, идущихъ къ Палестинѣ и Моавіи, по большей части известковаго свойства, перечестъ эти пещеры невозможно. Въ нихъ, по всей вѣроятности, заключается богатый археологическій и антропологическій матеріалъ, на сколько мы можемъ судить по нѣкоторымъ своимъ находкамъ. Много среди этихъ пещеръ встрѣчается и искусственныхъ, образованныхъ рукою человѣка.

Пещеры эти служили или обиталищемъ древнихъ людей, какъ служатъ нѣкоторыя и доселѣ для пріюта арабскимъ пастухамъ и не имущимъ крова бедуинамъ, или усыпальницами.

V.

Покончивъ съ описаніемъ мегалитическихъ сооружений и слѣдовъ каменнаго вѣка на Синайскомъ полуостровѣ, мы перейдемъ теперь къ описанію остатковъ, найденныхъ нами въ различныхъ мѣстностяхъ Каменистой Аравіи. Мы не можемъ похвастаться обиліемъ этихъ находокъ, но въ виду того, что, на сколько намъ извѣстно, никто еще до сихъ поръ не описывалъ какихъ-либо другихъ находокъ въ Синайскихъ горахъ, кромѣ орудій каменнаго вѣка¹⁾, мы пе-

¹⁾ Исключая развѣ Кистъ-Лорда и Пальмера: первый въ шахтахъ уади Магара находилъ, кромѣ каменныхъ орудій, куски стекла, краски, остатки деревянныхъ рукоятокъ, кучи прѣсноводныхъ раковинъ и ожерелья, сдѣланные изъ продырявленныхъ ихъ створокъ; а второй, кромѣ ракушекъ, угля, кусочковъ дерева и пепла, изслѣдуя пещеръ, нашелъ также женныя кости и даже дѣтскія скелеты, но антропологическаго описанія этихъ находокъ онъ не даетъ.

речислимъ подробно все то, что мы нашли, съ надлежащими комментаріями.

Самыми главными находками являются, разумѣется, остатки человѣка и животныхъ, что для насъ имѣетъ наибольшій интересъ. Мы говорили уже выше, что въ бугоркѣ уади Солеихъ мы встрѣтили человѣческія кости. Онѣ находились въ пластѣ желтой глины совершенно замурованными; около нихъ въ порядочномъ количествѣ были рассыпаны кремни, остатки грубыхъ глиняныхъ издѣлій и красивые камешки, служившіе, по всей вѣроятности, украшеніями первобытному человѣку. Совершенная замуровка костей и присутствіе орудій каменнаго вѣка давали намъ право отнести эти человѣческіе остатки къ эпохѣ весьма отдаленной, а не къ временамъ позднѣйшимъ. Анализъ костей, сдѣланный нами впоследствии, показалъ процентное содержаніе органическаго вещества равнымъ нулю, что также вело къ предположенію о ихъ древности; не оставалось даже желатины, наиболее стойкой изъ составныхъ химическихъ частей кости ¹⁾. Кости эти были слѣдующія: 1) Обломки темныхъ костей, числомъ три; на нихъ можно констатировать только солидную толщину кости и сильное развитіе мѣсть прикрѣпленій жевательныхъ мускуловъ, несвойственныя современнымъ обитателямъ полуострова, отличающимся замѣчательною легкостью черепа и малымъ развитіемъ жевательной мускулатуры; это различіе происходитъ, разумѣется, потому, что послѣдніе питаются дурно, и по преимуществу растительною пищею, тогда какъ ихъ предки употребляли въ пищу, главнымъ образомъ, мясо; то же подтверждаетъ и значительное стираніе рѣзцовъ и клыковъ на переднемъ отломкѣ нижней челюсти; мясная волокнистая пища требуетъ сильной работы рѣзцовъ. 2) Верхняя половина правой бедренной кости въ 0,28 м. тоже массивныхъ размѣровъ, съ сильно развитыми гребешками, особенно *labium laterale cristae femoris*; головка бедра имѣетъ солидное развитіе *Foveolae*—ямки для прикрѣпленія круглой связки, гармонизирующее впрочемъ съ солидностію головки и шейки бедра; полное срастаніе послѣдней и вертела съ тѣломъ кости показываетъ принадлежность послѣдней взрослому индивидууму. 3) Цѣлое большое берцо (*tibia*); *ergo crista* показываетъ значительное развитіе переднегоденныхъ мускуловъ; *linea aspera* ея наоборотъ мало замѣтна.

¹⁾ По способу Куэрба и Фогельзанда, о которомъ мы говорили въ цитированной выше статьѣ нашей: «Къ археологій и антропологій Ильменскаго бассейна».

Саблевидность ея довольно выражена, что особенно хорошо выступает на ея поперечномъ разрѣзѣ на высотѣ питательнаго отверстія діафиза. 4) Двѣ неполныхъ плечевыхъ кости съ сильно развитою мускулатурою; обѣ представляютъ полное прободеніе локтеваго углубленія—признакъ, встрѣчающійся на костяхъ древнихъ Египтянъ и людей изъ дольменовъ, предшествовавшихъ періоду полированнаго камня въ Европѣ ¹⁾. 5) Остатки реберъ, фалангъ и костей запястья, не представляютъ ничего особеннаго; пяточная кость показываетъ также развитіе мускулатуры. По всей вѣроятности, курганъ этотъ заключаетъ въ себѣ еще множество человѣческихъ остатковъ, такъ какъ описанные мы нашли зондированіемъ поверхностныхъ слоевъ его.

Вторымъ мѣстонахожденіемъ костей была пещера въ уади Леджа, указавшая намъ сопровождавшими насъ Арабами, и по видимому, извѣстная имъ подъ именемъ пещеры костей. Пещера эта полузасыпана; массы костей изъ нея вывезены, по словамъ Арабовъ, на египетскіе мыловаренные заводы. Среди груды небольшихъ камней, глинистыхъ и известковыхъ отложений, до сихъ поръ валяется множество костей различныхъ животныхъ; между ними мы отыскали и остатки человѣческіе. Это были по большей части остатки трубчатыхъ костей—плечевой, бедренной, берцовой безъ діафизовъ и эпифизовъ; большинство ихъ было разбито на куски, такъ какъ и кости другихъ животныхъ, что показываетъ употребленіе ихъ въ качествѣ питательнаго матеріала. Кости разбивались для того, чтобы легче было достать костный мозгъ. Такимъ образомъ у обитателей Синайскаго полуострова существовала антропофагія. Оставшіяся цѣлыми кости представляли тѣ же особенности, что и кости кургана Эль-Солейхъ. Не смотря на то, что онѣ принадлежали по большей части молодымъ субъектамъ—отъ 16 до 18 лѣтъ, у которыхъ еще не вполне были сросшены головка и вертелъ бедра къ тѣлу кости, на нихъ все-таки была сильно выражена могучая мускулатура, что отчасти и понятно, такъ какъ горные жители обладаютъ вообще сильными мышцами.

Въ камняхъ, окружающихъ кромлехъ Эль-Гарской долины, какъ сказано выше, найдены были также человѣческіе остатки. Ихъ было немного, но они представляли два рѣзко выраженные типа, что, въ связи съ найденною тамъ же египетскою монетою, имѣетъ важное значеніе. Изъ костей, найденныхъ здѣсь, самыя замѣчательныя—двѣ цѣлыя нижнія челюсти. Одна изъ нихъ, по своей массивности, силь-

¹⁾ Антропология *Топинара*. Переводъ *И. Мечникова*, стр. 288—289.

ному развитію мышечныхъ прикрѣвленій и значительно стертыхъ рѣзцамъ и клыкамъ, при почти петропутьхъ коренныхъ, очень напоминаеть типъ челюсти изъ холма Солеихъ. Другая, наоборотъ, легка, изящна и имѣеть только легкія возвышенія для прикрѣвленія мускуловъ и прекрасные зубы, напоминающіе зубы Коптовъ или Арабовъ. Скутепные бугорки (денті) на задней поверхности нижней челюсти, составляющіе почти обычное явленіе для человѣка, отсутствуютъ на поверхности послѣдней, несмотря на то, что она организована выше первой, и что этотъ признакъ свойственъ только человѣкообразнымъ обезьянамъ. Первая челюсть имѣеть наклонное впередъ направленіе зубовъ (нижнезубной прогнатизмъ), тогда какъ во второй зубы имѣють вертикальное направленіе. У послѣдней подбородокъ выступаетъ за вертикальную линію на три миллиметра, тогда какъ у первой онъ едва выдается, что составляетъ крайне важный признакъ низкости расы. Нижнечелюстной уголъ гораздо тупѣе у первой и прямѣе у послѣдней; параллельно съ этимъ развиты внутренніе края челюстей.

Найдены были также двѣ большеберцовыя кости и обѣ совершенно различныхъ типовъ. Одна массивна, саблевидна, съ сильно развитою *linea aspera*, а другая легка, изящна, столбовидна, съ ясно выступающими продольными линиями и со сглаженною *linea aspera*; у первой діафизы относительно велики, даже сравнительно съ ея массивностью, у второй не замѣчается никакихъ отклоненій.

Отломки нѣсколькихъ плечевыхъ костей указываютъ также на два различные типа; массивность, сильное развитіе *tuberculi maj. et min.*, глубина межбугровой борозды (*sulcus intertubercularis*), прободеніе локтеваго отростка отличаютъ одинъ типъ, тогда какъ другой характеризуютъ легкость, слабое развитіе бугорковъ и борозды, а также сохраненіе въ цѣлости локтевой ямки.

Нѣсколько другихъ мелкихъ костей и обломковъ черепа, отличающихся между собою только массивностью, не имѣють для насъ такого значенія, а потому и описывать ихъ нечего.

Изъ представленнаго описанія типическихъ костей, легко понять, что передъ нами имѣются кости двухъ различныхъ типовъ. Одинъ—сходный съ костями Эль-Солеихскаго кургана, другіа—болѣе подобныя костямъ современныхъ обитателей Каменистой Аравии. Присутствіе костей двухъ различныхъ типовъ прямо свидѣтельствуетъ, что въ данномъ мѣстѣ погребены остатки людей, не принадлежащихъ къ одному и тому же племени. Очевидно, что кромлехъ былъ устроенъ надъ могилою человѣка каменнаго вѣка, который любилъ воздвигать

такія мегалитическія сооруженія надъ своими усопшими предками. Но прочною вѣковою могилою первобытнаго человѣка воспользовались другіе позднѣйшіе обитатели Синайскаго полуострова и погребли въ ней или около нея трупъ вождя, или другаго человѣка, могилу котораго надо было сдѣлать извѣстною для потомковъ и память котораго увѣковѣчивалась мегалитомъ, воздвигнутымъ могучею рукою древняго автохтона. Египетскую монету мы относимъ ко времени этого вторичнаго погребенія. Это даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о вторичномъ погребеніи.

Въ статьѣ нашей о новгородскихъ курганахъ мы старались доказать возможность и даже необходимость допущенія вторичнаго погребенія для кургановъ Ильменскаго бассейна; теперь же мы осмѣливаемся высказаться, что въ доисторической антропологіи допущеніе этого принципа принесло бы значительные практическіе результаты. Оно объяснило бы многіе, необъяснимые иначе факты, которые совершенно запутываютъ археологовъ. Тогда стало бы понятно, почему въ доисторическихъ дольменахъ, сооруженіе которыхъ относятъ обыкновенно къ неолитическому вѣку, находятъ предметы бронзоваго, желѣзнаго вѣка и даже временъ еще болѣе позднѣйшихъ¹⁾; однимъ словомъ, самыхъ различныхъ періодовъ времени, и почему орудія каменнаго вѣка встрѣчаются рядомъ съ монетами и медалями римскихъ императоровъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что позднѣйшіе обитатели странъ, богатыхъ дольменами и другими мегалитическими гробницами, не зная ихъ значенія, воспользовались ихъ готовыми усыпальницами, какъ пользовались другіе естественными и искусственными пещерами, а также курганами и могилами, насыпанными надъ костями ихъ предковъ.

Неодновременное погребеніе можетъ быть примѣнимо не только къ остаткамъ человѣческимъ, но и къ различнымъ предметамъ, находящимъ въ гробницахъ и жилищахъ человѣка каменнаго вѣка. Во всѣ времена производилось закапываніе различныхъ предметовъ, особенно драгоценныхъ. При нашествіи непріятелей, при отъѣздѣ и въ другихъ обстоятельствахъ все, что было дорого или священно для человѣка, закапывалось въ землю, служившую лучшимъ казнохранилищемъ. Въ виду того почета и суевѣрнаго уваженія, которымъ пользовались мегалитическія сооруженія у людей позднѣйшихъ вѣковъ,

¹⁾ *Miln. Fouilles faites à Carnac; Fergusson. Monuments megalithiques; Bulletin de la Soc. pol. du Morbihan. 1878 an. 1 sec. стр. 102 и слѣд.*

весьма понятно, что эти послѣдніе, во всѣхъ превратностяхъ своей жизни, охотно довѣряли усыпальницамъ ихъ предковъ все, что дорого было для кармана или для сердца. Намъ кажется, что гипотеза вторичнаго погребенія или закапыванія такъ сама и напрашивается для объясненія многихъ доселѣ необъяснимыхъ фактовъ.

Самымъ важнымъ мѣстонахожденіемъ костей человѣка и животныхъ была для насъ пещера Судебъ (Назбъ), указанная намъ проводникомъ Ахмедомъ-Ханна. Мы уже сдѣлали описаніе ея, и потому теперь можемъ прямо приступить къ разсмотрѣнію ея остатковъ.

Дно пещеры—глинистоизвесткового свойства, какъ и вся скала, въ которой она помѣщается. При входѣ въ пещеру насъ поразили многочисленныя кости, виднѣвшіяся, какъ камни мозаики, на днѣ. Вглядѣвшись пристальнѣе, можно было замѣтить, что ихъ было очень много. Въ кучахъ известняка, обсыпавшагося по бокамъ, и въ глубинѣ пещеры виднѣлись также кости. Неимѣніе никакого орудія, кромѣ ножа, не позволило намъ сдѣлать раскопокъ, но и того, что было добыто, достаточно для перваго изученія.

Костей человѣческихъ оказалось довольно много; большинство ихъ представляло обломки длинныхъ костей; трудное ихъ добываніе еще болѣе обламывало ихъ, но и пзъ этихъ обломковъ можно было констатировать, что кости эти принадлежали людямъ того же типа, какъ и кости Эль-Гара. Развитіе мускулатуры конечностей, саблевидность большеберцовой кости и выступаніе ея *linea aspera*, глубина борозды малой берцовой, продырявленность въ большинствѣ случаевъ (8 на 10) локтевой ямки, относительная толщина луча—вотъ характерныя особенности костей конечностей. Къ этому мы должны еще прибавить короткость тѣла и толстоту акроміальнаго конца ключицы, короткость и толстоту фалангъ, ширину тѣла лопатки, ея массивность, малое развитіе клювовиднаго отростка и пелвиметрическія особенности, къ которымъ принадлежать сравнительно съ костями конечностей тонкость костей таза, глубокая *acetabulum*, соотвѣтственно развитію головки бедра, вытянутость подвздошныхъ костей, придающая животный типъ тазу и отсутствіе *lineae gluteae anterioris*.

Между прочими костями попадалось много кусковъ и черепа. Кости темяни, лба и виска были довольно массивны; швы лобной, темяной, височной и клиновидной костей при схожденіи давали, повидимому, соединеніе повороченнаго итеріона (*ptériori retourné*); на внутреннихъ сторонахъ черепныхъ костей замѣчались въ значительномъ количествѣ Пахіоновы давленія, на которыхъ была цѣла еще довольно

толстая стекловидная пластинка. На одномъ изъ обломковъ лобной кости замѣчалось сильное развитіе бугровъ и надбровныхъ дугъ.

Костей лица было гораздо менѣе; отломанный *processus zygomaticus* съ широкимъ четырехугольнымъ тѣломъ, двѣ нижнія челюсти съ значительно тупыми углами и зубнымъ прогнатизмомъ, съ большими *foramina maxillaria*, толстымъ зубнымъ краемъ и не слишкомъ выдающимся подбородкомъ, а также кусочки верхней челюсти съ хорошо сохранившимися зубами, показывавшими ихъ сильное употребленіе, были единственными костями лица, если не считать обломковъ стѣнокъ глазницъ.

Копаясь усердно въ глинистыхъ и известковыхъ кучахъ, мы наткнулись и на единственный черепъ, сильно пострадавшій въ основаніи. Костей верхнечелюстныхъ, части скуловыхъ, не говоря уже о нижней челюсти, не существовало вовсе; черепъ вообще представлялъ такую ветхость, что распадался при одномъ прикосновеніи измѣрительныхъ инструментовъ. Вслѣдствіе такой ломкости намъ не удалось изслѣдовать его краниометрически съ желательною полнотою. Констатирована также массивность костей, овально яйцевидная форма черепа при разсматриваніи сверху и ясно выраженная долихоцефалія. Полученные размѣры — слѣдующіе:

Головной указатель 71,50.
 Носовой указатель 46,25 (plathyrh.)
 Diameter front. minor 110 с.
 D. poster. maxim. 190.
 D. transversus 135.
 Courv. occip. frontal. 350.
 Courv. horizont. total. 557.

Лобные бугры этого черепа довольно развиты, какъ и *arcus superciliares*, но не на столько, какъ въ описанномъ выше обломкѣ. Межъорбитное разстояніе довольно широко, *glabella* сильно развита; края орбиты довольно толсты. Носовыя кости нѣсколько изогнуты и составляютъ съ лобною костью уголъ около 160°. Лицевая часть черепа довольно широка.

Эти данныя, съ одной стороны, приближаютъ найденный нами черепъ къ черепамъ древнихъ Египтянъ и настоящихъ Арабовъ, а съ другой — раздѣляютъ ихъ значительно. Долихоцефалія, свойственная черепамъ Египтянъ и Арабовъ, выражена въ Эль-Назбскомъ черепѣ значительно; но носовому указателю, составляющему, по Брокъ и Топпару, одинъ изъ лучшихъ признаковъ для распознаванія чело-

вѣческихъ расъ¹⁾, равному 46,25, онъ приближается также къ черепу древнихъ Египтянъ и современныхъ Арабовъ, но за то массивность костей, ширина лица, развитость glabella, изогнутость носовыхъ костей, развитость tubera frontalia и др. описательные признаки никакъ не позволяютъ приравнивать его къ черепахъ Египтянъ и Арабовъ, хотя среди этихъ послѣднихъ есть множество переходовъ къ типическимъ особенностямъ другихъ народовъ.

Съ костями человѣческими мы нашли также нѣсколько кремней весьма грубо обдѣланныхъ, нѣсколько черепковъ грубой, хотя и довольно тонкой посуды, массу раковинъ, угля, пепель и остатки другихъ животныхъ. Они состоятъ изъ копролитовъ и костей. Копролиты эти, въ формѣ продолговатыхъ шариковъ и завитушекъ, по поверхностному анализу, произведенному нами уже по ирѣздѣ въ Иерусалимъ, показали присутствіе значительнаго количества фосфорнокислыхъ и известковыхъ солей. что заставляетъ насъ думать, что они принадлежатъ къ изверженіямъ животныхъ плотоядныхъ, употреблявшихъ въ свою пищу много костей.

Кости животныхъ, найденныя нами въ пещерѣ Судебъ, также довольно многочисленны и превосходятъ числомъ остатки человѣческіе. На сколько возможно было опредѣлить, здѣсь находились кости лошади (по цѣлой челюсти), осла, каменнаго барана, антилопы (рога), медвѣди (кости), кабана (клыки), гиены и кости мелкихъ грызуновъ, а также скелеты рыбъ и отдѣльные зубы акулы, не продырявленные. Изъ сдѣланнаго нами выше перечисленія животныхъ, обитающихъ нынѣ въ Каменистой Аравіи, видно, что медвѣдь, осель, лошадь, кабанъ вовсе не живутъ нынѣ на полуостровѣ, а потому присутствіе ихъ костей рядомъ съ зубами акулы, скелетами рыбъ и раковинами представляетъ нѣкоторый интересъ.

Болѣе цѣлыхъ костей человѣческихъ найдено нами не было. Правда, во время своихъ странствованій по пустынямъ перешейка, мы встрѣчали много остововъ человѣческихъ, но то были остатки современныхъ людей, погибшихъ отъ зноя и безводія въ горячей пустынѣ, неимѣющіе значенія для доисторической антропологии. Гораздо важнѣе для насъ были находки жженныхъ костей человѣческихъ въ двухъ мегалитическихъ сооруженіяхъ Каменистой Аравіи — у менгира Цугераха и въ дольменѣ уади Рахи, о чемъ мы уже упо-

¹⁾ P. Broca. Recherches sur l'indice nasal: *Revue d'Anthropologie* 1872; *Topinard. Anthropologie.*

минали. Въ обоихъ случаяхъ форма нѣкоторыхъ остатковъ костей на столько была сохранена, что по ней можно было несомнѣнно констатировать, что это именно кости человѣка. Онѣ лежали вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ непла и углей; близъ дольмена Рахи были разбросаны и обломки разбитой глиняной посуды, подвергавшейся дѣйствию огня. Но въ виду того, что население Каменистой Аравіи было непостоянно и часто смѣнялось новыми волнами пришельцевъ изъ Азіи и Африки, нельзя еще допускать, на основаніи этихъ случаевъ, что именно здѣшніе первобытные обитатели сожигали своихъ покойниковъ.

Отъ остатковъ человѣческихъ перейдемъ теперь къ остаткамъ животныхъ. Мы уже упоминали не разъ о множествѣ раковинъ, найденныхъ нами и другими изслѣдователями въ разныхъ частяхъ Каменистой Аравіи; говорили также о копролитахъ и костяхъ пещеры Назбъ. Кости животныхъ мы находили еще въ двухъ пещерахъ — въ одномъ изъ вертеповъ уади Феранъ и въ одномъ изъ естественныхъ углубленій знаменитаго Накуса. Нѣсколько обломковъ встрѣчалось также и въ синайскихъ кухонныхъ остаткахъ. Въ пещерѣ уади Феранъ въ наше время лежала цѣлая груда костей животныхъ, среди которыхъ мы могли отличить кости быка, лошади, козла, верблюда, антилопы, гиены и нѣкоторыхъ мелкихъ животныхъ; было также нѣсколько зубовъ свиньи и какихъ-то хищниковъ; то же самое встрѣтили мы и въ пещерѣ Накуса. Кости животныхъ были до того раздроблены, что большинство ихъ трудно было опредѣлить; вполнѣ цѣлыми мы нашли только ноги лошади и черепъ верблюда, нѣсколько меньшій по величинѣ и съ болѣе выступающими нижнечелюстными костями, чѣмъ черепъ современнаго верблюда. Онъ, вѣроятно, принадлежалъ дикому верблуду, водившемуся въ пустыняхъ Аравіи, котораго помады ея употребляли въ пищу наравнѣ съ другими туземными животными, прежде, чѣмъ приучили его сдѣлаться „кораблемъ пустыни“.

Раздробленіе замѣчалось особенно на костяхъ трубчатыхъ, изъ которыхъ первобытный человѣкъ добывалъ самое лакомое блюдо — мозгъ. Для раздробленія служили, по всей вѣроятности, камни, которые обыкновенно и встрѣчаются вмѣстѣ съ раздробленными костями. Множество съѣдобныхъ раковинъ и рыбныхъ костей составляетъ необходимую часть большинства этихъ животныхъ остатковъ, которые можно считать вполнѣ аналогичными съ *kjökkenmoddings* сѣверной Европы, кухонными остатками другихъ народовъ.

Остановимся теперь на некоторых животных, кости которых встречаются в кухонных остатках и в костеносимых пещерах Каменистой Аравии. Вовсе не удивительно, что мы встречали кости верблюда, обитавшаго в дикомъ состояніи въ пустыняхъ Синайскаго полуострова, и кости осла, бывшаго испоконъ вѣку домашнимъ животнымъ Египта; тѣмъ не менѣе, фактъ нахождения костей этого животного вмѣстѣ съ костями лошади, неизвѣстной древнему Египту, заслуживаетъ некотораго обсуждения въ виду его значенія при изученіи древней культуры.

Ученый Ленорманъ замѣчаетъ, что изображенія ословъ встречаются на древнѣйшихъ монументахъ Египта ¹⁾; изъ надписей, относящихся ко времени IV-й династии, видно, что тамъ были богачи, обладавшіе даже тысячами ословъ. О существованіи же лошади памятники древняго Египта не даютъ указаній. Несмотря на могучую цивилизацію Египта, древніе обитатели Кели не приходили, значить, вовсе въ сношенія съ жителями Европы—Арійцами, у которыхъ лошадь была самымъ главнымъ домашнимъ животнымъ. Арійцы еще на своей прародинѣ приучили лошадь, а Семиты на берегахъ Нила — осла. Какимъ же образомъ въ пещерахъ Синайскаго полуострова кости лошади находятся вмѣстѣ съ костями осла? Для объясненія этого обстоятельства остается только предположить, что первобытные обитатели Каменистой Аравии, не имѣя сами домашнихъ животныхъ, получили отъ Семитовъ осла, а отъ Арійцевъ, съ которыми приходили, по всей вѣроятности, въ столкновеніе черезъ Моавію, имѣвшую живое сношеніе съ долинами Тигра и Евфрата, переняли лошадь. Въ этомъ возможномъ раннемъ сношеніи Синаитовъ съ Арійцами и Семитами могутъ крыться причины, по которымъ они уже издавна отличались отъ Египтянъ, несмотря на постоянное сношеніе съ ними.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о непогочисленныхъ предметахъ, найденныхъ нами въ пещерахъ Синайскаго полуострова. Объ угляхъ и нѣсколькихъ обломкахъ грубой глинной посуды уже упомянуто; по небольшимъ осколкамъ трудно судить о процвѣтаніи гончарнаго дѣла у здѣшняго древняго обитателя. Мы говорили также и о талисманѣ, найденномъ въ одномъ изъ мегалитическихъ сооружений — небольшомъ кускѣ краснаго камня съ красивыми бѣлыми и голубо-

¹⁾ *Lenormant. Les premières civilisations.* Только въ среднемъ періодѣ (моуен empire Маріетта), относящемся къ XV—XVII вв., цари пастыри привели лошадь въ Египетъ.

ватыми жилками. Другой камень, подобный первому, добытъ нашъ проводникъ въ одной изъ пещеръ Ферана вмѣстѣ съ раковинами и кремнями. Значеніе этихъ камешковъ мы выводимъ впрочемъ только изъ замѣченной страсти всѣхъ древнихъ народовъ къ талисманамъ всякаго рода и изъ того, что другое значеніе для этихъ красныхъ камешковъ предположить трудно. Вмѣстѣ съ первымъ камешкомъ была найдена и египетская монета. Двѣ другихъ монеты мы нашли на берегу Чермнаго моря недалеко отъ подножья Накуса. Находка эта недалеко отъ моря можетъ быть легко объяснена въ видѣ оживленной торговли, которую велъ Египетъ съ окружающими странами.

Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ нами, не относящихся впрочемъ къ доисторической антропологіи, надо упомянуть еще о двухъ масляныхъ лампочкахъ, типъ которыхъ хорошо знакомъ археологамъ Египта и особенно Палестины. Это глиняный сосудъ въ формѣ башмачка съ двумя отверстіями—однимъ большимъ на широкомъ концѣ лампочки для наливавія масла, и другимъ маленькимъ на носкѣ башмачка, служащимъ для вставленія свѣтильни. По наружной поверхности лампочки эти имѣютъ различные узоры. Одинъ изъ этихъ сосудовъ найденъ былъ въ пещерѣ уади Феранъ, быть можетъ, служившей кельею какому-нибудь благочестивому отшельнику изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Другая лампочка найдена была въ противоположной части Синайскаго полуострова въ каменной пещерѣ Акабинскихъ альпъ, недалеко отъ Терабина.

Въ этой послѣдней былъ найденъ также стеклянный сосудъ, напоминающій по формѣ колбочку; горлышко его на верхушкѣ было немного отбито. Работа сосуда очень изящна. Весь онъ былъ наполненъ какимъ-то веществомъ въ родѣ пепла, которое, къ сожалѣнію, не было подвергнуто нами химическому изслѣдованію.

Въ одной изъ пещеръ Эль-Тиха, известной подъ именемъ Чертовой-Эль-Дживъ, мы нашли цѣлую груду камней и два сосуда, той же формы, которая часто встрѣчается въ сосудахъ, находимыхъ въ Палестинѣ ¹⁾, а также въ раскопкахъ д-ра Шлимана на мѣстѣ древней Трои. Одинъ изъ нихъ представляетъ обыкновенную форму сосуда для возліянія вина на могилу покойника и для погребенія съ этимъ послѣднимъ, въ родѣ длиннаго узкаго меньшаго кувшина съ

¹⁾ Въ коллекціи палестинскихъ древностей о. архимандрита Антонина, настоятеля русской православной миссіи въ Иерусалимѣ, мы видѣли много подобныхъ сосудовъ. Есть также и стеклянные.

длиннымъ горлышкомъ и ручкою; другой же представляетъ типъ слезницъ, то-есть, сосуда въ формѣ колбочекъ съ горлышкомъ, передняя губа котораго вытянута въ видѣ жолоба для помѣщенія плачущаго глаза.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о памятникахъ, которые мы затрудняемся причислить къ какой-нибудь эпохѣ, хотя склопны относить ихъ къ остаткамъ древнѣйшей эпохи. Для того, чтобы поставить ихъ въ связь съ другими болѣе изученными фактами, скажемъ сперва о Синайскихъ надписяхъ, высѣченныхъ на каменныхъ стѣнахъ многихъ его уади.

Вѣроятно, каждый изъ археологовъ слышалъ о знаменитыхъ Синайскихъ надписяхъ. Начиная отъ Козьмы Индикоплова, въ VI в., каждый изъ путешественниковъ, хотя вскользь, упоминаетъ о нихъ; такъ поражаютъ онѣ взоръ своею таинственностью! Робинзонъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи ¹⁾, цитируетъ всѣхъ авторовъ, занимавшихся разъясненіемъ Синайскихъ надписей. Еще въ прошломъ столѣтіи путешественники Шококъ и Нибуръ начали списывать ихъ; труды ихъ дополнили Зетпенъ, Бурхгартъ и Грей, въ собраніе котораго вошло около 200 надписей. Въ 1850 г. Лоттэнъ-де-Леваль, изобрѣвшій особенный способъ скалькированія надписей, дополнилъ списокъ Грея множествомъ новыхъ текстовъ, пунктуально переданныхъ. Многие изъ нихъ списалъ преосв. Порфирій Успенскій.

Синайскія надписи суть начертанія на непонятномъ языкѣ и гieroглицами на скалахъ западной части полуострова. Онѣ встрѣчаются на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ монастырю съ запада, а потому большинствомъ изслѣдователей и ставятся въ зависимость отъ паломническихъ движеній къ библейскимъ святынямъ. По словамъ Робинзона, которая повторяетъ и Уманецъ и преосв. Порфирій, онѣ доходятъ даже по подошвы главнаго узла Синайскихъ горъ. Ихъ нѣтъ только на Джебель-Муса, Хоривъ и Пикъ св. Екатерины, хотя ближе лежащія вершины, какъ, напримѣръ, Сербаль, покрыты обильно надписями. На восточной сторонѣ Синая также не было найдено ни одного начертанія. Больше всего ихъ находится въ уади-Моккатебъ, получившей даже свое названіе „исписанной“ отъ этихъ таинственныхъ письменъ, покрывающихъ тысячами ея скалы.

Въ знакахъ, начертанныхъ на скалахъ Синайскихъ, опытившіе

¹⁾ Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia Petraea. By E. Robinson and E. Smith. London. 1871.

палеографы не могли еще вполне разобратъся. Одни въ нихъ видѣли письма древнихъ Евреевъ (Козьма Индикопловъ, Форстеръ), другіе (Генезіусъ), письма арамейскія или финикійскія, тогда какъ третьи находили въ нихъ сходство съ куфическими и пальмирскими литерами. Профессоръ Беръ увѣриетъ, наоборотъ, что они принадлежатъ къ языку Набатеевъ, древнихъ обитателей Каменистой Аравіи. Съ мнѣніемъ Бера соглашается Тухъ и преосв. Порфирій, который въ своей статьѣ „Письмена Киней Манааы на Синайскихъ утесахъ“, относитъ начертаніе этихъ надписей къ эпохѣ, предшествовавшей приходу Израилѣтянъ; начертали ихъ Киней, которые населяли прежде всѣхъ Синайскій полуостровъ; эти Киней были соплеменны съ Набатеями, обитавшими въ Петрѣ, такъ какъ на скалахъ послѣдней были найдены надписи, аналогичныя синайскимъ начертаніямъ. Преосв. Порфирій доказываетъ это ссылкой на Страбона и мѣстное преданіе Синаитовъ, повѣствующее о томъ, что нѣкто Феманъ, потомокъ Исавы, изобрѣлъ эти начертанія. Беръ, Тухъ и преосв. Порфирій приходятъ къ тому мнѣнію, что Синайскія надписи были начертаны поклонниками Синая, шедшими сюда съ незапамятныхъ временъ. Въ то время, какъ первые видятъ въ надписяхъ имена христіанскихъ поклонниковъ Сипая, преосв. Порфирій старается доказать, что эти паломники, начертавшіе свои имена на скалахъ Синая, были язычники—Набатей, приходившіе поклониться многоглавому Сербалю съ вершинами, посвященными солнцу, луиъ и пяти планетамъ. Воспоминаніе о культѣ Ваала или Баала сохранилось и въ самомъ арабскомъ названіи его. Но на нѣкоторыхъ скалахъ встрѣчаются несомнѣнно греческія буквы, очевидно позднѣйшаго написанія, и настоящіе египетскіе гіероглифы, какъ напримѣръ, на горѣ Сурабитъ-эль-Кадимъ, гдѣ находятся развалины египетскаго храма, открытаго Нибуромъ и изслѣдованнаго Лабордомъ, Линаномъ и Робинзономъ, а также въ уади Магара.

Не описывая подробно къ чему пришли ученые, изучавшіе Синайскія надписи, упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ этихъ знаковъ, имѣющихъ археологическое значеніе, независимо отъ содержанія надписей. Эти знаки суть простыя точки, или вѣрнѣе сказать, кружки большаго или меньшаго углубленія, которые можно замѣтить среди многихъ изъ этихъ надписей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они расположены группами, въ другихъ рядами. Они встрѣчаются также на нѣкоторыхъ поверженныхъ камняхъ, и тогда они дѣлаются до того похожими на ямки такъ-называемыхъ чашечныхъ камней, что невольно хочется признать ихъ тожество съ ними послѣдними. Въ этомъ,

впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ чашечные камни найдены не только въ Европѣ, но и въ Индіи, Алжирѣ, Мальтѣ, Египтѣ и Малой Азіи около Смирны ¹⁾.

Точно также ограничимся только указаніемъ и на другой знакъ, который мы, а вѣроятно и другіе, замѣчали въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди синайскихъ начертаній. Это есть знаменитая swastika Аріидцевъ, знакъ, состоящій изъ андреевскаго креста или прямаго, котораго каждый рогъ имѣетъ колѣно подъ прямымъ угломъ. Это колѣно можетъ имѣть вторичное колѣно и т. д. Направленіе этого колѣна всегда идетъ въ одну сторону у всѣхъ точекъ, и обыкновенно слѣва на право.

Знакъ этотъ, считаемый за обще-арійскій символъ огня, найденъ на многихъ арійскихъ памятникахъ. У Персовъ, Индусовъ, Троянцевъ, Пеласговъ, Кельтовъ, Германцевъ и даже Американцевъ, встрѣчаются таинственные изображенія свастики. Мы думаемъ видѣть его и на многихъ начертаніяхъ, высѣченныхъ на скалахъ Синайскаго полуострова. Правда, оно не всегда имѣетъ тамъ такую правильную форму, какую мы описали, но видоизмѣненіе свастики встрѣчается и на арійскихъ памятникахъ. Мы уже говорили выше, что одинъ изъ камней уади Нувбъ-Хеви, который мы считаемъ за мепгаръ, на нижнемъ своемъ концѣ имѣетъ изображеніе, похожее на таинственную свастикку. Теперь прибавимъ, что кресты съ загнутыми колѣнами мы видимъ на скалахъ Ферана и Моккатеба. Дать какое-нибудь объясненіе этому факту мы не рѣшася, но замѣтимъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, чтобы свастика Аріидцевъ могла появиться на скалахъ Каменистой Аравіи, жители которой были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Аріидцами, и даже съ настоящими Индусами и Малайцами.

¹⁾ Rivett Carnac. On some Ancient Sculpturings on Rocks in Kamaon etc. London. 1877; Flower. Internat. Cong. of prehist. Arch. 1868.

А. Елмѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О ВЛІЯННІ ГЕРМАНСКОГО И КЕЛЬТИЧЕСКОГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯНІЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ¹⁾.

V.

Монастыри являлись, какъ указано было нами въ предшествовавшемъ изложеніи, центромъ всей организаціи древне-ирландской церкви. Вслѣдствіе того и правила о монастырской дисциплинѣ приобрѣтають здѣсь особое значеніе. На континентѣ Европы правила эти примѣнялись только къ монашествующей братіи, на которую только и распространялась власть аббата. Не такъ было въ древней Ирландіи, гдѣ церковная юрисдикція принадлежала въ большинствѣ случаевъ не епископамъ, а монастырямъ и ихъ представителямъ, аббатамъ. Здѣсь прегрѣшенія мірянъ вѣдались аббатами, а епитиміи налагались на нихъ очень часто согласно съ установленными для монашествующей братіи правилами. Одинъ изъ ирландскихъ соборовъ прямо постановляетъ это относительно смертоубійцы. „Omnes homicidae—говорится въ этомъ соборномъ постановленіи,—si toto corde conversi fuerint, VII annorum penitentiam districte sub regula monasterii peniteant“ ²⁾. Это обстоятельство не могло не сообщить древне-ирландской покаянной системѣ чертъ, рѣзко отличающихъ ее отъ покаянной системы первоначальной церкви. Другою причиною различія древне-ирландскаго покаяннаго права отъ покаяннаго права вселенской церкви было то обстоятельство, что на воззрѣніи ирланд-

¹⁾ *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Wasserschleben*, Die irische Kanonensammlung (Giessen. 1874), 114.

скаго духовенства на существо покаянія вслѣдствіе причинъ, которыя указаны будто ниже, съ самаго начала распространенія христіанства въ Ирландіи стали вліять національныя кельтическія правовыя идеи. Задача послѣдующаго изложенія будетъ состоять въ указаніи того, какимъ образомъ покаянная система приняла въ Ирландіи, въ силу указанныхъ причинъ и обстоятельствъ, тотъ своеобразный обликъ, съ которымъ мы знакомимся въ памятникахъ ирландскаго покаяннаго права.

Главными церковными взысканіями въ первоначальной церкви было, какъ указано выше, отлученіе и публичное покаяніе. Въ ирландской церкви отлученіе практикуется въ очень рѣдкихъ случаяхъ ¹⁾, публичное же покаяніе совсѣмъ не примѣняется ²⁾. Преобладающее значеніе получаетъ такъ-называемое частное покаяніе, состоящее въ совершеніи кающимся отдѣльныхъ благочестивыхъ покаянныхъ дѣлъ, налагаемыхъ на него священникомъ послѣ тайной исповѣди. Священникъ старался во всѣхъ частностяхъ ознакомиться съ прегрѣшеніями кающагося, тщательно, если можно такъ выразиться, взвѣшивалъ тяжесть этихъ прегрѣшеній и назначалъ такія благочестивыя покаянныя дѣла и упражненія, которыя считалъ эквивалентомъ грѣховныхъ дѣяній, и которыя, слѣдовательно, по воззрѣніямъ того времени, могли погасить грѣхъ. Руководствомъ при назначеніи подобныхъ епитимій служили священникамъ, какъ покаянныя каноны древне-ирландскихъ соборовъ, такъ и сборники покаянныхъ правилъ, такъ-называемыя пенитенціалы, составленныя аббатами, епископами и другими благочестивыми мужами, преимущественно изъ монаховъ. Въ этихъ пенитенціалахъ епитиміи были точно опредѣлены, какъ качественно, такъ и количественно. Повсюду мы встрѣчаемся въ нихъ съ положеніями о томъ, на сколько должны быть продолжительны, и въ

¹⁾ Большею частью только тогда, когда назначенныя предварительно прегрѣшившему епитиміи оказывались недостаточными, чтобы побудить его къ раскаянію и обращенію на путь истинны. Сравни. Praefatio Gildae de Penitentia (*Wasserschleben*, Bussordnungen, 107) § 17... et si idem fecerit, abscidatur a corpore (sc. ecclesiae) sicut membrum putredum. Пенитенціалы цитируются нами по великолѣпному изданію *Вассершлебена*: Die Bussordnungen der abendländischen Kirche.

²⁾ Въ наукѣ высказывалось иногда противоположное изложенію въ текстѣ воззрѣніе, но доводы, приводимыя нѣкоторыми учеными въ пользу существованія въ древней Ирландіи публичнаго покаянія, основательно опровергнуты въ новѣйшее время *Лениномъ* (*Geschichte des Kirchenrechts*, II, 471, Anmerk. 2).

чемъ должны состоять благочестивыя покаянныя упражненія, налагаемыя въ воздаяніе за тотъ или другой грѣхъ. Равнымъ образомъ, вездѣ высказывается мысль, что для искупленія извѣстнаго прегрѣшенія необходима извѣстная, точно опредѣленная и являющаяся какъ бы эквивалентомъ этого прегрѣшенія епитимія. Извѣстное количество лишений и страданій начинаетъ признаваться необходимымъ для того, чтобы загладить вину и дать должное удовлетвореніе Богу, оскорбленному совершеннымъ прегрѣшеніемъ. При этомъ ограниченіе чувственныхъ удовольствій, лишеніе себя земныхъ благъ въ пользу богоугодныхъ учрежденій и бѣдныхъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ покаянныя благочестивыя дѣла, которыя разсматривались прежде главнымъ образомъ только какъ внѣшнія проявленія внутренняго перерожденія, совершающагося въ душѣ грѣшника, какъ внѣшніе знаки торжества духа надъ плотью и присущимъ ей грѣховнымъ началомъ, получаютъ теперь значеніе наказаній, самостоятельно погашающихъ грѣхъ.

Сказаннымъ мы отнюдь не желаемъ утверждать, чтобы только что упомянутое воззрѣніе на покаяніе вообще и на благочестивыя покаянныя дѣла въ частности составляло такую особенность древне-ирландской церкви, съ которою не встрѣчалось бы ничего аналогичнаго въ церкви первоначальной. Напротивъ того, намъ хорошо извѣстно (какъ легко можно убѣдиться изъ предшествовавшего изслѣдованія), что уже въ первоначальной покаянной системѣ карательное начало получило извѣстное развитіе, а благочестивыя покаянныя дѣйствія приобрѣли относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній, а именно относительно такъ-называемыхъ *delicta quotidiana incursionis*, значеніе наказаній, самостоятельно погашающихъ грѣхъ. Слѣдовательно, аналогичныя явленія были и въ церкви первоначальной, но только значеніе этихъ явленій было совсѣмъ иное. Карательное начало не сдѣлалось преобладающимъ элементомъ въ покаянной системѣ первоначальной церкви, а покаянныя дѣла приобрѣли вполнѣ самостоятельное значеніе только относительно наименѣе важнаго разряда грѣховныхъ дѣлъ. А въ церкви Ирландской, какъ мы только что видѣли, было совсѣмъ иначе: карательное начало является здѣсь преобладающимъ элементомъ покаянной системы, а отдѣльныя благочестивыя покаянныя дѣла приобретаютъ самостоятельное значеніе относительно всѣхъ разрядовъ грѣховныхъ дѣяній, какъ тяжкихъ, такъ и легкихъ.

Причиною подобнаго измѣненія характера покаянной системы было, какъ мы указали выше, то обстоятельство, что покаянныя правила древне-ирландской церкви воспріяли свое начало въ монастыряхъ,

предназначены были первоначально для монаховъ, и только потомъ уже начали примѣняться и къ прегрѣшеніямъ мірянъ. Въ монастыряхъ публичное покаяніе рано вышло изъ употребленія. Это церковное взыскаііе назначалось въ первоначальной церкви епископами. Монастыри же постоянно стремились освободиться отъ непосредственнаго подчиненія власти епископовъ. Поддержаніе дисциплины въ монастыряхъ принадлежало преимущественно главѣ монастырской общины, аббату. Передъ нимъ монахи должны были исповѣдываться во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ, какъ легкихъ, такъ и тяжелыхъ, а онъ долженъ былъ, тщательно взвѣсивъ каждое прегрѣшеніе, опредѣлить за оное соотвѣтствующее дисциплинарное взыскаііе. Такимъ образомъ церковно-дисциплинарная власть епископа замѣнена была фактически относительно монаховъ властью аббата, такъ какъ и тяжкія прегрѣшенія монаховъ рѣдко дѣлались извѣстными внѣ стѣнъ монастыря. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда аббатъ самъ желалъ вмѣшательства епископа, или когда монахъ изгонялся изъ монастыря, становилось возможнымъ примѣненіе отлученія и публичнаго покаянія къ члену монастырской общины. Въ большинствѣ же случаевъ для монаховъ древнія церковныя взыскаііа замѣнялись частнымъ покаяніемъ, назначаемымъ аббатомъ послѣ тайной исповѣди, сдѣлавшейся обязательною для всей монашескующей братіи. На континентѣ Европы эта замѣна древнихъ церковныхъ взыскаііей, частнымъ покаяніемъ и установленіе обязательности тайной исповѣди имѣли мѣсто только относительно монастырскихъ общинъ, относительно же мірянъ продолжали дѣйствовать и въ VI столѣтія древнія покаянныя правила. По прежнему явныя и тяжкія прегрѣшенія влекли за собою отлученіе отъ церкви, при чемъ воссоединеніе могло быть достигнуто только путемъ публичнаго покаянія, а легкіе и тайныя грѣхи искупались молитвою, подаяніемъ и другими добрыми дѣлами¹⁾. Но въ Ирландской церкви, гдѣ монастыри получили юрисдикцію надъ мірянами, то, что было обязательно для монаховъ, стало обязательнымъ и для мірянъ. А именно, и для сихъ послѣднихъ признана была необходимою исповѣдь передъ священникомъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ наложеніе частной епитиміи. Вотъ почему публичное покаяніе исчезло изъ практики Ирландской церкви, а равнымъ образомъ и изъ практики церкви Британской, гдѣ, хотя епископы и имѣли большее сравнительно съ ир-

¹⁾ См. приведенное *Ленингомъ* (*Geschichte des Kirchenrechts* 470, Anmerk. 2) мѣсто изъ твореній Цезарія Арльскаго.

ландскими значеніе, но монастырское вліяніе все-таки было весьма значительно. При этомъ не слѣдуетъ упускать, равнымъ образомъ, изъ виду, что частное покаяніе гораздо болѣе соотвѣтствовало духу новообращенныхъ племенъ, чѣмъ покаяніе публичное: сіе послѣднее не могло быть усвоено церковнымъ кельтическимъ правомъ уже потому, что новообращенному Кельту необходимо должны были показаться унизительными и нестерпимыми тѣ церемоніи, которыми оно сопровождалось ¹⁾. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и дальнѣйшій успѣхъ частнаго покаянія въ ущербъ покаянію публичному у остальныхъ народовъ средневѣковой Европы, которыхъ въ послѣдствіи ирландскіе, британскіе и шотландскіе миссіонеры познакомили съ своею покаянною системою.

Такимъ образомъ, замѣна публичнаго покаянія тайною исповѣдью и частнымъ покаяніемъ объясняется заимствованіемъ покаянныхъ правилъ для мірянъ изъ монастырскихъ покаянныхъ правилъ и болѣшимъ соотвѣтствіемъ частнаго покаянія національному духу новообращенныхъ племенъ.

Въ то же самое время, мы видѣли, что отдѣльныя благочестивыя покаянныя дѣла пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе относительно всѣхъ разрядовъ грѣховныхъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ въ первоначальной церкви только болѣе легкія прегрѣшенія искупались добрыми дѣлами, въ церкви Ирландской всѣ прегрѣшенія, какъ легкія, такъ и самыя тяжкія, могли быть, если такъ можно выразиться, погашены извѣстною мѣрою добрыхъ дѣлъ и благочестивыхъ упражненій. Прегрѣшившій, послѣ отбытія опредѣленной ему епитиміи, разсматриваемой въ памятникахъ ирландскаго каноническаго права какъ наказаніе въ полномъ смыслѣ этого слова, считался вполне свободнымъ отъ грѣха, такъ какъ онъ далъ удовлетвореніе разгнѣванному его проступкомъ Богу. Чѣмъ же объясняется подобное крайнее разви-

¹⁾ *Ленингъ* совершенно отвергаетъ значеніе сего послѣдняго обстоятельства (Gesch. des Kirchenrechts, II, 473. Anmerk. 1), но, по нашему мнѣнію, безъ основательныхъ доводовъ. Намъ кажется, что большее соотвѣтствіе частнаго покаянія національному духу новообращенныхъ племенъ имѣло значительное вліяніе при замѣнѣ публичнаго покаянія частнымъ. Не безъ основанія можно предположить, что именно въ виду этого обстоятельства римскіе миссіонеры, проповѣдывавшіе слово Божіе у Англо-Саксовъ, имели у сего послѣдняго племени не публичное покаяніе, практиковавшееся въ Римской церкви, а частное покаяніе церкви Британской, не смотря на то, что они были съ сего послѣдняго церковью во враждебныхъ отношеніяхъ.

тіе формализма въ покаянной системѣ древней Ирландіи? Мы видѣли, что древне-еврейская покаянная система представляла аналогичныя черты: формальное начало проявлялось вслѣдствіе вліянія ветхозавѣтныхъ идей и въ покаянной системѣ первоначальной церкви, но не получило здѣсь преобладающаго значенія, такъ какъ, согласно ученію Христа Спасителя, ненарушимо сохранявшемуся первоначальной церковью, при нравственной оцѣнкѣ человѣка обращалось вниманіе не на важнѣйшія дѣйствія, а главнымъ образомъ на внутреннее настроеніе. Только въ монастыряхъ ветхозавѣтныя воззрѣнія пріобрѣли въ извѣстной степени перевѣсъ надъ идеями новозавѣтными. Цѣль земнаго существованія отшельники и монахи полагали въ непрестанной борьбѣ съ плотію и присущимъ ей грѣховнымъ началомъ посредствомъ умерщвленія плоти постомъ и другими благочестивыми упражненіями. Эти благочестивыя упражненія мало по малу пріобрѣтають въ монастырской жизни значеніе самостоятельныхъ заслугъ передъ Богомъ. Съ теченіемъ времени развивается воззрѣніе, что подобными заслугами могутъ быть уравниваемы проступки противъ Бога, а потому аббаты и предписываютъ исповѣдывающимся у нихъ монахамъ совершеніе извѣстныхъ благочестивыхъ упражненій и добрыхъ дѣлъ въ воздаяніе за прегрѣшенія и для погашенія сихъ послѣднихъ. Даже злыя мысли должны быть искуплены благочестивыми упражненіями. „Si quis clericus — читаемъ въ пенитенціалѣ Виная, *concupiscit virginem aut feminam aliquam in animo suo, sed non dixit per labia, semel tantum concupivit, debet penitere VII dies cum pane et aqua per mesuram* ¹⁾). Такимъ образомъ, сообразно съ градаціей прегрѣшеній устанавливается градація церковныхъ наказаній, состоящихъ преимущественно въ совершеніи извѣстнаго рода благочестивыхъ упражненій, въ большинствѣ случаевъ подробно опредѣленныхъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, монастырскими покаянными правилами. По истинѣ замѣчательно, въ какія подробности входятъ при установленіи пенитенціи эти покаянныя правила. Такъ напримѣръ, въ такъ-называемомъ *praefatio Gildae de penitentia*, ирландскомъ пенитенціалѣ VI в., пресвитерамъ и діаконамъ, совершившимъ послѣ принесенія обѣтовъ монашества естественное или же содомское блудодѣланіе, назначается покаяніе въ три года, а затѣмъ въ мельчайшихъ подробностяхъ указывается, какъ они должны отбывать это покаяніе. Поститься должны они въ каждой недѣлѣ болѣе дней, чѣмъ

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen, 111.*

остальные вѣрующіе, за исключеніемъ 50 дней послѣ Пасхи; вкушать могутъ они только извѣстную, точно опредѣленную самимъ правиломъ пищу и пить извѣстную только мѣру питья. Далѣе, спать предписывается имъ на ложѣ, состоящемъ изъ не толстаго слоя сѣна. Наконецъ, кающимся рекомендуется во время трехъ такъ-называемыхъ четырехдесятницъ (*quadagesimae*) усиловать по собственному усмотрѣнію строгость поста, на сколько хватить у нихъ усердія и силъ ¹⁾. Точное исполненіе наложенной епитиміи считалось необходимымъ для погашенія прегрѣшенія и оправданія прегрѣшившаго. Въ особенности достигающими подобной дѣли считались такіа епитиміи, которыя состояли въ благочестивыхъ дѣлахъ, какъ разъ по природѣ своей противоположныхъ тому дѣянію, которымъ кающійся нарушилъ велѣнія церкви и оскорбилъ Бога. „*Si quis autem clericus—*говорится въ пенитенціалѣ Виная — *avarus fuerit, crimen hoc magnum est, avaritia idolatria nuncupatur, sed largitate et elemosinis emendatur. Haec est penitentia ejus criminis, ut e contrariis contraria curet et emendet.*“

Эти ветхозавѣтныя воззрѣнія, получившія въ монастыряхъ, въ силу указанныхъ выше обстоятельствъ, преобладающее значеніе, перешли въ Ирландіи изъ монастырскихъ въ обще-церковныя пенитенціалы, предназначенныя какъ для монаховъ и клириковъ, такъ и для мірянъ. Объясняется это тѣмъ значеніемъ монастырей въ древне-ирландской церковной организаціи, о которомъ мы говорили выше. Кромѣ того, только что указанныя воззрѣнія на покаяніе, какъ на возмездіе за содѣянное и какъ удовлетвореніе разгнѣванному божеству, ближе были пониманію новообращенныхъ Кельтовъ, чѣмъ то высоко-нравственное воззрѣніе, которое преобладало въ первоначальной церкви и такъ ясно и отчетливо выразилось въ твореніяхъ отцевъ и великихъ учителей III, IV и V вѣковъ. Полное пониманіе значенія внутренняго перерожденія при посредствѣ божественной благодати требовало болѣе высокаго нравственнаго и умственнаго развитія, чѣмъ то, какимъ обладали въ рассматриваемое время новообращенныя кельтскія племена. Гораздо понятнѣе была для нихъ идея воздаянія. Эта идея господствовала въ ихъ свѣтскомъ правѣ, гдѣ обидчикъ долженъ былъ вознаграждать обиженнаго или его родичей, дать извѣстное удовлетвореніе, извѣстный выкупъ за нарушенное право. Грѣхъ рассматривается какъ нарушеніе тѣхъ правъ, которыя при-сущи Богу относительно людей. Поэтому, подобно тому, какъ нару-

¹⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen p. 150.

шившій права своего соплеменника долженъ дать ему или его родичамъ извѣстный выкупъ, чтобы не подпасть мести, нарушившій права Бога долженъ дать Богу такъ же извѣстное удовлетвореніе, чтобы не подпасть справедливому возмездію въ загробной жизни ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ основѣ обѣихъ карательныхъ системъ, какъ свѣтской такъ и церковной, лежало одно и то же начало. Вотъ почему съ теченіемъ времени между этими системами установилась безъ особыхъ затрудненій близкая связь, при чемъ одна система стала восполняться другою. Этому способствовало также и то обстоятельство, что свѣтскій и церковный суды очень часто отправлялись одними и тѣми же органами. А именно, въ тѣ времена, когда христіанство стало распространяться въ Ирландіи, у кельтическихъ племенъ, населявшихъ эту страну и не перешедшихъ еще отъ родовой къ политической организаціи общества, не существовало правильно организованной судебной власти. Для разбора тяжбныхъ дѣлъ прибѣгали обыкновенно къ брегонамъ,—такъ назывался классъ свѣдущихъ въ правѣ людей,—рѣшенія которыхъ имѣли значеніе третейскаго приговора. Послѣ принятія христіанства монастырскія общины пріобрѣтаютъ въ глазахъ народа равный авторитетъ съ такъ-называемыми родами или школами брегоновъ. Къ ихъ третейскому суду начинаютъ прибѣгать и въ тяжбахъ свѣтскаго права. Монахи, съ одной стороны, близко знакомые съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что монастырскія общины, какъ мы видѣли выше, обыкновенно пополнялись членами того рода или племени, на землѣ котораго построенъ былъ монастырь, а съ другой стороны гораздо болѣе образованные чѣмъ міряне, внушали къ себѣ полное довѣріе тяжущихся. Кромѣ того, къ ихъ суду обращались еще тѣмъ охотнѣе, что приговоры ихъ, въ силу того, что были облечены религіознымъ авторитетомъ, имѣли болѣе гарантій относительно исполненія, чѣмъ приговоры свѣтскихъ лицъ. Какъ часто прибѣгали къ суду духовенства, и какъ развита была эта юрисдикція церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, видно изъ того, что въ канонахъ Ирландскихъ соборовъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ положеній, нормирующихъ отношенія свѣтскаго права, и очевидно предназначенныхъ для руководства духовнымъ судьямъ при разборѣ ими свѣтскихъ дѣлъ. Такъ, до насъ дошли соборныя постановленія о вознагражденіи за вредъ, причиненный собаками, а равнымъ образомъ и за убіеніе безъ при-

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen*, 113.

чины сторожевыхъ собакъ ¹⁾). Въ свою очередь и вѣщатели свѣтскаго права, брегоны, принимали иногда участіе въ соборахъ духовенства, при чемъ вмѣстѣ съ духовными лицами обозначались однимъ общимъ наименованіемъ „sapientes“. Вообще между духовенствомъ и сословіемъ брегоновъ существовала близкая связь. Это видно, напримѣръ, изъ того, что съ цѣлю предоставить церкви различныя льготы, брегоны въ своихъ трактатахъ о правѣ нерѣдко допускаютъ важныя отклоненія отъ обычно-правовыхъ основъ. Такъ, брегонъ, составитель той части Великой книги древняго закона, которая извѣстна подъ названіемъ „Cogus Bespa“, въ значительной степени расширяетъ право родового старшины распоряжаться родовымъ имуществомъ, въ случаѣ, если это распоряженіе дѣлается въ пользу церкви. Въ виду этого, трудно предположить, чтобы брегоны противились развитію юрисдикціи церкви. И въ дѣйствительности, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы подобное сопротивленіе когда-либо имѣло мѣсто. Равнымъ образомъ, духовенство съ своей стороны всегда предоставляло на волю тяжущихся, къ какому суду они желали обратиться, къ свѣтскому или церковному. „Si autem laicus fuerit, читаемъ въ пенитенціалѣ Винніа, XL dierum penitent et det qui percutit, quantum arbitratus fuerit sacerdos aut justus quisquam“ ²⁾). Эта упрочившаяся юрисдикція церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ не могла не имѣть вліянія на дальнѣйшее развитіе покаянной системы. И въ самомъ дѣлѣ, духовный судья, въ большинствѣ случаевъ долженствовавшій назначить и пеню свѣтскаго права за то самое дѣяніе, за которое онъ самъ только что назначилъ епитимію, не могъ не привыкнуть смотрѣть на пеню и на епитимію съ одной и той же точки зрѣнія. Въ его глазахъ и пеня и епитимія стали имѣть одну общую цѣль, одно общее значеніе: доставить удовлетвореніе за содѣянную неправду. Отсюда къ замѣнѣ пени епитиміей и епитиміи пеней всего одинъ шагъ, и этотъ шагъ въ дѣйствительности и былъ сдѣланъ. Изъ одного соборнаго постановленія видно, что за преступленіе могла быть назначена или пеня, или епитимія. „Omnis qui ausus fuerit, читаемъ въ этомъ соборномъ постановленіи, ea quae sunt regis vel episcopi aut scribe furari aut rapere aut aliquod in eos committere,

¹⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 142. Appendix V. De canibus sinodus sapientium, а такъ же *Irische Kanonensammlung*. Liber LIII, Cap. 5, 6 и 8. p. 244.

²⁾ *Wassersehleben*, Bussordnungen, 110.

parvipendeus dispicere, VII ancillarum pretium ¹⁾ reddat aut VII annis peniteat cum episco po vel scriba" ²⁾).

Такимъ образомъ, включены были въ число церковныхъ взысканій денежныя пени, которыми признано было возможнымъ замѣнять другіе виды пенитенцій. Эта замѣна не должна была казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ уже потому, что и древнія пенитенціи могли замѣняться одна другой. Для сей послѣдней замѣны выработались очень рано подробныя правила, цѣлый сборникъ которыхъ дошелъ до насъ подъ заглавіемъ „de argeis" ³⁾ incipit". Посредствомъ ознакомленія съ содержаніемъ этого сборника мы лучше всего можемъ уразумѣть тѣ соображенія, которыя руководили духовенствомъ при допущеніи подобнаго рода замѣнъ. Основнымъ видомъ покаянія является здѣсь постъ. Въ воздаяніе за различныя прегрѣшенія назначается постъ въ нѣсколько лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль и дней. Положенія, заключающіяся въ нашемъ сборникѣ, имѣютъ въ виду опредѣлить, чѣмъ можетъ быть замѣненъ годъ поста. Самой простой замѣной является постъ, продолжающійся болѣе короткое время, но при этомъ болѣе строгій. Чѣмъ строже постъ, тѣмъ короче можетъ быть срокъ ⁴⁾. Съ постомъ могутъ быть соединены другіе способы умерщвленія плоти, какъ, напр., полное лишеніе сна, пѣніе значительнаго числа псалмовъ, учиненіе значительнаго числа земныхъ поклоновъ и т. д. Въ такомъ случаѣ срокъ покаянія могъ быть еще сокращенъ. При доведеніи суровости покаянія до крайнихъ предѣловъ, можно было отбыть въ три дня покаяніе, состоявшее въ годѣ обыкновеннаго поста ⁵⁾. Увеличеніе строгости поста могло быть въ свою очередь замѣнено извѣстнымъ числомъ поклоновъ и псалмовъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ древней Ирландіи мѣриломъ цѣнности была стоимость рабыни (cumhal древне-ирландскыхъ правовыхъ памятниковъ).

²⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen 141. Это постановленіе приписывается св. Патривію, но едва-ли съ достаточнымъ основаніемъ.

³⁾ Argeum означаетъ впитимію, которою замѣнена другая впитимія.

⁴⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 139. Argeum anni XII dies et noctes super XII bucellos (то же самое, что французское bouché, то-есть такой кусокъ хлѣба, который можно откусить за разъ) de tribus panibus (Can. 5)...

⁵⁾ *Wasserschleben*, C. C. Argeum anni triduannum cum mortuo sancto in sepulchro sine cibo et putu et sine somno, sed cum vestimento circa se et cantatione psalorum et oratione horarum per confessionem et votum sacerdoti (Can. 3). Ср. также can. 4, гдѣ кающійся обрекается еще на постоянное стояніе (sine sede) въ теченіе 3 дней.

⁶⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 139 Can. 1.

Вникая глубже въ смыслъ только что приведенныхъ постановленій, мы приходимъ къ убѣжденію, что замѣна одной пенитенціи другою допущена была въ виду слѣдующихъ соображеній. Существо покаянія полагалось въ причиненіи прегрѣшившему извѣстной дозы лишеній и страданій. Эта доза считалась необходимой для того, чтобы загладить грѣховное дѣяніе. Но, при этомъ признавалось безразличнымъ, будетъ ли въ предписанномъ умерщвленіи плоти преобладать, если можно такъ выразиться, интенсивный или экстенсивный характеръ. Равнозначущимъ считалось назначить короткій срокъ и суровый способъ умерщвленія плоти, или же долгій срокъ и менѣе суровый способъ. Такимъ образомъ, замѣна одной пенитенціи другою вошла въ постоянную практику древне-ирландской церкви. Вотъ почему, когда сочли желательнымъ замѣнить древнія пенитенціи не только одну другою, но и денежными пенями, заимствованными изъ свѣтскаго обычнаго права, то это, какъ замѣчено было нами выше, никому не могло показаться чѣмъ то необыкновеннымъ. Къ тому же новое церковное взысканіе по существу своему мало чѣмъ отличалось отъ древнихъ пенитенцій, вполне усвоившихъ себѣ характеръ воздаянія за содѣянное. Наконецъ, и здѣсь нововведеніе приведено было въ извѣстную связь съ тѣмъ, что искони существовало въ церкви. Между благочестивыми покаянными дѣлами, которыя рекомендовались грѣшникамъ, желавшимъ примириться съ церковью, видное мѣсто занимали милостыни бѣднымъ и пожертвованія въ пользу церкви, на которыя церковь содержала служителей алтаря и различныя богоугодныя учрежденія. Мы видѣли, что по возвращеніямъ, высказавшимся въ памфлетахъ IV и V вѣковъ ¹⁾, эти милостыни и эти пожертвованія искупали собою такъ-называемые *peccata minuta*, то-есть менѣе тяжкіе грѣхи. Кроме того, признавалось необходимымъ, чтобы ими сопровождалось публичное покаяніе за тяжкіе грѣхи, и даже у нѣкоторыхъ писателей высказывалось возвращеніе, что они въ извѣстной степени имѣютъ самостоятельное значеніе даже при искупленіи тяжкихъ грѣховъ. Такимъ образомъ, хотя денежные пени и были заимствованы изъ свѣтскаго права, тѣмъ не менѣе онѣ нашли въ правѣ самой церкви подготовленную почву: то значеніе, которое милостыни и пожертвованія имѣли при покаяніи, въ особенности при покаяніи

¹⁾ Эти возвращенія подробно изложены были нами въ очеркъ системы общихъ церковныхъ взысканій первоначальной церкви, такъ что мы считаемъ излишнимъ останавливаться здѣсь на подробномъ разборѣ оныхъ.

за такъ-называемые *reccata minuta*, освоило тогдашнее человѣчество съ мыслью, что грѣхи могутъ искупаться деньгами, если эти деньги предназначаются на богоугодныя дѣла¹⁾. А денежные пени, взимающіяся церковью, шли на содержаніе служителей Божіихъ и на дѣла благотворенія.

Денежныя пени, будучи разъ включены въ систему церковныхъ взыскацій, стали, несомнѣнно, весьма часто примѣняться на практикѣ. Составлены были сборники положеній о замѣнѣ денежными пенями древнихъ епитимій. Сборники эти не дошли до насъ, но мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство о ихъ существованіи. Въ пенитенціалѣ англо-саксонскаго архіепископа Теодора Кентерберійскаго мы встрѣчаемся съ замѣной для большихъ одной изъ пенитенцій денежною пенею, при чемъ указывается на то, что эта замѣна заимствована „*de libello Scottorum*“, то-есть изъ ирландскаго пенитенціала²⁾.

Съ этими денежными пенями, включенными въ систему пенитенцій и назначавшимися священниками послѣ исповѣди въ воздаяніе за извѣстное грѣховное дѣяніе, не слѣдуетъ смѣшивать, что касается первыхъ временъ исторіи ирландской церкви, другаго рода денежныхъ пеней, взимаемыхъ церковью. Я подразумеваю здѣсь тѣ денежные пени, которыя слѣдовали отдѣльнымъ церковнымъ общинамъ за нарушеніе тѣхъ правъ, которыя были предоставлены этимъ общинамъ, какъ таковымъ, договорами съ родами, на земли которыхъ строились церкви, или же съ племенами цѣлой провинціи. Сюда относятся также и тѣ выкупы, которые платились за убіеніе лицъ, принадлежащихъ къ духовному званію, и за иные противъ нихъ проступки. Хотя эти пени и установлены были на соборахъ, тѣмъ не менѣе онѣ, несомнѣнно, относятся, равнымъ образомъ какъ и установленныя одновременно съ ними публичныя наказанія за нарушеніе правъ церковныхъ общинъ и властей, къ системѣ свѣтскаго, а не церковнаго уголовного права. Этими денежными пенями и этими на-

¹⁾ Такое же значеніе имѣла и милостыня и въ древне-ирландской пенитенціальной системѣ. Срав. *Wasserschleben*, *Bussordnungen*, 116.

²⁾ *Poenitentiale Theodori*, VII, 5. (*Wasserschleben*, *Bussordnungen*, 191): *Item, XII triduana pro anno pensanda, Theodorus laudavit. De aegris quoque pretium viri vel ancillae pro anno, vel dimidium omnium quae possidet dare.... Ista testimonia sunt de eo, quod in prefatione diximus de libello Scottorum.* У англо-саксонскихъ писателей терминомъ *Scotti* обыкновенно обозначаются Ирландцы, слѣдовательно *libellus Scottorum* обозначаетъ здѣсь ирландскій пенитенціалъ.

казаніями церковныя общины и церковныя власти ограждаются въ своихъ правахъ подобно тому, какъ ими ограждаются остальные общины и остальные власти. Что эти наказанія и пени установлены были соборами, не имѣетъ здѣсь рѣшающаго значенія по той уже простой причинѣ, что на соборы въ Ирландіи сходились не только духовныя власти, но и представители племенъ и общинъ для совѣщанія съ духовенствомъ объ опредѣленіи внѣшнихъ отношеній церкви, и что, слѣдовательно, соборными постановленіями не только регулировались внутреннія дѣла церкви, но и устанавливались соглашенія о внѣшнемъ церковномъ мирѣ, то-есть, о гарантіяхъ правъ церковныхъ общинъ и церковныхъ властей противъ нарушеній извнѣ. Сборникъ подобныхъ соборныхъ постановленій дошелъ до насъ и изданъ Вассершлебеномъ въ его *Bussordnungen der abendlaendischen Kirche* (р. 140. Appendix III. *Synodus Hibernensis decrevit*). Изъ этого сборника мы видимъ, что за преступленія противъ церковныхъ властей назначены были строгія наказанія, какъ на примѣръ, расцѣпленіе или отсѣченіе рукъ, которыя въ свою очередь могли выкупаться денежными пенями. Точно такъ же ограждены были права церкви и въ Валлисѣ, какъ видно изъ положеній древнихъ валлійскихъ законовъ, находящихся въ сборникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „*judicium culpratum*“, и предназначенномъ, по всей вѣроятности, для практики духовныхъ судовъ ¹⁾. „*Si quis, читаемъ въ этомъ сборникѣ, ante ecclesiam litem fecerit, argenti libram unam cogitur exsolvere, et hoc aegentibus elemosina feneretur*“ ²⁾. Равнымъ образомъ, и ударившій другаго хлыстомъ передъ церковью долженъ былъ заплатить пеню церкви за нарушеніе церковнаго мира, и пеня эта шла на милостыню бѣднымъ. Съ теченіемъ времени эти денежныя пени, поступавшія въ церковь на основаніи свѣтскаго права, стали смѣшиваться съ денежными пенями, которыми замѣнялись епитиміи. Произошло это отъ той причины, что эти пени нерѣдко назначались тѣми же духовными властями, которыя назначали и денежныя пени, замѣнявшія собою епитиміи. Вслѣдствіе этого, различіе этихъ двухъ видовъ пеней, основанное на различномъ ихъ происхожденіи и значеніи, было забыто, и оба вида слились въ одну общую систему денежныхъ пеней, назначаемыхъ церковью и идущихъ въ большинствѣ случаевъ въ ея пользу. Вотъ какимъ образомъ и денежныя пени за

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen, 124.*

²⁾ *Wasserschleben, 133.*

нарушенія церковнаго мира включены были въ составъ церковныхъ каръ и покаяній. Это не мало способствовало усиленію карательнаго элемента въ этой системѣ. Различіе между понятіемъ кары и понятіемъ пенитенціи не остановилось, а, напротивъ того, всё пенитенціи, какъ мы видѣли выше, подведены были подъ понятіе кары.

Таковы были главнѣйшія общія церковныя взысканія древне-ирландской и древне-британской церкви. Кромѣ нихъ встрѣчаются еще, хотя и не такъ часто, постриженіе въ монахи или отдача въ монастырь, изгнаніе изъ предѣловъ родины и возложеніе на прегрѣшившаго обязанности дать милостыню бѣднымъ или отпустить раба или рабыню на волю. Отдача въ монастырь встрѣчается только въ покаянныхъ канонахъ древне-британской церкви: ирландскимъ пенитенціаламъ она неизвѣстна. Тѣмъ не менѣе на нее необходимо обратить вниманіе въ виду того значенія, которое она приобрѣла впоследствии въ церковномъ правѣ другихъ европейскихъ странъ, куда она принесена была британскими миссіонерами. Назначалась она за самыя тяжкія прегрѣшенія изъ числа плотскихъ и равносильна была пожизненному покаянію, состоявшему въ постоянномъ умерщвленіи плоти различными способами и въ полномъ отреченіи отъ мира. „Cum muliere dispensata Christo maritove sive cum jumento vel cum masculo fornicantes, de reliquo mortui mundo Deo vivant“. Такъ постановляется въ одномъ изъ древнѣйшихъ валлійскихъ пенитенціаловъ, а именно въ такъ-называемомъ *Liber Davidis* (*Wasserschleben. Bussordnungen*, 101). Кромѣ того, этотъ видъ покаянія опредѣляется еще, согласно канону четвертаго собора *Luci Victoriae*, за передачу власти въ руки иноплеменниковъ, если при этой передачѣ произошло пролитіе крови и убіеніе христіанъ¹⁾. Равнымъ образомъ, въ пенитенціалахъ древне-ирландской и древне-британской церкви мы не встрѣчаемъ пространныхъ положеній о второмъ изъ упомянутыхъ нами выше церковныхъ взысканій, а именно объ изгнаніи изъ предѣловъ родины для отбытія покаянія на чужбинѣ, странствуя по святымъ мѣстамъ, и посѣщая монастыри и церкви, гдѣ покоились мощи святыхъ. Можно предположить, что и это церковное взысканіе не особенно часто практиковалось въ ирландской и британской церкви. Тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что оно было извѣстно въ древней Ирландіи и въ Британіи, весьма важенъ для уразумѣнія послѣдующей

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen*, 104 Anmerk. 3..... *egant residuo vitae penitentiam rejectis armis usque ad mortem mundo mortui vivant.*

исторіи покаянной системы западной церкви, ибо, такимъ образомъ, становится возможнымъ предположить, что и столь распространенная впоследствии на континентѣ Европы замѣна пенитенцій паломничествомъ ко святымъ мѣстамъ заимствована изъ ирландскихъ пенитенціаловъ. Опредѣлялось это взысканіе такъ же какъ и постриженіе въ монастырь, за тяжкія плотскія прегрѣшенія. Такъ, въ упомянутыхъ уже нами выше постановленіяхъ собора *Luci Victoriae* имъ угрожается кровосмѣсителемъ. „*Qui mechatur matris est, dicitur in istis constitutionibus, III annis cum peregrinatione peregrini*“. Подобная угроза изгнаніемъ за тяжкій грѣхъ вполне соответствовала національнымъ правовымъ воззрѣніямъ кельтическихъ племенъ, у которыхъ и за тяжкія преступленія свѣтскаго прѣва виновные подвергались изгнанію. Чтобы заключить обзоръ цикла общихъ церковныхъ взысканій, намъ остается еще познаться съ положеніями ирландскихъ пенитенціаловъ о возложеніи на прегрѣшившаго обязанности дать милостыню бѣднымъ или освободить на волю раба или рабыню. Этотъ видъ покаянія, весьма близко подходящій къ денежнымъ пенямъ по существу, разнится отъ нихъ по происхожденію и по формѣ. Между тѣмъ, какъ денежныя пени заимствованы изъ обычнаго свѣтскаго права, возложеніе обязанности дать милостыню перешло въ ирландско-британскую покаянную систему изъ покаянной системы первоначальной церкви. Равнымъ образомъ, и по формѣ существуетъ значительное различіе, а именно, денежныя пени, что касается ихъ размѣра, всегда точно опредѣлены покаянными правилами, между тѣмъ какъ о возложеніи обязанности дать милостыню бѣднымъ говорится всегда въ пенитенціалахъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, какъ, на примѣръ, „*de helmosinam pro anima*“ и тому подобныхъ. Напротивъ того, по существу оба эти вида пенитенцій, какъ милостыни бѣднымъ, такъ и денежныя пени, весьма сходны одинъ съ другимъ. Какъ тотъ, такъ и другой основываются на той идеѣ, что деньгами, данными на богоугодныя дѣла, можно искупить грѣхъ. „*De laicis, читаемъ въ пенитенціалѣ Виная (Wasserschleben. Bussordnungen, 116), si quis ex malis actibus suis conversus fuerit ad Dominum..... post penitentiam trium annorum pecuniam dabit pro redemptione anime suae*“.... Поэтому, если мы и остановились на различіи только что упомянутыхъ видовъ церковныхъ взысканій, то сдѣлали мы это исключительно только съ тою цѣлю, чтобы указать на то, что эти два вида церковныхъ взысканій не находятся другъ съ другомъ въ генетической связи, или, другими словами, что денежныя пени не развились изъ милостыней

и пожертвованій покаянной системы первоначальной церкви, а заимствованы изъ свѣтскаго обычнаго права. Само собою разумѣется, что существованіе въ церковной покаянной системѣ, столь близкихъ по существу къ денежнымъ пенямъ, церковныхъ взысканій, каковыми были милостыни и пожертвованія, должно было облегчить доступъ въ покаянную практику церкви денежнымъ пенямъ, что въ дѣйствительности и имѣло мѣсто. Такимъ образомъ, искупленіе грѣховъ деньгами, въ томъ видѣ, въ какомъ оно практиковалось въ ирландской церкви, сложилось изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся и съ милостынями первоначальной покаянной системы, которымъ придано было гораздо большее чѣмъ прежде значеніе, такъ какъ ими могли искупаться и тяжкіе грѣхи, и съ денежными пенями, хотя и заимствованными изъ свѣтскаго обычнаго права, но тѣмъ не менѣе назначавшимися прегрѣшившимъ, священникомъ послѣ исповѣди, въ качествѣ епитиміи. Сюда примкнули впослѣдствіи и денежные пени, шедшія въ пользу церкви за нарушеніе церковнаго мира. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ и разнородныхъ элементовъ сложилась въ древней Ирландіи въ высшей степени оригинальная система церковныхъ денежныхъ взысканій. Возвращаясь теперь къ тому виду этихъ взысканій, который мы назвали возложеніемъ обязанности дать милостыню бѣднымъ, мы видимъ, что милостыня могла быть замѣнена отпущеніемъ раба или рабыни на волю. Про учинившаго лжеприсягу въ пенитенціалѣ Вивая говорится (*Wasserschleben, Bussordnungen, 113*), что онъ долженъ „*ancillam sive servum liberare sive pretium ejus pauperibus aut egentibus dare*“. Смыслъ этой замѣны понятенъ. Здѣсь, какъ и при милостынѣ, имѣло мѣсто извѣстное имущественное лишеніе для прегрѣшившаго, и творилось благо несчастнымъ и угнетеннымъ.

Такимъ образомъ, карательное начало пріобрѣло полное преобладаніе въ покаянной системѣ церковей древне-ирландской и древне-британской. Но изъ этого не слѣдуетъ еще выводить заключеніе, чтобы прежній взглядъ на покаяніе, какъ на благодатное средство, даруемое церковью грѣшникамъ для примиренія съ Богомъ, утратилъ всякое значеніе, и чтобы не обращалось никакого вниманія на внутреннее настроеніе кающагося. Напротивъ того, въ памятникахъ ирландскаго покаяннаго права мы имѣемъ указанія на то, что покаяніе считается великимъ благомъ для грѣшника, а равнымъ образомъ и на то, что благочестивыя дѣла должны сопровождаться внутреннимъ перерожденіемъ кающагося. „*Vitia mundemus de corde nostro,*

читаемъ въ пенитенціалѣ Випая (Wasserschleben, Bussordnungen, 114), *et virtutes insinuamus pro illis*“. Тамъ же говорится, что смертныя грѣхи „*occidunt animam et demergunt ad profundum inferni, sed penitentia eorum hec est, donec evellantur et eradicantur de cordibus nostris per auxilium Domini et per studium et exercitium nostrum petimus Domini misericordiam et de his victoriam*“. Слѣдовательно, и въ ирландскихъ пенитенціалахъ высказывается тотъ же взглядъ на покаяніе, съ которымъ мы познакомились при изложеніи основъ покаянной системы первоначальной церкви, только взглядъ этотъ не имѣетъ здѣсь преобладающаго значенія, которое, какъ мы видѣли выше, принадлежало иному воззрѣнію, игравшему въ свою очередь въ покаянной системѣ первоначальной церкви второстепенную роль.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, систему общихъ церковныхъ взысканій, переходимъ къ изслѣдованію системы особенныхъ церковныхъ взысканій.

Для того, чтобы вполнѣ уразумѣть существо древне-ирландской системы особенныхъ церковныхъ взысканій, необходимо прежде всего опредѣлить точно, къ кому примѣнялись эти взысканія. Въ древне-ирландской церкви существуетъ, собственно говоря, различіе не между клиромъ и мірянами, а между монашествомъ и мірянами. Понятіе клира почти поглощается понятіемъ монашества. Почти всѣ клирики въ то же время и монахи. Въ большинствѣ случаевъ епископами были аббаты монастырей. Въ пенитенціалѣ Давида (§ 7. Wassersch. Bussordnung., 101) степени церковной іерархіи приводятся въ слѣдующемъ порядкѣ: епископъ, пресвитеръ, діаконъ и монахъ, не имѣющій духовнаго сана. Изъ подобнаго способа выраженія видно, что въ большинствѣ случаевъ епископы, пресвитеры и діаконы были монахами. Это монахи, имѣющіе санъ, которымъ противопоставляется здѣсь монахъ безъ сана (*sine gradu monachus*). Свѣтское духовенство, хотя и существовало¹⁾, но имѣло второстепенное значеніе. Такъ, въ пенитенціалѣ Гильды (§ 4. Wassersch. Bussordn., 105) пресвитеръ и діаконъ, не принесшіе обѣтовъ монашества (*sine monachi voto presbiter aut diaconus*), сравниваются съ монахами, не имѣющими сана.

Въ виду только что сказаннаго неудивительно, что къ клирикамъ примѣнялись тѣ же самыя взысканія, что и къ монахамъ, а взысканія, примѣнявшіяся къ симъ послѣднимъ, не разнились отъ

¹⁾ Некоторые изслѣдователи отвергаютъ вообще существованіе благаго духовенства въ Ирландіи, но безъ приведенія достаточныхъ доказательствъ.

взысканій, которымъ подвергались міряне, такъ какъ пенитенціалы для мірянъ, какъ мы видѣли выше, составлены были на основаніи монастырскихъ покаянныхъ правилъ. Такимъ образомъ, система особенныхъ церковныхъ наказаній сливается, такъ-сказать, съ системой общихъ церковныхъ взысканій. Въ воздаяніе за самыя тяжкія преступленія клирикамъ назначаются въ большинствѣ случаевъ точно такія же епитиміи, какъ и простымъ монахамъ и мірянамъ. Различаются эти епитиміи только количественно, а не качественно. Клирукамъ назначается только болѣе продолжительный срокъ и болѣе суровый способъ умерщвленія плоти, чѣмъ монахамъ безъ сана и мірянамъ. Какъ на причину подобнаго смягченія взысканій для мірянъ указывается на то, что они люди отъ міра сего, а потому и провинности ихъ въ настоящей жизни считаются болѣе легкими, точно такъ же, какъ они получаютъ меньшую мзду въ будущей жизни¹⁾. Монахи, хотя и не имѣющіе духовнаго сана, подвергаются болѣе строгимъ епитиміямъ, чѣмъ міряне. Одинаковымъ епитиміямъ съ монахами безъ сана подлежатъ лица благаго духовенства, не припещіи обѣтовъ монашества, хотя бы они имѣли даже санъ пресвитера. Высшіе размѣры епитимій опредѣляются клирикамъ, принесшимъ монашескіе обѣты. При этомъ, послѣ отбытія назначенной епитиміи, грѣхъ, содѣянный клирикомъ, считался совершенно погашеннымъ со всѣми своими послѣдствіями, точно такъ же какъ считался погашеннымъ грѣхъ мірянина, отбывшаго за оный извѣстное покаяніе. Въ виду всего сказаннаго намъ не должно удивить то обстоятельство, что система особенныхъ наказаній первоначальной церкви не была реципирована церковнымъ правомъ древней Ирландіи. Изъ всѣхъ особенныхъ церковныхъ наказаній первоначальной церкви только запрещеніе встрѣчается въ древне-ирландскихъ и древне-британскихъ пенитенціалахъ. Оно соединялось иногда съ покаяніемъ и длилось столько, сколько сіе послѣднее. Послѣ отбытія покаянія прекращалось и запрещеніе, и загладившій свою вину клирикъ снова допускался къ отправленію своей должности и возстановлялся во всѣхъ принадлежавшихъ ему прежде клирическихъ правахъ. Такъ, въ пенитенціалѣ Виная (§ 12, *Wasserschleben*, *Bussordnung*, 110) постановляется, что клирикъ, виновный въ блудоушаніи, породившій въ ономъ

¹⁾ *Poenitentiale Vinniai* (*Wasserschleben*, *Bussordn.*, 109). *Si autem laicus fuerit, ebdomodam dierum peniteat, quia homo seculi hujus est et culpa levior in hoc mundo et premium minus in futuro.*

сына и убившій сего послѣдняго, „tribus annis peniteat cum pane et aqua per mesuram..... et tribus annis abstineat se a vino et a carnibus sine officio clericatus..... et extoris existat in patria sua, donec impleavit numerus VII annorum et ita iudicio episcopi vel sacerdotis officio suo restituatur“. Объ изверженіи памятники наши нагдѣ не упоминаютъ, да оно и не могло имѣть мѣста при господствѣ того воззрѣнія, что послѣ отбытія покаянія грѣхъ считается погашеннымъ такъ, какъ будто его никогда не существовало. Въ пенитенціалѣ Виная мы находимъ одно положеніе, изъ котораго прямо явствуется, что допускалось только временное лишеніе клирическихъ правъ, то-есть, запрещеніе, но не допускалось лишеніе клирическихъ правъ навсегда, то-есть, изверженіе. „Ita clericus, говорится въ этомъ положеніи, —qui ceciderit, eodem modo in septimo anno post laborem penitentiae debet accipere clericatus officium, sicut scriptura ait: septies cadet justus et resurget, i. e. post VII annos penitentiae potest vocari justus qui cecidit, et in octavo anno non obtinebit eum malum“. Наконецъ, и запрещеніе не всегда соединялось съ покаяніемъ. При опредѣленіи покаянія за довольно значительныя прегрѣшенія, какъ, напримѣръ, за блудодѣяніе, совершенное одинъ только разъ, въ пенитенціалѣ Виная прямо указывается на то, что покаяніе не сопровождается здѣсь запрещеніемъ (Wasserschleben, Bussordnungen, 110, § 10) ¹⁾.

Кромѣ запрещенія, въ пенитенціалахъ упоминаются еще нѣкоторыя церковныя взыскапія, примѣняющіяся только къ монахамъ и клирикамъ, и представляющія слѣдовательно характеръ особенныхъ церковныхъ наказаній. Сюда относятся: 1) отправленіе подъ начало въ чужой монастырь, 2) заключеніе въ монастырскую тюрьму, 3) наказаніе розгами и 4) лишеніе доли въ монастырской трапезѣ. Всѣ эти особенныя церковныя взыскапія не заимствованы изъ системы особенныхъ церковныхъ наказаній первоначальной церкви, и разви-

¹⁾ Совершившій одинъ только разъ блудодѣяніе клирикъ подлежитъ покаянію срокомъ на одинъ годъ «sed officium clericatus non amittet». При этомъ считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на то, что термины «amittere officium», «privari ordine» означаютъ въ ирландскихъ пенитенціалахъ не изверженіе, а запрещеніе. Такъ, относительно часто совершающаго блудодѣяніе клирика постановляется: «officium clericatus amittat», но это не значитъ, чтобы онъ подвергался изверженію, такъ какъ даже въ совокупности съ убіеніемъ незаконнаго ребенка блудодѣяніе влечетъ за собою не изверженіе, а только запрещеніе (Pocnit, Vinniai § 12).

лись самостоятельно въ покаянной практикѣ монастырей. Отправление подь начало въ чужой монастырь часто практиковалось въ древней Ирландіи. Съ нимъ обыкновенно соединялось покаяніе за тяжкіе грѣхи, такъ что совершившій тяжкій грѣхъ монахъ отбывалъ покаяніе не въ своемъ, а въ чужомъ монастырѣ, подь надзоромъ чужаго аббата ¹⁾. Это добавочное наказаніе должно было казаться монахамъ весьма тяжелымъ, такъ какъ ихъ соединяла съ монастыремъ и монастырскою братією близкая связь: персоналъ монастыря пополнялся обыкновенно членами одного и того же рода. Равнымъ образомъ, и надзоръ чужаго аббата былъ гораздо болѣе строгъ, чѣмъ надзоръ своего аббата. Заключение въ монастырскую темницу присоединялось также къ покаянію за тяжкія прегрѣшенія. Различалось два вида этого наказанія: заключение въ темницу своего монастыря, и заключение въ темницу чужаго монастыря. Последнее, само собою разумѣется, считалось болѣе тяжкимъ. О наказаніи розгами упоминается только разъ въ пенитенціалѣ Випая (§§ 32. *Wasserschl. Bussordn.* 115). Примѣняется это наказаніе къ клирику, собиравшему деньги якобы для искупленія плѣнныхъ и употреблявшему эти деньги въ собственную пользу. Если онъ не желалъ покаяться, то относительно его постановлявалось слѣдующее: „*excommunicetur et anathema sit cum omnibus christianis, exterminabitur de patria sua et virgis virgeatur usque quo convertatur si conpunctus fuerit*“. Болѣе подробныхъ данныхъ о примѣненіи этого наказанія, впоследствии столь распространеннаго въ монастыряхъ, основанныхъ ирландскими миссіонерами на континентѣ Европы, въ ирландскихъ пенитенціалахъ не находится. Накопецъ, лишеніе доли въ монастырской трапезѣ значалось какъ мѣра дисциплинарнаго взыскапія за маловажные проступки противъ монастырской дисциплины, какъ, напримѣръ, за опозданіе къ обѣднѣ.

Всѣ только что разсмотрѣнныя особенныя церковныя взыскапія или имѣютъ характеръ придаточныхъ къ епитиміямъ наказаній, или же вообще не имѣютъ важнаго значенія. Главныя же наказанія, налагаемыя на клириковъ, суть тѣ же, которыя налагаются на мірянъ. Вотъ почему мы и утверждали, что въ древне-ирландскомъ каноническомъ правѣ система особенныхъ церковныхъ наказаній сливается съ системой общихъ церковныхъ взыскапія, что объясняется, между

¹⁾ Покаянные каноны собора *aquilonalis Britanniae* (*Wasserschl. Bussordn.*, 103) и пенитенціалъ Випая § 23.

прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя изъ этихъ системъ развилась на основаніи первой.

Впослѣдствіи, какъ видно изъ такъ-называемаго ирландскаго сборника каноновъ, составленнаго послѣ присоединенія церкви Ирландской къ церкви Римской, а именно въ концѣ VII или же въ началѣ VIII вѣка ¹⁾, введена была въ Ирландіи общецерковная система наказаній для клириковъ. Между этими наказаніями упоминается и *degradatio*, то-есть, изверженіе. Но изъ нѣкоторыхъ положеній упомянутаго выше сборника видно, что примѣненіе этого наказанія подъ разными предлогами устранялось ирландскими церковными властями. Такъ, въ главѣ 3-й книги 11-й сборника читаемъ по этому поводу слѣдующее: „*de lapsis gradibus... Humanus. Hibernenses interpretantur causa paucitatis sacerdotum, ut post penitentiam consecrentur per manus impositionem, et in silentio ministrent sub signo penitentiae usque ad mortem*“... Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что и въ рассматриваемое время древне-ирландскія воззрѣнія на наказанія, налагаемыя на клириковъ, боролись еще съ общецерковными, вводимыми духовенствомъ римскаго обряда.

Такимъ образомъ, въ предшествовавшемъ изложеніи мы рассмотрѣли существо и указали на характеристическія особенности британо-ирландской покаянной системы. Теперь для полноты изслѣдованія намъ необходимо еще познакомиться съ памятниками, въ которыхъ дошла до насъ эта система.

Полный сводъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ древне-британской и древне-ирландской покаянной системы, составленъ впервые Вассершлебеномъ и помѣщенъ въ большомъ сборникѣ певичеціаловъ западной церкви, изданномъ имъ подъ заглавіемъ: *Die Bussordnungen der abendlaendischen Kirche*. Halle. 1851. Это изданіе дало возможность ученому міру познакомиться съ этими памятниками, дотолѣ отчасти вовсе неизданными, отчасти же разбросанными по различнымъ весьма рѣдкимъ изданіямъ, не смотря на то, что до насъ дошло весьма немного памятниковъ британо-ирландскаго покаяннаго права, и что изъ дошедшихъ нѣкоторые сохранились только въ фрагментарномъ видѣ, тѣмъ не менѣе того, что дошло, вполне достаточно для ознакомленія съ древне-британской и древне-ирландской покаянной системой.

¹⁾ Сборникъ этотъ изданъ въ свѣтъ *Вассершлебеномъ* подъ заглавіемъ: *Irische Kanonensammlung*. Giessen, 1874.

Всѣ изданные Вассершлебеномъ памятники распадаются на двѣ категоріи: 1) на сборники монастырскихъ покаянныхъ правилъ и 2) на сборники покаянныхъ правилъ, предназначенные какъ для монаховъ и клириковъ, такъ и для мірянъ. Къ первой категоріи относятся: а) собраніе каноновъ собора „aquilonalis Britanniae“ и б) введеніе въ пенитенціалу Гильды (praefatio Gildae de penitentia). Первый изъ этихъ памятниковъ дошелъ до насъ въ фрагментарномъ видѣ (всего 7 фрагментовъ), тѣмъ не менѣе онъ весьма важенъ для изслѣдователя монастырской покаянной дисциплины, такъ какъ преимущественно изъ положеній этого сборника мы знакомимся съ церковными взысканіями, состоящими въ отсылкѣ подъ начало въ чужой монастырь и въ заключеніи въ монастырскую темницу. Время созванія собора, каноны котораго заключаются въ нашемъ сборникѣ, опредѣлить трудно съ полною точностью. По всей вѣроятности соборъ этотъ имѣлъ мѣсто въ началѣ VI столѣтія. Второй изъ упомянутыхъ нами сборниковъ, пенитенціалъ, составленный Гильдою, британскимъ монахомъ, умершимъ въ 583 году въ монастырѣ Бангорѣ въ Камбріи (нынѣшнемъ Валлисѣ), и много потрудившимся для распространенія христіанскаго ученія какъ въ Ирландіи, такъ и въ Британіи, также не дошелъ до насъ цѣликомъ: сохранилось только введеніе ¹⁾). Впрочемъ, это введеніе довольно обширно: оно обнимаетъ собою 27 правилъ и содержитъ въ себѣ подробныя положенія о покаяніи за плотскія прегрѣшенія, за пьянство и за другіе менѣе важныя проступки противъ монастырской дисциплины. Ко второй категоріи памятниковъ покаяннаго права древняго Валлиса и древней Ирландіи принадлежатъ и фрагменты пенитенціала Давида, епископа Миневія въ Валлисѣ. Намъ часто случалось въ предшествовавшемъ изслѣдованіи дѣлать ссылки на этотъ пенитенціалъ, заключающій даже въ томъ фрагментарномъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, богатый матеріалъ для изслѣдованія древне-британской покаянной системы. Тожество началъ, на которыхъ покоилась система наказаній, полагаемыхъ на клириковъ, съ началами системы общихъ церковныхъ взысканій въ особенности, ясно высказывается въ нашемъ пенитенціалѣ. На основаніи одного изъ дошедшихъ до насъ положеній пенитенціала можно даже предположить, что во времена Давида, жившаго въ первой половинѣ VI столѣтія, покаянія для клириковъ и монаховъ даже количественно не отличались отъ наказа-

¹⁾ Сравни введеніе Вассершлебена къ его Bussordnungen, p. 6.

ній, налагаемыхъ на мірянъ. Указавъ въ § 10, что въ прежнее время существовали различные сроки покаянія для духовныхъ лицъ различныхъ степеней іерархіи и для мірянъ, Давидъ продолжаетъ въ § 11 слѣдующимъ образомъ: „Nunc autem presbyteri ruentis penitentia est diaconique et subdiaconici et eiusque hominis hominem ad mortem tradentis et cum paecodibus vel cum sua sorore vel cum mariti uxoris fornicantis et venenis hominem occidere volentis, triennium“.

b) постановления собора такъ называемые *Luci Victoriae*, созваннаго тѣмъ же епископомъ Миневіи Давидомъ. До насъ дошло всего 9 постановленій этого собора, изъ которыхъ на нѣкоторыя мы имѣли случай сослаться въ предшествовавшемъ изложеніи. Замѣчательно постановление 9-е, изъ котораго видно, что равенство покаяній для клириковъ и для мірянъ въ количественномъ отношеніи, установленное пенитенціаломъ Давида, понималось соборомъ, созваннымъ этимъ святителемъ, не абсолютно. По своему характеру, въ качественномъ отношеніи, считали однѣ и тѣ же какъ для клириковъ, такъ и для мірянъ, но въ количественномъ отношеніи допускалось нѣкоторое различіе; такъ, напримѣръ, дозволялось мірянамъ сокращать сроки покаянія. „Totum hec quod diximus, читаемъ въ означенномъ постановленіи, si post votum perfectionis (послѣ монашескаго обѣта) fecerit homo. Si autem ante votum, annus dimittitur de omnibus. c) *Poenitentiale Viinnai sive Vinniani*. Это единственный изъ британо-ирландскихъ пенитенціаловъ, дошедшій до насъ цѣликомъ. *Вассершлебеномъ*, который первый издалъ этотъ пенитенціалъ въ полномъ составѣ, опъ приписывается Винаю или Финіану, родившемуся въ 450 году въ Ирландіи, проведшему нѣсколько лѣтъ въ Галліи и у епископа Давида въ Британіи, и возвратившемуся подъ конецъ V столѣтія въ Ирландію для возстановленія тамъ христіанской нравственности, сильно пошатнувшейся послѣ смерти св. Патрикія ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, пенитенціалъ Виная составленъ не позже первой половины VI вѣка, такъ какъ имъ уже воспользовался при составленіи своего пенитенціала Колумбанъ, жившій во второй половинѣ VI и въ началѣ VII вѣка. Памятникъ этотъ въ особенности важенъ для изслѣдователя покаяннаго права древней Ирландіи, такъ какъ онъ содержитъ полную систему этого права, и притомъ въ наиболѣе древней формѣ, такъ какъ въ немъ не встрѣчается еще замѣны древнихъ пенитенцій денежными пенями. Для

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen*, 10.

внѣшней исторіи пенитенціаловъ интересенъ эпилогъ нашего пенитенціала, въ которомъ указывается на то, какъ, и на основаніи какихъ источниковъ составлялись пенитенціалы, и какое они имѣли значеніе. Пенитенціалы не были законами церкви, а частными сборниками покаяннаго права, составляемыми лицами, свѣдущими къ священному писанію и въ правѣ церкви, для руководства духовнымъ властямъ при наложеніи епитимій. Какъ на источники пенитенціаловъ указывается на священное писаніе и на ученіе свѣдущихъ въ правѣ церкви мужей¹⁾. Положенія пенитенціаловъ не были безусловно обязательны для церковныхъ властей, налагающихъ епитиміи; напротивъ того, самъ составитель нашего пенитенціала говоритъ, что, если кто болѣе свѣдущій предложитъ лучшія правила, то онъ готовъ съ нимъ согласиться и слѣдовать этимъ правиламъ: „Sed si qui divine lectionis scrutatus ipse magis inveniat aut si proferet meliora et nos consentimus et sequeremur“. Тѣмъ не менѣе, вся почти древне-ирландская покаянная система создавалась посредствомъ подобныхъ пенитенціаловъ. Положенія пенитенціаловъ, не будучи, подобно канонамъ, обязательными церковными постановленіями, могли постоянно приспособляться къ особенностямъ національнаго духа новообращенныхъ племенъ и постоянно видоизмѣняться согласно новымъ требованіямъ времени. Этотъ характеръ пенитенціаловъ и основанная на немъ способность къ приспособленіямъ и были причиною того, что новообращенными племенами покаянное право реципировалось главнымъ образомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно выражалось въ пенитенціалахъ. Вотъ почему пенитенціалы и играютъ такую важную роль въ исторіи рецепціи церковнаго права.

Кромѣ только что указанныхъ важнѣйшихъ памятниковъ британо-ирландскаго покаяннаго права въ изданіи Вассершлебена находится въ видѣ приложений¹⁾ нѣсколько сборниковъ соборныхъ постановленій, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, на примѣръ, приведенный нами выше сборникъ „de argeis“, весьма интересны для изслѣдователя британо-ирландской покаянной системы.

¹⁾ Haec, amantissimi fratres, secundum sententiam scripturarum vel opinionem quorundam, pauca de penitentiae remediis vestro amore compulsus supra possibilitatem meam potestatemque temptavi scribere. (*Wasserschleben*, Bussordnungen. 119).

²⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 120—144.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ отдѣлѣ мы рассмотрѣли исторію покаянной системы древней Ирландіи и древняго Валлиса. Какіи данныя представляетъ намъ эта исторія для обоснованія того воззрѣнія на рецепціи, которое высказано было нами въ началѣ нашего изслѣдованія? Намъ кажется, что исторія эта вполне подтверждаетъ наше воззрѣніе на рецепціи. Рецепція, утверждали мы, есть всегда не что иное какъ формація новаго права посредствомъ своеобразнаго сочетанія заимствуемыхъ правовыхъ элементовъ съ элементами права реципирующаго народа. Не то ли мы видѣли въ исторіи древне-ирландской покаянной системы? Когда введено было въ Ирландію христіанство, туда принесено было и покаянное право церкви, но менѣе чѣмъ въ два столѣтія это право приняло на новой родинѣ столь своеобразный характеръ, что трудно стало въ немъ распознать первоначальные элементы. А между тѣмъ эти элементы несомнѣнно въ немъ сохранились, только къ нимъ привзошли еще новые элементы. Вслѣдствіе этого привхожденія новыхъ элементовъ, въ высшей степени своеобразно сочетавшихся съ первоначальными элементами, самый характеръ сихъ послѣднихъ и самое ихъ значеніе сильно измѣнились. Въ первоначальной церкви существовало два воззрѣнія на покаяніе, изъ которыхъ одно разсматривало покаяніе какъ мѣру исправленія, а другое признавало за нимъ значеніе воздаянія, кары. Первое воззрѣніе несомнѣнно преобладало надъ вторымъ. Мы имѣли случай убѣдиться, что оба воззрѣнія заимствованы были британо-ирландскимъ покаяннымъ правомъ, но въ силу того, что воззрѣніе на покаяніе, какъ на воздаяніе, болѣе соотвѣтствовало воззрѣніямъ, развившимся въ средѣ монашества, игравшаго такую важную роль въ ирландской церкви, а, равнымъ образомъ, и національнымъ правовымъ воззрѣніямъ кельтическихъ племенъ, оно легло въ основу всего дальнѣйшаго развитія и сдѣлалось изъ второстепеннаго воззрѣніемъ преобладающимъ. Вслѣдствіе этого и отдѣльныя покаянные дѣйствія, имѣвшія самостоятельное значеніе только относительно извѣстнаго цикла грѣховныхъ дѣяній, получаютъ его здѣсь относительно всѣхъ прегрѣшеній: покаяніе и совершеніе извѣстныхъ опредѣленныхъ покаянныхъ дѣлъ становятся терминами, употребляемыми безразлично одинъ вмѣсто другаго. Изъ національнаго права привходятъ денежные пени и приводятся въ такую близкую связь съ древними пенитенціями, что, если бы ихъ происхожденіе не было документировано, то можно было бы подумать, что онѣ развились генетически изъ ми-

лостыней и пожертвованій древняго покаяннаго права. Однимъ словомъ, покаянная система британо-ирландской церкви реципирована изъ права первоначальной церкви, но при рецепціи заимствованные элементы, если можно такъ выразиться, переродились вполнѣ вслѣдствіе привожденія національныхъ правовыхъ элементовъ, и, такимъ образомъ, возникла новая формація покаяннаго права.

Въ слѣдующихъ отдѣлахъ мы рассмотримъ исторію покаянной системы у народовъ германскаго происхожденія.

В. Соколовскій.

4

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ *Д. Ровинскій*. С.-Петербургъ. 1881. пять томовъ, съ атласомъ въ большой листъ.

Выпущенное г. Ровинскимъ въ свѣтъ, полтора года тому назадъ, изданіе состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ изданій, изъ которыхъ каждое, взятое особо и само по себѣ, даже внѣ связи съ двумя другими, представляетъ высокій интересъ и наиважнѣйшее значеніе для нашей отечественной науки.

Дѣйствительно, еслибы г. Ровинскій занялся лишь однимъ точнымъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ имѣющихся, въ настоящее время, на лицо русскихъ лубочныхъ картинокъ, то и тогда его заслуга была бы очень велика. Съ другой стороны, точно также, еслибы онъ ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только издалъ бы свой огромный атласъ, содержащій копии съ большаго числа наиважнѣйшихъ лубочныхъ картинокъ, даже безъ самонадѣйшаго текста,—опять-таки заслуга его была бы для насъ необыкновенно значительна. Наконецъ, если бы г. Ровинскій не представилъ ни полнаго описанія лубочныхъ картинокъ, ни ихъ воспроизведенія въ атласѣ, а только издалъ свое критическое изслѣдованіе о нихъ (предоставляя другимъ тѣ двѣ, первыя задачи), онъ опять-таки имѣлъ бы право на полнѣйшую нашу признательность.

Но чтò же должно сказать про такой трудъ и про такое изданіе, гдѣ авторъ взялся за всѣ три задачи разомъ, и, не побоявшись громадныхъ трудностей, представляемыхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, одолѣлъ ихъ и представилъ такое сочиненіе, которое блистательнымъ образомъ рѣшаетъ всѣ три задачи?

На эту работу г. Ровинскій употребилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ своей жизни, и какъ въ этомъ убѣдится тотчасъ же всякій, кто ознакомится съ его изданіемъ, не жалѣлъ при этомъ ни трудовъ, ни силъ, ни громаднѣйшихъ издержекъ.

Онъ началъ съ того, что просмотрѣлъ собственными глазами, не довѣряя прежнимъ описаніямъ, всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ, какія существуютъ въ Россіи, не только большія и малыя, но даже самомалѣйшія, иногда состоящія изъ нѣсколькихъ паръ картинокъ, способныхъ показаться на первый взглядъ слишкомъ малозначительными, или даже и вовсе ничтожными. Такимъ образомъ, г. Ровинскому до послѣдней тонкости извѣстны были слѣдующія собранія лубочныхъ картинокъ: 1) капитальное собраніе Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ главную роль, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ значительныхъ коллекцій, играютъ коллекціи Погодина и Даля; 2) великолѣпное собраніе Петровскихъ гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ кабинетѣ Петра Великаго; 3) небольшія численно, но важныя по содержанію, собранія русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Московскаго и Румянцевскаго музеевъ; 4) громадное собраніе лубочныхъ картинокъ статься-секретаря Екатерины II-й Одсуфьева, принадлежащее въ настоящее время князя Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ Петербургѣ; 5) хорошія и болѣе или менѣе значительныя, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, собранія гг. Демидова, Ефремова, Голышева, князя Вяземскаго, Пыпина, Неустроева, Образцова, Тихонравова, Буслаева, Шапова, Хлудова, Забѣлина, Филимонова, Губерта, Зайцевскаго, Некрасова, князя Дундукова-Корсакова, Безсонова, Ваулина, Геннади, Семевскаго, Вольфа, Тевяшева. Какъ дополненіе ко всѣмъ этимъ собраніямъ, являлось собственное собраніе г. Ровинскаго, накоплявшееся въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія, посредствомъ розысковъ и покупокъ, то цѣлыми собраніями, то отдѣльными листами.

Замѣтимъ при этомъ, что, по просьбамъ и настояніямъ г. Ровинскаго, нарочно для него отпечатаны оттиски со всѣхъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени гравировальныхъ досокъ, деревянныхъ и металлическихъ, сохраняемыхъ въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ, какъ-то: въ Христіанскомъ музеѣ академіи художествъ, въ Московской синодальной типографіи, въ Кіевской духовной академіи, въ типографіи Кіево-Печерской лавры, въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря, и т. д.

Совокупляя все это вмѣстѣ, я считаю себя въ правѣ сказать, что въ

настоящее время наврядъ ли существуетъ въ нашемъ отечествѣ такая лубочная картинка, напечатанная до 1839 года (то-есть, до того времени, когда вся лубочная литература подверглась дѣйствию цензуры, и вслѣдствіе того окончательно утратила прежній національный, самобытный и историческій характеръ) — такая, повторяю, русская лубочная картинка, которая осталась бы неизвѣстна г. Ровинскому. Если исключенія и есть, то они могутъ быть только мало-численны: слишкомъ много было произведено розысковъ, сношеній для открытія всего тающагося даже въ самыхъ отдаленныхъ и незнаемыхъ углахъ Россіи (не говоря уже о большихъ центрахъ). Такимъ же образомъ, мало остается вѣроятности, чтобы еще много неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала могло быть открыто впоследствии.

Общій итогъ отдѣльныхъ картинокъ, описанныхъ въ сочиненіи г. Ровинскаго, доходитъ до 4,700 листовъ; если же включить въ это число разныя изданія одной и той же картинки, то число это дойдетъ до 8,000 листовъ.

Подробному описанію этого матеріала посвящены первые три тома изданія г. Ровинскаго, занимающіе 1,740 страницъ, а если прибавить къ нимъ добрую половину IV-го тома, ту, которая содержитъ въ себѣ „Дополненія“, то выходитъ, что одно, такъ-сказать, „наружное“ описаніе русскихъ лубочныхъ картинокъ заняло далеко болѣе 2,000 страницъ крупнаго формата.

При описаніи картинокъ г. Ровинскимъ употреблены пріемы самыя рациональныя и вполне удовлетворительныя, а именно: скопированы заглавія гравюры и текстъ (тамъ, гдѣ они существуютъ), обозначены размѣры картинки, ея мѣстоахожденіе, способъ и качество гравированія, разныя изданія картинки, и тутъ же вкратцѣ дано описаніе того, что на ней изображено.

Не удовольствовавшись одною этою, уже и такъ почтенною задачею описанія существующаго, г. Ровинскій задумалъ представить, подъ видомъ громаднѣйшаго атласа, выборку изъ всего наибольшаго, наибольшаго и наилучшаго, что онъ только видѣлъ и изучилъ на своемъ вѣку по части русскихъ лубочныхъ картинокъ. Такое предпріятіе требовало, кромѣ знанія и труда, также и значительныхъ затратъ. Но г. Ровинскій не остановился передъ ними, и создалъ такое иконографическое изданіе, какого у насъ еще никогда не появлялось. Атласъ г. Ровинскаго представляетъ богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи нашей гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древне-русской культуры. Авторъ былъ совершенно правъ, когда го-

ворилъ въ предисловіи къ атласу: „Въ атласѣ скопировано все, что могло представлять интересъ для Русскаго человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи“. Дѣйствительно, здѣсь появляются, и должно замѣтить, въ первый разъ, спустя лѣтъ полтора ста послѣ перваго напечатанія ихъ, богатыри нашихъ легендъ и сказокъ, въ большихъ размѣрахъ, можно сказать въ видѣ настоящихъ картинъ (Илья Муромецъ, Алѣша Поповичъ, Буслай Буслаевичъ, Соловей Разбойникъ, царь Салтанъ Салтановичъ и т. д.). Далѣе мы встрѣчаемъ необыкновенно богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ: здѣсь паяважѣйшую роль играютъ листы раскольничьи на сюжеты историческіе, каковы, на примѣръ: „Драва Бабы-Яги съ крокодиломъ“, „Мыши кота погребаютъ“—обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I; также такіа юмористическія изображенія, какъ „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ“, „Шемякинъ судъ“, смѣхотворная „просба Калыпинскихъ монаховъ“, „Нѣмка верхомъ на старикѣ“, „судъ мужика съ дворяниномъ“ и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ воиновъ прошлаго столѣтія съ Пруссакими и Турками, почти полное собраніе каррикатуръ на Наполеона I и Французовъ, каррикатуръ, игравшихъ такую громадную роль во время народной войны 1812 года, а также юмористическіе листы на разныя другія историческія событія; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ исторической или бытовой, каковы, на примѣръ: „Казнь убійцъ Жуковыхъ“, „Прививаніе оспы“, „Масляница“, „Кулачныя бойцы“, „Пляска“, „Пирушка“, изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бань, перечисленія нарядовъ и скарба молодыхъ, поѣзды на саняхъ и колесахъ, цѣлая „лицевая комедія“, съ изображеніемъ древняго русскаго театра и публики XVII вѣка, разнообразныя гаданья и календари. Портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды и сказки занимаютъ также значительное мѣсто въ атласѣ. Но наибольшее мѣсто отведено въ немъ, по всей справедливости, изображеніямъ религіознымъ, игравшимъ всегда такую крупную роль въ жизни Русскаго народа: этотъ отдѣлъ такъ богатъ и такъ разнообразенъ, что одно даже перечисленіе частныхъ подраздѣленій заняло бы здѣсь обширное мѣсто.

Составленный изъ такихъ элементовъ атласъ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 картинокъ, воспроизведенныхъ различными способами: наиболѣе грубыя между ними воспроизведены простою литографіей; тѣ же, которыя представляли болѣе художественнаго достоинства, выпол-

нены посредствомъ фотолитографіи, или даже и фотогравюры. Раскраска произведена отъ руки, на манеръ иконнаго способа.

Бумага для атласа, подражающая старинной бумагѣ, отлита спеціально въ мастерскихъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, которою выполнены также и вообще всѣ работы по изготовленію атласа.

Но, не смотря на всю значительность издержекъ, естественнымъ образомъ связанныхъ съ изданіемъ нѣсколькихъ сотенъ картинокъ въ величину оригинала (размѣры котораго доходили иногда до $2\frac{1}{2}$ аршинъ, какъ напримѣръ, въ „Мамаевомъ побойцѣ“), г. Ровинскій имѣлъ въ виду только одно—чтобъ атласъ стоилъ какъ можно менше: „Цѣна его“, говоритъ онъ въ предисловіи, — „разочтена по числу листовъ бумаги, употребленныхъ на изданіе, считая за каждую листовую не раскрашенную картинку по 10 коп., за картинку двухлистовую 20 коп., за полуторную 15 коп. и т. д. Такимъ образомъ сказки, изданныя въ большинствѣ случаевъ въ полуторномъ размѣрѣ, обойдутся покупателю въ 15 коп. каждая, Брюсовъ календарь, всѣ 6 листовъ, онъ получитъ за 1 руб. 50 коп., азбуку 1812 года—за 45 к., книжечку о Влудномъ сынѣ, въ 64 листка, за 80 коп.; раскрашенные листы оцѣнены вдвое“. Въ общемъ, изданный г. Ровинскимъ атласъ представляетъ такую, сравнительно говоря, крайнюю дешевизну, которую не можетъ не оцѣнить каждый, кто знаетъ, во что обходится у насъ изданіе дѣйствительно точныхъ и вѣрныхъ гравюръ.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Ровинскій говоритъ: „Примѣчанія“, напечатанныя въ IV-мъ томѣ, и „Заключеніе“ (замѣняющее обычное „предисловіе“), помѣщенное въ V-мъ томѣ, имѣютъ чисто компилятивный характеръ. Держаться строгой системы было здѣсь почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше“. Но не должно давать полную вѣру такому черезчуръ скромному отзыву автора о своемъ трудѣ: „Примѣчанія“ IV-го тома и „Заключеніе“ V-го тома представляютъ, какъ въ томъ легко убѣдится каждый научный читатель, вовсе не одну только механическую компиляцію случайно попадавшихъ подъ руку свѣдѣній и матеріаловъ, а такой рядъ отдѣльныхъ, систематически предпринятыхъ, сложныхъ изслѣдованій, которыя обогащаютъ исторію русскаго народнаго художества и русской національной культуры новыми и многообразными результатами.

Г. Ровинскій изучилъ для этого, можно сказать, цѣлую библиотeku предметовъ, входившихъ въ кругъ его изслѣдованій; посѣтилъ

всѣ главныя книгохранилища и эстампныя коллекціи Европы; совершилъ нѣсколько путешествій въ чужія края, побывалъ со спеціальною своею цѣлію даже въ Каирѣ, Китаѣ, Японіи и Индіи, и оттуда вывезъ кипы мѣстныхъ лубочныхъ картинокъ, казавшихся ему необходимыми при изслѣдованіи вопроса о коренномъ происхожденіи той или другой русской лубочной картинки; наконецъ, добылъ себѣ, цѣною долгихъ поисковъ, не малое количество старинныхъ старопечатныхъ нѣмецкихъ, голландскихъ и иныхъ лубочныхъ картинокъ, въ книгахъ и отдѣльными листами — все съ цѣлью найти первообразы иныхъ русскихъ лубочныхъ картинокъ, тѣхъ, которыя были не отечественнаго нашего происхожденія. Неужели весь этотъ огромный систематическій трудъ розысканія и изслѣдованія можетъ быть названъ механическою „компиляціей“?

Нѣтъ, значеніе труда г. Ровинскаго совершенно иное, и полное достоинство его можетъ быть раскрыто только подробнымъ изученіемъ, которому я и посвящаю слѣдующіе далѣе параграфы.

Въ заключеніе, замѣчу еще, что превосходный и обширный „Алфавитный указатель именъ и предметовъ“, приложенный къ изданію и занимающій 200 страницъ, много прибавляетъ къ достоинству, значенію и полезности сочиненія.

Въ своемъ сочиненіи, г. Ровинскій расположилъ всѣ извѣстныя въ настоящую минуту русскія лубочныя картинки въ порядкѣ ихъ сюжетовъ. При этомъ разнообразныя наши стили, школы, производства и направленія смѣшаны, такъ что, напримѣръ, школы Московская, Кіевская, Петербургская и иныя возвращаются много разъ; гравюры на мѣди и на деревѣ, сюжеты оригинально-русскіе — и сюжеты, заимствованные изъ Европы, мотивы вполнѣ національные — и мотивы, скопированные отъ другихъ или же передѣланные съ чужихъ образцовъ на русскій ладъ, — все это идетъ рядомъ и вѣстѣ, часто смѣняя одно другое, и авторъ представляетъ каждый отдѣльный сюжетъ лишь, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ послѣдовательнаго появленія гравюръ на свѣтъ. Я нахожу, что въ этомъ г. Ровинскій былъ правъ, потому что мудро было бы избрать другой порядокъ при первомъ всестороннемъ опубликованіи и изложеніи всего имѣющагося на лицо матеріала. Всякое иное систематизированіе было бы, мнѣ кажется, преждевременно и шатко. Есть еще много спорныхъ пунктовъ, покуда еще не разрѣшенныхъ вполне, или и вовсе еще не подвергнутыхъ критикѣ. Разомъ пересмотрѣть и разрѣшить ихъ всѣ,

превосходило, конечно, силы и средства одного человѣка, какою опытностью, настойчивостью, трудолюбіемъ и знаніемъ ни обладали бы этотъ одинъ человѣкъ. Для этого необходимы время и долготѣнныя труды цѣлаго ряда изслѣдователей. Для всѣхъ нихъ „Полное собраніе“ г. Ровинскаго навсегда представитъ драгоцѣнный, желанный и прочный матеріалъ. Но имонно теперь-то, когда такое „Полное собраніе“ появилось на свѣтъ и сдѣлалось общимъ достояніемъ, становятся возможны частныя изслѣдованія, разсмотрѣніе отдѣльныхъ составныхъ частей, группъ, деталей, подробностей, родовыхъ и видовыхъ признаковъ. Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и вопросахъ самъ г. Ровинскій подалъ тому прекрасный примѣръ и съ полною удовлетворительностью разобралъ и рѣшилъ иные частныя вопросы—почти всегда вопросы первостепенной значительности и важности. Вездѣ въ своемъ мѣстѣ я укажу эти отдѣльные случаи.

Въ настоящемъ разборѣ, вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, я не послѣдую за г. Ровинскимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложено его сочиненіе, а попробую представить свой опытъ систематизаціи и группировки. Это будетъ служить не только для характеристики и оцѣнки нѣкоторой части даннаго матеріала, но также для оцѣнки и характеристики важнѣйшихъ частей труда г. Ровинскаго.

Главныхъ центровъ, производившихъ въ нашемъ отечествѣ народныя лубочныя картинки, было три—Москва, Кіевъ и Петербургъ. Безъ сомнѣнія, это не были единственные пункты производства; кромѣ этихъ городовъ народныя наши картинки производились также въ Новгородѣ, Владимірѣ, Черниговѣ, Соловецкомъ монастырѣ, наконецъ, въ Почаевѣ, и т. д., но количество ихъ было, сколько до сихъ поръ приведено въ извѣстность, незначительно, и притомъ трактованные въ этихъ мѣстностяхъ сюжеты не представляютъ ни особенной важности, ни характерности, ни интереса. Все самое значительное и исторически-замѣчательное, національно-характерное и этнографически-значительное, а наконецъ, даже и наиболѣе развитое по художественной Technikѣ, вышло изъ рукъ народныхъ рисовальщиковъ и гравировъ московскихъ, кіевскихъ и петербургскихъ. Поэтому я и обращаюсь теперь исключительно къ этимъ тремъ школамъ. Надо надѣяться, что труды другихъ изслѣдователей пополняютъ внослѣдствіи доступныя въ настоящее время результаты свѣдѣніями и характеристиками школъ второстепенныхъ, каковы Новгородская, Владимірская, Черниговская и нынѣ.

I.

Московская школа.

Московская школа народных лубочных картинок не есть старѣйшая наша школа. По времени, ей предшествовала Кіевская школа на цѣлыхъ три-четверти столѣтія, но она есть самая значительная наша школа по характеру, самобытности и своеобразности своихъ задачъ и выполненія.

Ни въ какихъ другихъ лубочныхъ русскихъ картинкахъ не выразились съ такою характеристичностью и своеобразіемъ разныя стороны русскаго національнаго духа, какъ въ московскихъ. Между произведеніями этой школы есть картинки самаго разнообразнаго содержанія—религіознаго, историческаго, сатирическаго, балагурнаго, наставительнаго, учебнаго, сказочнаго, фантастическаго и т. д. Иныя изъ нихъ, и даже въ довольно значительномъ количествѣ, представляютъ копію или передѣлку съ иностранныхъ образцовъ; но тутъ же рядомъ является цѣлая масса картинокъ истинно оригинальныхъ, вполне самобытныхъ, созданныхъ непосредственнымъ творчествомъ самаго Русскаго народа, ни откуда не заимствованныхъ. И вотъ оказывается, что именно эти послѣднія картинки имѣли наибольшее распространеніе среди народа, получили наибольшую знаменитость, и что ихъ характерныя названія—въ устахъ у всѣхъ, отъ одного конца государства и до другаго, съ сѣвера и до юга, съ запада до востока. Это—картинки съ политическимъ содержаніемъ, относящіяся къ тѣмъ особенно важнымъ событіямъ и личностямъ, которыхъ крупное, неизбежное вліяніе сильно отразилось на жизни Русскаго народа. Можно смѣло сказать, что эти вполне народные картинки были несравненно болѣе распространены въ народѣ и пользовались у него болѣею знаменитостью, чѣмъ картинки религіознаго содержанія. Безъ сомнѣнія, изображенія Спасителя, Богоматери, апостоловъ, святыхъ, явленій и чудесъ, монастырей и церквей удовлетворяли постоянно самымъ кореннымъ потребностямъ Русскаго человѣка, всегда въ высшей степени религіознаго; но, по самой натурѣ своей обязанныя быть традиціонными и строго сохраняющими стародавній типъ и образецъ, онѣ не могли заключать никакой самостоятельности и смѣлой оригинальности, новаго почина. Тѣ, напротивъ, отличались

именно смѣлостью оригинальнаго почина, новостью формъ, своеобразіемъ этнографическихъ и другихъ народныхъ подробностей.

Мнѣ кажется, нельзя не относиться съ наибольшимъ уваженіемъ къ этому отдѣлу лубочныхъ картинокъ и не дать имъ преимущества предъ всѣми другими. Тутъ выразились съ полною ясностью мысль и чувство Русскаго народа.

Что думалъ нашъ народъ о старыхъ своихъ князьяхъ и царяхъ, правителяхъ, начальникахъ и судьяхъ, вообще о заправителяхъ его судьбы, того въ лубочныхъ картинкахъ не сохранилось. Одно время полагали-было у насъ, что знаменитая картинка „Мыши kota погребаютъ“, относилась къ Ивану Грозному и представляла протестъ сдавленнаго желѣзнымъ кулакомъ народа. Но это оказалось ни на чемъ не основаннымъ предположеніемъ, а картинка—созданіемъ болѣе чѣмъ на сто лѣтъ позднѣйшимъ. Не уцѣлѣло, да по видимому, никогда и не бывало, никакихъ изображеній, отъ руки народа, событій изъ временъ Ивана IV, его безпредѣльныхъ насилій, тиранства, безумной злобы, сыноубійства, прелюбодѣній, опричины, народнаго ужаса и унынія. Еще и гравюра была мало распространена въ народѣ (ее знали только въ Евангеліяхъ и Апостолахъ), да и рисовальщиковъ куда не было). Про времена Самозванца, народной смуты, междуцарствія и польскаго нашествія также ничего не извѣстно по лубочнымъ картинкамъ. Правда, въ былинахъ и сказкахъ о Добрынѣ встрѣчаются личности злой кудесницы и еретички Маринки и ея любовника Змѣя Горыныча, которыя объясняются иными изслѣдователями какъ личности Марини Мнишекъ и Самозванца, но изъ былинъ и сказокъ эти фигуры въ лубочныя картинки не перешли. Время первыхъ трехъ царей дома Романовыхъ—Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича точно также ничего не представляетъ въ ряду лубочныхъ картинокъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что, по всѣмъ признакамъ, картинокъ съ историческимъ и политическимъ содержаніемъ изъ этого времени не только не сохранилось, но и вовсе не было.

За то въ эпоху Петра Великаго ихъ появляется цѣлая масса. Въ эту пору народъ былъ затронутъ въ самыхъ коренныхъ своихъ симпатіяхъ и привычкахъ, весь складъ его жизни былъ насильственно потрясенъ до корней, начиная отъ самыхъ важныхъ національныхъ основъ и кончая мелкими подробностями вѣшности. Не имѣя силы для сопротивленія, онъ естественнымъ образомъ гнулсѣ и покорялся, но все-таки ропталъ и жаловался, и выражалъ свое недовольство въ

той формѣ, которая почти одна ему еще и оставалась для этого доступною — въ формѣ юмора и художественнаго иносказанія. Громадное историческое значеніе гениальнаго преобразователя Россіи оставалось неизвѣстно темной массѣ народной, но она слишкомъ ярко чувствовала раны, безжалостно, а иногда совершенно безцѣльно ей наносимыя, и — стопала какъ умѣла.

Однимъ изъ важнѣйшихъ народныхъ созданій этого рода является знаменитая лубочная картинка „Мыши kota погребаютъ“. Г. Ровинскому принадлежитъ та честь, что именпо эту капитальную въ исторіи русскаго народнаго развитія лубочную картинку онъ изслѣдовалъ и опредѣлялъ съ наибольшею подробностью, всесторонностью и точностью. Во всѣхъ пяти томахъ текста его ничего нѣтъ важнѣе, замѣчательнѣе и солиднѣе этого его изслѣдованія.

Уже и раньше г. Ровинскаго нѣкоторые изъ числа русскихъ археологовъ приходили къ той мысли, что картинка „Мыши kota погребаютъ“ есть не что иное, какъ народная сатира на Петра I, и въ числѣ прочихъ, и также довольно подробно разсматривалъ этотъ вопросъ 24 года тому назадъ, когда, по порученію Академіи Наукъ, писалъ разборъ сочиненія г. Ровинскаго „Обозрѣніе русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ съ 1564 до 1725 года“ (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, за 1858 годъ). Для всѣхъ изслѣдователей первымъ указаніемъ служилъ говоръ народный, народное преданіе, уцѣлѣвшее до нашихъ дней и упорно стоявшее на томъ, что, „картинку эту сочинили раскольники на Петра I“.

При такомъ важномъ указаніи, полтруда уже было сдѣлано, становилось уже несравненно легче раскрывать подробности, сравнивать и опредѣлять ихъ. Но честь окончательнаго и уже навсегда несомнѣннаго рѣшенія вопроса вполне принадлежитъ г. Ровинскому. Конечно, чувствуя всю важность этого вопроса, онъ оставилъ свое изслѣдованіе такимъ богатствомъ подробностей, такимъ обиліемъ приемовъ, такою тщательностью и такимъ вниманіемъ къ наималѣйшимъ деталямъ, какія лишь рѣдко встрѣчаются въ изслѣдованіи произведеній народнаго творчества. Такъ какъ въ нашей ученой литературѣ, рядомъ съ мыслью объ историческомъ смыслѣ этой картинки, издавна существовало убѣжденіе, что формы и подробности ея — происхожденія все-таки не русскаго, а иностраннаго, европейскаго или восточнаго, то г. Ровинскому захотѣлось разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ о происхожденіи, такъ чтобы впредь всякій споръ сдѣлался о немъ излишенъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился на изслѣ-

довапія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: онъ, во первыхъ, просмотрѣлъ въ европейскихъ музеяхъ и библіотекахъ всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ западныхъ народовъ, гдѣ можно было встрѣтить искомый первообразъ, и вотъ, къ какому онъ пришелъ результатамъ. Въ чешской хроникѣ Гайка никакой приписки о картинкѣ „Мыши кота погребаютъ“ XVI вѣка не оказалось ¹⁾. Потомъ, говоритъ г. Ровинскій, — „ни въ Дрезденскомъ музеѣ, ни въ другихъ европейскихъ собраніяхъ нѣтъ гравюры, изображающей кота царя Ивана Васильевича (какъ утверждалъ Снегиревъ), а въ Дрезденской галлерей выставлена только довольно рѣдкая гравюра Голлара, съ подписью „Le vray portrait du chat du grand-duc de Moscovie. 1661“, экземпляры которой находятся и въ Петербургской публичной библіотекѣ и въ его (Ровинскаго) собраніи. Такимъ образомъ, родословіе кота нашего отъ лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными“. Затѣмъ г. Ровинскій обратился къ Востоку. И сначала, онъ показалъ, что прежніе наши археологи лишь голословно, и не видавъ собственными глазами подлинныхъ восточныхъ памятниковъ, пробовали производить нашу картинку изъ Индіи, Китая, Египта и т. д. На одной изъ замѣчательнѣйшихъ и наиважнѣйшихъ страницъ своей книги, послѣ опроверженія европейскаго происхожденія нашей народной картинки, онъ говоритъ: „Еще менѣе представляется данныхъ къ производству этого кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи приводятъ въ примѣръ индѣйскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индѣйскимъ богомазомъ въ новѣйшее время ²⁾: тамъ сидитъ котъ Видало, а по обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же ошейнику; у задней въ лапахъ копье. Кромѣ того, на спинѣ у кота сидятъ маленькіи мышки и держатъ въ лапахъ что-то въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на

¹⁾ На нее указывалъ, еще въ 1821 году, Макаровъ. Онъ говоритъ: «Въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка, 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую же сатиру, какую лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинки была сатира въ лицахъ, вышущенная въ свѣтъ сперва лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII».

²⁾ Эта картинка, по просьбѣ г. Ровинскаго, отыскана въ Индіи и приведена сюда однимъ знакомымъ его, Е. И. Барановскимъ.

престолѣ сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящею мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ. Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я накупилъ множество такихъ картинокъ, дѣланныхъ отъ руки, въ Бомбеѣ, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихпнаполи: въ числѣ ихъ двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками. Въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ на остаткѣ древняго египетскаго папируса, на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышинными войсками. Въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ — кошки подносятъ ей разные дары (Champfleury, Hist. de la caricat. antique, p. 24). Въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камень, на которомъ представлена кошка, играющая на скрипкѣ, передъ нею пляшетъ мышь (тамъ же, 81). Въ Парижской библиотекѣ, въ „Collection Nonnin“ (XVIII, 21), есть народная картинка — война мышей съ кошками, съ подписью: „A Lyon, par Léonard Odet, coin de la rue Ferrandière, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits“, внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ, ни одна изъ этихъ картинокъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ „погребеніемъ“: съ перваго же взгляда ясно, что ни въ индѣйскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ нѣтъ положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашею картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картинка — чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ нюренбергскими похоропами охотника, на которые указываетъ Снегиревъ, ни съ другими западными измышленіями. Всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта—это вполне оригинальное произведеніе русскаго народнаго буффа“ (т. IV, стр. 257—259).

Со всѣми этими общими соображеніями г. Ровинскаго нельзя не согласиться. Вражда мышей съ котами, одолеваніе то той, то другой стороны—все это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что изображено въ русской народной картинкѣ. Рѣчь идетъ здѣсь не о возстаніи слабыхъ на сильныхъ, не о побѣдѣ первыхъ надъ вторыми, но также не о торжествѣ сильныхъ надъ слабыми—ни того, ни другаго нѣтъ

въ нашемъ дубочномъ изображеніи. Обычное, вѣками и природою установленное отношеніе kota къ мышамъ и мышей къ коту сохраниено во всей ненарушимости. Мыши не возстаютъ, не бунтуютъ, не сопротивляются и не предпринимаютъ никакой осады, ни войны. Онѣ вполне покорны существующему порядку, но только, когда ихъ всегдашняго врага и притѣснителя уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, онѣ радуются, общими силами запрягшись въ ляжки везутъ kota хоронить, везутъ поминальные пироги и блины на синяхъ, да поминальное же питье въ ушатахъ, играютъ на волынкахъ, распѣваютъ пѣсни и даже, набравшись храбрости до высшей степени, „kota проклинаютъ“. Все это живо и вѣрно рисуетъ исторію нашихъ раскольниковъ, какъ той части Русскаго народа, которая была до глубины души потрясена и взволнована беспощадною и часто безцѣльною ложкой, какую предпринялъ Петръ Великій надъ всѣми формами коренной русской жизни и надъ всѣми подробностями кореннаго русскаго быта. Въ характерномъ, но слабомъ и запоздаломъ протестѣ недовольныхъ Петромъ Русскихъ пѣтъ ничего чужеземнаго, ничего заимствованнаго, копированнаго: все своеобразно, все полно подробностей специально-національныхъ. Замѣчательно, что самъ народъ изображаетъ себя тутъ слабою, безсильною мышкой, самъ надъ собою трунить, подсмѣивается и зубоскальничаетъ. Наверядъ ли встрѣтишь подобную черту въ другихъ народныхъ картинкахъ и сатирахъ.

Доводы г. Ровинскаго въ пользу того, что въ настоящей картинкѣ подъ видомъ kota представленъ никто иной, какъ Петръ I, неопровержимы. Эти доводы, основанные на подробнѣйшемъ и тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи всѣхъ разнообразныхъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени переводовъ этой картинки, изъ Императорской Публичной бібліотеки, Олсуфьевскаго собранія, коллекціи самого г. Ровинскаго, очень обширны, и потому было бы невозможно повторять ихъ здѣсь во всей подробности, но достаточно будетъ перечислить ихъ вкратцѣ. Вотъ въ чемъ они состоятъ: 1) Выписанные надъ котомъ титулы суть титулы царскіе: „котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій“ и т. д. 2) Котъ этотъ былъ „знатный подбивало и веселый объѣдало“. 3) Котъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ чухнами и всѣмъ чухонскимъ („Чухонка вдова Маланья“, „чухонскія дровни“, „ушатъ мерзлаго ива изъ-подъ Маймистскаго захода“). 4) Котъ былъ права крутаго („по цѣлому мышенку глоталъ“, около его дровенъ идетъ множество сильно искалѣченнаго имъ народа: у кого „рыло отшибено“, кто „пораженъ“ имъ, кто принужденъ

„на костыляхъ“ брести). Замѣчательно, что обиженными и черзчуръ прогивъ шерсти затронутыми, со стороны кота, оказываются личности, являющіяся чуть не со всѣхъ концовъ не только самой Москвы, но и всего нашего отечества. Сначала дѣло идетъ о Москвѣ: мыши съ Балчюга, изъ нѣмецкихъ лавокъ, съ Рогожскаго, съ Таганки, съ Арбата, съ Полянки. Но потомъ идетъ дѣло и о разныхъ краяхъ Россіи: мыши „деревенская“ и „сельская“, мыши съ Дона, изъ Татаръ, съ Гязани, мыши Ермаки, украинскія, чухопскія (съ Рожновой горы), охтенскія и ямскія (=петербургскія), шляшенскія, коломенскія, олонецкія, Корелки, съ Крыма, Новгородки, — наконецъ, „мышь полевая“. Тутъ дѣло идетъ, по видимому, уже не объ однихъ раскольникахъ: обиженныя и оскорбленныя, удрученныя и преслѣдуемыя мыши явились вдругъ со всѣхъ краевъ Россіи, и часто изъ такихъ, которые именно только при Петрѣ I вступили въ составъ Русскаго государства, такъ что тутъ не можетъ быть рѣчи объ однихъ только специально раскольникахъ. 5) Въ четырехъ мѣстахъ текста говорится о лаптяхъ, которыми, какъ извѣстно, Петръ I сильно интересовался. 6) Похороны происходятъ зимой, дровни везутъ восемь мышей. 7) Котъ умеръ, по сказанію надписи, въ „сѣрый четвергъ“, въ „шестопятое число“: въ поясненіе послѣднихъ подробностей г. Ровинскій указываетъ на то, что Петръ I скончался въ „четвергъ“, съ 5-го на 6-е января (=шестопятое число), что во время похоронъ тѣло Петра I везли въ саняхъ, запряженныхъ восемью лошадьми (=сапи на 8 мышахъ лубочной картинкѣ), и притомъ „съ музыкой“, какъ на лубочной картинкѣ). 8) Наконецъ, въ числѣ подробностей, ярко доказывающихъ, въ лубочной картинкѣ, намѣреніе изобразить тутъ Петра I, г. Ровинскій (согласно розысканіямъ прежнихъ изслѣдователей, и именно моимъ) указываетъ на изображеніе въ картинкѣ „мышки, тянущей табачишка“: раскольникамъ было очень противно дозволеніе, данное Петромъ I указами 1698 и 1723 годовъ, иностранцамъ ввозить табакъ и трубки въ Россію. Въ добавокъ къ прочимъ подробностямъ о табакѣ, высказаннымъ въ этомъ мѣстѣ г. Ровинскимъ, скажу съ своей стороны, что въ лубочной картинкѣ Императорской Публичной библиотекѣ, изъ собранія Погодина, всѣ мыши, идущія хоропить Петра I, тянущія его дровни или песущія поминки по немъ, всѣ представлены чернаго цвѣта, но мышъ, тянущая табачишка, одна представлена бѣлою, точно также какъ бѣлымъ представленъ и самъ котъ, котораго хоропятъ: значить, эта мышъ совсѣмъ другая, чѣмъ всѣ прочія, и по цвѣту (=характеру, натурѣ) она со-

стоитъ въ согласіи и единствѣ съ тѣмъ котомъ, котораго хоронятъ, и который любилъ и позволялъ такое омерзительное дѣло, какъ куреніе табака. Притомъ же она насѣла на спину черной мыши. Къ этимъ восьми главнымъ пунктамъ доказательствъ своихъ г. Ровинскій прибавляетъ еще нѣсколько другихъ, меньшей важности. Но всё они вмѣстѣ, въ общей своей сложности, не оставляютъ никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что настоящая картинка—политическая каррикатура на Петра Великаго.

Другая, подобная же знаменитая лубочная картинка изслѣдована г. Ровинскимъ совершенно самостоятельно. Это „Яга-Баба, дерущаяся съ крокодиломъ“. Про „Мыши котъ погребаетъ“ писали, раньше г. Ровинскаго, и другіе наши изслѣдователи, и приходили къ убѣжденію, что въ этой картинкѣ подъ видомъ кота разумѣется никто другой, какъ Петръ I. Про „Бабу-Ягу съ крокодиломъ“ тоже писали у насъ раньше г. Ровинскаго, но только со стороны технической и художественной, и никто еще, до сихъ поръ, не пробовалъ доказывать, что и эта картинка имѣетъ значеніе историческое, и подобно предыдущей, есть сатира на Петра I. Но и на этотъ разъ г. Ровинскій имѣлъ, со своими доказательствами, полный успѣхъ. Его доводы имѣютъ силу неоспоримую. Картинка „Баба-Яга съ крокодиломъ“, по происхожденію своему, принадлежитъ болѣе раннему времени, чѣмъ „Мыши котъ погребаетъ“: послѣдняя картинка сочинена никакъ не ранѣе смерти Петра I (потому что указываетъ даже на день и число погребенія и на разныя характерныя подробности этого погребенія, дѣйствительно совершившіяся въ 1725 году), а „Баба-Яга“ явно сочинена еще въ то время, когда Петръ I былъ живъ; но тѣмъ не менѣе, картинка болѣе поздняя имѣетъ несравненно большее значеніе. чѣмъ картинка, предшествовавшая ей по времени. Картинка „Мыши котъ погребаетъ“ есть цѣлый „обвинительный актъ“ противъ Петра I, полное перечисленіе всего, чѣмъ были недовольны и возмущены съ его стороны Русскіе люди конца XVII и начала XVIII вѣка—это обвинительный актъ его дѣяній государственныхъ и историческихъ. Задача „Бабы-Яги съ крокодиломъ“ гораздо уже: здѣсь заключается только „обвинительный актъ“ противъ его частной жизни. Картинка представляетъ сатирической дуэтъ, гдѣ Петръ I является съ глазу на глазъ со своею второю супругою, Екатериною Алексѣевною. Она—крокодилъ (любимое названіе Петра I у раскольниковъ), она—злая чухонская колдунья. Г. Ровинскій находитъ даже, что въ одномъ изъ переводовъ этой картинки (№ 38 въ его Атласѣ) Баба-Яга на-

поминаетъ нѣсколько портретъ Екатерины I въ обезображенномъ типѣ Моора, въ гравюрѣ Ивана Зубова—и я охотно примыкаю къ этому мнѣнію, находя его вполне справедливымъ. Для громадной массы Русскихъ начала XVIII вѣка казалось невыносимымъ, чтобы женою царя явилась, на мѣсто коренной Русской, какую была Евдокія Федоровна Лопухина, первая супруга Петра, какая-то Шведка, или какъ простой народъ называлъ ее тогда—Чухонка. Она казалась чѣмъ-то „нечистымъ“, какимъ-то нехристомъ, чаровницей, колдуньей, околдовавшей Петра, и вотъ грубые мужики русскіе представляютъ ее въ чухонскомъ нарядѣ, въ мѣховой шапкѣ, въ платьѣ, отороченномъ мѣхомъ и вышивками, колдуньей на свиньѣ (= олицетвореніи злаго духа и всяческаго злаго начала). Она, со злобой высунувъ языкъ и вытаращивъ глаза, ведетъ атаку на „крокодила“, потрясая въ воздухѣ пестомъ и держа на готовѣ, за поясомъ, гребень для пряжи ¹⁾ и топоръ. Онъ, хотя тоже сердитый и злой, тоже съ выпученными злами, но ничего самъ противъ нея не предпринимаетъ, да притомъ же онъ безоруженъ, онъ только защищается противъ ея атаки. Она быстро несется на него, сидя верхомъ на своей свиньѣ; онъ же сидитъ смиренно на корточкахъ и только выдвинулъ свои переднія лапы ей на встрѣчу. Она является здѣсь, по народному понятію, началомъ активнымъ, онъ — пассивнымъ. Она затѣваетъ баталію, онъ только продолжаетъ ее. И изъ-за чего все дѣло пошло? Изъ-за „скляницы съ виномъ“, „стоящей подъ кустомъ“, изъ которой каждому изъ нихъ охота была великая напиться: злой намекъ народа на извѣстную приверженность Петра Великаго и его супруги къ крѣпкимъ напиткамъ. А чтобы никто изъ зрителей не могъ сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ не о какомъ-то неизвѣстномъ, о какомъ-то безразличномъ Иксѣ, а именно о Петрѣ, крокодилъ картинка посаженъ у воды, и тутъ въ уголку представленъ корабликъ съ парусами и мачтами — любимая утѣха и цѣль стремленій Петра I.

Еще въ другой народной картинкѣ, того же направленія и той же эпохи, Баба-Яга представлена уже въ ладахъ со своимъ мужемъ (№ 39).

¹⁾ Г. Ровинскій называетъ этотъ гребень—граблями (т. I, стр. 133), но это несправедливо: въ этомъ легко убѣдится всякій, собственными глазами видавшій крестьянскій (все равно русскій или чухонскій) гребень для пряжи; но полнымъ подтвержденіемъ служить еще лубочная картинка въ атласѣ г. Ровинскаго № 149, на которой представлена «баба, пряжущая нитки»: здѣсь изображена баба въ сарафанѣ и кичкѣ, пряжущая на прялкѣ, надъ которою находится точно такой гребень, какъ за поясомъ у Бабы-Яги.

Они пляшутъ вмѣстѣ. Оня является уже не „крокодиломъ“, а просто „мужикомъ, плѣшивымъ старикомъ“, она—все по прежнему Баба-Яга, злая и противная. Наконецъ, еще въ иныхъ картинкахъ изображено преобладаніе Екатерины надъ Петромъ—преобладаніе, только мерещившееся нашему народу, а на дѣлѣ вовсе не существовавшее: Петръ I заключалъ въ натурѣ своей такой могучій, самостоятельный и самобытный характеръ, что, конечно, не слабый и безцѣлнотный, въ интеллектуальномъ отношеніи, Екатерининѣ было къ чему-нибудь направлять его. Это преобладаніе изображено на этотъ разъ посредствомъ старинной общераспространенной сказки о томъ, какъ молодая женщина осѣдала старика и ѣдетъ на немъ верхомъ, а онъ покорно бредетъ на четверенькахъ (№ 220). На нашей картинкѣ осѣданному пришлось такъ тяжело, что онъ даже опирается, спереди на клюку, а сзади ровняетъ калѣ. На этотъ разъ Баба-Яга представлена уже не въ волшебномъ и національномъ костюмѣ, а въ костюмѣ новомъ, современномъ, европейскомъ, въ манжетахъ и перчаткѣ, и только на головѣ надѣтъ какой-то фантастическій токъ ¹⁾.

Открытіе истиннаго значенія всѣхъ этихъ народныхъ картинокъ принадлежитъ вполне г. Ровинскому. Правда, ему руководною нитью служило, до нѣкоторой степени, преданіе, даже и до сихъ поръ уцѣлѣвшее у раскольниковъ и приписывающее нѣкоторымъ изъ этихъ картинокъ именно смыслъ карикатуръ на Петра I и Екатерину; но это было только указаніе темное, еще не подкрѣпленное никакими частными, подробными доводами: г. Ровинскій отыскалъ и вывелъ на свѣтъ эти доводы, представилъ доказательство въ полномъ ихъ вооруженіи. Радуюсь этому и вполне соглашаясь съ доводами этими, я считаю полезнымъ подкрѣпить ихъ еще нѣкоторыми указаніями. Оставляя даже въ сторонѣ, на минуту, самыя изображенія, подробности костюпныя, этнографическія и историческія, я пахожу даже въ самыхъ текстахъ, сопровождающихъ эти картинки, одни и тѣ же выраженія, одинъ и тотъ же складъ и обороты рѣчи, которые не встрѣчаются болѣе ни въ какихъ другихъ народныхъ нашихъ картинкахъ, и связываютъ эти, относящіяся до Петра I, изображенія въ одну группу, въ одно нераздѣльное цѣлое, котораго отдѣльные члены,

¹⁾ Г. Ровинскій не правъ, называя костюмъ Нямки то «турецкимъ», то «чухонскимъ» (т. I, стр. 450; т. V стр. 40). Тутъ ни турецкаго, ни чухонскаго ничего нѣтъ, все — европейское, за исключеніемъ одного тока или берета, котораго характеръ фантастическій.

народные листы, исходили изъ одной той же мастерской, изъ однихъ и тѣхъ же рукъ, изъ однихъ и тѣхъ же головъ и настроенія. Въ картинкѣ „Мыши кота погребаютъ“ говорится: „Чюрилка сарпачъ въ сопѣль (свирѣлку) играетъ, а ладу не знаетъ“; въ „Бабѣ-Ягѣ“ пляшущей съ мужикомъ: „... скачутъ, пляшутъ, въ волюнку играютъ, а ладу не знаютъ“. Въ „Бабѣ-Ягѣ съ крокодиломъ“: „Да у нихъ же подъ кустомъ—скляница съ виномъ“; въ „Мыши кота погребаютъ“— „А заступъ въ торокахъ—Да скляница вина въ рукахъ“; въ „Нѣмка въ верхомъ на старикѣ“: „Посулила ему скляницу вина“, „Да курганъ (= кумганъ) пива“, и т. д. И тутъ, и тамъ складъ, разиѣръ стиха, выраженія—совершенно тождественны. О тождественности техническаго способа гравюры будетъ говорено ниже. ...

Замѣчу еще, что, по моему глубокому убѣжденію, нельзя считать единственными сатирами на Петра I только тѣ наши народные картинки, которыхъ истинное содержаніе и смыслъ такъ блистательно доказаны теперь г. Ровинскимъ. Я твердо увѣренъ, что дальнѣйшія изслѣдованія нашихъ знатоковъ непремѣнно приурочатъ къ этой же категоріи еще множество другихъ народныхъ картинокъ. Въ настоящее время, не входя въ слишкомъ обширныя подробности, укажу на два примѣра.

Коль скоро несомнѣнно то, что къ личности Петра I и Екатерины I относится картинка: „Нѣмка въ верхомъ на старикѣ“ (№ 220), то вѣтъ, мнѣ кажется, никакого резона не относить точно также къ тому самому разряду сатиры на Петра I и Екатерину картинки: „Старый Нѣмецъ на колѣняхъ у молодой Нѣмки“, „Молодая Нѣмка кормитъ стараго Нѣмца соской“ (№№ 217, 218, 219 у г. Ровинскаго). Содержаніе, направленіе, общій складъ, частныя подробности, рисунокъ, гравюра, выраженія текста—вездѣ совершенно родственны. А если главное дѣйствующее лице названо „Нѣмцомъ“, и костюмы у всѣхъ на картинкахъ нѣмецкіе, то это не должно вводить насъ въ заблужденіе: это не болѣе, какъ нехитрый литературный приѣмъ для отвода глазъ. Притомъ же эти костюмы, какъ и вообще всѣ подробности рисунка, совершенно тождественны съ таковыми же несомнѣнно русскаго происхожденія Петровской эпохи, каковы: „Блишница“ (№ 120), „Угощеніе яблоками“ (№ 125) и другія. Въ числѣ сходныхъ подробностей замѣтимъ двѣ особенно важныя: на картинкахъ №№ 218 и 219 старикъ испускаетъ изъ себя калъ, точно также какъ на картинкѣ 220 (при чемъ ему помогаетъ лѣкаръ-Нѣмецъ), а на картинкѣ № 220 старикъ представленъ съ длинною бородой, точь въ точь какъ „кро-

кодиль“ на картинкѣ „Баба-Яга ѣдетъ съ крокодиломъ драться“ (№№ 37 и 38), конечно, для отвода глазъ и мысли зрителя отъ Петра I, такъ какъ тотъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ бороды.

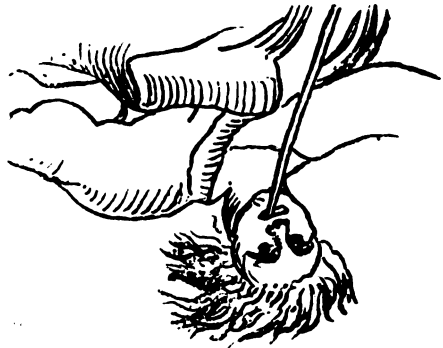
Другой примѣръ. Основываясь на устныхъ раскольничьихъ преданіяхъ, г. Ровинскій признаетъ, что въ народной картинкѣ Олсуфьевскаго собранія „Христосъ побѣждаетъ Антихриста“ (№ 1016) Антихристъ, упавшій съ коня и поражаемый молніеноснымъ мечемъ, исходящимъ изъ рукъ Христа, сидящаго на облакахъ, изображенъ съ лицомъ Петра I. Но если это драгоцѣнное указаніе вполне справедливо (въ чемъ я ничуть не сомнѣваюсь), то точно также необходимо признать относящуюся къ личности Петра I еще одну народную картинку, всегда бывшую у насъ въ народѣ очень знаменитою. Это— „Быкъ не захотѣлъ быкомъ быть“. Г. Ровинскій говоритъ: „Первоначальные мотивы этой картинки можно подыскать во многихъ западныхъ произведеніяхъ: въ средневѣковыхъ миниатюрахъ есть изображенія мужчины, посаженнаго за прялку; у Ганса Сакса зайцы жарятъ охотника на вертелѣ (Scheible, Das Schaltjahr, I, 409); въ нашемъ Эрмитажѣ есть картина знаменитаго Поттера, на которой представленъ судъ звѣрей надъ охотникомъ. Но полнѣе всего мотивы Свѣта на изворотѣ представлены на заглавномъ листѣ англійскаго лубочнаго изданія: Mad fashions, odd fashions... by John Taylor, London, 1642 (Old book collectors, by Ch. Hindley, London, 1873, vol. III)“. По моему мнѣнію, нѣтъ не только близкаго, но даже и далекаго сходства въ личностяхъ, предметахъ и подробностяхъ, изображенныхъ на каждой изъ этихъ народныхъ картинокъ. Въ одномъ случаѣ на сценѣ мужчина за прялкой, въ другомъ—зайцы, жарящіе охотника, въ третьемъ—охотникъ, судимый звѣрями, въ четвертомъ—человѣкъ, насучившій себѣ на руки сапоги со шпорами вмѣсто перчатокъ, церковь внизъ крышей, свѣча внизъ огнемъ, лошадь, замахнувшаяся на упавшаго изъ телеги сѣдока, собака, бѣгущая отъ зайца, кошка отъ мыши, рыба, плавающая въ воздухѣ, и т. д. Вездѣ тутъ изображенъ только „свѣтъ на изворотѣ“, представлена смѣхотворная идея, забавная „небылица въ лицахъ“, балагурство, очень нерѣдко приходившее на умъ людямъ разныхъ странъ и разныхъ эпохъ, всякій разъ на на свой особый ладъ. Подобныя же смѣхотворныя изображенія есть, конечно, и на нашей картинкѣ, напримѣръ: „овца, искусная мастерица, велитъ всѣмъ пастухамъ остричься“: „мужикъ, парядясь, въ стулѣ сидитъ, хочетъ стряпчихъ, судей и подъячихъ судить“; „попугай мужика въ клѣтку посадилъ, чтобы онъ говорилъ“ и т. д. Я

готовъ даже согласиться, что всѣ опѣ, или по крайней мѣрѣ многія, суть ничто иное, какъ копіи съ иностранныхъ оригиналовъ, потому что не только въ костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, но и во многихъ другихъ подробностяхъ, указываютъ на условія быта вовсе не русскаго; такъ напримѣръ, много разъ представленъ осель, какъ принадлежность крестьянскаго быта („осель мужика погоняеть“, „бабы осла забавляли“, „осель мужика бриль“... и т. д.); но замѣчу, что всѣ эти изображенія являются въ нашей картинкѣ изображеніями второстепенными, малепькими сюжетниками, составляющими рамку вокругъ главнаго, центрального сюжета. А этотъ главный, центральный сюжетъ — уже вовсе не смѣхотворный и не балагурный, не забава и не шутка, а сюжетъ страшный и трагическій. Текстъ изъ виршей говоритъ здѣсь: „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ. Когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удару, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился, то быкъ выхватить у него топоръ потщился, отрубивши ему руки, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами“. Здѣсь восемь стиховъ, и они рисуютъ цѣлую сцену: остальные 13 малепькихъ картинокъ снабжены каждая всего только двумя стихами, содержаніе которыхъ всякій разъ очень кратко и разказываетъ всего только одинъ моментъ, а не нѣсколько послѣдовательныхъ, какъ главной картинки. Но, кромѣ этихъ существенныхъ отличій, мы въ этой послѣдней встрѣчаемъ еще нѣсколько другихъ. Вопервыхъ, топоръ, которымъ завладѣлъ быкъ, имѣетъ форму топора русскаго (другое топориче, короткое, и совершенно иначе насаженное, въ сравненіи съ иностранными). Вовторыхъ, на быкѣ фартукъ и малые ножи, привѣшенные сбоку у пояса, точь въ точь какъ у настоящихъ русскихъ мясниковъ даже и до сихъ поръ. Втретьихъ, лицо и голова повѣшеннаго ногами, вверхъ мясника представляетъ замѣчательное сходство съ лицомъ и головою Антихриста, изображеннаго въ одной любопытной лубочной картинкѣ раскольническаго происхожденія. Описывая картинку изъ Олсуфьевскаго собранія „Христосъ побѣждаетъ Антихриста“, г. Ровинскій говоритъ, что здѣсь раскольники нарисовали Антихриста въ образѣ Петра I. Но если это справедливо, съ чѣмъ я вполне согласенъ, то не могу не замѣтить, что голова мясника, повѣшеннаго вверхъ ногами, являющаяся поэтому лбомъ внизъ и подбородкомъ вверхъ, съ волосами, раскатывшимися внизъ и повисшими въ пространствѣ (картинка № 176 въ Атласѣ г. Ровинскаго, нашъ рисунокъ № 2) представляетъ, по моему мнѣнію, разви-

тельное сходство съ головою Антихриста (= Петра I), представленнаго упавшимъ съ коня: Антихристъ изображенъ (картинка № 1016 въ Атласѣ г. Ровипскаго) головою внизъ, ногами вверхъ; поза и поворотъ головы (нашъ рисунокъ № 1) точь въ точь—тѣ самыя, что и въ картинкѣ „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ“, и что гораздо важнѣе, не только форма разметавшихся, повисшихъ внизъ волосъ, но и форма лица представляетъ близкое сходство. Для сравненія представляю здѣсь снимки съ обѣихъ головъ.

№ 2.

№ 1.

Замѣтимъ при этомъ, что обѣ картинки: „Христосъ побѣждаетъ Антихриста“ и „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ“ — гравированы на мѣди, и по всей вѣроятности, ничто иное, какъ позднее воспроизведение оригиналовъ болѣе старыхъ, гравированныхъ первоначально на деревѣ и представлявшихъ прежде въ болѣе простыхъ и несравненно менѣе сложныхъ формахъ: я считаю, что отношеніе поздняго оригинала къ старому было здѣсь точно такое же, какъ, напримѣръ, между первоначальными изданіями „Мыши kota погребаютъ“, гравированными еще на деревѣ (№№ 166, 167, 168), и болѣе поздними, гравированными на мѣди (№ 169 разныхъ переводовъ). Въ послѣднихъ многос уже измѣнено, убавлено или добавлено, но главные мотивы вполнѣ просвѣчиваютъ сквозь позднѣйшія формы и подробности.

Къ числу картинокъ, считаемыхъ по настоящее время только вообще „забавными“, по еще не имѣющими никакого спеціальнаго приуроченія, относится между прочимъ, также и картинка: „Медвѣдь съ козою проклажаются“ (№№ 177, 178, 179). На первый взглядъ, у этой картинки нѣтъ никакого особеннаго значенія, и она содержитъ въ себѣ одну только шутку, народное балагурство на ту тему, что „медвѣдь съ козою проклажаются, на музыкѣ своей забавляются, и

медвѣдь шляпу вздѣлъ, да въ дудку игралъ, а коза.... скачетъ, и въ присядку пляшетъ". Можно было бы даже, пожалуй, предполагать, что этотъ медвѣдь и эта коза ничто иное, какъ „ряженые“, тѣ самыя, чтò являются на крещенскихъ и масляничныхъ забавахъ. Однако, при болѣе подробномъ изслѣдованіи, оказывается, что тутъ у насъ не простыя медвѣдь и коза, а точно такія же историческія аллегоріи, какія мы встрѣчали въ картинкахъ: „Мыши ката погребаютъ“, „Баба-Яга“ съ крокодиломъ, или мужикомъ и т. д. Коза нашей картинки № 177 (со всѣми послѣдующими ея копіями и передѣлками, какова, напримѣръ, „Шутиха Аринка“, Атласъ № 103) есть совершенная копія или повтореніе одной мыши въ Котовомъ погребеніи №№ 166 и 170. Въ верхней полосѣ этихъ картинокъ (въ картинкѣ № 170, подъ № 11) нарисована „мышь съ Рязани сива, въ сарафанѣ синемъ, идучи горько плачетъ, и сама въ присядку пляшетъ". Она представлена стоящею прямо, руки въ боки, но мордочка ея повернута вправо; сарафанъ на ней очень замѣчательный, старинной коренной, русской формы: онъ не подносанъ, и шитъ безъ талии, безъ всякихъ рукавовъ и держится только на плечахъ; напередѣ онъ разрѣзанъ сверху до пизу и застегнутъ рядами застежекъ. Въ картинкѣ „Медвѣдь съ козю" эта самая фигура повторена еще разъ, но только подъ видомъ козы: про нее тоже сказано въ текстѣ, что она „сива, въ сарафанѣ синемъ, скачетъ и въ присядку пляшетъ"; костюмъ ея точь въ точь тотъ же самый, чтò въ Котовомъ погребеніи, а именно сарафанъ безъ рукавовъ, держащійся только на плечахъ, безъ талии, съ разрывомъ, идущимъ отъ верху до низу и застегнутымъ рядами аграфовъ. Поза также совершенная одинаковая: все тѣло съ лица, одна только козья ея мордочка поворочена вправо, одна рука уперта фертомъ въ бокъ, была бы уперта точно такъ и другая, какъ въ Котовомъ погребеніи, да только поднялась, потому что трясеть въ воздухъ ложками. Главная разница (кромѣ козьею головою и ногъ, замѣнившихъ голову и лапки мышья) состоитъ въ томъ, что эта коза—съ колокольчиками, украшающими ее точно также, какъ „вздѣтая на голову шляпа" украшаетъ ея партнера по пляскѣ — медвѣдя. По всей вѣроятности, этотъ медвѣдь, чтò „въ дудку играетъ", есть тотъ самый Чурилка-сарначь, который въ Котовомъ погребеніи играетъ въ однихъ переводахъ на сопѣлкѣ, въ другихъ—на свирѣлкѣ. Въ картинкѣ № 177 и проч. онъ уже является въ нѣмецкой шляпѣ, можетъ быть, по той же самой причинѣ, по какой дѣйствующія лица картинокъ „старый

Нѣмецъ съ молодою Нѣжкой“ (№№ 217, 218, 219) представлены также въ какихъ-то необыкновенныхъ иностранныхъ шляпахъ.

Всѣ эти сатирическія картинки на Петра I были въ ходу у насъ въ народѣ цѣлыхъ полтора ста лѣтъ, продолжали печататься и распространяться даже до второй половины настоящаго столѣтія, но первоначальное, историческое ихъ значеніе давно уже стерлось и позабылось. Въ народѣ онѣ остались только съ характеромъ „забавныхъ“, потѣшныхъ листовъ: тотъ глубокій смыслъ, что въ нихъ присутствовалъ, давно уже утраченъ, подобно тому, какъ въ вышивкахъ великорусскихъ полотенецъ давнымъ давно позабытъ весь язычески-религиозный, первоначальный ихъ смыслъ, и уже давно народъ не видитъ тутъ ничего, кромѣ каурявыхъ, совершенно произвольныхъ орнаментовъ: лишенныхъ всякаго значенія пѣтушковъ, павлиновъ, коньковъ, львовъ, человѣчковъ и зданій. Къ великой чести г. Ровинскаго относится то, что онъ сдѣлалъ попытку приподнять хоть уголокъ таинственной завѣсы: навѣрное, множество другихъ изслѣдователей пойдутъ у насъ по его стопамъ, поведутъ изслѣдованіе дальше, и что онъ сдѣлалъ относительно дубочныхъ картинокъ, относящихся къ эпохѣ и личности Петра I, распространять на другія эпохи и крупныя наши историческія личности.

Многія темы сами собою напрашиваются на подобное изслѣдованіе. Изъ числа сюжетовъ болѣе древняго времени я указалъ бы на картинку о „Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинникѣ“, и „Шемакинѣ судѣ“, которыя мы знаемъ теперь только въ новомъ, сравнительно молодомъ переводѣ, но первоначальныя формы которыхъ были, должно быть, судя по нѣкоторымъ признакамъ, иныя. Еслибы можно было возстановить эту первоначальную форму, мы имѣли бы тутъ, конечно, двѣ изъ самыхъ старыхъ и важнѣйшихъ русскихъ иллюстрацій и сатчръ на событія и личности историческія. Изъ числа болѣе новыхъ сюжетовъ, я указалъ бы на „Зерцало грѣшника“ (№ 742). Картинка эта, какъ извѣстно, дѣлана въ 1700 году, въ Амстердамѣ, Голландцемъ Тесингомъ, который вскорѣ потомъ умеръ, и именно въ 1701 году, а между тѣмъ, кавалеръ и дама, нарисованные въ самой серединѣ картинки, по убѣжденію раскольниковъ, представляютъ императрицу Анну Ивановну и Бирова. Какимъ образомъ и почему произошло такое народное толкованіе и приуроченіе, и не было ли позднѣйшихъ переводовъ картинки съ современными дополненіями и измѣненіями въ фигурахъ и текстѣ—вотъ что требуетъ изслѣдованія.

Говоря о картинкахъ раскольниковыхъ, не могу не указать на одну

довольно мало изслѣдованную до сихъ поръ картинку, которую, по моему мнѣнію, непременно слѣдовало бы отнести къ числу раскольничьихъ. Я говорю о картинкѣ первой половины XVIII вѣка, гравированной на мѣди и носящей заглавіе „Корабль знаменующъ церковь воюющую и отъ еретиковъ гонимую на земли“ (Атласъ г. Ровинскаго, № 795). Г. Ровинскій замѣчаетъ, что въ этой картинѣ „низъ, то-есть, изображеніе еретиковъ, заимствованъ изъ огромнаго тезиса, 8-ми-листоваго размѣра, печатаннаго съ двухъ досокъ (обѣ доски въ академіи художествъ), поднесеннаго Ерофеемъ Іозефовичемъ епископу Суздальскому и Юрьевскому Варлааму Ленницкому, въ 1720 году“ (т. IV, стр. 576). Еретики, изображенные на этой картинѣ, стараются, одни—зацѣпить корабль баграми, другіе—достать его копьями, стрѣлами изъ луковъ, пулами изъ пищали. Эти еретики слѣдующіе: „Владыка унеять, Кишка унеять, Оригенъ, Ешикуръ, Лютеръ ¹⁾, Развратникъ, Евтихъ, Ляхъ, Кальвинъ, Езувиль, Арій попъ александрійскій, Мехметъ, Савелій, Жидъ“. Костюмы и обликъ большинства между ними очень характерны: такъ напримѣръ, у „Владыки уніата“, снабженнаго большимъ горбатымъ носомъ, шапка на головѣ совершенно особенной формы, въ родѣ митры католическаго епископа; поверхъ длинной и широкой мантии верхняя накидка, кончающаяся свали остриемъ съ кистью на концѣ, онъ бритый; у „Кишки-уніата“ круглая шапка на головѣ, въ родѣ турбана, онъ въ мантии съ широкимъ круглымъ воротникомъ и завязками у шеи, у него длинная борода; „Лютеръ“ въ короткомъ кафтанѣ (покроя XVII вѣка), съ широкимъ воротникомъ вокругъ шеи, въ родѣ ожерелья, и съ манжетами у кистей рукъ; „Развратникъ“—въ русскомъ короткомъ кафтанѣ съ петлями для застегиванія на груди, съ бородой и въ длинныхъ сапогахъ до колѣнъ; „Ляхъ“—въ длинномъ кафтанѣ, широкихъ и длинныхъ штанахъ и сапогахъ съ каблуками, богатыя ножны сабли привѣшены у него къ узорчатому богатому поясу, а обнаженною саблей онъ замахивается на „Корабль Церкви“; „Кальвинъ“—въ европейскомъ короткомъ кафтанѣ и широкополою шляпой, у которой края приподняты кверху; „Езувиль“—въ широкомъ плоскомъ воротникѣ и круглой скуфейкѣ на головѣ; „Арій попъ александрійскій“—въ восточномъ длинномъ костюмѣ, надѣтомъ поверхъ другаго платья,

¹⁾ Лютеръ пропущенъ въ исчисленіи г. Ровинскаго, вѣроятно потому, что слишкомъ неразборчиво имя его, написанное на кругломъ воротникѣ его, густо заштрихованномъ иглою гравера.

еще болѣе длиннаго, съ круглою шапкой на головѣ въ родѣ такого же турбана, какой надѣтъ на „Кишкѣ-униатѣ“; „Мехметъ“ (=султанъ Турецкій)— въ чалмѣ, въ короткомъ бешметѣ, съ саблей; наконецъ, „Жидъ“—въ широкополой шляпѣ, такой же формы, какъ у „Кальвипа“, и въ длинномъ плащѣ, на рукахъ у него манжеты. Позади него, какая-то фантастическая птица съ огромными глазами и разинутымъ клювомъ; изъ всего тѣла ея, стоящаго вертикально, выходятъ огненные языки—по всей вѣроятности, это олицетвореніе Ада. Въ этой картинкѣ, кромѣ костюма, очень важны нѣкоторые типы: такъ напримѣръ, „Ляхъ“, съ польскими характерными усами и физиономіей, „Мехметъ“ съ физиономіей дѣйствительно турецкою, „Жидъ“ съ характернымъ еврейскимъ носомъ и глазомъ. Все вмѣстѣ даетъ очень любопытный отчетъ о томъ, какъ Русскіе первой четверти XVIII вѣка представляли себѣ типы, характеры и костюмы самыхъ разнообразныхъ національностей, европейскихъ и азіатскихъ. Но, кромѣ всего этого, эта картинка кажется мнѣ очень важною въ томъ отношеніи, что, по всей вѣроятности, она есть произведеніе раскольниковъ. Всего болѣе меня убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что въ числѣ злыхъ еретиковъ, возставшихъ на Церковь и на Христа, а равно на помѣщающихся съ нимъ въ кораблѣ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, мученицъ, святителей и преподобныхъ, находится также и Русскій, „Развратникъ“, въ нашемъ національномъ костюмѣ. Само собою разумѣется, тутъ слово „Развратникъ“ не можетъ быть принимаемо въ нынѣшнемъ значеніи: „развратъ“ означало въ старой Руси—„ученіе, противное закону, вѣрѣ и истинѣ, ересь“¹⁾. Слѣдовательно, легко понять, къ кому относилось слово „развратникъ“, или „еретикъ“, помѣщенное въ картинкѣ, исходившей, въ началѣ XVIII вѣка, изъ среды народа: оно явно относилось къ „Никоніанцамъ“, къ послѣдователямъ „новшества“. Текстъ, награвированный внизу картинки, подтверждаетъ мое положеніе, мнѣ кажется, очень сильнымъ образомъ. Тамъ, между прочимъ, говорится: „Развратникъ тутъ-же въ томъ соборѣ ратуеть... не столько бѣдно отъ чужихъ мерзети какъ отъ своихъ чадъ злохульность терпети: смотри, прокляте, чимъ сосцами воспитанъ... престань всезлобіе матери ругаться... о проклятое адское пронырство, пропадешъ вовсе лукаво...“ и такъ далѣе. Все это рѣчи, выраженія и слова изъ очень извѣстной литературы нашихъ раскольниковъ XVII и XVIII вѣка.

¹⁾ Словарь церковно-славянскаго языка, т. IV, слово «Развратъ».

Вообще говоря, надо было бы особенно пристально исследовать всё картинки происхожденія раскольниковъ. Мы уже видѣли выше, что многія изъ наибавяжйшйшихъ по содержанію и наистарййшихъ по времени лубочныхъ картинокъ нашихъ дѣланы были раскольниками: къ этимъ особенно важнымъ картинкамъ слѣдовало бы присоединить и всё прочія раскольничьи, соединивъ ихъ всё въ одну группу, и притомъ картинки какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Къ первымъ относятся, напримѣръ, „Христосъ поражаетъ Антихриста“ (№№ 1016—1018), „Образомъ разговоровъ устроена лядина“—иносказательное изображеніе круговаго радѣнія (№ 873), „Благовременное покаяніе“ или „Ликовствованіе“ (№ 7029), „Древо раскольниковыхъ толковъ“ (№ 796); ко вторымъ: „Мыши кота погребаютъ“ и „Медвѣдь съ козой“, разныя изображенія „Бабы-Яги“ съ крокодиломъ, мужикомъ и проч., старикъ съ Нѣмкой и проч. Такое группированіе дало бы возможность изучить и опредѣлить особенныя признаки гравюры этой школы, какъ на деревѣ, такъ и на мѣди, и по этимъ признакамъ приурочить къ этой самой школѣ множество другихъ картинокъ, до сихъ поръ смѣшанныхъ безразлично съ другими. Вслѣдствіе такого приуроченія, быть можетъ, во многихъ случаяхъ открылся бы смыслъ многихъ картинокъ, до сихъ поръ затерянный.

Я представилъ нѣсколько примѣровъ того, какъ нашъ народъ, и преимущественно раскольники, относились къ „новшествамъ“ и кореннымъ реформамъ національнаго быта Петра Великаго. Это была сторона протеста и сатиры. Но тутъ являлась только одна сторона дѣла. Было у Русскаго народа того времени еще и другое отношеніе: отношеніе одобренія, симпатіи, похвалы и наивысшаго удивленія. Это ясно доказываютъ намъ двѣ лубочныя картинки, оставшіяся до сихъ поръ у насъ въ тѣни, почти вовсе не замѣченными.

Первая—это картинка, представленная у г. Ровинскаго въ Атласѣ подъ № 2 и описанная въ текстѣ подъ заглавіемъ: „Бой Илья Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ“. Про нее г. Ровинскій говоритъ (т. I, стр. 7), что тутъ „Илья и Соловей изображены на коняхъ, во французскихъ костюмахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ, въ камзолахъ и ботфортахъ“. Никакихъ другихъ указаній у г. Ровинскаго ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ нѣтъ. Между тѣмъ разсмотрѣніе костюма и другихъ подробностей вѣщности приводитъ къ любопытнымъ заключеніямъ. Разсматривая ту личность, которая представлена на лѣво и изображаетъ Илью Муромца, мы легко открываемъ въ ней сходство съ тѣмъ портретомъ Петра Великаго, ко-

торый помѣщенъ на большой Полтавской баталіи, гравированной Адрианомъ Шхонебекомъ въ 1709 году, или вскорѣ послѣ. Поворотъ всего тѣла и движеніе коня, поворотъ тѣла и головы самого Петра I, форма его шляпы, кафтана, ботфорты, пистолетовъ у сѣдла, форма чепрака съ закругленными углами, движеніе правой руки, держащей шпагу, длинные волосы, подобранные на подобіе парика (а можетъ быть, и дѣйствительный парикъ, но еще безъ пудры), все это совершенно тождественно въ гравюрѣ Шхонебека и въ нашей лубочной картинкѣ. Но если Илью Муромца представляетъ здѣсь Петръ Великій, то кто же представляетъ его противника, Соловья Разбойника? Конечно, никто другой, какъ Карлъ XII, достойный и опасный противникъ Петра Великаго. Кто другой могъ быть еще тутъ представленъ, такъ чтобы можно было надписать надъ этими двумя фигурами: „Бой сильныхъ богатырей Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ. Въ полѣ съѣзжаются, храбростью своею похваляются“? Надо замѣтить притомъ же, что и костюмъ Карла XII вполне соответствуетъ тому, какой данъ на картинкѣ Соловью Разбойнику. Это костюмъ не французскій (какъ говоритъ г. Ровинскій), а шведскій, какой Петръ всегда носилъ и самъ: „Для гвардейскихъ полковъ, служившихъ образцами и для всѣхъ регулярныхъ войскъ“, говоритъ компетентный знатокъ, Висковатовъ, — „Петръ Великій заимствовалъ весьма многое отъ Шведовъ“¹⁾. Текстъ, написанный въ настоящей картинкѣ надъ двумя богатырями, имѣетъ всѣ признаки шрифта Петровскаго времени, какъ мы встрѣчаемъ его на другихъ лубочныхъ картинкахъ этого времени. На основаніи всѣхъ такихъ признаковъ, я не колеблясь отношу эту картинку ко времени Петра I, и притомъ ко времени именно около 1709 года. Я полагаю, что только въ это время и могло быть очень интересно для народа видѣть, а для народныхъ художниковъ рисовать и гравировать, картинки съ изображеніями сражающихся и „своею храбростью похваляющихся“ Петра I и Карла XII. Позже наступили новыя великія дѣла Петра, заслонившія прежнія, а въ слѣдующія царствованія Петръ I навѣрное былъ бы представленъ не въ столь строго-историческомъ и вѣрномъ костюмѣ: въ XVIII вѣкѣ еще слишкомъ мало думали о вѣрности костюма другихъ эпохъ, кромѣ своей, и съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, съ каждою новою модою забывали прежнія и представляли

¹⁾ Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ. Часть II, стр. 19.

только то, что въ настоящую минуту существовало. Итакъ, вотъ каковъ былъ иногда въ представленіи у нашего народа, еще даже въ первой четверти XVIII вѣка, Петръ I: онъ казался ему Ильей Муромцемъ, то-есть, воплощеніемъ и повтореніемъ самого высокаго, самого знаменитаго, самого общераспространеннаго, самого сильнаго и самого великодушнаго національнаго богатыря. Одну только ошибку дѣлала при этомъ народная фантазія: Илья Муромецъ всю свою молодость просидѣлъ праздно, не трогаясь съ мѣста, тогда какъ Петръ I всю свою молодость не просидѣлъ праздно, поджавши руки и ноги, и не дожидаясь 30 или 35 лѣтъ, чтобы начинать свои богатырскіе подвиги.

Мнѣ могутъ возразить на все сказанное выше, что настоящую картинку нельзя считать выраженіемъ народной мысли, фантазіи и чувства, такъ какъ фигура Петра I скопирована съ гравюры Адриана Шхонебека, художника родомъ иностранца, а по положенію при Петрѣ — придворнаго, и значить, не народнаго. На это я отвѣчу, что какого бы происхожденія ни былъ Шхонебекъ, но въ Россіи онъ былъ нечто иное, какъ граверъ лубочный и народный, и всѣ его плохія картинки назначены были вовсе не для одного высшаго класса, а для всего народа; восторыхъ же, въ рассматриваемой мною здѣсь лубочной картинкѣ у насъ передъ глазами не само произведеніе Шхонебека, а передѣлка; фигура, нарисованная иностранцемъ, примѣнена, приложена для сцены, выдуманной самимъ народомъ. Складъ надписи, шрифтъ — ничего не имѣютъ общаго съ тѣми картинками въ европейскихъ формахъ, какія иногда заказывалъ и выпускалъ въ народъ Петръ I; притомъ же Петръ былъ слишкомъ озабоченъ своимъ „гражданскимъ шрифтомъ“, и конечно, ни за что не сталъ бы употреблять ненавистный ему почеркъ буквъ, существовавшій въ лубочныхъ картинкахъ и гравюрахъ XVII вѣка и повторенный здѣсь.

Вторая картинка — „Побойще царя Александра Македонскаго съ царемъ Поромъ индійскимъ (№ 234). Конная фигура Александра Македонскаго оказывается опять-таки несомнѣннымъ повтореніемъ конной фигуры Петра I въ гравюрѣ Шхонебека 1709 года. Конечно, костюмъ XVIII вѣка замѣненъ латами и царскимъ вѣнцомъ съ перомъ, но поза его, рука держащая мечъ, поворотъ коня, расположеніе переднихъ ногъ этого коня, чепракъ, все это въ изображеніи Александра Македонскаго и его коня точь въ точь у Петра Великаго Шхонебека. Любопытно то, что у Александра Македонскаго надѣты тотъ самый бѣлый галстухъ и манжеты, которые надѣты у Петра I

на его портретахъ XVIII вѣка. Итакъ, вотъ еще знаменитая личность, подъ видомъ которой представляли Петра.

Приведенные мною здѣсь примѣры симпатичнаго отношенія Русскаго народа, конечно, не единственные въ своемъ родѣ, и дальнѣйшія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, обнаружатъ не мало другихъ подобныхъ же проявленій народнаго поиманія.

Къ числу историческихъ дубочныхъ картинокъ, принадлежащихъ ко времени, близкому къ Петровскому, относится цѣлый рядъ замѣчательныхъ изображеній русскихъ гренадеровъ прошлаго столѣтія (Атласъ г. Ровинскаго, №№ 269—277). Эти девять громаднхъ картинокъ рѣзаны на деревѣ и несомнѣнно принадлежатъ къ числу произведеній Московской школы. На нихъ изображены, во весь ростъ, гренадеры пѣшіе и верховые (первыхъ 8, вторыхъ 1). Г. Ровинскій говоритъ, что эти девять картинокъ „сдѣланы въ память знаменитыхъ кампаній въ Пруссіи въ 1757—1762 годахъ“ (томъ IV, стр. 360, 390). Съ этимъ замѣчаніемъ я не могу согласиться. Подробности оmundирования этихъ гренадеровъ заставляютъ отнести ихъ не къ царствованію императрицы Елизаветы Петровны и къ прусскимъ кампаніямъ, а на цѣлую четверть столѣтія раньше, ко времени императора Петра II, и въ крайнемъ случаѣ, развѣ что къ двумъ первымъ годамъ царствованія императрицы Анны Ивановны.

Безъ сомнѣнія, не смотря на нѣкоторое (и даже значительное) сходство рисунка и гравировальнаго способа этой картинки съ таковыми же въ картинкахъ Петровскаго времени, этихъ изображеній гренадеровъ нельзя приписать Петровскому времени: гренадеры эти носятъ на головѣ косы и пудру, штилеты или кинжалы на ногахъ и манжеты на рукахъ, а всѣ эти предметы введены въ русское войско только съ 1729 года¹⁾. Но съ другой стороны, нельзя приписать ихъ и Елизаветинскому времени, и вотъ почему: на головѣ у нѣкоторыхъ этихъ гренадеровъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, надѣта та характерная шапка, которая дана была гвардейскимъ гренадерамъ еще при Петрѣ I. Ея описаніе слѣдующее: „Гренадерская шапка состояла изъ круглой тульи, съ приподнятымъ вверху налобникомъ и съ опущеннымъ книзу задникомъ. Послѣдній былъ длиною въ 3, а первый вышиною въ 4 вершка. Сзади тульи, подъ мѣдною бляхою, съ вычеканеннымъ царскимъ вензелемъ, вставлялось большое страусовое перо бѣлаго и крас-

¹⁾ Историческое описаніе одежды и вооруженія российскихъ войскъ, составлено по Высочайшему повелѣнію. Часть II, стр. 133.

наго цвѣтовъ, наклоненное къ налобнику, который на срединѣ имѣлъ также мѣдную бляху съ выбитымъ изображеніемъ двуглаваго орла¹⁾. Рисунокъ атласа, сопровождающій это описаніе (Атласъ, т. II, № 170), представляетъ форму, точь въ точь сходную съ формою шапки на нашихъ гренадерахъ №№ 269 — 277. Лишь при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ промежуткѣ между 1730 и 1732 годами, форма гренадерской шапки совершенно измѣнилась и получила слѣдующій видъ: „Суконная шапка, вышиною въ $\frac{1}{2}$ аршина, съ зеленымъ верхомъ, съ краснымъ клапаномъ или опушкою, съ мѣдною напередѣ бляхою, на которой находилось вычеканенное изображеніе полковаго герба, окруженнаго воинскою арматурою, и съ мѣдною же назади, пылающею гренадою. Вокругъ верхнихъ швовъ, опушки, и передней бляхи, нашивался бѣлый, шерстяной шнуръ, а къ оковечности прикрѣплялась бѣлая же, гарусная кисть“²⁾. Рисунокъ, сопровождающій это описаніе (Атласъ, т. II, № 282), не имѣетъ уже ничего общаго съ гренадерскою шапкою нашихъ лубочныхъ картинокъ №№ 269—277. Нѣтъ ни круглой тульи, ни перьевъ сзади, ни задника на затылкѣ. Все совершенно иное, шапка — точное подобіе нынѣшнихъ шапокъ гвардейскаго Павловскаго полка. Если же мы взглянемъ на гренадерскую шапку времени императрицы Елизаветы Петровны, то найдемъ, что она „состояла изъ тульи съ тремя мѣдными накладками, съ такою же назади бляхою и съ чернымъ подвязнымъ ремнемъ; изъ налобника, 6-ти вершиковой вышивки; съ мѣдною, во всю ея величину, бляхою, и съ стоячею, на верху, бѣлою питающею кистью, и изъ задника въ 4 вершка длиною. На передней изъ бляхъ находились выбитыя изображенія: окрашеннаго черною краскою двуглаваго русскаго орла, подъ нимъ полковаго герба въ воинской арматурѣ, и двухъ пылающихъ гренадъ, а на задней — полковаго вензеля“³⁾. Сопровождающій это описаніе рисунокъ атласа (т. III, № 302) представляетъ гренадерскую шапку, близко схожую съ гренадерскою шапкою Анненскою шапкою, но также и со значительными измѣненіями. Въ общемъ же, эта шапка, кромѣ задника, широко простирающагося надъ спиною гренадера, не имѣетъ никакого сходства съ гренадерскою шапкою гренадеровъ на нашихъ лубочныхъ картинкахъ (№№ 269—277). Итакъ, послѣ всего этого становится несомнѣн-

¹⁾ Тамъ же, стр. 35—36.

²⁾ Тамъ же, стр. 175—176.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 42—43.

нымъ, что эти 9 картинокъ принадлежать не Елизаветинскому времени, не времени нашихъ прусскихъ кампаній 1757—1762 годовъ, а времени Петра II, или одному изъ первыхъ двухъ годовъ царствованія императрицы Анны Ивановны.

Замѣчу еще, что точно такія же шапки, хотя безъ пера (вѣроятно, не парадная форма), но съ шифромъ Петра II, я нахожу на солдатахъ, идущихъ по сторонамъ кареты, въ которой ѣдетъ принцъ, на картинкѣ „Походъ славнаго рыцаря Колеандра Лодвика“ (Атласъ, № 54 В). Эта же картинка имѣетъ вообще много чертъ сходства, по костюмамъ, сбруѣ лошадей и обстановкѣ, съ картинкою (рѣдчайшею), подъ заглавіемъ „Село Измайлово“ (Атласъ, № 608 А), гдѣ на переднемъ планѣ представленъ Петръ II, ѣдущій въ коляскѣ на охоту и окруженный придворными. Такимъ образомъ, есть много вѣроятія, что картинки „Походъ Колеандра“ и всѣ наши „Гренадеры“ появились на свѣтъ при Петрѣ II.

Въ параллель къ лубочнымъ картинкамъ съ историческимъ содержаниемъ, исходившимъ изъ рукъ самаго народа, въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, было всегда не мало картинокъ подобнаго же рода, изданныхъ по распоряженію правительства. Но какъ ни значительно было ихъ количество, онѣ рѣдко представляютъ такой интересъ, такую характерность и такую значительность, какъ картинки перваго разряда.

При Петрѣ I мы всего болѣе находимъ картинокъ этого рода, относящихся къ бритью бородъ и ношенію не-русскаго платья. Одна изъ любопытнѣйшихъ такихъ картинокъ, это находящаяся въ Олсуфьевскомъ собраніи картинка: „Раскольникъ и цырюльникъ“ (Атласъ г. Ровинскаго, № 227). Г. Ровинскій описываетъ ее такъ: „Справа цырюльникъ, въ фартукѣ и круглой шляпѣ; одною рукою онъ схватилъ за длинную, предлинную, бороду раскольника, и собирается отхватить ее пожницами. Надпись надъ раскольникомъ: „Раскольникъ говоритъ слушаі цырюльникъ я бороды стричь не хочу вот гледи я на тебя скоро караулъ закричу“; надъ цырюльникомъ: „Цырюльникъ хочетъ раскольніку бороду стричь“ (томъ I, стр. 455). Къ этому г. Ровинскій присовокупляетъ замѣчаніе, что эта картинка, вѣроятно, сдѣлана по приказанію Петра, для осмѣянія раскольниковъ упорства (т. V, стр. 161). Съ этимъ нельзя, кажется, не согласиться: многіе признаки это подтверждаютъ, въ особенности шрифтъ, гражданскій русскій, изобрѣтенный Петромъ I и тутъ являющийся, вѣроятно, какъ повинка, въ довольно еще неумѣломъ непривычномъ видѣ, но уже въ рѣшительной противоположности съ

тѣмъ старымъ русскимъ, кирилловскимъ шрифтомъ, какимъ писаны всѣ тексты и надписи лубочныхъ нашихъ картинокъ, исходившихъ изъ рукъ самого народа. Но, не смотря на несомнѣнность происхожденія настоящей картинки, нѣкоторыя подробности въ ней остаются все-таки необъяснимою загадкой. Напримѣръ, что такое можетъ значить тотъ европейскій костюмъ, который надѣтъ на раскольника? Онъ состоитъ изъ платья, плотно прилегающаго къ тѣлу, и верхней накинутаго на плеча небольшой епанчи. Для начала XVIII вѣка, когда, должно быть, появилась эта картинка, такой костюмъ былъ уже чѣмъ-то стариннымъ, давно покинутою модою, принадлежавшею XVII вѣку. Съ какой же стати русскій раскольникъ XVIII вѣка одѣтъ здѣсь въ платье, совершенно чуждое тогдашней современности? И въ чемъ же состоитъ тутъ осмѣяніе? Еслибы передъ нашими глазами былъ раскольникъ, на котораго силой напялили костюмъ Петровскаго времени, и которому силой же стригутъ бороду, то и тутъ мало кажется, было бы смѣшнаго—только одно насиліе со стороны царька и тѣхъ, кто надѣлъ на раскольника чуждое ему платье. Но трудно понять, въ чемъ состоитъ „смѣшное“, когда раскольникъ наряженъ въ старинный европейскій костюмъ, вѣроятно, большинству тогдашнихъ современниковъ уже болѣе и неизвѣстный, и когда этотъ самый раскольникъ грозитъ „карауль закричать“, то-есть, прибѣгнуть къ помощи законной власти, которая обязана его защитить? Здѣсь нѣтъ ничего смѣшнаго, и раскольникъ ни въ единой чертѣ картинки не является къ своей невыгодѣ смѣшнымъ и одураченнымъ. Ничуть не бывало, и даже напротивъ: онъ является въ картинкѣ „жалующейся жертвой насилія“. Конечно, не таково должно быть было намѣреніе тѣхъ, кто заказывалъ и распространялъ въ народѣ настоящую картинку. А поэтому я прихожу къ заключенію, что эта картинка относится къ какому-то современному событію или анекдоту, теперь уже потерянному и забытому, но очень распространенному въ свое время, гдѣ „Раскольникъ“, съ какою-нибудь особенною цѣлью перодѣвшись или перодѣтый въ старинный европейскій костюмъ, попался и игралъ какую-то смѣшную роль, неприличную его правиламъ, роль унижительную, приходившуюся на руку тѣмъ, кому надо было тогда осмѣивать раскольниковъ.

Сюда же относятся слѣдующія лубочныя картинки:

1) „О брадахъ“, то-есть, отвѣты, данные митрополитомъ Дмитріемъ Ростовскимъ для успокоенія тѣхъ, кто не рѣшался брить бороды (Атласъ, №№ 1435 и 1436). До насъ дошли лишь поздніе переводы

этой картинки; именно экземпляры Елизаветинскаго времени: но несомнѣнно были картинки несравненно болѣе ранняго времени: самыя отвѣты были даны митрополитомъ еще въ 1705 году, и именно тогда представляли наибольшій интересъ для народа и для Петра I.

2) „Компанія нюхающихъ табакъ“.

3) „Компанія курящихъ табакъ“ (Атласъ, № 227, А. и В). Обѣ послѣднія картинки дошли до насъ въ видѣ позднихъ копій, середины XVIII вѣка, съ русскихъ оригиналовъ болѣе раннихъ, начала того же вѣка, которые, въ свою очередь, были, можетъ быть, скопированы или имитированы съ оригиналовъ иностранныхъ, голландскихъ или иныхъ. Но несомнѣнно то, что такіе иностранные оригиналы послужили лишь первоначальною общою канвою для того оригинальнаго текста, который составлялъ главную суть въ настоящемъ случаѣ. Текстъ былъ наставительный: „Иностранные народы изволятъ нюхать табакъ на разные манеры, насъ табакъ забавляетъ и глаза наши исцѣляетъ“;— „Господа иностранцы изволятъ заниматься табакомъ потому табакомъ мокроту выгоняютъ оттого и здравы биваютъ“. Это все относится, вѣроятно, къ эпохѣ, когда желали приучить Русскій народъ къ табаку.

Надо предполагать, что подобныхъ картинокъ при Петрѣ I выпущено было не мало; къ такому предположенію ведетъ соображеніе о томъ, какъ Петръ I любилъ все смѣхотворное, и какъ онъ не упускалъ ни одной okazji публиковать, въ видѣ картинокъ, во всеобщее извѣстіе все, что его самого интересовало и что казалось ему очень важнымъ. Вспомнимъ хоть „Свадьбу карловъ“ и сцены „Всешутѣйшаго собора“ (свадьба шута Теофилакта Шанскаго). Въ такихъ сценахъ не было ничего ни нужнаго, ни интереснаго для массы народнои, по Петръ I все-таки выпускалъ въ свѣтъ картинки съ изображеніями всѣхъ домашнихъ своихъ придворныхъ забавъ, какъ будто онѣ и въ самомъ дѣлѣ до всѣхъ касались. Понятно, на сколько болѣе онъ долженъ былъ ревностно выпускать въ свѣтъ картинки, осмѣивающія его вѣчныхъ враговъ—раскольниковъ. Тутъ дѣло шло уже о чемъ-то важномъ, государственномъ, а Петръ I былъ самый ревностный, самый неутомимый и изобрѣтательный иллюстраторъ: у него заведена была цѣлая школа голландскихъ и русскихъ рисовальщиковъ и гравировъ, изображавшихъ все, что казалось ему интереснымъ и важнымъ въ продолженіе его царствованія: сраженія, церемоніи, процессіи, похороны, торжества, фейерверки и такъ далѣе. Петровскихъ картинокъ противъ раскольниковъ должно найдтись еще

не мало, надо только уметь отыскать и выделить ихъ. Не будь на настоящей нашей надписи: „Раскольникъ“, трудно было бы отгадать нишче, что она относится къ раскольникамъ.

Отъ времени Петра I по до Екатерины II почти вовсе не известно лубочныхъ картинокъ, выпущенныхъ въ свѣтъ по распоряженію начальства и назначенныхъ для народа. Исключеніе составляютъ немногія лубочныя картинки, изображающія сраженія и торжественныя фейерверки. Всего болѣе явилось лубочныхъ картинокъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, по поводу войны съ Пруссіей. За то, въ царствованіе Екатерины II масса ихъ становится опять очень велика, какъ при Петрѣ I. Турецкая война и одержанныя въ это время блестящія побѣды даютъ обильную пищу лубочнымъ картинкамъ оффиціального пошиба. Огромная масса ихъ занимаетъ цѣлый отдѣлъ II-го тома г. Ровинскаго. Всѣ онѣ почти сплошь явились въ Москвѣ, на знаменитой Ахметьевской фабрицѣ; гравированы на мѣди, и какъ большинство всего оффиціального, не отличаются ни художественностью, ни характерностью. По содержанію, сильно выдаются изъ этой массы двѣ лубочныя картинки: первая—„Изображеніе обряда всепароднаго покаанія, приносимаго убійцами Жуковыми“ (Атласъ, № 332), и вторая—„Просба Кашинскому архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря“ (Атласъ, № 174). Первая картинка относилась къ публичному уголовному наказанію преступниковъ, совершившихъ, по словамъ манифеста Екатерины II, „столь страшное злодѣйство (матереубійство), что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное“. Екатерина II считала нужнымъ, кромѣ обыкновеннаго печатнаго манифеста, пустить при этомъ въ народъ еще и картинку гравированную, раскрашенную на манеръ народныхъ лубочныхъ картинокъ, которая распространила въ народѣ наглядное понятіе о томъ, какъ именно казнили (въ 1766 году) люди, совершившіе, выходящее изъ ряду вонъ „чрезъестественное“ преступленіе, еще при ея предшественницѣ, императрицѣ Елизаветѣ, въ 1754 году, то-есть, за цѣлыхъ 12 лѣтъ до того. Эта картинка составляетъ у насъ чрезвычайное исключеніе. Съ нею можетъ сравниться—и то лишь въ известной степени—картинка, гравированная иностраннимъ художникомъ Нахтглазомъ скоро послѣ Азовскаго похода Петра Великаго, и представляющая юнаго Петра I на престолѣ, окруженнаго аллегорическими добродѣтелями, а вдали представлена висѣлица и везомый подъ нею въ телегѣ связанный преступ-

никъ, съ подписью: „Якушка измѣнникъ“¹⁾). Вообще говоря, русское правительство никогда само не иллюстрировало картинками нашихъ казней и наказаній, да и частнымъ лицамъ не позволяло подобныхъ иллюстрацій, какъ это существуетъ въ западной Европѣ. Картинка о Жуковскихъ остается почти единственнымъ исключеніемъ. Что касается до другой картинки, просьбы Калезинскихъ монаховъ, то, по замѣчанію г. Ровинскаго (томъ IV, стр. 285), она была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила планъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и безъ сомнѣнія, съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, могли подвергнуться обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Екатерина II является подражательницей Петра I: оба они, когда считали то нужнымъ для своихъ государственныхъ или иныхъ цѣлей, ничуть не опасались прибѣгать къ такимъ сатирамъ на словажъ и на дѣла, за которыя навѣрное карали бы другихъ по всей строгости законовъ.

Въ царствованіе императора Александра I, въ числѣ правительственныхыхъ лубочныхъ картинокъ самую видную роль играетъ рядъ картинокъ, касающихся оспопрививанія. Эти картинки (Атласъ г. Ровинскаго, №№ 241 и 242, въ многочисленныхъ переводахъ) дѣланы не художниками изъ народа, а явно художниками-академистами, прошедшими школу и только поддѣлывающимися подъ народный стиль, вкусъ и складъ. Тѣмъ не менѣе онѣ были въ свое время очень народны, очень распространены, и безъ сомнѣнія, принесли значительную долю пользы, склоняя народъ, наглядными примѣрами удачи не бояться оспопрививанія и водить дѣтей своихъ къ оспопрививателямъ. Эти картинки—однѣ изъ самыхъ важныхъ, въ историческомъ смыслѣ, картинокъ нашихъ.

Лубочныя изданія нашихъ народныхъ сказокъ (въ книжечкахъ) и изображенія богатырей представляютъ явленіе очень замѣчательное. Между первыми изданіями (гравированными не на деревѣ) нѣтъ ни одного, заключающаго въ себѣ формы дѣйствительно-національныя и

¹⁾ Эта гравюра не вошла въ составъ истоящаго изданія, быть можетъ, какъ недостаточно грубая и недостаточно «лубочная», а скорѣе относящаяся къ работамъ художниковъ образованныхъ или академистовъ. Но тогда и всѣ Теребеневскія картички не должны были бы войти въ настоящій атласъ, вмѣстѣ со многими промывденіями граверовъ Петровскаго и Екатерининскаго времени.

проявляющія русское національное созданіе, Всѣ они, рисованныя и гравированныя безобразно, принадлежатъ позднему стилю, не заслуживающему никакого другаго названія, кромѣ „ублюдочнаго“. Тутъ на сценѣ смѣсь плохаго европеизма, самого низшаго разбора, и чего-то такого русскаго, гдѣ нѣтъ ровно никакой національности, ни въ костюмахъ, ни въ типахъ, ни въ бытовыхъ подробностяхъ, ни въ утвари, ни въ архитектурѣ. Все тутъ выдуманное, условное и небывалое. Конечно, у насъ здѣсь передъ глазами не что-нибудь новое, изобрѣтенное въ XVIII вѣкѣ: нѣтъ, это лишь послѣдній осадокъ того разслабленнаго, на половину ненаціональнаго искусства, какое царствовало на Руси въ XVII вѣкѣ, рядомъ съ искусствомъ глубоко и истинно-національнымъ. Между тѣмъ, выпущенныя въ свѣтъ лубочными мастерами (и гравировавша на деревѣ) изображенія отдѣльных богатырей, хотя не представляютъ созданій очень древнихъ и принадлежатъ тому же времени, какъ и изданія сказокъ въ книжечкахъ, но содержатъ въ себѣ много народнаго и достойнаго вниманія. Напрасно г. Ровинскій считаетъ большинство изображеній этого рода, находящихся въ Олсуфьевскомъ собраніи (Атласъ, №№ 7—9, 19—29), прямо копіями съ иностранныхъ образцовъ. Мнѣ кажется, подробное изученіе всего ряда нашихъ лубочныхъ „богатырей“, „витязей“ и героевъ всякаго рода налагаетъ на насъ обязанность иначе приурочивать и распределять ихъ.

Еслибъ эти изображенія нашихъ „богатырей“ и „витязей“ были прямыми копіями съ иностранныхъ образцовъ, то можно было бы открыть, въ иностранныхъ коллекціяхъ иностранныхъ „героевъ“, прототипы и оригиналы нашихъ копій. Ничего не было бы мудренаго, еслибы наши лубочныя изображенія Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича, Соловьѣ-Разбойника, Салтана Салтановича и т. д. явились повтореніемъ, лишь нѣсколько передѣланнымъ и арранжированнымъ, западныхъ изображеній тамошнихъ народныхъ героевъ, напримѣръ, Карла Великаго, Роланда и т. д. Но такихъ мы не находимъ, точно ихъ вымело всѣ разомъ со свѣта. И притомъ, будь наши лубочныя изображенія „богатырей“ и „витязей“ копіи и приуроченія, навѣрное они имѣли бы разнообразный характеръ и складъ. На дѣлѣ мы видимъ иное. Всѣ они имѣютъ одинъ общій складъ и видъ, почти постоянно одинъ и тотъ же форматъ и размѣръ, одинъ и тотъ же обликъ. Разница только въ большей или меньшей грубости изображенія—то-есть, рисованія и гравированія. Одни имѣютъ болѣе евро-

пейскій и менѣе русскій видъ, другіе менѣе европейскій, но болѣе русскій видъ. Такъ, напримѣръ, Соловей-Разбойникъ, Ерусланъ Лазаревичъ и Буслай Буслаевичъ (№№ 5, 14, 9) пахнутъ чѣмъ-то сильно національно-русскимъ; Алеша Поповичъ, Гвидонъ, Бова верхомъ (№№ 7, 27, 19, 20) кажутся на первый взглядъ чѣмъ-то болѣе европейскимъ; наконецъ, такіа лубочныя наши изображенія, какъ напримѣръ, Бова-Королевичъ (пѣшій), королева Дружневна, Рыцарь Петръ Златые-Ключи, королева Магилена (№№ 21—26, 31—34) кажутся несомнѣнно и вполне европейскими... Но все это только „кажется“, на самомъ же дѣлѣ такихъ категорій и подраздѣленій не существуетъ.

И, вопервыхъ, замѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что всѣ эти изображенія являются парами, парочно такъ сочиненными и устроенными. Однѣ пары—конныя, другія пары—пѣшія, во весь ростъ; третьи, изображенныя по грудь, являются, такъ-сказать портретами. Если мы обратимъ главное вниманіе на изображенія „конныя“, какъ самыя важныя, характерныя и значительныя, то сразу признаемъ, что наврядъ ли можно было бы найти такіе образцы иностранныя, которые какъ разъ соотвѣтствовали бы, тоже „парами“, потребностямъ русскихъ сказокъ. Приходится предпологать, что всѣ эти изображенія, вмѣстѣ взятыя, составили одну, коллекцію, одну, такъ-сказать, „галерею“, рисованную и гравированную почти въ одно и то же время, для одного и того же издателя, и только выполненную нѣсколькими разными художниками, изъ которыхъ одни были лучше, а другіе хуже. Въ этомъ насъ убѣждаетъ то обстоятельство, что при всей „кажущейся“ на первый взглядъ разницѣ происхожденія и характера есть много точекъ взаимнаго соприкосновенія, какъ между всѣми этими картинками одна съ другой, такъ и между ними и другими гравюрами, происхожденія несомнѣнно русскаго. Я попробую доказать это наглядными примѣрами.

Самую главную и важную „парю“ между всѣми я считаю пару Еруслана Лазаревича и Соловья-Разбойника (№№ 14 и 5). Эта пара для меня несомнѣннѣе всѣхъ остальныхъ: обѣ личности составляютъ совершенную параллель и противовѣсъ одна съ другою: у нихъ даже совершенно одинакова поза рукъ. Убранство коней, съ кисточками, форма чепраковъ, азіатскій костюмъ всадниковъ, высокіе каблуки ихъ сапоговъ, персидская мѣховая шапочка на Ерусланѣ (указывающая на то, что въ XVII и XVIII вѣкахъ еще сохранялась у насъ память о происхожденіи русскаго Еруслана отъ персидскаго Рустема),

азиатская шапочка Соловья-Разбойника съ маленькимъ перомъ¹⁾, кустики зелени, нарисованные на землѣ, подъ конемъ, совершенно одинаковаго характера. Надписи: у Еруслана въ четырехугольникѣ, у Соловья-Разбойника—въ четырехугольникѣ же, но вставленномъ въ восьмиугольникъ.

Другая пара, по моему распредѣленію—„Алеша-Поповичъ“ и „Король Гвидовъ“ (№№ 7 и 27). Соответствіе и „парность“ опять таки вполне несомнѣны. Они скачутъ другъ другу на встрѣчу, сбруя у коней—очень похожая; чепракъ одинаковаго устройства (двойной, состоящій изъ средней части, надъ брюхомъ лошади, и части, покрывающей задъ лошади; подкованныя копыта у лошадей имѣютъ одинаковую форму; оба богатыря—со щитами въ правой рукѣ и съ мечомъ въ лѣвой (что доказываетъ прямое, а не обратное копированье съ рисунка); у обоихъ металлическіе наколѣнники одинаковой формы; на обоихъ надѣто на тѣлѣ одинаковое платье: нижній кафтанчикъ съ петлицами на груди, и сверху короткій кафтанъ, отороченный мѣхомъ, съ прорѣзными и откидными длинными рукавами; сапоги въ сборахъ, по-русски, у обоихъ вполне тождественные; цвѣты и листья, растущіе на землѣ, подъ ногами коней, совершенно одинаковаго характера. Наконецъ, картуши съ именами богатырей имѣютъ совершенно одинаковую сердцевидную форму, съ коронкой наверху. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего „гравированнаго съ иностранныхъ образцовъ“ (какъ предполагаетъ г. Ровинскій, т. I, стр. 40), и напротивъ, всякая подробность въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, вполне объясняются нашими собственными преданіями и формами, давно раньше XVIII вѣка, еще въ XVII вѣкѣ постоянно употребительными въ русскихъ лубочныхъ и нелубочныхъ изданіяхъ.

Еще одну пару составляютъ, по моему убѣжденію, „Бова-Коро-

¹⁾ Такія шапочки съ перомъ мы часто встрѣчаемъ въ рисункахъ персидскихъ и турецкихъ рукописей. Г. Ровинскій былъ не правъ, называя костюмъ Соловья-Разбойника въ картинкѣ № 5 «одеждою древняго русскаго воина» (томъ I, стр. 9): такихъ «безрукавокъ», какаа тутъ изображена поверхъ нижняго длиннаго кафтана, Русскіе не носили «въ древности». Это—еерязь, татарскаго у насъ происхожденія. Иллюстраціей этой еерязи «можетъ служить исторически-знаменитый костюмъ Бориса Годунова, вполне татарскаго происхожденія, и хранимый въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ (Древности Росс. государства, т. IV, таблица № 11). Матерія этой еерязи—шелковая, узоръ на ней—полумѣсяцъ и звѣзды, покрой—безрукавка, спускающаяся пониже колѣнъ. Но шапочки съ перомъ мы у Русскихъ нигдѣ не встрѣчаемъ.

левить“ и „Царь Салтанъ Салтановичъ“ (№№ 20 и 28 а). „Парность“ этихъ двухъ картинокъ доказывается слѣдующими подробностями: оба богатыря ѣдутъ другъ другу на встрѣчу; форма подкованныхъ копытъ у коней одинакова; на коняхъ одинаковой формы чепракъ, изъ двухъ частей, украшенный кисточками и наполненный узоромъ; поводья у обоихъ коней состоятъ изъ кольчатой цѣпи; панцири на обоихъ богатыряхъ совершенно одинаковой формы, особливо окончаніе короткихъ ихъ рукавовъ, идущихъ до локтя, а также вышитые сапоги (на манеръ татарскихъ)—одинаковые; у обоихъ развѣвается за плечами короткій плащикъ; у обоихъ въ правой рукѣ по копьѣ съ матерчатымъ значкомъ на концѣ; внизу картины одинаково валятся на землѣ раненные или убитые Татары, въ чалмахъ, съ длинными закрученными усами, и отрубленные ихъ руки, ноги, головы, изъ которыхъ каплетъ кровь; въ каждой картинкѣ есть, между этими побѣжденными врагами, по одному или по два человѣка съ какою-то короткою палкою въ рукѣ; наконецъ, картуши съ надписями совершенно одинакой формы роково. Иностраннаго опять ничего во всемъ тутъ нѣтъ; особливо это надо сказать про головы, лица и костюмъ Татаръ, которыхъ, конечно, никогда нельзя было бы найти въ западныхъ лубочныхъ картинкахъ.

Далѣе, еще новую пару составляютъ: „Богатырь Усыня Горнычъ“ и „Богатырь Буслай Буслаевичъ“ (№№ 8 и 9). „Парность“ ихъ доказывается расположеніемъ коней и всадниковъ, картушами роково, растительностью подъ ногами коней, а всего болѣе—одинакостью „руки“ и „рисунка“ художника, которая здѣсь очень чувствуется. Эти двѣ картины рисовалъ художникъ, явно получившій школьное художественное образованіе, свободно и ловко владѣющій карандашомъ, въ противоположность неумѣлымъ, не учившимся ни въ какой школѣ художникамъ предыдущихъ картинокъ; граверъ былъ тоже человѣкъ умѣлый, и при всемъ томъ, надо предположить, что все это рисовалъ художникъ не за границей, а въ Россіи. „Богатырь Буслай Буслаевичъ“ представленъ просто въ видѣ русскаго казака XVII—XVIII вѣка, въ небольшой шапкѣ съ лопастиками, въ курткѣ-безрукавкѣ поверхъ нижняго кафтана, въ широкихъ штанахъ до колѣнъ, ниже которыхъ вся нога переплетена ремнями; на боку кривая сабля, въ рукахъ длинная пика; узды и поводья у коней веревочныя, и веревками же привязаны на тѣло коня войлокъ, служащій сѣдломъ и чепракомъ. Такого костюма и убранства негдѣ было взять въ западно-европейскихъ лубочныхъ картинкахъ для скопированія: тамъ

такихъ неизвѣстно. Костюмъ „Богатыря Усыни Горыныча“ представляетъ что-то такое фантастическое, чему оригиналь мудро было бы подыскать въ западныхъ образцахъ XVII и XVIII вѣка, но что всего скорѣе еще объясняется костюмомъ персидскимъ или черкесскимъ. Правда, у богатыря въ правой рукѣ длинный прямой мечъ, а не восточная кривая сабля; въ лѣвой рукѣ у него огромный круглый щитъ, какого не извѣстно ни у Персіанъ, ни у Черкесовъ; у него по бокамъ сѣдла пистолеты вставлены въ чухи вовсе не восточной формы; но все-таки тутъ же есть и подробности чисто-восточныя, неупотребительныя въ западныхъ лубочныхъ картинкахъ: круглый низкій шлемъ безъ всякихъ украшеній, съ желѣзною сѣткой, окружающею щеки, затылокъ и шею; кольчуга, плотно прилегающая къ тѣлу; на ногахъ остроносые сапоги до икры, съ каблуками; чепракъ длинный и кончающійся остриемъ, покрытый восточнымъ узоромъ—все это персидское и черкесское. На Западѣ не могли бы нарисовать такой фигуры; тамъ, а особенно въ XVII и XVIII вѣкахъ, всякаго „восточника“ нарисовали бы подъ видомъ Турка въ громадпой чалмѣ и въ длинномъ широкомъ кафтанѣ.

„Бова-королевичъ“ (№ 19), въ лже-классическомъ, идеальномъ родѣ, составляетъ близкій pendant къ „Салтану Салтановичу“ (№ 29), являющемуся въ совершенно-реальномъ персидскомъ обликѣ. Рисоваль обѣ картинки такой же художественно-образованный рисовальщикъ, какъ тотъ, что нарисовалъ картинки №№ 8 и 9, но граверъ былъ другой, очень плохой, и потому совершенно обезобразилъ свою грубою работою рисунки, первоначально очень недурные. Главнымъ сходствомъ и доказательствомъ „парности“ у №№ 19 и 29 я признаю три подробности: 1) близкое сходство заглавій: „храбры и лавны і могучы витезь і богатырь Бова Королевичъ“, Мегутіонъ і храбіоръ чарь Салтанъ Салтанычъ“ (прилагательное „могучій“ не находится ни на какихъ другихъ изображеніяхъ богатырей); 2) только здѣсь паходящійся рядъ вертикальныхъ черточекъ (23 или 24), награвированныхъ подъ надписью, и 3) помѣщеніе подъ ногами коня упавшаго непріятеля съ восточною себлею въ рукѣ.

Этихъ примѣровъ, я полагаю, довольно. Всѣ эти пары богатырей рисованы въ Россіи и спеціально для изображеній русскихъ сказочныхъ личностей. Копированія я никакого тутъ не могу признать. Эти фигуры заказаны были, парами одного и того же формата и вида, равнымъ рисовальщикамъ, изъ которыхъ одни были грубѣе и невѣже-

ственнѣе, другіе болѣе обучены и отесаны, но всѣ работали на основаніи матеріаловъ не иностранныхъ, а здѣшнихъ, имѣвшихся въ Россіи, частью въ преданіи, частью въ рисункахъ и натурѣ.

Что касается времени происхожденія всѣхъ этихъ „кошнихъ богатырей“, то я полагаю, что сочиненіе почти всѣхъ ихъ надо отнести къ 20-мъ или 30-мъ годамъ XVIII вѣка, къ одному времени съ картинками „гренадеровъ“, о которыхъ я говорилъ выше, такъ какъ и тутъ, съ одной стороны, встрѣчаются такія подробности костюма, какъ напримѣръ, манжеты у кистей рукъ (Бова-Королевичъ, № 20), а съ другой—тутъ вездѣ есть на лицо много особенностей рисунка и гравюры, сближающихъ эти картинки съ „Бабой-Ягой“, „Мыши кота погребаютъ“, съ картинками „Библии“ и „Апокалипсиса“ Корена 1692—1697 годовъ. На подробности будетъ указано ниже. Единственное исключеніе составляютъ богатыри „Усыни Гориничъ“ и „Буслай Буслаевичъ“ (Атласъ, №№ 8 и 9). Они явно сочинены и нарисованы во второй половинѣ XVIII вѣка, по всей вѣроятности въ царствованіе императрицы Екатерины II. Я полагаю, что въ это время были вновь перепечатываемы многія старыя доски, рѣзанныя въ началѣ XVIII вѣка, какъ напримѣръ, „Мыши кота погребаютъ“, „Баба Яга“ и другія (какъ намъ это доказываютъ бумажные знаки: бумага поздняя, а сочиненіе и гравюра гораздо болѣе ранняя), и при этомъ случай прибавлено нѣсколько новыхъ рисунковъ, нарочно теперь сочиненныхъ и награвированныхъ, но въ форматѣ и приблизительно въ стилѣ прежнихъ изображеній богатырей. Это предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что одного формата, склада и стила съ новыми является изображеніе „сильнаго богатыря и янычарскаго начальника Амурата“ (Атласъ, т. II, № 581), который также составляетъ pendant къ „Усыню“, какъ и „Буслай Буслаевичъ“, но несомнѣнно, по исторіи, принадлежитъ періоду не ранѣе Екатерининскаго времени, куда его помѣстилъ въ своемъ Атласѣ и самъ г. Ровинскій. Любопытно замѣтить, что тотъ самый художникъ, который рисовалъ „Усыню“, „Буслая“ и „Амурата“, рисовалъ также „Пѣтуховъ“ и „Куръ“ (№№ 261, 262 и 263), судя по стилю и по всѣмъ подробностямъ, особенно судя по формѣ картушей.

О прочихъ герояхъ, не верховыхъ, я могу быть гораздо болѣе кратко, такъ какъ они несравненно менѣе важны и интересны. Нѣтъ никакой надобности искать заграничныя образцы для такихъ изображеній, какъ „Бовы-королевичи“, „Дружневны“, „Петры—Златые Ключи“, „Магиланы“ и проч., даромъ что они всѣ во французскихъ кафта-

нахъ и платьяхъ (№№ 21, 22, 23), коль скоро мы встрѣчаемъ не только такіе же костюмы, но точь въ точь такія же фигуры, позы, лица, глаза, руки, фижмы, мушки, вѣера, цвѣточки въ рукахъ, кафтаны и шляпы въ другихъ лубочныхъ картинкахъ нашихъ. Если такія картинки, какъ „Блищница“, „Тарасъ плѣшивый съ тремя женщинами“, „Нѣвка и старикъ“ и т. п., признаются произведеніями, несомнѣнно сочиненными и гравированными въ Россіи, согласно съ существовавшими тогда у насъ на лицо типами и костюмами, то нельзя не признать вполне однородными съ ними и тѣхъ героевъ и героинь, которые теперь насъ занимаютъ. Мы встрѣчаемъ у Бовъ-Королевицей, у Дружневенъ, у Магилянъ и проч. тотъ же самый покррой мужскихъ и женскихъ платьевъ, тѣ-же лица, тѣ-же фізіономіи, тѣ-же движенія, тѣ же позы, тѣ-же цвѣточки въ рукахъ, что у мужчинъ и женщинъ въ „Тарасѣ плѣшивомъ“, въ „Блищницѣ“ и т. д. Сверхъ того, архитектурная обстановка, находящаяся иногда въ фонахъ, разныя зданія, башни съ флюгарками, галлерей, террассы съ балюстрадами и т. д., все это встрѣчается не только въ разсматриваемыхъ картинкахъ, но также и во многихъ другихъ, завѣдомо русскихъ, сочиненныхъ у насъ и представлявшихъ, на своихъ фонахъ, ту самую архитектуру, которая въ своихъ болѣе старѣйшихъ образцахъ встрѣчается еще на нашихъ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣковъ, а въ болѣе новѣйшихъ скопирована съ русскихъ дворцовъ и аристократическихъ домовъ и построекъ XVIII вѣка. Въ образецъ первой категоріи я укажу на постройки, представленныя на нашихъ картинкахъ №№ 21, 22, 27, 31, 32, и какъ ихъ pendant, на дома и башни въ „Библии“ Кореня (№ 810) №№ 15, 20, въ „Мыши kota погребаютъ“ №№ 166 и 167, въ картинкѣ „Гренадеръ“ № 275. Въ образецъ второй категоріи я укажу на дворцы и террассы въ картинкѣ „Прекрасная королева Дружневна“ и „Славный витязь Бова-Королевичъ“ № 26, и какъ на pendant къ нимъ, на дворцы и террассы въ картинкѣ „Гренадеръ“ № 269.

Вопросъ о подражаніи и копированіи русскихъ лубочныхъ картинокъ съ иностранныхъ образцовъ—одинъ изъ самыхъ сложныхъ и важныхъ вопросовъ въ исторіи нашихъ лубочныхъ созданій, и г. Ровинскому принадлежитъ та заслуга, что онъ указалъ множество подобныхъ заимствованій, узанныхъ имъ вслѣдствіе долгихъ и пристальныхъ наблюденій.

По разнымъ мѣстамъ его томовъ разсѣяны указанія на копія съ

иностранныхъ образцовъ, и я попробую свести здѣсь главнѣйшія указанія этого рода.

Съ Рафаэля: „Михаилъ Архангелъ“ № 1549 (томъ III, стр. 645).

Съ Альберта Дюрера: „Апостолы Варооломей и Іоаннъ Богословъ“ № 1333 (т. III, стр. 533).

Съ Рубенса: „Избіеніе младенцевъ“ № 852, „Иродіада съ голою Іоанна Крестителя“ № 853, „Вознесеніе Богоматери на небо“ № 1210, „Обращеніе св. Павла“ № 1339, „Вознесеніе“ № 995 (т. III, стр. 315, 316, 471, 535, 388).

Съ Садлера: „Погребеніе св. Екатерины“ № 1452 (т. III, стр. 604).

Съ Анн. Карраччи: „Св. Троица“ № 1052 (т. III, стр. 428).

Съ Меллана: „Спаситель“ № 1068 (т. III, 434).

Съ Лебрёна: „Распятіе“ № 892 (т. III, стр. 349).

Съ Тенъера и Калло: фантастическіе звѣри въ „Искушеніи св. Антонія“ № 1374 (т. V, стр. 209).

Съ Калло: двѣ картинки въ „Пляскѣ“ № 101 (т. I, стр. 316); Полишинель въ картинкѣ „Разговоръ жениха со свахой“ № 138 (т. I, стр. 361); одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Вятской баталіи“ № 175 (т. I, стр. 411, дѣйствующее лицо № 16).

Съ Вушѣ и Ланкрѣ: „Разсѣянная молочница“ № 80, „На всѣхъ не угодишь“ № 82, „Музыка“ № 100, „Пляска“ № 101, „Охотникъ и пастушка“ № 124, „Любовная компанія“ № 128, „Счастливые любовники“ № 129, „Бабушкино наставленіе“ № 130, „Разговоръ жениха со свахой“ № 138, „Разговоръ мужа съ женою“ № 158, „Невѣрная жена“ № 159, „Мужъ за то жену бьетъ, зачѣмъ она негодная дома не живетъ“ № 161, „Карликъ и карлица“ № 231 (т. V, стр. 19).

Сверхъ того, г. Ровинскій указываетъ множество нашихъ лубочныхъ изданій, скопированныхъ съ иностранныхъ лубочныхъ картинокъ: „Описаніе Іерусалима“ № 644 съ парижскаго образца (т. II, стр. 326), другое № 645 съ вѣнскаго образца (т. II, стр. 327); съ вѣнскаго же образца: „Изображеніе руки св. Анны“ № 771 (т. III, стр. 149); „Судъ надъ Спасителемъ“ № 882, съ нюрнбергскаго образца (т. IV, стр. 616), „Нерукотворенный образъ“ № 1062 (т. III, стр. 431). Г. Ровинскій говоритъ еще: „Изъ Голландіи получили мы Тессингово „Зерцало грѣшного“, № 742, огромное количество разныхъ копій изъ Библии Пискатора и нѣсколько календарей. Изъ Франціи попали въ народныя картинки: Лудовикъ XVI въ видѣ „веселаго объѣдалы и веселаго подшивалы“ (№ 99), „Денежный дьяволъ“ (№ 243) и „Дивная птица, при-

летавшая въ 1776 году въ Парижъ" (№ 348). Отъ Нѣмцовъ перешли къ намъ: „Рейтаръ на пѣтухѣ" и „Рейтарша на курицѣ" (№№ 162 и 163), „Точильщикъ носовъ" (№ 212), „Воръ пришелъ на дворъ" (№ 204) и многія другія (т. V, стр. 17—18). Я не имѣю возможности проверить всѣ эти многочисленныя указанія, потому что большинство, можно сказать—почти всѣ вышеуказанныя наши лубочныя картинки не воспроизведены въ Атласѣ г. Ровинскаго, а равно не указано въ большицствѣ случаевъ, которыя именно произведенія названныхъ выше авторовъ послужили оригиналами для нашихъ лубочныхъ картинокъ, да будь они и указаны, то подобное сравненіе составило бы огромный трудъ, требующій много розысканій и времени. Еще труднѣе было бы проверить множество другихъ указаній, разбѣянныхъ по всѣмъ томамъ г. Ровинскаго, гдѣ вообще сказано, что такая-то наша лубочная картинка скопирована „съ голландскаго" или „съ нѣмецкаго" образца, безъ всякаго указанія, съ какаго именно автора или съ какой именно картинки (см. напримѣръ, т. V, стр. 270).

Но этотъ громадный трудъ уже совершенъ г. Ровинскимъ, и отдавая полную справедливость его трудолюбію, терпѣнію и счастливымъ результатамъ, добытымъ имъ въ настоящемъ, я не могу не довѣрять этимъ сравненіямъ, за которыя ручаются его опытность и долгое знакомство съ русскими и иностранными гравюрами ¹⁾.

¹⁾ Про картинку «На всѣхъ не угодишь» (Атласъ, № 82) г. Ровинскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что она гравирована съ нѣмецкаго оригинала (томъ I, стр. 269), а въ другомъ—что «предметъ басни и самая картинка заимствована изъ басни Лафонтена «Le paup, son fils et l'âne» (т. IV, стр. 196), а потомъ еще, что картинка у Ганса Сакса, отъ которой идутъ текстъ и картинка Лафонтена, представляетъ переводъ совершенно другой, чѣмъ въ русской картинкѣ (тамъ же, стр. 197). Съ послѣднимъ я вполне согласенъ, но, признавая русскую картинку копіей съ какой-то иностранной, я все-таки не могу сказать навѣрное, съ какой именно. Вѣрно для меня, покуда, только одно: что наши и текстъ и картинка не имѣютъ ничего общаго съ Лафонтеномъ. Я просмотрѣлъ въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ всю многочисленную коллекцію иллюстрированныхъ изданій Лафонтена XVII и XVIII вѣковъ, начиная съ рѣдчайшихъ и кончая общедоступными и расхожими, и нигдѣ не встрѣтилъ картинки, схожей съ нашею № 82. Но мало того: я положительно убѣжденъ, что наша картинка вовсе не могла быть скопирована съ французской иллюстраціи Лафонтена, потому что нашъ текстъ совсѣмъ иной, чѣмъ у Лафонтена. У Лафонтена начинается разказъ съ того, что мужикъ съ сыномъ связали ослѣ за ноги и головою ввязъ потащили его на рынокъ, чтобъ онъ былъ «свѣжѣ». Французскія иллюстраціи всѣ представляютъ

Только замѣчу, ссылаясь на него же самого, что вопросъ о копированіи бываетъ очень часто вопросомъ очень скользкимъ, и нерѣдко казавшееся „копией“ оказывается впоследствии оригиналомъ. Такъ, напримѣръ, г. Ровинскій въ началѣ признавалъ картинки „Блуднаго сына“, гравированныя московскими художниками, копіями съ голландскаго оригинала (томъ III, стр. 8), но впоследствии пришелъ къ заключенію, что это произведеніе вполне оригинальное (т. IV, стр. 520 и 521). Уже и про самый текстъ г. Ровинскій отзывается такъ: „Комедія о Блудномъ сынѣ написана въ виршахъ Симеономъ Полоцкимъ. Монологи ея нѣсколько напоминаютъ „Acolastus, de filio prodigo comedia. 1529 (Fullonius: Nisard, Histoire des livres popul., I, 191); но текстъ нашей комедіи пространнѣе и въ самомъ расположеніи піесы много перемѣнъ и прибавленій, такъ что она должна быть сочтена произведеніемъ вполне оригинальнымъ“¹⁾. Я не могу не согласиться съ послѣднимъ заключеніемъ, но могу подкрѣпить его тѣмъ доводомъ, что напрасно даже говорить о сходствѣ русскаго текста съ текстомъ Аколостуса: такого сходства вовсе нѣтъ. Наша комедія сочинена совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ латинская: нашъ „Блудный сынъ“ есть образецъ покорности, кротости, рабскаго послушанія отцу; въ латинской комедіи, напротивъ того, это юноша дерзкій, высокоумѣрный, полный понятія о своихъ правахъ, которыя онъ силою и добываетъ отъ своего отца. Понятно, что при такой разницѣ задачъ и характеровъ не можетъ быть ни малѣйшаго сходства въ отношеніяхъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Что же касается собственно

это странное путешествіе. У насъ ни въ текстѣ, ни на картинкѣ этого вовсе нѣтъ. Вся средняя часть французской сказки также совершенно иная, чѣмъ у насъ, конецъ также: у Лафонтена дѣло кончается тѣмъ, что разсерженный мужикъ не хочетъ болѣе слушать никакого совѣтника, въ русской — тѣмъ, что третій прохожій совѣтуетъ ему «завалить осла себѣ на плечи». Сообразно съ этимъ, натурально, и всѣ французскія иллюстраціи совершенно иныя. Текстъ и средневѣковыя картинки Ганса Сакса еще дальше отъ нашего текста и картинокъ.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ у г. Ровинскаго поставлена звѣздочка для выноски или примѣчанія, но эта выноска или примѣчаніе остались не напечатанными. Точно такой же пропускъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ напримѣръ, говоря про изданіе, въ Елисаветинское время, «Свадьбы Шанскаго», г. Ровинскій замѣчаетъ: «При картинкахъ были приложены летучіе листки съ слѣдующимъ текстомъ». Но никакого текста тутъ у него не напечатано (томъ I, стр. 260). При исчисленіи изданій картинки «Блинница» (т. I, стр. 344) пропущено изданіе 1, хотя далѣе на это изданіе дѣлаются постоянно ссылки.

рисунковъ и гравюры, то г. Ровинскій представилъ тутъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ своего знанія и опытности глаза, приобретенныхъ долгимъ знакомствомъ съ гравюрами русской школы. Онъ говоритъ: „Картинки эти, судя по работѣ, награвированы русскими мастерами, подъ надзоромъ Петра Пикарта, прибывшаго въ Россію въ 1685 году, и вѣролпно, по его инвенціямъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго въ иностранныхъ изданіяхъ... Не подлежитъ сомнѣнію, что доски „Комедіи о блудномъ сынѣ“ гравированы по инвенціямъ (рисункамъ) Пикарта-отца, имъ самимъ и, подъ его смотрѣніемъ, нашими граверами Леонтіемъ Бунинымъ и Григоріемъ Тепчегорскимъ, рука которыхъ видна на нѣкоторыхъ картинкахъ „Комедіи“ (т. IV, стр. 520—521) ¹⁾. Изъ этого примѣра, который я могъ бы подкрѣпить многими другими, я вывожу то заключеніе, что нельзя признавать копій, въ нашихъ любочныхъ картинкахъ, все то, что на первый глазъ такимъ кажется. Болѣе внимательное и подробное изученіе нерѣдко можетъ привести къ открытію тутъ самостоятельнаго сочиненія, кажущагося на первый взглядъ кореннымъ иноземнымъ потому только, что много присутствуетъ здѣсь иноземныхъ внѣшнихъ формъ, какими переполнена была Россія XVII, а тѣмъ болѣе XVIII вѣка.

Переходя, затѣмъ, къ изображеніямъ религіознаго содержанія, мы находимъ ихъ въ Московской школѣ, равно какъ и во всѣхъ остальныхъ, можно сказать, въ необозримомъ ипожествѣ; находимъ, какъ и слѣдовало ожидать уже а priori, преобладаніе ихъ надъ всѣми остальными категориями русскихъ народныхъ картинокъ. Но такъ какъ картинки этого рода имѣютъ главною, первою основой своею традицію, строгое слѣдованіе законамъ иконописныхъ подлинниковъ, то онѣ и не могутъ представлять обширнаго поля въ вопросѣ объ изслѣдованіи русской художественной самостоятельности и собственнаго творчества по части народныхъ картинокъ. Въ настоящемъ случаѣ все дѣло можетъ идти только о степени вѣрности воспроизведенія иконописныхъ подлинниковъ или существую-

¹⁾ Это самое убѣжденіе я выражалъ еще въ 1864 году, при разборѣ рукописнаго сочиненія г. Ровинскаго о русскихъ граверахъ (Отчетъ о седьмомъ присужденіи премій графа Уварова. 1864 годъ, стр. 36), но я высказывалъ это убѣжденіе въ общихъ чертахъ, безъ поминаннаго указанія тѣхъ русскихъ граверовъ, которые гравировали «Комедію» подъ надзоромъ Голландцевъ (только въ Россіи, а не въ Голландіи, какъ я тогда полагалъ). Нынѣ это сдѣлано г. Ровинскимъ вполне достоверно и вполне убѣдительно.

щихъ на лицо произведеній иконописнаго искусства. Почти единственное исключеніе составляютъ тѣ изображенія отдѣльныхъ личностей, или иногда цѣлой толпы народной, какія иногда наполняютъ фоны картинъ чисто религіознаго содержанія. Русская иконопись позднѣйшихъ періодовъ, XVI и XVII вѣковъ, часто любила представлять эти отдѣльныя личности, эту толпу народа подъ видомъ „людей Русскихъ“, въ русскомъ національномъ костюмѣ, съ русскою національною обстановкой, и рисовальщики народныхъ картинокъ Московской школы дѣйствовали въ этомъ направленіи смѣлѣе и рѣшительнѣе остальныхъ нашихъ школъ. Безъ сомнѣнія, мы встрѣчаемъ русскіе костюмы и русскую толпу народа, или отдѣльныя личности съ русскимъ обликомъ, иногда и въ народныхъ картинкахъ Кіевской школы (мы представимъ тому нѣсколько примѣровъ ниже), но это встрѣчается здѣсь уже не такъ часто и не такъ рѣшительно, какъ въ картинкахъ московскихъ.

Во многихъ отношеніяхъ, Московская школа, въ картинкахъ религіознаго содержанія, есть наслѣдница и продолжательница школы Кіевской, какъ въ отношеніи рисунка, такъ и въ отношеніи техники. Такъ напримѣръ, въ знаменитой московской (первой русской) Библии 1663 года всѣ гравюры, кромѣ московскаго герба, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ видѣ Архангела Михаила, поражающаго копіемъ змія, — явно происхожденія кіевскаго. Но она во много разъ національнѣе, оригинальнѣе и саодытнѣе той, и конечно, всего болѣе потому, что произведенія ея исходили не единственно изъ рукъ духовенства и не единственно изъ монастырскихъ типографій и граверныхъ мастерскихъ. Въ Москвѣ художниками являлись не одни іереи, діаконы и монахи, но и свѣтскіе люди, и эти-то свѣтскіе люди предпринимали нерѣдко изданіе картинокъ вовсе не религіознаго, а свѣтскаго содержанія. Имъ были важны интересы дня, они хватались за сатиру, они изображали многія формы окружающей ихъ дѣйствительности, и это свѣтское направленіе было такъ сильно, что оно въ значительной мѣрѣ проявляется даже въ произведеніяхъ раскольниковъ: свѣтскій и національный элементъ простирался иногда такъ далеко, что въ одной изъ картинокъ извѣстной Библии Корени (1692—1697 г.) Каишь нашетъ при помощи лошади въ русской упряжи и съ дугою надъ головою (рисунокъ № 15). Ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Кіевской школы, замкнутой въ рамки религіозныхъ представленій, такъ что если она и рѣшалась выходить изъ нихъ, то шла и тутъ не далѣе изображеній портретныхъ и оффиціальныхъ, съ необходимою ихъ обстановкой, или

же только повторяла „модернізаціи“ иностранных своих оригиналовъ. Ея смѣлость и починъ далѣе не простирались.

„Библия“ и „Апокалипсисъ“ Кореня 1692—1697 годовъ, на которые я только что указывалъ, принадлежать къ числу самыхъ крупныхъ проявленій московской народной гравюры на деревѣ. И необычайный форматъ ихъ, и рисунокъ, и гравюрная техника представляютъ здѣсь множество особенностей чрезвычайной важности, вызывающихъ на изученіе и сравненіе. Въ этихъ 24 картинкахъ мы имѣемъ твердый опорный пунктъ для разсматриванія всѣхъ наиважнѣйшихъ гравюръ на деревѣ начала и первой половины XVIII вѣка. Но первоначальная композиція этихъ картинокъ не русская, онѣ заимствованы съ иностранныхъ образцовъ. Значить, прежде всего требуется узнать: съ какихъ именно образцовъ взяты эти рисунки?

Про „Библию“ г. Ровинскій говоритъ, что ея рисунки „заимствованы изъ славянской Палеи съ примѣсью западныхъ образцовъ.“ (т. IV, стр. 591). Такъ какъ здѣсь не указано, изъ какихъ именно Палей (рукописныхъ, конечно, такъ какъ печатныхъ не извѣстно) взяты одни рисунки, а также не указано, съ какихъ западныхъ образцовъ взяты другіе, то мы оставимъ здѣсь совершенно въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи рисунковъ этой Библии.

Про „Апокалипсисъ“ г. Ровинскій говоритъ, что рисунки его „заимствованы изъ Библии Пискатора“ (т. IV, стр. 562). Этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ мною ниже, въ параграфѣ о Киевской школѣ, въ общей связи съ другими указанными г. Ровинскимъ заимствованиями изъ той же иностранной иллюстрированной Библии.

II. Киевская школа.

Кіевскія лубочныя картинки и изданія представлены у г. Ровинскаго не въ такой полнотѣ, какъ московскія: оно и понятно, потому что кіевскія заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе однообразія, бѣдности въ сравненіи съ московскими, и будучи преимущественно всѣ религіознаго содержанія, очень часто схожи одни съ другими, или по крайней мѣрѣ имѣютъ одинъ и тотъ же общій характеръ, такъ что нѣтъ большой надобности воспроизводить слишкомъ многія изъ нихъ. Однакоже многое изъ самаго важнаго, рѣдкаго и значительнаго представлено въ Атласѣ г. Ровинскаго. Такъ наирѣдчайшія гравюры первой половины XVII вѣка: 1) Неопалимая купина и похвала пресв. Богородицы, съ 1627 годомъ;

2) Смерть съ косою на „блѣдномъ конѣ“, съ 1626 годомъ; 3) Миниатюрное изображеніе Памвы Беринды, въ Ливіи, съ 1627 годомъ; 4) св. Автопій Великій въ пустынѣ, съ 1627 годомъ; 5) св. Акилина, съ 1627 годомъ; 6) Чистота, аки дѣвица преукрашена, съ 1626 годомъ; 7) Лѣствица преподобнаго Іоанна Лѣствичника, съ 1627 годомъ; 8) Темница святыхъ осужденникъ, съ 1629 годомъ; 9) Преподобный Ілія Муромецъ, безъ года (Атласъ, № 1346, нумера: 1, 2, 4, 5, 6, 7; № 772; № 1519). Въ текстѣ, какъ содержаніе этихъ картинокъ, такъ и рисунокъ, и техническая сторона гравированія, и наконецъ; вопросъ о вѣроятныхъ авторахъ этихъ наиважнѣйшихъ въ нашей иконографіи и гравюрѣ картинокъ, разобраны и оцѣнены въ совершенствѣ, такъ что не остается желать ничего лучшаго. Г. Ровинскій доказываетъ въ своемъ текстѣ, по моему мнѣнію, вполне неопровержимо (томъ IV, стр. 732—735), что всѣ эти картинки „должны были составлять иллюстрацію къ „Приложенію на постриженіе калугерства“, составленному Памвою Бериндою; „что монограмма ДН или МД, стоящая на иныхъ изъ картинокъ этихъ (и прибавлю отъ себя, до сихъ поръ не объясненная), обозначаетъ „монахъ Леонтій“, можетъ быть, „Леонтій Земка“: это предположеніе было уже высказано г. Ровинскимъ 11 лѣтъ тому назадъ, въ его „Словарѣ русскихъ гравировъ“ (1871 г.), но лишь въ общихъ выраженіяхъ. Другая же монограмма ПБ, столько же до сихъ поръ необъясненная, означаетъ, по мнѣнію г. Ровинскаго, имя автора текста: „Памва Беринда“. Не могу съ этимъ не согласиться: такъ это соображеніе просто и естественно, и такъ удачно оно объясняетъ указанное, но не разъясненное, мною еще въ 1858 году (Отчетъ о второмъ присужденіи награды графа Уварова. 1858 г., стр. 18) обстоятельство, что эта монограмма ПБ стоитъ на верху гравюры, въ углу, гдѣ никогда не помѣщается имя гравера. Страницы, занятыя этимъ изслѣдованіемъ, принадлежать къ числу наиважнѣйшихъ въ сочиненіи г. Ровинскаго.

Мнѣ остается только пожалѣть, что вмѣстѣ съ этими рѣдкими стариннѣйшими гравюрами Кіевской школы не помѣщены въ Атласъ еще другія картинкі, столь же важныя по содержанію своему, сколько и по древности; это едва ли не самыя старѣйшія гравюры Кіевской школы. Находятся онѣ въ наирѣдчайшемъ маленькомъ изданіи (существующемъ всего только въ двухъ экземплярахъ, одинъ въ Императорской публичной библіотекѣ, другой въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ), котораго заглавіе слѣдующее: „Вѣршѣ на жалосный

погребъ Петра зацного рыцера Конашевича Сагайдачного, Гетмана войска его Кр. млсти (королевской милости) Запоровкого. Зложонный презъ инока Касіана Саковича ректора школъ кіевскихъ въ брацтвѣ. 1622 года". Сагайдачный былъ истинный народный герой Запорожской сѣчи, столь же знаменитый побѣдами надъ Турками и Татарами, сколько сильною и успѣшною помощію, оказанною имъ православію противъ уніи. Вирши Саковича съ картинками, гравированными на деревѣ, должны были имѣть несомнѣнное распространеніе въ Кіевѣ и всей его тогдашней области. Картинки эти имѣли вполне значеніе народное и историческое. Для насъ же, нынче, онѣ имѣютъ не меньшее значеніе, какъ одинъ изъ рѣдчайшихъ образцовъ изданія біографическо-историческаго содержанія, XVII вѣка. Притомъ большое значеніе имѣетъ для насъ элементъ костюмовъ казацкихъ, столь рѣдко встрѣчающихся въ древнихъ рисункахъ и гравюрахъ русскихъ и иностранныхъ. На оборотѣ заглавнаго листа представленъ, среди круглой рамки, казакъ въ шапкѣ съ кистью или перомъ, въ кафтанѣ съ петлицами на груди, съ восточною саблей у бедра и съ короткимъ мушкетомъ на плечѣ. Это гербъ Запорожскаго войска. Внутри книжечки мы встрѣчаемъ портретъ самого Сагайдачнаго, во весь ростъ, верхомъ, въ высокой мѣховой шапкѣ, съ булавою въ правой рукѣ, лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за спиною. Весь костюмъ его, убранство коня, чепракъ, въ высшей степени интересны и важны для нашей костюмной науки. Въ другомъ мѣстѣ книжечки маленькая гравюра представляетъ штурмъ Кафы: на стѣнѣ ея, въ разныхъ мѣстахъ, по лѣстницамъ влѣзаютъ казаки; напередѣ изображены турецкія военныя суда (каторги), атакуемыя на морѣ казацкими легкими лодками. Надпись: „Кафу воева. Року 1616“. Все вмѣстѣ представляетъ множество наиважнѣйшихъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній и подробностей.

Есть другое наирѣдчайшее кіевское изданіе, котораго извѣстенъ одинъ только экземпляръ, существующій въ Императорской публичной бібліотекѣ. Это „Имнологія“ 1630 года. Заглавный листъ въ ней тѣмъ замѣчательнѣе и интереснѣе, что здѣсь, кромѣ изображеній, на рамкѣ, русскихъ святыхъ: князя Владиміра, княгини Ольги, князей Бориса и Глѣба — всѣ четыре по грудь, и кіевскихъ преподобныхъ Осодосія и Антонія — во весь ростъ, есть еще маленькое, но очень явственное и подробное изображеніе „церкви Печерской“, которое въ такую раннюю эпоху, въ первую четверть XVII вѣка, составляетъ крайнюю рѣдкость.

Еще два кievскія изданія изъ этой же эпохи, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ снимковъ въ Атласѣ г. Ровинскаго, это, во первыхъ, „Триодъ“ 1631 года, гдѣ есть немало картинокъ, вполнѣдствіи много разъ отпечатанныхъ тѣми же досками или повторенныхъ во множествѣ кievскихъ изданій, до конца XVII столѣтія: картинки эти во многихъ отношеніяхъ замѣчательны — и въ иконографическомъ, и въ техническо-гравировальномъ, а иногда и въ костюмномъ отношеніи (нѣкоторые примѣры этихъ послѣднихъ мы приведемъ ниже); во вторыхъ, „Евхаристіонъ албо Вдѣчность“, 1632 года, гдѣ въ первой части находится изображеніе Петра Могилы въ архимандричьемъ облаченіи, въ ту минуту, какъ онъ бросаетъ воеводскій скипетръ и корону.

Но, кромѣ всего этого, надо сожалѣть, что у г. Ровинскаго не воспроизведено въ Атласѣ ни одного листа изъ „Библии Иліи“ (40-хъ годовъ XVII вѣка) и „Апокалипсиса Прокопія“, 1646—1662 года. Оба изданія, какъ ни грубы, заслуживали воспроизведенія, потому что въ свое время пользовались громаднымъ распространеніемъ и теперь составляютъ необычайную рѣдкость. Притомъ же оба они, вмѣстѣ съ „Апокалипсисомъ“ Кореня 1692—1697 годовъ (къ счастью, воспроизведеннымъ у г. Ровинскаго цѣликомъ), представляютъ очень важный матеріалъ для разслѣдованія нашихъ ученыхъ.

Про эти три любопытныя наши изданія г. Ровинскій говоритъ, что всѣ ихъ картинки „скопированы изъ Библии Голландца Ивана Пискатора“ (т. IV, стр. 590, 592, 600). Къ этому онъ прибавляетъ, что „Илья. копируя картинки Пискатора, уменьшилъ ихъ изъ листового размѣра въ четверку, при этомъ онъ выбрасывалъ изъ нихъ все то, съ чѣмъ не умѣлъ справиться: фигуры, разныя мелочи и даже цѣлыя партіи фигуръ; иногда онъ соединялъ двѣ картинки Пискатора въ одну, а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныя измѣненія“; что мастеръ Григорій (въ „Апокалипсисѣ“ Кореня) „с рабски копировалъ Пискатора, а многое измѣнилъ, другое переименовалъ, соединилъ по двѣ Пискаторовы картинки вмѣстѣ, придалъ фигурамъ своимъ польскіе типы и одѣлъ ихъ въ польскіе костюмы, не говоря уже о томъ, „что картинки Григорія размѣромъ вчетверо болѣе картинокъ Пискатора“; что „іерей Прокопій“, копируя съ Пискатора, увеличилъ картинки въ длину, опустилъ въ нихъ разныя подробности и тонкости, съ которыми не могъ совладать при передачѣ гравюры на деревѣ.

Открытіе связи и сходства Библии Пискатора съ нашими иллю-

стрированными изданиями второй половины XVII вѣка принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ заслугъ г. Ровинскаго. До него Библия Писка-тора была у насъ неизвѣстна и потому не принималась въ сообра-женіе ни однимъ изслѣдователемъ древней русской гравюры. Отнынѣ ни одинъ изъ нихъ не можетъ обойтись безъ изученія ея картинъ. Но, не взирая на всю эту крупную заслугу г. Ровинскаго, я считаю, что нельзя внести добытый имъ результатъ цѣликомъ въ исторію русской гравюры. Мнѣ кажется, что тутъ должны быть произведены нѣкоторыя существенныя измѣненія.

Идя по стопамъ г. Ровинскаго и повторяя еще разъ трудную и сложную работу, произведенную имъ, я сравню съ „Библией“ Пи-скатора всѣ три наши изданія: „Библию Или“, „Апокалипсисъ Про-копія“ и „Апокалипсисъ Корена“, по экземплярамъ Императорской публичной библиотеки. Я получаю здѣсь слѣдующія данныя:

Библия Или.

Книга Бытія.

Глава 15. Явленіе Бога Аврааму.

- 19. Лотъ съ дочерьми: Одна дочь почти вполне нагая, Лотъ прикасается до нея любово-страстно. Другая дочь положила руку отцу своему на голову.
- 21. Агарь въ пустынѣ: она пла-четъ, подперевъ щеку рукой.
- 24. Ревекка у колодца. Грудь очень открыта у всѣхъ жен-щинъ.
- 25. Исаъ продаетъ право на благословеніе Іакову. Фонъ—горы; въ альковѣ круглое окно.
- 28. Лѣстница Іакова. Ангелы всѣ съ сіяніями.
- 32. Іаковъ борется съ Богомъ.
- 41. Іосифъ толкуетъ сны Фа-раону. Фонъ—комната.
- 49. Рувимъ.—Симеонъ.—Гадъ.—Асиръ.
- 50. Смерть Іакова.

Библия Пискатора.

Вовсе нѣтъ.

Эта самая дочь—вса одѣтая; Лотъ до нея не прикасается любово-страстно и только обвиняетъ ее за шель. Другая дочь положила руку отцу на плечо.

Совершенно иное сочиненіе (и при-томъ, лишь какъ эпизодъ въ кар-тинкѣ «Изгнаніе Агари»); она про-тгиваетъ обѣ руки впередъ.

Около половины фигуръ совсѣмъ инныя. Сходство очень отдаленное. Грудь у женщинъ болѣе закрыта.

Фонъ—стѣна съ дверью; въ альковѣ—также дверь.

Ангелы безъ сіяній.

Вовсе нѣтъ.

Фонъ—городъ.

Совершенно инныя фигуры и съ иною обстановкою. Асиръ Пискатора есть Невеалимъ Или.

Вовсе нѣтъ.

Исходъ.

- Глава 3. Моисей передъ Неопалимою купиною. Извилистая змѣя ползеть напередѣ. Овальная рамка кругомъ композиціи.
- 4. Ааронъ и Моисей. Руки у нихъ врозь. Вокругъ композиціи овальная рамка.
- 7. Ааронъ превращаетъ воду въ кровь.
- 8. Жабы. У царицы на головѣ корона. Въ фонѣ—окна.
- 8. Мухи (NB. Фигура царя и воиновъ за нимъ похожа на такую же въ «Саранчѣ» у Писателя).
- 9. Градъ.
- 10. Саранча.
- 10. Тьма.
- 11. Пасха Иудейская. На улицѣ звѣзды, города въ фонѣ нѣтъ.
- 12. Избіеніе первенцевъ. Картина состоитъ изъ летящаго ангела, и 12 фигуръ, разбросанныхъ по всей землѣ (въ томъ числѣ лошадей).
- 13. Переходъ Евреевъ черезъ Черное Море (толпа народа поперекъ картины, Ааронъ и Моисей впереди).
- 16. Перепела.
- 16. Манна.
- 17. Изведеніе воды.
- 19. Моисей получаетъ заповѣди.
- 25. Хлѣбы предложенія.
- 27. Ковчегъ завѣта.
- 27. Седьмисѣщникъ.
- 27. Тралеза.
- 32. Пляска вокругъ золотого тельца. Пляшущихъ (между ними женщина съ распушенными волосами) 7 человекъ; одинъ музыкантъ играетъ на гудкѣ, другой на трубѣ; сзади нихъ человекъ, поднявшій обѣ руки. У подошвы горы большой столъ, покрытый
- Змѣя, по другой формѣ, является лишь вдали и даже мало замѣтна. Овальная рамка нѣтъ.
- Они жмутъ другъ другу руки, рамки овальной нѣтъ.
- Вовсе нѣтъ.
- У царицы короны нѣтъ на головѣ. Окна нѣтъ.
- Вовсе нѣтъ.
- Главы 9-я и 11-я—вмѣстѣ, и все сочиненіе назначено для выраженія темы «Саранча». Всего остального нѣтъ. Нѣтъ вовсе.
- Картинки для обоихъ сюжетовъ соединены въ одну картинку. Во 2-мъ сюжетѣ лежащихъ фигуръ—8, въ томъ числѣ лошадей.
- Нѣтъ вовсе.
- Нѣтъ вовсе.
- Совершенно другое сочиненіе. Лишь общее и отдаленное сходство.
- Нѣтъ вовсе.
- Совершенно другое сочиненіе. Пляшущихъ 10 человекъ, и между ними нѣтъ женщины съ распушенными волосами; изъ двухъ музыкантовъ одинъ играетъ на барабанѣ, другой на трубѣ; позади нихъ никого нѣтъ. Подлѣ Моисея, на горѣ, еще два человека; подлѣ горой есть столъ,

столовой посудой. Съ горы сходитъ Моисей. Другихъ фигуръ нѣтъ.

- 36. Завѣса скинии.
- 40. Ааронъ въ полномъ первосвященническомъ облаченіи.

Книга Числъ.

Глава 13. Привесеніе лозы изъ земли Хаваанской.

- 16. Наказаніе Корея, Даана и Авирона.
- 21. Мѣдный Змій: подпорка для змѣя въ видѣ Т; кромѣ Моисея и Аарона дѣйствующихъ лицъ всего 6. У подножія Змѣя женщина съ поднятою головою, покрытою, съ одною рукою на груди, другою вдоль тѣла.
- 22. Ангель и Балаамъ. Ангель иконописный и съ сіяніемъ; въ фонѣ три человѣка.
- 24. Балаамъ благословляетъ народъ. Царь съ лнца; въ костюмъ на немъ иконописный, и сапоги. Четыре правильныхъ ряда палатокъ. Фигуръ человѣческихъ всего въ картинѣ четыре.

Иисусъ Навинъ.

Глава 1. Самъ Иисусъ Навинъ, въ латахъ, шлемѣ и съ мечомъ.

- 2. Рахаавъ спасаетъ посла Иисуса. Фонъ: луна и звѣзды на небѣ.
- 4. Переходъ черезъ Иорданъ. Фонъ пустой.
- 5. Ангель является Иисусу Навину. Самостоятельная большая картина. Ангель — иконописный, съ крыльями и сіяніемъ, безъ щита и шлема; конь позади него. Фонъ — городъ.

но не большой, и пустой; на картинкѣ множество стоящихъ и сидящихъ мушкетъ и женщинъ.

Нѣтъ вовсе.

Совершенно другое сочиненіе по фигурамъ, пейзажу и всѣмъ подробностямъ вообще.

Нѣтъ вовсе.

Сходство очень отдаленное. Подпорка для змѣя вилкой; дѣйствующихъ лицъ — множество. У подножія Змѣя женщина съ непокрытою головою держащая ребенка.

Ангель въ стилѣ рококо, и съ совершенно другимъ движеніемъ рукъ; въ фонѣ нѣтъ ни одного человѣка.

Царь спящей; костюмъ: латы и шлемида, онъ босоногъ. Многочисленные ряды палатокъ расположены совершенно неправильно и живописно, по всей лѣвой сторонѣ картины; Масса человѣческихъ фигуръ повсюду.

Вовсе нѣтъ.

Фонъ: городъ и зданія.

Фонъ: горы, масса войска.

Этотъ сюжетъ, но совершенно иного сочиненія, чѣмъ у Иліи, находится, въ очень миниатюрныхъ размѣрахъ, на картинѣ, изображающей трапезу Израильтявъ у Иерихона. Ангель въ шлемѣ, со щитомъ и мечомъ. Иисусъ Навинъ на колѣняхъ, позади него палатки, похоронные монументы, вдали городъ.

- 6. Паденіе Іерихона. Фонъ: раз-
рушающаяся городская стѣна
и башни.
- 7. Побѣненіе Авана. Самостоя-
тельная картина.

- 10. Іисусъ Навинъ останавли-
ваетъ солнце. Солнце съ лицомъ.
Фигуръ немного.

Книга Судей.

Глава 3. Семегаръ. Фонъ сложный:
огромное дерево, городъ вдали.

- Варакъ. Фонъ сложный: мно-
жество деревьевъ, башня, па-
латка.

- 4. Деворра умерщвляетъ Си-
сарру. Самостоятельный листъ.

6. Гедеонъ. Латы съ орнамен-
тами на груди. Въ фонѣ расте-
вія въ русскомъ стилѣ XVII
вѣка.

- 9. Авимелехъ. Маленькая чалма;
развѣвающийся плащъ. Фонъ:
цѣлый городъ. Дерево.

- 10. Тгола: Фонъ: башня на скалѣ;
съ другой стороны зубчатая стѣ-
на города, также на скалѣ.

- 10. Іаиръ. Фонъ: дерево и городъ
вдали, на покатой мѣстности.

- 12. Есеевъ. Фонъ: городъ, съ
воротами; высокая трава.

- 12. Елонъ. Фонъ: городскія во-
рота.

- 12. Авдонъ. Фонъ: городъ, гора.
- 13. Явленіе Ангела Маноѣ и
женѣ его.

- 13. Самсонъ. Фонъ: городская
стѣна, деревья, гора, иконопис-
наго стиля зданія.

Фонъ: круглое большое зданіе и боль-
шая городская постройка, совершен-
но иной формы, чѣмъ у Ильи.

Этотъ сюжетъ есть у Пискатора, но
въ фонѣ другой большой картины
(№ 7), и совершенно иначе.

Солнце безъ лица изъ однихъ лучей.
Фигуръ очень много.

Фонъ: очень тоненькія деревья, и поле,
на которомъ сражаются люди.

Одна только палатка и болѣе ничего;
фона нѣтъ, ибо онъ закрытъ дра-
пировкой Варака и палаткой.

Этотъ сюжетъ находится на одной
картинѣ съ Варакомъ, но это совер-
шенно другое сочиненіе.

Латы очень простыя. Фонъ: пейзажъ.

Чалма огромная; плащъ виситъ спо-
койно, наверху на руку. Фонъ:
долина съ очень немногими построй-
ками и далекими горизонтами.

Фонъ: долина съ постройками, и съ
далекими горизонтами. Авимелехъ,
Тгола, Гедеонъ и Іаиръ на одной
картинѣ.

Фонъ: Ковное войско, плущее по до-
линѣ по направленію къ далекому
городу, съ круглою широкою въѣзд-
ною башнею.

Городъ, трапеца 11 человекъ на воз-
духъ; конное войско.

Долина, деревья.

Конное войско, тянущееся вдали.
Вовсе нѣтъ.

Фонъ: городъ, но очень далеко и въ
миниатюрномъ видѣ, и притомъ дру-
гаго совершеннаго вида, съ церк-
вами XVII вѣка.

Книга Царствъ.

Кн. 1, гл. 9. Саулъ.

Кн. 2, гл. 2. Давидъ.

Кн. 3, гл. 3. Соломонъ.

- 12. Раваамъ.
- 15. Иосафатъ.
- 15. Авія.
- 15. Асса, кумиры потребляющій.
- 15. Асса, приносящій первосвященнику золото, сосуды и проч. (въ экземплярѣ Имп. публ. библиотеки нѣтъ).

Кн. 4, гл. 14. Мавасія.

- 15. Иосаамъ.
- 3. Иоарамъ.
- 8. Охозія.
- 11. Иоасъ.
- 21. Мавасія.
- 15. Азарія.
- 16. Ахазъ.
- 18. Езекия.
- 21. Амонъ.
- 22. Иосія.
- 23. Иоахазъ.
- 24. Иоахимъ.
- 25. Седекія.

Всё нѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, я подвергаю подобному сравненію „Апокалипсисъ“ въ изданіяхъ іерея Проконія, Кореня и Пискагора, и получаю слѣдующіе результаты:

Апокалипсисъ Проконія.
(не полный).Апокалипсисъ Кореня.
(не полный).

Апокалипсисъ Пискагора.

1. Саваоѣ съ мечомъ, исходящимъ изъ устъ. На Саваоѣ платье со складками. На головѣ у Иоанна сіяніе. Напередѣ посредній пейзажъ и вода. Облака иной формы, чѣмъ у Пискагора. Расположеніе шандаловъ иное, чѣмъ у Пискагора. На вѣнцѣхъ шандалахъ богатая орнаментация. Надъ Иоанномъ Богословомъ надпись: «Св. Иоанъ». Вокругъ Саваоѣ сіяніе изъ огненныхъ языковъ.

Недостаётъ.

1. Первою картинкою здѣсь является изображеніе Иоанна Богослова на островѣ Патмосѣ. Ея нѣтъ ни у Проконія, ни у Кореня. Надпись: «Αρσαλურαις Caput 1, vers. 9.».

2. На Саваоѣ поперегъ тали кушакъ. Иоаннъ Богословъ безъ сіянія. Въ фонѣ нѣтъ ни пейзажа, ни воды. Шандалы безъ орнамента, всё одинакіе. Вокругъ Саваоѣ сіяніе изъ черточекъ.

Апокалипсисъ Проконія.

2. Саваоѣ сидящій, представленъ прямо съ лица. Лѣвая рука поднята, правая видна отчасти, и держитъ книгу вертикально. Престолъ совсѣмъ другой формы, чѣмъ у Пискагора, съ завѣтками рококо; его нижніе края кончаются головками Херувимовъ. Подлѣ Саваоѣ телець, стоящій на заднихъ ногахъ. Напередѣ внизу— море. Иоаннъ Богословъ стоитъ на козлѣнхъ на облакѣ, на право, въ профиль; около его головы сіяніе; у 24 старцевъ въ рукахъ короны, «гусли и фіалы златы, полны ѳніама». Одинъ изъ старцевъ, на лѣво, схватилъ корону обѣими руками, хочетъ ударить ее объ землю.

3. Четыре всадника. Они скачутъ влѣво отъ зрителя. У Смерти густые волосы поднятыи вверхъ космами на черепѣ. За спиной развѣивается драпировка. Обѣими руками она держитъ косу. Лицо у Смерти— молодое. У воина мечъ и щитъ. Конь его пѣгій. Конь царя обращаетъ голову назадъ. Подлѣ летящимъ ангеломъ мелкая надпись.

4. Пятая печать. Престолъ на облакахъ покрытъ орнаментами. Сіяніе около него изъ ог-

Апокалипсисъ Кореня.

(Безъ №). Сочиненіе довольно сходное съ сочиненіемъ Проконія, но представляющеетакжеи значительныя различія. Форма престола у Саваоѣ не рококо, а византійская. Правую руку Саваоѣ положили на наклонившагося къ нему тельца, лѣвая лежитъ на книгѣ съ 7-ю печатями. Сіяніе изъ языковъ огненныхъ кругомъ всего Саваоѣ до низу. У ногъ Саваоѣ летитъ ангелъ, котораго нѣтъ ни у Проконія, ни у Пискагора. Текстъ подлѣ картинкой подробнѣе, чѣмъ у Проконія, иной ортографіи и иного состава. Такъ наприм. у *Пр.* сказано: «И семь свѣщникъ огнемъ горящихъ»; у *Кор.*: «семь свѣщникъ огнемъ горящихъ». У *Пр.*: «предъ престоломъ море стеклянное», у *Кор.*: «подъ престоломъ» и т. д.

3. Всадники скачутъ вправо отъ зрителя. Смерть совершенно голая и безъ драпировки; въ рукахъ у ней коса. На трехъ коняхъ сбруи. На воинахъ латы съ пуговицами напередѣ. Конь царя держитъ голову впередъ. Группа людей распростертыхъ на землѣ совершенно иная, чѣмъ у *Пр.* и *Пискагора*. Подлѣ ангеломъ длинная надпись, но другой и болѣе пространной редакціи, чѣмъ у *Прок.*, равно какъ и текстъ внизу всей картинки. Такъ наприм. у *Прок.*: «Дадеса», у *Кор.*: «дано бысть».

4. Престолъ еще богаче украшенъ, чѣмъ у *Прок.*; ангелы со слухами и въ вѣнцахъ. Общее сіяніе

Апокалипсисъ Пискагора.

3. Совершенно другое сочиненіе чѣмъ, у Проконія и Кореня. Напередѣ нѣтъ моря; Иоаннъ Богословъ внизу напередѣ. Саваоѣ обращенъ вправо. Подлѣ него нѣтъ тельца. У однихъ старцевъ въ рукахъ только короны; у другихъ онѣ стоятъ на полу. Старца, разбивающаго свою корону—нѣтъ вовсе. Семь свѣщниковъ вверху не висятъ на цѣпяхъ, какъ у Кореня, а являются на воздухѣ, какъ у Проконія; притомъ они другой формы.

4. Картинка на текстъ: «Apocalypsis Caput 5. ver. V». Ея нѣтъ ни у *Прок.*, ни у *Кореня*.

5. Всадники скачутъ вправо отъ зрителя. У Смерти есть немного волосъ на головѣ. Лицо у ней— старческое. У ней въ рукахъ трезубецъ. У воина въ рукахъ только мечъ. Конь царя обращаетъ голову назадъ. Группа лежащихъ людей нѣсколько сходна съ группой у *Проконія*.

6. Престолъ безъ украшеній. Сіяніе вокругъ овальное, изъ черточекъ.

Апокалипсисъ Проконія.

непныхъ языковъ. Ангелы съ вѣнцами кругомъ головы. Боковые два ангела стоятъ на особыхъ облачкахъ. Композиція имѣетъ сходство съ картинкой *Пискатора*.

5. Шестая печать. Кромѣ падающихъ звѣздъ падаютъ также какіе-то предметы, похожіе на продолговатыя камни (вѣроятно выражаютъ слова текста: «падоша яко смоковницы»). Группы людей только отчасти похожи на подобныя же группы у *Пискатора*: есть и совершенно ныя фигуры, особенно въ лѣвой сторонѣ, напримѣръ, человекъ во весь ростъ, поднявшій руки, и два лежащихъ подлѣ него.

6. Четыре ангела на четырехъ углахъ земли. Всѣ ангелы (въ вѣнцахъ) совершенно иные, чѣмъ у *Писк.* Среди облаковъ вверху херувимскія головки, изъ устъ которыхъ псодлятъ вѣтръ. Крестъ у средняго ангела, подлѣ Саваоомъ, древней русской формы съ понерезной въ самомъ верху. Тронъ у Саваооа въ стилѣ рококо. Саваооъ обращенъ нѣсколько вправо отъ зрителя. Толпа народа внизу позураздѣта.

Апокалипсисъ Кореня.

изъ языковъ огненныхъ. Внизу 6 группъ, вмѣсто 5-ти, какъ у *Прок.* и *Писк.* Текстъ надписи внизу одинакій съ текстомъ у *Прок.*, но съ другими подробностями формы.

(Безъ №). Есть общее сходство съ группами и подробностями *Прок.*, но много и различія. Падающіе камни и «смоковницы» иные числомъ и формою. Однѣ фигуры похожи на фигуры *Прок.*, другія совершенно ныя. Текстъ одинакій съ *Прок.*, но съ различіями въ грамматическихъ формахъ.

(Безъ №). Ангелы (въ вѣнцахъ) значительно отличаются позами и движеніями отъ такихъ же у *Прок.* Средній ангелъ внизу держитъ въ одной рукѣ чашу съ причастіемъ, другою небольшою крестъ, которымъ прикасается къ челу старца на колѣнахъ. Въ облакахъ херувимскія головки какъ и у *Прок.* Крестъ у верхняго ангела посрединѣ — русской. Саваооъ представленъ на византийскомъ тронѣ, прямо съ лица. Толпа народа напередѣ вся одѣта по иконописному. Текстъ представляетъ отличія отъ текста *Прок.* Такъ напримѣръ у *Прок.*: «по сихъ», у *Кор.* «по семъ»; у *Прок.* «видѣхъ многаго ангела», у *Кор.* «видѣхъ ннѣ ангель». Сверхъ того, вторая половина текста у обоихъ разная.

Апокалипсисъ Пискатора.

7. Падаютъ только звѣзды, окруженныя огненными языками; кругомъ изображенъ будто дождь продолговатыми черточками. Падающіе камни иныхъ формъ, чѣмъ у *Прок.* и *Кор.* Многія человѣческія фигуры совершенно иные, чѣмъ у *Прок.* и *Кор.*

8. Ангелы (безъ вѣнцовъ) всѣ въ иныхъ позахъ, чѣмъ у *Прок.* и *Кор.* Херувимскія головки новсе нѣтъ. Крестъ у ангела вверху — западно-европейскій. Тронъ Саваооа — рококо.

Апокалипсисъ Проконія.

Апокалипсисъ Кореня.

Апокалипсисъ Пискагора.

7. Седьмая печать. Престолъ, на облакахъ, богато украшенъ. Ангелы всѣ въ вѣнцахъ. Большое сіяніе вокругъ него и Саваоа состоятъ изъ пламенныхъ языковъ. Внизу пейзажъ иконописнаго стиля. Общая композиція имѣетъ сходство съ такою же у Пискагора.

7. Престолъ богато украшенъ. Сіяніе изъ языковъ только вокругъ головы Саваоа. Онъ самъ и всѣ ангелы (въ вѣнцахъ) въ стиляхъ иконописномъ, въ одеждахъ византийскихъ. Группы ангеловъ иные, чѣмъ у Прок. и Писк. Пейзажъ внизу — тоже. Текстъ внизу — иной редакціи противъ Прокон.; наприм. у Прок. «бысть молчаніе», у Кор. «бысть безмолвіе»; у Прокон. «предъ божьимъ престоломъ столку», у Кор. «предъ Богомъ столку» и т. д.

9. Престолъ почти безъ украшеній. Сіянія только вокругъ головы Саваоа, изъ однихъ черточекъ. Пейзажъ внизу очень мелкій.

8. Первый ангелъ вострубилъ. Композиція имѣетъ много сходства съ такою же у Пискагора.

(Безъ №). Оба сюжета соединены въ одну картинку. Очень отдаленное сходство съ картинками Прок. и Пискат. Довольно сходны оди ангелы, летящіе въ небѣ. Текстъ тождественный съ текстомъ Прок., но съ разницею грамматическихъ формъ.

10. Близкое сходство съ картинкой Прок.

9. Второй ангелъ вострубилъ. Корабли и паруса совершенно иные, чѣмъ у Пискагора.

11. Корабли и паруса иные, чѣмъ у Прок.

10. Третій ангелъ вострубилъ. Море, земля, скалы, деревья, трупы умершихъ — на первомъ планѣ, и городъ вдали, въ иконописномъ стилѣ, совершенно иные, чѣмъ у Пискат.

10—11. Оба сюжета соединены вмѣстѣ. Пламя надъ падающей звѣздой, пейзажи, деревья, трава, группа труионъ, городъ въ фонѣ, все это иначе здѣсь, чѣмъ въ обѣихъ картинкахъ Прок. Ангелы схожи. Текстъ тождественный съ Прок., но съ разницею грамматическихъ формъ.

12. Видны не деревья, а только тоненькіе стволы ихъ изъ-подъ облака. Труионъ людей всего четыре. Воды спереди очень мало.

11. Четвертый ангелъ вострубилъ. Пейзажъ, съ иностранными постройками (башни, купола), какихъ нѣтъ въ картинкѣ Пискат.

13. Обширные горизонты и пейзажи, съ постройками внизу, какихъ нѣтъ ни у Прок., ни у Кор.

12. Пятый ангелъ вострубилъ. Сочиненіе имѣетъ много общаго съ такимъ же у Пискагора, но съ нѣкоторыми очень существенными отличіями. Такъ напр.: надъ

12. Сочиненіе имѣетъ болѣе сходства съ такимъ же у Пискат., чѣмъ у Прок., а именно: надъ звѣздой, въ столбѣ тьма, является «пругъ»; подъ двумя бѣгущими лежитъ

14. Сочиненіе, сходное, въ отдѣльныхъ чертахъ, то болѣе съ картинкой Прок., то съ картинкой Кореня.

Апокалипсисъ Проконія.

звѣздой, среди стоабадыма, нѣтъ, какъ у *Лиск.*, летящаго внизъ фантастическаго «пруга» (=саранчи); хвосты у тѣхъ трехъ «пруговъ», что преслѣдуютъ двухъ бѣгущихъ челоуѣкъ, иначе расположены чѣмъ у *Лискат.*; подъ этими двумя бѣгущими людьми нѣтъ третьяго, въ чалмѣ, упавшаго на-земъ; упавшіе, въ центрѣ картинны, два челоуѣка, изъ которыхъ одинъ въ чалмѣ, лежать головами врозь, а не головами къ центру; подлѣ челоуѣка, лежащаго затылкомъ внизъ, лежитъ въ лѣвомъ углу на полу чалма, свалившася съ головы, и т. д.

Апокалипсисъ Кореня.

третій еще челоуѣкъ, въ чалмѣ; упавшіе два челоуѣка, изъ центрѣ картинны, лежать головами въ центру, и т. д. Темсть тожественный съ текстомъ *Прокон.*, но съ разницею грамматическихъ формъ.

Апокалипсисъ Пискатора.

13. Шестій ангелъ воструби. Въ композиціи есть черты сходства, но и черты несходства съ композиціей *Лиск.* Такъ, напримѣръ, Сававоу въ три-четверти, тогда какъ у *Лискат.* въ профиль; у третьяго ангела, направо, волосы на головѣ подняты кверху остриемъ, какъ у «Смерти» въ № 3; челоуѣкъ, лежащій въ правомъ углу картинны, лежитъ головой къ рамкѣ, ногами въ поле, тогда какъ у *Лиск.* наоборотъ, значить въ совершенно иномъ отношеніи къ поражающему его ангелу, и т. д.

(Безъ №). Иное въ композиціи болѣе сходно съ *Прок.*, а иное съ *Лиск.* Такъ напр. Сававоу — въ $\frac{3}{4}$, какъ у *Прок.*; видны обѣ его руки, какъ у *Прок.*; но фигура лежащаго на полу челоуѣка, пораженнаго ангела, по позѣ и подробностямъ тожественна съ такою же фигурою у *Лиск.*, а именно онъ лежитъ головою въ поле, ногами къ рамкѣ, и притомъ одною приподнятою ногою онъ старается оттолкнуть ангела, какъ у *Лиск.* Замѣчательно, что всѣ ангелы держутъ мечи *мной рукой*. Всѣ костюмы — иконописные. Въ текстѣ есть разницы редакціи съ *Прок.*, напримѣръ: «жертвенника златаго» у *Прок.*, «олтаря златаго» у *Кореня*; «ангелу иже имаше трубу» у *Прок.* «ангелу пишущу трубу» у *Кор.*; «при рѣцѣ» у *Прок.*, «на рѣцѣ» у *Кор.*; «да убіють» у *Прок.*, «да

15. Сочиненіе, сходное то съ картинкой *Прок.*, то *Кореня*, то совершенно отличающееся отъ обоихъ.

Апокалипсисъ Проконія.

Апокалипсисъ Корсая.

Апокалипсисъ Пискагора.

избѣють» у *Кор.*; «число воинства коннаго двѣ тмѣ темъ» у *Прокон.*; «число воиновъ конныхъ двоицею тма тмаи» у *Кор.*, и т. д. Сверхъ того, текстъ у *Кор.* пространнѣе.

14. «И видѣхъ нваго ангела крѣпка». Композиція имѣетъ много сходства съ такою же у *Писк.*, но есть также и различія. Такъ наприм. расположеніе кораблей на морѣ совершенно иное: впереди маленькой, вдали большой; у *Писк.* наоборотъ. Сверхъ того у этого послѣдняго еще два судна вдали на горизонтѣ. Пейзажъ позади Іоанна Богослова совершенно различный въ обѣихъ картинкахъ: у *Прок.*, онъ иконописнаго стиля, и прибавлены, сверхъ того, группы людей, между которыми видна баба съ ведрами.

(Безъ №). Композиція въ иномъ приближается къ картинкѣ *Писк.*, напр. напередѣ большой корабль, и точно такой формы, какъ у *Писк.*, а вдали еще 3 корабля, какъ у него-же, а въ иномъ заключаетъ совершенно самостоятельныя подробности, какихъ нѣтъ ни у *Писк.*, ни у *Прок.*, такъ напр. отвѣсныя скалы позади Іоанна Богослова, зелень, растущая вокругъ него, ит. д. Текстъ иной редакціи въ сравненіи съ *Прок.*; такъ наприм. «и егда възвѣа» у *Прок.*, «и егда възгласи» у *Кор.* Формы грамматическія также представляютъ различія.

16. Иное въ композиціи схоже съ *Кор.*, иное съ *Прок.* Пейзажъ позади Іоанна Богослова очень обширный, и съ далекими горизонтами.

15. «И дадемъя трость». Сочиненіе совершенно отличное и отъ *Писк.* и отъ *Корсая*: «Звѣрь» совершенно иной формы; у него на головѣ корона, на шеѣ орарь, языкъ широко высушить. Передъ нимъ пророки Енохъ и Ілія въ мѣховыхъ одеждахъ; вдали лежатъ они-же, побѣжденные «Звѣремъ». Текстъ внизу очень обширный.

(Безъ №). Сочиненіе отчасти похоже на картинку *Писк.*, а отчасти на картинку *Проконія*. «Звѣрь» похожъ на «Звѣря» *Пискагора*, безъ короны и ораря; онъ пожираетъ лежащихъ на землѣ пророковъ Еноха и Ілію (у *Писк.* онъ пожираетъ простыхъ людей); два человека бѣгутъ прочь, и два другихъ, посреди картины, смотрятъ на явленіе, въ облакахъ, пророковъ Еноха и Ілію — но всѣ костюмы иные. Вдали разрушающійся городъ, тоже какъ у *Писк.*, но архитектурныя формы тутъ иныя.

17. Композиція представляетъ лишь отдаленное сходство съ картинкой *Корсая*: группы людей совершенно иныя. Костюмы и архитектура — также.

Апокалипсисъ Проконія.

Апокалипсисъ Короня.

Апокалипсисъ Пискатора.

Съ другой стороны, въ фонѣ является Іоаннъ Богословъ, пзмѣряющій храмъ жезломъ, какъ у *Прок.*, но его фигура, поза и архитектура вокругъ — иные. Текстъ яной въ сравненіи съ *Прок.*

16. «И узрять отъ людей и колѣвъ». «Звѣрь» пожираетъ распростертыхъ на землѣ пророковъ Еноха и Ілію, какъ въ предыдущей картинкѣ *Короня*, но рисунокъ и всѣ формы совершенно яныя. Дѣйствіе происходитъ на большой площади съ богатой архитектурой въ стилѣ *rococo*; толпы мужчинъ и женщинъ пляшутъ, другіе угощаются у накрытыхъ столовъ. Изъ нѣсколькихъ трубъ надъ домами идетъ дымъ. На право, два челоѣка въ чалмахъ и короткомъ платьѣ встрѣчаются, съ кубками въ рукахъ.

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

17. «И по трехъ днехъ и по двѣ, духъ животный...» Пророки Енохъ и Ілія на облакахъ, стоятъ на колѣнахъ передъ небеснымъ сіяніемъ, и внизу по землѣ бѣгутъ два челоѣка прочь, какъ у *Кор.* въ № 15, и у *Писк.* въ № 17; все остальное—новое сочиненіе; на землѣ, напередъ, валяются части разрушившихся зданій.

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

18. «И седьмый ангель воструби». Въ лѣвомъ верхнемъ углу Саваоѣвъ, благословляющій, позади престола; посреди картины, вверху, на об-

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

Апокалипсисъ Проконія.

Апокалипсисъ Кореня.

Апокалипсисъ Пискагора.

лакѣ, трубящій ангель.
На расположенный вни-
зу городъ нисходитъ
«трусъ и градъ великъ».

19. «И знаменіе веліе яви-
ся на небеси». Композиція довольно схожая съ композиціей у *Писк.*, но и съ значительными различіями: «Жена» окружена двойнымъ сіяніемъ изъ языковъ пламени, и позади ея спиномъ—крылья; группа четырехъ ангеловъ, направо вверху на облакѣ, иначе расположена. Головы «Змѣя» расположены въ три ряда: 4 головы въ заднемъ ряду, 2 впереди, седьмая наклонилась впередъ. «Жена» стоитъ ногами на мѣсяцѣ, какъ у *Пискагора*. Роговъ на «Змѣѣ» не 10, какъ по тексту слѣдуетъ, а 12. Подъ «Змѣемъ» круглая земля.

(Безъ №). Композиція, бо-
лѣе подходящая на тако-
вую же у *Писк.*: вокругъ
«Жены» одно сіяніе, а
не два, и крыльевъ у
нея за спиною нѣтъ, Но
ангеловъ на облакахъ
не четыре (какъ у *Писк.*
и *Прок.*), а три, и всѣ
три съ мечами; съ конь-
емъ нѣтъ ни одного.
Шесть головъ «Змѣя»
всѣ врядъ, одна седь-
мая наклонилась впе-
редъ. «Жена» не стоитъ
на мѣсяцѣ, а онъ распо-
ложенъ ниже ея ногъ.
Подъ «Змѣемъ» земля
не круглая. Замѣча-
тельно, что всѣ три
ангела держутъ мечъ
въ лѣвой рукѣ, какъ
въ № 13. Текстъ тоже-
ственный съ текстомъ
Прокон., кромѣ грам-
матическихъ формъ.

18. Композиція похожа
частью на таковую же
у *Прокон.*, частью у
Кореня, а нѣкоторыя
подробности совершен-
но особенныя. Къ числу
последнихъ относится
остріе, въ видѣ клыва,
на концѣ носа на двухъ
головахъ «Змѣя». Подъ
«Змѣемъ» не обозна-
чена форма земли.

20. «И видѣхъ звѣря ис-
ходящаго изъ моря». Композиція, схожая съ такою же у *Пискаг.*, но группа людей и ихъ костюмы совершенно иные.

20. Композиція, схожая
съ такою же у *Прок.* и
Писк., но группа людей
и костюмы иные, чѣмъ
у того и у другаго. Но
у *Кор.* со скалы свѣши-
ваются къ морю вѣтви
дерева, чтѣ есть и у
Писк., но нѣтъ у *Прок.*
Текстъ тождественный
съ текстомъ у *Прок.*,
кромѣ мелкихъ грам-
матическихъ различій.

19. Композиція, схожая
съ такою же у *Прок.* и
Кореня, но группа лю-
дей и ихъ костюмы со-
вершенно отличны отъ
того, и отъ другаго.

21. «И видѣхъ и се агнецъ
стояше на горѣ». Сочиненіе, неизмѣющее ника-
кого сходства съ таки-
ми же у *Писк.* и *Кореня*.
«Агнецъ», очень значи-
тельныхъ (по картинкѣ)
размѣровъ, стоитъ по-
серединѣ вверху; надъ

21—22. Два эти №№ сто-
ять на одной и той же
картинкѣ, имѣющей
много сходства съ ком-
позиціей у *Пискаг.*,
но есть также и разли-
чія. А именно: у *Кор.*
агнецъ представленъ
въ профиль и со знаме-

20. Композиція, сходная
съ картинкой №№ 21—
22 у *Кор.*, и отчасти
съ № 22 у *Прок.* Много
также и различій.

Апокалипсисъ Проконія.

нимъ сіяніе въ языковъ пламени въ два ряда; подъ нимъ площадка треугольной формы, ее окружаютъ безчисленныя толпы народа. Кругомъ Іоанна Богослова, распростертаго на землѣ и готовящагося писать, долина съ зеленью, безъ всякихъ построекъ.

22. «И видѣхъ ипа ангела парящаго посредѣ небесе». Композиція имѣетъ значительное сходство съ такою же въ правой сторонѣ № 20 у *Лиск.* Но фигура Іоанна Богослова совершенно иная; фигуры трехъ летящихъ ангеловъ расположены въ иномъ порядкѣ; позади Іоанна — горы и т. д.

23. «И видѣхъ и се облакъ свѣтель». Композиція, очень близкая къ такой же у *Лиск.*, только сіяніе около Саваоа вной совершенно формы и ангелы иконописныя (какъ, впрочемъ и вездѣ); ангель вдали, у винограда, держитъ серпъ правою рукою (у *Лиск.* лѣвою), у его ногъ нѣтъ ничего на землѣ.

Нѣтъ.

Апокалипсисъ Кореня.

нимъ, кругомъ него два сіянія; у *Лиск.* агнецъ въ ракурсѣ безъ знамени и безъ сіяній; у *Кореня*, поклоняющіеся аглицу все старцы; группы старцевъ съ арфами, на облакахъ, и летящіе три ангела совершенно иные, чѣмъ у *Лискат.* Текстъ тожественный съ текстомъ у *Прок.*, но съ небольшими измѣненіями, наприм. «А може аще идетъ» — у *Проконія*, «а може идетъ» — у *Кореня*. У послѣдняго напечатаны вѣсть текстъ одинаке съ текстомъ обѣихъ картинокъ *Прок.*, №№ 21 и 22.

Нѣтъ вовсе.

(Безъ №). «Оружіе сѣдлащаго на кони». Композиція этой картинки имѣетъ значительное сходство съ композиціей двухъ картинъ *Лискат.*, №№ 25 и 26, составленныхъ вѣсть, но со многими отличіями; наприм. у *Кореня* кони всадниковъ въ сбруѣ, а у всадниковъ конья со значками; костюмы всѣ

Апокалипсисъ Нискатера.

21. Композиція, очень сходная съ такою же у *Прок.*, но съ нѣкоторыми отличіями: летящій наверху ангелъ дотрогивается рукою до серпа въ рукѣ у Саваоа; у ногъ ангела, приближающагося къ винограднику, вдали стоитъ корзина — чего нѣтъ въ картинкѣ у *Прок.*

25. 26. Двѣ картинки, по сочиненію значительно схожія съ картинкой *Кореня*.

Апокалипсисъ Проконія. Апокалипсисъ Кореня. Апокалипсисъ Мискатора.

иконические; ангелы съ
вѣнцами около головы;
ноги «Змія» человѣче-
скія, тогда какъ у *Ми-*
*ска*т. звѣрища, и т. д.

—Шаръ земной, на кото-
ромъ сверху сидитъ діаво-
лъ, съ рогами и крыль-
ями, расширивъ ноги.
Онъ на длинныхъ дѣ-
лахъ держитъ человѣч-
ескія фигуры, изобра-
жающія семь смертныхъ
грѣховъ. Въ лѣвомъ
верхнемъ углу имя Іего-
вы, написанное еврей-
скими буквами, въ сѣдинѣ
изъ пламенныхъ язы-
ковъ. Внизу текстъ въ
два столбца, на лѣво
5 строкъ, на право 4.
Подпись: «Проконій
діаконъ».

Нѣтъ вовсе.

Нѣтъ вовсе.

Подъ картинкой награвни-
рованъ, въ два столбца,
текстъ:

«Да прійдетъ знебес-
ныхъ палацовъ отъ отца
свѣтлостна. зе внутр
от души і зверху отъ
ласки. а не отъ при-
рожен царствъ: Спра-
ведливости покою и не-
сеа духа сті твое: Не-
тог свѣта от блудного
и не того тѣла смертел-
ного, не бѣса который
нас ошукивает. але
твое Вдѣчное без утра-
ненія, спокойное безза-
мешани, безпечное без
утраты»¹⁾.

¹⁾ По всей вѣроятности, эта картинка, находящаяся въ концѣ экземпляра Императорской Публичной Библіотеки, вовсе не принадлежитъ къ «Апокалипсису», а приклеена къ настоящей тетради только какъ произведение того самаго *Проконія*, который исполнилъ предыдущія 23 картинки. По крайней мѣрѣ, ни содержаніе, ни текстъ этой картинки не заимствованы изъ «Апокалипсиса». Точно также, я считаю вовсе не принадлежащею къ «Апокалипсису», а приклеенною случайно къ нему, ту картинку, работы *Проконія* же, которая находится въ концѣ экземпляра г. Ровинскаго (т. III, стр. 277). Ни содержаніе, ни текстъ ея вовсе не имѣютъ ничего общаго съ «Апокалипсисомъ». Языкъ текста, какъ и въ предыдущей картинкѣ, вовсе не церковно-славянскій, а белорусскій.

Крайне подробное сравненіе трехъ обширныхъ изданій: „Библии Иліи“, и двухъ „Апокалипсисовъ“, Прокопія и Кореня, съ „Библией“ Пискатора, было необходимо: только такое сравненіе даетъ возможность установить точное происхожденіе и истинное значеніе этихъ важныхъ памятниковъ русской иллюстраціи и гравированія XVII вѣка. Главный результатъ, полученный при этомъ, состоитъ въ томъ, что композиціи во всѣхъ трехъ изданіяхъ — происхожденія не русскаго, а иностраннаго. Эти композиціи представляютъ, во многихъ случаяхъ, близкое сходство съ композиціями, находящимися въ „Библии“ Пискатора, но никакъ нельзя сказать, чтобъ онѣ были прямо и непосредственно скопированы съ Пискатора. Очень много такихъ композицій, которыя находятся въ русскихъ изданіяхъ, но которыхъ вовсе нѣтъ у Пискатора, а между тѣмъ нельзя предположить, чтобы мы судили по какимъ-нибудь неполнымъ изданіямъ Пискатора, такъ какъ находившіяся у меня въ рукахъ изданія 1650 и 1674 года буквально тождественны, листъ въ листъ, и притомъ нумерація, награвированная на листахъ Пискатора, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ передъ глазами экземпляры полные, безъ малѣйшихъ пробѣловъ. Въ „Библии“ Иліи мы насчитываемъ около 40 картинокъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ „Библии“ Пискатора. Въ „Апокалипсисѣ“ Прокопія количество такихъ совершенно особенныхъ, въ сравненіи съ Пискаторомъ, картинокъ меньше, но все-таки ихъ есть нѣсколько, и очень характерныхъ. Въ „Апокалипсисѣ“ Кореня нѣтъ такихъ картинокъ, которыхъ вовсе не было бы у Пискатора, но при извѣстномъ сходствѣ композицій, отличія до того существенны, что придаютъ совершенно самостоятельный характеръ этимъ композиціямъ. Между тѣмъ, тѣ картинки, которыя являются сверхъ комплекта въ нашихъ изданіяхъ, не могутъ быть сочтены новыми композиціями, сдѣланными Илей и Прокопіемъ, и лишь прибавленными къ картинкамъ Пискатора: въ нихъ мы не находимъ ни самостоятельнаго сочиненія, ни самостоятельныхъ подробностей; онѣ составляютъ буквально продолженіе остальныхъ композицій, тѣсно связанное съ ними по стилю и по всѣмъ подробностямъ. Вслѣдствіе того необходимо признать, что наши три изданія копированы не непосредственно съ Пискатора, а съ другихъ неизвѣстныхъ намъ до сихъ поръ изданій, однородныхъ съ Пискаторовымъ. Это послѣднее можетъ намъ служить лишь полезнымъ сравненіемъ и наведеніемъ, впредь до открытія настоящихъ коренныхъ оригиналовъ, служившихъ образцами для нашихъ копій или передѣлокъ.

„Библия“ Пискатора есть изданіе голландское. Много ли есть вѣроятія, чтобы голландская книга могла попасть въ Кіевъ въ срединѣ или даже въ концѣ XVII вѣка? Никакія историческія данныя не дѣлаютъ это вѣроятнымъ. Такой фактъ очень возможенъ для Москвы, и притомъ со времени путешествій Петра I и выросшей вдругъ у него страсти ко всему голландскому. Но никакія подобныя вліянія не дѣйствовали во второй, а тѣмъ болѣе въ первой половинѣ XVII вѣка въ Кіевѣ, у тамошнихъ монаховъ и священниковъ, состоявшихъ подъ совершенно иными вліяніями. Уже аргюментъ гораздо вѣроятнѣе предположить, въ эту эпоху, въ Кіевѣ, вліянія нѣмецкія, и еще болѣе польскія. Кіевскіе рисовальщики и граверы частью происходили изъ Галиціи, частью же постоянно были въ ближайшей связи съ Галиціей, и всего скорѣе, поэтому, должны были имѣть передъ глазами изданія польскія (краковскія и нынѣ). Вспомнимъ, притомъ, что на заглавіи „Библии“ Пискатора стоятъ слѣдующія слова: „Opus praestantissimorum hujus ac superioris seculi pictorum atque sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem“. Значитъ, композиціи этой „Библии“ не могутъ почитаться прямымъ созданіемъ тѣхъ голландскихъ рисовальщиковъ, имена которыхъ стоятъ на каждой страницѣ: нѣтъ, тутъ у насъ на лицо сочиненія не изъ однихъ, но также живописцевъ и рисовальщиковъ „предыдущаго“, то-есть, XVI вѣка. По всей вѣроятности, тутъ надо разумѣть не однихъ Голландцевъ XVI вѣка, но и художниковъ другихъ національностей, всего болѣе Нѣмцевъ, которыхъ школа и созданія были такъ знамениты, такъ широко распространены и такъ вліятельны въ XVI вѣкѣ. Пискаторъ (то-есть, латинизированный Фишеръ) является, со своими голландскими рисовальщиками и граверами, лишь компиляторомъ, популяризаторомъ композицій, уже и раньше того знаменитыхъ, распространенныхъ и любимыхъ. Что мудренаго въ сходствахъ его изданій съ изданіями такихъ-то и такихъ-то нашихъ кіевскихъ монаховъ, когда они могли черпать изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и художники Пискатора, или по крайней мѣрѣ, изъ изданій такихъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которые наравнѣ съ Голландцами Пискатора черпали изъ этихъ первоначальныхъ источниковъ.

„Первоначальными“ источниками я безусловно считаю, въ настоящемъ случаѣ, источники—нѣмецкіе. Всѣ главные, самые характерные мотивы, напримѣръ, „Апокалипсиса“, я встрѣчаю уже въ иллюстрированныхъ нѣмецкихъ „Новыхъ Завѣтахъ“ начала XVI вѣка, зада-

вавшихъ потомъ тонъ изданіямъ и польскимъ, и чешскимъ, и голландскимъ, и т. д. Такъ напримѣръ, такіе навѣявшіе и оригинальнѣйшіе мотивы какъ Саваоѳъ, стоящій въ ряду семи свѣтильниковъ, держащій въ поднятой рукѣ семь звѣздъ, и испускающій изъ устъ мечъ, или „Четыре всадника“, или „Прузи“, поднявшіеся въ столбѣ дыма, или Ангелъ, у котораго „лицо яко солнце и нозѣ яко столпи огненніи“—всѣ эти мотивы существуютъ, вполне выдѣланные и ставшіе какъ бы твердымъ канонемъ, уже въ знаменитой Виттенбергской Библии 1522, но кромѣ того, во множествѣ другихъ библій, какъ послѣдовавшихъ за нею, такъ и предшествовавшихъ ей.

Но, кромѣ этихъ общихъ соображеній, есть еще и частные доводы въ пользу того, что рисунки указанныхъ выше изданій копированы не съ голландскихъ, а съ нѣмецкихъ, или еще скорѣе, польскихъ образцовъ. Многія изъ крупнѣйшихъ особенностей, мною отмѣченныхъ при подробномъ сравненіи, и не находящихся у Пискатора, оказываются именно въ изданіяхъ нѣмецкихъ и польскихъ. Таковы, напримѣръ, въ „Апокалипсисѣ“, въ картинкѣ: „Четыре всадника“ (№ 3 у Прокопія и Кореня)—коса въ рукахъ у Смерти; въ картинкѣ: Про-

№ 1.

роки Енохъ и Ілія передъ Звѣремъ“ (№ 15 у Прокопія)—изображеніе Звѣря четвероногимъ чудовищемъ, съ крокодиловою пастью, трех-

вънцовою тіарою на головѣ и съ длиннымъ ораемъ на шеѣ¹⁾; въ картинкѣ „Жена“ и предъ нею Змій (№ 19 у Проконія и Кореня)— изображение „Жены“ съ крыльями за спиной, и т. д.—это все такія части и подробности, которыхъ вѣтъ у Пискатора, но которыя мы находимъ въ нѣмецкихъ и польскихъ „Апокалипсисахъ“, даже на цѣлое столѣтіе предшествовавшихъ Пискатору, напр., въ Франкфуртской Библии 1565 года (гдѣ всѣ картинки работы знаменитаго Варгилія Солиса, но не самостоятельны, а воспроизводятъ нѣмецкіе оригиналы, гораздо болѣе старыя), въ Краковской библии 1561 года (впервые напечатанной польской библии) и т. д. Безъ сомнѣнія, будь

№ 2.

у насъ теперь подъ руками собраніе иллюстрированныхъ польскихъ библий начала и середины XVII вѣка, сходства съ ними нашихъ изданій и отличія этихъ послѣднихъ отъ Пискаторовой Библии были бы еще явственнѣе и несомнѣннѣе. Такую работу сличенія долженъ произвести знатокъ гравюры въ Краковѣ или Львовѣ. Обратимъ притомъ же вниманіе на то, что во всякомъ случаѣ было гораздо болѣе вѣроятности въ томъ, чтобы граверы на деревѣ (каковы были Плія, Проконій, Василій Корень) копировали съ гравюръ, дѣланныхъ тоже на деревѣ, каковы гравюры въ нѣмецкихъ и польскихъ Библияхъ и Апокалипсисахъ, сильно распространенныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ,

¹⁾ «Звѣрь» въ папской тіарѣ и съ ораемъ на шеѣ (нашъ № 1-й) можетъ, кажется, несомнѣнно считаться сатирою Лютерана на Папу; въ Краковской библии 1561 года эта самая фигура (нашъ № 2-й) имѣетъ уже верхушку тіары срезанною, конечно, для того, чтобы меньше замѣтна была, для католиковъ, тіара, скопированная изъ лютеранской библии.

на вашей западной окраинѣ; чѣмъ съ голландскихъ гравюръ, у насъ неизвѣстныхъ до конца XVII и начала XVIII вѣка; да и добавотъ рѣзанныхъ на мѣди, представлявшихъ совершенно иную технику и совершенно особенныя трудности для воспроизведенія.

Если же сверхъ того, обратитъ вниманіе на одну даже только хронологическую сторону дѣла, то какая представляется намъ необходимость притягивать къ сравненію Библию Пискагора, коль скоро она появилась въ свѣтъ въ 1650 году? а у насъ въ Киевѣ уже за дѣлныхъ 25 лѣтъ до того появились, въ религиозныхъ книгахъ равнаго наименованія, гравюры на деревѣ съ явными доказательствами сильнаго нѣмецкаго или польскаго вліянія въ иллюстрируемыхъ ими сюжетахъ? Просматривая такія изданія, какъ „Бесѣды Іоанна Златоустаго“, изданныя въ Киевѣ въ 1624 году; или „Тріодъ“, изданную тамъ же въ 1631 году, большой „Апостоль“, изданный во Львовѣ въ 1639 году, вездѣ находишь, среди коренныхъ изображеній иконописнаго стила и склада, множество подробностей иноземныхъ, всего болѣе въ костюмѣ и архитектурѣ. Такъ напримѣръ, въ „Бесѣдахъ“, въ картинкѣ „Побіеніе св. Стефана“ на стр. 169, Савлъ представленъ въ нѣмецкомъ или польскомъ духовномъ костюмѣ; въ длинной рясѣ, съ плоскимъ беретомъ на головѣ; въ „Тріоди“ не разъ можно встрѣтить зданіе въ готическомъ стилѣ, женщинъ и мужчинъ съ совершенно нѣмецко-польскою внѣшностью, мужчинъ въ неизвѣстныхъ у насъ шляпахъ, кафтанахъ и башмакахъ; женщинъ въ растопыренныхъ юбкахъ съ фрезами, вѣрами, прическами рококо, широкими висячими рукавами и т. д. (см. въ особенности „Исторію Іосифа“ въ 4-хъ отдѣленіяхъ). Замѣтимъ при этомъ, что именно въ этой „Тріоди“ впервые появляются всѣ тѣ картинки „Новаго Завѣта“, которыя были потомъ много разъ повторены во множествѣ киевскихъ позднѣйшихъ изданій и отпечатаны отдѣльными листками, значить были сильно распространены, а теперь составляютъ одно цѣлое съ „Библией Іліа“ въ трехъ единственныхъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ экземплярахъ. Эти раннія киевскія изданія, первой половины XVII вѣка, со своими во многихъ отношеніяхъ сильно высказывавшимся нѣмецко-польскимъ обликомъ, прямо указываютъ намъ, гдѣ надо искать первообразовъ позднихъ изданій нашего XVII вѣка, помимо Библии Пискагора, намъ въ то время еще совершенно чуждой.

Вторымъ вопросомъ, послѣ вопроса о происхожденіи, является вопросъ о томъ, какъ наши художники XVII вѣка, киевскіе и московскіе, пользовались иностраннымъ своимъ матеріаломъ? Воспроизводили

они, его буквально или нѣтъ? Это такой вопросъ, на который съ точностью нельзя еще отвѣчать въ настоящее время. У насъ, для сравненія, подъ руками, повуда только „Библия Пискатора“, открытая г. Ровинскимъ. Это, какъ я уже указывалъ выше, матеріалъ очень важный, за который намъ нельзя не быть благодарнымъ г. Ровинскому, но дадено еще не удовлетворительный и не окончательный, далеко не непосредственный оригиналъ нашихъ кievскихъ и московскихъ воспроизведеній. Разницы между голландскою Библией и нашими копіями и подражаніями — очень много; но мы не смѣемъ считать ихъ произвольными отступленіями и перемѣнами нашихъ рисовальщиковъ и гравировокъ (каковы Илья, Прокопій, Корень и другіе, извѣстные болѣею частью только по монограммамъ), коль скоро легко можетъ оказаться, что эти измѣненія и различія уже существовали въ тѣхъ нѣмецко-польскихъ оригиналахъ, которыхъ мы пока не знаемъ, по которымъ, навѣрное, существовали, и которые требуется еще открыть. Еслибы мы должны были вѣрить тому, что Пискаторова „Библия“ дѣйствительно служила образцомъ для нашихъ копистовъ, мы должны были бы признать, что наши художники относились къ своему оригиналу очень свободно, и не боялись дѣлать, въ своихъ воспроизведеніяхъ, очень значительныя измѣненія, по личному усмотрѣнію и вкусу. Никакъ нельзя было бы сказать при этомъ, виѣсть съ г. Ровинскимъ, что наши рисовальщики и граверы измѣняли то, что было имъ въ оригиналѣ слишкомъ трудно, не подъ силу: нѣтъ, въ приведеннаго выше подробнаго сличенія видно, что многія „измѣненія“ у нашихъ художниковъ гораздо сложнѣе, многодѣльнѣе, затруднителнѣе для выполненія, чѣмъ тѣ картинки, которыя находятся въ „Библии“ у Пискатора. Нерѣдко въ данной картинкѣ Иліи, Прокопія или Кореня гораздо болѣе орнаментовъ, пейзажа, человѣческихъ личностей, вообще всяческихъ подробностей, чѣмъ у Пискатора; нерѣдко два сюжета, заключенные у Пискатора въ одной картинкѣ, являются у Иліи или Прокопія разложенными на двѣ, которыя, значитъ, требуютъ болѣе подробностей, обстановки, деталей, всяческой вообще работы сочиненія, нарисованія и награвированія. Какое же во всемъ тутъ облегченіе? Напротивъ, здѣсь только прибавляется трудности, хлопотъ и труда. Съ другой стороны, еслибы сличать наши изданія прямо съ Пискаторовою „Библией“, надо было бы сказать, что иные наши художники XVII вѣка, даромъ что были монахи или іереи, любили прибавлять въ своихъ картинкахъ подробности сладострастнаго свойства, такъ напримѣръ, въ иныхъ картинкахъ Иліи, въ

его „Библия“, какъ напимѣрь, въ сценѣ Лота съ дочерьми, или въ изображеніи Ревекки съ другими женщинами у колодца, есть такія подробности особенной симпатіи къ женской плоти, которыя выражены тутъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ „Библии“ Пискарова. Но мы не смѣемъ прямо приписывать такія особенности вкусу самихъ нашихъ художниковъ, коль скоро точно эти самыя подробности, быть можетъ, уже существовали въ тѣхъ образцахъ, съ которыхъ рисовали и гравировали наши художники.

Одно только мнѣ кажется несомнѣннымъ уже и теперь: это—то, что иконописный стиль играетъ въ нашихъ картинкахъ Московской школы гораздо бѣльшую роль, чѣмъ въ картинкахъ Кіевской школы. Западное вліяніе и стиль рококо XVII вѣка въ сѣверѣ, развѣ чувствительнѣе въ кіевскихъ гравюрахъ, чѣмъ въ московскихъ. Конечно, мы и въ кіевскихъ не рѣдко встрѣчаемъ ангеловъ, пророковъ, святыхъ и т. д. въ костюмахъ иконописнаго пошиба, и лица изъ народа—въ костюмѣ спеціально русскомъ, какъ это писалось и на нашихъ образахъ; такъ напимѣрь, въ „Библии“ Иліи, ангелъ, являющійся Валааму, не заключаетъ ничего въ стилѣ рококо (подобно стилю большинства другихъ картинокъ): онъ въ костюмѣ чисто иконописнаго стиля; въ картинкѣ „Валаамъ благословляетъ народъ“ костюмъ царя чисто-иконписный; въ „Бесѣдахъ“ 1624 года толпа народа (римлянъ или иныхъ народностей) почти всегда выражена посредствомъ людей, одѣтыхъ въ русскій костюмъ, въ кафтанахъ, однорядкахъ и фѣрзякахъ, съ аграмантами и петлицами, въ русскихъ шапкахъ, сапогахъ и проч. (напимѣрь, картинка къ тексту: „Въ Римъ пріидохомъ...“ и „Казнь о утаеніи пѣнязей). Но иконописный стиль и русскія подробности костюма еще сильнѣе чувствуются въ „Библии“ и „Апокалипсисѣ“ Кореня, въ „Притчѣ о богатомъ и убогомъ Лазарѣ“, въ „Притчѣ о дѣвницѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаяніи“, въ „Трапезѣ благочестивыхъ и нечестивыхъ“, въ „Исторіи Іосифа“, въ „Избленіи младенцевъ“ (Атласъ г. Ровинскаго, №№ 686, 701, 757, 829, 851). Здѣсь и костюмъ, и архитектура, вообще всѣ подробности обстановки на каждомъ шагѣ либо иконописныя, либо вполне народныя, русскія. Иностранная композиція остается лишь первоначальной канвой, масса подробностей иконописныхъ или народныхъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ эту канву какъ бы своими характерными вышивками, и придаетъ ей колоритъ очень далекій отъ иностраннаго.

И такой характерный обликъ сохраняется у произведеній Московской школы ссхлн, отд. 2.

ской школы не только въ XVII столѣтіи, но также почти и во все продолженіе XVIII столѣтія.

Теперь будетъ умѣстно представить соображенія касательно характера, отличительной фізіономіи и особенностей нашихъ народныхъ картинокъ изъ школы Московской и Кіевской, въ теченіе XVII и частью XVIII вѣка, какъ эти качества выразились въ главныхъ ихъ произведеніяхъ—гравюрахъ на деревѣ. Гравюра на металлѣ, въ теченіе этого періода, далеко не имѣла, въ этихъ двухъ школахъ, того же характернаго и своеобразнаго значенія, какъ о томъ будетъ говорено ниже.

Благодаря Атласу г. Ровинскаго и указаніямъ, разъясненнымъ въ текстѣ его сочиненія, мы можемъ возстановить теперь очень полный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ гравированныхъ на деревѣ народныхъ картинокъ Московской школы отдѣльными листами. Первую и главную роль играютъ здѣсь тѣ полторы дюжины картинокъ, которыя академикъ Штелинь купилъ въ 1766 году въ Москвѣ, подъ Спасскими воротами, и которыя изъ его собранія перешли къ Погодину, а отъ него въ Императорскую публичную бібліотеку. Это все композиціи очень важныя и интересныя, и большинство картинокъ раскрашено.

Онѣ были слѣдующія:

- 1) Баба-Яга съ крокодиломъ (атласъ, томъ I, № 37).
- 2) Пирушка (I, № 96).
- 3) Знай себя, указывая въ своемъ домѣ (I, № 97).
- 4) Блинница (I, № 120).
- 5) Двѣ молчанки на одного молодца (I, № 134).
- 6) Мыши kota чогребають (I, № 167).
- 7) Тарась плѣшивый (I, № 787).
- 8) Ерема, Ома и Парамошка (I, № 188).
- 9) Савоська и Парамошка (I, № 192).
- 10) Мелузина (I, № 250).
- 11) Побойще Александра Македонскаго (томъ II, № 294).
- 12) Притча о Лазарѣ (томъ III, № 686).
- 13) Притча о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія (III, № 701).
- 14) Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ (III, № 757).
- 15) Исторія Іосифа (= III, № 829).

Вслѣдъ за этими картинками идутъ тѣ, которыя, въ отличныхъ, но не раскрашенныхъ, и такъ сказать, не полныхъ, экземплярахъ, были изготовлены нарочно по заказу статсъ-секретаря Екатерины II Олсуфьева, а теперь принадлежать князю Бѣлосельскому.

- 1) Бой Илья Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ (томъ I, № 2).
- 2) Соловей-Разбойникъ (I, № 5).
- 3) Богатырь Алѣша-Поповичъ (I, № 7).
- 4) Богатырь Усыня-Горыничъ (I, № 8).
- 5) Буслай Буслаевичъ (I, № 9).
- 6) Ерусланъ Лазаревичъ (I, № 14).
- 7) Бова-Королевичъ и королевна Дружевна (I, №№ 19—26).
- 8) Король Гвидонъ (I, № 27).
- 9) Царь Салтанъ Салтанничъ (I, №№ 28—29).
- 10) Баба-Яга съ крокодиломъ (I, № 38).
- 11) Баба-Яга пляшетъ со старикомъ (I, № 39).
- 12) Богатырь Усыня Горыничъ (I, № 49).
- 13) Рыцарь Евдовъ и прекрасная Берва (I, №№ 50, 51, 52; 53).
- 14) Рыцарь Ипполитъ (I, № 54).
- 15) Музыка (I, № 100).
- 16) Пляска (I, № 101).
- 17) Плясунъ и скomorохъ (I, № 102).
- 18) Разговоръ Фарноса и Пигасы съ цѣловальникомъ Ермакомъ (I, № 112).
- 19) О пьяницѣ, пропившемся на кружалѣ (I, № 115).
- 20) Отдай мнѣ ведра (I, № 123).
- 21) Угощеніе яблоками (I, № 125).
- 22) Любовное предложеніе (I, № 127).
- 23) Любовная компанія (I, № 128).
- 24) Старикъ на волѣнахъ у молодой (I, № 131).
- 25) Мужикъ лапти плететь (I, № 148).
- 26) Баба нитки прядеть (I, № 149).
- 27) Рожденіе тятеньки (I, № 157).
- 28) Мыши kota погребаютъ (I, №№ 166 и 168).
- 29) Коть (I, № 172 и 172 а).
- 30) Медвѣдь съ ковою проклажаются (I, № 177).
- 31) Тарасъ плѣшивый (I, № 187).
- 32) Ерена, Ѳома и Парамошка (I, №№ 188 и 189).
- 33) Мужикъ Пашка п братья его Ермошка (I, № 190).
- 34) Савоська и Парамошка (I, № 191).
- 35) Ворцы (I, №№ 199 и 201).
- 36) Драка (I, № 202).
- 37) Воръ на яблогѣ (I, № 203).
- 38) Воръ пришелъ на дворъ (I, № 204).

- 39) Ералашъ (I, № 208).
- 40) Точильщикъ носовъ (I, № 212).
- 41) Ваня (I, № 214).
- 42) Старый Нѣмецъ на колѣнахъ у молодой Нѣмки (I, №№ 217 и 218).
- 43) Нѣвка верхомъ на старикѣ (I, № 220).
- 44) Раскольникъ и цирюльникъ (I, № 227).
- 45) Щипли самъ себя за носъ (I, №№ 248 и 249).
- 46) Царь Александръ Македонскій (томъ II, № 295).
- 47) Поръ царь Индѣйскій (II, № 296).

Въ собраніяхъ Императорской публичной библіотеки находятся:

- 1) Двѣнадцать заповѣдей (томъ III, № 763).
- 2) Избіеніе младенцевъ (III, № 851).

Въ собраніи В. И. Яковлева:

- 1) Храбрый витязь Французъ (т. I, № 54 а).
- 2) Походъ Колесандра (томъ I, № 54 Б).
- 3) Фарнось (I, №№ 209 А и Б).
- 4) Охота за зайцами (I, 283).

5) Слоны (II, 356 а).

Въ собраніи Д. А. Ровинскаго:

- 1) Антиминсъ 1670 года (III, № 939).
- 2) Притча о Лазарѣ (IV, № 686 А).

Одинъ уже этотъ списокъ рисуетъ, въ значительной степени, физономію Московской школы. Такого разносоставнаго списка нельзя было бы составить изъ произведеній Кіевской школы.

Гравюры на деревѣ Московской школы представляютъ такое богатство и разнообразіе содержанія, какого не представляетъ Кіевская школа: эта послѣдняя вообще очень однообразна и бѣдна по своимъ задачамъ, какъ всякая школа, почти исключительно привязанная късюжетамъ строго-религіознымъ, и притомъ очень часто иконописнымъ, и это составляетъ первое и существеннѣйшее отличіе народныхъ картинокъ Московской школы отъ такихъ же Кіевской. Второе отличіе состоитъ въ томъ, что всѣ народныя картинки Московской школы имѣютъ очень значительный форматъ, какого никогда не достигали народныя картинки Кіевской школы. Московскія картинки доходили иногда до форматомъ даже громаднѣхъ, какъ на примѣръ, „Побоище Александра Македонскаго“ (Атласъ, т. II, № 294). Ничего подобнаго никогда не бывало въ картинкахъ Кіевской школы: картинки этой послѣдней, гравированныя на деревѣ, всѣ ма-

лаго, иногда очень малаго формата, между тѣмъ какъ, малый форматъ вовсе неизвѣстенъ въ картинкахъ школы Московской.

Московская школа на столько же разнообразнѣе Кіевской въ своихъ теплическихъ приѣмахъ, на сколько разнообразнѣе и въ сюжетахъ своихъ. Рисунокъ ея картинокъ несравненно смѣлѣе и свободнѣе, не взирая на всю грубость; рисунокъ кіевскихъ картинокъ монотоненъ, формаленъ и крайне однообразенъ, принадлежитъ цѣлой школѣ, а не отдѣльному художнику, не свидѣтельствуесть о фантазій и воображеніи. Собственной инициативы у кіевскихъ художниковъ почти вовсе нѣтъ: они копируютъ съ образцовъ либо иконописныхъ, или же иностранныхъ. Все новое, собственное является какъ бы запретнымъ плодомъ въ Кіевской школѣ. Въ Московской школѣ, напротивъ, самое широкое раздолье формъ новыхъ, собственныхъ, своеобразныхъ. Такія произведенія, какъ „Баба-Яга“, „Мыши кота погребаютъ“, „Тарасъ плѣшивый“, „Блинница“, „Пьяница на кружалѣ“ и т. д., совершенно немислимы въ Кіевской школѣ.

Московская школа, не взирая на богатство и разнообразіе сюжетовъ, во многихъ случаяхъ заимствованныхъ съ иностранныхъ образцовъ, отличается замѣчательнымъ единствомъ фізіономіи и приѣмовъ. Тѣ самыя формы лица, склада тѣла, которыя мы видимъ въ изображеніяхъ духовнаго содержанія, встрѣчаются также и въ картинкахъ свѣтскаго содержанія, въ изображеніяхъ сказочныхъ, богатырскихъ, историческихъ или балагурныхъ. Глаза, носъ, голова, волосы, нарисованные и награвированные московскими художниками, всегда легко отличить отъ такихъ же, нарисованныхъ и награвированныхъ художниками другихъ нашихъ школъ. И это продолжается отъ середины и конца XVII столѣтія сквозь все XVIII столѣтіе. Подробное изученіе народныхъ картинокъ Московской школы, гравированныхъ на деревѣ, показало, что большинство сохранившихся до нашего времени картинокъ этихъ принадлежитъ, относительно времени появленія своего на свѣтъ, второй половинѣ XVIII вѣка: всего болѣе утверждаютъ въ этомъ не только сюжетъ, составъ и расположеніе картинки, текстъ при ней, но и форма буквъ, и знаки въ бумагѣ. Этотъ послѣдній признакъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ и достовѣрныхъ, и мнѣ удалось, еще въ 1858 году, на основаніи бумажныхъ знаковъ, доказать, что оттиски гравюръ „Баба-Яга“ и „Мыши кота погребаютъ“ (экземпляры, принадлежащіе Императорской публичной бібліотекѣ) относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, и именно къ царствованію Екатерины II (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ

графа Уайрова, 1858, стр. 62—62). Точно также, разнымъ періодамъ этого же вѣка навѣрное принадлежатъ, по отпечатанію, и всѣ прочія значительнѣйшія картинки Штелиновскія, или принадлежащія къ одной категоріи со Штелиновскими. Но по сочиненію, рисунку и производству гравюры, всѣ эти картинки вполне тождественны съ нашими народными картинками XVII столѣтія. Возьмите, на примѣръ, одного изъ ангеловъ или Адама въ „Библии“ Корена, и сравните ихъ съ Ильей Муромцемъ, Соловьемъ-Разбойникомъ, Ерусланомъ, Гвидономъ, Евдономъ, Бовой-Королевичемъ, кавалеромъ въ „Блишницѣ“, и въ картинкѣ „Угощеніе яблоками“, съ конными и пѣшими „гренадерами“, съ мужиками Ермошками, Пашками и Парамошками, и т. д. и т. д., въ картинкахъ Штелиновской и Олсуфьевской коллекцій, вы вездѣ найдете одинъ и тотъ же обликъ лица, одну и ту же форму головы, глазъ, рта, волосъ, одинъ и тѣ же руки и ноги, корпусъ. Точно также, возьмите Евву съ любой картинки Корена и сравните ее съ королевнами Дружневной, Магиленой, Берою, блишницей, Нѣмкой, осѣдлавшю старика, и т. д., и т. д., въ тѣхъ же картинкахъ Штелиновской и Олсуфьевской коллекцій—и вы во всѣхъ подробностяхъ лица, головы, глазъ, рта, волосъ, тѣла, рукъ, ногъ и т. д. найдете полное тожество. Разница только въ костюмѣ. Точно также, толпа народа, гдѣ она встрѣчается въ „Библии“ и въ „Апокалипсисѣ“ Корена, имѣетъ всегда черты ближайшаго сходства съ толпой народа, какъ она изображается въ лубочныхъ картинкахъ, отпечатанныхъ въ XVIII вѣкѣ (см. на примѣръ, народъ въ „Притчѣ о Лазарѣ“, и „Исторіи Иосифа“, побѣжденные подъ ногами коней и богатырей: Бова-Королевича, Салтана Салтановича (Атласъ, томъ I, №№ 19, 20, 28, 29 а) и т. д. Переходя къ подробностямъ внѣшней обстановки, мы находимъ, что и архитектура совершенно тождественна въ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣка: стѣнитъ сравнить зданія въ листахъ №№ 15, 20, 26, 28 „Библии“ Корена съ подобными же зданіями въ фонѣ „Мыши kota погребаютъ“ (№№ 166, 167, 168), въ фонѣ картинки „Щипли самъ себя за носъ“ (№ 248), въ фонѣ „Гренадеровъ“ (№ 275), въ фонѣ богатырей: Бова-Королевича (№№ 21 и 22), Гвидона (№ 27), Петра Златые-Ключи и королевны Магилены (№№ 31, 32). Растительность, часто наполняющая фоны нашихъ московскихъ лубочныхъ картинокъ, также представляетъ замѣчательные образцы тождественности въ произведеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ. Такъ на примѣръ, характерная трава, съ остроконечными загнутыми листочками, цвѣты, одни чашечками, другіе пирамидками изъ ша-

риковъ, которые выходятъ на высокомъ стеблѣ изъ середины острокопечныхъ листьевъ, сильно напоминая собою стиль персидскій, одни чашечками, другіе шариками, сложенными въ видѣ маленькихъ пирамидъ, большія деревья, похожія на листь, поставленный стоймя на толстомъ стеблѣ, все это точь въ точь въ томъ же самомъ видѣ и формахъ встрѣчается на всѣхъ характернѣйшихъ изображеніяхъ богатырскихъ, юмористичныхъ, религіозныхъ и бытовыхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ, въ теченіе XVIII в., изъ московскихъ гравировальныхъ мастерскихъ.

Такого единства и такой послѣдовательности въ типахъ нельзя было бы указать въ произведеніяхъ Кіевской школы. Даже въ тѣхъ изъ числа ихъ, которыя кажутся на первый взглядъ вполне иконописными, единство типовъ и формъ далеко не сохраняется, и можно сказать, сколько было рисовальщиковъ и граверовъ, столько было манеръ изображенія. Но это было не разнообразіе самобытныхъ и богатыхъ дарованіями личностей, а одно лишь разнообразіе неумѣлости и неопытности. Сколь мало было интереса, у кіевскихъ мастеровъ, въ самыхъ композиціяхъ, въ большинствѣ случаевъ скопированныхъ съ иконописныхъ или нѣмецко-польскихъ образцевъ, столько же мало было интереса и въ тѣхъ формахъ, посредствомъ которыхъ они выражали эти не интересныя композиціи. Тутъ являлись постоянно, и въ лицахъ, и въ костюмѣ, и въ архитектурѣ, и въ пейзажной обстановкѣ, либо неподвижныя, застылыя формы византийскаго, позднебизантскаго, разслабленнаго и безцвѣтнаго стиля, или же формы рококо, безвкусныя, искривленныя и мало-художественныя. Какъ ни грубо и топорно московскій стиль, все въ немъ больше интереса, характерности и самобытности.

Въ двухъ мѣстахъ своей книги г. Ровинскій говоритъ про сходство русскихъ лубочныхъ картинокъ съ нѣмецкими народными картинками. Одинъ разъ у него сказано: „Такъ какъ картинки Ганса Сакса по замыслу и способу изданія имѣютъ большое сходство съ нашими народными картинками, то“... и т. д. (т. IV, стр. 198). Другой разъ: „По формату и стилю, русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ, ближе всего подходятъ къ стариннымъ нѣмецкимъ картинкамъ, изданія Ганса Сакса и др.“ (т. V, стр. 22). Съ первымъ положеніемъ можно, мнѣ кажется, скорѣе согласиться, чѣмъ со вторымъ, особливо если имѣть въ виду по преимуществу картинки Московской школы. Со старыми нѣмецкими картинками (изъ которыхъ многими украшены стихотворенія Ганса Сакса) наши старѣйшія москов-

скія картинки имѣютъ сходство, вопервыхъ, по „замыслу“, то-есть, по цѣли общей, первоначальной: служить для наставленія или забавы народа, въ чемъ, впрочемъ, наши картинки сходятся и со многими другими народными картинками прежняго времени, напримѣръ, французскими, англійскими, италіанскими и т. д.; вовторыхъ, „по способу изданія“, то-есть, потому, что онѣ были гравированы на деревѣ, разносились по городамъ, селамъ и деревнямъ, и принадлежали къ домашнему обиходу нашихъ классовъ, наклеенныя на стѣны, двери, сундуки и т. д., что опять-таки было въ общемъ употребленіи у всей старой Европы, не одной только Германіи и Россіи. Но я не могу согласиться со вторымъ положеніемъ, именно, что „по формату и стилю“ наши лубочныя картинки ближе всего подходятъ къ старымъ нѣмецкимъ, времени Ганса Сакса, то-есть, второй половины XVI вѣка. Старыя нѣмецкія народныя картинки отличаются, въ большинствѣ случаевъ, замѣчательною художественностью сочиненія и столько же замѣчательнымъ мастерствомъ выполненія (натурально въ предѣлахъ царствовавшего тогда стиля), такъ какъ всѣ онѣ почти сплошь рисованы и гравированы истинными мастерами, играющими извѣстную роль въ исторіи искусства. Про наши картинки ничего подобнаго нельзя сказать. Между ними нѣтъ такихъ, которыя заключали бы нѣчто замѣчательное въ отношеніи художественности композиціи, рисунка или гравировальной техники. Онѣ сочинены и исполнены людьми, не имѣвшими художественнаго таланта и не получившими художественнаго образованія (исключеніе, въ послѣднемъ отношеніи, составляютъ художники, работавшіе по заказу правительства). Все ихъ достоинство и значеніе заключается въ мысли и чувствѣ, диктовавшемъ ихъ. Поэтому-то не можетъ быть никакого сравненія между ними и картинками нѣмецкими вообще, особливо же тѣми, которыя послужили въ Германіи для иллюстрированія стихотвореній Ганса Сакса. Притомъ, нельзя не видѣть того, что, независимо отъ таланта и выполненія, въ нѣмецкихъ картинкахъ присутствуетъ складъ общеевропейскій, тогда какъ въ нашихъ (всего болѣе, конечно, въ картинкахъ Московской школы) сильно сказывается элементъ свой, русскій, придающій столь особенную физиономію нашимъ картинкамъ, даже при заимствованномъ иногда изъ Европы сюжетѣ, что съ перваго же взгляда нельзя ихъ смѣшивать съ нѣмецкими. Другая черта, совершенно иная у насъ, въ сравненіи съ этими послѣдними, это—народный юморъ, присутствующій въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ. Онъ совершенно націоналенъ и свое-

образенъ и не имѣетъ ничего общаго съ юморомъ нѣмецкимъ, такъ какъ вытекаетъ изъ совершенно иныхъ основъ народнаго духа, притомъ изъ иныхъ историческихъ обстоятельствъ и событій. Это вопросъ такой важный, что можетъ и долженъ послужить темою для отдѣльнаго изслѣдованія будущихъ нашихъ историковъ національнаго художества.

Народныя картинки, гравированныя на мѣди, какъ Московской, такъ и Кіевской школы, занимаютъ въ Атласѣ и въ текстѣ г. Ровинскаго огромное мѣсто, но не представляютъ такого глубокаго интереса, какъ картинки, гравированныя на деревѣ. Онѣ далеко не такъ національны и не такъ характерны. Можно рѣшительно сказать, что настоящія наши лубочныя картинки — это картинки, рѣзанныя на деревѣ. Картинки, рѣзанныя на мѣди, занимаютъ мѣсто второстепенное. Уже и съ самаго начала своего, въ XVII вѣкѣ, онѣ далеко во всемъ уступали тѣмъ первымъ, и по духу, и по разнообразію, и по силѣ содержанія, и по народному характеру, и по важности сюжетовъ, и даже по неряшливости работы; въ теченіе же XVIII вѣка онѣ все только падали ниже и ниже, становились все только безцвѣтнѣе и безцвѣтнѣе, а главное, все болѣе и болѣе наполнялись элементами чуждыми, европейскими, все болѣе и болѣе нисходили на степень производства фабричнаго, гуртоваго, очень далеко отъ того производства единоличнаго, грубаго, но характернаго, которое проявляется въ гравюрахъ на деревѣ.

Самую важную роль, между гравюрами на мѣди, играютъ тѣ, которыя служатъ позднѣйшими копіями съ первоначальныхъ гравюръ на деревѣ. Тутъ, при всемъ упадкѣ техники, при всемъ модернизированіи, при всемъ пропусканіи однихъ мотивовъ, смѣлыхъ и шершавыхъ, уже казавшихся болѣе позднему времени непозволительными, при всемъ вставленіи мотивовъ новыхъ, болѣе „скромныхъ“ и „цензурныхъ“, старая канва все-таки сильно просвѣчиваетъ и даетъ себя знать. Мы въ этомъ легко убѣждаемся, при сличеніи болѣе новыхъ переводовъ съ переводами болѣе старинными. Каждый, можно сказать, десятокъ лѣтъ приносилъ новыя ограниченія, урѣзки, затушеванія и скрадыванія — въ общемъ задушеніе первоначальнаго склада, мысли и чувства. Такія картинки, какъ напримѣръ, „Мыши кота погребаютъ“ (Атласъ, №№ 166—170) или „Страшный судъ“ (Атласъ, №№ 1006—1013), много потеряли и сильно обѣдѣли въ позднихъ переводахъ, когда мы станемъ срѣдывать ихъ со старинными; но не будь теперь на лицо этихъ старинныхъ, мы могли бы быть довольны и

цоднями, такъ много, въ нихъ все-таки сохранилось прежняго облика и прежней дущности. Но именно, есть теперь у насъ не мало такихъ картинокъ, отъ которыхъ удѣлѣли одни поздніе переводы, въ плохихъ гравюрахъ на мѣди, а прежніе прототипы исчезли безвозвратно. Понятно, какую важную цѣнность получаютъ художники копіи. Все дѣло состоитъ теперь, значить, въ томъ, чтобы умѣть различить тѣ гравюры, которыя могутъ дать значительные результаты и могутъ способствовать къ восстановленію прежнихъ коренныхъ оригиналовъ съ ихъ содержаніемъ, сюжетомъ, формами и текстомъ. Къ такимъ «позднимъ», но важнымъ картинкамъ, я отношу, напримѣръ, „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ“, „Шемакинъ судъ“, „Дмитрія Ростовскаго о брадахъ“, „Быкъ не захотѣлъ быкомъ быть“, „Антихристъ“ (№ 1016) и многія другія картинки, происходящія отъ раскольниковъ. До сихъ поръ эти картинки скрыты въ общей безразличной массѣ плохихъ лубочныхъ изданій, на первый взглядъ не заключающихъ никакой важности, и ничуть не проявляютъ истиннаго своего значенія и характера.

Другой важный разрядъ нашихъ лубочныхъ картинокъ на металлѣ—это работы старинныхъ граверовъ-серебряниковъ конца XVII вѣка. Какъ въ предыдущемъ разрядѣ господствовали картинки историческаго, сатирическаго и забавнаго содержанія, такъ въ настоящемъ разрядѣ господствуютъ картинки духовнаго содержанія. Въ этихъ произведеніяхъ лежитъ корень и основа всѣхъ послѣдующихъ произведеній этой категоріи. Г. Ровинскій былъ, поэтому, вполне правъ, когда обратилъ особенное вниманіе на собираніе и изученіе этихъ первоначальныхъ русскихъ гравюръ на мѣди. Онъ всѣ описаны у него въ текстѣ, но всѣ исключены изъ Атласа, такъ какъ г. Ровинскій предполагаетъ издать ихъ въ особомъ атласѣ. Намѣреніе вполне справедливое и заслуживающее всякой похвалы. Но до появленія такого атласа, или вообще воспроизведеній нашихъ гравюръ на мѣди XVII вѣка и перваго начала XVIII вѣка, не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, приниматься за разсмотрѣніе характера и сущности всего контингента нашихъ лубочныхъ картинокъ, гравированныхъ на мѣди. Типы, формы представленія, формы производства, все это получаютъ тогда надлежащее свое объясненіе и прочную исходную точку. Тогда и „Притча о блудномъ сынѣ“, изданная въ 1685 г., явится въ настоящей исторической своей обстановкѣ, въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, какъ соединеніе элементовъ русскихъ, внесенныхъ русскими граверами-серебряниками, и элементовъ иностранныхъ, идущихъ отъ тѣхъ гол-

ландских граверовъ, у которыхъ нѣкоторые изъ граверовъ-серебряниковъ были въ концѣ XVII вѣка въ ученіи. Тогда можно будетъ съ достаточною основательностью рассмотреть и вопросъ о нашихъ сказкахъ, печатанныхъ тетрадочками съ мѣдныхъ досокъ: этотъ послѣдній вопросъ до сихъ поръ еще вполнѣ теменъ и ни одна его подробность, ни одна частность формъ, группировки, костюмовъ, архитектуры, экипажей, утвари, пейзажа, ботаники въ фонахъ еще не затронута и не изслѣдована.

Замѣтимъ, притомъ же, что въ связи со всѣмъ этимъ стоятъ еще и важный вопросъ объ орнаментикѣ. Въ одномъ мѣстѣ своего текста г. Ровинскій говоритъ: „Со времени Аванасія Трухменскаго (искуснѣйшаго изъ всѣхъ граверовъ-серебряниковъ второй половины XVII вѣка) появляются у насъ, кажется мнѣ, украшенія и рамки, составленныя изъ цвѣтовъ (въ горшкахъ), птицъ и животныхъ; напоминающія обои и шкафныя доски, до нынѣ существующія въ Дамаскѣ и другія... мало-азіатскихъ городахъ“ (т. IV, стр. 513). Показаніе это чрезвычайно важное, и если оно фактически будетъ доказано, можетъ повести къ очень значительнымъ соображеніямъ и выводамъ о турецкомъ влияніи на русское искусство въ XVII вѣкѣ. Но для этого надо имѣть весь матеріалъ подъ руками:

III. Петербургская школа.

Лубочныя картинки Петербургской школы рѣзко отличаются отъ картинокъ школъ Московской и Кіевской. Во первыхъ, онѣ всѣ уже гравированы на металлѣ, оставивъ совершенно въ сторонѣ коренной народный матеріалъ для производства лубочныхъ картинъ—дерево, а вторыхъ, онѣ совершенно утрачиваютъ связь съ древне-русскимъ до-петровскимъ искусствомъ, и принадлежатъ вполнѣ новому періоду, духу и направленію русской цивилизаціи. Ни прежняго юмора, ни смѣлой инициативы, наблюдательности, подъема чувства и мысли, сатиры, какими отличались народныя картинки Московской школы—въ картинкахъ Петербургской школы не оказалось, такъ какъ она чаще всего, еще со временъ Петра I, имѣла назначеніемъ официальную, служебную иллюстрацію по приказу начальства, и рѣдко сама собой предпринимала что-либо, кромѣ развѣ вполнѣ рыночныхъ, торговыхъ изданій, не имѣющихъ никакого историческаго и культурнаго характера. Притомъ же низкое достоинство исполненія, все большая и большая неряшливость и неумѣлость производства, оставившая да-

леко за собою неяршлнвоств и неумѣлостъ первыхъ петербургскихъ гравировъ, Зубовыхъ и ихъ товарищей, заставляетъ придавать еще меньшее значеніе произведеніямъ этой школы.

О нихъ, быть можетъ, не стоило бы вообще много распространяться, какъ о произведеніяхъ слишкомъ незначущихъ и безцвѣтныхъ, еслибы въ нынѣшнемъ столѣтіи не появились, въ числѣ произведеній этой школы, народныя картинки на Наполеона и на войну 1812 года. „Ни одно событіе“, говоритъ г. Ровинскій, — „не было такъ роскошно иллюстрировано въ народной галлерей нашей. Около 200 картинокъ представляютъ намъ, такъ сказать, лицевыя вѣдомости всего того, что происходило въ это достопамятное время, день за днемъ: геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволь, Наполеоновы неудачи и бѣгство, и вѣчное истребленіе его арміи“ (томъ V, стр. 277). Г. Ровинскій, самъ собравшій, цѣною долгодѣтнихъ поисковъ, одну изъ наиполнѣйшихъ въ Россіи коллекцій этихъ картинокъ, положилъ много труда на изученіе и описаніе ихъ, а Атласъ его заключаетъ наибольшую часть всѣхъ интереснѣйшихъ и значительнѣйшихъ картинокъ этого собранія. Картинки эти очень неравнаго достоинства: однѣ дѣланы очень даровитыми и остроумными художниками, каковы были Теребеневъ и Ивановъ, получившими правильное художественное образованіе, рисующими и гравирующими очень не дурно, но все-таки не утратившими оттого способности выражать остро, мѣтко и наглядно мысли и чувства, отвѣчающія народному настроенію извѣстной исторической минуты; другія сочинены людьми вполнѣ не отесанными въ художественномъ отношеніи и столь же грубо рисовавшими и плоско сочинявшими, какъ и грубо и плоско думавшими. Многія изъ этихъ картинокъ представляютъ такое безсердечное насильствование народа въ свирѣпости и жестокости, которое не можетъ быть оправдано никакимъ непріятельскимъ нашествіемъ. Тѣмъ не менѣе, эта галлерей картинъ (въ которой лишь не многія картинки гравированы и изданы въ Москвѣ, напримѣръ №№ 15 и 475), имѣетъ наивысшее значеніе историческое и представляетъ главнѣйшее проявленіе петербургскаго творчества по части дубочныхъ картинокъ. Это такая галлерей, которая въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ изученія. Все почти остальное въ Петербургской школѣ слабо и ничтожно.

Не взирая на всѣ капиталныя достоинства, сочиненіе г. Ровинскаго не свободно также отъ недостатковъ. Главные между ними слѣдующіе:

1) Систематизація имѣющагося на лицо матеріала нѣсколько слаба. Сочиненіе дѣлится на три главныя части: въ первомъ томѣ собраны лубочныя картинки, содержащія „сказки и забавные листы“, во второмъ — „листы историческіе, календари и буквари“, въ третьемъ „притчи и духовные листы“. Въ общемъ, такое распредѣленіе можно признать правильнымъ и цѣлесообразнымъ, потому что дѣйствительно народныя картинки съ юмористическимъ и забавнымъ содержаниемъ занимаютъ у насъ, среди лубочныхъ картинокъ, самое главное мѣсто и представляютъ наиболѣе интереса и національной характерности; дѣйствительно, картинки съ историческимъ содержаниемъ занимаютъ второе мѣсто по важности и національному характеру, а картинки съ духовнымъ содержаниемъ, не смотря на громадную свою массу, представляютъ наименѣе (въ сравненіи съ двумя предыдущими категоріями) самобытности, національнаго интереса и значенія — за исключеніемъ, впрочемъ, раскольничьихъ. Но заглавія, приданныя этимъ тремъ главнымъ подраздѣленіямъ, не могутъ быть, мнѣ кажется, сочтены вполне удачными. Въ I-мъ томѣ подъ именемъ „забавные листы“ сгруппировано, вмѣстѣ съ дѣйствительно забавными, множество такихъ, которые не заключаютъ ровно ничего „забавнаго“ и которые очень „серьезны“. Я уже не говорю о серіи „Гренадеровъ“ начала XVIII вѣка (№№ 269—279), о картинкахъ „Русское и турецкое войско“ и „Два всадника въ восточномъ костюмѣ“ (№№ 280—281), „Постройка житницы“ (№ 285), „Исторія Малекъ-Адела“ (№№ 288—291), „Линдоръ и Клара“ (№ 292), которыя всѣ попали въ I-й томъ совершенно случайно, быть можетъ, по недостатку мѣста въ другомъ отдѣлѣ, или въ послѣднія минуты отпечатанія тома; но кромѣ этого, въ I-мъ томѣ много картинокъ, которыя не суть ни „сказки“, ни забавные листы“, а простыя иллюстраціи, назначенныя вообще для удовлетворенія любопытства, любознательности, интереса читателя, или же для „наученія“ его. Такъ напримѣръ, картинки „О мастеровомъ, продавшемся бѣсу“, „О пьяницѣ, пропившемся на кружалѣ“, „Любовь крѣпка яко смерть“ (№№ 114, 115, 116, 119), „Зачѣмъ

мать сына худо учила" (№№ 75, 76), „Богомъ сочтанный союзъ" (№ 147), „Рачительное домоводство" (№ 150), „Доброе домосодержаніе" (№ 151), „Полезьа оспопрививанія" (№№ 241, 242), ничуть не „забавны"; онѣ очень серьезны, наставительны и читають мораль точь въ точь, какъ множество правоучительныхъ картинокъ, помѣщенныхъ въ III-мъ томѣ, въ разрядѣ картинокъ духовнаго содержанія. Точно также такія картинки, какъ напримѣръ, „Счастливыя любовники" — это ничто иное, какъ картинки въ нѣжно-идиллическомъ и амурномъ вкусѣ. Бушѣ или Ваттѣ, безъ самомагійшаго намѣренія представить что-то комическое или потѣшное. Съ другой стороны, многія картинки размѣщены очень капризно и произвольно: однѣ поставлены въ отдѣлѣ „сказокъ", другія въ отдѣлѣ „басень", третьи въ отдѣлѣ „забавныхъ листовъ", тогда какъ по содержанію между ними нѣтъ никакой разницы, и имъ всѣмъ слѣдовало бы стоять вмѣстѣ. Такъ напримѣръ, „Разсѣянная молочница" (№ 80) поставлена въ „сказкахъ"; но въ текстѣ ея нѣтъ ровню ничего сказочнаго въ смыслѣ волшебномъ или народно-этнографическомъ: это точно такая же правоучительная, книжно-культурнаго происхожденія басня, какъ „Старикъ и смерть", или „Лисица и виноградъ" и такъ далѣе. »Разговоръ дворянина съ крестьяниномъ", „Женская разсѣянность", „Скажи о чемъ ты смѣялся", „Мужъ-насъдка", „Хитрый лакомка", „На всѣхъ не угодишь", „Ограбленный петиметръ" (№№ 72, 73, 74, 78, 79, 82, 84)—все это ничуть не сказки, а такія же картинки, какъ „Добрый молодецъ, купи съ меня чепецъ", „Глупая жена и кошка", „Мужъ жену бьетъ" (№№ 126, 154, 160) и такъ далѣе. Все это должно было бы иначе быть расположено, и получить другія частныя и общія заглавія. Въ III-мъ томѣ есть также свои нарушенія системы, особливо въ послѣднемъ отдѣлѣ: „Произведенія Артемьевской фабрики", которыя расположены совершенно случайнѣе и безпорядочно.

2) Далекое не вездѣ указаны, при описаніяхъ, вѣншіе признаки картинокъ. Такъ напримѣръ, нерѣдко вовсе ничего не сказано, какимъ способомъ выполнена данная гравюра, на деревѣ, или на мѣди; для примѣра укажу, во II-мъ томѣ, цѣлый рядъ ихъ, почти сплошь, а именно №№: 300, „Изображенія четырехъ древнихъ царей"; 301, „Освобожденіе Вѣлграда"; 302, „Русскія сказанія"; 303, „Мамаево побоище" (одна изъ очень важныхъ лубочныхъ картинокъ); 305, „Описаніе Россійской имперіи 1794 года"; 307, „Анекдотъ Петра Великаго"; 316, „Прусской драгунъ" и „Россійской казакъ"; 324, „Великанъ Жили"; 325, „Объявленіе о прибытіи англійской компа-

ни комедіантовъ"; 326, „Англійскій мясникъ Вернандъ“, и такъ далѣе. Въ очень многихъ другихъ картинкахъ не указано время и мѣсто происхожденія ихъ (хотя бы приблизительно). Такъ напримѣръ въ III-мъ томѣ № 715, „Предложеніе о Немилосердіи и болюстунномъ господинѣ въ Сербіи“; 720, „Видѣніе нѣкоего святаго“; 736, „Притча житія человѣческаго“; 741, „Маловременная красота міра сего“; 754, „Грѣшникъ и праведникъ“; 756, „Адамова Голова“; 767, „Девять блаженствъ“; 777, „Изображеніе монашеской чистоты“; 781, „О завидливомъ“; 782, „Еще о завидливомъ“; 783, „Злая жена“ и такъ далѣе.

3) Не вездѣ вполне вѣрно переданъ текстъ подлинниковъ, что особенно чувствительно во многихъ сказкахъ, а также въ текстахъ изъ иллюстрированныхъ Библій, Апокалипсисовъ и т. д.

Надо замѣтить, что, напротивъ, такіе тексты, какъ „Листъ Сошнаго письма“, „Врюсовъ календаръ“ и многіе другіе, столько же сложные, громадныя и затруднительныя по микроскопичности или неряшливости оригиналовъ, переданы въ текстѣ у г. Ровинскаго съ изумительною вѣрностью и аккуратностью, заслуживающими всяческой признательности. Здѣсь же я укажу на невѣрныя иногда обозначенія картинокъ въ Атласѣ: такъ напримѣръ, картинка „Двѣ молодки на одного молодца“ обозначена № 134, который соответствуетъ оригиналу, находящемуся въ Императорской публичной библиотекѣ съ текстомъ внизу, тогда какъ въ Атласѣ напечатана копія съ оригинала Олсуфьевской коллекціи, гдѣ картинка награвирована въ обратную сторону, съ текстомъ вверху и сокращеннымъ (№ 184 В).

4) Нѣкоторыя утвержденія автора не вѣрны, напримѣръ, что Петръ I будто былъ „обжорливъ“ (т. IV, стр. 216, 259), тогда какъ онъ, сколько извѣстно по всѣмъ несомнѣннымъ документамъ, никогда этимъ не отличался: свидѣтельство Англичанъ объ огромномъ потребленіи стѣстныхъ припасовъ въ гостинницѣ въ Годельмингѣ (т. IV, стр. 216) вовсе не относится до самаго Петра I, а только до его свиты, и притомъ же не извѣстно еще, на сколько счеты англійскаго трактирщика заслуживаютъ довѣрія; что Бенфей (знаменитый нѣмецкій ориенталистъ, родомъ Еврей) — англійскій ученый (т. V, алфавитный указатель, стр. 21); что „гусли—всесвѣтныи инструментъ“ (т. IV, стр. 222), и т. д.; что будто-бы между русскими лубочными картинками нѣтъ карикатуръ на жидовъ и поляковъ (т. V, стр. 276), тогда какъ самъ же г. Ровинскій приводитъ, въ своемъ сочиненіи, такихъ нѣсколько. А именно: „Жидъ Лейба“ (т. I, стр. 454,

№ 226); „Жидъ обманываетъ вещами“ (т. II, стр. 176, № 421); „Подаяхъ Панъ Трыкъ и Херсона“, „Польскій шляхтичъ“, „Шляхтичъ“, „Мать шляхтича“ (т. I, стр. 451—453, №№ 222—225).

5) Не вполне вѣрны нѣкоторыя цитаты изъ чужихъ сочиненій: это касается, въ особенности, цитаты изъ сочиненія Забѣлина: „Быть Русскихъ царей“. Въ своемъ томѣ V, на стран. 17, г. Ровинскій говоритъ: „Въ 1676 году Библия (Пискатора) была куплена для Оружейной палаты у живописца Ивана Безмина за 5 рублей; въ Троицкой даврѣ до сихъ поръ расписываются стѣны по экземпляру этой Библии, принадлежавшему патриарху Андриану. Употреблялись для копирования и другія лицевыя книги: въ 1679 году, наприимѣръ, живописецъ Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы разныя притчи царей Давида и Соломона изъ Библии и изъ разныхъ книгъ славянскихъ и латинскихъ; живописецъ Салтановъ училъ по такой библии своихъ учениковъ (Забѣлинъ, Быть царей, 143)“. Если бы эти подробности были всѣ документальны, мы получали бы тутъ неоспоримое доказательство прямого вліянія Библии Пискатора на Московскую школу конца XVII вѣка. Но этого-то вовсе и нѣтъ въ текстѣ г. Забѣлина. Онъ говоритъ совершенно иное, и только цитата г. Ровинскаго нѣсколько невѣрна. У г. Забѣлина въ указанномъ мѣстѣ сказано: „въ Оружейную палату куплена въ 1767 году у живописца Ивана Безмина, за 5 рублей, книга „Библия“ письменная, въ лицахъ, на латинскомъ языкѣ, въ переплетѣ, въ четъ. Въ 1679 году Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы „разныя притчи“ царя Давида, царя Соломона, а тѣ притчи изъ библии и изъ разныхъ книгъ словенскихъ и латинскихъ. Живописецъ Иванъ Салтановъ училъ даже своихъ учениковъ по печатной библии въ лицахъ, которая служила ему „для образца и ознаменки“. Намъ случилось видѣть подобную лицевую нѣмецкую Библию, подписанную на имя патриарха Адриана, съ которой въ недавнее время писали стѣнопись въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ монастырей“. И такъ, мы имѣемъ здѣсь нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ написано у г. Ровинскаго. Во первыхъ, у Безмина была куплена Библия, но какая—не сказано, а что это была не Библия Пискатора, доказывается тѣмъ, что то была Библия „письменная“, а не печатная, и еще тѣмъ, что она была форматомъ „въ четъ“ (четверть), тогда какъ Библия Пискатора—въ очень большой листъ, продольный; про Библию въ лицахъ, бывшую въ рукахъ у живописца Салтанова, также вовсе не сказано, чтобы то была Библия Пискатора; наконецъ, та библия, принадлежавшая когда-то

патріарху Адріану, которую самъ г. Забѣлицъ видѣлъ въ рукахъ у иконописцевъ, расписывавшихъ стѣны монастыря, никакъ не можетъ быть Библіей Пискатора, такъ какъ то была Библія пѣмецкая, а Библія Пискатора есть Библія голландская.

4) Въ текстѣ у г. Ровинскаго слишкомъ рѣдко есть указаніе на „знаки въ бумагѣ“, а это одинъ изъ наибаважнѣйшихъ признаковъ при опредѣленіи гравюръ неизвѣстныхъ относительно времени и мѣста происхожденія ихъ, а такихъ гравюръ между нашими лубочными картинками—слишкомъ много. Не скоро другой изслѣдователь будетъ имѣть случай просмотрѣть такую массу лубочныхъ картинокъ, какъ г. Ровинскій, и этимъ случаемъ слѣдовало воспользоваться во всей полнотѣ.

5) Самый крупный недостатокъ изданія г. Ровинскаго — раскраска большинства картинокъ въ атласѣ. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ раскрашены почти вполне вѣрно, напримѣръ, „Библія“ и „Апокалипсисъ“ Кореня, „Мыши kota погребаютъ“, „Славное побоище царя Александра Македонскаго“, „Ближница“, „Тарасъ плѣшивый“, „Савоська и Парамонка“, „Ширушка“, „Ома да Ерема“, „Знай себѣ указывай въ своемъ домѣ“, „Трапеза благочестивыхъ“, „Притча о Лазарѣ“, „Исторія Іосифа“, „Притча о дѣвицѣ, умершей безъ покаянія“ (№№ 167, 294, 120, 187, 192 А, 96, 188, 97, 757, 686, 829, 701, и другія). Но есть также очень значительное количество такихъ картинокъ, которыя расписаны совершенно невѣрно, вовсе не тѣми красками, какими расписаны оригиналы, начиная уже съ того, что тѣ люди, кому поручена была раскраска, во многихъ случаяхъ употребляли краски, изобрѣтенныя недавно, въ послѣднія 20—30 лѣтъ, и значить, такія, которыя вовсе не были извѣстны не только въ XVII и XVIII вѣкахъ, но даже и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Это особенно относится до всѣхъ яркихъ красокъ, всего болѣе фіолетовой. Даже въ наиболѣе вѣрныхъ по раскраскѣ картинкахъ, поименованныхъ выше, фіолетовый цвѣтъ совершенно невѣренъ и портитъ общее впечатлѣніе. Но какъ на поразительные примѣры совершенно невѣрной раскраски, я укажу на раскраску картинокъ: „Темница святыхъ осужденныхъ“ 1629 года (№ 772) и „Избіеніе младенцевъ“ (№ 851), которыя единственныя извѣстныя экземпляры находятся въ Императорской публичной библіотекѣ. Въ оригиналѣ „Темница“ раскрашена слѣдующимъ образомъ: всѣ арки и карнизы—выкрашены сурикою; этою же краскою выведены кровля церкви и епитрахиль святаго, направо, въ первой аркадѣ; хитонъ Христа вверху; епитрахиль святаго часть, ссххш, отд. 2.

въ 6-й аркадѣ; платокъ одного святаго, лѣваго, въ 7-й аркадѣ; хитонъ святаго въ 8-й аркадѣ. Затѣмъ, блѣдно-голубою краской раскрашены: хитоны святыхъ въ 3-й, 5-й и 7-й аркадахъ и епитрахиль святаго въ 10-й аркадѣ; блѣдно-розовою—хитонъ святыхъ въ аркадахъ: 2-й, 4-й, 6-й, 7-й, 9-й, 10-й и 11-й. Въ атласѣ г. Ровинскаго раскраска слѣдующая: сурикомъ—1-я и 5-я колонка, арки 8-я и 10-я; также хитонъ Христа, хитоны святыхъ во 2-й, 6-й, 7-й и 11-й аркадахъ; ярко-зеленою краской: надпись вверху, колонны 4-я, 9-я и 10-я, хитоны святыхъ въ аркадахъ 1-й, 3-й, 5-й, 7-й, 10-й; ярко-фіолетовою краской, колонны: 1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 8-я, 9-я, 12-я и 13-я, хитоны святыхъ: въ 4-й и 8-й аркадахъ, платокъ святаго въ 7-й аркадѣ, окно церкви и плащъ праваго святаго въ 1-й аркадѣ, наконецъ, арка 9-й аркады. Въ „Избіеніи младенцевъ“ точно также всѣ краски паложены совершенно произвольно, безъ малѣйшаго сходства съ оригиналомъ.

Столько же мало дозволительно было раскрасить, какъ это сдѣлано въ Атласѣ, множество такихъ картинокъ, которыя въ оригиналахъ вовсе не раскрашены. Такъ напримѣръ, вся Олсуфьевская коллекція состоитъ изъ экземпляровъ вовсе не раскрашенныхъ, многія изъ рѣдчайшихъ картинокъ Императорской публичной бібліотеки дошли до насъ также въ экземплярахъ безъ красокъ. Таковы: „Баба Яга съ крокодиломъ“ (№ 37), „Мелузина“ (№ 250), „Полезьа оспопрививанія“ (№ 241), „Неопалимая Купина“, „Смерть на блѣдномъ конѣ“, „Отъ отечника скитскаго“ (св. Аптоній и сатиры), „св. Акилина“, „Чистота аки дѣвица“, „Лѣствица Іоанна Лѣствичника“ (№№ 1346, подъ №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7), „Преподобный Ілія Муромскій“ (№ 1519), „Преподобные Феодоръ, Константинъ и Давидъ Ярославскіе“ (№ 1641), „Видъ села Измайлова“ № 1031), и т. д. Въ Атласѣ г. Ровинскаго всѣ онѣ являются сплошь раскрашенными (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ выпущенныхъ въ свѣтъ экземпляровъ), и что при этомъ всего хуже, въ текстѣ нигдѣ не упомянуто, которые оригиналы дѣйствительно въ краскахъ, и которыя копіи произвольно раскрашены въ Атласѣ г. Ровинскаго. Исключеніе составляетъ одна Олсуфьевская коллекція, про которую про всю разомъ сказано (томъ I, стран. XII), что картинки, ее составляющія, всѣ безъ исключенія не раскрашены. Но эта совершенно произвольная раскраска можетъ сильно вводить въ заблужденіе читателя и зрителя, столько же на счетъ вкуса и пріемовъ старинныхъ нашихъ иллюминаторовъ, сколько и на счетъ подробностей чисто-историческихъ. Въ доказательство

этого я укажу на раскраску „Гренадеровъ“, первой половины XVIII вѣка (№№ 269—277), которые въ Атласѣ г. Ровинскаго раскрашены совершенно по капризу современнаго иллюминатора, нынѣшними красками, тогда какъ въ дѣйствительности цвѣтъ кафтановъ, камзоловъ, гамашей, шапокъ и т. д. былъ совершенно иной и сообразовался съ положеніями: въ атласѣ у гренадеровъ нарисованы кафтаны то фіолетовые, то желтые, то красные, то свѣтло-зеленые, камзолы у нихъ представлены то зеленые, то желтые, то фіолетовые; манжеты, то желтые, то фіолетовые; гамаша — также разныхъ цвѣтовъ, тогда какъ у всѣхъ гренадеровъ, начиная съ 1720 года и въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, кафтанъ былъ постоянно темно-зеленый, камзолъ и штаны красные, штіблеты (со временъ Петра II) всегда бѣлые¹⁾. Наконецъ, волосы носились въ это время у гренадеровъ — пудренные, между тѣмъ какъ иллюминаторы атласа нѣсколько разъ представили „Гренадеровъ“ съ естественнымъ цвѣтомъ волосъ.

Таковы главнѣйшіе недостатки изданія г. Ровинскаго. Они, конечно, достойны сожалѣнія, и было бы гораздо лучше, еслибъ ихъ не было. Но все-таки они не такого свойства, чтобъ отъ нихъ въ существенной степени терпѣло сочиненіе. Имъ не умаляется коренное его достоинство, такъ какъ достоинство это крайне значительно. Мнѣ кажется, нельзя отказать изданію г. Ровинскаго въ томъ, что это изданіе — истинно монументальное, которое на вѣки сохраняетъ для науки и исторіи громаднѣйшій національный матеріалъ, до сихъ поръ разсѣянный по Россіи и почти вовсе неизвѣстный, матеріалъ, который послужитъ для многочисленныхъ изслѣдователей прочною исходною точкою для очень разнообразнаго изученія народнаго искусства, творчества и національнаго духа нашего народа.

В. Стасовъ.

¹⁾ Историч. описаніе вооруж. росс. войскъ, т. II, стр.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ ¹⁾.

III.

The Sacred Books of the East, translated by various oriental scholars and edited by F. Max-Muller. Vol. I, X, XI. (Священные книги востока, переведенныя разными ориенталистами и изданныя Макс-Мюллеромъ. Томы I, X и XI). Oxford. 1879—1881.

Вопросъ о времени палийскаго канона, рѣшается на основаніи хранящихся въ Цейлонской буддійской общинѣ преданій о такъ-называемыхъ соборахъ, и результаты изслѣдованій Олденберга почитались до послѣдняго времени нѣкоторыми за несомнѣнно вѣрныя, другими— за весьма вѣроятныя.

Порѣшивъ такимъ образомъ хронологическій вопросъ, Олденбергъ обращается къ другому, не менѣе трудному и важному; онъ спрашиваетъ: „Какая же это школа, тексты которой предлежатъ намъ на палийскомъ языкѣ“? (Which is the school, the texts of which we have before us in the Pāli language?) ²⁾. Этотъ второй вопросъ съ точки зрѣнія почтеннаго изслѣдователя, казалось бы, совершенно излишенъ, ибо если палийскій канонъ существовалъ уже до Вайшалійскаго собора, то-есть, въ тѣ времена, когда еще сектъ или школъ не было, то очевидно, онъ не можетъ причисляться къ произведеніямъ одной какой-либо секты изъ появившихся послѣ раскола или событія болѣе поздняго. Канонъ этотъ, говоритъ кромя того тотъ же ученый,—есть редакція, „наиболѣе первичная, если не волюнѣ первичная“ (the most original, if not the original version) ³⁾; ея форма, но не языкъ, была установлена (фиксирована) за полтора столѣтія до времени царя Асоки. (The first four 'portions of our version of the Vinaya received the fixed form in which we now possess' them about a century and a half before the time of Asoka, except as regards the dialect ⁴⁾). Изъ таковой характеристики палийскаго канона слѣдуетъ, что вопросъ долженъ быть формулированъ нѣсколько иначе; можно было бы спрашивать: какая изъ многихъ буддійскихъ сектъ сохранила первичную редакцію въ палийскомъ переводѣ, такъ какъ, по словамъ Олденберга,

¹⁾ Продолженіе. См. польскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Mahāvagga, стр. XII.

³⁾ Тамъ-же, стр. XLVIII.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. LV.

до Вайшалійскаго собора фиксирована была форма канона, но не языкъ, иными словами палийскій канонъ есть литературное произведеніе, наилучшее законченную форму за 400 лѣтъ до Р. X. на неизвѣстномъ намъ нарѣчїи или нарѣчїяхъ. Какъ нужно понимать эту законченность формъ на неизвѣстномъ языкѣ, и въ чемъ она состояла — ближе не разъясняется авторомъ.

При рѣшенїи втораго вопроса авторъ обращается, прежде всего, къ цейлонскому преданію; его древность и подлинность доказывается слѣдующими соображеніями ¹⁾: Въ Индіи буддійскіе тексты изъ столѣтїа въ столѣтїе переживали новыя судьбы, воспоминавія древней описи исчезали тамъ за поэзіей и фантазіями позднѣйшихъ поколѣвій. На Цейлонѣ дѣло происходило иначе; буддійская община осталась по сіе время вѣрною „слову старцевъ“ (theravāda). Нарѣчіе, на которомъ передавалось это слово, способствовало устраниенію всякой фальсификаціи. Оно не было мѣстнымъ и почиталось священнымъ. Легенды и умствованїа позднѣйшихъ періодовъ проникали въ цейлонскую литературу, но только въ памятники на туземномъ народномъ нарѣчїи; священный палийскій текстъ оставался нетронутымъ этими интерполяціями. По мнѣнію автора, такимъ образомъ, буддійская община на Цейлонѣ по своимъ преданїямъ и принятому въ ней канону принадлежитъ къ сектѣ „старцевъ“ или Стхавировъ. Дѣйствительно, цейлонское преданіе утверждаетъ именно это о своей буддійской общинѣ; она называется правовѣрною, представительницею секты старцевъ, отъ которой отдѣлялись, какъ отъ первичнаго ствола, разныя схизмы. Трудно было бы возразить что-либо противъ этого заявленїа буддійской общины, еслибъ ея преданіе не впадало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ палийскихъ текстахъ, что извѣстно и г. Олденбергу, — есть кромѣ того другїя указанїа, одинаково достовѣрныя, но прямо противоположныя сей часъ приведенному заявленїю: по одному Цейлонская община объявляется принадлежащею къ сектѣ Вибхаджавадиновъ, по другому — таже община имѣетъ въ своемъ канонѣ произведенїа секты Махисасаковъ ²⁾.

Но, по мнѣнію г. Олденберга, первое, дѣйствительно наиболѣе распространенное, и извѣстное — заявленїе цейлонской общины подтверждается цѣлымъ рядомъ другїхъ соображенїй и фактовъ. Разсмотрѣніе сказанїа о первомъ появленїи буддизма на Цейлонѣ приводитъ

¹⁾ Buddha etc., стр. 76 и сл.

²⁾ Mahāvagga, стр. XLII, XLIII. Jātaka vol. I, стр. 1.

г. Ольденберга къ совершенно справедливому заключенію: цейлонскія сказанія о миссіонерской дѣятельности Махинды, можетъ быть, и содержатъ въ себѣ нѣкое зерно исторической истины, но оно было окружено такимъ покровомъ вымысла, что довѣрять преданію о Махиндѣ невозможно, (...the stories of the Sinhalese concerning Mahinda may contain some germ of historical truth. This germ, however, has become surrounded by a coating of inventions which render it impossible to place any faith in the traditions of Mahinda ¹⁾), вопросъ, о томъ, откуда буддизмъ былъ занесенъ на Цейлонъ, остается, такимъ образомъ, открытымъ. Очевидно, говоритъ г. Ольденбергъ, — во всѣ времена между Цейлономъ и Деканомъ были болѣе частыя и близкія сношенія, нежели между этимъ островомъ и Индустаномъ. Страна Калинга или одно изъ прилежащихъ царствъ южной Индіи, продолжаетъ онъ далѣе, — имѣютъ наиболѣе притязанія почитаться посредствующею ареною для перенесенія буддійской литературы на Цейлонъ ²⁾. Редакція „Трехъ сосудовъ“, сохранившаяся на Цейлонѣ, говорится далѣе ³⁾, — и ея нарѣчіе Пали были принесены на островъ изъ южной Индіи, вѣроятно, изъ царства Андхра или Калинга (...the version of the Tipitaka preserved in Ceylon and its dialect the Pāli were brought to the island from the peninsula of South India, probably from the Kingdoms of the Andhra or Kalinga). Подтвержденіе этой гипотезы г. Ольденбергъ находитъ въ извѣстіяхъ Сюанъ-Цзана (страпствовавшаго по Индіи въ VII вѣкѣ) о распространеніи секты Стхавировъ. Китайскій путешественникъ ⁴⁾, дѣйствительно, упоминаетъ о сектѣ старцевъ въ Калингѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя были, по мнѣнію г. Ольденберга, въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Цейлономъ, но при этомъ онъ прибавляетъ и ближайшую характеристику секты: то была махаяническая секта. Эта послѣдняя и весьма важная подробность, конечно, совсѣмъ не согласуется съ представленіями о правовѣрной общинѣ старцевъ, хранительницы первичной редакціи канона. О сектахъ, бывшихъ въ странѣ Андхра, сами цейлонскіе буддисты сохранили извѣстія, ни сколько не подтверждающія гипотезы г. Ольденберга. Подъ общимъ названіемъ секты andha kā (то-есть, изъ страны Андхра) имъ извѣстны четыре: Pubbaseliyā, Aparaseliyā, Rājagiriya, Siddhat-

¹⁾ Mahāvagga, стр. LII.

²⁾ Тамъ же, стр. LIII.

³⁾ Тамъ же, стр. LIV.

⁴⁾ Тамъ же, стр. LIII. Hiouen Thsang, vol. III, 92, 154, 165.

thikā. Всѣ четыре секты, по цейлонскому преданію, возникли поздно и были еретическими. Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что не только желательны, но и крайне необходимы новыя и болѣе вѣскія данныя и соображенія, какъ въ подтвержденіе гипотезы г. Олденберга, такъ и для полнаго оправданія притязаній цейлонской буддѣйской общины, въ силу которыхъ она, какъ представительница древней секты „Старцевъ“, изображается хранительницею древнѣйшаго и наиболѣе правдиваго преданія. Цейлонское преданіе, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, подрываетъ вѣру въ свою историческую правдивость; гипотеза г. Олденберга опровергается тѣми самыми источниками, на основаніи извѣстій которыхъ она строится, и пока мы можемъ считать не доказаннымъ ни то, ни другое. Принадлежитъ ли палийскій канонъ одной сектѣ Стхавировъ, или же въ немъ можно найти слѣды ученій и другихъ сектъ? Пока этотъ вопросъ не разъясненъ и изслѣдованіями палийскихъ памятниковъ, точно также, какъ не выяснено и не доказано существованіе до 400 Р. X. какого-то фиктивного канона на никому неизвѣстномъ нарѣчій.

Таковая оцѣнка гипотетической исторіи буддѣйскаго канона, по нашему крайнему разумѣнію,—необходима, хотя и приводитъ къ однимъ только отрицательнымъ выводамъ; но въ то же время, однакоже, она помогаетъ выяснитъ несостоятельность многихъ, нынѣ принятыхъ въ научной литературѣ положеній о развитіи буддѣйскихъ догматовъ, напимѣръ, въ ученіи о Буддѣ, то-есть, о вѣщемъ спасителѣ, или нирванѣ, иначе о высшемъ благѣ буддистовъ. По послѣднему вопросу, въ подтвержденіе нашей мысли считаемъ необходимымъ высказать теперь же нѣсколько замѣчаній. О нирванѣ, какъ извѣстно, написано очень много; мы ограничимся разсмотрѣніемъ только того, что говорилось о высшемъ благѣ буддистовъ въ послѣднее время.

IV.

Въ сознаніи христіанина высшее благо олицетворяется небомъ, также точно какъ высшее зло адомъ; „праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствѣ отца ихъ“, говорится въ Евангеліи,—а творящихъ беззаконія и „ангелы ввергнутъ ихъ въ печь огненную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ“.

Буддистъ понималъ высшее благо иначе; онъ не нашелъ его ни

¹⁾ Комментарій на Kathāvatthu-pakarana (рукопись).

на землѣ, ни въ небесахъ. И небо, и землю, и адъ, все это онъ обозначалъ однимъ терминомъ Самсара, то-есть, коло рожденія или круговоротъ жизни, безначальный и безконечный, исполненный скорби и явленій непостоянныхъ и призрачныхъ, и всему этому противопоставлялась—нирвана.

Самсара, круговоротъ жизни, едва ли понималась буддистами не одинаково. Ея предѣлы, а также сущность, толковались болѣе или менѣе всегда одинаково; скорбь бытія, невѣчность всѣхъ явленій міровой жизни теоретически принимались всѣми буддистами за основные признаки круговорота жизни. Въ пониманіи высшаго блага, то-есть, нирваны, не было такого соглашенія. Въ сочиненіяхъ самихъ буддистовъ есть прямые указанія на то, что подъ словомъ „нирвана“ въ разные времена и въ разныхъ школахъ понималось не одно и то же. Объ этомъ говорятъ и палийскіе и, санскритскіе комментаторы, и ихъ извѣстія могутъ быть подтверждены многими мѣстами изъ различныхъ частей палийскаго канона. Неприводя цитатъ, ограничимся наименованіемъ нѣкоторыхъ изъ источниковъ, гдѣ есть таковыя извѣстія о различныхъ значеніяхъ нирваны, напримѣръ, въ *kathā-vatthu-ракагапа*, и въ комментаріи на это сочиненіе, въ *Абхидхармакоса-вјākхјā*, въ *Нāмасамгūтитікъ*, въ *Ланкāvātārъ* и м. др. сочиненіяхъ. Хотя эти сочиненія до сихъ поръ не изданы, но извѣстны въ европейскихъ бібліотекахъ въ нѣсколькихъ спискахъ, и едва ли можно предполагать, что специалистамъ остался неизвѣстнымъ самый фактъ, то-есть, неодинаковое значеніе слова „нирвана“ у разныхъ сектъ и въ разные времена. Тѣмъ не менѣе онъ весьма часто игнорировался, и въ Европѣ даже создались новыя теоріи въ объясненіе слова „нирвана“, на ряду, впрочемъ, съ весьма серьезными попытками объяснять историческое развитіе значенія этого слова. Такъ А. Веберъ и позднѣе М. Мюллеръ, въ своихъ переводахъ палийскаго памятника Дхаммапада, при толкованіи нѣкоторыхъ стиховъ старались установить правильное воззрѣніе на первоначальное значеніе нирваны ¹⁾. Нирвана въ позднѣйшій періодъ развитія буддизма означало безусловное ничто, полнѣйшее уничтоженіе; но имѣло ли это слово всегда именно такое значеніе, — по мнѣнію М. Мюллера, вопросъ этотъ долженъ рѣшаться отрицательно. Разсмотрѣніе нѣсколькихъ стиховъ Дхаммапады привело его къ такому выводу: Нирвана обозна-

¹⁾ *A. Weber*, *Indische Streifen*, vol. 1 стр. 122; *M. Müller*, *Buddhaghosha's Parables*, XL и сл.; его же, *Essays*, 1. 277 и сл.

чала уничтоженіе многого, себлюбія, вождельній, грѣха, но этимъ словомъ первоначально не обозначалось уничтоженіе субъективнаго сознанія; подъ нимъ разумѣли вступленіе души въ покой, преодоленіе всѣхъ желаній и вождельній, равнодушіе къ радости и скорби, къ добру и злу, самопогруженіе души въ себл, ея освобожденіе изъ круговорота перерожденій. Ранѣе розыскапій М. Мюллера тѣ же стихи Дхаммапады послужили Веберу матеріаломъ для вывода, совершенно отличнаго отъ сейчасъ изложеннаго; въ тѣхъ же стихахъ палийскаго памятникка Веберъ усмотрѣлъ другое значеніе нирваны. Нирвана, по его мнѣнію, не обозначаетъ ничто, а значить безсмертіе или вѣчность, въ которую вступаетъ душа. Оба писателя вопросъ означенія нирваны хотѣли рѣшить съ исторической точки зрѣнія. М. Мюллеръ прямо высказалъ, что его цѣль—отыскать то значеніе слова, какое было въ сознаніи самого великаго учителя; онъ располагалъ, однако же, весьма недостаточнымъ матеріаломъ; и при не вполне достаточной ясности, одни и тѣ же изрѣченія легко толковались различно, и такимъ образомъ давали возможность появляться не одинаковымъ выводамъ. Мнѣніе М. Мюллера о нирванѣ весьма многимъ показалось смѣльнымъ и болѣе гадательнымъ, нежели истиннымъ; оно возбудило противъ себя важныя возраженія. Для обсужденія вопроса былъ привлеченъ новый матеріалъ, впрочемъ все-таки далеко недостаточный; при этомъ точка зрѣнія А. Вебера и М. Мюллера совершенно упускалась изъ виду; оба они стояли на исторической почвѣ, доискивались первоначальнаго значенія, и само собою разумѣется, черезъ это самое должны были допускать старое и новое въ буддійскомъ канонѣ, то-есть, въ трехъ питакахъ. Такого воззрѣнія на священное писаніе нельзя было искать и въ книгѣ Д'Алвиса ¹⁾, буддиста, хотя, быть можетъ, и не вполне вѣрующаго; для буддиста священный канонъ есть слово вѣщаго; во всѣхъ книгахъ трехъ питаковъ только одна проповѣдь, изрѣченная великимъ учителемъ; толкуя слово „нирвана“, критикъ-буддистъ понималъ свою задачу иначе, нежели европейскій ученный; онъ не писалъ изслѣдованія объ историческомъ развитіи значенія слова; для его цѣли надлежало только отыскать или придумать такое значеніе слова, съ помощью котораго могли бы быть примирены, сглажены всѣ очевидныя противорѣчія священнаго текста. Задача, сравнительно не особенно трудная; объ ея разрѣшеніи, задолго до пробужденія европейской пытливости по вопросу о нирванѣ, позаботились сами ста-

¹⁾ I. D'Alwis, Buddhist Nirvāna.

рые буддисты, Искомое значеніе извѣстно любому изъ цейлонскихъ монаховъ, конечно изъ наиболѣе начитанныхъ въ своей духовной литературѣ; оно съ ясностью и обстоятельно излагается во многихъ позднихъ буддійскихъ компендіяхъ (напримѣръ, въ *Petakopadesa*); вся трудность состояла въ отысканіи или такого толкованія слова, или же свѣдущаго человѣка, который могъ бы указать, гдѣ найти искомое значеніе слова.

Такое пониманіе задачи встрѣчается не только въ книгѣ буддиста, но и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, глубокое знакомство которыхъ съ языкомъ пали и его литературою внѣ всякаго сомнѣнія. Вскорѣ послѣ того, какъ М. Мюллеръ высказалъ свое мнѣніе о буддійской нирванѣ, по тому же вопросу писалъ извѣстный знатокъ языка пали, нынѣ умершій профессоръ Чилдерсъ. Возрѣнія Чилдерса на буддійскій канонъ и на языкъ пали совершенно сходились съ самыми ортодоксальными буддійскими; онъ былъ консервативнѣе даже Д'Алвиса, буддиста по вѣроисповѣданію. Послѣдній признавалъ, напримѣръ, что *kathāvat thu rakagana*, одна изъ книгъ Абхидхарманитакки, была позднѣйшимъ прибавленіемъ къ канону. Трудно было бы выразиться иначе о книгѣ, исторія которой такова ¹⁾: великій учитель проповѣдывалъ ея тезисы на небѣ, и тогда же пророчилъ, что на землѣ книга будетъ изложена послѣ его смерти, во время третьяго собора, когда возникнутъ въ общинѣ еретическія ученія. Содержаніе книги—опроверженіе еретическихъ ученій, раннихъ и позднихъ, то-есть, даже такихъ, которыя возникли послѣ третьяго собора. Чилдерсъ же по поводу этой книги говоритъ ²⁾: „It is a source of great regret to me that in my article *Kathāvatthupakaranaṃ* I inadvertently followed him (то-есть J. D'Alwis) in the stupendous blunder of his assertion that the *Kathāvatthu* was „added by Moggaliputtatissa (at the third Convocation). The *Kathāvatthu* is one of the *Abhidhamma* books mentioned by *Buddhaghosa* as having been rehearsed at the first Convocation immediately after *Gautama's* death. Едва ли самое строгое буддійское правовѣріе можетъ быть консервативнѣе. Языкъ пали, по мнѣнію Чилдерса, былъ первичнымъ языкомъ буддійскихъ священныхъ писаній; съ него переводились эти писанія на санскритскій и другія нарѣчія; и переводчики, по соображеніямъ нашего автора, не понимали того, что имъ приходилось пе-

¹⁾ Она излагается въ началѣ комментаріа.

²⁾ Dictionary etc., стр. 507.

редавать по санскритски. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе этого, по нашему крайнему разумѣнію, курьезнаго представленія о познаніяхъ и догадливости древнихъ Индійцевъ, приведемъ для характеристики мнѣнія Чилдерса одинъ только примѣръ. Въ своемъ словарѣ, подъ словомъ *aparātika* (adj.) *accidental, phenomenal, apparitional*, онъ говоритъ: *The word aparātika not being found in Sanskrit, it seems to have greatly puzzled the northern Buddhists, when in later times they came to translate the Pāli texts into Sanskrit, and having a confused idea of its meaning, they referred it to the root pad, and coined a word aparāduka or aparādaka, as its equivalent* (B. Lot. 394). Unfortunately for their etymology the compound verb *uparad* in Pāli means to be born in the usual way. Къ несчастью, однакоже, для самаго Чилдерса слово, существованіе котораго онъ отрицаетъ въ санскритѣ, встрѣчается въ санскритской буддійской литературѣ, и такъ-называемые свѣршше буддисты очень хорошо понимали его значеніе и этимологію ¹⁾). Сомнительною для насъ остается этимологія самаго автора.

Ученіе Чилдерса о томъ, что такое буддійская нирвана, изложено имъ въ его словарѣ (стр. 205 и сл.). „Въ іюнѣ 1870 года“, говоритъ онъ тамъ,—„я изложилъ теорію, разрѣшающую всѣ трудности вопроса“. Въ чемъ же состояла эта теорія, и дѣйствительно ли она принадлежитъ творчеству Чилдерса, какъ это онъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ и другіе разумѣли?

Теорія эта въ краткомъ изложеніи слѣдующая: Нирвана имѣетъ два значенія; этимъ словомъ обозначается состояніе блаженной святости, удѣла архата, или же уничтоженіе бытія—конечная цѣль святаго, архата. Множество изрѣченій о нирванѣ по оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ словомъ „нирвана“ разумѣлось безусловное уничтоженіе бытія, уничтоженіе индивидуальности. Нирванѣ придавали слѣдующія эпитеты: ее обозначали пустою, безусловнымъ, отвлеченнымъ, не созданнымъ, безконечнымъ, вѣчнымъ, безформеннымъ, не вѣчнымъ и т. д. Прекращеніе, уничтоженіе были также синонимами слова нирваны. „Выраженіе нирвана“, говоритъ Чилдерсъ,—„первоначально ограничивалось обозначеніемъ уничтоженія бытія. Затѣмъ тотъ же терминъ послужилъ для другого обозначенія—удѣла святости или архатства. Были сочинены или придуманы два различные термина для описанія двухъ неодинаковыхъ нирванъ: однимъ

¹⁾ Абхидхармакоша vākyā, л. 193; Махāvѣдъпатти, 238, 1270.

терминомъ—савупадисесаниббана—обозначался краткій періодъ блаженнаго состоянія архата, непосредственно предшествующій вѣчной смерти, полному уничтоженію; послѣднее, въ свою очередь, называлось терминомъ анупадисесаниббана ¹⁾.

Установивъ такую точку зрѣнія на терминъ нирвана, Чилдерсъ переходитъ затѣмъ къ толкованію различныхъ изрѣченій Дхаммапады, приводя при этомъ, кромѣ того, нѣсколько не изданныхъ палийскихъ источниковъ; эти изрѣченія онъ какъ бы классифицируетъ на рубрики: въ однихъ, по его мнѣнію, говорится объ одной нирванѣ, то-есть, о блаженной святости архата, въ другихъ—о другой, то-есть, о полномъ уничтоженіи; въ третьихъ разумѣются обѣ нирваны.

Эти разъясненія слова нирваны въ научной литературѣ стали называться почему-то теоріей Чилдерса, хотя самъ Чилдерсъ признавалъ, что такое ученіе высказывалось и до него. Гарди и Д'Алвисъ говорили въ сущности то же самое; гораздо ранѣе обоихъ этихъ писателей то же опредѣленіе нирваны съ остаткомъ и нирваны безъ остатка встрѣчается въ книгѣ профессора Васильева ²⁾.

Нѣкоторые изъ буддійскихъ монаховъ на Цейлонѣ принимаютъ теперь даже три нирваны для Будды: первой онъ достигъ вмѣстѣ съ всевѣдѣніемъ; вторая наступила для него вмѣстѣ съ тѣлесною смертію, и наконецъ, третья имѣетъ быть въ будущемъ, приблизительно черезъ 2500 лѣтъ. Тогда свершится полное уничтоженіе его мощей. Къ побѣдному святому древу, что у Гаи въ Бихарѣ, соберутся всѣ мощи вѣщаго, примутъ живой обликъ проповѣдника и послѣ краткой проповѣди перестанутъ существовать ³⁾. Такая тройственная нирвана не есть измышленіе современныхъ буддійскихъ монаховъ, но встрѣчается уже въ палийскихъ памятникахъ, правда, не каноническихъ и позднѣйшихъ ⁴⁾, также точно, какъ и обозначеніе словомъ „нирвана“ блаженнаго состоянія по достиженіи всевѣдѣнія ⁵⁾. Такимъ образомъ толкованія Чилдерса несомнѣнно вполне согласны съ однимъ изъ существующихъ нынѣ среди цейлонской буддійской общины воззрѣній на значеніе слова „нирвана“. Но было ли такое тол-

¹⁾ Здѣсь авторъ приписываетъ исключительно *архату* — такое состояніе святости, которое было удѣломъ и другихъ буддійскихъ святыхъ высшихъ степеней.

²⁾ Буддизмъ, I, 94.

³⁾ A Full account of the Buddhist Controversy held at Pantura, стр. 69.

⁴⁾ *Sampinditamahānidāna*. (Жизнеописаніе Будды, рукопись).

⁵⁾ Тамъ же.

кованіе нирваны ископнымъ? Нирвана, говоритъ Чилдерсъ, — есть обозначеніе блаженнаго состоянія архата. Но что значитъ архатъ? Слово это встрѣчается въ санскритской до-буддійской литературѣ. Буддисты, принявъ его въ свою догматику, придали ему определенное, точное значеніе; но это значеніе установилось не сразу, было по'одно и то же въ разные времена, у разныхъ сектъ, и по всей вѣроятности, никогда слово „архатъ“ не имѣло тождественнаго значенія у всѣхъ сектъ буддійской Сагхи. Давая такое определеніе нирваны, изслѣдователь выясняетъ значеніе *x* черезъ посредство не выясненнаго *y*. Самый процессъ историческаго развитія догмата упускается совершенно изъ виду.

Послѣ Чилдерса появилось еще нѣсколько новыхъ толкованій и соображеній о значеніи нирваны; новыя соображенія не всегда однакоже подкрѣплялись привлеченіемъ какихъ-либо новыхъ фактовъ. Что такое нирвана?—вопросъ этотъ задаетъ себѣ также Р. Дэвидсъ въ своемъ сочиненіи о буддизмѣ ¹⁾, и не безъ нѣкоторой смѣлости отпѣчиваетъ: нирвана это то же, что святость въ буддійскомъ смыслѣ слова, то-есть, совершенный миръ, доброта и мудрость. Нирвана, поясняетъ авторъ далѣе,—это уничтоженіе грѣховнаго состоянія ума и сердца, того состоянія, которое паче вслѣдствіе великой мистеріи *кама* (то-есть, дѣлъ вообще) было бы причиною возобновленнаго индивидуальнаго бытія. Затѣмъ, однакоже, у того же Р. Дэвидса черезъ нѣсколько строкъ выяснилось, что нирвана и святость—не одно и то же, а въ концѣ концовъ авторъ заявляетъ, что въ своихъ разсужденіяхъ онъ слѣдовалъ методу М. Мюллера и Чилдерса; хотя и расходится нѣсколько, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ, но именно это обстоятельство должно подтверждать справедливость его толкованія нирваны, такъ какъ это толкованіе не только основано на предшествующихъ работахъ двухъ названныхъ ученыхъ, но какъ бы примиряетъ ихъ. Мнѣніе Р. Дэвидса нашло себѣ послѣдователей; одинъ изъ нихъ предлагалъ даже воспользоваться этимъ толкованіемъ для поправокъ въ цейлонской хронологіи ²⁾. Тотъ же ученый обпародовалъ нѣсколько новыхъ палийскихъ текстовъ о нирванѣ, и въ предисловіи къ этому изданію авторъ утверждаетъ, что печатаемые имъ тексты должны окончательно норѣшить вопросъ о нирванѣ;

¹⁾ Buddhism, стр. 111 и слѣд.

²⁾ O. Frankfurter. См. *Ind. Antiquary*, vol. X, 153. См. тамъ же *J. of the R. As. Soc. of Gr. B. and J.*, vol. XII, 548 и сл.

къ сожалѣнію, однакоже, весьма трудно согласиться съ мнѣніемъ автора о такомъ именно значеніи изданныхъ имъ текстовъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса необходимо изданіе многихъ и многихъ текстовъ, и притомъ не однихъ только палийскихъ.

Позднѣ всѣхъ сейчасъ названныхъ ученыхъ высказался по вопросу о нирванѣ г. Олденбергъ. Большая начитанность въ палийской литературѣ, осторожность и критическій тактъ, художественное и ясное изложеніе выдѣляютъ его послѣднюю книгу изъ всего, что писалось въ новѣйшее время о буддизмѣ¹⁾. Для обсужденія вопроса о нирванѣ авторъ привлекъ новый матеріалъ, и притомъ такой, какого не было въ распоряженіи ни у Чилдерса, ни у Д'Алвиса, а между тѣмъ Д'Алвисъ писалъ свою книгу на Цейлонѣ, у самихъ, такъ-сказать, источниковъ буддійской мудрости.

Земному міру, управляемому закономъ причинной связи, говоритъ г. Олденбергъ, — противопоставляется, по понятіямъ буддистовъ, вѣчное. Что же это такое вѣчное? Нѣчто, или же оно можетъ обозначать что-либо совершенно отличное? Въ большомъ количествѣ буддійскихъ изрѣченій описывается, что святой уже въ земной юдоли становится обладателемъ нирваны. Этимъ, по мнѣнію г. Олденберга, безусловно точнымъ выраженіемъ догматической мысли описывается состояніе человѣка на землѣ, начиная съ момента, когда онъ достигаетъ безгрѣшности и безскорбности.

Во всемъ этомъ г. Олденбергъ не расходится съ нѣкоторыми изъ вышепоименованныхъ писателей, и тѣ замѣчанія объ архатѣ, которыя были сдѣланы выше по поводу мнѣнія Чилдерса, одинаково приложимы и въ данномъ случаѣ. Но большая начитанность въ палийскихъ памятникахъ привела его къ совершенно оригинальному выводу: въ древней буддійской общинѣ, по его мнѣнію, нирвана понималась двояко: подъ этимъ словомъ разумѣли и ничто, и высшее блаженство; но ни то, ни другое пониманіе нирваны не имѣло преобладающаго значенія въ общинѣ. Все буддійское міросозерцаніе совершенно естественно должно было приводить къ отрицанію „я“ и къ пониманію нирваны какъ уничтоженія; но официальнымъ догматомъ (подлинное и совершенно не понятное выраженіе автора) этотъ выводъ не сдѣлался. Зачѣмъ, говоритъ г. Олденбергъ не безъ доли сентиментальности, — слабому противопоставлять рѣзкую остроту истины: побѣдный даръ освободившагося — ничто? Такимъ образомъ

¹⁾ Buddha etc., стр. 269 и сл.

установился официальный догматъ буддѣйской церкви: по вопросамъ о томъ, есть ли „я“, живетъ ли вѣщій по смерти, или нѣтъ, великій учитель ничего не преподавалъ.

Еще ранѣе г. Олденберга на такое значеніе вопроса о загробной жизни вѣщаго указалъ Тренкнеръ ¹⁾; Будда, по словамъ этого ученаго, ничего не училъ о нирванѣ послѣ физической смерти; онъ отклонилъ этотъ вопросъ и черезъ это самое далъ возможность философамъ погружаться въ размышленія о вопросѣ самого живого интереса.

Итакъ, по мнѣнію двухъ послѣднихъ ученыхъ, вопросъ о значеніи нирваны былъ не порѣшенъ въ древнѣйшей буддѣйской общинѣ; официальная догматика, какъ говорить одинъ,—или самъ Будда, какъ утверждаетъ другой,—отклонили рѣшеніе этого вопроса.

Но думаемъ, однакоже, чтобы возможно было считать эти несомнѣнно остроумныя соображенія за окончательное рѣшеніе вопроса о нирванѣ или о „я“.

Если считать палийскій канонъ за произведеніе одной секты стхавировъ, получившее окончательную редакцію на трехъ первыхъ соборахъ и затѣмъ не подвергавшееся никакимъ видоизмѣненіямъ и вставкамъ, въ такомъ случаѣ является полная возможность вѣрить, вмѣстѣ съ буддистами, что двѣнадцать формулъ о неоткровенномъ уже существовали въ древнѣйшей общинѣ, и были чуть ли не изрѣченіями самаго великаго учителя. Но такъ какъ такое воззрѣніе на канонъ пока не подтверждено никакими фактами, то и вопросъ о томъ, къ какому времени мы должны относить двѣнадцать (или четырнадцать) формулъ о неоткровенномъ остается открытымъ.

По поводу этихъ двѣнадцати формулъ о неоткровенномъ буддисты разказываютъ такую притчу: Въ городѣ Сравасти жилъ нѣкій царь; задумалъ онъ разъ показать слѣпорожденнымъ слона и узнать отъ нихъ, каковъ имъ покажется слонъ. Призвалъ онъ слугу и сказалъ ему: „Ступай, человѣче, и сколько ни есть въ Сравасти слѣпорожденныхъ, собери ихъ“. Тотъ по сказанному и сдѣлалъ, собралъ къ царю всѣхъ городскихъ слѣпорожденныхъ. Приказалъ царь показывать имъ слона. Однимъ дали ощупать голову слона, другимъ ногу, третьимъ кликъ, четвертымъ ухо и т. д. Призвалъ затѣмъ царь слѣпорожденныхъ къ себѣ и говорить имъ: „Разказывайте, каковъ слонъ“? И стали одни утверждать, что слонъ похожъ на горшокъ, другіе на

¹⁾ *Trenkner, Milinda-Panha, 424.*

столбъ и т. д. Не обошлось тутъ безъ спора, и даже драки. Потѣшился царь¹⁾.

Таковы же, по мнѣнію буддистовъ, и тѣ, кто утверждаетъ, что міръ вѣченъ, или не вѣченъ, что онъ конеченъ или безконеченъ, что душа и тѣло тождественны, или что душа и тѣло не тождественны, что вѣщій существуетъ или не существуетъ по смерти и т. д. Для буддиста всѣ эти тезисы были *avyākata* (скр. *avākṛta*), то-есть, по переводу г. Олденберга—не разрѣшенными, отклоненными буддійскою церковію, или же самимъ Буддою, по мнѣнію Тренкнера.

Но, по смыслу сейчасъ приведенной притчи и по толкованію нѣкоторыхъ палийскихъ комментаріевъ, а *avyākata* можетъ значить и не то: буддистъ, говоря на вопросъ: вѣченъ ли міръ, или не вѣченъ, *avyākata*m,—этимъ самымъ хочетъ сказать, что міръ не опредѣляемъ такими признаками, или что то же, міръ опредѣляется иначе²⁾. Такимъ образомъ эпитетъ *avyākata* въ приложеніи къ цѣлому ряду вопросовъ указываетъ на то, что на эти вопросы существовали опредѣленные отвѣты въ буддійской общинѣ, отличные отъ отвѣтовъ еретическихъ сектъ.

Въ сущности и это послѣднее мнѣніе, точно также какъ и предшествующія, выше отмѣченныя, не есть исторія ученія о нирванѣ, каковая, можетъ быть прослѣжена даже по матеріаламъ, представляемымъ однимъ палийскимъ канономъ; въ этомъ поясненіи слова нирваны мы имѣемъ нѣкоторое указаніе (не вполне удовлетворительное) на то, какъ нужно толковать различныя мѣста палийскихъ текстовъ. Невѣрная постановка, а потому и неправильное рѣшеніе вопроса, находятся въ сильной зависимости отъ превратнаго представленія о какомъ-то преимущественномъ значеніи и ббльшей правдивости цейлонскаго преданія; отсюда является и невѣрное воззрѣніе на исторію канона. Придавая преданію исключительно важное значеніе, въ историко-хронологическомъ вопросѣ о канонѣ, вмѣстѣ съ этимъ и обращается должное вниманіе на то, что тѣмъ же преданіемъ говорится о различныхъ сектахъ и ихъ ученіяхъ о душахъ, о святомъ и т. д., то-есть, о такихъ вопросахъ, которые находятся въ тѣснѣйшей связи съ ученіемъ о нирванѣ и имѣли на его развитіе сильное вліяніе.

¹⁾ Udāna, VIII, 5 (рукопись).

²⁾ Kathāvatthu parākāra—atthu kathā XIV, 8. (Рукопись).

III. Минисевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Причитанія Сѣвернаго края; собранныя *Е. В. Барсовымъ* Часть II. Плачи за-военные, рекрутскіе и солдатскіе. Изданы при содѣйствіи Общества любителей Россійской Словесности. Москва. 1882.

Десять лѣтъ тому назадъ *Е. В. Барсовъ* издалъ первую часть „Причитаній Сѣвернаго края“, въ которой заключались плачи погребальныя, и сверхъ того, было помѣщено историческое введеніе — о причитаіяхъ вообще, и разныя объяснительныя приложенія. Теперь вышла въ свѣтъ вторая часть этого сборника, содержащая въ себѣ плачи завоенные, то-есть, относящіеся до рекрутчины и солдатчины; они также снабжены введеніемъ—о происхожденіи и характерѣ этого рода причитаній, и затѣмъ другими объяснительными статьями. Рекрутскіе плачи оставались до сихъ поръ почти неизвѣстными изучающимъ русскую народную поэзію: тѣмъ интереснѣе и тѣмъ большаго сочувствія заслуживаетъ сборникъ, составленный умѣлою рукой г. Барсова.

Конечно, рекрутскіе и солдатскіе плачи — не древни по своему происхожденію, какъ и самыя наборы рекрутскіе; но они вылились въ древнія формы народной причити, потому что въ томъ краю, гдѣ они сложены, народъ еще не вышелъ и донинѣ изъ своего древняго эпическаго строя. Край этотъ—Олонецкая губернія, Заонежье, край, сохранившій намъ и драгоцѣнныя памятники богатырскаго и историческаго эпоса. По вѣрному замѣчанію Гильфердинга, та глубокая глушь, въ которой жилъ крестьянинъ Заонежья, притомъ никогда не знавшій крѣпостнаго права, охраняла его отъ вліяній, разрушающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: „къ нему не проникали ни воинскій построй, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его една коспулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна, и которыя приняты во всей Россіи.... Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятво, какое это было благоприятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраиваетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ павность дѣдовскихъ вѣрованій.... Огромное большинство живетъ еще вполне подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Поэтому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого

края эпическая поэзія и теперь ключемъ бьетъ¹⁾. Что здѣсь сказано о поэзіи, то же вполне можетъ быть примѣнено и къ обычаю, и къ обряду: въ нихъ также крѣпко держится сѣдая старина, и вновь нарождающіяся бытовья условія и явленія неизбѣжно облекаются въ древнюю обрядовую и обычную обстановку.

Какъ свадьба и похороны сохраняютъ здѣсь едва ли не болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, издревле установившуюся, исполненную символическихъ намековъ обрядово-драматическую форму, — такъ и проводы рекрутовъ приняли обычный складъ и сопровождаются соответствующими причитаніями. Вполнѣ справедливъ г. Барсовъ, когда говоритъ, во введеніи къ разбираемой книгѣ, что завоенные плачи имѣютъ ближайшее отношеніе къ прежде изданнымъ имъ плачамъ похороннымъ и надмогильнымъ: „Они зиждутся на тѣхъ же эпическихъ основахъ, отражаютъ въ себѣ тотъ же эпическій складъ и связаны отчасти съ тѣми же вѣрованіями и преданіями, относящимися къ смерти и загробному существованію. Провожая сыновей своихъ въ военную службу, которая по идеѣ своей связана съ пролитіемъ крови и рѣшеніемъ самой жизни за вѣру и отчизну, отцы и матери оплакиваютъ сыновей своихъ-новобранцевъ, какъ живыхъ мертвецовъ, съ которыми свиданіе, быть можетъ, предстоитъ въ будущей жизни. Тяжкія страды этой службы, созданныя историческимъ ходомъ жизни, дѣлали эту службу тяжелѣе самой смерти. И вотъ чувство разставанія родныхъ съ этими новобранцами выразилось въ народныхъ плачахъ словами, что „жива эта разлука пуще мертвой“ (стр. I). Конечно, завоенные плачи и выражающееся въ нихъ настроеніе относятся къ старой военной службѣ, какова она была до сокращенія сроковъ и до введенія всеобщей воинской повинности; но обычай такъ живучъ и могущественъ, что пробдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ онъ исчезнетъ вполне изъ народнаго употребленія.

Познакомимся однако ближе съ тѣмъ, какъ въ былое время рекрутскихъ наборовъ совершался въ Заонежьи обрядъ рекрутскихъ проводовъ.

Какъ скоро какой-нибудь парень вынетъ рекрутскій жеребій на суетѣ (сходкѣ), въ домѣ его начинается печальный пиръ: тотчасъ пекутъ и пряжатъ что могутъ, собираютъ на столъ и угощаютъ рекрута водкой, чтобы облегчить его горе. Причитываютъ надъ нимъ

¹⁾ Онежскія былины, записанныя А. Ф. Гильфердингомъ, введенеіе, стр. XI.

или мать, или жена (если рекрутъ женатыѣ), или особая плакальщица, „вопленица“, какъ зовутъ ихъ здѣсь. Какъ въ I-й части своихъ „Причитаній“, такъ и во II-й, г. Барсовъ справедливо выдвигаетъ этотъ замѣчательный типъ заонежской вопленицы; по его выраженію, это— „священная народная жрица, истолковательница семейнаго горя и облегчительница скорбящей души“, занимающая самостоятельное и почетное мѣсто въ народной средѣ. Вопленица часто приглашается и въ такую семью, гдѣ есть и свои родныя плакальщицы; но таковы ужь обычаи, имѣющіи свое древнее происхожденіе ¹⁾. Причитываніе начинается обыкновенно послѣ печальнаго пира, когда рекрутъ, вставъ изъ-за стола, начинаетъ ходить по комнатамъ, куда между тѣмъ набираются сосѣди и сосѣдки, родные и неродные, чтобы послушать вопленицы и раздѣлять семейное горе. „И не слышать бы лучше“,— сказывала одна крестьянка собирателю, — „ужь больно сердце забирать, навоснись до кровавыхъ слезъ; и въ жаръ, и въ ознобъ бросаетъ: жаль-тошно несчастныхъ некрутовъ“. Плачи, записанные г. Барсовымъ отъ одной изъ лучшихъ вопленицъ Заонежья Ирины Федосовой, представляютъ извѣстную цѣль скорбныхъ изліяній отъ имени разныхъ близкихъ лицъ. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ матери:

Я чего да сижу, мать бѣдна безсчастная,
 Сирота теперь сижу безпріютная,
 И на брусовой сижу да бѣлой лавочкѣ,
 И подъ печальнымъ косѣвчатымъ окопечкомъ,
 И подъ туманпосей стекольчатой околеникой;
 Я сижу, бѣдна горюша, прызадумавши
 И чужихъ басенокъ, горюша, пріослухавши;
 Подпвуютъ мнѣ-ка добры эти людюшки
 И посрѣкаются сподрядныи сусѣдушки:
 «И звать, на радости сидитъ да на весельиѣ
 «И на великоей, звать, Господней Божіей милости:
 «У ей вси вкупѣ сердечны, видно, дѣтушки».
 Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
 И што вѣдь пріобрались народъ да люди добрыи:
 И не весельице у насъ, да не забавушки
 И не тпхін, смиренныи бесѣдушки,
 И не честное у насъ да ипрованьице.
 Ночь какъ этымъ учетнымъ долгимъ гдѣшникомъ.
 И сочинилась грозна служба государева,

¹⁾ См. объ этомъ обычаѣ въ нашей статьѣ о I-й части «Причитаній» г. Барсова: *Ж. М. Н. Пр.* декабрь 1872 г.

И сволновался непріятель земли Русской;
 И прислать стали указы государевы
 И собирать стали удалыхъ добрыхъ молодець
 Какъ на сходку вѣдь теперь да на обчественну,
 И тутъ писать стали удалыхъ добрыхъ молодець
 Да на этотъ на гербовой листь-бумаженьку,
 И призывать стали судья неправосудныи
 И все ко этимъ ко жеребьямъ дубовымъ.
 Ужь какъ этии удали добры молодець
 И передъ Господа глаза да вѣдь крестили
 И Богородицѣ молитовку творили;
 И они брали жеребія да тутъ дубовыи:
 И пойти надо тутъ во службу государеву.
 Какъ сегодняшнимъ Господнимъ Божимъ девечкомъ
 И хотъ несконаны да рѣзны у нихъ ноженъки,
 Только сквано ретливое сердечунко;
 И хотъ не связаны бурлацки бѣлы рученьки,
 И обрестованы указомъ государевымъ.

Далѣ мать передаетъ жалобы сына на то, что его теперь

Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
 Сустигае грозна служба государева.

Затѣмъ мать заключаетъ:

Не дай, Боже, вѣдь того, да Боже Господи,
 Разставаться со сердечнымъ со дятаткомъ.
 Ой, тошнеховько ретливому сердечунку:
 Какъ дѣтняя тоска—неугасимая,
 И какъ жива эта разлука пуще мертвой.

И эта мысль о скорой разлукѣ вызываетъ въ причитывающей цѣ-
 лый рядъ воспоминаній: ей представляется, какъ пріѣзжаютъ за ре-
 крутами земскія власти; мать бросается къ нимъ съ просьбой о по-
 щадѣ, хотеть подкупить ихъ золотою казной, а сына скрыть отъ нихъ
 въ своей свѣтлицѣ. Но скоро у бѣдной матери является раздумье:

Нынѣ не скроешь-то сердечнаго вѣдь дитятки:
 Времена теперь пошли да все бѣдовыя,
 Хитроумы стали власти страховицыи.

И вотъ, она уже предлагаетъ сыну бѣжать, чтобъ укрыться отъ
 тяжелой службы:

Ой же ты, мое сердечно мило дитятко,
 И укатись, да мое красное ты на золотѣ,
 И укатись да отъ родимой нонь отъ родинки,
 И далеко на чужую на сторонушку,

И ты на эти на уречныя недѣлюшки;
 И въ города да удались ты незнакомыи,
 И ты за крѣпости увиди новгородскіи,
 И не знали бы судьи не правосудныи,
 И не довѣдались бы власти страховитыи,
 И твоей порупкой теперь да тыишь времечкомъ
 И привнаполнятся наборы государевы,—
 И ты останешься, сердечно мое дитятко,
 И во своей да молодецкой вольной волюшкѣ.

Дѣйствительно, побѣги отъ рекрутства были въ старину часты въ Заонежьѣ. „Какъ было не бѣгать?“ говорилъ собирателю крестьянинъ В. П. Щеголенковъ, извѣстный сказатель былинъ.— „На службы было тѣсно: служба — великое мученье. Рекрутовъ еще у полаты въ желѣзы ковали; бьютъ и мучаютъ и истъ настояще не дають; били на умертвіе; если солдатъ стоитъ въ ширинкѣ на ученьѣ и не могъ слова начальническаго сотворить, да и крестъ ему мѣломъ на плеча: а тамъ ступай-ко къ распоряженію: поставятъ солдатъ улицей отъ ду-друга двѣ сажени въ ширинки, рубашку виноватому прикажутъ скинуть, штаны на ногахъ, и ступай въ эту улицу солдатъ; передъ каждыиъ опъ остановку дѣластъ; у кажипнаго по три вицы завязаны вмѣстѣ, и кажипный такъ ударъ, какъ можешь, не жалѣй; и это мѣсто называется „зелена улица“. Платились за побѣгъ дѣтей и отцы: земскія власти ставили ихъ голыми ногами на снѣгъ, бросали стариковъ въ прорубь на веревкѣ, морили голодомъ ихъ скотъ, все допытывался: гдѣ бѣгле. Доходило до того, что изъ деревень бѣжалъ и старъ, и младъ, и дома стояли пустыя, пока не кончатся наборы. Священники укрывали бѣглыхъ.

Но разумѣтся, не всегда и возможенъ былъ побѣгъ: военная причетъ беретъ именно этотъ случай: въ ней сама мать отказывается отъ мысли отъ побѣга:

И пораздумаюсъ побѣднымъ спонимъ разумомъ:
 Никуды пынь не удешь да не упрячешься;
 Времена теперь пошли да все бѣдовыи,—
 Хитроумыи стали власти скрозекозпыи.

Послѣ первыхъ плачей въ родительскомъ домѣ обычаи требовалъ дать волю рекруту: начинался разгулъ его со сверстниками. Они катились на коняхъ по улицамъ иногда не только своей деревни, но и другихъ ближайшпхъ. Напиваться при этомъ не только не считалось предосудительнымъ, но даже какъ бы обязательнымъ. Пѣлись

пѣсни—и веселыя, и грустныя, и настроеніе той минуты вѣрно опредѣляется словами одной изъ нихъ:

Ужь мы гулять-то не гуляемъ,
Свое горе заливаемъ ...

Причетъ слѣдить за всѣми этими моментами послѣдняго пребыванія новобранца въ родной деревнѣ. Мать или вопленица взываетъ къ его сверстникамъ, приглашая ихъ поразвеселить молодаго рекрута, и затѣмъ приглашая „родъ — племя любимое“ взглянуть на его горькій разгулъ.

Послѣ гулянья ѣхали прощаться съ родственниками, и здѣсь, въ каждомъ домѣ происходило то же, что въ родительскомъ: сильное угощеніе съ обычными слезами и особыми жалобными причитаніями отъ лица тетки повобранца, двоюродной сестры, наконецъ—просто отъ сосѣдей не родственниковъ. Затѣмъ рекрутъ съ родными и близкими отправлялся въ церковь служить молебень. Вопленица, въ своей причети, передаетъ молитвы молодца:

И помолюсь да я Богу отъ желавница,
И послужу да я молебень Богородицѣ,
И я поставлю Ей свѣщи да воску ярова,
И положу-то пелены да Ей шелковыи;
И помолюсь да со слезами со горячима
Ужь я этому Владыкѣ все небесному:
И сохранилъ бы меня Господи помилувагъ
И отъ приѣмной полаты бѣлокаменной
И какъ отъ этой бы отъ службы государевой.
И ты спаси, да Пресвята Мать Богородица,
Ты отъ этихъ властей немилосердныхъ,
Ты отъ этихъ судей да все безбожныхъ!
И вы простите-тко, поны отцы духовныи
И благодѣтели служители церковныи,
И на духовныхъ молятвахъ вспомните-тка
Вы меня да все удага добра молодца!
И буде возвращусь на родимую сторонушку
Я со этого города Петровскаго,
Разсчитаюсь я за ваше утружденьце,
И за молитовки-то ваши вѣдь церковныи
Ужь я сдѣю вамъ духовно угощеньце.

Наконецъ, настаютъ проводы, послѣднее угощенье и прощанье. Изображая эту сцену, причетъ достигаетъ глубокой силы чувства и замѣчательной яркости образовъ:

И какъ во этомъ во почестномъ во больномъ углу
Уже вси вкупѣ удагы добры молодцы,

Всѣ сидятъ тутъ рекрута да очередныи
 И не уядавище имъ ѣствушки сахарныи,
 И не въ сласть да имъ сладка пѣнь-ку водочка:
 За столомъ да ихъ головки припакловены
 И о сыру землю ихъ очюшки утуплены.
 И тутъ великою обидой забавляются,
 И они горькими слезами обливаются.
 И говорятъ да имъ тутъ власти поставлены:
 «И съ родомъ съ племенемъ, бурлакушки, прощайтесь-ко».
 И отвѣтъ держатъ имъ рекрутныи молодыи.
 «Дай волю-тетко, судьи вы милосердыи,
 «И хоть единой часъ вы дайте-тко, минуточку,
 «Намъ потѣшите свое сердце молодецкое».
 И знать, пришла да вѣдь пора да тое времячко
 Изъ-за стола пойти бурлакушкамъ молодымъ
 И отъ кушаньевъ пойти да отъ сахарныхъ
 И отъ пѣтищевъ пойти да отъ дедьяпыныхъ.
 И нынѣ долить до ихъ великая кручинюшка
 И ушибить да ихъ великая тоскичушка.
 И они крестъ кладутъ, бурлаки, по писаному
 И предъ Господомъ вѣдь славу сотворяютъ.

Слѣдуетъ молитва новобранцевъ, прощанье ихъ съ родителями и сосѣдями, съ роднымъ домомъ и всею сельскою жизнью.

И стоворили тутъ безчастны таково слово:
 «И ты не пой, наше сердечко молодецкое,
 «И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая.
 «И жаль разстаться со родимой со сторонушкой».
 И со тоски да тутъ налп рекрута о сыру землю;
 И подхватили да ихъ тутъ судъ поставленыи
 И взяли молодцовъ подъ правую рученьку,
 И посадили во печальны дубовы сани
 И приукрыли соболинымъ одѣялишкомъ.
 И приотблкнули желанныхъ родителей
 Отъ своихъ онѣ сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ.
 И отпѣхнули сродчевъ-сродничковъ любиминыхъ.
 И тутъ извоички добрыхъ коней понудили,
 И добры конюшки пошли да суровешенко.
 И быдто сѣрый волкъ подъ кустышкомъ поукивать,
 И такъ бурлаки путь-дороженькой тоскуютъ
 И въ дубовыхъ сапяхъ оны да горекуютъ:
 И не дали то имъ судьи немилосердыи
 И со старыма старушкамъ имъ проститися
 И на всѣ стороны поклачнтися.
 Какъ везутъ да ихъ извоички не милыи

И не по разуму ступистыи лошадушки
И далѣ-далѣ отъ родимой сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому
Какъ ко этому приему государеву.

Пересказанный нами плачь относится къ холостому рекруту, живущему при отцѣ и матери. Г. Барсовъ сообщаетъ и другой плачь— о рекрутѣ женатомъ: здѣсь, разумѣется, главнымъ лицомъ является его молодая жена и малыя дѣтушки; высказывая свою скорбь при разлукѣ съ мужемъ, она взываетъ къ сочувствію и помощи своихъ родныхъ, какъ по крови, такъ и тѣхъ, которыхъ народъ называетъ богоданными, то-есть, свойственниковъ по мужѣ; въ плачахъ этого рода въ особенности ярко обрисовывается крѣпкій строй русской семьи, завѣщанный древнею Русью и сохраненный простымъ народомъ лучше, чѣмъ высшими сословіями. Далѣе, есть въ сборникѣ г. Барсова плачи при проводахъ солдата съ побывки: въ нихъ опять находимъ новыя черты народной жизни и народныхъ понятій: причетъ передаетъ разказы солдата о его трудномъ житьѣ-бытьѣ на военной службѣ, объ обидахъ начальниковъ, о царскихъ милостяхъ. Народныя воззрѣнія на царскую власть, на разныя общественныя отношенія высказываются здѣсь не только съ полною искренностью, но и съ замѣчательнымъ пониманіемъ гражданскихъ обязанностей, освященныхъ любовью къ родинѣ. Солдатъ жалуется матери на безысходныя тягости своей службы, гдѣ

На ученьицѣ этомъ на мученьицѣ
И вся изорвана побѣдна наша силушка,
И вси сколочены вѣдь бѣдны наши костыца,
И вси истомлены вѣдь бѣдны наши рученьки,
И безповинно бьютъ вѣдь насъ да до умертвія,
И все съ голоду-то насъ вѣдь заморяютъ,
И мы вѣдь съ жадности, солдаты, носыхаемъ.

Но вотъ пронеслась вѣсть, что врагъ вступилъ въ землю Русскую,
и тотъ же забитый солдатъ является героемъ...

И да мы трудъ, бѣдны солдаты, принимали,
И мы трудились за Русію подселенную
И за этуя мы вѣру христіанскую,
И за царя да мы трудились благовѣрнаго,
И за царицу-то вѣдь мы за милосердную.
И день и ночь да на страженъицѣ стояли
И хлѣба-соли мы пять сутокъ не ѣдали,
И десять дѣнь воды, безчастны, не пивали.
И не видѣли мы въ дыму да краснаго солнышка

И въ туманѣ-то не видли свѣту бѣлаго.
 И съ огня съ пламени буйна голова рострѣскалась,
 И дымомъ сѣло-то побѣды наши очушки;
 И тутъ сердечушко у насъ да разгорѣлося,
 И молодецкая утроба расходилася;
 И тутъ съ ду-другомъ солдаты роспростиялися,
 И уже тутъ да мы, солдатушки, не знаемъ,
 И на кого да мы оружья заряжаемъ.
 И сговоримъ да тутъ солдатушки безчастныи:
 •И спаси, Господи, Русію подселенную,
 •И сохрани Ты, Владыко многомилостивой,
 •И благовѣрнаго царя да Ты Русійскаго.
 •И какъ еще да спаси, Господи, помилуй
 •И на страженицѣ безчастныхъ насъ головушекъ,
 •И отъ смерти сохрани да насъ напрасной
 •И спаси, Господи, отъ Турки оваанной!
 •И пособи, да Пресвята Мать Богородица,
 •И побѣдиль этныхъ злодѣвъ супостатыныхъ
 •И рѣшить званіе-то Туркамъ все проклятымъ»...

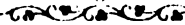
Приводя одинъ изъ подобныхъ отрывковъ причитаній въ своемъ введеніи, г. Барсовъ вполне справедливо замѣчаетъ: „Читая эти строки, такъ и хочется спросить: какой военный историкъ, писавшій о русскихъ походахъ, могъ почуять и такъ кратко и сильно выразить богатырство сѣраго сукна и арестованнаго сердца, не разъ удивлявшаго западъ Европы своею мощію?“

Мы указали только нѣкоторыя главныя черты содержанія завоенныхъ плачей. Большой интересъ представляютъ они и съ внѣшней стороны—со стороны языка, слога и фактуры стиха; любопытно наблюдать въ нихъ ту живучесть народной рѣчи, которая льется такъ свободно и какъ бы сама собою слагается въ размѣръ. Все это представляетъ въ причитаніяхъ обильный матеріалъ для изученія. вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, исследователи обратятъ вниманіе и на то, не слѣдуетъ ли признать я нѣкоторой доли личнаго творчества въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи, и быть можетъ, подмѣтять въ нихъ даже слѣды вліяній книжныхъ, литературныхъ.

Во всякомъ случаѣ г. Барсову принадлежитъ великая заслуга обнародованія и почти, можно сказать, открытія одного изъ замѣчательнѣйшихъ отдѣловъ русской народной поэзіи. Въ своемъ прекрасномъ введеніи къ сборнику завоенныхъ плачей онъ является и искуснымъ толкователемъ этихъ памятниковъ народнаго творчества, указываетъ историческія явленія, оставившія на нихъ свою печать, и извлекаетъ изъ нихъ важнѣйшія характерныя черты народныхъ понятій.

Вообще, изданіе завоенныхъ плачей обставлено всѣми необходимыми пособиями для ихъ уразумѣнія и оцѣнки: вслѣдъ за самыми причитаніями сообщены свѣдѣнія о волеицахъ, отъ которыхъ они записаны, далѣе народныя разказы о бѣглыхъ рекрутахъ, сказка о солдатѣ и смерти, замѣчанія о явкѣ причитаній и словарь мѣстныхъ словъ. Нужно сознаться, что у насъ не часто издаются памятники народной поэзіи такъ обстоятельно, какъ это сдѣлалъ почтенный Е. В. Барсовъ.

Л. Майковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НИКОЛАЕВСКАЯ ГЛАВНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ 1879 году почтеннымъ директоромъ знаменитой нашей астрономической обсерваторіи, академикомъ О. В. Струве совершена была поѣздка въ Сѣверную Америку для заказа новаго 30-ти дюймоваго рефрактора. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, объективъ къ этому рефрактору будетъ вѣроятно изготовленъ и представленъ на испытаніе еще въ текущемъ году. Отливка такой большой массы кронгласа представила неожиданныя затрудненія, и только въ ноябрѣ прошлаго года американскіе оптики Альванъ Кларкъ съ сыновьями могли увѣдомить академика Струве, что имъ доставлена съ стекляннаго завода Фейль въ Парижѣ масса кронгласа, оказавшаяся, по строгомъ изслѣдованіи, самыхъ превосходныхъ качествъ относительно чистоты, прозрачности и ровности; но что французскимъ фабрикантамъ не удалось достигъ при отливкѣ этой массы условленной толщины; почему изъ нея нельзя изготовить объектива съ фокуснымъ разстояніемъ въ 40 футовъ, такъ какъ слишкомъ тонкая чечевица могла бы нѣсколько изогнуться, въ ущербъ ея оптическому достоинству. Вместе съ тѣмъ, однако, гг. Кларкъ замѣтили, что, по ихъ мнѣнію, толщина достаточна для изготовленія объектива съ фокуснымъ разстояніемъ въ 45 футовъ, въ виду чего просили разрѣшенія на такое увеличеніе размѣровъ трубы. Вопросъ представлялъ нѣкоторыя затрудненія. Съ
часть осххш, отд. 4.

одной стороны, всѣ предшествовавшія соображенія объ устройствѣ механической части инструмента и о возведеніи для него башни были основаны на первоначально обусловленномъ фокусномъ разстояніи въ 40 футовъ, и, несомнѣнно, расходы по этимъ двумъ статьямъ должны были значительно возрасти съ увеличеніемъ фокуснаго разстоянія: съ другой же стороны, нельзя было упустить изъ виду, что, такъ какъ отливка доставленной массы потребовала уже два года, то изготовленіе другой, болѣе толстой массы могло бы затянуться на совершенно неопредѣленное время, что фабрикантамъ могло и не удаться вовсе отлить массу прежде указанной толщины, и что доставленная масса сама по себѣ необыкновенно хорошихъ качествъ, каковыя могли и не оказаться при новой отливкѣ. Взвѣсивъ тѣ и другія условія, и, убѣдившись по справкѣ, что предвидимое увеличеніе расходовъ не превыситъ предѣловъ ассигнованной на пріобрѣтеніе рефрактора суммы, если отказаться отъ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе существенныхъ приспособленій, — директоръ обсерваторіи изъявилъ согласіе на принятіе большаго фокуснаго разстоянія, тѣмъ болѣе, что оптическое достоинство объектива отъ этого не только не могло бы пострадать, но даже безспорно нѣсколько выиграло бы. Получивъ утвердительный отвѣтъ, гг. Кларкъ, около новаго года, приступили къ окончательной шлифовкѣ объектива и разчитываютъ, что работа ихъ успѣшно окончится еще осенью нынѣшняго года.

На всякій случай ими въ то же время заказана и другая масса. условенной толщины, которая тотчасъ же могла бы замѣнить готовую, если бы послѣдняя при обработкѣ оказалась неудовлетворительною.

Между тѣмъ въ 1881 году академикомъ Струве былъ подробно разработанъ съ гг. Репсольдъ въ Гамбургѣ планъ устройства инструмента, въ тѣхъ видахъ, чтобы и механическая часть его не уступала въ превосходствѣ оптическимъ достоинствамъ. Вообще гг. Репсольдъ въ устройствѣ инструмента намѣрены придерживаться той же системы, которая столь успѣшно примѣнена ими въ новѣйшихъ произведеніяхъ ихъ искусства — Страсбургскомъ и Миланскомъ рефракторахъ и при перестройкѣ стараго рефрактора Пулковской обсерваторіи. Подробное изученіе этого перестроеннаго инструмента дало академику Струве возможность вполне оцѣнить несомнѣнное превосходство принятой гг. Репсольдъ системы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать еще нѣкоторыя новыя усовершенствованія. На этомъ основаніи былъ заключенъ съ гг. Репсольдъ контрактъ, которымъ они обязывались окончить свою часть работы въ теченіе двухъ лѣтъ, если не ранѣе. Та-

кимъ образомъ можно разчитывать, что весь инструментъ будетъ готовъ къ осени 1883 года.

Засимъ оказывается своевременнымъ приступить и къ устройству башни для новаго рефрактора. Въ этомъ отношеніи, частію по причинѣ увеличенія фокуснаго разстоянія, частію вслѣдствіе постоянно низкихъ вексельныхъ курсовъ, пришлось значительно отступить отъ первоначальныхъ соображеній. Такъ, надо было отказаться отъ соединенія башни съ главнымъ зданіемъ Обсерваторіи посредствомъ коридора и отъ устройства вокругъ башни помѣщеній, которыми имѣлось въ виду удовлетворить и нѣкоторымъ другимъ потребностямъ. Но въ главныхъ частяхъ не будетъ допущено отступленій. Діаметръ башни принять въ 63 фута, высота ея надъ поломъ около того же. Нижняя часть башни до горизонта трубы, сажени четыре, будетъ сложена изъ кирпича. На эту кирпичную стѣну будутъ уложены рельсы, по которымъ должна двигаться верхняя, желѣзная, вращающаяся часть башни. Устройство послѣдней, по причинѣ ея большихъ размѣровъ, требуетъ многосложныхъ соображеній и точнѣйшаго технического выполненія. Заслуживаетъ вниманія, что вся эта задача будетъ исполнена отечественными силами. Подробный планъ устройства уже выработанъ извѣстнымъ директоромъ С.-Петербургскаго металлическаго завода О. Е. Креллемъ и подвергнутъ разсмотрѣнію знаменитаго нашего инженера, генералъ-лейтенанта Г. Е. Паукера, обязательно содѣйствующаго обсерваторіи въ настоящемъ дѣлѣ.

Въ болѣе теплыхъ климатахъ для устройства подобныхъ башень обыкновенно принимаютъ возводимую съ большою легкостью, полусферическую форму. Но у насъ такая форма, по причинѣ снѣжныхъ заносовъ и гололедицы, неудобна. Притомъ существенно важно, что бы во всякое время дни и ночи каждая часть башни, и особенно люки, были легко доступны. По этому у насъ, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе та форма, въ видѣ барабана съ вертикальными стѣнками и немного покатою крышею, удобства которой достаточно выяснены полувѣковою службою старыхъ башень обсерваторіи. Въ новой башнѣ, также какъ и въ старыхъ, прорѣзъ для люковъ будетъ сквозной чрезъ всю башню. Выполненіе этого условія значительно затрудняется размѣрами прорѣза, такъ какъ для удобнаго употребленія инструмента и для уравновѣшенія вѣшной и внутренней температуры, ширину прорѣза лужно принять по крайней мѣрѣ въ 7 футовъ. Но всего труднѣе, конечно, совмѣстить въ огромной башнѣ необходимую устойчивость и легкую подвижность. Въ послѣд-

немъ отношеніи особенно важно, чтобы рельсы, на которыхъ будетъ двигаться башня, сохраняли совершенную горизонтальность во всякое время года. Для этой цѣли кирпичная подстройка должна имѣть значительную толщину и такую глубину, до которой не достигали бы морозы въ самыя суровыя зимы. Кромѣ того, эта подстройка должна быть защищена спаружи какъ отъ непосредственнаго вліянія непогоды, такъ и отъ солнечныхъ лучей. Какъ въ прошлогоднемъ отчетѣ упомянуто, эта часть постройкіи поручается опытному царскосельскому дворцовому архитектору Видову, и должна быть окончена къ настоящей осени, чтобы она могла достаточно высохнуть и осѣсть до будущаго лѣта, когда г. Крелль поставитъ на ней вращающуюся часть.

Что касается стараго рефрактора обсерваторіи, то замѣченныя прежде молекулярныя сотрясенія штатива при движеніи часоваго механизма, вредно вліявшія какъ на отчетливость изображеній, такъ и на точность измѣреній, теперь вполне устранены тѣмъ, что гг. Репсольдъ совершенно отдѣлили регуляторъ отъ штатива и поставили его непосредственно на полъ возлѣ инструмента. Въ настоящее время механизмъ этотъ дѣйствуетъ такъ правильно, что удовлетворяетъ строжайшимъ требованіямъ, представляемымъ, на примѣръ, при исполненіи астрофизическихъ работъ.

Большой пассажный инструментъ обсерваторіи не требовалъ въ теченіе прошлаго года никакихъ измѣненій. Употребляемый при немъ хронографъ Гиппа оказывается вполне удовлетворительнымъ. На немъ, съ осени 1881 г., регистрируются секунды какъ часовъ Тиде, установленныхъ въ пространствѣ съ постояннымъ давленіемъ воздуха, такъ и часовъ Говю, находящихся въ центральной залѣ обсерваторіи. Притокъ ртути въ прерыватель часовъ Тиде удачно урегулированъ помощью упомянутаго въ прошлогоднемъ отчетѣ приспособленія. И тѣ и другіе часы въ 1881 году были вычищены и вообще идутъ удовлетворительно. Одновременною регистраировкою секундъ обонихъ часовъ они взаимно контролируются.

Произведенные г. Вагнеромъ опыты показали, что гальваническій прерыватель системы Кноблиха въ часахъ Говю имѣетъ значительное вліяніе на ходъ этихъ часовъ, и что требуется большая осмотрительность, чтобы избѣгнуть вредныхъ послѣдствій такого вліянія.

Большой вертикальный кругъ Эртеля около новаго года снова вступилъ въ регулярное употребленіе въ рукахъ г. Нюрена. Къ прибору этому въ послѣднее время механикомъ обсерваторіи придѣлано осо-

бое приспособленіе для освѣщенія одною лампою заразъ дѣленій круговъ, микрометрическихъ винтовъ микроскоповъ и поля зрѣнія. Такое устройство не только значительно облегчаетъ отчитываніе круга, но, вслѣдствіе постоянства освѣщенія, придаетъ ему и большую точность.

Извѣстно, что, при вычисленіи рефракціи, знаніе температуры атмосферы играетъ весьма важную роль. Легко можетъ быть, что нѣкоторыя, хотя небольшія, но все же довольно замѣтныя систематическія разногласія; открытія при обработкѣ прежнихъ наблюденій вертикальнымъ кругомъ, слѣдуетъ приписать неточному опредѣленію атмосфернаго тепла. Г. Нурень, занявшись ближе этимъ вопросомъ, пришелъ къ заключенію, что употреблявшіеся донынѣ ртутные термометры, не смотря на строжайшее ихъ изслѣдованіе, не могутъ указать температуру воздуха съ желаемою точностью. А потому, по его предложенію, для употребленія при вертикальномъ кругѣ установленъ воздушный термометръ работы Ф. Миллера въ Инсбрукѣ. До какой степени это нововведеніе окажется полезнымъ, покажетъ опытъ.

Остальные главные инструменты обсерваторіи находятся въ вполне удовлетворительномъ видѣ и не требовали исправленій, кромѣ незначительныхъ и вообще неминуемыхъ при постоянномъ употребленіи.

Изъ числа переносныхъ инструментовъ, универсальный пассажный инструментъ, строившійся г. Гербстомъ по мысли В. К. Деллена, въ настоящее время оконченъ. Изготовленіе его длилось безъ малаго пять лѣтъ, главнымъ образомъ по причинѣ многихъ другихъ неотложныхъ работъ, лежавшихъ на механикѣ обсерваторіи.

Съ устройствомъ этого усовершенствованнаго инструмента, старыя два переносные пассажные инструмента, изготовленные еще 20 лѣтъ назадъ, не нашли бы уже употребленія. Но такъ какъ они еще вполне годны для практическихъ занятій, то директоръ обсерваторіи согласился на предложеніе начальства Николаевской академіи генеральнаго штаба — уступить ихъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ старыми хронографами Крилле, военно-академической обсерваторіи, въ обмѣнъ на другой экземпляръ усовершенствованнаго хронографа Гиппа, въ которомъ Пулковская обсерваторія нуждается.

Возвращенный полтора года тому назадъ изъ Владивостока 6-дюймовый рефракторъ Ренсольда въ истекшемъ году совершенно восстановленъ. По ходатайству датскаго правительства, этотъ инстру-

ментъ, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, на 8 мѣсяцевъ уступленъ датскому астроному Шекюле для наблюденія предстоящаго прохожденія Венеры на островѣ Св. Оомы.

Точно также министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено, по просьбѣ французскаго правительства, уступить заимообразно на 10 мѣсяцевъ, для наблюденія того же явленія, французскимъ астрономамъ два гелиометра, принадлежащія Казанской и Дерптской обсерваторіямъ.

Астрономическія наблюденія въ обсерваторіи дали въ текущемъ году слѣдующіе результаты:

Наблюденія большимъ пассажнымъ инструментомъ для составленія фундаментальнаго каталога звѣздъ для эпохи 1885 года производились непрерывно,—при ясной погодѣ даже въ теченіи всѣхъ 24 часовъ. Такъ, г. Вагнеромъ получено не менѣе 2,927 прохожденій свѣтилъ, къ коимъ принадлежатъ 1,076 отчетовъ меридіанныхъ марокъ и 476 нивелировокъ оси.

Посредствомъ вертикальнаго круга до конца 1881 года, за рѣдкими исключеніями, наблюдалось одно только солнце для точнѣйшаго опредѣленія точекъ равноденствій. Г. Нюреномъ сдѣлано 134 такихъ наблюденій для каждаго края солнца. Съ новаго года начаты этимъ инструментомъ и наблюденія звѣздъ для фундаментальнаго каталога 1885 года. Въ первые четыре мѣсяца текущаго года сдѣлано было 452 полныхъ опредѣленій склоненій, собранію которыхъ частію необыкновенно благоприятствовала погода, но еще болѣе ускореніе наблюденій, достигнутое упомянутымъ выше приспособленіемъ для освѣщенія круговъ и микроскоповъ.

Рядъ наблюденій, произведенныхъ г. Нюреномъ помощью пассажнаго инструмента въ первомъ вертикалѣ для опредѣленія коэффициента абераціи, около новаго года законченъ прибавленіемъ къ прежнему числу 118 полныхъ наблюденій и значительнаго числа прерванныхъ по непостоянству погоды. Такимъ образомъ, полное число наблюденій для означенной цѣли простирается до 600, распреждающихся на 24 звѣзды. Изъ нихъ 20 могли быть наблюдаемы довольно равномерно, какъ около максимума, такъ и около минимума абераціи, а 4 лишь около одной изъ этихъ эпохъ.

Старшій рефракторъ обсерваторіи, по причинѣ упомянутаго не вполне удовлетворительнаго, теперь же совершенно исправленнаго, дѣйствія часоваго механизма, въ отчетномъ году не могъ быть употребляемъ съ пользою для измѣренія двойныхъ звѣздъ въ тѣсномъ

смыслѣ слова. Тѣмъ чаще, впрочемъ, пользовались имъ, какъ самъ директоръ обсерваторіи, такъ и сынъ его, Германъ Струве, для опредѣленія мѣстъ разныхъ кометъ, въ особенности блестящей кометы 1881 года и кометы Энке. Первая изъ нихъ наблюдалась 50 разъ и послѣднее наблюденіе сдѣлано 5-го февраля. Комета Энке наблюдалась 11 ночей.

Кромѣ того, въ лѣтніе мѣсяцы прошлаго года сдѣлано академикомъ Струве 190 наблюденій искусственныхъ двойныхъ звѣздъ для дальнѣйшаго разъясненія прежнихъ систематическихъ ошибокъ измѣреній.

Кометы *v* и *c* прошлаго года наблюдались, посредствомъ 6-дюймоваго рефрактора, г. Ромбергомъ, получившимъ 28 наблюденій первой, и 18 второй кометы.

Г. Баклундъ, посредствомъ 4-хъ дюймоваго гелиометра, въ теченіе 27 ночей, дѣлалъ измѣренія спутниковъ Юпитера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣланы имъ, въ 10 ночей, измѣренія группъ звѣздъ, принятыхъ для опредѣленія шкалы инструмента, а также 30 измѣреній въ группѣ Плеядъ и около 30 наблюденій для опредѣленія ошибокъ инструмента. Хотя, такимъ образомъ, уже собрано довольно значительное число наблюденій, но для болѣе точнаго вывода массы Юпитера г. Баклундъ считаетъ желательнымъ продолжить свои наблюденія во время слѣдующаго противостоянія планеты.

Затмѣній спутниковъ Юпитера наблюдено г. Витрамомъ 10, г. Гербстомъ 25.

Ночей съ достаточно чистымъ для фотометрическихъ наблюденій небомъ въ отчетномъ году было очень немного. Поэтому г. Линдеманъ могъ получить помощью фотометра Целльнера лишь втрое меньшее число наблюденій, чѣмъ обыкновенно, именно 54 полныхъ наблюденія. Большая часть ихъ произведена надъ звѣздами различныхъ величинъ для опредѣленія коэффициента ослабленія свѣта металлическою сѣткою, которую А. Ф. Вагнеръ началъ употреблять въ прошломъ году для изслѣдованія вліянія яркости звѣздъ на наблюденія прохожденій.

Обращаясь теперь къ работамъ астрофизической лабораторіи, напомнимъ, что въ составѣ небесныхъ тѣлъ, звѣздъ, кометъ, туманностей и пр., водородъ играетъ весьма важную, если не преобладающую роль. Поэтому старанія г. Гассельберга преимущественно направлены были на изслѣдованіе спектра названнаго элемента при различныхъ физическихъ условіяхъ и на точное измѣреніе составляющихъ его

линій. Для этой работы преимущественно служилъ спектроскопъ среднихъ размѣровъ, обязательно предоставленный лабораторіи на время профессоромъ технологическаго института Р. Э. Ленцомъ.

Недавно лишь астрономическою лабораторіею полученъ отъ неизвѣстнаго оптика Пражмоваго въ Парижѣ первоклассный спектроскопъ. При употребленіи доставленныхъ тѣмъ же оптикомъ полныхъ призмъ, наполненныхъ сѣроуглеродомъ, снарядъ этотъ представляетъ наиболѣе преломленныя части спектра въ поразительномъ совершенствѣ.

Большія кометы прошлаго года представили особенно любопытный предметъ для спектральныхъ изслѣдованій. Къ сожалѣнію, время ихъ наибольшаго блеска совпадало съ свѣтлыми лѣтними ночами. Не смотря на то, Гассельбергу удалось въ разные вечера съ полнымъ успѣхомъ измѣрить положеніе главныхъ линий ихъ спектровъ помощію Мерцовскаго спектроскопа à vision directe, придѣланнаго къ старому гелиометру.

Часовой механизмъ гелиографа въ настоящее время совершенно исправленъ. Съ іюля 1881 года приступлено къ фотографированію солнца, какъ вообще при благопріятныхъ условіяхъ, такъ особенно при появленіи замѣчательныхъ солнечныхъ пятенъ. Такихъ снимковъ сдѣлано 87. Зимой, какъ рѣдкость ясной погоды, такъ и малая высота солнца, представляютъ неблагопріятныя условія для сказанныхъ работъ.

Къ дѣятельности астрофизической лабораторіи нужно отнести также подробное изслѣдованіе громоотводовъ обсерваторіи, произведенное гг. Гассельбергомъ и Германомъ Струве лѣтомъ отчетнаго года. Оказалось, что громоотводы эти, въ томъ видѣ, какъ они были въ началѣ устроены покойнымъ академикомъ Ленцомъ, нынѣ вовсе не проводили тока, вслѣдствіе ржавчины и вообще порчи тѣхъ частей, которыми связаны подвижныя части башенъ съ желѣзною крышею. Замѣченный недостатокъ нынѣ совершенно устраненъ примѣненіемъ особыхъ приспособленій, такъ что громоотводы снова дѣйствуютъ вполне исправно.

Громоотводы заслуживаютъ особеннаго вниманія въ новѣйшее время, когда начали изготовлять всѣ большіе инструменты изъ желѣза и чугуна. Поэтому теперь и большой рефракторъ Пулковской обсерваторіи, получившій при перестройкѣ чугунную монтировку, включенъ, по совѣту знаменитаго спеціалиста г. Сименса, въ цѣль громоотводовъ.

Вычисленіе и обнародованіе рядовъ наблюденій обсерваторіи требуетъ также весьма усиленныхъ трудовъ.

Въ отчетномъ году окончено печатаніемъ лишь одно изданіе обсерваторіи, именно XIV томъ ея „Наблюденій“, но за то многое приготовлено къ печати.

Въ ряду изданныхъ обсерваторіею томовъ „Наблюденій“ встрѣчаются три пропуска: не изданы еще VIII, X и XII томы. Эта непоследовательность объясняется первоначально принятою системою печатанія, по которой еще до приступа къ печатанію, уже опредѣлено было содержаніе первыхъ десяти томовъ. VIII томъ предназначенъ для окончательно выведенныхъ положеній Брадлеевыхъ и нѣкоторыхъ другихъ звѣздъ изъ наблюденій, произведенныхъ меридіаннымъ кругомъ съ 1839 по 1874 годъ. Самые наблюденія уже напечатаны въ VI и VII томахъ. Но такъ какъ вычисленіе положеній съ успѣхомъ могло быть исполнено лишь по напечатаніи этихъ томовъ, то изданіе VIII тома по необходимости должно было замедлиться. Вычисленіями, относящимися къ этому тому, съ 1873 по 1877 годъ завѣдывалъ покойный фонъ-Астенъ, а послѣ его смерти завѣдуетъ д-ръ Баклундъ. Стараніями послѣдняго они теперь доведены до того, что для зоны отъ -15° до $+30^{\circ}$ склоненія печатаніе можетъ быть начато, какъ только будетъ окончена копія рукописи, и, безъ сомнѣнія, остальная часть вычисленій для склоненій отъ $+30^{\circ}$ до сѣвернаго полюса, будетъ также окончена во время печатанія первой части. Что касается X тома, предназначеннаго для продолженія производимыхъ академикомъ Струве микрометрическихъ измѣреній двойныхъ звѣздъ, то 1-е отдѣленіе его окончательно обработано для печати. Для дальнѣйшей обработки особенно важно знаніе собственныхъ движеній, имѣющихъ быть выведенными изъ сравненія Дерптскихъ наблюденій съ новѣйшими г. Ромберга, а потому къ ней будетъ приступлено, когда приведенія наблюденій г. Ромберга достаточно подвинутся впередъ. Для выпуска въ свѣтъ напечатанныхъ уже XII и XIV томовъ недостаетъ еще введеній, которыя гг. Вагнеръ и Нюрень не успѣли окончить по причинѣ другихъ обязательныхъ работъ.

Надежда г. директора обсерваторіи, что первая часть многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ г. Ромбергомъ помощью меридіаннаго круга съ 1874 по 1880 г., будетъ окончательно обработана и приготовлена къ печати около новаго 1882 года, не оправдалась въ желанномъ размѣрѣ, не смотря на усердныя старанія занятыхъ этою работою гг. Ромберга, Дубяго и Витрама. Причиною такого за-

медленія было преимущественно то обстоятельство, что въ теченіе самой работы возникли вопросы, разрѣшеніе которыхъ при большой массѣ самихъ наблюденій, требовало много времени. Теперь вычисленія г. Ромберга и его сотрудниковъ подвинулись на столько, что безъ особеннаго затрудненія первая часть работы, имѣющая составить XV томъ „Наблюденій“, будетъ совершенно вычислена до новаго года. Съ окончаніемъ этихъ вычисленій и академику Струве будутъ доставлены вышеупомянутыя данныя для окончанія обработки X тома „Наблюденій“.

При составленіи каталога, имѣющаго быть помѣщеннымъ въ VIII томѣ „Наблюденій“, ближайшее знаніе собственныхъ движеній звѣздъ представляло крайнюю важность. Въ этомъ отношеніи трудъ былъ значительно облегченъ и получилъ болѣе прочное основаніе обязательнымъ доставленіемъ г. Ауверсомъ, три года назадъ, въ рукописи, величинъ этихъ движеній, выведенныхъ по случаю исполненія имъ новой обработки Брэдлеевыхъ наблюденій. Этотъ громадный трудъ, занимавшій знаменитаго германскаго астронома въ теченіе болѣе 15-ти лѣтъ, предпринятъ былъ г. Ауверсомъ по почину и при нѣкоторомъ содѣйствіи Пулковской обсерваторіи, и по окончаніи вычисленій Императорская академія наукъ взяла подъ свое покровительство его напечатаніе въ достойномъ его значенія видѣ. Самое печатаніе нѣсколько замедлилось отъ того, что г. Ауверсъ, будучи предсѣдательствующимъ секретаремъ Берлинской академіи наукъ и въ то же время преемникомъ академика Струве по должности предсѣдателя международнаго астрономическаго общества, чрезвычайно занятъ другими, официальными обязанностями. Впрочемъ, въ текущемъ году уже вышла 2-я часть сказаннаго изданія, заключающая въ себѣ отдѣльныя наблюденія Брэдлея, приведенныя къ средней эпохѣ 1755 г. Печатаніе 3-й части, предназначенной для главнаго каталога, должно было начаться въ текущемъ же году, а потомъ уже послѣдуетъ печатаніе 1-й части, въ которой г. Ауверсъ предполагаетъ помѣстить какъ спеціальныя свои изслѣдованія касательно составленія каталога, такъ и главные выводы о разныхъ элементахъ, служащихъ основаніемъ для дальнѣйшей разработки звѣздной астрономіи. Появившійся 2-й томъ достаточно доказываетъ тщательность и осмотрительность, съ которою ведется весь трудъ, а потому астрономическій міръ съ живѣйшею благодарностью отнесется къ академіи наукъ, столь любезно способствовавшей изданію этихъ новыхъ *Fundamenta astronomiae*.

Изъ другихъ болѣе обширныхъ вычисленій, предпринятыхъ на Пулковской обсерваторіи, слѣдуетъ упомянуть еще объ обработкѣ г. Нуреномъ наблюденій, произведенныхъ имъ для точнѣйшаго опредѣленія коэффициента абераціи,—обработкѣ, уже значительно подвинувшейся впередъ.

Ряды наблюденій кометъ, астероидовъ, и вообще имѣющія болѣе временный интересъ, болѣею частію вычисляются самими наблюдателями и препровождаются для обнародованія въ *Astronomische Nachrichten*.

Изъ числа теоретическихъ изслѣдованій, изслѣдованія г. Ваклунда о загадочныхъ возмущеніяхъ въ движеніи кометы Энке непрерывно продолжаются. Вычисленная имъ для прошлагодняго появленія кометы точная эфемериды въ началѣ превосходно согласовалась съ наблюденіемъ. Но при дальнѣйшемъ приближеніи къ перигелію обнаружилось несогласіе, которое вполне объяснилось бы, если принять, что во время послѣдняго оборота комета опять не подвергалась вліянію противодѣйствующей среды по принятому Энке закону. Это обстоятельство дало г. Ваклунду поводъ къ дальнѣйшимъ теоретическимъ изслѣдованіямъ, какъ относительно способа вычисленія возмущеній, производимыхъ на движеніе кометы другими тѣлами солнечной системы, такъ и касательно припятаго Энке закона о вліяніи противодѣйствующей среды. Не отвергая вполне самаго существованія такой среды, нашъ теоретикъ доказываетъ, что нѣтъ достаточнаго основанія приписывать ей такое дѣйствіе, какого требуетъ законъ Энке. Прежде чѣмъ приступить къ точному установленію самаго закона, нужно будетъ освободить движеніе кометы отъ вліянія всѣхъ дѣйствующихъ на нее извѣстныхъ силъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важно, что вычисленіе абсолютныхъ пертурбацій кометы, по способу Ганзена и Гюльдена, приближается къ концу. Извѣстно, что по этому способу орбита кометы раздѣляется на 5 частей, для которыхъ отдѣльно вычисляются возмущенія. Для трехъ изъ нихъ, лежащихъ около перигелія и афелія и требующихъ особенно трудныхъ аналитическихъ развитій, работа окончена трудами фонъ-Астена и г. Ваклунда. Остальныя двѣ промежуточныя части не требуютъ такихъ сложныхъ теоретическихъ изслѣдованій, а преимущественно строжайшаго вычисленія по даннымъ формуламъ. Одну изъ нихъ принялъ на себя помощникъ директора Дерптской обсерваторіи г. Грофе, другую сотрудникъ Пулковской обсерваторіи г. Витрамъ. Вычисленія послѣдняго уже на

столько подвинулись, что вѣроятно черезъ три-четыре мѣсяца будутъ окончены. Надобно надѣяться, что и его сотрудникъ въ Дерптѣ не отстанетъ отъ него. Такимъ образомъ, огромный этотъ трудъ, который долженъ представить главное пособіе для дальнѣйшихъ изслѣдованій движенія кометы Энке, вѣроятно будетъ оконченъ въ недалекое время.

Адъюнктъ-астрономъ Дубяго продолжалъ усердно вычислять абсолютныя возмущенія планеты Діаны, для которой далъ и опубликованную въ *Berliner Jahrbuch* эфемериду ея предстоящаго противостоянія. Дѣйствіе Юпитера на движеніе Діаны имъ теперь теоретически совершенно развито, но остается еще довольно много труда, пока работа будетъ окончена въ предѣлахъ, предназначенныхъ самимъ г. Дубяго. Надобно замѣтить, что въ послѣднемъ году его время чрезвычайно было занято приготовленіемъ къ астрономическимъ лекціямъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, къ чтенію которыхъ онъ приглашенъ былъ физико-математическимъ факультетомъ.

Не считая журнальныхъ статей директора обсерваторіи и гг. Вагнера, Нюрена, Ромберга, Гассельберга, Баклуида и Германа Струве, астрономами обсерваторіи въ отчетномъ году напечатано или представлено къ напечатанію 11 сочиненій по разнымъ частямъ астрономіи.

Библіотека обсерваторіи въ отчетномъ году увеличилась на 282 тома и 210 брошюръ и оттисковъ статей. Изданій обсерваторіи разошло: внутри имперіи 436, за границу 967 экземпляровъ.

Путешествія съ ученою цѣлію въ 1881 году были предприняты директоромъ обсерваторіи и адъюнктъ-астрономомъ Баклуидомъ. Послѣдній воспользовался свободными для него отъ астрономическихъ наблюденій тремя лѣтними мѣсяцами, чтобы посоветоваться съ профессоромъ Гюльденомъ въ Стокгольмѣ и съ французскими теоретиками о предложенныхъ имъ способахъ вычисленія возмущеній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ новѣйшими приспособленіями въ нѣкоторыхъ обсерваторіяхъ, особенно въ Стокгольмской, Лундской, Лейденской, Парижской и Страсбургской. На возвратномъ пути онъ принялъ участіе въ собраніи международнаго астрономическаго Общества въ Страсбургѣ, гдѣ имѣлъ случай изложить нѣкоторые свои теоретическіе выводы.

Академикъ Струве, въ сопровожденіи младшаго своего сына, сверхштатнаго астронома Людвигъ Струве, направился сперва въ Гамбургъ для вышеупомянутыхъ совѣщаній съ братьями Репсольдъ.

Принявъ потомъ участіе въ собраніи астрономическаго Общества и познакомившись съ послѣдними нововведеніями, примѣненными въ Страсбургской обсерваторіи профессоромъ Виннеке, г. Струве поѣхалъ въ Миланъ, что-бы, по приглашенію профессора Скиапарелли, разсмотрѣть оставшіяся рукописи наблюденій двойныхъ звѣздъ недавно умершаго барона Дембовскаго. Изумительное богатство и совершенство этого матеріала, собранію котораго названный любитель астрономіи посвящалъ конецъ своей жизни, заставило г. Скиапарелли, по выслушаніи мѣтвія нашего академика, немедленно представить королевской академіи dei Lincei о необходимости возможно полнаго изданія сказанныхъ наблюденій въ видахъ сохраненія этого сокровища для науки. Принявъ такое предложеніе, Римская академія предложила нашему почтенному астроному приплыть на себя, вмѣстѣ съ г. Скиапарелли, редакцію этого изданія. Посѣтивъ затѣмъ Флоренцію для заказа копій съ недостающаго еще въ портретной галлерей Пулковской обсерваторіи портрета Коперника, а затѣмъ, въ окрестностяхъ Ниццы, великолѣпную обсерваторію, строящуюся на счетъ мецената астрономіи банкира Бишофсгейма, г. директоръ вторично побывалъ въ Гамбургъ для заключенія окончательнаго контракта съ гг. Репсольдъ объ устройствѣ для нашей обсерваторіи большаго рефрактора.

Еще въ 1874 г. было высказано, что способъ строго соотвѣтственныхъ высотъ звѣздъ, столь удачно разработанный адъютантъ-астрономомъ полковникомъ Цингеромъ для опредѣленія времени, могъ бы принести не меньшія выгоды при приложеніи его къ опредѣленію широты. Но въ послѣднемъ случаѣ задача оказывается гораздо сложнѣе, если при пей поставить условіемъ, чтобы употребляемый инструментъ не имѣлъ ни точно раздѣленнаго вертикальнаго круга, ни микроскоповъ, ни микрометра при окулярѣ, и если для опредѣленія брать только такіа звѣзды, положеніе которыхъ напередъ извѣстно съ достаточностью. Теперь, послѣ разныхъ попытокъ, задача можетъ считаться вполне удовлетворительно рѣшенною стараніями полковника Цингера. Въ отчетѣ его по этому вопросу доказывается, что, ограничиваясь 180 Пулковскими звѣздами до 4-й величины, и не выходя изъ азимутовъ въ 35°, всегда для каждаго мѣста сѣвернаго полушарія, кромѣ развѣ близполюсныхъ широтъ, найдется по крайней мѣрѣ 200 паръ звѣздъ въ теченіе сутокъ, которыя можно наблюдать непосредственно одну за другою въ одинаковыхъ высотахъ. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ для полнаго опредѣ-

ленія широты требуется около 12 минутъ. Наблюденіе въ Пулковѣ 25 паръ звѣздъ инструментомъ умѣренной оптической силы доказало, что изъ каждой отдѣльной пары достигается точность до $\frac{1}{3}$ секунды. Но чтобы сдѣлать этотъ способъ общепримѣнимымъ для всего сѣвернаго полушарія, или по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Россійской имперіи, требуется еще строгій выборъ для каждаго мѣста наиболѣе годныхъ паръ звѣздъ и вычисленіе большаго числа вспомогательныхъ таблицъ.

Изъ числа трехъ состоявшихъ въ Пулковѣ весной 1881 г. сверхштатныхъ астрономовъ: г. Зейбота, Вучиковскаго и Людвигъ Струве, г. Зейботъ опредѣленъ вычислителемъ, а г. Вучиковскій, по собственному желанію, вслѣдствіе слабаго здоровья, оставилъ въ апрѣлѣ 1882 года службу при обсерваторіи. Лѣтомъ же 1881 г. поступилъ въ обсерваторію сверхштатнымъ астрономомъ кандидатъ С.-Петербургскаго университета, оставленный при университетѣ г. Ждановъ.

Курсъ практической астрономіи и геодезій, преподаваемый при обсерваторіи офицерамъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, продолжалъ слушать штабсъ-капитанъ Антоновъ.

Отъ морскаго вѣдомства, кромѣ поручика корпуса штурмановъ Юргенса, въ отчетномъ году никто не былъ командированъ въ обсерваторію для практическихъ занятій.

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Ученый издатель и толкователь сочинений Державина, авторъ „Филологических изысканій“ и многихъ изслѣдованій по исторіи русской литературы и русскаго общества двухъ послѣднихъ столѣтій, академикъ Я. К. Гротъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей русской науки, имена коихъ пользуются наибольшею извѣстностью въ нашемъ обществѣ. Исполнившееся 6-го сентября текущаго года пятидесятилѣтіе его служебной дѣятельности, еще раньше которой началась его дѣятельность литературная, дало почитателямъ его дарованій, познаний и благороднаго характера случай привѣтствовать почтеннаго академика заявленіями своего уваженія и пожелать ему новыхъ силъ для новыхъ полезныхъ трудовъ. Считаемо долгомъ по этому поводу напомнить здѣсь хотя нѣкоторые главные факты плодотворной жизни высокоуважаемаго Якова Карловича и затѣмъ сообщить подробности о празднованіи его юбилея ¹⁾.

Я. К. Гротъ родился въ Петербургѣ въ 1812 году; получивъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, онъ на 11-мъ году поступилъ въ благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея, откуда чрезъ три года былъ переведенъ въ самый лицей, и въ іюль 1832 года окончилъ въ немъ курсъ съ первою золотою медалью. Уже на скамьяхъ лицея сталъ онъ развивать въ себѣ склонности къ литературнымъ

¹⁾ Данныя для этого очерка завлечены изъ записки о Я. К. Гротѣ, составленной П. А. Плетисвымъ (*Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. Р. яз. и Словесн.*, т. V), и статей о немъ, помѣщенныхъ въ *Правит. Вѣстникъ* 8-го сентября, *Новомъ Времени* 4-го сентября и *Руси* 11-го сентября текущаго года.

и научнымъ занятіямъ, писалъ стихи, издавалъ для товарищей рукописные журналы, въ три мѣсяца научился свободно говорить и писать по италіански и составилъ самостоятельное изслѣдованіе объ италіанскихъ глаголахъ. Тогда же впервые литературный трудъ его появился въ печати: то былъ переводъ критической статьи о французской литературѣ, написанной профессоромъ Тилло; переводъ Я. К. Грота былъ напечатанъ въ Литературной Газетѣ барона Дельвига, 1830 года.

Осенью 1832 года Яковъ Карловичъ былъ отрекомендованъ тогдашнему предсѣдателю государственнаго совѣта графу В. П. Кочубею и началъ службу въ комитетѣ министровъ, а нѣсколько позже былъ переведенъ въ государственную канцелярію подъ начальство барона М. А. Корфа.

Но канцелярскія работы мало удовлетворяли даровитаго молодого человѣка; онъ все болѣе и болѣе увлекался литературными занятіями и въ особенности съ жаромъ отдавался изученію иностранныхъ языковъ и литературъ; къ пріобрѣтенному въ дѣтствѣ и юности знанію французскаго, нѣмецкаго, италіанскаго и латинскаго языковъ Я. К. Гротъ постепенно присоединилъ основательное знакомство съ языками англійскимъ, финскимъ, греческимъ, скандинавскими и славянскими; пріобрѣта такимъ образомъ средства къ изученію иностранныхъ литературъ въ ихъ источникахъ, Я. К. Гротъ не только знакомился съ лучшими произведеніями европейской словесности, но и старался усвоивать ихъ русской литературѣ. Такъ, ими переведены были Байроновъ „Мазепа“ (напечатанъ въ 1838 г. въ Современникѣ) и „Фритіофъ“ шведскаго поэта Тегнера, при чемъ переводчикъ соблюдалъ всѣ особенности стихотворнаго размѣра подлинниковъ.

Литературные опыты Я. К. Грота сблизили его съ П. А. Плетневымъ, а переводъ „Фритіофа“, изданный въ 1841 г., былъ сочувственно принятъ современною критикой и остановилъ на себѣ вниманіе людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ—Жуковскаго и Бѣлинскаго. Жуковскій, познакомившись съ этимъ переводомъ еще въ рукописи и вообще узнавъ о влеченіи молодого человѣка къ учено-литературнымъ занятіямъ, рекомендовалъ его министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго графу Ребиндеру: послѣдствіемъ этого знакомства было назначеніе Якова Карловича въ 1840 г. профессоромъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ на учрежденную тамъ кафедру русскаго языка, литературы и исторіи. Здѣсь лекціи свои Я. К. Гротъ читалъ на шведскомъ языкѣ; на томъ

же языкъ составилъ онъ учебники по преподаваемымъ имъ предметамъ, и кромѣ того, инспектировалъ всѣ финляндскія школы и гимназіи по преподаванію въ нихъ русскаго языка, вслѣдствіе чего ежегодно объѣзжалъ ихъ. Двѣнадцать лѣтъ провелъ Яковъ Карловичъ на кафедрѣ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, и въ это время, кромѣ названныхъ уже трудовъ по учебной литературѣ, служилъ своимъ перомъ умственному сближенію Финляндіи съ Россіей; такъ, онъ редактировалъ большой шведско-русскій словарь, издалъ „Альманахъ по случаю 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго университета“, напечаталъ свои „Переѣзды по Финляндіи“ и въ Современникѣ Плетнева, начиная съ 1839 года, помѣстилъ не мало статей, въ которыхъ знакомилъ русскихъ читателей съ финскимъ и шведскимъ сѣверомъ. Въ томъ же журналѣ появились и первые опыты его историко-литературнаго изслѣдованія о Державинѣ, первые образцы истинно научныхъ работъ въ области новой русской литературы.

Эта учено-литературная дѣятельность раскрыла Я. К. Гроту двери Академіи Наукъ, которая въ 1852 г. избрала его членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1856 г. присоединила въ члену дѣйствительныхъ членовъ того же отдѣленія.

Въ 1852 же году принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій пригласилъ Я. К. Грота на кафедру русской словесности въ Александровскій лицей, и въ то же время, рекомендованному Плетневымъ, Якову Карловичу предложено было принять участіе въ воспитаніи покойнаго Цесаревича Николая Александровича и нынѣ царствующаго Государя Императора Александра III. Принявъ двухъ Великихъ Князей, одного 9-ти, другаго 8-ми лѣтъ, Яковъ Карловичъ занимался съ ними, сначала въ качествѣ преподавателя, русскимъ языкомъ, исторіей, географіей и нѣмецкимъ языкомъ; потомъ получилъ отъ Императрицы Маріи Александровны порученіе заниматься съ покойнымъ Цесаревичемъ славянскимъ языкомъ; далѣе ему вѣрена была должность инспектора преподаванія при четырехъ Великихъ Князьяхъ Николаѣ, Александрѣ, Владимірѣ и Алексѣѣ Александровичахъ, съ сохраненіемъ главнаго преподаванія при двухъ старшихъ. Покидая домъ свой почти ежедневно въ 6 1/2 часовъ утра, слѣдуя во всѣ мѣста загороднаго пребыванія Высочайшаго двора и даже въ нѣкоторыя его поѣздки (въ Москву, въ Гапсаль), Я. К. Гротъ провелъ гимназическій курсъ по главнымъ предметамъ съ покойнымъ Цесаревичемъ до его совер-

часть ссхшш, отд. 4. .

шеннолѣтія, а съ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ до его 14-лѣтняго возраста (до конца 1859 г.). Затѣмъ, не пожелавъ никакихъ служебныхъ повышеній и административныхъ постовъ, предложенныхъ ему именемъ покойной Государыни при оставленіи имъ придворной службы, онъ возвратился къ своимъ ученымъ занятіямъ по Академіи.

Не считаемъ нужнымъ изчислять здѣсь тѣ ученые труды, которые съ этого времени были исполнены почетнымъ академикомъ: образцовое изданіе сочиненій Державина, обставленное обширными примѣчаніями и снабженное обширною біографіей поэта, которое представляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія Екатерининскаго и частію Александровскаго времени, „Филологическія Розысканія“, затронувшія многіе важные вопросы изъ исторіи русскаго языка и правописанія, прекрасныя изданія сочиненій Хемницера и переписки Екатерины II, равно какъ и другія ученыя работы Я. К. Грота, вышедшія въ послѣдшія двадцать лѣтъ, хорошо извѣстны всѣмъ, кто дорожитъ успѣхами русской науки и просвѣщенія. Не будемъ также говорить о высокихъ душевныхъ качествахъ почетнаго юбиляра, приобрѣвшихъ ему глубокое уваженіе и любовь всѣхъ, кто имѣлъ возможность узнать его въ частныхъ сношеніяхъ. Не смотря на того, что извѣстіе о предстоящемъ юбилеѣ было оглашено лишь за два дня до 6-го сентября, сознаніе, какъ ученыхъ заслугъ Якова Карловича, такъ и прекрасныхъ свойствъ его благородной личности, собрало вокругъ него многихъ лицъ, желавшихъ привѣтствовать его въ день его юбилея, и ясно высказалось въ рѣчахъ и заявленіяхъ привѣтствовавшихъ.

Съ 10-ти часовъ утра начали стекаться въ квартиру академика депутаціи отъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и отдѣльныя лица съ юбилейными привѣтствіями. Въ 11 часовъ, прибыла депутація Александровскаго лицея, состоявшая изъ директора Н. Н. Гартмана, членовъ совѣта и двухъ воспитанниковъ выпускающаго курса. Послѣ привѣтственной рѣчи, ею былъ поднесенъ юбиляру слѣдующій адресъ:

„Яковъ Карловичъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совѣтъ лицея, награждая васъ первою золотою медалью и отпуская на поприще общественной дѣятельности, возлагалъ на васъ лучшія надежды. Эти надежды не остались тщетными. Вы отблагодарили лицей: въ теченіе десяти лѣтъ вы были украшеніемъ лицея, но уже не въ качествѣ ученика, а какъ профессоръ. Лицей не забудетъ вашей профессорской

дѣятельности, не забудетъ онъ и рѣчи, которую вы нѣкогда произнесли въ немъ на торжественномъ актѣ, и которую можно счесть одною изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ русской литературѣ. Вы вдвойнѣ принадлежите лицу, и онъ гордится этимъ. Въ настоящій торжественный день пятидесятилѣтія вашего служенія государству и обществу совѣтъ лица является передъ вами съ искреннимъ поздравленіемъ и желаніемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе годы".

Депутацію отъ С.-Петербургскаго университета составляли ректоръ и многіе члены совѣта. Деканъ историко-филологическаго факультета В. В. Вауэръ вручилъ юбиляру дипломъ на званіе почетнаго члена университета, прочитавъ притомъ слѣдующій адресъ:

"Глубокопочитаемый Яковъ Карловичъ! Полнѣе исполняется сегодня вашему служенію отечественной наукѣ. Въ теченіе столь долгаго времени вы были неутомимымъ труженикомъ ея, любившимъ истину для нея самой, живымъ примѣромъ неослабной ревности о ней для молодыхъ поколѣній, на образованіе которыхъ въ свое время вы посвятили лучшія силы. Русская наука всегда будетъ гордиться вашими работами для нашей литературы и роднаго языка. Выразивъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, свое глубокое уваженіе къ ученой дѣятельности вашей избраніемъ васъ на степень доктора, совѣтъ С.-Петербургскаго университета привѣтствуетъ васъ въ настоящій многознаменательный день, который вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ русскаго просвѣщенія. Желая почтить вновь вашу любовь къ наукѣ и заслуги предъ нею, на благо которой да продлится ваша многоплодная жизнь, университетъ единогласно избралъ васъ своимъ почетнымъ членомъ".

Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго общества П. П. Семеновъ, прибывшій съ предсѣдателемъ Отдѣленія этнографіи Л. Н. Майковымъ, привѣтствовалъ юбиляра рѣчью, въ которой упомянулъ между прочимъ о связи его ученыхъ трудовъ съ задачами Географическаго общества.

Затѣмъ произнесъ прекрасную привѣтственную рѣчь высокопреосвященный Палладій, архіепископъ Казанскій (бывшій Рязанскій).

Посѣтители между тѣмъ продолжали прибывать, внося новое оживленіе въ одушевленную бесѣду многочисленнаго собранія.

Около часа дня прибыли: министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, члены государственнаго совѣта К. К. Гротъ, Н. И. Стояновскій и М. Н. Любоцинскій, директоръ Императорской публичной биб-

ліотеки и академикъ А. Ѳ. Вычковъ и другія высокопоставленныя лица. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ прочитанъ Всемиловѣйшій рескриптъ Государя Императора слѣдующаго содержанія:

Яковъ Карловичъ! Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всецѣло литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности профессора въ Гельзингфорскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ Александровскомъ лицей, вы своимъ постоянствомъ въ трудѣ, даромъ изложенія и душевными качествами имѣли благотворное вліяніе на учащіяся поколѣнія. Впослѣдствіи вы были призваны преподавать русскій языкъ и словесность въ Бозѣ почившему Цесаревичу Николаю Александровичу и Миѣ; неуслышимъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена Академіи наукъ и Русскаго Историческаго общества справедливо оцѣнены по ихъ ученому достоинству и отличаются, сверхъ другихъ качествъ, безпристрастіемъ и глубоко-нравственнымъ чувствомъ. Миѣ особенно пріятно въ столь знаменательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„и искренно уважающій васъ

„АЛЕКСАНДРЪ“.

6-го сентября 1882 года.

Затѣмъ статсъ-секретарь Деяиновъ прочелъ письмо министра государственныхъ имуществъ, извѣщающее о Всемиловѣйшемъ пожалованіи юбиляру аренды (по 2 тысячи руб. въ годъ, срокомъ на 6 лѣтъ).

А. Ѳ. Вычковъ, сотоварищъ юбиляра по второму отдѣленію Академіи Наукъ, съ воодушевленіемъ произнесъ слѣдующую рѣчь, встрѣтившую живѣйшее сочувствіе всѣхъ присутствующихъ:

„Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ вы, глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ, покинувъ скамью Царскосельскаго лица, гдѣ въ то время были такъ живы преданія о Пушкинѣ, вступили на служебное поприще. Предъ вами лежала широкая и торная дорога къ отличіямъ и почестямъ, по которой уже успѣшно шли лицейскіе воспитанники предшествовавшихъ вашему выпускѣ; но

вы черезъ нѣсколько лѣтъ предпочли ей другую, болѣе скромную и спокойную, и смѣю сказать, болѣе надежную и едва ли не болѣе блистательную. Вы отдали себя всецѣло литературѣ и наукѣ, и этому вашему выбору, этому благородному предпочтенію мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ и прекрасный переводъ Фрѣтѣофъ-саги, передающій всѣ поэтическія красоты этого перла скандинавской литературы, и ученые разысканія въ области русскаго языка, и образцовое изданіе твореній поэта Фелици, дающее богатый матеріалъ для внутренней исторіи царствованія Екатерины II, и драгоценную переписку этой великой государыни съ разными лицами и особенно съ барономъ Гриммомъ, и тщательное изданіе басень Хемпицера и писемъ Карамзина къ Дмитріеву.

„Какъ эти, такъ и другіе ваши многочисленные труды, простой перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, отвели вамъ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое вы по праву стяжали вашимъ 45-лѣтнимъ служеніемъ отечественному слову, вашею сляшкомъ 25-лѣтнею непрерывною и неустанною дѣятельностью въ средѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ послѣднемъ отношеніи ежегодные Отчеты по отдѣленію русскаго языка и словесности являлись живыми и неподкупными глашатаями передъ просвѣщеннымъ нашимъ обществомъ о вашихъ трудахъ по званію академика, и оно, всегда чуткое при оцѣнкѣ истинно полезныхъ дѣятелей, уже давно присоединило ваше имя къ именамъ тѣхъ членовъ этого высшаго ученаго учрежденія, которыхъ, по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій образованный Русскій.

„Но еще до вступленія вашего въ Академію Наукъ была по достоинству оцѣнена ваша профессорская дѣятельность, какъ въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ, гдѣ вы знакомили студентовъ не только съ русскимъ языкомъ, но и съ прошлыми судьбами нашего отечества, такъ и въ Александровскомъ лицѣѣ, — дѣятельность, оставившая много свѣтлыхъ воспоминаній въ слушателяхъ этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Мнѣ не слѣдовало бы здѣсь касаться вашихъ нравственныхъ качествъ, глубокоцѣнный юбиляръ, но я не посмѣлъ пройти молчаніемъ того, что извѣстно всѣмъ намъ, а именно, что вы постоянно стоите за все прекрасное, полезное, справедливое и честное; что вы дорожите усилъхами отечественнаго просвѣщенія, потому что любите Россію; что вы уважаете и цѣните отечественныхъ ученыхъ; что вы науку ставите выше всего и выдѣляете ее изъ обыденныхъ отноше-

ній, весьма часто мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что вы ни на шагъ не отступили отъ того, что сами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ сказали:

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ общаю
Всегда служить перомъ момъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если невзости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И ствѣхъ исчезнетъ благодатный.

„И вы не нарушали этого прекраснаго обѣта.

„Принося вамъ искреннее поздравленіе, какъ отъ себя, такъ и отъ имени отсутствующихъ товарищей по Отдѣленію, съ сегодняшнимъ многознаменательнымъ для васъ днемъ, я присоединяю къ моему привѣтствію сердечное желаніе, которое, безъ сомнѣнія, раздѣлитъ каждый, кому не чуждо умственное движеніе въ Россіи, чтобы вы продолжали еще десятки лѣтъ столь же успѣшно, какъ и доселѣ, трудиться надъ воздѣлываніемъ того поля, съ котораго сняли такую богатую жатву, и чтобы ваша полувѣковая ученая дѣятельность служила молодымъ поколѣніямъ поучительнымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ трудиться для науки и на пользу родины“.

Вполнѣ сочувственное впечатлѣніе произвела и послѣдовавшая затѣмъ рѣчь профессора и академика М. И. Сухомлинова:

„Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ! Сочлены ваши по второму отдѣленію Академіи Наукъ привѣтствуютъ васъ братскимъ привѣтомъ съ пройденнымъ вами поприщемъ, ознаменованнымъ такими важными, такими драгоценными вкладами въ русскую науку и литературу. Многіе годы вашего славнаго, вашего безупречнаго прошлаго посвящены Академіи Наукъ, съ которою вы сжились, и которую, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія, нельзя себѣ представить безъ васъ. Имя ваше пользуется громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ Россіи. Вашимъ трудамъ и заслугамъ отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живѣе выступаетъ потребность почтить заслуги наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія. С.-Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвелъ васъ въ степень доктора русской сло-

весности на основаніи того параграфа устава, по которому возводятся въ степень доктора знаменитые ученые. Московскій университетъ избралъ васъ почетнымъ членомъ при чествованіи памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

„Намъ, членамъ втораго отдѣленія, излишне было бы входить въ оцѣнку изумительно многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ вашихъ. Мы постоянно пользуемся ими въ нашихъ работахъ, а потому и нѣтъ надобности повторять словами то, что доказывается и подтверждается самимъ дѣломъ. Близкое же знакомство съ вашимъ благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій налагаетъ на насъ обязанность упомянуть о той сторонѣ нашей дѣятельности, которая вполне извѣстна только сочленамъ вашимъ по Академіи Наукъ.

„Какъ въ лѣтописи научныхъ трудовъ и предпріятій Академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни, имя ваше сохранится навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. Право на это вы приобрѣли отзывами и заявленіями своими по вопросамъ академической жизни. Всѣ заявленія ваши проникнуты уваженіемъ къ закону и законности и самую горячую заботливость о чести и достоинствѣ Академіи. Вы считаете обязанностью русскою Академіи содѣйствовать вступленію въ Академію достойныхъ русскихъ ученыхъ, и съ благородною ревностью заботитесь о томъ, чтобы удержать въ Академіи тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые рѣшаются преждевременно покинуть ее въ ущербъ и для Академіи, и для науки. Суть вашихъ дѣйствій и стремленій можно выразить такимъ образомъ: „Академія есть Академія Наукъ и существуетъ въ Россіи и для Россіи“. Руководясь этимъ началомъ, вы остаетесь вѣрны и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію Наукъ, и лучшимъ преданіемъ Академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бэра и другихъ свѣтилъ европейской науки; вмѣстѣ съ тѣмъ вы стоите на твердой почвѣ закона, какъ это блистательно доказывается достопамятнымъ постановленіемъ государственнаго совѣта, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

„Государственный совѣтъ недавнимъ своимъ постановленіемъ уничтожилъ тѣ преграды, которыя могли бы возникнуть для вступленія русскихъ ученыхъ въ Академію. При этомъ Академія впервые названа дорогимъ для нея именемъ, которымъ она называлась когда-то, и которое давнымъ-давно исчезло. Государственный совѣтъ называетъ Академію „русскою Академіей Наукъ“ и находитъ, что „весьма желательно, чтобы доступъ въ Академію для Русскихъ, подвизающихся на ученомъ поприщѣ, не былъ ограниченъ, но напротивъ того, под-

вергся нѣкоторому расширенію". Необходимость сего очевидна. Въ теченіе прошедшихъ съ изданія послѣдняго академическаго устава пятидесяти лѣтъ, ознаменовавшихся вообще большими успѣхами просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, наука приобрѣла себѣ въ немъ значительное число преданныхъ и талантливыхъ труженниковъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются имена, пользующіяся европейскою извѣстностію. Несомнѣнно, что этой національной нашей силѣ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, приличествуетъ мѣсто въ россійской Академіи Наукъ.

„Честь и слава русскимъ ученымъ, потрудившимся для науки и для Россіи въ истекшее пятидесятилѣтіе. Въ ряду этихъ незабвенныхъ труженниковъ науки вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Трудami своими вы проложили путь для послѣдующихъ поколѣній русскихъ ученыхъ, соединенныхъ съ вами внутреннею, живою связью.

Вы—утромъ вышли на работу,

Они—въ одиннадцатый часъ.

„Мудрый Хозяинъ пертограда“, распредѣляющій часы работы и жизни человѣческой, да сохранитъ васъ для новыхъ трудовъ на избранномъ вами поприщѣ. Дай Богъ, чтобы ваши труды и заслуги, ваши взгляды и мнѣнія встрѣчали всегда и всюду то искреннее, непритворное сочувствіе и то безграничное довѣріе, которымъ вы пользовались и пользуетесь въ средѣ ближайшихъ вашихъ товарищей—бывшихъ и настоящихъ членовъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ“.

Инспекторъ Императорскаго историко-филологическаго института Н. П. Некрасовъ высказалъ привѣтствіе юбиляру отъ этого заведенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Яковъ Карловичъ! Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ, выражая передъ вами свое глубокое уваженіе къ вашимъ полезнымъ трудамъ по русской филологіи, привѣтствуетъ день вашего пятидесятилѣтняго юбилея и искренно желаетъ, чтобы какъ ваша жизнь, такъ и соединенная съ нею ваша почтенная научная дѣятельность, длилась еще долго и долго на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Первое и третье отдѣленія Академіи Наукъ не принимали участія въ юбилеѣ, и только нѣкоторые изъ членовъ этихъ отдѣленій явились привѣтствовать Якова Карловича въ столь достопамятный день. Въ слѣдующіе за 6-мъ сентября дни юбилея посѣтили съ этою цѣлію между прочимъ академикъ О. В. Струве и вице-президентъ Академіи

Наука В. Я. Бунаковскій, объяснившій притомъ, что онъ не имѣлъ современныхъ свѣдѣній о днѣ празднованія.

Привѣтственные телеграммы и письма Яковъ Карловичъ началъ получать изъ разныхъ мѣстъ еще наканунѣ юбилейнаго дня, и затѣмъ поступленіе ихъ не прекращалось въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ торжества. Такъ Яковъ Карловичъ удостоился получить слѣдующую телеграмму отъ его императорскаго высочества герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго изъ замка Стайшъ, въ Баваріи: „Жалѣю, что не зналъ ранѣе о днѣ пятидесятой годовщины вашей ученой дѣятельности, чтобы присоединиться къ выразившимъ вамъ свои симпатіи и уваженіе, чувства, которыя я всегда питалъ къ вамъ съ самаго дѣтства. Да сохранитъ васъ Богъ надолго для славы науки въ Россіи! Герцогъ Николай Лейхтенбергскій“.

Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцевъ и секретарь его Г. О. Штендеманъ прислали привѣтственную телеграмму изъ Москвы отъ имени этого Общества, для котораго академикъ Гротъ также усердно трудился въ теченіе десяти лѣтъ.

Профессоръ В. С. Иконниковъ телеграммой изъ Кіева извѣстилъ юбиляра, что совѣтъ университета св. Владиміра единогласно избралъ Якова Карловича въ свои почетные члены. Привѣтствія закончились посѣщеніемъ С.-Петербургскаго городского головы И. И. Глазунова, который принесъ высокоуважаемому юбиляру поздравленіе отъ Петербургскаго городского общества.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1881 году: личный составъ преподавателей; преподавательскія вакансіи; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями; награды за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; публичныя лекціи; командировки съ учебною цѣлю; бюджетъ университета, свѣдѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; клиники; общество естествоиспытателей.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ концу 1881 года наличный составъ штатныхъ преподавателей былъ слѣдующій: на богословскомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 4, доцентовъ 1; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 1; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 12, доцентовъ 4, прозекторовъ 2, ученый аптекаръ 1; на историко-филологическомъ: ординарныхъ профессоровъ 10, доцентовъ 2, лекторовъ 4; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 10, астрономъ-наблюдатель 1. Сверхъ того состояли по штату: 1 профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, 1 преподаватель архитектуры (онъ же архитекторъ университета) и 5 учителей искусствъ. Всего штатныхъ преподавателей сверхъ профессора православнаго богословія, преподавателя архитектуры и 5 учителей искусствъ, было: ординарныхъ профессоровъ 41, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 8, прозекторовъ 2, лекторовъ 4, ученый аптекаръ 1, астрономъ-наблю-

датель 1, итого 65 лицъ. Сверхъ штата состоялъ одинъ ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Приватъ-доцентовъ было 6, по слѣдующимъ предметамъ: спеціальной патологіи, фармакологіи, славянской філологіи и исторіи литературы, химіи, физической химіи и ботаники. Вакантными были слѣдующія преподавательскія должности: профессоровъ историческаго богословія, фармакологіи, діететики и исторіи медицины и сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, двухъ доцентовъ, лектора англійскаго языка и учителя гимнастики и плаванія, всего 8 должностей. Вакантныхъ кафедръ было три: сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, историческаго богословія, фармакологіи, діететики и исторіи медицины. Для замѣщенія первыхъ двухъ кафедръ факультетами сдѣланы надлежащія сношенія, оставшіяся еще безъ результата; на кафедре же фармакологіи, діететики и исторіи медицины предложень учепый, избранный совѣтомъ университета и представленный на утвержденіе высшаго начальства. Въ теченіе года на преподавательскія въ университетѣ должности баллотировались 6 лицъ (2 въ ординарныя профессора, 1 въ экстраординарныя и 1 въ доценты); изъ нихъ 5 были избраны и 1 забаллотированъ (въ экстраординарныя профессора).

Въ 1881 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій 11, юридическій 12, медицинскій 13, историко-филологическій 12, физико-математическій 19. Относительно распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія измѣненій не произошло за исключеніемъ медицинскаго факультета, въ которомъ желающіе подвергнуться испытанію на званіе уѣзднаго врача должны сперва въ теченіе полугодія участвовать въ судебномедицинскихъ вскрытіяхъ и осмотрѣ труповъ. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями приняты были общія мѣры, именно: назначеніе стипендій и пособій, освобожденіе отъ взноса гонорара, присужденіе медалей за научныя труды, изданіе отличнѣйшихъ трудовъ на счетъ университетскихъ суммъ, производство испытаній семестральныхъ и на ученые степени; съ тою же цѣлію производились, независимо отъ обязательныхъ теоретическихъ лекцій по всѣмъ факультетамъ, бесѣды, репетиціи, практическія работы, письменныя упражненія, и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Результаты научныхъ занятій студентовъ обнаружались какъ на испытаніяхъ, такъ и въ письменныхъ трудахъ, представленныхъ ими въ факультеты для сонсканія наградъ и для приобрѣтенія ученыхъ степеней. Изъ числа сочиненій студентовъ особенно основа-

тельностью, полнотою и самостоятельностью отличались слѣдующія: въ богословскомъ факультетѣ: кандидата фонъ-Руктешеля— „Die Diakonenfrage des neuen Testaments im Blick auf die moderne Diakonenfrage“; въ юридическомъ факультетѣ: кандидатов: Гартмана— „Die Entwicklung des kurländischen Jagdrechts“, графа Потоцкаго— „Zur Lehre vom Jagdrecht“, Гёппера— „Die Rangordnung der Concursgläubiger nach dem revalschen Stadtrecht“, Витрама— „Die Regünstigung“, барона Вэра— „Ueber die Patrimonialgerichtsbarkeit in Kurland“; въ медицинскомъ: Кубли— „Die klinische Bedeutung der sogenannten Amyloidtumoren der Conjunctiva (nebst Mittheilung dreier neuer Fälle von Amyloidtumoren)“, фонъ-Штрика— „Zur Lehre von der Regeneration der Röhrenknochen“, Гофмана— „Ein Beitrag zur Physiologie und Pathologie der farblosen Blutkörperchen“, Воянуса— „Experimentelle Beiträge zur Physiologie und Pathologie des Blutes der Säugethiere“, Базинера— „Die Vergiftung mit Ranunkelöl, Anemonin und Carbol in Beziehung zu der Cantharidin-Vergiftung“, фонъ-Рентельна— „Beiträge zur forensischen Chemie des Solanin“, фонъ-Шульца— „Experimentelle Studien über Degeneration und Regeneration der Corneal-Nerven“, Штрауха— „Anatomische Untersuchungen über das Brustbein des Menschen mit besonderer Berücksichtigung der Geschlechtsverschiedenheiten“, фонъ-Фогеля— „Beobachtungen am Schlunde eines mit vollständigem Deficit der Nase behafteten Individuums“, Нейгебауера— „Zur Entwicklungsgeschichte des spondylolisthesischen Beckens und seiner Diagnose (mit Berücksichtigung von Körperhaltung und Gangspur“, Трефнера— „Beiträge zur Chemie der Laubmoose“, Грюнинга— „Beiträge zur Chemie der Nymphaeaceen“, Гертеля— „Versuche über Darstellung des Colchicins und über die Beziehungen desselben zum Colchicin und einigen anderen Zersetzungsproducten“, Манделина— „Untersuchungen über das Vorkommen und die Verbreitung der Salicylsäure in der Pflanzengattung Viola“; въ историко-филологическомъ: Шварца— „Beiträge zur Frage der gewerblichen Fortbildung der unteren Classen in Russland“, фонъ-Вецдриха— „Die Schräger der Domgilde und der Domzünfte zu Reval“, Вормса— „Sigibert I König der Franken“, Гёрца— „Juli Flori codex Nazarianus quanti habendus sit exponitur et exemplis illustratur“, Бауера— „Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanoff's zum Zaren von Russland“; въ физико-математическомъ факультетѣ: Пенгу— „Ueber Verminderung des Eiweissverbrauches durch Kohlehydrate im Organismus des Pflanzenfressers bei animalischer

Grundnahrung", Шульце—„Ueber die Ausdehnung der Titrirflüssigkeiten durch Wärme", Елагина—„Die geologisch-chemischen Verhältnisse der Mineralquellen von Pätigorsk", Колобова—„Untersuchungen an Gas- und Flüssigkeits-Einschlüssen im Quarz", Семирадскаго—„Krystallinische Geschiebe im westlichen Russland", Паульсона—„Chemische Beiträge zur Archäologie des Glases".

За представленія на предложенны факультетами темы сочиненія награждены медалями: золотыми—студенты: богословскаго факультета Рейнгольдъ Зебергъ, юридическаго факультета графъ Юсафать Платеръ-Зибергъ и Вольдемаръ Шухъ, медицинскаго—Оскаръ Леннигъ и историко-филологическаго—Адальбертъ Томбергъ; серебряными—студенты богословскаго факультета Эмилій Виленштейнъ и Георгій Нейкенъ. Названныя лица представили сочиненія на слѣдующія темы: Зебергъ и Виленштейнъ—„Ученіе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ о смерти и загробной жизни въ сравненіи съ таковымъ же ученіемъ ветхозавѣтнаго канона", Нейкенъ—на текстъ: „Посланіе къ Филиппійцамъ III, 12—16", графъ Платеръ-Зибергъ и Шухъ—„Историческое и догматическое изложеніе ученія о рецидивѣ", Леннигъ—„Химическое изслѣдованіе дикой рябички или лижмы, обращающая вниманіе на танацетовую кислоту и отношенія къ ней сантонины", Томбергъ—„О вліяніи Гомеровою поэзіи на художества древняго міра".

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ Дерптскомъ университетѣ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующія сочиненія и статьи учено-литературнаго содержания: профессора: А. фонъ-Эттингенъ напечаталъ „Ueber acuten und chronischen Selbstmord" и помѣстилъ въ Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft статью „Ueber methodische Erhebung und Beurtheilung criminalstatistischer Daten"; Фолькъ помѣстилъ нѣсколько статей эзегетическаго содержания въ Herzog-Plitt-theologische Realencyclopädie; М. фонъ-Энгельгардтъ напечаталъ въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland статью: „Ueber ein kirchengeschichtliches Thema"; Мюлау помѣстилъ нѣсколько статей по библейской географіи въ Riehm-biblisches Handwörterbuch; Ф. Герпельманъ напечаталъ одну проповѣдь и три надгробныя рѣчи и помѣстилъ нѣсколько рецензій въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ; Энгельманъ помѣстилъ въ Baltische Monatschrift двѣ статьи: „Der sbawin, ein russischer Staatsmann" и „Die Aufhebung der Leibeigenschaft in Russland"; Эрдманъ напечаталъ „Der Tod und Recht"; Лё-

НИИГЪ помѣстилъ въ Schmoller-Jahrbuch für Gesetzung und Verwaltung статью: „Ueber das deutsche Verwaltungsrecht“; Бётхеръ напечаталъ въ Virchow-Archiv статью: „Noch einmal die amijloide Degeneration des Leber“; Драгендорфъ напечаталъ двѣ статьи: „Die qualitative und quantative Analyse von Pflanzen und Pflanzentheilen“ и „Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft“ и помѣстилъ: въ Mascka-Handbuch der gerichtlichen Medicin—„Die Untersuchung von Blutspuren“, въ Pharmaceutische Zeitschrift für Russland—„Ueber die Prüfung des Bier auf fremde Bitterstoffe“ и „Gerichtlich-chemische Prüfung von Nahrungs-und Genussmitteln“ и въ Archiv für Pharmacie—„Aufsuchung von Phosphor im Harn“; фонъ-Гольстъ напечаталъ „Conception termin und Schwangerschaftsdauer“ и помѣстилъ въ Petersburger medicinische Wochenschrift двѣ статьи: „Beobachtungen von Wochenbettscharlach“ и „Neuralgie des Trigemini, geheilt durch Amputation der portio vaginalis“; Л. Стида напечаталъ: Untersuchungen über die Entwicklung der glandula Thymus, glandula thyreidea und glandula carotica“ и помѣстилъ двѣ статьи: въ Archiv für Anthropologie—„Der V archäologische Congress in Tiflis“ и въ Russische Revue—„Die Arbeiten der Moskauer anthropologischen Ausstellung“; фонъ-Валь помѣстилъ статьи: въ Gerhardt-Handbuch der Kinderheilkunde—„Krankheiten der Knochen und Gelenke im Kindesalter“ и въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift—„Einiges über Gefäßverletzungen“; Гофманъ напечаталъ въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift статью: „Bedeutung der Eiweissbestimmungen in Ascitusflüssigkeiten“; Рельманъ напечаталъ въ Дертъ: „Statistische Jahresbericht der Dorpater ophthalmologischen Klinik“, „Ueber die Veränderung der Fusionstendenz bei veränderter Blickrichtung und über die Augenstellung in den Secundarstellungen“, „Ueber relative Insufficienz der inneren Augenmuskeln“ и „Ueber Nystagmus und Keratitis nach Variola“, и помѣстилъ въ периодическихъ изданіяхъ: въ Archiv für Ophthalmologie—„Ueber Amyloid-Degeneration der Conjunctiva“, въ Zehender-Klinische Monatsblätter für Augenheilkunde—„Ueber die optischen Wirkungen hyperbolischer Gläser“, „Absolute Blindheit seit zwei Monaten in Folge von Glaucom mit Wiederherstellung des Schwermögens“ и „Beitrag zur Casuistik der Augenmuskellähmungen“, въ Virchow-Archiv—„Ueber hyaline und amyloide Degeneration der Conjunctiva“, и въ Archiv für Anatomie und Physiologie—„Mittheilungen über Untersuchungen der physiologischen Functionen der Peripherie der Netzhaut“; Мейеръ напечаталъ статьи: въ Göt-

tinger gelehrte Anzeigen—„Besprechung der griechischen Grammatik von Gustav Meyer“, въ Bezenberger-Zeitung—„Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen“ и „Ueber caries-und ληγω“; Врикнеръ помѣстия статьи: въ Russische Revue—„Zur Geschichte Catharina II (über Grimm's Briefe an die Kaiserin“, „Archivalien zur Geschichte Catharina's“ и „Die Instruction der Kaiserin Catharina II“, въ Historische Zeitschrift—„Zur Geschichte Peter's des Grossen“, въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Ф. Х. Веберъ“, „Большая Коммиссія“, въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Путешествіе Петра Великаго за границу въ 1716 и 1717 гг.“ и „Путешествіе императрицы Екатерины въ Могилевъ въ 1780 году“, въ Историческомъ Вѣстникѣ—„Князь Щербатовъ, какъ членъ Большой Коммиссіи“ и „Путешествіе императрицы Екатерины II въ 1785 году“; Тейхмюллеръ напечаталъ: въ Бреславлѣ—„Literarische Fehden im IV Jahrhundert vor Christo“ и въ Дерптѣ—„Pädagogisches. Zur Revision des Lehrplanes unserer Gynnasien“; В. Гершельманъ помѣстия въ Rheinisches Museum двѣ статьи: „Untersuchungen zur Geschichte der griechischer Metriker“ и „Zu Alcaeus“; Мендельссонъ напечаталъ въ Лейпцигѣ: „Appiana historia romana. Bd. II“; В. Стида помѣстия статьи: въ Baltische Wochenschrift—„Steinkohlen Production und Consumtion in Russland“, „Export-und Import—Handel der Ostseehäfen, im Jahre 1880“, рецензію статью: „Jordan—Revaler Handelsstatistik“ и „Timirjaseff's Zolltarif für Russland“, въ Conrad Jahrbücher für Nationalöconomie und Statistik“ и „Zur gewerbpolitischen Literatur der letzten Jahre in Deutschland“, въ Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandel's—„Zur Geschichte des Buchhandel's in Riga“ и въ Baltische Monatsschrift—„Zur bevorstehenden Volkszählung“; Лёшке напечаталъ: въ Archäologische Zeitung—„Dreifussvase aus Tanagra“, въ „Deutsche Literaturzeitung—рецензію статью: „A. Fustwaengler Satyr aus Pergamon“ и въ Baltische Monatsschrift—„Notiz über die preisgekrönten Entwürfe zum Denkmal für K. E. von Baer“; Гаусманъ помѣстия статьи: въ Deutsche Biographie—„Andreas Knopken“ и „Christian Kelch“, и въ Sitzungsberichte der Dorpater gelehrten estnischen Gesellschaft—„Ueber alte livländische Kirchenbücher“; Вальцъ напечаталъ въ Baltische Monatsschrift статью: „Ueber eine wichtige Handschrift des bischöflich ermländischen Archiv's zu Frauenburg“; Висковатовъ помѣстия: въ Русской Старинѣ, Новомъ Времени, Кавказѣ и Neue Dörptsche Zeitung—„Отчеты о путешествіи для розысканія материаловъ для біографіи Лермонтова и свѣдѣнія относительно въ-

которыхъ археологическихъ находокъ“, въ журналѣ Русская Мысль— „Шесть главъ біографіи Лермонтова (юность поэта) и въ Новомъ Времени— „Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ“; К. Шмидтъ напечаталъ статьи: въ Mémoires de l'Académie Impériale de St.-Petersbourg— „Boden-und Wasseruntersuchungen aus dem Ferghana und Sujr-Darja-Gebiete“, въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg— „Untersuchungen der von N. Przewalski auf seiner zweiten Tibet-Reise 1879.—1880 geschöpften Wasserproben“ и въ Baltische Wochenschrift— „Chemische Untersuchung der Schwarzerde der Gouvernements Ufa und Ssamara“; Гельмлингъ напечаталъ: „Untersuchungen über die linearen Differentialgleichungen der dritten Ordnung“, и помѣстилъ въ Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg статью: „Neue Integrationswege“; Гревингъ напечаталъ: въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft— „Ueber Reste quartärer ganz oder local ausgestorbener Säugethiere der Ostseeprovinzen“ и „Unterseeische Auswächung ostbaltischer Dolomite“, въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft— „Neues Vorkommen subfossiler Thierreste und Knochengeräthe“, „Ueber ein Nephrit—Beil zum Reiseberichte des Ibrahim-ibn-Iakub über die Altgriechen und Westslaven“ и „Eine ostsibirische Gräberstätte des Steinalters“; Руссовъ помѣстилъ въ Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft три статьи: „Ueber die Verbreitung des Callusplatten bei den Gefässpflanzen“, „Ueber den anatomischen Bau der Laubspitze der Coriargeen“ и „Ueber die Entwicklung des Hoftüpfels, der Membran der Holzellen und des Jahresinges bei den Abiastinneen, in erster Linie von Pinus silvestris“; Бруннеръ напечаталъ въ Baltische Wochenschrift статью: „Ueber Lagermetalle und Schmiermittel, insbesondere die russischen Mineralöle und ihre Vorzüge gegenüber den fetten Oelen“; Вейраухъ помѣстилъ три статьи въ Schlömilch-Archiv für Mathematik und Physik: „Über die Polynomentwicklung“, „Werthe einiger doppelt-orthosymmetrischen Determination“ и „Ein Satz vom ebenen Viereck“; Эминннгаузенъ изготовилъ для университетскаго акта рѣчь подъ заглавіемъ: „Ueber den Werth und die Tragweite des klinischen Unterrichts in der Psychiatrie“; рѣчь эта издана на счетъ суммъ университета. Доценты: Бонветшъ напечаталъ въ Эрлангенѣ „Zur Geschichte des Montanismus“ и помѣстилъ въскольکو рецензій въ Luthardt-theologisches Literaturblatt и Schürer-theologische Literaturzeitung; Бергбомъ помѣстилъ въ Rigische Zeitung: рецензію сочиненія профессора Мартенса: „Восточная война и Брюссельская

конференціа" и двѣ статьи: „Die bewaffnete Neutralität" и „Das Wahlrecht und die Literaten"; Кохъ напечаталъ статьи: въ Deutsche medicinische Wochenschrift—„Kritik der Kopfverletzungen von Bergmann's" и въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift—„Ueber Unterbindungen der Unterschenkel Gefäße, namentlich der Tibialis portica im obern Drittel". Прозекторъ Браунъ напечаталъ: въ Вюрцбургъ—„Die Entwicklung des Wellenpapagei's (*Melopsittacus undulatus*) mit Berücksichtigung der Entwicklung anderer Vögel. Erste Hälfte, zweiter Theil, mit Taf. X—XIV", въ Дерптъ—„Auf welche Weise inficirt sich der Mensch mit Parasiten", и помѣстилъ въ периодическихъ изданіяхъ статью: въ Zoologischer Anzeiger—„Ein Fall von Schwanzbildung bei einem Erwachsenen", „Ueber die Geschlechtsverhältnisse bei *Hali-sarca lobularis*" и „Zur Frage des Zwischenwerthes von *Bothriocephalus latus*", въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift—„Schwanzbildung bei einem Erwachsenen", въ Archiv für Anthropologie—„Ueber rudimentäre Schwanzbildung bei einem erwachsenen Menschen; mit einer lithographirten Tafel", въ Archiv für Naturkunde Liv-Est-und Curland—„Beiträge zur Fauna baltica" и „Ueber Dorpater Brunnenplanarien" и нѣсколько рефератовъ въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift и въ Baltische Wochenschrift. Лекторъ Веcke напечаталъ „Finnische Sprachlehre. Th. I. Kurzgefasste Grammatik" и помѣстилъ въ Sitzungsberichte des gelehrten estnischen Gesellschaft двѣ статьи: „Ueber einige alte Wortformen in den ältesten estnischen Büchern" и „Ueber einige alte Verbalformen in den estnischen Volksliedern". Астрономъ-наблюдатель Линдштедтъ помѣстилъ въ Astronomische Nachrichten статью „Elemente und Beobachtung des grossen Cometen Gould". Приватъ-доцентъ Подвысоцкій напечаталъ въ Zeitschrift für experimentelle Pathologie und Pharmacologie статью: „Ueber Podophyllin".

Нѣкоторые изъ служащихъ въ университетѣ читали публичныя лекціи, именно: профессора: Ал. фонъ-Эттингенъ — „Объ остромъ и хроническомъ самоубійствѣ"; Энгельманъ—„О Державинѣ, какъ русскомъ государственномъ дѣятелѣ"; Эрдманъ — „О смерти въ правѣ"; фонъ-Роландъ—„О карательной лжи"; Л. Стида—„Объ антропологій Индусовъ" и „Объ антропологическихъ таблицахъ"; Тейхмюллеръ — „О значеніи Платона и Аристотеля для современнаго образованія"; Бринверъ — „О путешествіяхъ Петра Великаго и Екатерины II"; Лёшке — „О почитаніи поволжниковъ и объ украшеніяхъ могилъ въ Греціи"; Арт. фонъ-Эттингенъ — „Объ основныхъ началахъ перспективы"; Руссовъ — „Объ отношеніи анилина къ мозолистому веществу

рѣшетчатыхъ трубокъ"; „О распространеніи мозолистыхъ образованій; объ анатоміи кожевокъ; о строеніи и развитіи капальчиковыхъ полостей"; Бруннеръ—„О гончарныхъ издѣліяхъ"; Вейраухъ — „О буряхъ"; Гельмингъ—„Объ пзмѣненіяхъ въ физическихъ возрѣніяхъ въ настоящемъ столѣтіи". Доценты: Боиветшъ — „О Тертуліанѣ"; Бергбомъ — „О великихъ и малыхъ государствахъ"; Мазингъ — „О ландшафтномъ вкусѣ Италіанцевъ". Профессоръ Браунъ — „О двухъ новыхъ планаріяхъ, замѣчаемыхъ въ Дерптѣ, и о мѣстѣ, принадлежащемъ имъ въ системѣ" и „О встрѣчаемыхъ въ окрестностяхъ Дерпта видахъ дождевыхъ червей". Приватъ-доцентъ Соколовъ — „О древне-индійской жизни".

Въ 1881 году совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ 9 засѣданій. Постановленій относительно раздѣленія факультетовъ на отдѣленія, соединенія или раздѣленія кафедръ и замѣненія отдѣльныхъ кафедръ другими не послѣдовало. Въ правилахъ для студентовъ сдѣлано измѣненіе въ томъ смыслѣ, что въ пользу штатныхъ суммъ клиническихъ заведеній впредь пополугодно будетъ взиматься плата въ 3 руб. какъ со студентовъ, такъ и съ постороннихъ слушателей, участвующихъ въ практическихъ упражненіяхъ, при которыхъ употребляются доставляемые на средства университета трупы, и сверхъ того полугодная плата по 4 руб. со всѣхъ посѣщающихъ постоянныя клиники университета. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: магистръ Наоан. Вопветшъ — по предмету богословія, Фридр. Штейнманъ, Арт. Цандеръ, Густ. Рюккеръ, Θεод. Кубли, Никол. фонъ Штрикъ, Эдм. Омсъ, Пав. Фаберъ, Рих. Отто, Никол. Германъ, Ферд. Гофманъ, Никол. Боянусъ, Ад. Бергманъ, Альфр. Вазинеръ, Карл. фонъ Рентельцъ, Фридр. Шультцъ, Евг. Янсенъ, Максъ Штраухъ, Густ. фонъ Фогель, Юс. Лукашевичъ, Ксав. Домбровскій, Францъ Нейгебауеръ, и Руд. Гервагенъ — медицины; б) въ степени магистра: кандидаты: Эд. Гебгардтъ — древне-классической филологіи, баронъ Бор. Вольфъ—политической экономіи и Герм. Штруве—чистой математики; провизоры: Эд. Трефнеръ, Вильг. Грюнингъ, Иоан. Гертель и Карлъ Манделинъ — фармаціи. Затѣмъ утверждены: въ степени кандидата—36 (по богословскому факультету 4, по юридическому 15, по историко-филологическому 11, по физико-математическому 6); въ званіи дѣйствительнаго студента — 29 (по богословскому факультету 9, по юридическому 13, по историко-филологическому 5, по физико-математическому 2); въ степени лекаря — 24, въ званіи уѣзднаго

прача—3, провизора — 46, аптекарскаго помощника — 66, зубнаго праца — 3. Для приготовленія въ профессорскому званію командированы на два года: за границу: магистръ Энманъ — по всеобщей исторіи, и кандидатъ Кнауеръ — по нѣмецкому и сравнительному языковѣдѣнію; въ университеты имперіи Базинеръ—по древне-классической филологіи.

Изъ числа профессоръ и преподавателей университета командированы были съ ученою цѣлю: а) за границу: профессора; Фолькъ— для участія въ международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Берлипѣ, Лѣнингъ — для окончанія издаваемой имъ исторіи церковнаго права, и фонъ-Роландъ—для собранія матеріала къ приготовляемому имъ изданію германскаго военнаго уголовнаго права, и доценты: Рейгеръ—для участія въ конгрессахъ: въ Вѣнѣ — общественной гигиены и въ Зальцбургѣ — германскихъ естествоиспытателей и врачей, и Бунге — для продолженія предпринятыхъ имъ занятій по физиологіи органовъ чувствъ; б) внутри Россіи: профессора: Фонъ-Валь—въ Москву, профессора Брикнеръ, Висковатовъ и Л. Стида—въ Тифлисъ, для присутствованія на происходившемъ тамъ V археологическомъ съѣздѣ.

Денежныя средства Дерптскаго университета пахотились въ слѣдующемъ положеніи: штатныя суммы: оставалось къ 1-му января 1881 года отъ предыдущихъ смѣтъ 6,011 руб. 99 коп., на содержаніе университета въ 1881 году ассигновано изъ государственнаго казначейства 251,272 руб. 64 коп., въ теченіе года израсходовано 252,562 руб., затѣмъ къ 1-му января 1882 года имѣлось остатка 4,721 руб. 77 коп.; спеціальныя средства: а) сбора со студентовъ въ пользу университета, за матрикулы и за пользованіе больныхъ въ клиникахъ оставалось отъ 1880 года 4,225 руб. 58 коп., въ теченіе 1881 года поступило 18,193 руб. 47 коп., въ тотъ же срокъ израсходовано 20,549 руб. 17 коп., къ 1-му января 1882 года осталось на лицо 1,869 руб. 88 коп.; б) пожертвованныхъ суммъ наличными и въ билетахъ къ началу 1881 года въ остаткѣ имѣлось 69,398 руб. 61 коп., въ 1881 году поступило 5,518 руб. 30 коп., израсходовано въ теченіе года 5,534 руб. 68 коп., къ началу 1882 года оставалось 69,382 руб. 23 коп. Главнѣйшіе расходы изъ спеціальныхъ средствъ были слѣдующіе: жалованье сверхштатному ординарному профессору Вальтцу 2,352 руб., на усиленіе штатной суммы для института сравнительной анатоміи 998 руб., на усиленіе штатной суммы терапевтической клиники 900 руб., квартирныхъ педелямъ 700 руб., на усиленіе штатной суммы библіотеки 800 руб., въ награду двумъ помощникамъ биб-

ліотекаря 500 руб., на усиленіе штатной сумми бібліотеки по отдѣлу богословскаго факультета 500 руб., на наемъ полицейскихъ нижнихъ чиновъ 500 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1881 года находилось 1,065, въ теченіе 1881 года вновь поступило 398 (изъ другихъ университетовъ 28, изъ гимназій 250, аптекарскихъ помощниковъ 32, вторично поступившихъ 88), въ теченіе года выбыло 299 (до окончанія курса 173, по окончаніи курса 126); затѣмъ къ 1-му января 1882 года состояло на лицо 1,664, которые распреждались слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ и ихъ отдѣленіямъ: въ богословскомъ факультетѣ 157, въ юридическомъ 208 (изучавшихъ правовѣдѣніе 206, изучавшихъ дипломатію 2), въ медицинскомъ 551 (изучавшихъ медицину 476, изучавшихъ фармацію 75), въ историко-филологическомъ 160 (на историко-филологическомъ отдѣленіи 128, на камеральномъ 32), въ физико-математическомъ 88 (на математическомъ отдѣленіи 37, на отдѣленіи естественныхъ наукъ 51); б) по вѣрноповѣданіямъ: православныхъ 65, армяно-грегоріанъ 1, римско-католиковъ 86, лютеранъ 924, реформатовъ 25, евреевъ 63; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 421, духовнаго званія 157, почетныхъ гражданъ и купцовъ 237, мѣщанъ и разпочинцевъ 215, крестьянъ 91, иностраннхъ подданныхъ 43; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 1,011, семинаристовъ 1, изъ другихъ учебныхъ заведеній 78, аптекарскихъ помощниковъ 74; д) по учебнымъ округамъ, въ районахъ которыхъ находятся заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго округа 125, Московскаго 9, Казанскаго 5, Харьковскаго 5, Одесскаго 6, Кіевскаго 6, Виленскаго 7, Варшавскаго 26, Дерптскаго 944, изъ заграничныхъ заведеній 31. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1881 году 1,463 студентовъ стипендіями пользовались 58 на сумму 10,976 руб. 22 коп., въ томъ числѣ 30 получили 6,969 руб. 41 коп. изъ суммъ государственнаго казначейства, а 28 — 4,006 руб. 81 коп. изъ пожертвованныхъ капиталовъ. Пособіями воспользовались 58 студентовъ на сумму 1,115 руб. изъ средствъ казны. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій 195 на общую сумму 2,925. Такимъ образомъ вспомоцествованія разными способами оказаны были 287 студентамъ на сумму 15,016 руб. 22 коп. Въ теченіе года ни одинъ стипендіатъ не лишился производившейся ему стипендіи. Постороннихъ слушателей поступило въ 1881 году 42 (22 изъ другихъ университетовъ, 12 изъ гимназій и 8 вторично поступившихъ); всѣ они выбыли въ теченіе года: 28 до окончанія курса и 14 по окончаніи курса.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета находились къ 1-му января 1882 года въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ числилось: книгъ 85,183 сочиненія 130,420 томовъ на сумму 364,297 руб., періодическихъ изданій 510 названій 13,411 томовъ на 43,388 руб., рукописей 733 тома и тетради на 2,326 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей и проч. 5,901 листъ, диссертаций 68,428 номеровъ на 6,843 руб. Библіотекою пользовались въ теченіе года 917 студентовъ. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: книгъ и эстамповъ 1,324 сочиненія 1,495 томовъ, періодическихъ изданій 36 названій 217 томовъ, всего на 15,336 руб., древностей, снимковъ, монетъ, медалей, фотографій 15,163 номера 15,232 экземпляра на 17,317 руб. Въ математическомъ кабинетѣ: книгъ 135 сочиненій 209 томовъ на 612 руб., періодическихъ сочиненій 5 названій 112 томовъ на 567 руб., инструментовъ и аппаратовъ 135 номеровъ на 2,402 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ 83 сочиненія 152 тома на 340 руб., періодическихъ изданій 14 названій 290 томовъ на 665 руб., таблицъ, картъ, инструментовъ и аппаратовъ 851 номеръ 1,100 экземпляровъ на 11,736 руб. Въ кабинетѣ этомъ въ I и II семестрахъ занимались опытными физическими изслѣдованіями 12 студентовъ. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ 591 сочиненія 816 томовъ на 968 руб., инструментовъ и аппаратовъ 175 номеровъ 193 экземпляра на 5,562 руб. Практическія упражненія на обсерваторіи не производились за неимѣніемъ удобнаго помѣщенія. Въ химическомъ кабинетѣ: книгъ 199 сочиненій на 1,034 руб., періодическихъ изданій 14 въ 77 номерахъ 505 томовъ на 1,646 руб., мебели, аппаратовъ, инструментовъ и проч. 723 номера 798 экземпляровъ на 15,757 руб. Въ лабораторіи при этомъ кабинетѣ занимались практическими работами и аналитическими изслѣдованіями: въ I семестрѣ 28, во II—20 студентовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 599 сочиненій 713 томовъ на 1,358 руб., періодическихъ изданій 94 названія 435 томовъ на 1,018 руб., картъ, рисунковъ, моделей, препаратовъ, инструментовъ, мебели, минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей 37,602 номера 37,889 экземпляровъ на 26,329 руб. Практическими работами, въ особенности же упражненіями въ опредѣленіи и изслѣдованіи минераловъ, кристалловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей занимались 20 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: книгъ 66 сочиненій 181 томъ на 575 руб., періодическихъ сочиненій 2 названія 108 томовъ на 139 руб., рисунковъ, моделей и проч. 68 номеровъ 107 экземпляровъ на 210 руб., коллек-

цій животныхъ, яицъ, гнѣздъ, препаратовъ и проч. 17,016 нумеровъ на 15,626 руб. Въ ботаническомъ садѣ и ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 314 сочиненій 486 томовъ на 808 руб., періодическихъ сочиненій 8 названій 100 томовъ на 479 руб., рисунковъ и картъ 59 названій 78 листовъ на 152 руб., сушеныхъ растений, коллекцій восковыхъ, гипсовыхъ и другихъ моделей, оранжерейныхъ и плодосныхъ растений, деревьевъ, кустарниковъ, кустовъ и травъ 36,278 нумеровъ 162,312 экземпляровъ на 11,234 руб. Лекціи по общей ботаникѣ посѣщали 118, по медицинской и фармацевтической ботаникѣ 30 и по анатоміи древесныхъ растений 5 студентовъ. Въ практическихъ упражненіяхъ посредствомъ микроскопа участвовали: въ I семестрѣ 13, во II семестрѣ 7 студентовъ. Въ экономическомъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: книгъ 160 сочиненій 290 томовъ, періодическихъ изданій 14 названій 496 томовъ, всего на 2,352 руб., препаратовъ, моделей, инструментовъ и аппаратовъ 1,197 нумеровъ на 7,218 руб. Практическими работами, а именно: изслѣдованіями о естественныхъ и искусственныхъ средствахъ удобренія, о кормовыхъ веществахъ, занимались: въ I семестрѣ 2, а во II семестрѣ 4 студента. Въ опытной станціи для испытанія сѣмянъ изслѣдовано значительное число сельско-хозяйственныхъ сѣмянъ относительно чистоты и способности прозябанія, и студенты сельскаго хозяйства обучались этимъ приѣмамъ. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ 1,205 сочиненій 1,655 томовъ на 3,428 руб., періодическихъ изданій 94 названія 840 томовъ на 8,633 руб., аппаратовъ и инструментовъ 163 нумера 177 экземпляровъ на 32,573 руб. Практическими работами занимались 7 студентовъ. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ 54 сочиненія 94 тома, періодическихъ изданій 14 названій 324 тома на 1,500 руб., препаратовъ, реакенцій, москотильныхъ товаровъ, коллекцій смолъ и проч. 9,161 нумеръ 24,819 экземпляровъ на сумму 20,244 руб. Въ практическихъ упражненіяхъ участвовало: въ I семестрѣ 81, во II семестрѣ 89 студентовъ. Научными, болѣе обширными работами занимались 17 лицъ, изъ числа ихъ трудовъ многіе напечатаны въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ анатомическомъ институтѣ: книгъ 358 сочиненій 367 томовъ на 1,764 руб., періодическихъ изданій 13 названій 50 томовъ на 394 руб., рисунковъ 14 листовъ на 79 руб., статуй, моделей, препаратовъ и проч. 1,032 нумера 1,129 экземпляровъ на 6,702 руб. Труповъ доставлено было 139, изъ которыхъ 101 трупу употреблено по анатоміи, а 38 по хирургіи. Изслѣдованіями труповъ занимались: въ I се-

мestрѣ 98, во II — 84 студента. Въ институтѣ сравнительной анатоміи: книгъ 1,621 сочиненіе 2,463 тома на 1,771 руб., періодическихъ изданій 20 названій 145 томовъ на 601 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели и проч. 2,996 номеровъ 5,556 экземпляровъ на 13,060 руб. Практическими упражненіями и изслѣдованіями занимались: въ I семестрѣ 31, во II—39 студентовъ. Въ физиологическомъ институтѣ: книгъ 374 сочиненія 471 томъ на 796 руб., періодическихъ изданій 32 названія 207 томовъ на 698 руб., картъ, рисунковъ, аппаратовъ, препаратовъ и проч. 351 номеръ на 6,714 руб. Изслѣдованія о крови въ физиологическомъ и патологическомъ отношеніи занимались 3 студента. Въ патологическомъ институтѣ: книгъ 151 сочиненіе 185 томовъ на 389 руб., періодическихъ изданій 4 названія 53 тома на 245 руб., инструментовъ и препаратовъ 1,906 экземпляровъ на 4,548 руб. Опытными изслѣдованіями о перерожденіи и возрожденіи нервовъ роговой оболочки занималось одно лицо. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: книгъ 28 сочиненій 42 тома на 207 руб., періодическихъ изданій 10 названій 109 томовъ на 528 руб., москотильныхъ товаровъ, препаратовъ, инструментовъ и проч. 1,230 номеровъ на 4,716 руб. Научными изслѣдованіями занималось одно лицо. Въ рисовальномъ заведеніи: книгъ и періодическихъ изданій 55 названій на 462 руб., картинъ, рисунковъ, эстамповъ, литографій и фотографій 4,177 номеровъ на 6,197 руб., утвари 106 экземпляровъ на 70 руб. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: книгъ и періодическихъ изданій 459 названій 517 томовъ, картъ, эстамповъ, рисунковъ 89 листовъ, древностей 3,028 номеровъ, всего въ музеѣ на 9,010 руб. Въ собраніи предметовъ по библейской и церковной археологій: книгъ и періодическихъ изданій 104 сочиненія 142 тома, фотографій, древне-христіанскихъ глиняныхъ лампъ и мебели 1,184 номера, всего на 640 руб. Въ статистическомъ кабинетѣ, учрежденномъ въ 1881 году: книгъ 23 сочиненія 163 тома на 372 руб., періодическихъ сочиненій 3 названія 62 тома на 128 руб. Въ клиникахъ: въ медицинской: книгъ 635 сочиненій 775 томовъ на 2,127 руб., періодическихъ изданій 5 названій 37 томовъ на 384 руб., аппаратовъ 36 номеровъ на 1,364 руб., въ хирургической: книгъ 807 сочиненій на 1,387 руб., періодическихъ изданій 29 названій 102 тома на 924 руб., фотографій, аппаратовъ, инструментовъ и проч. 1,546 номеровъ на 4,334 руб.; въ офтальмологической: книгъ 582 сочиненія 683 тома, періодическихъ изданій 10 названій 180 томовъ, всего на 1,967 руб., инструментовъ, аппаратовъ и проч. 475 номеровъ 491

экземпляръ на 2,302 руб.; въ акушерской и женской: книгъ 998 сочиненій 1,198 томовъ на 2,078 руб., періодическихъ изданій 16 названій 229 томовъ на 727 руб., аппаратовъ, инструментовъ и проч. 613 номеровъ на 2,049 руб.; въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы: книгъ и атласовъ 8 названій на 17 руб., картъ, таблицъ, мебели, аппаратовъ и проч. 101 номеръ 156 экземпляровъ на 809 руб.; въ клиникѣ для нервныхъ и душевныхъ болѣзней: книгъ 43 сочиненія 67 томовъ на 130 руб., періодическихъ изданій 2 названія 17 томовъ на 40 руб., мебели, инструментовъ и аппаратовъ 430 экземпляровъ на 2,770 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: Въ медицинской клиникѣ (98 практикантовъ): къ 1-му января 1881 года состояло 6, въ теченіе года принято 238, изъ нихъ выздоровѣло 70, получило облегченіе или оказались неизлѣчимыми 141, умерло 29, къ 1-му января 1882 года оставалось 4; въ хирургической (117 практикантовъ): состояло къ 1-му января 1881 года 28, пришло 408, выздоровѣло 281, получили облегченіе или оказались неизлѣчимыми 104, умерло 31, осталось къ 1882 году 20; въ офтальмологической (37 практикантовъ): къ 1881 году поступило 214, выздоровѣло 32, вышло 181; къ 1882 году оставался 1; въ акушерской и женской (155 практикантовъ): оставалось отъ 1880 года 4, въ 1881 году принято 136, выздоровѣло 99, вышло 34, умерло 4, къ 1882 году состояло 3; въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы (7 практикантовъ): въ 1881 году поступило 246, выздоровѣло 200, вышло 36, умерло 10; вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ послѣдованій произведено было 78; въ отдѣленіи терапевтической клиники для нервныхъ и душевныхъ болѣзней (практикантовъ 10): оставалось отъ 1880 года 4, въ 1881 году поступило 67, выздоровѣло 9, вышло 19, умерло 2, къ 1-му января 1882 года состояло на лицо 41.

При Дерптскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей, составъ и дѣятельность котораго въ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Общество имѣло 187 членовъ, въ томъ числѣ: 22 почетныхъ, 149 дѣйствительныхъ и 16 членовъ-корреспондентовъ. Общество имѣло въ теченіе года 8 засѣданій, на которыхъ 16-ю членами сдѣлано 32 сообщенія. Протоколы засѣданій вышли I выпускомъ VI тома, и издаваемое Обществомъ періодическое изданіе „Archiv für die Naturkunde Liv, Est-und Curland's“ увеличилось двумя выпусками, въ которыхъ помѣщены статьи: г. Панша — „Beiträge zur Flora Estland's“, и Е. Брауна — „Ueber Dogpater Brunnenplana-

rien". Общество обмѣниваетъ свои изданія съ 140 другими Обществами и корпораціями, изъ числа которыхъ 34 состоятъ въ Россіи и 106 за границею. Въ 1881 году библіотека Общества обмѣномъ или въ видѣ подарка получила 114 періодическихъ изданій, 425 сочиненій и 31 диссертацію. Коллекціи Общества также обогащены разными подарками. Правленіе Общества, состоящее изъ предсѣдателя, вице-президента и казначея, имѣло 4 засѣданія. Въ 1881 году въ кассу Общества поступило доходомъ 890 руб. 61 коп., которые израсходованы на напечатаніе Сборника Общества и протоколовъ засѣданій, а также на поѣздки съ научною цѣлю, на пополненіе библіотеки, коллекцій и на разные предметы по части административной. Съ 1882 года Общество имѣетъ получать изъ суммъ государственнаго казначейства пособие по 500 руб. въ годъ.

Сѣздъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда въ 1881 году.

Сѣздъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда былъ разрѣшенъ вслѣдствіе ходатайства уѣздной земской управы и происходилъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ директора Новоторжской учительской семинаріи А. Г. Баранова. Для собраній сѣзда управою было назначено довольно обширное помѣщеніе Лямской земской школы.

Запятія на сѣздѣ начались 20-го сентября и продолжались четыре дня, то-есть, 20-го, 21-го, 22-го и 23-го сентября. Къ назначенному времени собрались всѣ наличные учителя и учительницы земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда, а именно: 26 учителей и 9 учительницъ, всего 35 человекъ.

Сѣздъ открылся краткою рѣчью г. руководителя. Въ своей рѣчи г. распорядитель прежде всего выразилъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ принимаетъ участіе на сѣздѣ, какъ потому, что между присутствующими учителями болѣе половины (18 чел.) принадлежитъ къ числу бывшихъ его воспитанниковъ, такъ и потому, что, завѣдывая 7 лѣтъ учительской семинаріей, онъ всегда особенно интересовался и интересуется народнымъ образованіемъ. Затѣмъ г. руководитель выяснилъ значеніе учительскихъ сѣздовъ вообще и ознакомилъ присутствующихъ съ тѣми условіями и требованіями, которыми долженъ подчиняться учительскій сѣздъ. Въ заключеніе г. ру-

ководитель выразилъ надежду, что учителя и учительницы отнесутся къ дѣлу вполне серьезно и добросовѣстно.

Послѣ того, согласно распоряженію министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ открытія учительскихъ сѣздовъ, было приступлено къ распредѣленію занятій на сѣздѣ и выработкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Большинство присутствующихъ выразило желаніе, чтобы въ число занятій сѣзда было внесено даваніе пробныхъ уроковъ въ Ямской школѣ лучшими учителями и учительницами, и чтобы уроки эти подвергались подробному разбору на сѣздѣ. Нельзя было не замѣтить, что большинство это составляли преимущественно лица, не получившія спеціальнаго педагогическаго образованія: имъ, очевидно, хотѣлось видѣть, какъ ведутъ дѣло учителя, вышедшіе изъ учительской семинаріи. Въ виду того, что пробные уроки дѣйствительно могли принести пользу присутствующимъ, какъ потому, что они должны даваться лучшими учителями, такъ и потому, что при разборѣ ихъ могли нагляднѣе выясниться тѣ или другія стороны учебнаго дѣла вообще и приемовъ обученія каждаго предмета въ частности, — было постановлено: утреннее время 21-го и 22-го сентября посвятить урокамъ въ Ямской школѣ, а вечернее время—разбору данныхъ уроковъ.

Затѣмъ была выработана часть вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сѣзда. Остальные вопросы были внесены въ программу въ послѣдующія собранія. Для обсужденія вопросовъ было назначено утреннее и вечернее время 23-го, а въ случаѣ надобности, и 24-го сентября.

Занятія въ Ямской школѣ начались съ 1-го сентября, а потому для пробныхъ уроковъ не представилось никакихъ затрудненій. Для большаго разнообразія въ пробныхъ урокахъ ученики Ямской школы были раздѣлены на 4-е группы; первая изъ нихъ представляла учениковъ вновь поступившихъ; вторая — учениковъ младшаго отдѣленія народной школы въ концѣ учебнаго года; третья — учениковъ средняго, а четвертая — учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. На первый день, 21-го сентября, было назначено 8, а на второй, 22-го сентября, 9 пробныхъ уроковъ, такъ чтобы въ каждый часъ давалось по два пробныхъ урока. Сообразно этому для присутствованія на пробныхъ урокахъ всѣ учителя и учительницы раздѣлялись на двѣ группы.

Темы для пробныхъ уроковъ взяты не произвольно, а въ связи съ текущими занятіями учениковъ Ямской школы; при этомъ приняты

во вниманіе не только учебные предметы начальнаго обученія, но также и главные отдѣлы этихъ предметовъ. Уроки были назначены слѣдующіе:

Въ 1-й группѣ.

По обученію грамотѣ: Ознакомленіе съ звукомъ и буквою *т*.— Повтореніе пройденныхъ звуковъ и буквъ и упражненіе въ чтеніи и письмѣ.

По ариметикѣ: Ознакомленіе съ числомъ 8.—Упражненіе въ устномъ вычисленіи и рѣшеніи задачъ въ предѣлѣ изученныхъ чиселъ.

Во 2-й группѣ.

По родному языку: Объяснит. чтеніе стих. „Иаба“ (Родное Слово г. 2-й).—Объяснит. чтеніе ст. „Хлѣбъ“ (Род. Сл. г. 2-й).

По ариметикѣ: Ознакомленіе съ числами четвертаго десятка въ связи съ вычисленіемъ и рѣшеніемъ задачъ.

По письму: Письмо подъ тавтъ словъ съ прописными буквами.

Въ 3-й группѣ.

По родному языку: Объяснит. чтеніе басни „Свинья“ (Дѣтскій Миръ ч. 1-я).—Выясненіе понятія о подлежащемъ.

По церковно-слав. яз.: Чтеніе и переводъ отрывка изъ Евангелія.

По ариметикѣ: Выясненіе дѣйствія сложенія въ предѣлѣ чиселъ до 1000.

По пѣнію: Упражненіе въ пѣніи по слуху: „Достойно есть“.

Въ 4-й группѣ.

По родному языку: Объяснит. чтеніе въ связи съ бесѣдою ст. „Кошка“ изъ Дѣт. міра ч. 1-я.

По ариметикѣ: Рѣшеніе задачъ на четыре аримет. дѣйствія.—Наглядная бесѣда о кубѣ въ связи съ черченіемъ.

По грамматикѣ: Понятіе о краткомъ и распространенномъ предложеніи.

Для даванія означенныхъ уроковъ были назначены, отчасти по собственному желанію, а отчасти по выбору г. руководителя 15 учителей и двѣ учительницы; изъ числа первыхъ 10 окончили курсъ въ Новоторжской учительской семинаріи ¹⁾ и 5 получили образованіе въ духовной семинаріи.

При разборѣ уроковъ г. руководитель держался такого порядка: первое слово предоставлялось тому, кто давалъ урокъ, затѣмъ другимъ

¹⁾ Въ томъ числѣ трое принадлежали къ выпуску 1881 года.

присутствовавшимъ на урокъ учителямъ и учительницамъ; заключеніе объ урокъ и необходимыя разъясненія дѣлалъ руководитель. При этомъ руководитель предварительно выяснилъ присутствовавшимъ, что замѣчанія должны быть серьезны и выражаться въ вѣжливой формѣ, что они должны относиться къ сущности дѣла и отнюдь не носить характера личныхъ пререканій. Всѣ эти условія дѣйствительно соблюдались, поэтому разборъ уроковъ шелъ въ порядкѣ, послѣдовательности и касался существенныхъ сторонъ дѣла.

Въ общемъ уроки даны были вполнѣ удовлетворительно, а нѣкоторые могутъ быть признаны вполнѣ образцовыми. Наиболѣе вѣскія замѣчанія вызвали уроки учителей, получившихъ образованіе въ духовной семинаріи. И дѣйствительно, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ преподаютъ уже нѣсколько лѣтъ, въ запискахъ ихъ замѣчаются довольно существенные недостатки. Прежде всего они часто не сообразуются съ возрастомъ и пониманіемъ учащихся, затѣмъ у нихъ преобладаетъ стремленіе говорить больше самимъ и оставлять учащихся пассивными слушателями,—пріемъ совершенно не пригодный при начальномъ обученіи. Но болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что обладая довольно солиднымъ образованіемъ и развитіемъ, они совершенно незнакомы съ сочиненіями, излагающими методикѣ элементарнаго обученія. Нѣтъ сомнѣнія, что свѣдѣе принесетъ этимъ учителямъ большую пользу: они хорошо поняли недостатки своего преподаванія и при желаніи, конечно, могутъ легко выработать для себя болѣе пригодные приемы обученія.

При разборѣ уроковъ руководителю пришлось остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ учебнаго дѣла и сдѣлать нѣсколько указаній. Такъ, между прочимъ, онъ выяснилъ правильный взглядъ на объяснительное чтеніе и указалъ, что при веденіи объяснительнаго чтенія слѣдуетъ избѣгать длинныхъ разсужденій и бесѣдъ по поводу прочитаннаго, что урокъ объяснительнаго чтенія долженъ быть урокомъ чтенія, а не разглагольствованій. Кромѣ того, руководителемъ даны были указанія относительно преподаванія ариметики въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, относительно приемовъ сообщенія грамматическихкихъ свѣдѣній и необходимости тактоваго письма.

Утреннее и вечернее время 23-го сентября было посвящено обсужденію вопросовъ, внесенныхъ въ программу въ первые три дня. При такомъ краткомъ времени не было возможности обсудить обстоятельно каждый вопросъ, тѣмъ не менѣе выяснилось не мало школьныхъ нуждъ, а также неблагопріятныхъ условій, мѣшающихъ усѣбному

ходу обученія въ народныхъ школахъ. Обсужденіе вопросовъ шло въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Какими средствами можно расположить сельское населеніе къ школѣ.

При постановкѣ этого вопроса выяснилось, что крестьяне иногда относятся недовѣрчиво ко вновь открытой школѣ. Такое явленіе отчасти объясняется тѣмъ, что для крестьянъ совершенно непонятны новые способы обученія; для нихъ, напримѣръ, страннымъ кажется обученіе чтенію не по церковно-славянской печати, а по гражданской, чтеніе послѣ букваря не Часослова, а книги „Родное Слово“. Вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе къ новой школѣ перѣдко поддерживается въ крестьянахъ тѣми мѣстными грамотѣями, въ рукахъ которыхъ было обученіе до открытія школы и которые съ открытіемъ школы лишаются прежнихъ заработковъ.

Въ виду особой важности предложеннаго вопроса, на обсужденіе его было обращено бѣльшее вниманіе. При этомъ нѣкоторые изъ учителей высказали, что недовѣріе крестьянъ къ новой школѣ оказывалось обыкновенно временнымъ, что какъ скоро крестьяне убѣждались, что въ школѣ учатъ и Закону Божію, и чтенію по церковно-славянски, и ариметикѣ, и письму, то недовѣріе ихъ исчезало окончательно. Затѣмъ было указано и на то, что крестьяне могутъ недовѣрчиво относиться къ школѣ вслѣдствіе личности учителя или учительницы. Руководитель съезда съ своей стороны выяснилъ тѣ качества, которымъ долженъ удовлетворить учитель или учительница, и тѣ требованія, которыя предъявляются къ школѣ крестьянами.

Результатъ обсужденія предложеннаго вопроса былъ сведенъ руководителемъ къ слѣдующимъ положеніямъ: а) учитель или учительница по своимъ нравственнымъ качествамъ и поведенію должны вполнѣ соответствовать тому значенію, какое они имѣютъ въ качествѣ воспитателей; б) они должны вполнѣ добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ; в) необходимо обращать особенное вниманіе на церковно-славянское чтеніе и не ограничиваться только класснымъ чтеніемъ, но давать ученикамъ на домъ Евангеліе, Псалтырь и другія книги; г) если возможно, непремѣнно обучать церковному пѣнію, такъ какъ чтеніе и пѣніе учениковъ въ церкви, содѣйствуя ихъ религіозно-правственному развитію, служить для крестьянъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что школа полезна, и д) нужно обращать должное вниманіе на приученіе учащихся къ изложенію мыслей письменно.

2. О средствахъ въ самообразованію учениковъ внѣ школы.

3. Объ устройствѣ ученическихъ библіотекъ при школахъ.

По заявленію учителей оказывается, что окончившіе курсъ ученики нерѣдко разучиваются читать и писать, и что это происходитъ отъ недостатка практики. Такимъ образомъ, ученики по выходѣ изъ школы не только не приобрѣтаютъ новыхъ знаній путемъ самостоятельнаго чтенія, но даже забываютъ и то, что они приобрѣли въ школѣ. Въ виду этого съѣздъ призналъ необходимымъ устроить при каждой школѣ небольшую библіотеку, съ тѣмъ, чтобы книги изъ нея выдавались какъ учащимся, такъ и вышедшимъ изъ школы грамотнымъ крестьянамъ. Хотя въ школахъ и есть небольшое число книгъ для чтенія, но нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, естественно-историческаго содержанія читаются неохотно, при снабженіи же школъ книгами не заведено правильнаго порядка. Руководитель съѣзда заявилъ, что въ этомъ году вышелъ подробный каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и что въ этомъ каталогѣ книги, назначенныя для ученической библіотеки, перечислены въ особомъ отдѣлѣ, поэтому при выборѣ книгъ не представляется никакихъ затрудненій. вмѣстѣ съ тѣмъ, руководитель съѣзда предложилъ: просить уѣздный училищный совѣтъ, чтобы ежегодно для каждой школы выписывалась часть книгъ, указанныхъ въ каталогѣ, и чтобы такимъ образомъ хотя въ нѣсколько лѣтъ составила при каждой школѣ достаточная библіотека. Предложеніе это было принято, при чемъ добавлено, чтобы изъ книгъ выбирались преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, а также по русской исторіи и географіи, книги, содержащія элементарныя юридическія свѣдѣнія, относящіяся къ сельскому быту, и книги, содержащія свѣдѣнія, полезныя въ сельской жизни.

4. Какія наказанія могутъ быть въ народной школѣ и какъ поступать въ томъ случаѣ, когда ученикъ по своему поведенію не можетъ быть терпимъ въ школѣ.

При обсужденіи этого вопроса выяснилось, что учителя въ качествѣ наказаній практикуютъ замѣчанія, наставленія, выговоры и оставленіе учениковъ въ школѣ послѣ уроковъ, по послѣднее наказаніе не всегда выполнимо по условіямъ сельской жизни. Кромѣ того, на практикѣ встрѣчались и такіе случаи, когда приходилось прибѣгать къ

исключенію ученика изъ школы, но подобная мѣра всегда возбуждала ропотъ среди родителей и навлекала непріятности на учителя.

Сѣздомъ постановлено: къ числу означенныхъ наказаній прибавить сообщеніе о дурномъ поведеніи ученика родителямъ; къ исключенію же ученика изъ школы прибѣгать только въ самомъ крайнемъ случаѣ, въ особенности въ школахъ вновь устроенныхъ.

5. Объ ограниченіи срока для приѣма учениковъ.

Правильному ходу обученія въ народныхъ школахъ много препятствуетъ то обстоятельство, что родители посылаютъ дѣтей не въ одно время, а въ теченіе довольно продолжительнаго промежутка времени. Въ старыхъ школахъ, гдѣ практикуется одиночное обученіе, разновременное поступленіе учениковъ не имѣетъ дурныхъ послѣдствій; въ настоящее же время, когда всѣ ученики въ каждомъ отдѣленіи занимаются вмѣстѣ и проходятъ одинъ и тотъ же курсъ, поступленіе однихъ учениковъ позже другихъ ставитъ учителя въ затруднительное положеніе. Въ виду этого сѣздъ постановилъ: ходатайствовать передъ училищнымъ совѣтомъ, чтобы было объявлено по волостнымъ правленіямъ, что срокъ для поступленія въ школу назначается двухпедѣльный.

6. О нормальномъ числѣ учениковъ для одного учителя.

Въ нѣкоторыхъ школахъ наплывъ учащихся такъ великъ, что число учениковъ при одномъ учителѣ нерѣдко достигаетъ 100 человекъ.

Очевидно, что записаться одному учителю съ такимъ числомъ учениковъ весьма трудно и что въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ успѣшномъ ходѣ занятій. Отказывать въ приемѣ учитель не можетъ, такъ какъ этимъ онъ навлечетъ на себя сильное неудовольствіе между крестьянами, въ назначеніи помощниковъ земство отказываетъ во избѣжаніе большихъ денежныхъ затратъ. По обсужденіи этого вопроса, сѣздъ постановилъ: а) нормальнымъ числомъ учениковъ для одного учителя считать не свыше 80 человекъ, б) ходатайствовать передъ земствомъ о назначеніи помощниковъ или помощницъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ число учениковъ превышаетъ норму.

7. О библиотекѣ для учителей и выпискѣ педагогическихъ журналовъ.

Въ виду недостатка для учителей книгъ педагогическаго и научнаго содержанія, на сѣздѣ было заявлено, нельзя ли народнымъ учителямъ брать книги изъ библиотеки при Новоторжской учительской семинаріи. На это руководитель объяснилъ, что онъ лично не можетъ

своею властью разрѣшить этотъ вопросъ, но что онъ приметъ заявленіе учителей къ свѣдѣнію и будетъ хлопотать о разрѣшеніи вопроса въ смыслѣ желанія учителей.

8. О запасномъ учителѣ.

Въ виду того, что въ случаѣ болѣзни учителя, ученіе въ школахъ должно по необходимости прекращаться, съѣздъ находилъ весьма желательнымъ, чтобы земство имѣло особаго запаснаго учителя, котораго можно было бы въ случаѣ надобности командировать въ ту или другую школу.

Присутствовавшій на засѣданіи членъ училищнаго совѣта и уѣздной управы Д. Д. Романовъ заявилъ, что въ настоящее время такой учитель есть и что онъ состоитъ вторымъ учителемъ въ Осташковской школѣ.

9. Объ устройствѣ ночлежныхъ при школахъ.

Вопросъ этотъ былъ только возбужденъ на съѣздѣ, постановленія же никакого не состоялось, такъ какъ устройство ночлежныхъ сопряжено съ денежными затратами. Руководитель съезда высказалъ, что по его мнѣнію устройство почлежныхъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, а потому учителямъ слѣдуетъ сдѣлать попытку разрѣшенія вопроса именно въ этомъ направленіи.

10. О напечатаніи отчета о съѣздѣ.

Съѣздъ постановилъ: просить уѣздную земскую управу о напечатаніи отчета о настоящемъ съѣздѣ и о раздачѣ его учителямъ и учительницамъ.

Въ заключеніе съѣздъ просилъ руководителя разъяснить нѣкоторые вопросы, касающіеся частностей обученія, чтѣ и было имъ исполнено. Вопросы эти были слѣдующіе:

- 1) Нужно ли приучать учениковъ къ чтенію чужой рукописи, и если нужно, то какъ это выполнить.
- 2) Слѣдуетъ ли много обращать вниманія на опредѣленіе научныхъ терминовъ?
- 3) Средства для развитія бѣглости и выразительности въ чтеніи.
- 4) О таблицахъ при обученіи чтенію.
- 5) О выборѣ задачъ по ариѳметикѣ для средняго и старшаго отдѣленій.

Изъ постороннихъ лицъ на съѣздъ никто не допускался; изъ лицъ служащихъ въ земствѣ, съѣздъ посѣщали: члены уѣзднаго училищнаго совѣта отъ земства, предсѣдатель и члены уѣздной земской управы.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Н. Я. Аристовъ.

26-го августа текущаго года скончался, на 48-мъ году отъ роду, одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей по русской исторіи, профессоръ и инспекторъ историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ Николай Яковлевичъ Аристовъ.

Покойный былъ уроженецъ Тамбовской губерніи и сынъ сельскаго священника; образованіе онъ получилъ сперва въ Тамбовской духовной семинаріи, и затѣмъ въ Казанской духовной академіи. По выходѣ изъ послѣдней онъ былъ назначенъ въ 1858 году преподавателемъ въ Симбирскую духовную семинарію. Здѣсь однако онъ остался не долго, и въ 1861 году уже переселился въ Петербургъ, чтобы готовиться къ ученой дѣятельности. Около трехъ лѣтъ жилъ Аристовъ въ столицѣ, занимаясь частными уроками; въ это время имъ напечатано большое число статей, и главнымъ образомъ рецензій на выходившія въ то время сочиненія по русской исторіи.

Въ 1866 году вышла въ свѣтъ магистерская диссертация Аристова „Промышленность въ древней Русѣ“, которую онъ и защитилъ съ успѣхомъ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1867 г. Аристовъ приглашенъ былъ доцентомъ по русской исторіи въ Казанскій университетъ; въ 1869 г. онъ перешелъ въ университетъ Варшавскій со званіемъ экстра-ординарнаго профессора, и въ 1871 г. защищалъ въ Казанскомъ университетѣ докторскую диссертацию подъ заглавіемъ:

„Московскія смуты, въ правленіе царицы Софіи Алексѣевны“, послѣ чего получилъ званіе ординарнаго профессора. Въ 1873 г. Аристовъ приглашенъ былъ въ Харьковскій университетъ, по съ открытіемъ Нѣжинскаго института занялъ въ немъ кафедру и должность инспектора; въ этомъ званіи и застала его неожиданная кончина.

Аристовъ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ труженниковъ русской исторіи. Полный перечень его трудовъ весьма обширенъ ¹⁾, но кромѣ того, у него осталось много подготовленныхъ работъ; въ томъ числѣ богатые матеріалы отъ историко-географическаго словаря древней Руси. Кромѣ двухъ диссертаций, въ числѣ лучшихъ его трудовъ должно назвать: „Христоматію по русской исторіи“, прекрасный этюдъ объ историческомъ значеніи разбойничьихъ пѣсенъ и вообще его очерки по народной литературѣ, а также обстоятельное историко-географическое изслѣдованіе о землѣ Половецкой.

Аристовъ не принадлежалъ къ числу ученыхъ, пролагающихъ новые пути въ наукѣ. Но онъ былъ усердный собиратель матеріала и тщательный изслѣдователь. Любя и изучая преимущественно народную жизнь, онъ и въ статьяхъ своихъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на вопросы внутренней, бытовой исторіи, на развитіе народной культуры въ сферѣ религіозной, юридической, экономической и литературной. То же дѣлалъ онъ и въ преподаваемыхъ имъ курсахъ, предоставляя изученіе вышней политической исторіи самостоятельному труду слушателей. При такомъ направленіи ученыхъ трудовъ Аристова если въ нихъ и не найдется цѣльнаго строго выдержаннаго возрѣнія на русскую исторію, за то не окажется и предвзятыхъ теорій, и напротивъ замѣтна горячая любовь ко всему русскому и вѣрное, сочувственное пониманіе многихъ особенностей и проявленій нашей народной жизни и народнаго характера.

II.

Л. Воткинцъ, французскій переводчикъ Бесовульфа.

28-го мая (новаго стиля) 1882 года умеръ молодой ученый, Русскій по происхожденію, но принадлежавшій западу и содержаніемъ

¹⁾ Такой перечень помѣщенъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1882 года, № 245; статьи его печатались болѣе чѣмъ въ десяти періодическихъ изданіяхъ; въ томъ числѣ есть нѣсколько рецензій его и въ *Журналѣ Министерства Народ. Просв.* за 1867 годъ.

своихъ работъ, и языкомъ, который онъ избралъ для ихъ изложенія. Въ 1876 году вышелъ въ Парижѣ первый трудъ, подписанный L. Botkine: *Beowulf. Analyse historique et géographique*, за которымъ послѣдовалъ: *Beowulf. Epopée Anglo-Saxone. Traduite en français, pour la première fois d'après le texte original, par L. Botkine. Havre, 1877.* Этотъ первый французскій переводъ англо-саксонской поэмы кое-гдѣ граничилъ съ пересказомъ: буква подлиника не вездѣ точно передана, иныя мѣста опущены. Самъ переводчикъ пашелъ нужнымъ объяснить такое свое отношеніе къ тексту: „Вопервыхъ, я долженъ сказать, что опущенные эпизоды (ихъ очень не много) либо крайне темны, либо излишни (*d'une superfluit choquante*). Вотъ вторыхъ, мнѣ казалось, что при извѣстной свободѣ перевода, при устраненіи повтореній и перифразъ англо-саксонскаго оригинала, я улучшу и самый переводъ, сдѣлавъ его болѣе вѣрнымъ духу подлинника. Вѣрность перевода едва ли страдаетъ отъ того, что читатель не встрѣтитъ въ немъ нѣкоторыхъ подробностей, нѣрѣдко странныхъ и непонятныхъ; не лучше ли потому сразу отбросить эти поэтическія прикрасы, незнакомыя повѣйшимъ литературамъ, непередаваемыя на французскій языкъ?“. Боткинъ повторилъ вслѣдъ за Тэнномъ: „On ne peut traduire ces idées fichées en travers, qui déconcertent l'économie de notre style moderne“. Этотъ непередаваемый, „нѣсколько варварскій“ стиль имѣетъ свою особую прелесть, возвышаемую ритмомъ и аллитераціей, но передать ее могутъ развѣ родственные языки, напримѣръ, англійскій и нѣмецкій, и—прибавимъ отъ себя, русскій, за исключеніемъ аллитераціи (ср. *Avertissement*).

Предисловіе къ переводу, обнимающее большую, шедшую въ уровень съ наукой, начитанность автора, не поднимаетъ новыхъ вопросовъ, отличаясь компилятивнымъ характеромъ и изобилуя выписками изъ авторитетовъ по англо-саксонской филологіи. Нѣкоторыя выраженія въ предисловіи наивны, какъ напримѣръ, заявленіе, что *Beowulf* — „древнѣйшая изъ рыцарскихъ поэмъ“ (*le plus ancien de tous les poèmes des chevalerie*), что она интересна, не смотря на недостатки плана и высокопарный стиль (*style ampoulé*), которымъ она написана. Необходимо помнитъ, что передъ нами трудъ 25-ти-лѣтняго автора-автодиакта, къ которому нѣмецкая критика отнеслась крайне лестно въ рядѣ отзывовъ и замѣтокъ, вызванныхъ какъ его *Beowulfomъ*, такъ и его послѣднимъ трудомъ въ той же области: *Chanson des Runes. Texte anglo-saxon, traduction et notes par L. Botkine. Havre, 1879.* Въ послѣднемъ номерѣ *Anglia* (V, 3) Вюлькеръ

посвятилъ Боткину нѣсколько сочувственныхъ словъ и сообщилъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, въ сожалѣнію крайне недостаточныхъ. Л. Боткинъ родился въ Парижѣ въ 1853 году, въ русской семьѣ; воспитаніе получилъ во Франціи, учился главнымъ образомъ въ Парижѣ. Поселившись въ Гаврѣ, онъ сталъ читать сочиненія по старо-англійской и англо-саксонской поэзіи и въ 1875 году принялся серьезно за изученіе англо-саксонскаго языка. Его первый литературный опытъ въ этой области явился въ 1876 году, послѣдній въ 1879; тогда уже къ Боткину привязалась болѣзнь, которая свела его въ раннюю могилу. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ съ жаромъ отдался изученію философіи. Онъ умеръ на 29-мъ году и похороненъ 30-го мая н. ст. на кладбищѣ въ Гаврѣ. Г. Боголюбовъ (dr. Bogoluboff), изъ Москвы, сказалъ надъ его могилой рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, на тему: онъ прожилъ не даромъ.

„Исторія англо-саксонской филологіи упоминаетъ имя Боткина“, говоритъ Вюлькеръ, — „но мы надѣемся, что и французская наука не забудетъ его и воздастъ честь его памяти тѣмъ, что ея ученые станутъ, по примѣру Боткина, болѣе и болѣе подвирать изученіе англо-саксонскаго языка во Франціи. Тогда можно будетъ сказать, что покойный ученый въ самомъ дѣлѣ прожилъ не даромъ“.

А. В.

ВОЗЗРѢНІЯ ЕВРИПИДА НА СОСЛОВІЯ И СОСТОЯНІЯ, ВНУТРЕННЮЮ И ВНѢШНЮЮ ПОЛИТИКУ АѢИИЪ ¹⁾.

II. Внутренняя политика АѢиіѢ.

Не трудно догадаться, что человекъ, признающій единственно вѢрнымъ критеріемъ для оцѢнки людей добродѢтель и не придающій никакого значенія происхожденію, могъ быть, если желалъ оставаться послѢдовательнымъ, всего скорѢе сторонникомъ такого государственнаго строя, который наибольше отвѢчалъ природнымъ правамъ всѢхъ гражданъ и наиболѢе позволялъ проявлять имъ свои способности и добродѢтель. Если, по мнѢнію Еврипида и самый ничтожный рабъ по своей природѢ ничѢмъ не хуже знатнаго аристократа, если и самый послѢдній членъ государства по своимъ природнымъ качествамъ и свойствамъ такой же человекъ, какъ и самый могущественный властитель, то естественно поэтъ не могъ признавать за какими нибудь сравнительно немногими гражданами, а тѢмъ болѢе за однимъ лицомъ какого нибудь прирожденнаго исключительнаго права на распоряженіе по своему усмотрѢнію судьбами всѢхъ остальныхъ безъ ихъ участія и спроса; такой порядокъ казался ему ни чѢмъ инымъ, какъ нарушеніемъ естественнаго права человека, тираніею и деспотизмомъ ²⁾. Единственно законнымъ и логичнымъ государст-

¹⁾ См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ fr. 172. οὐτ' αἰχὸς ἄρχειν οὐτ' ἐγρήν ἀνεχ νόμου
τύραννον εἶναι μωρία δὲ καὶ θέλειν
ὅς τῶν ὁμοίων βούλεται κρατεῖν μόνος.

веннымъ устройствомъ для него могло быть только всеобщее равенство, которое, не давая никому неза заслуженнаго преимущества предъ другими, какъ всѣхъ членовъ одного государства, такъ и цѣля государства соединяетъ неразрывными узами дружбы, довѣрія и до-вольства, между тѣмъ какъ неравенство всегда порождаетъ зависть и вражду ¹⁾).

Этотъ теоретическій выводъ поэта-философа, совершенно правильно вытекающій изъ его взглядовъ на естественное равенство всѣхъ людей, станетъ еще болѣе понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что во времена Еврипида монархическая законная и наследственная власть древнихъ царей разсматривалась сквозь призму тиранніи, почему βασιλεύς и τύραννος, особенно въ языкѣ поэтовъ, сдѣлались почти однозначными. А такъ какъ тиранновъ своихъ Эл-лины въ большинствѣ случаевъ помнили съ дурной стороны, то по-нятно и царская власть вообще во времена развитія демократіи не могла представляться имъ въ розовомъ свѣтѣ, особенно послѣ жесто-ченной и отчаянной борьбы съ ненасытнымъ властолюбіемъ персид-скихъ царей, которые напрягали всѣ колоссальныя силы своего огром-наго царства, чтобы сковать цѣпями азиатскаго деспотизма свободную и независимую Элладу ²⁾. Но и помимо этой борьбы, которая конечно довела ненависть къ варварскому деспотизму до высшей степени,

¹⁾ Phoen. 'Ιοχ. 535 κείνο καλλίον, τέκνον,
 ισότητα τιμᾶν, ἢ φίλους ἀεὶ φίλους
 πόλεις τε πόλεις συμμάχους τε συμμάχους
 συνδεῖ· τὸ γὰρ ἴσον νόμιμον ἀνθρώποις
 τῷ πλείονι δ' ἀεὶ πολέμιον καθίσταται
 540 τοῦλασσον ἐχθρᾶς θ' ἡμέρας καταρχεται.
 καὶ γὰρ μέτρ' ἀνθρώποισι καὶ μέρη στραυμῶν
 ισότης ἔταξε κἀριθμὸν διώρισε,
 νυκτός τ' ἀφεγγᾶς βλέφαρον ἡλίου τε φῶς
 ἴσον βαδίζει τὸν ἐνιαύσιον κύκλον,
 545 κούδ' ἄλλο αὐτῶν φθόνον ἔχει νικώμενον.
 εἴθ' ἡλιος μὲν νύξ τε δουλεύει βροτοῖς,
 σὺ δ' οὐκ ἀνέξει δωμάτων ἔχων ἴσον
 καὶ τῷδ' ἀπονέμεις; κᾶτα πῶ ἔστιν ἡ δίχην;
 fr. 277. κακῶς δ' ὄλοιντο πάντες οἱ τυραννίδι
 χαίρουσιν ὀλίγη τ' ἐν πόλει μοναρχία·
 τοῦλευθερον γὰρ ὄνομα παντός ἀξίον,
 κᾶν σμίχρ' ἔχη τις, μεγάλ' ἔχειν νομιζέτω.

²⁾ См. Nägelsbach, Nachhom. Theol. 2 Aufl. s. 306 сл.

Персидскій царь съ своими сатрапами и другіе варварскіе цари и князья своимъ образомъ дѣйствиій и своимъ отношеніями къ подданнымъ не могли внушить свободолюбивымъ Эллинамъ особеннаго уваженія къ государственному строю варварскихъ странъ. Напротивъ они укрѣпляли только въ Эллинахъ убѣжденіе, что не только политическая свобода и рабство, но и существованіе самаго закона, какъ гарантіи противъ личнаго произвола сильныхъ, невозможны при такомъ управленіи, которое въ своихъ дѣйствіяхъ руководилось не законами, одинаково для всѣхъ обязательными, а своимъ произволомъ, личными выгодами и дикими страстями ¹⁾. Потому съ повятіемъ

¹⁾ Известно, что въ числѣ важнѣйшихъ преимуществъ надъ варварами Эллинами считали свои свободныя учрежденія, въ силу которыхъ Эллинамъ повиновались только законамъ, признаннымъ народомъ, а не самовластному произволу и ничѣмъ несбуждаемымъ капризамъ одной личности, какъ это было у варваровъ, которыхъ Эллинамъ считали вслѣдствіе этого всѣхъ рабами, кромѣ одного ихъ властелина (См. напр. Xen. Hist. Gr. VI, 1, 12, который очень напоминаетъ Eurip. Hel. ст. 276: τὰ βαρβάρων γὰρ δοῦλα πάντα πλὴν ἑνός. Подобныя выраженія относительно варваровъ изъ другихъ писателей собраны между прочимъ у Nägelsbach'a въ только что указанномъ мѣстѣ). Этотъ общегреческій взглядъ на варваровъ, какъ на людей, живущихъ и дѣйствующихъ вообще не по законамъ, а по внушенію своихъ страстей, весьма часто встрѣчается въ трагедіяхъ Еврипида. Какъ въ государственной жизни у варваровъ господствуетъ произволъ и правители ихъ распоряжаются судьбами и жизнью своихъ подданныхъ по своему личному усмотрѣнію, такъ въ сферѣ общественной и частной жизни варвары руководствуются исключительно произволомъ и своими животными стремленіями. Законъ и жизнь по закону для нихъ неизвѣстны; этими благами можно пользоваться и наслаждаться только въ свободной и счастливой Элладѣ. Ср. напр. Eurip.

- Heraclid. 423 οὐ γὰρ τυραννίδ' ὥστε βαρβάρων ἔχω
ἀλλ' ἦν δίκαια δρῶ, δίκαια πείσομαι.
- Andr. 'Ερμ.
τοιοῦτον πᾶν τὸ βάρβαρον γένος.
πατήρ τε θυγατρὶ παῖς τε μητρὶ μίγνυται
- 175 κόρη τ' ἀδελφῷ, διὰ φόνου δ' οἱ φίλτατοι
χωροῦσι, καὶ τῶνδ' οὐδὲν ἐξείργει νόμος.
- Med. 536 Ια.
πρῶτον μὲν Ἑλλάδ' ἀντὶ βαρβάρου χθονός
γαῖαν κατοικεῖς, καὶ δίκην ἐπίστασαι
νόμοις τε χρῆσθαι, μὴ πρὸς ἰσχυροῦς χάριν;
πάντες δέ σ' ἤσθοντ' οὐσιν Ἑλληνας σοφῆν
καὶ δόξαν ἔσχες etc. Ср. ibid. 591 π
- 'Ια.
οὐκ ἔστιν ἧτις τοῦτ' ἂν Ἑλληνίς γυνή
- 1340 ἔτλη ποθ', ὧν γε πρόσθεν ἤξιον ἐγὼ
γῆμαι σε, κῆδος ἐχθρὸν ὀλιθριόν τ' ἐμοί,

о единоличномъ управленіи для Эллиновъ соединялось обыкновенно понятіе о беззаконіи и произволѣ, основанныхъ на личныхъ вкусахъ и прихотахъ правителя.

Этотъ исторически выработавшійся взглядъ Эллиновъ на полновластіе и самовластіе одного лица былъ совершенно согласенъ съ философскими взглядами Еврипида на естественное равенство всѣхъ людей, такъ что въ этомъ отношеніи поэтъ-философъ стоялъ на одной точкѣ зрѣнія съ своими соотечественниками и соплеменниками.

Для проведенія этихъ взглядовъ въ трагедіяхъ съ фабулами, взятыми изъ времечъ мионическихъ и мопархическихъ, Еврипидъ, вообще изображавшій подъ мионическими именами людей своего времени, по своему обыкновенію политическія понятія своего времени и нерасположеніе къ государственному устройству, чюснованному на верховной власти народа и одинаково для всѣхъ общественныхъ за-

λέαινα, οὐ γυναῖκα, τῆς Τυραγνίδος
Σκόλλης ἔχουσαν ἀγριωτέραν φύσιν.

Ср. Heraclid. 130; Нес. 1127, 1243 сл.; Bacch. 481, Orest. 484; Нес. 326.

Провинкутые такими взглядами Эллина ненавидѣли варваровъ-властителей за ихъ несвязанный закономъ произволъ, а остальныхъ глубоко презирали за ихъ рабствіе, трусость, подлость, низменность и считали себя имѣющими полное право на господство надъ варварами, какъ существами самою природою предназначенными для рабства. Arist. Pol. I, 2, 1252 b, гдѣ въ подтвержденіе того положенія, что не въ варвары — рабы отъ природы, приводится мѣсто изъ Eurip. Iph. Aul. 1440, βαρβάρων δ' Ἑλλήνας ἄρχειν εἰκόσ, въ поясненіе котораго Аристотель замѣчаетъ: ὡς ταῦτό φύσει βάρβαρον καὶ δοῦλον ὄν. Слова, приведенныя Аристотелемъ, говоритъ Нюнгеніа въ оправданіе своего рѣшенія добровольно умереть за успѣхъ похода противъ варваровъ. Нюнгеніа говоритъ матери:

Ἴφ. 1400. βαρβάρων δ' Ἑλλήνας ἄρχειν εἰκόσ, ἀλλ' οὐ βαρβάρους,
μητρ, Ἑλλήνων τὸ μὲν γάρ δοῦλον, οἱ δ' ἐλεύθεροι.

(Относительно трусости и низменности варваровъ см. Eurip. Orest. 1408 сл., 1425, 1485, 1521; 1110; Troad. 901, Iph. Aul. 70 сл.)

А такъ какъ варвары не только не подчинились такому приговору Эллиновъ, но и, опираясь на свою силу, численность и вѣдшее могущество, пытались подчинить своей власти свободныхъ Эллиновъ, то отсюда естественно возникла ожесточенная вражда (Исократъ 12, 163 называетъ варваровъ φύσει πολιτικός эллинамъ) и вѣковая борьба, кончившаяся побѣдою Эллиновъ надъ варварствомъ и сдѣлавшая действительно Ἀσίαν Εὐρώπης θερίκταν (Eurip. Нес. 480). До такой побѣды примиреніе между эллинизмомъ и варварствомъ считалось невозможнымъ. Eurip. Несуб.

конахъ, переносить на времена мнѣшескія, и подъ видами царской власти героическаго періода представляетъ часто тираннію (одного или нѣсколькихъ) историческихъ временъ. Такое перенесеніе было тѣмъ болѣе умѣстно, что во времена Еврипида происходила въ Элладѣ борьба аристократіи и демократіи, при чемъ отечество нашего поэта было главнымъ представителемъ и борцомъ демократическихъ принциповъ, а враги Аэиновъ, Спартанцы и Фиванцы, были въ то же время и врагами демократіи, защитниками аристократіи и олигархіи, которыя по своей жестокости, подозрительности и жадности нерѣдко превосходили самыхъ необузданныхъ тиранновъ. Желая высказать въ трагедіи свои взгляды на жгучіе современные вопросы и подъ видомъ единновластія мнѣшескихъ временъ ратовать противъ враговъ демократіи, были ли то олигархи или отдѣльные тиранны, Еврипидъ преднамѣренно и совершенно сознательно, а не по незнанію и непо-

Несυβ. ἀλλ' ὃ χάριστε, πρῶτον οὐκ ἔσ' ἀν φιλον
 1200 τὸ βάρβαρον γένοιτ' ἀν Ἑλλησιν ἕνος
 οὐδ' ἀν δύναιτο.

Ср. Hermann, Staatsalterth. § 6, Anm. 1.

Еврипидъ, по своимъ взглядамъ на происхожденіе людей вообще, не могъ конечно вполне рѣдѣлять этихъ общеэллинскихъ понятій о варварахъ и смотрѣть на нихъ какъ на природныхъ рабовъ, но съ другой стороны не могъ не признавать преимущество эллинской цивилизаціи надъ варварскою. Хотя отъ природы варвары надѣлены тѣми же свойствами, какъ и Эллыны, тѣмъ не менѣе благодаря историческимъ и политическимъ обстоятельствамъ Эллыны по своему умственному и нравственному развитію были безъ сомнѣнія и въ глазахъ Еврипида гораздо выше варваровъ, и потому по всей справедливости могли имѣть претензіи на первенствующую роль, на преобладаніе надъ варварами и уже никакъ не наоборотъ. Поэтому въ приведенныхъ мѣстахъ изъ трагедій Еврипида можно видѣть не возврѣнія только современниковъ поэта, какъ думаетъ Шенкль (Polit. Ansch. d. Eurip. 13), а въ значительной степени и мнѣніе самого поэта. По вопросу о варварахъ Шенкль видитъ собственное мнѣніе только въ 894 fr. σοφὸν γὰρ ἄνδρα, κτὴν ἐχὼς ναίη γυθονός, κτὴν μήποτ' ὄσσοις εἰσίδω, κρίνω φιλον, изъ котораго онъ заключаетъ, что Еврипидъ въ національности и происхожденіи не видитъ никакого препятствія и помѣхи для заключенія дружественныхъ отношеній. На основаніи того, что Еврипидъ единственно вѣрнымъ критеріемъ для оцѣнки людей считалъ добродѣтель, а не происхожденіе (см. выше) можно дѣйствительно заключить, что происхожденіе и національность не помѣшали бы Еврипиду завязать дружескія сношенія съ человекомъ какой угодно національности, лишь бы онъ былъ добродѣтельный и мудрый человекъ (σοφὸς ἀνὴρ); но изъ приведеннаго отрывка ничего другаго заключать нельзя, какъ то, что для говорящаго эти слова всякій мудрый человекъ — другъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и хотя бы вовсе не былъ извѣстенъ лично.

ниманію политическихъ отношеній героическаго періода ¹⁾, подъ маскою мифическихъ героевъ изображаетъ людей и отношенія своего времени. Эта преднамѣренность и сознательность перенесенія пошатій

¹⁾ Такъ объясняетъ тираническій характеръ царской власти въ трагедіяхъ Еврипида Шенкль, который въ *Polit. Ansch. d. Eurip.* s. 29 говоритъ: Für die Form, welche das Königthum in der heroischen Zeit hatte, zeigt unser Dichter kein Verständniss. . . . Für einzelne Züge lassen sich allerdings Analogien bei Homer nachweisen. Doch im Ganzen erinnere diese Figuren mehr an die τούρνοι der späteren Zeiten, als an die ποιμένες λαών der heroischen Zeit. Эти отдѣльные черты, напоминающія гомеровскихъ царей, Schenkl видитъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ цари не рѣшаются дѣйствовать самовластно, противъ воли народа (*Tr. Aul.* 514, *Hec.* 855, *Heracl.* 418); точно также *Med.* 119 (ср. 348, fr. 348) по мнѣнію Шенкля напоминаетъ *Il.* 1, 80, *Androm.* 472 — *Il.* II, 204. Что касается до опасенія дѣйствовать противъ желанія народа, то эта черта напоминаетъ не гомеровскія времена, когда цари вовсе не заботились и очень мало думали о согласіи или несогласіи народа (δημος, κληθός), который созывался только для выслушанія рѣшеній или преній царя и старшинъ (см. *Hermann, Staatsalterth.*, § 8, *Anm.* 21, *Schoemann, Griech. Staatsalterth.* I, 5. 27, *Nägelsbach, Hom. Theol.* 286), а времена республиканскія, когда въ греческихъ государствахъ, въ противоположность варварскимъ, правители въ важныхъ вопросахъ не могли дѣйствовать безъ согласія народа, а тѣмъ болѣе вопреки ему.

Здѣсь очевидно повтъ съ гордостью указываетъ на греческіе порядки и противоположность ихъ въ Экавѣ и Ираклидахъ тому образу дѣйствій, которому желала слѣдовать въ «Экавѣ» Экава, а въ Ираклидахъ посланникъ Еврисея, Копрей. Въ «Экавѣ» Экава въ видѣ всего поведенія Агамемнона относительно Экавы, а въ «Ираклидахъ» Димоконъ свою рѣчь, по своему характеру очень напоминающую рѣчь Агамемнона, прямо заканчиваетъ сравненіемъ съ варварскими порядками (ст. 423, *примеч.* въ предъид. примѣч.). *Med.* 119 имѣетъ въ виду не царское полновластіе и необузданность, а самовластіе и неумѣніе управлять собою знатныхъ людей, имѣющихъ много слугъ и привыкшихъ больше приказывать, чѣмъ повиноваться. Точно также и *Andr.* 472 имѣетъ въ виду просто порицаніе спартанскаго двоевластія, какъ одной изъ отличительныхъ чертъ спартанскаго государства, противъ котораго въ томъ видѣ, какъ оно было устроено при Еврипидѣ, и направлена вся трагедія. Слѣдовательно и въ указанныхъ г. Шенклемъ мѣстахъ нельзя видѣть желанія или мнѣнія Еврипида воспроизводить эпическихъ героевъ съ историческою вѣрностью; такого желанія у него, по всей вѣроятности, и не было. Напротивъ, всѣ разсужденія о религіозныхъ предметахъ, социальныхъ и политическихъ вопросахъ, которые изложены выше и будутъ излагаться ниже, показываютъ, что для Еврипида мифъ былъ рамкой, куда онъ вставлялъ картины изъ современной жизни. Эти картины, вытѣяны прямо изъ окружающей его дѣйствительности, такъ мало походятъ на времена эпическія, которыя повту, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны не только изъ гомеровскихъ, но и другихъ, не дошедшихъ до насъ поэмъ, что навѣрно ни онъ, ни его зрители ни мало не заблуждались относительно исторической невѣрности дѣйствующихъ лицъ и сценъ, изображаемыхъ въ трагедіяхъ.

и отношеній своего времени на времена миѣическія, помимо безчисленнаго множества другихъ фактовъ, о которыхъ была рѣчь раньше, и будетъ послѣ видна, между прочимъ изъ того, что Еврипидъ далеко не всегда изображаетъ царскую власть и царей деспотическими и тиранническими, а только тогда, когда это нужно для цѣлей той или другой трагедіи. Точно также, когда этого требуютъ обстоятельства, подъ именами миѣическихъ царей онъ представляетъ не рѣдко просто государственныхъ людей, имѣющихъ власть и силу въ государствѣ, а иногда даже образцовыхъ правителей вполнѣ свободнаго демократическаго государства, въ какомъ видѣ онъ изображаетъ обыкновенно любимыхъ аѣнскихъ царей ¹⁾.

¹⁾ Представляя образецъ мудраго и честнаго правителя государства, какой бы титулъ онъ ни носилъ, въ миѣическихъ преданіяхъ, поэтъ очевидно ищетъ въ виду современныхъ государственныхъ дѣятелей и даетъ имъ такіе совѣты которые пригодны не только для мудраго тиранна, какъ кажется Шенкю (Pol. Ansch. 32), но и для всякаго государственнаго человѣка вообще, такъ или иначе стоящаго у кормила правленія и желающаго сохранить свое положеніе и заслужить любовь и уваженіе управляемыхъ. Всякій такой государственный человѣкъ, будучи обязанъ по самому своему положенію строго сообразовать свои дѣйствія и поступки съ требованіями правды и законности, долженъ въ то же время быть со всѣми ласковымъ, всѣмъ стараться угодить, быть весьма разборчивымъ въ выборѣ друзей и совѣтниковъ, сдерживать не только свои страсти, но даже нерядко и свои чисто-человѣческія, самыя невинныя чувства, чтобы всегда казаться величественнымъ и спокойнымъ и никогда жалкимъ и ничтожнымъ. Руководствуясь правдою и законностью, государственный человѣкъ и относительно простыхъ и бѣднѣйшихъ гражданъ, народа въ тѣсномъ смыслѣ, долженъ поступать справедливо: не оскорблять и не обижать ихъ, не притѣснять ихъ любимцевъ, но въ то же время не давать народу слишкомъ большой власти и преобладавія въ ущербъ другимъ сословіямъ, и не допускать чрезмѣрнаго усиленія его любимцевъ, которые въ противномъ случаѣ легко могутъ превратиться въ тиранновъ. На войнѣ правитель долженъ быть храбрымъ и предусмотрительнымъ вождемъ, а въ мирѣ искуснымъ ораторомъ, способнымъ заставить себя слушать силою убѣжденія, а не оружія.

(г. 364. πρῶτον φρένας μὲν ἠπίους ἔχειν χρεών·
τῷ πλουσίῳ τε τῷ τε μὴ διδοῦς μέρος
ἴσον σεαυτὸν εὐσεβεῖν πᾶσιν δίδου.
φίλους δὲ τοὺς μὲν μὴ χαλῶντας ἐν λόγοις
κέκτησο· τοὺς δὲ πρὸς χάριν σὺν ἡδονῇ
τῇ σῇ πονηροὺς κληῖθρον εἰργάτω στέγης.
ὀμιλίας τε τὰς γεραιτέρας φίλει,
ἔξουσία δὲ μήποτ' ἐντυχῶν, τέκνον,
αἰσυροὺς ἔρωτας δημοτῶν διωκαθεῖν.

Относительно аѣннскихъ царей это было тѣмъ болѣе легко и удобно, что въ демократическихъ Аѣннахъ существовали демократическія сказанія, переносившія возникновеніе демократическихъ учрежденій на доисторическія времена царей и приписывавшія созданіе аѣннской демократіи любимѣйшему аѣннскому народному герою, царю Оисею. Такія преданія, считавшіяся историческими фактами, подготавливали слушателей къ перенесенію современныхъ понятій на миѣннческія времена и открывали поэту обширное поле и полное право, не выходя изъ круга трагическихъ героевъ, и не смущая слушателей, съ одной стороны прославлять подъ видомъ миѣннческихъ временъ демократическія учрежденія своего отечества, его борьбу за свободу другихъ меньшихъ государствъ, его славу и великодушіе относительно

fr. 628. ὁ καὶ αἰθρον ἀγχόνας τ' ἐφέλκεται,
 χρηστῶν κινήτων ἦν τις αἰσχύνῃ τέχνα.
 δῆμψ δὲ μήτε κᾶν ἀναρτήσης κράτος
 μήτ' αὐ κακώσης, κλοῦτον ἐντιμον τιθεῖς,
 μῆδ' ἄνδρα δῆμψ πιστὸν ἐκβάλης ποτὲ
 μῆδ' ἀεὶς καιροῦ μείζον, οὐ γὰρ ἀσφαλές,
 μῆ σοι τύραννος λαμπρὸς ἐξ ἀστοῦ φαῖῃ.
 κόλουε δ' ἄνδρα παρὰ δίκην τιμώμενον
 πόλει γὰρ εὐτυχοῦντες οἱ κακοὶ νόσος.

Iph. Α. ΑΓΑ. 645 πόλλ' ἀνδρὶ βασιλεῖ καὶ στρατηλάτῃ μέλει.

Herasl. ΔΗ. ἦκει στρατεύμ' Ἀργεῖον Εὐρυσθεῖς τ' ἀναξ'
 390 ἐγὼ νιν αὐτὸς εἶδον. ἄνδρα γὰρ χρεῶν,
 ὅστις στρατηγεῖν φησ' ἐπίστασθαι καλῶς,
 οὐκ ἀγγέλοισι τοὺς ἐναντίους ὄραν.

fr. 348. τυραννικόν τοι πόλλ' ἐπίστασθαι λέγειν.
 fr. 1040. μισῶ δ' ὅταν τις καὶ χθονὸς στρατηλάτης
 μὴ κᾶσι πάντων προσφέρῃ μειλίγματα.

Iph. Α. 'Αγ. ὑπῆλθε δαίμων, ὥστε τῶν σοφισμάτων
 445 πολλῶ γενέσθαι τῶν ἐμῶν σοφώτερος.
 ἢ δυσγένεια δ' ὡς ἔχει τι χρήσιμον.
 καὶ γὰρ δακρῦσαι ῥαδίως αὐτοῖς ἔχει,
 ἅπαντὰ τ' εἰπεῖν. τῷ δὲ γενναίῳ φύσιν
 ἀνολθα ταῦτα. προστάτην δὲ τοῦ βίου
 450 τὸν ὄγκον ἔχομεν τῷ τ' ὄχλῳ δουλεύομεν.
 ἐγὼ γὰρ ἐκβαλεῖν μὲν αἰδοῦμαι δάκρυ,
 τὸ μὴ δακρῦσαι δ' αὖθις αἰδοῦμαι τάλας,
 εἰς τὰς μεγίστας συμφορὰς ἀφιγμένος.

Ср. со словами Агамемнона извѣстіе Плутарха относительно Перикла, Pericl. с. 36, гдѣ Плутархъ разсказываетъ о τὸ μέγεθος τῆς φυγῆς Перикла почти такъ, какъ говорилъ о себѣ Агамемнонъ.

побѣжденныхъ, а съ другой стороны ратовать противъ враговъ демократіи. Потому Еврипидъ ни мало не затрудняется переносить могущество и демократическое устройство Аѣиновъ своего времени на времена мнѣшескія, и при всякомъ удобномъ случаѣ не безъ гордости указываетъ, что его отечество свободно, независимо, сильно относительно другихъ государствъ и наслаждается благами единственно справедливаго и законнаго демократическаго управленія и благодаря этому и другимъ обстоятельствамъ является высшимъ и совершеннѣйшимъ представителемъ эллинизма, между тѣмъ какъ враждебные Аѣинамъ государства по своему внутреннему устройству, по безправію и приниженности массы населенія, напоминаютъ отчасти азіатскія варварскія государства ¹⁾). Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна изъ сохранившихся трагедій трагедія „Просительницы“, гдѣ Оисей,—олицетвореніе всѣхъ аѣинскихъ добродѣтелей ²⁾, общественныхъ, се-

¹⁾ См. напр.

Heraclid. Δη. 415 καὶ νῦν πικρὰς ἄν συστάσεις ἄν εἰσίδοις,
τῶν μὲν λεγόντων ὡς δίκαιον ἦν ξένοις
ἰκέταις ἀρήγειν, τῶν δὲ μωρίαν ἐμοῦ
κατηγορούντων· εἰ δὲ δὴ δρᾶσω τότε,
οἰκείος ἤδη πόλεμος ἐξαρτέεται.

420 ταῦτ' οὖν ὄρα σὺ καὶ συνεξεύρισχ' ὅπως
αὐτοὶ τε σωθήσεσθε καὶ πέδον τότε,
κάγω πολίταις μὴ διαβληθήσομαι.
οὐ γὰρ τυραννίδ' ὥστε βαρβάρων ἔχω·
ἀλλ' ἦν δίκαια δρῶ, δίκαια πείσομαι.

Heraclid. Δη. 245 εἰ γὰρ παρήσω τόνδε σολᾶσθαι βίᾳ
ξένου πρὸς ἀνδρὸς βωμόν, οὐκ ἐλευθέραν
οἰκεῖν δοκήσω γαῖαν, Ἀργείοις δ' ὄκνη
ἰκέτας παραδοῦναι· καὶ τὰδ' ἀγχόνης πέλας.

Heraclid. Io.
195 οὐ γὰρ τι Τραχίς ἐστὶν οὐδ' Ἀχαικὸν
πόλιςμ', ὅθεν σὺ τοῦσδε τῇ δίκῃ μὲν οὐ,
τὸ δ' Ἄργος ὀγκῶν, οἷάπερ καὶ νῦν λέγεις,
ἤλαυνες ἰκέτας βωμίους καθημένους·
εἰ γὰρ τόδ' ἔσται καὶ λόγους κρανοῦσι σοῦς,
οὐκ οἶδ' Ἀθήνας τᾶσδ' ἐλευθέραις ἐπι.

Suppl. Θη. 518 οὐκ οἶδ' ἐγὼ Κρέοντα δεσπύζοντ' ἐμοῦ,
οὐδὲ σθένοντα μείζον, ὡστ' ἀναγκάσαι
δρᾶν τὰς Ἀθήνας ταῦτ'. ἄνω γὰρ ἄν ῥέοι
τὰ πράγμαθ' οὕτως, εἰ 'πιταξόμεσθα δὴ.

²⁾ Полагаютъ, что подъ маскою Оисея Еврипидъ изображалъ Агиивіада, который во время написанія трагедіи былъ героемъ дня и былъ главнымъ виновникомъ союза съ Аргосомъ, рекомендуемаго и въ «Просительницахъ» (Наг-

мейныхъ и политическихъ, является не эпическимъ царемъ, а государственнымъ дѣятелемъ, единственно избраннымъ руководителемъ и вождемъ демократическаго государства, и какъ отецъ аѢннской демократіи, выступаетъ представителемъ и защитникомъ демократическихъ возрѣній и учрежденій противъ ѳиванскаго вѣстника, представителя антидемократическихъ тенденцій и защитника олигархіи подъ видомъ монархіи.

Убѣжденный доводами матери въ необходимости исполнить желаніе просительницъ: заставить ѳиванцевъ выдать для погребенія трупы убитыхъ героевъ, ѳисей не приступаетъ сейчасъ же къ исполненію этого рѣшенія, не спросивши согласія народа. Какъ царь или руководитель, вождь демократическаго государства (*πρωτάτης τῆς πόλεως*), онъ идетъ прежде спросить мнѣніе народа. Хотя онъ и увѣренъ, что народъ согласится съ его великодушнымъ, гуманнымъ и вполне достойнымъ перваго государства въ Элладѣ рѣшеніемъ. тѣмъ не менѣе онъ считаетъ нужнымъ отдать дѣло, прежде его исполненія, на обсужденіе народнаго собранія, чтобы тѣмъ еще болѣе расположить къ

ting. Eurip. Rest. II, 78 сл., Schenkl, 25, 9. Курціусъ, Исторія Греціи, II, 528 и др.). Дѣйствительно, принимая во вниманіе, что Еврипидъ вѣсть съ большинствомъ АѢннлянъ увлеклся Алкивиадомъ и даже воспѣвалъ знаменитую олимпійскую побѣду блестящаго сына Клиніи (Plut. Alcib. С. 11), можно было бы думать, что подъ маскою мѣнческаго ѳисея поэтъ восхваляетъ дѣятельность и политику Алкивиада, если бы, при сходствѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, между Алкивиадомъ и ѳисеемъ не было громадной разницы, доходящей иногда до противоположности. ѳисей, это — идеалъ государственнаго человека, какъ его пред-представляетъ себѣ Еврипидъ. Хотя онъ и принадлежитъ къ антилаконистамъ, но воинственнымъ и честолюбивымъ никакимъ образомъ считаться не можетъ; напротивъ, онъ очень осторожный политикъ и, какъ врагъ завоевательной, наступательной политики, порицаетъ войнолюбивую и честолюбивую молодежь, слѣдовательно, прежде всего Алкивиада. ѳисей искренній приверженецъ демократіи и преклоняется предъ общественнымъ мнѣніемъ и народовластіемъ, между тѣмъ какъ демократизмъ Алкивиада есть скорѣе продуктъ его честолюбія, чѣмъ убѣжденія (Thuc. VI, 39). Наконецъ благочестіе и семейные добродѣтели (ѳисея также очень мало напоминаютъ Алкивиада. Въ виду всего этого, правильнѣе кажется думать, что въ лицѣ ѳисея Еврипидъ изображалъ просто свой идеалъ государственнаго человека и внѣшней и внутренней политики, какъ это часто дѣлали трагики и комики вообще, — идеалъ болѣе напоминалъ Перкила, чѣмъ Алкивиада. Если же поэтъ, изображая ѳисея, дѣйствительно имѣлъ въ виду Алкивиада, то во всякомъ случаѣ не такого, какимъ онъ былъ, а такого, какимъ желалъ бы видѣть его самъ поэтъ.

себѣ народъ, которому онъ самъ далъ свободныя учрежденія ¹⁾). Народъ дѣйствительно оказался достойнымъ своего благороднаго царя; „народъ, говоритъ Эисей, рѣшился съ удовольствіемъ предпринять этотъ подвигъ, когда онъ узналъ, что я этого желаю“ ²⁾).

Но вотъ является ѳиванскій посоль, который, какъ представитель антидемократическихъ воззрѣній, презираетъ народъ и не желаетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, а потому прямо и спрашиваетъ: гдѣ царь этой земли (τίς γῆς τύραννος); что даетъ Эисею прекрасный случай выступить защитникомъ и хвалителемъ демократическаго государственнаго управленія. „Ты прямо съ ошибки началъ свою рѣчь, иностранецъ, говоритъ Эисей. Ты разыскиваешь здѣсь властителя, между тѣмъ какъ государство это свободно и управляется не однимъ человѣкомъ. Здѣсь править цѣлый народъ посредствомъ ежегодно выбираемыхъ и смѣняемыхъ должностныхъ лицъ; причѣмъ бѣдныя пользуются совершенно одинаковыми правами съ богатыми и послѣдніе не пользуются никакими преимуществами“ ³⁾). На эту похвалу демократическихъ учрежденій и народовластія прагъ демократіи, ѳиванецъ, отвѣчаетъ презрѣніемъ къ народовластію и съ гордостію говорить ⁴⁾): „Напротивъ, государство, отъ котораго я посланъ сюда,

- ¹⁾ Suppl. ΘΠ. δόξει δὲ γρη῏ω καὶ πόλει πάσῃ τότε.
350 δόξει δ' ἐμοῦ θέλοντος· ἀλλὰ τοῦ λόγου
προσθεὺς ἔχοιμ' ἂν δῆμον εὐμενέστερον.
καὶ γὰρ κατέστησ' αὐτὸν εἰς μοναρχίαν
ἐλευθερώσας τῆνδ' ἰσόψηφον πόλιν.
- ²⁾ Suppl. ΘΠ. 393 καὶ μὴν ἐκούσά γ' ἀσμένῃ τ' ἐδέξατο
πόλις πόνον τόνδ', ὡς θέλοντά μ' ἔθετο.
- ³⁾ Suppl. ΘΠ. πρῶτον μὲν ἤρξω τοῦ λόγου ψευδῶς, ξένε,
ἡγητῶν τύραννον ἐνθάδ'· οὐ γὰρ ἄρχεται
405 ἐνός πρὸς ἀνδρός, ἀλλ' ἐλευθέρα πόλις.
ῶθημος δ' ἀνάσσει διαδοχαῖσιν ἐν μέρει
ἐμιαυσίαισιν, οὐχὶ τῷ πλοῦτιφ διδοῦς
τὸ πλείστον, ἀλλὰ γὰρ πένης ἔχων ἴσον.
- ⁴⁾ Suppl. ΚΠ. ἐν μὲν τὸδ' ἡμῖν ὡσπερ ἐν πεσσοῖς διδῶς
410 κρείσσον· πόλις γὰρ ἦς ἐγὼ πάρειμ' ἀπο
ἐνός πρὸς ἀνδρός, οὐκ ὄχλησ' χραιτύνεται.
οὐδ' ἔστιν αὐτῆν ὅστις ἐχθραυῶν λόγοις
πρὸς κέρδος ἴδιον ἄλλος ἄλλοσε στρέφει·
ὁ δ' αὐτίχ' ἠδύς καὶ διδοῦς πολλὴν χάριν.
415 εἰσαυθίς ἐβλαψ', εἶτα διαβολαῖς νέαις
κλέψας τὰ πρόσθε σφάλματ' ἐξέδου δίκης.
ἄλλως τε πῶς ἂν μὴ διορθεύων λόγους

управляется однимъ человѣкомъ, а не толпою. Потому у насъ нѣтъ никакихъ демагоговъ, которые, обманывая народъ своими рѣчами, вертятъ государствомъ то такъ, то сякъ, сообразно съ собственными выгодами, и которые, представляясь преданными интересамъ государства и пріятными для народа, наносятъ государству большой вредъ, но избѣгаютъ заслуженнаго наказанія за свои преступленія посредствомъ клеветъ и наговоровъ на другихъ. Да и вообще, какъ можетъ хорошо управлять государствомъ народъ, который не въ состояніи вѣрно судить о государственныхъ дѣлахъ? Для этого нужны досугъ и время, а бѣдный земледѣлецъ, если онъ даже и не лгунъ, слишкомъ занятъ своими собственными дѣлами, и не имѣетъ времени заниматься государствомъ“.

На эти возраженія и порицанія сторонникъ демократіи и защитникъ ея, Эпсей, отвѣчаетъ порицаніемъ единоличнаго управленія и указываетъ преимущества демократическаго ¹⁾). Для государства нѣтъ

- ὄρθῳς δύναιτ' ἄν δῆμος εὐθύνοιεν πόλιν;
 420 ὁ γὰρ χρόνος μάθησιν ἀντί τοῦ τάχους
 κρίσειω δίδωσι. γαπόνος δ' ἄνῆρ πένης
 εἰ καὶ γένοιτο μὴ ἀμαθῆς, ἔργων ὅπου
 οὐκ ἂν δύναιτο πρὸς τὰ κοῖν' ἀποβλέπειν.
 ἢ ὅη νοσῶδες τοῦτο τοῖς ἀμείνοισιν,
 425 ὅταν πονηρὸς ἀξίωμ' ἄνῆρ ἔχη
 γλώσση κατασχὼν δῆμον, οὐδὲν ὦν τὸ πρῖν.
 1) Suppl. Θη. οὐδὲν τυράννου δυσμενέστερον πόλει,
 430 ὅπου τὸ μὲν πρῶτιστον οὐκ εἰσὶν νόμοι
 κοῖνοί, κρατεῖ δ' εἷς τὸν νόμον κεκτημένος
 αὐτὸς παρ' αὐτῷ, καὶ τὸδ' οὐκέτ' ἔστ' ἴσον.
 γεγραμμένων δὲ τῶν νόμων ὃ τ' ἀσθενῆς
 434 ὁ κλοῦσιός τε τὴν δίκην ἴσην ἔχει,
 νικᾷ δ' ὁ μείων τὸν μέγαν δίκαι' ἔχων.
 τοῦλευθερον δ' ἐκείνο· τίς θέλει πόλει
 χρηστόν τι βούλευμ' εἰς μέσον φέρειν ἔχων;
 440 καὶ ταῦθ' ὁ χρήζων λαμπρὸς ἔσθ', ὁ μὴ θέλων
 σιγᾷ. τί τούτων ἔστ' ἰσαίτερον πόλει;
 καὶ μὴν ὅπου γε δῆμος αὐθέντης χθονός,
 ὑποῦσιν ἀστοῖς ἦρεται νεανίαις·
 445 ἄνῆρ δὲ βασιλεὺς ἐχθρὸν ἡγεῖται τότε
 καὶ τοὺς ἀρίστους οὐκ ἂν ἡγήται φρονεῖν
 κτείνει, δεδοικώς τῆς τυραννίδος πέρι.
 πῶς οὖν ἔτ' ἂν γένοιτ' ἄν ἰσχυρὰ πόλις,
 ὅταν τις ὡς λειμῶνος ἤρηνου στάχυν

ничего ужаснѣе тирана—уже потому одному, что въ такомъ государствѣ неизмѣнныхъ и для всѣхъ одинаково обязательныхъ законовъ не существуетъ; вмѣсто законовъ господствуетъ воля властителя, захватившаго законъ въ свои руки; между тѣмъ какъ въ свободныхъ государствахъ существуютъ писанные законы, которые даютъ одинаковыя права и богатому и бѣдному, такъ что и самый ничтожный по своему общественному положенію гражданинъ можетъ судиться съ богатымъ и побѣда остается за тѣмъ, кто правъ, а не за тѣмъ, кто богатъ и знатенъ. Что же касается свободы демократическихъ учреждений, то она состоитъ въ томъ, что каждый гражданинъ имѣетъ возможность и право дать государству хорошій и полезный совѣтъ, если желаетъ, такъ что всякій желающій и умѣющій давать такіе совѣты пользуется почетомъ и значеніемъ, а не желающій молчитъ. Затѣмъ, гдѣ самъ народъ—хозяинъ своей страны, тамъ государство изобилуетъ молодыми и энергическими гражданами, которыхъ тиранъ обыкновенно считаетъ враждебными себѣ и, опасаясь за свою власть, самыхъ лучшихъ и мудрыхъ изъ нихъ уничтожаетъ. А такое государство, въ которомъ смѣлые и мужественные граждане гибнутъ и

- 450 τολμας ἀραιρῆ καπολωτίζη νέους;
 κτᾶσθαι δὲ πλοῦτον καὶ βίον τί δεῖ τέχνους,
 ὡς τῷ τυράνῳ πλείον' ἐκροχθῆ βίον;
 ἢ παρθενεύειν καίδας ἐν δόμοις καλῶς,
 τερπνάς τυράννοις ἠδονάς, ὅταν ἡέλη,
 λάκρυα ἢ' ἐτοιμάζουσι: μὴ ζῶγην ἔτι,
 455 εἰ τὰμὰ τέχνα πρὸς βίαν νομφεύεται.
 Cp. fr. 288. 5 γνώμην ἔχοντες, φημ' ἐγὼ τυραννίδα
 κτείνειν τε πλείστους χρημάτων τ' ἀποστερεῖν
 ἔρχου; τε παραβαίνοντας ἐκπορθεῖν πόλεις·
 καὶ ταῦτα δρῶντες; μᾶλλον εἰς' εὐδαιμόνες
 τῶν εὐσεβοῦντων ἡσυγῆ καθ' ἡμέραν.

Республика Эвриса неполно напоминаетъ знаменитую надгробную рѣчь Перикла (Thucyd. II, 35), а ст. 133 и сл. представляютъ поэтическій перифразъ главы 37: χρῶμεθα γὰρ πολιτεία οὐ ζήσούση τοὺς τῶν πέλας νόμους, παράδειγμα δὲ μᾶλλον αὐτοὶ ὄντες τινὲ ἢ μιμούμενοι ἐτέρους. καὶ ὄνομα μὲν διὰ τὸ μὴ ἐς ὀλίγους ἀλλ' ἐς πλείονας οἰκεῖν δημοκρατία κέκληται, μέτεστι δὲ κατὰ μὲν τοὺς νόμους πρὸς τὰ ἴδια διάφορα πᾶσι τὸ ἴσον, κατὰ δὲ τὴν ἀξίωσιν, ὡς ἕκαστος ἐν τῷ εὐδοκίμῳ, οὐκ ἀπὸ μέρους τὸ πλεῖον ἐς τὰ κοινὰ ἢ ἀπ' ἀρετῆς προτιμάται, οὐδ' αὖ κατὰ πέναν, ἔχων δὲ τι ἀγαθὸν δρᾶσαι τὴν πόλιν, ἀξιώματος ἀφανεία κεκόλυται. ἐλευθέρως δὲ τὰ τε πρὸς τὸ κοινὸν πολιτεύομεν καὶ ἐς τὴν πρὸς ἀλλήλους ἐπιτηδευμάτων ὑποψίαν, οὐ δι' ὀργῆς τὸν πέλας, εἰ καθ' ἠδονὴν τι δρᾶ, ἔχοντες, οὐδὲ ἀζημίους μὲν, λυπηράς δὲ ὄψει ἀχθηδόνας προσιθέμενοι...

молодежь, какъ весенняя трава на лугу, подкашивается, не можетъ быть сильно и могущественно. Наконецъ, для чего станетъ членъ такого государства пріобрѣтать состояніе и только заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей? Развѣ для того, чтобы своими трудами увеличить богатства тирана и отдать ему своихъ юныхъ дѣтей для удовлетворенія его сладострастія?

Весь этотъ споръ представляетъ, очевидно, образчикъ тѣхъ пререканій, которые велись тогда во всей Элладѣ защитниками демократіи съ одной стороны и противниками съ другой ¹⁾. И тѣ и другіе, сходясь въ главныхъ пунктахъ, раздѣлялись на группы, расходившіяся въ частности; какъ умѣренные сторонники демократіи, такъ и умѣренные противники ея допускали нѣкоторыя возраженія противниковъ, такъ что между крайними олигархами и крайними демократами было безъ сомнѣнія нѣсколько переходныхъ ступеней, — политическихъ группъ, главнѣйшія изъ которыхъ во время открытой борьбы въ Аѣнахъ демократіи и олигархіи, начавшейся въ слѣдъ за сицилійскимъ походомъ, усилъвали болѣе или менѣе проводить свои взгляды въ жизни. Къ какой частной группѣ принадлежалъ Еврипидъ, на основаніи его трагедій опредѣлить трудно; его трагедіи позволяютъ только опредѣлить взгляды автора на желательный по его мнѣнію государственный строй въ болѣе или менѣе общихъ и главныхъ чертахъ. Не признавая, по своимъ философскимъ воззрѣніямъ, за кѣмъ-нибудь прирожденнаго права на господство, Еврипидъ совершенно естественно былъ сторонникомъ общаго равенства всѣхъ гражданъ въ государствѣ. Это равенство должно выражаться по Еврипиду въ равенствѣ предъ одинаково для всѣхъ обязательными писанными законами (*ισονομία*) и въ правѣ всѣхъ гражданъ на участіе въ народномъ собраніи (*ισιγορία*), которое, представляя совокупность всѣхъ гражданъ, и должно быть носителемъ верховной власти въ

¹⁾ Повтъ безъ сомнѣнія не безъ причины вводитъ въ трагедію этотъ споръ, который для развитія дѣйствія совершенно не нуженъ. Но какое обстоятельство имѣется здѣсь въ виду, сказать трудно. Борьба демократіи и олигархіи происходила между прочимъ въ Аргосѣ, союзъ съ которымъ рекомендуется въ трагедіи, и сопровождалась обстоятельствомъ, очень подходящимъ къ послѣднимъ словамъ реплики Оисея. Если же именно эта борьба имѣлась въ виду поэтомъ, то написаніе и постановку трагедіи «Прокентельниды», слѣдуетъ относить не ко времени заключенія союза съ Аргосомъ, а ко времени возобновленія этого союза, послѣ востановленія демократіи въ Аргосѣ.

государствѣ. Эти принципы, совершенно тождественные съ тѣми, которыми, по словамъ Перикла, Аэинское государство отличалось отъ другихъ, заставляютъ считать Еврипидасторонникомъ демократіи.

Но демократія, какъ до Еврипида, такъ и при его жизни прошла разныя ступени и благодаря разнымъ мѣрамъ, принятымъ для привлеченія къ участию въ государственныхъ дѣлахъ бѣднѣйшихъ гражданъ, особенно вознагражденію за службу и даже участіе въ народномъ собраніи, все болѣе и болѣе уклонялась, уже на глазахъ Эврипида, къ крайней демократіи, къ господству и рѣшительному преобладанію дима въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, массы бѣднѣйшихъ гражданъ. Этотъ димъ составилъ большинство въ народныхъ собраніяхъ и, являясь полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ судебъ цѣлаго государства и отдѣльныхъ гражданъ, былъ однако, по своему социальному положенію, гораздо менѣе, нежели другія сословія, способенъ въ общей массѣ судить о тонкостяхъ внутренней и внешней политики и потому гораздо болѣе ихъ зависѣлъ отъ своихъ руководителей (*δημαγωγοίς*) и заступниковъ (*προστάτης τοῦ δήμου*). Неудобства такого положенія дѣлъ были мало замѣтны и сравнительно рѣдко давали себя чувствовать, пока роль такихъ вождей народныхъ была въ рукахъ истинно государственныхъ людей, какъ Периклъ, которые въ качествѣ полководцевъ, пословъ, финансовыхъ чиновниковъ и т. п. въ то же время руководили дѣлами цѣлаго государства ко благу всѣхъ гражданъ, а не одного только преобладающаго класса.

Но за то, когда, благодаря возраставшему все болѣе и болѣе недовѣрію дима къ людямъ изъ высшаго класса и развитію краснорѣчія, роль народныхъ вождей и заступниковъ перешла мало по малу, особенно послѣ смерти Перикла, къ риторамъ, вышедшимъ изъ низшихъ классовъ, мало образованнымъ, частію не способнымъ къ государственной дѣятельности, а частію своекорыстнымъ и безчестнымъ, но въ то же время смѣлымъ, краснорѣчивымъ и готовымъ купить довѣріе большинства всевозможными средствами ¹⁾,—тогда недостатки

¹⁾ О демагогахъ и простатахъ до Пелопоннѣйской войны и во время ея и переходѣ этой роли отъ государственныхъ людей къ риторамъ см. Valckenari *Diatribe in Eurip. perd. dram. reliquias*, p. 259 sqq., Wachsmuth. *Hell. Alterthumsk.*, I, 532, 819. Въ послѣднее время роль риторовъ-демагоговъ и борьба ихъ о власти съ государственными людьми (стратигами) во время Пелопоннѣйской войны обстоятельно и основательно изложены Гильбертомъ (Gilbert) въ *Beiträge*

и вредъ для государства и отдѣльныхъ гражданъ преобладанія дима стали проявляться съ такою очевидностію и силою, что и самые искренніе приверженцы умѣренной и справедливой демократіи не только не могли отрицать ихъ, но даже считали своимъ долгомъ возставать противъ нихъ. На эти недостатки, какъ мы видѣли, презрительно указываетъ эванскій вѣстникъ; ихъ не опровергаетъ и Оисей, устами котораго говоритъ Еврипидъ. Опроверженіе антидемократической рѣчи эванскаго посла состоитъ: а) въ перечисленіи благъ, которыя даетъ демократія, в) въ перечнѣ бѣдствій государства и гражданъ подъ единоличнымъ владычествомъ тирана. Самыя обвиненія, а равно и указаніе на необходимость спеціальной подготовки къ государственной дѣятельности проходитъ молчаніемъ и очевидно не безъ умысла. Можно полагать, не рискуя сдѣлать ошибку, что Еврипидъ, говорящій устами Оисея, намѣренно не счелъ возможнымъ и нужнымъ опровергать эти обвиненія и отрицать указанные недостатки тогдашней демократіи, то-есть рѣшительное преобладаніе дима и господство безчестныхъ и неспособныхъ риторозъ-демагоговъ ко вреду для государства и его лучшихъ гражданъ (Ср. Hartung, Eurip. Restit. II, 92). Какъ человекъ мыслящій, Еврипидъ не менѣе всякаго другаго видѣлъ тотъ вредъ, который наносили государству и демократіи демагоги, которые, по выраженію эванскаго посла, вергали государствомъ въ разныя стороны, сообразно съ своими эгоистическими и честолюбивыми планами. Еврипидъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не менѣе Аристофана возмущался ихъ льстивыми и хвастливыми рѣчами ¹⁾ и съ горечью смотрѣлъ на господство разныхъ честолюбцевъ, умѣвшихъ обманывать народъ и прикрывать свои грѣхи лестію и угодливостію диму и навѣтами на богатыхъ и знатныхъ гражданъ.

zur inneren Geschichte Athens im Zeitalter d. Pelop. Kriege, Leipz. 1877. О демагогахъ-риторахъ см. стр. 73 сл.

¹⁾ fr. 786. οὐδέν γάρ οὕτω γαῦρον ὡς ἀνὴρ ἔφυ·
 τοὺς γὰρ περισσοῦς καὶ τι πράσσοντας πλεον
 τιμῶμεν ἀνδρας τ' ἐν πόλει νομιζομεν.
 Andr. Ἄνδρ. ὦ δόξα, δόξα, μυρίασι δὲ βροτῶν
 οὐδέν γεγῶσι βίοτον ἄγκωσας μέγαν.
 εὐκλεία δ' οἷς μὲν ἔστ' ἀληθείας ὑπο,
 εὐδαιμονίζω· τοὺς δ' ὑπο ψευδῶν ὑπο
 οὐκ ἀξιώσω πλὴν τύχῃ φρονεῖν δοκεῖν.

А понимая и признавая эти недостатки и крайности современной ему демократіи, поэтъ нашъ естественно не могъ быть сторонникомъ и защитникомъ исключительнаго господства дѣма въ тѣсномъ смыслѣ ¹⁾. По мнѣнію поэта ни богачи, ни бѣдники не могли господствовать въ государствѣ, потому что какъ представители двухъ край-

¹⁾ fr. 268 (приведенъ выше).

Жизнью, по мало утѣшительную картину тогдашнихъ народныхъ собраний съ ихъ ораторами, какъ представителями разныхъ партій, и рѣшающимъ большинствомъ Еврипидъ даетъ въ Орестѣ. Изъ этой картины видно, что Еврипидъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о современныхъ ему народныхъ собранияхъ и происходившихъ тамъ преніяхъ.

- κάπι τῷδ' ἀνίσταται
 Ταλθύβιος, ὃς σὺ πατρὶ συνεπόρθει Φρύγας.
 ἔλεξε δ' ὑπὸ τοῖς δυναμένοισιν ὦν ἀεὶ
- 890 διχόμυθα, πατέρα μὲν σὸν ἐκπαλούμενος,
 σὸν δ' οὐκ ἐπαινῶν σύγγονον, καλοὺς κακοὺς
 λόγους ἐλίσων, ὅτι καθίστατῃ νόμους
 εἰς τοὺς τεκόντας οὐ καλοὺς· τὸ δ' ὄμιμ' ἀεὶ
 φαιδρωπὸν ἐδίδου τοῖσιν Αἰγίσθου φίλοις.
- κάπι τῷδ' ἀνίσταται
 ἀνὴρ τις ἀθυρόγλωσσος, ἰσχύων θράσει,
 Ἄργεῖος οὐκ Ἄργεῖος, ἠναγκασμένος,
- 905 θορόβῳ τε πίσυρος κάμαθει παρρησίᾳ,
 πιθανὸς ἔτ' αὐτοὺς περιβαλεῖν κακῶ τινι.....
 ἄλλος δ' ἀναστάς ἔλεγε τῷδ' ἐναντία,
 μορφῇ μὲν οὐκ εὐώπός, ἀνδρείος δ' ἀνὴρ,
 ὀλιγάκις ἄστυ ἀγορᾶς χραινῶν κύκλον,
- 920 αὐτουργός, οἵπερ καὶ μόνοι σώζουσι γῆν,
 ξυνετός δὲ χωρεῖν ὀμίσει τοῖς λόγοις θέλων,
 ἀκέραιος, ἀνεπίπληχτον ἡσυχῶς βίον·
 ὃς εἶπ' Ὀρέστην παῖδα τὸν Ἀγαμέμνονος
 στεφανοῦν, ὃς ἠθέλησε τιμωρεῖν πατρί,.....
- 930 καὶ τοῖς γε χρηστοῖς εὖ λέγειν ἐφαίνετο,
 κούδεις ἔτ' εἶπε· σὸς δ' ἐπῆλθε σύγγονος,
 ἔλεξε δ' ὦ γῆν Ἰνάχου κεκτημένοι,.....
 ἀλλ' οὐκ ἔπειθ' ὄμιλον, εὐ δοκῶν λέγειν.
 νικᾷ δ' ἐκεῖνος ὁ κακὸς ἐν πλήθει λέγων,
- 945 ὃς ἠγόρευε σύγγονον σέ τε κτανεῖν.

По свидѣтельству схоластика въ 772 «Ореста» подъ ἀνὴρ ἀθυρόγλωσσος разумеется Клеофонъ, демагогъ, бывшій главнымъ и самымъ сильнымъ противникомъ мира, предложеннаго Спартиатами въ слѣдъ за побѣдою Алкивиада при Кивикѣ. Ср. σχολ. къ Orest. 371.—Комедія (Καπαι, 675 sq) также обвиняла Клеофонта въ полуварварскомъ (ερακίῳ) происхожденіи. Ср. Gilbert, 336 слѣд.

ностей, ни тѣ, ни другіе не могутъ считаться твердою и надежною опорою государства. Такую мысль проводить Еврипидъ устами мнѣнческаго творца аѣннской демократіи, Эвсея, который, опредѣляя роль различныхъ классовъ въ государствѣ, говорить, что изъ трехъ классовъ гражданъ богаче постоянно стремятся къ увеличенію своихъ богатствъ и потому не могутъ быть особенно надежною опорою государства; бѣдные завидуютъ богатымъ и, обманываемые своими лживыми и злонамѣренными руководителями, стараются, елико возможно, вредить богачамъ; потому господство ихъ и преобладаніе въ государствѣ еще менѣе желательно ¹⁾). Основу и спасеніе государства составляетъ средній классъ; довольный своимъ положеніемъ, онъ всѣхъ менѣе склоненъ къ перемѣнамъ и всѣхъ болѣе способенъ сохранять и поддерживать существующій порядокъ. Изъ приведенной выше картины народнаго собранія и характеристики ораторовъ можно заключить (ср. съ Шенклемъ Polit. Ansch. s. 32), что важнѣйшій элементъ этого класса составляютъ не бойкіе, подвижные и часто легкомысленные горожане, а деревенскіе, не очень богатые, но и не бѣдные землевладѣльцы, болѣею частію въ то же время и земледѣльцы. Не имѣя того доску и той привычки къ собраніямъ, которыми отличались горожане, они тѣмъ не менѣе могутъ, когда пужно, подать дѣльный и спасительный совѣтъ и во всякомъ случаѣ не легко поддаются на рѣчи бойкихъ говоруновъ, которые главнымъ доводомъ своихъ рѣчей дѣлаютъ лести толпѣ ²⁾).

¹⁾ Suppl. Θη. τρεῖς γὰρ πολιτῶν μερίδες· οἱ μὲν ὄλβιοι
ἀναφελεῖς τε πλείονων τ' ἐρῶσ' ἀεὶ
240 οἱ δ' οὐκ ἔχοντες καὶ σπανίζοντες βίου.
δεινοὶ νέμοντες τῷ φθόνῳ πλείον μέρος
εἰς τοὺς ἔχοντας κέντρ' ἀφίσιιν κακά,
γλώσσαις πονηρῶν προστατῶν φηλοῦμενοι·
τριῶν δὲ μοιρῶν ἢ 'ν μέσῳ σώζει πόλεις.
245 κόσμον φυλάσσοσσι' ὄντιν' ἄν τάτῃ πόλις.

Высказанная здѣсь мысль о значеніи для прочности демократіи средняго класса впоследствии подробно развита Аристотелемъ, который государственное устройство, гдѣ рѣшительно преобладаетъ средній классъ, считаетъ самымъ лучшимъ изъ возможныхъ при обыкновенныхъ условіяхъ и называетъ такое государственное устройство πολιτεία въ собственномъ смыслѣ. Arist. Polit. VI, 9. Ср. Zeller, Griech. Philos. II, 2, 745 сл., Oncken, Staatslehre d. Aristoteles. II. 220 сл.

²⁾ Относительно значенія земледѣльческаго класса Аристотель высказываетъ такія же соображенія, какъ и Еврипидъ. Демократію, ядро которой составляетъ масса земледѣльцевъ, онъ считаетъ самою лучшею изъ всѣхъ видовъ демократіи.

Если такимъ образомъ преобладающимъ элементомъ въ народномъ собраніи и уравновѣшивающимъ борьбу представителей крайнихъ состояній долженъ быть по понятіямъ Еврипида средній классъ, то очевидно демократія, о которой мечталъ Еврипидъ, значительно расходилась съ дѣйствительностію; ему какъ и многимъ другимъ умѣреннымъ демократамъ, очевидно гораздо больше нравилась демократія старая, когда масса бѣднѣйшихъ гражданъ, особенно горожанъ ремесленниковъ, моряковъ ¹⁾, не привлекаемая *μισθὸς ἐκκλησιαστικῶς*, безъ особенной надобности, не покидала своихъ обычныхъ занятій, чтобы присутствовать въ народномъ собраніи, и не составляла подавляющаго большинства. Сознаніе этого весьма важнаго и существеннаго недостатка тогдашней демократіи не дѣлало однакожъ Еврипида врагомъ тогдашней демократіи. Какъ философскія его взгляды, такъ и политическія соображенія, не позволяли Еврипиду быть сторонникомъ ни монархіи, ни олигархіи, ни тираниіи. Принимая во вниманіе съ одной стороны блага демократіи, а съ другой бѣдствія государства и отдѣльныхъ гражданъ, сопровождающія и тиранию и олигархію, Еврипидъ, не смотря на крупныя недостатки существовавшей тогда демократіи, былъ все-таки искреннимъ приверженцемъ демократіи, желалъ сохраненія ея и устраненія тѣхъ недостатковъ, отъ которыхъ она сама подвергалась опасности и которые отчасти лишали ея главнѣйшаго преимущества ея предъ другими государственными устройствами: всеобщаго равенства. Такъ какъ эти недостатки, какъ мы видѣли, заключались главнымъ образомъ въ преобладаніи дима въ тѣсномъ смыслѣ, который часто злоупотреблялъ своею властію для притѣсненія или затиранія богатыхъ и знатныхъ, благодаря этому все болѣе ожесточившихся противъ своихъ притѣснителей, то Еврипидъ естественно совѣтовалъ диму не унижать и не преслѣдовать богатыхъ и указывалъ, что вражда и притѣсненіе богатыхъ и знатныхъ не только несправедлива и незаконна, но и вре-

Не вѣнчиваясь въ подробности управленія и не претендуя на занятіе высокихъ административныхъ постовъ, эта масса довольствуется правомъ участія въ законодательствѣ, выбора и контроля чиновниковъ и т. п. Polit. VII, 2, 1318 v. Ср. Oncken, *ibid.* 254 слѣд. II во вѣнчившей политикѣ сельчане представляли мирный элементъ, между тѣмъ какъ горожане, въ собственныхъ интересахъ, всегда были сторонниками войны. Gilbert. 97 сл.

¹⁾ О морякахъ Еврипидъ былъ невысокаго мнѣнія Нес... ἐν τῇ μισθῶν στρατιῶν ἀκόλαστος ὄχλος ναυτικῆ τ' ἀναρχία κρίστων πλοῦτος, κακός· δ' ὁ μὴ τε δρῶν κίχων.

дна для государства. Вы считаете возможнымъ, говорилось въ одной изъ его трагедій, жить и управлять государствомъ безъ богатыхъ, при участіи однихъ бѣдныхъ; но отдѣльное существованіе тѣхъ и другихъ не возможно, только союзъ ихъ производитъ благоденствіе государства; ибо, если чего недостаетъ у бѣднаго, даетъ богатый, а бѣдный въ свою очередь работаетъ за это для богатаго и помогаетъ ему приобрѣтать то, чего онъ еще не имѣетъ ¹⁾). Но эта вражда къ богатымъ и знатымъ, а равно и другія крайности и недостатки демократіи поддерживались и поощрялись безчестными или ослѣпленными демагогами; потому возможно лучший выборъ руководителей и совѣтниковъ получалъ первенствующее значеніе, особенно въ глазахъ такого человѣка, какъ нашъ поэтъ-философъ.

Какъ человѣкъ высокаго образованія, Еврипидъ раздѣлялъ безъ сомнѣнія ту простую и неопровержимую истину, высказанную не однократно Сократомъ и развитую до послѣднихъ предѣловъ Платономъ, что для правильнаго и цѣлесообразнаго веденія государственныхъ дѣлъ, для управленія государствомъ необходимы государственные люди, спеціально подготовленные къ государственной дѣятельности и посвящающіе ей исключительно свои таланты и силы. И по мнѣнію Еврипида, какъ и по мнѣнію Сократа, во главѣ государства долженъ быть вполне подготовленный къ политической дѣятельности и способный управлять государствомъ человѣкъ; отъ недостатка такихъ людей не только страдаютъ, но часто и гибнутъ цѣлыя государства ²⁾; но между тѣмъ какъ Платонъ требовалъ, чтобы такой

¹⁾ fr. 21. δοκεῖτ' ἄν οἰκεῖν γαῖαν, εἰ πένης ἅπας
λαὸς πολιτεύοιτο πλουσίων ἄτερ;
οὐκ ἄν γένοιτο χωρὶς ἐσθλά καὶ κακά,
ἀλλ' ἔστι τις σύγκρασις, ὥστ' ἔχειν καλῶς.
B ἄ μὴ γὰρ ἔστι τῷ πένητι πλούσιος
δίδωσ' ἂ δ' οἱ πλουτοῦντες οὐ κεκτῆμεθα,
τοῖσιν πένησι χρώμενοι κειθώμεθα.

Ср. Исок. Агеораг. § 31... οὐ μόνον περὶ τῶν κοινῶν ὠμονόουν, ἀλλὰ καὶ περὶ τὸν ἴδιον βίον τοσαύτην ἐποιοῦντο πρόνοιαν ἀλλήλων, ὅσην περὶ χρῆ τούς εὖ φρονούοντας καὶ πατρίδος κοινωνοῦντας. οἱ τε γὰρ πενέστεροι τῶν πολιτῶν τοσοῦτον ἀπείχον τοῦ φθονεῖν τοῖς πλείω κεκτῆμένοις, ὥσθ' ὁμοίως ἐκῆδοντο τῶν οἰκῶν τῶν μεγάλων ὥσπερ τῶν σφετέρων αὐτῶν, ἡγούμενοι τὴν ἐκείνων εὐδαιμονίαν αὐτοῖς εὐπορίαν ὑπάρχειν κτλ.

²⁾ Suppl. 188 πόλις δὲ σὴ
μόνη δύναται' ἄν τόνδ' ὑποστήναι πόνον·
τά τ' οἰκτρά γὰρ δέδορκε καὶ νεανίαν

государственный человѣкъ, какимъ въ его глазахъ могъ быть только истинный философъ, управлялъ государствомъ и народомъ по своему усмотрѣнію, даже противъ воли этого народа ¹⁾, Еврипидъ желалъ, чтобы во главѣ государства стоялъ народный избранникъ, который долженъ управлять государствомъ съ согласіемъ народа, какъ и поступаетъ его образцовый государственный мужъ, Оисей. Опытъ повидимому убѣдилъ поэта, что при хорошихъ, честномъ и мудрому вождѣ, какимы были, наприкладъ, Солонъ, Аристидъ и Периклъ, другъ Еврипида, народъ, даже и при вполне демократическомъ составѣ народныхъ собраній, пойдетъ по пути общаго блага и чести и въ то же время будетъ пользоваться свободою и равенствомъ предъ закономъ, между тѣмъ какъ полновластіе правителя, независимаго отъ воли народа, могло бы повлечь за собою всѣ ужасы тиранинн ²⁾. Но такъ какъ выборъ этого вождя въ демократическомъ государствѣ зависѣлъ отъ воли народа, то, очевидно, на правильномъ выборѣ истинно честнаго и мудраго вождя должно быть сосредоточено все вниманіе народа: отъ выбора вождя зависѣло въ значительной степени все направленіе государственной жизни; потому что масса народа представляла большею частію слѣпую, хотя и могучую силу, которую искусный руководитель могъ направлять въ разныя стороны ³⁾.

Въ виду такой громадной важности, которую Еврипидъ придавалъ выбору вождя, становится совершенно понятнымъ, почему онъ такъ часто, такъ настойчиво говорить въ своихъ трагедіяхъ объ осторожности и внимательности при выборѣ вождей и совѣтниковъ

ἔχει σε ποιμέν' ἐσθλόν· οὐ χρεῖα πόλεις
πολλαὶ διώλонт' ἐνθεεῖς στρατηλάτου.
Iph. Aul. Me. μὴ τι χρημάτων ἔκατι προστάτην θεῖμην χθονός
μηδ' ὀπλων ἄρχοντα· νοῦν χρῆ· τὸν στρατηλάτην ἔχειν·
375 πόλεος ὡς ἄρχων ἀνὴρ πᾶς, ξύνεσιν ἦν ἔχων τύχη.

¹⁾ Zeller, II, 1, 762 сл.

²⁾ Or. 772 OP. δεινὸν οἱ πολλοί, κακούργους ὅταν ἔχωσι προστάτας.
● ΠΥ. ἀλλ' ὅταν χρηστοὺς λάβωσι, χρηστὰ βουλευούσας' αἰεί.

³⁾ Or. Me. 696 ὅταν γὰρ ἡβᾷ δῆμος εἰς ὀργὴν πεσών,
ὁμοιον ὥστε πῦρ κατασβέσαι λάβρον·
εἰ δ' ἡσυχῶς τις αὐτὸς ἐντείνοντι μὲν
χαλῶν ὑπέικοι καιρὸν εὐλαβοῦμενος·
700 ἴσως ἂν ἐκπνεύσει'. ὅταν δ' ἀνῆ πνοάς,
τύχοις ἂν αὐτοῦ ῥαδίως, ὅσον θέλεις.
ἔνεστι δ' οἶκτος, ἐνὶ καὶ θυμὸς μέγας,
καραδοκοῦντι κτῆμα τιμιώτατον.

и совѣтуетъ не увлекаться пустымъ краснорѣчіемъ. Такія постоянныя предостереженія и напоминанія были въ то время тѣмъ болѣе умѣстны что, благодаря явившимся въ Λοιπαхъ учителямъ краснорѣчій, оказалось не мало такихъ претендентовъ на званіе политическаго дѣятеля и вождя, которые при помощи новаго искусства умѣли замаскировать свою пустоту и эгоистичность и представиться въ глазахъ не онитной, но жадной до краснорѣчія и любящей лестъ массы истинно мудрыми государственными дѣятелями и радѣтелями народа ¹⁾).

Вполнѣ понимая тайны и приемы краснорѣчія, при помощи которыхъ и неправое дѣло можно представить правымъ, поэтъ-философъ напоминалъ своимъ согражданамъ о томъ, что нужно смотрѣть на дѣла людей и на ихъ свойства, а не на красивые рѣчи, которыми они говорятъ; потому что дѣла и жизнь несравненно важнѣе словъ; тѣмъ болѣе, что дѣла весьма часто вовсе не гармонируютъ съ мудрыми и нравственными рѣчами, которыя къ сожалѣнію перѣдко раздаются изъ устъ людей самыхъ безнравственныхъ ²⁾). Было бы го-

- ¹⁾ Hipp. Ἰππ. 986 ἐγὼ δ' ἄκομφος εἰς ὄχλον δοῦναι λόγον,
εἰς ἡλικας δὲ κωλίγους σοφώτερος.
ἔχει δὲ μοῖραν καὶ τὸδ'· οἱ γὰρ ἐν σοφοῖς
φαῦλοι παρ' ὄχλῳ μουσικώτεροι λέγειν.
- ²⁾ fr. 759. πρὸς τὰς φύσεις χρῆ καὶ τὰ πράγματα σκοπεῖν
καὶ τὰς διαίτας τῶν κακῶν τε καγαθῶν,
πειθῶ δὲ τοῖς μὲν σφύροσιν πολλὴν ἔχειν,
τοῖς μὴ δικαίοις δ' οὐδὲ συμβάλλειν χρεῶν.
- fr. 205. ὦ παῖ, γένοιντ' ἄν εὖ λελεγμένοι λόγοι
ψευδεῖς, ἐπῶν δὲ κάλλεσιν νικῶν ἄν
τάληθές· ἀλλ' οὐ τοῦτο τάχριβέστατον,
ἀλλ' ἡ φύσις καὶ τοῦρθόν· ὅς δ' εὐγλωσσία
5 νικᾷ, σοφὸς μὲν, ἀλλ' ἐγὼ τὰ πράγματα
κρείσσω νόμιζω τῶν λόγων αἰεὶ ποτε.
- Hipp. ΘΗ. 916 ὦ πόλλ' ἁμαρτάνοντες ἄνθρωποι μάτην,
τί δὴ τέχνας μὲν μυρίας διδάσκετε
καὶ πάντα μηχανᾶσθε κάξευρίσκετε,
ἐν δ' οὐκ ἐπίστασθ' οὐδ' εὐηράσασθέ πω,
920 φρονεῖν διδάσκειν οἷσιν οὐκ ἔνεστι νοῦς;
III. δεινὸν σοφιστὴν εἶπα; ὅστις εὖ φρονεῖν
τοὺς μὴ φρονούντας δυνατός ἐστ' ἀναγνάσαι.
- Нес. ЕК. Ἀγάμεμνον, ἀνθρώποισιν οὐκ ἔχρην ποτε
τῶν πραγμάτων τὴν γλῶσσαν ἰσχύειν πλεόν·
ἀλλ' εἴτε χρήστ' ἔδρασε, χρήστ' ἔδει λέγειν,
1190 εἴτ' αὖ πονηρά, τοὺς λόγους εἶναι σαθροῦς

раздо лучше, еслибы подобныя люди вовсе не владѣли этимъ опаснымъ и вреднымъ въ ихъ рукахъ оружіемъ, которое полезно только тогда, когда оно соединяется съ истинною мудростію и добродѣтелью; то къ сожалѣнію учителя краснорѣчія имъ не обучаютъ, между тѣмъ какъ имъ то и слѣдовало бы главнымъ образомъ обучать.

Въ этой борьбѣ съ соблазнительнымъ, но обманчивымъ краснорѣчіемъ демагоговъ, маскою защитниковъ свободы и власти аѢннскаго дѣма прикрывавшихъ свои эгоистическія планы, Еврипидъ совершенно сходился съ своимъ столько же неутомимымъ, сколько и остроумнымъ литературнымъ врагомъ Аристофаномъ и ратовалъ на одной сторонѣ съ нимъ, хотя и въ другой, не столь рѣзкой формѣ. Еврипидъ такъ же, какъ и Аристофанъ, ненавидѣлъ и преслѣдовалъ такихъ краснорѣчцевъ, которые пользовались своимъ краснорѣчіемъ не для пользы общественной, а для удовлетворенія своего собственнаго корыстолюбія и честолюбія ¹⁾). Краснорѣчіе въ устахъ такихъ безчестныхъ людей, которыхъ онъ клеймилъ названіемъ: „неблагодарное отродіе“, Еврипидъ, какъ и Аристофанъ считалъ величайшимъ зломъ для государства ²⁾).

καὶ μὴ δύνασθαι τᾶδ' ἐὺ λέγειν ποτέ.
σοφοὶ μὲν οὖν εἰς' οἱ τὰδ' ἠκριβωχότες,
ἀλλ' οὐ δύνανται διὰ τέλους εἶναι σοφοί,
κακῶς δ' ἀπώλοντ'· οὐτίς ἐξήλυξέ πω.

¹⁾ Ion. Ἰων. 832 οἱμοι, κακούργους ἄνδρας ὡς αἰεὶ στυγῶ,
οἱ ξυντιθέντες τᾶδ' ἐἶθα μηχαναῖς
κοσμοῦσι....

fr. 62.

μισῶ σοφὸν

ὄντ' ἐν λόγοισιν. ἐς δ' ὄνησιν οὐ σοφόν.

ὄντ. addidit Meineckius. Pacuv. Gell. 13, 8, 4: ego odi

homines ignava opera et philosopha sententia.

²⁾ fr. 255.

ἀπλοῦς ὁ μῦθος, μὴ λέγ' εὖ· τὸ γὰρ λέγειν
εὖ, δεινόν ἐστιν, εἰ φέροι τινα βλάβην.

fr. 218.

κόσμος δὲ σιγῆς στέφανος ἄνθρωπος οὐ κακοῦ·
τὸ δ' ἐκλαλοῦν τοῦθ' ἡδονῆς μὲν ἀπτεται,
κακὸν δ' ὀμίλημ', ἀσθενὲς δὲ καὶ πόλει.

Περ. Ἐχ.

255

ἀχάριστον ὕμῶν σπέρμ', ὅσοι δημηγόρους
ζηλοῦτε τιμᾶς· μηδὲ γιγνώσχοισθέ μοι,
οἱ τοὺς φίλους βλάπτοντες οὐ φροντίζετε,
ἦν τοῖσι πολλοῖς πρὸς χάριν λέγητέ τι.

Βασχ. Τειρ.

οὐ δ' εὐτροχὸν μὲν γλῶσσαν ὡς φρονῶν ἔχεις,
ἐν τοῖς λόγοισι δ' οὐχ ἔνεισι σοι φρένες.

Нужно говорить, поучалъ поэтъ, не то, что пріятно для слуха, а то, что согласно съ истинною и можетъ доставить оратору добрую славу и честное имя; потому что черезъ-чуръ пріятныя, но лживыя рѣчи губятъ счастливыя семьи и даже цѣлыя государства, благоустроенныя и цвѣтущія ¹⁾). Между тѣмъ теперь, благодаря быстротѣ и изворотливости языка, ораторы отрицаютъ и опровергаютъ самыя несомнѣнныя истины, вертятъ законами такъ и сякъ, такъ что если-бы самыя дѣла обладали даромъ слова, то они стали бы громко протестовать и показали бы ничтожность и лживость искусныхъ рѣчей ²⁾). Авторы такихъ рѣчей, по мнѣнію нашего поэта, заслуживаютъ самаго большаго наказанія, такъ какъ они, надѣясь при помощи своего краснорѣчія представить безчестныя свои поступки въ хорошемъ свѣтѣ и одержать верхъ надъ своими менѣе краснорѣчивыми, хотя бы и справедливыми противниками, не боятся дѣйство-

-
- 270 θρασύς τε δυνατός καὶ λέγειν οἷός τ' ἀνὴρ
κακῶς πολίτης γίγνεται νῦν οὐκ ἔχων.
Нес. Хо. βασιλεῖ', ἄμυνον σοῖς τέχνοισι καὶ πάτρει,
πειθῶ διαφθεύρουσα τῆσδ', ἐπεὶ λέγει
καλῶς, κακούργος οὖσαι· δεινὸν οὖν τόδε.
¹⁾ Phoen. Χορ. οὐκ εὖ λέγειν χρὴ μὴ 'πί τοῖς ἔργοις καλοῖς,
οὐ γὰρ καλὸν τοῦτ', ἀλλὰ τῇ δίκῃ πικρόν.
Hipp. Φαι. 486 τοῦτ' ἐσθ' ὁ θνητῶν εὖ πόλεις οἰκουμένας
δόμους τ' ἀπόλλυσ', οἱ καλεῖ λίαν λόγοι.
οὐ γὰρ τι τοῖσιν ὡς ἰερπνὰ χρῆ λέγειν,
ἀλλ' ἐξ ὅτου τις εὐκλεῆς γενήσεται.
Orest. Ἄγγ. ὕταν γὰρ ἤδῃς τοῖς λόγοις φρονῶν κακῶς
πεῖθη τὸ πλῆθος, τῇ πόλει κακὸν μέγα,
ἔσαι δὲ σὺν νῶ χρηστὰ βουλευούσῃ ἀεὶ,
κἂν μὴ παραυτίκ', αὐθὶς εἰσι χρήσιμοι
πόλει. θεᾶσθαι δ' ὦδε χρὴ τὸν προστάτην
ἰδόνθ'· ὅμοιον γὰρ τὸ χρέμα γίγνεται
τῷ τοῦς λόγους λεγοντι καὶ τιμωμένῳ.
²⁾ fr. 442. φεῦ φεῦ, τὸ μὴ τὰ πράγματ' ἀνθρώποις ἔχειν
φωνήν, ἴν' ἦσαν μηδὲν οἱ δεινὸν λέγειν.
νῦν δ' εὐτρόχοισι στέμασι τάληθεστάτα
κλέπτουσιν, ὥστε μὴ δοκεῖν ἅ χρὴ δοκεῖν.
fr. 600. τρόπος δὲ χρηστός ἀσφαλέστερος νόμου·
τὸν μὲν γὰρ οὐδεὶς ἂν διαστρέψαι ποτὲ
λόγοις δύνατο, τὸν δ' ἄνω τε καὶ κάτω
ρήτωρ ταρασσῶν πολλὰκις λυμαίνεται.

вать безчестно и противозаконно ¹⁾ и такимъ образомъ заставляютъ страдать и подвергаютъ опасности и несчастіямъ не только отдѣльныхъ гражданъ, которые, не обладая даромъ слова, при всей своей правотѣ и честности не могутъ защитить себя противъ обвиненій безчестныхъ краснобаевъ, но и цѣлое государство. Дѣло въ томъ, что при такомъ значеніи лъстиваго и лживаго краспорѣчія не только въ дѣлахъ частныхъ, но и общественныхъ люди честные и способные дѣйствительно стоять во славу государства съ пользою и славой для него, словомъ лучшіе люди, весьма часто должны были волею или неволею сторониться отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, види что честность и благородство намѣреній и дѣлствій ровно ничего не значить, что самый безчестный краснобай можетъ не только парализовать совѣты и дѣлствія честныхъ людей, но и представить ихъ въ

- 1) fr. 57 ἀναξ, διαβολαὶ δεινὸν ἀνθρώποις κακόν·
ἀγλωσσίῃ δὲ πολλάκις ληφθεὶς ἀνὴρ
δίκαια λέξας ἤσσον εὐγλώσσου φέρει.
MII. ἢ πολλὰ πολλοῖς εἰμι διάφορος βροτῶν.
580 ἐμοὶ γὰρ ὅστις ἀδικὸς ὢν σοφὸς λέγειν
πέφυκε, πλείστην ζημίαν ὀφλισκάνει·
γλώσση γὰρ αὐτῶν τὰδικ' εὖ περιστελεῖν,
τολυὰ πανουργεῖν· ἔστι δ' οὐκ ἄγαν σοφός.
ὣς καὶ σὺ μὴ νυν εἰς ἐμ' εὐσχήμων γένη
585 λέγειν τε δεινός· ἐν γὰρ ἔκτεναί σ' ἔπος.
χρῆν σ', εἰπερ ἦσθα μὴ κακός, πείσαντά με
γαμεῖν γάμον τόνδ', ἀλλὰ μὴ σιγῇ φίλων.

Мнѣнческимъ представителемъ такого краспорѣчія въ трагедіяхъ Еврипида является очень нерѣдко хитроумный Одиссей. Такъ какъ уже внось представляяль Одиссея достаточно изворотливымъ и не-всегда правдивымъ ораторомъ, то Еврипиду оставалось только перенести нѣкоторыя современныя ему отношенія и понятія, чтобы сдѣлать въ Одиссея демагога, одержимаго ужаснымъ зломъ—честолюбіемъ и не особенно разборчиваго на средства въ достиженіи своихъ цѣлей. Вотъ какъ характеризуетъ его Экава въ «Троянкахъ»:

- Tr. Έκ. μισαρῶ δολίφ λέλογχα φωτι δουλεύειν,
πολεμίφ δίκας, παρὰνόμφ δάχει,
285 ὅς πάντα τάχειθεν ἐνθάδ'
ἀντίπαλ' αὐθις ἐκείσε διπτύχῳ γλώσση
φίλα τὰ πρότερ' ἀφίλα τιθέμενος.

Ср. *ibid.* 1222 и Пес. 244 (привед. выше).

- Iph. A. AΓA. τὸ Σισύφειον σπέρμα πάντ' οἶδεν τὰδς.
525 ME. οὐκ ἔστ' Ὀδυσσεὺς ὃ τι σὲ κάμει πημανεῖ.
AΓA. ποικίλος αἰὶ πέφυκε τοῦ τ' ὄχλου μέτα.
ME. φιλοτιμίᾳ μὲν ἐνέχεται, δεινῶ κακῶ. Ср. *ibid.* 1360 сл.

дурномъ свѣтѣ, тѣмъ легче, что люди выдающіися всегда имѣютъ много завистниковъ и неавистниковъ ¹⁾). А отъ этого происходятъ двоякій вредъ для государства: уклоненіе стѣ государственной дѣятельности порядочныхъ людей и возвышеніе пустыхъ и безчестныхъ честолюбцевъ, которые, сдѣлавшись такимъ образомъ полными господами и распорядителями судебъ государства и нестѣсняемые въ своихъ дѣлствіяхъ участіемъ и вмѣшательствомъ людей благородныхъ и честныхъ, отдаются полному произволу и для удовлетворенія своихъ страстей позволяютъ себѣ всякія беззаконія, съ полною увѣренностію въ безнаказанности ²⁾). Особенно нужно остерегаться слишкомъ молодыхъ честолюбцевъ ³⁾, изъ которыхъ одни безъ всякой необходимости, ко вреду для государства, возбуждаютъ гражданъ къ несправедливой войнѣ, чтобы имѣть случай быть избранными въ полководцы, другіе стремятся къ власти, чтобы имѣть возможность безна-

¹⁾ Такія и подобныя соображенія заставляютъ между прочимъ Іона отвязываться отъ блестящей будущности и важной роли государственнаго человѣка и правителя, которую обѣщаетъ ему Ксуеъ съ полною увѣренностію въ непреодолимой соблазнительности и прелести своихъ обѣщаній.

- Јоп. 'Ιων. 595 ἦν δ' εἰς τὸ πρῶτον πόλεος ὀρηθηεῖς ζυγὸν
 ζητῶ τις εἶναι, τῶν μὲν ἀδυνάτων ὑπο
 μισησόμεσθα· λυπρὰ γὰρ τὰ κρείσσονα·
 ὅσοι δὲ χρηστοὶ δυνάμενοί τ' εἶναι σοφοὶ
 σιγῶσι καὶ σπεύδουσιν εἰς τὰ πράγματα,
 600 γέλωντ' ἐν αὐτοῖς μωρίαν τὰ λήψομαι
 οὐχ ἡσυχάζων ἐν πόλει φόβου πλέα.
 Ср. fr. 297. ἤδη γὰρ εἶδον καὶ δίχης παραστάτας
 ἐσθλοὺς πονηρῶ τῷ φθόνῳ νικωμένους.
²⁾ fr. 568. ὅταν κακοὶ πράξωσιν, ὧ ξένοι. καλῶς,
 ἄγαν κρατοῦντες καὶ νομίζοντες δίχην
 δώσειν ἔδρασαν πάντ' ἐφέντες ἡδονῇ.
 Нес. Об. 306 ἐν τῷδε γὰρ κάμνουσιν αἱ πολλαὶ πόλεις,
 ὅταν τις ἐσθλὸς καὶ πρόθυμος ὦν ἀνὴρ
 μὴδὲν φέρηται τῶν καχιόνων πλέον.

³⁾ Если сопоставить замѣчанія Оисея относительно воинственной молодежи съ тѣмъ, что говорилъ объ Алкивіадѣ Никіѣ предъ Сицилійскимъ походомъ и что замѣчаетъ самъ Фукидидъ, то сходство оказывается поразительное, такъ что можно думать, что эта филиппика направлена прямо противъ воинственной молодежи, во главѣ которой стоялъ послѣ Никіева мира Алкивіадъ. См. Thucyd. VI, 12—13 15.

казанно безчинствовать и обижать своих согражданъ, третьи наконецъ добиваются власти ради безчестной наживы ¹⁾).

Не менѣе опасно и вредно для государства, но еще невыносимѣе для гражданъ господство людей, которые, принадлежа къ малообразованному и низшему классу, вдругъ разбогачѣютъ и получаютъ значеніе и власть; чванству и безчинству подобныхъ людей нѣтъ предѣловъ ²⁾). Если господство подобныхъ людей нестерпимо для всѣхъ честныхъ гражданъ вообще, то для людей образованныхъ и знатныхъ преобладаніе и власть такихъ грубыхъ и необразованныхъ не вѣждъ естественно еще болѣе невыносимы. Видя и понимая, какой несправимый вредъ подобные правители наносятъ отечеству, патриоты не могутъ не скорбѣть душою, тѣмъ болѣе, что къ патриотической скорби присоединяется честолюбіе, оскорбленное необходимостію подчиняться и уступать дорогу людямъ худшимъ и недостойнымъ ³⁾).

- ¹⁾ Suppl. 'Aδρ. νεῶν γὰρ ἀνδρῶν θόρυβος ἐξέπλησσε με.
 (τη. εὐψυχίην ἔσπευσας ἀντ' εὐβουλίας,
 ὃ δῆτα πολλοὺς ὤλεσε στρατηλάτας.
 230 εἰς δὲ στρατείαν πάντας Ἀργείους ἄγων,
 μάντεων λεγόντων θέσφατ', εἶπ' ἀτιμάσας
 βίᾳ παρελθὼν θεοὺς ἀπώλεσας πόλιν,
 νέους παραχθείς, οἵτινες τιμώμενοι
 χεῖρουσι πολέμους τ' αὐξάνουσι' ἀνευ δίκης,
 φθειρόντες ἀστούς, ὁ μὲν ὕπως στρατηλάτῃ,
 235 ὁ δ' ὡς ὑβρίζῃ δύναιμι εἰς χεῖρας λαβῶν,
 ἄλλος δὲ κέρθους εὐνεκ', οὐκ ἀποσκοπῶν
 τὸ πλῆθος εἴ τι βλάπτεται πάσῃον τάδε.

(Ср. Gilbert, Beiträge. 216 сл., 246 слѣд.)

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Эвсепъ разражается такою филиппикою противъ слишкомъ юныхъ совѣтниковъ и правителей, несмотря на то, что самъ онъ представляется въ трагедіи, какъ изображался въ пластикѣ, молодымъ человѣкомъ и въ ст. 190 называется νεανίας.

- ²⁾ fr. 361. καὶ τοὺς πονηροὺς μήποτ' αὖξαν ἐν πόλει.
 κακοὶ γὰρ ἐμπλησθέντες ἢ νομίσματος
 30 ἢ πόλεος ἐμπεσόντες εἰς ἀρχὴν τινα
 σκικρῶσιν, ἀδόκητ' εὐτυχισάντων δόμων.
 ἀλλ' ὦ τέκνον μοι δὸς χεῖρ', ὡς θίγῃ πατήρ,
 καὶ χαῖρ' ὑπ' αἰδοῦς δ' οὐ λίαν ἀσπάζομαι.
 γυναικόφρων γὰρ θυμὸς ἀνδρὸς οὐ σοφοῦ.
³⁾ fr. 295. A. τιμὴ σ' ἐπαίρει τῶν πέλας μᾶλλον φρονεῖν.
 B. θνήσκειμ' ἀν' οὐ γὰρ ἄξιον λεύσσειν φάος
 κακοὺς ὀρέωντας ἐκδίκως τιμωμένους.

Несравненно хуже, конечно, приходилось честнымъ и благороднымъ гражданамъ, когда необузданные честолюбцы, опираясь на неразумную толпу, которой они льстятъ и угождаютъ ¹⁾, доходить до высшей степени власти, и вооруживши одну большую часть населенія противъ другой захватываютъ въ свои руки даже верховную власть, становятся полновластными и самовластными распорядителями судьбы своего отечества и своихъ согражданъ, словомъ, дѣлаются тиранами. Достигнувъ вавысшаго счастья, которое только возможно для смертныхъ, тираннїи, которое въ глазахъ огромной массы обыкновенныхъ смертныхъ почти равняется божескому блаженству, они, какъ боги, не стѣсняются никакими законами и могутъ предаваться полному удовлетворенію своихъ страстей ²⁾. Правда, путь къ этому счастью труденъ и опасенъ; но честолюбцы готовы рисковать честью и жизнью, нарушить всѣ божескіе и человѣческіе законы, принести въ жертву своему властолюбію множество гражданъ и запятнать свою собственную честь самыми ужасными преступленіями, лишь бы только достигнуть вождеденной тираннїи и удовлетворить своему властолюбію.

Jon. Ἴων. τῶν δ' αὐτῶν λόγιον τε χρωμένων τε τῇ πόλει
 εἰς ἀξίωμα βίης πλέον φρουρήσομαι
 ψήφοισιν. οὕτω γὰρ τάδ', ὦ πάτερ, φιλεῖ.
 605 οἱ τὰς πόλεις ἔχοντες ἀξιώματος
 τοῖς ἀνθαμίλλοις εἰσὶ πολεμιώτατοι.
 fr. 465. ὅταν κακὸν τις ἐν πόλει πρῆσση καλᾶς,
 νοσεῖν τίθησι τῶν ἀμεινόνων φρένας,
 παρδείγμ' ἔχοντας τῶν κακῶν ἐξουσίαν.

¹⁾ Въ Iphig. Aul. 235 сл. очень картинно описывается ухаживаніе за толпою такого честолюбца, желающаго добиться власти.

Iph. A. Μεν. βούλομαι δὲ σ' ἐξελεῖσθαι, καὶ σὺ μὴτ' ὀργῆς ὑπο
 ἀποτρέπου τάληθές, οὔτε κατατενῶ λίαν ἐγώ.
 οἶσθ' ὅτι ἐσπούδαζες ἀρχεῖν Λαλαΐδαις πρὸς Ἰλιον,
 τῷ δοκεῖν μὲν οὐχὶ χολήζων, τῷ δὲ βούλεσθαι θέλων,
 339 ὡς ταπεινὸς ἦσθα πᾶσι, δεξιῶς προσπιγγάνων
 καὶ θύρας ἔχων ἀκλήστους τῷ θέλοντι δημοτῶν,
 καὶ διδοὺς πρόσρηξιν ἐξῆς πᾶσι, καὶ μὴ τις θέλοι,
 τοῖς τρόποις ζητῶν πρῆσθαι τὸ φιλότιμον ἐκ μέσου;
²⁾ fr. 336. τοὺς δ' ἐκ μεγίστης οὐβίας τυραννίδος 7
 τὸ μηδὲν ὄντας· ταῦτά σε σκοπεῖν χρεῶν.
 fr. 252. τυραννίδ' ἢ θεῶν δευτέρα νομίζεται
 τὸ μὴ θανεῖν γὰρ οὐκ ἔχει, τὰ δ' ἄλλ' ἔχει.

Ср. Isoer. Euag. § 40. νῦν ἅπαντες ἂν ὁμολογήσειαν τυραννίδα καὶ τῶν θεῶν ἀγαθῶν καὶ τῶν ἀνθρώπων μεγίστον καὶ σεμνότετον καὶ περιμαχητότατον εἶναι.

По ихъ мнѣнію, если ужъ изъ-за чего можно грѣшнить, такъ это — тираннія ¹⁾).

Захвативши власть посредствомъ насилія, тиранъ естественно долженъ и поддерживать ее подобными же средствами и превратиться въ жестокаго деспота, мучимаго страхомъ за свою власть, попирающаго жизнь и честь благородныхъ и честныхъ патриотовъ, въ которыхъ онъ видитъ враговъ своей власти, такъ что въ концѣ концовъ столь желанная и достигнутая съ такими жертвами тираннія оказывается несчастіемъ не только для гражданъ, но и для самого

- '1) Phoen. 'Ετ. ἐγὼ γὰρ οὐδέν, μήτηρ, ἀποκρούσας ἐρῶ
 ἀστρων ἂν ἔλθοιμ' ἡλίου πρὸς ἀντολάς
 505 καὶ γῆς ἐνεργεῖ δυνατός ὢν δρᾶσαι τάδε,
 τὴν θεῶν μεγίστην ὡςτ' ἔχειν τυραννίδα.
 τοῦτ' οὖν τὸ χρηστόν, μήτηρ, οὐχὶ βούλομαι
 ἄλλω παρεῖναι μᾶλλον ἢ σώζειν ἐμοί·
 Ibid. 'Ετ. ἔξεστ'· ἐκεῖνο δ' οὐχ ἔκων μεθήσομαι,
 520 ἄρχειν παρὸν μοι, τῷδε δουλεῦσαι ποτε.
 πρὸς ταῦτ' ἴτω μὲν πῦρ, ἴτω δὲ φάσγανον,
 ζεύγυσθε δ' ἵππους, πεδία πῖμπλαθ' ἀρμάτων,
 ὡς οὐ παρήσω τῷδ' ἐμὴν τυραννίδα.
 εἴπερ γὰρ ἀδικεῖν χρεῖ, τυραννίδος πέρι
 525 κίλλιστον ἀδικεῖν, τᾶλλα δ' εὐσεβεῖν χρεῶν.
 Cp. Trad. 'Εκ. εἰ μὲν γὰρ εἴθανος πρὸ πόλεως, ἤβης τυχῶν.
 γάμων τε καὶ τῆς ἰσοθέου τυραννίδος,
 1170 μακάριος ἦσθ' ἂν, εἴ τι τῶνδε μακάριον.
 Herc. Fur. 65 ἔχων τυραννίδ', ἧς μακρὰι λόγχοι πέρι
 πηδῶσ' ἔρωτι σώματ' εἰς εὐδαίμονα.

Образецъ такого счастлиивца Еврипидъ представляетъ въ «Въшеномъ Ираклѣ» въ лицѣ Ляка, который при содѣйствіи толпы и разныхъ недовольныхъ, прожвнившихся и не признающихъ дѣятелей изъ высшихъ классовъ захватилъ верховную власть въ свои руки и прежде всего считаетъ нужнымъ уничтожить представителей законной власти и ея сторонниковъ, честныхъ защитниковъ права и закона.

- Herc. Fur. AM. πολλοὺς πένητας, ὀλίβους δὲ τῷ λόγῳ
 δοκοῦντας εἶναι συμμάχους ἀναξ ἔχει,
 590 οἱ στίσιον ἔθηχαν καὶ διώλεσαν πόλιν
 ἐφ' ἀρπαγαῖσι τῶν πέλας. τὰ δ' ἐν δόμοις
 διπᾶναισι φροῦδα διαφυγόνθ' ὑπ' ἀργίας.
 Herc. F. Λύ. γνώμαισιν ὄντες, οὐ μόνον στενίζετε
 τοὺς Ἰρακλείους καίδ' αὖ, ἀλλὰ καὶ δόμου
 250 τύχας, ὅταν πύσῃ τι, μεμνήστεθε δὲ
 δοῦλοι γεγῶτες τῆς ἐμῆς τυραννίδος.

Cp. ст. 511 сл., 272 сл.

властителя. Въ такомъ именно свѣтѣ представляетъ себѣ власть молодой философъ Іовъ, который на заманчивыя и соблазнительныя обѣщанія Ксуа, передать ему, какъ наслѣднику, верховную власть, какъ высшее счастье, отвѣчаетъ отказомъ и мотивируетъ его изображеніемъ положенія властителя, примѣнимымъ только къ узурпатору въ республиканскомъ государствѣ, незаконному царю монархической эпохи. Напрасно, говоритъ Іовъ, такъ восхваляютъ власть; она поражаетъ только внѣшнимъ блескомъ, а въ сущности она скорѣе — несчастіе, чѣмъ счастье. Да и какъ можетъ быть счастливымъ тотъ, кто влачитъ свой вѣкъ въ постоянномъ страхѣ и опасеніи за свою жизнь и власть. Могутъ сказать, что богатство и удовольствія вполне искупаютъ эти непріятныя стороны тиранніи. Нѣтъ, богатства съ упреками и безпокойствомъ не нужно мнѣ; я хочу спокойно наслаждаться малымъ¹⁾. Въ не менѣе мрачныхъ краскахъ рисуетъ, какъ мы видѣли, Еврипидъ роль царя въ „Просительницахъ“ устами Θисея. Въ этихъ мрачныхъ картинахъ изображается очевидно, не власть эпическихъ царей, а тираннія одного или нѣсколькихъ въ республиканскомъ государствѣ, тираннія, добытая обманомъ и поддерживаемая насиліемъ и жестокостями. Поэтъ, предостерегая постоянно народъ отъ увлеченія вкрадчивымъ и обманчивымъ краснорѣчіемъ демагоговъ, стремившихся къ власти, въ то же время предостере-

- 1) Ion. Ἴων τυραννίδος δὲ τῆς μάτην αἰνουμένης
 τὸ μὲν πρόσωπον ἦδύ, τὰν δόμοισι δὲ
 λυπηρά· τίς γάρ μακάριος, τίς εὐτυχής,
 ὅστις δεδοικώς καὶ παραβλέπων βίου
 625 αἰῶνα τείνει; θημότης ἂν εὐτυχής
 ζῆν ἂν θέλομε μᾶλλον ἢ τύραννος ὢν,
 ᾧ τοὺς πονηροὺς ἠδονὴ φίλους ἔχειν,
 ἐσθλοὺς δὲ μισεῖ κατθανεῖν φοβούμενος.
 εἴποις ἂν ὡς ὁ χρυσὸς ἐκινᾷ τάδε,
 630 πλουτεῖν τε τερπνόν· οὐ φίλῳ ψόγους κλύειν
 ἐν χερσὶ σώζων ἄλλῃ οὐδ' ἔχειν πόνους·
 εἴη δ' ἔμοιγε μέτρια μὴ λυπούμενφ.
 fr. 816. ἡ γὰρ τυραννίς πάντοθεν τοξεύεται
 δεινοῖς ἐρωσίν, ἧς φυλακτέον πέρι.
 Cp. Hes. EK. φεῦ
 οὐκ ἔστι θνητῶν ὅστις ἔστ' ἐλευθέρως·
 865 ἡ χρημάτων γὰρ δοῦλος ἔστιν ἢ τύχης,
 ἢ πλῆθος αὐτὸν πόλεος ἢ νόμων γραφῆι
 εἴργουσι· χρῆσθαι μὴ κατὰ γνώμην τρόποις.

гавъ этихъ послѣднихъ и, представляя имъ внутреннее состояніе тирана, указывалъ, что 'власть, достигнутая и поддерживаемая обманомъ и насиліемъ, вовсе не такое блаженство, какимъ она представляется съ вѣшной, видимой стороны. Только власть и значеніе, достигнутыя путемъ чести и добродѣтели, приносятъ никогда не уходящую славу, а тираннія, добытая неправдою и насиліемъ, ввергаетъ въ несчастіе и позоритъ не только государство, но и самого тирана и весь его родъ; какъ въ частной, такъ и въ государственной дѣятельности несправедливое и незаконное насиліе не должно имѣть вовсе мѣста ¹⁾). Вѣрный взглядамъ на тираннію и власть вообще, вы-

- ¹⁾ Hipp. Tr. 1010 . . . ἢ σὸν οἰκήσειν δόμον
 ἐγκληρον εὐνήν προσλαβὼν ἐπήλπισα;
 μάταιος ἄρ' ἦν, οὐδαμοῦ μὲν οὖν φρονῶν.
 ἀλλ' ὡς τυραννεῖν ἤδὲ τοῖσι σῶφροσιν;
 ἦχιστά γ', εἰ μὴ τὰς φρένας διέφθορε
 1015 θνητῶν ὅσοισιν ἀνδάνει μοναρχία.
 fragm. 608. τὸ δ' ἔσχατον δὴ τοῦτο θαυμαστὸν βροτοῖς
 τυραννίς, οὐχ εὐροῖς ἂν ἀθλιώτερον.
 φίλους τε πορθεῖν καὶ κατακταεῖν χρεῶν,
 πλείστος φόβος πρότεσι μὴ δράσωσι τι.
 Phoen. Tr. τί τὴν τυραννίδ' ἀδικίαν εὐδαιμόνα,
 550 τιμᾶς ὑπέρφου καὶ μέγ' ἠγῆσαι τότε;
 περιβλέπεσθα: τίμιον; κενὸν μὲν οὖν.
 Phoen. Tr. τί τῆς κακίστης δαιμόνων ἐφίεσα:
 φιλοτιμίας, παῖ; μὴ σὺ γ' ἄδικος ἢ θεός;
 πολλοὺς δ' ἐς οἴκους καὶ πόλεις εὐδαιμόνας
 524 εἰσήλλε κατ' ἔλθ' ἐπ' ὀλέθρῳ τῶν χρωμένων
 ἐφ' ἣ σὺ μαινεῖ.
¹⁾ Andr. Co. οὔτοι
 λείψανα τῶν
 ἀγαθῶν ἀνδρῶν ἀφαιρεῖται
 χρόνος, ἃ δ' ἀρετὰ καὶ θανοῦσι λάμπει
 κρείσσον δὲ νίκην ἀντ.
 μὴ κακόδοξον ἔχειν
 780 ἢ ἔξιν φθόνῳ σφάλλειν δυνάμει τε δίκαν.
 ἠδὲ μὲν γὰρ αὐτίκα τοῦτο βροτοῖσιν,
 ἐν δὲ χρόνῳ τελέθει
 ξηρὸν καὶ ὀνειδεσιν ἔγκειται δόμων.
 785 ταύταν ἦνεσα ταύταν
 καὶ φέρομαι βιοτάν,
 μηδὲν δίκας ἔξω κράτος ἐν θαλάμοις
 καὶ πόλει δύνασθαι. Ср. Vaschae, 385 сл.

сказаннымъ устами Іона, Еврипидъ, какъ извѣстно, не только не стремился къ власти, но и вообще уклонялся отъ государственной и политической дѣятельности, всецѣло отдаваясь своимъ философскимъ и поэтическимъ занятіямъ. Это обстоятельство однакожъ не только не мѣшало ему слѣдить за внутренней и внѣшней политикою своего отечества, но, напротивъ, позволяло ему быть постояннымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ политической жизни и о результатахъ своихъ наблюденій сообщать своимъ согражданамъ.

Эти наблюденія, какъ мы старались показать, привели Еврипида къ слѣдующимъ результатамъ.

1) Самое лучшее и естественное государственное устройство есть такая демократія, которая, уравнивая всѣхъ граждапъ предъ закономъ, представляетъ всѣмъ имъ право участія въ государственныхъ дѣлахъ, при чемъ ни богачи, ни бѣдняки, какъ представители двухъ крайностей, не должны имѣть преобладающаго вліянія; перевѣсъ и преобладаніе съ пользою для государства можетъ имѣть только средній классъ, состоящій преимущественно изъ землевладѣльцевъ ¹⁾).

2) Такъ какъ во вторую половину жизни поэта въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ преобладалъ благодаря разнымъ модоі димъ въ тѣспомъ смыслѣ, то старая демократія, не привлекавшая искусственно бѣдняковъ, но въ то же время не лишавшая тѣхъ изъ нихъ, которые желали и могли съ пользою для дѣла принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, возможности быть полезными для го-

Hel. Хо. οὐδαίς ποτ' εὐτόχῃσιν ἔχθικος γέγως,
ἐν τῇ δικαίῳ ἔλπίδες σωτηρίας.

¹⁾ Не смотря на пристрастіе Еврипида къ среднему, преимущественно земледѣльческому классу, нельзя считать нашего поэта сторонникомъ той партіи, которая, по смерти Еврипида при возстановленіи демократіи, въ лицѣ Формисія желала обусловить право аѢннскаго гражданства владѣніемъ поземельною собственностію въ самой Аттикѣ. (См. ὑπόθεσις изъ XXXIV рачи Лисія; ср. Grote, VIII, 96). Едва ли сочувствовалъ Еврипидъ и кратковременной конституціи 5000, установленной послѣ низверженія 400, съ согласіемъ Алкивіада, — конституціи, которую Фукидидъ считаетъ самою лучшею изъ всѣхъ бывшихъ при его жизни (Thuc. VIII, 86, 97). Какъ предложеніе Формисія, такъ и конституція 5000 лишила гражданского полноправія огромную массу бѣднѣйшихъ гражданъ, между тѣмъ какъ Еврипидъ желалъ только устраненія ихъ относительно преобладанія и господства, а не лишенія ихъ гражданскихъ правъ, потому наиболее соответствующій своему идеалу порядокъ Еврипидъ по всей вѣроятности видѣлъ, подобно Исократу, не въ олигархической реформѣ, а въ старой демократіи.

сударства, повидимому казалась Еврипиду наиболѣе справедливою и наиболѣе гарантирующею интересы какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ сословій и гражданъ.

3) Во главѣ государства должны стоять не красворѣчивые ораторы, а истинно государственные люди, которые, послѣ теоретической и практической подготовки, доказали на дѣлѣ свою честность, мудрость и способность руководить государствомъ въ войнѣ и мирѣ съ пользою и славой для всего государства, подобно Солону, Аристиду, Периклу и др. Такимъ образомъ Еврипидъ соединялъ свои демократическіе взгляды съ разумными требованіями своего друга Сократа, проповѣдывавшаго, что государствомъ править долженъ истинно государственный человѣкъ, а не всякій встрѣчный. Образецъ такого государственнаго человѣка и его политики внутренней и вѣшной поэтъ представляегь въ лицѣ Оисея, который, по своему политическому характеру, болѣе напоминаетъ Перикла, чѣмъ Алкивіада.

Д. Б—въ.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

² Объяснительный словарь къ Запискамъ Цезаря о войнѣ Галльской, составленный для гимназій *М. Блюсомъ*. Москва. 1881 г.

Серьезное чтеніе латинскихъ авторовъ въ нашихъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, начинается только съ четвертаго класса. Въ третьемъ классѣ ученикъ лишь съ большимъ трудомъ справляется съ формальною стороною мѣстами довольно трудныхъ жизнеописаній Корнелія Непота; поэтому преподаватель долженъ быть доволенъ, если ученикъ понялъ фразу и можетъ дать себѣ отчетъ о значеніи и грамматической функціи каждаго отдѣльнаго слова. Въ четвертомъ классѣ требованій гораздо больше: приходится обращать вниманіе не только на исправность перевода, но и на связь разказа, не упуская изъ виду какъ реальной стороны прочитаннаго, такъ и фразеологіи, отчасти и синонимики и стилистики. Между тѣмъ ученикъ четвертаго класса, особенно въ началѣ учебнаго года, или переводитъ дословно, не заботясь о смыслѣ, или прибѣгаетъ къ помощи плохихъ переводовъ, которые еще больше сбиваютъ его. Поэтому именно для начала ему нуженъ хорошій спеціальныи словарь, который долженъ быть составленъ съ цѣлью облегчить ученику не малый трудъ и указать ему путь къ правильному пониманію читаемаго автора. Для учениковъ старшихъ классовъ такіе спеціальныи словари менѣе желательны. Такой ученикъ приобрѣлъ уже вѣкоторый навыкъ въ переводахъ и обладаетъ значительнымъ запасомъ словъ и свѣдѣній по фразеологіи, синонимикѣ, древностямъ, исторіи и проч. Маленькіе словари сзади текста для каждаго отдѣльнаго автора, или, что еще

хуже, къ отдѣльнымъ книгамъ одного сочиненія, приучаютъ къ верхоглядству и злоупотребленіямъ во время самаго урока. Кромѣ того они, не принося значительной пользы въ союкупности, обходятся довольно дорого.

Спеціальные словари могутъ быть или полными и представлять собою ученый трудъ для спеціалистовъ, или только практическими руководствами, приуроченными къ дѣйствительнымъ пущамъ учащихся.

Ко второму разряду мы можемъ отнести объяснительный словарь г. Блюса. Составитель его въ предисловіи на стр. VI говоритъ слѣдующее о цѣли своего труда: „При выборѣ, распредѣленіи и изложеніи матеріала, находившагося въ моемъ распоряженіи, не упуская изъ виду научной точки зрѣнія, я руководствовался главнымъ образомъ педагогическими соображеніями, то-есть старался удовлетворить потребности учащихся. Сообщить ученику, примѣнительно къ степени его развитія и въ то же время безъ ущерба для его самостоятельности, по мѣрѣ возможности, все то изъ области лексики, грамматики, стилистики, древностей и т. д., что непосредственно относится къ тексту, къ его формальной сторонѣ, содержанію и способу перевода на русскій языкъ, такъ, чтобы ученикъ имѣлъ возможность вести занятіе, относящееся къ чтенію Цезаря, тѣмъ путемъ и порядкомъ, который свойственъ чтенію древнихъ авторовъ вообще, то-есть строго-систематически,—вотъ цѣль предлагаемаго изданія“. Цѣль, какъ мы видимъ, весьма похвальная, и нельзя не признать, что составитель словаря съ большимъ успѣхомъ выполнилъ эту, довольно трудную, задачу.

Хотя работа при составленіи разсматриваемаго нами словаря была большею частію компилятивная и переводная, при чемъ въ основаніе положенъ текстъ полнаго словаря къ сочиненіямъ Цезаря О. Эйхерта, тѣмъ не менѣе словарь Блюса отличается отъ своего прототипа тѣмъ, что много статей по римскимъ древностямъ составлены самостоятельно, по указаннымъ на стр. IV, пособіямъ; нѣкоторыя же измѣнены и пополнены (напр. статьи *hiberna*, *Kalendae*, *lustrum*, *juventum*, *navis*, *fossa*, *Januarius*); особенно должно отмѣтить прекрасную статью *centurio*; при большей части удобообъяснимыхъ словъ указывается въ скобкахъ на коренное или близкое по значенію слово, кое-гдѣ находимъ и болѣе подробное этимологическое объясненіе (напр. при словѣ *punitius*); въ словарѣ Блюса чаще, чѣмъ въ словарѣ Эйхерта встрѣчаются разныя замѣтки, затрогивающія синтакси-

ческіе и стилистическіе вопросы; напр. статьи *animus, plenus, petere atque orare, facere* съ *ut* замѣнъ другого простого глагола; переведено цѣликомъ или частями больше трудныхъ мѣстъ (напр. IV, 26, *ab eius summo* etc. VIII, 14 *scrobes paulatim* etc.); изложеніе нѣкоторыхъ статей, какъ сказано и въ предисловіи, измѣнено; въ этомъ отношеніи особенно статьи о союзахъ и предлогахъ отличаются ясностью и простотою (см. статьи *ne, que, ut, quum*); вообще мы не замѣчаемъ того безпорядка и разбросанности, которыя свойственны многимъ словарямъ. Значенія словъ, особенно въ переносномъ смыслѣ, у г. Влюса выведены изъ основнаго понятія и всѣ отдѣльныя значенія приведены въ общую связь, какъ напр. при глаголахъ *obtemperare* (значеніе „повиноваться“ выводится изъ первоначальнаго значенія, удерживаться передъ кѣмъ“) и *vindico*, состоящее будто бы изъ *vin* и *dico* „угрожать силою“. Относительно послѣдняго объясненія нельзя не указать на болѣе правдоподобное толкованіе Корссена (*Aussprache*, II ч. 272) и Ваничка (въ его этимологическомъ словарѣ II ч. 884): въ первой части „*vin*“ находящихъ корень *van*—требовать, любить, почитать, и принимающихъ *vindicare* за *verbum denominativum* отъ существительнаго *vindex*.

Со стороны русскаго языка, за немногими исключеніями, не видимъ никакихъ особенныхъ неправильностей; значенія латинскихъ выраженій въ большей части случаевъ переданы вѣрно и правильно, наприм. *desilire ad pedes* „спѣшиваться“, *bellum inferre* „начинать войну, вести наступательную войну“; въ словарѣ Шульца все еще красуется безсмысленное „наносить войну“.

Такъ какъ ознакомленіе съ латинскою фразеологіей составляетъ весьма важную сторону при чтеніи Цезаря, то нельзя не отнести съ полнымъ одобреніемъ къ тому, что составитель словаря почти при всѣхъ именахъ существительныхъ указываетъ на разнаго рода опредѣленія, а наоборотъ, при глаголахъ на болѣе употребительныя дополненія и обстоятельства дѣйствія, напр. *facinus nefarium, miseror fortunam, subministro frumentum, maturo proficisci*. Нельзя не одобрить и того, что при нѣкоторыхъ словахъ, въ словарѣ помѣщены и такія ихъ значенія, въ которыхъ они Цезаремъ не употребляются.

Внѣшняя сторона разсматриваемаго словаря весьма опрятна, можно даже сказать изящна, шрифтъ красивъ и, хотя мелокъ, но не утомляетъ глазъ, главныя значенія отмѣчены крупнымъ шрифтомъ, такъ что ученику не трудно отыскать то значеніе, которое подходит къ читаемому мѣсту.

Указавъ на главныя достоинства объяснительнаго словаря Блюса, мы теперь отмѣтимъ нѣкоторые промахи и неправильности, касающіеся главнымъ образомъ языка и словопроизводства.

ст.: *albus* „бѣлый“ съ указаніемъ на *plumbum* V, 12; не мѣшало бы сослаться на статью *plumbum*, гдѣ сказано, что *plumbum album* значить „слово“.

Agar... „въ рѣку Роданъ“ и *Batavogum insula...* „островъ, образумый Вакаломъ“. При географическихъ названіяхъ не слѣдовало бы безъ особенной надобности употреблять древнія названія съ русскими окончаніями. Поэтому лучше было бы сказать „въ рѣку Рону“, прибавивъ въ скобкахъ слово *Rhodanus*, и во второмъ мѣстѣ: „островъ, образумый Ваалемъ“ и въ скобкахъ прибавить *Vasalus*.

clamor... *clamore* significant VII, въ скобкахъ стоятъ „подруниусъ=черезъ глашатая“;—у Цезаря и намека нѣтъ о томъ, чтобы для этой цѣли назначался особый глашатай; такая громкая персдача новостей изъ устъ въ уста, замѣнявшая газеты, дѣлалась сперва однимъ лицомъ, можетъ быть ближайшимъ свидѣтелемъ событій. Къ этой замѣткѣ о глашатаѣ, по всей вѣроятности, дало поводъ замѣчаніе Готмана, цитируемое Кранеромъ: *non multorum conclamatione, sed unius quasi praeconis*; но отсюда еще не слѣдуетъ, что этотъ *unus* былъ *praeco*.

colloquium „переговоръ“ и *colloqui* „имѣть переговоры“. Переговоръ въ единственномъ числѣ мало употребительно, и во второмъ случаѣ лучше сказать: вести переговоры, переговариваться.

contio—въ скобкахъ сказано, что сокращено изъ *conventio*; собственно не изъ *conventio*, а *coventio* съ пропусканіемъ *v*. См. *Corssen, Aussprache etc.* II 683 I, 199. Есть впрочемъ еще и другое праписание, которое Корссенъ отвергаетъ: *concio* отъ глаг. *concieo*. У Цицерона *in Verr.* 2, 4, 50 читаемъ: *concio conventusque civium*. Врядъ ли здѣсь повторяется два раза основа глагола *venire*.

delibero—не указано, какого спряженія глаголь.

directus. Такъ какъ у учениковъ могутъ быть разные тексты, то слѣдовало бы указать и на другую форму *derectus* и *derecte*, какъ наприм. при словѣ *arte* есть ссылка на *arctc*.

fastigium—*scrobes paulatim angustiore ad infimum fastigio* VIII, 14; хотя это мѣсто переведено вѣрно, однако слѣдующее затѣмъ объясненіе: „съ отверстіемъ, опускающимся къ низу постепенно уже“, не только совсѣмъ лишне, но и не понятно. Какъ же отверстіе мо-

жесть опускаться къ низу? Лучше такъ: ямы, у которыхъ наклонныя стѣнки мало по малу суживаются.

funda—glandes fundis in casas iacere coeperunt V 43;—для, поясненія къ этому мѣсту сказано въ скобкахъ: „для этой цѣли ремень пращи обкладывали внутри жестью“; спрашивается, для какой цѣли? Въ приведенномъ мѣстѣ какъ разъ вѣтъ слово, къ которымъ относятся упомянутая замѣтка, именно *ferventes fusili ex argila (glandes)*; разумеется, что для обыкновенныхъ снарядовъ ремень не нужно было обкладывать жестью.

Germani; между главнѣйшими племенами въ Германіи названы и *Sugambres* вмѣсто *Sugambri*.

Herkyntia silva. У Эйхерта мѣстоположеніе этихъ горъ, носившихъ общее названіе, указано точнѣе, и незачѣмъ было отступать отъ него, тѣмъ болѣе, что Богемскій лѣсъ, Моравское плоскогорье и Малыя Карпаты не находятся въ нинѣшней Германіи, какъ можно было бы заключить изъ словъ „всѣ горы Германіи, начиная отъ Шварцвальда до Карпатовъ“.

infestus объясняется по Фрейнду равносильнымъ *infensus*. Такое производство очень сомнительно. Вѣроятно слѣдуетъ раздѣлить *infestus*, см. Ваничекъ *Et. W. d. l. Spr.* 56. *Corssen Beiträge* 186 и 187 объясняетъ *infensus* и *infestus* образовавшимися изъ *infendus*. См. также *Corssen Ausspr.* II, 190.

iudicium переводится: „судебное изслѣдованіе“, вмѣсто судебное слѣдствіе.

Iuppiter—можно было бы, хотя вкратцѣ, указать на первоначальную форму *Iovis-pater*, древнее *Dies-piter (pater)*.

Marcomani—въ скобкахъ сказано: „отъ *marca=limes*, собственно пограничные жители“; ученикъ можетъ понять такъ, что *marca* или *limes* означаетъ пограничныхъ жителей; поэтому вторую скобку слѣдовало бы поставить послѣ *limes*.

medeor—не мѣшало бы замѣтить, что *perf.* этого глагола *medicatus sum*.

peto — не лишне было бы указать, что, вмѣсто неупотребительныхъ родительнаго и творительнаго падежей отъ *peto*, употребляются формы *nullius, nullo*.

nihil, и при этомъ словѣ не замѣчено, что косвенные падежи отъ *nihil* описываются посредствомъ *nullius rei, nulli rei, nulla re*.

ob,—первоначальное мѣстное значеніе не „противъ“, а скорѣе

„по направленію къ“, напримѣръ, *ob os ora sua obvertere* у Эвнція, или *ob Roman legiones ducere*.

pacem—*pacem* *Argivisti* I, 37 г. Брюсъ, слѣдуя комментаторамъ, объясняетъ *Argivisti* какъ *genetivus obiectivus*. Фелькель сравниваетъ съ этимъ мѣстомъ I, 20 *reipublicae iniuriam* и I, 30 *bello Helvetiorum*.

Этого взгляда мы не раздѣляемъ; если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ большей части подобныхъ случаевъ *genetivus* слѣдуетъ объяснять какъ *g. subiectivus* или *possessivus*. Доказательствомъ этого можетъ служить и то, что подобные родительные падежи въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняются притяжательнымъ мѣстоименіемъ. Такъ напримѣръ, въ оборотѣ *pace tua dixerim* у Цицерона *Tusc. V, 5* мы спрашиваемъ, кто не долженъ обижаться; *gratia populi* и *gratia oratoris* получаютъ разное значеніе только смотря по значенію слова *gratia*, родительный же падежь остается одинъ и тотъ же; *iniuria mea* будетъ во всякомъ случаѣ „моя обида“, происходитъ ли она отъ другого лица, или наносится мною. Слѣдовательно, если мы вышеупомянутый оборотъ *pacem Argivisti* переведемъ: мирное, дружелюбное отношеніе Аргивиста, то не имѣемъ надобности предполагать здѣсь *genetivus obiectivus*.

pacello—хотя простой глаголь неупотребителенъ, но указаніе на него съ краткимъ объясненіемъ могло бы уяснить ученику какъ производство прилагательнаго *cel-er*, такъ и уподобленіе *j* послѣ *l*: *cello* изъ *cel-jo* (греч. κέλλω).

potiri—между прочимъ говорится, что *potiri* соединяется съ винительнымъ падежемъ, съ ссылкой на II, 7 и III, 6. Этотъ глаголь встрѣчается съ винительнымъ падежемъ только у Пакувія, Лукреція, Теренція и одинъ разъ у Тацита; въ образцовой прозѣ этого не бываетъ. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ мѣстахъ у Цезаря II, 7 *spes potiundi oppidi* и III, 6 *spem potiundorum castrorum* оборотъ *gerundiva* заставляетъ предполагать дополненіе въ винительномъ падежѣ; нельзя однако сказать *spes potiundi castra*.

praesidium—*praesidio litterarum* переведено: „расчитывая на письменное пособіе“—хотя коротко сказано, но неясно; неизвѣстно, въ чемъ должно состоять это письменное пособіе. Можно было бы выразиться или: „на письменныя замѣтки“, или „на помощь, которую доставить записываніе“.

praetor—о должности претора сказано: „сановникъ—имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи распоряженіе судебною властію“; вмѣсто этого, слыш-

комъ формальнаго опредѣленія, лучше было бы, слѣдуя Эбхерту, напомнить о существованіи съ 490 г. до Р. Х. двухъ преторовъ, *praetor urbanus*, рѣшавшаго тяжбы римскихъ гражданъ, и *praetor peregrinus*, къ которому относились дѣла и тяжбы тѣхъ, которые не имѣли права римскаго гражданства. Число преторовъ въ послѣдствіи увеличилось до 16.

rugna производится по Фигу отъ *ringo*, но гораздо удобнѣе и для учениковъ понятнѣе производить прямо отъ слова *rugnis*, такъ что *rugna* означаетъ собственно кулачный бой.

prodeo напечатано вмѣстѣ и въ скобкахъ стоитъ *pro-eo*. Ученикамъ слѣдуетъ объяснить, что въ частицахъ *prod* и *ged. d* не есть вставочная буква, но древнее окончаніе творительнаго падежа, какъ и въ *sed*. Поэтому слѣдуетъ и въ словарѣ раздѣлять *prod-eo*. Въ глаголахъ *redigo, redimo, reficio, reicio* частица не отдѣлена, между тѣмъ какъ въ глаголѣ *red-eo, red-integro* послѣ *red* находится тире. По нашему мнѣнію, лучше отдѣлять частицу вездѣ, гдѣ нѣтъ особенныхъ препятствій; перемѣна гласнаго звука не можетъ сбивать ученика, который легко можетъ принять сложный глаголъ за простой, какъ напримѣръ, *герегіо*; вторая его часть будетъ *ragere* со значеніемъ стараюсь достигнуть чего-либо. Объ этомъ говоритъ уже Присцианъ VIII, 68—*veteres enim et pario quarta coniungatione declinabant.* (см. Corssen, Ausspr. II, 410).

scandula—въ скобкахъ для поясненія поставленъ, вѣроятно по Фрейнду, глаголъ *scando*. Изъ этого голословнаго указанія ученикъ не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ отъ *scando* (=подниматься, всходить) могло образоваться понятіе о лучинѣ или щепкѣ. Поэтому Фрейндъ въ своемъ словарѣ старается объяснить это, указывая на то, что крыша изъ лучины или гонта имѣетъ видъ ряда ступенекъ. Но вѣроятнѣе то, что въ корнѣ *scand*, какъ и въ *scindio* слѣдуетъ предполагать значеніе „колоть, раскалывать“, такъ что *scandula* будетъ вполне соответствовать русскому слову „драть, дранница“ (отъ *драть, с-дирать*), тѣмъ болѣе, что имѣется еще и другое чтеніе *scindula*.

spes—для объясненія этого слова сличается, неизвѣстно почему, *superus*.

spolio—первое значеніе слова *spolium* не будетъ „снятое съ убитаго врага оружіе“, но „снятая съ животнаго шкура“; корень *spal.* (срв. *pellis, com-pilo*).

supplicatio „до временъ Цезаря самое продолжительное молебствіе заключало въ себѣ 12 дней“; г. Блюсъ хотѣлъ вѣроятно сказать, что молебствіе продолжалось 12 дней.

tueor, tuitus sum, не мѣшало бы напомнить ученику, что въ простомъ глаголѣ чаще встрѣчается perfectum tutatus sum.

tumultus, при словахъ servilis tumultus повторяется та же замѣтка, которая сдѣлана уже въ въ статьѣ servilis; достаточно было одной ссылки.

Vasalus: не сказано, что этотъ западный рукавъ Рейна нынѣ называется Вааль.

Слѣдующія опечатки не отмѣчены въ отдѣльномъ спискѣ:

Статья: agger, все что состоятъ вм. состоитъ.

Belgium, область занимаемая Белгами.

coria—feramentorum вм. ferramentorum.

exerceo—надиться вм. находиться.

Garumna—мжду вм. между.

iacto—inters. вм. intens.

grorono—клясть вм. класть.

Rufus—Sulpitius вм. Sulpicius.

Изъ всего сказаннаго видно, что словарь г. Блюса, хотя и встрѣчаются въ немъ незначительныя погрѣшности, можно рекомендовать нашимъ ученикамъ какъ отличное пособіе при чтеніи Цезаря, тѣмъ болѣе, что словарь Эйхерта, по которому составлена книга г. Блюса, трудъ серьезный, выдержавшій уже семь изданій. Но разсмотрѣнный нами словарь не простой переводъ съ нѣмецкаго; г. Блюсъ, какъ мы уже раньше замѣтили, имѣетъ постоянно въ виду потребности русскихъ учениковъ и поэтому часто переводитъ и объясняетъ и такіе латинскіе обороты, которые по свойствамъ нѣмецкаго языка не представляютъ при переводѣ на нѣмецкій языкъ никакого затрудненія.

Къ словарю приложена карта Галліи (изд. Киперта). Но кромѣ карты желательна было бы имѣть при такомъ словарѣ изображенія принадлежностей военнаго быта Римлянъ, или въ видѣ приложенія, какъ въ изданіи Рейнгарда, или въ самомъ текстѣ, какъ въ Гомеровскомъ словарѣ Фольбрехта къ Анабазису Ксенофонта. Удачныя картины и изображенія всякаго рода вносятъ больше жизни въ ученіе и лучше всякихъ длинныхъ описаній знакомятъ съ бытовой стороной древнихъ народовъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы подобныя дѣльныя книги, распро-

страняясь въ большомъ количествѣ, вытѣснили тѣ лаконическіе словарчики, которые часто ставятъ учениковъ въ безвыходное положеніе.

Кромѣ словаря, г. Блюсъ надвяхъ издалъ весьма опрятно напечатанный текстъ Записокъ Цезаря о войнѣ Галльской; цѣна его 40 к.

В. Мамсінъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (8-го іюня 1882 г.). Объ учрежденіи въ г. Гомелѣ (Могилевской губерніи) женской прогимназіи	3
2. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію.	4
3. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи С.Петербургской V мужской прогимназіи въ гимназію	5
4. (8-го іюня 1882 г.). Объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ спеціальныя средства сихъ заведеній	6
5. (8-го іюня 1882 г.). Объ увеличеніи оклада содержанія директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ	7
6. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи Корочанской прогимназіи въ гимназію.	8
7. (10-го іюня 1882 г.). О присвоеніи начальному народному училищу въ м. Жагорахъ, Шавельскаго уѣзда, наименованія Александровскаго.	—
8. (6-го іюля 1882 г.). О преобразованіи Златопольской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ	9

9. (8-го іюля 1882 г.). Обь учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ преміи имени умершаго учителя рисованія Пельхау	9
10. (8-го іюля 1882 г.). Обь учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ преміи имени умершаго учителя рисованія Пельхау	25
11. (13-го августа 1882 г.). Обь уставѣ Коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета	—

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

14-го августа 1882 года (№ 12).	10
30-го августа 1882 года (№ 13).	29
3-го сентября 1882 года (№ 14).	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го іюля 1882 г.). Положеніе о преміи имени бывшаго учителя рисованія Оскара Пельхау при Рижскомъ городскомъ реальномъ училищѣ	10
2. (15-го іюля 1882 г.). Положеніе о шести стипендіяхъ имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Доминикии Андреевны Деменко при Александровской Старобѣльской гимназіи	11
3. (20-го іюля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени священника Александра Степурскаго при Александровской Сумской гимназіи	12
4. (21-го іюля 1882 года). Положеніе о стипендіи имени ксендза Климентія Бальчевскаго при Виленской мужской гимназіи	—
5. (3-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени умершаго генералъ-маіора Дмитріева при Кронштадтской мужской гимназіи	13
6. (13-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи полковника Іосифа Михайловича Назарова при Новочеркасской гимназіи и въ Харьковскомъ университетѣ	30
7. (14-го августа 1882 г.). Уставъ издательскаго Общества	

при Высочайше учрежденной постоянной комиссiи по устройству народныхъ чтенiй въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ	31
8. (18-го августа 1882 г.). Положенiе о прѣмiи имени на-дворнаго совѣтника Густава Матвѣевича Блумберга при пригото-вительныхъ классахъ Дерптской гимназiи	33
9. (20-го августа 1882 г.). Уставъ эпидемиологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, съ институтомъ для изученiя инфекционныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемiй и эндемiй	—
10. (31-го августа 1882 г.). Правила для стипендiи имени коллежскаго ассесора Ефима Андреевича Велигорскаго, учрежденной въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	36
11. (8-го сентября 1882 г.). Положенiе о стипендiяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Андреевича Буха	37

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ.

27-го iюля 1882 года (№ 10)	29
7-го сентября 1882 года (№ 11)	39

ОПРЕДѢЛЕНIЯ УЧБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ.

О книгѣ: „Учебникъ естествознанiя“ для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Ботаника. Сост. В. Э. Иверсенъ.	18
О книгѣ: „Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systematique de lecture, de conversation, d'orthographe de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures et moyennes, par Alphonse Rancу. 2-me partie	—
О книгахъ: „Этимологiя русскаго языка“ для низшихъ классовъ гимназiй (примѣнительно къ правописанiю). Составили А. Кирпичниковъ и Ѳ. Гиляровъ. Изд. 17-е, вновь пересмотрѣнное, и „Синтаксисъ русскаго языка“, примѣнительно къ правописавiю. Сост. А. Кирпичниковъ. Изд. 13-е, исправлен-ное и дополненное.	—
О книгѣ: „Наука о богослуженiи православной церкви“. Въ	

двухъ частяхъ. Сост. преподаватель Московской духовной семинаріи П. Лебедевъ.	19
О книгахъ: 1) „Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи“. Курсъ младшаго возраста, изложенный по преимуществу въ чертахъ эпизодическихъ и біографическихъ. Сост. Д. Иловайскій. Изд. 13-е. 2) „Руководство ко всеобщей исторіи“. Средній курсъ. Сост. Д. Иловайскій. Изд. 16-е, и 3) „Руководство къ русской исторіи“. Сост. Д. Иловайскій. Изданіе 22-е	—
О книгахъ: 1) „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій“. Сост. О. Кейзеръ, и 2) „Краткая нѣмецкая грамматика“. Сост. О. Кейзеръ. Часть I: Этимологія, часть II: Нѣмецкіе примѣры и русскія уираженія на правила этимологіи. Изд. 7-е	43
О книгѣ: „Земля“. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Сост. Ф. Ратцель.	—
О книгѣ: „Плоская тригонометрія“, для гимназій и реальныхъ училищъ. Сост. Г. Тиме.	—
О книгѣ: „Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten, von Brchme, Grieser und Masing“.	44
Объ изданіи: „Картинный учебный атласъ, примѣненный къ краткой отечественной географіи“. Сост. Я. Блюмбергъ. . .	—
О книгѣ: „Дополнительныя статьи алгебры“. Курсъ VII-го класса реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Сост. Я. Блюмбергъ. .	—

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Разказы изъ римской исторіи“. Сост. г-жею Бизлей.	19
О книгѣ: „Наталья, болгарская дочь“. Повѣсть Карамзина .	—
О книгѣ: „Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ“. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ	—
О книгѣ: „Св. Кирилль и Меѳодій, просвѣтителы Славянъ“. П. Рогова. Изд. второе	—
О книгѣ: „Боже! Царя Храни!“ Бесѣда съ православнымъ русскимъ народомъ. Изд. Православ. Вилен. Св. духов. братства. .	—
О книгѣ: „Анна“. Романъ для дѣтей. Сост. А. П. Анненскою.	20

О книгѣ: Пушкина. „Мѣдный Всадникъ“. Изд. подъ ред. Стоюнина. „Старики“ Погосского, изд. „Досугъ и Дѣло“ . . .	20
О книгѣ: „Книга для первоначальнаго чтенія“, въ народныхъ школахъ. Ч. I. Изд. 15. Сост. В. Водовозовымъ . . .	—
О книгѣ: „Механикъ-самоучка Иванъ Петровъ Кулибинъ“. Е. Ф. Николаевой	—
О книгѣ: „Краткія свѣдѣнія о насѣкомыхъ, наиболѣе вредящихъ русскому полеводству. Составл. I. А. Порчинскимъ . . .	—
О книгѣ: „Опытъ образцовъ систематическаго диктанта“. Составленъ комиссіею при Московской второй гимназіи. Изданіе 4-е	—
О брошюрѣ: „Школы и заразительныя болѣзни“. Статья Н. И. Григорьева	44
О книгахъ барона Н. А. Корфа: 1) „Первоначальное правописание“ и 2) „300 письменныхъ работъ“. Изд. Г. Ф. Павленковымъ.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ диктантовъ для городскихъ и сельскихъ училищъ“. Сост. П. Кошкарковымъ . . .	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первоначальные уроки русской грамматики“. Сост. В. А. Воскресенскимъ.	—
О брошюрахъ, изданныхъ постоянной комиссіею народныхъ чтеній: 1) Александръ I Благословенный. 2) Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. 3) Чтеніе для народа о Суворовѣ. С. Рождественскаго. 4) Разказы о Севастопольцахъ. А. И. Снопенева, и 5) Двѣнадцать мудрыхъ басень.	45
О книгѣ: „Лиса-Патрикѣвца, сказка-пѣсня“. Сост. А. Можаровскій. Изданіе 2-е съ перемѣнами	—
О книгѣ: руководство къ изученію письма, подъ заглавіемъ: „Чистописание и скорописание. Русскія прописи“. Изд. 2-е. Составленное И. Малиновскимъ	—
О книгахъ: 1) „Естественная исторія для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Сост. по Бауману. Изд. 9-е. 2) Вѣсѣда о природѣ“. Сост. П. Зобовъ. Изд. 9-е. 3) Наши богатыри“. Сост. А. Погосскій. 4) „Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ“. П. Фурмана. 5) „Какъ развивались наши понятія о глазѣ“, лекція д-ра Рейха.	—
О брошюрѣ: „Биографія замѣчательныхъ людей I. Джорджъ Вашингтонъ“. Сост. А. П. Мунтъ.	46

О книгѣ: „Какъ освободилась Русь изъ-подъ татарскаго ига въ 1840 году“	46
О книгѣ: «О нашихъ перелетныхъ птицахъ». Составленная Д. Кайгородовымъ.	—
О книгѣ: „Осмысленная грамотность“. А. И. Николаева.	—
О книгахъ: 1) „О леченіи дифтерита молокомъ“. Д-ра Карницкаго. 2) „Дифтеритъ и лѣченіе его домашними средствами“. И. С. Евсѣенко. 3) „Бесѣды о здоровьи и болѣзняхъ“. Д-ра Капустина. 4) „Сбереженіе здоровья“ (гигіена). 5) „Физическое развитіе въ школахъ“. Сост. П. Лесгафтъ.	—
Официальныя извѣщенія.	20 и 46

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О вліяніи германскаго и кельтическаго права на систему каръ и покаяній западной церкви. В. Сокольскаго.	1 и 286
Къ вопросу о древнихъ славянскихъ мягкихъ слогахъ въ прозновеніи и на письмѣ. А. Головачевского	29
Гербордова біографія Оттона Вамбергскаго. А. Петрова.	41
Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу „пересмотра“ вопроса о происхожденіи Гунновъ. Н. Веселовскаго.	90
Вопросъ о Кельтахъ. В. Васильевского.	103
Г. Н. Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Д. Анучина.	185
Изслѣдованія въ области русской грамматики. А. Соболевскаго. В. Качановскаго.	200
Илья Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ А. С. Архангельскаго. Д. К.	205
Новые журналы по народной словесности и мифологіи. А. Веселовскаго.	209
Занятіе Русскими Сибири. Е. Замысловскаго.	223
Обитатели каменистой Аравіи. А. Елисѣева	251
Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. В. Стасова.	312
Новыя изслѣдованія о буддизмѣ. И. Минаева	402
Причитанія Сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Д. Майкова.	415

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наши коммерческіе учебники. П. Колумбуса 1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Общество любителей древней письменности въ 1881 году.	1
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній.	22 и 86
Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ 1881 году.	61
Юбилей академика Я. К. Грота.	75
П. Я. Аристовъ. (Некрологъ)	109
Л. Боткинъ, французскій переводчикъ Беовульфа. (Некрологъ). А. В.	110

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Возрѣніе Еврипида на сословія и состоянія, внутреннюю и внѣшнюю политику Аѳинъ. Д. В—ва.	355 и 391
О раскопкахъ въ Олимпіи, Пергамѣ и южной Россіи. Э. Шульце.	378
Объяснительный словарь къ Запискамъ Цезаря о войнѣ Галльской, составленный для гимназій М. Блюсомъ. В. Канскаго.	423

[Faint, illegible text covering the majority of the page]

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государа Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фему и К^о*.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наследниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ *Фену* и К^о.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

„УКАЗКА“

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка. Сост. А. Радонежскій. Цѣна 50 к., продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Съ требованіями просятъ обращаться въ типогр. «Товар. Обществен. Польза», В. Подъяч., № 39.
къ В. И. Вишнякову.

Въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. Фену и К^о; братьевъ Салаевыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ можно получить:

1. Начальныя основанія прямолинейной тригонометрии, по порученію начальства Морскаго училища сост. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ четырьмя политипажками (Руководство это одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ). Изданіе 5-е. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., въсовыхъ за 2 ф.

2. Начальныя основанія сферической геометрии и сферической тригонометрии, по порученію начальства Морскаго Училища состав. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ тремя политипажками. Принято за руководство въ учебныхъ заведеніяхъ морскаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщ. (циркул. 7-го августа 1872 г.). Изданіе 3-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 75 коп., въсовыхъ за 1 ф.

3. Практическія упражненія въ геометрии, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вёкелю, Шпицу и друг., составл. А. Дмитріевымъ. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ:

Книга I — Планиметрия, заключающая въ себѣ 860 задачъ на построенія и 460 зад. на вычисленія. С.-Пб. 1875 г. Одобрено учебн. комит. при святѣйшемъ синодѣ, а также и учен. комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезное учебное пособие для гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособие это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1. Какъ учебный матеріалъ для изученія курса теоретической геометрии а) даетъ учащимся возможность испытать свои силы въ примѣненіи общихъ геометрическихъ истинъ къ частнымъ случаямъ, а чрезъ то способствуетъ развитію и укрѣпленію въ учащихся геометрическаго соображенія. б) Даетъ возможность, въ многочисленныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силъ и способностей каждою, разнообразя эти упражненія, какъ приложеніемъ арифметики, такъ и обобщеніемъ геометрическихъ результатовъ при помощи начальныхъ свѣдѣній изъ курса элементарной алгебры.

2) Учащіеся найдутъ въ этомъ собраніи задачъ обильныя, систематически расположенныя матеріалы для геометрическаго черченія, въ объѣмъ курсовъ IV и V классовъ реальныхъ училищъ. „Практическія упражненія въ геометріи“

даютъ возможность учащимся основательно усвоить себѣ столь необходимое для реалистовъ употребленіе циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при графическомъ рѣшеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будутъ способствовать развитію *техники геометрическаго черченія* (см. Учебные планы реальныхъ училищъ, утвержденныя г. министромъ народн. просв., 1872—1875 г.).

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, б) задачи о наибольшихъ и наименьшихъ (маxima и minima) для реальныхъ училищъ, и с) группу задачъ для окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна II книги, вмѣстѣ съ „Отвѣтами и рѣшеніями“,—80 к.

Обѣ книги „Практическія упражненія въ геометрію“ одобрены ученымъ комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезныя учебныя пособія; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ—у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Садаевыхъ.

Главныя склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К^о, противъ гостиннаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора, на Вас. Остр. по 12 линии, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродавцамъ обычная уступка; на число экз. свыше 100—по взаимному соглашенію.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ

РУКОВОДСТВО КЪ ЧИСТОПИСАНІЮ

по счету и по сѣтямъ, съ прописями русскими, латинско-французскими, нѣмецкими и греческими. Составилъ Г. И. Тороповъ, классный художникъ, преподаватель чистописанія и рисованія. Продается въ Петербургѣ у автора (адр. въ Спб. 3 гимназію) и въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Новаго Времени, Фену, Исакова, Вольфа, Попова и др., а въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Новаго Времени и Фену.

Цѣна 1 руб. (съ пересылкою, если выписывается отъ автора).

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

С.-Петербургъ,
Литейный пр. № 48.

Н. П. КАРБАСНИКОВА

Москва,
Можская, д. Бокъ.

Фирма принимает на себя: 1) доставку всевозможныхъ книгъ, учебныхъ пособій, вотъ и канцелярскихъ принадлежностей, по объявленнымъ книгопродавцами и издателями цѣнамъ; 2) составляетъ вновь библиотеки, общественныя и частныя, и пополняетъ, по возможности, существующія разрозненными томами сочиненій и нумерами журналовъ за прѣкшіе годы; 3) принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ, объявленнымъ редакціями.

Библиотекамъ, Земскимъ Управамъ, Гимназіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, а также и лицамъ, вошедшимъ въ постоянныя сношенія съ «Книжной торговлей Н. П. Карбасникова» и выписывающимъ книгъ на значительныя суммы, можетъ быть сдѣлана уступка, отъ 5 до 15 проц., смотря по книгамъ и суммѣ заказа.

Выписывающіе книги въ переплетахъ благоволятъ сообщать, въ какую цѣну они желаютъ имѣть переплеты. Учебный въ коленкоровой корешкѣ 10 коп.; учебный въ кожаномъ корешкѣ 15 коп.; библиотечный, можаный корешокъ съ красной сафьяной наклейкой, съ заголовкомъ книги, напечатаннымъ золотомъ, 25 коп.; полусафьянный 30 коп.; полушагреновый 50 к.; коленкоровый тисненый золотомъ отъ 75 к. и дороже.

По требованіямъ частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ нашей фирмѣ, книги высылаются только на наличныя деньги. На пересылку и упаковку просятъ прилагать приблизительно, смотря по разстоянію, отъ 10 до 15 проц. къ номинальной стоимости книгъ.

По официальнымъ требованіямъ земскихъ управъ, гимназій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, заказы могутъ быть исполняемы безъ приложенія денегъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы уплата по счету была произведена немедленно по полученіи книгъ и счета.

Безъ высылки денегъ впередъ, заказъ исполняется только въ томъ случаѣ, если сдѣланъ официально отъ имени казеннаго учрежденія; т. е. на бланкѣ, за № и съ подписью начальника или начальницы.

Единственная цѣль нашей фирмы—сдѣлать все возможное для того, чтобы требованія гг. иногородныхъ покупателей дѣйствительно исполнялись скоро и аккуратно, и мы надѣемся своею исправностью вызвать довѣріе со стороны гг. покупателей.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ

Новыя книги:

БАРАНОВЪ, А. директоръ Новоторжск. семинаріи.

Книга для чтенія, примѣнейная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по «Родному Слову» К. Ушинскаго. Въ текстѣ этой книги помѣщены рисунки, портреты, планы и географическія карты. Слб. 132 стр. ц. 45 коп. съ перес. 55 к.

Его же Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. Спб. ц. 25 к., съ перес. 35 к.

БУНАКОВЪ, Н. Двадцать большихъ стѣнныхъ таблицъ для обученія грамотѣ безъ книгъ. Класное пособие для народныхъ школъ, содержащее матеріалъ для чтенія и письма съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ и для начальныхъ упражненій въ правописаніи. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Его же. Азбука и уроки чтенія и письма. Новое 22-е исправленное и дополненное изданіе. Ц. 25 коп. съ перес. 35 к.

Примчаніе. Въ этомъ 22-мъ изданіи помѣщены прописи, оригиналы для рисованія по клеткамъ, наглядныя прописи въ картинкахъ и большое количество рисунковъ въ текстѣ.

Его же. «Первыя» книжка для чтенія послѣ Азбуки, съ большимъ количествомъ картинокъ и разнообразнымъ матеріаломъ для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

— Руководство для учителей къ обученію грамотѣ по звуковому способу. Новое 10-е изданіе, примѣненное къ новымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіямъ «Азбуки» и къ новой книжкѣ для чтенія тотчасъ послѣ Азбуки — «Первыя». Ц. 25 к.

— Новое 10-е изданіе первой части книги для чтенія «Въ Школѣ и Дома». Курсъ второго года обученія въ народной школѣ. Ц. 35 к. съ пер. 45 к.

Примчаніе. Въ этомъ 10-мъ изданіи помѣщено большое количество рисунковъ въ текстѣ.

— 8-е изданіе второй части книги для чтенія «Въ Школѣ и Дома». Курсъ третьяго года обученія въ народной школѣ. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

Примчаніе. Это 8-е изданіе представляетъ собой совершенно новую книгу, въ которой помѣщено 5 географическихъ картъ и 120 рисунковъ, большую часть исполненныхъ лучшими иностранными и русскими художниками и граверами: къ статьѣ «Робинзонъ» — 12 картинокъ, къ статьямъ по «Естественной Исторіи» — 57 рисунковъ, къ статьямъ по «Физикѣ» — 19 рисунковъ, къ статьямъ по «Отечественной Географіи» — 22 картинки и 5 картъ и къ статьямъ по «Отечественной Исторіи» — 10 портретовъ Государей.

— «Родной языкъ», какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Руководство для учителей и учительницъ народныхъ школъ къ преподаванію роднаго языка по новой книжкѣ «Первыя» и по вновь переизданной книгѣ для чтенія «Въ Школѣ и Дома». 7-е изданіе. Ц. 1 руб. съ пер. 1 р. 20 коп.

— Дневникъ начальной общеобразовательной школы. Подробное по урочное распредѣленіе занятій въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, по всемъ предметамъ обученія, съ указаніемъ руководствъ, учебныхъ пособій и самостоятельныхъ учебныхъ работъ. Ц. 1 руб. съ перес. 1 р. 20 к.

ВАДЕНЮКЪ, П. Е. Географическія очерки Россіи. Курсъ классовъ среднихъ учеб. завед., изложенный монографически. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 копѣекъ.

МИХАЙЛОВЪ. Краткая Отечественная Географія, составленная подъ редакціей преподавателя Географіи Ц. 60 к. Это сочиненіе одобрено Уч. Ком. Мин. Народ. Пров. какъ руководство для городскихъ учащихся.

Примѣчаніе. Въ «Краткой Отечественной Географіи» помѣщено 19 картъ, 4 плана важнѣйшихъ русскихъ городовъ и большая карта Европейской Россіи въ концѣ книги. Въ дополненіе къ этой книгѣ издавъ недавно «Картинный Учебный Атласъ», содержащій въ себѣ 184 картинки.

Картинный Учебный Атласъ, примѣненный къ «Краткой Отечественной Географіи», составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. Ц. 2 р. 50 к.

Примѣчаніе. Въ этомъ атласѣ помѣщено 184 картинки, большая часть которыхъ исполнена лучшими заграничными и русскими художниками и граверами: 1) Видъ городовъ, монастырей, деревень и вообще различныхъ жилищъ—21 картинка. 2) Замѣчательныя зданія, памятники, соборы и т. п.—13 картинокъ. 3) Главныя типы народовъ, живущихъ въ Россіи—29 картинокъ. 4) Различныя картинки, служащія для выясненія географическихъ понятій и для характеристикъ извѣстной мѣстности—52 картинки. 5) Наиболѣе распространенныя въ Россіи деревья и растенія—38 картинокъ. 6) Наиболѣе распространенныя въ Россіи животныя—28 картинокъ и 7) Земледѣльческія орудія и способы обработки земли—3 картинки.

И. ПОЛЕВОЙ. Объясненія къ «Картинному Учебному Атласу», примѣненному къ «Краткой Отечественной Географіи», составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. Ц. 40 к.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ

Пять книгъ.

Первая книга „Словаря“ вышла, и разсылается подписчикамъ.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 125-ти печатныхъ листовъ большаго формата, раздѣленныхъ на пять книгъ, такъ, что во всемъ „Словарь“ будетъ не менѣе 2000 страницъ, или 4000 столбцовъ. Подписная цѣна на всѣ пять книгъ „Словаря“: на обыкновенной бумагѣ восемь (8) рублей, на веленовой — двѣнадцать (12) рублей. Пересылка 2 р. 50 к.

Подписка принимается у издателя: Петра Андреевича Гильтебранда, С.-Петербургъ, Надеждинская, 36.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ X-я,
ОКТЯБРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. О подписи на «Русскую Старину» 1883 г., четырнадцатый годъ изданія.—II. Выселеніе горцевъ съ Кавказа. Исслѣдованіе. Главы V—IX. (Окончаніе)—III. Описаніе С.-Петербурга и Иромшлота въ 1710—1711 гг., составленное очевидцемъ Н. Г. Переводъ съ нѣмецкаго, изд. второе.—IV. Нъ исторіи масонства въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкой неизданной рукописи. (Окончаніе).—V. Русско-Турецкая война 1829 г.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, июль—сентябрь 1829 г.—VI. Ириней Нестеровичъ, архіепископъ Иркутскій въ дѣлѣ о его бунтѣ. въ 1831 г. (Окончаніе).—VII. Записки Софійи Мудряцовой, дочери короля Станислава Понятовскаго, 1784—1829 гг.—VIII. Порошжи: Семейныя воспоминанія.—IX. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ, 1858—1859 гг. Глава VI.—X. Матеріалы, очерки, замѣтки, Указъ Петра I о безчестныхъ словахъ 1700 г.—Памятникъ Петру I въ Петербургѣ, 1782 г.—Ив. Алексѣевичъ Балакиревъ—Дворцовое хозяйство императрицы Анны Ивановны.—Фабула о шутѣ-плутѣ.—Гр. А. Б. Бутурлинъ, 1701—1767 гг.—Гр. Аракчеевъ. въ 1812—1834 гг.—Скобелевы и проч. П. Д. Ф.

Приложеніе: Портретъ императрицы Анны Іоанновны, гелиографическій снимокъ съ современной гравюры, исполнилъ художникъ г. Скамонинъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ:

„Русская Старина“ выходитъ въ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія) ежемѣсячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, съ гравирован. портретами, съ пересылкою—**ДЕВЯТЬ РУБ.**

Открыта подписка на 1883-й годъ „Русская Старина“ въ 1883 г.—двѣнадцать книгъ, съ гравированными портретами, цѣна **ДЕВЯТЬ** рублей.

Подписка принимается для городскихъ подимщиковъ въ Спб., Больш. Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной бібліотеки, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ—на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г., 1880 г. (второе изданіе), изд. 1881 г. всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами русскихъ дѣятелей.

Цѣна каждаго изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

**Возрѣнія Еврипида на соеловіа и состоя-
нія, внутреннюю и вѣшнюю политику
Аѳинъ Д. Б—ва.**

Библиографія:

**Объяснительный словарь къ Запискамъ Цезаря о войнѣ
Галльской, составленный для гимназій М. Блю-
сомъ В. Канваго.**

Редакторъ Е. Феофановъ.

(Вышла 1-ю октября),

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогиче- ской и научной критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать, въ редакціи Журнала Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
□
1995**

3 2044 022 678 27

Digitized by Google

